

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ
В ЛИТВЕ И БЕЛОРУССИИ
В 1861-1862 ГГ

REVOLIUCINIS PAKILIMAS
LIETUVOJE IR BALTAŖUSIJOJE
1861-1862 M

РЭВАЛЮЦЫЙНЫ ПАДЪЕМ
У ЛІТВЕ І БЕЛАРУСІ
1861-1862 ГГ

RUCH REWOLUCYJNY
NA LITWIE I BIAŁORUSI
1861-1862 R

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА-1964

ВОССТАНИЕ 1863 ГОДА

МАТЕРИАЛЫ
И ДОКУМЕНТЫ

POWSTANIE STYCZNIOWE

MATERIAŁY
I DOKUMENTY

МОСКВА - WROCŁAW

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ СЕРИИ:

С. КЕНЕВИЧ, В. КОРОЛЮК, И. МИЛЛЕР, Ф. РАМОТОВСКАЯ,
Э. ХАЛИЧ, Л. ЯКОВЛЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ТОМА:

В. ДЬЯКОВ, В. ЖИГАЛОВ, Ю. ЖЮГЖДА, С. КЕНЕВИЧ,
С. ЛАЗУТКА, И. МИЛЛЕР, Е. РОЗАУСКАС, К. ШАБУНЯ

Текст к печати подготовили:

Л. Аржаева, С. Байкова, В. Бикулич, Н. Булдакова, М. Зараускайте,
Г. Киселев, Т. Леонтьева, О. Максимайтене, З. Тальвирская

VYRIAUSIOJI SERIJOS REDAKCIJA:

E. Haličius, L. Jakovlevas, S. Kenevičius,
V. Koroliukas, I. Mileris, F. Ramotowska

TOMO REDAKCINE KOLEGIJA:

V. Džakovas, S. Kenevičius, S. Lazutka, I. Mileris, E. Rozauskas,
K. Sabunia, V. Žigalovas, J. Žiugžda

Spraudai tekstą parengė:

L. Aržajeva, S. Baikova, V. Bikuličius, N. Buldakova, G. Kiseliovns.
T. Leontjeva, O. Maksimaitienė, Z. Talvirskaja, M. Zarauskaite

ГАЛОЎНАЯ РЭДАКЦЫЯ СЕРЫІ:

С. Кеневіч, У. Каралюк, І. Мілер, Ф. Раматоўская, Э. Халіч,
Л. Якаўлеў

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ ТОМА:

У. Дзьякаў, В. Жыгалаў, Ю. Жугжда, С. Кеневіч, С. Лазутка, І. Мілер,
Я. Разайскас, К. Шабуня

Тэкст да друку падрыхтавалі:

Л. Аржаева, С. Байкова, У. Вікуліч, Н. Булдакова, М. Зараўскайтэ,
Г. Кісялеў, Т. Ляонцьева, В. Максімайтэне, З. Тальвірская

KOMITET REDAKCYJNY SERII:

E. Halicz, L. Jakowlew, S. Kieniewicz, W. Koroluk, I. Miller,
F. Ramotowska

KOLEGIUM REDAKCYJNE TOMU:

W. Dżakow, S. Kieniewicz, S. Łazutka, I. Miller, E. Rozauskas,
K. Szabunia, W. Zygałow, J. Žiugžda

Do druku przygotowali:

L. Arżajewa, S. Baikowa, W. Bikulicz, N. Buldakowa, G. Kisielow,
T. Leontjeva, O. Maksimajtene, Z. Talwirska, M. Zarauskaite

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восстание 1863 г. и предшествовавшая ему революционная ситуация были в истории литовского и белорусского народов такими событиями, которые с неослабевающей силой привлекают к себе внимание последующих поколений.

Помещенные в данном томе документы характеризуют революционную ситуацию 1859—1862 гг. в Литве и Белоруссии, которая была составной частью революционной ситуации, сложившейся во всем Российском государстве.

В конце 50-х годов XIX в. вследствие кризиса барщинной системы хозяйства, усилившего нужду и бедствия народных масс, развернулась острая борьба между двумя основными классами феодального общества — помещиками и крестьянством. Уже к началу 1859 г. она достигла такой остроты, что царизм был принужден заявить о необходимости «освобождения» крестьян с земель. Но напряженность классовой борьбы не ослабевала. Если в первую четверть XIX в. в России ежегодно происходило в среднем более 11 волнений, а в 1826—1854 гг. — более 24 волнений, то в 1855—1860 гг. их было более 79¹. Это вынудило царское правительство 19 февраля 1861 г. издать манифест, упразднявший крепостное право. Несмотря на это, революционная ситуация в Российской империи в целом, а на ее окраинах (в том числе в Польше, Литве и Белоруссии) в особенности, обострялась. В. И. Ленин указывал, что в сложившихся тогда условиях «самый осторожный и трезвый политик должен был признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»².

И действительно, как обстановка в России, так и международное положение благоприятствовали перерастанию общероссийской революционной ситуации в открытое восстание. В Англии, Франции и Германии росло вширь и вглубь рабочее движение; итальянский народ героически боролся за освобождение, оказывая своим примером влияние на национально-освободительную борьбу других народов; в США разгора-

¹ Особенно усилилось крестьянское движение в последние дореформенные годы. В 1859 г. было отмечено 91 активное выступление крестьян, в 1860 г. — 126. Пассивное сопротивление оказывали крестьяне почти во всех имениях. (См. С. В. Токарев, О численности крестьянских выступлений в России в годы первой революционной ситуации. — Сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1963, стр. 180).

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 30.

лась гражданская война демократического Севера против рабовладельческого Юга.

В силу целого ряда причин Литва и Белоруссия наряду с Польшей занимали очень важное место в общероссийских революционных событиях конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. В свою очередь, общероссийская революционная ситуация создавала наиболее благоприятные условия для успеха борьбы польского, литовского, белорусского и других угнетенных народов против царизма и помещиков, за социальное и национальное освобождение.

В Литве и Белоруссии, как и во всей Российской империи, революционная ситуация возникла в условиях кризиса крепостнической системы хозяйства, особенно обострившегося после Крымской войны, когда в недрах феодального строя ускорилось развитие новых, капиталистических отношений.

Рост промышленности, городов и городского населения, развитие внешней торговли ежегодно увеличивали спрос на сельскохозяйственные продукты, и рутинное феодальное хозяйство не в состоянии было его удовлетворить. Это вело к резкому вздорожанию сельскохозяйственных продуктов. Некоторые помещики стали перестраивать свое хозяйство на капиталистический лад, приспосабливаясь к новым товарно-денежным отношениям. Однако многие не могли этого сделать, и их хозяйства приходили в упадок. Следствием всего этого было усиление эксплуатации крепостного населения, его обнищание, расслоение крепостной деревни.

В Литве и Белоруссии развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве имело ряд важных особенностей, порожденных причинами исторического, географического и экономического характера. Одной из особенностей сельского хозяйства этих областей накануне аграрной реформы было наличие индивидуальной формы крестьянского землепользования, возникшей в результате так называемой — волочной реформы, проведенной еще в XVI в. В конце 50-х годов XIX в. в связи с увеличением барской запашки происходило обезземеливание крепостных крестьян, в результате чего значительно увеличилась и без того относительно большая масса малоземельного и безземельного крестьянства, особенно в Ковенской губ.

Установленные в 1844 г. царским правительством «обязательные инвентари» не помешали росту эксплуатации крестьянства. Накануне реформы помещики отбирали земли, в первую очередь у так называемых вольных людей. Положение крестьянства литовских и белорусских губерний стало невыносимым.

К концу 50-х годов в Литве и Белоруссии произошло «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов»³, т. е. имелся один из важнейших указанных В. И. Лениным признаков революционной ситуации. Это сильно активизировало выступления крепостных крестьян — главной революционной силы в то время.

Крестьянское движение перед реформой прежде всего было направлено против обезземеливания. Происходили многочисленные выступления «вольных людей», согнанных помещиками с земли (самое крупное из них — в Тельшевском у. Ковенской губ.). Такие выступления имели

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 218.

место и в других губерниях Литвы и Белоруссии⁴. В годы революционной ситуации распространились также такие формы крестьянского протеста, как поджоги имений и самовольный уход на строительство железных дорог и на фабрично-заводские предприятия.

Вообще крестьянские волнения в Литве и Белоруссии накануне реформы, как и во всей Российской империи, хотя и не пошли дальше разрозненных локальных «бунтов», но охватили значительное количество имений и, несомненно, содействовали ускорению появления царского манифеста и местных положений 19 февраля 1861 года.

Важную роль в крестьянской борьбе по всей России играло так называемое трезвенное движение — антикрепостническое и антиправительственное по своему содержанию. В нем выразился стихийный протест народных масс против крепостнических винных откупов (см. док. 1 и 179 в этом сборнике). Русские революционные демократы придавали большое значение этому движению⁵. Среди литовских и белорусских крестьян оно имело много сторонников. В Литве и в некоторой части Западной Белоруссии католическому духовенству удалось подчинить его своему влиянию, придать ему религиозный характер, но и здесь это движение сыграло важную роль в борьбе крестьян против помещиков и царизма.

Крестьянство Литвы и Белоруссии, как и всей России, встретило царский манифест и грабительские местные положения с большим недоверием, а во многих местах — враждебно (см. док. 38, 139 и др.). Интересным в этом отношении является рапорт исправника Россиенского у. ковенскому губернатору, в котором сообщается о решительном отказе крестьян исполнять барщинные повинности, причем крестьяне открыто объявили, что они никому не верят, «потому что все, не исключая и епископа, подкуплены помещиками»⁶. Крестьянские волнения начались буквально через несколько дней после объявления манифеста и с неослабевающей силой продолжались вплоть до июня-июля 1861 г. В советской исторической литературе время с середины марта до июля 1861 г. выделяется как первый период пореформенного крестьянского движения; в это время волнениями были охвачены многие уезды Виленской (док. 75—77; 79—81, 84, 86), Ковенской (док. 139—142, 144, 146, 150), Гродненской (док. 207), Минской и других губерний (док. 266, 269, 299—303, 320).

Наиболее крупным было волнение в имении Ивье Ошмянского у. Виленской губ. Вскоре оно захватило не только другие имения этого уезда, но и соседние уезды Виленской губ., а также Новогрудский у. Минской губ. Среди крестьян распространился слух, что не принявшие участия в этом движении потеряют право на получение земли, и выступило около 10 тысяч человек. Крестьяне действовали очень соли-

⁴ В Виленской и Ковенской губ. с 1857 г. до объявления манифеста (середина марта 1861 г.) крестьянские волнения произошли в 88 имениях (С. А. Лазутка. Революционная ситуация в Литве 1859—1862 гг. М., 1961, стр. 93).

⁵ См. док. 1, а также Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V. М., 1950, стр. 318—338, 571—576, 670—686. А. И. Герцен часто помещал в «Колоколе» корреспонденции из России и западных губерний о трезвенном движении (см. «Колокол», вып. II. М., 1962, стр. 364—365, 382, 430, 454—455; вып. III, стр. 633—636, 646—648; вып. IV, стр. 912).

⁶ См. ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 13990, л. 11.

дарно, и властям удалось подавить это выступление только с помощью войск (см. док. 38) ⁷.

В Ковенской губ. центром крестьянского движения в первый после-реформенный период было имение Лабгиры; все расширяясь, это движение в очень короткий срок распространилось на 12 соседних имений; и в нем участвовало около 10 тысяч крестьян. Флигель-адъютант Мантей и полковник Скворцов с помощью войск жестоко подавили это выступление (док. 140).

В крестьянском движении этого периода важную роль сыграли так называемые подстрекатели из разночинцев, солдат и самих крестьян, «превратно» толковавшие царскую реформу (док. 81, 91, 146) ⁸.

Крестьянские выступления в Литве и Белоруссии в первый пореформенный период явились результатом вырвавшегося наружу бурного протеста крепостного крестьянства против грабительских условий реформы, сохранявшей все инвентарные повинности и по существу почти не изменившей крепостнические порядки. Крестьянство Литвы и Белоруссии, как и всей России, в этот период стремилось добиться немедленного прекращения всех повинностей в пользу помещиков. Крестьяне повсеместно объявляли, что не будут отбывать инвентарных повинностей, потому что инвентари отменены ⁹. По неполным данным, крестьянские волнения за первый пореформенный период произошли в 145 имениях Виленской и Ковенской губ. В белорусских губерниях за этот период было 311 крестьянских выступлений ¹⁰.

Второй период пореформенного крестьянского движения в Литве и Белоруссии следовало бы датировать примерно временем с июля до конца 1861 г., когда происходили выступления против создания царскими властями и помещиками волостей и выбора должностных лиц, а также против учреждения института мировых посредников. Такая направленность крестьянских выступлений была тогда основной и в большинстве российских губерний ¹¹. Это движение было очень упорным, продолжительным и разнообразным по формам борьбы (док. 91, 93, 98, 151, 155, 157, 173, 175, 176, 216, 226 и др.).

Третий период пореформенного крестьянского движения в Литве и Белоруссии охватывает весь 1862 г. и 1863 г. до начала восстания. В этот период борьба между крестьянством, с одной стороны, и помещиками и царскими властями — с другой, развертывалась вокруг вопроса о принятии уставных грамот. Грамоты закрепляли недавние захваты крестьянской земли, произведенные помещиками, и крестьяне не хотели с ними мириться. Сопrotивление крестьян принятию грамот приобрело

⁷ См. также «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.). Документы и материалы», Минск, 1959, стр. 67—70 и др.

⁸ В Белостокском у. некоторые крестьянские агитаторы были связаны с партией красных (см. Fr. Bilgorajski. Pamiętniki o sprawie chłopskiej w 1863 r. Wrocław, 1956, str. 26—28).

⁹ «Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы. 1861—1862 гг.», М.—Л., 1950, стр. 8—9.

¹⁰ С. А. Лазутка. Указ. соч., стр. 137; М. Б. Фридман. Крестьянское движение в Белоруссии в годы революционной ситуации. — «Революционная ситуация в России в 1858—1861 гг.», М., 1963, стр. 265—266.

¹¹ М. Е. Найденов. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.). М., 1955, стр. 165—215.

в Литве и Белоруссии еще более острые формы, чем в других губерниях Российской империи. Жандармский офицер А. М. Лосев доносил кн. В. А. Долгорукову 30 июля 1862 г., что «...в Виленской губ. до сих пор между помещиками и крестьянами добровольных соглашений не было и не предвидится» (док. 125). До конца 1862 г. в Виленской губ. подписало уставные грамоты только 9,67% крестьян, в Ковенской — 6,04%, в Гродненской — 3,81%, в Минской — 0,16%¹².

Помещики и царские власти начали вводить уставные грамоты с помощью военной силы, что вызвало массовые крестьянские выступления. Они охватили значительную часть Литвы и Белоруссии (док. 36, 122, 126, 131, 180—183, 185, 189, 230, 232, 312, 329).

Борьба крестьян против введения уставных грамот, против крепостнических условий освобождения достигла наибольшей остроты в последние месяцы в 1862 г. и в начале 1863 г. Она охватила большинство уездов Ковенской губ., некоторые уезды Виленской, Гродненской, Минской и других губерний¹³. Крестьяне Судейской вол. Вилкомирского у., где летом и осенью 1862 г. происходили бурные волнения, в феврале 1863 г. совместно с крестьянами всех сельских обществ соседней Вижунской вол. решительно отказались от исполнения повинностей, установленных в уставных грамотах, и от повиновения «законным властям» (док. 193). С таким же отказом выступали крестьяне и в других уездах и губерниях.

Классовая борьба, которую вело крестьянство против помещиков и которая подавлялась при помощи полиции и войск, обращалась все в большей степени против царской системы управления. Крестьяне из государственных имений (особенно крупных в Ковенской губ.) добивались, чтобы и им было предоставлено право выкупа земли. Отказы от несения барщины и оброка сопровождались отказом от уплаты податей, а когда в конце 1862 г. после шестилетнего перерыва царское правительство объявило новый рекрутский набор, во многих уездах Литвы крестьяне стали убегать в леса, создавая вооруженные отряды (док. 196—202).

* * *

Стихийное крестьянское движение в Литве и Белоруссии, как и в России, не было освещено политическим сознанием. Однако оно имело своих идеологов, стремившихся просветить, разбудить, поднять забитое и придавленное веками рабства крепостное крестьянство на открытую борьбу против царизма и помещиков. Выразителями и защитниками интересов крестьянства, а также трудящихся масс города, были революционные демократы, во главе которых стоял Н. Г. Чернышевский¹⁴. В начале 60-х годов в Литве и Белоруссии имел широкое хождение «Колокол» и русские революционно-демократические воззвания «Молодая Россия», «Великорус», «Что надо делать войску?» и др. (док. 43, 108, 115, 118, 120, 121, 123, 195, 233, 243, 316 и др.). В Виленской и Грод-

¹² «Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы. 1861—1862 гг.», стр. 287.

¹³ В течение 1862 г. крестьянские волнения произошли более чем в 62 имениях Ковенской губ. (С. А. Лазутка. Указ. соч., стр. 137). В белорусских губерниях, включая часть Виленской, — 152 выступления (М. Б. Фридман. Указ. соч., стр. 271).

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174.

ненской губ. в эти годы развернул энергичную агитацию замечательный белорусский революционер К. Калиновский, один из руководителей восстания в Литве и Белоруссии. К. Калиновский вместе с В. Врублевским и другими революционерами в июне 1862 г. начал издавать нелегальную газету на белорусском языке под названием «Мужицкая правда», призывая крестьян к восстанию против царизма и помещиков (док. 48—53). «Мужицкая правда» сыграла важную роль в подготовке к восстанию крестьян Литвы и Белоруссии (док. 130, 135, 240, 248, 249, 256, 258, 259, 318 и др.).

Один из наиболее выдающихся деятелей восстания 1863 г. в Ковенской губ. литовский революционный демократ А. Мацкявичюс на протяжении своей более чем десятилетней революционной деятельности страстно разоблачал ужасы крепостного права и невыносимое положение крестьянства, стремился объяснить народу, что причиной всех его бед являются помещики и царизм, что придет время, когда восставший народ освободится (док. 63, 203). Он верил, что революция в Литве с помощью прогрессивных сил России и Польши победит и сможет завоевать для народа гражданские права и «бесплатный надел земли, который мог бы возвысить народ»¹⁵ и, раньше или позже, помог бы ему решить судьбу своей родины в будущем.

Константин Калиновский, Людвик Звездовский и их соратники создали к лету 1862 г. в Вильно подпольный революционный Комитет движения (впоследствии он назывался также Литовским провинциальным комитетом), имевший целую сеть местных организаций (док. 54, 55, 59). Комитет движения сыграл немалую роль в сплочении революционных сил Литвы и Белоруссии, в подготовке к восстанию (док. 65, 66).

Большое влияние в период революционной ситуации имела деятельность студенческой и офицерской молодежи во многих городах России, особенно в Петербурге, где многие революционеры — выходцы из западных губерний и Царства Польского входили в Петербургскую офицерскую организацию, действовавшую в непосредственной связи с русскими революционными демократами, а с момента возникновения «Земли и Воли» — в тесном контакте с ней. Среди вдохновителей и создателей Петербургской офицерской организации был выдающийся польский революционер, один из руководителей восстания в Литве, близкий друг Н. Г. Чернышевского Зыгмунт Сераковский. Из этой организации вышли руководители повстанческих отрядов в Литве и Белоруссии: Людвик Звездовский, Ян и Винцентий Козелл-Поклевские, Игнаций и Станислав Лясковские, Мельхиор Чижик и др.¹⁶

* * *

Наряду с крестьянством движущей силой восстания являлись городские низы (рабочие мануфактур, ремесленники, железнодорожные служащие, мелкие чиновники, торговцы и т. д.), а также безземельная неимущая шляхта, положение которой фактически не отличалось от положения крестьян или городской бедноты. Безземельная и малоземельная шляхта подвергалась преследованиям со стороны правительства,

¹⁵ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 219, д. 121, л. 25.

¹⁶ Подробнее о Петербургской офицерской организации см. «Русско-польские революционные связи», т. 1, М., 1963, стр. 197—352.

которое ставило под сомнение ее сословные привилегии и стремилось приравнять ее к крестьянству. Эта часть шляхты страдала от эксплуатации со стороны имущих классов и испытывала многие тяготы феодально-крепостнического строя. Всем этим и объясняется активность мелкой шляхты в антиправительственных выступлениях. Однако ни городские низы, ни деклассировавшаяся шляхта не имели своей собственной политической программы. Объективно наиболее полным и последовательным выразителем их интересов были революционные демократы; но в силу ряда причин значительная часть мелкой шляхты и городской бедноты подпала под влияние либеральной шляхетской идеологии.

На положение в Литве и Белоруссии оказало определенное воздействие обострение классовых противоречий и подъем национально-освободительного движения в Польше, где в начале 60-х годов XIX в. широкие массы крестьянства и городской бедноты активно боролись за аграрные преобразования, за социальные реформы, за национальную независимость. К ним примкнула мелкая разорившаяся шляхта. В той или иной мере это движение поддерживали средние слои буржуазии и шляхетского сословия. Из всех этих общественных слоев к осени 1861 г. в Королевстве Польском сформировалась революционная партия, начавшая подготовку к вооруженному восстанию. Ее сторонников называли «красными».

Мировоззрение деятелей левого крыла партии красных сформировалось под воздействием крестьянского движения в Польше и России, революционного подъема в Западной Европе и под идейным влиянием русских революционных демократов. Левые красные стояли на революционно-демократических позициях, позициях защиты интересов польских народных масс. Стефан Бобровский, Бронислав Шварце, Ярослав Домбровский, Зыгмунт Падлевский и др. разделяли взгляды своих друзей и соратников, действовавших в Литве и Белоруссии — Зыгмунта Сераковского, Людвика Звездовского, Валерия Врублевского и др., которые, как и русские революционные демократы, требовали, чтобы было ликвидировано помещичье землевладение, чтобы земля была отдана крестьянам в собственность без всякого выкупа. Польские революционные демократы, как и их соратники в России, в том числе в Литве и Белоруссии, признавали за населением Литвы, Белоруссии и Украины право самостоятельно решить вопрос о судьбе своей родины.

Правое крыло партии красных не было свободным от националистических взглядов. Его лидеры высказывались за восстановление Польши в границах 1772 г., за обязательное присоединение к ней литовских, белорусских и некоторых украинских земель. Эта часть партии красных избегала сотрудничества с русскими революционными силами; правые красные признавали право крестьян на ту землю, которую они обрабатывали, но считали, что помещикам за эту землю должно заплатить государство.

Польские либеральные помещики и растущая промышленная буржуазия боялись аграрной революции, боялись крестьянского движения. Они были противниками революционных методов борьбы, однако и они не были против освобождения от царизма. Из представителей этих общественных кругов сформировалась так называемая партия белых. Часть белых пыталась добиться «автономии» и уступок от царизма

мирным путем, а другая часть этой партии рассчитывала на восстановление Польши в границах 1772 г. с помощью правительства Франции и Англии. Вынужденные обстоятельства примкнуть к начавшемуся против их воли восстанию, белые всячески старались уменьшить его размах и приглушить его социальное звучание.

Русские революционные демократы последовательно защищали право Польши и польского народа на самоопределение, поддерживали польское национально-освободительное движение, но критиковали программу красных по аграрному и национальному вопросам. «Если в России,— говорил А. И. Герцен представителям руководства польского национально-освободительного движения,— на вашем знамени не увидят: *надел земли и волю провинциям*, то наше сочувствие вам не принесет никакой пользы...»¹⁷

Политическое движение, которое охватило Королевство (Царство) Польское, начиная с февраля 1861 г. отозвалось в Литве и Белоруссии. Местное польское население остро реагировало на события в Варшаве и действовало по этому образцу: устраивались панихиды по погибшим при расстреле демонстрации в Варшаве, в костелах пели патриотические гимны, многие женщины носили национальный траур. Польские помещики, сосредоточившие в своих руках значительную часть крупной земельной собственности в Литве и Белоруссии, старались следовать примеру лагеря белых в Польше. Повстанческим планам эти помещики противопоставляли проекты «органической работы»: основание земледельческих товариществ, банков, научных центров и т. д. Они выступали с требованием о присоединении литовских и белорусских губерний к Королевству Польскому, не считаясь с национальными стремлениями большей части жителей этого края. Беднейшая часть польского населения в Литве и Белоруссии — деклассировавшаяся шляхта, городская беднота и демократическая интеллигенция поддерживали программу красных и включились в подготовку восстания в тесном союзе с революционно-демократическим лагерем в России.

Оживление общественного движения в 1861—1862 гг. не прошло бесследно для развития национального самосознания и активности литовцев и белорусов. Конфликт крестьянских масс с польскими землевладельцами, а также антагонизм с царским правительством пробуждали в этих массах стремление к свободному национальному развитию (школьное обучение на родном языке, передача управления местной администрации). Немалую роль играл и фактор вероисповедания (в Литве — католицизм, среди некоторой части населения Белоруссии были живы еще воспоминания об униатской церкви, упраздненной в 1839 г.).

Мацквичюс, Калиновский и их соратники мечтали, участвуя в борьбе, начатой против царизма польским народом, рука об руку с русской революционной демократией завоевать своим народам условия для самостоятельного развития. В поддержку этой идеи на страницах эмигрантской печати в начале 60-х годов выступил М. Акелайтис.

Национально-освободительные идеи выразились в так называемом манифестационном движении, распространившемся в Литве и Белорус-

¹⁷ А. И. Герцен. Сочинения, т. XI. М., 1957, стр. 371.

сии в 1861 г. В этом движении приняла участие городская беднота, мелкие чиновники и торговцы, революционно настроенные учащиеся и студенты.

Эти массовые выступления, на которых сказывалось влияние лозунгов польского национального движения, по значению и методам действий выходили за пределы умеренно либерального движения. Зачастую они заканчивались столкновениями с полицией и войсками.

После расстрела манифестации в Варшаве в феврале и апреле 1861 г. движение в городах Литвы и Белоруссии достигло большого размаха и вылилось в открытые антиправительственные религиозно-политические демонстрации и манифестации (док. 5, 7, 74, 138, 204—205, 265, 298, 319). Летом 1861 г. манифестанты вышли на улицу. Самыми крупными были выступления 31 июля в Ковно (док. 158, 159, 161), 6 августа в Вильно (док. 96, 97) и 14 августа в Гродно (док. 218). Манифестации были очень многочисленны (в некоторых участвовало до 5 тысяч человек), носили острый антиправительственный характер и нередко разгонялись с помощью войск, как это было в Вильно. Политические антиправительственные демонстрации и манифестации 1861 г. в Литве и Белоруссии вызвали глубокое сочувствие во всем прогрессивном русском обществе. Это движение продолжалось вплоть до восстания (док. 127, 129, 192, 242, 288, 291, 292), переплетаясь с массовыми волнениями крестьян. Манифестационное движение было одним из проявлений революционной ситуации в Литве и Белоруссии. В это же время активизировалась деятельность революционных кружков, развернувших пропаганду среди ремесленников, учащихся и других слоев городского населения. Возникновение этих кружков нужно отнести к 1858—1860 гг. Одним из них был так называемый кружок Витковского в Вильно, проводивший антиправительственную пропаганду в духе польского национально-освободительного движения среди ремесленников сафьяновых мастерских и учащихся (док. 70—73). Довольно активно действовало общество «Пёнтковичи», преимущественно шляхетское по составу (док. 35, 109—113). Это общество издавало свой журнал «Jedność» («Единство») (док. 42, 43), распространяло воззвания (док. 119), пыталось руководить стихийными массовыми манифестациями. Однако оно имело умеренные цели: сбор пожертвований в пользу участников «беспорядков», происходивших в Западном крае, устройство библиотек, распространение нелегальной литературы, учреждение клубов, «примирение» крепостного крестьянства с помещиками, привлечение в организацию новых членов.

Большинство либеральной шляхты Литвы и Белоруссии, хотя и боялось чрезмерного размаха манифестаций, прямо или косвенно приняло в них участие (док. 64, 74 и др.). Либеральная шляхта развернула оппозиционную деятельность по отношению к царскому правительству, используя институт мировых посредников (док. 162, 194 и др.), а также различного рода дворянские съезды и званые обеды — съезды дворян Северо-Западного края, происходившие в мае, октябре и ноябре 1862 г. в Вильно, съезд дворян Минской губ. 17 ноября 1862 г., во время которого помещики намеревались составить адрес царю с просьбой включить Минскую губ. в состав Королевства Польского (см. док. 294).

Манифестационное движение послужило сильным толчком, ускорившим образование подпольных комитетов и иных организаций (док. 65).

Процесс этот приходится в основном на 1862 г. Многие из этих организаций по целям и программе, а также по составу участников были аналогичны существовавшим в Польше и близко смыкались с польским национально-освободительным движением. В Литве и Белоруссии большинство дворянства и католического духовенства, оппозиционно настроенное к царизму, отрицательно относилось к выступлениям революционного крестьянства и городских низов. Они образовали правое крыло партии красных и партию белых, которые в социальном отношении не шли дальше отдельных улучшений крестьянского быта, а в национальном отношении требовали восстановления Речи Посполитой с включением в ее состав Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины (в границах 1772 г.). Как и в Королевстве Польском, сторонники вооруженного восстания в Литве и Белоруссии образовали партию красных; революционные демократы составляли левое крыло этой партии. Либеральные помещики, боясь, что участие народных масс в надвигающемся восстании может изменить его характер, стремились подчинить их своему влиянию. Таким образом, в Литве и Белоруссии, как и в Польше, партия белых выражала интересы помещиков, но ее оппозиция к царизму усиливала кризис верхов.

Партия красных, несмотря на чрезвычайную противоречивость стремлений входивших в нее группировок, в общем сыграла прогрессивную роль, и именно к ней применима та положительная оценка, которую дали классики марксизма-ленинизма польскому шляхетскому движению этого периода¹⁸.

Необходимо хотя бы кратко остановиться на позиции католического духовенства в Литве и Западной Белоруссии. Оно, как и шляхта, не было однородным. Незначительная часть низов католического духовенства, близких по происхождению и условиям жизни к народу, стояла на позициях революционного крестьянства. Эти ксендзы принимали активное участие в крестьянском движении, нередко выступая его вдохновителями. Однако большая часть низшего и среднего католического духовенства, поддерживая польское национально-освободительное движение, ограничивалась содействием манифестациям и т. п. Эта часть духовенства активно распространяла среди крестьянства Литвы и Белоруссии идеологию либеральной шляхты, проповедовала классовый мир между помещиками и крестьянством, убеждала крестьян совместно с помещиками заявлять протесты царизму. Определенная часть духовенства, примыкая к партии белых, участвовала в ее деятельности до начала восстания и иногда оказывала помощь повстанцам.

Наконец, значительная часть среднего католического духовенства, а также его верхи — епископы Виленской, Жемайтйской и других епархий — содействовали царским властям в подавлении крестьянского и вообще революционного движения (док. 145 и др.).

* * *

Стремясь подавить движение крестьян, городских низов и деклассировавшейся шляхты, поддержанное частью либеральных помещиков и духовенства, царское правительство встало на путь репрессий. 22 ав-

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 300.

густа 1861 г. в большинстве городов и уездов Виленского генерал-губернаторства было введено военное положение (док. 26). Сюда прислали новые воинские части. 8 августа 1861 г. был издан указ о создании в губернских городах западных губерний полицейских судов. Однако деятельность этих судов из-за оппозиционных настроений большинства их членов — либеральных помещиков и чиновников — не принесла правительству желаемых результатов.

Что касается политики правительства в отношении крестьянства, то хотя виленский ген.-губернатор В. И. Назимов пугал оппозиционно настроенных помещиков тем, что не будет посылать воинские команды на усмирение крестьянских волнений в их имениях, однако крестьянские выступления подавлялись властями с прежней жестокостью.

Репрессии царского правительства в отношении помещиков и католического духовенства вызвали протест даже у представителей аристократии и высшей церковной иерархии. Например, епископ Валанчюс в письме к ковенскому губернатору С. Ф. Хоминскому от 9 сентября 1861 г. просил, «чтобы чины полиции как в Ковно, так и в других городах вверенной мне епархии освободили костел от осады»¹⁹. Внутри правительства в то время еще существовали разногласия относительно способов укрепления власти: оно то требовало от местных властей усиления репрессий и отстраняло от должностей недостаточно решительных высших чиновников²⁰, то упрекало Назимова в излишней строгости. Это свидетельствовало о глубоком кризисе правительственной политики в так называемом Западном крае, особенно во второй период революционной ситуации, накануне восстания.

* * *

Настоящий том документальной серии «Восстание 1863 года» посвящен завершающему этапу революционной ситуации, сложившейся в Литве и Белоруссии в 1859—1862 гг. и имевшей ряд особенностей, благодаря которым она приобрела особую остроту и продолжительность и вылилась в 1863 г. в открытое вооруженное восстание.

В томе не публикуются, за единичными исключениями, документы, относящиеся к событиям до 1861 г. Этот период найдет отражение в специальных сборниках документов, которые готовятся в настоящее время к печати в Минске и Вильнюсе: «Белоруссия в эпоху феодализма» (т. IV) и «Крестьянское движение в Литве накануне отмены крепостного права».

В сборник включено несколько документов: показания Э. Заблочного, Я. Поклевского-Козелла и др., содержащих материалы не только о периоде кануна восстания, но и о самом восстании. Мы отказались от дробления таких материалов и, учитывая особую ценность сообщенных в них сведений для истории конспиративных организаций в 1862 г., публикуем их в настоящем томе.

Выявление документов для настоящего тома проводилось во всех государственных архивах, библиотеках и музеях нашей страны, распо-

¹⁹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 130, л. 4.

²⁰ В сентябре 1861 г. был переведен в Вологду ковенский губернатор С. Ф. Хоминский, в октябре того же года отстранен от должности гродненский губернатор И. А. Шпейер.

лагающих материалами по данной теме, а также в архивах и библиотеках Польской Народной Республики.

Большая и наиболее важная часть публикуемых в сборнике документов хранится в Центральном государственном историческом архиве Литовской ССР в Вильнюсе, Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР в Москве и Центральном государственном историческом архиве Белорусской ССР в Гродно.

Из фондов ЦГИА Литовской ССР наибольший интерес для раскрытия данной темы представляют материалы канцелярии генерал-губернатора, в политическом отделении которой имеются подлинные донесения губернаторов, а также другие документы, отражающие нарастание освободительного движения в Литве (исключая литовские уезды Августовской губ.) и Западной Белоруссии накануне восстания. Составители широко использовали также документы «Общего дела о политических беспорядках в западных губерниях и о мерах к подавлению оных» (ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, в пяти частях). Кроме того, привлечены дела «о политических беспорядках» по гор. Вильно (1861 г., д. 44), по Ковенской губ. (д. 102, в пяти частях), по Гродненской губ. (д. 80, в двух частях) и др. Из материалов общего отделения канцелярии в сборник включены главным образом документы по крестьянскому движению в период проведения реформы 19 февраля. Ряд важных дел за этот период учтено по оп. 121 ф. Канцелярии виленского генерал-губернатора. В частности, для показа крестьянского движения в Ковенской губ. были широко использованы документы д. 432.

При подготовке сборника тщательно изучены материалы штаба войск Виленского военного округа, Временного полевого аудиториата, следственных комиссий, военных начальников городов и уездов.

Подавляющее большинство выявленных документов относится к периоду восстания; они будут опубликованы в последующих сборниках серии, прежде всего в томе «Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии». В настоящий же том вошли документы, представляющие интерес для истории развития революционных организаций, манифестационного и крестьянского движения накануне восстания. В частности, изучение военно-судного дела Временного полевого аудиториата в Вильне «О С.-Петербургской революционной организации» (ф. 1248, оп. 2, д. 1839) позволило выявить интересные документы о деятельности виленской революционной организации и ее связях с петербургскими революционерами в период подготовки восстания. Весьма содержательно дело штаба войск ВВО, судного отделения «О бывшем студенте С.-Петербургского университета Иосифе Горчаке» (ф. 494, оп. 1, д. 89), документы которого свидетельствуют об огромном влиянии «Мужицкой правды» на крестьян Гродненской губ. В д. 121 этого же фонда о восьми повстанцах из отряда А. Трусова, захваченных в плен 30 апреля 1863 г. недалеко от Минска, содержатся важные документы о мировоззрении Трусова и его нелегальной деятельности в Минске перед восстанием.

Первостепенное значение имеют материалы III отделения с. е. и. в. канцелярии, хранящиеся в настоящее время в ЦГАОР СССР. В первой экспедиции III отделения отложились донесения начальника четвертого округа корпуса жандармов, в состав которого входили Литва, Белоруссия и Правобережная Украина, а также губернских жандармских

штаб-офицеров, уведомления генерал-губернатора, донесения агентов и другие документы о политических демонстрациях, распространении воззваний, революционной агитации, настроениях населения в Литве и Белоруссии накануне восстания. Уже весной 1861 г., с подъемом освободительного движения в Литве и Белоруссии, в первой экспедиции были заведены дела «О беспорядках в западных губерниях» (д. 303, 304); событиям в каждой отдельной губернии посвящалась особая часть. Но, разумеется, революционное движение в Литве и Белоруссии находит отражение и во многих других делах первой экспедиции. Кроме того, в сборнике использованы также документы секретного архива и четвертой экспедиции III отделения (из последней извлечено несколько документов о крестьянском движении).

В меньшей степени использованы материалы канцелярии министра внутренних дел (ЦГИА СССР в Ленинграде), так как они дают мало нового по сравнению с перечисленными материалами. В сборник включены некоторые документы по крестьянскому движению в период проведения реформы из хранящегося в ЦГИА СССР фонда Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу.

Весьма ценные материалы дали фонды губернаторов: ковенского (хранится в Государственном архиве Каунаса), виленского (ЦГИА Лит. ССР), гродненского (ЦГИА БССР, Гродно) и минского (Государственный архив Минской области). В них содержатся подлинные донесения непосредственных наблюдателей событий — представителей местных властей: исправников, полицмейстеров, приставов и т. д. В частности, только материалы ковенского губернатора позволяют во всей полноте проследить весьма своеобразное явление — вооруженное сопротивление литовских крестьян рекрутскому набору в декабре 1862 г. — январе 1863 г. В документах гродненского губернатора отражена картина распространения «Мужицкой правды» и других революционно-демократических изданий в Гродненской губ. накануне восстания (как известно, в этом отношении Гродненская губ. была на первом месте). Особенно много сведений об этом дает д. 1121 (оп. 22) фонда Канцелярии гродненского губернатора. Развитие освободительного движения в Минской губ. наиболее подробно отражено в д. 1405 (оп. 1) фонда Канцелярии минского губернатора, документы которого широко использовали составители.

Необходимо также отметить хранящиеся в ЦГИА Белорусской ССР (Гродно) материалы Гродненской военно-следственной комиссии по политическим делам, в особенности д. 41 (о гродненской революционной организации), документы которого дают возможность раскрыть некоторые стороны деятельности литовско-белорусской революционной организации накануне восстания, не отраженные в других материалах.

Некоторые документы почерпнуты составителями сборника из Партийного архива ЦК КП Белоруссии, Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР, Вильнюсского государственного историко-революционного музея, а также Национальной библиотеки в Варшаве и Польской библиотеки в Париже.

Разумеется, в сборник могла войти лишь небольшая часть всех выявленных материалов по истории революционного движения в Литве и Белоруссии накануне восстания 1863 г. Составителям и редакции

пришлось проделать большую работу по отбору наиболее характерных и содержательных документов для включения в сборник. Значительная нагрузка возложена на комментарию, в которых обобщаются данные из многих документов, не опубликованных в связи с ограниченным объемом сборника.

Спецификой материалов, отражающих эпоху 60-х годов, является их известная односторонность. В большинстве своем это документы царских властей, душивших освободительное движение. Они содержат интересный фактический материал, но зачастую дают неправильное освещение событий. В частности, царское правительство из политических соображений преднамеренно преувеличивало роль польских помещиков и католического духовенства в событиях 1861—1862 гг. и последующих лет в Литве и Белоруссии. Стремясь сыграть на национальных чувствах русского народа, царские власти склонны были квалифицировать как «польские происки» буквально все проявления революционного движения не только в Литве и Белоруссии, но и в самой России. Составители стремились привлечь как можно больше документов, вышедших из лагеря освободительного движения (газеты, воззвания, инструкции, письма, воспоминания, крестьянские жалобы и т. д.), но их сохранилось немного. В комментариях использованы и опубликованные мемуарные источники. При этом учитывалась необходимость критического отношения к документам, вышедшим из помещичье-оппозиционного лагеря или из среды шляхетских революционеров.

Сборник состоит из общего раздела, в котором сосредоточены документы, имеющие значение для всей территории Литвы и Белоруссии или для нескольких губерний, и шести погубернских разделов. Предполагалось включить в сборник еще и раздел по литовским уездам Августовской губ., однако документы, отражающие освободительное движение в этой части Литвы и хранившиеся в польских архивах, погибли в годы второй мировой войны. Несколько упоминаний о событиях в Августовской губ. читатель найдет в документах раздела по Ковенской губ., которая граничила с Августовской.

Подавляющее большинство документов, представленных в настоящем сборнике, публикуется впервые. Некоторая часть документов, хранящихся в настоящее время в ЦГИА Литовской ССР, была опубликована до революции в сборниках, издававшихся Муравьевским музеем в Вильне²¹. Однако эти публикации не выдерживают критики ни с точки зрения политической направленности, ни с точки зрения археографической техники. К тому же теперь они являются библиографической редкостью.

В советское время некоторые из публикуемых документов использовались в исторических статьях и монографиях. Из документальных публикаций примыкает непосредственно к теме настоящего сборника выпущенный несколько лет назад в Минске сборник документов и материалов по истории крестьянского движения в Белоруссии в период про-

²¹ «Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева», т. 1. Вильна, 1906; «Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края» («Виленский временник», кн. VI, ч. 1—переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 г. по май 1863 г.), Вильна, 1913.

ведения реформы²². Это дало возможность составителям ограничиться небольшим числом публикаций по данной теме в настоящем сборнике. Публиковавшиеся ранее документы снабжены указанием на издания, в которых они помещены (название издания указывается сразу вслед за легендой документа).

Археографическая обработка документов, в том числе иноязычных, произведена на основе «Правил издания исторических документов» (М., 1956).

Документы публикуются, как правило, полностью. В редких случаях опускались не относящиеся к теме части документа. Все опущенные места обозначаются отточиями и оговариваются в примечаниях. Заголовки документов, публикуемых в извлечениях, начинаются со слова «Из...». Без оговорок опущены угловые штампы с обозначением автора, даты и исходящего номера документа, а также обозначения адресата (эти элементы использовались при составлении редакционного заголовка).

Публикация текстов производится по новой орфографии, но с сохранением всех стилистических особенностей оригинала, характерных для эпохи и автора документа. В соответствии с действующими правилами уточнены пунктуация и написание прописных и строчных букв. В некоторых случаях исправлялась разбивка текста на абзацы. Неисправности текста, не имеющие смыслового значения (орфографические ошибки, явные описки и т. п.), устранялись без оговорок, а имеющие смысловое значение — с оговорками в подстрочных примечаниях. Все дополнения, внесенные в текст составителями (пропущенные автором предлоги, части слов и слова), берутся в квадратные скобки. При наличии в документе не вполне ясных слов и выражений, допускающих разные толкования, они оговариваются примечанием: «Так в тексте».

Ради экономии места в текст введены сокращения (см. список сокращений). Сокращения, уже имевшиеся в тексте документов, приведены в соответствие с принятыми для настоящего сборника.

Географические названия в тексте документов и в заголовках приводятся в их исторической форме. За основу взято официальное написание этих названий, принятое в то время. В географическом указателе, наряду со старыми, приводятся также соответствующие современные географические названия.

Документы публикуются на языке оригинала. Иноязычные тексты, помимо того, даются в переводе на русский язык.

За основу датировки документов принят старый стиль, применявшийся в то время в Белоруссии и большей части Литвы (в Августовской губ. применялся новый стиль). Если документ датирован по новому стилю, эта дата приводится в заголовке в скобках вслед за датой старого стиля. Даты, установленные составителями, обосновываются в подстрочных примечаниях.

При определении разновидности документов в заголовках составители исходили из классификации документов того времени. Наименования должностей авторов и адресатов в заголовках унифицированы,

²² «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)».

громоздкие названия должностей по возможности сокращены (например, вместо «гражданский губернатор», «начальник губерний» пишется «губернатор»). Должности наиболее часто встречающихся в заголовках высших чиновников при повторных упоминаниях не приводятся. Это касается виленского ген.-губернатора В. И. Назимова, главноуправляющего III отделением В. А. Долгорукова, министра внутренних дел П. А. Валуева и др.

Примечания самого документа печатаются внизу соответствующей страницы прямым шрифтом и обозначаются «звездочками». Текстологические примечания, сделанные составителями, печатаются внизу соответствующей страницы курсивом, а слова документа — прямым шрифтом без кавычек. Такие примечания обозначаются малыми литерами русского алфавита. Примечания по содержанию (реальный комментарий) печатаются после легенды документа курсивом и обозначаются арабскими цифрами. При подготовке текстов к печати составители расшифровывали имеющиеся на документах пометы и резолюции. Те из них, которые представляют интерес, публикуются или вслед за текстом документа или в текстологических примечаниях. В состав реального комментария не вводился, как правило, биографический материал об упоминаемых в документах лицах; соответствующие сведения помещены в аннотированном именном указателе.

В составлении сборника (окончательный отбор документов, подготовка текста к печати, комментирование) принимали участие следующие научные работники:

Общий раздел — В. Б. Бикулич (Центральный государственный исторический архив Литовской ССР), З. Я. Тальвирская (Институт славяноведения Академии наук СССР).

Виленская губ. — М. Ю. Зараускайте (Институт истории Академии наук Литовской ССР).

Ковенская губ. — О. И. Максимайтене (Институт истории Академии наук Литовской ССР).

Гродненская губ. — Л. В. Аржаева (Архивное управление при Совете Министров Белорусской ССР).

Минская губ. — Т. Е. Леонтьева (Государственный архив Минской области).

Витебская и Могилевская губ. — Н. И. Булдакова (Институт истории Академии наук Белорусской ССР).

Составлением разделов по Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губ. руководила С. М. Байкова (Институт истории Академии наук Белорусской ССР).

Помимо составителей, в выявлении документов в архивохранилищах Литовской ССР участвовала бригада научных сотрудников, в которую входили: Р. К. Батура, И. В. Добровольскас, Р. Ю. Страздунайте, Л. К. Труска (Институт истории Академии наук Литовской ССР); Л. А. Гецманас, Ю. Н. Крылов, Т. Б. Лухтан, В. П. Масилюнене, Н. А. Михайлова, В. П. Савицкий (ЦГИА Литовской ССР). Возглавлял бригаду В. Ю. Меркис (Институт истории Академии наук Литовской ССР), а впоследствии — В. Б. Бикулич.

В выявлении документов по архивам Белорусской ССР участвовали А. П. Грицкевич (Институт истории Академии наук Белорусской ССР); К. П. Батракова, В. Д. Борейкина, В. А. Киселева, Э. А. Моренко,

Л. П. Панова, Ф. Л. Храброва (ЦГИА Белорусской ССР в Гродно); В. П. Похвалов (ЦГИА Белорусской ССР в Могилеве); Т. А. Воробьева, И. В. Рошин, Д. Л. Шорохова (Государственный архив Минской области).

В хранилищах Москвы документы для сборника отобрала З. Я. Таль-вирская; в Литовской ССР — В. Б. Бикулич, М. Ю. Зараускайте и О. И. Максимайтене под руководством Г. В. Киселева (Архивное управление при Совете Министров Литовской ССР).

Перевод текстов с польского и литовского выполнен Г. К. Ордой (ЦГИА Литовской ССР) и Г. А. Фейгельсоном (Вильнюс), с белорусского — Г. В. Киселевым.

Редактирование археографической обработки документов произведено Г. В. Киселевым; он же подготовил археографическую часть предисловия.

*Ю. Жюжда
С. Лазутка*

PRATARMĖ

Lietuvių ir baltarusių tautų istorijoje 1863 m. sukilimas drauge su prieš tai išsivysčiusia revoliucine situacija yra toks įvykis, kuris tebe-traukia vis naujų kartų dėmesį.

Siame tome skelbiami dokumentai apibūdina 1859—1862 m. Lietuvoje ir Baltarusijoje susidariusią revoliucinę situaciją, kuri buvo visos Rusijos 1859—1861 m. revoliucinės situacijos sudėtinė dalis. Baudžiavinio ūkio krizė XIX a. 6-tojo dešimtmečio pabaigoje, padidinusi engiamųjų klasių skurdą ir vargus, sudarė pagrindą išsivystyti aštriai klasių kovai tarp dviejų pagrindinių feodalinės visuomenės klasių — dvarininkų ir valstiečių. Jau 1859 m. pradžioje klasių kova taip paaštrėjo, jog carizmas buvo priverstas atvirai pareikšti apie būtinumą «išlaisvinti» valstiečius, duodant jiems žemės. Bet ir tada baudžiauninkų valstiečių kova nesiliovė stiprėjusi. Jeigu, pvz., pirmajame XIX amž. ketvirtyje Rusijoje per metus vidutiniškai įvykdavo daugiau kaip 11 bruzdėjimų, o 1826—1854 m. — daugiau kaip 24 bruzdėjimai, tai 1855—1861 m. jų buvo jau daugiau kaip 79 per metus¹. Ši vis stiprėjanti valstiečių kova prieš dvarininkus privertė caro valdžią paskelbti 1861 metų vasario 19 d. manifestą, panaikinantį baudžiavą «iš viršaus». Nepaisant to, revoliucinė situacija visoje Rusijos imperijoje, o ypač jos pakraščiuose (Lenkijoje, Lietuvoje, Baltarusijoje) dar paaštrėjo.

Apibūdindamas revoliucinę situaciją šeštojo dešimtmečio pabaigoje ir septintojo dešimtmečio pradžioje, V. Leninas yra nurodęs, jog tokiomis sąlygomis «atsargiausias ir blaiviausias politikas būtų turėjęs pripažinti, kad revoliucinis sprogdymas yra visai galimas ir kad valstiečių sukilimas — labai rimtas pavojus»².

Ir iš tikrųjų, tiek situacija Rusijoje, tiek ir tarptautinė padėtis sudarė palankias aplinkybes visos Rusijos revoliucinei situacijai peraugti į atvirą sukilimą. Anglijoje, Prancūzijoje ir Vokietijoje plėtėsi ir gilėjo darbininkų judėjimas; už laisvę didvyriškai kovojo italų liaudis, savo pavyzdžiu veikdama kitų tautų nacionalinį išsivaduojamąjį judėjimą; įsiliepsnojo pilietiš-

¹ Ypač sustiprėjo valstiečių judėjimas paskutimaisiais ikireforminiais metais. 1859 m. buvo atžymėtas 91 aktyvus valstiečių išstojimas, 1860—126. Pasyviai priešinosi valstiečiai beveik visur, visuose dvaruose (С. В. Токарев. О численности крестьянских выступлений в России в годы революционной ситуации. — «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1963, стр. 180).

² V. I. Leninas. Raštai, t. 5. Vilnius, 1954, p. 27.

nis karas tarp demokratinės «Šiaurės» ir vergvaldiškųjų «Pietų» Jungtinėje Amerikos Valstijose.

Dėl visos eilės priežasčių Lietuvai ir Baltarusijai, o taip pat ir Lenkijai teko labai svarbi vieta XIX amž. šeštojo dešimtmečio pabaigos ir septintojo dešimtmečio pradžios Rusijos revoliuciniuose įvykiuose. Savo ruožtu Rusijoje susidariusi revoliucinė situacija sudarė ypač palankias sąlygas lenkams, lietuviams, baltarusiams ir kitoms pavergtoms tautoms kovoti prieš carizmą ir dvarininkus už savo socialinį ir nacionalinį išsivadavimą.

Lietuvoje ir Baltarusijoje, kaip ir visoje Rusijos imperijoje, revoliucinė situacija susidarė dėl baudžiavinio ūkio sistemos krizės, ypač paaštrėjusios po Krymo karo, dėl naujų kapitalistinių santykių vystymosi feodalinės santvarkos gelmėse, dėl pramonės, prekybos, miestų ir jų gyventojų augimo.

Augant pramonei, miestams ir plečiantis užsienio prekybai, kasmet didėjo žemės ūkio produktų paklausa, kurios nepajėgė patenkinti sustingęs ir inertiškas feodalinis ūkis. Dėl to smarkiai pabrango žemės ūkio produktai. Tokiomis sąlygomis kai kurie dvarininkai stengėsi kiek galint daugiau produktų realizuoti rinkoje, pertvarkyti savo ūkius naujais kapitalistiniais pagrindais, pritaikyti juos naujiems prekiniams — piniginiams santykiams. Tačiau žymi dvarininkų dalis nepajėgė prisitaikyti prie besigalinčių naujų kapitalistinių santykių, ir jų ūkiai smuko.

Dėl visa to dar labiau didėjo Lietuvos ir Baltarusijos baudžiauninkų išnaudojimas, jų nuskurdimas, baudžiavinio kaimo skaidymasis. Kapitalistinių santykių žemės ūkyje vystymąsi, baudžiauninkų valstiečių išnaudojimo augimą čia dar palaikė visa eilė svarbių istorinio, geografinio ir ekonominio pobūdžio ypatybių. Viena iš tokių ikireforminės Lietuvos ir Baltarusijos žemės ūkio ypatybių buvo dar XVI amž., vykdant vadinamąją «valakų» reformą, susidariusi tam tikra valstiečių žemės naudojimo forma, paremta tuo pat metu sudarytais inventoriais.

Yrant baudžiavinei ūkio sistemai, dvarininkai plačiai vykdė valstiečių nuvaramą nuo žemės; dėl to, baigiantis XIX amž. šeštajam dešimtmečiui, žymiai išaugo ir taip jau didelis mažžemių ir bežemių valstiečių skaičius, ypač Kauno gubernijoje.

1844 m. caro valdžios įvesti «privalomieji inventoriai» nesustabdė didėjančio valstiečių išnaudojimo. Ypač intensyviai reformos išvakarėse buvo varomi nuo žemės vadinamieji «laisvieji žmonės». Tuo būdu paskutiniaisiais ikireforminiais metais Lietuvos ir Baltarusijos gubernijose valstiečių padėtis darėsi nebeapkenčiama.

Šeštojo dešimtmečio pabaigoje Lietuvoje ir Baltarusijoje buvo «didesnis, negu paprastai, engiamųjų klasių skurdo ir vargų paaštrėjimas»³, o tai ir buvo vienas iš svarbiausių V. Lenino nurodytų revoliucinės situacijos požymių. Tai stipriai suaktyvino baudžiauninkų valstiečių išstojimus, o valstiečiai buvo varomoji revoliucinės situacijos jėga.

Tuo metu valstiečių judėjimas visų pirma buvo pasipriešinimas dvarininkams, nuvarantiems juos nuo žemės. Nuolat bruzdėjo «laisvieji žmonės», dvarininkų varomi nuo žemės. Reikšmingiausi «laisvųjų žmonių» išstojimai, atkreipę į save net caro valdžios dėmesį, vyko, pvz. stambiuose Kauno gubernijos Telšių apskrities dvaruose.

³ V. I. Leninas. Raštai, t. 21, p. 189.

Kova dėl žemės tarp valstiečių ir dvarininkų aštrėjo ir vienu metu vyko daugelyje Vilniaus, Kauno, Gardino, Minsko ir kt. gubernijų dvarų⁴.

Revoliucinės situacijos metu Lietuvoje ir Baltarusijoje paplito tokios valstiečių protesto formos, kaip dvarų padeginėjimas ir savavališkas išėjimas prie geležinkelio statybos darbų bei į fabrikinio — gamyklinio tipo įmones.

Apskritai, valstiečių bruzdėjimai reformos išvakarėse Lietuvoje ir Baltarusijoje, kaip ir visoje Rusijoje, pasireiškė tik atskirais vietiniais «maištais», bet jie apėmė žymų skaičių dvarų ir neabejojamai paspartino 1861 m. vasario 19 d. caro «manifesto» bei «vietinių nuostatų» pasirodymą.

Kaip visoje Rusijoje, taip ir čia svarbią vietą valstiečių judėjime užėmė priešbaudžiavinis ir priešvyriausybiniis savo turiniu vadinamasis blaivybės judėjimas, reiškęs gaivališką liaudies masių protestą prieš baudžiąvę degtinės monopoliją (žr. šio rinkinio dok. Nr. 1, 179). Blaivybės judėjimą aukštai vertino rusų revoliuciniai demokratai N. Černyševskis, N. Dobroliubovas⁵. Judėjimas plačiai paplito lietuvių ir baltarusių valstiečių tarpe. Lietuvoje ir tam tikroje Vakarų Baltarusijos dalyje katalikų dvasininkai stengėsi pajungti blaivybės judėjimą savo įtakai ir, nustelbę jo kovingumą, suteikti jam religinį ir tuo pačiu nuosaikų pobūdį. Bet ir čia šis judėjimas turėjo teigiamą reikšmę visos liaudies kovoje prieš carizmą ir dvarininkus.

Lietuvos ir Baltarusijos, kaip ir visos Rusijos, valstiečiai sutiko caro «manifestą» ir grobikiškuosius «vietinius nuostatus» su dideliu nepasitikėjimu, o vietomis tiesiog priešiška (dok. Nr. 38, 139 ir kt.). Valstiečiai netikėjo nei dvarininkams, nei caro fligeladjutantams, nei dvasininkams. Įdomus ta prasme Raseinių ispravniko raportas Kauno gubernatoriui, kuriame jis kalba apie tai, kad valstiečiai griežtai atsisako vykdyti baudžiąvines prievoles, atvirai pareikšdami, jog jie nieku nepasitiki, «nes visi, net ir vyskupas, esą dvarininkų papirkti»⁶.

Valstiečių judėjimai prasidėjo praslinkus keletui dienų po «manifesto» paskelbimo ir nesilpnėdami tęsėsi iki pat 1861 m. birželio — liepos mėn. Laiko tarpas nuo 1861 m. kovo vidurio iki birželio pabaigos mūsų istorinėje literatūroje teisigai išskiriamas kaip pirmas poreforminis valstiečių judėjimo laikotarpis. Tuo metu valstiečių judėjimas buvo apėmęs ištisas Vilniaus (dok. Nr. 75—77, 79—81, 84, 86), Kauno (dok. Nr. 139—142, 144, 146, 150), Gardino (dok. Nr. 207), Minsko (dok. Nr. 266—269), Vitebsko (dok. Nr. 299—303) ir Mogiliovo gubernijų (dok. Nr. 320) apskritis.

Ryšium su Vilniaus gubernijos Ašmenos apskrities Ivjės dvaro anti-feodالية valstiečių kova judėjimas apėmė ne tik tai kaimyninius Ašmenos apskrities, bet ir kitų gretimų Vilniaus gubernijos apskričių, o taip pat Minsko gubernijos Naugarduko apskrities dvarus. Į šį judėjimą įsitraukė iki 10 tūkstančių valstiečių, parodžiusių didelį solidarumą. Valstiečių tarpe buvo paskleisti gandai, kad tie, kurie nedalyvausią judėjime, neteksia

⁴ Pvz., Vilniaus ir Kauno gubernijose nuo 1857 m. iki «manifesto» paskelbimo (1861 m. kovo vidurio) valstiečių bruzdėjimų būta 88 dvaruose (C. A. Лазутка. Революционная ситуация в Литве 1859—1862 гг. М., 1961, стр. 93).

⁵ Žr. dok. 1; Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V. М., 1950, стр. 318—338, 571—576, 670—686, А. Герцenas «Koloкол» žurnale dažnai spausdino korespondencijas iš Rusijos, tame tarpe is vakarinių gubernijų apie blaivybės judėjimą («Koloкол» вып. II, М., 1962, стр. 364—365, 382, 430, 454—455; вып. III, стр. 633—636, 646—648; вып. IV, стр. 912).

⁶ Žr. KMVA, f. 50, ap. 1, 1861 m., b. 13 990, 1.11.

teisės gauti žemės. Užgniaužti valstiečių išstojimus valdžiai tepavyko su kariuomenės pagalba (dok. Nr. 38) ⁷.

Tuo metu Kauno gubernijoje valstiečių judėjimo centru vėl tapo Labgirių dvaras. Sis judėjimas, vis plisdamas, netrukus apėmė 12 kaimyninių dvarų ir apie 10 000 valstiečių. Atvykę su kariuomene fligeladjutantas Manziejus ir pulkininkas Skvorcovas žiauriai nuslopino valstiečių judėjimą (dok. Nr. 140).

Šio laikotarpio valstiečių judėjime svarbų vaidmenį atliko vadinamieji «kursytojai» iš nekilmingųjų inteligentų, kareivių ir pačių valstiečių tarpo, aiškinę carinę reformą «klaidinga prasme» (dok. Nr. 81, 91, 146 ir kt.) ⁸.

Valstiečių išstojimai Lietuvoje ir Baltarusijoje šiuo pirmuoju poreforminiu laikotarpiu buvo rezultatas audringai išsiveržusio baudžiauninkų valstiečių protesto prieš grobikiškas reformos sąlygas, reformos, kuri paliko visas senuose inventoriuose įrašytas prievoles ir iš esmės beveik nepakeitė senų baudžiauninkų santykių. Lietuvos ir Baltarusijos, kaip ir visos Rusijos, baudžiauninkai šiuo laikotarpiu siekė tuojau pat gauti laisvę, siekė, kad nedelsiant būtų panaikintos visos jų prievolės dvarininkui. Valstiečiai visur sakė, kad jie «nevykdys inventoriuose surašytų prievolių, nes inventoriai panaikinti» ⁹. Pavyzdžiui, Vilniaus ir Kauno gubernijose pirmuoju poreforminiu laikotarpiu, nepilnais duomenimis, valstiečių bruzdėjimai įvyko 145 dvaruose ¹⁰.

Antrąjį poreforminį valstiečių judėjimo laikotarpį Lietuvoje ir Baltarusijoje reikėtų datuoti apytikriai nuo birželio pabaigos — liepos pradžios iki 1861 m. pabaigos. Šiuo laikotarpiu valstiečiai reiškė griežtus protestus prieš caro valdžios ir dvarininkų kuriamus valsčius ir organizuojamus pareigūnų rinkimus, o taip pat prieš, «taikos tarpininkų» pareigybes įvedimą. Tokia valstiečių išstojimų forma tuo metu buvo pagrindinė ir daugelyje Rusijos gubernijų ¹¹. Sis judėjimas tęsėsi ilgai ir pasižymėjo ypatingu atkaklumu, įvairių kovos formų derinimu. Čia pirmąkart pasireiškė valstiečių bei miestų gyventojų solidarumas (dok. Nr. 91, 93, 98, 151, 155, 157, 173, 175, 176, 216, 226 ir kt.).

Trečiasis poreforminis valstiečių judėjimo laikotarpis Lietuvoje ir Baltarusijoje apėmė visus 1862 ir 1863 m. iki sukilimo pradžios. Kova tarp valstiečių, iš vienos pusės, ir dvarininkų bei caro valdžios, iš kitos, reiškėsi valstiečių atsisakinėjimu priimti «sutarčių raštus». Raštai sankcionavo neseniai dvarininkų įvykdytus valstiečių žemių užgrobimus, ir valstiečiai nenorėjo su jais sutikti. Lietuvoje ir Baltarusijoje, kaip ir visoje Rusijos valstybėje, valstiečiai griežtai priešinosi reformos įgyvendinimui ir «sutarčių raštų» įvedimui. Vilniaus gubernijos žandarų karininkas papulkininkis

⁷ Зг. «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.). Документы и материалы», Минск, 1959, стр. 67—70 и др.

⁸ Belostoko apskrityje kai kurie valstiečių agitatoriai palaikė ryšius su «raudonųjų» partija. Зг. Fr. Bilgorajski. Pamiętniki o sprawie chłopskiej w 1863 r. Wrocław, 1956, str. 26—28.

⁹ «Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861—1862 гг.». М.—Л., 1950, стр. 8—9.

¹⁰ С. А. Лазутка. Указ. соч., стр. 137. М. В. Fridman apskaičiavimu tuo laikotarpiu Baltarusijos visose gubernijose buvo 311 valstiečių išstojimų (М. В. Фридман. Крестьянское движение в Белоруссии в годы революционной ситуации — «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1963, стр. 265—266).

¹¹ М. Е. Найденов. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.). М., 1955, стр. 165—215.

Losevas savo pranešime kunigaikščiui Dolgorukovui 1862 m. liepos 30 d. rašė, jog «...Vilniaus gubernijoje iki šiol laisvanoriško susitarimo tarp dvarininkų ir valstiečių nebuvo ir nenumatoma, kad ateityje būtų» (dok. Nr. 125). Iki 1862 m. pabaigos Vilniaus gubernijoje «sutarčių raštus» pasirašė tik 9,67% valstiečių, Kauno — 6,04%, Gardino — 3,81%, Minsko — 0,16%¹².

Tokiomis sąlygomis dvarininkai ir caro valdžia nuo 1862 m. ėmė su karine jėga versti valstiečius sudarviti «sutarčių raštus», o tai savo ruožtu sukėlė masinį valstiečių pasipriešinimą, apėmusį žymią Lietuvos ir Baltarusijos dvarų dalį (dok. Nr. 36, 122, 126, 131, 180—183, 185, 189, 230, 232, 312, 329).

Ypač atkakli valstiečių kova prieš «sutarčių raštų» įvedimą ir baudžiavininkiškas «išlaisvinimo» sąlygas vyko paskutiniaisiais 1862 m. mėnesiais ir 1863 m. pradžioje. Daugelyje Kauno gubernijos¹³ ir kai kuriose Vilniaus, Gardino, Minsko ir kitų gubernijų apskrityse ji pasidarė ypač aštri. Antai, Ukmergės apskrities Sudeikių valsčiuje, kur 1862 m. vasarą ir rudenį vyko audringi bruzdėjimai, valstiečiai 1863 m. vasario mėn. drauge su kaimyninio Vyžuonų valsčiaus valstiečiais griežtai atsisakė vykdyti «sutarčių raštų» nustatytas prievoles ir «paklusti teisėtai valdžiai» (dok. Nr. 193). Taip pat elgėsi ir kitų apskričių bei gubernijų valstiečiai.

Klasių kova, vykusi tarp valstiečių ir dvarininkų ir slopinama policijos bei kariuomenės jėgomis, vis labiau buvo nukreipiama prieš carinę valdymo sistemą. Valstybinių dvarų valstiečiai (ypač stambiuose Kauno gubernijos dvaruose) kovojo, kad jiems būtų suteikta teisė išpirkti žemę. Atsisakydami eiti į lažą ir duoti činšą, valstiečiai nebemokėjo ir mokesčių.

1862 m. pabaigoje, kai po 6 metų pertraukos caro valdžia paskelbė naują rekrūtų ėmimą, daugelio Lietuvos apskričių valstiečiai pradėjo bėgti į miškus, sudarydami ginkluotus būrius (dok. Nr. 196—202).

* * *

Gaivališko valstiečių judėjimo Lietuvoje ir Baltarusijoje, kaip ir Rusijoje, šiuo metu dar nebuvo nušvietusi politinė sąmonė. Tačiau jis turėjo savo ideologus, siekusius apšviesti, pažadinti vergovės amžiais užguitus ir prisilėgtus baudžiauninkus valstiečius, paskatinti juos į atvirą kovą prieš carizmą ir dvarininkus. Valstiečių, taip pat ir miesto darbo žmonių interesų reiškėjai ir gynėjai buvo revoliuciniai demokratai, su N. Cernyševskiu priešakyje¹⁴. Septintojo dešimtmečio pradžioje Lietuvoje ir Baltarusijoje buvo platinamas laikraštis «Kolokol» ir rusų revoliuciniai — demokratiniai atsišaukimai «Jaunoji Rusija», «Didžiarusis», «Ką reikia daryti kariuomenei» ir kt. (dok. Nr. 43, 108, 115, 118, 120, 121, 123, 195, 233, 243, 316).

Vilniaus ir Gardino gubernijose energingą agitaciją tais metais išsvystė žymus baltarusių revoliucionierius K. Kalinauskas, vienas iš suki-

¹² «Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861—1862 гг.», стр. 287.

¹³ 1862 m. Kauno gubernijoje valstiečių judėjimai buvo užregistruoti daugiau kaip 62 dvaruose (C. A. Лазутка. Указ. соч., стр. 137). Baltarusijos gubernijose (įskaitant Vilniaus gub. dalį) buvo 152 valstiečių išstojimai (М. В. Фридман. Указ. соч., стр. 271).

¹⁴ V. I. Leninas. Raštai, t. 17, p. 96.

limo Lietuvoje ir Baltarusijoje vadų. K. Kalinauskas drauge su V. Vrublevskiu ir kitais revoliucionieriais 1862 m. birželio mėn. pradėjo leisti nelegalų laikraštį baltarusių kalba, pavadintą «Mužickaja prauda» («Mužikų tiesa»), ragindamas valstiečius sukilti prieš carizmą ir dvarininkus (dok. Nr. 48—53). «Mužickaja prauda» suvaidino svarbų vaidmenį, ruošiant valstiečius sukilimui Lietuvoje ir Baltarusijoje (dok. Nr. 130, 135, 240, 248, 249, 256, 258, 259, 318 ir kt.).

Vienas įžymiausių 1863 m. sukilimo veikėjų Kauno gubernijoje lietuvių revoliucinis demokratas A. Mackevičius daugiau kaip dešimtį savo revoliucinės veiklos metų aistringai demaskavo siaubingas baudžiavinės santvarkos blogybes ir nepakenčiamą valstiečių padėtį, stengėsi išaiškinti liaudžiai, kad visų tų blogybių priežastis yra dvarininkai ir carizmas, kad ateis laikas, kai sukilusi liaudis išsivaduos (dok. Nr. 63, 203). Jis tikėjo, kad revoliucija Lietuvoje, remiama progresyvių Rusijos ir Lenkijos jėgų, laimės ir pajėgs iškovoti liaudžiai pilietines teises ir «nemokamą aprūpinimą žeme, kuri galėtų pakelti liaudį ir anksčiau ar vėliau sudarytų jai sąlygas pačiai pasisakyti dėl savo likimo ateityje»¹⁵.

K. Kalinauskas, Liudvikas Zvieždovskis ir jų bendražygiai 1862 m. vasarą sudarė pagrindinį revoliucinį «Judėjimo komitetą» Vilniuje (vėliau jis vadinosi ir «Lietuvos provincinis komietas») ir ištisą jo vietinių organizacijų tinklą. «Judėjimo komitetas» suvaidino nemažą vaidmenį, jungdamas Lietuvos ir Baltarusijos revoliucines jėgas, ruošiantis sukilimui (dok. Nr. 54, 59, 65, 66, 95).

Revoliucinės situacijos metu didelę įtaką turėjo studentų ir karininkų jaunimo veikla daugelyje Rusijos miestų, ypač Peterburge, kur daug revoliucionierių, kilusių iš vakarinių gubernijų ir iš Lenkijos Karalystės, dalyvavo Peterburgo karininkų organizacijoje, betarpiškai susijusioje su rusų revoliuciniais demokratais, o susikūrus «Žemės ir laisvės» organizacijai, glaudžiai susijusių su ja. Vienas iš žymiausių Peterburgo karininkų organizacijos įkvėpėjų ir steigėjų buvo žymus lenkų revoliucionierius, vienas iš sukilimo Lietuvoje vadovų, artimas N. Cernyševskio draugas, Z. Sierakauskas. Ši organizacija išugdė tokius sukilimo būrių Lietuvoje ir Baltarusijoje vadovus, kaip L. Zvieždovskis, J. ir V. Kozel-Poklevskiai, I. ir S. Liaskovskiai, M. Čižikas ir kt.¹⁶

* * *

Drauge su valstiečiais varomoji būsimąjo sukilimo jėga buvo taip pat ir vargingieji miestų gyventojai — manufaktūrų darbininkai, amatininkai, geležinkelio tarnautojai, smulkūs valdininkai, prekybininkai ir kt. Varomoji sukilimo jėga buvo taip pat ir bežemė neturtingoji šlėkta, kurios padėtis iš esmės nesiskyrė nuo valstiečių ar miestų varguomenės padėties. Bežemė ir mažazemė šlėkta buvo ypač persekiojama caro valdžios, kuri kėlė abejones dėl jos luominių privilegijų ir stengėsi nustumti ją į valstiečių eiles. Su tuo yra susijęs šios grupės aktyvumas visuose antivyriausybiniuose judėjimuose. Sudarydami didelį Lietuvos ir Baltarusijos gyventojų procentą, minėtieji socialiniai sluoksniai buvo turtingųjų klasių išnaudojami, patirdami savo pečiais daugelį feodalinės-baudžiavinės santvar-

¹⁵ Lietuvos TSR CVIA, f. 378, ap. 219, b. 121, l. 25.

¹⁶ Smulčiau apie Peterburgo karininkų organizaciją žr. «Русско-польские революционные связи», т. I, М., 1963, стр. 197—352.

kos, o taip pat carinės nacionalinio engimo politikos negerovių. Nei miesto varguomenė, nei deklasuota šlėkta neturėjo savo politinės programos, Tikriausia ir nuosekliausia jų interesų reiškėja objektyviai buvo revoliucinė demokratija; tačiau dėl visos eilės priežasčių žymi miestų varguomenės ir ypač deklasuotosios šlėktos dalis buvo liberalinės šlėktiškosios ideologijos įtakoje.

Padėčiai Lietuvoje ir Baltarusijoje darė tam tikrą įtaką ir klasinių prieštaravimų paaštrėjimas bei nacionalinio išsivadavimo judėjimo pakilimas Lenkijoje, kur XIX amž. septintojo dešimtmečio pradžioje kilo plačios valstiečių ir miestų varguomenės masės, kovojančios už agrarinius pertvarkymus, už socialines reformas, už nacionalinę nepriklausomybę. Prie jų prisijungė smulkioji, nuskurdusi šlėkta. Tam tikru mastu juos palaikė taip pat ir vidutinė buržuazija bei šlėkta. Iš šių visuomeninių sluoksnių 1861 m. rudenį susiformavo revoliucinė partija, gavusi «raudonųjų» vardą ir pradėjusi ruošti ginkluotam sukilimui.

Kairiojo «raudonųjų» sparno veikėjų pasaulėžiūra susiformavo valstiečių judėjimo Lenkijoje ir Rusijoje, revoliucinio pakilimo Vakarų Europoje poveikyje ir rusų revoliucinių demokratų idėjų įtakoje. Kairieji «raudonieji» laikėsi revoliucinių-demokratinį pozicijų, Lenkijos liaudies masių interesų gynimo pozicijų. Tai buvo tokie revoliucionieriai kaip Stefanas Bobrovskis, Bronislavas Švarcė, Jaroslavas Dombrovskis, Zigmantas Padlevskis, kurie laikėsi vienodų pažiūrų kaip ir jų draugai ir bendražygiai, veikę Lietuvoje ir Baltarusijoje: Z. Sierakauskas, I. Zvieždovskis, V. Vrublevskis ir kt. Jie, kaip ir rusų revoliuciniai demokratai, iš esmės reikalavo likviduoti dvarininkų žemėvaldą, atiduoti valstiečiams žemę nuosavybės teisėmis be jokių išperkamųjų mokesčių. Lenkų revoliuciniai demokratai, kaip ir jų bendražygiai visoje Rusijoje, tame tarpe ir Lietuvoje bei Baltarusijoje, pripažino Lietuvos, Baltarusijos ir Ukrainos gyventojams pilnatinę teisę patiems spręsti savo likimą.

Dešinysis «raudonųjų» sparnas nebuvo laisvas nuo nacionalistinių pažiūrų, pasisakė už Lenkijos atstatymą 1772 m. sienomis, už tai, kad prie jos būtų prijungtos lietuvių, baltarusių ir kai kurios ukrainiečių žemės. Ši «raudonųjų» partijos dalis vengė bendradarbiauti su rusų revoliucinėmis jėgomis; jie pripažino valstiečiams teisę be išperkamąjo mokesčio gauti tą žemę, kurią jie dirbo, ir laikėsi nuomonės, kad dvarinininkams už tą žemę turinti sumokėti valstybė.

Liberaliniai lenkų dvarininkai ir beauganti pramoninė buržuazija bijojo agrarinės revoliucijos, bijojo valstiečių judėjimo, buvo nusistatę prieš revoliucinius kovos metodus, tačiau ir jie nebuvo priešingi išsivaduoti iš carizmo jungo. Iš šių Lenkijos visuomenės sluoksnių susiformavo vadinamoji «baltųjų» partija. Dalis «baltųjų» mėgino laimėti «autonomiją» ir kai kurias nuolaidas iš carizmo taikiu keliu, o kita dalis svajojo atstatyti Lenkiją 1772 m. sienomis, padedant anglų ir prancūzų vyriausybėms. Aplinkybių priversti prisidėti prie prasidėjusio prieš jų valią sukilimo, «baltieji» visai stengėsi sumažinti jo užmojį ir nusmėkti jo socialinį pobūdį.

Rusų revoliuciniai demokratai nuosekliai palaikė ir gynė Lenkijos ir lenkų tautos teisę apsispręsti, palaikė lenkų nacionalinį išsivadavimo judėjimą. Tačiau kartu revoliuciniai demokratai kritiškai vertino «raudonųjų» programą nacionaliniu ir agrariniu klausimu. «Jeigu Rusijoje,— kalbėjo Gercenas lenkų nacionalinio išsivadavimo judėjimo vadovybės

atstovams,—jūsų vėliavoje nepamatys žemės dalos ir laisvės provincijoms, tai mūsų pritarimas jums neduos jokios naudos»¹⁷.

Politinis judėjimas, kuris apėmė Lenkijos Karalystę, pradedant nuo 1861 m. vasario mėn., veikė ir kaimynines Lietuvą ir Baltarusiją. Šioje teritorijoje gyvenę lenkai gyvai reagavo į Varšuvos įvykius. Jie bandė veikti Varšuvos pavyzdžiu: rengė pamaldas žuvusiems Varšuvoje atminti, giedojo bažnyčiose patriotinius himnus ir nešiojo nacionalinį gedulą. Lenkų dvarininkai, turėję savo rankose didžiąją stambių žemės valdų Lietuvoje ir Baltarusijoje dalį, stengėsi sekti Karalystės «baltaisiais». Šie dvarininkai sukilėlių planams priešpastatė «organinio darbo» projektus: žemdirbių draugijų, bankų, mokslo centrų steigimą ir t. t. Jie taip pat atvirai reikalavo prijungti Lietuvos ir Baltarusijos gubernijas prie Lenkijos Karalystės, nepaisydami šio krašto didesnės gyventojų dalies nacionalinių siekimų. Tuo pat metu Lietuvos ir Baltarusijos lenkų varguomenė, kurią daugiausia sudarė deklasuota šlėkta, miestų beturčiai ir inteligentai, buvo už «raudonųjų» programą ir įsijungė į sukilimo paruošimą, glaudžiai bendradarbiaudama su Rusijos revoliuciniais demokratais.

Visuomeninio judėjimo pagyvėjimas 1861–1862 m. turėjo įtakos tolimesniai lietuvių ir baltarusių nacionalinio sąmoningumo ir aktyvumo augimui. Paaštrėjęs klasinis konfliktas tarp valstiečių masių ir lenkų dvarinin-kirbei caro valdžios pažadino valstiečių laisvo nacionalinio vystymosi troškimą, norą turėti savo mokyklą ir administraciją. Nemažą vaidmenį čia vaidino tikyba: katalikybė Lietuvoje, o kai kuriose Baltarusijos crityse dar tebegyvi prisiminimai apie 1839 m. panaikinta atskirą unitų tikybą. Lietuvių ir baltarusių tautų žadintojai su Mackevičiumi ir Kalinausku priešakyje tvirtai tikėjo, kad, dalyvaudami kovoje, kurią Lenkijos liaudis pradėjo prieš carizmą, ranka rankon su rusų revoliucine demokratija jie ir savo liaudžiai iškovos savarankiško vystymosi sąlygas. Šią idėją septintojo dešimtmečio pradžios emigrantų spaudoje palaikė M. Akelaitis. Būtent su tuo yra susijęs taip pat ir vietinių lietuvių ir baltarusių gyventojų dalyvavimas vadinamajame Lietuvos ir Baltarusijos manifestaciniame judėjime 1861 m.

Siame judėjime dalyvavo miestų varguomenė, smulkūs valdininkai ir prekybininkai, revoliucingai nusiteikęs besimokantis jaunimas ir studentai. Būdinga, kad šios masinės demonstracijos, kurias stipriai veikė lenkų nacionalinio judėjimo šūkiai, savo, reikšme ir veikimo metodais toli prašoko liberalinio saikingumo ribas, neretai pasibaigdamos susirėmimais su policija ir kariuomene.

Po vasario mėn. manifestacijų Varšuvoje 1861 m. judėjimas Lietuvos ir Baltarusijos miestuose įgavo platų užmojį, išsiliedamas į atviras priešvyriausybines religinio-politinio pobūdžio demonstracijas bei manifestacijas (dok. Nr. 5, 7, 74, 138, 204, 205, 265, 298, 319 ir kt.). 1861 m. vasarą šios manifestacijos vyko gatvėse; stambiausios jų buvo liepos-rugpiūčio mėn., kaip antai: liepos 31 d. Kaune (dok. Nr. 158–159, 161), rugpiūčio 6 d. Vilniuje (dok. Nr. 96–97) ir rugpiūčio 14 d. Gardine (dok. Nr. 218). Šiose manifestacijose dalyvavo daug žmonių (iki 5000), jų pobūdis buvo griežtai priešvyriausybinis, ir vaikė jas kariuomenė, kaip tai atsitiko Vilniuje rugpiūčio 6-tąją. Politinės priešvyriausybines 1861 m. demonstracijos Lietuvoje ir Baltarusijoje susilaukė visos pažangiosios

¹⁷ А. И. Герцен. Сочинения, т. XI. М., 1957, стр. 371.

rusų visuomenės gilaus pritarimo ir paramos. Judėjimas miestuose tęsėsi iki pat sukilimo (dok. Nr. 127, 129, 192, 242, 288, 291, 292); persipindamas su masiniais valstiečių bruzdėjimais, jis sudarė vieną iš revoliucinės situacijos Lietuvoje ir Baltarusijoje sudedamųjų dalių. Manifestacinio judėjimo metu ypač suaktyvėjo revoliuciniai rateliai, dirbę propagandinį darbą tarp amatininkų, mokinių ir kitų miesto gyventojų sluoksnių. Šie rateliai ėmė kurtis dar 1858—1860 m. Vienas iš tokių ratelių buvo vadinamasis «Vitkovskio ratelis» Vilniuje, lenkų nacionalinio išsivadavimo judėjimo dvasia išvystęs priešvyriausybinių propagandą tarp tymo dirbtuvių amatininkų ir mokinių (dok. Nr. 70—73).

«Piontkovičių» draugija, kurios didžiąją dalį sudarė šlėkta, buvo gana radikali ir išvystė platų veikimą (dok. Nr. 35, 109—113). Ji leido savo žurnalą «Jedność» («Vienybė») (dok. Nr. 42), platino atsišaukimus (dok. Nr. 119), bandė vadovauti gaivališkoms masinėms manifestacijoms. Tačiau ir šios draugijos tikslai buvo gana nuosaikūs: rinkti aukas vykstančių Vakarų krašte manifestacijų nukentėjusiems dalyviams, steigti bibliotekas, platinti draudžiamą literatūrą, organizuoti klubus, «taikyti» baudžiauninkus valstiečius su dvarininkais, įtraukti į savo eiles dar naujus narius.

Didžioji Lietuvos ir Baltarusijos liberalinės šlėktos dalis tiesioginiu ar netiesioginiu būdu dalyvavo manifestacijose, nors ir bijojo, kad jos per daug neįsisiūbuotų (dok. Nr. 63, 74 ir kt.). Svarbi sritis, kurioje reikėsi liberalinės šlėktos opozicinis veikimas, nukreiptas prieš caro valdžią, buvo «taikos tarpininkų» institucija (dok. Nr. 162, 194 ir kt.), o taip pat ir įvairūs bajorijos suvažiavimai bei kviestiniai pietūs. Svarbiausi iš tokių suvažiavimų buvo Šiaurės-vakarų krašto bajorų suvažiavimai, vykę 1862 m. gegužės, spalio ir lapkričio mėn. Vilniuje, ir Minsko gubernijos bajorų suvažiavimas 1862 m. lapkričio 17 d., kurio metu dvarininkai buvo numatę surašyti «adresą» carui, prašydami įjungti Minsko guberniją į Lenkijos Karalystę (dok. Nr. 294).

Manifestacinis judėjimas buvo veiksmingas reiškinys, paspartinęs pagrindinių komitetų ir kitų įvairios politinės krypties organizacijų kūrimąsi (dok. Nr. 65). Tas procesas vyko pagrindinai 1862 m. Daugelis tų organizacijų tiek savo tikslais ir programa, tiek ir dalyvių sudėtimi buvo panašūs į tuos, kurie buvo susikūrę Lenkijos Karalystėje, ir artimai siejosi su lenkų nacionalinio išsivadavimo judėjimu. Kaip ten, taip ir Lietuvoje bei Baltarusijoje didžioji bajorijos ir katalikų dvasininkų dalis, nusiteikusi prieš carizmą, vis dėlto neigiamai žiūrėjo į revoliucingų valstiečių ir miesto varguomenės išstojimus. Jie sudarė «raudonųjų» partijos dešinįjį sparną ir «baltųjų» partiją, socialiniu klausimu neidami toliau siekimo «pagerinti valstiečių buitį», o nacionaliniu — reikalaudami atstatyti Žečpospolitą, įjungiant į jos sudėtį Lietuvą, Baltarusiją ir Vakarų Ukrainą (su 1772 m. sienomis).

Kaip ir Lenkijos Karalystėje, ginkluoto sukilimo šalininkai sudarė Lietuvoje ir Baltarusijoje «raudonųjų» partiją. Joje dalyvavo lietuviai ir baltarusių revoliuciniai demokratai, sudarydami kairįjį sparną. Liberaliniai dvarininkai bijojo, kad liaudies masių dalyvavimas neišvengiamai artėjančiame sukilime Lietuvoje ir Baltarusijoje nulems to sukilimo pobūdį: Tokiu būdu «baltųjų» partija Lietuvoje ir Baltarusijoje, kaip ir Lenkijoje, reiškė dvarininkų interesus, bet jos opozicija carizmui gilino «viršūnių» krizę.

«Raudonųjų» partija, nepaisant giliai prieštaringo jos pobūdžio, atliko pažangų vaidmenį, ir jai taikytinas tas teigiamas vertinimas, kurį marksizmo-leninizmo klasikai davė to laikotarpio lenkų šlėktos judėjimui¹⁸.

Būtina nors trumpai žvilgtelėti į katalikų dvasininkų pozicijas Lietuvoje ir Vakarų Baltarusijoje. Jie, kaip ir šlėkta, nebuvo vieningi, ne vienos buvo ir jų pozicijos. Nedidelė žemesniosios katalikų dvasininkijos dalis, nusiteikusi revoliucingai ir savo kilme bei materialine padėtimi artima liaudžiai, stovėjo revoliucinių valstiečių pozicijose, aktyviai dalyvavo valstiečių judėjime, buvo jos įkvėpėja. Kita, gausesnė vidutinės ir žemesniosios katalikų dvasininkijos dalis rėmė manifestacijas ir palaikė lenkų nacionalinį išsivadavimo judėjimą. Plečiantis judėjimui Lietuvoje ir Baltarusijoje, ši dvasininkų dalis aktyviai skleidė valstiečių tarpe liberalinės šlėktos ideologiją, skelbė klasinę taiką tarp dvarininkų ir valstiečių, stengėsi įtikinti valstiečius, kad jie drauge su dvarininkais reikėtų protestus prieš carizmą. Tam tikra dvasininkų dalis, prisidėjusi prie «baltųjų» partijos, dalyvavo jos veikime iki sukilimo ir drauge su ja kartais netgi teikė paramą sukilėliams.

Zymi vidutinių dvasininkų dalis, o taip pat ir jų «viršūnės» — Vilniaus, Zemaitijos ir kitų kūrinių vyskupai — padėjo caro valdžiai slopinti valstiečių judėjimą ir iš viso revoliucinį judėjimą (dok. Nr. 145 ir kt.).

* * *

Po reformos prasidėjus galingam valstiečių judėjimui, žemutinių miesto gyventojų sluoksnių ir deklasotos šlėktos judėjimui, kurį palaikė dalis liberalinių dvarininkų ir dvasininkų, caro valdžia ėmėsi žiaurių represijų. 1861 m. rugpiučio 22 d. daugumoje Vilniaus generalgubernatoriui priklausančių miestų ir apskričių buvo įvesta karo padėtis (dok. Nr. 26). Į čia nuolat vyko vis nauji kariniai daliniai. 1861 m. rugpiučio 8 d. buvo paskelbtas įsakas apie policinių teismų įsteigimą didesniuose vakarinių gubernijų miestuose. Tačiau tų teismų veikimas nedavė caro valdžiai pagėdaujamų vaisių, nes didžioji jų narių dalis — liberaliniai dvarininkai ir valdininkai — buvo nusiteikę opoziciškai.

Labai prieštaringa šiuo laikotarpiu buvo ir vyriausybės pozicija valstiečių atžvilgiu. Vilniaus generalgubernatoriaus V. Nazimovas gąsdino opozicinę dvarininkiją, kad valstiečių bruzdėjimams slopinti nesiųsias kariuomenės dalinių. Tačiau iš tikrųjų valdžia lygiai taip pat žiauriai tebeslopino valstiečių bruzdėjimus, kaip ir anksčiau, net nelaukdama dvarininkų prašymų.

Caro valdžios represijos prieš dvarininkus ir katalikų dvasininkus sukėlė net aristokratijos ir aukštųjų dvasininkų protestą. Pvz., vyskupas M. Valančius laiške Kauno gubernatoriui S. Chominskiui 1861 m. rugsėjo 9 d., prašė, «kad policijos valdininkai tiek Kaune, tiek ir kituose man patikėtos vyskupastės miestuose nutrauktų bažnyčių apgulimą»¹⁹. Tuo metu pačios vyriausybės viduje dar buvo nesutarimų dėl vartojamų represijų ir teroro. Vyriausybė čia reikalavo iš vietinės valdžios stipresnių represijų ir šalino iš vietų nepakankamai ryžtingus aukštesniusius valdininkus²⁰, čia priekaištavo Nazimovui už nereikalingą griežtumą. Šios

¹⁸ V. I. Leninas. Raštai, t. 20, p. 405.

¹⁹ Lietuvos TSR CVIA, f. 378, PS, 1861 m., b. 130, l. 4.

²⁰ 1861 m. rugsėjo mėn. buvo perkeltas į Vologdą Kauno gubernatorių S. Chominskis, 1861 m. spalio mėn. pašalintas iš pareigų Gardino gubernatorius I. Spejėris.

prieštaringos priemonės liudijo apie gilią vyriausybės politikos krizę vadinamajame Vakarų krašte, ypač antrajame revoliucinės situacijos laikotarpyje, sukilimo išvakarėse.

* * *

Sis dokumentų rinkinys skirtas nušviesti revoliucinės situacijos, kuri susidarė Lietuvoje ir Baltarusijoje 1859–1862 m., baigiamajam etapui. Ši situacija pasižymėjo eile ypatumų, dėl kurių ji buvo ypač aštri ir ilga ir susiliejo su atviru ginkluotu sukilimu, prasidėjusiu 1863 m.

Išskyrus kai kuriuos atskirus atvejus, rinkinyje neskelbiami dokumentai, liečiantieji įvykius iki 1861 m.

Sis laikotarpis bus nušviestas specialiuose dokumentų rinkiniuose, kurie šiuo metu rengiami spaudai Minske ir Vilniuje: «Baltarusija feodalizmo laikotarpiu» (t. IV) ir «Valstiečių judėjimas Lietuvoje baudžiavos panaikinimo išvakarėse».

Rinkinyje skelbiami kai kurie dokumentai (E. Zablockio, J. Paklevskio-Kozelo ir kt. parodymai), susiję ne tik su sukilimo išvakarių laikotarpiu, bet ir su pačiu sukilimu. Čia mes neskaldėmė tokių dokumentų, o turėdami galvoje didelę jų teikiamų žinių reikšmę 1862 m. konspiratyvinių organizacijų istorijai, skelbiame juos šiame tome.

Dokumentų šiam rinkiniui buvo ieškoma visuose mūsų šalies valstybiniuose archyvuose, bibliotekose ir muziejuose, kur tik buvo medžiagos rinkinio tema, o taip pat Lenkijos Liaudies Respublikos archyvuose ir bibliotekose.

Didžioji ir svarbiausia rinkinyje skelbiamų dokumentų dalis yra saugojama Lietuvos TSR Centriniam valstybiniame istoriniame archyve Vilniuje, TSRS Centriniam valstybiniame Spalio revoliucijos ir socializmo statybos archyve Maskvoje ir Baltarusijos TSR Centriniam valstybiniame istoriniame archyve Gardine.

Iš Lietuvos TSR CVIA fondų rinkinio temai nušviesti įdomiausia yra Vilniaus generalgubernatoriaus kanceliarijos medžiaga. Šios kanceliarijos Politiniame skyriuje susikaupe gubernatorių pranešimų originalai, o taip pat ir kiti dokumentai, atspindintieji išsivadavimo judėjimo augimą Lietuvoje (be lietuviškųjų Augustavo gubernijos apskričių) ir Vakarų Baltarusijoje sukilimo išvakarėse. Rinkinio sudarytojai ypač plačiai panaudojo «Bendrosios bylos apie politinius neramumus vakarinėse gubernijose ir apie priemones jiems nuslopinti» dokumentus (f. 378, PS, 1861 m., b. 73, penkios dalys). Taip pat panaudotos bylos: «Apie politinius neramumus Vilniaus mieste» (1861 m., b. 44), Kauno gubernijoje (b. 102, penkios dalys), Gardino gubernijoje (b. 80, dvi dalys) ir kt. Ne taip plačiai visuomeninis judėjimas atsispindi Bendrojo kanceliarijos skyriaus medžiagoje, iš kurios į rinkinį įdėti kai kurie dokumentai, liečiantieji pirmiausia valstiečių judėjimą, vykdant vasario 19 d. reformą. Daug svarbių bylų yra «Generalgubernatoriaus kanceliarijos» fondo apyrašė Nr. 121. Valstiečių judėjimui Kauno gubernijoje parodyti plačiai panaudoti 432 bylos dokumentai.

Rengiant rinkinį, rūpestingai peržiūrėta Vilniaus karo apygardos štabo, Laikinojo karo lauko auditoriato, tardymo komisijų, miestų ir apskričių karinių viršininkų medžiaga.

Didžioji atrinktųjų dokumentų dalis, betarpiškai liečianti sukilimo laikotarpį, bus paskelbta kituose serijos rinkiniuose, pirmiausia tome «1863 metų sukilimas Lietuvoje ir Baltarusijoje». Į šį rinkinį įėjo doku-

mentai, svarbūs revoliucinių organizacijų vystymosi, manifestacijų ir valstiečių judėjimo sukilimo išvakarėse istorijai. Pvz., peržiūrint Laikinojo lauko auditoriato Vilniuje karo teismo bylą «Apie S.-Peterburgo revoliucinę organizaciją» (f. 1248, ap. 2, b. 1839), surasta įdomių dokumentų apie Vilniaus revoliucinės organizacijos veiklą ir jos ryšius su Peterburgo revoliucionieriais, rengiant sukilimą. Turtinga «Vilniaus karo apygardos kariuomenės štabo teismų skyriaus byla apie buvusį S.—Peterburgo universiteto studentą Josifą Gorčaką» (f. 494, ap. 1, b. 89), kurios dokumentai liudija apie didelę laikraščio «Mužickaja prauda» įtaką Gardino gubernijos valstiečiams. To paties fondo byloje Nr. 121 apie aštuonis A. Trusovo būrio sukilėlius, paimtus į nelaisvę 1863 m. balandžio 30 d. netoli Minsko, yra svarbių dokumentų apie revoliucinę — demokratinę Trusovo pasaulėžiūrą ir jo nelegalią veiklą Minske iki sukilimo.

Pirmaeilę reikšmę turi caro kanceliarijos III skyriaus medžiaga, šiuo metu esanti TSRS CVSRA. Šio skyriaus pirmojoje ekspedicijoje yra išlikę IV apygardos žandarų korpuso, kuriam priklausė Lietuva, Baltarusija ir Vakarų Ukraina, viršininko, taip pat gubernijų žandarų štabo karininkų pranešimai; čia yra generalgubernatoriaus raštai, kuriais jis informavo apie padėtį jam pavaldžiame krašte, agentų pranešimai ir kiti dokumentai apie politines demonstracijas, atsišaukimų platinimą, revoliucinę agitaciją, gyventojų nuotaikas Lietuvoje ir Baltarusijoje sukilimo išvakarėse. Jau 1861 m. pavasarį, kylant išsivadavimo judėjimui Lietuvoje ir Baltarusijoje, I-je ekspedicijoje buvo pradėta byla «Apie bruzdėjimus vakarinėse gubernijose» (Nr. 303, 304), kur kiekvienos gubernijos įvykiams teko atskira dalis. Tačiau, suprantama, revoliucinis judėjimas Lietuvoje ir Baltarusijoje atsispindi ir daugelyje kitų I-osios ekspedicijos bylų. Be I-osios ekspedicijos medžiagos, rinkinyje panaudoti ir slaptojo archyvo bei III skyriaus 4-sios ekspedicijos dokumentai (iš pastarosios paimti keli dokumentai, liečiantieji valstiečių judėjimą).

Mažiau yra panaudota vidaus reikalų ministro kanceliarijos medžiaga (TSRS Centrinis Valstybinis istorinis archyvas Leningrade — TSRS CVIAL), nes čia nedaug tėra nauja, palyginus su aukščiau minėtąja medžiaga. Į rinkinį įdėti taip pat atskiri dokumentai, liečiantieji valstiečių judėjimą reformos vykdymo metu, iš TSRS CVIA Slaptojo ir Vyriausiojo komiteto valstiečių reikalams fondo.

Labai vertingos medžiagos davė gubernatorių fondai: Kauno gubernatoriaus (Valstybiniame Kauno miesto archyve), Vilniaus (Lietuvos TSR CVIA), Gardino (BTSR CVIA Gardine), Minsko (Valstybinis Minsko srities archyvas). Juose yra įvykių betarpiškų liudininkų, vietos valdžios atstovų: ispravnikų, policmeisterių, pristavų ir t. t. pranešimų originalai. Antai, jau vien tik Kauno gubernatoriaus medžiaga leidžia pilnutinai susekti labai savotišką reiškinį — kaip Lietuvos valstiečiai ginklu priešinosi, imami į rekrutus 1862 m. gruodžio mėn. — 1863 m. sausio mėn. Iš Gardino gubernatoriaus dokumentų matyti, kaip plito «Mužickaja prauda» ir kiti revoliucinio-demokratinio pobūdžio leidiniai Gardino gubernijoje sukilimo išvakarėse (kaip žinoma, šiuo atžvilgiu Gardino gubernijai priklausė pirmoji vieta). Ta prasme ypač gausu faktų «Gardino gubernatoriaus kanceliarijos byloje», Nr. 1121 (ap. 22). Išsivadavimo judėjimas Minsko gubernijoje smulkiau atsispindi «Minsko gubernatoriaus kanceliarijos» fondo byloje, Nr. 1405 (ap. 1), kurios dokumentus rinkinio sudarytojai plačiai panaudojo.

Būtina taip pat pažymėti BTR CVIA (Gardine) esančią Gardino tar-
dymo komisijos medžiagą, ypač bylą Nr. 41 (apie Gardino revoliucinę
organizaciją), kurios dokumentai leidžia praskleisti kai kurias Lietuvos —
Baltarusijos revoliucinės organizacijos veikimo ypatybes sukilimo išvaka-
rėse, neatsispyndinčias kituose dokumentuose.

Atskirus dokumentus rinkinio sudarytojai paėmė iš Partinio archyvo
prie Baltarusijos KP CK, M. E. Saltykovo-Šcedrino v. Viešosios bibliotekos
Leningrade, Lietuvos TSR Mokslų akademijos Centrinės bibliotekos, Vil-
niaus valstybinio Istorijos-revoliucijos muziejaus, o taip pat iš Nacionali-
nės bibliotekos Varšuvoje ir iš Lenkų bibliotekos Paryžiuje.

Suprantama, kad į rinkinį tegalėjo būti įdėta tik nedidelė dalis visų
rastų dokumentų, liečiančių revoliucinio pakilimo Lietuvoje ir Baltarusi-
joje 1863 m. sukilimo išvakarėse istoriją. Sudarytojai ir redakcija atliko
didelį darbą, atrinkdami rinkiniui būdingiausius ir turtingiausius doku-
mentus. Daug dėmesio skirta komentarams, apibendrinantiems žinias,
paimtas iš daugelio dokumentų, kurių paskelbti neleido ribota rinkinio
apimtis.

Septintojo dešimtmečio epochą atspindinčios medžiagos specifiką su-
daro tam tikras jos vienpusiškumas. Didžiąja dalimi tai caro valdžios —
išsivadavimo judėjimo slopintojos — dokumentai. Juose yra nemaža fak-
tinės medžiagos, bet įvykiai aiškinami dažniausiai neteisingai. Antai, caro
valdžia politiniais sumetimais sąmoningai didino lenkų dvarininkų ir kata-
likų dvasininkų vaidmenį 1861—1862 m. ir vėlyvesnių metų įvykiuose
Lietuvoje ir Baltarusijoje. Piktnaudžiaudama nacionaliniais rusų tautos
jausmais, caro valdžia beveik kiekvieną revoliucinio judėjimo pasireiškimą
ne tik Lietuvoje ir Baltarusijoje, bet ir pačioje Rusijoje rūpinosi kvali-
fikuoti kaip «lenkų intrygą». Rinkinio sudarytojai stengėsi kiek galėdami
panaudoti dokumentus, kilusius iš išsivadavimo jubejimo stovyklos (atsi-
šaukimus, spaudą, instrukcijas, laiškus, atsiminimus, valstiečių skundus
ir t. t.), bet jų yra išlikę žymiai mažiau.

Komentaruose panaudoti taip pat ir jau paskelbtieji memuariniai šal-
tiniai. Dokumentai, kilę iš opozicinės dvarininkų stovyklos ar revoliucinės
slėktos atstovų tarpo, vertinami kritiškai.

Rinkinį sudaro bendras skyrius, kuriame pateikti dokumentai, turin-
tieji reikšmės visai Lietuvos ir Baltarusijos teritorijai arba kelioms guber-
nijoms, ir šeši skyriai, skirti atskiroms gubernijoms. Buvo projektuota
duoti dar vieną skyrių Augustavo gubernijos lietuviškoms apskritims,
tačiau dokumentai, atspindintieji išsivadavimo judėjimą šioje Lietuvos
dalyje ir saugoti Lenkijos archyvuose, žuvo antrojo pasaulinio karo me-
tais. Keletą užuominų apie įvykius Augustavo gubernijoje skaitytojas ras
kaimyninės Kauno gubernijos skyriaus dokumentuose.

Didžiausia dalis šiame rinkinyje spausdinamų dokumentų skelbiama
pirmą kartą. Dalis dokumentų, šiuo metu esančių Lietuvos TSR CVIA,
buvo iki revoliucijos paskelbta rinkiniuose, kuriuos leido Muravjovo mu-
ziejus Vilniuje²¹. Tačiau šie rinkiniai neišlaiko kritikos ne tik politinio
kryptingumo požiūriu, bet ir archeografinės technikos požiūriu. Be to, da-

²¹ «Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева», т. I. Вильна, 1906; «Архив-
ные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—
1864 гг. в пределах Северо-Западного края» («Виленский временник», кн. VI, ч. I
переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 г. по
май 1863 г.), Вильна, 1913.

dabar tie rinkiniai jau yra bibliografinė retenybė. Tarybiniais metais kai kurie iš skelbiamų dokumentų buvo panaudoti istoriniuose straipsniuose bei monografijose. Iš dokumentų publikacijų savo tema su šiuo rinkiniu betarpiškai siejasi prieš kelerius metus Minske išleistas istorinių dokumentų rinkinys, skirtas valstiečių judėjimui Baltarusijoje reformos vykdymo metu²². Tai leido sudarytojams plačiau nesustoti ties ta tema šiame rinkinyje. Prie anksčiau skelbtų dokumentų nurodoma, kuriuose leidiniuose jie buvo skelbti (leidinio pavadinimas duodamas tuojau pat po dokumento legendos).

Archeografiškai dokumentai (jų tarpe ir parašyti kitomis kalbomis) sutvarkyti, remiantis «Istorinių dokumentų skelbimo taisyklėmis» (M., 1956).

Kaip taisyklė, dokumentai skelbiami ištisai. Atskirais atvejais, vietos taupymo sumetimais, praleidžiamos su tema nesusijusios dokumentų dalys. Visos praleistos vietos pažymėtos daugtaškiu ir aptariamose išnašose. Skelbiamų dokumentų ištraukų antraštės pradedamos žodžiu «Iš...» Be atskiro aptarimo praleidžiami kampiniai antspaudai, kur nurodomas dokumento autoriaus, data ir eilės numeris, o taip pat ir adresatas (šie elementai panaudoti, sudarant redakcines antraštes).

Dokumentų tekstai skelbiami dabarine rusų kalbos rašyba, išlaikant tačiau originalo stilistines ypatybes, būdingas dokumento epochai ir autoriui. Pagal dabar veikiančias taisykles patikslinta skyryba ir didžiųjų bei mažųjų raidžių rašymas. Vienur — kitur buvo pataisytas teksto skirstymas pastraipomis. Atskirai neaptariant, pataisyti teksto netikslumai, neturį prasmės reikšmės (rašybos klaidos, aiškūs apsirikimai ir pan.), o taisymai, kurie galėtų pakeisti prasmę, aptariami išnašose. Visi sudarytojų į tekstą įjungti papildymai (praleisti prielinksniai, žodžių dalys ir žodžiai) duodami laužtiniuose skliaustuose. Dokumente pasitaikantieji ne visiškai aiškūs žodžiai ir posakiai, kuriuos galima aiškinti vienaip ar kitaip, aptariami pastabose žodžiais: «Taip tekste».

Siekiant sutaupyti vietos, tekste naudojamos santrumpos (žr. sarašą). Dokumentų tekste esančios santrumpos suderintos su šiame rinkinyje vartojamomis santrumpomis.

Vietovardžiai dokumentų tekste ir antraštėse duodami pagal anuometinę tų vietovardžių oficialią rašybą. Vietovardžių rodyklėje greta dokumento formų duodamos ir dabartinės vietovardžių formos.

Dokumentai skelbiami originalo kalba; kitų kalbų tekstai taip pat duodami išversti į rusų kalbą.

Dokumentų datavimo pagrindu imamas senasis stilius, vartotas anuo metu Baltarusijoje ir didžiojoje Lietuvos dalyje (Augustavo gubernijoje buvo vartojamas naujasis stilius). Jeigu dokumentas datuotas pagal naująjį stilių, tai data duodama antraštėje skliausteliuose po datos pagal senąjį stilių. Sudarytojų nustatytos datos pagrindžiamos išnašose.

Nusakydami dokumento rūšį antraštėse, sudarytojai rėmėsi ano meto dokumentų klasifikacija. Autoriaus ir adresato tarnybinės padėties pavadinimai antraštėse suvienodinami, gremėzdiški pavadinimai, kiek buvo galima, trumpinami (pavyzdžiui, vietoje «civilinis gubernatorius», «gubernijos viršininkas» visur vienodai rašoma «gubernatorius». Minint antraštėse dažniausiai sutinkamus aukštuosius valdininkus (generalgubernato-

²² «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)»

rius, ministrus), jų tarnybiniai titulai praleidžiami. Tai liečia Vilniaus generalgubernatorių V. Nazimovą, vyriausiąjį III skyriaus valdytoją V. Dolgorukovą, vidaus reikalų ministrą P. Valujevą ir kt.

Paties dokumento pastabos spausdinamos tiesiu šriftu ir žymimos «žvaigždutėmis»; tekstologinės pastabos, sudarytoju žodžiai spausdinami kursyvu, žymimos rusiškosios abėcėlės mažosiomis raidėmis; pastabos, liečiančios turinį (t. y. realusis komentaras), spausdinamos kursyvu ir žymimos arabiškaisiais skaitmenimis. Rengdami tekstus spaudai, sudarytojai iššifravo ant dokumentų esančius pažymėjimus ir rezoliucijas. Tos iš jų, kurių turinys vertas dėmesio, skelbiamos arba po dokumento teksto, arba tekstologinėse pastabose. Į realųjį komentarą, kaip taisyklė, nededama biografinė medžiaga apie dokumentų tekste minimus asmenis; atitinkamos žinios duodamos anotuotoje asmenų rodyklėje.

Rinkinį sudarant (galutinai atrenkant dokumentus, parengiant tekstą spaudai ir komentuojant jį), dirbo šie moksliniai darbuotojai:

Bendrasis skyrius V. Bikuličius (Lietuvos TSR Centrinis valstybinis istorinis archyvas), Z. Talvinskaja (TSRS Mokslų akademijos Slavotyros institutas);

Vilniaus gubernija — M. Zarskaitė (Lietuvos TSR Mokslų akademijos Istorijos institutas);

Kauno gubernija — O. Maksimaitienė (Lietuvos TSR Mokslų akademijos Istorijos institutas);

Gardino gubernija — L. Aržajeva (Archyvų valdyba prie Baltarusijos TSR Ministrų Tarybos);

Minsko gubernija — T. Leontjeva (Minsko srities valstybinis archyvas);

Vitebsko ir Mogiliovo gubernijos — N. Buldakova (Baltarusijos TSR Mokslų akademijos Istorijos institutas).

Sudarant Gardino, Minsko, Vitebsko ir Mogiliovo gubernijų skyrius, vadovavo S. Baikova (Baltarusijos TSR Mokslų akademijos Istorijos institutas).

Be rinkinio sudarytojų, atrenkant dokumentus Lietuvos TSR CVI Archyve, savo darbu prisidėjo mokslinių bendradarbių brigada: R. Batūra, J. Dobrovolskas, R. Strazdūnaitė, L. Truska (Lietuvos TSR MA Istorijos institutas); L. Gecmanas, J. Krylovas, T. Luchtan, V. Masiliūnienė, N. Michailova, V. Savickis (Lietuvos TSR CVIA). Šiai brigadai vadovavo V. Merkys (Lietuvos TSR MA Istorijos institutas), o vėliau — V. Bikuličius. Atrenkant dokumentus Baltarusijos TSR archyvuose, dirbo: A. Grickevič (Baltarusijos TSR MA Istorijos institutas); K. Batrakova, V. Boreikina, F. Chrabrova, V. Kiseliova, E. Morenko, L. Panova (Baltarusijos TSR CVIA Gardine); V. Pochvalov (Baltarusijos TSR CVIA Mogiliove); I. Roščin, D. Šorochova, T. Vorobjova (Baltarusijos TSR Valstybinis Minsko srities archyvas).

Maskvos saugyklose dokumentus leidiniui atrinko Z. Talvinskaja; Lietuvos TSR saugyklose — G. Kiseliovo (Archyvų valdyba prie Lietuvos TSR Ministrų Tarybos) vadovaujama mokslinių bendradarbių grupė V. Bikuličius, O. Maksimaitienė, M. Zarskaitė.

Tekstus iš lietuvių ir lenkų kalbų išvertė G. Feigelsonas (Vilnius) ir G. Orda (Lietuvos TSR CVIA), iš baltarusių — G. Kiseliovas.

Archeografinio sutvarkymo požiūriu dokumentus redagavo G. Kiseliovas. Jis taip parengė archeografinę pratarmės dalį.

*J. Žiugžda
S. Lazutka*

ПРАДМОВА

Паўстанне 1863 года і папярэдня рэвалюцыйная сітуацыя з'яўляюцца ў гісторыі літоўскага і беларускага народаў такімі падзеямі, якія з неаслабнай сілай прыцягваюць да сябе ўвагу наступных пакаленняў.

Змешчаныя ў гэтым томе дакументы характарызуюць рэвалюцыйную сітуацыю 1859—1862 гг. у Літве і Беларусі, якая была састаўной часткай агульнарасійскай рэвалюцыйнай сітуацыі.

У канцы 50-х гадоў XIX ст. крызіс прыгоннай сістэмы гаспадаркі ўзмацніў галечу і бедствы прыгнечаных класаў і з'явіўся асновай вострай класавай барацьбы паміж двума асноўнымі класамі феадальнага грамадства — памешчыкамі і сялянствам. Ужо к пачатку 1859 г. класавая барацьба дасягнула такой вялікай вострыні, што прымусіла царызм адкрыта заявіць аб неабходнасці «вызвалення» сялян з зямлёй. Але і пасля гэтага прыгоннае сялянства працягвала ўзмацняць барацьбу. Калі, напрыклад, у першай чвэрці XIX ст. у Расіі ў сярэднім кожны год мела месца больш 11 хваляванняў, а ў 1826—1854 гг. — больш 24 хваляванняў, то ў 1855—1860 гг. іх было больш 79¹. Гэтая ўсё ўзрастаючая барацьба сялянства супраць памешчыкаў прымусіла царскае самадзяржаўе выдаць маніфест 19 лютага 1861 г., які адмяняў прыгоннае права. Негледзячы на гэта, рэвалюцыйная сітуацыя ў Расійскай імперыі ўвогуле, а на яе ўскраінах (у тым ліку ў Польшчы, Літве, Беларусі) у прыватнасці, яшчэ больш абвастралася.

У. І. Ленін адзначаў, што ў склаўшыхся ўмовах «самы асцярожны і цвярозы палітык павінен быў прызнаць рэвалюцыйны выбух упаўне магчымым і сялянскае паўстанне — небяспекай вельмі сур'ёзнай».²

І сапраўды, як становішча ў Расіі, так і міжнароднае становішча спрыяла перарастанню агульнарасійскай рэвалюцыйнай сітуацыі ў адкрытае паўстанне. У Англіі, Францыі і Германіі рос ушыр і ўглыб рабочы рух, вёў гераічную барацьбу за сваё вызваленне італьянскі народ, аказваючы сваім прыкладам уплыў на нацыянальна-вызваленчы рух іншых народаў, разгарнулася грамадзянская вайна дэмакратычнай «Поўначы» супраць рабаўласніцкага «Поўдня» у ЗША.

¹ Асабліва ўзмацніўся сялянскі рух у апошнія дзесяцігоддзі XIX ст. У 1859 г. было адзначана 91 актыўнае выступленне сялян, у 1860 г. — 126. Пасіўнае супраціўленне аказвалі сяляне амаль ва ўсіх маёнтках (С. В. Токарев. О численности крестьянских выступлений в России в годы первой революционной ситуации. — В сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1960, стр. 180).

² У. І. Ленін. Творы, т. 5, Мінск, 1953, стар. 26—27.

Літва і Беларусь, побач з Польшчай, у сілу раду прычын займалі вельмі важнае месца ў агульнарасійскіх рэвалюцыйных падзеях канца 50—пачатку 60-х гадоў XIX ст. У сваю чаргу агульнарасійская рэвалюцыйная сітуацыя стварала найбольш спрыяльныя умовы для барацьбы польскага, літоўскага, беларускага і іншых прыгнечаных народаў супраць царызму памешчыкаў за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне.

У Літве і Беларусі, як і наогул у Расійскай імперыі, рэвалюцыйная сітуацыя ўзнікла ва ўмовах крызіса прыгонніцкай сістэмы гаспадаркі, які асабліва абвастрэўся пасля Крымскай вайны, калі ў нетрах феадальнага ладу паскорылася развіццё новых капіталістычных адносін.

Рост прамысловасці, гарадоў і гарадскога насельніцтва, развіццё знешняга гандлю штогод павялічвалі попыт на сельгаспрадукты; гэты попыт не магла задаволіць руцінная феадальная гаспадарка, што прыводзіла да рэзкага падажэння сельскагаспадарчых прадуктаў. У такіх умовах некаторыя памешчыкі імкнуліся рэалізаваць на рынку як мага больш прадуктаў, перабудоваць свае гаспадаркі на новы капіталістычны лад, прыстасаваць іх да новых таварна-грашовых адносін. Аднак, многія памешчыкі не маглі гэтага зрабіць, і іх гаспадарка прыходзіла ў заняпад. Вынікам гэтага было далейшае ўзмацненне эксплуатацыі прыгоннага насельніцтва, яго збядненне, расслаенне прыгоннай вёскі. Развіццё капіталістычных адносін у сельскай гаспадарцы спрыяў рад важных асаблівасцей гістарычнага, геаграфічнага і эканамічнага характару. Адною з рыс, характэрных для сельскай гаспадаркі Літвы і Беларусі напярэдадні аграрнай рэформы, была індывідуальная форма сялянскага землекарыстання, ўзнікшая ў выніку так званай «валочнай» рэформы, праведзенай яшчэ ў XVI ст. Ва ўмовах разлажэння прыгоннай сістэмы гаспадаркі памешчыкі шырока праводзілі абезземельванне сялян, у выніку чаго ў канцы 60-х гадоў XIX ст. значна павялічылася і без таго адносна вялікая маса малаземельнага і безземельнага сялянства, асабліва ў Ковенскай губерні.

Устаноўленыя ў 1844 г. царскім урадам «абавязковыя інвентары» не перашкодзілі росту эксплуатацыі сялянства. Асабліва ўзмоцнена абезземельвалі перад рэформай памешчыкі так званых «вольных людзей». Такім чынам у апошнія перадрэформенныя гады становішча сялянства літоўскіх і беларускіх губерняў становілася невыносным.

К канцу 50-х гадоў у Літве і Беларусі было ў наяўнасці «абвастрэнне, вышэй звычайнага, галечы і бедства прыгнечаных класаў»³, г. зн. адзін з важнейшых узказаных У. І. Леніным прызнакаў рэвалюцыйнай сітуацыі. Гэта вельмі актывізавала выступленні прыгонных сялян — галоўнай рэвалюцыйнай сілы ў той час.

Сялянскі рух перад рэформай быў накіраваны перш за ўсё супраць абезземельвання. Адбываліся шматлікія выступленні «вольных людзей», якіх памешчыкі зганялі з зямлі (самае буйнае з іх — у Цяльшэўскім павеце Ковенскай губерні). Такія выступленні мелі месца і ў іншых губернях Літвы і Беларусі.

У гады рэвалюцыйнай сітуацыі распаўсюджанымі формамі сялянскага пратэсту былі таксама падпальванне маёнткаў і самавольны адыход на будаўніцтва чыгунак і на фабрычна-заводскія прадпрыемствы.

³ У. І. Ленін. Творы, т. 21, стар. 189—190.

Наогул сялянскія хваляванні ў Літве і на Беларусі напярэдадні рэформы, як і ва ўсёй Расійскай імперыі, хоць і не пайшлі далей разрозненых лакальных «бунтоў», усё ж ахапілі значную колькасць маёнткаў і, несумненна, садзейнічалі паскарэнню паяўлення царскага маніфеста і «мясцовых палажэнняў» 19 лютага 1861 г⁴.

Важнае месца ў сялянскай барацьбе па ўсёй Расіі, займаў антыпрыгонніцкі і антыўрадавы па свайму зместу так званы «трэзвенны» рух, г. зн. стыхійны пратэст народных мас супраць прыгонніцкіх вінных водкупаў, (гл. дак. 1 і 179 у гэтым зборніку). Трэзвенны рух высока ацэньвалі рускія рэвалюцыйныя дэмакраты⁵. Сярод літоўскіх і беларускіх сялян ён меў шмат прыхільнікаў. У Літве і некаторай частцы Заходняй Беларусі каталіцкаму духавенству ўдалося падпарадкаваць яго свайму уплыву, надаць яму рэлігійны характар, але і тут гэты рух адыграў важную ролю ў барацьбе сялян супраць памешчыкаў і царызма.

Сялянства Літвы і Беларусі, як і ўсёй Расіі, сустрэла царскі маніфест і грабежніцкія «мясцовыя палажэнні» з вялікім недавер'ем, а ў многіх месцах варожа (дак. 38, 139 і інш.). Цікавым у гэтых адносінах з'яўляецца рапарт расіенскага спраўніка ковенскаму губернатару, у якім паведамляецца аб рашучым адмаўленні сялян ад выканання паншчынных павіннасцей, прычым сяляне адкрыта заявілі, што яны нікому не давяраюць, «таму што ўсе, не выключаючы і епіскапа, падкуплены памешчыкамі»⁶. Сялянскія хваляванні пачаліся літаральна праз некалькі дзён пасля аб'яўлення «маніфеста» і з неаслабнай сілай працягваліся аж да чэрвеня — ліпеня 1861 г. У нашай гістарычнай літаратуры час з сярэдзіны сакавіка да ліпеня 1861 г. вылучаецца як першы перыяд паслярэформеннага сялянскага руху. У гэты час хваляваннямі сялян былі ахоплены цэлыя паветы Віленскай (дак. 75—77, 79—81, 84, 86), Ковенскай (дак. 139—142, 144, 146, 150), Гродзенскай (дак. 207), Мінскай і іншых губерняў (дак. 266, 269, 299—303, 320).

У сувязі з антыфеадальнай барацьбой сялян маёнтка Іўе Ашмянскага павета Віленскай губерні рух ахапіў не толькі суседнія маёнткі Ашмянскага павета, але і іншых суседніх паветаў Віленскай губерні, а таксама Навагрудскага павета Мінскай губерні. У яго было ўцягнута да 10 тыс. сялян, якія праявілі вялікую салідарнасць. Сярод сялян распаўсюджваліся чуткі, што не прыняўшыя ўдзелу ў руху страцяць права на атрыманне зямлі. Выступленні сялян уладам удалося падавіць толькі з дапамогай войск (дак. 38)⁷.

У Ковенскай губерні ў гэты перыяд цэнтрам сялянскага руху стаў маёнтак Лабгіры; усё больш пашыраючыся, гэты рух за вельмі кароткі тэрмін ахапіў 12 суседніх маёнткаў і каля 10 000 сялян. Флігель-ад'ютант Манзей

⁴ У Віленскай і Ковенскай губернях з 1857 г. да аб'яўлення маніфеста (сярэдзіна сакавіка 1861) г.) сялянскія хваляванні адбыліся ў 88 маёнтках. (Гл. С. А. Лазутка. Рэволюцыйная сітуацыя ў Літве 1859—1862 гг. М., 1961, стр. 93).

⁵ Гл. дак. 1, а таксама Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, М., 1950, стр. 318—338, 571—576, 670—686, А. І. Герцен часта змяшчаў у «Колоколе» карэспандэнцыі з Расіі і заходніх губерняў пра трэзвенны рух (гл. «Колокол», вып. II, М., 1962, стр. 364—365, 382, 430, 454—455; вып. III, стр. 633—636, 646—648; вып. IV, стр. 912).

⁶ Гл. ДАГК, ф. 50, воп. 1, спр. 13 990, арк. 17.

⁷ Гл. таксама зб. «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.). Документы и материалы». Минск, 1959, стр. 67—70 і інш.

і палкоўнік Скарцоў з дапамогай войска жорстка падавілі гэтае выступленне (дак. 140).

У сялянскім руху гэтага перыяду важную ролю адыгралі так званыя «падбухторшчыкі» з ліку разначыннай інтэлігенцыі, салдат і саміх сялян, якія «няправільна тлумачылі» царскую рэформу (дак. 81, 91, 146 і інш)⁸.

Сялянскія выступленні ў Літве і на Беларусі ў гэты першы паслярэформенны перыяд з'явіліся вынікам вырваўшагася бурнага пратэсту прыгоннага сялянства супраць грабежніцкай рэформы, якая захавала ўсе старыя прыгонніцкія адносіны. Сялянства Літвы і Беларусі, як і ўсёй Расіі, у гэты час імкнулася неадкладна дабіцца свабоды і адмены ўсіх павіннасцей на карысць памешчыкаў. Сяляне паўсюдна аб'яўлялі, што «не будуць адбываць інвентарных павіннасцей, паколькі інвентары адменены»⁹. У Віленскай і Ковенскай губернях, напрыклад, за першы паслярэформенны перыяд, па няпоўных звестках, сялянскія хваляванні адбыліся ў 145 маёнках. Ва ўсіх беларускіх губернях за гэты перыяд было 311 сялянскіх выступленняў¹⁰.

Другі перыяд паслярэформеннага сялянскага руху ў Літве і на Беларусі трэба датаваць прыкладна часам з ліпеня да канца 1861 г. У гэты перыяд сялянства выступала з рэзкім пратэстам супраць стварэння царскімі ўладамі і памешчыкамі воласцей і выбару службовых асоб, а таксама супраць стварэння інстытута «міравых пасрэднікаў». Гэта форма сялянскіх выступленняў была тады асноўнай і ў большасці расійскіх губерняў¹¹. Гэты рух адрозніваўся асаблівай упартасцю і працягласцю, спалучэннем розных форм барацьбы. У ім упершыню праявілася салідарнасць сялян і гарадскіх жыхароў (дак. 91, 93, 98, 151, 155, 157, 173, 175, 176, 216, 226 і інш).

Трэці перыяд паслярэформеннага сялянскага руху ў Літве і Беларусі ахоплівае ўвесь 1862 год і 1863 аж да пачатку паўстання. Барацьба паміж сялянствам, з аднаго боку, і памешчыкамі і царскімі ўладамі — з другога, разгортвалася ў гэты час вакол пытання аб прыняцці «устаўных грамат».

Супраціўленне сялян прыняццю грамат набыло ў Літве і Беларусі значна больш вострыя формы, чым у іншых губернях імперыі. Граматы замацоўвалі нядаўнія захопы сялянскай зямлі памешчыкамі, і вёска не хацела з гэтым пагадзіцца. Жандарскі афіцэр па Віленскай губерні падпалкоўнік Лосеў даносіў князю Даўгарукаву 30 ліпеня 1862 г., што «... у Віленскай губерні да гэтага часу паміж памешчыкамі і сялянамі добраахвотных пагадненняў не было і не прадбачыцца» (дак. 125). Да канца 1862 г. у Віленскай губерні падпісала ўстаўныя граматы толькі 9,67% сялян, у Ковенскай — 6,04%, у Гродзенскай — 3,81%, у Мінскай — 0,16%¹².

⁸ У Беластоцкім павеце асобныя сялянскія агітатары былі звязаны з партыяй «чырвоных». Гл. Fr. Bilgorajski. Pamiętniki o sprawie chłopskiej w 1863 r. Wrocław, 1956, str. 26—28.

⁹ «Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы. 1861—1862 гг.». М.—Л., 1950, стр. 8—9.

¹⁰ С. А. Зазулка. Назв. твор, стар. 137; М. Б. Фридман. Крестьянское движение в Белоруссии в годы революционной ситуации.— «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1963, стр. 265—266.

¹¹ М. Е. Найденов. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.). М., 1955, стр. 165—215.

¹² «Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы. 1861—1862 гг.», стр. 287.

Памешчыкі і царскія ўлады пачалі ўводзіць «устаўныя граматы» з дапамогай ваеннай сілы, што выклікала масавыя сялянскія выступленні. Яны ахапілі значную частку маёнткаў Літвы і Беларусі (дак. 36, 122, 126, 131, 180—183, 185, 189, 230, 232, 312, 329).

Барацьба сялян супраць увядзення «устаўных грамат» і прыгонніцкіх умоў «вызвалення» асабліва ўпартай стала ў апошнія месяцы 1862 г., а ў пачатку 1863 г. у большасці паветаў Ковенскай губерні¹³ і ў некаторых паветах Віленскай, Гродзенскай, Мінскай і інш. губерняў дасягнула асаблівай вострыні. Так, сяляне Судзейскай воласці Вілкамірскага (Укмергскага) павета, у якой летам і восенню 1862 г. адбываліся бурныя хваляванні, у лютым 1863 г. разам з сялянамі ўсіх сельскіх вобшчастаў суседняй Віжунскай воласці рашуча адмовіліся ад выканання павіннасцей па «устаўных граматах» і «ад падпарадкавання законным уладам» (дак. 193). З такім жа адмаўленнем выступілі сяляне і іншых паветаў і губерняў.

Класавая барацьба, якую вяло сялянства супраць памешчыкаў і якая падаўлялася з дапамогай паліцыі і войск, накіроўвалася ўсё ў большай ступені супраць царскай сістэмы кіравання. Сяляне з дзяржаўных маёнткаў (асабліва буйных у Ковенскай губерні) дамагаліся таго, каб і ім было прадастаўлена права выкупу зямлі. Выпадкі адмовы ад выканання паншчыны і аброку суправаджаліся адмаўленнем плаціць падаткі. Калі ў канцы 1862 г. пасля шасцігадовага перапынку царскі ўрад аб'явіў новы рэкруцкі набор, у многіх паветах Літвы сяляне пачалі ўцякаць у лясы, ствараючы невялікія ўзброеныя атрады (дак. 196—202).

Стыхійны сялянскі рух гэтага перыяду ў Літве і на Беларусі, як і ў Расіі, не быў асветлены палітычнай свядомасцю. Аднак ён меў сваіх ідэолагаў, якія імкнуліся прасвятліць, абудзіць, узняць забітае і прыціснутае вякамі рабства прыгоннае сялянства на адкрытую барацьбу супраць царызму і памешчыкаў. Выразнікамі і абаронцамі інтарэсаў сялянства, а таксама працоўных мас горада з'явіліся рэвалюцыйныя дэмакраты, на чале якіх стаяў М. Г. Чарнышэўскі¹⁴. У пачатку 60-х гадоў у Літве і на Беларусі распаўсюджваліся «Колакал» і рускія рэвалюцыйна-дэмакратычныя адозвы «Маладая Расія», «Вялікарус», «Што патрэбна рабіць войску» і інш. (дак. 43, 108, 115, 118, 120, 121, 123, 195, 233, 243, 316 і інш.).

У Віленскай і Гродзенскай губернях у гэтыя гады разгарнуў энергічную агітацыю выдатны беларускі рэвалюцыянер К. Каліноўскі, адзін з кіраўнікоў паўстання ў Літве і на Беларусі. К. Каліноўскі разам з В. Урублеўскім і інш. рэвалюцыянерамі ў чэрвені 1862 г. пачаў выдаваць нелегальную газету на беларускай мове пад назвай «Мужыцкая праўда», у якой заклікаў сялян да паўстання супраць царызму і памешчыкаў (дак. 48—53). «Мужыцкая праўда» адыграла вялікую ролю ў падрыхтоўцы да паўстання сялян Літвы і Беларусі (дак. 130, 135, 240, 248, 249, 256, 258, 259, 318 і інш.).

Адзін з найбольш відных дзеячоў паўстання 1863 г. у Ковенскай губерні літоўскі рэвалюцыйны дэмакрат А. Мацкявічус на працягу больш чым

¹³ На працягу усяго 1862 г. сялянскія хваляванні ў Ковенскай губерні назіраліся больш чым у 62 маёнтках (гл. С. А. Лазутка. Назв. твор, стар. 137); у беларускіх губернях (разам з часткай Віленскай) адбылося 152 сялянскіх выступленні (М. Б. Фридман. Назв. твор, стар. 271).

¹⁴ У. І. Ленін. Творы, т. XVII, стар. 96.

дзесяцігадовай рэвалюцыйнай дзейнасці гораха выкрываў жахі прыгоннага права і невыноснае становішча сялянства, імкнуўся растлумачыць народу, што прычынай усіх бедстваў з'яўляюцца памешчыкі і царызм, што прыйдзе час, калі паўстаўшы народ вызваліцца (дак. 63—203). Ён верыў, што рэвалюцыя ў Літве з дапамогай прагрэсіўных сіл Расіі і Польшчы пераможа і здолее заваяваць для народа грамадзянскія правы і «бяссплатны надзел зямлі, які змог бы ўзвысіць народ і раней або пазней стварыў бы ўмовы для пастановы аб сваім будучым лёсе»¹⁵.

К. Каліноўскі, Людвіг Звяждоўскі і іх саратнікі стварылі к лету 1862 г. ў Вільні падпольны рэвалюцыйны «Камітэт руху» (пазней ён называўся таксама «Літоўскім правінцыяльным камітэтам») і цэлую сетку яго мясцовых арганізацый. «Камітэт руху» адыграў нямалую ролю ў згуртаванні рэвалюцыйных сіл Літвы і Беларусі, ў падрыхтоўцы да паўстання (дак. 54, 55, 59, 65, 66).

Вялікі ўплыў у перыяд рэвалюцыйнай сітуацыі мела дзейнасць студэнцкай і афіцэрскай моладзі ў шматлікіх гарадах Расіі, асабліва ў Пецябург, дзе многія рэвалюцыянеры — выхадцы з заходніх губерняў і Каралеўства (Царства) Польскага ўваходзілі ў Пецябургскую афіцэрскую арганізацыю, якая дзейнічала ў непасрэднай сувязі з рускімі рэвалюцыйнымі дэмакратамі, а з моманту ўзнікнення «Зямлі і волі» і цесным кантакце з ёю. Адным з галоўных натхняльнікаў і стваральнікаў Пецябургскай афіцэрскай арганізацыі з'яўляўся выдатны польскі рэвалюцыянер, адзін з кіраўнікоў паўстання ў Літве, блізкі сябра М. Г. Чарнышэўскага З. Серакоўскі. З гэтай арганізацыі выйшлі кіраўнікі паўстанцкіх атрадаў у Літве і Беларусі, як Л. Звяждоўскі, Я. і В. Козел-Паклеўскія, І. і С. Ляскоўскія, М. Чыжык і інш.¹⁶

* * *

Побач з сялянствам рухаючай сілай будучага паўстання з'явіліся гарадскія нізы — рабочыя мануфактур, рамеснікі, чыгуначныя служачыя, дробныя чыноўнікі і гандляры і г. д. Рухаючай сілай паўстання з'явілася таксама беззямельная немаёмная шляхта, становішча якой фактычна не адрознівалася ад становішча сялян або гарадской беднаты.

Беззямельная і малазямельная шляхта падвяргалася праследаванням з боку ўраду, які ставіў пад сумненне яе саслоўныя прывілеі і імкнуўся перавесці яе ў шэрагі сялян. Гэтыя сацыяльныя праслойкі эксплуатаваліся маёмнымі класамі і адчувалі цяжар феадальна-прыгонніцкага ладу. З гэтым і звязана актыўнасць гэтых груп ва ўсіх антыўрадавых і антыфеадальных выступленнях. Ні гарадскія нізы, ні дэкаласаваная шляхта не мелі сваёй уласнай палітычнай праграмы. Аб'ектыўна найбольш поўным і паслядоўным выразнікам іх інтарэсаў з'яўлялася рэвалюцыйная дэмакратыя, аднак дзякуючы раду прычынаў значная частка гарадской беднаты і асабліва дэкаласаванай шляхты апынулася пад уплывам ліберальнай шляхецкай ідэалогіі.

¹⁵ ЦДГА Літ. ССР, ф. 378, воп. 219, спр. 121, арк. 25.

¹⁶ Падрабязней аб Пецябургскай афіцэрскай арганізацыі гл. раздзел III ў зборніку гэтай дакументальнай серыі «Русско-польские революционные связи», т. I, М., 1963, стр. 197—352.

На становішча ў Літве і Беларусі значнае ўздзеянне аказала абвастэрэнне класавых супярэчнасцей і ўздым нацыянальна-вызваленчага руху ў Польшчы, дзе ў пачатку 60-х гадоў XIX ст. выступілі шырокія масы сялянства і гарадская беднота, якія змагаліся за аграрныя пераўтварэнні, за сацыяльныя рэформы, за незалежнасць Польшчы. Да іх прымкнула дробная, даведзеная да галечы шляхта. У той або іншай ступені іх падтрымлівалі таксама сярэднія слаі буржуазіі і шляхецкага саслоўя. З гэтых грамадскіх слаёў к восені 1861 г. у Каралеўстве Польскім утварылася рэвалюцыйная партыя, якая атрымала назву «чырвоных» і пачала падрыхтоўку да ўзброенага паўстання.

Погляды дзеячоў левага крыла «чырвоных» склаліся пад уздзеяннем сялянскага руху ў Польшчы і Расіі, рэвалюцыйнага ўздыму ў Заходняй Еўропе і пад ідэйным уплывам рускіх рэвалюцыйных дэмакратаў. Левыя «чырвоныя» стаялі на рэвалюцыйна-дэмакратычных пазіцыях, на пазіцыях абароны інтарэсаў польскіх народных мас. Гэта былі такія польскія рэвалюцыянеры, як Стэфан Баброўскі, Браніслаў Шварцэ, Яраслаў Дамброўскі, Зыгмунт Падлеўскі, якія падзялялі погляды сваіх сяброў і саратнікаў, што дзейнічалі ў Літве і на Беларусі: З. Серакоўскага, Л. Звяждоўскага, В. Урублеўскага і інш. Яны, як і рускія рэвалюцыйныя дэмакраты, патрабавалі ліквідацыі памешчыцкага землеўладання, перадачы сялянам зямлі ва ўласнасць без усякага выкупу. Польскія рэвалюцыйныя дэмакраты, як і іх саратнікі ва ўсёй Расіі, у тым ліку ў Літве і на Беларусі, прызнавалі за насельніцтвам Літвы, Беларусі і Украіны права самім вырашаць пытанне аб сваім лёсе.

Правае крыло «чырвоных» не было свабодным ад нацыяналістычных поглядаў, выказвалася за аднаўленне Польшчы ў межах 1772 г., за абавязковае далучэнне да яе літоўскіх, беларускіх і некаторых украінскіх земляў. Гэта частка партыі «чырвоных» пазбягала супрацоўніцтва з рускімі рэвалюцыйнымі сіламі; яна прызнавала права сялян на атрыманне без выкупу той зямлі, якую яны апрацоўвалі, аднак лічыла, што памешчыкам за гэту зямлю павінна заплаціць дзяржава.

Польскія ліберальныя памешчыкі і растушая прамысловая буржуазія баяліся аграрнай рэвалюцыі, баяліся сялянскага руху, былі праціўнікамі рэвалюцыйных метадаў барацьбы, аднак і яны не былі супраць выхаду са складу Расіі. З гэтых польскіх грамадскіх кругоў складалася так званая партыя «белых». Частка «белых» імкнулася атрымаць «аўтаномію» і ўступкі ад царызму мірным шляхам, а іншыя «белыя» марылі аб аднаўленні Польшчы ў межах 1772 г. з дапамогай урадаў Англіі і Францыі. Вимушаныя акалічнасцямі прымкнуць да пачаўшагася супраць іх волі паўстання, «белыя» усяляк імкнуліся зменшыць яго размах і прыглушыць яго сацыяльнае гучанне.

Рускія рэвалюцыйныя дэмакраты паслядоўна падтрымлівалі і абаранялі права Польшчы і польскага народа на самавызначэнне, падтрымлівалі польскі нацыянальны рух. Разам з тым рэвалюцыйныя дэмакраты выступалі з крытыкай аграрнай і нацыянальнай праграмы «чырвоных». «Калі ў Расіі, — гаварыў Герцэн прадстаўнікам кіраўніцтва польскага нацыянальна-вызваленчага руху, — на вашым сцягу не ўбачаць *надзел зямлі і свабоду правінцыям* то наша спачуванне вам не прынясе ніякай карысці...»¹⁷.

Палітычны рух, які пад лозунгам незалежнасці ахапіў Каралеўства

¹⁷ А. И. Герцен. Сочинения, т. XI. М., 1957, стр. 371.

Польскае, пачынаючы з лютага 1861 г. адазваўся ў Літве і на Беларусі. Польскія элементы на гэтых тэрыторыях востра рэагавалі на падзеі ў Варшаве: яны спрабавалі дзейнічаць па ўзору тамашніх выступленняў, наладжваючы паніхіды па загінуўшых у Варшаве, спевы ў касцёлах патрыятычных гімнаў і носячы нацыянальную жалобу. Польскія памешчыкі, якія сканцэнтравалі ў сваіх руках значную частку буйной зямельнай уласнасці ў Літве і на Беларусі, імкнуліся ісці па прыкладу лагера белых у Каралеўстве. Паўстанцкім планам гэтыя памешчыкі супрацьпастаўлялі праекты «арганічнай працы»: закладванне земляробчых таварыстваў, банкаў, навуковых цэнтраў і г. д. Яны таксама адкрыта выступалі з патрабаваннямі далучэння літоўска-беларускіх губерняў да Каралеўства Польскага, не лічачыся з нацыянальнымі імкненнямі большай часткі жыхароў гэтага краю. У той жа час бяднейшая частка польскага элементу ў Літве і на Беларусі, якая складалася пераважна з дэкласаванай шляхты, гарадской беднаты і інтэлігенцыі, ішла за праграмай «чырвоных» і ўключылася ў падрыхтоўку паўстання у адным саюзе з рэвалюцыйна-дэмакратычным лагерам у Расіі.

Ажыўленне грамадскага руху ў 1861—1862 гг. не прайшло бяспледна для росту нацыянальнай самасвядомасці і актыўнасці літоўцаў і беларусаў. Нарастаючы класавы канфлікт паміж сялянскімі масамі і польскай шляхтай, а таксама царскім урадам абуджаў у гэтых масах імкненне да свабоднага нацыянальнага развіцця (школьнае навучанне на роднай мове, перадача кіравання мясцовай адміністрацыі). Немалую ролю адыграў і фактар веравызнання (у Літве — каталіцызм, сярод некаторай часткі насельніцтва Беларусі былі жывыя яшчэ ўспаміны аб уніяцкай царкве, скасаванай у 1839 г.).

Мацкявічус, Каліноўскі і іх паплечнікі марылі, удзельнічаючы ў барацьбе, пачатай супраць царызму польскім народам, поплич з рускай рэвалюцыйнай дэмакратыяй, заявляючы і для сваіх народаў умовы для самастойнага развіцця. У падтрымку гэтай ідэі на старонках эмігранцкага друку ў пачатку 60-х гадоў выступіў М. Акіялайціс.

Нацыянальна-вызваленчыя ідэі праявіліся ў так званым маніфэстацыйным руху, які пашырыўся ў Літве і Беларусі ў 1861 г. У гэтым руху прынялі ўдзел гарадская бедната, дробныя чыноўнікі і гандляры, рэвалюцыйна настроеная моладзь і студэнты. Характэрна, што гэтыя масавыя выступленні, якія праходзілі пад значным уплывам польскіх нацыянальных лозунгаў, па свайму значэнню і метадах дзеянняў выходзілі далёка за межы ліберальнай умеранасці, заканчваючыся часта сутычкамі з паліцыяй і войскамі.

Пасля вядомых лютаўскіх маніфэстацый у Варшаве ў 1861 г. рух у гарадах Літвы і Беларусі дасягнуў вялікага размаху, выліваючыся ў адкрытыя антыўрадавыя рэлігійна-палітычныя дэманстрацыі і маніфэстацыі (дак. 5, 7, 74, 138, 204, 205, 265, 298, 319 і інш.). Летам 1861 г. маніфэстанты выйшлі на вуліцу. Самыя буйныя былі выступленні 31 ліпеня ў Коўна (дак. 158—159, 161), 6 жніўня ў Вільні (дак. 96—97), 14 жніўня ў Гродна (дак. 220). У названых маніфэстацыях прымала ўдзел вялікая колькасць людзей (да 5 000 чал); яны насілі востры антыўрадавы характар і разганяліся з дапамогай войск, як гэта было 6 жніўня ў Вільні. Палітычныя антыўрадавыя дэманстрацыі і маніфэстацыі 1861 г. у Літве і на Беларусі выклікалі глыбокае спачуванне і падтрымку ўсяго прагрэсіўнага

рускага грамадства. Рух у гарадах працягваўся аж да паўстання (дак. 127, 129, 192, 242, 288, 291, 292); пераплятаючыся з масавымі хваляваннямі сялян, ён з'явіўся адным з праяўленняў рэвалюцыйнай сітуацыі ў Літве і Беларусі. У гэты ж час актывізавалася дзейнасць рэвалюцыйных гурткоў якія разгарнулі шырокую прапаганду сярод рамеснікаў, навучэнцаў і іншых слаёў гарадскога насельніцтва. Узнікненне гэтых гурткоў трэба аднесці да 1858—1860 гг. Адным з такіх гурткоў быў так званы «гурток Віткоўскага» ў г. Вільні, які праводзіў антыўрадавую прапаганду сярод рамеснікаў саф'янавых майстэрняў і навучэнцаў у духу польскага нацыянальна-вызваленчага руху (дак. 70—73).

Таварыства «Піантковічаў», у асноўным шляхецкае па саставу, было даволі актыўным і разгарнула шырокую дзейнасць (дак. 35, 109, 113). Яно выдавала свой часопіс «Адзінства» (дак. 42—43), распаўсюджвала адозвы (дак. 119), прапавала кіраваць стихійнымі масавымі маніфестацыямі. Аднак і гэта таварыства ставіла перад сабою даволі ўмераныя задачы: збіранне ахвяраванняў на карысць прымаўшых удзел у беспарадках у Заходнім краі, заснаванне бібліятэк, распаўсюджванне забароненай літаратуры, стварэнне клубаў, «прымірэнне» прыгоннага сялянства з памешчыкамі, прыцягненне ў арганізацыю новых членаў.

Большасць ліберальнай шляхты Літвы і Беларусі прама або ўскосна прыняла ўдзел у маніфестацыях, хоць і баялася іх празмернага размаху (дак. 63, 74 і інш.). Ліберальная шляхта разгарнула апазіцыйную дзейнасць у адносінах да царскага ўрада, выкарыстоўваючы інстытут «міравых пасрэднікаў» (дак. 162, 194), а таксама рознага роду дваранскія з'езды і званія абеда. Найбольш важнымі з такіх з'ездаў былі з'езды дваран Паўночна-Заходняга краю, якія адбываліся ў маі—кастрычніку і лістападзе 1862 г. у Вільні і з'езд дваран Мінскай губерні 14 лістапада 1862 г., у час якога памешчыкі меркавалі скласці «адрас» цару з просьбай уключыць Мінскую губерню ў склад Каралеўства Польскага (дак. 294).

Маніфестацыйны рух з'явіўся моцным штуршком, які паскорыў утварэнне падпольных камітэтаў і іншых арганізацый (дак. 65). Гэты працэс прыходзіцца, у асноўным, на 1862 г. Многія з іх па сваіх мэтах і праграме, а таксама па саставу удзельнікаў былі падобныя да існаваўшых ужо ў Каралеўстве Польскім і блізка змыкаліся з польскім нацыянальна-вызваленчым рухам. Таксама як і там, у Літве і на Беларусі большасць дваранства і каталіцкага духавенства, апазіцыйна настроенага ў адносінах да царызма, адмоўна адносіліся да выступленняў рэвалюцыйнага сялянства і гарадскіх нізоў. Яны ўтварылі правае крыло партыі «чырвоных» і партыю «белых», якія ў сацыяльных адносінах не ішлі далей асобных «паляпшэнняў сялянскага быту», а ў нацыянальных адносінах патрабавалі аднаўлення Рэчы Паспалітай з уключэннем у яе склад Літвы, Беларусі і Правабярэжнай Украіны (у межах 1772 г.).

Як і ў Каралеўстве Польскім, прыхільнікі ўзброенага паўстання ўтварылі ў Літве і Беларусі партыю «чырвоных». У яе ўваходзілі, складаючы яе левае крыло, рэвалюцыйныя дэмакраты. Ліберальныя памешчыкі, баючыся ўдзелу народных мас у надыходзячым паўстанні, імкнуліся падпарадкаваць іх свайму уплыву. Такім чынам, у Літве і Беларусі, як і ў Польшчы, партыя «белых» была выразнікам інтарэсаў памешчыкаў, але яе апазіцыя да царызма ўзмацняла крызіс у вярхах.

Партыя «чырвоных», нягледзячы на свой надзвычай супярэчлівы харак-

тар, увогуле адыграла прагрэсіўную ролю; менавіта да яе можна дастасаваць тую дадатную ацэнку, якую далі класікі марксізма-ленінізма польскаму шляхецкаму руху гэтага перыяду¹⁸.

Неабходна таксама спыніцца на пазіцыях каталіцкага духавенства ў Літве і Заходняй Беларусі. Яно, як і шляхта, не было аднародным. Нязначная частка нізоў каталіцкага духавенства, блізкая па свайму паходжанню і ўмовам жыцця да народа, стаяла на пазіцыях рэвалюцыйнага сялянства, прымала актыўны ўдзел у сялянскім руху, нярэдка выступаючы яго натхняльнікам. Аднак большая частка ніжэйшага і сярэдняга каталіцкага духавенства, падтрымліваючы польскі нацыянальна-вызваленчы рух, абмяжоўвалася садзейнічаннем маніфестацыям і да т. п. Гэта частка духавенства актыўна распаўсюджвала сярод сялянства Літвы і Беларусі шляхецкую ідэалогію, прапаведвала класавы мір паміж памешчыкамі і сялянамі, заклікала сялян сумесна з памешчыкамі заяўляць пратэсты царызму. Пэўная частка духавенства, якая прымыкала да партыі «белых», прымала ўдзел у яе дзейнасці да пачатку паўстання і іншы раз нават аказвала дапамогу паўстанцам.

Нарэшце, значная частка сярэдняга каталіцкага духавенства, а таксама яго вярхі — епіскапат Віленскай, Жэмайцкай і іншых епархій — актыўна дапамагалі царскім уладам у падаўленні сялянскага і наогул рэвалюцыйнага руху (дак. 145 і інш.).

* * *

Ва ўмовах моцнага сялянскага руху, які разгарнуўся пасля рэформы, руху гарадскіх нізоў і дэкласаванай шляхты, падтрымліваюшага часткай ліберальных памешчыкаў і духавенства, царскі ўрад перайшоў на шлях жорсткіх рэпрэсій. 22 жніўня 1861 г. ў большасці гарадоў і павеатаў Віленскага генерал-губернатарства было ўведзена ваеннае становішча (дак. 26). Суды прыбывалі ўсё новыя воінскія часці. 8 жніўня 1861 г. быў выдадзены указ аб стварэнні ў губернскіх гарадах заходніх губерняў паліцэйскіх судов, дзейнасць якіх, з-за апазіцыйных настрояў большасці іх членаў — ліберальных памешчыкаў і чыноўнікаў, не прынесла ўраду жадаемых вынікаў.

Што датычыць палітыкі ўрада ў адносінах да сялянства, то хаця віленскі генерал-губернатар Назімаў палохаў апазіцыйна настроеных памешчыкаў, што не будзе пасылаць воінскія каманды на ўціхамірванне сялянскіх хваляванняў у іх маёнтках, аднак на справе сялянскія выступленні падаўляліся ўладамі з ранейшай жорсткасцю.

Рэпрэсіі царскага ўрада ў адносінах да памешчыкаў і каталіцкага духавенства выклікалі пратэст нават у прадстаўнікоў арыстакратыі і вышэйшага духавенства. Так, епіскап Валанчус у пісьме да ковенскага губернатара С. Ф. Хамінскага ад 9 верасня 1861 г. прасіў «... каб чыны паліцыі як у Коўна, так і ў іншых гарадах даручанай мне епархіі вызвалілі касцёл ад асады»¹⁹. Унутры самога ўрада ў той час яшчэ былі разыходжанні ў адносінах да спосабаў умацавання ўлады. Урад то патрабаваў ад мясцовых улад узмацнення рэпрэсій і вызваляў ад займаемых пасадак недастаткова

¹⁸ У. І. Ленін. Творы, т. 20, стар. 403.

¹⁹ ЦДГА Літ. ССР, ф. 378, п/а, 1861 г., спр. 130, арк. 4.

рашучых вышэйшых чыноўнікаў²⁰, то папракаў Назімава ў залішняй строгасці. Гэтыя супярэчлівыя тэндэнцыі сведчылі аб глыбокім крызісе ўрадавай палітыкі ў так званым Заходнім краі, асабліва ў другі перыяд рэвалюцыйнай сітуацыі, напярэдадні паўстання.

* * *

Гэты том дакументальнай серыі «Паўстанне 1863 г.» прысвечаны завяршаючаму этапу рэвалюцыйнай сітуацыі, што склалася ў Літве і на Беларусі ў 1859—1862 гг. і мела шэраг асаблівасцей, дзякуючы якім набыла асаблівую вастрыню і працягласць і вылілася ў 1863 г. у адкрытае ўзброенае паўстанне. У томе не публікуюцца (за адзінкавымі выключэннямі) дакументы, якія адносяцца да падзей перад 1861 г. Гэты перыяд знойдзе адлюстраванне ў спецыяльных зборніках дакументаў, якія рыхтуюцца цяпер да друку ў Мінску і Вільнюсе: «Беларусь у эпоху феадалізма» (т. IV) і «Сялянскі рух у Літве напярэдадні адмены прыгоннага права».

У зборнік уключаны некалькі дакументаў: паказанні Э. Заблоцкага, Я. Паклеўскага-Козела і інш., якія змяшчаюць звесткі не толькі аб перыядзе перададні паўстання, але і аб самім паўстанні. Мы адмовіліся ад драблення такіх матэрыялаў і, улічваючы асобую каштоўнасць звестак, што ў іх паведамляюцца, для гісторыі канспіратыўных арганізацый у 1862 г., публікуем іх у гэтым томе.

Выяўленне дакументаў для публікуемага зборніка праводзілася ва ўсіх дзяржаўных архівах, бібліятэках і музеях нашай краіны, дзе ёсць матэрыялы па данай тэме, а таксама ў архівах і бібліятэках Польскай Народнай Рэспублікі.

Большая і найбольш важная частка публікуемых у зборніку дакументаў захоўваецца ў Цэнтральным дзяржаўным гістарычным архіве Літоўскай ССР у Вільнюсе, Цэнтральным дзяржаўным архіве Кастрычніцкай рэвалюцыі і сацыялістычнага будаўніцтва СССР у Маскве і Цэнтральным дзяржаўным гістарычным архіве БССР у Гродна.

З фондаў ЦДГА Літоўскай ССР найбольшую цікавасць для раскрыцця данай тэмы прадстаўляюць матэрыялы канцылярыі віленскага генерал-губернатора, у Палітычным аддзяленні якой ёсць арыгіналы данясенняў губернатараў, а таксама іншыя дакументы, якія адлюстроўваюць нарастанне вызваленчага руху ў Літве, выключаючы літоўскія паветы Аўгустоўскай губ., і Заходняй Беларусі напярэдадні паўстання. Асабліва шырока выкарыстоўваліся складальнікі дакументы «Агульнай справы аб палітычных беспарадках у заходніх губернях і аб мерах да падаўлення такіх» (ф. 378, Паліт аддз., 1861 г., спр. 73, у пяці частках). Акрамя таго, выкарыстаны справы: «Аб палітычных беспарадках па гор. Вільня» (1861 г., спр. 44), па Ковенскай губ. (спр. 102, у пяці частках), па Гродзенскай губ. (спр. 80, у дзвюх частках) і інш. З матэрыялаў агульнага аддзялення канцылярыі ў зборнік уключаны галоўным чынам дакументы па сялянскаму руху ў перыяд правядзення рэформы 19 лютага.

²⁰ У верасні 1861 г. быў пераведзены ў Волагду ковенскі губернатор С. Ф. Хамінскі, у кастрычніку таго ж года вызвалены ад пасады гродзенскі губернатор І. А. Шпэйер.

Рад важных спраў за гэты перыяд улічаны па вопісу № 121 фонду Канцылярыі генерал-губернатара. У прыватнасці, для раскрыцця сялянскага руху ў Ковенскай губерні былі шырока выкарыстаны дакументы справы № 432.

Пры падрыхтоўцы зборніка дасканала вывучаны матэрыялы штаба войск Віленскай ваеннай акругі, Часовага палявога аўдытарыята, следчых камісій, ваенных начальнікаў гарадоў і паветаў.

Пераважная большасць выяўленых дакументаў адносіцца да перыяду паўстання і будучы апублікаваны ў іншых зборніках серыі, перш за ўсё ў tome «Паўстанне 1863 г. у Літве і Беларусі».

У гэты зборнік увайшлі дакументы, якія прадстаўляюць цікавасць для гісторыі развіцця рэвалюцыйных арганізацый, маніфестацыйнага і сялянскага руху напярэдадні паўстання. У прыватнасці, вывучэнне ваенна-суднай справы Часовага палявога аўдытарыята ў Вільні «Аб С.-Пецярбургскай рэвалюцыйнай арганізацыі» (ф. 1248, воп. 2, спр. 1839) дала магчымасць выявіць цікавыя дакументы аб дзейнасці Віленскай рэвалюцыйнай арганізацыі і яе сувязях з пецярбургскімі рэвалюцыянерамі ў перыяд падрыхтоўкі паўстання. Вельмі змястоўная «Справа штаба войск ВВА суднага аддзялення аб былым студэнту С.-Пецярбургскага ўніверсітэта Іосіфе Гарчаку» (ф. 494, воп. 1, спр. 89), дакументы якой сведчаць аб вялікім уплыве «Мужыцкай праўды» на сялян Гродзенскай губерні. У справе № 121 гэтага ж фонду аб васьмі паўстанцах з атрада А. Трусава, якія былі захоплены ў палон 30 красавіка 1863 г. недалёка ад Мінска, ёсць важныя дакументы аб светапоглядзе Трусава і яго рэвалюцыйнай дзейнасці ў Мінску напярэдадні паўстання.

Першаступеннае значэнне маюць матэрыялы III аддзялення асабістай я і. в. канцылярыі, якія захоўваюцца зараз у ЦДАКР СССР. У першай экспедыцыі III аддзялення знаходзяцца данясенні начальніка IV акругі корпуса жандараў, які пашыраў свае функцыі на Літву, Беларусь і Правабярэжную Украіну, а таксама губернскіх жандарскіх штаб-афіцэраў, паведамленні генерал-губернатара, данясенні агентаў і іншыя дакументы аб палітычных дэманстрацыях, распаўсюджванні адозваў, рэвалюцыйнай агітацыі, настроях насельніцтва ў Літве і на Беларусі напярэдадні паўстання. Ужо вясною 1861 г., з пачатку ўздыму вызваленчага руху, у першай экспедыцыі была заведзена серыя спраў «Аб беспарадках у заходніх губернях» (спр. 303, 304, падзеям у кожнай асобнай губерні прысвечалася асобная частка). Але, вядома, рэвалюцыйны рух у Літве і Беларусі знаходзіць адлюстраванне і ў многіх іншых справах першай экспедыцыі. Акрамя матэрыялаў першай экспедыцыі, у зборнік уключаны таксама дакументы сакрэтнага архіву і чацвертай экспедыцыі III аддзялення (з апошняй узята некалькі дакументаў па сялянскаму руху).

У меншай ступені выкарыстаны матэрыялы канцылярыі міністра ўнутраных спраў (Цэнтральны дзяржаўны гістарычны архіў СССР у Ленінградзе), паколькі яны даюць мала новага ў параўнанні з пералічанымі матэрыяламі. У зборнік уключаны таксама асобныя дакументы па сялянскаму руху ў перыяд правядзення рэформы, якія захоўваюцца ў фондзе Сакрэтнага і Галоўнага камітэта па сялянскай справе (ЦДГА СССР).

Вельмі каштоўны матэрыял далі фонды губернатараў: ковенскага (захоўваецца ў Дзяржаўным архіве г. Каўнаса), віленскага (ЦДГА Літ. ССР), гродзенскага (ЦДГА БССР у Гродна), мінскага (Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці). У іх захоўваюцца арыгіналы данясенняў непасрэдных назіральні-

каў падзей — прадстаўнікоў мясцовых улад: спраўнікаў, паліцмайстраў, прыставаў і інш. У прыватнасці, толькі матэрыялы ковенскага губернатара даюць магчымасць больш поўна прасачыць вельмі своеасаблівую з’яву — узброенае выступленне літоўскіх сялян супраць рэкруцкага набору ў снежні 1862 — студзені 1863 гг. У дакументах гродзенскага губернатара ёсць звесткі аб распаўсюджванні «Мужыцкай праўды» і іншых рэвалюцыйна-дэмакратычных выданняў у Гродзенскай губерні напярэдадні паўстання (як вядома, у гэтых адносінах Гродзенская губерня ішла на першым месцы). Асабліва поўнай з гэтага пункту погляду з’яўляецца справа № 1121 (воп. 22) фонду Канцылярыі гродзенскага губернатара. Развіццё вызваленчага руху ў Мінскай губерні найбольш падрабязна адлюстравана ў справе № 1405 (воп. 1) фонда Канцылярыі мінскага губернатара, дакументы якой шырока выкарыстаны для зборніка.

Неабходна таксама адзначыць матэрыялы Гродзенскай следчай камісіі, якія захоўваюцца ў ЦДГА БССР (Гродна), у прыватнасці справу № 41 — аб Гродзенскай рэвалюцыйнай арганізацыі, — дакументы якой даюць магчымасць раскрыць некаторыя бакі дзейнасці літоўска-беларускай рэвалюцыйнай арганізацыі напярэдадні паўстання, якія не былі адлюстраваны ў іншых матэрыялах.

Асобныя дакументы ўзяты складаальнікамі зборніка з Партыйнага архіву пры ЦК КПБ, Публічнай бібліятэкі імя М. Я. Салтыкова-Шчадрына ў Ленінградзе, Цэнтральнай бібліятэкі Акадэміі навук Літоўскай ССР, Вільнюскага дзяржаўнага гісторыка-рэвалюцыйнага музея, а таксама з Нацыянальнай бібліятэкі ў Варшаве і Польскай бібліятэкі ў Парыжы.

Вядома, у зборнік увайшла толькі невялікая колькасць усіх выяўленых матэрыялаў па гісторыі рэвалюцыйнага ўздыму ў Літве і на Беларусі напярэдадні паўстання 1863 г. Складальнікі і рэдакцыя прарабілі вялікую работу па адбору найбольш характэрных і змястоўных дакументаў для ўключэння ў зборнік. Значную ролю адыгрываюць каментарыі, якія абагульняюць звесткі з многіх дакументаў, не апублікаваных у сувязі з абмежаваным аб’ёмам зборніка.

Спецыфікай матэрыялаў, якія адлюстроўваюць эпоху 60-х гадоў, з’яўляецца іх пэўная аднабаковасць. У большасці сваёй гэта дакументы царскіх улад — душыцеляў вызваленчага руху. Яны змяшчаюць больш — менш багаты фактычны матэрыял, але часта даюць няправільнае асвятленне падзеям. У прыватнасці, царскі ўрад з палітычных меркаванняў перабольшваў ролю польскіх памешчыкаў і каталіцкага духавенства ў падзеях 1861—1862 гг. і паследуючых год у Літве і на Беларусі. Імкнучыся сыграць на нацыянальных пачуццях рускага народа, царскія ўлады схільны былі лічыць «польскімі інтрыгамі» літаральна ўсе праяўленні рэвалюцыйнага руху не толькі ў Літве і на Беларусі, але і ў самой Расіі. Па магчымасці складальнікі імкнуліся ўключыць у зборнік дакументы, якія выйшлі з лагера вызваленчага руху (адозвы, інструкцыі, пісьмы, успаміны, сялянскія скаргі і г. д.), але іх захавалася нямнога. У каментарыях выкарыстоўваюцца таксама апублікаваныя мемуары. Пры гэтым улічвалася неабходнасць крытычных адносін да дакументаў, якія выйшлі з памешчыцка-апазіцыйнага лагера або з асяроддзя шляхецкіх рэвалюцыянераў.

Зборнік складаецца з агульнага раздзела, дзе змешчаны дакументы, якія маюць значэнне для ўсёй тэрыторыі Літвы і Беларусі або для некалькіх губерняў, і шасці пагубернскіх раздзелаў. Меркавалася ўключыць у зборнік яшчэ і раздзел па літоўскіх паветах Аўгустойскай губерні, аднак

дакументы, якія адлюстроўваюць вызваленчы рух у гэтай частцы Літвы і захоўваліся ў польскіх архівах, загінулі ў гады другой сусветнай вайны. Некалькі ўпамінаў аб падзеях у Аугустоўскай губерні чытач знойдзе ў документах раздзела па Ковенскай губерні, якая межавала з Аугустоўскай.

Пераважная большасць дакументаў, змешчаных у даным зборніку, публікуецца ўпершыню. Невялікая частка дакументаў, што захоўваюцца зараз у ЦДГА Літоўскай ССР, была апублікавана да рэвалюцыі ў зборніках, якія выдаваліся Мураўёўскім музеем у Вільні²¹. Аднак гэтыя публікацыі не вытрымліваюць крытыкі ні з пункту погляду палітычнай мэтанакіраванасці, ні з пункту погляду археаграфічнай тэхнікі. Акрамя таго, у цяперашні час яны з'яўляюцца бібліяграфічнай рэдкасцю. У савецкі час некаторыя з публікуемых дакументаў выкарыстоўваліся ў гістарычных артыкулах і манаграфіях. З дакументальных публікацый непасрэднае дачыненне да тэмы гэтага зборніка мае выдадзены некалькі год назад у Мінску зборнік дакументаў і матэрыялаў па гісторыі сялянскага руху ў Беларусі ў перыяд правядзення рэформы²². Гэта дазволіла складальнікам абмежавацца невялікай колькасцю дакументаў па данай тэме ў гэтым зборніку. Апублікаваныя раней дакументы змяшчаюць указанне на выданне, у якіх яны публікаваліся (назва выдання змяшчаецца адразу за легендай дакумента).

Археаграфічная апрацоўка дакументаў, у тым ліку і іншамуных, зроблена на аснове «Правіл выдання гістарычных дакументаў» (М., 1956).

Дакументы публікуюцца, як правіла, поўнасю. У асобных выпадках, з мэтай эканоміі месца, апускаліся часткі дакумента, якія не адносяцца да тэмы. Усе апушчаныя месцы абазначаюцца шматкроп'ем і агаварваюцца ў заўвагах. Загалоўкі дакументаў, якія публікуюцца ў дадатках, пачынаюцца са слова «Из...». Без заўваг апушчаны вуглавыя штампы з абазначэннем аўтара, даты і зыходнага нумара дакумента (гэтыя элементы выкарыстоўваліся пры складанні рэдакцыйнага загалоўка).

Тэксты публікуюцца па новай арфаграфіі, але з захаваннем стылістычных асаблівасцей арыгіналу, характэрных для эпохі і аўтара дакумента. Адпаведна ўдакладнены пунктуацыя і напісанне вялікіх і малых літар. У асобных выпадках правілася разбіўка тэкста на абзацы. Памылкі тэкста, якія не маюць сэнсавага значэння (арфаграфічныя памылкі, выдавочныя апіскі і г. д.), папраўляліся без агавораў, а тыя, якія мелі сэнсавое значэнне — з агаворкамі ў падрадкавых заўвагах. Усе дапаўненні, унесеныя ў тэкст складальнікамі (прапушчаныя злучнікі, часткі слоў і словы), бяруцца ў квадратныя дужкі. Не зусім зразумелыя словы і выразы, якія могуць мець розныя тлумачэнні, агаварваюцца заўвагай: «Так в тексте».

З мэтай эканоміі месца ў тэкст уведзены скарачэнні (гл. спіс). Скарачэнні, якія ўжо былі ў тэксце дакументаў, прыведзены ў адпаведнасць са скарачэннямі, прынятымі для данага зборніка.

²¹ «Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева», т. 1. Вильна, 1906; «Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края» («Виленский временник», кн. VI, ч. 1. Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 г. по май 1863 г.), Вильна, 1913.

²² «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», Минск, 1959.

Геаграфічныя назвы ў тэксце дакументаў і ў загалюках прыводзяцца ў іх гістарычнай форме. У аснову пакладзена афіцыйнае напісанне гэтых назваў, прынятае ў той час. У геаграфічным паказчыку, побач са старымі, прыводзяцца таксама сучасныя формы геаграфічных назваў.

Дакументы публікуюцца на мове арыгінала. Іншамовныя тэксты, акрамя таго, даюцца ў перакладзе на рускую мову.

За аснову датыроўкі дакументаў прыняты стары стыль, які прымяняўся у той час на Беларусі і у большай частцы Літвы (у Аўгустоўскай губ. прымяняўся новы стыль). Калі дакумент датаваны па новаму стылю, то дата гэта прыводзіцца ў загалюку ў дужках услед за датай старога стылю. Даты, устаноўленыя складальнікамі, прыводзяцца ў падрадкавых заўвагах.

Пры вызначэнні разнавіднасці дакументаў у загалюках складальнікі зыходзілі з класіфікацыі дакументаў таго часу. Назвы пасадаў аўтараў і адрасатаў у загалюках уніфікаваліся, вялікія назвы па магчымасці скарачаліся (напрыклад, замест «грамадзянскі губернатар», «начальнік губерні», пішацца: «губернатар»). У адносінах найбольш часта ўпамінаемых у загалюках буйнейшых службовых асоб (генерал-губернатар, міністры) назва пасады апускаецца. Гэта датычыць віленскага генерал-губернатара У. І. Назімава, галоўнаўпраўляючага ІІ аддзяленнем В. А. Даўгарукава, міністра ўнутраных спраў П. А. Валуева і інш.

Заўвагі самаго дакумента друкуюцца ўнізе адпаведнай старонкі прамым шрыфтам і абазначаюцца «зоркачкамі». Тэксталагічныя заўвагі, зробленыя складальнікамі, друкуюцца ўнізе адпаведнай старонкі курсівам, а словы дакумента прамым шрыфтам без двукосся. Такія заўвагі абазначаюцца малымі літарамі рускага алфавіта. Заўвагі па зместу (рэальны каментарый) друкуюцца пасля легенды дакумента курсівам і абазначаюцца арабскімі лічбамі. Пры падрыхтоўцы тэкстаў да друку складальнікамі расшыфраваліся паметкі і рэзалюцыі, якія ёсць у дакументах. Тыя з іх, што прадстаўляюць цікавасць, публікуюцца або ўслед за тэкстам дакументаў, або ў тэксталагічных заўвагах.

У склад рэальнага каментарыя не ўводзіўся, як правіла, біяграфічны матэрыял аб памянёных у тэксце дакументаў асобах. Адпаведныя звесткі змешчаны ў анатыраваным імянным паказчыку.

У рабоце па складанню зборніка (канчатковы адбор дакументаў, падрыхтоўка да друку, каменціраванне) прымалі ўдзел наступныя навуковыя работнікі.

Агульны адзел — У. Б. Бікуліч (Цэнтральны дзяржаўны гістарычны архіў Літоўскай ССР), З. Я. Тальвірская (Ін-т славяназнаўства Акадэміі навук СССР);

Віленская губерня — М. Ю. Зараўскайтэ (Ін-т гісторыі Акадэміі навук Літоўскай ССР);

Ковенская губерня — О. І. Максімайтэне (Ін-т гісторыі Акадэміі навук Літоўскай ССР);

Гродзенская губерня — Л. В. Аржаева (Архіўнае ўпраўленне пры Савеце Міністраў БССР);

Мінская губерня — Т. Е. Ляонцьева (Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці); Віцебская і Магілёўская губерні — Н. І. Булдакова (Ін-т гісторыі Акадэміі навук БССР).

Робатай па складанню раздзелаў па Гродзенскай, Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губернях кіравала С. М. Байкова (Ін-т гісторыі Акадэміі навук БССР).

Акрамя складальнікаў, у выяўленні дакументаў у архівасховішчах Літоўскай ССР прымала ўдзел брыгада навуковых супрацоўнікаў: Р. К. Батура, І. В. Дабравольскас, Р. Ю. Страздунайтэ, Л. К. Труска (Ін-т гісторыі АН Літ. ССР); Л. А. Гецманас, Ю. М. Крылоў, Т. В. Лухтан, В. П. Масілюнене, Н. А. Міхайлава, У. П. Савіцкі (ЦДГА Літ. ССР), — якая ўзначальвалася В. Г. Меркісам, а пазней — У. Б. Бікулічам.

У выяўленні дакументаў па архівах БССР прымалі ўдзел А. П. Грыцкевіч (Ін-т гісторыі АН БССР); К. П. Батракова, В. Д. Барэйкіна, В. А. Кісялёва, Э. О. Марэнка, Л. П. Панова, Ф. Л. Храброва (ЦДГА БССР у Гродна); В. П. Пахвалаў (ЦДГА БССР у Магілёве); Т. А. Вараб'ёва, І. В. Рошчын, Д. Л. Шорахава (Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці).

Адбор дакументаў для зборніка ў сховішчах Масквы зроблен З. Я. Тальвірскай; у сховішчах Літоўскай ССР — групай навуковых супрацоўнікаў у складзе У. Б. Бікуліча, М. Ю. Зараўскайтэ, О. І. Максімайтэне пад кіраўніцтвам Г. В. Кісялёва (Архіўнае ўпраўленне пры Савеце Міністраў Літ. ССР).

Пераклад тэкстаў з літоўскай і польскай моў выканан Г. К. Ордай (Цэнтральны дзяржаўны гістарычны архіў Літ. ССР) і Г. А. Фейгельсонам (г. Вільнюс), з беларускай — Г. В. Кісялёвым.

Рэдагаванне археаграфічнай апрацоўкі дакументаў зроблена Г. В. Кісялёвым; ён жа падрыхтаваў археаграфічную частку прадмовы.

*Ю. Жуґжда
С. Лазутка*

PRZEDMOWA

Powstanie 1863 r. i poprzedzająca je sytuacja rewolucyjna stanowią w historii narodów litewskiego i białoruskiego wydarzenie, które niezmienne przykuwa uwagę następnych pokoleń. Zamieszczone w niniejszym tomie dokumenty charakteryzują sytuację rewolucyjną lat 1859—1862 na Litwie i Białorusi jako część składową sytuacji rewolucyjnej w całym państwie rosyjskim.

Pod koniec lat pięćdziesiątych ubiegłego stulecia kryzys pańszczyźnianego systemu gospodarki pogłębił nędzę i niedolę klas uciśnionych, stając się podstawą, na której rozwinęła się ostra walka klasowa między dwiema głównymi klasami społeczeństwa feudalnego—obszarnikami i chłopstwem. Już z początkiem 1859 r. walka klasowa tak się zaostrzyła, że sam carat musiał otwarcie przyznać, iż «oswobodzenie» chłopów i nadanie im ziemi stały się koniecznością. Po tym oświadczeniu chłopci poddani prowadzili nadal jeszcze zaciętszą walkę. Jeżeli w pierwszej ćwierci XIX w. w Rosji rokrocznie miało miejsce powyżej 11 buntów, a w 1826—1854 powyżej 24, to w 1855—1861 wybuchało ich powyżej 79¹. Ta wciąż wzmagająca się walka chłopstwa przeciw obszarnikom zmusiła carat do wydania manifestu z 19 lutego 1861 r., który znosił poddaństwo. Mimo to sytuacja rewolucyjna w całym cesarstwie rosyjskim, zwłaszcza zaś na jego krańcach—w Polsce, na Litwie i Białorusi itd., przybrała jeszcze ostrzejsze formy.

Lenin, charakteryzując sytuację rewolucyjną pod koniec lat pięćdziesiątych i na początku sześćdziesiątych, zwraca uwagę, że w wytworzonych okolicznościach «najbardziej nawet ostrożny i trzeźwy polityk zmuszony byłby uznać wybuch rewolucyjny za zupełnie możliwy, a powstanie chłopskie za wielce poważne niebezpieczeństwo»².

Rzeczywiście, zarówno układ stosunków w Rosji, jak i sytuacja międzynarodowa sprzyjały przerastaniu ogólnorosyjskiej sytuacji rewolucyjnej w otwarte powstanie. W Anglii, Francji, Niemczech ruch robotniczy przybierał na sile, naród włoski po bohatersku walczył o wyzwolenie, a i od-

¹ Walka chłopów wzmożyła się osobiście w ostatnich latach przed reformą. W roku 1859 miało miejsce powyżej 91 otwartych buntów, w 1860—126. Powszechnie włościanie okazywali opozycję przeciwko panom (Zob. C. B. Токарев. О численности крестьянских выступлений в России в годы первой революционной ситуации.—«Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1963, стр. 128).

² W. I. Lenin. Dzieła, t. 5, str. 37—38.

działował przykładem na ruchy narodowo-wyzwoleńcze innych narodów. W Stanach Zjednoczonych rozgorzała wojna domowa między opartym na niewolnictwie Murzynów «Południem», a demokratyczną «Północą».

Litwa i Białoruś, podobnie jak Polska, z wielu względów odgrywały bardzo ważną rolę w ogólnorosyjskich wydarzeniach rewolucyjnych końca lat pięćdziesiątych i początku lat sześćdziesiątych ubiegłego stulecia. Ze swej strony powstała ówczesna sytuacja rewolucyjna rosyjska stwarzała jak najbardziej sprzyjające warunki dla walki Polaków, Litwinów, Białorusinów i innych ujarzmionych narodów przeciw caratowi i obszarnikom o wyzwolenie społeczne i narodowe.

Sytuacja rewolucyjna na Litwie i Białorusi, jak i w całym cesarstwie rosyjskim, powstała na tle kryzysu pańszczyźnianego systemu gospodarki, który zaostriął się zwłaszcza po wojnie krymskiej, rozwoju w łonie ustroju feudalnego nowych stosunków kapitalistycznych.

Rosnący przemysł, miasta i handel zagraniczny zwiększały z każdym rokiem zapotrzebowanie na ziemiopłody, którego nie zaspakajala dawna zrutynowana gospodarka feudalna. Prowadziło to do gwałtownej wyżki cen artykułów rolnych. W tej sytuacji niektórzy obszarnicy starali się rzucać na rynek jak najwięcej produktów, przystosowując swą gospodarkę do nowych, kapitalistycznych warunków, do nowych stosunków towarowo-pieniężnych. Jednakże wielu właścicieli nie dawało sobie z tym rady i gospodarstwo ich ulegało ruinie.

Wszystko to prowadziło do wzmoczenia eksploatacji i co za tym idzie zubożenia i rozwarstwienia litewskiej i białoruskiej wsi pańszczyźnianej. Rozwojowi kapitalistycznych stosunków w gospodarce wiejskiej, wzmoczeniu wyzysku pańszczyźnianego chłopstwa sprzyjał szereg ważnych okoliczności natury historycznej, geograficznej i ekonomicznej.

Jedną z cech właściwych gospodarce wiejskiej na Litwie i Białorusi była indywidualna forma użytkowania ziemi przez chłopą jako wynik tzw. reformy włóczęj, przeprowadzonej jeszcze w XVI wieku.

W warunkach rozkładu pańszczyźnianego systemu gospodarki obszarnicy szeroko stosowali rugowanie chłopów pańszczyźnianych, na skutek czego w końcu lat pięćdziesiątych ubiegłego stulecia zwiększyła się poważnie i bez tego stosunkowo znaczna liczba małorolnych i bezrolnych, zwłaszcza w guberni kowieńskiej.

Ustanowione przez rząd w 1844 r. «obowiązkowe inwentarze», nie wstrzymały rosnącego wyzysku chłopów. W przededniu reformy spotęgowały się zwłaszcza rugi tzw. «ludzi wolnych». Tak więc położenie chłopstwa w guberniach litewskich i białoruskich stawało się w tych latach nie do zniesienia.

Pod koniec lat pięćdziesiątych dawało się tu obserwować «większe niż zazwyczaj zaostrenie nędzy i niedoli klas uciskanych»³, tzn. jedno z ważniejszych znamion sytuacji rewolucyjnej wskazanych przez Lenina. Wpłynęło to na znaczną aktywizację wystąpień chłopskich, będących główną siłą napędową sytuacji rewolucyjnej.

Ruch chłopski w tym okresie staje się przede wszystkim walką chłopów przeciw rugom. Bardzo liczne w owym czasie były wystąpienia «ludzi wolnych», usuwanych z gruntu przez obszarników (najgłośniejsze z nich, np.

³ W. I. Lenin. Dzieła, t. 21, str. 216—217.

w powiecie telszewskim guberni kowieńskiej). Takie same wystąpienia miały miejsce we wszystkich guberniach Litwy i Białorusi.

W latach sytuacji rewolucyjnej na Litwie i Białorusi rozpowszechniły się tego rodzaju formy oporu chłopów przeciw obszarnikom, jak podpaleń i samowolne ucieczki do robót kolejowych i do fabryk.

Na ogół biorąc w przededniu reformy wystąpienia chłopskie na Litwie i Białorusi, jak zresztą w całym cesarstwie rosyjskim, nie wykroczyły wprawdzie poza sporadyczne lokalne «bunty», ogarnęły jednak dość znaczną liczbę dóbr⁴ i niewątpliwie przyczyniły się do przyspieszenia carskiego manifestu i «ustaw lokalnych» z 19 lutego 1861 r.

W walce tej ważną rolę odgrywał, podobnie jak w całej Rosji, antypańszczyźniany i antyrządowy w swej istocie tzw. ruch trzeźwości — wyraz żywiołowego protestu mas ludowych przeciwko wypuszczonej w arenę pańskiej propinacji (dok. 1, 179). Ruch trzeźwości oceniali pozytywnie rewolucyjni demokraci rosyjscy⁵. Ruch trzeźwości ogarnął szerokie rzesze litewskiego i białoruskiego chłopstwa. Na Litwie i w części Białorusi Zachodniej kler katolicki usiłował podporządkować sobie ruch trzeźwości nadając mu religijny, a więc bardziej umiarkowany charakter, jednak i tu ten ruch odegrał wielką rolę w walce chłopstwa przeciwko obszarnikom i caratowi. Chłopstwo litewskie i białoruskie, podobnie jak w całej Rosji, przyjęło manifest carski i łupieżcze «ustawy lokalne» z wielką nieufnością, a w wielu miejscowościach wręcz wrogo (dok. 38, 139 i in.).

Interesujący pod tym względem jest raport rosięńskiego sprawnika złożony gubernatorowi kowieńskiemu, że chłopci kategorycznie odmówili pańszczyzny i oświadczyli wyraźnie, że nie wierzą nikomu «bo wszyscy, nie wyłączając biskupa, są przekupieni przez panów»⁶. Zamieszki chłopskie wybuchły dosłownie w kilka dni po ogłoszeniu manifestu i z niesłabnącą siłą ciągnęły się aż do czerwca i lipca 1861 r. W naszej literaturze historycznej okres od połowy marca do lipca słusznie wyróżnia się jako pierwszy po reformie okres ruchów chłopskich. W owym czasie zaburzenia chłopskie objęły szereg powiatów guberni wileńskiej (dok. 75—77, 79—81, 84, 86), kowieńskiej (dok. 139—142, 144, 146, 150), grodzieńskiej (dok. 207), mińskiej i innych (dok. 266, 269, 299—303, 320).

W związku z antyfeudalną walką chłopów w dobrach lwie w powiecie oszmiańskim guberni wileńskiej, zamieszki wybuchły nie tylko w sąsiednich majątkach tegoż powiatu, ale i w sąsiednich powiatach tejże guberni, a także w powiecie nowogródzkim w gub. mińskiej. Brało w nich solidarny udział blisko 10 tysięcy chłopów. Wśród chłopstwa krążyły pogłoski, że ci, którzy nie przystąpią do ruchu, utracą prawo do nadziału ziemi. Zamieszki te stłumiono dopiero przy użyciu wojska (dok. 38)⁷.

W guberni kowieńskiej ośrodkiem ruchu stał się majątek Łabgiry.

⁴ W guberni wileńskiej i kowieńskiej rozruchy chłopskie od r. 1857 do ogłoszenia «manifestu» (połowa marca 1861) miały miejsce w 88 majątkach. (Zob. С. А. Лазутка. Революционная ситуация 1859—1862 гг. в Литве, М. 1961, стр. 93).

⁵ Zob. dok. 1; Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, М., 1950, стр. 318—338, 571—576, 670—686; А. Герцен dość często zamieszczał w «KoloKole» korespondencje z Rosji i «guberni zachodnich» o przebiegu ruchu trzeźwości («KoloKole», вып. II, М., 1962, стр. 364—365, 382, 430, 454—455; вып. III, стр. 633—636, 646—648; вып. IV, стр. 912).

⁶ Zob. ГАГК, ф. 50, оп. 1, 1861, д. 13 990, л. 11.

⁷ «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.). Документы и материалы», Минск, 1959, стр. 67—70 i in.

W szybkim czasie ruch ten ogarnął dwanaście sąsiednich majątków i około dziesięciu tysięcy chłopów. Fligel-adiutant Manzej oraz pułkownik Skworcow przy pomocy wojska okrutnie stłumili rozruchy (dok. 140).

W ówczesnych ruchach chłopskich odegrali wielką rolę tzw. «burzyciele» spośród inteligencji nieszlacheckiego pochodzenia, żołnierzy i samych chłopów, którzy «przewrotnie objaśniali» reformę carską (dok. 81, 91, 146 i in.)⁸.

Zamieszki chłopskie na Litwie i Białorusi w tym pierwszym okresie po reformie były wyrazem gwałtownego protestu chłopstwa przeciw krzywdzącym je warunkom reformy, która utrzymała w mocy wszystkie dawne powinności inwentarzowe i w istocie nie tknęła prawie dawnych stosunków poddańczych.

Litewscy i białoruscy chłopci, podobnie jak w Rosji, w okresie tym usiłowali osiągnąć natychmiast wolność i pozbyć się wszelkich powinności na rzecz dziedzica. Oświadczały więc, że «nie będą pełnili powinności inwentarzowych, ponieważ inwentarze są zniesione»⁹. W guberni wileńskiej i kowieńskiej w pierwszym okresie po reformie, wedle niepełnych danych, zaburzenia chłopskie miały miejsce w 145 majątkach, w guberniach Białorusi — 311¹⁰.

Drugi okres ruchów chłopskich na Litwie i Białorusi ciągnie się w przybliżeniu od lipca do schyłku 1861 roku. W owym czasie chłopci występowali z gwałtownym protestem przeciw organizowaniu gmin i wyborom urzędników gminnych, jak również przeciw ustanawianiu rozjemców. Podobne wystąpienia chłopskie miały także miejsce w większości guberni rosyjskich¹¹. Ruch ten wyróżniał się szczególną uporczywością i długotrwałością oraz różnorodnością form walki (dok. 91, 98, 151, 155, 157, 173, 175, 176, 216, 226).

Trzeci okres ruchów chłopskich na Litwie i Białorusi po wprowadzeniu reformy obejmuje cały rok 1862 i początek 1863 aż do wybuchu powstania. Główną sprawą, wokół której toczyła się walka była odmowa przyjmowania listów nadawczych («hramot»). Sprzeciwy te przybrały na Litwie i Białorusi ostrzejsze formy niż w innych guberniach cesarstwa. «Hramoty» sankcjonowały niedawne fakty zagarnięcia chłopskiej ziemi przez obszarników, z czym wieś nie chciała się pogodzić. Oficer żandarmerii guberni wileńskiej, ppłk Łosiew, donosił ks. Dołgorukowowi 30 lipca 1862 r.: «W guberni wileńskiej dotychczas dobrowolnych porozumień między dziedzicami a chłopami nie było i nie przewiduje się» (dok. 125). Do końca 1862 r. w guberni wileńskiej listy nadawcze podpisało tylko 9,67% chłopów, w kowieńskiej—6,04%, w grodzieńskiej—3,81%, w mińskiej zaś—0,16%¹².

⁸ W Białostocczyźnie poszczególni agitatorzy chłopscy związani byli z partią «czernych». Por. Fr. Biłgorajski. Pamiętniki o sprawie chłopskiej w 1863 r., Wrocław, 1956, str. 26—28.

⁹ «Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861—1862 гг.», М.—Л., 1950, стр. 8—9.

¹⁰ С. А. Лазутка. Указ. соч., стр. 137; М. Б. Фридман. Крестьянское движение в Белоруссии в годы революционной ситуации.—«Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1963, стр. 265—266).

¹¹ М. Е. Найденов. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.). М., 1955, стр. 165—215.

¹² «Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861—1862 гг.», стр. 287.

Władze carskie i obszarnicy zaczęli wprowadzać listy nadawcze przy pomocy siły wojskowej, co spowodowało masowe wystąpienia chłopów. Ogarnęły one znaczną część majątków na Litwie i Białorusi (dok. 36, 122, 126, 131, 180—183, 185, 189, 230, 232, 312, 329).

Szczególnie zaciętą stała się walka chłopów przeciwko «hramotom» oraz iście poddańczym warunkom «oswobodzenia» w ostatnich miesiącach 1862 r., na początku zaś 1863 r. w większości powiatów guberni kowieńskiej, a w poszczególnych powiatach guberni wileńskiej, grodzieńskiej, mińskiej napięcie walki stało się maksymalnym¹³. Tak np. chłopci z gminy Sudejki powiatu wilkomirskiego, gdzie latem i na jesieni 1862 r. miały miejsce burzliwe rozruchy, w lutym 1863 r. wraz z wszystkimi gromadami sąsiedniej gminy wiźnieńskiej kategorycznie odmówili powinności, przepisanych listami nadawczymi i w ogóle «posłuszeństwa prawowitej władzy» (dok. 193). Taką samą postawę zajęli chłopci w innych powiatach i guberniach.

Walka klasowa chłopstwa z obszarnikami tłumiona przy pomocy policji i wojska, wymierzona była w coraz większym stopniu przeciwko carskiemu rządowi. Chłopci z dóbr rządowych (szczególnie rozległych w guberni kowieńskiej) walczyli o przyznanie im prawa wykupu ziemi. Wypadkom odmowy pańszczyzny i czynszów towarzyszyła odmowa podatków. Kiedy pod koniec 1862 r. po sześciolletniej przerwie rząd carski ogłosił nowy pobór rekruta, w wielu litewskich powiatach chłopci zaczęli zbiegać do lasów, tworząc niewielkie uzbrojone oddziały (dok. 196—202).

* * *

Zywiolowemu ruchowi chłopskiemu tego okresu na Litwie i Białorusi, podobnie jak i w Rosji, brakło, rzecz jasna, świadomości politycznej. Miał on jednak swoich ideologów, dążących do tego, by oświecić i obudzić uciesmięzone i przygniecione wiekami niewoli chłopstwo, zachęcić je do otwartej walki przeciw caratowi i obszarnikom. Wyrazicielami i obrońcami interesów ludu wiejskiego oraz plebsu miejskiego byli rewolucyjni demokraci, na których czele stał M. Czernyszewski¹⁴. Na Litwie i Białorusi w początku lat 60-ych rozpowszechniano «Kołokoł» oraz rosyjskie odezwy rewolucyjno-demokratyczne — «Młoda Rosja», «Wielkorus», «Co trzeba robić wojsku» i in. (dok. 44, 108, 115, 118, 120, 121, 123, 195, 233, 243, 316). W guberniach wileńskiej i grodzieńskiej rozwinął w tych latach energiczną agitację wybitny rewolucjonista białoruski K. Kalinowski, jeden z przywódców powstania na Litwie i Białorusi. Kalinowski wraz z Wróblewskim i innymi rewolucjonistami w czerwcu 1862 r. zaczął wydawać nielegalną gazetę w języku białoruskim pt. «Mużyckaja prawda», wzywając chłopów do powstania przeciw caratowi i dziedzicom (dok. 48—53). «Mużyckaja prawda» odegrała ważną rolę w przygotowaniu chłopów do powstania na Litwie i Białorusi (dok. 130—135, 240, 248, 249, 256, 258, 259, 318).

¹³ W ciągu 1862 r. w guberni kowieńskiej rozruchy chłopskie zanotowano przeszło w 62 majątkach (C. A. Лазутка. Указ. соч., стр. 137). W guberniach białoruskich, dołączając część wileńskiej — 152 zaburzenia (М. Б. Фридман. Указ. соч., стр. 271).

¹⁴ W. I. Lenin. Dzieła, t. 17, str. 110—111.

Jeden z przywódców powstania 1863 r. w guberni kowieńskiej, litewski rewolucyjny demokrat A. Mackiewicz w ciągu dziesięciu z górą lat aktywności rewolucyjnej demaskował żarliwie okropności prawa poddańczego i nieznośną sytuację chłopstwa, starał się wytłumaczyć ludowi, że przyczyną jego niedoli są obszarnicy i carat, że nadejdzie czas, kiedy lud powstanie i odzyska wolność (dok. 63, 203). Wierzył, że rewolucja na Litwie, wsparta przez postępowe siły Rosji i Polski, zwycięży i wywalczy dla ludu prawa obywatelskie i «bezpłatny nadział gruntu, który mógłby podnieść lud»¹⁵ i wcześniej czy później pomógłby mu stanąć o losie swojej ojczyzny.

Kalinowski, Zwierzdowski i ich współpracownicy stworzyli latem 1862 r., w Wilnie tajny rewolucyjny «Komitet Ruchu» (znany później również pod nazwą «Komitet Prowincjonalny litewski») oraz sieć organizacji lokalnych (dok. 54, 55, 58). «Komitet Ruchu» odegrał poważną rolę w skupieniu rewolucyjnych sił Litwy i Białorusi i w przygotowaniu powstania (dok. 65, 66).

Duże znaczenie miała w tym czasie działalność młodych studentów i oficerów w wielu miastach Rosji, zwłaszcza w Petersburgu, gdzie wielu rewolucjonistów rodem z zachodnich guberni i z Królestwa Polskiego weszło w skład organizacji oficerskiej, działającej w bezpośredniej łączności z rewolucyjnymi demokratami rosyjskimi, a z chwilą powstania «Ziemi i Woli» w ścisłym kontakcie z tą ostatnią. Jednym z głównych inspiratorów i twórców petersburskiej organizacji oficerskiej był wybitny polski rewolucjonista, jeden z przywódców powstania na Litwie, serdeczny przyjaciel Czefnyszewskiego — Zygmunt Sierakowski. Z tej organizacji wyszli tacy znakomici rewolucjoniści, przywódcy oddziałów powstańczych na Litwie i Białorusi, jak Ludwik Zwierzdowski, Ignacy i Stanisław Laskowscy, Jan i Wincenty Kozieli-Poklewscy, Melchior Czyżyk i inni¹⁶.

* * *

Na równi z chłopstwem, siłą napędową przyszłego powstania był plebs miejski — robotnicy manufaktur, rzemieślnicy, kolejarze, drobni urzędnicy i handlarze itp., a obok nich także nieposiadająca szlachta, której położenie de facto nie różniło się od położenia chłopów lub miejskiej biedoty. Bezrolna i małorolna szlachta była szczególnie szykanowana przez rząd, który kwestionował jej przywileje stanowe i usiłował zepchnąć ją w szeregi chłopstwa. Ta część szlachty odczuwała na sobie wyzysk ze strony klas posiadających oraz inne ciężary ustroju feudalnego. Jednak ani proletariat miejski, ani zdeklasowana szlachta nie miały własnego programu politycznego. Obiektywnie najpełniejszym i konsekwentnym wyrazicielem ich interesów była rewolucyjna demokracja; wszelako na skutek wielu przyczyn znaczna część biedoty miejskiej, a zwłaszcza deklasującej się szlachty znalazła się pod wpływem liberalnej ideologii szlacheckiej.

Na sytuację na Litwie i Białorusi oddziaływało do pewnego stopnia zastrzeżenie sprzeczności klasowych i wzmoczenie ruchu narodowo-wyzwoleń-

¹⁵ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 219, л. 121, л. 25.

¹⁶ Bardziej szczegółową informację o petersburskiej organizacji oficerskiej zob. w wydanym w tej serii zbiorze «Współpraca rewolucyjna polsko-rosyjska», t. 1, M., 1963, str. 197—352.

czego w Polsce. Na progu lat sześćdziesiątych ub. wieku w Polsce szerokie masy chłopstwa i biedoty miejskiej podjęły walkę o reformę rolną, reformy społeczne oraz o niepodległość. Wraz z nimi szła drobna, zrujnowana szlachta. W pewnej mierze popierały je również średnie warstwy burżuazji i szlachty. Spośród tych warstw społecznych na jesieni 1861 r. utworzyła się partia rewolucyjna, która otrzymała nazwę «Czerwonych» i rozpoczęła przygotowania do zbrojnego powstania.

Przekonania lewego skrzydła Czerwonych ukształtowały się pod wpływem ruchu chłopskiego w Polsce i Rosji, wzniesienia fali rewolucyjnej w Europie Zachodniej, a także rewolucyjnych demokratów rosyjskich. Lewica Czerwonych stała na pozycjach rewolucyjno-demokratycznych — obrony polskich mas ludowych. Do nich należeli tacy rewolucyjni polscy, jak Stefan Bobrowski, Bronisław Szwarce, Jarosław Dąbrowski, Zygmunt Padlewski, którzy wyznawali te same poglądy, co ich przyjaciele i towarzysze czynni na Litwie i Białorusi: Zygmunt Sierakowski, Ludwik Zwierzdowski, Walery Wróblewski i inni. Podobnie jak rewolucyjni demokraci rosyjscy żądali oni odebrania ziemi obszarnikom, przekazania ziemi chłopom na własność — bez żadnego wykupu. Polscy rewolucyjni demokraci, podobnie jak ich zwolennicy w całej Rosji, a także na Litwie i Białorusi, uznawali prawo ludności tych ziem do samodzielnego rozstrzygnięcia, czy mają przyłączyć się do Polski, czy do Rosji, czy też domagać się zupełnej niezawisłości.

Prawe skrzydło Czerwonych stało w tej sprawie na gruncie nacjonalistycznym i wypowiadało się za przywróceniem Polsce granic 1772 r. tzn. za bezwarunkowym przyłączeniem Litwy, Białorusi i części Ukrainy. Ten odłam Czerwonych unikał współpracy z rewolucyjnymi siłami Rosji; uznawał prawo włościan do tych gruntów, które uprawiali, bez wykupu, z tym jednak, że obszarnikom należy się za tę ziemię odszkodowanie od państwa.

Polscy liberalni obszarnicy i rosnąca burżuazja przemysłowa bali się rewolucji agrarnej, bali się ruchu chłopskiego, w ogóle zaś byli przeciwnikami walki rewolucyjnej jakkolwiek pragnęli zrzucenia jarzma caratu. Spośród tych kręgów społecznych utworzyła się tzw. partia Białych. Pewien jej odłam starał się drogą legalną uzyskać «autonomię» i ustępstwa ze strony caratu, inni zaś Biali marzyli o wskrzeszeniu Polski w granicach z 1772 r. przy pomocy rządów Francji i Anglii. Rozwój wydarzeń zmusił Białych przejść na stronę powstania, które wybuchło wbrew ich woli. Ale oni wszelkimi sposobami starali się zmniejszyć jego rozmach i przytłumić jego wydzźwięk społeczny.

Rewolucyjni demokraci rosyjscy konsekwentnie popierali i bronili praw Polski i narodu polskiego do niepodległości, popierali polski ruch narodowo-wyzwoleńczy. Zarazem jednak poddawali oni krytyce niedociągnięcia programu agrarnego i narodowego Czerwonych.

«Jeżeli w Rosji — mówił Hercen do przedstawicieli kierownictwa polskiego ruchu narodowo-wyzwoleńczego — nie zobaczą na waszym sztandarze hasła nadania ziemi i samookreślenie prowincyj, to nasza sympatia nie będzie wam w niczym pożyteczna»¹⁷.

Ruch polityczny, który ogarnął Królestwo Polskie, poczynając od lutego 1861 r. oddziałował również na Litwę i Białoruś. Ludność polska na tych terenach reagowała silnie na wydarzenia w Warszawie. Idąc za

¹⁷ A. Hercen. Rzeczy minione i rozmyślenia, t. V, Warszawa, 1954, str. 186.

przykładem tamtejszych manifestacji, urządziła nabożeństwa żałobne za warszawskich poległych, śpiewała w kościołach patriotyczne hymny i przywdziewała żałobę narodową. Polska szlachta, skupiająca w swym ręku znaczną część wielkiej własności ziemskiej na Litwie i Białorusi, szła za przykładem obozu Białych w Królestwie. Planom powstańczym przeciwwstawiała «pracę organiczną»: zakładanie towarzystw rolniczych, banków, instytucji naukowych itp. Obszarnicy ci występowali także z żądaniem przyłączenia do Królestwa Polskiego ziem litewskich i białoruskich, nie biorąc pod uwagę dążeń narodowych przeważającej większości ich mieszkańców. Jednocześnie uboższa część ludności polskiej na Litwie i Białorusi, złożona przeważnie ze zdeklasowanej szlachty, biedoty miejskiej i inteligencji, skłaniała się do programu Czerwonych i brała udział w przygotowaniach powstańczych w ścisłym sojuszu z obozem rewolucyjnym w Rosji.

Ożywienie ruchu społecznego w latach 1861—1862 wycisnęło swój ślad na dalszym rozwoju świadomości narodowej i aktywności Litwinów i Białorusinów. Zaostrzający się konflikt klasowy między masami chłopstwa a polską szlachtą, a także rządem carskim budził w tych masach dążenia do swobodnego rozwoju narodowego, do własnej szkoły i administracji. Niemalą rolę odgrywał w tych nastrojach czynnik wyznaniowy; katolicyzm na Litwie, a także żywa jeszcze na Białorusi pamięć o odrębnej cerkwi unickiej, skasowanej w 1839 r. Ci, którzy budzili w Litwinach i Białorusinach świadomość narodową, z Kalinowskim i Mackiewiczem na czele, wierzyli niezachwianie, że biorąc udział w walce narodu polskiego z caratem, idąc ręką w rękę z rewolucyjną demokracją rosyjską, wywalczą również dla swoich narodów warunki samodzielnego rozwoju. Wypowiadał się za tą ideą na łamach prasy emigracyjnej na początku lat sześćdziesiątych Mikołaj Akielewicz. Narodowo-wyzwoleńcze idee znalazły swój wyraz w ruchu manifestacyjnym, szerzącym się na Litwie i Białorusi w r. 1861. Głównymi uczestnikami tych manifestacji była biedota miejska, drobni urzędnicy i kramarze, rewolucyjnie nastrojona młodzież szkolna i studencka. Rzecz charakterystyczna, że te masowe manifestacje, odbywające się pod silnym wpływem polskich hasel narodowych co do intencji i metod działania wykraczały daleko poza ramy umiarkowanego liberalizmu i kończyły się często starciami z policją i wojskiem.

W 1861 r. po głośnych manifestacjach lutowych w Warszawie ruch w miastach Litwy i Białorusi ogromnie przybrał na sile, czego wyrazem były jawnie antyrządowe demonstracje religijno-polityczne (dok. 5, 7, 74, 138, 204—205, 265, 298, 319). Latem 1861 r. manifestacje te wyszły na ulicę; wśród nich najpotężniejsze miały miejsce 12 sierpnia w Kownie (dok. 158—159, 161), 18 sierpnia w Wilnie (dok. 96—97), 26 sierpnia w Grodnie (dok. 218). W poszczególnych manifestacjach uczestniczyło do 5 tysięcy ludzi, miały one wyraźnie antyrządowy charakter i do ich rozpędzenia używano wojska, jak np. 18 sierpnia w Wilnie. Te polityczne demonstracje i manifestacje antyrządowe znalazły żywy oddźwięk i poparcie w postępowym odłamie społeczeństwa rosyjskiego. Ruch ten trwał w miastach aż do samego wybuchu powstania (dok. 127, 129, 192, 242, 288, 291—292), przeplatając się z masowymi wystąpieniami chłopów, stał się on jednym ze składowych elementów sytuacji rewolucyjnej na Litwie i Białorusi. W okresie manifestacji szczególnie ożywioną działalność przejawiały kółka rewolucyjne, które rozwinęły szeroką propagandę

wśród rzemieślników, młodzieży szkolnej i innych warstw ludności miejskiej. Pierwsze tego rodzaju kółka powstały w roku 1858—1860. Jednym z takich kółek było tzw. kółko Witkowskiego w Wilnie, które prowadziło antyrządową propagandę w polskim duchu narodowo-wyzwoleńczym wśród czeladzi białoskórniczej oraz młodzieży szkolnej (dok. 70—73).

Organizacja «Piątkowiczów», co do składu przeważnie szlachecka, była dość radykalna i rozwinięta szeroką działalność (dok. 35, 109—113). Wydawała ona własne pismo «Jedność» (dok. 42, 43), kolportowała odezwy, starała się kierować żywiołowymi manifestacjami. Jednakże i ta organizacja stawiała sobie umiarkowane cele; zbiór ofiar na rzecz uczestników zamieszek na Litwie i Białorusi, zakładanie bibliotek, rozpowszechnianie nielegalnej literatury, otwieranie klubów, «pogodzenie» chłopów z obszarnikami, werbowanie nowych członków organizacji.

Większość liberalnej szlachty na Litwie i Białorusi bezpośrednio lub pośrednio wzięła udział w manifestacjach, mimo że obawiała się ich nadmiernego rozmachu (dok. 64, 74). Ważnym odcinkiem, na którym liberalna szlachta rozwinięła działalność opozycyjną wobec rządu carskiego, była instytucja rozjemców (dok. 162, 194), a także różnorodne zjazdy ziemiańskie i proszone obiady. Najważniejsze z nich odbywały się na Litwie i Białorusi w 1862 r. od maja do października oraz w listopadzie w Wilnie. Na zjeździe ziemiaństwa guberni mińskiej 29 listopada 1862 r. obszarnicy zamierzali ułożyć adres do cara z prośbą o przyłączenie guberni mińskiej do Królestwa Polskiego (dok. 294).

Manifestacje stały się silnym bodźcem, który przyspieszył tworzenie się tajnych kółek, komitetów i innych organizacji o różnym zabarwieniu politycznym (dok. 64). Proces ten przypada w zasadzie na rok 1862. Wiele spośród tych kół ze względu na swój program i cele, a także na skład uczestników przypominało analogiczne kółka konspiracyjne w Królestwie Polskim i łączyło się ściśle z polskim ruchem narodowo-wyzwoleńczym. Podobnie jak tam, na Litwie i Białorusi większość szlachty i katolickiego duchowieństwa, opozycyjna wobec caratu, odnosiła się jednak niechętnie do wystąpień rewolucyjnego chłopstwa i plebsu miejskiego. Elementy te tworzyły prawe skrzydło partii Czerwonych oraz partię Białych, które w kwestiach społecznych nie wykraczały poza poszczególne reformy, mające na celu «polepszenie bytu włościan», w kwestii zaś narodowej żądały przywrócenia Rzeczypospolitej w granicach 1772 r. z włączeniem do niej Litwy, Białorusi, Ukrainy Przeddnieprzańskiej.

Podobnie jak w Królestwie Polskim, zwolennicy zbrojnego powstania tworzyli na Litwie i Białorusi partię Czerwonych. Na lewym jej skrzydle znaleźli się rewolucyjni demokraci. Liberalni obszarnicy, bojąc się udziału mas ludowych w nieuchronnie zbliżającym się powstaniu na Litwie i Białorusi, starali się podporządkować je sobie i pozbawić ruch jego treści społecznej. W ten sposób, podobnie jak w Królestwie, obóz Białych wyrażał interesy obszarników, ale opozycja jego wobec caratu potęgowała kryzys «góry». Partia Czerwonych, mimo szczególnych swoich wewnętrznych sprzeczności, odegrała w sumie rolę postępową i do niej właśnie odnosi się ta pozytywna ocena, jaką dali klasycy marksizmu-leninizmu polskiemu szlacheckiemu ruchowi tego okresu¹⁸.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 300.

Należy choć pobieżnie zaznaczyć stanowisko katolickiego kleru na Litwie i Białorusi Zachodniej. I on, podobnie jak szlachta, nie był jednolity, nie zajmował jednakowych pozycji. Niewielki odłam niższego duchowieństwa nastrojony rewolucyjnie i bliski ludowi z racji swego pochodzenia, a także sytuacji materialnej, brał czynny udział w ruchu chłopskim, często występując w charakterze inspiratorów. Druga, liczniejsza część średniego i niższego duchowieństwa sprzyjała manifestacjom i popierała ruch narodowo-wyzwoleńczy polski. W miarę rozwijania się tego ruchu na Litwie i Białorusi, ta część duchowieństwa czynnie rozpowszechniała wśród chłopstwa liberalną ideologię szlachecką, propagowała zgodę klasową między dworem a wsią, nakłaniała chłopów, by wraz z obszarnikami przeciwstawiali się caratowi. Pewna część kleru oscylując ku partii Białych, popierała ją czynnie aż do wybuchu powstania, a potem wraz z Białymi okazywała pomoc powstańcom.

Wreszcie znaczny odłam średniego duchowieństwa katolickiego, a także jego władze — episkopat wileński, żmudzki i innych diecezji współdziałały z władzami carskimi w tłumieniu ruchu chłopskiego i w ogóle rewolucji (dok. 145).

* * *

W odpowiedzi na rozwijający się po ogłoszeniu reformy potężny ruch chłopstwa, plebsu miejskiego i zdeklasowanej szlachty, popierany przez pewien odłam liberalnych obszarników i kleru, rząd carski zastosował surowe represje. 3 września 1861 r. w większości miast i powiatów general-gubernatorstwa wileńskiego zaprowadzono stan wojenny (dok. 26). Kierowano tam coraz to nowe jednostki wojskowe. 20 sierpnia wydano ukaz o utworzeniu w miastach gubernialnych tzw. guberni zachodnich sądów policyjnych, których działalność ze względu na opozycyjne nastroje większości ich członków — liberalnych obszarników i urzędników — nie dała jednak pożądaných przez rząd rezultatów.

Polityka rządu w stosunku do chłopów była w tym okresie pełną sprzeczności. General-gubernator wileński Nazimow straszył opozycyjnie nastrojonych obszarników, że nie będzie wysyłał oddziałów wojskowych na poskromienie zaburzeń chłopskich. Wszelako w gruncie rzeczy, władze jak i dawniej tłumiły surowo wystąpienia chłopów.

Represje carskiego rządu wobec obszarników i katolickiego duchowieństwa pogłębiły sprzeczności w łonie klasy panującej i «góry», wywoływały protest przedstawicieli arystokracji i wyższego kleru.

Tak np. biskup Wołoczewski w liście do kowieńskiego gubernatora St. Chomińskiego z 21 września 1861 r. prosił, «ażeby policjanci zarówno w Kownie, jak i w innych miastach powierzonej mi diecezji uwolnili kościół od obłężenia»¹⁹. W łonie samego rządu w owym czasie utrzymywały się jeszcze rozbieżności w odniesieniu do stosowanych represji i terroru. Rząd raz żądał od władz lokalnych «wzmoczenia represji i usuwania niedostatecznie energicznych wyższych urzędników ze stanowisk»²⁰, to znowu zarzucał Nazimowowi zbytnią surowość. Te sprzeczne zarzą-

¹⁹ ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., л. 130, л. 4.

²⁰ We wrześniu 1861 r. usunięty został ze stanowiska gubernatora kowieńskiego S. Chomiński, w październiku 1861 r. — gubernator grodzieński I. Szpejer.

dzenia świadczyły o głębokim kryzysie polityki rządu w tzw. Kraju Zachodnim, zwłaszcza w drugim okresie sytuacji rewolucyjnej w przededniu powstania.

* * *

Niniejszy tom zbioru dokumentów dotyczy szczytowego okresu sytuacji rewolucyjnej, jaka wytworzyła się na Litwie i Białorusi w latach 1859—1862. Miała ona szereg cech szczególnych, dzięki którym nabrała niezwyklej ostrości i trwałości i zespoliła się z otwartym zbrojnym powstaniem, które wybuchło w 1863 r.

W niniejszym tomie nie publikuje się, za nielicznymi wyjątkami dokumentów odnoszących się do wydarzeń sprzed 1861 r. Przewidziane bowiem na ten temat osobne wydawnictwa: «Białoruś w epoce feudalnej» (t. IV) oraz «Ruch chłopski na Litwie w przededniu zniesienia poddaństwa». Pośród dokumentów tomu niektóre (zeznanie śledcze E. Zabłockiego, J. Koziella-Poklewskiego i in.) zawierają dane dotyczące nie tylko okresu przedpowstańczego, ale również i powstania. Nie chcemy rozdrabniać tych dokumentów, ze względu zaś na szczególną wagę przytoczonych tu danych dla historii organizacji podziemnych w r. 1862 zamieszczamy je w tomie niniejszym.

Poszukiwanie dokumentów dla niniejszego tomu przeprowadzono we wszystkich archiwach państwowych, bibliotekach i muzeach ZSRR, które rozporządzały materiałami dotyczącymi danego tematu, a także w polskich archiwach i bibliotekach.

Przeważna i najważniejsza część publikowanych w niniejszym zbiorze dokumentów przechowuje się w Centralnym Państwowym Archiwum Historycznym (CGIA) Litewskiej SRR w Wilnie, w Centralnym Państwowym Archiwum Rewolucji Październikowej i Budownictwa Socjalistycznego (CGAOR) ZSRR w Moskwie oraz w Centralnym Państwowym Archiwum Historycznym Białoruskiej SRR w Grodnie.

Ze zbiorów CGIA Lit. SRR najważniejsze dla danego tematu okazały się materiały Kancelarii generał-gubernatora wileńskiego. W jej Wydziale Politycznym zachowały się oryginalne raporty gubernatorów i inne dokumenty, odzwierciedlające wzrost ruchu wyzwolenczego na Litwie (z wyjątkiem litewskich powiatów guberni augustowskiej) oraz Białorusi Zachodniej w przededniu powstania. Szczególnie szeroko wyzyskano akta «rozruchów politycznych w zachodnich guberniach i środków ich uśmierzania» (zesp. 378, PO, 1861 r., nr. 73, 5 tomów). Prócz tego wykorzystano akta «rozruchów politycznych w mieście Wilnie» (1861 r., nr. 44), w guberni kowieńskiej (nr. 102, 5 tomów), guberni grodzieńskiej (nr. 80, 2 tomy) i inne. W mniejszym stopniu odzwierciedla się ruch społeczny w materiałach Wydziału Ogólnego Kancelarii, z których włączono do niniejszego tomu niektóre dokumenty dotyczące ruchu chłopskiego w okresie wprowadzania w życie reformy z 19 lutego 1861 r. Szereg ważnych pozycji z tego okresu zawiera inwentarz nr. 121 zespołu Kancelarii generał-gubernatora. W celu zobrazowania ruchu chłopskiego w guberni kowieńskiej wykorzystano w szerokiej mierze pozycje nr. 432.

Przygotowując niniejszy tom wydawnictwa przestudiowano starannie materiały sztabu wileńskiego okręgu wojskowego, Tymczasowego Audytoriatu Polowego, komisji śledczych, wojskowych naczelników miejskich

i powiatowych. Przeważną część ujawnionych dokumentów dotyczy bezpośrednio okresu powstania i zostanie opublikowana w innych tomach niniejszej serii, przede wszystkim w tomie «Powstanie 1863 r. na Litwie i Białorusi». W skład niniejszego tomu weszły dokumenty odnoszące się do rozwoju organizacji rewolucyjnych, ruchu chłopskiego i manifestacji w przededniu powstania. Zwłaszcza znajdująca się w aktach Tymczasowego Audytoriatu Polowego w Wilnie sprawa sądowa rewolucyjnej organizacji w Petersburgu (zesp. 1248, inw. 2, nr. 1839) wykryła interesujące dokumenty dotyczące działalności wileńskiej organizacji rewolucyjnej i jej kontaktów z rewolucjonistami petersburskimi w okresie przygotowań powstańczych. Sporo materiału znalazło się w aktach Sztabu Wileńskiego Okręgu Wojennego (Wydział Sądowy) t. s. b. studenta Uniwersytetu w Petersburgu Józefa Gorczaka (zesp. 494, inw. 1, nr. 89); świadczą one o ogromnym wpływie «Mużyckiej Prawdy» na chłopów z guberni grodzieńskiej. Pozycja nr. 121 tegoż zespołu, dotycząca ośmiu powstańców z oddziału A. Trusowa, wziętych do niewoli 12 maja 1863 r. w pobliżu Mińska, zawiera ważne dokumenty świadczące o rewolucyjno-demokratycznych przekonaniach Trusowa i jego działalności rewolucyjnej w Mińsku przed wybuchem powstania.

Pierwszorzędne znaczenie mają materiały III Oddziału kancelarii carskiej, przechowywane obecnie w CGAOR ZSRR. Przechowywały się tam w 1. ekspedycji III Oddziału raporty naczelnika IV okręgu korpusu żandarmerii, któremu podlegały Litwa, Białoruś i Ukraina prawobrzeżna, a także raporty gubernialnych sztabsoficerek żandarmerii, doniesienia generał-gubernatora, raporty tajnych agentów i inne dokumenty dotyczące manifestacji politycznych, rozpowszechniania odezw, agitacji rewolucyjnej, nastrojów ludności na Litwie i Białorusi przed wybuchem powstania. Już na wiosnę 1861 r., kiedy rozpoczynał się dopiero ruch wyzwolenczy na Litwie i Białorusi, zaprowadzono tu serię akt t. s. rozruchów w zachodnich guberniach (nr. 303 i 304). Informacje o każdej poszczególnej guberni zgrupowano w osobnym tomie. Rzecz jasna, ruch rewolucyjny na Litwie i Białorusi znajduje odbicie także w wielu innych aktach 1. ekspedycji. Oprócz nich wyzyskano również dokumenty tajnego archiwum i 4. ekspedycji III Oddziału (skąd wybrano kilka dokumentów dotyczących ruchu chłopskiego).

W mniejszym stopniu wykorzystano sprawozdania i materiały kancelarii ministra spraw wewnętrznych (CGIA ZSRR w Leningradzie), nie wnoszące wiele nowego w porównaniu z wyliczonymi wyżej pozycjami. Włączono również poszczególne dokumenty odnoszące się do ruchu chłopskiego z przechowywanego w Leningradzie zespołu Tajnego i Głównego Komitetu do spraw włościańskich.

Bardzo cennego materiału dostarczyły zespoły gubernatorów: kowieńskiego (przechowywane w Państwowym Archiwum m. Kowna), wileńskiego (CGIA Lit. SRR), grodzieńskiego (CGIA BSRR w Grodnie), mińskiego (CGIA BSRR w Mińsku). Zawierają one raporty naocznych świadków wydarzeń — przedstawicieli władz lokalnych: sprawników, policmajstrów, przystawów itd. W istocie tylko materiały kowieńskiego gubernatora wojennego pozwalają w całej pełni zbadać bardzo osobliwe zjawisko: zbrojny opór włościan litewskich przeciwko poborowi rekruta w grudniu 1862 r. i styczniu 1863 r. W dokumentach gubernatora grodzieńskiego znajdujemy informacje o rozpowszechnianiu w guberni grodzieńskiej «Mużyckiej Prawdy» i innych druków rewolucyjnych przed wybuchem

powstania (jak wiadomo, gubernia grodzieńska stała pod tym względem na pierwszym miejscu). Szczególnie obfituje w materiał tego typu vol. nr. 1121 (inw. 22) zespołu Kancelarii gubernatora grodzieńskiego. Rozwój ruchu wyzwolenczego w guberni mińskiej najszczegółowiej daje się odtworzyć w oparciu o vol. 1405 (inw. 1) zespołu Kancelarii gubernatora mińskiego.

Należy też wskazać na materiały Grodzieńskiej Komisji Śledczej (przechowywane w CGIA BSRR w Grodnie), w szczególności vol. 41 t. s. grodzieńskiej organizacji rewolucyjnej. Zawarte w nim dokumenty odsłaniają nieznane skądinąd aspekty działalności litewsko-białoruskiej organizacji rewolucyjnej przed wybuchem powstania.

Poszczególne dokumenty wzięto z Archiwum partyjnego przy KC KPB, z Biblioteki Publicznej im. Sałtykowa-Szczedrina w Leningradzie, z Muzeum historii ruchu rewolucyjnego w Wilnie, z Centralnej Biblioteki Akademii Nauk Lit. SRR, a także z Biblioteki Narodowej w Warszawie i Biblioteki Polskiej w Paryżu.

Oczywiście, do zbioru niniejszego weszła tylko nieznaczną część wyżej wymienionych materiałów dotyczących historii rewolucyjnego ruchu na Litwie i Białorusi przed wybuchem powstania 1863 r. Wydawcy i redaktorzy zbioru nie bez wysiłku wyselekcjonowali najbardziej charakterystyczne i cenne dokumenty w celu włączenia ich do niniejszego tomu. Pozostały materiał wykorzystano w przypisach zawierających streszczenia i wyciągi z wielu dokumentów, nie umieszczonych w całości ze względu na ograniczone rozmiary tomu.

Specyfiką materiałów dotyczących lat sześćdziesiątych jest swoista ich jednostronność. Przeważnie są to dokumenty władz carskich, zwalczających ruch wyzwolenczy. Zawierają one mniej lub więcej bogaty materiał faktyczny, ale bardzo często dają fałszywą interpretację wydarzeń. W szczególności rząd carski ze względów politycznych celowo wyolbrzymiał rolę polskich obszarników i katolickiego kleru w wydarzeniach na Litwie i Białorusi w latach 1861—1862 i następnych. Starając się grać na strunie rosyjskich uczuć narodowych, władze carskie skłonne były traktować jako «polskie knowania» literalnie wszystkie przejawy ruchu rewolucyjnego nie tylko na Litwie i Białorusi, ale i w samej Rosji. W miarę możliwości wydawcy tomu starali się przytaczać dokumenty pochodzące z obozu ruchu wyzwolenczego (prasa, odezwy, instrukcje, listy, wspomnienia, skargi włościan itp.), ale tych zachowało się znacznie mniej. W komentarzach korzystano również z opublikowanych źródeł pamiętnikarskich. Należało przy tym nieodzownie zachować krytycyzm w odniesieniu do pamiętników pochodzących z obszarniczo-opozycyjnego obozu, bądź też ze środowiska szlacheckich rewolucjonistów.

Tom niniejszy składa się z ogólnego rozdziału, w którym zebrano dokumenty odnoszące się do całego obszaru Litwy i Białorusi, bądź też do kilku guberni, oraz sześciu rozdziałów dotyczących poszczególnych guberni. Zamierzano dać osobny rozdział, poświęcony litewskim powiatom guberni augustowskiej, niestety, dokumenty dotyczące ruchu wyzwolenczego na tych ziemiach, przechowywane w archiwach polskich, przepadły w okresie drugiej wojny światowej. Kilka wzmianek o wydarzeniach w guberni augustowskiej znajdzie czytelnik w rozdziale poświęconym sąsiedniej guberni kowieńskiej.

Olbrzymią większość dokumentów zamieszczonych w niniejszym tomie publikuje się po raz pierwszy. Część ich przechowywana obecnie w CGIA Lit. SSR była już publikowana przed pierwszą wojną światową w wydawnictwach Muzeum Murawiewa w Wilnie²¹. Wszelako publikacje te pozostawiają wiele do życzenia zarówno z punktu widzenia politycznego, jak i techniki wydawniczej. Poza tym są one dziś rzadkością bibliograficzną. Za czasów radzieckich niektóre z opublikowanych dokumentów wyzyskano w rozprawach i monografiach. Spośród publikacji dokumentalnych bliski jest tematycznie niniejszemu tomowi wydany kilka lat temu w Mińsku zbiór dokumentów i materiałów dotyczących historii ruchu chłopskiego na Białorusi w okresie przeprowadzenia reformy agrarnej²². Pozwoliło to wydawcom niniejszego tomu nie zatrzymywać się zbyt szczegółowo nad tą właśnie sprawą. Dokumenty opublikowane już wcześniej zaopatrzone są w przypisy informujące o wydawnictwie, w którym się ukazały (nazwę wydania umieszczono zaraz po legendzie dokumentu).

Opracowanie edytorskie dokumentów, w tym również obcojęzycznych, oparto o Zasady wydawania dokumentów historycznych (Moskwa, 1956).

Dokumenty publikuje się z reguły w pełnym brzmieniu. W niektórych przypadkach, ze względu na oszczędność miejsca, opuszczano części dokumentu nie odnoszące się do tematu. Wszystkie miejsca opuszczone zaznaczono kropkami i omówiono w przypisach. Nagłówki dokumentów publikowanych w wyciągach, rozpoczynają się od słowa: «Z...». Bez omówienia opuszczono nadruki kancelaryjne wymieniające autora, datę i bieżący numer dokumentu, a także adresata (odnośne elementy wykorzystano przy sporządzaniu rejestru).

Teksty publikuje się według zasad nowej ortografii z zachowaniem wszakże osobliwości stylistycznych oryginału, charakterystycznych dla epoki i autora. Zmodernizowano interpunkcję, jak również pisownię dużych i małych liter. W poszczególnych przypadkach uporządkowano akapity. Niedokładności nie zniekształcające tekstu (błędy ortograficzne, pomyłki zecerskie itp.) poprawiono bez omówienia, te zaś, które zniekształcały sens, omówiono w przypisach. Wszystkie uzupełnienia wprowadzone do tekstu przez wydawców tomu (opuszczenia przyimków i poszczególnych słów) umieszczono w kwadratowych nawiasach. Wszystkie niejasności w słowach i zwrotach, które mogą być rozmaicie interpretowane, opatrzone uwagą: «так в тексте».

Dla oszczędności miejsca wprowadzono skróty (por. spis skrótów). Skróty występujące w tekście dokumentu, ujednolicono według tej samej konwencji.

Nazwy geograficzne w tekście dokumentów i tytułach podano w ich brzmieniu historycznym. Za podstawę przyjęto oficjalne brzmienie tych nazw, przyjęte w owym czasie. W indeksie geograficznym obok dawnych nazw podano również dzisiejsze.

²¹ «Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева», т. 1. Вильна, 1906; «Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края» («Виленский временник», кн. VI, ч. 1 переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 г. по май 1863 г.), Вильна, 1913.

²² «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)».

Dokumenty publikuje się w języku oryginału. Teksty obcojęzyczne podaje się nadto w przekładzie na język rosyjski.

Daty dokumentów podaje się z reguły według starego stylu, którego używano w owym czasie na Białorusi i większej części Litwy (w gub. augustowskiej używano nowego stylu). Jeżeli dokument jest datowany według nowego stylu, w tytule umieszcza się datę w nawiasie po dacie według starego stylu. Daty odtworzone przez wydawców uzasadniono w przypisach.

Przy określaniu w nagłówkach rozmaitego typu dokumentów, wydawcy opierali się na klasyfikacji stosowanej w owym czasie. Nazwy funkcji pełnionych przez autorów i adresatów w nagłówkach ujednolicono, tytułaturę w miarę możliwości skracano (np. zamiast «gubernator cywilny», «naczelnik guberni» pisze się «gubernator»). W przypadku najczęściej występujących wyższych urzędników (generał-gubernator, ministrowie) nazwy ich funkcji opuszczano w nagłówkach. Dotyczy to generał-gubernatora wileńskiego Nazimowa, naczelnika III Oddziału Dołgorukowa ministra spraw wewnętrznych Wałujewa i innych.

Przypisy zawarte w samym dokumencie (drukowane garmentem i oznaczone gwiazdką) oraz przypisy tekstowe (tekst pochodzący od wydawców kursywą, tekst dokumentu *petitem* antykwą bez cudzysłowa) oznaczone literami, umieszczono u dołu kolumny; przypisy rzeczowe, złożone kursywą i oznaczone liczbami arabskimi umieszczono przy końcu dokumentu.

W trakcie przygotowywania tekstów do druku wydawcy odcyfrowywali umieszczane na dokumentach uwagi i rezolucje. Te, które miały istotne znaczenie, zostały umieszczone przy końcu dokumentu lub w przypisach tekstowych. Do przypisów rzeczowych nie wprowadzano w zasadzie danych biograficznych o wymienianych osobach; odnośne informacje umieszczono w rozwiniętym indeksie.

Nad sporządzeniem tomu (ostateczna selekcja dokumentów, przygotowanie tekstu do druku, komentarze) pracowali następujący pracownicy naukowcy:

Rozdział ogólny — W. Bikulicz (CGIA Lit. SRR), Z. Talwirska (Instytut Słowianoznawstwa AN ZSRR);

Gubernia wileńska — M. Zarauskajte (Instytut Historii AN Lit. SRR);

Gubernia kowieńska — O. Maksimajtene (Instytut Historii AN Lit. SRR);

Gubernia grodzieńska — L. Arzajewa (Zarząd Archiwów przy Radzie Ministrów BSRR);

Gubernia mińska — T. Leontiewa (CGIA BSRR w Mińsku);

Gubernia witebska i mohylewska — N. Bułdakowa (Instytut Historii AN BSRR).

Pracą nad rozdziałami dotyczącymi guberni grodzieńskiej, mińskiej, witebskiej i mohylewskiej kierowała S. Bajkowa (Instytut Historii AN BSRR).

Prócz wyżej wymienionych w wyszukaniu dokumentów w archiwach litewskich uczestniczyli następujący pracownicy naukowcy: R. Batura, I. Dobrowolskas, R. Strazdunajte, L. Truska (Inst. Historii AN Lit. SRR); L. Gecmanas, J. Kryłow, T. Luchtan, W. Masilunene, N. Michajłowa, W. Sawicki (CGIA Lit. SRR); pracę tą kierował W. Merkis, następnie zaś W. Bikulicz. Kwerendę w archiwach białoruskich przeprowadzili:

A. Hryckiewicz (Instytut Historii AN BSRR); K. Batrakowa, W. Borejkina, W. Kisielowa, E. Morenko, L. Panowa, F. Chrabrowa (CGIA BSRR w Mohylewie); T. Worobiowa, I. Roszczyn, D. Szorochowa (CGIA BSRR w Mińsku).

Doboru dokumentów dla tomu, przechowywanych w Moskwie, dokonała Z. Talwirska; przechowywanych w Lit. SRR — grupa pracowników naukowych w następującym składzie: W. Bikulicz, M. Zarauskaite, O. Maksimajtene pod kierunkiem G. Kisielowa (Zarząd Archiwów przy Radzie Ministrów Lit. SRR).

Przekłady tekstów z języka litewskiego i polskiego wykonali J. Orda (CGIA Lit. SRR) i G. Fejgelsonas (Wilno), z białoruskiego — G. Kisielow.

Redakcją edytorską dokumentów kierował G. Kisielow, który przygotował również część archeograficzną przedmowy.

*S. Łazutka
J. Ziugżda*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ФОНДОВ

Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР), Москва
ф. 109-и — III отделение с. е. и. в. канцелярии (СА — Секретный архив III отделения)

Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), Ленинград

- ф. 1180 — Главный комитет по крестьянскому делу
- ф. 1282 — Канцелярия министра внутренних дел
- ф. 1286 — департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел
- ф. 1291 — земский отдел Министерства внутренних дел

Центральный государственный исторический архив Литовской ССР (ЦГИА Лит. ССР), Вильнюс

- ф. 378 — канцелярия виленского генерал-губернатора (ПО — Политическое отделение, ОО — Общее отделение)
- ф. 419 — виленский губернский жандармский штаб-офицер
- ф. 421 — Канцелярия виленского полицмейстера
- ф. 438 — Виленская следственная комиссия по политическим делам
- ф. 439 — коллекция музея М. Н. Муравьева в Вильне
- ф. 494 — штаб войск Виленского военного округа
- ф. 1135 — Виленское общество друзей наук
- ф. 1248 — Временный полевой аудиториат при штабе войск Виленского военного округа
- ф. 1249 — Россиенский военный начальник

Центральный государственный исторический архив Белорусской ССР (ЦГИА БССР), Гродно

- ф. 1 — Канцелярия гродненского губернатора
- ф. 3 — Гродненская губернская военно-следственная комиссия по политическим делам

Центральный государственный исторический архив Белорусской ССР (ЦГИА БССР), Могилев

- ф. 1416 — Витебское губернское правление
- ф. 1463 — Лепельское уездное полицейское управление

Государственный архив Минской области (ГАМО), Минск

ф. 171 — Слуцкий уездный суд

ф. 295 — Канцелярия минского губернатора

ф. 296 — временный военный губернатор Минской губ.

ф. 320 — минский губернский предводитель дворянства

ф. 694 — фонд Радзивиллов

ф. 1536 — временный военный начальник Новогрудского у.

Государственный архив города Каунаса (ГАГК)

ф. 50 — Канцелярия ковенского губернатора

Партийный архив при Центральном комитете Коммунистической партии Белоруссии (Партархив ЦК КПБ), Минск

Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), Ленинград

ф. 629 — фонд В. Ф. Ратча.

Рукописный отдел Центральной библиотеки Академии наук Литовской ССР (ЦБ АН Лит. ССР), Вильнюс

ф. Вх — коллекция рукописей б. Виленской публичной библиотеки

Государственный историко-революционный музей Литовской ССР, Вильнюс

Коллекция документов периода революционной ситуации и восстания 1863 г., найденных в 1960 г. в Вильнюсе в одном из домов по ул. Горького

Biblioteka Narodowa w Warszawie, Отдел рукописей

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ТЕКСТАХ, ЗАГОЛОВКАХ И УКАЗАТЕЛЯХ

в. б.— ваше благородие	е. и. в.— его императорское величество
в. вб.— ваше высокоблагородие	е. и. выс.— его императорское высочество
в. вп.— ваше высокопревосходительство	е. п.— его превосходительство
в. и. в.— ваше императорское величество	е. с.— его сиятельство
в. и. выс.— ваше императорское высочество	е. св.— его светлость
в. кн.— великий князь	заст.— застенки
вол.— волость	и. д.— исправляющий должность
в. п.— ваше превосходительство	им.— имение
вр.— временно, временный	кн.— князь
вр. и. д.— временно исправляющий должность	кр.— крепость
в. св.— ваша светлость	кс.— ксендз
в. с.— ваше сиятельство	л.-гв.— лейб-гвардии
гм.— гмина	м.— местечко
д.— дом	м. г.— милостивый государь
д. с. с.— действительный статский советник	п.— пункт
д. т. с.— действительный тайный советник	саж.— сажени
е. б.— его благородие	с. е. и. в.— собственная его императорского величества
е. в.— его величество	ст.— станция
е. вб.— его высокоблагородие	т. с.— тайный советник
е. вп.— его высокопревосходительство	тит. с.— титулярный советник

ОБЩИЙ РАЗДЕЛ

1

1859 г. сентябрь.— Из статьи Н. А. Добролюбова «Народное дело — распространение обществ трезвости»¹

[...] Началось движение в пользу трезвости² в Ковенской губ. и отсюда разошлось по Виленской и Гродненской. Вскоре потом одновременно обнаружилось движение в пользу трезвости в Поволжье и в центральных замосковских губерниях. Вслед за известиями о трезвости в Зарайском у. Рязанской губ. получены были сведения о распространении трезвости в губерниях Тульской, Владимирской, Московской, Орловской и Калужской. С другой стороны, трезвость, принявшаяся в Балаховском у. Саратовской губ., распространилась вверх по Волге, в разных местностях Самарской, Казанской, Нижегородской, Костромской, Ярославской и Тверской губ. Несколько позже получены известия об образовании обществ трезвости в четвертом крае России, в губ. Харьковской, Курской, Воронежской. Таким образом, в настоящее время трезвость завладела многими пунктами, и можно думать, что ее распространение пойдет теперь еще быстрее, чем шло до сих пор (предполагая, разумеется, что она не встретит каких-нибудь особенных препятствий).

О трех западных губерниях, показавших первый пример трезвости, есть сведения довольно положительные. В феврале месяце писали из Ковно в «Słowie»: «Едва лишь несколько месяцев прошло с тех пор, как перестали употреблять водку, а благие плоды этой счастливой перемены в народе уже чувствуются самым осязательным образом: цена жизненных продовольствий понизилась значительно, нищенство стало гораздо меньше, казенные повинности уплачиваются исправнее, население нашей губернии находится в самом вожделенном здравьи. Замечательно, что в течение этого времени у нас не появилось ни одной общей болезни, которая прежде бывала обыкновенною гостьею нашей в эту пору года, особенно при такой беспрестанно меняющейся, туманной, сырой погоде, какая стоит у нас» («Московские ведомости», № 42). Из этого известия, не представляющего определенных фактов, а говорящего общими местами, видно однако же, что обет трезвости строго был соблюдаем. Более положительные сведения представлены в письме г. Рудзского («Указатель политико-экономический», № 8,

22 февраля), который рассказывает о том, какую борьбу и как твердо выдерживают крестьяне. Между прочим, очень характеристичен анекдот, рассказанный им об одном помещике Поневежского у. Помещик этот, переставший получать от корчмы последние гроши своих крестьян, вздумал зазвать к себе ксендза, успел как-то напоить его и пьяного вывел пред толпу, которую увещевал образумиться, представляя ей несостоятельность убеждений человека, склонившего их дать обет воздержания. «Надо отдать справедливость общественному мнению,—прибавляет г. Рудзский,—оно заклеило бесчестием имя человека, так грязно посягнувшего на общее благо».

О стараниях самого откупа соблазнить крестьян нечего и говорить. В половине февраля писали, что откупщики в Виленской губ. ставили сначала 8 грошей за кварту вина вместо прежних 14; потом вино подешевело в шесть раз; наконец, перед корчмами выставляли иногда даже даровое вино... Ничто не помогало («Русский дневник», № 35). В конце того же месяца сообщались вот какие сведения из Жмуди: «В местечках в ярмарочное время расходилось, бывало, ведер до 40 водки, а теперь выходит ее едва несколько гарнцев (штофов). В уездном нашем городе (корреспондент не говорит, в каком) еженедельный расход водки доходил, средним числом, до 30 ведер; со времени же появления трезвости (кроме отпускаемого на войска, да еще кроме того, что потребляет люд разных вер) количество его уменьшилось до одной третьей доли. На больших дорогах, около Ковно, расход этого напитка тоже уменьшился даже более чем на две трети против прежнего; но и то, что потребляется, идет на прохожих солдат, на проезжающих обитателей Царства Польского, на пруссаков и т. д.» («Московские ведомости», 3 марта, № 53). В этом письме есть положительное свидетельство и о том, что на Жмуди в течение четырех месяцев трезвость нигде не была нарушена, т. е. целым обществом, частные же нарушения всегда наказывались общественным мнением. В письме г. Рудзского есть, между прочим, рассказ о том, как в одном местечке наказывали согрешившего крестьянина.

«В м. Лукниках Шавельского у. один государственный крестьянин, несмотря на произнесенный им обет, напился пьян; узнав об этом, все село подхватило изменника, невольника привычки, ему приклеили к спине вывеску «пьяница» и, с барабаном впереди, обвели два раза кругом села. Не знаю, исправился ли опозоренный крестьянин, но дело в том, что этот случай наверно удержит других и, главное, служит доказательством прочности общего увлечения».

Относительно численного распространения братства трезвости г. Рудзский свидетельствует (от 12 февраля), что к братству этому пристала почти вся Ковенская губ. Вот его слова («Указатель политико-экономический», стр. 178): «Успех братства был огромен: к концу минувшего года по всей губернии, за исключением части Ново-Александровского и Вилькомирского у., смежных с Виленской губ. каждому священнику удалось причислить к своему братству всех почти прихожан своих³. Потом газеты сообщили, что действия братства с успехом перешли в Виленский у. из Вилькомирского; если это известие справедливо, то в настоящее время по всей Ковенской губ. туземцы почти поголовно приступили к братству, действующему во имя просвещенной любви к человечеству».

Известие это оказалось вполне справедливым. В № 22 «Русского дневника» напечатано: «Общество трезвости уже стало распространяться в Виленской губ., именно в трех приходах Виленского у., где 800 прихожан исполняли клятву не употреблять во всю жизнь крепких напитков. Они были поощрены к тому же жителями Вилькомирского у.».

Через три месяца после этого, в начале мая, мы находим о Вильне следующее известие: «Две трети губернии, и даже три четверти, пристали уже к обществу трезвости, и мы совершенно убеждены, что через месяц и девять десятых пристанут» («Указатель политико-экономический», № 19).

Обет трезвости распространился здесь не только в одних селениях, но и в городах. Какие размеры приняли братства трезвости среди городских жителей, можно видеть из примера гор. Ошмян, о котором сообщено в «Русском дневнике» (№ 74), что из 1725 жителей города 900 человек изъявили желание быть членами братства, лишь только был им представлен проект его.

Из Гродненской губ. еще в феврале писали, что братства трезвости распространились по всей губернии и что трудно уже было тогда встретить пьяного в гродненских деревнях («Московские ведомости», № 42). Недавно читали мы известие, что в белостокском приходе из 4000 прихожан к обществу трезвости принадлежит 3000 («Экономический указатель», № 27).

Во всех трех губерниях считается до миллиона крестьян и мещан мужского пола. Если половина их отказалась от водки, то и тут выйдет 500 000 человек... Но, по всем известиям, в обществах трезвости гораздо более половины населения. С этим совершенно сходятся и сведения о количестве вина, проданного и оплаченного акцизом в Ковенской губ. Вот что напечатано в № 96 «Русского дневника» (8 мая): «С 1 января настоящего года оплачено 55931 ⁵/₁₀₀ ведер вина и 1295 ведер спирта, тогда как в этот же период времени 1857 г. было оплачено 169160 ⁶⁰/₁₀₀ ведра вина и 2488 ведер спирта, а в 1858 г.—202538 ⁷⁰/₁₀₀ ведер вина и 866 ведер спирта. В периоде производства винокурения на заводах в 1858—59 гг. производилось оно только на 275 заводах, но в каждом из них пропорция выкуривалась вполовину, на некоторых и того меньше, чем могли эти заводы выкуривать на самом деле. Притом, по признанию заводчиков, если курение ими и производилось, то главным образом с той целью, чтобы добыть барды для корма скота, так как вследствие прошлогодних неурожаев трав эти корма сильно подорожали. Из числа заводов, действовавших в прошлую зиму, 87 закрыты владельцами. В периоды винокурения 1856—57 и 1857—58 гг. все заводы в числе 362 действовали и выкуривали вино в полном определенном количестве. Свидетельств на право держать питейные заведения в 1857 г. взято было 2207, а в 1858—2191, в нынешнем же году только 1899. Притом главным образом в этих заведениях продаются только пиво и мед. Винная продажа еще кое-как по городам, в местечках она слабее, но по деревням и селам совершенно прекратилась».

Цифры эти дают нам полную возможность судить о тех размерах, в которых действуют братства трезвости в Ковенской губ., и заставляют предполагать то же самое и в двух других названных нами⁴. К сожалению, о других местностях, где распространилась трезвость, не обна-

родовано сведений столь определительных, и потому мы принуждены ограничиться простым перечнем этих местностей.

По Западному краю трезвость обнаружилась еще в губ. Подольской, Смоленской, Новгородской и Петербургской...

[...] Да, в этом народе есть такая сила на добро, какой положительно нет в том развращенном и полупомешанном обществе, которое имеет претензию одного себя считать образованным и годным на что-нибудь дельное. Народные массы не умеют красно говорить; оттого они и не умеют и не любят останавливаться на слове и услаждаться его звуком, исчезающим в пространстве. Слово их никогда не праздно (оно говорится ими как призыв к делу, как условие предстоящей деятельности). Сотни тысяч народа в каких-нибудь пять-шесть месяцев, без всяких предварительных возбуждений и прокламаций, в разных концах обширного царства отказались от водки, столь необходимой для рабочего человека в нашем климате! Эти же сотни тысяч откажутся от мяса, от пирога, от теплого угла, от единственного армячишка, от последнего гроша, если того потребует доброе дело, сознание в необходимости которого созревает в их душах. В этой-то способности приносить существенные жертвы раз сознанному и порешенному делу и заключается величие простой народной массы, величие, которого никогда не можем достичь мы со всей нашей отвлеченной образованностью и привизною гуманностью. Вот отчего все наши начинания, все попытки героизма и рыцарства, все претензии на нововведения и реформы в общественной деятельности бывают так жалки, мизерны и даже почти непристойны в сравнении с тем, что совершает сам народ и что можно назвать действительно народным делом⁵.

Опубл.: Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. V. М., 1962, стр. 271—273, 285⁵.

¹ Публикуется только отрывок статьи, относящийся непосредственно к описанию движения в Ковенской и Виленской губ. Опущена за недостатком места часть статьи, содержащая доказательства того, что движение было действительно народным делом, а не результатом агитации католического духовенства.

² Народное движение, известное под названием трезвенного, возникло летом 1858 г. Добровольный отказ крестьян от потребления спиртных напитков в первую очередь был направлен против злоупотреблений винных откупщиков. Это было также формой антипомещичьей борьбы, потому что винокурение было важной статьей дохода помещичьих хозяйств. Продукция винокурения составляла $\frac{3}{5}$ всей промышленной продукции в Ковенской и Виленской губ. Основными покупателями вина были крестьяне и горожане.

³ Трезвенное движение, возникшее среди народных масс, было поддержано затем и духовенством Ковенской и Виленской губ., взявшим организацию общества трезвости в свои руки. Царское правительство, напуганное размахом движения, запретило организацию общества трезвости, но уничтожить их не смогло (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1858 г., д. 946, ч. 1, 2; 1860 г., д. 843). После опубликования реформы 19 февраля 1861 г. произошел заметный спад этого движения, но оно все же продолжалось вплоть до восстания 1863 г.

⁴ К началу 1860 г. по Виленской губ. насчитывалось уже 321 195 членов общества трезвости, по Ковенской губ. к лету 1860 г. считалось 688 464 члена (там же, 1858 г., д. 946, ч. 2, лл. 97—102).

⁵ Впервые опубликовано в «Современнике» (1859, № 9, отдел II, стр. 1—36) в сильно урезанном цензурой варианте.

1860 г. октября 18.— Письмо «Русского» редактору газеты «Виленский вестник» А. Киркору, разоблачающее сущность политики царского правительства в Польше, Литве и Белоруссии¹

Z wielkim zadziwieniem przeczytaliśmy w Nr. 206 «Petersburskich Wiadomości» wyjątek z «Kuriera Wileńskiego»² o dobrodziejstwach cesarza Aleksandra II dla polskich gubernii. Redaktor petersburskiej gazety, pomieszczając ten wyjątek sądził okazać przez to dobrze myślącym Rosjanom, że rząd rosyjski zaczyna postępować z duchem czasu i że nie myśli naśladować Austrii, w której jednakże uciśnione narodowości pomimo przewrotnej polityki Metternicha zachowały jeszcze w sercach swoich ducha wielkiej miłości ojczyzny. Lecz co Pan chciałeś przez to pokazać? My nie jesteśmy w stanie nawet domyślić się. Wszystkie rozporządzenia rosyjskiego rządu dotyczące się Polski są nam dobrze wiadome; pojmujemy je literalnie i wiemy, w jaki sposób one się wykonywają. Cieszysz się, Panie Redaktorze, iż rodakom polskich gubernii pozwolono wstępować do służby krajowej? Dla Boga! Jest to jałmużna dla nędzarzy, służąca tylko niższym kancelistom, których zwierzchnikami są wyrzutki rosyjskiego narodu, których dobrze myśląca Rosja odpycha od siebie; oni przestali być jej synami. Jakież to fałsze pomieściłeś Pan o wychodźcach 1831 roku! Czyliż Panu nie są wiadome tajemne rozkazy rządu, że oni nie mogą przed upływem trzech lat wstępować do służby i to nie inaczej, jak po uzyskaniu przychylnych zaświadczeń od katów polskiego narodu! Czyś Pan przeczytał ukaz o zaprzestaniu spraw likwidacyjnych? Zrozumiałeś Pan jego znaczenie? Pytam Pana: czy wiele jeszcze pozostało majątków, które dotąd nie uległy konfiskacie od roku 1831? Radujesz się Pan i każesz uwielbiać dobrodziejstwa Aleksandra II, że on przeprowadza korpus kadetów z Moskwy do Wilna!³ Wstyd redaktorowi polskiej gazety! Hańbą jest widzieć coś podobnego w kolumnach gazety wychodzącej w stolicy Litwy, która słynęła niegdyś swoim Uniwersytetem, uczonymi profesorami, pełną szlachetnego zapału młodzieżą, spośród której wyszedł Mickiewicz i tylu innych znakomitych mężów będących zaszczytem nie tylko polskiego narodu, lecz i całej oświeconej Europy. I Pan pocieszasz tym Polskę, że w świątyni uniwersytetu, gdzie rozlegał się głos nauki i światła, teraz feldfibel będzie uczyć młodzież polską prostować nogi!!! Czy nie wstydzisz się, Panie Redaktorze polskiej gazety, cieszyć się z tego, co już dawno potępiła oświecona Rosja, która odrzuca korpusy, bo chce widzieć swoje młode pokolenie wychowane na obywateli, a nie na ciemieńców wolności i obrońców despotyzmu!

Dochodzą do nas wiadomości, że nie pierwszy to raz ogłaszasz Pan światu podobne myśli; pierwszy numer Pańskiej gazety⁴ obudził powszechne niezadowolenie, które było na koniec wypowiedziane we francuskiej gazecie, gdzie także nie zapomniano o Pańskiej statystyce miasta Wilna, wydrukowanej w pamiętniczku, złożonym z podobnych utworów⁵.

Przeczytawszy Pański artykuł i wyciąg z niego umieszczony w «Journal de St.-Petersbourg»⁶, że Zawadzki, pomimo to że jest Polakiem,

¹ «Петербургские ведомости» (франц.).

выбранный został głową miasta w Kijowie, oraz czytając artykuł «Pszczoly Północnej» o dozwoleniu nauczania polskiego języka w szkołach gubernii wołyńskiej, podolskiej, kijowskiej⁶, coś dziwnego, że Europa gotowa pomyśleć, że narodowość polska już została przywrócona.

Wstydz się Pan wychwalać podobne rozporządzenia rządu rosyjskiego! Ja, będąc Rosjaninem, nie mogłem czytać ich bez oburzenia, widząc oszukiwanie i błąd łatwowiernych. Jeżeli Pan nie wiesz, to ja Mu powiem, że rząd rosyjski wcale nie myśli o przywróceniu polskiej narodowości, a nawet wszelkimi sposobami stara się ją wytępić; jeżeli zaś ona własnymi siłami objawia się za pośrednictwem organów nieszkodliwych wcale rządowi, to i tam nawet starają się ją przytłumić. Przeczytaj Pan napisany z tego powodu artykuł Iskandra w «Dzwonie», gdzie opisuje nowe czyny Muchanowa nad Wisłą⁷. Tam rząd zabronił Towarzystwu Rolniczemu zbierać się na posiedzenia w prowincjach: «Precz z marzeniami» («point de rêveries»)! a teraz zapewne dodał: «Point d'agriculture en Pologne» («nie masz rolnictwa w Polsce»)!

Otóż są dobrodziejstwa cesarza rosyjskiego! Jeżeliś Pan o nich nie wiedział, lituję się nad Panem!

Przyjmij Pan moją radę: zaprzestań wydawnictwa kłamstwa i obłudy; teraz czas nie po temu; nie będą wierzyć ani Polak, ani Rosjanin, któremu już jochlebiać nie potrzeba, lecz mówić prawdę, tak jakem ją Panu wypowiedział.

Rosjanin

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 225, лл. 37—38. Копия

ПЕРЕВОД

С большим удивлением прочли мы в 206 номере «Петербургских ведомостей» выдержку из «Виленского вестника»² о благодеяниях императора Александра II для польских губерний. Редактор петербургской газеты, помещая эту выдержку, думал тем самым доказать благомыслящим россиянам, что русское правительство начинает действовать в соответствии с духом времени и что оно не намерено следовать примеру Австрии, в которой, однако, угнетенные национальности, несмотря на двуличную политику Меттерниха, сохранили еще в своих сердцах дух великой любви к родине. Но что же Вы хотели этим показать? Мы не в состоянии даже догадаться об этом. Все распоряжения русского правительства, касающиеся Польши, нам хорошо известны; мы понимаем их буквально и знаем, как они исполняются. Вы, г. редактор, радуетесь тому, что уроженцам польских губерний позволено вступать на службу в крае! Боже! Это подачка для нищих, касающаяся только низших канцелярских служащих, начальниками которых являются отбросы русского народа, которых благомыслящая Россия отталкивает от себя; они перестали быть ее сынами. А какую ложь Вы напечатали об эмигрантах 1831 г. Разве Вам неизвестны секретные приказы правительства о том, что они не могут до истечения трех лет вступать на службу, да и то лишь при условии получения благосклонных удостоверений от палачей польского народа! Читали ли вы указ о прекращении ликвидационных дел? Поняли ли вы его значение? Я спрашиваю Вас: много ли еще осталось имен, которые до сих пор не подверглись конфискации с 1831 г.? Вы радуетесь и велите преклоняться перед благодеяниями Александра II за то, что перевел кадетский корпус из Москвы в Вильно! Позор редактору польской газеты! Стыдно видеть что-либо подобное на столбцах газеты, выходящей в столице Литвы, когда-то славившейся своим университетом, своими учеными профессорами, полной благородного энтузиазма

молодежью, из среды которой вышел Мицкевич и столько других знаменитых мужей, являющихся гордостью не только польского народа, но и всей просвещенной Европы. И Вы утешаете Польшу тем, что в святыне университета, где раздавался голос науки и света, сейчас фельдфебель будет учить польскую молодежь равеннию!!! Разве Вам не стыдно, г. редактор польской газеты, радоваться тому, что уже давно заклеимила позором просвещенная Россия, которая отвергает корпусы, ибо хочет видеть свое молодое поколение воспитанным гражданами, а не угнетателями свободы и защитниками деспотизма!

До нас доходят вести, что это не в первый раз Вы возвещаете подобные мысли. Первый номер вашей газеты¹ вызвал всеобщее возмущение, которое, в конце концов, нашло свое выражение во французской газете, где также еще не забыли вашей статьи гор. Вильна, напечатанной в альбоме, который целиком состоит из подобных же творений².

После того как прочтешь вашу статью и выдержку из нее, помещенную в газете «Петербургские ведомости», о том, что Завадский, несмотря на то, что является поляком, был выбран городским головой в Киеве, а также статью «Северной пчелы» о решении преподавать польский язык в школах Волынской, Подольской и Киевской губ.³ не приходится удивляться, что Европа готова поверить, что польскому народу вернули его права.

Стыдитесь расхваливать подобные распоряжения русского правительства! Хотя я и русский, но я не мог читать их, не испытывая чувства возмущения тем, как легковверные люди обманываются и вводятся в заблуждение. Если вы не знаете, то я скажу Вам, что русское правительство вовсе не думает о том, чтобы вернуть польскому народу его права, а даже всячески старается их искоренить. Если же он своими собственными силами заявляет о своем существовании при помощи органов, ни в малейшей степени не враждебных правительству, то и тут прилагаются все старания к тому, чтобы подавить его. Прочтите написанную по этому поводу статью Искандера в «Колоколе», где описываются новые деяния Муханова на берегах Вислы⁴ — там правительство запретило сельскохозяйственному обществу собираться на заседания в провинциях Царства Польского. Один раз Александр II сказал в Варшаве: «никаких иллюзий!» («point de rêveries»). А сейчас он, вероятно, добавил: «point d'agriculture en Pologne» («сельскому хозяйству не место в Польше»).

Вот каковы благодеяния российского царя! Если вы не знали о них, выражаю вам свое соболезнование.

Примите мой совет, прекратите выпуск своей лживой и лицемерной газеты. Сейчас не время для этого. Ей не будет верить ни поляк, ни русский, который нуждается не в лести, а в том, чтобы ему говорили правду — так, как ее сказал Вам я*.

Русский

¹ Обнаружена только польская копия письма. Современники считали авторами письма студентов русских университетов, уроженцев Литвы (ЦГАОР СССР, ф. 109, СА, оп. 1, д. 1103, л. 1). Письмо это — один из отзвуков общественной демонстрации, организованной против приезда в Вильно в 1860 г. Александра II. Студенты разбрасывали воззвания и памфлеты на улицах, помещики готовились подать адрес с просьбой открыть Виленский университет и т. п. (см. там же, а также прим. 2 к док. 7, док. 15). О распространении письма см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 292, лл. 41—44. Публикуемый экземпляр был обнаружен при обыске у кс. Гембицкого в Вильно.

² Статья была напечатана в «Виленском вестнике» 30 августа 1860 г.

³ Александровский кадетский корпус в 1854 г. был переведен из Брест-Литовска в Москву, а в 1859 г. — в Вильно.

* Помета на польском яз. Перевод с русского. Копия письма, посланного редактору газеты «Виленский курьер» г. Киркору 18 октября 1860 г.

⁴ Начала вновь выходить с января 1860 г. на русском и польском языках.

⁵ Имеется в виду статья А. Киркора, «Историко-статистические очерки гор. Вильно», напечатанная в верноподданническом альбоме, изданном в 1858 г. («В память пребывания государя императора Александра II в Вильне 6 и 7 сентября 1858 г.», Вильно 1858).

⁶ «Северная пчела», № 190 от 27 августа 1860 г.

⁷ Статья А. И. Герцена «Победа, одержанная храбрым ген. Мухановым, что на Висле» (см. «Колокол», вып. III. М., 1962, стр. 630, а также А. И. Герцен. Сочинения, т. XIV. М., 1958, стр. 290).

3

1861 г. февраля 25.— Отношение виленского ген.-губернатора В. И. Назимова начальнику III отделения В. А. Долгорукову по поводу доноса К. Косцинского (Э. Антушевича)¹ о революционных замыслах поляков — студентов Петербургского и Московского университетов

Весьма секретно

Студент императорского Московского университета Константин Косцинский, прибыв в Вильно и являсь ко мне 24 сего февраля, изъявил желание объяснить некоторые сведения в политическом отношении.

Потребованный вследствие сего мною для изустного рассказа наедине всего того, что могло быть ему известно, Косцинский открыл, что московские и петербургские студенты польского происхождения составили между собой общества² с целью содействовать одновременному бунту в Царстве Польском и в западных губерниях, что к обществам этим принадлежат и некоторые студенты — уроженцы внутренних губерний, что все они имеют в известных местах сходбища, запасаются оружием, уходят без паспортов за границу; предположили намерения свои привести в исполнение в апреле, когда придут на родину на каникулы, что самого его, Косцинского, послали в Варшаву узнать, когда предположено восстание, и сведение это по возвращении в Петербург сообщить им, и чтобы все назначенные депутатами студенты Московского, Петербургского и Киевского университетов могли собраться в Вильне к определенному для сего времени.

Все эти объяснения я приказал ему изложить письменно, что он и исполнил, хотя не мог припомнить всех подробностей, обязавшись написать их дополнительно, по собрании мыслей, встревоженных замыслами своих товарищей.

Прочитав его объяснение, я не могу не обратить внимания в. с., что главных двигателей предприятий в Петербургском университете он, кроме Зенковича, назвал еще Веригу и Курневича — тех самых, по-видимому, которые принимали уже участие³ (хотя положительно не установленное) в минувшем году по делу, произведенному Виленской следственной комиссией, из которого было видно, что и тогда они готовились уже подговаривать крестьян и готовить их к восстанию распространением ненависти к русским и к правительству³.

³ Против этих слов в III отделении сделана помета С ними был еще здешнего университета студент Юндзил, как видно из прежней переписки с ген.-адъютантом Назимовым по делу Витковского, намеревавшегося составить тайное общество в Вильне.

Поспешая данное Косцинским объяснение с приложенной к оному запиской на польском языке⁴, а также венгеркой и конфедераткой⁵ препроводить при сем на зависящее распоряжение в. с., имею честь уведомить, что дополнительное его показание, какое сделано будет, я не замедлю вслед за сим доставить на ваше, м. г., благоусмотрение. К сему присовокупляю, что Косцинский, переодетый в гражданское платье, помещен временно во дворце⁶ под моим ближайшим наблюдением и в ограждение собственной его личности от неизвестных еще ему студентов, которых он уже имел случай встречать здесь на улицах⁷.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 80, лл. 1—2. Подлинник⁸

Опубл.: «Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева», т. 1, Вильна, 1906, стр. 6.

¹ Во время следствия было выяснено настоящее его имя: Эдуард Константинович Антушевич, студент второго курса математического факультета Петербургского университета, уроженец Новогрудского у. Минской губ. Назвался К. Косцинским, как сам указал, из опасения перед товарищами, которые могли узнать о его предательстве (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 80, л. 29; ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 9).

² Речь идет об «огулах», организациях польских студентов в Московском и Петербургском университетах. Более подробно см. о них в показаниях Э. Антушевича (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 80, лл. 11—15а, 15ж—15и), а также в статье: Т. Г. Сныткo. Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х годов и восстание 1863 года. В сб.: «Восстание 1863 года и русско-польские революционные связи 60-х годов», М., 1960.

³ См. док. 70—73 о кружке Витковского.

⁴ См. док. 4; о записке — в прим. 4 к названному документу.

⁵ Принадлежавшие Э. Антушевичу.

⁶ Ген.-губернатора.

⁷ После того как Антушевич был отпущен, он встретил в Вильно студента В. Новинского, давшего уже прежде свой паспорт Антушевичу для поездки в Варшаву. Так как Антушевич объяснял ему свою задержку в Вильне отсутствием денег на дорогу, Новинский взял его с собой, обещая бесплатно доставить в Варшаву. По дороге в Гродно Антушевич был арестован и вместе с чемоданом, данным ему на хранение Новинским, отправлен обратно в Вильно к Назимову. В чемодане были бумаги Новинского, среди которых нашли много переписанных им польских стихотворений патриотического содержания и список пожертвованных от разных лиц в пользу студенческого огула. Среди жертвователей — имя гр. Яна Тышкевича, б. виленского уездного предводителя дворянства (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 80; ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 9, лл. 24—26).

⁸ Отпуск: ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 9, лл. 1—2.

4

1861 г. февраля 25¹. — Показание К. Косцинского
(Э. Антушевича)²

Поступив в прошлом году в Московский университет и находясь в оном по настоящее время, но приехав в С.-Петербург на праздники прошлого года, т. е. 1860-го, студенты стали уговаривать остаться меня в Петербурге, на что я согласился и пробыл там около двух месяцев, и слушал лекции в Петербургском же университете, но бумаги все-таки мои находились в правлении Московского университета. Пребывание мое как в Москве, так и в Петербурге дало возможность познако-

миться и сблизиться с моими товарищами-студентами. Приобретя достаточное сведение о их неблагонамеренных разговорах и замыслах против правительства, приобретаю также и их доверие, чему доказательством служит данное мне^а ими поручение, именно Московским университетом, в настоящее время, т. е. когда я возвратился из Петербурга в Москву, я хотел обо всем, что только слышал и знал, довести до сведения университетского начальства, но, опасаясь преследования со стороны товарищей, а еще более того, что открытием моим мне трудно бы было принести желаемую пользу, действуя один против целого их общества^б, я решился ехать в Вильно и по прибытии доложить все, что только мне известно, г. ген.-губернатору. Принадлежа сам к исповеданию римско-католическому, я в делаемом ныне открытии побуждался одним только искренним желанием предупредить правительство о безрассудных замыслах, которые могут повлечь за собой одни только несчастья людей и ниспровержение порядка.

Добровольное мое чистосердечное показание состоит в следующем: как только разнеслась весть, что Мерославский формирует легионы^в с намерением двинуться к границам Австрии, так между студентами польского происхождения Московского и Петербургского университетов сейчас начали образовываться кружки и сходбища. Главными предводителями их в Петербургском университете студенты: Феликс Зенкович, Верига и Курневич, в особенности же первый; из других же помню фамилии: Владислава или Владимира Прокоповича, Владислава Новинского, который отдал мне свой паспорт, за которым^г мог бы я без препятствия доехать до Варшавы, а сам же он, Новинский, как кажется, поехал за границу^д; также одного из двух братьев Урбановичей, не знаю только которого; Иосифа Юдыцкого, уехавшего три или четыре недели тому назад в Варшаву с намерением оттуда отправиться за границу; Поплонского, желающего также уехать за границу, Поплавского и др. В Московском же университете главным действующим лицом на этих сходках — студент Коссаковский, который покупает разные припасы на фабриках и продает товарищам за ту же фабричную цену; из других же помню фамилии: Теофиля Худзинского, уроженца внутренних губерний Токаревича, двух братьев Лебковских, двух братьев Рудзеевских. Цель этих собраний состоит в обсуждении предположений о произведении одновременно бунта в Царстве Польском и западных губерниях; для сего они решили отправить по несколько человек из каждого университета в Вильно, а меня^а Московский университет отправил в Варшаву с тем, чтобы я узнал, кто именно там главные двигатели народного движения и кто будет оттуда выслан в Вильно, а также в какое именно время, чтобы всем этим командированным собраться вместе в Вильне для возмущения народа; другие же студенты уезжают за границу к Мерославскому, не имея никаких паспортов; в доказательство назову студента Петербургского университета Шепелевича, уехавшего таким образом за границу. Сколько я слышал, из Петербурга отправилось около 40 человек, а из Московского универси-

^а На полях против слова вопросительный знак.

^б На полях вопросительный и восклицательный знаки.

^в Т. е. с которым.

^г Слово подчеркнуто и поставлен вопросительный знак.

^д Слово подчеркнуто и поставлен вопросительный знак.

тета более 60 человек^а студентов за границу; едут они по собственным рассказам, одни через Киев за границу, а другие в Варшаву, откуда отправляются далее к Мерославскому по известной им дороге, на которой, хотя и без паспортов, никто уже их при переезде границы не задерживает. Чаще всего сходки эти бывают в доме Бернардаки на Васильевском острове^б в четвертой линии между Малым проспектом и набережной Малой Невы, в квартире Зенковича и у других студентов, живущих в том же доме, а в Москве — в кв. Коссаковского, жившего на Богословской ул., не знаю, в чьем доме, под № 12. Студенты, кроме того, собираются в биргальях^в в Петербурге — на Васильевском острове в д. Калгина, а в Москве — на Тверском проспекте в биргале, называемом студентским; когда они туда собираются, то из посторонних лиц туда не впускают. В собраниях своих поют песни, как например, «Jeszcze Polska nie zginęła», «Bracia, Rocznica»^г и т. п., занимаются фехтованием, стараются по возможности как можно более приобретать оружия, которое можно найти почти у всякого студента, заботятся о том, чтобы теперь же под разными предлогами обеспечить беспрепятственный выезд в апреле на каникулы, а по приезде на родину распространять в народе дух мятежа и подготавливать к одновременному общему восстанию^д. В собраниях этих каждый должен иметь венгерку и конфедератку; в таких же одеждах предположено показываться народу, когда будут подговаривать его к восстанию. Такую одежду я имею теперь при себе и представляю ее в. вп. Отправляя меня в Варшаву, студенты Московского университета дали мне при сем прилагаемое письмо к Варшавскому обществу студентов^е; письмо это подписано буквами BPSMU, что означает Biblioteka Polaków — studentów Moskiewskiego Uniwersytetu^а. На дороге получил я от них 25 руб. сер., имел право пользоваться от 100 руб. собранных денег мною, 10 руб. сер., но я ничем не пользовался, ибо у никого^б денег не собирал, а прибыл в Вильно, нигде не останавливаясь, по железной дороге.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и., 1 экз., 1861 г., д. 80, лл. 3—4. Перевод с польского

¹ Датируется по содержанию предыдущего документа (3).

² См. док. 3.

³ В 1860 г. Л. Мерославский вел переговоры с Гарибальди о создании польского легиона в Италии. Письма Гарибальди к Мерославскому от 1 мая и 30 декабря 1860 г., в которых он писал о своем согласии с Мерославским, были использованы последним для собственной рекламы и рассылались в виде воззваний, имевших хождение среди студентов Москвы и Петербурга. С конца 1860 г. усердной пропагандой польского легиона занялась газета «Przegląd Rzeczy Polskich», издававшаяся в Париже. Тогда же был издан ряд объявлений о сборе средств на легионы. Наиболее широко распространялось совместное воззвание Л. Мерославского и Ю. Высоцкого от 10 января 1861 г. Легион объявлялся первым регулярным польским военным соединением, которое через Австрию дойдет до границ восставшей Польши. Среди польской молодежи легион пользовался исключительной популярностью (см. док. 38).

^а Слово подчеркнуто и поставлен вопросительный знак.

^б Против этих слов в III отделении сделана помета Это сходится с нашими сведениями.

^в Биргаль — пивная (немецк.).

^г «Еще Польша не погибла», «Братья, годовщина...» (польск.).

^д Библиотека поляков — студентов Московского университета (польск.).

^е Так в тексте.

⁴ В других показаниях Э. Антушевич более подробно рассказывает о спорах, происходивших на студенческих сходках: «Некоторые из них утверждают, что для вернейшего успеха, дабы освободиться от власти российской, нужно во время каникул ездить к польской шляхте и вговаривать им, что так как Мерославский формирует легионы на защиту отечества, то мы и сами туда же едем, поэтому и они не должны дремать, а взяться за оружие и быть готовыми к делу. Другие опять толковали, что несравненно лучше съехаться в Вильню по случаю часто и так происходящих споров крестьян с помещиками и обратиться к народу, доказывая им, что только тогда будут свободными, когда сами возьмутся за оружие и таким образом произведут восстание, и тому подобные происходят суждения» (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 80, л. 15).

⁵ Э. Антушевичем было представлено Назимову письмо на польском яз. следующего содержания: «Товарищи! Просим вас уведомить, кого вы избрали из среды вашей депутатами? Сколько собрано вами денег на предмет выезда молодежи за границу? Сколько есть желающих выехать? Мы просим доверять во всем нашему товарищу Константину Косцинскому. Он обязался во время совершения пути собрать 500 руб. и возмущать дух народа. Если вам нужны деньги, то можете оставить себе собранные Косцинским. Он сообщит вам обо всем, что у нас делается. Желаем вам успеха в ваших предприятиях и т. д. Мы остаемся верными отечеству; любовь и согласие господствуют между нами».

5

1861 г. марта 23.—Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о панихидах и денежных сборах в Гродненской и Ковенской губ. в связи с расстрелом демонстрации в Варшаве

Начальник Гродненской губ. довел до моего сведения о полученном донесении от слонимского городничего, что в городе этом 2 числа сего месяца в монастыре монахов-бернардинов совершено было заупокойное богослужение о погибших во время варшавских беспорядков¹. Служению этому придан был частный характер панихиды за усопших родных одного из помещиков уезда; оно совершилось без всякого нарушения общественного спокойствия, но съезд помещиков был весьма значительный. К сему городничий добавил, что с некоторого времени состояние мыслей и умов местных жителей чрезвычайно напряжено, исполнено каких-то надежд, и что оттого все находится в бессознательном ожидании.

Одновременно я получил также представление и от ковенского губернатора, что в м. Кейданах, в приходском костеле, отправлялось с тою же целью заупокойное служение. В самом же гор. Ковно, 9 сего марта в Августинском костеле были две панихиды, одна за упокой родителей дворян Стравинских, другая же — по просьбе землемера Ковенской палаты государственных имуществ коллежского ассессора Чайковского, за упокой души отца его Венедикта. На сей последней панихиде, кроме родственников покойного, присутствовало значительное число посторонних лиц, из коих многие зашли в костел без предварительных сведений. По окончании службы, когда присутствовавшие начали расходиться, неожиданно у дверей костела несколькими лицами предложена была складка в пособие семействам убитых в Варшаве. Вследствие этого собрано около 500 руб., и деньги эти через Ковенскую почтовую контору отправлены в Варшаву в редакцию «Еже-

дневной газеты»² для передачи в тамошний комитет³, приглашения которого к участию в пожертвованиях были печатаны во всех польских журналах, выходящих с разрешения цензуры.

Ген.-адъютант Назимов

Помета В. А. Долгорукова. Высочайше повелено уведомить ген.-адъютанта Назимова, что описываемые им действия крайне государю императору прискорбны и что е. в. изволят желать и надеется, чтобы возобновление таковых на будущее время допускаемо не было. 29 марта⁴.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 7—8. Подлинник

¹ Имеется в виду расстрел царскими войсками демонстрации в Варшаве 15(27) февраля 1861 г. и похороны пяти убитых демонстрантов.

² «Gazeta codzienna», вскоре переименованная в «Gazetę Polską».

³ Подробнее см. док. 138.

⁴ В том же деле (л. 9) имеется отпуск отношения В. А. Долгорукова к В. И. Назимову, в котором приведены слова Александра II, с перестановкой только слов «желать» и «надеяться». Отношение В. А. Долгорукова опубликовано в «Сборнике документов музея гр. М. Н. Муравьева», Вильна, 1906, стр. 31.

6

1861 г. марта 30.— Уведомление, присланное в III отделение о мерах, принятых Министерством внутренних дел против проявления солидарности с борющимся польским народом в России, Литве, Белоруссии и на Украине

Секретно

Министр внутренних дел 29 марта 1861 г. послал ген.-губернаторам кн. Васильчикову¹, гр. Строганову², Назимову и Тучкову³ шифрованные депеши следующего содержания⁴: «Примите решительные меры, чтобы во вверенных вам губерниях не допускалось панихид, политических демонстраций и денежных сборов, которые могут быть возбуждены варшавскими событиями»⁵.

Того же числа и такого же содержания посланы депеши к губернаторам: саратовскому, витебскому, моголевскому, минскому, харьковскому и казанскому⁶.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 1, л. 10. Подлинник

¹ Киевский ген.-губернатор. О проявлениях манифестационного движения на Украине в этот период см. сборник настоящей серии «Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 годах», Киев, 1963, стр. 102, 105 и далее.

² Новороссийский и бессарабский ген.-губернатор.

³ Московский ген.-губернатор. В Москве 16 и 17 марта 1861 г. во французской католической церкви была отслужена панихида в память варшавских жертв с участием польских и русских студентов, а также других жителей Москвы. После панихиды от имени русских студентов выступил П. Г. Заичневский (см. настоящую серию, «Русско-польские революционные связи» т. I, М., 1963, стр. 60—62).

⁴ Отпуск телеграммы; ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 22, д. 843, л. 16.

⁵ Речь идет о расстреле демонстрации в Варшаве 15 (27) февраля 1861 г.

⁶ Документ не подписан.

1861 г. апреля 18. Вильно.— Конфиденциальное письмо начальника четвертого округа корпуса жандармов А. М. Гильдебранта и. о. начальника штаба корпуса жандармов А. Л. Потапову о событиях в Вильно

В. п. изволили поручить мне, познакоившись с Вильною, изложить мое мнение о состоянии умов, о положении дел и о распоряжениях местных властей для поддержания порядка и спокойствия в крае¹. Благоклонное внимание г. ген.-губернатора Назимова, желавшего иметь меня свидетелем принимаемых им, в видах предупреждения беспорядков, мер; откровенная беседа со многими старыми знакомыми, которых здесь я встретил между русскими и поляками, и, наконец, внимательное соображение всего, что я видел и слышал, дают мне возможность исполнить неотлагательно поручение это.

Г. ген.-губернатор встретил меня (5 апреля) отменно приветливо, сказав много лестного насчет репутации моей, дошедшей до него со стороны многих достойных лиц; и тут же в откровенной беседе, без свидетелей, в кабинете, познакомил меня со своим взглядом на положение края. Он выразил свое мнение насчет духа поляков очень резко и определенно: что от них тщетно было бы ожидать преданности к престолу; что они милостей царских не стоят и оценить их не хотят и не умеют; что легкомыслие и готовность к измене составляют их исключительный характер, но что надежда на присоединение Литвы к Польше — одна химера, потому что масса народонаселения состоит из русских.

На другой день посетил меня г. гражданский губернатор Похвиснев и, коснувшись слегка разговора этого, он мне прямо объяснил, что Владимир Иванович был прежде противоположного мнения, но после неудавшегося дворянского бала для государя императора² и других неблагоприятных проделок *il est revenu peu a peu de son erreur; et ayant le courage de son opinion, il est trop honnête homme pour ne pas l'avouer franchement*³.

7 апреля я был приглашен к ген. Назимову, дабы присутствовать при представлении дворян Виленского у., собравшихся в числе более 100 человек для выбора посредников по крестьянскому делу. Он сказал им сильную, в грозных выражениях речь насчет отправляемых в Виленской губ. панихид по убитым в Варшаве⁴ и насчет других подобных выходов и демонстраций, доказывающих преступные их помыслы; что лица, в том участвующие, поступают как школьники и заслуживают строгого наказания; что энергическими мерами он прекратил весьма скоро волнение и неповиновение крестьян, появившиеся в некоторых местах с поводу нового постановления о свободе⁵, но что он подозревает, не было ли тут преступного умысла со стороны некоторых дворян, полагавших легкомысленно взволновать край ложным истолкованием благих намерений государя, что против преступных затей есть пули и штыки, и они найдут его всегда твердым и готовым к противодействию

² Он постепенно избавился от своего заблуждения и, как человек гражданского мужества, он слишком честен, чтобы не признать этого искренно (франц.).

самыми решительными мерами; если же кто не доволен распоряжениями его, то может переселиться в Царство Польское. На это двое из дворян доложили ему почтительно, что редакция постановления о свободе недоступна понятию крестьян и что находятся между ними полуграмотные или неблагонамеренные люди, которые толкуют по-своему смысл постановления и, разумеется, всегда во вред помещикам; но г. ген.-губернатор не обратил внимания на объяснение это и сказал, что он ему не верит.

В бытность мою, в самом недавнем времени, у сестры в Витебской губ., слышал я от некоторых помещиков такие же суждения и что даже «Положение» не во всем согласно с высочайшим манифестом; нельзя не упомянуть притом, что некоторые здешние поляки утверждают, будто не совсем ясное изложение правил о свободе крестьян и самый слог одного, понятный только для образованного класса, имеют тайной целью взволновать крестьян на пагубу помещиков.

В заключение был прочитан отзыв е. с. г. шефа жандармов, в котором, по высочайшему повелению, сообщалось г. ген.-губернатору, что государь император изволил осведомиться с прискорбием о неблагонамеренных поступках и демонстрациях поляков.

Засим г. ген.-губернатор пригласил гражданского губернатора, меня и губернского предводителя Домейку в кабинет и спрашивал у последнего, правда ли, что дворяне затевают подать ему какой-то адрес⁵, и если бы он принял его, то принял бы также адрес и от всего народонаселения в губернии, причем дворяне остались бы в сильном проигрыше. Предводитель отвечал, что никакого адреса подано не будет, и на другой вопрос, ручается ли он за спокойствие гор. Вильно, сказал, что опасности не предстоит. В заключение ген.-губернатор выразился, что он не только не ищет популярности, но плюет на нее и руководствуется единственно строгим исполнением своего долга.

На другое утро я опять был приглашен к г. ген.-губернатору по следующему обстоятельству: накануне ввечеру, т. е. 7 апреля, была совершена во Францисканском костеле панихида по убитым в Варшаве⁶, невзирая, что католический епископ Красинский не дал на то согласия (ему выбили камнем окно в тот же вечер). По донесению полиции, находились в числе присутствовавших в костеле 7 служащих чиновников, которые и собраны были к ген.-губернатору. На вопрос его, кто из них был на панихиде, 5 чиновников отвечали отрицательно, а двое — секретарь г. ген.-губернатора коллежский асессор Маевский и директор Виленской женской гимназии статский советник Калиновский — отвечали утвердительно, и ген.-губернатор приказал им тотчас подать в отставку, присвокупив, что такие глупости и такое нарушение долга он не может простить служащим чиновникам и не хочет более с ними служить; у прочих же попросил весьма вежливо извинения, что беспокоил их напрасно. Я слышал, впрочем, на другой день от двух заслуживающих доверия лиц, что четыре из них солгали, а только пятый не был на панихиде.

Попечитель Виленского учебного округа ген.-лейтенант барон Врангель, осведомившись, что старший учитель Пржибыльский и младший учитель Шлягер тоже присутствовали при панихиде, совершенной на другой день (8 апреля) в костеле св. Яна, приказал им обоим подать также в отставку.

Полученные мною в следующие дни с разных сторон сведения заключались в том, что в Вильну съехалось много студентов из разных университетов без видимой надобности и что в страстную пятницу⁷ готовится восстание, в котором примут участие виленские жители, и ремесленники в особенности. С поводом этих слухов, дошедших и до г. ген.-губернатора через полицию, арестованы ночью с 14 на 15-е 5 студентов, а троих не нашли: они выехали, по объявлению домохозяев, в Ковно. 15 апреля были собраны к г. ген.-губернатору виленские купцы — христиане и евреи, а также и ремесленники, и в присутствии моем он сказал им, что виленский гарнизон будет усилен (ожидает 5 рот и 1 эскадрон); что это войско будет размещено между христианским народонаселением, евреи же освобождаются от постоя, потому что их поведение удовлетворительно; что этот постоя в случае надобности обратится в строгую экзекуцию; что происшествий, подобно варшавским, у него в Вильне не будет, а если бы безголовые вздумали затеять что-либо подобное, то он израсходует не 2 патрона, но все 60. Ремесленникам он строго подтвердил, что они отвечают ему за своих работников, а книгопродавцам сказал, что уедут весьма далеко, если не перестанут промышлять запрещенными брошюрами и фотографиями.

В кабинете г. ген.-губернатор сказал мне, что он высылает из Вильны уездного предводителя гр. Тышкевича и жену его за предосудительные поступки и за намерение дать на святую пасху виленским ремесленникам обед на 1500 человек в преступных видах⁸. Слухи эти доходили и до меня. Гр. Тышкевич человек самый ограниченный, но жена его питана революционными идеями и управляет по своему произволу мужем.

Я доложил при том е. вл.: 1) что в настоящее время, необходимо иметь в домах дворников, которые, находясь в непосредственной зависимости полиции, должны контролировать всех прибывающих и наблюдать вблизи за действиями жителей, и 2) что было бы желательно, дабы в вызванном из Вилкомира в Вильну эскадроне улан не было между офицерами поляков. Я сослался при том на весьма дельное донесение полковника Скворцова г. шефу жандармов от 11 апреля за № 76⁹, в котором упоминается об офицерах Курляндского уланского полка, не только присутствовавших на панихиде в Вилкомире, но и похоронивших в костел полковую музыку.

Г. ген.-губернатор, одобряя оба мои мнения, сказал, что сделает немедленно надлежащее распоряжение. Наконец, по докладу моему о выезде из Ковны в Варшаву поэта Сырокомли и о возмутительных стихах его (в том же донесении полковника Скворцова) ген. Назимов приказал сделать розыскание, не скрывается ли он где-либо в Литве¹⁰.

В заключение, считаю долгом изложить мое мнение о поляках и о распоряжениях, которых был я свидетелем: верен ли мой взгляд^а и не ошибаюсь ли я в некоторых суждениях моих?

Теперь перехожу к мерам и распоряжениям начальства.

В настоящее тревожное время, при разгаре страстей, при повсеместном стремлении заявить пред Варшавой и Европой национальное сочувствие к общему делу, только под влиянием страха возможно удержать

^а На полях помета Александра II совершенно верен.

польскую партию в некотором порядке; малейшее послабление может иметь печальные для них же последствия, а потому энергическую речь, сказанную г. ген.-губернатором 7 апреля дворянам, я нахожу соответственной нынешним обстоятельствам ^а. Но притом не могу не выразить, что формы этой речи могли бы быть мягче, деликатнее, не столь резки и оскорбительны для самолюбивого класса, не лишенного большей частью хорошего образования. Гласное подозрение, будто они волнуют крестьян из преступных видов, едва ли может назваться заслуженным ^б. Неудовольствие и даже негодование, ярко отразившиеся на лицах слушателей, свидетельствуют, как глубоко почувствовали они оскорбление, которое легко может перейти в непримиримую ненависть к начальнику края; а это не принесет пользы делу. Поляку можно сказать самые горькие истины, лишь бы они были облечены в вежливые формы ^в, — и он не сочтет себя обиженным нисколько.

Всем, впрочем, известно, что Владимир Иванович добрейшей души человек; но он находится ныне, как мне говорили многие, как я и сам заметил, в раздражительном состоянии духа; и это весьма понятно ^г; вместо признательности и беспристрастной оценки его добрых намерений он встретил коварство и неблагодарность.

Что же касается до грозной речи, сказанной им купцам, книгопродавцам и ремесленникам, то я искренно ею обрадован: речь эта послужит для прямой их пользы и удержит многих от участия в глупых выходках. Приказание чиновникам, бывшим на панихиде, подать в отставку и высылку гр. Тышкевича с женой из Вильно я признаю распоряжениями, нужными по обстоятельствам и совершенно основательными ^д. По моим соображениям, нельзя, кажется, ожидать ничего слишком важного в Вильне. Сейчас, впрочем, получил я по секрету от одного старого моего знакомого, поляка, сведение, что в страстную пятницу затевают громадную процессию за город для водружения большого деревянного креста на могиле Конарского и для отправления там панихиды по убитым в Варшаве. Главное участие в этой церемонии примут приезжие студенты и здешние гимназисты, а также и ученики других заведений. К сожалению, я ничего не слышу утешительного о здешних учениках, в том числе и о кадетах-поляках. Все они исполнены более или менее вольнодумства и щеголяют друг перед другом строптивостью и непокорностью пред старшими. От ген.-губернатора стараются скрывать эти предосудительные поступки ^е.

Остается еще сказать, что как служащие поляки, так и находящиеся здесь помещики оказывают ко мне много расположения, и некоторые из числа почетнейших предупредили меня даже визитами своими. Они уверяют, что, наслышавшись много обо мне, ожидали моего приезда в полной надежде обрести во мне доброжелателя и посредника в это злополучное для них время.

Много виноват пред в. п., что слишком распространился; у меня, впрочем, нет предосудительной слабости обременять начальника излиш-

* Такая попытка была бы весьма опасна для самих помещиков.

^а На полях помета Александра II и я тоже.

^б На полях помета Александра II справедливо.

^в Против текста черта на полях и помета Александра II да.

^г Помета Александра II на полях и я тоже.

^д На полях помета Александра II его дело доводить о том до его сведения.

ними подробностями, но в этом случае, при первом вступлении моем в новую должность, я не мог воздержаться, чтобы не изобразить со всею отчетливостью все мои дознания и приобретенные понятия о людях и предметах.

В непродолжительном времени я буду иметь честь представить на благоусмотрение в. п. мои соображения, в какой степени можно положиться в губерниях управляемого мной округа на преданность к престолу массы жителей (преобладающей материальной силы) в отношении к преступным замыслам польской партии, мечтающей об отторжении Литвы, Западного края и даже Белоруссии. Но для этого труда мне необходимы подробные статистические, а отчасти и исторические данные, которые я должен собирать под рукой, потому что, к удивлению, не мог их найти в желаемой подробности в печати.

Я прошу прощения у в. п., что решился заклеить наглухо внутренний пакет. Ближайшие подчиненные мои, да и другие лица, сказывали мне, что нельзя полагаться на здешнюю почту, на которой вскрывают тайком всякие пакеты^а.

фон Гильдебрант

Резолюция Александра II. Действия ген.-адъютанта Назимова не могу не одобрить. Мнение его насчет поляков совершенно справедливо.

Помета П. А. Шувалова Государь император изволил читать и положить собственно-ручную резолюцию карандашом, по которой^б относительно исполнения я отдам особое приказание. 29 апреля¹¹.

ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 38—52. Подлинник

¹ А. М. Гильдебрант в апреле 1861 г. был назначен вместо ген.-лейтенанта А. А. Куцинского начальником четвертого округа корпуса жандармов, в состав которого входили Литва, Белоруссия и Правобережная Украина. Центр округа находился в Вильно.

² В середине 1860 г. дворянство Виленской и Ковенской губ. составило адрес для вручения его Александру II во время готовившегося в Вильно бала при проезде царя в Варшаву. В адресе содержалась просьба об открытии Виленского университета, введении в школах преподавания польского яз. и ведении судопроизводства на польском яз. Адрес не был принят и бал не состоялся (см. *Pamiętniki Jakóba Gieysztora z lat. 1857—1865, t. I, Wilno, 1913, str. 82—86*).

³ См. док. 74.

⁴ См. док. 38, 75—77, 79—81.

⁵ Я. Гейштор в своих воспоминаниях не упоминает о каких-либо намерениях дворян Западного края в марте—апреле 1861 г. подать адрес (см. *J. Gieysztora. Указ. соч.*). По-видимому, эта реплика В. И. Назимова вызвана анонимным письмом с подписью Э. Габриэля к губернскому предводителю Домейке, в котором предлагалось собирать подписи под адресом. Письмо это последствий не имело. См. док. 23, 38, 78.

⁶ Панихида по жертвам расстрела демонстрации 27 марта (8 апреля) 1861 г. в Варшаве.

⁷ 21 апреля.

⁸ Гр. Я. Тышкевич был отстранен от должности виленского уездного предводителя дворянства (ЦГИА Лит. ССР, ф. 278, ПО, 1861 г., д. 19, л. 5; ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, 1 эксп., 1861 г., д. 127).

⁹ Донесение не найдено.

¹⁰ См. док. 8.

¹¹ Имеется отпуск отношения П. А. Шувалова А. М. Гильдебранту от 1 мая 1861 г., в котором сообщается: «Ген.-адъютант кн. Долгоруков изволил найти взгляд ваш, в том письме изложенный, совершенно верным; что же касается замечания вашего отно-

^а На полях помета Александра II только, верно, не официальные донесения начальствующих лиц.

^б В тексте по которым.

сительно воспитанников виленских учебных заведений и кадет тамошнего корпуса, предосудительные поступки которых, как вы, м. г., пишете, скрываются от ген.-губернатора, то е. с. находит, что доводить о таких поступках до сведения г. ген.-адъютанта Назимова лежит на обязанности в. п.» (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 1, л. 53).

8

1861 г. апреля 22. Вильно.— Донесение А. М. Гильдебранта В. А. Долгорукову о панихиде в гор. Вилкомире, аресте поэта В. Сырокомли и мерах властей против участников манифестаций

Невзирая на распространившиеся по городу на прошлой неделе слухи и на доходившие до меня на сих днях от достойных веры поляков сведения о замышляемой в страстную пятницу¹ прибывшими в Вильну студентами, здешними гимназистами и учениками института² процессии за город для водружения большого деревянного креста на могиле Конарского и для совершения там панихиды по убитым в Варшаве, вчерашний день (21 апреля) прошел, слава богу, совершенно покойно, без всякой демонстрации и нарушения порядка. Нужно притом упомянуть, что этот день есть годовщина незабвенного для поляков 3 мая по н. ст.³ Нет сомнения, что сказанная 15 апреля ген.-губернатором г. ген.-адъютантом Назимовым виленским купцам, книгопродавцам и ремесленникам грозная речь⁴, распространившаяся тотчас по городу, охладила горячее увлечение молодых, беспокойных голов и образумила публику, убедившуюся, что с ген. Назимовым шутить нельзя, так как он строго и решительно объявил, что происшествий, подобно варшавским, в Вильне у него не будет, а если бы вздумали затеять что-либо в этом роде, то он израсходует не 2 патрона, но все 60. Немалое влияние произвело также усиление 5 ротами и 1 эскадроном здешнего гарнизона.

Замечательно притом, что католическое духовенство держит себя уклончиво и не действует, как в других местах, к возбуждению патриотических страстей; это мне также сказал и ген. Назимов.

Ковенский жандармский штаб-офицер донес от 11 апреля за № 76⁵, между прочим, в. с., что в Вилкомире отправлена была по убитым в Варшаве панихида, при которой не только присутствовали некоторые офицеры квартирующего там Курляндского уланского е. в. полка, но и послали даже в костел полковую музыку, и что поэт Сырокомля (Кондратович)⁶ гозорил в Ковенском клубе сочиненные им возмутительные стихи и потом отправился в Варшаву^а.

Возвратившийся ныне в Вильну из Вилкомира ездивший туда для розысканий начальник штаба армейского корпуса ген.-майор Минквиц сказал мне, что 5 офицеров (поляков) действительно были при сказанной панихиде, но они уверяют честным словом, что не поняли настоящей цели этой церемонии, а полагали, что поминают умерших родственников графини Чапской, по распоряжению которой была совершена

^а На полях помета Смотри особое дело.

панихида, в той же невинной мысли была отправлена полковым адъютантом и музыка в костел.

Возвращавшийся из Варшавы поэт Сырокомля арестован в Суwalkах отправленным вслед за ним офицером Варшавского жандармского дивизиона, доставлен под арестом в Вильну, и бумаги его рассматриваются ныне в комиссии по политическим делам¹.

Волынский жандармский штаб-офицер донес в. с. от 3 сего апреля за № 111, что Владимирского у. в костеле м. Горохова кс. Громадский сказал 25 марта самую возмутительную, сильно взволновавшую умы проповедь, в которой приглашал публику взяться за оружие для возвращения всего потерянного Польшей, а минский жандармский штаб-офицер донес от 16 апреля за № 44 г. начальнику штаба, что 31 марта в костеле гор. Мозыря отправлена была кс. Римшею, при многочисленном стечении народа, торжественная панихида по убитым в Варшаве, и что церемония эта устроена была по распоряжению мозырского уездного предводителя дворянства Замоиского, вследствие полученного им письма от варшавского епископа Фиалковского; при этой панихиде произнес кс. Кульвановский речь самого возмутительного содержания, внушая притом матерям воспитывать детей в революционных идеях².

Я предписал обоим штаб-офицерам донести дополнительно в. с. и г. начальнику штаба, подвергнуты ли злоумышленники заслуженному наказанию за такие вопиющие поступки³ приняло ли, сверх того, местное начальство решительные меры к пресечению впредь подобных дерзких, грозящих нарушением общественного спокойствия действий.

В заключение, считаю долгом присовокупить, что из поступающих ко мне донесений гг. штаб-офицеров управляемого мной округа я не вижу единства в действиях местных властей⁴, что при нынешних обстоятельствах не может не принести большого вреда в отношении к общему спокойствию. Тогда как ген.-адъютант Назимов действует решительно, энергически и с желаемым успехом к пресечению преступных манифестаций, другие губернские власти смотрят на них более снисходительно и пропускают многое, что здесь строго преследуется. Такой недостаток в общей, основанной на точных началах системе администрации возбуждает, с одной стороны, смелость и отвагу на дальнейшие непозволительные попытки, с другой же стороны, имеет следствием ропот и даже ненависть к властям, распоряжающимся строго и последовательно.

Полковник фон Гильдебрант

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 33—37. Подлинник

¹ См. док. 7 и прим. 1 к док. 15.

² Виленского благородного института.

³ Годовщина конституции, принятой на так называемом четырехлетнем сейме 3 мая 1791 г.

⁴ См. док. 7.

⁵ Донесение не найдено.

⁶ Об аресте Людвика Кондратовича (Сырокомли) см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 211, лл. 35—36.

⁷ См. док. 268.

⁸ На полях помета В. А. Долгорукова Узнать о том, что оказалось.

⁹ На полях помета В. А. Долгорукова Иметь в виду.

¹⁰ Помета В. А. Долгорукова на полях против этих слов Памятную записку, по которой я переговорю с ст[атс]-сек[ретарем] Валуевым.

**О ДОСТАВКЕ В ЛИТВУ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ НЕЛЕГАЛЬНОЙ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПОПЫТКЕ М. АКЕЛАЙТИСА
НАПЕЧАТАТЬ СВОИ АГИТАЦИОННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
НА ЛИТОВСКОМ ЯЗ.**

9

1861 г. мая 20 (июня 1).— Отношение русского консула в
Мемеле А. Г. Трентовиуса русскому комиссару по погранич-
ным делам с Пруссией Коху

Es wurde mir aus sicheren Quellen die confidenzielle Mittheilung gemacht, daß die Zeitschrift «Kolokol», so wie mehrere andere in Russland verbotene Schriften, deren Verzeichniß ich mir die Ehre gebe hier beizufügen¹, an den hiesigen Uhrmacher Ruykowicz, ein Pole von Geburt so wie an den hiesigen Kaufman Schultz, zur Weiterbeförderung nach dem Gouvernement Kowno aus dem Großherzogstum Posen und aus Paris zugesandt wurden. Ich setzte mich in Folge deren sogleich mit der hiesigen Stadtpolizei in Relation und durch den sehr geschickten Polizeiergeanten Albrecht wurde es, vermittelt, daß Ruykowicz die ihm schon, seit längerer Zeit, per Post unter Kreuz couwert zugesandten Aufrufschriften nach Lemba, einem Güte unweit dem Städtchen Chwaidan [. . . .] und zwar durch einem gewissen Jonis^a Katutis der sich bei dem Wirthen Jonis^a Dusza in Lemba aufhält an den Besitzer denselben Gutes der einen Bruder in Paris besitzt, welcher französischer Ofizier ist, und ihm die in Paris erschienenen Schriften [. . . .]⁶ hier gleichzeitig machte mir aber auch der Albrecht die wichtige Anzeige, daß in der hiesigen Horchschens Buchdruckerei 10000 Exemplare zweier litthauischer Briefe² von Ruykowicz in Begleitung eines unbekannten Polen, zum Drucke bestellt worden, von denen ich eine Abschrift des litthauischen Manuskripts so wie eine deutsche Uebersetzung desselben, die ich habe anfertigen lassen, hiebei überreiche³. Da der Inhalt dieser [.]⁶ Schriften in höchsten Grade aufrührisch ist, so habe ich hiesige Polizei bewogen den Druck zu inhibiren und auf den nächsten Tagen die bestellten 10000 Exemplare hat abholen wollen, riguilieren und ihm inhaptieren zu laßen. Sollte ich und in Folge deßen noch etwas Bestimmteres über die Person desselben, oder das oben gesagte, erfahren, so werde ich nicht ermangeln Eurere Excelenz hierüber sogleich ergebener Mittheilung zu machen⁴.

Der Kaiserlich Russische Consul A. Trentowius

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г. д. 165, лл. 20—22. Подлинник

ПЕРЕВОД

Мне сообщили из верного источника, что газета «Колокол», равно многие другие в России запрещенные издания, список которым при сем имею честь приложить¹, пересланы из Познани и Парижа к здешнему часовому мастеру Руйковичу, родом поляк, равно здешнему купцу Шульцу для дальнейшего отправления в Ковенскую губ. Я поэтому тотчас обратился к здешней городской полиции и через весьма ловкого полицейского

чиновника Альбрехта удалось обнаружить, что Руйкович отправил уже несколько времени тому назад пересланные ему в почтовых конвертах по почте возмутительные издания в Лемба, владельцу того имения, недалеко от м. Хвейдан, а именно через некоего Иониса^а Катутиса, который проживает в дер. Лемба у хозяина Иониса^а Дужа; владелец того имения имеет брата в Париже, который офицером во французском войске и ему пересылает выходящие в Париже сочинения. Одновременно мне Альбрехт тоже сообщил это важное обстоятельство, что в типографии Горха заказано отпечатать 10 тысяч экз. двух литовских писем² часовым мастером Руйковичем в сопровождении неизвестного поляка. Копию этих писем в переводе их на немецкий язык при сем представляю³. Как содержание этих писем в высшей степени возмутительного духа, то я склонил здешнюю полицию запретить печатание таковых и иметь наблюдение за поляком, приказавшим печатание, который имел на днях прибыть за получением этих 10 тысяч заказанных экземпляров, равно узнать, кто он такой. Когда мне удастся впоследствии что-нибудь положительного узнать об этом лице, то не замедлю тотчас сообщить об этом в. п.⁴

^а Так в тексте; должно быть — Ионаса.

^б Неразобранное слово.

¹ Список изданий, приложенный к доносу:

1. «Głos» — газета, выходящая в Лембепре; 2. «Mowa Pogrzebowa, na cześć Karola Sienkiewicza przez Alex. Jełowickiego», Paris; 3. «Kazanie na XXVIII Rocznicę Powstania Narodowego» того же издателя; 4. «Récil de Macrena Mieczysławska Abbeste des Basiliennes de Mineu», Paris; 5. «Nauka z Powodu Nabożeństwa żalobnego, odbytego za Poległych w Warszawie dnia 27 lutego 1861 Hieronima Kaysiewiczza», Paris; 6. «Mowa Xięcia A. Czartoryskiego», Paris; 7. «La Pologne, par A. Gratry»; 8. «La Pologne, par Armand Ravelet»; 9. «La Pologne devant les consequences de traites de Vienne, par M. A. de Colonne, 1861»; 10. «Panslawizm i Polska»; 11. «Колокол» (много экземпляров); 12. «Будущность» от 12 апреля 1861 г. (см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 165, лл. 2, 11, 23).

² Имеются в виду произведения известного литовского публициста и общественного деятеля М. Акелайтиса (Акелевича) «Gromata Wylniaus Senelio» («Письмо старика из Вильно») и «Pasaka Senelio» («Рассказ старика»), написанные им в 1861 г. на литовском яз. с целью распространения среди литовских крестьян идей польского шляхетского национально-освободительного движения. Авторский рукописный экземпляр этих произведений имеется в ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 16, ч. 2, лл. 5—18, копия — в ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 165, лл. 91—104. Кроме того, документы опубликованы в журнале «Karo Archyvas» (Каунас, 1925, т. 1, стр. 213—216). Русский перевод см. «Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева» т. 1, Вильна, 1906, стр. 33—35.

³ См. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 165, лл. 24—30.

⁴ Копия отношения А. Трентовиуса в приведенном выше русском переводе находится в ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 16, ч. 2, лл. 27—28.

10

1861 г. мая 31¹. Мемель. — Донос сержанта прусской полиции Альбрехта² русскому консулу в Мемеле А. Г. Трентовиусу

Часовой мастер Руйкович, уроженец Ковенской губ. Россиенского у., поселился после мятежа в 1831 г. в Мемеле, где состоит гражданином. К нему собираются все помещики Россиенского у., в особенности живущие на границе, и, зная о всех тайнах, получает на свое имя для доставления им все запрещенные книги, брошюры и газеты, а также переписка с эмигрантами в Париже производится через него.

Будучи в Мемеле, я нашел случай познакомиться с ним, узнал от него, что заказано отпечатать 10 тысяч экз. воззвания к крестьянам на литовском языке, [он] показал мне условие [с] типографщиком и жаловался, что полиция воспретила печатать и наблюдает за ним, но, чтобы ввести полицию в заблуждение, он называл фальшивые имена и будто по дружбе рассказал полицейскому, что, будучи поляком и разговаривая по-немецки, он служит приезжим полякам переводчиком, не зная их лично, и получает от них письма, которые готов ему показать. Между тем он дал знать своим знакомым, чтобы писали письма пустого содержания, подписываясь «Сорок», «Ворон» и т. п.; одно за подписью «Сорок» он показал полицейскому.

Из писем, собственно Руйковичу из Парижа писанных, я усмотрел, что просят его продолжать быть патриотом и служить полякам, что теперь настало время действовать, просят передать все присланное и уведомить, передано ли все нарочному из [гор] Троки, уведомить, правильно ли приезжает нарочный, также прислать экземпляр «Воззвания к крестьянам» и предостерегают быть осторожным и указать другой адрес, куда выслать все, что нужно. Из разговоров [с] Руйковичем и заключил, что в Ковенской губ. все помещики, особенно жмудские, в связи, что существует постоянная корреспонденция с Парижем и другими местами, что стараются привлечь крестьян, даже казенных, на свою сторону, доказывая, что правительство для них ничего не делает и что препятствует им доказать, что все равны^а.

Печатать брошюры заказали, сколько наверно я мог понять, Владислав Буцевич и Антон Граевский; они переменили имя, но не фамилии, и, чтобы ввести в заблуждение наблюдающих, Буцевич заказал визитные карточки «Бронислав Буцевич».

Около казенного им. Хвейданы живут многие мелкопоместные помещики, в числе коих Кимонт — владетель им. Лемба, им. Папина принадлежит Антону Граевскому, Поюра — Константину, а Гвалтис — Адаму Буцевичу, там же имеют имения Владислав и Адольф Буцевичи и еще многие. Судя по приметам заказавшего у типографщика печатать брошюры, он один из Буцевичей, но имя его я не мог узнать, потому что никто из евреев не знает с достоверностью, которого как зовут, по привычке называть каждого поляка «пани сендзи, подкоморже»^б и пр. Для точного разузнания я приискал верного и умного человека, который наблюдает за Руйковичем и напишет мне, кто у него бывает, какие помещики приедут, и опишет приметы всех Буцевичей. На адресе присылаемых книг и пр. из Парижа написано pour mr. Constantin^в; подпись на письмах, сколько я мог рассмотреть после того как Руйкович прочеркнул, J. K... S. В Лембе живет некто Иона Йокутис, Катутис же — казенным лесником, Иони Дужи не знают, а есть Левесь Ионс, контрабандиры^г.

Чтобы приобрести доверие Руйковича, я не мог настаивать в столь короткое время узнать имена его корреспондентов, тем более что он боится, нет ли русских, наблюдающих за ним; он даже боится полу-

^а Так в тексте.

^б *Ranie sędzio, podkomorzy* — пан судья, подкоморий (польск.) — сановник в старой Польше.

^в Для г. Константина (франц.).

^г Т. е. контрабандисты.

чать корреспонденцию в Мемеле. Я ему предлагал адрес в Тильзите, куда бы адресовать и прислать все, он обещал поговорить и мне писать по данному адресу: «Иосифу Лянде в Вильно». Этот адрес приобретет доверие, потому что один Лянде застрелен в Варшаве, а другой выслан за пение из Ковна³. С собою я привез польских книжек *Uwagi*⁴, *Prawda*⁵, *Pologne — Russie*⁶, 94 и 100 номера «Колокола»; 95, 96, 97, 98 и 99 разобраны множество, потому что описаны события варшавские. Таковые продают в Кенигсберге в книжном магазине Bruno Meyer et Comp^a, который высылает очень многие экземпляры «Колокола» и «Будущности»⁷ в Эйдкунен *poste restante*⁶; там абоненты получают из почты и от прусских экспедиторов. Список абонентов я не мог узнать, притом, наверное, никто не записал настоящее имя, при наблюдении же в Эйдкунене на почте можно узнать, кто получает. Так само высылаются «Колокол», «Будущность» и пр. из Тильзита от Грейера и Унцера, они даже брались...», доставить до Ковна. Ежели угодно будет, то могу записать, дабы узнать, кому присылаются, полагая, что для всех абонентов получает в Ковне одно лицо.

Помещики Россиенского у. около Хвейдан предупреждены Руйковичем, чтобы были осторожны, затем обыск у них ни к чему не поведет. Полагаю, что следовало послать туда человека верного, чтобы наблюдсти, войти с помещиками в сношение, предлагать им доставку через границу и донести каждого почтою⁷. Для сего нужно человека простого, который бы не обратил на себя внимание привезенными книжками. Я полагаю приобрести доверие здешних поляков и достать от них книги, рукописи и пр.

Опасаясь, чтобы при наблюдении полицейского⁸ в Мемеле не ввести консула в заблуждение, ежели заметят, что бываю у Руйковича, я был у консула, объяснил ему все и просил продолжать его действия.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 16, ч. 1; лл. 33—35. Перевод с немецкого, оригинал не сохранился

¹ Датируется на основании доноса Альбрехта от 21 августа 1861 г. (см. док. 11, в котором он сообщает, что в рапорте от 31 мая 1861 г. также доносил о И. Катутисе).

² См. также док. 11.

³ 8 апреля 1861 г. во время демонстрации в Варшаве был убит студент Лянде; о Ш. Лянде, высланном из Ковно за участие в демонстрациях см. док. 148 и прим. 2 к нему.

⁴ Вероятно, имеется в виду «*Uwagi kilka w sprawie usamowolnienia włościan, poświęconych obywatelom Królestwa Polskiego, Litwy, Wołynia, Podola i Ukrainy przez obywatela Galicji*». [«Несколько замечаний по вопросу об освобождении крестьян, посвященных помещикам Царства Польского, Литвы, Волыни, Подолии и Украины помещиком Галиции»], Kraków, 1859 или «*Uwagi nad kwestią włościańską*» [«Замечания по крестьянскому вопросу»], Paryż, 1858.

⁵ По-видимому, «*Prawda, pismo czasowe*» («Правда», периодическое издание), przez X. Y. Z. (Henryk Kamiński), Genewa i Berlin, 1861—1862.

⁶ Вероятно, брошюра И. Головина «*La Pologne et la Russie*», Leipzig, 1860.

⁷ «Будущность» — русский либеральный журнал, издававшийся эмигрантом кн. П. В. Долгоруковым в Лондоне в 1860—1862 гг. (см. список книг в прим. 1 к док. 9).

^a Бруно Мейер и Ко (франц.).

^b До востребования (франц.).

^c Текст поврежден.

^d Так в тексте.

^e Так в тексте.

1861 г. августа 21. Мемель.— Донос сержанта прусской полиции Альбрехта русскому консулу в Мемеле А. Г. Трентовицу

Вчера мне удалось арестовать проживающую в Гвальдях близ Хвейдан у помещика Адольфа Буцевича Магдалину Шимкене, которая прибыла сюда без узаконенного письменного вида, чрез что я, как полагаю, сделал существенную услугу г. ген.-майору Коху. Означенная женщина — та самая, которая в объяснении моем от 18 сего месяца¹ названа была Марианною Шимкене, и она, по показанию одного не поименованного мной еще свидетеля, довольно часто переносила отсюда в Россию для помещиков Антона Монтвиллы в им. Погое, прозывающемся и Парагауде, и Адольфа Буцевича разные брошюры, в чем она и созналась, что сделала это вместе с проживающей в Гвальдях Марцианою Гицене. А также она мне объявила при свидетелях, что поименованный в объяснении моем от 31 мая с. г.² Катутис, при розысках российской полиции, помещиком, у которого он жительствова, показан был умершим, но что это неправда, ибо умерший Катутис есть другое лицо того же прозвания, а настоящий Катутис находится в живых и имеет пребывание у родственников своих.

Адольф Буцевич дал помянутой Шимкене 4 руб., дабы она не сказала ни о собраниях дворян, ни о пребывании Катутиса. Кроме того, сказанная Шимкене наименует ксендза, который получил от Буцевича и Монтвиллы 9 руб., чтобы дозволил в костеле в прошедшей неделе ежедневно молиться за освобождение поляков, к каковым молитвам помянутыми помещиками заставлены были все их люди.

В заключение присовокупляю, что находящийся еще в живых Катутис есть тот самый, на которого указывает Шимкене, который и для Граевского доставлял пересланные из Парижа к часовых дел мастеру Руйковичу в Мемель брошюры.

Затем удобно будет, если бы Шимкене была выслана в Россию благонадежным образом.

Подпись: Альбрехт

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 16, ч. 1, лл. 74—75. Перевод с немецкого, оригинал не сохранился

¹ См. там же, лл. 56—60.

² См. док. 10.

1861 г. ноября 7.— Показания студента Киевского университета Б. Буцевича в Виленской следственной комиссии

По увольнении меня из университета в отпуск в Ковенскую губ. к матери, я проезжал через Вильно 14 или 15 числа прошлого марта месяца. Здесь я останавливался неделю или, может быть, более у родной моей сестры Ольги Пуссие, которой муж служит на железной дороге. Во время моего нахождения в Вильне я встретился с моим знакомым

т. Акелевичем, занимающимся литовской литературой. Навестив однажды утром его в собственной квартире, я застал, что он что-то писал. На замечание мое, что я не намерен ему мешать, он отвечал, что работу свою уже окончил. Тогда я его спросил, что он писал и не может ли прочитать мне написанного, на что Акелевич отвечал, что он охотно исполнит мое желание. Хотя я понимаю разговорный литовский язык, но не знаю его настолько, чтобы вполне понимать его в прозе и стихах, которые были написаны Акелевичем. После сего он начал читать мне свое сочинение, и то, что мне было непонятно, он истолковывал словесно. В сочинениях этих, сколько припомню, заключались: в одном, писанном прозой, описание варшавских событий, а в другом, писанном стихами, воспоминание прежнего и лучшего времени в польском патриотическом духе. В какой степени эти сочинения были враждебны настоящему русскому правительству, сказать не могу, ибо сам их не читал, а только слушал, как мне объяснял их Акелевич. Сочинения эти, предъявленные мне в комиссии и отданные мне лично в Горждах типографщиком Горхом, я признаю за те самые, которые писал и объяснял мне Акелевич. По окончании чтения, когда я спросил его, с какой целью он написал эти сочинения, Акелевич отвечал, что как они современны с случившимися событиями, то хорошо бы было распространить их в народе. На возражение же мое, что народ писанного читать не умеет и что поэтому и цель достигнута быть не может, он отвечал, что было бы хорошо, если бы их можно было напечатать за границей. Заметив, что намерения его нельзя было исполнить нигде, кроме Парижа, получил ответ, что и в Пруссии также можно напечатать, ибо немцы за деньги все сделают; на повторенное же мной замечание, что едва ли это возможно в Пруссии, он не раз повторил: «можно, можно». «А когда так,—сказал я ему,—то, по близости жительства моего к границе, я, пожалуй, отдам его сочинение в Мемеле для напечатания». Он на это согласился, сказав, что их нужно прежде пересмотреть и что [он] отдаст мне их в Ковне, куда [он] выезжал из Вильны и куда также и я вслед за ним отправлялся. По приезде моем в Ковно, на другой день утром Акелевич пришел ко мне на квартиру и отдал свои сочинения для вышеупомянутой надобности. После сего я уже более с ним не виделся. Из Ковно я поехал домой к матери в им. Юдраны Россиенского у. и по дороге проезжал к соседу, помещику Антону Монтвилле. Объяснив ему, что мне нужно быть в Мемеле, где я никогда не был, и зная, что он туда ездил неоднократно, я его спрашивал, не пожелает ли, если имеет свободное время, ехать вместе. Он с удовольствием согласился, а я обещал через несколько дней за ним заехать. Не дождавшись меня, он приехал ко мне, и мы отправились в Мемель. Хотя я и говорил ему, что имею сочинения для напечатания их в Мемеле, но содержания их не объяснял, по прибытии же в Мемель заходил с ним вместе в типографию Горха и заказал ему напечатать 10 тысяч экземпляров, ибо Акелевич говорил мне, что чем более будет напечатано, тем лучше, и что деньги, которые будут за это следовать, он мне возвратит. С Горхом я уговорился за 55 руб. сер. и впоследствии, по его желанию, обещал еще несколько прибавить. В чем состояли эти сочинения, я потом объяснял в общих словах и Монтвилле. Ни о каких запрещенных книгах и брошюрах я ничего не знаю; ни у Монтвиллы, ни у кого другого их не видел, сам не имел и из-за границы не приво-

зил. Пробыв около 4 месяцев под арестом и имея время обсудить всю необдуманность моего поступка, я спешу принести мое чистосердечное и откровенное во всем объяснение, а также и искреннее раскаяние, что последовал за увлечением, которое довело меня до настоящего несчастного положения. Прошу начальство видеть в этом одно только легкомыслие и снисходительно судить преступление молодости.

Студент Киевского университета

Бронислав Буцевич

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 16, ч. 2, лл. 170—171. Подлинник

13

1862 г. января 26.—Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о печатании в Мемеле воззваний

После сообщений моих в. с. от 9 июня, 6 июля и 29 прошлого декабря за № 342, 493 и 1620¹ дело о заказе в Мемеле типографщику Горху печатания 10 тысяч экз. возмутительного сочинения представляет ныне следующие результаты.

1. Все предварительные сведения, переданные сержантом прусской полиции Альбрехтом, а равно следственные по делу открытия, несомненно указывали, что означенный заказ сделан был в Мемеле студентом Киевского университета Брониславом Буцевичем, который, находясь в отпуску в имении матери его Юдранах Россиенского у., отлучался в Мемель два раза: в первый тогда, когда заказано было означенное сочинение в печати, а в другой — когда о воспрещении этого печатания было объявлено типографщику Горху русским консулом. Обе поездки в Мемель студента Буцевича записаны в Горждовской таможне, первая 16(28) апреля, а последняя 5(17) мая, но молодой человек этот (не отрицая, впрочем, своей бытности в Мемеле для покупки будто бы разных вещей) продолжал упорствовать в сознании по предмету сделанного им в типографии Горха заказа, несмотря на все улики, которые явно его в том обличали. Наконец, после неоднократных и продолжительных увещаний следственной комиссии он сознался в сказанном поступке чистосердечно и, объясняя действие свое в этом деле второстепенным, показал, что упомянутое сочинение принадлежит занимающемуся литовской литературой Николаю Акелевичу, от которого он, Буцевич, принял только поручение напечатать это сочинение за границей.

2. В Мемель Буцевич ездил для изъясненной надобности вместе с помещиком Россиенского у. Антоном Монтвиллой и с ним же был в типографии Горха для упомянутого заказа, но Монтвилло в этом заказе не участвовал и узнал о содержании сочинения из слов его, Буцевича, после уже сделанного с Горхом условия. Самую поездку с ним, Буцевичем, предпринял Монтвилло только потому, что знал хорошо Мемель по неоднократной бытности в этом городе, куда, напротив, Буцевич ехал тогда только в первый раз.

и 3. Литератор Николай Акелевич есть житель Царства Польского, Августовской губ. гм. Шалтупе. По паспорту 10(22) апреля 1861 г., подписанному, за отсутствием гражданского губернатора, советником губернского правления Лабенским на один год², он, Акелевич, отправлялся в звании частного учителя в губернные города Ковно, Вильно, Минск, Гродно, Киев, Каменец-Подольск и Житомир по семейным делам; находился близ Ковно у помещика Медекши, а потом, переправясь через Неман в Царство Польское в м. Вилькии, отправился к помещику Гавронокому в Мариампольский у., в фольв. Велишки, куда он и прежде часто ездил.

В недавнее время Акелевич проживал в Ковенском у., в м. Сурви-лишках, у мирового посредника Кудревича в качестве его секретаря. Посланный для преследования и задержания Акелевича в этом местечке Ковенской жандармской команды капитан Щербаков узнал, что Акелевич вместе с Кудревичем выехал за два дня пред тем в им. Полепе и Короново к помещикам Довгирду и Сташковскому; отправясь по следам этим, капитан Щербаков встретил возвращавшегося назад одного посредника Кудревича, который сказал тогда, что Акелевич послан будто бы в гор. Ковно для узнания о сроке съезда мировых посредников, однако же это объяснение оказалось ложным, потому что в Ковне Акелевича не было.

Предполагая с своей стороны, что упомянутый Акелевич скрывается от преследования как человек явно подозрительный в отношении распространения возмутительных сочинений, я сделал надлежащие сношения с и. д. наместника Царства Польского, а равно с киевским ген. губернатором и начальниками Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губ. о задержании его, Акелевича, если бы он появился где-либо, и отправлении его под арестом в Виленскую цитадель.

На таковом разыскании остановилось производство дела, к которому в отношении Буцевича оказались прикосновенными следующие лица.

а. Уроженец Ковенской губ. Россиенского у., удалившийся в Пруссию после мятежа в 1831 г. Руйкович, который поселился в Мемеле и занимается там деланием часов. С ним, как объясняют дошедшие до меня сведения, имеют частовременные сношения россиенские помещики и получают чрез него из-за границы письма, брошюры, запрещенные книги и газеты. Этот Руйкович, по показанию типографщика Горха, приходил и с Буцевичем для заказа напечатать вышеупомянутое сочинение,

и б) дворянин Людвиг Граевский, проживающий в им. Попелова в Россиенском у., на которого по заметкам сержанта прусской полиции Альбрехта упало подозрение в бытности его вместе с студентом Буцевичем в типографии Горха, а также в получении из-за границы чрез вышеупомянутого часового мастера Руйковича запрещенных книг и брошюр. Но по исследованию ни то, ни другое обвинение не подтвердилось: сам Граевский в отношении бытности своей в Мемеле с Буцевичем не сознался и ничем в том не уличен, да и по наведенной справке в таможах Новоместской и Горждовской, а равно на переходных пунктах Воверы и Ойсяны, он в отъезде за границу, одновременно с Буцевичем, записанным не оказался. Насчет же получения заграничных брошюр и газет оговор возник на Граевского неизвестно с какого

повода. Солдатка Магдалина Шимкене², сделавшая показание о передаче через Руйковича из-за границы бумаг, объясняла только то, что бумаги эти передавались в Россиенском у. помещикам Монтвиллу и Адольфу Буцевичу, не упоминая вовсе фамилии Граевского, а с этим объяснением согласно показала и крестьянка Гигене, присовокупив впоследствии обе, что помещика Граевского они не знают и о самой передаче бумаг слышали от крестьянина Катутиса, который до настоящего времени еще не разыскан.

Признавая засим, что производство настоящего дела может остановиться на неопределенное время, впредь до задержания оговоренного Буцевичем литератора Акелевича, который, по относительной важности упдающего на него обвинения, есть главное лицо в рассматриваемом предмете, и находя, что сам Буцевич, а равно помещик Монтвилло за принятое ими участие в предприятии, не имевшем, однако, никакого успеха, понесли уже достаточное наказание строгостью и продолжительностью ареста в Виленской цитадели, я предписал кому следует: а) студента Буцевича, во внимание к молодым его летам и раскаянию в содеянном поступке, отправить в сопровождении жандарма в гор. Ярославль для определения там в гражданскую службу без права отлучаться во вверенные мне губернии впредь до усмотрения начальства; а помещика Монтвилло выслать на местожительство, с учреждением за ним надлежащего полицейского надзора; б) дворянина Людвига Граевского, по неимению в деле никакого положительного указания об участии его с Буцевичем по заказу напечатать в Мемеле возмутительное сочинение и в получении из-за границы запрещенных газет и бумаг, оставить от дела свободным, и в) крестьянина Катутиса, который обвиняется в сношении с Руйковичем по переносу тайно из-за границы запрещенных книг, газет и дурного содержания бумаг, подвергнуть по разыскании его допросу для определения соответственного вине его взыскания.

О вышеизложенном имея честь уведомить в. с. впоследствии отношений моих за № 342, 493, 1620 поставляю долгом присовокупить, что по получении сведений о сделанных распоряжениях по разысканию литератора Акелевича, как равно об окончательном решении дела, в случае задержания его, Акелевича, и поимки крестьянина Катутиса я не премину уведомить вас, м. г., дополнительно³.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 165, лл. 72—77. Подлинник⁴

Опубл.: «Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края» («Виленский временник», кн. VI), ч. I, Вильна, 1913, стр. 6—9.

¹ Отношения В. И. Назимова см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 165, лл. 33—34, 43, 64—65. Отпуски: ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 16, ч. I, лл. 24—25, 41—42, 201—202.

² Копия паспорта там же, ч. 2, л. 183.

³ О результатах розысков М. Акелайтиса в Ковенской губ. см. рапорты жандармского полковника Н. Н. Скворцова В. И. Назимову от 8 декабря, В. А. Долгорукову от 13 декабря 1861 г. (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 165, лл. 61—62).

⁴ Отпуск отношения В. И. Назимова В. А. Долгорукову и П. А. Валуеву находится в ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 16, ч. I, лл. 215—222.

^а В тексте Зимкене.

1862 г. мая 21.— *Рапорт Виленской следственной комиссии*
В. И. Назимову

В исполнение предписаний от 27 марта и 12 сего мая за №№ 248 и 388¹, комиссия имеет честь донести, в. вп., что по выслушании показания арестанта Новицкого и по соображении примет его с таковыми же, имеющимися в деле о писателе Акелевиче, ни малейшего сходства в этих двух лицах нет, а притом действительный Акелевич, как сообщил вам г. ген.-адъютант кн. Долгоруков, находится в Париже членом существующего там польского комитета². Посему не представляется в настоящее время никакой надобности задерживать здесь упомянутого арестанта Новицкого, пересылаемого по распоряжению начальника Минской губ. в Ошмянский земский суд.

К сему комиссия долгом представляет почтительнейше испрашивать разрешения, не благоугодно ли будет в. вп. состоящее в комиссии дело о писателе Акелевиче, по нахождению его за границей, зачислить временно решенным.

Председатель майор Павлов^a

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 16, ч. 1, л. 249. Подлинник

¹ В предписаниях В. И. Назимова Виленской следственной комиссии от 27 марта и 12 мая 1862 г. за № 248 и 388 (там же, ч. 2, лл. 179, 181) предлагалось произвести следствие о задержанном в гор. Новогрудке Иване Окулевиче (он же Петр Новицкий), принятом за М. Акелайтиса.

² В 1862 г. М. Акелайтис находился в Париже, сблизился с обществом «Польская молодежь» и выступил в газете «*Demokrata Polski*» (май-июнь 1862 г.) со статьей «О необходимости союза между Польшей и революционной Россией». См. об этом: «Русско-польские революционные связи», т. 1. М., 1963, стр. 9—10.

15

1861 г. июня 9.— *Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о необходимости запретить студентам университетов приезжать в отпуск в Литву и Белоруссию*

За отсутствием в. с., свиты е. и. в. ген.-майор гр. Шувалов сообщил от 16 минувшего мая за № 778 на предварительное мое заключение возбужденный г. военным министром вопрос об отмене распоряжения, последовавшего по моему представлению о неувольнении во вверенные мне губернии, между прочим, и студентов императорской Медико-хирургической академии. Г. президент заведения сего объясняет, что в числе студентов, которые согласно высочайшему воспрещению не могут быть ныне увольняемы в Виленскую, Гродненскую и Ковенскую губ., есть такие, которые ходатайствуют об отпуске по весьма уважительным причинам, и что, не получая такового, они подают просьбы о совершенном увольнении их из Академии.

^a Опущены подписи членов комиссии.

С своей стороны, г. военный министр, принимая во внимание, что уроженцам западных губерний не возбранен отпуск в пограничные с означенными местностями губернии, откуда они весьма легко могут переехать на родину, и что следовательно распоряжение о прекращении выдачи отпусков не достаёт цели, а также имея в виду несомненную для некоторых студентов необходимость в отпуске, полагал бы более удобным отменить распоряжение о неувольнении в помянутые местности, подвергнув уволенных лиц строгому секретному надзору¹.

В ответ на это долгом поставлю уведомить в. с., что я не могу признать вышеизложенных причин достаточными к отмене сделанного распоряжения, в чем и вы, м. г., изволите со мной согласиться, ибо вам известно, что в прошлом году, пред высочайшим прибытием в Вильно государя императора, первая мысль об устройстве демонстрации с намерением заявить разные бессмысленные желания была брошена студентами, старавшимися поддержать и распространить оную всеми зависевшими от них средствами; об этом производилось дело, последствием коего мещанин Витковский и дворянин Вишневский назначены были рядовыми в линейные батальоны Отдельного Оренбургского корпуса², что студенты С.-Петербургского, Московского и Киевского университетов, до прибытия в апреле с. г. на родину, составляли уже там разные замыслы и предположения, о которых сознание сделано было студентом Косцинским³, что они принимали участие во всех богослужениях, которые были отправлены за убитых в варшавских событиях, обязывая к тому даже более спокойных, но всегда трусливых людей угрозами анонимных пасквилей; что они устроили богатые похороны студенту Баранцевичу⁴, распусшив слух, что он был замучен в здании № 14 Виленской цитадели, и что, наконец, первый пример пения возмутительного гимна был подан теми же студентами, распространившийся в низших слоях городских жителей, канцелярских чиновниках присутственных мест, из коих некоторые подверглись за принятое ими в том участие увольнению от службы, и развративший учеников местных учебных заведений детского возраста. Принимая в соображение такие данные, выслушивая при том постоянные просьбы предводителей дворянства об удалении из края, как главных виновников продолжающегося брожения умов, университетской молодежи, являющейся на родину с развитыми правилами демагогического воспитания, которая на восторженные головы и шаткость убеждений действовала личным примером, и находившимися почти при каждом из них выписками возмутительных стихов, брошюр и сочинений, я поставлен был в крайнюю необходимость, отстраняя весьма, быть может, уважительные причины о необходимости пребывания в крае студентов, сделать распоряжение об удалении отсюда и тех из них, которые прибыли на родину до последовавшего на то воспрещения, заботясь более о поддержании общественного порядка и спокойствия, нежели о желании или нежелании студентов продолжать высшее научное образование, которого они добровольно лишают себя предосудительными поступками. Предлагаемую же меру допущения их в край с подвержением строгому секретному надзору я тем менее нахожу действительной, что наблюдение, составляя более бумажное лишь исполнение по сравнительной его численности, возлагается на туземных чиновников полиции, из коих одни представляются не вполне благонадежными, а другие, более преданные правительству или, лучше, более

благоразумные и осторожные, удаляются таким образом от жителей в частных к ним отношениях. Надзор этот не достигал бы цели еще и потому, что полицейские чиновники не могут быть поставлены в уровень с студентами ни в материальных средствах, ни в общественных сношениях, ни в умственном современном образовании, управляющем политическими замыслами, которые подготавливают не составление каких-либо давно покинутых заговоров, а общее развитие известной, вредной видам правительства идеи, с которой должна бороться нравственная сторона власти и подавлять ее теми личными свойствами воспитания и тем серьезным направлением, которых невозможно найти в лишенном средств к жизни, необразованном и, если можно так выразиться, забитом на улице полицейском чиновнике.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 52, лл. 61—64 об. Подлинник

¹ 17 апреля 1861 г. в связи с доносом Ю. Бернацкого о съезде студентов в Вильно для начала восстания В. И. Назимовым была послана В. А. Долгорукову телеграмма следующего содержания: «Покорнейше прошу распоряжения в. с., чтобы студенты университетов и Медицинской академии не были увольняемы в отпуск в вверенный мне край». Уже на следующий день министром народного просвещения Е. П. Ковалевским и военным министром Н. О. Сухозанетом были изданы об этом циркулярные предписания. Однако 21 апреля в III отделение поступило отношение из Военного министерства, в котором сообщалось, что до получения распоряжения 17 студентов уже получили увольнительные свидетельства в западные губернии и успели выехать туда. К отношению приложен список студентов с указанием губерний, в которые они выехали (то же дело, лл. 44—46).

11 мая 1861 г. Н. О. Сухозанетом было послано В. А. Долгорукову письмо за № 399, в котором он пишет: «Президент императорской Медико-хирургической академии довел ныне до моего сведения, что в числе студентов, кои не могут быть уволены, есть такие, которые ходатайствуют об отпуске по весьма уважительным причинам, а именно: по тяжкой болезни матери, по расстроенному здоровью, требующему более благоприятного климата и, наконец, по совершенно недостаточному состоянию, не позволяющему им оставаться на каникулярное время в С.-Петербурге, и что лица эти, не получая отпуска, подают просьбы о совершенном увольнении их из Академии... Я полагал бы более удобным отменить распоряжение о неувольнении в упомянутые местности и подвергнуть уволенных лиц строгому секретному надзору».

В июне 1861 г. шла переписка III отделения с Назимовым и и. д. наместника Царства Польского Н. О. Сухозанетом по этому поводу, и Н. О. Сухозанет дал согласие в некоторых случаях допускать в Царство Польское отпущенных студентов, но под строгим присмотром. Ответ Назимова от 9 июня публикуется.

17 июня 1861 г. III отделением были посланы уведомления в Министерство народного просвещения и Военное министерство об отказе Назимова отменить прежние распоряжения о студентах (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 52; ЦГИА Лит. ССР, ф. 376, ПО, 1861 г., д. 73).

Активное участие в манифестациях студентов, приехавших в Литву и Белоруссию, вызвало циркуляр В. И. Назимова губернаторам от 12 августа о высылке студентов в сопровождении жандармов к ректорам университетов, без специального разрешения ген.-губернатора (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, л. 82). О дальнейших распоряжениях властей см. док. 27.

² О кружке В. Витковского см. док. 70—73.

³ См. док. 3, 4.

⁴ О похоронах Баранцевича см. док. 89.

1861 г. июня 30.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долго-
рукову со сводными данными по Виленской, Ковенской и Грод-
ненской губ. о пении запрещенного гимна

В последнее время получены мной от начальников губерний сле-
дующие представления о пении возмутительного гимна¹:

По Виленской губ.

В Ошмянском у.

1. 1 числа сего июня, в день праздника вознесения господня, в ошмянском римско-католическом костеле после литургии пели возмути-
тельный гимн студенты университетов Бернадский, Мисевич, Баранович
и Хмелевский, помещица Одаховская, жена канцелярского чиновника
тамошней ратуши Гана, помещики Генрих Завадзкий, Минейко, Фаддей
Свобода, канцеляристы присутственных мест: уездного суда Марков-
ский (младший), городской ратуши Бокшанин, младший брат его; уезд-
ного казначейства Волчаский и Керсновский. Вообще между ошмян-
скими жителями обнаруживается какое-то сочувствие к нарушителям
общественного порядка; все почти женщины носят траур; 7 июня пред-
полагалась и совершилась панихида за убитых при варшавских прои-
шествиях; братом аптекаря Андреем Ольшевским и дворянином Жвер-
довским собирается весьма секретно денежная складка, и вообще дух
жителей, за исключением немногих, весьма неприязнен правительству.

11 июня в воложинском костеле также пропет был тамошними при-
хожанами, кроме крестьян, возмутительный гимн.

В Виленском у.

2. 4 июня в м. Мейшаголу прибыло несколько лиц, которые и отпра-
вились в костел; там, по собрании народа, дочь помещицы Снарской,
взойдя на хоры, начала играть на органе и петь возмутительный гимн,
а воспитаник римско-католической семинарии Викентий Рабцевич и
все присутствовавшие пели при алтаре публичную молитву-литанию, по
окончании коей народ стал хвалиться, что восстановлена Польша. Вся
толпа народа находилась там проездом; из оной известны: Снарская с
дочерью, госпожа Селянс, ученики гимназии: 3 класса Бронислав Се-
сицкий, 4 класса Лукьян Черневский, воспитанник конвикта^a Констан-
тин Янкевич и прусский подданный Август Грамер.

В Дисненском у.

3. 28 мая в друйском костеле по окончании литургии человек до
20 помещиков обоего пола, одетых в траур, пели на хорах с органом
возмутительный гимн; в пении были замечены помещики Жаба, Домб-
рова, студенты университетов Жаба, Матерно, помещицы дочери Нито-
славские, помещик Дисненского у. Людвиг Мирский с дочерью и млад-
ший сын помещика Венедикта Клиота. Когда о пении этом разнесся
слух в Друе и окрестностях, то домашние и знакомые участвовавших

^a Кондикт — пансион при учебном заведении.

в пении упрекали их за этот предосудительный поступок и обвиняли в неблагоразумии и неуважении к храму божьему; слов гимна из бывших в костеле никто не расслышал, и вообще пение это не произвело на простой народ никакого впечатления.

В Троцком у.

4. В день сязтого духа пели возмутительный гимн: [а)] в жосельском приходском костеле — помещичий сын отставной артиллерийский прапорщик Кучевский при участии других молодых обоого пола дворян, и б) в бутриманской филиальной церкви — помещица Одынцова с своими детьми.

В Свенцянском у.

5. В комайском костеле по окончании литургии и по выходе из костела настоятеля пропет был возмутительный гимн женщинами, по большей части помещичьего и дворянского сословия. Тамошний уездный предводитель дворянства, узнав, что возбудителями сказанного пения были молодые помещики Игнатий и Сигизмунд Чеховичи, поставил им на вид с строгим внушением, что сделанный ими поступок ведет к дурным последствиям; после чего Чеховичи, сознав свою вину, обязались напредь не возбуждать нигде подобных пений.

По Гродненской губ.

6. 11 числа июня в гродненском римско-католическом фарном костеле во время богослужения началось пение возмутительного гимна, и на другой день было повторено почти всеми лицами, находившимися в Побернардинском приходском костеле, а также 13 числа в том же костеле во время бывшего там торжественного служения по случаю праздника св. Антония. Местные настоятели лично объявили начальнику губернии, что вовсе не знали о предположенном пении гимна, и получили приказание не допускать сего на будущее время, а равно приняты и другие меры к пресечению этих предосудительных действий, особенно в лице служащих чиновников.

В Бельском у.

7. 7 июня в бельском римско-католическом костеле отправлялась панихида за убитых в Варшаве, а после богослужения пропет был возмутительный гимн; собрание народа при сем богослужении было значительное, дамы были в трауре; один из находившихся в Бельске студентов заметил бывшему в костеле офицеру, что он, как носящий русский мундир, не может оставаться в костеле; вообще студенты и ученики гимназии часто собирались по вечерам в доме своего товарища Токаржевича, пели патриотические песни и по ночам гуляли за городом. О приведении обстоятельств этих в ясность сделано начальником губернии надлежащее распоряжение.

По Ковенской губ.

В Вилкомирском у.

8. 11 июня в видзишском римско-католическом костеле во время литургии пропет был возмутительный гимн студентами Стомою и Владиславом Коско при сообществе помещичьих сыновей Онуфрия и Болеслава Коско, а также двух женщин.

9. 18 июня в шатском приходском костеле после литургии и на вечерне, а также 19 числа после литургии ответ был народом возмути-

тельный гимн. Кто именно были зачинщиками пения, при многочисленном накоплении народа заметить было невозможно; но после дознано, что во время пения в костеле находились: состоящий во временном отпуску и под наблюдением полиции поручик 3-го стрелкового батальона Обакевич, студенты университетов Монтвиллы, Гинтоат, Пузына и Корженевский. Поручик Обакевич сознался в пении, объявив, что пел этот гимн в бытность свою по делам службы в Варшаве беспрепятственно и не признает это делом противозаконным.

В Поневежском у.

10. В римско-католических костелах ремигольском 8-го и новомейском 11 июня во время литургии собравшиеся прихожанки, женщины и девицы, пели возмутительный гимн, но кто именно, сведений не собрано; известно только, что принимали в том участие лица, более образованные и знатные.

11. В поневежском римско-католическом костеле во время литургии несколько человек разного звания пели тот же гимн.

В Росиенском у.

12. 11 июня, в первый день праздника сошествия святого духа, в м. Крожах в приходском костеле во время литургии был пропет возмутительный гимн, пред вознесением даров, мужчинами и женщинами в трауре, по-видимому, прибывшими из им. Больчи помещика Левоневского, без предварения о том присутствовавших в костеле, и сам органист не был приготовлен вторить песнопению, отчего вышла дисгармония, обратившая внимание народа. Главными распорядительницами пения были: жена помещика Шемиота, помещица Славочинская и сестра сей последней, девица Левоневская; из мужчин были участниками пения прибывшие на каникулы университетские студенты. Из м. Крожи толпа эта отправилась вечером в м. Хвалойне Шавельского у., где на другой день приходился храмовый праздник, и там пропели означенный гимн тем же порядком.

О вышеизложенном имея честь уведомить в. с. для надлежащего вашего, м. г., сведения, долгом поставлю присовокупить, что жену помещика Шемиота, помещицу Славочинскую и сестру ее девицу Левоневскую предложено мною начальнику губернии водворить в их имения с обязанием подписками никуда оттуда не отлучаться и с учреждением за их поступками строгого полицейского надзора, и помещицу Снарскую с сыном и дочерью, принимавших самое деятельное участие во всех пениях возмутительного гимна во время нахождения в Вильне и дозволивших себе продолжать те же пения с подстрекательством других и по выезде отсюда, я приказал отправить в сопровождении жандарма на жительство Дисненского у. в м. Глубокое под строгий надзор находящегося там станового пристава, с обязанием их подписками никуда из назначаемого им местопребывания не отлучаться.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 325, лл. 1—6об. Подлинник

¹ «Боже, что Польшу...» — гимн, написанный в 1816 г. Алоизием Фелинским (1771—1820 гг.) по случаю провозглашения Королевства Польского. Позднее в несколько измененном виде гимн стал одной из наиболее популярных польских патриотических песен.

1861 г. июля 8.— Отношение П. А. Валуева В. И. Назимову о необходимости пересмотра инвентарных повинностей с целью предупреждения крестьянских волнений в Литве и Белоруссии

Из имеющихся в Министерстве внутренних дел сведений об отказе крестьян нескольких имений вверенного в. вп. края в исполнении инвентарных повинностей видно, что в некоторых из таковых имений инвентарные повинности довольно обременительны, особенно в совокупности с добавочными повинностями¹, подлежащими отмене со введением уставных грамот. Так, например, в им. Милегайны помещика Козеллы Ковенской губ. тяглые хозяева отбывают с участка в 16½ дес. по 4 конных и 4 пеших дня в неделю пригона², и с каждой рабочей души по 6 сгонных дней в год, да, сверх того, несут еще довольно значительные добавочные повинности. Так что одних пригонных дней приходится по расчету на десятину по 24 дня в год, т. е. свыше того крайнего предела подесятинной повинности, который указан в п. 4 ст. 150 Мест[ного] Пол[ожения] для губ[ерний] Вил[енской], Грод[ненской], Ков[енской] и Мин[ской]. При таких условиях нельзя не согласиться, что отбывание крестьянами, сверх того, еще добавочных повинностей может быть для них весьма обременительно. Из числа же этих добавочных повинностей подлежат отмене немедленно (согласно ст. ст. 5 и 10 Прав[ил] о прив[едении] в действ[ие] Пол[ожений]) только данины сельскими произведе- ниями.

В великороссийских и малороссийских губерниях, согласно ст. ст. 7 и 8 Прав[ил] о прив[едении] в действ[ие] Пол[ожений], все добавочные повинности отменены со дня обнародования Положений, в Виленской губ. из добавочных повинностей — строительные (шарварки), сторожеводство³ и ночной караул отменены уже состоявшимся 17 апреля с. г. постановлением губернского по крестьянским делам присутствия⁴ по объявленному губернским предводителем желанию самих дворян-помещиков. Засим сохранение означенных повинностей, впредь до утверждения уставных грамот в губерниях Ковенской и Гродненской может возбудить в крестьянах сих губерний зависть и подать повод к новым недоразумениям.

В этих видах я считаю долгом сообщить о вышеизложенном на усмотрение в. вп. с тем, не изволите ли вы, м. г., признать полезным войти в сношения с предстателями ковенского и гродненского дворянства и с местными губернскими присутствиями для принятия мер к облегчению добавочных повинностей крестьян в ожидании утверждения уставных грамот. Впрочем, если в. вп. изволите встретить к тому какие-либо препятствия или усмотреть в том неудобства, то не угодно ли будет меня о них уведомить⁵.

Управляющий Министерством
статс-секретарь Валуев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 950, лл. 1—2. Подлинник

¹ Добавочные крестьянские повинности — караулы, строительные дни и т. д.

² Барщина.

³ Хозяйственные услуги в барском хозяйстве.

⁴ См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 385, оп. 1, д. 1, л. 9.

⁵ В ответ на запрос В. И. Назимова о возможности отмены добавочных повинностей ковенский губернатор С. Ф. Хоминский сообщил 5 сентября 1861 г., что дворянство всей губернии, кроме Ковенского и Новоалександровского у., отказалось пойти на уступки, так как, «по их мнению, всякая уступка и всякая отмена в инвентарном положении до составления новых актов, точно определяющих поземельные отношения, не принося для крестьян существенной пользы, вызвала бы в них желание и домогательства новых уступок, отчего могли бы возникать беспорядки и волнения» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 950, л. 5). Помещики Гродненской губ., по сообщению В. И. Назимова П. А. Валуеву от 18 октября 1861 г. за № 8624 (там же, л. 27), все, кроме помещиков Брестского и Кобринского у., согласились не требовать с крестьян строительной повинности (шарварков), повинности по несению караулов в пользу помещика, а в некоторых уездах согласились на уменьшение сгонной и барщинной повинностей. Помещики Слонимского у. в своем постановлении от 9 сентября 1861 г. указали, что «хотя такие уступки противоречат смыслу высочайшего положения», однако «неисполнение сего могло бы возбудить между крестьянами беспокойство и негодование к помещикам, которые сами были расположены таковые льготы предоставить им от себя...» (там же, л. 16).

18

1861 г. не ранее июля 13¹. — Письмо неизвестного корреспондента в «Отель Лямбер»² с информацией о поездке В. И. Назимова по Виленской и Гродненской губ. для проверки результатов проведения крестьянской реформы

Generał Nazimow w lipcu r. b. wyjechał z Wilna³; udał się przez Lidę, Słonim, szosą Brzesko-Bobrujską do Brześcia Litewskiego, a z powrotem na Wysokie Litewskie, Białystok, Grodno. We wszystkich miastach powiatowych na jego drodze leżących, tudzież na wielu pośrednich między tymi miastami stacjach pocztowych, oczekiwali nań licznie zebrani sąsiedzi włościanie z nowo mianowanymi urzędnikami na czele, uczestniczyli za wezwani z urzędu marszałkowie powiatowi i był ruch wielki ziemskiej policji.

Generał przemawiał do włościan, powtarzając kilkakrotnie w miejscach, gdzie się zatrzymywał, raz w swojej głowie ułożoną przemowę; wraził ją tak dobrze w pamięć słuchaczy, że doszła do wszystkich kraju zakątków.

Po uprzejmym przywitaniu, dostojny urzędnik zaczynał zwykle od tego: «Czy wiecie, że teraz jesteście wolni? (wszystko mówił po rosyjsku). Nikt teraz nie ma prawa was karać; władza panów już się skończyła. Oni was we wszystkim ugniatali. Pamiętajcie, pamiętajcie, co oni z wami robili! A ci ekonomowie ostatniego ducha z was wydobywali. Teraz tak nie będzie; jesteście oswobodzeni! Ja to wam zrobiłem. Módlcie się za cara! Pomyślcie tylko sami, co dla was zrobiono w tych ostatnich latach? Czy słyszana to rzecz, aby przez 5 lat nie brać rekruta? A przed tym jak było? O, wszystko to wasi panowie! (ściskając pięści). Oni was... Rząd od dawna myślał o waszej wolności, ale panowie... Ale teraz całe ich panowanie skończyło się. W niczym już nie mają władzy! Im to nieprzyjemnie, wcale nieprzyjemnie... ale dosyć już tego, basta z nimi! Oni teraz śpiewają po kościółkach... Proszą Boga, żeby wróciły się dawne tyrańskie czasy, żeby mogli znowu ugniatać! Słyszycie zapewne, jak to oni śpiewają?».

Po wszystkich stacjach pocztowych od Woronowa do Słonima wysoki urzędnik carski powtarzając prawie to samo — raz tylko, jak wieść niesie, odebrał od jednego z obywateli ostre napomnienie. Szanowany w obywatelstwie, w nauce zasłużony człowiek miał mu powiedzieć: «Nie chcę z Panem Jenerałem dysputować, o ile nie zupełnie tak było, jak mówisz, ale z piwa, które pan nawarzysz, my, da Bóg, jakoś wyjdziemy. Czy Rosja wyjdzie cała, o tym zdajesz się Pan nie pamiętać».

W innym miejscu włościanin ze wsi do p. Ottona Pileckiego należącej powiedział: «Choć panoczku każesz (mówisz) szto pany nas duszyły... ale pomnim tożę (pamiętamy także) szto i byli batkami (dobrodziejami), szto nam pomahali!». Jenerał ofuknął go z gniewem i oburzeniem: «Durak!».

Inną rozmowę nareszcie świadkowie naoczni powiadają jak następuje: Jenerał: «Wiecie, że teraz jesteście wolni, że nikt nie ma prawa was karać?». Włościanin: «Jakaja tam swoboda... bijuć, na panszczyznę i gwałty honiać (pędzą)».

Jenerał: «Niezawodnieście nie słuchali, to i dobrze, że biją. (Obracając się). Ale bić nie wolno, ja zakazałem, ja wiem o wszystkim». Włościanin: «I cóż z tego... u nas jeszcze jakkolwiek, ale w Iwii (dobra w Oszmiańskim do p. Augustowej Zamoyskiej należącej), jak najechali Moskale... końmi tratowali, naród na śmierć zabijali»⁵. Jenerał: «Tak, tak było... to... ja sam kazałem dobrze bić... to z mego rozkazu. Ale to nie! Wy teraz jesteście wolni... Idź precz!» Patrząc za odchodzącym dodał do stojącego obok adiutanta: «Słyszaleś, jakim im tłumaczył! No! Żeby każdy nie żałował pracy, a starał się wytłumaczyć chłopom, to zrozumieliby, co to jest wolność i byłby porządek». Włościanin, z którym toczyła się ta rozmowa na pocztowej drodze, jest rodem z Horodenki.

Przybył na koniec p. Nazimow do Słonima. Tam przemawiając w podobnym jak powyżej sensie, nadmienił, że gwiazda, którą na piersiach nosi, była mu dana za oswobodzenie włościan spod jarzma panów. Obracając się do obecnych obywateli dał im następującą naukę: «Wiem ja, to wasze żony, wszystko to kobiety śpiewają, ale wy dla utrzymania domowego porządku powinniście wyrzucić je za okno! Policja je tam przyjmie».

Drugi akt tej komedii kończy się krwawą sceną. Przyczyną była sprawa p. B. Włościanie w dobrach jego właśnie odmówili byli odrabiania pańszczyzny. Pan B. obecny w Słoniemiu wzbraniał się zanieść skargę osobiście. Dowiedziawszy się o tym, jenerał gub. oburzył się wielce na nietrafność postępowania, składając całą winę na p. B., że on bez wątpienia wytłumaczyć nie umie swoim włościanom, co to jest swoboda. Kazał się stawić p. B. i gromadzie i odezwał się do nich w te słowa: «Nikt was nie ma prawa karać, ani pan, ani ziemski sąd, ani gubernator, (z przyjacielskim), ani nawet ja sam, jednakże powinniście odrabiać jak dawniej powinności inwentarzem objęte». Jeden z gromady odpowiedział na to: «Jakże odrabiać pańszczyznę i gwałty, kiedy w Słoniemiu na rynku bębniłi, że tego robić już nie trzeba». Na to jenerał, nie wdając się już w retorykę, kij, który trzymał w ręku, o głowę i grzbiet biedaka połamał. A pokrwawwszy go zawołał: «Burmistrz! wybębnić mu 50 palek». Wyrok natychmiast publicznie spełniony został.

Po tym wypadku niektórzy z włościan pomagając smarować ciężką gubernatorską kolasę, tak sobie rozmawiali między sobą: «Moskal zawsze po moskiewsku: nabrał od panów pieniędzy, tak że koczka nie podniesiesz

i lud rozbija. Wczoraj, dopóki jeszcze nie nakarmili, nie напоили i nie zapłacili, inaczej gadał».

W powrocie, bliżej już Wilna, p. generał-gub. zdaje się w daleko gorszym był humorze. Mówią wiele o tym, że na stacji pocztowej wobec zgromadzonych włościan zawołał: «Pośrednik! smagaj tych łotrów pałkami, ile ich wleziel!». Co było przyczyną nieukontentowania jego gubernatorskiej mości, gdy o ile wiadomo włościanie tameczni o nieposłuszeństwo oskarżeni nie byli — miejscowi politycy dotąd w domysłach się gubią.

Oto wszystko, co o podróży jen. Naz[imow]a udało nam się zebrać; ciąg dalszy może jeszcze później dopełnić nam przyjdzie⁶.

Biblioteka Polska (Paryż), rękopis 545 (Z papierów gen. Zamoyskiego), str. 1265—1269. Подлинник

ПЕРЕВОД

Ген. Назимов в июле с. г. выехал из Вильны³, он направился через Лиду и Слоним по Брестско-Бобруйскому шоссе в Брест-Литовск и обратно на Высоко-Литовск, Белосток, Гродно. Во всех лежащих на его пути уездных городах, как и на многих почтовых станциях между этими городами, его ожидали собранные многочисленные окрестные крестьяне во главе со вновь назначенными чиновниками, приняли участие в этом и официально приглашенные уездные предводители дворянства, наблюдалось большое движение земской полиции.

Генерал обращался к крестьянам, по несколько раз повторяя в тех местах, где он останавливался, однажды составленную в уме речь; он так хорошо врезал ее в память слушателей, что она дошла до всех уголков края.

После вежливого приветствия достойный сановник обычно начинал со следующего: «Знаете ли вы, что теперь вы свободны (все говорил по-русски). Никто теперь не имеет права вас наказывать, власть панов уже окончилась. Они вас во всем угнетали. Помните, помните, что они с вами делали. А те экономы последний дух из вас выбивали. Теперь этого не будет: вы свободны! Я это для вас сделал. Молитесь за царя. Только подумайте сами, что для вас сделано в эти последние годы, слуханое ли это дело, чтобы в течение пяти лет не брать рекрута. А до этого как было? О, все это ваши паны (сжимая кулаки). Они вас.. Правительство давно думало о вашей свободе, но паны... Но теперь все их господство окончилось. Уже ни над чем у них нет власти! Это им неприятно, очень неприятно... но хватит уже этого, с ними баста! Они теперь поют по костелам... просят бога, чтобы вернулись прежние тиранские времена, чтобы снова могли угнетать! Верно, слышите, как они об этом поют?».

На всех почтовых станциях от Воронова до Слонима высокий царский сановник повторял почти то же самое, и лишь один раз, как гласит молва, получил от одного из помещиков резкое предупреждение. Уважаемый согражданин человек, имеющий научные заслуги, будто бы сказал ему: «Я не хочу дискутировать с вами, г. генерал, насколько это было так, как вы говорите; из того пива, которое вы, г. генерал, наварите, мы, даст бог, как-нибудь выйдем. Выйдет ли Россия целой, об этом, кажется, вы не думаете».

В другом месте крестьянин из деревни, принадлежащей г. Оттону Пилецкому, сказал⁴: «Хоть ты, паночку, и говоришь, что паны нас душили... но мы помним тоже, что были и батьками (благотетелями), что нам помогали». Генерал фыркнул на него с гневом и негодованием: «Дурак».

³ Здесь и в некоторых местах далее прямая речь крестьян приводится по-белорусски.

Наконец, о другом разговоре свидетели рассказывают следующее. Генерал: «Знаете ли, что вы теперь свободны, что никто не имеет права вас наказывать?». Крестьянин: «Какая там свобода... бьют, на панцину и гвалты⁴ гонят».

Генерал: «Наверняка не слушались, вот и хорошо, что бьют (оборачиваясь), но бить нельзя, я запретил, я обо всем знаю». Крестьянин: «Да что с этого... у нас еще кое-как, а вот в Ивье (имение в Ошмянском у., принадлежащее г-же Августовой Замойской⁵) как понаехали москали... лошадьми топтали, народ насмерть убивали»⁶. Генерал: «Да, да, так было... это... я сам приказал как следует бить... это по моему приказу. Но это ничего! Вы теперь свободны... Пошел вон!». И, глядя вслед уходящему, заметил стоявшему рядом адъютанту: «Слышал, как я им разъяснял? Вот если бы каждый не жалел работы, а старался бы втолковать мужикам, то поняли бы, что такое свобода, и был бы порядок».

Крестьянин, с которым произошел этот разговор на почтовой дороге, родом из Городенки.

Наконец, г. Назимов прибыл в Слоним. Там, выступая в таком же, как и раньше, смысле, упомянул, что звезда, которую он носит на груди, была ему дана за освобождение крестьян из-под панского ига. Обращаясь к присутствовавшим помещикам, он дал им такое поучение: «Я знаю, это ваши жены, это все женщины поют⁶, но вы для поддержания домашнего порядка должны выбросить их за окно! Полиция их там примет».

Второй акт этой комедии оканчивается кровавой сценой. Причиной было дело г. Б. Как раз в его имении крестьяне отказались выполнять барщину. Г-н Б., находившийся в Слониме, воздерживался от того, чтобы лично обратиться с жалобой. Узнав об этом, ген.-губернатор сильно рассердился на неумелое поведение, сваливая на г. Б. всю вину в том, что он, несомненно, не умеет объяснить своим крестьянам, что такое свобода. Он приказал явиться и г. Б., и общине, и обратился к ним со следующими словами: «Никто не имеет права вас наказывать: ни пан, ни земский суд, ни губернатор (с нажимом), ни даже я сам. Однако вы должны, как и раньше, исполнять повинности, указанные в инвентаре». Один из общины отозвался на это: «Как же исполнять панщину и гвалты, когда в Слониме на рынке объявляли, что этого делать уже не нужно». В ответ на это генерал, уже не вдаваясь в риторику, обломал палку, которую он держал в руке, о голову и хребет бедняги. Избив же его до крови, закричал: «Староста! отбабанишь ему 50 палок». Приговор тут же был публично исполнен.

После этого происшествия некоторые из крестьян, помогая смазывать тяжелую губернаторскую коляску, так говорили между собой: «Москаль всегда по-московски: набрал от панов денег, так что и коляски не поднимешь, и народ избивает. Вчера, пока еще не накормили, не напоили и не заплатили, говорил иначе».

На обратном пути, ближе к Вильне, г. ген.-губернатор был, кажется, в гораздо более худшем настроении. Много говорят о том, что он закричал на почтовой станции в присутствии собранных крестьян: «Посредник! Лупи этих разбойников палками, сколько влезет». Что было причиной неудовольствия его губернаторской милости, так как, насколько известно, тамошние крестьяне не обвинялись в непослушании, об этом местные политики до сих пор теряются в догадках.

Вот все, что нам удалось собрать о путешествии ген. Назимова; продолжение, может быть, нам придется дополнить позднее⁶.

¹ Датируется по времени поездки В. И. Назимова.

² «Отель Лямбер» — центр консервативной польской эмиграции в Париже в 30—60-х годах XIX в., возглавлявшийся А. Чарторыским.

⁵ Т. е. жене Августа Замойского.

⁶ Т. е. поют запрещенные гимны.

³ Манифест 19 февраля 1861 г. был объявлен в Вильно 9 марта 1861 г., в Ковно — 8 марта 1861 г. Об отрицательном отношении крестьян к манифесту см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 991. Поездка В. И. Назимова по Виленской и Гродненской губ. имела целью оценить отношение крестьян к реформе и состоялась 2—13 июля 1861 г. по маршруту: Лида — Слоним — Брест-Литовск — Высоко-Литовск — Бельск — Белосток — Гродно — Друскеники — Гродно — Скидель — Вильно. Местным властям было предписано обеспечить явку на почтовые станции делегатов от казенных и б. помещичьих крестьян, окрестных помещиков, мировых посредников, волостных и сельских старшин (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 941; ЦГАОР ССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 6, лл. 12—14).

⁴ Гвалты (сгоны) — привлечение помещиком всего работоспособного населения имения для выполнения срочных господских работ, обычно в страдное время.

⁵ См. док. 80.

⁶ В результате этой поездки виленским ген.-губернатором был издан приказ земским полициям для прочтения крестьянам на волостных собраниях, где он отмечал, что, по его мнению, крестьяне «проникнуты чувством глубокой признательности к правительству», однако сообщал, что ввиду тяжести лежащих на крестьянах повинностей, в частности так называемых сгонных дней, он возбудил перед царем вопрос об их сокращении (приказ см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 2, лл. 87—88; об итогах правительственной переписки по этому вопросу см. док. 17).

19

1861 г. июля не позднее 14¹. — Из доклада о политическом положении в западных губерниях, составленного Министерством внутренних дел для обсуждения в Особом комитете

О мерах против политических манифестаций в западных губерниях

Давно обстоятельства не складывались так благоприятно для революционных пропаганд, как в последние два года: успех национального движения в Италии дал быстрый ход учению о народностях; всеобщее же стремление к чрезмерно либеральным льготам поставило дела большей части западных государств в ту неблагоприятную неопределимость, которая может угрожать Европе общей опасностью.

Под влиянием таких обстоятельств революционные пропаганды, всегда верные своей инициативе — возбуждать неудовольствие к существующему правительству с тем, чтобы захватить его власть в свои руки, стали действовать с большею отвагой и решимостью, и уже не против династических или других начал, но во имя национальности. Так, польская пропаганда, не довольствуясь пределами Царства, стягивает теперь под свое знамя во имя своей народности Литву, Белоруссию, Волынь с Подольей и Киевом.

Если здравый рассудок и естественная справедливость позволяют смотреть с некоторой снисходительностью на проявления чувства национальности у поляков в пределах Царства, которого все сословия разделяют это чувство, потому что оно присуще в их крови и составляет их жизненный вопрос, то, с другой стороны, польская манифестация в наших западных и юго-западных губерниях должна быть поставлена под иное воззрение: здесь она выражает дерзкое посягательство малого числа пришельцев, которые силятся провести зловердную пропаганду в простой народ и действиями своими производят явный

соблазн. Подавление подобных стремлений, ныне прогрессивно возрастающих в 9 губерниях, требует более энергических распоряжений, нежели какие были приняты до сего времени, и притом совершенно независимых от того образа действий, какой признан возможным в Царстве Польском [...]»^а.

II. Февральские события в Варшаве выдвинули в 9 губерниях открытую манифестацию тамошнего польского населения, как будто по программе, заранее составленной. В губернских и уездных городах, в больших и малых местечках совершались по убитым в Варшаве панихиды с большей или меньшей торжественностью, сопровождаемые святоотатственным пением патриотических стихов, сбором денег, приношениями ценных вещей и раздачей эмблем общей скорби. Панихиды происходили при стечении значительных масс народа, с участием в некоторых местах предводителей дворянства и повсюду женщин, облекшихся в глубокий траур. Высшее духовенство держало себя весьма уклончиво, но низшее стояло в числе передовых и главных двигателей.

Теперь, когда со времени этой открытой манифестации прошло четыре месяца, можно безошибочно сказать о направлении польского населения в западных губерниях. Стремления его различны, но характер один и тот же, как во всякой революционной пропаганде, — коалиция против правительства, обдуманная, систематическая, явная у иных, безмолвная, инстинктивная у других. Главные двигатели стараются сблизиться с крестьянами и богатыми евреями, заводят в деревнях школы для распространения в простонародье польского языка, имеют типографию для печатания элементарных книг и популярных брошюр, не скрывают сочувствия к революционным движениям в Европе, находятяся в тайных сношениях с заграничными агентами. Большинство, замкнувшись в отдельном от русских кружке, устраивает частные съезды, сходки; все русское порицается, и даже военный мундир сделался предметом оскорблений. Показались фотографические портреты пятерых убитых в Варшаве; портреты эти помещаются в молитвенниках и носятся на груди в виде образов; ходят по рукам воззвания о денежных сборах, прокламация к войскам, подложное послание от митрополита Фиалковского², литографированная записка, в которой заключается вымышленный рассказ об офицере, сорвавшем с себя эполеты во время варшавских событий³. Юношество пропитано революционным духом: оно неоднократно покушалось повторить панихиды и останавливало богослужение пением патриотических стихов, вышло из всякого повиновения, нагло оскорбляя в церквях и на улицах женщин, полицейских офицеров и служащих чиновников. Местные административные власти, не имея опоры ни в сословных представителях, ни в духовенстве, действуют лишь через своих официальных агентов — служащих от короны чиновников; масса народная, всегда послушная сильной, твердой власти, заражается элементами, которые вводят коноводы, и мало-помалу пропитывается волнением.

^а Опущен раздел доклада, содержащий вульгаризаторские рассуждения о численном соотношении поляков с другими национальностями в западных и юго-западных губерниях России.

III. Принятые донныне меры к подавлению политических манифестаций в западных губерниях заключаются главным образом в следующем.

1. Обоим ген.-губернаторам предоставлено право в виде временной меры удалять из вверенных им губерний, для примера, административным порядком неблагонадежных в политическом отношении лиц в губернии Олонецкую, Вятскую, Ярославскую и Тамбовскую, на временное жительство под надзор полиции⁴.

2. Ген.-адъютантам кн. Васильчикову и Назимову указано подавлять военной силой всякое неблагонамеренное предприятие, если внушения и вразумления окажутся недействительными.

3. Запрещены продажа пороха и ввоз оружия из-за границы; не дозволено держать оружия без разрешения начальства.

4. Сделано распоряжение, чтобы католическое духовенство не дозволяло себе никаких действий, выходящих из круга прямых его обязанностей, а следовало бы неуклонно высшему призванию своему быть достойными служителями алтаря. Духовные лица, принимавшие ревностное участие в служении панихид, удалены из края.

5. Для студентов Владимирского университета⁵ изданы правила, по которым они, независимо своего университетского начальства, подчинены надзору общей полиции.

6. Ген.-губернатор Назимов вошел в соглашение с попечителем Виленского учебного округа об удержании в пределах повиновения воспитанников учебных заведений.

Результаты этих мер, принятых, так сказать, на ходу событий, приводят к тому заключению, что они не соответствуют нынешнему положению дела.

Высылка под полицейский надзор из западных в северные и внутренние губернии лиц более или менее виновных, подозрительных и неблагонадежных в видах устрашения, представляется мерой не только бесполезной, но и вредной. Она бесполезна потому, что не достигает своей цели, несмотря на число высланных; вред же от нее очевидный: с одной стороны, многие смотрят на высылку как на отсутствие законности в действиях административных органов, как на тайное самоуправство, и оттого всякая высылка служит только поводом к усилению манифестаций, с другой стороны, губернии, не зараженные пагубными заблуждениями, наполняются людьми праздными, ожесточенными против правительства и могущими нередко иметь небезопасное влияние на местное общество или своим образованием, или материальными средствами, тем более, что надзор за ними при нынешнем устройстве городских полиций скорее мнимый, нежели действительный. Еще менее представляется ручательства в пользу удаления лиц высылкой их из одного города в другой тех же западных губерний или в собственные их имения.

Внушения, сделанные католическому духовенству, равно как и переписка с учебным начальством, также бесплодны: духовенство не на стороне правительства, а учителя и гимназисты по-прежнему первые зачинщики неурядицы в церквях и на улицах. Вообще заметить должно, что при совершенной независимости от общего губернского управления некоторых учреждений нет должного единства в действиях и распоряжениях между правительственными органами западных губерний.

Наконец, ни один из ближайших начальников этих губерний до сих пор не высказал категорически ни своего мнения о положении края, ни о мерах, какие по местным обстоятельствам могли бы быть приняты к подавлению беспорядка. Оба ген.-губернатора смотрят лишь на внешнюю сторону манифестаций и не перестают ходатайствовать о высылках, внушениях, увольнении предводителей, неутверждении правильных выборов, об определении молодых людей в военную службу с ограничениями прав на производство в офицеры, о закрытии типографий, т. е. о таких мероприятиях, которые совместны лишь с понятиями правительства слабого, нерешительного и непоследовательного в своих действиях.

Преследование польской революционной пропаганды в западных губерниях должно быть юридическое, гласное и отнюдь не административное, а для устранения развития ее в простом народе необходимо порядок управления и суда в означенных губерниях привести в такое положение, чтобы народ не имел повода быть им недовольным и почувствовал бы, что одна правительственная власть господствует над его потребностями и дает им правильное удовлетворение.

Для этого было бы полезно:

1. При нынешнем составе судов в западных губерниях преимущественно из польских уроженцев, сочувствующих революционному движению, и при существующем у нас порядке судопроизводства, которое дает возможность, если не в большей части случаев к оправданию, то по крайней мере к медленному движению дел, учредить в Вильне и Киеве временные уголовные судилища для производства дел по государственным преступлениям, а равно по преступлениям и проступкам против порядка управления, совершенным в губерниях Виленской, Гродненской, Ковенской, Волынской, Подольской, Киевской, Могилевской, Минской и Витебской. Каждое судилище составить из председателя и двух членов, избрав для сего лиц, коих политические убеждения и обстоятельные сведения в судопроизводстве могли бы служить полным ручательством в той пользе, какую от судилищ ожидать должно. Посему казалось бы более соответственным назначить председателя и членов судилищ из сенаторов. Судилищам предоставить права, присвоенные департаментам правительствующего сената. При каждом судилище образовать канцелярию. Порядок производства и постановление решений в судилищах применить к общему порядку уголовного судопроизводства, но с теми же изъятиями, кои признано будет необходимым установить в особых правилах, дабы отправление правосудия совершалось правильно и скоро. Краткие выписки из дел, решенных судилищами, печатать в журналах и газетах.

2. Подчинить этим судилищам существующие в Вильне и Киеве следственные по политическим делам комиссии, заменив нынешний их состав, крайне неудовлетворительный, людьми, обладающими основательными юридическими сведениями.

3. Подсудности судилищ должны подлежать все без изъятия лица, служащие в упомянутых губерниях как в правительственных, так и общественных установлениях, не обязывая судилища ни к какой переписке с министерствами и главными управлениями.

4. Разрешить ген.-губернаторам и начальникам губерний вносить во временные судилища дела и по таким проступкам, которые хотя не

поименованы в I п., но имеют отношение к нынешним обстоятельствам Западного края.

5. Высылку из западных губерний заменить временным, по приговорам судилищ, заключением в крепостях Киевской, Бобруйской, Виленской, Динабургской и др.

6. В каждую из вышеупомянутых губерний назначить, по мере возможности, сенаторскую ревизию, главнейше для направления правильного и быстрого производства дел в судебных и административных инстанциях, дабы народ мог убедиться, что в настоящее время более, нежели когда-либо, он живет под защитой закона и охраной правительства.

Ревизии эти казалось бы необходимым производить не совершенно согласно с принятыми ныне формальностями. Цель ревизии должна заключаться, как выше сказано, в скорейшем и правильном направлении дел, так как нынешнее положение губерний возбуждает в этом отношении почти повсеместный ропот.

7. Возложить на Министерство народного просвещения печатание в наших журналах и газетах статей о русской народности в западных и юго-западных губерниях, а также распространение в этих губерниях народных книг на местном наречии. Для сего предоставить министерству необходимые денежные средства.

Если основные начала изложенных здесь мероприятий по тщательном и зрелом обсуждении удостоятся одобрения, то к дальнейшему развитию их при теперешнем положении Западного края в отношении политическом необходимо было бы приступить без малейшего отлагательства^{а б}.

Помета В. А. Долгорукова Хранить на случай востребования. 14 июля.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, СА, оп. 2, д. 373, лл. 8—20. Копия

¹ В конце документа указано... июля 1861 г. Уточнено по дате пометы.

² См. док. 38, прим. 4.

³ Имеется в виду статья А. И. Герцена «Vivat Polonia».

⁴ Об этом сообщил С. С. Ланской В. И. Назимову своим отношением от 8 марта 1861 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 2, л. 11).

⁵ Т. е. Киевского университета св. Владимира.

⁶ Большинство перечисленных мер не было принято; о принятых мерах см. док. 24.

20

1861 г. июля 30 (11 августа). Вильно.— Письмо Л. Звездовского¹ к А. Гуттри с информацией о политическом положении в России и о деятельности революционной организации

Уважаемый господин Александр (Гуттри)⁶! Простите, что после возвращения моего из чужих краев я не представился Вам. О наших делах Вы можете получить сведения от гвардейской артиллерии поручика Коссовского. Он человек надежный, и Вы ему можете доверить

^а Документ не подписан.

^б Примечание переводчика.

известия, в узнании коих мне может встретиться надобность. Правда ли, что Вы с товарищами посетили ген. Мерославского и что он действует заодно? К 1 сентября отправится туда Витольд Ф.^а из Литвы, который, вероятно, повидается с Вами. Быть может, и мне удастся к тому времени приехать за границу.

В настоящее время русское правительство занято важным делом; во всей империи распространены воззвания к лицам высшего класса², которые призываются стать во главе крестьян и низвергнуть императорство, коему следует приписать все несчастье и всеобщее обеднение. В заключение говорится: «В нас войско не будет стрелять подобно тому, как оно стреляло в крестьян и поляков». По поводу этого воззвания в Государственном совете было полное собрание членов. С большим напряжением ожидают развязки этого дела.

Остальные новости сообщит Вам податель сих строк, который Вам также скажет мой адрес³.

Людвиг Звирждовский

ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 198, л. 2; ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1870, л. 2. Перевод с польского

¹ В сопроводительном письме В. А. Долгорукова М. Н. Муравьеву от 28 мая 1863 г. сообщалось: «В числе бумаг, найденных в Познани при произведенном у депутата Александра Гуттри обыске, оказалось письмо на его имя из Вильно от 30 июля (11 августа) 1861 г., подписанное неким Людвигом Звирждовским, который, по полученным из-за границы новейшим сведениям, считается главным заговорщиком в Литве. Помощником Звирждовского называют б. инженер-поручика Винцента Козелла, а в сношениях с ними был профессор Кавелин и поручик гвардейской артиллерии Коссовский. Все эти лица произвели будто бы восстание в Литве. Кроме означенного письма, в бумагах Гуттри найдено еще другое письмо от того же Звирждовского из Вильно от 25 ноября (6 декабря) 1861 г.» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1870, л. 1).

² Имеется в виду «Великорус» № 1.

³ О. Авейде предполагает, что сношения Л. Звирждовского с А. Гуттри осуществлялись через З. Сераковского (см. док. 65). В. Коссовский в своих показаниях от 9 ноября 1864 г. в Виленской следственной комиссии признает, что З. Сераковский давал ему поручения к А. Гуттри во время заграничной поездки, однако утверждает, что с Гуттри не виделся (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, л. 22). Как указывает сам Гуттри, связи его со Звирждовским были более непосредственны. Осенью 1860 г. в Познани состоялся съезд, организованный эмигрантом Северином Эльжановским. На съезде присутствовали от Царства Польского Эдвард Юргенс, от Литвы — Л. Звирждовский и от других «забранных провинций» — Людвиг Яблоновский. Из Познани были Александр Гуттри, Леон Вегнер, Казимеж Кантак. На двух состоявшихся тогда заседаниях обсуждались вопросы создания тайной организации и подготовки восстания, но к определенным решениям не пришли. Было решено вести у себя просветительную работу и информировать друг друга о событиях. Данное письмо, по-видимому, и является такой информацией (см. А. Guttry. Pamiętniki, t. II, Poznań, 1894, str. 31—33, а также «Stronnictwo krakowskie o styczniowym powstaniu 1863 r.», Lwów, 1895, str. 111).

^а Прочтение предположительное, возможно, С.

*1861 г. июля 31. Дуббельн. — Донесение А. М. Гильдебранта
начальнику штаба корпуса жандармов П. А. Шувалову
о политическом положении в Литве и Белоруссии и о мерах
борьбы с манифестациями*

После рассмотрения и обсуждения полученных мною здесь донесений штаб-офицеров вверенного мне округа за прошлую половину июня и текущий июль месяцы я пришел к следующим заключениям. Образованный класс жителей в западных губерниях, и в особенности в литовских, не перестает питать надежды на присоединение к Польше. Главные представители этих идей суть: ксендзы, дворяне, женщины, польского происхождения чиновники и учителя, а впереди всех — студенты и гимназисты; последние в особенности становятся в главе всех политических манифестаций Западного края, и нет сомнения, что неблагонамеренные люди подстрекают втайне эту молодежь с намерением испытать терпение и силу власти правительства, дабы действовать впоследствии по обстоятельствам, полагая, что детей во всяком случае жестоко наказывать не станут.

Вильно, в котором заключается весьма много революционных элементов, считает себя призванным принять инициативу в общем деле. Но грозное положение, принятое с начала прошлого апреля ген.-губернатором Назимовым¹, подкрепляемое достаточным числом войска, останавливало до сего времени замышляемые волнения, ограничившиеся траурными платьями, панихидами, революционными гимнами, воззваниями и возмутительными стихами.

Засим, однако, приняло Ковно первую на себя роль², выставив вперед гимназистов, дерзость и наглость коих превзошли уже все пределы³. В записке моей, представленной в с. в С.-Петербурге 12 сего июля за № 509⁴, я высказал мое мнение о необходимых мерах к пресечению неурядицы, повергнувшей город в состояние безначалия и угрожающей разлиться по губернии и далее. Ныне ковенский штаб-офицер, заслуживающий полное доверие, пишет ко мне, что городская полиция не только утратила всякое значение, но сделалась посмешищем уличных мальчишек и при всяком беспорядке прячется, дабы не подвергнуться оскорблениям. Гимназическое же начальство, опасаясь неприятностей и побоев, которыми угрожают ему в пасквилях, не имеет энергии, а также и средств воздержать буйство. Оставались еще жандармы, которых боялась толпа, но после дерзкого оскорбления капитана Крайского⁵, оставшегося без наказания, уважение и к ним разрушено. Далее, доносит полковник Скворцов⁶, что 2 июля устроено было на другом берегу Немана, в Царстве Польском, празднество для сближения с народом, в котором приняли участие почти все ковенские жители, причем помещики и дамы, а также чиновники танцевали с пьяными крестьянами и крестьянками, вразумляя их, что равенство сословий необходимо для восстановления Польши. Эти идеи внушаются простому народу в Ковенской губ. и составленной компанией из дворян, разъезжающих по деревням и поющих возмутительные песни. 18 июля буйная толпа остановила при выезде из Ковно дилижанс, в

котором ехал ген. Заболоцкий. В него бросали камнями и разругали скверными словами⁷. Виновных, конечно, не найдут, а если бы нашли, то они останутся без наказания по неимению достаточных улик. Так было и с гимназистами, оскорбившими капитана Крайского, и так, вероятно, будет и с дворянином Буцевичем, заказавшем в Мемеле 10 тысяч экз. возмутительных писем на литовском яз., которого избличал типографщик Горх и помощник его, но Буцевич не перестает запирается⁸. В заключение пишет полковник Скворцов, что губернатор Хоминский в отчаянии и не смеет принимать решительных мер, превышающих власть его.

Если присовокупить к сему, что беспрепятственное пение революционных гимнов переходит более и более в простой народ, то нельзя не ожидать, что господствующее безначалие в Ковне скоро перейдет в губернию, а потом неминуемо обнаружится и в Гродненской губ., именно в Белостоке, где уже были беспорядки⁹ и где много обращается сомнительного образа мыслей людей, как я доносил г. шефу жандармов от 29 мая за № 501¹⁰. Ныне же получил я от полковника Прасолова донесение о дошедшем до ген.-губернатора сведении, что в Белостоке находится много лиц, замеченных в неблагонамеренных действиях, и в особенности из числа служащих при железной дороге, о чем поручено жандармскому штаб-офицеру произвести дознание. Новое, подкрепляющее мое мнение, доказательство, что в Белостоке необходим особый жандармский штаб-офицер^а. Другое донесение заключается в том, что начальник Бельской жандармской команды прапорщик Мотылев был вытолкан без всякой причины из костела студентами. И эта дерзость, вероятно, останется по вышеказанным причинам также без заслуженного наказания. И, наконец, доносит еще полковник Прасолов о бывшей в Белостоке возмутительной процессии, устроенной, по-видимому, для увлечения народа, а в уездных городах Гродненской губ. поются беспрепятственно революционные гимны; русских же, не принимающих в том участия, заставляют выходить из костелов и обливают серной кислотой дам, не носящих траура. Манифестации эти не остаются без дурного влияния на умы простолюдинов¹¹.

В гор. Минске служащие чиновники и учитель при гимназии участвовали безнаказанно в пении революционных гимнов, а книгопродавец Валицкий, зазорный патриот, торгует запрещенными книгами и портретами революционеров. Гимназисты публично оскорбляют благомыслящих людей, а также и женщин, не носящих траура, выбивают в домах стекла и угрожают убийством. В Новогрудке городничий подполковник Зенгбуш был оскорблен ругательствами гимназистов при исполнении обязанностей службы; в доме его выбили окна и написали угрозу, что сорвут ему голову и пр. Пение революционных гимнов переходит в уезды. Прокламация Мерославского, составленная в видах возмущения крестьян, сильно подействовала на умы поляков, и полковник Рейхарт присовокупляет, что необходимы скорые и решительные меры для пресечения этого лихорадочного состояния¹².

По самым последним известиям из Вильны пение возмутительного гимна продолжается при подстрекательстве канцелярских чиновников

^а Помета В. А. Долгорукова Это уже разрешено.

и женщин¹³, а один гимназист вручил крестьянину 3 экз. этого гимна для распространения между народом¹⁴.

Наконец, и в Витебской губ. начинают петь революционные гимны и получают воззвания в возмутительном духе¹⁵.

Много слышал я суждений от умных, впрочем, и благомыслящих людей, что революционные попытки в западных губерниях не могут иметь важных последствий, потому что масса жителей не имеет оружия и никаких материальных средств для открытого восстания. Нельзя не согласиться, что суждение это имеет здравое основание, но что же будет, если постоянное стремление ковенских дворян при содействии фанатических ксендзов и мелкой многочисленной шляхты успеет, по всем вероятностям, поселить возмутительные идеи в массе народа, который противопоставит правительству пассивное сопротивление, т. е. неповиновение законной власти и молчаливое неисполнение распоряжений его, и земская полиция утратит, подобно как ныне городская в Ковне, всякое административное значение? Тогда все-таки придется употребить для восстановления послушания войско. Произойдут кровавые сцены, хуже нежели в Варшаве, которые усилят злобу и вызовут проклятия поляков вместе с громким порицанием Европы.

Не могу не высказать своего убеждения, что если бы местное начальство в Ковне приняло с самого начала решительные и строгие меры к обузданию проявлявшегося своеволия, то нынешние беспорядки не достигли бы столь больших, угрожающих общему спокойствию размеров. Теперь же, кажется, будет неизбежно подчинить город и губернию военному положению¹⁶ и тем заявить гласно непоколебимую, железную волю правительства удерживать западные губернии в нераздельном составе с Россией и разрушить навсегда всякие надежды на присоединение их к Польше.

Независимо этой меры, приемлю честь представить на благоусмотрение в. с., в видах пресечения дальнейшего распространения анархической заразы следующие суждения:

Ксендзы, учителя и чиновники, коронные или по выбору дворянства, суть лица, давшие при вступлении в службу присягу на верность престолу и, следовательно, более ответственные, нежели частные лица, не только за деятельное участие в неблагонамеренных действиях, но и в терпимости всякого рода манифестаций, клонящихся к нарушению порядка и спокойствия края. Ксендз, остающийся в костеле при совершении панихиды по убитым в Варшаве, или при пении революционных гимнов, или же не останавливающий процессии при пении возмутительных песен, должен быть подвергнут немедленно самому строгому наказанию, как участник в действиях враждебных. Ксендзов Волынской губ. — Громадского и Минской губ. Кульвановского¹⁶, проповедовавших открыто в прошлом марте месяце восстание и ненависть к престолу, следовало судить на основании законов, как государственных преступников. Вместо того второго из них сослали в отдаленные губернии, а о первом я не имею дальнейших сведений⁶. Минской губ.

¹³ Помета В. А. Долгорукова Что полагал по этому предмету ген.-адъютант Назимов?

¹⁶ Помета В. А. Долгорукова Громадский, кажется, тоже выслан в отдаленные губернии.

мозырский уездный предводитель Замойский устроил панихиду по убитым в Варшаве, но не понес другого наказания, кроме удаления от должности.

Из собранных мной при объезде округа подробных сведений я убедился, что [за] революционное настроение умов гимназистов, обнаруживающееся, за малым исключением, почти во всех гимназиях, надлежит обвинять прежде всего местное училищное начальство. Главное начальство исполняет добросовестно долг свой, как я обязан сказать в особенности о попечителе Виленского учебного округа и помощнике его, Директора гимназий большей частью благонадежные люди, но между ними есть слабые, нерешительные, опасующиеся общественного мнения, как напр[имер], в Ковне. Прочие же учителя польского происхождения и некоторые русские не только не стараются останавливать молодежь в ее безумных порывах, но даже обнаруживают к тому сочувствие, а этого слишком довольно для воспламенения восприимчивых молодых голов легкомысленных поляков. Вот зло, угрожающее в представителях нового поколения гибельными последствиями, которое надлежит пресечь радикальными мерами, пока еще не поздно.

В видах достижения этой цели, я полагал бы: 1) переменить тех директоров и инспекторов гимназий, которые оказываются слабыми, нераспорядительными или сомнительными в каком-либо отношении; 2) вменить им в строжайшую, под их личную ответственность, обязанность наблюдать неослабно за поведением учителей и за их влиянием на умы учеников, с тем чтобы неблагонадежных из них удалять немедленно от должностей; избалованных же в неблагонамеренных действиях предавать суду; 3) для обвинения учеников в неблагонамеренных поступках не требовать юридических доказательств (как было в Ковне по делу Крайского), но довольствоваться полицейскими указаниями и моральным убеждением директора и инспектора^{*а} и наказывать как детей, по отечески, — розгами, без исключения из гимназии. Наказание это отнюдь не должно быть истязанием, но только мерой для произведения сильного морального влияния на умы других, и употребляться с разборчивостью и в редких случаях. Оно принесет несомненную пользу и, прежде всего, убедит на деле учеников, что они не самостоятельные, затевающие реформы, граждане, но дети, подлежащие школьному наказанию. Исключение из гимназий худого поведения учеников принесло бы, и в особенности в настоящее время, положительный вред: молодой человек, не окончивший курса наук и предоставленный с дурными наклонностями самому себе, делается без особого о нем попечения совершенным негодяем и вредным во всех отношениях членом общества. Не раз слышал я и прежде и теперь горький ропот родителей на эту меру, ставящую детей их в безвыходное положение. Наконец, тех из учеников, которые после наказания розгами остались бы неисправимы, определять в гимназии русских губерний, хотя бы то и на счет казны, для окончания курса и под специальный надзор училищного начальства. Студентов за политические проступки определять мелкими канцелярскими чиновниками в велико-

* Но не педагогического совета, который стесняет распоряжения директора.

^а Помета В. А. Долгорукова Это постановление в новых правилах о полицейских судах.

российские губернии, а явных возмутителей судить по строгости законов.

Чиновников же, принимающих участие в неблагонамеренных политических выходках, отставлять от службы с подчинением полицейскому надзору. Если же вновь впадут в проступки этого рода, предавать суду.

В апреле месяце ген.-губернатор Назимов уволил от службы двух своих чиновников за бытность при политической панихиде¹⁷, но спустя две недели по ходатайству и по свойственному ему добродушию опять определил на те же места. Такие полумеры только вредят делу. Вообще в Виленской, Гродненской и Ковенской губ. служит множество чиновников из поляков, и некоторые из них безупречного или сомнительного образа мыслей; таких следует переводить в русские губернии по представлению губернаторов, которые и должны под личную ответственность следить за поведением их.

Ген.-майор фон Гильдебрант

Пометы. П. А. Шувалова Доведено в чем следует до сведения управ[ляющего] Минист[ерства] внутренних дел и министра народного просвещения.

В. А. Долгорукова Уведомить меня в свое время, сделаны ли какие-либо по этим сведениям распоряжения ми[нистров] ви[нутренних] дел и нар[одного] просвещения. 18 августа.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 111—120. Подлинник

¹ См. док. 7.

² См. док. 143, 147—149, 152, 154, а также ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 317, 319.

³ См. док. 148.

⁴ Документ в делах III отделения отсутствует.

⁵ См. док. 148.

⁶ См. док. 152.

⁷ См. док. 163.

⁸ См. док. 9—12.

⁹ См. док. 209, 210, а также ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 326, 332.

¹⁰ Документ не найден.

¹¹ См. док. 210.

¹² См. док. 270—272, 274, а также ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 322, 323, 436.

¹³ См. там же, д. 316, 324, 325, 328, 331.

¹⁴ См. док. 90.

¹⁵ См. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 339.

¹⁶ См. прим. 3 к док. 258.

¹⁷ См. док. 7.

22

1861 г. августа 3. Петербург. — Доклад Особого комитета Александру II о мерах борьбы с освободительным движением в Западном крае

При происходивших сего числа в присутствии в. и. в. в Особом комитете суждениях о положении дела Западного края¹ вашему величеству благоугодно было удостоить высочайшего одобрения принятие нижеследующих мер, с целью прекращения волнения и беспорядков,

быстро распространяющихся и возрастающих в западных губерниях, в особенности в Минской, Ковенской, Виленской и Гродненской:

1. Усилить расположенные в крае части войск, о чем управляющему Военным министерством предоставлено особо испросить окончательные вашего величества повеления².

2. Приступить немедленно к обезоружению местного населения³. Привести в исполнение эту меру с надлежащей предусмотрительностью и осторожностью, опираясь на имеющиеся в крае военные силы, но не употреблять при сем с первого раза принудительных мер; объявить через полицейские начальства, что все жители обязаны в указанный для сего срок представить и сдать имеющееся у них оружие и что затем всякий, у кого впоследствии оно могло бы оказаться, будет признаваем преднамеренным укрывателем и подвергнут суду по всей строгости законов. Приступить к обезоружению одновременно и внезапно в трех литовских⁴ и Минской губ. и производить оное постепенно во всем крае, смотря по расположению войск и возможности передвигать оные из одной местности в другую.

3. Снабдить губернаторов надлежащей инструкцией для направления и согласования их действий⁵.

4. Запретить всякого рода сборища и так называемые манифестации.

5. Объявить, что в случае подобных манифестаций, произведенных каким-либо сборищем или толпой, те местности, где будет собираться толпа или где будут допущены беспорядки, подвергнутся военному постою на счет обывателей. Возложить на городские и другие общественные начальства ответственность за допущение беспорядков, или непредварение о том высшего начальства, или недонесение о том своевременно по принадлежности⁶.

6. Ввести в действие реквизиционный способ продовольствования войск на счет помещиков и горожан, принимающих участие в движении или оказывающих явное оному сочувствие.

Обратить на них всю тяжесть постоя и реквизиций, на основании особой инструкции, данной конфиденциально начальникам отдельных воинских частей и местным чиновникам, командируемым в надлежащих случаях начальниками губерний.

При сем выдавать квитанции, по которым уплата будет зависеть от дальнейшего усмотрения правительства. Не ставить войск на квартире малыми партиями. Все подробности приведения в исполнение сей меры определить по предварительному взаимному соглашению министерства военного и внутренних дел⁷.

7. Против демонстраций в костелах не принимать принудительных мер в самих храмах, но подвергать следствию и судебным взысканиям духовных лиц, виновных в ободрении подобных демонстраций или явном против них бездействии. Известных руководителей движения арестовывать после удаления толпы из костела, действуя при сем с надлежащей осмотрительностью и внезапностью, чтобы арестованный не мог быть освобожден при возбужденном его арестованием волнении.

8. Учредить в Минске особую следственную комиссию, подобно Виленской и Киевской, для разбора дел по более важным политическим преступлениям или проступкам. Наиболее деятельных и упорных зачинщиков волнения, преимущественно из лиц, пользующихся влиянием

и материальным достатком, подвергать следствию с арестом в ближайших крепостях.

9. Открыть немедленно временные полицейские суды, если на учреждение оных, по положению Комитета министров, воспоследует окончательное разрешение вашего величества⁸.

10. Объявить в осторожных и умеренных выражениях о поводах к принимаемым мерам.

11. Принять меры по всем ведомствам к удалению от должностей в Западном крае лиц неблагонадежных⁹.

12. Вызвать в С.-Петербург минского губернского предводителя дворянства.

13. Командировать в западные губернии в распоряжение губернаторов несколько штаб-офицеров из числа состоящих при Министерстве внутренних дел.

14. Предавать следствию и суду, установленным порядком неблагонадежных мировых посредников, назначая на место их временно чиновников от правительства, если в числе кандидатов, уже предназначенных к занятию этих должностей, не окажется лиц благонадежных.

15. Усилить таможенный и почтовый надзор по предмету ввоза оружия и возмутительных сочинений.

16. О принятии всех сих мер сообщить киевскому ген.-губернатору. Кроме того, в. и. в. благоугодно было высочайше соизволить на некоторые другие меры, коих приведение в действие еще требует ближайших соображений, до представления оных на окончательное утверждение вашего величества. Сии меры заключаются в следующем:

1. Издать правила о порядке введения в действие военного положения в тех губерниях или тех частях губерний, городах или уездах, где по обстоятельствам это окажется необходимым. Эти правила уже составляются в канцелярии Комитета министров¹⁰.

2. Ныне же приступить к предварительному назначению военных начальников, которым имеет быть вверено, на основании означенных правил и под наименованием временных военных губернаторов, главное начальство над губерниями, где признано будет нужным ввести в действие военное положение и которые не принадлежат к нынешним ген.-губернаторским округам.

3. Издать, по окончательном обсуждении в Комитете министров, особый наказ уездным полициям. Проект этого наказа ныне пересоставляется в канцелярии Комитета¹¹.

4. Предоставить в распоряжение губернаторов денежные средства на содержание тайных полицейских агентов и на экстраординарные издержки.

5. Обсудить в Главном комитете вопрос о некоторых льготах в пользу крестьян, возбужденный виленским ген.-губернатором¹².

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 2, лл. 52—56. Заверенная копия

¹ В памятной записке III отделения (конец июня 1861 г.) отмечалось: «Нынешнее положение западных губерний указывает на неотложную надобность подвергнуть обстоятельному и всестороннему обсуждению те распоряжения, которые должны быть

⁸ Документ не подписан. В начале копии указано На подлинной собственной е. и. в. рукой написано «Исполнить». Рукой управляющего Министерства внутренних дел помечено: В Царском Селе. 4 августа 1861 г.

приняты для охранения более прочного спокойствия в этих губерниях. Предварительные соображения по этому предмету составляются по соглашению с управляющим Министерством внутренних дел в III отделении» (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. I, л. 68).

В июле были составлены предложения от III отделения, Министерства внутренних дел и Министерства юстиции (там же, СА, оп. 2, д. 373). Эти предложения обсуждались в Особом комитете, куда вызван был также В. И. Назимов, затем в Комитете министров и Сенате. Данный документ составлен на основе этих предложений. О реализации этих предложений см. док. 24.

² См. отношение и. о. военного министра Д. А. Милютина В. И. Назимову от 5 августа 1861 г. о предоставлении в распоряжение последнего дополнительных крупных воинских частей (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 431, лл. 45—46).

³ Приказ В. И. Назимова о сдаче оружия населением подписан 11 августа (см. там же, ПО, 1861 г., д. 73, лл. 2, 77—78).

⁴ Т. е. Виленской, Ковенской и Гродненской.

⁵ См. док. 24.

⁶ В связи с пп. 4 и 5 см. «Объявление» виленского ген-губернатора от 9 августа 1861 г. о запрещении населению петь религиозно-патриотические гимны («Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева», т. I, Вильно, 1906, стр. 104—106).

⁷ В окончательном виде эти меры были изложены в отношении П. А. Валуева В. И. Назимову от 15 сентября 1861 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 2, лл. 232—233).

⁸ 5 августа 1861 г. Комитетом министров было принято положение «Об учреждении полицейских судов в западных губерниях» (см. «Полное собрание законов», собр. 2, т. XXXVI, № 37327; «Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева», т. I, Вильно, 1906, стр. 106—110).

⁹ Предписание В. И. Назимова от 11 августа об увольнении со службы неблагонадежных чиновников см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 2, л. 68.

¹⁰ См. «Полное собрание законов», собр. 2, т. XXXVI, № 37328.

¹¹ Временный наказ уездным полициям был принят 16 августа 1861 г. (там же, № 37348).

¹² См. док. 29.

23

1861 г. августа 10. Ошмяны.— Донесение тайного агента студента Ю. Бернацкого¹ в III отделение об антиправительственной деятельности Ю. Чарновского, М. Оргельбранта, В. Дунина-Марцинкевича и З. Минейко

Давно уже я собирался написать к Вам, но не находил удобного случая, а притом не было крайней нужды. Теперь же честь имею донести, что все мои приготовления насчет эmissаров устроены как нельзя лучше, и остается только, чтобы они явились, а при первом шаге на земле литовской непременно будут в руках правительства. Наверно знаю, что они выехали из Парижа 20 июля и находятся теперь в Познани, и вскоре явятся и к нам. Я обещал узнать Вам имя студента, который ездил за границу из Москвы. Это есть Юльян Чарновский², вольный слушатель Московского университета; он ездил под чужим именем, но под каким, не знаю, за паспортом³. Теперь Чарновский проводит вакационное время в своем им. Данюшеве в Свенцянском у. Теперь во всей Литве и даже частью Белой Руси продаются большей частью студентами лотерейные билеты в пользу легионов Мерославского (для модели посылаю один билет)³. Как мне кажется (наверно знать этого не могу), что сочинителем этих билетов есть Оргельбранд,

¹ Т. е. — не знаю, с каким паспортом.

книгопродавец в Вильно, или жена его⁴. Во всяком случае постараюсь узнать вернее, кто именно выпускает эти билеты. В уездах Ошмянском и Свенцяном распродает эти билеты упомянутый Чарновский. Впрочем везде эти билеты распродаются преимущественно студентами, как уже, верно, г. Назимов сообщал об этом кн. Долгорукову. Я недавно возвратился из Минской губ., где мне Вы дали поручение узнать, кто сочинил письмо к Домейке, высланное из Бобруйска Габриелей⁵. Сначала шло это дело мне очень трудно, потому что никто не говорил об нем, но однако мне удалось узнать наверно, что письмом писал Марцинкевич, помещик Минской губ.⁶ За ним бы следовало хорошенько присмотреть, потому что это опасное лицо, он имеет, как мне известно, чрезвычайное влияние на крестьян и, как польский патриот, старается всеми силами возбудить их против государя, толкует им свободу таким образом, что говорит: вас уволили для того, чтобы вы худо жили со своими помещиками, чтобы вас после перекрестить на русскую веру (как он говорит), чего наши крестьяне ужасно боятся. Недавно этот самый Марцинкевич написал сочинение на народном яз. под заглавием «Гуторка старого деда»⁷, где представляет судьбы Литвы в стихах от 1792 г. до нынешних времен, высказывая все притеснения, какие только могли быть на крестьян, и приписывая все эти притеснения правительству. Это сочинение уже довольно распространено и так убедительно действует на крестьян, что где только оно появилось, то крестьяне перестали быть привязаны к государю, которого прежде обожали, и начали искать покровительство помещиков. Теперь еще Марцинкевич перевел на народный язык гимн «Боже, што Польску пред некоторые веки»⁸ и т. д.

Нужно, чтобы правительство обратило более свое внимание на католическое духовенство в Литве, потому что оно возбуждает народ против правительства, указывая на все мнимые притеснения, на отнятие земель у ксендзов, подговаривает, чтобы пели гимн возмутительный, который поют в Варшаве. А из самых опасных ксендзов мне известны четыре: кс. Гундиус в Вильне⁹, а, может быть, еще больше кс. Булат⁹. Оба они высказывают в своих проповедях много вольнодумства, подговаривают народ, чтобы петь гимн «*Boże, coś Polskę*» itd. В провинции до сих пор я заметил кс. Жабо¹⁰ в Ошмянском у. и кс. Рутковского¹¹ в Свенцяном у. Кс. Жабо уговаривает к пению гимна, позволил 31 июля на годовщину соединения Литвы с Польшей, чтобы была обедня, которую, наконец, сам отпел с большой пышностью. На эту обедню пригласил с кафедры всех своих прихожан, во время обедни был пет гимн, а после обедни «*Te deum laudamus*»⁶; под изображением богородицы. Где была пета обедня, висела хоругвь с надписью «*Królowo Polski, módl się za nami*»⁸. Кс. Рутковский помогает к распространению «Гуторки» Марцинкевича и подговаривает народ к пению гимна, что публично в костеле проповедует. Есть еще один опасный человек в Ошмянском у. — кадет Николаевского инженерного училища Сигизмунд Минейко, который ходит переодет крестьянином и разносит «Гуторки», и возбуждает народ против государя¹².

⁴ Так в тексте.

⁶ «Тебя, боже, хвалим» (латин.).

⁸ «Королева Польши, молись за нас» (польск.).

Это важнейшие самые вещи, которые я покамест счел долгом до-
нести Вам. Что касается до библиотеки студентов-поляков, то вся, с
запрещенными и незапрещенными книгами, спрятана у профессора
Спасовича в Петербурге. Ежели нельзя будет найти ее теперь, то сей-
час по приезде моем в Петербург я ее выдам вместе с библиотекаря-
ми. Теперь не могу писать более потому, что могут поймать меня, а
тогда все мои надежды быть полезным правительству берут в лоб^а.

Ваш покорнейший слуга Владимир...¹³

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 293, лл. 1—4 об. Подлинник

¹ Авторство указано в справке III отделения, находящейся в этом же деле, л. 7:
«Сведения о кадете Минейко и по другим предметам, сообщаемые ген.-адъютанту
Назимову, извлечены из письма Бернацкого».

² Юлиан Чарновский, действительно, принимал активное участие в манифестациях,
но распространял ли лотерейные билеты — следствием не установлено. По словам ма-
тери, он «большую часть вакантного времени проводил у брата своего Евстафия Чар-
новского на ферме Ольховке, в Ошмянском у.; потом ездил в Москву с намерением
поступить в тамошний университет, но, не успев в предприятии, исходатайствовал от
университетского правления пятилетний паспорт на проезд за границу и, возвратясь
из Москвы в Вильно, в первых числах января уехал в Краков для окончания курса
наук в тамошнем университете» (там же, л. 14).

³ К доносу приложены: отпечатанное в Париже воззвание «Wnioski z porozumień
zaszłych między generałami Mierosławskim a Garibaldim uzupełnionych 26 stycznia
1861 r.» («Предложения, содержащиеся в соглашении, заключенном между ген. Миро-
славским и Гарибальди, дополненное 26 января 1861 г.») и лотерейный билет (там же,
лл. 5б—5в).

⁴ О. М. Оргельбранде и его жене см. там же, лл. 12, 14.

⁵ Подробнее об этом письме см. док. 78.

⁶ О В. Марцинкевиче см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 106, 322.

⁷ Текст гимна, являющегося белорусским переводом польского патриотического гим-
на «*Boże coś Polskę...*» («Боже, который Польшу...»), см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248,
оп. 2, д. 708, л. 13.

⁸ См. прим. 2 к док. 37.

⁹ Может быть, Ю. Бернацкий имел в виду кс. Бышевского, пользовавшегося боль-
шой популярностью в Вильно (там же).

¹⁰ О кс. Жабо, высланном в гор. Повенец Олонецкой губ. за учреждение в м. Голь-
шанах народного училища, см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 293, лл. 25—
30; 1862 г., д. 411.

¹¹ О кс. Рутковском см. там же, 1861 г., д. 293, л. 14; 1862 г., д. 48.

¹² См. там же, 1861 г., д. 293, лл. 6—8, 13, 15.

¹³ К письму имеется еще приписка. В ней Бернацкий указывает адрес, по которо-
му ему следует присылать инструкции и деньги. Приписка из-за незначительности со-
держания опущена.

24

1861 г. августа 11.— Предписание В. И. Назимова виленско-
му, ковенскому и гродненскому губернаторам о принятии
чрезвычайных мер для борьбы с освободительным движением

Во внимание к особым обстоятельствам и условиям, в которые в на-
стоящее время поставлены вверенные мне губернии, государь импера-
тор высочайше повелеть соизволил:

1. Независимо войск, ныне в Виленской губ. расположенных, оста-

^а Польское выражение «*brać w łeb*», что означает «пропадать».

вить в ведении моем находящийся в Дисненском у. резервный батальон Муромского пехотного полка и, сверх того, передвинуть с той же целью из кр. Динабурга в Вильно резервные батальоны пехотных полков: Шлиссельбургского, Нижегородского и Низовского, а также из Новогрудка в Вильно батарею № 1 батарею 1-й полевой артиллерийской бригады^а [...]^б.

Монаршую волю сию сообщая в. п. к зависящему и точному исполнению, обязанностью поставлю для единообразных и одновременных по оной действий во вверенном мне крае снабдить вас, м. г., следующими ближайшими моими указаниями:

По 1 п. Войска назначены, и о движении оных вы поставлены в надлежащую известность.

По 2 п. а. Предписать ныне же полицмейстеру, городничим и земским исправникам эстафетами или нарочно командированными объявить населению, что со дня оповещения в городах — в продолжение одной недели, а в уездах — в течение одного месяца, оно обязано представить в городах — к полицмейстерам и городничим, а в уездах — к станovým приставам все имеющееся у него оружие, а именно: помещикам, служащим в гражданском ведомстве чиновникам, включительно до лиц, начальствующих отдельными губернскими частями, крестьянам казенным и временнообязанным, а равно и всем без изъятия другого состояния людям, обязав предъявить не только огнестрельное, но и холодное оружие, под какими бы наименованиями оное ни было. Меру эту, само собой разумеется, не распространять на полицмейстеров, городничих, земских исправников и станových приставов. К обезоружению приступить, сколь можно, одновременно по городам и по всем станам каждого уезда, внушая жителям, что кто дозволит себе сокрыть оружие, тот при обнаружении сего преступления по истечении назначенного для представления оружия срока будет подвергнут суду по всей строгости законов.

б. Снабдить полицмейстеров, городничих и станových приставов шнурами за подписью в. п. книгами для записки в оные доставленного оружия с показанием, у кого именно, сколько и какого отобрано, чтобы во всякое время можно было иметь под рукой необходимый контроль оного и обеспечение в сохранении частной собственности. К самому же оружию прикреплять ярлыки с подписями и печатями владельца и пристава, поручив последним, сверх того, в принятии выдавать надлежащие квитанции.

в. Отобранное в станových квартирах оружие доставлять к земским исправникам, где, по соединении оного с отобранным в уездном городе, отправлять таковое под прикрытием военного конвоя на обывательских подводах в Динабург^а, сдавая оное по описям и под

^а В предписании ковенскому губернатору 1. Независимо войск, ныне в Ковенской губ. расположенных, предоставить в мое распоряжение Невский пехотный полк, который и направить в полном составе в Ковно, и, сверх того, передвинуть в сей город коннобатарейную № 1 батарею 1-й конноартиллерийской бригады из гор. Фридрихштата.

В предписании гродненскому губернатору 1. Независимо войск, ныне в Гродненской губ. расположенных, передвинуть в гор. Гродно легкую № 5 батарею 3-й полевой артиллерийской бригады из гор. Волковыска.

^б Далее опускаются §§ 2—10, дословно повторяющие §§ 2—7, 11, 13, 14 из док. 22.

^в В предписании гродненскому губернатору в Брест.

квитанции в ведение тамошнего коменданта, о принятии коего сделано мной с сим вместе надлежащее сношение. Командирам же гарнизонных батальонов предписано по требованиям земских исправников и городничих назначать для препровождения сих транспортов вооруженный конвой от местных инвалидных команд или гарнизонных батальонов.

г. Предписать городничим и исправникам, чтобы они для отправления оружия не ожидали сбора оного со всего уезда, но отсылали бы частями по мере получения и применяясь к количеству накопившегося, при описях и особых накладных, в прочно заделанных и обвязанных тюках, с опечатанием таковых печатями городских или земских полиций.

д. Потребные на укупорку деньги предписать употреблять заимообразно из канцелярских или других сумм, в ведении городничих и исправников находящихся, по получении же от них донесений о количестве употребляемых издержек предложить казенной палате об отпуске оных в возврат без замедления из местных уездных казначейств на счет губернской экстраординарной суммы во внимание к экстренности и важности предмета, выходящего из ряда дел обыкновенных.

е. Не оставить зависящими распоряжениями устранить остановки, какие могли бы произойти в получении под своз транспортов с оружием подвод при следовании оных из мест отправки через другие уезды.

ж. В предписаниях городничим и земским исправникам об отобрании оружия вменить им в обязанность приступить к исполнению высочайшей воли без всякого промедления со всевозможной предусмотрительностью и осторожностью и, кроме действий через станowych приставов, личной благоразумной распорядительностью стараться окончить исполнение сего важного дела с совершенным успехом, пресечь неблагонамеренным возможность к сокрытию оружия секретными под рукой дознаниями и оградить всеми зависящими мерами тех, которые впоследствии по одному лишь неведению могли бы подлежать ответственности.

з. Для наблюдения же за порядком и успешным выполнением сего дела не угодно ли будет вам командировать от себя в каждый уезд по одному доверенному чиновнику, поручив главный за сим надзор и тем лицам, которые в ваше распоряжение от Министерства внутренних дел будут командированы.

и. О времени же объявления насчет обезоружения, как равно и об окончательном истечении назначаемого мною для сего срока, не оставьте меня уведомить, а в свое время доставить по городам и уездам и перечневые ведомости о количестве отобранного оружия, разделив оное по родам его и показав каждый особыми графами.

По 3 п. Инструкция будет вам доставлена по получении оной из Министерства внутренних дел.

По 4 п. Особыми от губернского начальства предписаниями городским, земским, общественным и другим начальствам, а также печатными объявлениями и изустными на площадях и улицах в городах, деревнях и местечках оповещениями сделать во всеобщее сведение известным, что всякого рода сборища и так называемые манифеста-

ции по высочайшему повелению воспрещаются, и что в случае сих манифестаций, к которым принадлежит также и пение возмутительного гимна в храмах божиих, на площадях и на улицах, произведенных каким-либо сборищем или толпой, те местности, где будет собираться толпа или где будут допущены беспорядки, подвергнутся военному постою на счет обывателей.

По 5 п. Как сказано в высочайшем повелении, кроме сего и независимо от действий полиций, предложить начальствам отдельных частей и губернских управлений, чтобы они во все праздничные и воскресные дни посылали доверенных лиц в храмы божии для наблюдения там за действиями подведомственных им низших чиновников и, по получении от командированных сведений и согласовании оных с донесениями полиций, что должно сосредоточиваться уже в вашей канцелярии, виновных в нарушении благочиния в храмах божиих пением возмутительного гимна немедленно и без всякого послабления увольнять от службы с высылкой на места родины и с воспрещением им отлучаться оттуда, в чем и обязывать подписками с подвержением полицейскому надзору; о всех же таких случаях уведомлять меня для сведения. Впрочем, настоящее распоряжение не избавляет городские и земские полиции от обязанности о всех случаях и происшествиях, а тем более в политическом отношении, доводить непосредственно и до моего сведения.

По 6 п. Ближайшие правила по введению в действие реквизиционного способа продовольствия будут сообщены вам по соглашении оных с Военным министерством и по получении о том уведомления.

По 7 п. Особенно соблюдать и резко выказывать различие между уважением, оказываемым храмам, богослужению и молитве, и между мерами полицейскими, направленными против преступных действий, прикрываемых молитвословием, богослужением и обращением святых храмов в место, преимущественно избираемое для совершения подобных действий. Надлежит преследовать, в наружных формах полицейских и административных распоряжений, не самое пение в церкви, если насчет свойства песни или гимна может существовать какое-либо сомнение или если песнь имеет форму молитвы, но принуждение других к участию в этом пении и оскорблении тех, которые в нем не участвуют. Чем осторожнее и бережливее должны действовать местные власти в отношении к самой сущности добровольно совершаемых в храме молитвословий, тем решительнее, строже и небережливее надлежит им поступать в отношении ко всем действиям, обнаруживающим со стороны участников молитвословия другие цели и стремление переходить к принудительному способу привлекать к себе единомышленников. Этот же самый оттенок надлежит соблюдать и в отношении к духовенству. При направлении против духовных лиц административных или судебных мер необходимо резко выставить на вид, что они подвергаются ответственности не за случайное пение в их церквах гимна, но за явное потворство частому повторению таковых манифестаций, за личное в них участие вне храмов и за бездействие с их стороны ввиду несомненных попыток обращать эти храмы в поприще противуправительственного волнения.

По 8 п. Сделано сношение с начальниками подлежащих ведомств.

По 9 п. Впредь до дальнейших назначений командирован г. управ-

ляющим Министерством внутренних дел в распоряжение в. п. чиновник особых поручений статский советник Макшеев ^а.

По 10 п. Об удалении от должности, с преданием следствию, мировых посредников надлежит доносить прав[ительствующему] Сенату и в то же время уведомлять г. управл[яющего] Мин[истерством] в[нутренних] дел, а при назначении следствий распоряжаться на точном основании закона, сравнивающего посредников по служебным преимуществам с уездными предводителями дворянства ¹.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 2, лл. 69—76. Отпуск.

¹ Предписание было подтверждено В. И. Назимовым дополнительно 11 ноября 1861 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 2, л. 276).

25

1861 г. августа 11.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о пении запрещенных гимнов в костелах Виленской, Гродненской и Ковенской губ. во второй половине июня—июле 1861 г.

В дополнение к отношению от 30 минувшего июня за № 455 ¹, имею честь сообщить в. с. о вновь полученных мной донесениях о пении возмутительного гимна.

По Виленской губ. ²

1. В Виленском у. пет был означенный гимн в пяти костелах: гедройцком, дубинском, видзишском, ширвингельском и солечницком. В последнем костеле замечены в пении две дочери помещика Вержбовича, две дочери дворянина Жебровского и помещицы дочь Кржицкая.

В том же уезде в михалишском костеле 22 июня при большом стечении народа некоторые из прихожан начали петь возмутительный гимн, но пение прервано было игрой на органе по распоряжению приходского священника.

В том же уезде 9 и 16 июля в подбрежском костеле пропет был возмутительный гимн более чем 50 лицами, принадлежащими к разным сословиям, но духовенство в том никакого участия не принимало, а, напротив, вышло даже из костела.

2. В радошковском костеле 2 июля по окончании литургии несколько женщин и мужчин хотели пропеть возмутительный гимн, но внушениями настоятеля кс. Жилинского и городничего были от того удержаны. То же самое прихожане намеревались повторить 9 июля после литургии, но опять были от того удержаны; в следующее же за тем воскресенье после обедни все разъехались в совершенном спокойствии.

3. В Лидском у. означенный гимн пет был 25 июня в василишском костеле, но кем именно, по большому стечению народа заметить было

^а В предписании ковенскому губернатору состоящий при Министерстве майор Стессель и чиновник особых поручений коллежский советник Мороз.

В предписании гродненскому губернатору будет сообщено своевременно.

невозможно. В самой Лиде, в городском костеле, сказанный гимн был пет семь раз: 25 и 29 июня, 16, 23, 27, 30 и 31 июля; в пении замечены дворяне Александр Шукевич, Анзельм Потриковский, б. воспитанник Новогрудской гимназии Калиновский, и. д. секретаря уездного суда: Петрусевиц, канцелярский служитель Станислав Янковский, семейство помещика Пилецкого, сестра и жена окружного врача Брандта, канцелярский служитель Лидского городского магистрата Жебровский, студенты Московского университета: два брата Адольфы, Колышко, Геншель и Мацкевич, ученик Адольф (третий брат упомянутых двух студентов), помещик Захватович с сестрой и девица Чернацкая. Главными зачинщиками пения были упомянутые студенты Адольфы и Колышко, а также дворянин Шукевич; помещица же Пилецкая во время литургии занята была единственно собранием побольше участников пения, несмотря на то, что местный ксендз объявил с амвона всем прихожанам указ Виленской римско-католической духовной консистории о запрещении сего пения. Кроме того, 27 июля, когда в лидском костеле виленский епархиальный епископ Красинский совершал лично миропомазание народа, на церковной паперти упомянутый возмутительный гимн опять был пропет означенными главными зачинщиками, при участии других, которых по огромному стечению народа заметить не было возможности.

4. В Ошмянском у. возмутительный гимн пет был четыре раза в сморгонском костеле, один раз в кревском и два раза в гольшанском; в пении замечены, в последнем костеле, дворяне Минейки, Юсевичи и Невярович, а также студенты Карчевский и Печковский. Лица эти, не довольствуясь пением гимна в костеле, повторили таковой 9 июля в заезжей корчме еврейки Шеншелевой.

5. В Дисненском у. в глубоком костеле 16 июля после литургии собравшиеся студенты Московского и С.-Петербургского университетов, проживающие в Вилейском, Борисовском и Лепельском уездах, Микульский, Мисуна, Длужневский, Деревинский, Окушко, Шуневиц, Заюнчикский, Куровский и Виткович, а также проживающие в Дисненском у. Свенторжецкий и Ярковский, вместе с помещичьими сыновьями Болеславом и Артуром Винчами, Рафаилом Буйницким и прибывшим из Вильно, по делам службы состоящим при люстрационном отделении Виленской палаты государственных имуществ Прижгинтом пели возмутительный гимн; из женщин пели тот гимн дворянка Городецкая, жительствующая в им. Мнюта, помещица Устина Деспот-Зенович, помещицы дочери Марья и Валерия Ярковские, дворянки Констанция и Марцелия Коркузевичуны, Филиомена, Юлия и Пелагея Василевские, жительствующая в Вилейском у. девица Деревинская, из Борисовского у. Леония Антоневиц и из Дисненского, из им. Окунева, православного исповедания Александра и Прасковья Буйницкие, а равно, сколько можно было заметить, в числе певших гимн находился и помощник вилейского окружного начальника тит. с. Павлович. Причем дисненский земский исправник присовокупил, что местный пристав Лакуцевич уговаривал многих не петь гимна, а настоятель костела кс. Бредыцкий велел даже запереть хоры, но присутствовавшие не послушались, ссылаясь, что теперь гимн поют везде; что зачинщиком был дворянин Деревинский, который хотя сам не пел, но по данному им знаку начато было студентами пение, и что главными про-

изводителями беспорядка замечаются студенты разных университетов, которые, переезжая с места на место, заводят с жителями какие-то тайные сношения и передают им неблагонамеренного содержания бумаги, и это может повести к более серьезным беспорядкам, тем более что они, считая чиновников земской полиции своими врагами, не слушают их и не обращают никакого внимания на делаемые им внушения.

По Гродненской губ.³

6. Пение возмутительного гимна проникло в Брестский, Сокольский и Слонимский уезды. Хотя к прекращению сего пения приняты были местным начальством меры вразумления и увещевания, но пение повторилось 18, 22 и 25 июня в каменецком костеле, в брестском — 29-го и в сокольском — 25 июня. В гор. Слониме пение сказанного гимна совершается во всех костелах по окончании богослужения; женщины большей частью носят траурную одежду и одной девице, дочери заседателя, испорчено платье купоросной кислотой; кроме того, подбрасывают безыменные записки тем из жителей, которые в пении гимна не участвуют.

По Ковенской губ.⁴

7. В вилкомирском костеле пение возмутительного гимна повторено 22, 29 и 30 июня, 2, 9 и 23 июля. Пением управляла помещица Бутлер, при участии более 10 человек; из них замечены: дворянин Розен, помещанин Венедикт Мацкевич, помещик Контовт, сын и дочь помещика Левандовского и отставной губернский секретарь Соломон Бенюшевич. В то же время некоторым из присутствовавших в костеле женщинам были облиты платья какой-то кислотой. Ночью же на 22 и 24 того же июня в доме, где живет кс. Балевиц, двукратно перебиты в крыльце стекла и распространен слух, что лица, поющие возмутительные гимны, питают к нему месть, угрожая нанести ему более вредное оскорбление за то, что он в первый раз, когда 4 июня совершенно было пение сказанного гимна, сообщил городничему о лицах, принимавших в том участие.

8. Возмутительный гимн пропет был также в Вилкомирском у.: 12 июня в пошилинском филиальном костеле; 2 июля в уцянском и роговском костелах, а 16 июля в трашкунском бернардинском монастыре.

9. В Тельшевском у. в м. Кальвария 10 июля пропет был возмутительный гимн при стечении многочисленного народа во время литургии в тамошнем костеле, а 16 июля пение сего же гимна совершилось в приходских костелах в местечках Лавково и Жираны, но кто именно пел гимн, сведения не доставлены.

10. В Россиенах канцелярист Урняж и студент С.-Петербургского университета Нешокоц слишком явно выражали сочувствие свое к варшавским беспорядкам: кроме странных костюмов, которые их отличали от других людей (одевались в серые крестьянского сукна и покроя кафтаны, опоясывались довольно широким ремнем и носили маленькие гарибальдийские шляпы с длинными черными лентами), они в праздник святого духа намеревались пропеть в доминиканском костеле какой-то гимн и не исполнили сего только по малому числу приверженцев; 16 же июня в числе нескольких мужчин и женщин они

ходили на кладбище, распевая гимны и приговариваясь возобновить их в наступавшее воскресенье, 18 июня, в костеле; но и в сем последнем случае по влиянию и внушению настоятеля костела кс. Мацынского посягательство на нарушение благочиния в храме божием было предотвращено. После сих двух неудач намерения их было ослабели, но спустя несколько времени пение в россиенском костеле возмутительного гимна начато с большей энергией. В главе действующих лиц показаны расточивший свое имение, ныне праздношатающийся помещик Витольд Гринцевич, дворянин Игнатий Шалькевич, канцелярский чиновник уездного суда Сапинский (который также одевался в крестьянский кафтан), канцелярский чиновник того же суда Бутримович, канцелярский чиновник дворянской опеки Иван Висьмонт, бухгалтер уездного казначейства Володкевич, канцелярский чиновник казначейства Викентий Висьмонт, вольнопрактикующий врач Ибянский и ученик ковенской гимназии Сыртовт. Лица эти собирались для спевки в прилегающие к Россиенам имения помещиков Будкевича и Людкевича.

К прекращению означенного пения в римско-католических костелах возмутительного гимна я сделал с своей стороны вновь соответственные распоряжения, предложив начальникам губерний замеченных в пении студентов отправить в университеты, в которых они воспитываются; помещиков с семействами выслать в принадлежащие им имения с учреждением там за ними строгого полицейского надзора; служащих чиновников гражданского ведомства уволить от службы с тем, чтобы более виновные из них предварительно были подвергнуты аресту на определенное время, и с отдачей всех их после ареста под строгий надзор полиции; женщин, не владеющих имениями, обязать подписками отнюдь не допускать себе участия в сказанном пении под опасением высылки их на жительство в отдаленные места по моему назначению, и неслужащих чиновников, а равно людей простого сословия подвергнуть также на определенное время аресту.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экзп., 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 150—157. Подлинник⁵

¹ См. док. 16.

² См. прим. 13 к док. 21.

³ См. прим. 9 к док. 21.

⁴ См. прим. 2 к док. 21.

⁵ Отпуск в ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 2, лл. 61—65.

26

1861 г. августа 22¹.— Объявление В. И. Назимова о введении военного положения в Вильно и других районах Литвы и Белоруссии

Объявление

Возникшие в некоторых городах высочайше вверенного моему управлению края беспорядки, нарушающие благочиние в храмах божиих римско-католического исповедания, уважение к святыням и

общественное спокойствие, несмотря на все меры, сначала — кротких вразумлений, а впоследствии — строгих административных взысканий, которые были употреблены со стороны местного гражданского начальства, продолжают и ныне проявляться в пениях возмутительных гимнов внутри храмов и на улицах. Неблагонамеренные люди, действуя на неопытную молодежь и женщин, успевают привлекать через них исключительно в города толпы^а праздных и легкомысленных людей^а для заявления злонамеренных своих желаний, направленных против существующего общественного порядка, а в других местах сиятся выказывать оные под предлогом молитвословий и прикрытием неустановленных церковью процессий, до того, что для прекращения наглого своеволия начальство доведено уже было до прискорбной необходимости прибегать к помощи военной силы. Такое положение известных местностей края продолжаться далее не может.

Посему, чтобы восстановить нарушаемое общественное спокойствие и охранить мирных жителей от насилия и оскорблений, наносимых им злоумышленниками, я, на основании предоставленной мне власти высочайшим повелением, распубликованным в указе Правительствующего Сената от 9 сего августа², объявляя на военном положении города Вильно, Гродно, Белосток, Бельск, Брест-Литовск с уездами и Ковенскую губ., за исключением Новоалександровского у., поставляю об этом в известность всех жителей вверенного моему управлению края, с предварением, что вся тяжесть воинского постоя исключительно падет на тех из них, которые принимают участие в беспорядках³.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 163, ч. 1, лл. 11—12. Черновик

¹ Текст объявления был опубликован 25 августа 1861 г. в № 66 газеты «Виленский вестник» с прибавлением двух пунктов, касающихся введения военного положения по гор. Вильно и Виленскому у.

² Указ Сената от 9 августа 1861 г. о предоставлении ген-губернаторам права объявлять на военном положении любую местность своего края, а также утверждать приговоры военных судов см. «Полное собрание законов», собр. 2, т. XXXVI, № 37328. Телеграммой от 8 августа 1861 г. Д. А. Милютин сообщил В. И. Назимову об утверждении Александром II упомянутого указа (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 163, ч. 1, л. 6).

³ О снятии военного положения по гор. Вильно с уездом было объявлено в «Виленском вестнике» 2 октября 1862 г. (там же, л. 41). Согласно предписанию В. И. Назимова гродненскому губернатору от 16 октября 1862 г., было снято военное положение по Гродненской губ., кроме гор. Белостока с уездом (там же, л. 43).

27

1861 г. сентября 30. — Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о студентах, находившихся на каникулах в Литве и Белоруссии и принимавших участие в демонстрациях¹

Прибывшие в начале с. г. во вверенные мне губернии студенты императорских университетов вообще отличались предосудительным поведением и вредным образом мыслей. Они принимали деятельное участие во всех беспорядках и демонстрациях, многие же были зачинщиками.

^{а-а} Вместо зачеркнутого разночинцев и ремесленников.

Имея в виду, что все таковые студенты по случаю отбытия их ныне в университеты для продолжения курса наук, избегли за свои злонамеренные поступки должного и строгого взыскания, я с препровождением именного списка тем из них, которые неоднократно замечены были полициями в нарушении общественного порядка и спокойствия², имею честь покорнейше просить в. с. испросить высочайшее государя императора повеление, чтобы они до выпуска из университетов вовсе не были увольняемы в отпуска во вверенные мне губернии и чтобы по окончании курса наук к ним была применена мера наказания, которой за подобные поступки подверглись уже в текущем году некоторые студенты*, а именно определение на службу во внутренних губерниях, и о последующем почтить меня вашим отзывом³.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 310—311. Подлинник⁴

Опубл.: «Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева», т. I, Вильно, 1906, стр. 167—168.

¹ Отмечая важную роль студентов в организации патриотических демонстраций в западных губерниях, В. И. Назимов еще 9 июня 1861 г. просил В. А. Долгорукова сделать распоряжение о том, чтобы студенты московских и петербургских учебных заведений не отпускались бы на каникулы в Литву и Белоруссию (см. док. 15 и прим. 1 к нему). 12 августа 1861 г. В. И. Назимов предписал виленскому, ковенскому и гродненскому губернаторам немедленно высылать замеченных в антиправительственной деятельности студентов к ректорам их университетов (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 2, л. 82).

² Список 56 студентов, принимавших участие в пении патриотических гимнов и других манифестациях по Виленской, Ковенской и Гродненской губ. см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 312—317 (подлинник) и ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 3, лл. 14—16 (отпуск).

³ Отношение В. И. Назимова было получено в то время, когда начались волнения в Московском и Петербургском университетах. 14 октября петербургский ген.-губернатор П. Н. Игнатьев доложил Александру II о том, что под арестом находится значительное число студентов — уроженцев западных губерний, которых необходимо выслать из столицы. Учитывая просьбу В. И. Назимова, он предлагал их «для перевоспитания» сдать в солдаты (см. «Русско-польские революционные связи», т. 1, М., 1963, стр. 109). Однако впоследствии под давлением общественного мнения было принято решение о том, что студенты Петербургского университета, не взявшие матрикул (студенческих книжек), лишь высылаются на родину (см. док. 31).

⁴ Отпуск в ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 3, л. 13.

28

1861 г. октября 6. — Отношение В. И. Назимова католическим епископам А. Красинскому и М. Волончевскому о пении религиозно-патриотических гимнов

Ваше преосвященство, милостивый государь!

Из поступающих ко мне в последнее время донесений местного гражданского начальства я усматриваю, что пение возмутительного гимна, почти прекратившееся вследствие мер, принятых правительством, заменяется пением по костелам и на открытых местностях других условных молитвословий¹. Эти последние пения возбуждены были, как

* Гр. Казимир Тышкевич, Ксаверий Корева, Александр Зельверович, Венедикт Дыбовский.

полагать должно, распространением печатных объявлений, составленных злоумышленниками с видимой целью поддерживать печальное настроение умов и неприязненное расположение к правительству².

Принимая за сим в соображение, что следствием объявлений жители вверенного мне края введены в заблуждение и за публичное исполнение предложенных молитвословий могут подвергаться законному преследованию, я счел обязанностью обратиться к вашему преосвященству с покорнейшей просьбой предложить подведомственному вам духовенству не допускать при всedневных богослужениях сказанных новых пений — молитвословий, которые должны иметь место только в известных случаях, установленных церковью [. . .]^a

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 2, лл. 252—253. Черновик

¹ Чтобы избежать репрессий царских властей, вместо запрещенного гимна «Боже, который Польшу...», участники манифестаций стали петь псалмы «Бог — наше убежище» и «Ангел господень», не запрещенные полицией.

² Имеется в виду варшавское воззвание от 6 сентября 1861 г. «Братья соотечественники! Убийства и всякого рода преследования и притеснения...», призывающее начать пение других гимнов в костелах (ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, лл. 97—97б). Воззвание «Братья! Неоднократно принимали мы на себя обязанность...», призывало прекратить манифестации, ибо восстание преждевременно и нет нужды возбуждать народ, и начать медленную работу по воспитанию народа, молодежи, сближению сословий, т. е. вести так называемую органическую работу по программе партии белых (см. док. 38 и 102, а также ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экзп., 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 253—256; ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, лл. 58—59).

29

1861 г. октября 10. — Отношение П. А. Валуева В. И. Назимову об уменьшении или отмене некоторых крестьянских повинностей по Виленской, Ковенской и Гродненской губ.¹

Препровожденная ко мне в. вп. от 2 августа за № 556² записка о необходимости отменить некоторые обременительные повинности крестьян вверенных вам губерний в отношении помещиков была внесена мной в Главный комитет об устройстве сельского состояния.

Главный комитет, признавая и с своей стороны необходимым по приведенным вами основаниям облегчить немедленно повинности крестьян в губерниях Виленской, Гродненской и Ковенской, а также в Минской, полагал, согласно представлению моему, принять впредь до утверждения уставных грамот в помещичьих имениях означенных 4 губерний следующие временные меры:

1. По всем крестьянским участкам, с которых доньше отбывалось более 8 сгонных дней с рабочей души (по инвентарю), уменьшить число сих дней до 8, применяя это правило и к тем имениям, где сгонные дни были определены общим числом с двора.

2. С наступлением будущего летнего периода работ отменить все сгоны, а причитающееся с каждого крестьянского участка число сгонных дней распределить так, чтобы $\frac{3}{5}$ отнесены были на летний период, а $\frac{2}{5}$ — на зимний, и затем дни сии раскладывать по неделям каждого периода уравнительно (ст. ст. 157 и 158 Мест[ного] пол[ожения] для

^a Заключительная фраза написана неразборчиво.

губ[ерний] Вилен[ской], Грод[ненской], Ковен[ской], Мин[ской] и части Витебской).

3. Отменить немедленно все добавочные повинности, означенные в п. 2 ст. 126 Мест[ного] полож[ения] для губерний Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской³.

4. Если и затем по какому-либо имению, в котором не будет еще введена уставная грамота, возникнут жалобы со стороны крестьян на обременительность издельной повинности и если притом окажется, что повинность сия превышает 23 рабочих дня с десятины, то к такому имению немедленно применить правила, изложенные в ст. ст. 150 и 157 означенного Местного положения.

5. Предоставить губернским по крестьянским делам присутствиям всех означенных 4 губерний обсудить: следует ли при составлении уставных грамот число сгонных дней, рассчитанных с рабочих душ, раскладывать по десятинам на все участки имения или расчеты о присоединении сгонных дней к пригонным делать во всяком случае по каждому участку особо⁴.

О таком положении Главного комитета, удостоенном высочайшего утверждения 26 минувшего сентября, имею честь уведомить вас, м. г., для зависящих распоряжений.

Управляющий Министерством статс-секретарь Валуев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 950, лл. 28—29. Подлинник.

¹ Правительственная переписка об отмене или уменьшении некоторых крестьянских повинностей была вызвана частыми случаями крестьянских волнений по Виленской, Ковенской и Гродненской губ.

² Документ не обнаружен.

³ См. прим. 1 к док. 17.

⁴ На основании отношения П. А. Валуева от 10 октября 1861 г. В. И. Назимовым был отдан приказ земским полициям Виленской, Ковенской и Гродненской губ. об установлении максимума сгонных дней — 8, отмене всех добавочных крестьянских повинностей и сокращении издельной повинности до 23 дней с десятины. Приказ предназначался для прочтения на крестьянских сходах (см. типографский экз. приказа — там же, лл. 31—32; ПО, 1861 г., д. 73, ч. 2, лл. 87—88).

30

1861 г. октября 17.—Предписание А. М. Гильдебранта виленскому губернскому жандармскому штаб-офицеру А. М. Лосеву об усилении жандармского надзора в связи с полученными сведениями о нелегальной доставке оружия в Россию

Секретно

Из сообщенных мною в. вб. сведений для наблюдения вам уже известно, что к балтийским портам привозится значительное количество оружия. Ныне получено новое сведение, что в Ригу привозится оружие, заказываемое литовскими дворянами, которые часто бывают там. Поэтому покорнейше прошу усугубить ваше наблюдение за помянутыми сведениями.

Ген.-майор фон Гильдебрант

ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 139, л. 1. Подлинник

1861 г. октября 20.— Отношение П. А. Валуева В. И. Назимову об исключенных из Петербургского университета студентах — участниках студенческих волнений

Секретно

По случаю беспорядков, произведенных студентами С.-Петербургского университета¹, сделано распоряжение об увольнении из университета тех студентов и вольнослушателей, которые не подали в назначенный срок прошений о дозволении им продолжать университетские курсы.

Ныне с.-петербургский военный ген.-губернатор, сообщая, что некоторые из студентов и вольнослушателей, выбывших на изъясненном основании из здешнего университета, отправились на родину в Царство Польское и западные губернии, просит меня предупредить начальствующих в сих местах лиц, что означенные молодые люди не принадлежат уже университету и ни в каком случае не должны быть возвращаемы в здешнюю столицу.

Имея честь сообщить об этом в. вп. для зависящих распоряжений, долгом считаю присовокупить, что именные списки о б. студентах и вольнослушателях, отправившихся во вверенный вам край, составляются ныне в Министерстве народного просвещения и будут к вам доставлены немедленно по изготавлении.

Управляющий Министерством статс-секретарь Валуев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 387, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 3, л. 17. Подлинник

Опубл.: «Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева», т. I, Вильно, 1906, стр. 183.

¹ О студенческих волнениях осенью 1861 г. в Московском и Петербургском университетах и об участии в них уроженцев западных губерний см.: Т. Г. Снытко. Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х годов и восстание 1863 г. — «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов», М., 1960, а также «Русско-польские революционные связи», М., 1963, т. I, док. 39—50, 97 и др.

1861 г. ноября 11.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о воззвании А. И. Герцена к русским офицерам, полученном по почте полковником Белявским

Начальник резервной дивизии 2 армейского корпуса ген.-лейтенант Бабкин препроводил ко мне копию с полученного командиром 4 резервного батальона Муромского пехотного полка полковником Белявским в конверте на его имя из Дисненской почтовой конторы возмутительного воззвания Герцена (Искандера) к русским офицерам¹, которое в подлиннике представлено уже г. управляющему Военным министерством.

Список с такового воззвания имею честь препроводить при сем к в. с. для надлежащего вашего, м. г., сведения.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, 1 эксп., 1861 г., д. 311, л. 44. Подлинник

¹ Имеется в виду статья А. И. Герцена «Vivat Polonia» («Колокол», вып. IV, М., 1962, стр. 789—790). См. отношение Д. А. Милютин от 26 октября 1861 г. (ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, 1 эксп., 1861 г., д. 311, л. 42). В отношении имеется помета о том, что само воззвание передано в д. 230, ч. 2 (1862 г.).

1861 г. ноября 11.—Циркуляр В. И. Назимова виленскому, ковенскому и гродненскому губернаторам не принимать на должности волостных писарей студентов и гимназистов, исключенных из учебных заведений за участие в революционном движении

До сведения моего дошло, что в некоторых волостных управлениях приняты в обязанности писарей уволенные за принятое участие в беспорядках студенты университетов, а также исключенные за означенные преступления из 6 и 7 классов ученики гимназий.

Принимая во внимание всю важность должности волостного писаря, поставленного в постоянные и близкие отношения к крестьянам, только что освобожденным от крепостной зависимости, а равно, что исключенные студенты и ученики поступками своими потеряли право на всякое к ним доверие начальства, я имею честь покорнейше просить в. п. предписать земским полициям под их личную и строжайшую ответственностью наблюдти, чтобы означенные люди отнюдь не были допускаемы к занятию писарских должностей в волостных управлениях, требуя немедленного, безусловного удаления и тех, которые до сего могли быть приняты; о том же, что вследствие настоящего распоряжения будет сделано, в. п. не оставите меня уведомить с присовокуплением, были ли определены кто из студентов и гимназистов, где и кем именно в вышеупомянутые должности и получили ли от оных требуемое удаление, так как люди эти сами должны находиться под строгим наблюдением полиции, а не руководить крестьян^а и объяснять им лежащие на них обязанности.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 63, л. 1. Отпуск

Опубл.: «Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева», т. 1, Вильно, 1906, стр. 201—202.

1861 г. ноября 14.—Предписание А. М. Гильдебранта виленскому губернскому жандармскому штаб-офицеру А. М. Лосеву об усилении наблюдения в связи с полученными сведениями о готовящейся революционными эмигрантами доставке оружия в Россию

Весьма секретно

До сведения правительства дошло, что парижское общество польских революционеров, желая снабдить Царство Польское и западные губернии империи оружием, предполагает доставить оное в наши балтийские порты на купеческих судах, прикрывая оружие сверху каменным углем, и что на английских и шведских судах таким же образом ввозят военную контрабанду в Ригу, Ревель и Данциг, чему способствуют евреи.

^а Так в тексте.

О вышеизложенном уведомляю в. вб. в дополнение сообщения моего от 25 сентября за № 358¹ для надлежащего с вашей стороны наблюдения.

Ген.-майор фон Гильдебрант

ЦГИА Лит. ССР. ф. 419, оп. 2, д. 139, л. 2. Подлинник

¹ Документ не обнаружен

35

1861 г. ноября 14.—Записка, составленная в III отделении на основании доносов и устных сообщений Ю. Бернацкого о революционной деятельности студента Петербургского университета Эвстахия Чарновского¹

В четверг на прошлой неделе уехал отсюда² в Москву известный в студенческом мире пропагандист Евстафий Чарновский, уроженец Виленской губ., получивший по болезни увольнительное свидетельство из здешнего университета, в который он не показывался с марта месяца с. г. Перед отъездом своим, в то время, в Виленскую губ. он председательствовал на совещании, бывшем в С.-Петербурге по поводу слития общества русских и польских студентов^{*3}, и говорил на оном весьма сильные речи в революционном духе. Равным образом в марте же месяце он играл первенствующую роль в собраниях студентов, уроженцев губерний: Виленской, Гродненской и Ковенской⁴, где читал речи о возможности восстания в Польше, дав всем наставления, как в этом случае действовать.

По наущению Чарновского, в течение нынешнего года составилось будто бы в Вильне общество^а под названием «Пионтковичов»⁵, цель которого состоит в собирании пожертвований в пользу пострадавших за революционные выходки, как то: пение патриотических гимнов, ношение революционных знаков и т. п. Общество это названо «Пионтковичами» потому, что члены оногo собираются по сие время по пятницам, от слова Piątek^б.

Главная цель приезда в С.-Петербург и Москву Чарновского заключается в том, чтобы собрать сведения о том, что предполагают делать ныне студенты польского происхождения, и чтобы условиться с ними насчет учреждения и облегчения сообщений между ними на родине, куда, кроме удаленных уже отсюда и из Москвы студентов и отправившихся туда добровольно, имеют прибыть к празднику рождества и остальные товарищи^в. Предположения Чарновского по этому предмету следующие: в каждом уезде западных губерний студенты,

* В этом совещании, между прочим, принимали участие студенты Хорошевский, Штендлер, Яновицкий, Станевич и русские: Утин, Неклюдов, Михаэлис, Чубинский, Первов.

^а Помета В. А. Долгорукова Спросить об этом ген. Гильдебранта.

^б Пятница (польск.).

^в Помета В. А. Долгорукова Сообщить об этом ген. Гильдебранту и ген.-ад[ъютанту] Назимову.

там живущие, должны стараться составить общество для распространения возмущения и разглашения вредных для правительства слухов; чтобы иметь постоянно самые свежие новости, могущие подвинуть дело вперед, студенты должны в известное время съезжаться в губернские или уездные города для передачи друг другу этих сведений и для необходимых переговоров, а к 6 января все должны прибыть в Вильно на общий съезд, где будет решено, кому из бывших студентов отправиться на имеющие быть дворянские выборы и представить дворянству нынешнее положение студентов польского происхождения и молодежи вообще, т. е. объяснив, что полякам невозможно продолжать посещать русские университеты, предложить дворянам, чтобы они или вошли с просьбой об открытии университета в Вильне или Варшаве, или же составили комитет для отправления на счет дворянства неимущих молодых людей в заграничные университеты, преимущественно в Дрезден.

Чарновский должен на сих днях из Москвы вернуться в С.-Петербург, а отсюда отправиться обратно в Виленскую губ. Он, говорят, имеет большое влияние на крестьян, которые его любят, потому что он, одеваясь в серый армяк, называет их братьями. Вообще, как уверяют, крестьяне западных губерний охотнее слушаются студентов, чем своих помещиков или тамошних обывателей, говоря, что студенты и умнее их, последних, и лучше знают о предположениях и мероприятиях правительства, живя большей частью в столицах и больших городах.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 439, лл. 1—2. Подлинник

¹ См. о нем док. 109—112.

² Т. е. из Петербурга.

³ О собрании делегатов от русских и польских студентов в марте 1861 г. см.: Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, стр. 179—180.

⁴ Речь идет о собраниях «огула» — организации польских студентов Петербургского университета.

⁵ См. док. 109—113.

36

1861 г. ноября 25.— Отношение П. А. Валуева В. И. Назимову о необходимости ускорить составление уставных грамот в Виленской, Ковенской и Гродненской губ.

На основании ст. 21 Прав[ил] о порядке привед[ения] Полож[ений] в действ[ие], уставная грамота по каждому имению должна быть представлена помещиком в течение одного года со дня получения Положений о крестьянах в губернском городе той губернии, где имение находится.

После обнародования Положений до настоящего времени истекло уже почти $\frac{3}{4}$ срока, назначенного для составления уставных грамот. В большей части губерний составление грамот идет более или менее успешно. Между тем в губ. Виленской составлено только 5 уставных грамот, в губерниях же Гродненской и Ковенской, судя по полученным сведениям, до сего времени не представлено еще ни одной грамоты.

Из имеющихся в Министерстве внутренних дел извлечений из постановлений Виленского, Гродненского и Ковенского губернских по крестьянским делам присутствий видно, что по распоряжению сих присутствий отпечатаны бланки для уставных грамот и, кроме того, разосланы по имениям образцы и инструкции для их составления. Засим, казалось бы, не может встретиться особых затруднений к точному исполнению помещиками означенной выше ст. 21 Прав[ил] о порядк[е] прив[едения] Полож[ений] в действ[ие].

При составлении уставных грамот необходимо главнейше обращать внимание, во-первых, на количество десятин земли, состоящей в пользовании крестьян и, во-вторых, на определение повинностей, следующих с крестьян в пользу помещиков.

1. Относительно определения поземельного надела.

Определение надела при составлении уставных грамот едва ли может представлять какие-либо затруднения. В тех имениях, где существуют подробные межевые планы, без сомнения, не встретится никаких препятствий к точному определению количества земли в уставных грамотах, в остальных же имениях, на основании п. 4 ст. 33 Прав[ил] о порядк[е] прив[едения] Полож[ений] в действ[ие], количество земли, состоящее ныне в пользовании крестьян, может быть показано помещиком приблизительно, по предварительному, хотя примерному, домашнему измерению. Затем, если владелец затруднится показать в грамоте количество земли, предоставляемое крестьянам в пользование, то определение сего может быть сделано мировым посредником на основаниях, указанных в ст. 61 Прав[ил] о прив[едении] Полож[ений] в действ[ие], и владелец может в течение 6 лет требовать точного измерения крестьянского надела.

2. Относительно определения повинностей.

В губ. Виленской, Гродненской и Ковенской основанием для определения денежного оброка или числа рабочих дней, причитающихся с каждого крестьянского участка, принимаются в первом случае — инвентарная денежная оценка повинностей с участка, а во втором — издельная повинность, установленная инвентарем имения. Но при этом инвентарные повинности облегчаются и соразмеряются с количеством десятин надела, по правилам, изложенным в ст. ст. 128 и 150 того же Полож[ения] и в высочайшем повелении 26 минувшего сентября об определении размера сгонных дней с двора и об отмене добавочных повинностей¹ (отношение мое к в. вп. от 10 октября с. г. за № 337)².

На основании всех этих правил, согласно ст. 150, означенные в инвентаре пригонные и сгонные рабочие дни, причитающиеся с каждого крестьянского участка, складываются вместе в один общий итог, причем по всем крестьянским участкам, с которых доньше отбывалось более 8 сгонных дней с рабочей души (по инвентарю), число сих дней уменьшается до 8. Затем из полученного числа всех рабочих дней скидывается 10%, и если, за всем тем, на который-либо участок причтётся всех рабочих дней свыше 23 с десятины удобной земли, то повинность уменьшается до сего размера. Если же повинность в имении отбывалась крестьянами менее причитающейся по означенному выше расчету, то она утверждается и на будущее время в прежнем размере (ст. ст. 137 и 151 Мест[ного] полож[ения]).

Что же касается до подводной повинности, отбываемой крестьянами за пределы^а имения, то повинность эта, как отмененная вовсе с 15 марта 1862 г. (п. 9 ст. 11 Прав[ил] о пор[ядке] прив[едения] Пол[ожений] в действ[ие] и ст. 193 Мест[ного] пол[ожения]), не должна быть означена в уставных грамотах. О зачете в число рабочих дней той повинности, которая внесена в инвентари в счет главных поземельных повинностей, я уже сообщил мое мнение в отзыве от 23 сентября 1861 г. за № 4020.

Из всего вышеизложенного нельзя не усмотреть, что к составлению уставных грамот в помещичьих имениях губ. Виленской, Гродненской и Ковенской каких-либо местных препятствий и особых затруднений встретиться не может.

Вследствие сего казалось бы необходимым обратить внимание Виленского, Гродненского и Ковенского губернских по крестьянским делам присутствий на крайнюю настоятельность представления уставных грамот в установленный помянутою 21 ст. годовой срок. Срок этот приходит к концу, и весьма легко может случиться, что от большинства владельцев имений уставных грамот в назначенный годовой срок не поступит. В таком случае составлением грамот, согласно ст. 29 Прав[ил] о порядке прив[едения] Пол[ожений] в действ[ие], должны будут заняться сами мировые посредники. По важности настоящего дела необходимо, чтобы местные губернские присутствия с приближением упомянутого срока обсудили, какие по местным обстоятельствам следует принять меры к облегчению мировых посредников в составлении ими уставных грамот по тем имениям, в которых они не будут своевременно представлены.

Имею честь сообщить о сем в. вп. для зависящих с вашей, м. г., стороны распоряжений по настоящему предмету.

Министр внутренних дел статс-секретарь Валуев

Помета В. И. Назимова 2 декабря. Сообщить г. г. нач[альникам] губ[ерний] и в заключениях бумаг требовать настойчивых распоряжений к составлению уставных грамот, о чем Министерство уведомить. Весьма нужное.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 950, лл. 33—36. Подлинник.

¹ См. «Полное собрание законов», собр. 2, т. XXXVI, № 37437.

² См. док. 29.

37

1861 г. декабря 1.—Донесение А. М. Гильдебранта В. А. Долгорукову о мерах, принятых В. И. Назимовым по отношению к участникам манифестаций, и о продолжающихся выступлениях гимназистов

В последнее время распоряжения ген.-губернатора Назимова по политическим делам приняли другой характер. Он стал действовать решительно, строго и скоро. Упоминаемые в донесениях моих в. с., вызванные, наконец, в политическую комиссию в Вильну зачинщики.

^а Так в тексте.

дерзкой демонстрации 31 июля в Ковне¹ арестованы впредь до окончательного рассмотрения их дела, а именно: тамошний уездный предводитель дворянства отставной подполковник Жилинский отрешен от должности и посажен на гауптвахту, и хотя на сих днях губернский и уездные предводители Виленской губ. ходатайствовали об освобождении его на их поручительство, но ген.-губернатор в том отказал. Корпуса инженеров путей сообщения капитан Кулаковский и трое ксендзов содержатся: первый на гауптвахте, а последние в крепости. Ковенский губернский предводитель дворянства Довгирд, участвовавший также в сказанной демонстрации, отрешен от должности. Ксендзы, возмущавшие проповедями народ в Поневеже, сидят в крепости, и ген. Назимов обратился к министру внутренних дел о разрешении сослать их в Архангельск*. Трое любимых в Вильне ксендзов — Гундиус, Шульц и Бышевский, виновные в таких же действиях, внезапно арестованы ночью и отправлены в Динабургскую кр., впредь до окончательного решения дела, по рассмотрении найденных у них бумаг², а преподаватель закона божия в Ковенской гимназии кс. Габшевич³ за внушения вредных идей ученикам будет отправлен на сих днях в Архангельск или Петрозаводск.

Такой ряд крутых административных мер, в виду объявленного положения и учрежденных временных полицейских судов, может показаться самоуправлением даже и высшему правительству, не говоря уже о поляках, которые кричат на деспотизм, на самовластие турецкого паши и пр. Я не принадлежу [ни] к порицателям, ни к безусловным защитникам всех действий ген.-губернатора и потому позволю себе высказать беспристрастно и по искреннему убеждению мнение мое об этом предмете.

Временные полицейские суды учреждены, между прочим, с целью заменить произвольные административные меры наказания за политические проступки законностью и гласностью при скором ходе процесса. Кто в наше время не сознает этих прекрасных начал, служащих основанием судопроизводства благоустроенных и просвещеннейших стран Европы? Но самые лучшие правила могут подлежать исключениям, вызываемым силой обстоятельств.

Злейшие враги правительства, крамольные ксендзы, придерживаясь иезуитскому правилу, внушают полякам, что всякое средство дозволено, которое ведет к цели, т. е. к распространению революционных идей в уме народа. При таком коварстве нет никакой возможности преследовать политические проступки и преступления путями, установленными законом: если полицейский чиновник укажет, например, лицо, участвовавшее в пении возмутительного гимна в костеле, и представит двух в том свидетелей, то обвиняемый укажет 10 или более других, которые смело присягают (имея на то разрешение ксендзов), что обвиняемое лицо в костеле не было, а находилось во время пения гимна в таком-то доме. Что же остается делать судье? Он должен по закону освободить обвиняемого, и вся тревога оканчивается насмешками над бессильной властью правительства и оскорблениями доноси-

* Ген.-губернатору предоставлены два места для высылки виновных: Петрозаводск и Ярослав[ль]. Оба города не довольно отдалены и не устрашают поляков, в особенности Ярослав[ль], который считается даже приятным местопребыванием.

телей⁴. Таких и других примеров в этом роде весьма много, и, следовательно, не только полицейские суды не достигают предположенной цели, но даже и строгие военные судилища*. Остается одно только возможное средство к наказанию возмутителей и к удержанию порядка: это высшая административная власть, действующая не по мертвой букве закона, но по собранным доказательствам, устанавливающим полное моральное убеждение.

По поводу этих суждений осмеливаюсь обратить внимание в. с. на записку мою г. начальнику штаба от 12 прошлого июля за № 509⁵, т. е. за полтора месяца до объявления в здешнем крае временных полицейских судов. Корпуса жандармов капитан Крайский понес в Ковне тяжелое оскорбление от гимназистов⁶, и, невзирая на очевидную виновность указанных им лиц, педагогический совет освободил их за недостатком юридических доказательств. Рассмотрев по приказанию в. с. это дело, я выразил мнение, что при анархическом направлении умов, когда каждый поляк готов подтвердить ложное свое показание присягой, дабы выручить виновного, нет возможности действовать, не отступая от буквального смысла закона, и только строгие и скорые административные меры могут поддержать порядок и спокойствие в крае. Последствия совершенно подтверждают мнение это.

Нужно еще присовокупить, что между поляками есть люди, и таких людей даже не мало, которые тяготятся беспокойным положением края и тихомолком одобряют строгие меры правительства.

Они патриоты не менее других, но рассудительные, и понимают весь вред, происходящий от бесполезных и, во всяком случае, преждевременных затей соотчичей своих.

Помещики сильно ропщут на отсрочку в Литве дворянских выборов. Сколько мне известно, то поводом к этой мере было полученное ген.-губернатором сведение, что ковенское дворянство на предназначенных выборах в декабре месяца намеревается представить адрес о соединении Литвы с Польшей, о восстановлении Литовского статута и польского языка⁷. Если, с одной стороны, представляется желательным устранение гласного заявления целым сословием домогательств, противных намерениям правительства, то с другой стороны, всякое распоряжение, которое носит малейший признак опасения или нерешительности, будет непременно истолковано поляками как робость и даже как трусость со стороны правительства, что крайне вредит общему делу и поддерживает их политическую экзальтацию; лучше было бы допустить съезд дворян в Ковне и объявить предводителем чрез губернатора, что если сказанный адрес о присоединении к Польше и пр. состоится, то подписавшие оный будут приглашены переселиться в Царство Польское с предоставлением известного срока для продажи имений, так как правительство не может признать дворянам права изъявлять желания от имени целого народонаселения в губернии, которого они составляют самую незначительную частицу, которое вовсе не разделяет их стремлений и к подаче за себя голоса их не уполномочило. За сим объявлением можно смело ручаться, что адреса составлено

* В Виленскую военно-судную комиссию передаются из политической комиссии только те лица, коих виновность установлена неопровержимыми фактами. До сего времени осуждены военным судом к ссылке: гродненский кс. Маевский и дворянин Кржижевич, первый в Тобольск, а второй в Архангельск. Оба отправлены туда на сих днях.

бы не было, и дворяне не могли бы жаловаться на нарушение дарованных им прав, что и послужило бы, сверх того, хорошим уроком для других губерний. Вообще весьма полезно вразумлять здешних дворян, что они не представители края или народа, который отдален от них языком и происхождением и, кроме веры, ничего общего с ними и их стремлениями не имеет. С моей стороны я не упускаю при каждом случае повторять полякам истины эти.

Я объяснял мои мысли ген. Назимову, который отвечал, что уже ходатайствовал о дозволении высылать недовольных нашим правительством лиц в Царство Польское, но не получил на то разрешения.

По разным сведениям, готовились как здесь, в Вильне, так и в других городах, громадные демонстрации на 17 ноября (день варшавского бунта)⁸. Говорили, что все виленское католическое население соберется к ген.-губернатору и потребует от него конституции, присоединения к Польше и пр., носились даже слухи, что ночью с 17 на 18 намереваются перерезать начальствующих лиц, кого только успеют, дабы этими кровавыми жертвами подтвердить пред целым светом непоколебимую ненависть к русскому правительству и твердую волю избавиться от тягостного ига. Замечательно притом, что в Вильне в предшествовавшие 17 ноября дни все католики обоего пола исповедовались и причащались, что, как известно, всегда исполнялось пред замышляемой катастрофой. Со всем тем роковое число прошло без всякого нарушения порядка, притом, однако, были приняты и все меры предосторожности со стороны ген.-губернатора.

Кроме пения у Острой Браны в установленные дни торжественного богослужения, 5 и 12 ноября, возмутительного гимна при огромном собрании народа, ничего замечательного как в самой Вильне, так и в губернии, в последнее время не случилось, разве только выставка ночью 17 ноября на площади в Свенцянах, неизвестно кем, белого польского орла⁹.

Из донесений жандармских штаб-офицеров в. с. известно о своелюбии, непокорности и неблагонамеренных выходках гимназистов в районе Виленского учебного округа¹⁰. В Белостоке они дерзко издевались над русским гербом и даже над царским именем и прибили вступившихся за то православных учеников. В Пинске и Слуцке (Минской губ.), кроме участия в пении возмутительного гимна и оскорблений полицейских чиновников, они выбили окна у директоров гимназий и некоторых учителей, а в Минске после торжественного пения в костеле 17 ноября революционного гимна присоединились, вооруженные палками, к буйной толпе, собравшейся пред домом губернатора для какой-то демонстрации, оскорбили учителей, нанесли побой полицейским чиновникам, и только усиленные патрули прекратили бесчинства эти¹¹. В Ковне, наконец, они возмутились против инспектора классов и не хотят признавать власти его, в Поневеже были также беспорядки¹².

Такой ряд возмутительных сцен приводит в отчаяние энергического и благомыслящего попечителя Виленского округа кн. Ширинского-Шихматова. Он не в силах удерживать мерами предоставленной ему власти буйствующих учеников в порядке и просил разрешения ввести в первые шесть классов гимназии наказание розгами, так как закрытие некоторых классов или исключение бунтующих во множестве уче-

ников существенной пользы не приносит. Со всем тем он должен был употребить меры эти в Ковенской и Минской гимназиях, а в Белосток послал инспектора здешней гимназии для восстановления порядка и наказания виновных. Кн. Шихматов считает необходимым заменить учителей польского происхождения русскими, потому что директоры гимназий не находят никакой поддержки в поляках, которые, напротив, обнаруживают сочувствие к мятежной молодежи.

В Киеве студенты и гимназисты продолжают петь запрещенные гимны, а ученики 2 гимназии возмутились против своего директора, выгоняли его вон из квартиры и выбили стекла.

В м. Немирове Подольской губ. гимназисты с палками в руках принудили ксендза совершить траурное богослужение по варшавском архиепископе Фиалковском, причем был пропет и возмутительный гимн.

Эти буйства и бесчинства гимназистов распространяются более и более в последнее время.

Заккрытие гимназий их не устрашает; напротив, в Слуцке они сознались, что выбили окна в квартире директора и учителя в надежде, что гимназия будет закрыта.

Вообще пение революционных гимнов продолжается даже с участием иногда дворянских предводителей и мировых посредников, в особенности же в Минской, Волынской и отчасти в Подольской и Могилевской губ. В Житомире, невзирая на военное положение и строгую речь, сказанную 6 ноября губернатором собранным служащим лицам, траур и другие политические выходки не прекращаются. Мировые посредники действуют в некоторых местах предательски, стараясь отклонить крестьян от послушания правительству¹³; на земскую полицию положиться нельзя: она состоит большей частью из поляков и, сверх того, связана с помещиками материальными интересами. В Житомире на съезде дворян в последних числах октября вновь поднят был вопрос о наделении безвозмездно крестьян усадьбами с целью привлечь их на сторону революционных идей; и хотя такие намерения, если бы они и были приведены в исполнение, не угрожают спокойствию на Волыни, в Киевской и Подольской губ., населенных по преимуществу коренными православными крестьянами*, не питающими никакого сочувствия к дворянскому сословию, то нельзя сказать того же о Литве, в которой католический элемент преобладает, а также о Минской губ., где большая часть населения состоит из обращенных в православие униатов, питающих живое сочувствие к католическим принципам и готовых отпасть при удобном случае. Дворяне этой губернии принадлежат к числу задорных и неблагонамеренных. К сожалению, православное духовенство, заменившее униатских ксендзов, не соответствует своему назначению, в особенности неблагонадежны священники из б. униатского духовенства. Таковы, по крайней мере, сведения, полученные мной в последнее время из Минской губ.

В Белостокском у. злоумышленники внушают казенным крестьянам, чтобы они не выкупали своих усадеб, потому что при скором восстановлении польского королевства король отымет у них купленные от

* В ген.-губернаторстве кн. Васильчикова 5 250 000 душ, в том числе всего 185 тысяч католиков.

русского правительства земли и даже накажет их за то. В этом смысле появились в Белостоке печатные на польском языке объявления¹⁴.

В числе отдельных происшествий стоит упомянуть о найденных во множестве у некоторых служащих чиновников в Ковне экземплярах печатного революционного гимна на литовском языке, при других предосудительных бумагах; виновные арестованы и подвергнуты следствию¹⁵. Предводитель дворянства Рогачевского у. (Могилевской губ.) подполковник Богуш арестован и отправлен в III отделение за составление адреса, противного видам правительства¹⁶. Проживающая Подольской губ. в м. Немирове, виновная в неблагонамеренной манифестации помещица Урбанская, о которой, как я упоминал в донесении от 23 октября за № 293, начатое следствие прекращено было по распоряжению ген.-губернатора кн. Васильчикова, ныне вновь подвергнута оному. По дошедшим до меня частным сведениям, произошли в недавнем времени беспорядки в динабургской гимназии; официального донесения об этом я еще не получил.

На днях посетил меня возвратившийся недавно из Петербурга виленский епископ Красинский, человек умный и тонкий, пользующийся здесь большим влиянием. Из продолжительного и, как мне показалось, откровенного разговора я извлек следующий смысл: «Правительство взамен отнятых у католического духовенства богатых имений наделило его скудным, едва достаточным для насущного пропитания куском хлеба и после такого самоуправного и несправедливого поступка требует от этого духовенства преданности? Да тут нет здравого смысла! Достаточное обеспечение в материальных потребностях духовенства, и в особенности высших лиц, а также восстановление в крайпольского языка принесло бы несомненную пользу делу правительства».

В этом роде слышал я суждения и от других, неэкзальтированных, пользующихся уважением поляков, с присовокуплением, что возвращение Литовского статута (с исключением из него законов, не соответствующих нынешнему времени) и отмена стеснительных постановлений о смешанных браках¹⁷ успокоили бы умы в крае, и благоразумные люди перешли бы на сторону правительства, так как присоединение Литвы к Польше — не что иное, как химера, появившаяся в головах беспокойного и бездомного меньшинства, к которому пристала из безрассудная молодежь, не обуздываемая соотчичами, имеющими неоспоримый авторитет в крае.

О чем в. с. почтительнейше донести честь имею.

Ген.-майор фон Гильдебрант

Пометы В. А. Долгорукова Сообщить, не нужно ли по содержанию этой записки какого-либо с нашей стороны распоряжения? 8 декабря.

Доложено е. в. 8 декабря.

ЦГАОР СССР, 109-ц, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 364—381. Подлинник

¹ См. док. 158, 159, 161.

² Виленский декан и вице-настоятель приходского костела св. Яна Вацлав Гундиус и его помощник Антоний Бышевский, а также кс. Америкосий Шульц активно участвовали в манифестациях, сборе пожертвований и т. п., и поэтому пользовались особой популярностью у жителей Вильно. В ноябре 1861 г. при обыске у них обнаружены запрещенные книги, сочинения А. Мицкевича и Ю. Словацкого, шифр для тайной переписки, проповеди, письма, выписки из книг и периодических изданий патриоти-

ческого содержания, запрещенный гимн на литовском яз., проект адреса дворян Виленской губ. Александру II о присоединении к Царству Польскому (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 443, лл. 25—42). Среди обнаруженных при обыске документов обращает на себя внимание переделка известного гимна «*Boże coś Polskę*» применительно к России: «*Боже, который Россию...*». В гимне содержится призыв, чтобы в России было больше Пестелей, Герценов. (См. «Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг.», Киев, 1963, стр. 134—138).

Гундиус, Бышевский и Шульц были заключены в Динабургскую кр., а в феврале 1862 г. Гундиус и Бышевский были сосланы в Вятскую губ. (там же, лл. 21—24; ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 60, лл. 32, 60, 73).

³ См. док. 174, а также ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 514.

⁴ См. док. 171.

⁵ В июле 1861 г. А. М. Гильдебрант был вызван в Петербург, где обсуждались меры по усмирению «беспорядков» в западных губерниях России. Записка от 12 июля была им написана там же и подана П. А. Шувалову. А. М. Гильдебрант предлагал выселить наиболее беспокойных поляков в Царство Польское и этим прекратить волнения. В делах III отделения записка не сохранилась.

⁶ См. док. 148.

⁷ О дворянских выборах см. J. Gieysztor. *Pamiętniki z lat 1857—1865*, t. I, Wilno, 1913.

⁸ Речь идет о праздновании годовщины восстания 1830 г. См. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 453.

⁹ Там же, д. 485.

¹⁰ См. док. 85, 104, 114, а также ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 353, 364, 481.

¹¹ См. док. 282, 283, а также ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 448.

¹² См. док. 166, 167, 174.

¹³ См. док. 162.

¹⁴ См. док. 226. Воззвание, предостерегающее крестьян от покупки у правительства земли, см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 2.

¹⁵ См. док. 172.

¹⁶ См. док. 325.

¹⁷ Имеются в виду ограничение прав католической церкви в вопросах, касающихся оформления браков между лицами различных вероисповеданий, отразившееся в законах от 30 сентября 1830 г., 24 февраля 1832 г., 23 ноября 1832 г., 27 марта 1841 г., 17 апреля 1841 г. и 18 декабря 1842 г. (см. «Полное собрание законов», собр. 2, № 3969, 5182, 5767, 14409, 14467, 16347), и обязательная принадлежность детей от смешанных браков к православной церкви.

38

1862 г. начало года¹.—Из отчета III отделения за 1861 г.
Александру II

О возмутительных воззваниях

[...] В западных губерниях возмутительные воззвания появлялись еще в большем числе. Одни из них получались из-за границы и из Царства Польского, а другие были сочинены и распространяемы, как должно полагать, местными жителями.

В январе 1861 г. получено было сведение, что образовавшийся в Шеффилде (в Англии) комитет польских выходцев составил воззвание к полякам, в котором выражена та мысль, что соединенное внутреннее стремление всех областей б. Польши к восстановлению их независимости есть единственное средство успеха в этом деле, и все патриоты приглашались доставлять комитету свои мнения по этому

предмету². По сообщении об этом ген.-адъютантам кн. Васильчикову и Назимову, последний уведомил, что во вверенном ему крае означенное воззвание, сколько известно, получено было двумя помещиками Гродненской губ., — Глазером и Терпиловским.

В исходе февраля в Волынской губ. появились воззвания Чарторыского и Мерославского с призывом жертвовать известную часть доходов с имений для дела освобождения Польши и собираемые деньги посредством отъезжающих лиц и другими путями отправлять к заграничным выходцам³.

В западных губерниях в апреле месяце распространилось разосланное из Варшавы подложно составленное воззвание от имени варшавского архиепископа Фиалковского о ношении поляками траура⁴.

Виленский губернский предводитель дворянства Домейко получил в апреле месяце из Бобруйска и тотчас представил местному ген.-губернатору воззвание на литовском яз. от литовца к литовцам⁵. Сочинитель этого воззвания, ссылаясь на варшавские происшествия, убеждает всех губернских и уездных предводителей призывать соотечественников к представлению, подобно жителям Царства Польского, адреса вашему величеству и императору Наполеону III, а потом бороться с врагами, без оружия, без войск, одним только единодушным стремлением к возрождению Польши. В октябре месяце получено III отделением сведение⁶, что упомянутое воззвание составлено помещиком Минской губ. Марцинкевичем, который вообще отличается польским патриотизмом, возбуждает крестьян против правительства, распространял между ними стихотворение свое «Гуторка старого деда», где рассказывается в самом невыгодном для России свете история Литвы от присоединения ее к нашей империи, и перевел на народный язык польский патриотический гимн⁷. Об этом сообщено виленскому военному, ковенскому и гродненскому ген.-губернатору. Ныне потребовано от него сведение о том, что раскрыто по означенному предмету и чем дело окончено*.

В июле месяце в Минске появилась литографированная прокламация Мерославского. Этот выходец советует привлечь на свою сторону крестьян, приучаться к воинскому делу, потом присоединиться к легионам, которые он приведет с собой, и требует, чтобы собирали как можно более денег. К этой прокламации приложен список с письма Гарибальди, обещающего тоже свое содействие польскому делу⁸.

В июле месяце в Минске ходило по рукам литографированное воззвание польской молодежи, которое имело целью возбудить сочувствие литовцев к Польше и враждебные действия против ее врагов, убеждало присоединиться к делу ее освобождения и быть готовыми к восстанию, когда прозвучит труба Мерославского⁹.

В Ковно в августе месяце у варшавского уроженца Бриля найдены: воззвание Мерославского и Высоцкого, и «Послание варшавских жителей ко всем соотечественникам земли Польской»¹⁰. В первом — Мерославский и Высоцкий, говоря о наступающем итальянском движении, убеждают всех поляков восстать против австрийского, прусского и русского правительств, а до того времени, когда это возможно

* Помета Александра II Впоследствии донести.

будет сделать, собирать деньги на помощь легиону, составленному Мелославским, и на вооружение страны; в заведенную в Париже школу юнкеров присылать молодых богатых людей для научения военному искусству и, сколько можно, теснее сближаться с крестьянами. Во втором варшавские жители также убеждают всех поляков к вооруженному восстанию против Австрии, Пруссии и России и советуют сближаться не только с крестьянами, но и с евреями; удаляться от русских и уклоняться от всех родов русской службы, оставить роскошь и жертвовать всем на общее дело.

В сентябре месяце в Ковенской губ. распространилось перешедшее из Царства Польского воззвание под заглавием «Голос польского народа к духовенству»¹¹. В этом воззвании католическое духовенство убеждается заводить сельские школы и всеми другими средствами обучать детей, заботясь не столько о научном просвещении, сколько о внушении народу патриотических мыслей, и стараясь сближать простой народ с высшими сословиями.

В сентябре месяце в Вильне появилось литографированное воззвание на польском языке, в котором советуется полякам сохранить до некоторых пор спокойствие, но в то же время единодушно трудиться над средоточением средств для дела освобождения; наделять крестьян угодьями, чтобы утвердить взаимные их отношения с помещиками; сближать евреев с остальным населением; распространять между крестьянами предания и идеи польские, возбуждать в них любовь к польской истории и народным памятникам; разливать просвещение, готовить молодое поколение к предстоящей борьбе и, вообще, не тратя сил на бесполезные манифестации, приближаться к цели усердно, и, когда пробьет заветный час, в то время явно и торжественно будут призваны поляки к борьбе¹².

Мысль вышеобъясненного воззвания выражена была и Адамом Чарторыским незадолго до его смерти в речи, которую он произнес 3 мая в собрании историко-литературного общества в Париже¹³. В этой речи он советовал полякам избегать всякого восстания, всякой мелкой борьбы, могущих повлечь за собой окончательную гибель, но спокойно ожидать стечения тех счастливых обстоятельств, которые придут на помощь страждущему народу.

В сентябре месяце в Киевской почтовой конторе поданы были неизвестным лицом два пакета на имена помещиков Пинковского в Подольскую губ. и Оскерки в Могилевскую губ. В этих пакетах вложено было воззвание «К братьям полякам, русинам и литовцам»¹⁴. Этим воззванием предлагалось полякам, русинам, литовцам и всем племенам б. королевства Польского прислать депутатов в м. Городло Люблинской губ. к 10 октября, так как в этот день предполагалось там праздновать б. соединение Литвы с Польшей. К этому торжеству, кроме представителей от католиков всех сословий, не исключая крестьян, приглашался депутат и от евреев, чтобы тем утвердилось новое соединение их и в знак возрождения прежней Польши.

К уездным предводителям дворянства и исправникам Подольской губ. прислано было из С.-Петербурга, вместе с листками «Великоруса»¹⁵, воззвание на польском языке под заглавием «Вгасіа»¹⁶. В этом воззвании после описания того, как итальянцы отстаивали свою свободу и как начинают отстаивать ее венгерцы, советуется полякам, при

нынешнем будто бы общем неудовольствии помещиков и их б. крестьян, отыскивать свою самостоятельность.

В октябре месяце в Белостоке унтер-офицер гарнизонного батальона Бурбонов, находясь в карауле при тюремном замке, поднял брошенное кем-то у ворот этого замка и тотчас представил начальству литографированное воззвание на русском языке «К российским войнам»¹⁷. В этом воззвании осуждаются нынешние меры нашего правительства в отношении к Западному краю и говорится, что от свободы Польши зависит и свобода России. В то же время и. д. наместника Царства Польского уведомил, что и там подобные воззвания подбрасываются и присылаются по почте к лицам военного ведомства. Об этом для принятия мер предосторожности сообщено было военному министру и военным ген.-губернаторам обеих столиц.

К одному помещику Киевской губ. в октябре месяце прислано было из Парижа и тотчас представлено им местному начальству литографированное воззвание на польском, итальянском и французском языках. Из этого воззвания видно, что оно рассылается польским комитетом в Генуе, состоящим под председательством Гарибальди, и имеет целью склонять поляков к пожертвованию в пользу польских выходцев¹⁸.

В Луцком у. отставной солдат Кравчук нашел на дороге возмутительное воззвание на малороссийском языке под заглавием «Порада старого дида к волынским русинам»¹⁹ с надписью на конверте: «По высочайшему повелению, местному сельскому старосте, для объявления всем крестьянам, под строгой ответственностью за неисполнение сего». В этом воззвании описываются мнимые преимущества крестьян во время польского владычества, угнетения будто бы их нашим правительством, и потому крестьяне убеждаются дать единодушное согласие на восстановление Польши. Киевским военным, подольским и волинским ген.-губернатором тогда же предписано по вверенным ему губерниям усилить наблюдение, дабы воззвание это не распространялось, особенно между крестьянами, а Кравчуку, с высочайшего разрешения, выдано в награду 50 руб.

В Минской губ. в октябре месяце появилось воззвание варшавского раввина (Хасидрим)²⁰, который убеждает все еврейские общества в Польше и в Литве держать сторону поляков, угрожая им в противном случае проклятием.

В Белостоке распространены были в ноябре месяце печатные брошюры на польском языке под заглавием «Hutorka dwóch susiedou» («Разговор двух соседей») ²¹ и аллегорическое изображение соединения Литвы с Польшей. Означенные брошюры, имеющие целью волновать простой народ, не произвели на него никакого впечатления [...]²².

О крестьянских волнениях

[...] В западных губерниях волнения крестьян начали проявляться также вскоре после обнародования новых Положений, от недостаточного понимания их, превратного объяснения нанятыми чтецами или применения Местных положений великороссийских и малороссийских губерний. Крестьяне приносили жалобы на обременение их инвентарными повинностями, самочовно уменьшали или отказывались от барщины, равно от добавочных поголовных работ, называемых сгонами, и

не повиновались, а в некоторых случаях упорно сопротивлялись властям.

Наиболее замечательные случаи неповиновений в означенных губерниях были следующие.

Виленской губ. в Ошмянском у. крестьяне им. Ивьи графини Замойской, подстрекаемые двумя своими односельцами, отказались от барщины и, собираясь толпами, вовлекли в соучастие с ними до 10 тысяч крестьян соседних имений, а также смежного Новогрудского у. Минской губ. После безуспешных внушений местного предводителя дворянства, 1 апреля толпа из 2 тысяч человек была окружена введенными туда 3 ротами пехоты, и когда было приступлено к наказанию главных виновников беспорядка, то все крестьяне бросились на солдат и отняли арестованных. После того командированный ген.-губернатором поручик гр. Тышкевич с 15 конными людьми бросился в толпу и при содействии пехоты рассеял буйствовавших; при этом один старик задавлен и 10 человек сильно ушиблены, в том числе и главные зачинщики возмущения, которые впоследствии преданы суду; прочие же крестьяне изъявили совершенную покорность, и таким образом водворено спокойствие не только в упомянутом, но и в соседних имениях²³.

Подобные волнения происходили в разных имениях Виленского, Свенцянского и Дисненского у., но прекращены внушениями флигель-адъютанта гр. Олсуфьева, штаб-офицера корпуса жандармов и местных властей. При этом наиболее виновные подвергнуты исправительному наказанию, а обнаруженные в подстрекательстве крестьян лица, в числе которых обвинен в неправильном толковании Положений отставной артиллерии подполковник Антоновский, заключены под стражу и преданы суду²⁴.

Витебской губ. Люцинского у. помещик Соколовский в феврале месяце жаловался на неповиновение своих крестьян. Для умирения их были командированы исправники, местный и Режицкого у., с 20 нижними чинами инвалидной команды; внушения их не обратили крестьян к покорности, и потому в ночь на 4 марта они намеревались арестовать зачинщиков в их домах; но крестьяне между тем собрались в значительном числе вне селений, отказали в выдаче виновных и после сделанных в толпу холостых выстрелов бросились с кольями на солдат и смяли их; когда же исправники приказали стрелять в них боевыми патронами, то крестьяне отступили; при этом из числа их убиты 2 человека.

Поводом к неповиновению крестьян оказалось уклонение помещика от расчета с ними за излишние работы и произвольное распоряжение запасным хлебом; посему он был обязан претензии их удовлетворить, и тем спокойствие восстановлено; буйный же поступок крестьян передан на законное решение.

В имении помещика того же уезда Шадурского крестьяне, увлеченные неправильным объяснением Положения дворянином Врублевским и казенным крестьянином Ивановым, упорно отказывались от повинностей, и когда прибыл туда свиты в. и. в. ген.-майор Веймарн, то они, не слушая его внушений, кричали, что помещик нанял и передел его; Веймарн. По наказании одного из зачинщиков порядок между ними крестьянами восстановлен, а помянутые подстрекатели заключены под стражу для предания суду.

Подобное неповиновение оказано крестьянами Режицкого у. имения помещика Паулина. По распоряжению ген.-майора Веймарна, в это имение была введена воинская команда и более виновные 35 человек наказаны розгами. Этим и прочие обращены к покорности. После того, по подстрекательству пятисотского Юрова, означенные крестьяне жаловались земскому суду на наказание их. За это 50 человек были заключены в тюрьму, но вскоре освобождены, а Юров предан суду²⁵.

Динабургского у. в имении гр. Платера значительное число крестьян отказались работать и выбирать сельских старост; когда же по истребовании туда роты нижних чинов ген.-майор Веймарн велел наказать одного из зачинщиков, то все крестьяне, вооружась дубинами, кинулись на Веймарна и на солдат, но они были отброшены, и 12 человек из них ранено. По строгом наказании 20 главных виновников беспорядка спокойствие восстановлено²⁶.

В Гродненской губ. в половине марта возмутились одновременно более 20 имений разных владельцев Белостокского у. от превратных толков двух евреев и губернского секретаря Мойсевича. Увещения поспешившего на место флигель-адъютанта полковника Нарышкина были безуспешны. В имении д. с. с. Фрибеса были арестованы 23 зачинщика, но, когда Нарышкин потребовал их к себе для внушений, к нему явились не только прочие крестьяне этой вотчины, но также из других имений, с угрозой освободить арестованных и с упреками, что он, Нарышкин, равно как уездные власти, подкуплены помещиками и объявили им манифест подложный. Для усмирения их был потребован батальон войск. Между тем крестьяне, разослав нарочных по окрестным имениям, созвали тамошних жителей в соседнее с. Заблудово, куда был вытребован батальон. Собравшаяся там толпа была окружена, и после напрасного повторения полковником Нарышкиным внушений наиболее дерзкие наказаны розгами. Этим все неповиновавшиеся обращены к покорности и исполнению своих обязанностей. После того подобным же образом усмирены и остальные волновавшиеся крестьяне Белостокского у.; помянутые же подстрекатели преданы суду.

В то же время в Пружанском у. разнеслись слухи о новом высочайшем повелении, для узнания которого крестьяне стекались толпами в уездный город, где были вразумлены и успокоены. В Брестском же, Слонимском и Кобринском уездах в 38 имениях отказались от повинностей и послушания местным властям.

В эти уезды был командирован губернский штаб-офицер корпуса жандармов, который при содействии вытребованных туда воинских команд прекратил волнение наказанием наиболее упорных крестьян и арестованием открытых подстрекателей к беспорядку²⁷.

Впоследствии крестьяне разных имений отказывались от исполнения добавочных сгонных работ, а также при устройстве волостей сопротивлялись избранию сельских должностных лиц. Для содействия к водворению порядка были введены в эти имения военные команды, и в двух случаях крестьяне нападали на нижних чинов, покушаясь освободить арестованных зачинщиков. Но они были от того удержаны прикладами и частью подвергнуты полицейскому наказанию, а частью заключены под стражу и преданы суду.

В Ковенской губ. уклонение крестьян от господских работ началось во второй половине марта с имения помещицы Россиенского у. Кайсаровой и распространилось по всем пограничным поместьям этого и Ковенского уездов. Земская полиция не могла восстановить порядка, а потому были посланы туда воинские команды для размещения в виде усиленного поста в взволнованных селениях. После того флигель-адъютант Манзей вместе с штаб-офицером корпуса жандармов усмирили крестьян большей частью одними увещаниями без употребления строгих мер²⁸.

Такие же беспорядки возникли потом Новоалександровского у. в имениях помещика Мейштовта и 10 соседних с ними владельцев, а также в нескольких селениях Шавельского и Поневежского уездов. Спокойствие везде восстановлено внушением и наказанием зачинщиков. Обвиненные в неправильном толковании Положений и возмущении крестьян дворянин Михайловский и беглый солдат Ковенского гарнизонного батальона Войнишко взяты под стражу для поступления с ними по закону²⁹.

В июне месяце, при открытии волостей, неповиновение крестьян возобновилось в разных имениях тех же уездов. Не доверяя мировым посредникам, крестьяне не соглашались на избрание должностных лиц из опасения, дабы подписью приговоров о том не возвратиться во власть помещиков или быть вовлеченным во враждебные их действия против правительства³⁰. Это упорство крестьян сопровождалось в двух имениях Новоалександровского у. буйством: в одном они насильно освободили 4 арестованных становым приставом зачинщиков, а в другом ворвались в волостное правление и истребили в нем все книги и бумаги. Введение на постой воинских команд и наказание крестьян, наиболее виновных в ослушании и своеволии, было достаточно для обращения всех их к порядку.

Подольской губ. в Винницком у. в первых числах апреля крестьяне им. Кустовец помещика Гижицкого отказались от исполнения работ в прежнем размере и дали повод неповиновению в окрестных поместьях. Порядок был немедленно восстановлен. Вслед за тем подобные же ослушания возникли во многих имениях разных уездов, но были прекращены исправительными мерами, размещением в селениях воинских команд и арестованием лиц, превратно объяснивших крестьянам Положения, для предания их суду. Наиболее сопротивления оказали крестьяне Ямпольского у. сел. Тимоновки гр. Протасова-Бахметева, которые упорно не повиновались внушениям исправника, и когда он с содействием команды от Елецкого пехотного полка приступил к усмирению сих крестьян, то они бросились на нижних чинов и в схватке двух из них ранили камнями, а с одного сорвали медали. Толпа эта была рассеяна прикладами, и при этом два крестьянина ранены, и один из них вскоре умер.

Командированный в это имение штаб-офицер корпуса жандармов после продолжительных увещаний подвергнул наиболее дерзких 8 крестьян строгому наказанию и тем вынудил прочих покориться. Кроме наказанных, были преданы суду 8 зачинщиков беспорядка, и пятеро из них отправлены на 2 года в арестантские роты.

Помещики Виленской, Гродненской и Ковенской губ. весьма часто обращались с просьбами о вводе в их имения воинских команд для

водворения спокойствия, нарушавшегося по недоразумению крестьян, но как большей частью оказывалось, что неудовольствия крестьян на вотчинное управление не имели характера возмущения против владельцев и что последние, участвуя во враждебных правительству манифестациях, сами возбуждали сельское население к волнениям, то пред объявлением некоторых местностей этого края на военном положении командирование воинских частей по просьбам помещиков в их имения отменено³¹ [..].

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, оп. 85, 1861 г., д. 26, лл. 51 об.—57 об., 96 об.—103. Подлинник

¹ Датируется по содержанию.

² В январе 1861 г. в Гродненской губ. обнаружены два экз. воззвания от 2 января 1861 г. Комитета польских эмигрантов в Шеффилде, подписанные А. Кишижновским, Фигорским, В. Домневичем и В. Гладышем. Авторы призывали всех поляков, как в стране, так и в эмиграции, использовать благоприятную обстановку в Европе для своего освобождения, но только своими силами, не рассчитывая на легионы и иностранную помощь. Они призывали объединиться для освобождения, не споря о будущей форме правления Польши — монархии или республике. Комитет в Шеффилде примыкал к демократической партии польской эмиграции. Воззвание было ответом на первую волну манифестационного движения в польских землях в 1860 г. (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 21 и 185, ф. 109-и, СА, оп. 2, д. 161, лл. 6—8).

³ Не представляется возможным уточнить, о каких именно воззваниях Л. Мерославского и Чарторыского идет речь в данном случае, так как в 1860—1861 гг. распространялось много подобных воззваний (см. прим. 3 к док. 4). В отношении И. И. Васильчикова от марта 1861 г. в III отделение сообщались только сведения о их распространении, но сами воззвания обнаружены не были (см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 8).

⁴ «Okólnik o żądanie narodowe» от 3 марта 1861 г. — широко распространенное воззвание, которое приписывалось обычно архиепископу Фиалковскому (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 91 и л. 3).

⁵ См. док. 78. Воззвание было не на литовском, а на польском языке.

⁶ См. док. 23.

⁷ Стихотворное воззвание на белорусском яз. «Гуторка старого деда» обращено к крестьянам. Оно получило широкое распространение в 1861 и 1862 гг. в областях, населенных белорусами. Издателями «Гуторки» были Б. Шварце и Гриневский (см. док. 231). Сам Б. Шварце так определяет цель издания: «„Гуторка старого деда“ должна была убедить народ литовский, что только от Речи Посполитой польской получит он „землю и волю“» (см. «W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego», Lwów, 1903, str. 444, ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1862 г., д. 230, ч. 2 и ч. 143; ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 74, ч. 3, лл. 62—63, а также ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 30, л. 59).

В то же время, когда появилось первое издание «Гуторки старого деда», литовский поэт М. Акелайтис написал на литовском яз. два стихотворных воззвания — «Письмо старика из Вильно» и «Рассказ старика» — очень близких по целям и содержанию к «Гуторке», изданной Б. Шварце. «Рассказ старика» распространения не получил (см. док. 9—14).

⁸ Речь идет о брошюре Л. Мерославского «Взгляд на наше положение» от 10 мая 1861 г. Содержание брошюры см. док. 271.

⁹ В течение 1861 и 1862 гг. в Западном крае, а также в Москве распространялись три воззвания, подписанные «Польская молодежь». Воззвание «О, не погибло еще отечество, пока женщины так воодушевлены...» было обращено к литвинкам с призывом активно включиться в борьбу, начатую в Варшаве. Воззвание «К помещикам Литвы и Украины» призывало их не ожидать в стороне, а идти на уступки своим крестьянам для сближения сословий. Авторы воззвания предостерегали: «движение в народе может принять неправильный оборот, если сами помещики не захотят стать во главе народного движения». Воззвание, обращенное к духовенству Литвы и Украины, содержало призыв к ксендзам не слушать наставлений высшего духовенства, а поднимать народ на борьбу. Во всех этих воззваниях упомянуты легионы Мерославского, ожидаемые в Польше. Остро критикуется аристократия, враждебная народному движению (см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 185, лл. 7—11; ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 495, лл. 35—40, и др.).

¹⁰ См. док. 161, а также ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экзп., 1861 г., д. 304, ч. 7, лл. 26—32. Второе воззвание опубликовано: A. Giller. *Historja powstania narodu polskiego, Paryż, 1867, t. II*. Переводы упоминаемых воззваний см.: «Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева», т. I, Вильно, 1906, стр. 120—129.

¹¹ Воззвание «Голос польского народа к почтенному духовенству» от 15 августа 1861 г. издано в Варшаве. Оно имело широкое распространение (см. док. 164, а также ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экзп., 1861 г., д. 303, ч. 3, лл. 43—44 об.).

¹² Варшавское воззвание «Братья! Неоднократно принимали мы на себя обязанность обращать внимание ваше на важнейшие вопросы...» призывало на время прекратить манифестации и перейти к другим, скрытым методам борьбы (см. док. 28, 102; ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экзп., д. 303, ч. 1, лл. 253—256; ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 22, лл. 333—336; ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, лл. 58—59).

¹³ В речи 3 мая 1861 г. Адам Чарторыйский приветствовал манифестационное движение как лучший вид пассивного сопротивления и предостерегал против увлечения восстанием. Мирная моральная борьба—это идеал А. Чарторыйского (см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экзп., 1861 г., д. 174).

¹⁴ Воззвание «Bracia Polacy, Rusini i Litwini! Ważną bez zaprzeczenia uroczystością narodową...», призывающее прислать депутатов в м. Городло для празднования годовщины Городельской унии, было обнаружено во многих местах Западного края (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экзп., 1861 г., д. 390, лл. 3—4; д. 392, лл. 4—5; ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, лл. 60—63). Опубликовано: A. Giller. *Historja powstania narodu polskiego, t. II*, стр. 87. Перевод см. в «Сборнике документов музея гр. М. Н. Муравьева», Вильно, 1913, стр. 171—172.

¹⁵ «Великорус» № 1—3 см.: «Русско-польские революционные связи», М., 1963, т. I, стр. 33—35; о распространении «Великоруса» см. док. 115.

¹⁶ Рапорт проскуровского земского исправника Н. В. Костерицкого (Подольская губ.) о получении им по почте этих воззваний см. в настоящей серии «Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг.», стр. 153.

¹⁷ Воззвание «Российские войны!» найдено в Гродно 18 октября (см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экзп., 1861 г., д. 422, лл. 1—2, 19; воззвание опубли.: «Русско-польские революционные связи», т. I, стр. 359).

¹⁸ См. «Общественно-политическое движение на Украине», стр. 169.

¹⁹ См. там же, стр. 181.

²⁰ Воззвание не найдено. По описи дел III отделения за 1861 г. среди уничтоженных дел за № 406 значится: «Об изданной варшавским еврейским раввином Хасидрином прокламации ко всем еврейским обществам в Польше и в Литве». Возможно, речь идет о воззваниях еврейских сект хасидистов, распространенных в западных губерниях. А. М. Гильдебрант так передает содержание воззвания: «Если кто из евреев по каким бы то ни было случаям будет содействовать и сочувствовать видам правительства, тот из них будет проклят в течение 20 лет, никто из рода его не может быть похоронен на кладбищах» (см. «*Zydzi a powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty*», Warszawa, 1963, str. 42).

²¹ Стихотворное воззвание на белорусском яз. (а не на польском, как указано в документе) «Гуторка двух соседей» (№ 1) появилось в ноябре 1861 г. (см. док. 227) и распространялось в 1862—1863 гг. Написано оно в виде беседы двух мужиков, Юзефа и Матеуша. Матеуш агитирует за мир с панами, за поддержку польского национального движения. Первое воззвание было без указания номера. Вероятно, предполагалось издать только одну такую брошюрку, но уже в апреле 1862 г. стал распространяться второй номер, и до конца 1862 г. вышло еще два номера (см. док. 289, 313). Феликс Рожанский указывает, что издателем нескольких «Гуторок» был Б. Шварце (см. «*W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego*», Lwów, 1903, str. 396), но сам Б. Шварце указывает как на свою только на «Гуторку старого деда», отпечатанную им в тайной типографии в Белостоке (см. там же, стр. 444). Третий и четвертый номера «Гуторки двух соседей» появились в конце 1862 г., а Б. Шварце уехал из Белостока в Варшаву в мае 1862 г.; в декабре он был арестован. Следовательно, авторство (или редакция) Б. Шварце в данном случае исключается.

²² Опущены части отчета, не относящиеся к событиям в Западном крае. Данный отрывок не включал сведений о распространении русских воззваний (см. док. 32, 43, 44, 108, 115, 118, 121, 123, 190, 195, 233, 237, 238, 317); в нем не названы и очень многие польские воззвания как местного происхождения, так и привозимые из Царства Польского и из-за границы. За недостатком места составители были вынуждены отказаться от публикации большинства документов об их распространении.

²³ Волнение крестьян в им. Ивье подробно освещается документами, опубликованными в сб. «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862)», Минск, 1959.

²⁴ О волнениях крестьян Виленской губ. см. док. 75—77, 79—81, 84, 86, 93, 98. По подсчетам С. А. Лазутки, здесь в 1861 г. было 89 крестьянских волнений, из них 75 произошли в марте—июне (см. С. А. Лазутка. Революционная ситуация в Литве в 1859—1862. М., 1961, стр. 137).

²⁵ О волнениях крестьян в имениях помещиков Шадурского и Паулина см. док. 299.

²⁶ См. док. 301.

Всего в Витебской губ. было отмечено в 1861 г. 69 выступлений крестьян (см. М. Б. Фридман. Крестьянское движение в Белоруссии в годы революционной ситуации.— «Революционная ситуация в России в 1859—1861 г.», М., 1963).

²⁷ О волнениях крестьян Гродненской губ. см. док. 207, 226. Подробнее см. публикацию в сб. «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862)». В Гродненской губ. только в марте—июне 1861 г. произошли 124 крестьянских выступления, причем 49 из них были подавлены войсками и полицией, а за весь 1861 г. отмечено 146 крестьянских волнений (см. М. Б. Фридман. Указ. соч., стр. 265, 270).

²⁸ См. док. 139—141, 144.

²⁹ См. примечания к док. 142 и 144.

³⁰ См. док. 150, 151, 155, 157, 173, 175, 176.

По подсчетам С. А. Лазутки, количество крестьянских волнений в Ковенской губ. в 1861 г. достигло 107, причем 70 из них приходились на март—июнь, а 37 — на июль—ноябрь 1861 г. (С. А. Лазутка. Указ. соч., стр. 137).

³¹ См. предписание В. И. Назимова виленскому, ковенскому и гродненскому губернаторам от 15 августа 1861 г. о прекращении присылки воинских частей для усмирения крестьянских волнений (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 2, лл. 84—86). Эта мера имела временный, тактический характер и никогда полностью на практике не применялась.

39

1862 г. февраля 14. Вильно.— Донесение А. М. Гильдебранта В. А. Долгорукову о положении в Литве, Белоруссии и на Украине и о мерах, принятых властями против освободительного движения

После донесения моего в. с. от 1 прошлого декабря за № 524¹ ничего особенно важного в губерниях вверенного мне округа не случилось. Относительное положение в последние три месяца Западного края может назваться, в сравнении с прошлым временем, довольно спокойным, и хотя происходили местами неблагонамеренные манифестации, но они не имели более прежнего упорного и последовательного характера. Считаю долгом упомянуть о важнейших.

Политические манифестации

В Вильне в прошлом декабре был пропет три раза известный возмущительный гимн, как кажется, в отмщение за сосланных любимых здешних ксендзов Гундиуса, Шульца и Бышевского. Такое же пение происходило в прошлом ноябре в гор. Новоалександровске (Ковенской губ.), собственно, по той причине, что участвовавшие в нем мелкие чиновники считали за бесчестие изъятие их города, как более покойного, от военного положения. В гор. Тельшах той же губернии и в том же месяце был пропет гимн собравшимся туда из деревень дворянами. В гор. Витебске был пет в течение декабря месяца шесть раз, а в январе два ра-

за гимн, в котором принимали участие и служащие чиновники. Старания старшего ксендза витебских костелов Девальдена и даже сказанная им с кафедры проповедь для прекращения этих манифестаций были напрасны; он подвергся только оскорблениям и пасквилям. Начальник губернии Оголин вместо предания виновных полицейскому суду оставил их без взыскания, потому что не надеялся найти свидетелей к их изобличению, и ограничился внушениями, которые поручал делать участвовавшим в пении гимнов чиновникам через начальников их.

В Злотополе (Киевской губ.) было отправлено в ноябре месяце торжественное молебствие в память варшавской революции², а после пропет революционный гимн. В Пинске (Минской губ.) был поставлен на монастырском дворе неизвестно кем крест с революционными знаками, который тотчас снят полицией; в освящении сего креста сделал перед следственной комиссией сознание, в дерзких выражениях, молодой кс. Каменецкий и после произнес в костеле возмутительную речь о святотатственном похищении того креста. Временный военный губернатор Минской губ. свиты е. в. ген.-майор Кушелев сделал за то ему выговор.

К числу смешных и самых нелепых манифестаций относится помещение в Бердичевском календаре на 1862 г. пяти новых святых мучеников (убитых в Варшаве). Календарь этот напечатан в Житомире и пропущен киевской цензурой.

Могилевской губ. в Рогачевском у. найдено при внезапном обыске у помещика Оскерки 50 ружей, которые, однако, не конфискованы, но оставлены у него впредь до распоряжения начальства. Я потребовал объяснения этого дела от жандармского штаб-офицера, которого адъютант находился в составе комиссии, производившей обыск.

Слабые действия местных властей

Описанные здесь известные уже в. с. из донесений губернских штаб-офицеров происшествия не заключают, в сущности, ничего важного или, по крайней мере, ничего нового, но некоторые из них весьма замечательны, по моему мнению, в том отношении, что характеризуют взгляд и образ действий новых начальников губерний: Витебской — Оголина и Минской — временного военного, Кушелева. Первый, освободив от полицейского суда виновных в многократном пении гимна, превысил власть свою, и, впрочем, если не надеялся успеха от исполнения указанной законом меры, то должен был распорядиться административным порядком для пресечения мятежных манифестаций, потому что внушения, деланные служащим чиновникам, знающим вдоволь всю противузаконность своего поступка, не имели и не могли иметь успеха. Опыт прошедшего, т. е. события в Минске, Гродне, и в особенности в Ковне, о которых не мог не слышать г. Оголин, должны были убедить его, что снисхождение в этих делах ведет к анархическим беспорядкам, которые пресекать весьма не легко, и хотя Витебск по характеру своих жителей не заставляет опасаться подобных последствий, тем не менее оказанное им послабление компрометировало благонамеренного кс. Девальдена и не могло не иметь дурного влияния на простой народ, которому заносчивые поляки объясняют безнаказанность свою бессилием правительства; и, наконец, все это отражается в едва утихшей Литве, где снисхождение г. Оголина находит громкое одобрение и дает новый

повод называть энергического ген. Назимова деспотом и тираном. Такое отсутствие единства и системы в действиях властей приносит общему делу большой вред и с тем вместе доказывает, что витебский губернатор не понимает своих обязанностей и времени, в которое призван для управления губернией.

С моей стороны, я счел нужным передать изложенное здесь мнение в конфиденциальном письме витебскому жандармскому штаб-офицеру для его соображения, исключив из письма сказанное собственно о губернаторе.

Ген.-майор Кушелев поступил не лучше г. Оголина, объявив исполненному революционных идей молодому ксендзу выговор за его дерзкие выходки. Кому не известно, что такие выговоры принимаются поляками как похвалы за патриотическое усердие и служат только поощрением к дальнейшим подвигам. Я не могу при этом случае умолчать о частных, полученных мной сведениях, что ген. Кушелев действует весьма слабо, может быть, впрочем, и потому, что относительное его положение к минскому гражданскому губернатору гр. Келлеру не может не назваться ложным: это два хозяина в губернии, из коих каждый считает другого лишним.

Административные распоряжения и действия судов

К числу административных мер и судебных приговоров за политические проступки и преступления относятся к описываемому мной периоду следующие важнейшие.

По распоряжению ген.-губернатора Назимова преданы военному суду упомянутые в прежних моих донесениях главные действовавшие лица в ковенской процессии 31 июля, а именно уездный предводитель Жилинский, капитан Кулаковский и три ксендза. Ковенский кс. Гобшевич за возмутительные действия отправлен в Петрозаводск. Виленские ксендзы Гундиус, Бышевский и Шульц за такие же действия будут отправлены из Динабургской кр., где они доселе содержатся, первые два в Вятку, а последний в Оренбургскую губ. Дворянин Буцевич, заказывавший в Мемеле 10 тысяч экз. возмутительного сочинения на литовском языке, отправлен в Ярославль для определения там на службу. Три поповежских ксендза, возмущавшие народ своими проповедями, не отправлены, как было предположено, в Архангельск, но по выдержании 4 месяцев в крепости переведены в другие приходы под надзор полиции и своего духовного начальства. За сим остаются в Виленской кр., впредь до особого распоряжения, дворяне: Михайловский, у которого в подвале найдено значительное количество оружия; Качаровский, участвовавший в ковенской процессии, и студент Журавский; дело о последнем представлено к в. с. ген.-адъютантом Назимовым 24 января³. Зачинщиками петого троекратно в декабре месяце в Вильне революционного гимна оказались дамы, но они не преданы полицейскому суду, от которого нельзя было ожидать удовлетворительных результатов, по причинам, объясненным в донесении моем от 1 декабря за № 524, и потому виновнейшие из них были подвергнуты домашнему аресту или высланы из Вильны в губернию, а две дамы посажены в здешний монастырь. Замечательно, что полицейские суды, не оправдывающие вообще ожидания правительства, действовали в Житомире и Дубне с надлежащим

успехом; там взыскано с виновных (более 250 лиц обоего пола) около 10 тысяч руб.

Военный суд в Житомире приговорил за политические преступления 8 человек в солдаты и 5— к заключению в крепость на непродолжительное время; из числа осужденных студент Крыловский бежал. Главные зачинщики революционных манифестаций 17 ноября в м. Злотополе (Киевской губ.), уездные предводители дворянства Котюжинский и Флиорковский высланы, по высочайшему повелению, на жительство в великороссийские губернии; третий предводитель, Енич, семидесятилетний старик, не мог быть отправлен по болезни. Зачинщики бывшего 19 октября в м. Немирове траурного богослужения по архиепископе Фиалковском, окончившегося пением гимна, двое дворян, сосланы один в Вятку, а другой в Тамбов; и двое учителей тамошней гимназии уволены от должностей, а настоятель костела удален из Немирова. Наконец, виновнейшие в пении гимнов в Новоалександровске и Тельшах лодвергнуты в первом городе административному взысканию, а во втором — преданы полицейскому суду.

Попытки к возмущению крестьян против правительства

Перехожу за сим к самому важному предмету: к непрекращающимся попыткам, и в особенности в литовских губерниях, восстановить крестьян против правительства посредством распространения между ними революционных гимнов на литовском языке, пасквилей и разных возмутительных слухов о восстановлении независимой Польши, ниспровержении нашего правительства и пр. Приходские ксендзы не упускают с своей стороны возмущать проповедями народ. Наблюдения в этом отношении земской полиции, состоящей большей частью из католиков, оказываются недостаточными и неудовлетворительными, и потому обнаружение таких преступных действий случается довольно редко. Ныне производятся в Ковне следственные дела над чиновниками, распространившими между народом гимны и другие в этом роде сочинения. Являются и воззвания к помещикам, с указаниями, как действовать, дабы сблизиться с крестьянами и поселить в них революционные идеи. Эти сведения согласуются с теми, которые в. с. изволили сообщить ген.-адъютанту Назимову о тайном собрании злоумышленников 10 января в Ошмянах и о существующем обществе в Свенцянах с целью действовать на простой народ, дабы расположить оный к помещикам⁴. В Гродненской губ., как доносит тамошний жандармский штаб-офицер, православные церкви в самом жалком упадке; помещики не считают себя обязанными поддерживать их, а крестьяне, равнодушные к своей вере (б. униаты), не могут или не хотят, тогда как католические костелы, щедро украшенные, содержатся в наилучшем виде. Православное духовенство в затруднительном положении: оно ненавидимо католиками и нелюбимо православными за свое невежество и корыстолюбие и, дабы не раздражать помещиков, от которых пользуются житейскими выгодами, не заботится о поддержании своей паствы в истинной вере и преданности к правительству. Те же многие священники, которые исполняют усердно и добросовестно долг свой, подвергаются насмешкам и преследованиям со стороны католиков.

Недоверие крестьян к помещикам и усвоенные ими понятия о правах собственности

Со всем тем крестьяне, православные и католики, не обнаруживают до сего времени сочувствия к дворянам и распространяемым между ними революционным идеям. Они не верят помещикам, обоюдные существенные интересы их слишком разъединены в настоящее время — и, опасаясь быть обманутыми, не соглашаются ни на какие условия, сопротивляются введению уставных грамот и питают надежду, что вся находящаяся в их пользовании земля должна перейти в их собственность без какого-либо вознаграждения помещиков. Такое заблуждение бывает часто поводом к непослушанию и беспорядкам, вызывающим вмешательство посредников и земской полиции и требующим даже особых строгих мер. Так доносят гродненский и ковенский штаб-офицеры; последний командирован в Александровский и Поневежский уезды для умирения отказавшихся от исполнения барщины и других обязанностей 30 тысяч крестьян и при водворении порядка встретил со стороны их сопротивление, которое однако с помощью военной команды устранено благоразумными распоряжениями полковника Скворцова, как он уведомляет меня частным письмом с присовокуплением, что надеется в скором времени привести это дело к окончанию.

По полученным мной частным сведениям из Киевской губ., тамошние крестьяне в твердом убеждении, что земля, которой они пользуются, есть неотъемлемая их собственность, выражаются таким образом: «дал царь волю, даст и землю, — не то и сами добудем!». Такие усвоенные понятия ставят помещиков в опасное положение.

Я счел неизлишним довести до сведения г. митрополита литовского о донесениях гродненского жандармского штаб-офицера 1) насчет жалкого положения православных церквей, которые восстановить не представляется возможности по причине тяготеющего на крестьянах церковного долга от 20 до 60 руб. со двора, и 2) о польском букваре для сельских детей, которым, за неимением русского, пользуются и православные крестьяне, и что книжка эта, заключающая в себе догматы католической веры, принесет, по мнению епархиального епископа, положительный вред. Его высокопреосвященство отвечал, что церкви действительно в упадке, и хотя помещики не освобождены от обязанности поддерживать оные, но сего не исполняют, а местное начальство их к тому не побуждает. Что же касается до крестьянского долга, то он вовсе не так значителен, как сказано в донесении, и, наконец, что польский букварь действительно стараются распространить ксендзы между детьми православного исповедания; несправедливо однако, будто не имеется русского, которого множество экземпляров разослано по приходам в прошлом году.

Дурной дух в учебных заведениях

В учебных заведениях вверенного мне округа не было в течение последних трех месяцев важных беспорядков, кроме происшествия 1 декабря в Киевском кадетском корпусе: кадеты 1-го специального класса высекли розгами своего товарища унтер-офицера Стуского, оказали послушание дежурному офицеру и батальонному командиру и забылись до такой степени, что требовали от директора корпуса отчета в день-

гах, назначенных для святого образа. Сверх сего, некоторые кадеты оказались позорного поведения и исключены из корпуса.

Следственная комиссия о разбойничьем поступке киевских студентов, избивших 8 и 9 прошлого октября чиновника и квартального, признала из числа содержащихся в крепости 64 студентов 4 зачинщиками и 15 сообщниками или попустителями преступления; дознания эти основаны на присяжных показаниях жандармов и полицейских, бывших в те дни для порядка на месте происшествия; посторонние же лица уклонялись от свидетельских показаний из опасения оскорблений от студентов, которых прежние буйственные поступки обыкновенно проходили без всякого наказания и навели общий страх на обывателей. Киевский жандармский штаб-офицер, участвовавший в следственной комиссии, сообщает мне в частном письме, что бывшие на допросах студенты обнаруживали строптивость, открытое неуважение к властям и законам и самое наглое запирательство, так что надлежало иметь необыкновенное терпение при производстве этого дела.

По произведенному следствию о нанесенных оскорблениях 2 июля прошлого года, во время пожара, новогрудскому городничему (Минской губ.) и о происходившем при том буйстве оказалось, что главное участие в этих беспорядках принимали тамошние гимназисты, ненавидящие городничего за строгое исполнение своих обязанностей и преданность правительству. При пожаре 27 октября в Пинске (Минской же губернии) гимназисты буйствовали с палками в руках до такой степени, что городничий и частный пристав должны были скрыться, дабы избавиться побоев; виновные, как в Новогрудке, так и в Пинске, не обнаружены по недостаточности улик, и только некоторые ученики оставлены в подозрении.

В Кейданах (Ковенской губ.) гимназисты пели 22 ноября революционный гимн, за что исключены 24 ученика, а в Белостоке того же 22 ноября оскорбили на улице дерзким ругательством чиновницу Пауль и ее дочь и выбили стекла в их доме за то, что они не носили траура; виновных не удалось изобличить.

Заключение

Общая молва гласит, что с наступлением весны начнутся снова волнения в Царстве Польском и в Западном крае, который успокоился вследствие военного положения и наставшей тишины в Польше. Спокойствие это, однако, ненадежно; и ген.-адъютант Назимов, отзывавшийся на вопрос г. министра внутренних дел, что считает снятие военного положения в Гродне преждевременным, поступил, по моему мнению, с предусмотрительной осторожностью. Кто решится принять на себя ручательство в спокойствии Италии и Венгрии? Волнения же в этих государствах отразятся тотчас в Польше и перейдут в Литву*. Правда, что военное положение всегда продолжаться не может, что оно несколько не изменило и не изменит мятежного духа поляков, притихших только под влиянием страха, без чего снова начнутся революционные гимны и другие манифестации, на которые они так изобретательны; справедливо также, что масса народа не разделяет мятежных

* Ген.-лейтенант Куцинский пишет ко мне из Варшавы от 20 января: «У нас довольно тихо, но злоба и ненависть втихомолку сохраняются в полной силе». То же можно сказать и о Западном крае.

стремлений дворян, ксендзов, женщин и учеников и, следовательно, все эти затеи ничего в сущности опасного для общего спокойствия края по настоящему времени не представляют; но кто же станет утверждать, что преступные внушения и примеры не заразят постепенно крестьян и, тем более, что противодействие в этом случае со стороны правительства зависит от наблюдения и донесения не весьма благонадежной земской полиции. Уже бывали примеры, что не только господская прислуга и мещане принимали участие в панихидах и гимнах, но и крестьяне в некоторых местах были увлекаемы внушениями дворян. Прочное спокойствие и порядок в Царстве Польском мог бы разве изменить это сомнительное положение здешнего края к лучшему.

Последнее донесение из Минска

Сейчас получил я донесение минского жандармского штаб-офицера, что многие православные крестьяне в губернии, движимые живыми чувствами признательности за всемилостивейше дарованную им свободу, ходатайствуют о дозволении ознаменовать это радостное для них событие сооружением крестов с соответственными надписями или изготовлением для церквей икон св. Александра Невского. Католическое же народонаселение выражает совершенно противное.

О чем в. с. почтительнейше донести честь имею.

Ген.-майор фон Гильдебрант

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 392—409, Подлинник

¹ См. док. 37.

² Восстание 1830—1831 гг.

³ См. док. 40 и примечания к нему.

⁴ См. док. 111.

40

1862 г. февраля 28.— Записка, составленная в III отделении для В. А. Долгорукова по делу вольнослушателя Петербургского университета В. Журавского, арестованного в Вильно

В октябре месяце прошедшего года получено было из гор. Вильно на имя в. с. письмо (с подписью Г. С.), в котором сообщалось, что там находится студент Викентий Журавский, который прислан туда с типографией из С.-Петербурга и должен быть членом какого-то клуба, что он в продолжение долгого пребывания своего в Вильне в 1860 г. познакомился со всеми тамошними мятежниками и что его товарищи, вероятно, для того, чтобы отвлечь подозрение, говорили, будто бы он шпион; что он в 1861 г. был уже в Вильне^а, два раза прежде того^а, ездил в Финляндию и был где-то за Москвой; намерен был ехать за границу, но потом оставил это намерение.

Доноситель присовокуплял, что если донесение его оправдается, то он явится в С.-Петербург в надежде получить вознаграждение за оказанную им услугу.

^{а-а} Пунктуация оригинала.

Донос этот препровожден был к виленскому военному губернатору, который представил ныне в. с. произведенное о Журавском в Виленской следственной комиссии дело¹, из коего видно, что по поводу вышесказанного доноса сделан был у Журавского обыск, при котором оказались у него между прочими бумагами:

1) несколько тетрадей с польскими стихотворениями и статьями возмутительного содержания;

2) статья (по мнению комиссии, для какого-то заграничного журнала) о мерах Пруссии, Австрии и России к подавлению польского элемента;

3) письмо, в коем порицается направление «Виленского вестника», упоминается о переписке с Герценом и советуется послать ему некоторые сведения²;

4) приглашение народа польского к пению вместо известного польского гимна других молитв;

5) возмутительные гимны;

6) воззвание к литовцам и русинам, приглашающее их к участию в манифестациях против правительства;

7) письмо Акелевича, в котором упоминается о каких-то общих делах;

8) письмо к Фаддею Горецкому*, в коем рекомендуют Журавского, как человека, преданного партии польских демократов, и письмо Карновича к кн. Долгорукову³ в Париж.

Подвергнутый затем допросу, Журавский дал следующие показания.

1) Происходит он из дворян Виленской губ.; быв вольнослушателем в С.-Петербургском университете, он в 1861 г. вознамерился отправиться за границу для изучения политико-экономических наук, надеясь получить средства к тому от помещика Косцялковского, пособиями которого он содержал себя в С.-Петербурге; с этой целью он прибыл на родину, но Косцялковский отказал ему в деньгах; тогда он обратился к своим родным, прося их помочь ему кончить курс, между тем заболел в Вильне;

2) в Москве и за Москвой, также в Финляндии он не был;

3) некоторые из найденных у него тетрадей принадлежат его брату, Мартину Журавскому, другие писал он сам; воззвание и прочие статьи он выписывал частью из печатной книги, которая ходила по рукам между студентами университета, частью с попадававшихся ему рукописей; письмо о «Виленском вестнике», которое, как ему говорили, писано было к редактору сего журнала Киркору, ходило по городу, и сказанного в этом письме о переписке с Герценом он объяснить не может; статью о мерах, принимаемых для подавления польского элемента, списал он с рукописи, ходившей по рукам в Вильне;

4) письмо к Горецкому дал ему дворянин Ковенской губ. Мильвид, а другое, к кн. Долгорукову, Евгений Петрович Карнович, с которым он, Журавский, познакомился в С.-Петербурге и которого он просил познакомить его с кем-нибудь в Париже, и так как Карнович хотел послать Долгорукову свою статью, то он взялся доставить ее вместе с письмом;

* Художник, находящийся теперь в Париже.

5) с Буцевичем и Акелевичем, с которыми, как видно из его бумаг, он знаком, познакомился: с первым, быв с ним вместе в университете, и знакомство его с ним не близкое; с Акелевичем он знаком с 1859 г.; дела, о которых он упоминает в своем письме, были денежные: он был должен Акелевичу 25 руб., и, кроме того, он говорил, вероятно, о издаваемых им литовских брошюрах;

6) к тайным обществам и клубам он никогда не принадлежал.

Виленский военный губернатор представляет в. с., что хотя Журавский на предложенные ему вопросы отвечал уклончиво, тем не менее бумаги его, большей частью содержания возмутительного, приводят к заключению, что сделанный на него донос заслуживает внимания; из бумаг его видно также, что он имел неопределенные сношения и знакомства с людьми неблагонадежными, как, например, Буцевич и Акелевич*, и что, намереваясь отправиться за границу, он был снабжен от проживающего в С.-Петербурге Карновича письмом в Париж к Долгорукову, хотя в содержании письма ничего предосудительного не заключается.

По открытой в бумагах Журавского неблагонамеренности к правительству ген.-адъютант Назимов полагал бы удалить его в Вологодскую губ. для определения там на службу, пока не восстановится в Западном крае полное спокойствие, которое предоставило бы возможность возвратить его на родину.

Еще до получения сего дела переданы были в. с. полученная государыней императрицей просьба матери Журавского об оказании ему покровительства и всеподданнейшее ее прошение к государю императору, в коем, испрашивая помилования сыну, она объясняла, что он вся ее подпора; с подобной просьбой обратилась она и к в. с., объясняя, что сын ее содержится в тяжком заключении в Виленской цитадели и что здоровье его крайне расстроено.

Первые две просьбы препровождены были к виленскому военному губернатору, который, возвращая оные, сообщает, что за отправлением к в. с. следственного дела, произведенного о Журавском, разрешение сих просьб будет зависеть от вашего благоусмотрения^а.

Помета Высочайше повелено исполнить согласно мнению, изложенному в записке ген.-адъютанта Назимова от 7 марта. 9 марта.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 292, лл. 41—44. Подлинник

¹ «Дело Виленской следственной комиссии о студенте Викентии Журавском по безымянному доносу о преступных его действиях» начато было 24 ноября, закончено 13 декабря 1861 г., переслано В. И. Назимовым в III отделение в январе 1862 г. Находится в делах III отделения вместе с другими документами о В. Журавском (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 292, л. 22 и сл.).

² См. док. 2.

³ Имеется в виду либеральный публицист-эмигрант П. В. Долгоруков.

* Буцевич по поручению Акелевича ездил в Мемель для заказа печатания возмутительных статей на литовском яз. Буцевич выслан уже в Ярославль, а Акелевич, уроженец Царства Польского, разыскивается.

^а Документ не подписан.

1862 г. марта 25.— Циркуляр П. А. Валуева губернаторам
о разрешении им самостоятельно использовать воинские
команды для подавления крестьянских волнений

Секретно

По случаю испрашиваемого передвижения небольших воинских команд в губерниях сделано было сношение с военным министром, который отозвался, что начальники губерний, на основании 411 и 412 ст. ст. II т. Св[ода] зак[онов] гражд[анских] (изд. 1857 г.) и 456—467 ст. ст. ч. III, кн. 1, Св[ода] воен[ных] пост[ановлений] (изд. 1859 г.), имеют полное право распорядиться командированием незначительных команд.

Посему и имея в виду, что при настоящем положении дел весьма часто может встречаться надобность в неотлагательной помощи войск для поддержания порядка и спокойствия среди крестьянского населения и что в подобных случаях испрошение местными гражданскими губернаторами всякий раз особых разрешений на перемещение войск влечет за собой чувствительную потерю времени, могущую иметь неблагоприятные последствия, ген.-адъютант Милютин просит сообщить начальникам губерний, дабы они в точности руководствовались приведенными статьями законов с тем лишь ограничением, чтобы о каждом вынужденном передвижении команд были в то же время поставлены в известность частные начальники войск, а также сообщалось было прямо в Военное министерство для всеподданнейшего доклада государю императору.

Разделяя вполне с своей стороны таковой отзыв военного министра, уведомляю о сем в. п. для должного в потребном случае исполнения.

Подписал: министр внутренних дел
статс-секретарь Валуев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 431, л. 330. Типографский оттиск

42 — 43

ЖУРНАЛ „JEDNOŚĆ“

42

1862 г. апреля 22.— «Jedność» № 1¹

№ 1

JEDNOŚĆ

Wilno

1862 r. 22 kwietni.

W ciągłej przykłady i słowa postaci
Rozdzielaj siebie samego twej braci
Mnóż się ty jeden przez czyny żyjące,
A będą z ciebie jednego tysiące.

Z. Kr[asiński]²

Kilka słów o jedności

Idea wolności zrodziła się z przyjściem pierwszego człowieka na świat. Starożytny świat pojął ją tylko jednostronnie. Chrystus Pan pierwszy, nauczając miłości bratniej i zaszczepiając jedność pomiędzy ludźmi, jako dziećmi jednego ojca, położył węgielny kamień dla wolności ludów.

¹ В тексте карандашом зачеркнуто крестьянского и написано дворянского.

Myśl przez Chrystusa Pana ogłoszona, rozmaicie pojmowana i zastowsowywana do potrzeb jak czasu tak i okoliczności, po upływie niespełna dwóch tysięcy lat zaledwie dziś została lepiej pojętą; tak że już na każdym kroku, nie wyłączając miejsc świętych od publicznych, usłyszysz wszczętą rozmowę, tylko że lękliwie, półgłosem wznawianą, o ciemństwie ludów, a stąd, jako nieodzowny wynik myśli, o wolności. Dzień za dniem, wiek za wiekiem mijając, zbliżyły, jak widzimy, ten ożywczy promień myśli związania wszystkich ludzi węzłem bratniej miłości. Lecz czyż może istnieć miłość bez jedności, a jedność bez wolności? Stanowczo odpowiemy, że nie!

Przekonywającym przykładem są dzisiejsze Włochy. Kto natchnął matki do bezprzykładnego poświęcenia się, do wysyłania na śmierć jedyną podporę w starości — najmilsze swe dzieci? Kto wydał Garibaldich, Cavourów albo Orsinich, którzy okazali światu męstwo potrzebne bohaterowi, cywilną odwagę nieodzowną mężowi stanu, samorzutność ducha należną wodzowi? Odpowiemy — miłość i jedność, bo tylko to zdolne jest natchnąć ludzi duchem wzniosłości i poświęcenia się.

Chociaż chwila za chwilą zbliżyła te błogie czasy u nas i dojrzeć już można mdławie isierki pocucia jedności, lecz jeszcze to wszystko zaledwie w zarzewiu. Dlaczegoż tak żółwim krokiem posuwamy się naprzód i nie okazujemy gorących życzeń w urzeczywistnieniu czysto obywatelskich obowiązków, widząc dotykalnie potrzebę jedności? Siły pojedynczego człowieka zdolne są zaledwie do zaspokojenia naturalnych swych potrzeb; w skupieniu zapomagają do wykształcenia, do odkryć, wynalazków, udoskonaleń rzemiosł, podniesienia rolnictwa i do tysiąca innych pożytecznych gałęzi, będących do dziś dnia u nas w zaniedbaniau.

Widzimy więc, że dla osiągnięcia tego wszystkiego potrzeba skupienia się ludzi. Skoro nie spostrzegamy w naszym społeczeństwie jedności, jawnie przekonać się możemy, żeśmy jeszcze nie dojrzeli, żeśmy nie pojęli swych obowiązków, obowiązków, którymi winien się odznaczać prawdziwy obywatel kraju. Oto jest najważniejsza przyczyna naszej niemocy, a tym samym i tak długiej niewoli, a stąd stanu anormalnego.

Nam Polakom po tylu klęskach i stuletniej niewoli pora jest poznać istotną przyczynę niemocy. Dwa ubiegłe powstania ukazały jawnie tę przyczynę, a tą brak jedności pomiędzy wszystkimi stanami. Szlachcic dążył do osobistej tylko wolności, tymczasem kiedy chłop musiał cierpieć straszną niewolę bez nadziei poprawienia swego bytu; starozakonnym nie dano praw obywatelstwa, o mieszczanach także zapomniano, a więc do sprawy im obcej nie należeli, a jeżeli i należeli, to jakby z powinności dla panów. Dzisiaj widząc jawnie, że bez ścisłej jedności wszystkich stanów naszego społeczeństwa jesteśmy bezsilni, starajmy się połączyć, choćby to nam kosztowało poświęcić największe ofiary w osiągnięciu celu. Jeżeli chcemy szczęścia naszej ojczyzny a sławy narodu naszego, nie wahajmy się ani chwili stanąć pod świętym sztandarem zgody i jedności. Nie odstępujemy od niego za pierwszym powiewem nieprzyjemności lub grożącego nieszczęścia. Niech obywatel ziemski poda rękę jego przed laty niewolnikowi, niech zamożny obywatel miasta nie pomiata ubogą, ale najwięcej może przechowującą stare nasze cnoty bracią rzemieślnikami, niech przykład połączenia się z starozakonnymi nie będzie bez naśladowania u nas, lecz tylko nie na słowach jak było dotąd, ale na czynie, nie odpycha ją od

siebie wzrokiem pogardy i obejściem się często nieludzkim i brutalskim, jednym słowem łączmy się na czynie, a nie na słowach.

Okażmy światu, że każdy nasz krok głęboko naprzód obmyślany, a więc stanowczy, i tym samym dowiedzmy, że jesteśmy narodem dojrzałym, godnym poszanowania, a nie politowania.

Postępując w jedności, każda ofiara, każda śmierć męczeńska będzie ofiarą całego narodu, a z całego narodu utworzonym zastępem obrońców ojczyzny wszelką nieprzyjacielską siłę jednej chwili udaremnimy.

* * *

Lud, który jęczał w ciemnościach, ujrzał wielką światłość; i światłość, wzniosła się nad tymi, którzy mieszkali w krainie cienia śmierci.

Z proroctwa

W krainie nieprawdy, fałszu i ciemności, która nas upowiliła w całun i złożyła na łożu śmiertelnym — ujrzeliśmy światłość, zostaliśmy ogrzani ciepłem zbawiennym, które nas przyzywa do życia po długim letargu. Krew zawrzała w sercu i żyłach, a duch prawdy i życia wyrzekł: wstań i rozerwij więzy krępujące cię. Zabrzmiiała pieśń błagalna pod sklepieniami świątyń pańskich: «Panie, wyrwij nas z więzów, zgnieć władzę szatana!». Lecz oto pod sklepieniami tychże świątyń, z miejsca gdzie prawda powinna się rozlewać, z ust naszych kapłanów płyną słowa: «Niebaczn! bluźnicie — wszelka władza od boga pochodzi». Tak, wszelka władza, a zatem i władza szatana, i władza wszelkiego zła nad dobrym, nad pocziwym — dobrą jest. Więc wykracza ten, kto przeciw niej powstaje. To wynik nauki naszych mistrzów, naszych przewodników i nauczycieli — zastępców Chrystusa Pana na ziemi. Podobnego znaczenia słowa nie przestają brzmieć i dzisiaj (kazanie ks. Gudzyńskiego w kościele Dominikańskim na przewodnią niedzielę — o posłuszeństwie władzy) lecz coraz więcej jeszcze, osłaniane opiekuńczym rządem, nabierają siły i mocy w ustach filarów chrześcijaństwa. My do nich jak owce rozproszone zwierzem zwracamy się z prośbą o słowo pociechy w tyłu strapieniach, a oni nam mówią: «Nie powinniście szemrzeć na zajadle wilcze zęby, one mają władzę od boga nadaną szarpać, kogo się podoba». Nie szemrzają i oni przeciw tym zwierzętom, lecz jeszcze cieszą się, kiedy im kły i pazury zaostwiają się. Kiedy takie zwierzę, znajomy wszystkim Haller, carską miłością w nagrodę za przykładowe pastwienie się nad mieszkańcami Wilna, został podniesiony do godności gubernatora grodzieńskiego³, t. j. otrzymał rozleglejszą władzę do szarpania nas, biskup wileński St. Ad. Krasieński pierwszy postarał się złożyć mu z tego powodu swoje najszczerze życzenia. Można domyślać się, że i Haller ks. Krasieńskiemu powińszował za otrzymaną od cara krzyż, w nagrodę nie wiem jakich zasług położonych około Kościoła⁴. Takimi błyszczącymi znakami hańby zostali nacechowani: niegodny następca Hundiusa⁵ dziekan ś[wię]tojański Niemeksza i prałat Bowkiewicz⁶. Dusza się wzdryga, kiedy imiona kapłanów podają na publiczną ohydę, lecz głos prawdy woła: «Ten, co sam siebie hańbi, niech będzie przez wszystkich pohańbiony!»

Pod ciężarem boleści od raz po raz zadawanych ciosów upadamy, nie mogąc do was, kapłani, zwrócić się z ufnością i iść ręką w rękę po jednej

drodze ku jednemu celowi, bo nasze cele są różne. My jesteśmy gotowi do walki za naszą znieważoną wiarę, za sprofanowane świątynie. Wy zaś pod pretekstem ochrony Kościoła, dla usunięcia od niego mniemanych zaburzeń społecznych, zasklepiacie się w podłym tchórzostwie i gotowicie przenieść hańbę religii i Kościoła, byleby tylko życia i zdrowia na szwank nie narazić. Na widok popełnianych zbrodni serca nasze boleść szarpie na szmaty, a wy wołacie: «Pokój wam! Bądźcie cisi i pokornego serca!». Gdy wróg, pogrążywszy nasz kraj w ciemnocie, spodleniu i hańbie, wyteża swe siły na wygładzenie wszystkiego, co jest szlachetne i święte, przyciska nas znowu do łoża śmierci, z którego wstać chcemy — wy wołacie do nas: «Pokój wam, pokój wam!». Wasz pokój, to nasza śmierć! O kapłani! Gdyby wasze matki, pasując się ze śmiercią, wołały do was: «Synu, chcę życia!» Wybyście odpowiedzieli: «Matko! Umieraj w pokoju!». Czyżby wasze matki za takie bluźnierstwa nie przekleły łona, które was na świat wydało? Azali potomność was nie potępi za to, że gdy matka nasza Ojczyzna przychodzi do życia i wyciąga ku wam drżące ręce, wy je składacie na piersiach i mówicie: «Spoczywaj w pokoju!». Czy sakrament kapłaństwa wygładził w waszych sercach miłość Ojczyzny, miłość milionów bliźnich waszych rodaków, miłość sprawiedliwości, a nie rozhukanego fałszu i ciemństwa? Wszakże wam kapłaństwo nie przeszkadza pamiętać, żeście z tej ziemi wzięli życie, z tej trzody macie wełnę do przyodziania, a mleko na pokarm i że za to nic więcej od was się nie wymaga prócz słowa pociechy i prawdy. Mówią z was niektórzy, że za głoszenie prawdy mogą cierpieć wasze osoby i Kościół upadnie, tracąc w was przewodników wiernych. Jakże okropnie grzeszą podobnie mówiący! Pierwsi apostołowie, chociaż widzieli, że ich jest mało, ochoczo nieśli życie za prawdę i nie lękali się upadku Kościoła, bo pamiętali słowa Chrystusa Pana, że i bramy piekielne nie zwyciężą go. Ci apostołowie, pamiętając te słowa, piekiel się nie lękali. Was jedno imię Garibaldiego strachem przejmuje! Co mówię Garibaldiego! Lękacie się nawet czapki tego nazwiska, szpilki z jego miniaturą; myślicie, że w tych drobiazgach czyha szatan na obalenie Kościoła, lękacie się tego wszystkiego, boście niedołężni, bo w swoich sercach dalaście przystulek dla fałszu. Ze istnieją podobne śmieszne obawy, to stwierdził jadący przez Wilno do Rzymu dygnitarz Kościoła biskup Borowski⁷ w pewnym miejscu tymi słowami: «Bądźcie ostrożni, bo pokusa przyjdzie do was pod różnymi postaciami: w czamarce lub w kontusiku, w konfederatce lub w garibaldce itp.».

Potępiacie dzisiejszą młodzież, że jest zarażona duchem herezji, że nie idzie razem z Kościołem, razem z wami, po krętej ścieżce waszej moralności. Wreszcie możecie jeszcze śmiało dodać, że tegoczesna młodzież nie zgadza się z wami nawet i pod względem pojmowania interesu Kościoła i religii, bo ona widzi kilka milionów unitów gwałtem obróconych na prawosławnych i wdychających dzisiaj do przodków swoich wiary. Młodzież mówię tegoczesna, przy wstrząsającym się despotyzmie, którego wy chcecie być tarczą, widzi błyskający z dala promyk nadziei przygarnienia na łono Kościoła katolickiego milionów pragnących żyć pod jego osłoną. Pytam więc was, kto więcej może być zarażonym herezją, niepojęciem czystej prawdy: czy ci, którzy łącznie z chęcią odzyskania samodzielnego bytu politycznego chcą powiększyć liczbę wiernych, czy ci, którzy tę szczęśliwą sposobność odpychają od siebie być może na zawsze. Usta wasze przed tak okropnym wyznaniem prawdy zadrzą może z bojaźni

wyrzeczenia na siebie wyroku, więc ja wam śmiało w tym dopomogę, mówiąc, że wy! Teraźniejszość, chociaż przejęta zgrozą takiej zbrodni, mając jednakże nadzieję, że jeszcze zrozumiecie istotny a święty cel narodu i Kościoła, nie rzuci na was błotem. Lecz przyszłość surowa ale sprawiedliwa może was okryć hańbą, a bóg sprawiedliwy ukarać, jeżeli nie w tym życiu, to po śmierci, za nieczujność nad waszą nieszczęśliwą i z niskąd nie mającą pociechy trzodą.

Gdy nasza krew wrze zapalem do obrony dzisiaj zhańbionej, podeptanej wiary przodków naszych, złączcie z naszym zapalem do walki za wiarę i kraj waszą gorliwość o dobro Kościoła, z pasożytów naszego społeczeństwa stańcie się prawdziwymi Polaki kapłanami, a bóg niezawodnie wzmocni słabe nasze siły, podźwignie naszą Ojczyznę z niedoli i stanie znów w jedno ci cały, potężny i święty nasz Kościół, i światło wzniesie się nad tymi, którzy mieszkali w krainie cienia śmierci.

Ogłoszenie

Wszystkie celniejsze składki materiałów aptecznych w Wilnie polecają szczególniejszej uwadze publiczności nowoprzybyły do tutejszego miasta transport przedniego gatunku vitrioleum, który może być użytym do pokrapiania wchodzących już w modę światłobarwistych sukien i kape-luszów⁸. Cena stosownie do potrzeb czasu nadzwyczajnie niska.

Wiadomość

Jw. namiestnik Król[estwa] Polskiego w przejeździe swoim z Warszawy do Petersburga⁹ na banhofie kolei żelaznej w Wilnie przybył na spotkanie jego pewne damy raczył uszczęśliwić zalotnym spojzeniem, z czego, również jak z oglądania jego osoby bardzo były szczęśliwe.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1135, оп. 4, д. 385, лл. 2—3. Подлинник

ПЕРЕВОД

№ 1

ЕДИНСТВО¹

Вильно
1862 г. 22 апреля

В неразрывности слова и дела
Отдавай себя своим братьям!
Умножай свою силу действиями,
И вместо тебя одного будут тысячи.

З. Кр[асинский]²

Несколько слов о единстве

Идея свободы возникла одновременно с появлением на земле первого человека. В древнем мире она понималась лишь односторонне. Христос, впервые провозгласив идеи братской любви и единства между людьми, как детьми одного отца, заложил краеугольный камень свободы народов.

Провозглашенная Христом мысль, которая по-разному понималась и осуществлялась в соответствии с требованиями времени и обстоятельств, лишь сейчас, по прошествии почти двух тысяч лет, стала пониматься лучше. И сейчас уже на каждом шагу, как в публичных местах, так и в храмах, можно услышать, как, хотя и робко, вполголоса, стали говорить о национальном гнете и — как неизбежный логический вывод из этого —

о свободе. Проходит день за днем, столетие за столетием, и мы видим, как сближает нас всех этот животворящий луч мысли об объединении всех людей узами братской любви. Но разве может существовать любовь без единства, а единство без свободы? Решительно отвечаем — нет, не может!

Убедительным примером служит сегодняшняя Италия. Кто вдохновил матерей на беспримерные жертвы, на то, что они посылают на смерть единственную опору своей старости, своих любимейших детей? Кто породил Гарибальди, Кавуrows, Орсини, которые показали всему миру доблесть, достойную героев, гражданское мужество, необходимое для государственного деятеля, самобытность духа, свойственную вождю? Ответим: любовь и единство, ибо только они способны вдохнуть в людей дух благородства и самопожертвования.

Хотя мы постепенно и приближаемся к этому блаженному времени и можем уже заметить слабые искорки ощущения этого единства, но все же это еще только искорки. Почему же мы двигаемся вперед черепашьям шагом и не проявляем страстной жажды осуществить наш чисто гражданский долг, когда видим настоятельную потребность единства? Силы отдельного человека может еле хватить на то, чтобы удовлетворить его естественные потребности. Если же сплотить силы многих, то они способствуют просвещению, открытиям, изобретениям, усовершенствованиям в ремесле, подъему земледелия и тысяч других полезных отраслей хозяйства, которые сейчас находятся у нас в запустении.

Мы видим, что для того, чтобы достичь всего этого, люди должны сплотиться. Отсутствие единства в нашем обществе должно воочию убедить нас в том, что мы еще не созрели для того, чтобы осознать свой долг — долг подлинного гражданина своей страны. В этом заключается самая важная причина нашей слабости, а тем самым и так долго затянувшейся неволи. Откуда то ненормальное положение, в котором мы находимся.

Пора уже нам, полякам, после стольких поражений и вековой неволи понять действительную причину нашей немощи. Два последних восстания вскрыли эту причину — отсутствие единства между всеми сословиями. Дворяне стремились лишь к своей личной свободе, в то время как крестьяне должны были страдать в страшной неволе, без надежды когда-либо добиться улучшения своего положения; евреям гражданские права не предоставлены, о мещанах также забыли, поэтому они не болеют за чуждое им дело, а если и болеют, то как бы выполняя повинность по отношению к своим хозяевам. Теперь стало очевидным, что без тесного единства всех сословий нашего общества мы бессильны. Для того чтобы достичь цели, нам необходимо объединиться, каких бы жертв это нам ни стоило. Если мы желаем счастья нашей родине и славы нашему народу, мы не должны ни минуты колебаться, мы должны встать под священное знамя согласия и единства. Мы не должны отступать от него после первого же резкого порыва ветра или под угрозой нависшей над нами невзгоды. Пусть помещик подаст руку своему бывшему рабу, пусть богатый горожанин не помыкает своими бедными, но, быть может, сохраняющими в наибольшей мере наши древние достоинства братьями — ремесленниками, пусть пример объединения с евреями не останется у нас без последователей, и не только на словах, как это было до сих пор, но и на деле, не будет отталкивать их от себя презрительным отношением к ним и бесчеловечным и грубым обращением с ними. Словом, мы должны объединиться на деле, а не на словах.

Покажем миру, что каждый наш шаг заранее глубоко продуман и потому — решителен. Мы докажем тем самым, что являемся народом зрелым, достойным уважения, а не сострадания.

Если мы будем едины, каждая жертва, каждая мученическая смерть будет жертвой всего народа, а армия защитников родины, созданная всем народом, быстро разобьет любую вражескую силу.

Народ, стонущий во мраке, увидел яркий свет; и свет озарил тех, кто жил в стране призрака смерти

Из пророчества

В стране неправды, обмана и мрака, которая окутала нас в саван и положила на смертное ложе, мы увидели свет, нас согрело спасительное тепло, которое призывает нас к жизни после долгого летаргического сна. Кровь закипела в сердце и жилах, а дух правды и жизни возвестил: встань и разорви опутывающие тебя узы. Послышалась умоляющая песнь под сводами храмов божьих: «Боже, избавь нас от оков, устрани власть сатаны!». Но под сводами тех же храмов, оттуда, откуда должна изливаться правда, из уст наших священнослужителей слышатся слова: «Безрассудные! Святотатцы! Всякая власть — от бога». Да, всякая власть, стало быть и власть сатаны и власть всякого зла над добром, над добродетелью — благо. Поэтому преступление совершает тот, кто восстает против нее. Таков вывод из учения наших священнослужителей, наших пастырей и учителей — наместников Христа на земле. Подобные же слова не перестают звучать и теперь (проповедь кс. Гудзинского в доминиканском костеле на первое воскресенье после пасхи о повиновении власти) и все более и более, под покровом правительства, они в устах столпов христианства обретают новую силу и мощь. Как овцы, рассеянные диким зверем, обращаемся мы к ним с просьбой о слове утешения в великой скорби, а они нам говорят, что мы не должны роптать на свирепые волчьи клыки, ибо им от бога дана власть раздирать каждого, кого они хотят. Не ропшут и они на этих зверей, но еще радуются, когда их клыки и когти делаются еще острее. Когда такой зверь, как пресловутый Галлер, по милости царской за образцовое глумление над жителями Вильно был повышен в должности и назначен гродненским губернатором³, т. е. ему была дана еще большая власть над нами, епископ виленский Станислав Адам Красинский первым поспешил передать ему по этому поводу свои сердечнейшие пожелания. Можно предполагать, что и Галлер принес Красинскому свои поздравления по случаю получения от царя креста в награду за неизвестно какие заслуги перед церковью⁴. Подобными же сверкающими знаками позора были заклеены: недостойный преемник Гундиуса⁵ декан костела св. Яна Немекша и прелат Бовкевич⁶. Сердце сжимается, когда имена священнослужителей выставляются на позор, но звучит голос правды: тот, кто сам навлекает на себя позор, да будет всеми пригвожден к позорному столбу.

Под бременем сыпавшихся на нас болезненных ударов мы падаем, ибо не можем обратиться к вам, служители церкви, с доверием и идти плечо к плечу с вами по одному пути, к одной цели, так как наши цели различны. Мы готовы к борьбе за нашу поруганную веру, за оскверненные храмы. Вы же под предлогом защиты церкви, отстранения от нее мнимых общественных волнений, пресмыкаетесь в подлой трусости и готовы претерпеть позорное бесчестие для религии и церкви, лишь бы не был нанесен урон вашей жизни и вашему здоровью. Когда мы видим совершаемые преступления, сердце наше разрывается на части от скорби, а вы взываете: «Мир вам! Будьте смиренны и кротки в сердцах ваших!». Когда враг, который оскверняет нашу страну и держит ее в темноте и позоре, напрягает все свои силы на истребление всего того, что благородно и свято, и толкает нас опять на ложе смерти, с которого мы хотим встать, вы взываете к нам: «Мир вам, мир вам!». Ваш мир — это наша смерть! О служители церкви! Если бы ваши матери в свой смертный час зывали к вам: «Сын мой, хочу жить!» — вы разве ответили бы им. «Мама, умирай с миром»? Разве ваши матери за такое кощунство не прокляли бы лоно, породившее вас на свет? Разве потомки не осудят вас за то, что когда наша Родина-мать возрождается к жизни и протягивает к вам

дрожащие руки, вы скрещиваете их ей на груди и говорите: покойся в мире! Неужели высокий сан служителя бога истребил в ваших сердцах любовь к родине, любовь к миллионам ваших ближних, соотечественников, любовь к справедливости, а не к разнузданной лжи и угнетению? Но ваш сан не мешает вам помнить, что вас породила эта земля, что это стадо приносит вам шерсть, чтобы одеться, и молоко, чтобы питать вас, и что за все это от вас требуется лишь одно — слово утешения и правды. Некоторые из вас говорят, что за проповедь правды вы можете пострадать и церковь придет в упадок, лишившись в вас своих верных пастырей. Какой же большой грех совершают те, которые так говорят! Первые апостолы, хотя и видели, что их мало, с радостью отдавали жизнь за правду и не убоялись, что церковь придет в упадок, ибо помнили слова Христа о том, что и врата ада не смогут побороть ее. Апостолы, памятуя эти слова, не убоялись ада. Вас же страшит одно лишь имя Гарибальди! Вы боитесь даже головных уборов, носящих его имя, брошек с его миниатюрным портретом; вы думаете, что в этих мелочах таится сатана, стремясь разрушить церковь, страшитесь всего этого, ибо вас одолела немощь, ибо в сердцах своих вы затаили ложь. То, что подобные вызывающие смех опасения существуют, подтвердил, проезжая через Вильно по пути в Рим, князь церкви епископ Боровский⁷ следующими словами: «Будьте осторожны, ибо искушение придет к вам в разных формах — в венгерке или в кунтуше, в конфедератке или гарибальдийской шапочке» и т. д.

Вы осуждаете современную молодежь за то, что она якобы заражена духом ереси, что она не идет вместе с церковью, вместе с вами по извилистой тропе вашей нравственности. Можете, наконец, смело добавить, что современная молодежь не соглашается с вами и в том, как следует понимать благо церкви и религии, ибо она видит несколько миллионов униатов, силой обращенных в православие и жаждущих ныне вернуться к вере своих предков. Я сказал бы, что современная молодежь, в условиях когда пошатнулся деспотизм, опорой которого вы желаете быть, видит сверкающий издали луч надежды привлечь к лону католической церкви миллионы людей, желающих жить под ее покровом. Поэтому я спрашиваю вас: кто может быть больше заражен ересью, неспособностью понять истинную правду — те, которые желают вернуть политическую самостоятельность и умножить число верующих, или те, которые отклоняют этот благоприятный шанс, возможно — навсегда? Может быть, ваши уста задрожат перед признанием столь ужасной правды, от боязни произнести приговор самим себе, поэтому я смело помогу вам в этом, говоря, что это — вы! Современность, хотя и охваченная ужасом перед таким преступлением, но надеясь, что вы еще поймете настоящую и святую цель нации и церкви, не бросает в вас грязью, однако суровое, но справедливое будущее может вас покрыть позором, а справедливый бог — покарать, если не в этой жизни, то после смерти за бездействие по отношению к вашей несчастной и никем не утешаемой пастве.

Когда наша кровь бурлит и толкает нас на защиту нашей оскверненной родины, опранной веры наших предков, сочетайте с нашей жаждой бороться за веру и отечество свою ревностную заботу о благе церкви, из паразитов нашего общества станьте подлинными польскими священнослужителями, а бог не преминет укрепить наши слабые силы, возродит нашу родину из ее неволи. Тогда наша святая церковь вновь станет единой, могучей, и свет озарит тех, кто жил в стране призрака смерти.

Объявление

Все лучшие склады аптекарских товаров в Вильне рекомендуют вниманию публики только что завезенный в город транспорт купороса высокого качества, который может быть использован для смачивания входящих в моду ярких платьев и шляпок⁸. Цена, в соответствии с требованиями времени, чрезвычайно низкая.

Е. вл. наместник Царства Польского при проезде из Варшавы в Петербург⁹, на вокзале железной дороги в гор. Вильне благоволил осясать своим игривым взглядом неких дам, прибывших для участия в его встрече, что, как и предоставленная им возможность узреть его особу, доставило им огромную радость.

¹ *«Jedność»* («Единство») — рукописная газета, выпускавшаяся обществом «Пентковичей». На архивной обложке сохранившихся 1-го и 3-го номеров имеется надпись, по-видимому, сделанная лицами, пожертвовавшими документы в музей Общества друзей наук в гор. Вильно: «От группы учителей. „Едність“ — газета 1862 г. (выходившая в Вильно, писавшаяся от руки) № 1, 3» (там же, л. 1).

Из доноса Ю. Бернацкого в III отделение выясняется состав редакции «Единства». Это студенты Петербургского университета, уволенные или добровольно уехавшие осенью 1861 г., после студенческих волнений, из Петербурга. В состав редакции входили Р. Скиргайло (редактор), Грегатович, Гражевич, Беркман, Жизневский и учитель вильнской прогимназии Черновский, развозивший журнал по уездам (см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1862 г., д. 230, ч. 17, лит. А).

² Из поэмы «*Psalmu przyszłości*» («Псалмы будущего»).

³ Управляющий канцелярией виленского ген.-губернатора полковник И. В. Галлер 6 марта 1862 г. был назначен и. д. военного губернатора гор. Гродно и гродненским гражданским губернатором с производством в ген.-майоры.

⁴ О награждении епископа Красинского см. также док. 37.

⁵ Кс. Вацлав Гундиус, вице-протоиерей костела св. Яна в Вильно, был арестован и выслан из Вильно за участие в манифестациях (см. док. 37 и прим. 2 к нему).

⁶ Кс. Антоний Некешиа был назначен на место арестованного кс. Гундиуса. Прелат виленского капитула Бовкевич был известен также как сторонник царских властей.

⁷ Епископ луцко-житомирский Боровский пользовался особым доверием царского правительства. В 1862 г. он выезжал единственным представителем католической церкви России на торжества в Рим.

⁸ Участники манифестаций 1861—1862 гг. постоянно носили траурную одежду. Женищинам, не соблюдающим национальный траур, часто обливали платья соляной кислотой и другими едкими веществами. Особенно этим отличались гимназисты.

⁹ В середине апреля 1862 г. наместник Царства Польского ген. А. Н. Лидерс ездил в Петербург для обсуждения проектов новых законов для Царства Польского.

43

1862 г. мая 6(18). — *«Jedność»* № 3

Nr. 3

JEDNOŚĆ

Wilno

18(6) maja 1862 r.

W ciąglej przykłady i słowa postaci
Rozdzielaj siebie samego twej braci!
Mnóż się ty jeden przez czyny żyjące,
A będą z ciebie jednego tysiące.

Zygmunt Krasiński

Niedawnymi czasy przyjechał z Petersburga nowy lustrator w celu sprzedawania ziemi włościanom skarbowym. Ta wiadomość z radością opowiadana była przez kilku obywateli i w rychłym spełnieniu tego zalecenia przewidywano wielkie ułatwienie dla rozstrzygnięcia kwestii włościańskiej¹. Otóż żeby podobne rezonowanie więcej się nie powtarzało, musimy rozjaśnić to pytanie. Powiadają oni, iż 1) przekonają się nareszcie włościanie, że rząd nie darował im ziemi obywatelskiej, gdyż własną sprzedaje; a przez to łatwiejsze będą umowy i korzystniejsze warunki dla

obywatela; 2) włościanin mający posiadłość znieczęcony będzie do rządu i słuchać go nie zechce.

Stanowczo możemy wyrzec, że całe to rezonowanie nie zawiera i cienia prawdy. Najgorsze symptoma kwestii włościańskiej już przeszły; wiara w cara zachwiana, nadzieja daremnego posiadania ziemi utracona, zaburzenia i niechęć ku obywatelstwu przeszły. Włościanin zanadto jest skromny w swoich wymaganiach i choć się dopominał gdzieś o posiadanie ziemi, którą przez sumienność zwrócić by mu należało, to jednak nie z własnego natchnienia, lecz podburzany rządowymi podżegaczami. Nie trzeba więc nowych dobitniejszych faktów dla mitygowania włościan. Inne więc są powody, które stawia pewną część obywatelstwa w obronie wykupu ziemi skarbowej. Wnet po ogłoszeniu manifestu, w chwili niepewności i zwątpienia, obywatelstwo przygotowane było do wszelkich ofiar, nawet do darowizny ziemi; teraz zaś większość myśli jakby najkorzystniej kwestię włościańską ukończyć. Taka dewiza czas jakiś ludziła prawych Polaków i oni ostatki sił swoich nieśli na pomoc słabszej braci — lecz jak smutne rozczarowanie nas spotkało! Znaczna część obywatelstwa napiętnowana jest wadami, które historia ostatniego wieku im zarzuca: przepełniona samolubstwem, materializmem, bez poświęcenia, płaszcząca się w nieszczęściu i zarozumiała w pomyślności. Według tych obywateli korzystnie kwestię włościańską rozstrzygnąć znaczy największe prerogatywy wyludzić dla siebie, a najmniej zabezpieczyć chłopą, by on na zawsze zależny był od posiadacza ziemskiego. Włościanin — posiadacz ziemi będzie trzymać stronę rządu, który mu dał środki do bytu niezależnego, będzie mu wierzył i słuchał. Nic nie obudzi takich włościan do walki z Moskwą, nie będziemy mieli bodźca do ich podniecania; stracimy jedyny promień ich przyszłych nadziei. Pod względem zaś ekonomicznym jeszcze ważniejsze mamy zarzuty. Włościanie skarbowi bez porównania są majątniejsi niż obywatelscy; dla nich wykup ziemi, szczególnie po cenie niższej, zupełnie będzie przystępny. Większość więc włościan skarbowych od razu wypłaci należność i stanie się obywatelami ziemskimi. Co zaś do obywateli, nigdy oni swej ziemi tak tanio nie sprzedadzą, a zatem bardzo mała liczba włościan w stanie będzie kupić; większość zaś zostanie przy starym i z zazdrością będzie poglądała na swoich sąsiadów, a przez to jeszcze większa obudzi się nienawiść ku obywatelom.

Dla urzeczywistnienia swoich zamiarów tacy obywatele nie zastanawiają się przy wyborze środków nawet dla kraju szkodliwych. Gdzież to wasza miłość ojczyzny, gdzie miłość bliźniego, gdzie ta jedność, do której dążyć zamierzacie?

Obłudnicy! Wy tam o poświęceniu, o patriotyzmie mówicie, a tymczasem drugich zdradzacie i wstrzymujecie harmonijny rozwój sił narodowych przez swoją opieszałość, gadatliwość i przysługiwanie się rządowym figurom w przeprowadzeniu ich zamiarów.

Sprzedaż ziemi skarbowej wiele złego mieści w sobie: wyciąga pieniądze z kraju, wzbogaca kasę nieprzyjacielską, robi ich^a obojętnymi dla sprawy polskiej, bo usuwa wszelkie nadzieje; na koniec marnuje bogactwo narodu i odbiera możliwość wynagrodzenia z czasem tych, którzy się poświęceniem odznaczają. Dość będzie łada czyjego podszeptu i włościa-

^a Tzn. włościan.

nie z desperacji chwycą się środka galicyjskiego, aby oswobodzić się od panów². Czy rozumieją teraz stronnicy wykupu, że na swoją zgubę to propagują?

W Rosji wykup nie jest tak straszny; tam nie ma majątków konfiskowanych, a zatem cena na ziemię będzie jednostajna, włościanie są zamożniejsi i żyją całymi rodzinami z kilkunastu czasem osób złożonymi; dla nich wykup nie będzie trudny. Reszta włościan, co ziemi nie kupi, wyjdzie na roboty, a na wsiach nie będzie takiej różnicy jak u nas. Co do nas, poprzestaniem lepiej na ratowej amortyzacyjnej wypłacie^{*3} przez rząd pobieranej — tą drogą obywatelstwo usunie się od przykrego ścierańia się z włościanami, a rząd im nadoje do żywego.

Wreszcie o środkach do załatwienia kwestii tej będziemy mówili w następnych numerach; tylko to tutaj powiemy, że półśrodki lub wybiegi dusicieli naszych nie prowadzące wprost do celu, do niczego nie posłużą. Radźmy i róbmy jak przystoi narodowi polskiemu, a włościanin zapomni swoją niechęć do obywatela, a obywatel niech mu dopomaga jako dobry sąsiad zamożny, jako starszy brat jednej familii, ale nie jako car!

Wzywamy więc wszystkich prawych Polaków nie tylko nie propagować wykupu ziemi skarbowej, ale nadto zapobiegać wszelkimi siłami, by nie doprowadzić do katastrofy, która Galicję spotkała!

Obywatel z Lidzkiego

Rozmaitości

— Petersburg. — Dziennikarstwo moskiewskie nie przestaje ubolewać nad obecnym stanem Rosji, obmyśla środki, by dźwignąć ją z przepaści, nad którą zawisa, podaje projekta, zapowiada ulepszenie; lecz z tym się nie tai, że kryzys finansowy do bankructwa imperium doprowadzi i w zupełnym zwątpieniu następujący pewnik podaje: «Przeznaczenie widać to rządu, że Rosja przejdzie te same koleje, którymi niegdyś Francja postępowala». Rzeczywiście, znajdujemy wielkie podobieństwo w panowaniu Ludwika XIV z mikołajewskim, a regencji Ludwików XV i XVI z rządem Aleksandra II. Katastrofa, która spotkała Ludwika XVI, a z nią razem rewolucja socjalna i polityczna przewiduje się w krótkim czasie.

Partia ruskich patriotów ciągle odezwy wydaje. Na Wielkanoc w samym dworcu, gdzie największa jest baczność, rozdane były odezwy i jedna nawet trafiła do kieszeni cara. Było to wezwanie do wojska⁴, by obmyśliło, na czyjej stronie stanie podczas rychło oczekiwanych rozruchów: czy na stronie narodu — stronie prawej, czy na stronie despotyzmu i dynastii niemieckiej. Car, gdy znalazł u siebie odezwę, wpadł w wściekłość okropną i z największą złością wymawiał szefowi żandarmów tymi słowy: «Nie tylko mnie nie uważają jako cara, ale nawet jako gospodarza w moim własnym domu krzywdzą. Do czego was trzymam, jaka mi z was korzyść!» — i potem zapłakał. — Na przewodnią niedzielę powtórzyły się odezwy pod tytułem: «Od Ziemskiej Dumy»⁵ treści następującej: «Zebrana tutaj (w Petersburgu) Ziemska Duma po skomunikowaniu się z komitetami prowincjonalnymi za obowiązek sobie liczy przypomnieć carowi, że nieporządek i rozstrój państwa do ostatniego kresu dochodzi. Dajemy więc termin do

^{*} Chociaż to pomieszczamy, jednak zupełnie to się nie zgadza z naszym przekonaniem, bo środek amortyzacyjny jest już za późny dla podniesienia naszej sprawy. Nie rozpisujemy się teraz o tym, albowiem w piśmie naszym nieraz obszerniej to dotkniemy (przyp[is] Redak[cji]).

7 września dla namyslenia się, a tego dnia car powinien oddać rządy w ręce wybranych spośród Dumy Ziemskiej. Gdy zaś tego nie uczyni, to zmuszeni będziemy rozpocząć kroki stanowcze». Pocieszająca to dla nas nowina! Ale czy też korzystamy z wypadków? Bynajmniej! Jak gdyby historia nie miała celu nauczania. Zamiast tego żeby podniecać rozstrój Moskwy, wikłać jej interesa, zapobiegać spełnieniu rozporządzeń, podrywać kredyt i zaufanie do rządu, my jesteśmy pokornymi służakami i pomagamy rządowym konszachtom.

—Bolesna to rzecz, że musimy od czasu do czasu podawać do ogólnej wiadomości szkaradne postępowanie nie tylko pojedynczych osób, ale nawet kółek towarzystwa.

Za bezczelność, lotrostwo, kradzież i prześladowania, którymi się Haller odznaczał, niektóre osoby przed wyjazdem jego do Grodna powinszowania mu swoje składają. W dniu zaś odjazdu (27 kwietnia/8 maja [s]) wiadomy z swej głupoty, tak przewzany «Ośla głowa» Karpiński⁶, urządza ceremonialne czolobicie, zbiera urzędników biura gubernatorskiego i występuje z mową. Jednak sumienie w nim nie wygasło zupełnie, bo gdy wypowiadał największy fałsz i bluźnierstwa, trząsł się jak liść na osinie i zdawało się że słowa mu zamierały na ustach. Ta okoliczność niewiele nas obchodzić powinna, bo też to urzędnik moskiewski. Ale zrobim wzmiankę o podobnym popisie obywatelstwa kowieńskiego. Nie chcemy wymieniać szczegółów, bo jesteśmy przekonani, że poprawa jest możliwą a ci, którzy poczuwają się do winy pomyślą o prędkiej rehabilitacji. Po usunięciu pocziwych i zacnych marszałków Żylińskiego i Dowgirda obywatelstwo kowieńskie nie mogło bez pohańbienia siebie przyjąć piastowanie tych urzędów. Rzeczywiście wszyscy się odmawiali, lecz na nieszczęście znalazł się służalec carski, który przyjął taką propozycję. Jakże postąpiło z nim obywatelstwo, jaka tam opinia publiczna? Zamiast tego żeby wyrzucić p. Karpia⁷ ze swego towarzystwa i mieć go w pogardzie, obywatelstwo daje mu ucztę. Ta uczta nie była dana wyłącznie dla p. Karpia, lecz i dla przybyłego urzędnika z Petersburga Sołowjewa, który przysłany w nasze strony dla przejrzenia listów nadsyłanych. Kowieńskie obywatelstwo sądziło, że go tym sposobem skapituje dla pozyskania jakichś tam korzyści ze szkodą włościanina. Ta stypa obywatelstwa odbyła się w towarzystwie żandarmów, policjantów, lotrów różnego rodzaju i obywateli. Koniec zaś tej stypy był taki, że wzniesiono toasty na cześć Krügera, Wasiljewa, Karpia i Skworcowa; w kilka minut po tych toastach mieszkańcy Kowna wybili kamieniami kilkanaście szyb w gmachu tej uczty i taki był finisz hulanki szlacheckiej.

—Na sąd narodu i powszechną ohydę podajemy następujący postępek sędziego pokoju w boryrowskim powiecie 6-go obwodu Węclawowicza. Po przyjęciu obowiązku wnet nakazał włościanom piastującym urzęda gminne nosić brody moskiewskie i długopole kaftany (w tych stronach lud nawrócony z unii na prawosławie), przychodzącym zaś w innym odzieniu wyznaczył pieniężne kary. Na dodatek dla ugnębienia i prędkiego wynarodowienia ludu wezwał z głębi Rosji sekretarza.

—Gdy naród w żalobie, gdy naród jednomyślnie postanowił unikać wszelkich zabaw i widowisk publicznych, są ludzie tak miedzianego czoła, tak nikczemnej odwagi, że śmiać iść wbrew chęciom i dążeniom ogółu. Mamy tego przykład w pp. Piłsudskim, Romerze i Sidorowiczu (ten ostatni znajomy ze swej głupoty); ci panowie nie wstydzili się być w

театре дня 27 kwietnia. Toteż takie odstępstwo od woli narodu wzbu-
dziło niezwykle zapal w publiczności moskiewskiej, która chcąc uczcić
odstępców, głośno dawała brawo i wywoływała mianowicie p. Piłsudskie-
go. P. Piłsudski nie mógł znieść podobnych aplauzów i zemknął z teatru,
dwaj jego godni towarzysze pozostali w teatrze do końca przedstawienia.
Niech sąd publiczności wyda na nich wyrok i strzeże innych od zarazy.

Od Redakcji. Wszystkich czytelników, zgadzających się z nami w po-
jęciach i popierających przyjaznym życzeniem nasze wydawnictwo,
upraszamy o przepisywanie №№ «Jedności» — lub wyjątków z tego pisma
i rozpowszechnianie pomiędzy wszystkimi klasami ludności. Niech dobra
chęć rodaków do czasu zastąpi brak druku.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1135, оп. 4, д. 385, лл. 4—5. Подлинник

ПЕРЕВОД

№ 3

ЕДИНСТВО

Вильно
6(18) мая 1862 г.

В неразрывности слова и дела
Отдавай себя своим братьям!
Умножай свою силу действиями,
И вместо тебя одного будут тысячи.

Зыгмунт Красинский

Недавно приехал из Петербурга новый ревизор для продажи земли казенным
крестьянам. Это известие с радостью передавалось несколькими помещиками, которые
полагали, что незамедлительное исполнение этого поручения облегчит решение кресть-
янского вопроса¹. Именно для того, чтобы исключить повторение подобных рассу-
ждений, мы должны внести ясность в данный вопрос. Они утверждают, что: 1) крестьяне,
наконец, убедятся, что правительство не даровало им помещичьи земли, так как продает
свою собственную; поэтому помещикам будет легче заключать договоры на более вы-
годных для них условиях; 2) крестьянин, владеющий собственностью, будет недоволен
правительством и не захочет ему подчиняться.

Мы должны решительно заявить, что во всех этих рассуждениях нет и тени прав-
ды. Наихудшие проявления крестьянского вопроса уже в прошлом; вера в царя по-
шатнулась, надежда на безвозмездное владение землей утеряна, волнения против поме-
щиков и ненависть к ним — все это в прошлом. Крестьянин слишком скромен в своих
претензиях, и хотя кое-где он и добивался владения землей, которую, по совести,
ему следовало бы вернуть, но он это делал не по собственной инициативе, а по науще-
нию правительства. Нет нужды поэтому в новых, более убедительных фактах для того,
чтобы внести успокоение в среду крестьян. Имеются другие причины, которые побудили
часть помещиков ратовать за выкуп казенной земли. Непосредственно после обнародо-
вания манифеста, в момент смятения и замешательства, помещики были готовы пойти
на любые жертвы, вплоть до безвозмездной передачи крестьянам земли; а сейчас боль-
шинство помещиков только и думает о том, как бы с наибольшей выгодой для себя
разрешить крестьянский вопрос. Многие честные поляки в течение некоторого времени
обманывались и по мере сил старались помогать своим неимущим братьям. Какое глу-
бокое разочарование нас постигло! Большинству помещиков присущи пороки, запечат-
ленные в истории последнего столетия: они погрязли в себялюбии, материализме, не-
способны к самопожертвованию, они падают духом в несчастии и становятся высоко-
мерными при удачах. По мнению этих помещиков, наилучшее решение крестьянского

вопроса заключается в том, чтобы получить максимальные права для себя и по возможности меньше дать крестьянину с тем, чтобы поставить его в вечную зависимость от землевладельца. Крестьянин, владеющий землей, будет стоять за правительство, которое предоставило ему средства для самостоятельного существования, он будет верить и подчиняться ему. Никто не сможет побудить таких крестьян к борьбе с Москвой, у нас не будет стимула, способного поднять их; мы лишимся последнего проблеска надежды добиться этого в будущем. Еще более серьезные возражения можно привести с экономической точки зрения. Казенные крестьяне живут несравненно более зажиточно, чем помещичьи крестьяне; для них выкуп земли, в особенности по сниженным ценам, будет вполне доступен. Поэтому большинство казенных крестьян сразу же выплатит причитающиеся с них суммы и станет землевладельцами. Что же касается помещиков, то они никогда не пойдут на продажу земли по таким дешевым ценам, поэтому лишь ничтожная часть крестьян окажется в состоянии приобрести землю; большинство останется при старом и с завистью будет смотреть на своих соседей, в результате чего они преисполнятся еще большей ненавистью к помещикам.

Ради достижения своих целей эти помещики не останавливаются перед применением и таких средств, которые являются гибельными для страны. Где же ваша любовь к родине, где ваша любовь к ближним, где то единство, к которому вы стремитесь?

Лицемеры! Вы говорите о самопожертвовании, о патриотизме, а между тем предаете других и задерживаете гармоническое развитие национальных сил своей медлительностью, разглагольствованиями и услужливостью перед правительством в проведении его замыслов.

Продажа казенной земли таит в себе много зла: вытягивает деньги из страны, обогащает кассу противника, делает их^а равнодушными к польскому делу, ибо лишает их всяких надежд; наконец, она ведет к истощению национального достояния и отнимает возможность в будущем вознаградить тех, кто проявляет самоотверженность. Достаточно будет любого наущения, и крестьяне в отчаянии прибегнут к галицийскому средству, чтобы избавиться от паков². Понимают ли теперь сторонники выкупа земли, что они ратуют за него на собственную гибель?

В России выкуп не так страшен: там нет конфискованных поместий, и поэтому цена на землю будет одинаковой, крестьяне там более зажиточны, живут целыми семьями подчас в 15—20 человек; выкуп для них не представит трудности. Остальные крестьяне, которые земли не купят, пойдут на работы, и в деревнях не будет такой разницы, как у нас. Что же касается нас, то мы лучше удовольствуемся амортизационными выплатами³ в рассрочку*, взимаемыми правительством,— таким путем помещики избегнут неприятных столкновений с крестьянами, а правительство осточертеет крестьянам до последней степени.

О средствах решения данного вопроса мы поговорим в следующих номерах; здесь мы лишь скажем, что полумеры и уловки наших угнетателей, которые непосредственно не ведут к цели, останутся безуспешны. Давайте, будем действовать так, как это достойно польского народа, крестьянин забудет о своей ненависти к помещику, а помещик поможет ему как добрый зажиточный сосед, как старший брат из той же семьи, а не как царь!

Поэтому мы призываем всех честных поляков не только не ратовать за выкуп казенной земли, но и всемерно стремиться к тому, чтобы не допустить катастрофы, разразившейся в Галиции.

Помещик из Лидского у.

* Хотя мы и публикуем это, но это ни в какой мере не отвечает нашим убеждениям, ибо амортизация является уже слишком запоздалым средством для подъема нашего дела. Мы об этом сейчас не распространяемся, так как в нашей газете мы еще не раз вернемся к этому вопросу (Примечание редакции).

^а Т. е. крестьян.

— Петербург. — Русские журналисты скорбят о теперешнем состоянии России, они размышляют о мерах спасения ее от угрозы гибели, которая нависла над ней, вносят проекты, предвещающие улучшение, но не скрывают, что финансовый кризис приведет империю к банкротству, и, потеряв всякую надежду, заявляют: «По-видимому, суждено, чтобы Россия пошла по тому же пути, по которому в свое время шла Франция». И действительно, имеется большое сходство между правлением Людовика XIV и Николая, а также между правлением Людовиков XV и XVI и царствованием Александра II. Катастрофу, постигшую Людовика XVI, а вместе с тем социальную и политическую революцию, можно предвидеть уже в ближайшем будущем.

Партия русских патриотов все время выпускает листовки. На пасху в самом дворце, где принимаются все меры предосторожности, были распространены листовки, причем одна из них очутилась в кармане у царя. Это было воззвание, обращенное к армии⁴, с призывом задуматься над тем, на чью сторону она встанет, когда вскоре начнутся волнения: на сторону ли народа — за правое дело, или же на сторону деспотизма и немецкой династии. Когда царь обнаружил у себя листовку, он был взбешен и в ярости заявил шефу жандармов: «Меня не только не чтят как царя, но и оскорбляют как хозяина в моем собственном доме. Для чего я вас держу, какая мне от вас польза!» — и заплакал. В первое воскресенье после пасхи вновь появились листовки под названием «О земской думе»⁵, следующего содержания: «Собравшись здесь (в Петербурге) земская дума, снесясь с провинциальными комитетами, считает своим долгом напомнить царю, что волнения и неурядицы в государстве достигли крайних пределов. Поэтому мы даем на размышление срок до 7 сентября. В этот день царь обязан передать власть в руки избранников земской думы. Если же он этого не сделает, то мы будем вынуждены прибегнуть к решительным мерам». Радостная для нас весть! Но разве мы умеем пользоваться обстоятельствами? — Отнюдь нет! Мы не извлекаем уроков из истории. Вместо того, чтобы возбуждать беспорядки в России, вредить ее интересам, препятствовать выполнению указов, подрывать кредит и доверие к правительству, мы смиренно служим и помогаем закулисным махинациям правительства.

— Прискорбно, что время от времени нам приходится доводить до всеобщего сведения о гнусном поведении не только отдельных лиц, но и целых общественных групп.

За наглость, мошенничество, воровство и притеснения, которыми отличался Галлер, некоторые особы накануне его отъезда в Гродно приносят ему свои поздравления. В день же его отъезда (27 апреля/8 мая^а) прославившийся своей глупостью Карпинский^б, по прозвищу Ослиная голова, организует торжественное чествование, собирает чиновников канцелярии губернатора и выступает с речью. Однако, он не совсем еще потерял совесть: произнося свои лицемерные и кощунственные фразы, он дрожал, как осиновый лист, и, казалось, слова замирали у него на устах. Это обстоятельство не должно нас особенно трогать, так как он — царский чиновник. А теперь расскажем о подобном же случае, имевшем место в среде ковенских помещиков. Мы не хотим приводить подробности, мы убеждены, что положение исправимо, а те, кто чувствует на себе вину, пусть подумают о скорой реабилитации. После устранения честных и достойных предводителей дворянства, Жилинского и Довгирда, ковенские помещики, не покрывая себя позором, не могли занимать этих должностей. И действительно, все отказывались, но на беду нашелся царский прислужник, который принял подобное предложение. Как же отнеслись к нему помещики, какое создалось общественное мнение? Вместо того, чтобы изгнать г. Карпя^г из своих рядов и заклеймить его презрением, помещики устраивают в его честь торжество. Это торжество было устроено не только в честь г. Карпя, но и в честь

^а Так в док.

прибывшего из Петербурга чиновника Соловьева, который был прислан в наш край для пересмотра уставных грамот. Ковенские помещики рассчитывали таким способом привлечь его на свою сторону для получения некоторых преимуществ в ущерб крестьянству. Это пиршество проходило в обществе жандармов, полицейских, всякого рода подонков и помещиков. Конец же этого пиршества был таков, что произносились тосты в честь Кригера, Васильева, Карпя и Скворцова. Спустя несколько минут после этих тостов ковенцы выбили камнями стекла в том здании, где состоялось это торжество. Таков был конец дворянского кутежа.

— На суд народа и всеобщий позор мы сообщаем о следующем поступке мирового судьи 6-го участка Борисовского у. Венцлавовича. Сразу же после вступления в должность он приказал крестьянам, занимающим должности в волостях, носить бороды по-русски и долгополые кафтаны (в этой местности население было обращено из униатства в православие), а тех лиц, которые приходили одетыми иначе, он облагал денежными штрафами. Вдобавок для того чтобы еще более притеснить народ и скорее заставить его отказаться от своей национальности, он выписал секретаря из глубины России.

— Когда нация в трауре, когда нация единодушно решила избегать любых увеселений и публичных зрелищ, находятся еще твердолобые и не знающие стыда люди, которые осмеливаются идти против общественного мнения. Примером могут служить гг. Пилсудский, Ромер и Сидорович. Последний известен своей глупостью. Эти господа не постеснялись 27 апреля явиться в театр. Подобное нарушение воли народа вызвало чрезвычайный энтузиазм в русской публике, которая, желая почтить отступников, громко кричала «браво» и вызывала в особенности г. Пилсудского. Пилсудский не мог перенести эти аплодисменты и сбежал из театра. Оба же его достойные товарища остались в театре до конца спектакля. Пусть суд общественности заклеит их, а остальных предостережет от заразы.

От редакции. Всех читателей, согласных с нашими убеждениями, доброжелательно относящихся к нашему изданию, мы просим переписывать номера «Единства» целиком или отдельные статьи этой газеты и распространять среди всех классов населения. — Пусть добрая воля наших соотечественников пока заменит отсутствие печатного станка.

¹ Приводимые ниже соображения о путях решения крестьянского вопроса типичны для программы шляхетских революционеров, стремившихся заручиться поддержкой крестьянства и искавших с ним союза не на пути антипомещичьей, антифеодальной борьбы, а посредством «улучшения» класса помещиков, расширения их уступок крестьянству.

² Имеется в виду восстание крестьян Западной Галиции в 1846 г., носившее резко выраженный антипомещичий характер.

³ Видимо, по мысли автора, «амортизационные выплаты» должны были играть роль выкупных платежей.

⁴ По-видимому, имеется в виду прокламация «Офицеры», распространявшаяся в Петербурге в апреле 1862 г. См. «Русско-польские революционные связи», т. 1, стр. 221—223.

⁵ Прокламация «Земская дума» — см. там же, стр. 142.

⁶ Начальник отделения канцелярии виленского ген.-губернатора.

⁷ Предводитель дворянства Поневежского у. Ф. Карп в феврале 1862 г. был назначен и. д. предводителя дворянства Ковенской губ.

1862 г. апреля 24. — Предписание А. М. Гильдебранта виленскому жандармскому штаб-офицеру А. М. Лосеву о наблюдении за настроениями в войсках в связи с распространением революционных изданий

Весьма секретно

С некоторого времени неблагонамеренными людьми распространяются между воинскими чинами возмутительные противоправительственные воззвания¹. Дабы иметь по возможности верные и прямые сведения, какое производят влияние эти неблагонамеренные попытки и внушения, я покорно прошу в. вб. избрать из подведомственных вам губернской и уездной жандармских команд 2 или 3 расторопных и самых благонадежных жандармов, весьма секретно поручить стараться заводить знакомство и сближаться с квартирующими в городах нижними чинами и осторожно узнавать о духе их и направлении умов. Обо всем же заслуживающем внимания, что дойдет до вашего сведения по этому предмету, не оставьте доносить г. шефу жандармов и мне.

Ген.-майор фон Гильдебрант

ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 156, л. 2. Подлинник

¹ См. док. 32, 45, 108, 118, 233, 237, а также ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 566.

1862 г. апреля 25. Вильно. — Донесение А. М. Гильдебранта В. А. Долгорукову об агитации в войсках и среди крестьянства

Наружное спокойствие в Западном крае продолжается и, кроме некоторых маловажных гласных политических проявлений, о которых считаю долгом упомянуть ниже, ничего чрезвычайного после донесения моего в. с. от 14 прошлого февраля за № 50¹ не случилось.

В публике слышны весьма различные толки о причинах наставшей тишины: одни говорят, что парижский революционный комитет, находя, что Польша и Западный край достаточно заявили перед целым светом непоколебимое намерение свое отделиться от России, признал, что не следует более, и без всякой пользы, раздражать гласными манифестациями правительство наше, а надлежит выжидать событий в Италии и Венгрии и тогда действовать единодушно и энергично; по мнению же других, злоумышленники ожидают скорой революции в самой России, что и будет общим сигналом действовать к достижению желаемой цели. Только немногие соглашаются, что энергические меры правительства имели главное влияние на успокоение края; что, впрочем, подтверждается фактами: в губерниях, где начальники действуют слабо, манифестации и ныне еще проявляются. Не могу умолчать при-

том, что немцы в Риге, народ основательный и весьма сдержанный в суждениях своих, разделяют (как мне достоверно известно) мнение поляков насчет предстоящей революции в России. Кроме доходящих прямыми путями неблагоприятных сведений о состоянии умов внутри государства, Германский национальный союз (Nationale Verein)² старается поддерживать мнение это в немецком населении Остзейского края.

Попытки бунтовать войска

Два обстоятельства заслуживают в настоящее время особенного внимания: 1) попытки поляков поселить революционные идеи в нашем войске посредством возмутительных воззваний и внушений и 2) проявляющееся в некоторых местах желание сблизиться с русскими, которых они со времени волнения в Польше явно чуждались, но теперь уверяют, что всегда питали к ним, соплеменникам своим, доброе расположение и только ненавидят правительство, деспотически угнетающее всех подданных своих.

Дух войска

До сего времени состояние умов в войске может назваться довольно удовлетворительным, и попытки поляков успеха не имели. К сожалению, однако, нельзя не присовокупить, что дисциплина и чинопочитание заметно ослабели. Это относится и к нижним чинам и к молодым офицерам в особенности. Между последними встречаются нередко вольнодумцы, зараженные идеями нынешнего тревожного времени; вообще же они недовольны своим положением и не дорожат военным мундиром; в этом отношении разница между понятиями молодежи нынешнего времени и прежнего, например, лет 20 или 25 назад, истинно поразительная!

Для лучшего наблюдения за нижними чинами я счел не излишним сделать весьма секретное распоряжение, дабы самые благонадежные жандармы старались заводить знакомства и дружеские связи с солдатами полков, квартирующих в городах, где находятся жандармские команды, и следили бы незаметно за образом их мыслей и толками для донесения о том, что окажется, ближайшим начальникам своим³.

Возмутительные сочинения

Кроме попыток бунтовать войско, заметно в последнее время усиленное старание распространить возмутительные сочинения вообще, в чем участвуют и русские, и, что более, даже лица, принадлежащие к православному духовенству. В киевской лаврской духовной типографии издавались тайно литографированные брошюры «Великоруса» и, на польском языке, «Воззвание поляков». Виновные, в том числе и два лаврских послушника, преданы следствию с заключением в крепости⁴. Сверх сего, найдены у киевского русского купца и купеческого приказчика разные возмутительные сочинения, литографированные в Москве. В Житомире при обыске книжного магазина Гусаровского снова обнаружены действия злоумышленников к распространению вредных сочинений с помощью житомирской типографии Квятковского. В Минской губ. найдены крестьянами в дупле дерева возмутительные сочинения во множестве экземпляров⁵. Польское патриотическое общество разо-

слало к мировым посредникам циркуляр с наставлением, как действовать, дабы возбудить крестьян против правительства.

Г. ген.-губернатор Назимов уведомил меня о напечатанных в Лондоне на русском языке в весьма большом количестве экземпляров возмутительных воззваниях под заглавиями: 1) «Что надо делать войску» и 2) «Что надо делать духовенству»⁶ и что польский комитет в Париже положил выбрать для отправления в Россию 25 эмиссаров из числа способнейших поляков и русских, проживающих за границей. Штаб-офицеры вверенного мне округа бдительно следят за появлением этих сочинений и эмиссаров.

Корыстолюбие евреев

Евреи, преданные только своим интересам и никому более, распространяют за деньги революционные медальоны и промышляют, где только можно, запрещенными книгами. Поляки стараются их бунтовать посредством воззваний, но это напрасно, доколе на стороне нашего правительства остаются будут власть и сила.

Уставные грамоты

Введение уставных грамот встречает в некоторых поместьях упорное сопротивление со стороны крестьян, как, например, в Подольской и Ковенской губ., куда были командированы жандармские штаб-офицеры, восстановившие благоразумными увещаниями, а отчасти и строгостью, нарушенный порядок и повиновение. По частным известиям из Киевской губ., крестьяне также обнаруживают там неповиновение и отказываются от принятия уставных грамот, что, однако, не согласуется с известием в «Северной почте», где сказано противное.

Манифестации в Минске

Тогда как в других западных губерниях прекратились открытые неблагонамеренные заявления против правительства, кроме, разве, ношения дамами траура и кое-где конфедераток и национальных костюмов, в Минске пение гимна продолжается, а именно 4 марта в кафедральном костеле и накануне светлого воскресенья — в двух костелах, а 15 февраля отслужено две панихиды по убитым в Варшаве. Кроме других лиц (не обнаруженных), участвовали в гимнах и панихиде гимназисты, а также девица Марцинкевич⁷ и вдова Кудзинович, дерзкие и явные революционерки, которых уже давно следовало выслать во внутренние губернии. Но местное начальство терпит их, а они продолжают издеваться над властью, соблазняя своих единомышленников; вероятно, увлеченная их вредным примером, помещица Киневиц написала в политический суд, требовавший ее к ответу за участие в революционном гимне, язвительную насмешку на искаженном белорусском наречии*. К категории лиц, которые безнаказанно продолжают хвастаться своим патриотизмом, устраивают пение гимнов и увлекают за собой молодежь, принадлежит известный из многих донесений витебского жандармского штаб-офицера заседатель тамошней гражданской палаты Корсак; его, однако, все еще не выслали из Витебска.

* Сейчас получил я донесение из Минска, что 17 апреля ввечеру разбиты камни и стекла в доме католического епископа, который был иллюминирован по случаю торжественного праздника. Виновные не замечены.

В этом городе выставлен был 28 марта флаг с надписью по-польски: «К оружию, братья,— уже время приходит». Виновные не найдены; подозреваются гимназисты⁸.

Учреждение сельских школ

Г. министр народного просвещения, признавая необходимым устроить в западных губерниях сельские школы, приказал отпустить в прошлом марте в полное распоряжение попечителей Виленского и Киевского учебных округов по 10 тысяч руб. сер., отнюдь не стесняя их в этом деле бюрократическими формами и мелочной отчетностью. Можно надеяться, что распоряжение это принесет в будущем существенную пользу.

Прошение виленских ксендзов

Г. ген.-губернатор Назимов исходатайствовал возвращение в Виленскую губ. ксендзов Гундиуса, Бышевского и Шульца, сосланных в прошлом феврале месяце, двое первых в Вятку, а третий в Оренбург, за распространение возмутительных идей в Вильне и найденные у них в таком же духе сочинения. Из них Гундиус был в особенности вреден, действуя вкрадчиво на умы женщин, которые увлекали молодежь. Возвращение это последовало, по моему мнению, преждевременно. Ксендзы примутся на новых местах за те же проделки, но только с большей осторожностью, и приезд их не обойдется без демонстраций со стороны жителей. Наконец, злоумышленники, увлекающие легковерную польскую публику, всегда готовую верить тому, что ей больше нравится, станут утверждать, что правительство испугалось строгой своей меры и вынуждено было скорее возвратить ксендзов. Вместе с тем виленский католический епископ Красинский награжден орденом св. Владимира 3-й степени; награда эта нисколько не изменит образа мыслей прелата и едва ли обрадовала его: во мнении большинства публики он будет компрометирован. Награждать с некоторой пользой католическое духовенство, и даже расположить его к правительству, можно только посредством денег, секретно переданных из рук в руки, или же гласным увеличением окладов вообще. В подкрепление этого мнения я ссылаюсь на собственные слова епископа Красинского, упомянутые в донесении моем в. с. 1 декабря прошлого 1861 г. за № 524⁹.

Ген.-майор фон Гильдебрант

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 410—416 об. Подлинник

¹ См. док. 39.

² Союз крупной и мелкой буржуазии, одним из основных пунктов программы которого было создание единой Германии во главе с Пруссией (создан во Франкфурте в 1859 г.).

³ См. док. 44.

⁴ См. «Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг.» стр. 264.

⁵ См. док. 285.

⁶ См. док. 32, 43, 44, 108, 118, 233.

⁷ См. док. 284.

⁸ См. док. 311.

⁹ См. док. 37.

1862 г. июня 10.— Донос Ю. Бернацкого («В. Иванова») вилленскому полицмейстеру П. С. Васильеву о деятельности революционных кружков и групп в Вильно

Милостивый государи!

Узнав некоторые подробности об обществе с политической целью, существующем в гор. Вильне, спешу Вам об нем сообщить, чтобы Вы потрудились уже это передать дальше, так как сам к е. п.¹ писать не могу, опасаясь, что письмо мое достанется в ненужные руки. Дело вот в чем: как Вам известно, что [в] Вильно ходило по рукам периодически издаваемое в числе нескольких экземпляров «Единство» («Jedność, piśemko periodyczne») ². Оно вышло всего только в четырех номерах и прекратилось, ибо главный его редактор³ уехал, и теперь есть у меня. «Единство», как Вам неизвестно, я думаю, нападало некоторым образом на аутоманию⁴ некоторых, которые ни с того, ни с другого взяли всю власть в свои руки и распоряжаются самодержавно; это было высказано против начальников патриотического тайного общества, которое существует под Вашими глазами и которое уничтожить Вам бы следовало, ибо оно может наделать очень много зла всем вообще, тем более, что имеет в своих руках огромнейшие средства денежные, молодежь к этому обществу почти не принадлежит (за исключением) двух или трех) и употребляется только как орудие к распространению пропаганды, цель и текст которой изготовляют начальники общества. Начальников главных есть двое, один помещик (один из бывших официально в Петербурге по крестьянскому делу), другой — возвращенный из Сибири⁴.

К обществу принадлежит большая часть помещиков четырех губерний, много офицеров, живущих в Вильне, в особенности инженеров и главного штаба⁵. Общество, кроме управлений в трех других губернских городах (Гродно, Ковно, Минск), имеет агентов во всех уездах своей губернии. Другие губернские комитеты имеют, в свою очередь, агентства в уездах своей губернии. В Вильне есть главное управление всех губернских и уездных комитетов; действия общества самые обширные уже в последующее время⁶, ибо оно существует уже третий год⁶.

Из всего вышесказанного можете судить, что я имею довольно подробных сведений об этом обществе, которые высказал Вам в общих чертах и которые Вам бы я охотно сообщил, но не знаю Вашего способа мыслей, согласитесь ли Вы на принятие этих сведений, т. е. сочтете ли нужным принять их. Кроме того, я мог бы узнать для сообщения Вам еще гораздо более подробностей, но я человек небогатый, живу на божью волю и добрых людей и к тому, чтобы узнавать многое, я должен иметь средства. Так вот, м. г., ежели Вы согласитесь принять мое сведение об этом обществе, которое может наверное послужить Вам к уничтожению его, что непременно нужно, то не откажите мне в присыл-

¹ Следует понимать «самоуверенность».

⁶ Так в тексте; по-видимому, — в последнее время.

Александр Оскерко

ке за это сведение с подробностями, фамилиями лиц действующих, с изложением способа их действий и с указанием дороги, какой можете найти корень проникновения его, 800 руб. сер., в которых я нуждаюсь. Я слышал, что Вы предлагали 1600 руб. за открытие редакции «Единства» («Jedności»). Эту редакцию теперь с доказательствами явными на прадание^а я Вам передам в руки, и так много денег мне не нужно, лучше меньше, но зато чтобы дело было вернее. Теперь же как задаток, без которого я не могу ничего начинать, потрудитесь прислать мне 200 или 300 руб., и я Вам после получения этой суммы через неделю пришлю подробное описание всего, которое как Вы изволите получить, вышлите мне остальные деньги; надеюсь, что желанный ответ получу еще на этой неделе, которого жду от Вас с нетерпением. В случае ежели вы мне откажете, я буду пробовать счастья в Петербурге.

А теперь, ждя от Вас удовлетворительного ответа на этой неделе, смею оставаться Вашим всепокорнейшим слугой

Владимир Иванов

^а Так в тексте; вероятно,— на прадание.

Отвечайте мне под следующим адресом: Е. б. Ивану Францевичу Мисевичу, в С.-Петербург, подать швейцару императорского университета Савельичу.

Р. С. Под таким адресом письмо или повестка, второе лучше, дойдет моих рук повернее, только конверт должен быть хорошо заклеен и запечатан.

2 Р. С. Редактор «Единства» получит место в Вильне люстратора. Нужно его ласкать и не мешать ему, но главное, чтобы он ничего не догадался, ибо иначе все пропало. Фамилию мою настоящую Вы узнаете после⁷.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 17, лит. А, лл. 5—6. Подлинник

Опубл.: «Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края» («Виленский временник», кн. VI), ч. 1, Вильна, 1913, стр. 98—99.

¹ Т. е. В. И. Назимову.

² См. док. 42—43.

³ Райнольд Скиргайло.

⁴ Имеются в виду А. Оскарка и Ф. Далеvский — руководители белых в Литве.

⁵ Один из руководителей и создателей виленского комитета был Людвик Звеждовский (см. док. 20), член Петербургского кружка Сераковского — Домбровского, переведенный в 1859 г. в Вильно, но продолжавший поддерживать тесные связи с Петербургом. Ф. Варавский в своих показаниях так описывает свое знакомство с членами виленского комитета: «[...] Хотя я адрес Далеvского получил еще в 1860 г., но сношения мои с Вильно начались не раньше 1861 г., именно со знакомства моего с Далеvским и Жвирждовским у капитана Сераковского, который представил мне первого как брата своей невесты, а второго — как товарища по академии. У нас был продолжительный разговор, в котором Сераковский и Жвирждовский доказывали общее расположение края к революции. Далеvский, напротив, уверял, что видит в ней только гибель и что, по его мнению, лучше стремиться к социальной реформе, улучшению быта крестьян и учреждению деревенских школ. Спор остался нерешенным. Жвирждовский потом еще раз приезжал в Петербург, был у нас и потом Домбровский был у него; вообще Домбровский имел личные сношения с Жвирждовским, мне мало известные, из которых знаю только от Домбровского, что он по поручению Жвирждовского был у Огрызки, просил его напечатать какую-то брошюру, но что Огрызко на это не согласился. Затем Жвирждовский присылал нам разные журналы революционной прессы, которые он получал из Варшавы, и этим ограничились наши сношения с Вильно» (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 254, лл. 219—289, а также ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1835, лл. 10—24).

⁶ О возникновении и деятельности организации белых см. J. Gieysztor. Pamiętniki z lat 1857—1865, t. I, str. 92—94.

⁷ Этот донос Ю. Бернацкий послал через полицмейстера В. И. Назимову, желая получить деньги, хотя уже состоял платным агентом III отделения. Письмо было переслано В. И. Назимовым В. А. Долгорукову, и Ю. Бернацкий был арестован вместе со студентами И. Мисевичем, Р. Скиргайло, Ландсбергом и др. Все они были переданы в Петербургскую следственную комиссию — за обман, а также за найденные у них при обыске воззвания. Комиссия признала доносы Бернацкого неосновательными и выслала его под надзор полиции в Архангельск. Таким образом, сообщение Бернацкого о виленском комитете белых осталось без всякого внимания в делах III отделения. Лишь значительно позже дело о Бернацком было вытребовано и рассмотрено Виленской следственной комиссией. 28 апреля 1864 г. председатель комиссии ген.-лейтенант С. Г. Веселитский сообщил в III отделение: «Из секретной переписки по политическим делам ген.-губернатора вовсе не видно, чтобы о тайном обществе Далеvского было сообщено ген. Назимову, а это дозволило расширяться преступному действию Далеvского, тогда как, имея о нем сведения в половине 1862 г., при энергических и решительных действиях можно было бы предупредить много бедствий, к прискорбию, совершившихся в 1863 г.

Все показания Бернацкого, в той записке упоминаемые, совершенно верны: Далеvский, Оскарка и другие лица, Виленской следственной комиссией с усилием открытые в половине 1863 г., подвергнуты уже заслуженному ими наказанию.

Францишек Далевский

Препровождая доставленное вами следственное дело, я долгом почел сообщить в. п. вышеизложенное, для того чтобы сделать известным, что показания Бернацкого, как из отношения вашего видно, сосланного в Архангельск, были действительно справедливы и предупредительны» (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 17, лл. 169—170).

47

1862 г. июнь.— Записка Ю. Бернацкого «О тайном обществе с политической целью организованном Францем Далевским в Вильне»¹

Франц Доминикович Далевский, возвратившись из Сибири (после амнистии государя на коронацию), куда был сослан за политические преступления 1849 г.², начал действовать на виленское общество с целью возбудить его к революционным действиям, и действия его возымели влияние. В лето прошлого года, перед началом демонстрационного движения в Вильне, он успел уже организовать тайное общество³, которое едва ныне сделалось мне известно, и о котором я намерен говорить.

Общество это существует под именем Центрального комитета, имеет в своем составе только помещиков [и] инженеров несколько человек⁴, которые постоянно борются с мнениями помещиков⁵, желая действий более обширных и более скорых, между тем как помещики хотят действовать медленно и очень ограниченно.

От содействия в этом обществе устранены совершенно студенты и почти все молодое поколение, как народ горячий, желающий скорых действий, и как народ, по мнению помещиков, не способный на сохранение политических тайн, которых, однако, употребляют они для достижения своих целей для расширения своих действий⁶.

Сказавши несколько предварительных слов, приступаю теперь к описанию целого дела, как оно есть. Итак, в Вильне существует Центральный комитет, которого главной особой есть Далеvский и Оскерко⁷. От этого комитета расходится, как от источника, план действий во все другие губернские комитеты и в уездные Виленской губернии: рассылаются люди, потребные для действий в уездах на простой народ и помещиков, еще не принадлежащих к составу комитета. Высылаются люди для собиpания добровольных приношений на жертву делу отчизны, чтобы иметь в руках готовые средства на случай восстания, к которому комитет приготавливает; уже с этой целью собрана огромная сумма, простирающаяся, по крайней мере, до нескольких сотен тысяч.

Комитет центральный под управлением Далеvского и еще другого (Оскерко помещика)⁸ есть как бы сборный пункт всех комитетов, какие существуют на Литве*, т. е. губернских: Ковенского, Гродненского и Минского и у. в Виленской губ.

Скажу прежде о составе известных мне комитетов, а после об их действиях. Итак, в Ковне комитет состоит большей частью из людей молодых, окончивших университет, [и] из канцеляристов города, под управлением учителя гимназии Корзона⁹. Этот комитет действует в духе идей современных, прогрессивных, старается действовать, сколько мне известно, как можно скорее, и пользуется большим авторитетом в губернии. Из агентов этого комитета в уездах известны мне Бражевич и Осип Окулич; о комитетах Грод[ненской] и М[инской] губ. ничего не знаю.

Из уездных Виленской губ. известны мне два: Ошмянский и Трокский¹⁰ Ошмянским комитетом управляет Чарновский, еще, однако, не посвящен[ный] во все тайны общества человек, с горячей головой и восторженный, но, к счастью, не умеющий применять своих теорий к практике (говорю это, ибо знаю его очень хорошо). Он основал общество из канцеляристов (в Ошмяне) под благим видом библиотеки, но собственно с целью действовать на народ простой и мещан. Об этом осведомлен я уже во время рождения Христава 1861 г.¹¹ Трокский комитет знаю только что находится под управлением Андриоли лекаря (уездного или городского — не знаю)¹².

Теперь о действиях комитетов. Все они находятся в тесной связи между собой. Комитет главный, как я сказал, рассылает и план дей-

* Кроме общества красных, которое существует в Трокском уезде под управлением Корейвы-лесничего и имеет в своем составе до 20 человек. Между прочими принадлежит к этой партии помещ[ик], б. студ[ент] Муйжел.

⁴ Фамилия Оскерко приписана той же рукой, но сверху текста.

⁶ Вписано в текст позднее.

ствий и самих действователей. Действия же уездных комитетов зависят^а большей частью в собрании складчин от мелких помещиков, шляхты, канцеляристов и в образовании народа, действуя на него через волостных писарей и секретарей посредников^{б12}, которые те должности замещают своими агентами, большей частью стараясь о людях на эти должности, которые покончили университеты или вообще высшие учебные заведения и в которых они совершенно уверены, что хотят себя посвятить общему делу. Главный же комитет, кроме рассылки планов действий, занимается еще выслушиванием отчетов представителей уездных комитетов, которые, в свою очередь, выслушивают отчеты действий своих агентов. Общие собрания членов главного комитета бывают каждый месяц, но однако не в одно время завсегда, и на каждый месяц время обозначают председатели. Кроме всего сказанного, члены главного комитета занимаются собиранием складчин от помещиков побогаче, стараясь тех из них, которые больше готовы посвящать себя делу народному, втянуть в свой кружок. Однако я должен заметить, что комитет состоит только из небольшого количества членов под председательством Далевского и помещика Оскерко*. Каждый из членов имеет свой кружок посвященных, однако, не во все тайны; те опять имеют свои кружки и так далее, так что посвященных во все тайны очень немного. В Вильне еще существует комитет городской от ремесленного сословия и один из этого комитета, но кто — не знаю, принадлежит к Центральному комитету и посвящен во все тайны.

Есть в Вильне некий Вериго¹³, бывший студ[ент], который готовится быть посвященным во все тайны общества. От него это все вышесказанное узнал Райнольд Скиргайло, который под величайшим секретом раскрыл мне. Этого Вериго общество хотело командировать для проведения десятичной системы между канцеляристами гор. Вильно, т. е. что Вериго должен был бы составить себе кружок из десяти и сообщить им разные планы действий, выходящие от Центрального комитета, а каждый из десяти должен был бы иметь своих десять членов и так далее.

Разумеется само собой, что действия комитета главного не ограничатся на том, что я сказал, а что он, пока только так действуя, готовится на поле более обширное^в.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 17, лит. А, лл. 20—21. Подлинник

¹ Найдена при обыске у Ю. Бернацкого. Предназначалась для отсылки В. И. Назимову либо в III отделение. Последствий никаких не имела, так как при следствии признана «неосновательной» (см. прим. 7 к док. 46).

² Братья Далевские, Франциск и Александр, были арестованы в 1849 г. за организацию среди виленской молодежи революционного общества, участником которого был также Зыгмунт Сераковский. Ф. Далевский был присужден к 15 годам каторжных работ на Нерчинских заводах. По амнистии возвратился в начале 1860 г. в Вильно, где поселился вместе с матерью и сестрами. Устроился работать на строительство железной дороги, но осенью 1862 г. был уволен как неблагонадежный (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 299, л. 22).

* Тот, который принадлежал к редакции^г от западных губерний по крестьянскому вопросу.

^а Т. е. состоят.

^б Т. е. мировых посредников.

^в Помета Записка эта была мне предъявлена в комиссии, которую я теперь подтверждаю, О. Бернацкий.

^г Т. е. к Редакционной комиссии.

² Вскоре после возвращения в Вильно Ф. Далевский связался как с петербургским кружком Сераковского — Домбровского, так и с местными оппозиционно настроенными кружками из помещиков и военных (см. док. 68, а также «Русско-польские революционные связи», т. 1, М., 1963, стр. 327—328, 332—333).

⁴ Из инженеров Ю. Бернацкий назвал только Поплавского (см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экзп., 1862 г., д. 230, ч. 17, лит. А, л. 38).

⁵ Фердинанд Варавский подробно останавливается в своих показаниях на разногласиях внутри Виленского комитета, начавшихся уже в конце 1861 г. В частности, он так описывает свою поездку в начале февраля 1862 г.: «После отъезда моего из Петербурга на пути в Варшаву я был в Вильно у Далевского и Жвирждовского. Жвирждовский говорил о необходимости революции, уверял о приготовлениях, делаемых к ней во всем крае, о всеобщем расположении всех классов народа в ее пользу. Когда же я был у Далевского, то он мне сказал, что Жвирждовский желает революции во что бы ни стало, но что ему, Далевскому, очень хорошо известно положение края, что большинство помещиков высказываются решительно против революции, что крестьяне, за исключением нескольких местностей, решительно против нее» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1870, лл. 250—251).

⁶ См. док. 46 о редакции журнала «Единство».

⁷ Александр Оскерко, один из наиболее активных деятелей помещичьей партии, был выдвинут членом редакционных комиссий от западных губерний по выработке положений крестьянской реформы. Один из создателей Агрономического общества в Вильно, не разрешенного правительством. При аресте давал очень сдержанные показания, ничего не раскрыв. Я. Гейштор в своих мемуарах очень преуменьшил роль А. Оскерки в создании виленского комитета общества белых, чтобы на первый план выдвинуть свою особу (см. J. Gieysztor. Pamiętniki z lat 1857—1865, t. I. Wilno, 1913).

⁸ О Ковенском комитете см. док. 63. Тадеуш Корзон был арестован уже в феврале 1862 г. (см. док. 172, 186).

⁹ Об обществе красных в Троцком у. см. док. 67.

¹⁰ См. док. 35, 109—114.

¹¹ См. док. 67.

¹² См. док. 33.

¹³ Об Эдмунде Вериго см. док. 65 и 67.

48 — 53

«МУЖИЦКАЯ ПРАВДА» № 1—6¹

48

1862 г., не позднее 10 июля². — «Мужицкая правда» № 1

Ребята!

Миновали уже времена, когда казалось всем, что мужицкая рука годится только для сохи, — теперь настало такое время, что мы сами можем писать, и писать такую правду справедливую, как бог на небе. О, загремит наша правда и молнией полетит по свету! Пусть узнают, что мы можем не только кормить своим хлебом, но еще и учить своей мужицкой правде.

Спрашивали и спрашивают все, что слышно на свете, кто нам, бедным мужикам, даст свободу? Но, по правде говоря, мало кто хочет сказать так, как совесть подсказывает — по справедливости. Мы, мужики, братья ваши, мы вам будем говорить всю правду, только слушайте нас!

Дзеціўкі?

Minulo uže toje, kali zdawało sia usim, szto muzyckaja ruka zdasce tolko da sachi, — ciepier nastau taki čas, szto my sami mozem pisaci, i to pisaci takuju praudu sprawiedliwu jak Boh na niebi. O, zahremit' nasha prauda i jak małanka pierelocić pa swieci! Niechaj paznajuć szto my mozem nie tolko karmić swaim chlehom no jeszczé i uczyć swajej muzyckoj praudy.

Pytali i pytajuć usie szto czuwaci na swieci, chto nam biedym muzykam dać wolność? No praudu skazauszy mało chto chce skazać tak jak sumlenie kaže — pa sprawiedliwaści. My muzyki, braty waszyje my wam budziem hawaryc cefuju praudu, tolko słuchajcie nas!

Maskali, czynouniki i mnoho panou, buduć pie repyniać pismo nasze da was; no najduć sia ludzie i z muzykou razumniejszyje i z panskahorodu i z miasteczkowych szto ehoczú waszej swabody waszaho szczaścia — jony to wam sami heto pismo dawaci buduć kab wy znali chto wasz pryjaciel, a chto wasz woroch.

Sześć let uže minulo jak paczali hawaryć a swabodzie muzyckoj. Hawaryli, talkawali i pisali mnoho, a niczoho nie zrabili. A hety manifest szto Car z Senatom i z panami dla nas napisau: to taki durny, szto czort wiedaje da czeho jon padobny, — ni-jakoj u niom niema praudy niema z jeho dla nas ni-jakoj karyści. Parabili Kancelaryi, zrabili sud, jakby heto nie usio rouno brać u traku czy z sudom, czy bez suda. Parabili Pisa rou, Pasredni-

«Мужицкая правда» № 1

Москали^а, чиновники и многие паны будут задерживать письмо наше к вам; но найдутся люди, и из мужиков более разумные, и панского рода, и из городских, которые желают вашей свободы, вашего счастья — они-то вам сами это письмо давать будут, чтобы вы знали, кто ваш друг, а кто ваш враг.

Шесть лет уже минуло, как начали говорить о свободе мужицкой. Говорили, толковали и писали много, а ничего не сделали. А этот манифест, который царь с Сенатом и с панами для нас написал, такой дурацкий, что черт знает на что он похож, — никакой в нем нет правды, нет от него для нас никакой пользы. Понаделали канцелярий, устроили суд, как будто это не все равно — получать по заднице с судом или

^а Слово «москаль» в Белоруссии, а также в Польше, Литве и на Украине в XIX в. имело три значения: 1) царь или представитель царских властей; 2) солдат; 3) русский. Соответственные значения имело и производное от него слово «московский». В «Мужицкой правде» эти слова применяются в подавляющем большинстве случаев в первом значении.

без суда. Завели писарей, посредников, а все на мужицкие деньги — и большие деньги, черт их знает зачем, для того разве, чтоб записывали в книжки, как много напишут на задницах мужицких. А из этого-то и видно, что ничего хорошего для нас и не думали сделать.

Правда, обещали когда-то дать нам свободу, но, как нам кажется по нашему мужицкому разумению, хотят обмануть, потому что если за шесть лет ничего не сделали, то за год наверняка не сделают. Могут еще написать и второй манифест, еще больше этого, но и от этого второго манифеста ничего хорошего, как и от первого, не будет.

На Москаля и панов нечего надеяться, потому что они не свободы, а притеснения и разорения нашего хотят. Но не долго они нас будут грабить, потому что мы узнали, где сила и правда, и будем знать, что делать нужно, чтобы добыть землю и свободу. Возьмемся, ребята, за руки и будем держаться вместе! А если паны пожелают идти с нами, так пускай поступают по святой справедливости; если ж иначе — так черт их поberi! Мужик, пока в силах держать косу и топор, защитить свое сумеет и ни у кого милости просить не будет.

Эту «Мужицкую правду» написал и снова писать будет Ясько-гаспар^а из-под Вильно^б.

49

1862 г. конец августа³. — «Мужицкая правда» № 2

Ребята!

Если бог создал всех людей свободными и всем дал одинаковую душу, так откуда же это взялось, что один живет праздно да над людьми своевольничает, а другой, бедный, барщину служит или оброки в казну платит?

Каждый по-своему толкует, на свою сторону тянет. Царь говорит, что он добра нам желает, паны говорят, что они добро думают нам сделать, а мужик бедный от их доброты как пропадал, так и пропадает.

Чтобы растолковать людям, в чем правда, я пишу письмо и писать буду, как бог и совесть подсказывают, — вы только меня, такого же самого мужика, как и вы, послушайте хорошенько.

Был когда-то народ наш свободным и богатым. Не помнят этого наши отцы и деды, но я вычитал в старых книжках, что так когда-то бывало. Барщины тогда никакой не было. И не нужно этому удивляться, потому что леса было много, поля сколько хочешь, а людей-то мало, так зачем же служить барщину за землю, если каждый мог лесу вырубить, хату себе построить и иметь свое поле.

Но по соседству с нами жили Немец и Москаль. И тому и другому наше богатство глаза кололо — чтоб их колики схватили! — вот и хотели нас согнать с нашей родной земли. Нужно было защищаться, так король и говорит: идем воевать, да только не все идут, и мало наших пошло. Выгнали Москаля и Немца, но чтобы жены и дети тех,

^а Т. е. крестьянин, имеющий свое хозяйство.

^б В конце каждого номера обозначена цена Kasztuje hroszy 5, кроме номера 6, у которого цена указана в 6 грошей.

кто ходил на войну, не терпели нужды, король наш и написал такой закон: кто не желает идти защищать свою землю, пускай обрабатывает поле тем, которые бьются за свободу и счастье всех. И так было долго: одни защищали край, все ходили воевать, а другие пахали, сеяли, косили да жали. С тех пор-то и пошла эта барщина. Судите ж теперь сами, можно ли было сделать справедливей, чем сделал когда-то наш король польский и литовский? Но когда Москаль с Немцем хитростью нас взяли и началось правление московское, так все и пошло не по-человечески. Стал тотчас Москаль свои порядки заводить в нашем крае и говорит: мужик, давай рекрута, мужик, давай подати, да и барщину еще служи или плати оброк в казну! Так какая же тут уже справедливость, когда все, что тяжело, взваливают на мужика, когда с него дерут последнюю шкуру, бьют и плакать не дают! Опомнились было мужики, увидели, что плохо, да и давай бунтовать при Костюшке; а Костюшко-то говорит: если мужики хотят сами защищать свою землю, так пускай же не служат барщину да и не платят в казну оброка за землю. Вот это так справедливость! Да только Москаль задержал манифест Костюшки, чтобы не перебунтовал всех мужиков. Оттого-то и побили Москаля Костюшку, потому что если бы мужики все вместе взбунтовались и взялись за топоры, ножи и косы, то Москаль должен был бы пропасть бесповоротно, и мы на веки веков были бы свободными.

Вот из этого письма и видно, что мужики панские и казенные не должны платить ни чинша панам, ни оброка в казну за землю, потому что эта земля нам принадлежит, но когда будет война с Москалем за нашу свободу, то тотчас же нужно всем идти на войну против Москаля. А это для того, чтобы скорей прогнать Москаля с его собачьим правлением и чтобы никогда никакой никому мужики барщины не служили и никакого в казну оброка не платили, чтоб навеки веков народ наш был свободным и счастливым. А если вас кто будет подговаривать делать иначе: будь то исправник или окружной, ассессор^а или пан, то вы его не слушайте, потому что это наверняка обман, который за царские или панские деньги на вечную вашу погибель совершается!!

Ясько-гаспадар из-под Вильно

50

1862 г., не позднее 6 октября⁴. — «Мужицкая правда» № 3

Ребята!

Каждый, кто живет под московской властью, знает, что она нас грабит и притесняет, но мало кто хорошенько подумал, можно ли надеяться на что-нибудь доброе от нее для нас или для детей наших. Я, ребята, зная больше вашего, вздумал написать письмо, чтобы не могли туманить разума вашего. Поэтому читайте внимательно, а как прочитаете, передавайте в другую деревню.

^а В оригинале lapsesor (насмешливая народная форма).

Человек такую имеет натуру, что или ничего не знает и ничего иметь не хочет, или, когда узнает, то захочет понять хорошо и добыть все, что ему принадлежит. Это сущая правда. Вот еще недавно говорили наши, что они созданы для того, чтобы служить барщину и быть невольниками, а говорили потому, что ничего не знали и ничего иметь не хотели, а разве нынче так скажут, если уже знают многое и многого желают? Сегодня все уже поумнели, все уже мужики толкуют, что бог создал человека, чтобы он пользовался справедливой свободой, и смеются, как это могли иначе думать. Этот порядок, что народ делается умнее, исходит от самого бога, и кто ему захочет воспротивиться, того или сам бог или народ по приказу божьему с землей смешает!

Вы, ребята, верно, очень любопытствуете, отчего ж это народ так поумнел? Я вам скажу, отчего это.

Когда француз под Севастополем^а полностью побил Москаля, то для того чтобы Москаль не имел силы и денег, приказал народу дать свободу, не брать рекрутов и больших податей. Москаль согласился на это, потому что думал, что народ глупый и он сумеет его обмануть. Он-то хотел только переменить неволю, но, вижу, очень обманул, потому что хотя московское правительство ничего для нас за шесть лет не сделало, но мы как слышали, что и мужик может быть свободным, то стали расспрашивать у сведущих людей и толковать между собой, пока не поняли, что значит свобода. Вот откуда это взялось, что народ поумнел. Мы сегодня все уже знаем, что человек свободный — это когда имеет кусок своей земли, за которую ни чинша и оброка не платит, ни барщины не служит, когда платит небольшие подати и то не на царские конюшни, псарни и потаскух, а на нужды всего народа, когда не идет в рекруты черт знает куда, а идет защищать свой край тогда только, если подступит неприятель, когда делает все, что ему по душе и что не обижает ближнего и славы божьей, и когда исповедует ту веру, которую исповедовали его отцы, деды и прадеды. Вот что свобода значит. Нынче-то московское правительство нас не собьет с толку, потому что мы теперь не такие глупые, как были раньше, и узнали, что нам не манифесты царские, а свобода нужна.

Москаль хитер, — он, ребята, хочет, чтобы не дать ничего, а народ думал, что уже имеет все, что положено. Чтоб далеко не ходить, судите хоть из этого об его хитрости. Два года тому назад, когда еще никаких манифестов о свободе не объявляли, народ в Петербурге, Москве и по всей России стал громко кричать, что если правительство не даст ему свободы, то он всем миром 19 февраля взбунтуется; тогда царь, вижу, испугался и велел сенату съехаться, а народу объявил, что в пост получит свободу. Народ глупый поверил да и разошелся, а царь, потолковав с сенатом, как миновала тревога, так и объявил вместо свободы манифест, а в манифесте приказывает мужикам служить до времени барщину по-старому, а по-новому заплатить больше денег в казну на писарей, посредников да и черт их знает на что. Судите же теперь сами, разве не обманывают нас?

Но недолго будет удаваться им мошенничество, потому что, как я говорил, мы уже узнали, что нам не манифестов, а свободы нужно — и свободы не такой, какую нам царь пожелает дать, а какую мы сами,

^а В оригинале под Swistopolom (народное название).

мужики, между собой сделаем. А для того, ребята, чтобы никто вас не мог обмануть, теперь уже толкуйте между собой, какой вам свободы нужно и каким единственно способом мужик ее добыть может. Только, ребята, смело, потому что с нами бог и правда, а когда мы с богом, то с нами воевать трудно, потому что божья сила велика, а народу много.

Вот из этого письма и видно, что нечего ждать ни от кого, потому что только тот жнет, кто посеет. Так сейте ж, ребята, когда придет пора, полной рукою, не жалейте труда, чтобы и мужик был человеком свободным, как на всем свете. Бог вам поможет!!!

Ясько-гаспадар из-под Вильно

51

1862 г., не позднее 28 декабря⁵. — «Мужицкая правда» № 4

Ребята!

Нет и уголка такого на свете, чтоб люди все были добрыми друг к другу, не хотели бы жить за счет обиды своего ближнего. Для того, чтоб была справедливость и правда на свете, а злые люди не своевольничали и обиды другим не чинили, имеется правительство, которое собирает подати, устраивает школы, учит каждого жить по правде, устанавливает суд; а если это не помогает и делается несправедливость, то нанимает войско и таким путем оберегает каждого от беды и разорения. Вот для чего правительство нужно. И как хороший слуга смотрит за добром хозяйским и слушается своего хозяина, так и хорошее правительство должно заботиться о счастье людей, слушаться народа и делать так, как народу лучше. И не удивительно, потому что не народ существует для правительства, а правительство для народа.

Так, ребята, ведется на всем свете. И если за границей, будь то у Француза или у Англичанина, народ сочувствует правительству, то потому, что правительство слушается народа и делает так, чтобы народ был богатым и счастливым.

А так ли, ребята, у нас? Разве у нас есть справедливая наука в школах, которая учит жить без обиды для другого? Разве есть правда и справедливость в суде? Разве может человек быть уверен, что его никто не обидит? Разве московское правительство думает о людях, чтобы они могли жить счастливо? — Сами скажите.

У нас, ребята, одному только учат в школах: чтобы ты умел читать по-русски, а для того это, чтобы тебя совсем переделать в москаля. Суды московские — это волчья яма, где не разбирают, прав ты или виноват, а дерут только как могут. Безопасности под Москалем никакой нет, кто сильнее, тот и притесняет; а войско не для того держат, чтобы оберегать каждого от злых людей и от притеснений, а для того чтобы не позволить народу и застонать, когда узнает свою правду, когда убедится, что дерут с него сверх меры. Правительство московское как тот злой пан, что начиная от комиссара вплоть до тиуна^а позволяет каждому народу притеснять, чтобы как можно больше денег в карман

^а Тиун (белорусск. ціўн) — приказчик.

его попало. Правительство московское, ребята, не так делает, как делать нужно, не помышляет, как бы сделать облегчение народу, а придумывает только способы, как ограбить и вконец людей притеснить.

Почему так делается под московским правлением, я вам скажу — вы только меня послушайте.

Правительство это совсем как человек. И как человек имеет голову для того, чтобы думать, а руки и ноги для того, чтобы сделать так, как задумал, так правительство имеет царя, чтобы правил, и чиновников по всем городам и местечкам, чтобы делали так, как царь пожелает. Поэтому как голова у человека если замыслит недоброе, то ноги и руки недоброе сделают, так и в правительстве, если царь притеснения захочет, то чиновники притеснения наделают. Отсюда и видно, что грабеж, который у нас производят, не потому делается, что в нашем крае нет людей, способных быть чиновниками, а потому, что царь таких людей в Сибирь высылает, а за наши деньги назначает чиновниками таких, которые сами людей притесняют, другим притеснять позволяют и бога не боятся. Такой чиновник не доведет уже до добра — он, если и нет приказа царя, сам придумает способ, как ограбить бедный народ. И где же здесь искать правды?

Вот из этого письма и видно, что притеснения, разорение и несправедливость исходят от самого царя — он из нас набирает войско, он с нас дерет деньги будто бы на нужды народа, и, взявшись со всеми лиходеями за руки, только угнетает нас, держит в неволе. Но приходит ему уже конец, потому что мужик почувствовал свободу, а мужицкая свобода — это все равно, что виселица для всех разорителей и притеснителей народа! Оттого-то царь задерживает мужицкую свободу и задерживать будет, оттого-то если у панов сто раз спрашивал, какую они желают дать свободу мужикам, у мужиков и разу не спросил, какой они хотят свободы. Он знает, какова она, свобода мужицкая, он знает, что мужик хочет, чтобы никто не смел драть ни с кого, и поэтому как мы его власти, так и он нашей свободы боится.

Дери с нас, царь, дерите с нас, чиновники его, хоть до последней шкуры; но помните, что придет и наша пора, помните, что если мужик разгуляется, то как свет широкий кровь ваша польется!!!

Ясько-гаспадар из-под Вильно

52

1862 г., декабрь⁶. — «Мужицкая правда» № 5

Ребята!

Мало того, что с мужика дерут на всякие подати последнюю рубаху, мало того, что никогда не можешь добыть себе кусок хлеба, а все, что зарабатываешь, должен отдать черт знает кому и черт знает на что, мало того, говорю, что жизнь наша хуже собачьей, но скажите, мои милые, есть ли среди нас хоть один, кто бы не оплакивал еще или сына своего, или своего брата, или своего мужа, которого царь забрал в рекруты да и загнал черт знает куда?

Работает отец тяжело на детишек своих, растит мать сына, ноченьки не спит, а царь, собачья его вера, как тот волк прокравшись, велит ловить, в колодки забить и гнать от родни далеко. А солдатская жизнь — горькая уже доля. Забыть там нужно, что есть у нас наша родина, что есть у нас наша родня, и отдать жизнь не за благо и счастье всех, а за беду и вечную неволю наших братьев. Такой беды, ребята, и скотина не ведаёт, а вы, мои милые, верно, и не подумали, откуда она к нам навязалась, так ли было во времена наших дедов и прадедов и так ли должно быть? Все это я вам растолкую, а кто имеет правду в сердце и добра хочет, тот меня послушает.

Помнят еще наши деды, рассказывают они, что в их времена мужики рекрута и не знали. Было войско, это правда, но войско польское все было из шляхты, а если мужики порою хотели идти на войну, то тотчас с них снимали мужицкое звание да и барщину, давали землю и всю деревню делали шляхтой. Оттуда-то у нас и повелись эти околицы шляхетские. Вот за то, что человек шел на войну, защищал свою родину, правительство польское давало землю, давало свободу, давало шляхетство, а Москаль разве так делает? За то, что мы ему 25 лет на войне служим без человеческой пищи и одежды, мало того, что не дает шляхетства, но, собачья кровь, не дает даже клочка земли, чтобы мог хоть в тяжелой нужде дожить до спокойной смерти. Прослужив 25 лет да взяв суму иди побираться!

А что греха наберешься перед богом, содействуя Москалю, этого бог никогда не простит. Идет Француз давать свободу мужикам, бунтуют городские и молодежь за свою и нашу свободу и веру, а мы даем рекрута и нашей грудью царь московский заслоняется и нашими руками усмиряет бунты и впрягает нас в вечную неволю. Того, кто о нашем благе думает, мы гоним, тому, кто нам зло причиняет, мы помогаем — ну, разве не грешно перед богом, не стыдно перед всем светом? Сами скажите.

Правда, мы были глупые и, как эти овцы, ничего не знали, но, кажется, пора уже поумнеть, увидеть правду. Вы знайте, ребята, твердо, что Француз приказал не давать уже больше Москалю рекрута, поэтому, когда царь захочет взять, то, целыми обществами сговорившись, нигде ему не давайте. Он сейчас хочет взять 5 с тысячи, но если мы ему дадим 5, то он потом захочет взять 10 и снова пойдет по-старому. Сейчас мы ему отдадим всякий сброд, а потом нужно будет отдать и своих сыновей. Вот потому, ребята, раскиньте хорошенько и не давайте себя обманывать. За мужицкую обиду стойте смело, все вместе, а если кто захочет обижать вас, тянуть рекрута, то кто бы он ни был — старшина, окружной или хоть сам губернатор, — вы его бейте мужицкой рукой, и будет свобода, и рекрута не будет, и бог вам поможет!

Да, ребята, добром до ладу не дойдем!

Ясько-гаспадар из-под Вильно

Сказывают, что мужики под Варшавой взбунтовались и не дали рекрута. Тогда царь поневоле должен был уступить.

Так спрашиваю вас, ребята, что же нам нужно сделать? ^а

^а Приписка после подписи имеется не под всеми экземплярами пятого номера. По-видимому, она появилась позднее, уже при дополнительном тираже.

Ребята!

Горькая или сладкая моя правда, я писал всегда и писать буду — учил вас, как поступать нужно, и учить буду. Вы только слушайте меня, обдумайте хорошенько и делайте так, как совесть вам подскажет, и бог еще смилуется над нами и даст нам счастье, и будет у нас жизнь хорошая.

Когда бог, сотворив человека, дал ему душу, то не для того, чтобы он жил, как собака, на этом, а на том свете пропадал на веки веков в муках адовых, а для того, ребята, чтобы знал закон божий, знал своего бога, знал свою веру и заслужил счастье небесное. Когда сын божий, придя на землю, установил истинную веру и за эту веру терпел крестные муки, то не для того, чтобы какие-то там цари московские, подлого рода, меняли закон божий, а мы по приказу этих царей отрекались бы от веры своих дедов и прадедов и славили не бога, а семью царскую, — а для того, ребята, всевышний терпел за нас, чтоб закон его был уже вечным, никто не смел его менять и мы, сколько хватит сил, придерживались бы его.

А разве у нас, ребята, так делается, как сам бог приказывает, разве придерживаемся мы закона божьего? Сами скажите. Не один уже, может, позабыл, что отец его был праведной униатской веры, и никогда уже не вспомнит о том, что обратили его в схизму, в православие, что он сегодня, как та собака, живет без веры и, как собака, сдохнет на радость чертям в пекле!! Эх, ребята, беда такому человеку! А если мы будем так поступать с богом, так что же бог всевышний с нами сделает? Пошлет в пекло на вечные муки, будут черти душу нашу на куски рвать, а смола в утробе кипеть будет. Узнаешь тогда, что такое лихо, но в аду поздно уже будет, не умолишь тогда уже справедливого бога и мукам твоим никогда конца не будет.

Теперь спрашиваю вас, ребята, кто же нам такой беды наделал и что нужно сделать, чтоб мы были счастливыми и на этом и на том свете.

Наделал нам такой беды, ребята, царь московский. Это он, подкупив многих попов, велел в схизму записать нас, это он платил деньги, чтобы мы только переходили в православие, и, как тот антихрист, отобрал у нас нашу праведную униатскую веру и погубил нас перед богом навеки, а сделал это для того, чтобы мог нас без конца грабить, а бог справедливый не смилостивился над нами.

Боже всемогущий, господь наш милосердный, ты о нас не забывай, смилуйся над нами, помоги нам в нашей доле, выгони Москаля из нашего края, дай нам настоящую свободу и веру наших дедов и прадедов, — и костелы, которые Москаль, нечистая его сила, разрушил или переделал на конюшни и церкви, вновь засияют во славу твою и народ в них славить тебя будет, как славили наши предки. Запоем тогда в один голос нашу песнь святую: «Святой боже, святой сильный, святой бессмертный, смилуйся над нами!» — и бог всевышний смилуется над нами, поможет нам в нашем труде, а на том свете даст царство небесное — и не будут уже детишки наши свою мать проклинять, что на свет родила!!

Сказывают люди, что святой отец прямо из Рима прислал к нам свое благословение (но Москаль его задерживает), говорят, что пришлет и ксендзов, которые будут принимать в униатскую веру. Тогда, ребята, кто только верит в бога, сына его и святого духа, пускай сразу же оставляет схизму и переходит в истинную веру дедов и прадедов. Потому что кто не перейдет в унию, тот останется схизматиком, тот, как собака, сдохнет, тот на том свете адские муки терпеть будет!

Так хватит же, ребята, жить безо всякого утешения на свете, если бог милосердный милостив к нам, а ты, человеке, как прочитаешь или услышишь эту правду, произнеси молитву, чтобы бог всемогущий помог людям, которые желают нам добра, которые хотят, чтобы мы были свободными, как шляхта, имели свою землю, как шляхта, славили бога по правде и заслужили рай на том свете.

Этого от души вам желает ваш брат, такой же самый от дедов-прадедов мужик, как и вы, но еще униатской веры —

Ясько-гаспадар из-под Вильно⁷

¹ «Мужицкая правда» — революционно-демократическое издание, нелегально издававшееся в 1862—1863 гг. Вошла в историю как первая газета на белорусском яз. Главным редактором издания был выдающийся белорусский революционер, один из руководителей восстания 1863—1864 гг. в Литве и Белоруссии К. Калиновский. В издании участвовали также В. Врублевский и Ф. Рожанский. См. F. Rożański. Z województwa Grodzieńskiego, в сб. «W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego». Lwów, 1903, str. 396, а также А. Ф. Смирнов. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963, стр. 92—99. «Мужицкая правда», издававшаяся в Гродненской губ., широко распространялась среди крестьянства Белоруссии, а также Литвы и Латвии (см. док. 67, 130, 135, 240, 248, 249, 252, 256—259, 317, 318).

² Датируется по времени первого обнаружения. См. док. 240.

³ «Мужицкая правда» № 2 появилась, видимо, в конце августа — начале сентября. В донесении от 12 октября 1862 г. майора Штейна И. В. Галлеру сообщается, что, как ему удалось узнать, № 1 «Мужицкой правды» уже два месяца находится в обращении, а № 2 появился около двух недель (ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, л. 177). В донесении от 29 октября (см. док. 249) указывается, что № 2 найден был два месяца назад.

⁴ В донесении мирового посредника Слоимского у. Волловича И. В. Галлеру от 6 октября 1862 г. сообщается о нахождении № 3 «Мужицкой правды» (там же, л. 237, а также лл. 331—336).

⁵ Первое упоминание о нахождении «Мужицкой правды» № 4 в рапорте военного начальника Бреста подполковника Вимберга от 28 декабря 1862 г. (см. там же, л. 328).

⁶ «Мужицкая правда» № 5, судя по содержанию, написана в декабре 1862 г. и издана до начала восстания. Известны два варианта пятого номера, отличающиеся между собой припиской после подписи Яськи о том, что крестьяне под Варшавой взбунтовались против рекрутского набора. Возможно, что этот вариант издан уже после начала восстания в Царстве Польском. Первое упоминание о распространении № 5 см. в показаниях крестьянина Сокольского у. Рабички от 3 января 1863 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 89, л. 5). Распространялся вместе с № 6, изданным не позднее 10 января 1863 г.

⁷ Так как текст «Мужицкой правды» на белорусском яз. опубликован в кн.: С. Агурский. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863—1917). Минск, 1928, стр. 211—217, составители тома сочли возможным отступить в данном случае от правила и поместить только русские переводы.

1862 g., około 28 października¹. — Инструкция Литовского провинциального комитета начальникам поветов

Instrukcja dla powiatowych^a

I. Na cały powiat Prowincjonalny Lit[ewski] Komitet na przedstawienie wojewódzkiego naznacza powiatowego.

II. Powiatowy winien być bezwzględnie posłusznym Komitetowi i władzy przez niego ustanowionej; obowiązany jest odebrać od okręgowych przysięgę na posłuszeństwo bezwzględne; zachowanie tajemnicy tak na wolności, jak i w więzieniu.

III. Powiatowy odbiera rozkazy od wojewódzkiego lub jego pomocnika, którym też składa raport przynajmniej dwa razy miesięcznie o stanie powiatu, a mianowicie:

a) o stanie organizacji — o liczbie związkowych;
b) o stanie kasy powiatowej;
c) o obrębie działalności każdego ze związkowych;
d) o narodowym usposobieniu wszystkich stanów w każdym zakątku powiatu;

e) o militarnym stanie powiatu t. j. o ilości i jakości broni, o duchu strzeleckim okolicy, o ilości ludzi fachowych;

f) o wszystkich ważniejszych zdarzeniach w organizacji lub zewnątrz jej;

g) czy dla narodowego podniesienia mas nie użyto jakichś wyłącznych środków, co użyć potrzeba i dlaczego;

h) o rozporządzeniach i prześladowaniach rządowych, tudzież o usiłowaniu ludzi nie należących do organizacji i jej nieprzychylnych;

i) o położeniu i ruchach wojsk nieprzyjacielskich;

k) czy są stosunki z wojskiem i jakie;

l) we wszystkich kwestjach, o jakich uzna wiedzieć wojewódzki.

IV. Powiat zostaje podzielony na okręgi i Prowincjonalny Lit[ewski] Komitet naznacza okręgowego na przedstawienie powiatowego wojewódzkiemu. Ilość okręgowych w powiecie zależy od obszaru powiatu i miejscowych okoliczności uznanych przez wojewódzkiego i może być od 2 do 5. Jeżeli w miastach liczba związanych okaże się zbyt mała, to miasto zostaje wcielonym do organizacji powiatowej i stanowi oddzielny okręg. Dla łatwiejszej propagandy, przeprowadzenia organizacji i masowego wystąpienia okręg każdy dzieli się na parafie i gminy, w których powiatowy przedstawia wojewódzkiemu na naczelników parafialnych i gminnych.

V. Naczelnik powiatowy utrzymywać powinien kasę powiatową, zasilać na rozkaz Prow[incjonalnego] Lit[ewskiego] Komitetu kasę główną Komitetu i prowadzić ścisły rachunek.

VI. Obowiązany jest pilnować, aby jego podwładni wiernie pełnili obowiązki swoje.

VII. Obowiązany jest ściągać przez okręgowych podatek od osób należących do organizacji. Naznacza też ludzi do ściągania składek i podatku od osób nie należących do organizacji. Bez kwitu nikt nie ma prawa przyjmować i dawać pieniędzy.

^aPrzed nagłówkiem w oryginale znajduje się znak CX.

VIII. Powiatowy ma prawo na zaspokojenie tylko miejscowych potrzeb organizacji użyć pieniędzy podatkowych, ale powinien prowadzić ścisły rachunek takich wydatków. Przytem zastrzega się, że powinien jak najmniej używać na takie wydatki pieniędzy zebranych z podatku, a zaspakajając one szczególnie ze składek zebranych poza obrębem organizacji.

IX. Porucza się powiatowym zbierać osobną składkę na broń. Zawarowuje się jednak, że nikt nie ma prawa z poświęcających dość znaczną sumę wymagać więcej na swą osobę jak trzy sztuki broni — pozostałością rozporządzać się będzie Prow[incjonalny] Lit[ewski] Komitet stosownie do potrzeby całej prowincji.

X. Przedstawia wojewódzkiemu osoby zdolne na pomocników, którzy by mogli zastąpić w razie nieobecności, choroby lub aresztowania.

XI. Powinien komunikować się z okręgowymi najmniej raz na tydzień i odbierać od nich raporty.

XII. Przedstawia członków organizacji narodowej w powiecie wojewódzkiemu do dymisji za nieposłuszeństwo lub niedołężność.

XIII. Wybiera jednego ze swoich pomocników do pełnienia obowiązków policyjnych i urzędującej tajną policję na cały powiat.

XIV. Członkowie organizacji nie powinni wiedzieć o stanowisku oficjalnym jedni drugich.

Prowincjonalny Litewski Komitet ^a.

ГПБ, ф. 629, д. 238, лл. 7—8. Подлинник. Рукопись тем же почерком, что и последующий документ

ПЕРЕВОД

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ПОВЕТОВЫХ НАЧАЛЬНИКОВ ^б

I. На весь повет Лит[овский] провинциальный комитет по представлению воеводского начальника назначает поветового начальника.

II. Поветовый должен беспрекословно подчиняться Комитету и властям, им установленным; обязан принять присягу от окружных на беспрекословное повиновение и сохранение тайны как на свободе, так и в тюрьме.

III. Поветовый получает приказы от воеводского или его помощника, им же подает рапорты, по крайней мере 2 раза в месяц, о состоянии повета, а именно:

- a) о состоянии организации, о числе членов организации;
- b) о состоянии поветовой кассы;
- c) о круте деятельности каждого из членов организации;
- d) о национальном настроении всех сословий в каждой части повета;
- e) о военном состоянии повета, т. е. о количестве и качестве оружия, о боевом духе [населения данной] местности, о числе специалистов;
- f) о всех важнейших происшествиях в организации или вне ее;
- g) не использованы ли какие-нибудь исключительные средства для повышения национального подъема масс, какие нужно использовать и для чего;
- h) о правительственных распоряжениях и преследованиях; здесь же — о действиях людей, не принадлежащих к организации и не сочувствующих ей;
- i) о расположении и передвижениях неприятельских войск;
- k) есть ли связи с армией и какие;
- l) по всем вопросам, по которым воеводский сочтет необходимым получить сведения.

IV. Повет делится на округа, и Лит[овский] провинциальный комитет назначает

^a W oryginale przy końcu jest skomplikowany monogram (taki sam jak w następnym dokumencie). Napis atramentem nieznanego pochodzenia Писано рукой Калиновского.

^б Перед заголовком в оригинале знак СХ. Значение его неясно.

окружного начальника по представлению поветового воеводскому. Число окружных в повете зависит от размеров повета и местных условий, признанных воеводским, и может быть от 2 до 5. Если в городах число членов организации окажется слишком малым, то город включается в поветовую организацию и составляет отдельный округ. Для облегчения пропаганды, для лучшего устройства организации и массового выступления каждый округ делится на парашии и гмины, в которых поветовый подбирает парашальных и гминных начальников и представляет их воеводскому.

V. Поветовый начальник должен содержать поветовую кассу, усиливать средствами по приказу Литовского] провинциального] комитета главную кассу Комитета и вести точные счета.

VI. Он должен следить за тем, чтобы его подчиненные точно исполняли свои обязанности.

VII. Он должен собирать через окружных подати от лиц, принадлежащих к организации. Он назначает также людей для сбора складок и податей от лиц, не входящих в организацию. Без квитанции никто не имеет права принимать и давать деньги.

VIII. Поветовый имеет право тратить средства из податных денег только для удовлетворения местных нужд организации, но обязан вести точные счета таких издержек. При этом предупреждается, что он должен меньше всего использовать на такие издержки податные деньги, а удовлетворять их прежде всего из складок, собранных вне организации.

IX. Поветовым поручается собирать отдельную складку на оружие. Предупреждается, однако, что никто из жертвующих значительные суммы не имеет права претендовать для себя более чем на три штуки оружия — остальным будет распоряжаться Литовский] провинциальный] комитет в соответствии с нуждами всей провинции.

X. Он представляет воеводскому на утверждение лиц, которые способны быть его помощниками или заместителями в случае отсутствия, болезни или ареста.

XI. Он должен поддерживать связь с окружными не реже раза в неделю и получать от них рапорты.

XII. Он представляет воеводскому к отставке членов национальной организации в повете за неповиновение или неспособность.

XIII. Выбирает одного из своих помощников для исполнения полицейских обязанностей и организует тайную полицию на весь повет.

XIV. Члены организации не должны знать об официальном положении друг друга.

Литовский провинциальный комитет ^a

¹ Датируется по аналогии с док. 55.

55

1862 г. октября 28 ¹. — Инструкция Литовского провинциального комитета начальникам округов ²

Instrukcja dla okręgowych ⁶

I. Na pewną część powiatu i na przedstawienie powiatowego wojewódzkiemu Prowincjonalny Lit[ewski] Kom[itet] ustanawia okręgowego, któremu przesyła nominację.

II. Okręgowy winien być bezwzględnie posłusznym Komitetowi i władzy przez niego ustanowionej i obowiązany jest odebrać od naczelników parafialnych i gminnych, dziesiętników i setników przysięgę na

^a Инструкция скреплена вензелем, сложной формы (как и в следующем документе). На оригинале помета чернилами неизвестного лица Писано рукой Калиновского.

⁶ Przed nagłówkiem w oryginale znajduje się znak C.

posłuszeństwo bezwzględne i zachowanie tajemnicy tak na wolności, jak i w więzieniu.

III. Nikt nie może wystąpić z Organizacji narodowej.

IV. Okręgowy rządzi naczelnikami parafialnymi i gminnymi, dziesiętnikami i setnikami, a przez nich członkami organizacji okręgowej i całym okręgiem. Odbiera rozkazy od powiatowego, któremu co tydzień przynajmniej składa raport o stanie okręgu wedle wymagań i instrukcji danych mu przez powiatowego.

V. Przedstawia powiatowemu kandydatów na parafialnych, gminnych i dziesiętników i przedstawia ich także do dymisji za nieposłuszeństwo lub niedołęstwo.

VI. Obowiązany jest pilnować, aby jego podwładni pełnili obowiązki swoje, powinien mianowicie od nich wymagać:

a) posłuszeństwa bezwzględnego Prowincjonalnemu Litewskiemu Komitetowi i zwierzchnikom od niego ustanowionym;

b) gorliwego i sumiennego wykonania rozkazów tegoż Komitetu;

c) regularnego płacenia na czas oznaczonego podatku, t. j. między 15 a 20 każdego miesiąca;

d) darzenia wzajemnej pomocy kolegom zagrożonym niewolą i prześladowaniem^a.

f) prowadzenia propagandy rewolucyjnej i powstańczej na każdym miejscu;

g) kształcenia się rewolucyjnego, o ile na to możność pozwala.

VII. Obowiązany jest ściągać podatek od podwładnych, którzy go zbierają od ogółu członków w oznaczonej ilości i czasie. Bez kwitu Cent[ralnego] N[arodowego] K[omitetu] nikt nie ma prawa dawać i przyjmować pieniędzy.

VIII. Przedstawia powiatowemu osoby zdolne na dwóch pomocników, którzyby go mogli zastąpić w razie choroby, nieobecności lub aresztowania.

IX. Powinien komunikować się z naczelnikami parafialnymi, gminnymi i dziesiętnikami najmniej raz na tydzień i odebrać od nich raporty.

X. Dozwala się przysyłać adnotacje względem organizacji i potrzeb jej po porozumieniu się z powiatowym na sąd wojewódzkiego dla przesłania Komitetowi.

XI. Za nadużycie lub niewypełnienie w skutek zlej woli okręgowy tak i podwładni oddają się pod sąd wojenny.

Prowincjonalny Litewski Komitet

D. Wilno d. 28 października 1862⁶.

ГПБ, ф. 629, д. 238, л. 2. Подлинник. Рукопись тем же почерком, что и предыдущий документ

ПЕРЕВОД ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ОКРУЖНЫХ^a

I. На определенную часть повета и по представлению поветового начальника военному, Литовский провинциальный комитет назначает окружного начальника и выдает ему номинацию^b.

^a Brak p. «e».

⁶ Przy końcu tekstu jest taki sam monogram jak w dokumencie poprzednim oraz owalna pieczęć której napis «Odważa Rozwaga» otacza dwie złęczone ręce.

^b Перед заголовком в оригинале знак С. Значение его неясно.

^c Номинация — мандат на должность в повстанческой организации.

II. Окружной начальник должен безоговорочно подчиняться Комитету и власти, им установленной, и обязан принять присягу от парафиальных^а и гминных^б начальников, десятников и сотников на безоговорочное послушание и сохранение тайны как на свободе, так и в тюрьме.

III. Никто не может выйти из национальной организации.

IV. Окружной начальник руководит парафиальными и гминными начальниками, десятниками и сотниками, а через них членами окружной организации и всем округом. Он получает приказы от поветового, которому хотя бы раз в неделю должен вручать рапорт о состоянии округа, согласно требованиям и инструкциям, данным поветовым начальником.

V. Рекомендует поветовому кандидатов на должности парафиальных, гминных и десятников, а также представляет их к отставке за неповиновение либо неспособность.

VI. Обязан следить, чтобы его подчиненные исполняли свои обязанности, а именно должен требовать от них:

а) безоговорочного подчинения Литовскому провинциальному комитету и начальникам, им установленным;

б) усердного и честного исполнения приказов этого комитета;

с) регулярного взноса назначенных податей в срок, т. е. между 15 и 20 каждого месяца;

д) оказания взаимной помощи товарищам, которым угрожает арест и преследование^в;

е) ведения повсюду революционной и повстанческой пропаганды;

г) революционного самообразования, насколько позволяет возможность,

ж) всеми возможными способами готовить оружие и изучать его.

VII. Он обязан получать от своих подчиненных собранные ими у населения подати в назначенном размере и в установленный срок. Без квитанции Цент[рального] Н[ационального] к[омитета] никто не имеет права давать и принимать деньги.

VIII. Он представляет поветовому двух лиц, способных быть его помощниками, которые могли бы заменить его в случае болезни, отсутствия или ареста.

IX. Он должен сноситься с парафиальными гминными начальниками и десятниками не реже раза в неделю и получать от них рапорты.

X. С согласия поветового начальника дозволяется представлять воеводскому соображения, которые касаются организации и ее нужд, для пересылки в Комитет.

XI. За злоупотребление или злостное неисполнение обязанностей окружной, как и его подчиненные, предаются военному суду.

Литовский провинциальный комитет

Дано в Вильно 28 октября 1862 г.^г

¹ Возможно, датировка по н. ст.

² Округ (okręg) — в революционной организации — часть уезда (см. док. 54, п. IV).

56

1862 г. октября 31. — Отношение рижского ген.-губернатора В. И. Ливена В. И. Назимову об обнаружении транспорта пороха на Рижско-Динабургской ж. д.

По случаю задержания 13 числа сего октября месяца на Рижско-Динабургской ж. д. пороха 25 пудов, доставленного в Фридрихштат

^а От parafia — приход.

^б От gmina — волость.

^в П. «е» отсутствует.

^г На оригинале вензель сложной формы и овальная печать с изображением рукопожатия и надписью на польском яз. «Odwaга Rozwaга» («Отвага — Благоразумие»).

жагорским евреем Лейбой Цалкисом, я командировал для розысков по сему делу в Курляндскую, Витебскую и Ковенскую губ. своего адъютанта подполковника Мавроса, который ныне доносит мне, что порох этот, согласно отобранным им, между прочим, в Ковенской губернии показаниям разных лиц, находился в Новых Жагорах в корчме¹.

Сообщая об этом на усмотрение в. в., имею честь присовокупить, что представленные мне подполковником Мавросом протоколы означенных показаний мною вместе с сим препровождены на дальнейшее зависящее распоряжение начальника Ковенской губ.

Ген.-адъютант барон Ливен

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 94, л. 5. Подлинник

¹ Следствие, производившееся в Фридрихштаде, Новых Жагорах и Режице, не дало положительных результатов; было лишь выяснено, что транспорт пороха должен был быть доставлен в м. Режицу. Подробнее см. там же, лл. 9—12.

57

1862 г. ноября 13. — Отношение начальника штаба корпуса жандармов А. Е. Тимашева В. И. Назимову о слухах относительно предстоящего восстания, распространении воззваний в Вильно и Гродно и нелегальной доставке оружия из-за границы в Россию и Польшу

Секретно

В III отделение с. е. и. в. канцелярии получены следующие сведения:

Некоторые из служащих в городах Гродно и Вильно чиновников, между коими именуют состоящего в Гродненском приказе общественного призрения губернского секретаря Антона Блажеевского, распущая слухи о том, что в январе или феврале месяце в Царстве Польском одновременно с западными губерниями вспыхнет революция, распространяют в народе воззвания и какое-то послание от имени католического духовенства в Варшаве;

что кроме оружия, скрытого в самом крае, на границе по Вержболовскому таможенному округу находятся большие склады оружия, привезенного из Люттиха, которое небольшими партиями провозится тайно в Царство Польское и Россию;

что польские патриоты из помещиков западных губерний отделяют довольно значительную часть своих доходов в пользу эмиграции, а служащие там, в том числе и помянутый Блажеевский, жертвуют даже из жалованья 2% на покупку оружия, и что деньги эти собираются присылаемыми из-за границы эмиссарами.

При этом сообщают, что в руках бывших в одно время с Блажеевским в отпуску в Вильно неизвестных по имени чиновников из Гродно видели помянутые выше воззвания и список жертвователей, почему предполагают, что таковые могут быть у Блажеевского.

Сведения эти считаю долгом сообщить в. в., имея честь покорнейше просить, не изволите ли вы, м. г., почтить меня уведомлением о распоряжениях, какие вам угодно будет сделать по предметам, в оных изложенным.

За отсутствием шефа жандармов свиты е. в. ген.-майор Тимашев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 112, лл. 1—4. Подлинник

1862 г. декабря 9¹.— Записка, составленная для III отделения в Министерстве внутренних дел, о способах распространения нелегальной литературы, доставляемой из Царства Польского

По сведениям, полученным в Департаменте духовных дел и иностранных исповеданий, бумаги, направленные против правительства и печатаемые в Царстве Польском, распространяются следующими путями.

Жители некоторых местностей Западного края, находясь невдалеке от границы Царства, имеют случай часто сталкиваться с обитателями Царства на фестах^а, ярмарках и рынках; кроме того, между пограничными жителями Империи и Царства ведется торговля, бывают хозяйственные и родственные отношения; этим путем и проходят к нам брошюры, прокламации и манифесты, тайно издаваемые в Царстве и перевозимые в Империю. Независимо от сего, есть повод предполагать, что агенты Царства, перебираясь через границу к нам, разбрасывают означенные бумаги в городах, местечках и даже деревнях. Во время народных сходбищ в церквах и других публичных местах эти бумаги часто вкладываются в карманы, шапки, оставляются в церквах, ризницах, передаются под предлогом писем или через частных людей, или даже через почту настоятелям церквей и другим лицам. Такими средствами все эти брошюры, циркуляры и другие бумаги распространяются между жителями пограничных с Польшей губерний.

ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, 1 экз., 1862 г., д. 230, ч. 143, л. 30. Подлинник

¹ Датируется по сопроводительному документу.

1862 г. декабря 20 (1863 г. января 1)¹.— «Chorągiew swobody» («Знамя свободы») № 1

Chorągiew swobody

«Czułem, że o powinności nie wolno rozumkować»

№ 1

Wilno d. 1 stycznia 1863 r.²

Rok I

Narody ujarzmione — mówi wielki mąż stanu — przechodzą przez trzy epoki jak najwyraźniej znamionujące stopniowy ich powrót do dojrzałego pojęcia warunków politycznego bytu. Pierwsza epoka zaraz po utracie niepodległości jest straszna, jak owa cisza na morzu, gdzie niebo, krwawymi zasłonięte chmurami, groźnie spoziera na ciemną i nieruchomą przestrzeń wodną. Znikąd promyczek nadziei nie zabłyśnie! Pierwiastki

^а Fest — храмовой праздник (польск.).

CHORĄGIEW SWOBODY.

Wilno d. 1 Styчня 1863 r.

„Ośmiesz się o powinności nie wolno roztępować!”

Rok I.

Narody ujarzmione, młwi wielki mas stanu, przechodzą przez tryb epoki jak najwyraźniej: znanomoczące stopniowy ich powrót do dojrzałego pojęcia warunków politycznego bytu. — Pierwsza epoka, zarus po utracie niepodległości, jest straszna jak ówa ciena na morzu, gdzie niby krwawym zasłonąwie ciemuram, gromie spoziera na ciemną i nieuchomną przesłan wodną. Znakad prumyczak nadziei nie tabyludnie! Pierwszaki rozkładowe, żłre upadek narodu sprawiły, szumia i okolo ciemnicy się kupia; namfudie i odczwiesie rozpaczliwe ogarniają ogół; brat brau niedowiarza: a pod wpływem nikamniej bojaźni upokorzona, spiedlona społeczność, coraz się więcej pod jaramo nachyla. — Powoli jednak tradycja narodowej godności, która w sercach niewiela, jakoby w aroze przymierza pod namiotami lutele na pieszcz, przechowała się, czystym promieniem szczytna światła gętoj nocy niewoli. Druga epoka się zaczyna! — Epoka przedświata! Pojednane ofiary szranka naprzd grumadz się o kolo tego błędnego światła nadziei; swywar go niewinna krewa męczennika. Duch się coraz bardziej rozbudza, coraz bardziej Ogień święty młodość Ojczyzny podnieca. Przynik do słoneczu się staje, wiara potanczej coraz się wia nadziej, męczennictwo dla Ojczyzny staje się nie tylko potrzebą ale obowiązkiem, gorącym pragnieniem wychować: — iżel bowiem Narod winy swoje i uszał, że przez Gólgota tylko do Zmarłyochowania pociąg. — Lecz chwila nadziej, gdzieś narodziła, gdzieś polynęta podwójnie się jux nie są na dobie; bo uwiarył narodu cały w swe sły, w pękną chwila smęgo; bo uczni za brud wszelki na dno doidł i nie śmie już bezkarnie wypływać na wierzch. — Traccia śmać sądziała epoka, spoko ulności, solidarności wzajemnej, olbrzymiej potęgi moralnej. Ta epoka, która przedwstępna, długi brud nie może; bo narod cały, w imię świętości swej sprawy i na rękoini obdjętej pokuty za przewinienia przodków sprzymierzony do czynu się porywa, do walki z ciemniestwem o odzyskanie swobody i niepodległości śpięsz. — Kłdyż to narodu bardziej nie nasz doświadczył krwawych prób upadku i niewoli? Kłdyż to narodu ubitara słożył ofiary na ołtarzu Ojczyzny za grzechy swych ojców? Lecz nareszcie nad męczoniami: swoim ludem szitował się Bóg Najwyższy. Głos proroków naszych zamilkł; bo spełniły się czasy. — Chwila czynu i bohaterstwa już sądziała i ani krwawo baczaniele najadu na ulicach Warszawskich wyprawiane przeciw bezbrojnym, ani wygnania, ani szubienice, ani okalec wojny, Wzury w zwycięstwo nasze nie zachwala i szachwać nie szado.

Słau rewolucyjny, jaki trwa u nas, miedzi, wcielonej represji najadu od dnia 21 Lutego 1861 r. dingo istnieć nie może. Pora wybuchu, pora ogólnego Powstania w imię świętych Praw Narodowości naszej się zbliża: a se o silach naszych moralnych już niki nie odważa się wątpić, sły więc materyalne obliczyć i przygotować potrzeba. — Komitet szau Prowincjonalny Litewski, który władza organizacyjna na Litwie i Białorusi, wzywa wszystkich obywateli szczere kochających Ojczyznę, bez różnicy stanu i wyznania, do jednolitego działania ku wywalczeniu w danej chwili niepodległości narodu wój.

Podnosząc zasadę równoprawienia wszystkich stanów i wyznań, bez kraywly niszczey własności i wolności sumienia, powołując do jednolitej pracy wszystkie bez wyjątku warstwy społeczeństwa Polskiego w imię Swobody i Narodowości, Komitet Prowincjonalny nie wątpi że ogólnemu Pragnieniu, jednomyślnym sądzaniem kraju zadowolę czyni. Akt skrupuły Polaki powijający po wiekowej prawie zasłonoj pokucie, nie parlamentarna szmierzka, nie dyplomatyczno-społeczni speculacyami lecz czynem tylko dokonany był winien; wobec bowiem Tutajnie Niemieckiej Polityki Najadu naprzodo kwalifikacy się nasze sprawy ku politycznemu Ojczyzny przeprowadzić. — Na potwarze którego Najadu obrzucił objawy naszego ducha, kłdmi narodził się nasz zbawienie się kuś doświadczenia nas z rękodzielnymi ludźmi naszymi, odpowieramy braterską, spiedla pulerą, łącząc się przeciw niemu. Wsędzie gdzie szalio narodu, depcząc świętokradzkie traktaty ciemietwów gromu oznaczyla granice Polskiej niemi solidarności

staady i celu, nas wiąże. W imię Bosa więc, bracia, niech praca i środki nasza będą też jednaki a potęgi piekielne nas nie przesłona! — Narod Moskiewski naszej wiekowej kraywly się wadryga. On wolnym bratem naszym, nie ciemniestwem być pragnie i stanowczo odpowiedzialność przed potonnością za naszą szelazną niewolę na mający rnuć Carat wkłada.

Du pracy więc bracia razem; a gdy chwila nadziej, wznieśmy CHORĄGIEW SWOBODY i mroc przeklęta najadu jak mgła przed słońcem puchnie. Wtedy Maika Ojczyzna zapamięje potęmnieją, odszy się szczytów szau na kłdykolwiek; bo szajanie e blaskiem Sprawiedliwości, bo odzyska szła szgody i równości swych synów.

PROWINCYONALNY LITEWSKI KOMITET

wzywa Obywateli Ojczyznę miłujących i pragnących wywalczania jej bytu niezależnego do opłacenia jednorazowego Narodowego podatku, bo rozniacy szkladowych czasy Narzadu — tytułem nadzwyczajnej ofiary na poparcie działań dających do wykubodzenia Ojczyzny. Podoć podatku uakuczenia się przez urzędliwko organizacji za upowasaniem i kwitami litografowanem, pieszczami Komitetów Centralnego i Prowincjonalnego Litewskiego opatrzonem, utrzymać się więc, żeby nikomu nie legitymowano, nie uowazniano i nie wydajacemu gotowego a pieszczu kwitu, szaden dalek nie był wracany, a to dla uniknięcia szmarzowania pieniędzy na szacu szencacych wykazywaczy.

— O Minakich Szemikach. Ponieważ postanowiliśmy raz na zawsze publiczne, dokonane tylko fakta uważać za godne uwagi narodowej cnoty, pomijamy więc przedśmiewkowe porozumienia się w Minaku (choćna doskonałe nam sz waszech miar sznane) i sz hydra rewolucyjną, do sali wyborczej wchodzim.

Ow powód szedmgłowy przeciw któremu Herkules Warszawski i jego adherenci bez powodzenia dotąd się pocią, wazeli w szranki Minakie dni 29 Listopada! Pod jego wpływem zapewne szalacha jednogłuskie przystąpiła do podania adresu o organizacnem przyłączeniu Gubernii Minakiej do królestwa Polskiego.

Prokuror na sz buntownicze chęci szoszył na szdł Marszałkowski konwert, zawierający dwa luty jeden Ministra Spraw wewnętrznych do Gubernatur opowiadający sztrazne skutki podobnego szuchwalstwa w Kamieniu Podolskim; drugi Gubernatora Minakiego sztanowco szalen szajacy podania adresu pod gruszą owiazania kolo Sejnowego. Jako szazad szd pogwałcenia wszelkich praw obywatelskich, dodał sz co „uznamo zostało przez J. C. M. jako nieprawne i buntownicze w jednej Guberni, w innych podobnie uważane być musi.”

Szalacha, więc, Mifaka pokhawiona możności podania adresu, całe to bezprawie wazgnęła do protokołu; skutkiem czego: General Gubernator Nazimow, rzuwiał szemiki.

Rozkaz P. Nazimowa do Gubernatora Minakiego, jest to jak najwerniejsze szprawowanie urzędów i jednomyślnych dazów szalaczy; jest to unpełnienie protokołu Szemkowego; jest to adres o przyłączeniu do królestwa Polskiego i o równoprawieniu klas wszelkich, ręk wielkorządy Najadu na Litwie podpisywany, szłowem jest to szpatrzy D e u s ex M a c h i n a całej tej wy.....

— Prowincjonalny Litewski Komitet oświadcza sz wszelkie odzwoy drugim ogłaszane, a od Nięgu podchłazac sztwierdzenia będą urzędową pieszczu, i sz sz tylko przysięga na siebie odpowiedzialność.

Cena egzempl. gr. 10

rozkładowe, które upadek narodu sprawiły, szumią i około ciemieży się kupią — nieufność i odrętwienie rozpaczliwe ogarniają ogół; brat bratu nie dowierza, a pod wpływem nikczemnej bojaźni upokorzona, spodłona społeczność coraz się więcej pod jarzmo nachyla. Powoli jednak tradycja narodowej godności, która w sercach niewielu, jakoby w arce przymierza pod namiotami Izraela na puszczy przechowała się, czystym promieniem zaczyna świtać wśród gęstej nocy niewoli. Druga epoka się zaczyna! Epoka przedświt! Pojedyncze ofiary z rzadka naprzód gromadzą się około tego błęgiego światła nadziei, żywiąc go niewinną krwią męczeńską. Duch się coraz bardziej rozbudza, coraz bardziej ogień święty miłości Ojczyzny podnieca. Promyk ów słońcem się staje; wiara potężniej coraz ożywia nadzieję, męczeństwo dla Ojczyzny staje się nie tylko potrzebą, ale obowiązkiem, gorącym pragnieniem większości; uczuł bowiem Naród winy swoje i uznał, że przez Golgotę tylko do Zmartwychwstania pochód. Lecz chwila nadchodzi, gdzie spiski tajemne, gdzie pojedyncze poświęcenie się już nie są na dobie; bo uwierzył Naród cały w swe siły, w potęgę ducha swojego; bo uczuł, że brud wszelki na dno osiadł i nie śmie już bezkarnie wypływać na wierzch. Trzecia snąć zajaśniała epoka — epoka ufności, solidarności wzajemnej, olbrzymiej potęgi moralnej. Ta epoka jako przedwstępna długo trwać nie może; bowiem Naród cały w imię świętości swej sprawy i na rękoi odbytej pokuty za przewinienia przodków sprzymierzony, do czynu się porywa, do walki z ciemnizykiem o odzyskanie swobody i niepodległości śpieszy. Któryż to naród bardziej niż nasz doświadczył krwawych prób upadku i niewoli? Któryż to naród obfitsze złożył ofiary na ołtarzu Ojczyzny za grzechy swych ojców?.. Lecz nareszcie nad umęczonym swoim ludem zlitował się bóg najwyższy. Głos proroków naszych zamilkł, bo spełniły się czasy... Chwila czynu i bohaterstwa już zajaśniała i ani krwawe bachanale najazdu na ulicach warszawskich wyprawiane przeciw bezbronny, ani wygnania, ani szubienice, ani ucisk wojenny wiary w zwycięstwo nasze nie zachwiało i zachwiać nie zdoła.

Stan rewolucyjny, jaki trwa u nas mimo wścieklej represji najazdu od dnia 27 lutego 1861 r., długo istnieć nie może. Pora wybuchu, pora ogólnego powstania w imię świętych praw narodowości naszej się zbliża; a że o siłach naszych moralnych już nikt nie odważa się wątpić, siły więc materialne obliczyć i przygotować potrzeba. Komitet zatem Prowincjonalny Litewski jako władza organizacyjna na Litwie i na Białorusi wzywa wszystkich obywateli szczerze kochających Ojczyznę, bez różnicy stanu i wyznania, do jednolitego działania ku wywalczeniu w danej chwili niepodległości narodowej.

Podnosząc zasadę równouprawnienia wszystkich stanów i wyznań, bez krzywdy niczyjej własności i wolności sumienia, powołując do jednności pracy wszystkie bez wyjątku warstwy społeczeństwa polskiego w imię Swobody i Narodowości, Komitet Prowincjonalny nie wątpi, że ogólnemu pragnieniu, jednomyślnym żądaniom kraju zadosyć czyni. Akt skrucy Polski powstającej po wiekowej prawie zasłużonej pokucie, nie parlamentarną szermierką, nie dyplomatyczno-społecznymi spekulacjami lecz czynem tylko dokonany być winien; wobec bowiem tatarsko-niemieckiej polityki najazdu na próżno kusilibyśmy się nasze sprawy ku pożytkowi Ojczyzny przeprowadzić. Na potwarze, którymi najazd obrzucił objawy naszego ducha, którymi nawet modlitwy nasze zbezcześcić się

kusił dla poróżnienia nas z młodszymi braćmi naszymi, odpowiemy braterską zgodą, potężną łącznością przeciw niemu. Wszędzie, gdzie żałoba narodowa, depcząc świętokradzkie traktaty ciemieżców, groźnie oznaczyła granice polskiej ziemi, solidarność zasady i celu nas wiąże. W imię boże więc bracia, niech praca i środki nasze będą też jednakie, a potęgi piekielne nas nie przemogą! Naród Moskiewski naszej wiekowej krzywdy się wzdryga. On wolnym bratem naszym, nie ciemieżycielem być pragnie i stanowczo odpowiedzialność przed potomnością za naszą żelazną niewolę na mający runąć carat wkłada.

Do pracy więc bracia razem; a gdy chwila nadejdzie, wznieśmy *charyzmy swobody* i moc przeklęta najazdu jak mgła przed słońcem pierzchnie. Wtedy Matka Ojczyzna zajaśnieje potężniejszą, odżyje szczęśliwszą, niż kiedykolwiek; bo zajaśnieje blaskiem sprawiedliwości, bo odżyje siłą zgody i równości swoich synów.

Prowincjonalny Litewski Komitet

wzywa obywateli Ojczyznę miłujących i pragnących wywalczenia jej bytu niezależnego do opłacenia jednorazowego narodowego podatku, bez różnicy składowych części Narodu — tytułem nadzwyczajnej ofiary na poparcie działań dążących do wyswobodzenia Ojczyzny. Pobór podatku skutecznia się przez urzędników Organizacji za upoważnieniami i kwitami litografowanymi, pieczęciami Komitetów Centralnego i Prowincjonalnego Litewskiego opatrzonymi; ostrzega się więc, żeby nikomu nie legitymującemu się upoważnieniem i nie wydającemu gotowego z pieczęcią kwitu, żaden datek nie był wręczony, a to dla uniknięcia marnotrawienia pieniędzy na rzecz nieuczciwych wyzyskiwaczy.

O mińskich sejmikach³. Ponieważ postanowiliśmy raz na zawsze publicznie dokonane tylko fakta uważać za godne uwagi narodowej czujności, pomijamy więc przedsejmikowe porozumienia się w Mińsku (choćby doskonale nam ze wszech miar znane) i za *hydrą rewolucyjną* do sali wyborczej wchodzimy.

Ow potwór siedmiogłowy, przeciw któremu Herkules warszawski i jego adherenci bez powodzenia dotąd się pocą, wszedł w szranki mińskie dn. 29 listopada!!! Pod jego wpływem zapewne szlachta jednogłośnie przystąpiła do podania adresu o organicznym przyłączeniu guberni mińskiej do Królestwa Polskiego.

Prokurator na te buntownicze chęci złożył na stół marszałkowski konwert, zawierający dwa listy: jeden ministra spraw wewnętrznych do gubernatora, opowiadający *straszne skutki* podobnego zuchwalstwa w Kamieńcu Podolskim⁴; drugi gubernatora mińskiego, stanowczo zabraniający podania adresu, pod groźbą rozwiązania koła sejmowego. Jako zasadę zaś pogwałcenia wszelkich praw obywatelskich dodał, że «co uznany zostało przez j. c. m. jako nieprawne i buntownicze w jednej guberni, w innych podobnie uważane być musi».

Szlachta więc mińska, pozbawiona możności podania adresu, całe to bezprawie wciągnęła do protokołu; skutkiem czego generał-gubernator Nazimow rozwiązał sejmiki.

Rozkaz p. Nazimowa do gubernatora mińskiego jest to jak najwierniejsze sprawozdanie urzędowe i jednomyślnych dążeń szlachty; jest to uzupełnienie protokołu sejmikowego; jest to adres o przyłączeniu do

Królestwa Polskiego i o równouprawnieniu klas wszystkich, ręką wielkorządcy najazdu na Litwie podpisany; słowem, jest to opatrzny *deus ex machina* całej tej sprawy!..

Prowincjonalny Litewski Komitet oświadcza, że wszelkie odezwy drukiem ogłaszane a od niego pochodzące, stwierdzone będą urzędową pieczęcią i że za te tylko przyjmuje na siebie odpowiedzialność.

Cena egzempl[arza] gr[oszy] 10

ЦГИА ЛИТ. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 933, л. 162. Типографский оттиск

ПЕРЕВОД ЗНАМЯ СВОБОДЫ¹

«Я чувствовал, что о долге
нечего рассуждать»

№ 1

Вильно, 1 января 1863 г.²

I год [издания]

Порабощенные народы, говорит великий государственный муж, проходят через три эпохи, ярко знаменующие собой их постепенное возвращение к зрелому пониманию условий политического бытия. Первая эпоха, следующая непосредственно за утерей независимости, страшна, как затишье на море, когда небо, затянутое багровыми тучами, грозно смотрит на темный и неподвижный простор воды. Нигде не видно ни проблеска надежды! Элементы разложения, вызвавшие упадок народа, шумят и собираются вокруг угнетателя. Недоверие и вызванное отчаянием оцепенение охватывают всех; брат не доверяет брату, а под влиянием подлого страха униженное и оподлившееся общество все ниже и ниже сгибается под ярмом. Но мало-помалу традиционная национальная гордость, сохранившаяся в сердцах немногих, как бы под шатрами изранитян в пустыне, начинает сверкать чистыми лучами в глубокой ночи неволи. Начинается вторая эпоха — эпоха рассвета! Время от времени жертвы одна за другой падают вокруг этого благословенного светоча надежды, питая его невинной мученической кровью. Все больше пробуждается дух, все ярче разгорается священное пламя любви к родине. Луч превращается в солнце, вера все сильнее питает надежду, мученичество за родину становится не только потребностью, но и долгом, горячим стремлением большинства, ибо народ почувствовал свою вину и понял, что путь к воскресению из мертвых идет только через Голгофу. Но настает пора, когда тайные заговоры и единичные жертвы уже устарели, ибо весь народ уверовал в свои силы, в мощь своего духа, ибо он понял, что вся скверна уже осела на дно и не смеет безнаказанно всплывать на поверхность. Видно, уже воссияла третья эпоха — эпоха доверия, взаимной солидарности, сгromной нравственной мощи. Эта эпоха, являющаяся преддверием к тому, что грядет за ней, не может длиться долго, ибо весь народ, объединившийся во имя святости своего дела и под знаком принесенного им покаяния за прегрешения своих предков, рвется к делу, спешит на борьбу с угнетателем за свою свободу и независимость. Какой другой народ испытал больше кровавых мук в период своего падения и порабления, чем наш народ? Какой другой народ сложил столько жертв на алтарь отчизны за грехи своих отцов?.. Но наконец-то всевышний смиловился над своим измученным народом. Смолк голос наших пророков, ибо настал час... Пора действия и героизма забрезжила, и ни кровавые оргии захватчиков против безоружных людей на улицах Варшавы, ни ссылки, ни виселицы, ни военный гнет не поколебали и не смогут поколебать веру в нашу победу.

Состояние революции, которое, несмотря на жестокие репрессии захватчиков, мы переживаем со дня 27 февраля 1861 г., не может долго продолжаться. Близится момент взрыва, момент всеобщего восстания во имя священных прав нашей нации — и

именно потому, что никто не осмеливается ставить под сомнение наши нравственные силы, нам надо подсчитать и подготовить силы материальные. Поэтому литовский провинциальный комитет, как организационная власть в Литве и Белоруссии, призывает всех искренне любящих родину граждан, без различий сословия и вероисповедания, к единодушным действиям, чтобы завоевать сейчас национальную независимость.

Выдвигая принцип равноправия всех сословий и вероисповеданий, без ущерба для чьей бы то ни было собственности и свободы совести, призывая к единству действий все без исключения слои польского общества во имя свободы и независимости, Провинциальный комитет не сомневается в том, что тем самым он выражает всеобщие стремления и единодушные требования всей страны. Акт раскаяния Польши, возрождающейся после почти векового заслуженного покаяния, должен выразиться не в парламентском фехтовании, не в дипломатически-общественных спекуляциях, но лишь в действии, ибо перед лицом татарско-немецкой политики захватчиков мы напрасно тешили бы себя надеждой вести свои дела с пользой для Родины. На клевету, которой захватчики осыпали проявления нашего духа, которой они стремились осквернить даже наши молитвы, для того чтобы разъединить нас с нашими младшими братьями, мы ответим братским согласием, мощным союзом против них. Везде, где национальный траур, топча святотатственные трактаты угнетателей, грозно обозначил границы польской земли, нас объединяет солидарность принципа и цели. Итак, братья, во имя божье, пусть наши труды и средства также будут едины, и адские силы не одолеют нас! Русский народ содрогается, видя нашу вековую обиду. Он стремится быть свободным нашим братом, а не угнетателем, и ответственность перед потомством за наше железное рабство решительно возлагает на готовый рухнуть царизм.

Итак, братья, вместе за дело, а когда наступит время, мы поднимем знамя *свободы*, и проклятая сила захватчиков исчезнет, как мгла перед солнцем. Тогда засияет мать-Родина, еще более могучая, возродится счастливее, чем когда-либо, ибо засияет она блеском справедливости, ибо возродится силой согласия и равенства своих сынов.

Литовский провинциальный комитет

призывает всех граждан, любящих родину и жаждущих бороться за ее независимое существование, уплатить единовременный национальный налог, призывает к этому весь народ, без различия составных его частей, как к чрезвычайному пожертвованию для поддержки действий, целью которых является освобождение родины. Сбор налога осуществляют уполномоченные организации, снабженные литографированными доверенностями и квитанциями с печатью Центрального и Литовского провинциального комитетов. Предупреждаем, чтобы лицам, не предъявившим доверенности и не выдавшим готовой квитанции с печатью, никакие налоги не выплачивались во избежание излишней траты денег в пользу бесчестных обманщиков.

О минских сеймиках³. Поскольку мы раз навсегда постановили обращать внимание народа лишь на бесспорные, публично совершенные факты, мы обойдем молчанием предсеймиковые соглашения в Минске (хотя они нам прекрасно известны) и вслед за *гидрой революции* войдем в зал, в котором состоятся выборы.

Это семиглавое чудовище, против которого варшавский Геркулес и его сторонники безуспешно выступают до сих пор, взросло на минское поприще 29 ноября!!! Очевидно, под его влиянием дворяне единодушно решили подать адрес об ограничении включения Минской губ. в Царство Польское.

В ответ на эти мятежные пожелания прокурор положил на стол предводителя дворянства конверт, заключающий в себе два письма: письмо министра внутренних дел к губернатору, в котором говорилось о *страшных последствиях* такой же дерзости

в Каменец-Подольске⁴, другое — минского губернатора, решительно запрещающее подачу адреса под угрозой роспуска сеймика. Как на основании для нарушения всех гражданских прав, он указал, что то, «что е. и. в. считает незаконным и мятежным в одной губернии, в других губерниях должно считаться таким же».

Поэтому минские дворяне, лишенные возможности подать адрес, все эти беззакония зафиксировали в протоколе. В результате ген.-губернатор Назимов распустил сеймик.

Приказ г. Назимова минскому губернатору также является самым подлинным официальным документом, свидетельствующим о единодушной позиции дворянства, — это дополнение к протоколу сеймика; он является адресом о присоединении к Царству Польскому и о равноправии всех классов, подкрепленным собственноручной подписью полномочного представителя захватчиков в Литве: словом, он — предусмотрительный *deus ex machina*^a во всем этом деле.

Литовский провинциальный комитет заявляет: все выпускаемые им печатные воззвания будут подтверждаться официальной печатью и только за такие воззвания он принимает на себя ответственность.

Цена экзempl[яра] 10 гр[ошей]

¹ Орган Литовского провинциального комитета; вышло три номера: № 1 — 1 января (н. ст.) 1863 г., № 2 — в начале 1863 г., № 3 — в мае 1863 г. Первые два номера редактировал К. Калиновский, последний — Я. Гейштор и Ф. Далевский. Место издания — Вильно. Визетка документа представляет собой фигуру косинера с косой и знаменем, на котором изображены гербы Литвы и Польши. Надпись на печати «Национальная организация. Литовский провинциальный комитет».

² В номере применяется датировка по н. ст.

³ Имеются в виду минские дворянские выборы в ноябре 1862 г. и попытка дворян подать адрес императору о присоединении Минской губ. к Царству Польскому (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 110, а также док. 294).

⁴ В своем адресе, составленном в октябре 1862 г., дворянство Подольской губ. требовало присоединения губернии к Царству Польскому.

60

1862 г. декабря 24. Вильно. — Записка А. М. Гильдебранта В. А. Долгорукову о течениях в освободительном движении в Литве и Белоруссии и о мерах, необходимых для предотвращения восстания

Около двух лет тому назад, во время самого разгара политических страстей, вступил я в управление округом, когда непрестанные панихиды по убитым в Варшаве, революционные гимны, возмутительные проповеди ксендзов, дерзкие выходки студентов и гимназистов и, наконец, гласные манифестации в память соединения Польши с Литвой требовали зоркого наблюдения и энергических мер со стороны местных властей и вызвали особые распоряжения высшего правительства, учредившего временные полицейские суды. Ныне все эти патриотические заявления прекратились, и в Западном крае, сравнительно с прошедшим столь тревожным временем, водворились тишина и сдержанность со стороны агитаторов. Со всем тем существенного

^a «Бог из машины» (латин.). В переносном смысле — развязка вследствие вмешательства непредвиденного обстоятельства.

улучшения или переворота в образе мыслей поляков не последовало, и наступившее спокойствие — не действительное, но кажущееся. Под ним скрываются и плодятся революционные стремления, несравненно опаснейшие, нежели все минувшие враждебные демонстрации.

В письме к г. начальнику штаба¹ от 30 прошлого ноября за № 407 я сообщал дошедшие до меня сведения о существовании в Царстве Польском двух противуправительственных партий: умеренной и красной, из коих первая состоит преимущественно из аристократов, ожидающих благоприятных обстоятельств для заявления своих требований и старающихся между тем воздержаться от преждевременного восстания вторую партию, многочисленную, состоящую из мелкой шляхты, ксендзов, мещан, части евреев и пр. и управляемую из Варшавы революционным комитетом².

В Западном крае представляется то же явление, но только в отношении числительности и политического значения — в обратном порядке. Здесь партия красных малочисленна, не имеет систематической между собой связи и еще пока нисколько не опасна³. Она состоит из мелких дворян, незначительных чиновников, ксендзов, студентов, гимназистов, женщин, рассчитывает также на симпатию к польскому делу мещан и отчасти на дворовую господскую прислугу. Но и этот расчет неверен: из мещан разве только весьма немногих удалось бы склонить к открытому бунту в данное время, а прислуга и того менее надежна для этой цели. Остаются еще однодворцы, которых, впрочем, немного. Но легкомысленная и нетерпеливая партия эта, желающая поскорей и во что бы [то] ни стало освободиться из-под ига России, до того безрассудна в пылу своих страстей, что мечтает даже увлечь за собой крестьян, не показывающих, по крайней мере до настоящего времени, никакой симпатии к революционным тенденциям. Одним словом, красные представляют тип польского легкомыслия и могут произвести какое-либо местное минутное замешательство или даже совершить исподтишка убийство, но ничего важного предпринять не в состоянии. Ныне, после заявления своего патриотизма шумными манифестациями, прекращенными (как утверждают многие) вследствие повеления парижского революционного комитета, они продолжают носить отличительные польские костюмы и прочие знаки национальности и готовы оскорбить каждого поляка, не подражающего этому примеру. Недавно в Ковне красные разбили стекла в зале, где давался концерт, и в доме ксендза, сказавшего проповедь в духе нашего правительства, а на бывших дворянских выборах в Минске требовали непременно гласного адреса⁴ и, не согласившись подписать, вместе с весьма значительным большинством, известного протокола, заявили окончательно свое негодование развитием стеклол у губернского предводителя дворянства.

Совсем иначе действует так называемая умеренная партия, к которой принадлежит почти все образованное, зажиточное дворянство Западного края и лучшая часть католического духовенства⁵. Она не принимала, за самым разве малым исключением, деятельного участия в бывших гласных манифестациях, не одобряла даже их, а держала себя, по наружности, пассивно, признавая, с полною справедливостью, мелких бесновавшихся людей за глупцов, которые портят дело шумным, несвоевременным заявлением своего патриотизма без вся-

кого соображения средств с предположенной целью. Перед правительством она называет себя консервативной и притворяется, будто не имеет никакой надежды на соединение Западного края с Польшей, тем более, что и адреса в этом смысле воспрещены, а ходатайствует смиренно о польском языке в школах и судах, о университете в Вильне и о Литовском статуте, как о необходимых потребностях для блага всего края.

Но эти с виду умеренные желания скрывают зрело обдуманый вероломный умысел. Сознывая при настоящих обстоятельствах свое бессилие действовать явно и решительно для соединения Западного края с Польшей, партия эта старается скрытыми путями сблизиться с народом, восстановить его против правительства и внушить революционные помыслы, так как без морального или материального содействия массы населения всякое со стороны дворянства домогательство о соединении Литвы с Польшей, а при счастливом обороте дела и трех юго-западных губерний, не может иметь ни силы, ни уважительного основания.

В последнее время в особенности партия умеренных, находящаяся в тесных связях и постоянных сношениях с Варшавой*, обнаруживает усиленную деятельность частыми съездами в разных местах Литвы для совещаний и для сбора на патриотические потребности денег. Она распространяет возмутительные брошюры и пытается волновать войско через преданных ее идеям офицеров. Главные ее агенты — мировые посредники — действуют сами и посредством избранных большей частью по их влиянию сельских старшин и писарей, представляя крестьянам в превратном виде распоряжения правительства и отклоняя их от обучения русской грамоте в народных школах коварными внушениями, будто школы эти учреждаются с целью обращения их всех в православие.

Вот два случая, подтверждающие сказанное: В недавнем времени спрашивали ген.-адъютанта Назимова собранные из разных уездов Виленской губ. крестьяне: правда ли, что правительство учреждает в селениях русские школы с тем, дабы обратить их всех в православие? — а по полученным мною из Ковенской губ. сведениям, мировые посредники, невзирая на строгие подтверждения, продолжают употреблять в официальной переписке с волостными правлениями польский язык, о чем я докладывал г. ген.-губернатору. Носятся также слухи о ввозе в наши пределы пороха и оружия**, как необходимых запасов для будущих предприятий.

* К числу самых усердных членов этой партии принадлежит гродненский предводитель гр. Виктор Старжинский, соединяющий с неутомимой деятельностью хитрый ум и горячий патриотизм. Он недавно был в Париже, Варшаве, Петербурге, Москве и опять полетел в Варшаву.

** В письмах к б. начальнику штаба гр. Шувалову от 12 сентября прошлого 1861 г. за № 288^б я сообщал о привозе в Ригу из-за границы револьверов в значительном, превышающем местную потребность, количестве, которые легко и без контроля могут приобретать поляки, и от 16 и 20 того же сентября за № 290 и 291^г — о дошедших до меня сведениях насчет замышляемого революционерами доставления морем в Курляндию и потом в Литву оружия при помощи евреев, и что, хорошо знакомый с местностью Остзейского края, я не считаю этого предприятия невозможным, судя по контрабанде, которую без большого затруднения привозят туда ночью на лодках, чему я сам был однажды свидетелем. В этом отношении Остзейский край требует самого бдительного наблюдения.

Наконец, даже самые затруднения, которые могут наступить после 19 будущего февраля вследствие объявления во многих местах крестьян, что в ожидании нового указа они не станут более исполнять повинностей, помещики намереваются обратить в средство для достижения своей цели, и вот на каком основании: повинности крестьян, определенные инвентарями 1846 г., составленными самими помещиками и без рачительной поверки со стороны правительства, были слишком обременительны; и многие, движимые чувством справедливости, владельцы облегчали их по возможности. Ныне уставные грамоты составлены на основании тех же инвентарей*, хотя с некоторыми, незначительными, впрочем, ограничениями, так что исчисленные по оным повинности оказываются местами почти превышающими те, которые в последнее время исполняли крестьяне благодаря снисхождению помещиков; в особенности отяготительны эти повинности в местах, имеющих неплодородную почву.

Вот одна из главных причин, почему крестьяне, надеявшиеся на большие облегчения при новом положении, отказываются от принятия уставных грамот и ожидают нового указа, и если они действительно прекратят исполнение своих повинностей, то местные власти вынуждены будут обращать их к долгу силой и наказаниями, что, естественно, вызовет их против правительства и заставит прибегнуть к великодушию помещиков, от коих зависеть будет облегчение их положения.

Только разве поверочные комиссии, которые обязаны при проверке уставных грамот принимать в соображение пространство земли и качество почвы, могли бы устранить столь затруднительное положение, но, к сожалению, комиссии эти еще не открыли донные действия своих.

Недавно был у меня помещик Поневежского у. (Ковенской губ.) барон Гротгус, родом курляндец, человек умный и вполне преданный нашему правительству. Окруженный поляками, он видит их насквозь и уверял меня, что если даже крестьянское дело обойдется в будущем году без важных хлопот и совершится, после поверочных комиссий, обязательный выкуп крестьянских земель, то и в таком случае поляки не оставят своих намерений. Они найдут всю возможность обязать простодушного крестьянина-соседа, с которым у них тогда не будет более спорных интересов, разными одолжениями, уступками и подарками и, несомненно, успеют привлечь его на свою сторону.

Изобразив относительно положение, в котором находится население разных сословий здешнего края к правительству, я не могу не окончить этого очерка сознанием моего убеждения, что, невзирая на все усилия местных властей к пресечению развившихся с необыкновенной силой польских тенденций, дело это не только не подвинулось в течение двух последних лет вперед, но можно с достоверностью сказать, что ныне оно находится более, нежели когда-либо, в сомнительном положении. Строгое преследование, наказания, ссылки, как равно и меры снисхождения — все было напрасно; и едва ли подлежит сомнению, что, продолжая шествовать этими путями, мы увидим через каких-нибудь десять лет, или даже менее, все население Литвы, готовое к восстанию против законной власти.

* Инвентари эти утверждены губернскими комитетами без надлежащей поверки на месте и спроса крестьян.

Даже замена самых опасных членов партий — мировых посредников — чиновниками от правительства едва ли могла бы принести большую пользу. Где найти для этих важных обязанностей столько людей способных, добросовестных, неподкупных? И какой шум поднимут поляки за нарушение их прав и закона! Мы видим, что избираемые с большой разборчивостью члены земской полиции редко соответствуют вполне своему назначению: материальные интересы сближают их с помещиками и делают снисходительными!

Отнеся все здесь сказанное собственно к Литве включительно с Минской губ., следует присовокупить, что Киевская, Подольская и Волынская достаточно ограждены верой, языком и преданиями от искушений поляков и их пропаганды; наконец, Могилевская и Витебская губ. едва ли могут возбуждать опасение в настоящее время.

* * *

В июле месяце прошлого 1861 г., во время объезда округа, был я вызван по телеграфу из Киева в Петербург⁸ и на вопрос, какие, по моему мнению, надлежит принять меры для прекращения беспорядков в Западном крае, имел честь доложить в. с., что дарование конституции Царству Польскому и изгнание туда мятежных поляков Западного края считаю лучшим средством. Мнение это не было одобрено, как не соответствующее высшим государственным взглядам.

Впоследствии, размышляя много об этом предмете и изучая ближе поляков (которых, впрочем, давно уже знаю), я еще более утвердился в моем мнении и движимый искренним желанием способствовать, по крайнему разумению, общему делу решился изложить в частном письме от 23 сентября того же года⁹ к б. начальнику штаба гр. Шувалову в более развитых формах мысли мои, коих главные основания следующие: даровать Царству Польскому конституцию и, отделившись от него строго оберегаемой границей, предложить недовольным нашим правительством полякам Западного края всех сословий переселяться туда во всякое время с предоставлением известного срока для продажи их имущества; и засим изобличаемых в преступных политических замыслах высылать в Царство с конфискованием в пользу казны их имущества и с воспреещением возврата; явных же бунтовщиков судить по строгости закона; и, наконец, перешедших тайно наши границы, без узаконенных от представителей нашего правительства в Польшу паспортов, считать (если они не контрабандисты) за злоумышленных эмисаров и ссылать в Сибирь. Такие соблюдаемые без послабления меры заставят образумиться поляков: помещики, угрожаемые потерей своих имений, перестанут возмущать крестьян, а последние, имея всегдашнюю возможность свободного переселения в Царство, не станут бунтоваться в видах соединения с оным Литвы, и обольщения, которыми их смущают, утратят всякую силу, тем более, что ни в каком случае нельзя ожидать тишины и порядка в Польше.

В последнее время Царству этому даровано так много важных привилегий, что внутреннее управление его почти равняется конституционному, которое, сколько могу судить по доступным в моем служебном положении соображениям, дает возможность привести в ис-

полнение упомянутые меры как единственное средство к пресечению опасных замыслов в Западном крае. С этим мнением совершенно согласен начальник одного ген.-адъютант Назимов и много благомыслящих, хорошо знающих здешние политические обстоятельства людей. Но, может быть, более всего свидетельствует в пользу этого мнения боязнь, которую обнаруживают поляки при мысли о возможном отделении Польши от Западного края.

Осмеливаюсь надеяться, что в. с. примете с свойственным вам снисхождением записку эту и простите великодушно, если выраженные в ней мысли окажутся ошибочными или же несоответствующими высшим политическим соображениям. В оправдание могу только сказать, что и я хотел принести мою лепту на алтарь отечества, одушевляемый желанием всякого для него блага.

Ген.-майор фон Гильдебрант

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 441—451. Подлинник

¹ См. там же, лл. 438—440.

² Речь идет о Дирекции белых и партии красных с варшавским Центральным комитетом, руководившим подготовкой восстания.

³ Гильдебрант ошибался — Литовский провинциальный комитет, созданный летом 1862 г., стал центром подготовки восстания в Литве и Белоруссии (см. док. 47, 54, 55, 59, 66).

⁴ См. док. 294. Минский адрес был составлен сторонниками партии белых. Об отношении красных к ним см. «Знамя свободы» № 1 (док. 59).

⁵ О действиях партии белых см. док. 46, 47, 64—68.

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 240—244.

⁷ Там же, д. 283, лл. 10—13.

⁸ На заседание Особого комитета по делам Западного края для выработки мер против манифестационного движения (см. док. 19, 22).

⁹ ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., д. 303, ч. 1, 1861 г., лл. 264—270.

61

1863 г. января 16. — Донесение гродненского жандармского штаб-офицера Н. А. Лелякова В. А. Долгорукову о результатах расследования обстоятельства поездки представителя Центрального национального комитета Г. Абихта в Гродненскую губ.

Секретно

Из числа высланных к производимому нами следствию в Брест-Литовскую крепость содержащихся в варшавской Александровской цитадели политических преступников, Генрих Абиخت, сын б. контролера Виленской почтовой конторы, в 1857 г., укравши у дяди своего, профессора медицины Абихта, порядочную сумму денег, бежал за границу в Лондон, где, сблизившись с Герценом, находился в редакции издаваемого журнала «Колокол». Абиخت схвачен в Царстве Польском с двумя товарищами, студентами Варшавской главной школы Малешевским и Козловским, по доносу еврея (которого уже зарезали в Варшаве). При нем найдено несколько револьверов, кинжал, значительный запас яду, под-

дельные паспорта и билет Центрального комитета, выданный как доверенному лицу для сбора денег¹. Абихт был с Малешевским в Бресте, Бельске и Белостоке, но несмотря на все предъявленные ему доказательства и улики многих евреев ни в чем не сознался, объясняя в письменных ответах, что готов не стесняясь говорить обо всем, до него касающемся, но что только имеет связь с другими лицами, того ни в каком случае не откроет, повторил пред нами то же, что, по словам его, сказано уже и в следственной комиссии в Варшаве, о заготовленном будто бы оружии в Царстве Польском — 10 тысяч огнестрельного и 5 тысяч кинжалов и сабель, которое находится частью по рукам, а остальное хранится в складах, но у кого и где в складах, скрывает; что все сословия поляков состоят в заговоре и готовы уже к революции, но в открытой бой не выступят, а будет производиться местами, где признается нужным, резня и отравление, что состав Центрального комитета учрежден таким образом: каждый член, имея на своей обязанности заведывать или сбором денег, или заготовлением оружия, или же вербованием лиц к мятежу, избирает на место своего кандидата, в тех видах, что если его схватят, то кандидат, посвященный заранее во все тайны, тотчас заступает вакантное место и действует тем же порядком². Настоящие события в Царстве Польском обнаруживают высказанную Абихтом правду.

Получив в Бресте секретно сведение, что по Царству Польскому бродят вооруженные партии, я не решился отправить обратно в Варшаву Абихта, как важного политического преступника, за конвоем одних только жандармов, которые, на случай нападения толпы мятежников с целью отбить собрата, отстоять будут не в состоянии; на этом основании донесено мной председателю следственной в Варшаве комиссии ген.-майору Розвадовскому, чтобы испросить у е. выс. наместника разрешение об отправлении Абихта с усиленным конвоем по Белостокскому тракту, а из Белостока с тем конвоем в отдельном вагоне по железной дороге, и о последующем сообщить для исполнения брестскому коменданту³.

Майор Леляков

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1862 г., д. 445, лл. 13—14. Подлинник

¹ Генрик Абихт — активный член Революционной Громады «Лондон», наиболее демократической группировки в польской эмиграции до восстания 1863 г., в марте 1862 г. тайно приехал в Варшаву и затем в течение нескольких месяцев совершал поездки по деревням в Литве и Белоруссии, агитируя народ за восстание. Помощь ему оказывали варшавские студенты, уроженцы западных губерний. С. Кеневич высказал мнение, что, возможно, Г. Абихт, действуя самостоятельно, без ведома ЦНК, выступал против союза с шляхтой (см. S. Kieniewicz. Sprawa włościańska w powstaniu styczniowym. Wrocław, 1953, str. 41—42). Г. Абихт был арестован 20 ноября (н. ст.) 1862 г. и после допросов в Варшаве 26 декабря 1862 г. (7 января 1863 г.) был выслан в Брест-Литовск для расследования о его деятельности в Гродненской губ. (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 89, л. 15).

² Изложение показаний Г. Абихта в следственной комиссии при наместнике Царства Польского см. в рапорте комиссии В. И. Назимову от 24 ноября (6 декабря) 1862 г. (там же, лл. 11—12).

³ Г. Абихт был вновь отправлен в Варшаву после запроса председателя следственной комиссии при наместнике Царства Польского ген.-майора К. И. Розвадовского от 16(28) февраля 1863 г. (там же, лл. 15, 18).

*1863 г. января 17.—Донесение Н. А. Лелякова В. А. Долго-
рукову о результатах следствия о действиях студента В. Кли-
машевского*

В дополнение докладных записок моих к в. с. от 20 сентября и 1 октября прошлого 1862 г. за № 305 и 317¹ имею честь почтительнейше донести о результатах следствия, произведенного чиновником особых поручений ген.-губернатора коллежским советником Эрдорф-Купфером, при моем в оном участии, для обнаружения незаконных действий студента Варшавской медико-хирургической академии Виктора Климашевского, по которому и оказалось:

1. Высланный из Варшавы в Брестскую крепость содержащийся в тамошней Александровской цитадели Климашевский, хотя и подтверждал прежние свои показания, отобранные от него в Варшавской следственной комиссии, что будто бы свидетельство, выданное ему в июле месяце 1862 г. инспектором академии на проезд в дер. Жарновку Гродненской губ., утеряно в дороге, но не подлежит сомнению, что свидетельство это передано Климашевским лично политическому преступнику Генрику Абихту, который, приехав неизвестно для какой цели в Брест с товарищем своим, студентом Варшавской академии Малешевским и не имея паспорта для свободного пребывания в Империи, выехал в Бельск, потом снова возвратившись в Брест в одно время с Климашевским, и представил для явки в полицию означенное свидетельство; отправившись же во второй раз в Бельск, Абихт по тому же свидетельству через посредство чиновника Бельского уездного суда Войткевича получил из местного казначейства подорожную на проезд в Брест и обратно. По этим обстоятельствам можно положительно сделать заключение, что Климашевский и Войткевич есть сообщники Абихта, и второй нами арестован, с содержанием в Бельском остроге, впредь до рассмотрения в Варшавской следственной комиссии дела.

2. При обыске в Варшаве политического преступника Сохачевского² между прочими бумагами найдены у него свидетельство Климашевского, подорожная, по которой ездил Абихт, чистый лист гербовой бумаги 90-копеечного достоинства, за подписью председателя Бельского земского суда Вроблевского и секретаря Багинского с приложением казенной оного суда печати, а равно на лоскутке бумаги написан начерно сперва карандашом, а после чернилами проект паспорта Ивану Пенионжке, или Александру Пугачевичу. Подозрение в составлении подлогов падает некоторым образом на секретаря Багинского, как по сходству подписи, так и по тому, что казенная печать суда хранится у него постоянно. Багинского мы предположили арестовать и отправить в Гродно к начальнику губернии, но бельский исправник Ловорко взял его на свое поручительство.

3. Малешевский (которого пребывание в Бресте открыто нами) содержался уже в Варшавской цитадели за другое политическое преступление, но был выслан в Брестскую кр. и на допросах, скрывая Абихта, показал, что товарищ его был Орлинский; по описанным же евреями приметам мы сносились с председателем следственной комиссии ген.-майором Розвадовским и обнаружилось, что действующим ли-

шом был не Орлинский (вымышленная Малешевским фамилия), а Абихт, который, как я уже имел честь донести в. с., ни в чем не сознался, не желая выставить своих сообщников³.

4. Во время пребывания Абихта и Малешевского в Бресте в связи с ними находился провизор брестской аптеки Черский, который прежде показал, что был у Малешевского только один раз и что товарища его по фамилии не знает; впоследствии же Малешевский уличал Черского, что не один, а несколько раз последний бывал у них, а одного дня он с своим товарищем пили у Черского чай. По поводу падающего на Черского подозрения как на сообщника с политическими преступниками он арестован и содержится в Брестской крепости.

При этом долгом считаю доложить в. с., что производитель следствия коллежский советник Купфер, состоя несколько лет старшим секретарем в канцелярии ген.-губернатора и ознакомившись практически с ходом дел, дает направление следствию самое правильное и отчетливое, не упуская из виду ничего, что может служить к раскрытию действий прикосновенных к делу лиц.

Майор Леляков

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, I эксп., 1862 г., д. 445, лл. 15—16 об. Подлинник

¹ См. там же, лл. 3—5.

² В сентябре 1862 г. при обыске в Варшаве у студента Художественной Академии А. Сохачевского были обнаружены паспорт и подорожная, выданные студенту Виктору Климашевскому, уроженцу Гродненской губ. Протокол обыска у А. Сохачевского опубликован в сборнике документов «*Żydzi a powstanie styczniowe*», str. 212—214. Полиция предположила, что по его бумагам путешествует некто Пугачевич, и приказала арестовать всех лиц, замешанных в этом деле (см. указ. дело, лл. 1—2). После длительных розысков, несмотря на упорное отрицание всех арестованных, было установлено, что с бумагами В. Климашевского ездил Генрик Абихт (см. док. 61).

³ Стойкость арестованных, и в первую очередь самого Г. Абихта, сохранила в целостности гродненскую революционную организацию, действовавшую накануне восстания и связанную с такими людьми, как Константин Калиновский, Валерий Врублевский и Бронислав Шварце — он работал к этому времени уже в Центральном комитете в Варшаве (см. док. 231, 260, 261, 263).

63

1864 г. апреля 24. — Рапорт Ковенской следственной комиссии начальнику штаба 1-й пехотной дивизии полковнику Нарбуту с изложением следственных материалов по делу А. Мацкявичуса¹

Ковенская следственная комиссия уведомляет в. вб., что вследствие отношения вашего от 17 марта № 848 истребовала из Ковенской особой следственной комиссии по политическим делам произведенное в оной и переданное из оной чрез начальника Ковенской губ. в ковенскую военно-судную комиссию, а потом представленное г. главному начальнику края на конфирмацию дело о бывшем предводителе шайки кс. Мацкевиче (казненном смертью), для извлечения из оного сведений относительно формирования им шайки, в показании которого заключаются и сведения о помещике Шиллинге. По рассмотрении этого дела оказались, между прочим, следующие показания кс. Мацкевича.

1. Что Мацкевич был ксендзом-филиалистом в им. Подбржесе помещика Шиллинга;

2. Что он, имея приготовленный народ² (в апреле месяце 1863 г.), поднял хоругвь восстания и после молебствия с 250 человек[ами] пошел в лес. Стремлением его было возвести народ литовский к достоинству человека, занятием его было распространять и проповедовать восстание, сначала партизански, а, наконец, заставить правительство к реформам или к уступке Польше.

3. Средствами его была часть откладываемого жалованья в продолжение 12 лет. Организатором он был сам, не по принуждению народа, но по своему убеждению.

4. Лишь только восстало Царство Польское, он объявил о том Литве. Зная настроение народа, призвал его к восстанию.

5. До назначения Доленго восстание литовское опиралось на нем. В апреле же месяце Доленго организовал и дал очень ловкое революционное народное направление. Начальниками были также Колюшко, назначенный Комитетом, Кушлейко, вызвавшийся сам, Людкевич, Толочко Люциан, и им, Мацкевичем, назначены Гедговд, Битис, Лукашунас и Ольшевский,

8^a. Приказом Комитета, доставленным к нему ковенским уездным солтысом Шиллингом³, предупреждено было, под бесславием⁶, не узнавать о лицах, составляющих Провинциальный комитет.

9. Кто откуда доставлял продовольствие для шайки, он не знает, но по большей части брал от народа, который давал ему охотно, за что он и платил; если же иногда брали насильно с помещичьих дворов, то это было редко и запрещалось вообще под смертной казнью. Брали продукты от Храповицкого Габриеля, Шиллинга, Коссаковского, Коржениовского, Ясинского из Невежних, Кербедзя.

10. Призывал народ к восстанию словом убеждения.

11. Одежда у повстанцев была такая, кто какую мог иметь.

12. Оружие было охотничьи ружья, косы и пики, деланные в обозе; оружие охотники⁸ сами принесли.

16^г. При себе Мацкевич имел собственных денег 360 руб., на содержание партии от народа собрал 450 руб., принял от Колюшко 900 руб., от Доленго 3500 руб. и от разных обществ податных 1300 руб.

17. Порох в начале войны получал в каждом местечке от евреев через посланных своих солдат, олово забирали по дворам или от часов⁴, или из винокурных заводов.

Сверх того, в полевом уголовном суде Мацкевич, между прочим, дополнил: помог ему в последних днях пред восстанием Комитет движения, начальник которого доктор Шиллинг⁵. К Комитету движения принадлежали, кроме доктора Шиллинга, который уже умер, Якубовский доктор⁶, два Толочко⁷ и племянник кальвинского священника в Биржах⁸.

Председатель подполковник Зубков

Секретарь Ушаков

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 640, лл. 137—139. Подлинник

^a Пп. 6, 7 отсутствуют.

⁶ «Под бесславием» — приблизительный перевод польского выражения «pod infamiją» (под угрозой позора).

⁸ Охотники — т. е. добровольцы (полонизм).

^г Пп. 13—15 отсутствуют.

¹ Следственное и военно-судное дело А. Мацкявичюса до сих пор не обнаружено.

² Об агитации А. Мацкявичюса среди крестьян накануне восстания см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 438, оп. 1, д. 174; ф. 378, оп. 219, д. 121, а также «Вестник Западной России», кн. XII, т. IV, Вильно, 1866, и док. 203.

³ Имеется в виду повстанческий уездный начальник Станислав Шиллинг, владетель им. Подбжезе.

⁴ Т. е. от часовых гирь.

⁵ О деятельности ковенской группы Комитета движения сообщает в своих показаниях член ковенской повстанческой организации помещик Вилкомирского у. Болеслав Сволькен, находившийся в организации до момента взятия в плен (май 1863 г.): «Доктор Шиллинг в Кейданах имел все прокламации, революционные газеты и другие революционные бумаги. У Шиллинга бывали Корева (казненный), помещик Росненского у. Цитович, агент Царства Польского Владислав Вирмин (кажется, псевдоним), Яблоновский (начальник шайки Длуский), Толочко (сослан). Все эти лица, как он, Сволькен, полагают, принадлежали к организации, которая, впрочем, при нем еще не устроилась, ибо тысяцких, сотских и десятских еще не было, а предполагалось только ввести их. Вирмин несколько раз приезжал к Шиллингу, который имел сношения с другими уездами и участвовал в проекте нападения на уездные города» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 680, л. 22).

Жена З. Сераковского Аполлония Далева так пишет об этом времени в своих воспоминаниях: «[...] После варшавских событий жизнь Кейдан изменилась. Дом Михала [М. Беркман — муж Юлии Далева, сестры А. Сераковской] стал пунктом переговоров для всей окрестности. Косцялковский выезжал все чаще и на все более длительное время, Шиллинг и Константин Далева описывали все большие круги в своих поездках по деревням. Кс. Мацкевич все чаще гостит у Михала. 30 июля (11 августа) 1862 г. он случайно в первый раз встретился с Сераковским у Беркмана в день свадьбы Сераковского с Аполлонией Далева. В числе присутствовавших на свадьбе были К. Калиновский и Я. Станевич (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1135, оп. 8, д. 38, лл. 44—45).

⁶ Сатурнин Якубовский.

⁷ Толочко Люциан и его брат Эдвард — впоследствии участники восстания 1863 г.

⁸ Вероятно, имеется в виду Эдвардас Йокубас Даукишис, литовский поэт, активный участник восстания (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1220). Его отец был учителем реформатской школы и одновременно органистом реформатской церкви в м. Биржи.

64

1864 г. сентября 11. — Показания Я. Гейштора в Виленской особой следственной комиссии о деятельности повстанческой организации Литвы и Белоруссии и борьбе в ней революционного и умеренного направлений

Возвращенный из гор. Уфы 13 декабря 1863 г.¹, где я был сослан административным порядком, и переходя из комиссии Доминиканской² к ген. Веселитскому³, я, наконец, был отдан под суд 24 апреля с. г. Так как я был отдан под суд как председатель революционного комитета, то и ожидал своей участи, когда снова был вызван в комиссию, — до утверждения моего приговора пришли новые показания из Варшавы⁴. Так как я готов принять наказание, какое правосудие правительства за вину мою назначит, до тех же пор не сознавался в вине не по упрямству, а только по поводу, что не хотел других обвинять, то теперь, когда, может быть, показания, основанные на слухах, могут и другим невиновным повредить, я со всею искренностью подаю мое сознание.

С детства, уроженец Западного края, я душевно любил страну родную, но вместе, [будучи] характера живого и откровенного, я никогда не сочувствовал тайным действиям. В университете, во время четырехлетнего там пребывания, хотя мы, товарищи, жили с собою отлично и на всю жизнь осталась память этих лет, но у нас никакого общества не было. Возвратясь в деревню, я отдался хозяйству и чтению, а в это время, от 1848 до 1857 г., женился, жил очень тихо в кругу близких лиц. Восточная война, так сильно действующая на других, во мне вообще никаких не возбудила надежд, ибо я всегда уверен был, что народы падают или возрождаются только при собственных силах. Но с восшествием на престол нынешнего государя все переменялось. Прежде я не мог согласить своих чувств с службою, с 1857 же года, когда дворянство вызвалось было содействовать великому делу освобождения крестьян, я считал бы преступлением не принять деятельного участия. Действительно, от вызова меня г. губернским предводителем в Комитет 1857 г.⁵, я принял живейший удел^а, принадлежал к редакции проекта, и если в западных губерниях Ковенская первая единогласно просила об освобождении крестьян, то я смело сказать могу, что в этом много моего старания. В 1858 г., входя снова в состав Комитета, я был за надел крестьянам всего участка за выкуп^б, но мое мнение не перешло^в. В 1860 г., в мае месяце, составлен был проект земледельческого общества, который представлен тогдашнему г. губернатору. В нем я принимал участие; в этом же году дворянство хотело просить государя об открытии университета в гор. Вильно, но это не дозволено^г. Я был тогда в гор. Вильне, ибо всегда было моим искренним мнением, что представление нужд края есть обязанностью дворянства и что если правительство и откажет, то все-таки не будет считать преступлением заявление желаний законным образом. В 1861 г. открылись губернские и уездные учреждения для крестьянского вопроса, и я был избран членом губернского присутствия. С этого времени я постоянно уже жил в гор. Вильне^а. В этом же году начались демонстрации. Я от самого начала был им сильно противен, потому что они волновали страну, и то в минуту самую важную — перехода крестьянского дела^г. Здесь приведу факт, который, как бы ни был мало важен, но яснее всего другого выкажет повод участия в мятеже многих лиц, которые, по своим понятиям, в восстании только видели гибель края. Первый раз в Вильне гимн пели в кафедральной церкви 8 мая, я был тогда в Вильне, ибо ген.-губернатор утверждал тогда мировых посредников. В Вильно прибыло несколько молодых людей, которые дали себе слово начать здесь пение гимнов. Но, благодаря общему тогда расположению умов, первый раз почти никто, кроме этих лиц, не принимал в пении участия. Я в церкви не был, но [находился] у г. Оскерки, где тоже было несколько человек помещиков; вдруг кто-то вбегает и говорит, что арестовали несколько лиц при выходе из церкви, что женщины собрались перед дворцом и что будут в них стрелять и войско идет там. На эти слова я и другие, положив даже палки, пошли на эту улицу, ибо считали

^а *Udział — участие (польск.).*

^б *В тексте за наделом [...] на выкуп.*

^в *Описка; должно быть — в гор. Ковне.*

^г *Т. е. крестьянской реформы.*

обязанностью как не допускать, если можно, к пению, так и, если бы случилось несчастье и надобны были жертвы, от них не уходить. Это было сделано без условия, задуманного вперед. Никто в народ не стрелял, но это обстоятельство объясняет многое. Можно осуждать действия молодежи, воздерживать их, но не из опасения смерти, но трудно хладнокровно смотреть на жертвы, хотя бы и не безвинные — на своих детей и братьев. С тех пор весь край взволновался, пели везде. Я, как был противником этим проявлениям чувств, тем более чувствовал необходимость обратить деятельность страны на другой предмет, и в этом же году принимал деятельное участие в составлении проекта кредитного общества в гор. Вильне в июле⁸. В этом же месяце была в гор. Ковно демонстрация на Немане, на которой я не присутствовал⁹. Вслед за тем оба предводителя дворянства, губернский и уездный, были удалены от службы, а так как другие члены присутствия очень редко жили в Ковне, то я остался единственным там помещиком, постоянно пребывающим, и все мировые съезды были у меня, и всякий помещик, прибывающий в Ковно, меня посещал. Между тем проекты как землевладельческого общества, так и кредитного лежали без хода; неудивительно, что правительство во время волнения страны отказывало или временно с их утверждением, но это вместе сильно подкапывало влияние лиц, которые видели спасение страны в мирном развитии на законных путях. В 1862 г. во время контрактов¹⁰, собралось весьма много дворянства в гор. Вильне¹¹, и те, выбрав из среды себя по двое, собрались у г. губернского предводителя дворянства Домейки и там согласились просить, чтобы господа предводители и лица упрощенные ходатайствовали за утверждение проектов этих обществ и вместе с тем старались об заведении сельских училищ, вспомоществовании бедным ученикам в гимназии и университете, об закрытии шинков в селениях. Из собравшихся тогда дворян Ковенской губ. был у г. Домейки я и г. Черневский, помещик Поневежского у., высланный еще перед началом мятежа с Ковенской губ. в гор. Тобольск, а упрощен для старания по делу кредитного общества в Ковенской губ. гр. Эдуард Чапский. После этого собрания в том же году были выборы в Минской губ., в которых я не принимал участия, на которых был проект подачи адреса. Это не соглашалось с моим мнением, ибо после отказа в проектах об землевладельческом обществе, также непозволения подачи адреса о университете, это было бы только демонстрация. В 1863 г., 8 января, по обыкновению был в гор. Ковно мировой съезд, и тоже, как всегда, собрались все ко мне на чай. Но число прибывших было гораздо многочисленнее обыкновенного, уж я прежде объяснял и теперь искренно повторяю, что я не созывал никого, одно только могу прибавить, что между поводами собрания и тот еще был, что разошелся слух, что я оставляю должность, и многие собрались, чтобы меня просить остаться, что и делали. Я действительно, расстроив свои дела общественной службой, в ноябре месяце еще хотел ее оставить, но по просьбе предводителей остался. Приписывать собрание восстанию никак невозможно, ибо не только эти господа, но я сам уже в Вильне чрез несколько дней спустя узнал о восстании, и заслуги в том, что будто бы я тогда удержал восстание, я вовсе не имею. Еще и то должен я прибавить, что я, как член присутствия, был назначен г. губернатором для приема рекрут, и что уже 8-го начался прием и много привезено

Якуб Гейштор

рекрут, а что, если бы было знание о восстании и намерение принять в нем участие, никогда не случилось бы. Будучи вызван в Вильно 9-го ночью, я представился г. ген.-губернатору 10-го и 11-го и по его приказанию остался в Вильне. Перед ген.-губернатором я объяснился со всей откровенностью и, повторяю, только на другой день узнал, что восстание вспыхнуло в Царстве. Я так сильно почувствовал это, что два дня не выходил из комнаты и помню хорошо слова, которые я тогда сказал, что «дал бы жизнь свою, если бы это было неправда».

Впрочем, в первые дни я был уверен, что это вспышка, вызванная набором, и что через несколько дней все кончится. Но не так дело пошло, восстание продолжалось, и всякий день приходили новые слухи в гор. Вильно, революционный комитет издал свои печатные листки¹², в уездах началось волнение. О существовании в Вильне какого-то революционного комитета я по слухам знал, но ни одной личности сам не видел. Спустя некоторое время г. Еленский с разрешения г. ген.-губернатора поехал по сыновей и был в гор. Варшаве, там он видел знакомого нам всем г. Вростовского¹³ и других ему знакомых, и все они тогда говорили и просили, чтобы у нас было спокойно. Г. Еленский, возвратившись, сказал об этом мне и Оскерке, и мы, призвав г. Далевского, который в городе имел многих знакомых и влияние, услови-

лись, как люди, имеющие влияние и пользующиеся уважением, как можно воздерживать вспышки¹⁴. Так прошло более двух месяцев — январь и февраль, но с каждым днем положение края было плачевнее, отряды появлялись, гибли, восстание в Царстве, при открытой границе со стороны Австрии и сочувствии за границей, возрастало, влияние наше уменьшалось, молодежь возвращалась из-за границы и университетов; в самой Ковенской губ., где я имел довольно влияния, начали появляться партии вооруженные. Притом в Вильне управлял комитет, не имеющий никакого влияния^а, не знающий страны, но одушевленный неверными понятиями о силе народного восстания и — что только помещики мешают развитию народной войны. Молодые люди^б, горячие, но более благоразумные, всякий день приходили к нам^в, прося нас, чтобы мы взялись руководить восстанием, говоря, впрочем, отчасти небезосновательно, что после демонстраций, пения, процессий и адресов непринятие участия в борьбе есть уже измена, что восстание не прекратится, а только гибнут самые благородные люди без всякой пользы. В это время я узнал г. Дюлерана, он был здесь при железной дороге и вместе с тем деятельным членом этого революционного комитета^г; но он сам видел, что прежний состав комитета недостаточен, а потому он долгое время старался склонить нас к принятию в нем участия. Не знаю, как другие мои товарищи попали в комитет и сколько они вместе с тем верили в надежды на помощь из-за границы, но что касается до меня и Александра Оскерки, с которым самая близкая дружба с давних лет связывала меня, то мы принимали эту должность с тем же чувством, как некогда идя на мнимые выстрелы при начале пения; мы шли как жертвы чужого греха с мыслью, которая нам всем четверем была общая, что, принимая на себя руководство несчастного дела, пойдем за чувством совести и будем стараться не изменить народному характеру^д. Сколько припомню, в конце марта мы приняли должности в комитете^е; действовать тайно так противно моему характеру, что я долгое время не мог к этому привыкнуть и вижу, что никогда, даже для самых благородных побуждений, не надо идти против природного своего характера.

Г. Дюлеран в качестве комиссара вместе с тем имел сношения с Варшавой и с заграничным комитетом^ж; я заведывал внутренней администрацией, Александр Оскерко заведывал военной частью и гор. Вильно, Франц Далевский — редакцией^з и у него хранилась печать^и. Все наши постановления делались сообща на сессиях^и. Коми-

^а Помета на полях Это наводит на предположение, что знал лиц, составляющих комитет.

^б Помета Кто именно.

^в Помета к кому.

^г Помета Знал же об этом — вероятно, знал и других.

^д Помета внизу страницы т. е. не местной социальной революции, а восстанию.

^е Помета Не известно ли, каким способом.

^ж Помета над строкой Чего.

^з Помета над строкой Какая.

^и Помета Где и у кого были эти сессии и кто вообще на них присутствовал.

тет, или, как его называли, «Выद्याл»^а, по приказанию варшавского революционного правительства принял от прежнего комитета^б печать и деньги; денег всего было принято, сколько помню, кажется, около 1500 руб. Из прежнего Комитета я видел только Константина Калиновского^в, прочие же лица, его составляющие, нам были неизвестны^г. Еленский принял деньги, и он занимал в Выдыале должность кассира; все экспедиции приходили на руки экспедитора из воеводств (губерний). Экспедитором в Выдыале был Сигизмунд Чехович, который и передавал получаемые экспедиции кому-нибудь из нас. Выद्याл наименовал начальников воеводств и комиссаров. В Вильне воевудским был назначен Николай Гедройц, тоже человек самый нереволуционный и который почти от самого начала просил о своем увольнении^д; так как Дюлеран жил в Вильне, то и не было назначено виленского воевудского комиссара. В Ковно мной^е назначен был воевудским Гадон Любомир^ж, а комиссаром — доктор Косцялковский, этот последний был недолго, но сколько времени, не помню, знаю только, что прежде комиссаром был от прежнего революционного комитета (красного) некто Длуский, известный под псевдонимом Яблоновского (лично мне не знакомый). В Минске воевудским был Пеликша (имя мне неизвестно)^з, которого я не знал, комиссаром же был Свенторжецкий Болеслав^и.

Когда мы приняли дела, то так как Гродненская губ. была нам вовсе незнакома и, кроме того, по близости Варшава сносилась прямо от себя с нею, то мы просили^к, чтобы ее взяли от нас совсем, но после отказа нам в этом мы послали в Гродно комиссаром Константина Калиновского с бланками на все должности, и он этой губернией управлял все время, пересылая к нам рапорты, а потому наверное мне неизвестно, кто занимал там должность воевудского, тем более, что одна личность, мне знакомая и которую я указал Калиновскому — Станислав^л Солтан, как писал Калиновский, отказался принять ее. Как я пояснил прежде, восстание уже было во всех губерниях, когда мы приняли должности: Нарбут и Вислоух в Свенцянском у., Мацкевич в Ковенской губ., Сераковский же прибыл и был послан в Ковенскую губ. как главный начальник тамошнего восстания. Весь апрель восстание было довольно сильно, и в это время во всей стране было самое сильное волнение умов. В губерниях Витебской и Могилевской прежний комитет посылал своих агентов, кажется, Червинского и Оскерко Михаила, сколько знаю от Дюлерана, но там организация не устрои-

^а Т. е. «Wydział zarządzający prowincjami Litwy» («Отдел, управляющий провинциями Литвы»).

^б Помета над строкой От кого же именно?

^в Помета над строкой Вот уж другого знает.

^г Помета под строкой Врет, кажется.

^д Помета над строкой Кого.

^е Помета Если имел право назначать воеводских и комиссаров, значит, занимал должность не «управляющего администрацией», а, вероятно, и на самом деле был председателем комитета.

^ж Любомир приписано рукой Я. Гейштора.

^з Слова в скобках написаны рукой Я. Гейштора.

^и Болеслав написано рукой Я. Гейштора.

^к Помета над строкой Кого и через кого.

^л Станислав написано рукой Я. Гейштора.

лась, а восстание тотчас упало. В мае начались неудачи. Поражение Сераковского сильно подействовало на умы. Вместе с тем из Варшавы приходили новые распоряжения^а, часто совсем несогласные с нашим мнением, но сначала это было ничего, когда комиссары от нас зависели, но вышло распоряжение, что комиссаров назначает не Выद्याл, но главный комиссар Дюлеран, тогда мы начали на всяком шагу встречать затруднения; притом при перемене системы правительства и революционное правительство хотело принимать меры, противные нашему образу мыслей, так что во второй половине мая все мы, вследствие новых предписаний революционного правительства, писали, прося об отставках^б, но на это не было ответа, и вдруг Еленский и Оскерко арестованы^в. Пока они были, хотя положение было трудное чувствовать себя жертвой и притом на всяком шагу иметь затруднения, но все-таки, при согласии нашем, дело шло, но после их ареста, а вскоре и Далевого, я остался один. Дюлеран призвал на должность начальника города Малаховского, а на члена — Константина Калиновского; касса передана Далевым Малаховскому, в каком количестве, мне неизвестно наверно, но, кажется, не более 10 000 руб., печати остались в руках Тита Далевого, в июне тоже прибыл из Варшавы там назначенный Осип Калиновский. Новые члены, несмотря на их деятельность и энергию, не могли дать силы восстанию, так как страна была ужасно истощена, но вместе с тем мое положение стало невыносимо, и я в конце июня решительно написал отказ к революционному правительству^г, и, поручив Титу Далевому передать печати Дюлерану или кому укажут, сам не ходил на совещания и никакого участия в действиях не принимал. В начале июля из Варшавы прислали номинации на руки Калиновскому^д, а мне предлагали^а отправиться в Варшаву членом революционного правительства, но я отказал в этом (еще в последних числах июля приходил ко мне с Малаховским некто Шмидт из Варшавы¹⁷, прося принять снова участие, но я ему сказал, что, раз оставив, я уже никогда не приму удела, и он больше ко мне не являлся) и, не принимая уже никакого участия, прожил в гор. Вильно до дня ареста 31 июля.

Вот все показание искреннее и верное. При всей моей любви к отечеству я никогда к тайным обществам не принадлежал и видел счастье в мирном развитии сил страны, и, не имея никогда народной ненависти, я не считал невозможным этого развития под нынешним царствованием. Противник демонстраций, я видел в них предвестницы бури и старался всеми силами предостеречь страну; даже до того времени, пока восстание вспыхнуло, я уже на службе, несмотря на всю мою любовь к детям, растратил имение. Восстание меня поразило как несчастье, более двух месяцев я не принимал в нем участия, но когда видел, что оно неминуемо, когда видел, что падают жертвы, то против своего характера, против убеждений я чувствовал долгом спасти, что можно, принося себя в жертву. Лица, составляющие со мною Выद्याл,

^а Помета над строкой Какие именно.

^б Помета над строкой Кому и чрез кого.

^в Помета над строкой Опять-таки к кому именно писал и чрез кого.

^г Помета Какие номинации.

^д Помета Кто.

все не революционеры, все шли на жертву, но характер действий был чист. Когда мы видели, что жертвы напрасны, что мы должны действовать, как прикажет революционное правительство, нам вовсе незнакомое, мы хотели уступить. Товарищи мои не успели, их арестовали. Я после их ареста, сначала вовсе недеятельный^а, после и совсем оставил должность, когда видел, что никакой пользы не принесу той части общества, где родился, своей жертвой. Все перемены в назначении лиц делались без моего ведома, а как Гедройц тогда оставил должность (кажется, в июне¹⁸; вообще за верность дней не ручаюсь после полтора года), назначили Коноплянского, которого, как я прежде показывал, действительно я первый раз видел в Уфе. Это само доказывает уже ясно, что я никакого удела после ареста Далевского не принимал. Близко двух лет разлука с семейством, все переходы при возврате из Уфы и в здешних тюремных зданиях уже сильно наказывают человека семейного. Знаю, что, принимая участие в восстании против правительства, я сильно виновен, какие бы чувства ни руководили мной, и потому всякое наказание будет справедливо. Но, повторяю, что как моими действиями, так и долгим заперательством руководило не упрямство, не ненависть, а желание уменьшить число жертв, сохранить в несчастье самое драгоценное для человека — спокойствие совести¹⁹.

Дворянин Яков Гейштор^б

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1786, лл. 113—120. Подлинник

¹ Я. Гейштор был арестован 31 июля 1863 г. В течение августа — ноября 1863 г. находился под следствием по обвинению в принадлежности к руководству повстанческой организации Литвы и Белоруссии и был административным порядком выслан в Уфу. 12 (а не 13, как указывается в его показаниях) декабря 1863 г. он был доставлен в Виленскую особую следственную комиссию в связи с показаниями С. Ожешко, В. Гажича и Ю. Кушелевского, уличавших его в деятельности на посту председателя «отдела, управляющего провинциями Литвы» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 486; оп. 2, дд. 1786, 1416).

² Имеется в виду Виленская особая следственная комиссия, помещавшаяся в здании б. Доминиканского монастыря; председатель — ген.-майор Соболевский, затем полковник П. Н. Шелгунов, позднее — полковник А. М. Лосев.

³ Виленская следственная комиссия под председательством ген.-лейтенанта С. Г. Веселитского.

⁴ Имеются в виду показания О. Авейде (см. сборник настоящей серии «Показания и записки О. Авейде». М., 1961, стр. 131).

⁵ Речь идет об участии Гейштора в работе Ковенского губернского дворянского комитета по выработке проекта крестьянской реформы на основе рескрипта царя от 20 ноября 1857 г. (см. J. Gieysztor. Pamiętniki, t. I, str. 55—56).

⁶ Подробнее см. там же, стр. 66—74, а также представленный им в июне 1858 г. проект, предусматривающий продажу земли крестьянам (там же, стр. 270—280).

⁷ См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1786, лл. 82—89. Эти требования отражены также в «нотах» и адресах дворянства, подаваемых в это время (например, ЦГИА Лит. ССР, ф. 1135, оп. 4, д. 372, лл. 82—85; ф. 378, ПО, 1862 г., д. 113, лл. 1—9; ОО, 1862 г., д. 125; ф. 1248, оп. 2, д. 9, лл. 43—44; ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1862 г., д. 33, ч. 16).

⁸ Деятельность помещиков Литвы и Белоруссии по созданию кредитных обществ отражена в статье А. Оскерки «О кредитном обществе» («Kurjer Wileński» от 13 октября 1861 г.). Проект устава общества см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 961, лл. 69—92.

^а Помета на полях Вообще г. Гейштор не сказал ничего о том, что было принято и сделано как лично им самим, так и прочими [членами] их комитета.

^б Показания записаны писарем и подписаны Я. Гейштором.

⁹ См. док. 158, 159.

¹⁰ Съезды помещиков и торговой буржуазии в городах, во время которых заключались различные сделки.

¹¹ Съезды помещиков в 1862 г. происходили во всех губерниях и уездах Литвы, Белоруссии и Царства Польского. В частности, в гор. Вильно происходили общие съезды помещиков Литвы и Белоруссии в мае, сентябре и ноябре 1862 г., причем на сентябрьском съезде был выбран комитет белых, в который вошли А. Еленский, А. Оскерко, В. Стаженский, С. Зиберг-Плятер, Ф. Далевский и Я. Гейштор. На ноябрьском съезде были решены общие вопросы, излагаемые в показаниях Я. Гейштора, избраны делегаты на съезд белой партии в Варшаве—Я. Гейштор и А. Еленский (см. J. Gieysztog. Указ. соч., т. I, стр. 162—201).

¹² Имеются в виду Литовский провинциальный комитет и его издания.

¹³ По-видимому, имеется в виду варшавский адвокат и помещик А. Вротновский (см. J. Gieysztog. Указ. соч., т. I, стр. 338).

¹⁴ См. показания А. Еленского в Виленской особой следственной комиссии от 31 августа 1864 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1786, лл. 105—112).

¹⁵ Имеется в виду переворот, совершенный белой партией Литвы, приведший к роспуску Литовского провинциального комитета и замене его Отделом, управляющим провинциями Литвы. См. показания О. Авейде—док. 65, а также воззвание Отдела от 27 февраля (11 марта) 1863 г.—ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 205, л. 10.

¹⁶ В конце мая—начале июня 1863 г.

¹⁷ Под этой фамилией в Вильно находился нелегально О. Авейде.

¹⁸ М. Гедройц указывает, что оставил должность в первой половине мая 1863 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1786, лл. 83—86).

¹⁹ О взаимоотношениях Литовского провинциального комитета и помещичьей организации в 1862—1863 гг. см. также показания Я. Гейштора от 22 сентября 1864 г. (там же, лл. 121—127).

Некоторые стороны «органической» работы помещиков и деятельности виленской повстанческой организации накануне восстания отражены также в показаниях М. Гедройца от 18 августа 1864 г. (там же, лл. 83—86).

65

1865 г. января 5(17). Варшава.—Показания О. Авейде члену Виленской особой следственной комиссии Н. В. Югану о деятельности и структуре революционной организации Литвы и Белоруссии.

5(17) января на вопрос члена Виленской особой следственной комиссии артиллерии поручика Югана честь имею пояснить следующее.

С Крымской войны, с пробуждением жизни в польском обществе вообще, мало-помалу стали более других развиваться и сделались более других выразительными, в особенности, два кружка в Литве: один из дворян—помещиков, людей более разумных и прогрессивных из среды шляхты, которого наилучшими и более известными личностями признавались Александр Оскерко, Яков Гейштор, Солтан, братья Еленские Антон и Наполеон и пр.; другой¹—состоящий из молодежи, большей частью университетской, между которой более заметными были Калиновский Константин и Заболоцкий в Гродненской губ., Чехович Сигизмунд, Вериге в Вильне, Хмелевский доктор в Ковне и др.¹ Кроме разницы лет и всех других, которые она за собой влечет, эти два кружка отличались между собой разве тем еще, что молодежь более любила крестьянский народ, чем шляхта. До манифестаций между обоими и речи, конечно, не было еще о революционных намерениях,—вся деятельность их сводилась до пропаганды в пользу

крестьянского вопроса, до пробуждения и оживления старых польских традиций, польского образования и т. п., а до тех пор еще оба они находились между собой в дружбе и согласии, несмотря на существующие разницы в понимании тех или других отдельных вопросов. Манифестации, очень естественно, поглотили и шляхту и молодежь, хотя последняя была всегда более деятельной на поприще церковных патриотических демонстраций. С концом манифестаций литвины сблизились с жителями Царства Польского, но вместе с этим сближением раздвоились и пристали к тому или другому из существующих здесь элементов. Одни — т. е. шляхта — пристали к нашему обществу белых, молодежь — к красным. Белые находились в некоторой зависимости от варшавской Дирекции²; но никакого провинциального комитета не составляли, а просто должны были иметь свою воеводскую выборную организацию, находящуюся в непосредственном заведывании Дирекции. Насколько мне известно, Оскерко и Гейштор, которые, условившись окончательно с Юргенсом в Варшаве, кажется, весной 1862 г.³, приняли на себя труд завести организацию в Литве, успели в этом только отчасти — целые уезды и даже воеводства оставались без начальников до самого восстания; через этот труд, однако же, успели расширить значительно круг своих сношений во всех губерниях Литвы и снискать в свою пользу и в пользу Дирекции превозмогающее большинство шляхты везде: даже от кружка молодежи отстали многие, например, весьма, как говорят, способный и дельный человек доктор Хмелевский в Ковне. Сношения красных варшавских с молодежью и городами в Литве заводились, можно сказать, наоборот: люди из Варшавы ездили в Литву первые. Самым первым, который переехал, как я слышал, все литовские губернии, был молодой фанатик Франковский Ян (он сослан в каторгу). Он был в Вильне, Гродне, Ковне, Минске — одним словом, везде — и везде непонятной деятельностью, усердием, самопожертвованием успел при самых незначительных сношениях сделать самое главное для будущей революции, т. е. предохранил молодежь не сдать дела в руки белых, тогда еще в Литве не действующих, возбудил молодых людей в Литве действовать от них отдельно и подумать об сформировании заговора. Поездка Франковского в Литву наступила в конце 1861 г. После Франковского старались об образовании заговора в Литве: Нестор Дюлеран, Шварц Бронислав⁴ и Иосиф Демонтович. Первый действовал постоянно и преимущественно в Вильне, второй — в Гродненской губ., а в особенности в Белостокской области (хотя был он и в Вильне), третий — исключительно в Ковне. Шварц даже успел завести организацию (наподобие варшавской) в Белостокской области, передал ее в непосредственное заведывание Центрального народного комитета. Все эти поездки и усилия в Литве упомянутых лиц происходили в продолжение более целого полугодия 1862 г. с ведомом и по приказанию Варшавского комитета. Наконец, труд этот, хотя не в таком скором времени, как комитет надеялся, не остался без результатов. Осенью 1862 г. в Вильне существовал уже Провинциальный комитет Литвы⁵. Прежде чем пойду дальше, считаю нужным сделать здесь одно замечание.

Причиной медленного образования заговора (кроме разницы общественных элементов, какая существует между Литвой и Царством Польским) было несогласие литвинов с Дюлераном и Шварцем.

Литвины хотели прежде всего построить в крае главную организационную сеть и посредством ее обратить исключительное внимание на крестьян, не призывая вовсе к заговору достаточно уже и без этого приготовленных к революции городских масс и *zagrodowej szlachty*^а и откладывая формирование «десяток» между ними до последних месяцев перед восстанием, когда срок восстания будет уж приблизительно назначен; Шварц же и Дюлеран, напротив, хотели прежде всего формировать десятки, чтобы сразу пустить пропаганду как можно глубже, а потом постепенно устраивать главу, т. е. назначать начальников воеводских, уездных и пр. Этот спор разъединял долго умы молодежи литовской. И даже после — хотя комитет уже сформировался и принял Дюлерана в качестве агента центральной главы в Варшаве — так это сделалось, с одной стороны, ради желаемого всеми единства, а с другой, для того, чтобы силой и значением уже установленной заговорной власти не дозволить Дюлерану и Шварцу действовать на свою руку и формировать десятки до бесконечности — без порядка связи и послушания. Провинциальный комитет пару месяцев после своего формирования действовал, видимо, с Дюлераном заодно; успев, однако же, завести главную организационную сеть по своему плану в Виленской, Гродненской, Ковенской и отчасти в Минской губ., прервал явно всякие сношения с Дюлераном, удалил его из Комитета, запретил всем в заговоре слушаться его в чем-нибудь и постановил посредством уполномоченного делегата условиться на прочных основаниях с Центральным народным комитетом в Варшаве мимо Дюлерана и Шварца. Делегат этот приехал в Варшаву в конце или в половине ноября месяца 1862 г. — был им Эдмунд Вериго (*Weryho*); вместе с ним приехал Вилькошевский, помощник Дюлерана^б (Вилькошевский погиб, насколько я слышал, в Минской губ.). Центральный Комитет назначил Шварца для принятия рапорта от Вериго и для переговоров с ним. Вериго, однако ж, объявил, что он не передаст рапорта Шварцу, не представит ему никаких объяснений, одним словом, что он с ним и говорить не хочет, потому что взгляд на вещи Шварца не ручается Виленскому комитету за хорошее, соответственное сущности дела решение главы заговора. Тогда поручено было мне и Богдановичу Яну (тоже члену — помощнику Комитета) войти в сношения с Веригой. Из рапорта и объяснения, представленного нам им, мы узнали, что состав Виленского комитета состоит из Вериги, Калиновского Константина, Ахилла Бонольди, Иакова Козелло^в и Длуского (Сигизмунд Чехович был, не помню, или членом Комитета, или одним из помощников); что организация литовская слабее числом нашей в Царстве Польском (сильнее всех развита была она в Гродненской губ. и в самом Вильне), но что она (по моему личному убеждению) ведется с большим нашего толком и порядком. Кроме того, Вериго, между прочим, желал удаления Дюлерана, уклонения Шварца от всяких с Литвой сношений, передачи белостокских уездов в зависимость от Вильно и общего устава, определяющего взаимные сношения двух комитетов — Центрального и Провинциального. Не все желания Вериго были приняты Комитетом; несмотря на то, Вериго согласился на решение Комитета и с утвержденным уставом поехал в Вильно^в. Однако же прочие члены, товари-

^а Здесь — шляхтичей-земледельцев (польск.).

Нестор Дюлеран

щи его, не утвердили согласия Вериги и скоро прислали другого уполномоченного делегата в лице доктора Длуского. Я опять получил приказ говорить с Длуским. Он приехал с такими же точно, как Вериги, желаниями — частью основательными, частью не имеющими никакого основания; и по какой-то слепой твердости и его и комитета виленского в этих-то неосновательных, по нашему взгляду, требованиях, я, несмотря на все мои усилия, на всевозможные уступления со стороны Центрального комитета, не успел прийти к согласию с Длуским в продолжение целых двух или трех недель. Это обстоятельство было истинным и большим вредом для революции, потому что до самой минуты восстания [соглашения] между Вильно и Варшавой не состоялось. К вышесказанному считаю нужным прибавить:

1) что с приездом Вериги в Варшаву Дюлеран был удален, а на его место как временный агент был послан в Вильно Юлий Верещинский — лишь для того, чтоб иметь там верного надсмотрщика Центрального комитета, однако же и его литвины не хотели принять до времени окончательного согласия с Длуским, и Верещинский должен был возвратиться назад в Варшаву;

2) что белостокские уезды до самого восстания, можно сказать, находились в непосредственной зависимости Варшавского комитета и составляли Белостокское воеводство, которым заведывал Шварц.

Воеводство это, несмотря на довольно значительно развитую там организацию, начальника воеводства не имело, не везде даже были начальники уездов. Из всех лиц, там действующих, помню только фамилию Конаржевского,—помещика, кажется, Белостокского у., лично мне незнакомого, и Писанко—чиновника при железной дороге на ст. Лапы. Со времени восстания Белосток перешел в заведывание виленского комитета.

Со времени восстания Длуский уехал в Вильно, а тамошний комитет постановил принять участие в революции, несмотря на слабость сил Литвы и без споров с Варшавой. Но тогда уже комитет виленский в вышеуказанном составе не имел никакого доверия у нас; притом организация была так слаба распорядительными средствами, что даже придуманная вспышка около Свенця⁹ ему не удалась, а по призыванию Комитета только один Нарбут¹⁰ поднял оружие (и то сомнительно; правдоподобно, [что] Нарбут восстал по собственному влечению, без приказа). Между тем в половине февраля месяца (или еще раньше) удаленный Дюлеран вошел в сношения с шляхтой (с белыми) и на основании переговоров с Оскеркой и Гейштором приехал в Варшаву, представляя Бобровскому Степану (тогда уполномоченному Временного правительства) необходимость войти в сношения с белыми и образовать из среды их революционную власть в Литве. Аргумент, что без шляхты ничего в Литве сделать и даже начать невозможно, убедил Бобровского, который не медля выдал доверенность на имя Дюлерана и Гейштора образовать Отделение (Wydział etc.). Вскоре затем доверенные представители Бобровскому Гейштора, Оскерку, Еленского, Францишка (кажется) Далевского и Дюлерана как членов Отделения. Выбранные были приняты (и впоследствии утверждены Временным правительством) и сейчас взялись за дело организации, назначив 15(27) марта¹¹ сроком восстания в Литве. Провинциальный Комитет не хотел некоторое время уступить, но по приказанию Центрального комитета сдал и свою организацию и самого себя новоустроенной в Вильне революционной власти. Калиновский один протестовал против «шляхты», протест этот, однако же, Дюлеран в Варшаву не прислал. В мае месяце последовало некоторое незначительно[е] преобразование устава Отделения¹², причем Гейштор получил номинацию на председателя, а власть комиссара (Дюлерана) была усилена (ему были с тех пор переданы в исключительную зависимость все литовские комиссары). Перемены же в составе, т. е. в личностях Отделения, никакой не было. В июле месяце отчасти вследствие споров о первенстве между Гейштором и Дюлераном, отчасти вследствие расстройств литовской организации (по причине постоянных арестов), Дюлеран просил революционное правительство заменить его другой личностью. И тогда с 1 августа я был назначен комиссаром и членом Отделения в Литве. Как помощник в качестве секретаря дан мне был Зенкович Феликс. Феликс—уроженец Гродненской губ. Считаю нужным прибавить, что еще до удаления Дюлерана последовали арестования Оскерки и Далевского, а Дюлеран, несмотря на противное мнение своих товарищей (Гейштора и Еленского), призвал на их место Малаховского Владислава (который до этого времени был помощником Оскерки как начальника города) и Калиновского Константина. Кроме всех этих споров, Малаховский

готовил, с своей стороны, еще одно затруднение, а именно хотел путем пародии в некотором роде *coup d'état*^а сделать решительный переворот в литовской организации, т. е. удалить всех, кроме Калиновского, призвать новых членов, переменить название «Отделение» на «Литовский комитет», преобразовать устав и представить совершенный уж факт на утверждение революционного пр[авительств]а. Одним словом, по причине арестов, с одной стороны, по причине внутренних виленских споров, с другой, и, наконец, слабости восстания, с третьей, организационные дела Литвы пришли уже в конце июля месяца 1863 г. к совершенному расстройству. Даже Еленский был арестован в то время, когда Дюлеран находился в Варшаве (впрочем, этого с точностью не помню — довольно, что я уже не нашел его в Вильне).

Я не мог тоже ни в чем поправить положения дел восстания в Литве; скоро были арестованы Гейштор, Зенкович; Малаховский должен был выехать из Вильно, так что мне остался один Калиновский среди повседневных арестов, опустошающих городскую виленскую организацию и расстраивающих совершенно организацию по воеводствам. Не было уж возможности ничего сделать, даже образовать вновь «Отделение». Правда, Калиновский призвал Иосифа Калиновского и своего знакомого Милевича из Гродненской [губ.], но это были только советники, только так сказать^б, а не члены Комитета; членами они даже быть не хотели. Скоро за тем я был арестован. К вышесказанному считаю нужным прибавить еще следующее:

1. Литва собирала соответственно потребностям восстания очень незначительные деньги. В центральную кассу революционного пр[авительств]а не присылал виленский комитет ни гроша — и вообще в Варшаву присылал он весьма незначительную сумму до распоряжения^в Пржибыльского, например на косы, курьеров, типографию и пр. Денег на покупку оружия послано из Вильно в разное время около 100 000 руб. сер., если не ошибаюсь, во всяком случае не менее 80 000 руб. Сумма эта отсылалась прямо из Вильно Брониславу Залескому^г (из Минской губ.) или посредством Пржибыльского в Варшаву к этому же Залескому или к Гуттри в Льеж (Lièges). Раз только 25 000 руб. сер. в мае месяце послано было Залескому посредством Кеневича Гиеронима (из Минской губ.). Нужно сказать, что за всю вышеисчисленную сумму Литва не получила во все время ни одного карабина. Жмудская высадка Лапинского¹³ была приготавлиема на деньги, данные революционным пр[авительств]ом; часть этих денег составляли заграничные складчины (не более 60 000 франков, в том числе 30 000 Браницкого). Вся же она стояла, по приблизительному моему счету, не менее 60 000 руб. сер. (Демонтовичу в Штокгольме король шведский приказал выдать из своей частной кассы около 20 000 франков, которую-то сумму народное пр[авительств]во возвратило королю). Во время, когда я был в Вильне, в кассе Отделения находилось не более 6 000 руб. сер. без всякой надежды дальнейшего дохода.

^а Переворот (франц.).

^б Так в тексте.

^в Т. е. в распоряжение.

^г В тексте здесь и далее Залевский.

Еще остается мне несколько слов сказать о Кеневиче. Он был при-
слан в Варшаву Виленским комитетом¹⁴ в мае месяце и приехал
сюда с Дюлераном как кандидат на члена нар[одного] пр[авительст]ва.
Кеневич после некоторых разговоров со мной и с Пржибыльским был
призван в заседание нар[одного] пр[авительст]ва и приходил в заседа-
ние не более, как три раза. Окончательно, однако ж, принять обязан-
ности члена народного пр[авительст]ва он не хотел, потому что прежде
желал ехать за границу переменить паспорт (он сын эмигранта) и за-
везти деньги (упомянутые выше 25 000 руб. сер. на покупку оружия).
Залескому. Народное пр[авительст]во, с своей стороны, дало ему кор-
респонденцию к Чарторыскому с поручением узнать, насколько основа-
тельны надежды его на заграничную интервенцию. Кеневич пребывал
за границей очень долго и на возвратном пути в конце июня месяца
или в начале июля был арестован на станции граничной Александров,
и до самого выезда моего содержался в цитадели. Об действиях Ке-
невича в России¹⁵ мне неизвестно, во всяком случае, я даже не
предполагал, чтобы он принадлежал к разброске фальшивых про-
кламаций.

Касательно сношений с Гуттри офицера Зверждовского¹⁶ ничего
точного сказать не могу, предполагаю, однако же, что они могли быть
только при посредничестве Сераковского, личного знакомого и друга
Гуттри. По крайней мере, во время моего свидания с Гуттри в октябре
месяце 1861 г. не только не видел я Зверждовского у него, но даже и
не упомянул Гуттри о Зверждовском, хотя тогдашние мои сношения
с ним (Гуттри) единственно имели целью революционные намерения
и действия.

Считаю нужным прибавить еще, что офицер Иосиф Калиновский
(инженер) в мае месяце 1863 г. представил и вручил народному пр[ави-
тельст]ву посредством Галензовского карты, не помню, всех или неко-
торых только, крепостей русских (т. е. планы). По крайней мере, так
было сообщено народному пр[авительст]ву Галензовским; я же сам не
видал ни этих планов, ни самого Калиновского в то время. Планы эти
были отправлены за границу на сохранение к Владиславу Чарторыс-
кому, которому вместе с тем поручено было копию плана представить
г. Друзну де Люн, министру иностр[анных] дел во Франции.

Оскар Авейде

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, лл. 91—95. Подлинник

¹ О формировании красного и белого направлений в Литве и Белоруссии см.
J. Gieysztor. Pamiętniki, t. I, а также док. 58, 64, 66, 67, 69.

² Имеется в виду Дирекция белых в Варшаве, возникшая в декабре 1861 г.

³ В декабре 1862 г. Я. Гейштор и А. Еленский (а не А. Оскерко) в качестве деле-
гатов от организации белых в Вильно участвовали в варшавских переговорах с
Э. Юргенсом, представителем партии белых в Царстве Польском.

⁴ О деятельности Б. Шварце перед восстанием см. док. 231.

⁵ В дополнительных показаниях О. Авейде указывается: «...Только летом 1862 г.
(несколько могу предполагать) образовался в Вильне Провинциальный комитет Ка-
линовского и др. Однако сношения между Варшавой и Вильно состоялись только в
октябре месяце [того] года, да и то начались, как известно, разладом и несогласием»
(Парт. архив ЦК КПБ, ф. 4384, оп. 1, д. 7, л. 28).

⁶ Подробнее о поездке Э. Вериги в Варшаву см. «Показания и записки О. Авей-
де», М., 1961, стр. 487—489.

⁷ В действительности имя Козелла было Ян, повстанческий псевдоним — Якуб.

⁸ Содержание устава, принятого после переговоров делегата Литовского провинциального комитета Э. Вериги с членами ЦНК в ноябре 1862 г. О. Авейде излагает в других показаниях:

«Устав, составленный в согласии с Эдм[ундом] Веригой в ноябре 1862 г.

Самовлажные статьи этого устава определяли взаимные отношения Провинциального и Центрального комитетов. Основные начала этих отношений были следующие:

1. Провинциальный к[омитет] признает Центральный, как свою главу и как главу всего заговора в пределах бывшего польского государства. Члены Провинциального к[омитета] назначаются и увольняются Центральным к[омитетом] непосредственно.

2. Комиссар Центрального к[омитета] в Вильне назначается в Варшаве непосредственно. Провинциальный к[омитет] может потребовать его увольнения; решение, однако же, в этом отношении зависит исключительно от Центрального комитета. В случае, если этот последний не примет в уважение виленского представления, комиссар его остается на своем посту мимо желания Провинциального к[омитета].

3. Литовский уполномоченный агент в Варшаве назначается виленским к[омитетом], а утверждается Центральным; в случае отказа в утверждении или по требованию сменить утвержденного уже агента другой личностью Провинциальный к[омитет] обязывается назначить требуемого другого кандидата непременно и представить его на утверждение Центрального комитета.

4. Уполномоченный агент Литвы присутствует в заседаниях Центрального к[омитета] со всеми правами его члена. Вопросы литовские не могли быть решаемы иначе, как только в присутствии литовского агента и по его представлению, хотя бы и не согласно с его мнением; только по вопросу о сроке восстания согласие литовского агента было непременно необходимо, в противном случае Литва не была обязана принять назначенный в Варшаве срок.

5. Комиссар Центрального к[омитета] в Вильне принимал участие в заседаниях Провинциального к[омитета] с правами его члена, притом он был контролером и сторожем Центрального к[омитета]. И потому, если в решении своих товарищей он заметил что-либо противное или духу и основным началам заговора или приказаниям варшавским, он имел право и обязанность приостановить такое решение и представить случившееся на уважение главы заговора. Кроме того, наконец, комиссар имел в данных случаях власть утверждать решения Провинциального к[омитета], превышающие его обыкновенные атрибуты, определенные уставом.

6. Провинциальный к[омитет] имел в Литве полную власть исполнительную и административную. Что же касается законодательной власти, она находилась в руках Центрального к[омитета]; виленский к[омитет] должен был только обсуждать и избирать наилучшие меры для их исполнения. С этим последним лежит в связи, что Провинциальный к[омитет] имел право вводить разные соответственные местным условиям модификации в варшавских декретах и приказаниях, так же точно мог отсрочить их исполнение, как исполнить только часть оных. В случае противозаконного или вредного превышения власти или каких-нибудь злоупотреблений в модификациях варшавских декретов и постановлений комиссар должен был положить свой протест и донести в Варшаву.

7. В случае, если Провинциальный к[омитет] счел нужным издание какого-нибудь основного закона или постановления, превышающего его атрибуты, а не изданного еще в Варшаве, он делал соответственно представления и проекты Центральному к[омитету] или непосредственно, или посредством своего уполномоченного агента. В случаях, не допускающих отлагательства, Провинциальный к[омитет] имел право издать сам такой необходимый закон или постановление; тогда, однако же, было непременно нужно согласие комиссара; почему и прикладывались на подобного рода решениях К[омитета] две печати — его и комиссарская. Одновременно доносилось о случившемся в Варшаву» (Партиархия ЦК КПБ, ф. 4384, оп. 1, д. 7, лл. 28—32).

⁹ Имеются в виду действия групп повстанцев под командой Ф. Вислоуха и С. Буховецкого в Свенцянском и Ошмянском у. 3—10 февраля 1863 г., начатые по инициативе Литовского провинциального комитета.

¹⁰ Действия отряда Л. Нарбута в Лидском у. начались в начале февраля 1863 г.

¹¹ Воззвание Литовского отдела о начале восстания в Литве и Белоруссии датировано 19(31) марта 1863 г. Практически восстание началось в различных районах в разные сроки.

¹² Имеется в виду преобразование Отдела, управляющего провинциями Литвы, в Исполнительный отдел на Литве.

¹³ Экспедиция из Лондона в помощь Литве на корабле «Ward Jackson», организованная польскими эмигрантскими организациями при содействии А. И. Герцена и Н. П. Огарева (см. «Русско-польские революционные связи», т. II, М., 1963, стр. 38—44).

¹⁴ О. Авейде имеет в виду Отдел, управляющий провинциями Литвы.

¹⁵ См. «Русско-польские революционные связи», т. II, стр. 263—436.

¹⁶ См. дск. 20.

66

1872 г. не ранее 4 января¹. — Показания Я. Козелла-Поклевского в Виленской следственной комиссии о подготовке восстания в Литве и Белоруссии

Во время моего пребывания в С.-Петербурге² я вообще не занимался политикой. В последние годы моего пребывания там, в 1857—[18]58 гг., я познакомился с Сераковским и Жвирждовским, и между нами начались споры, в которых принимали участие наши общие знакомые, поляки и русские, по большей части военные товарищи. Они, т. е. Сераковский и Жвирждовский, поддерживали конрад-валленродизм³, а я и в особенности мой брат Викентий находили, что мы не должны оставаться на службе государственной. Эти прения были главной причиной, что я без всякого, по-видимому, повода подал в отставку.

Возвратившись на родину в 1859 г., я женился и тогда же уехал за границу. За границей я занимался строительным искусством и механикой⁴, но вместе с тем я начал знакомиться с эмигрантами. Вообще и в частности сделали они на меня дурное впечатление, в особенности Мерославский, с которым мы при первом же свидании поссорились. Имел я после случай встретиться с Зенковичем старым, известным в эмиграции под псевдонимом Шляхциц Пшонка, он был редактором «Usque ad finem»⁵ и уже помер, и некоторыми другими членами Лондонской централизации, но их понятия были так коммунистичны и нелепы, что с ними никогда больше не хотелось мне говорить. В Париже я снова встретился с Сераковским⁶, мы бывали даже вместе у гр. Шувалова, который тогда был военным агентом, и у Кауфмана, который тогда путешествовал. Там мы с Сераковским много говорили о необходимости, чтобы молодежь действовала на край с тем, чтобы крестьянский вопрос провести самым лучшим способом, и, правду сказать, мы тогда имели полную надежду на то, что е. в. Александр II много сделает для Польши, и были противны старым понятиям и нашего дворянства и эмигрантов.

В 1861 г. возвратился я на родину⁷ и начал знакомиться с краем, в котором жил только ребенком и которого почти совсем не знал. Это было именно время, когда у нас думали о кредитных обществах и разных экономических улучшениях. Я имел тогда случай познакомиться с большей частью дворянства. К стыду своей родины должен признаться, что большинство не хотело и не могло понять, какое поприще было перед ними, худо понятый временный интерес был преградой ко всякой благородной попытке поддержать правительство в его великих намерениях для освобождения крестьян. К несчастью нашему, разнесся слух, будто бы Наполеон III публично отозвался перед одной поль-

ской дамой, что уже Польши нет, что поляки принимают своего царя с восторгом и [т.] п.⁸; притом множество молодежи, наслушавшейся Мерославского и ему подобных в Париже, возвратилось на родину, в Варшаве начались демонстрации и завязался комитет. С одной стороны, отсталое старое поколение, с другой — напор из Парижа. В это время встретился я с Жвирждовским и с некоторыми другими лицами, имеющими то же самое направление к деятельности, как нам казалось, в пользу края. Первым действием нашим было воспротивиться 30 или 40 молодым людям, приехавшим из университета, которые хотели начать демонстрации в Вильне⁹. Попытки наши ни к чему не повели, нас было слишком мало, демонстрации начались; некоторые из зачинщиков были арестованы, но движение началось по всему краю, и, так сказать, незаметным образом мы были увлечены общим движением. Начала^a распространяться так называемая организация десятков, появились тайные газеты, сначала из Варшавы, а после, кажется, с прусской границы. В это время я бывал в Вильне проездом и потому имею только общие понятия о движении, не зная подробностей. Могу сказать, что главным деятелем был Жвирждовский¹⁰.

Осенью 1862 г. получил я воззвание от Виленского комитета, что по случаю отъезда в Москву Жвирждовского¹¹ я выбран в должность члена-агента Виленского комитета и что я должен немедленно явиться¹². Я оставил жену с грудным ребенком и поехал в Вильну, где проживал на Замковой ул., в доме епископском, в левом флигеле. Здесь, собственно, начинаются действия мои в заговоре. Мне было поручено от Комитета принимать агентов варшавских и иметь сношения с Комитетом Центральным. Присылали нам из Варшавы агентов по большей части без денег, белья и платья; рассказывали они нам нелепости о тысячах оружия, которое будто бы доставлено из-за границы, о том, что большая часть войска в Царстве Польском готова перейти к ним, это была в особенности мысль Домбровского (Ярослава), и т. п. Все это были люди, которые являлись к нам под разными псевдонимами и не много возбуждали доверия. Они известны были у нас под общим названием «пюркиевичи»¹³. Дюлеран был один из главнейших. Вследствие этого начались у нас сильнейшие распри, и, наконец, после какого-то распоряжения из Варшавы, чтобы отбить в Гродне какого-то арестованного Четвертинского, мальчика, чтобы этим сделать демонстрации, и назначить начальников в небывалых уездах, я написал в Комитет Центральный, что они мальчишки, и дал им совет поучиться географии. Вследствие этого прислан был в Вильно Падлевский с г. Потемней, который назвался уполномоченным Бакунина¹⁴. Эти господа объявили мне, что заключен союз между всеми либералами и что русская организация будет поддерживать польское восстание; притом Потемня прибавил, что если мы, т. е. литовцы и белорусы, не восстанем 3 января 1863 г., то они введут у нас социальную революцию. После этого уехали они в С.-Петербург для окончания переговоров, будто бы, с какими-то русскими генералами и губернаторами. Недолго пробыв в Петербурге, явились они назад в Вильну, оба в отчаянии; оказалось, что вся организация состояла из нескольких студентов, знающих больше кабак, чем университет.

^a В тексте началась.

Видя уже ясно, в какую пропасть идет край (он отлично знал, чего стоят обещания Мерославского и достава^а оружия), Падлевский дал честное слово и письменное обязательство, как начальник Комитета, воспротивиться всякому восстанию и запретить въезд парижским агентам. Вследствие этого в последние дни 1862 г. был разослан по всей Литве и Белоруссии манифест от Комитета, взывающий всю организацию не начинать никаких восстаний и не верить агентам, присылаемым не от Комитета¹⁵.

Казалось, все притихло; 3 января никто не восстал; мы имели полную надежду, что дойдем до нашей цели, т. е. польской автономии, без нового восстания. Вдруг в последних числах января явился в Вильно Юзефович-Пиотровский с манифестом 23⁶ января и с известием, что восстание уже началось в Царстве Польском. Известие это было нам сообщено при всем Комитете, и все единогласно ответили, что мы ни за что не восстанем, что никто не готов и что мы имеем письменное обещание, что Центральный комитет не допустит восстания. Между тем повстанцы взяли железную дорогу от Варшавы до Гродна, Рогинский вошел в Гродненскую губ., Буховецкий, агент Мерославского, начал в Свенцяном [у.], одним словом, начали и без нашего позволения. Тогда Комитет, видя, что ничего не осталось более, как идти за движением, выслал меня в Петербург к Сераковскому¹⁶, чтобы достать карт Генерального штаба и привезти денег для тех их студентов и офицеров, которые хотели прибыть в край и не имели средств.

Я недолго пробыл в С.-Петербурге; Сераковский мне сказал, что карты посланы и денег не нужно; просил только меня поехать в Москву и видаться лично с Жвирждовским. Я отправился в Москву и сообщил о восстании Жвирждовскому, который сказал мне, что приедет в Борисов или Горки¹⁷. Я поехал сам, сначала в Горки, где думал видаться с братом, но, не застав его там, отправился в Борисов, где встретился с Цюндзевицким, который тогда был в отпуску¹⁸; он проводил меня верст 30 и потом возвратился домой. После под разными названиями (ибо я узнал, что у меня на квартире был обыск и арестовали моего брата Зенона¹⁹) поехал я через Минскую и Гродненскую губ. в гор. Гродно. В Гродне встретился я с Врублевским, который давно был уже начальником Гродненской губ. Он мне сообщил известие, что нужно мне сейчас отправиться в Царство Польское, чтобы видаться с Лангевичем и условиться о сообщениях и действиях повстанцев в Царстве Польском и Западном крае. Дали мне паспорт на имя Глебовича, и я отправился через Беловежский лес и Брест-Литовск в Царство Польское, куда и прибыл в последних днях великого поста²⁰. Там мне сказали, что незачем отправляться к Лангевичу, потому что он уже разбит и со всем своим штабом ушел в Галицию. Кроме того, одна дама, так называемая курьерка, сообщила мне, что в Варшаве устроился новый комитет под названием Народовый жонд (Rząd Narodowy) и советовала мне отправиться в Варшаву и там стараться увидеться с этим Жондом. Я просил у нее какого-нибудь адреса, но так как я не имел при себе никаких свидетельств от Комитета,

^а Dostawa — доставка (польск.).

⁶ Ошибка: должно быть 22.

то мне она отказала. Ничего мне не оставалось, как ехать в Варшаву на авось.

Я сел на почтовые и прибыл в Варшаву, где остановился в Саксонской гостинице под именем Глебовича. Пробыл я там довольно долго, не имея никакой возможности дойти до Жонда. Причиной тому было то, что я никого не знал в Варшаве и не имел никакого адреса. Все мои сношения с Варшавой были через Дюлёрана, который боялся, чтобы я его не прогнал из Вильны и не хотел дать мне никаких положительных сведений. Одного дня, не могу припомнить через сколько времени после моего приезда, явился ко мне Пршибыльский Вацлав и объявил, что в Вильне состоялся уже новый комитет, который назван Отдел литовский (Wydział Litewski) и что он прислан как уполномоченный комиссар от этого Отдела. Личность г. Пршибыльского никогда не возбуждала во мне много доверия, вследствие чего мы и не могли дойти до ладу и наш разговор кончился тем, что он обещал приказать меня повесить как бунтовщика противу Жонда. Не слишком-то я боялся его угроз, но все же думал, как бы поскорее отправиться из Варшавы и присоединиться к первому встречному повстанческому скопищу. Уже почти готов был к отъезду, когда случайно встретился с Галензовским²¹, которого знал еще в Петербурге. Галензовский сказал мне, что он назначен для составления военного отдела при Жонде и что решительно не из кого составить этот отдел в Варшаве. Узнав, что со мною случилось, предложил мне работать вместе.

Вскоре после этого составилась этот отдел, в котором приняли участие Галензовский, я и Дембинский-Качковский, б. эмигрант из школы Мецкой²². Главное наше действие состояло в собирании рапортов из всего края, отдавании приказаний для общих действий, назначении по собранным через комиссаров сведениям начальников военных и, наконец, рассматривании сотен проектов, которые были присылаемы разными лицами и почти все, за весьма немногими исключениями, не имели никакого смысла. Между тем, не могу припомнить в котором месяце, но только уже летом, сделался переворот в Жонде²³. Агатов Гиллер и Рупрехт были прогнаны, Яновского хотели убить кинжалщиками за то, что не хотел им отдать печати,— одним словом, началась страшнейшая суматоха. Причиной, кажется, были заставные листы и деньги, взятые, кажется, из банка или кредитного общества. Подробности этого дела мне мало известны. Наконец, состоялся новый Жонд, в котором из старых членов остался Авейде и Яновский, а Пршибыльский был назначен начальником города. Однако же новый Жонд не хотел остаться в совершенной зависимости от начальника кинжалщиков, которого звали Лудвиком Окулярником²⁴ и который был в постоянных сношениях с так называемым революционным трибуналом. (Я, впрочем, подозреваю, что этот трибунал никогда не существовал²⁵, но что Окулярник сам выдавал все распоряжения во имя трибунала. Ни в Варшаве, ни за границей я не встретил никого, кто бы знал какие-нибудь подробности об этом трибунале, и это еще более утверждает меня в моем мнении.) Я никогда в жизни не встречал такой решительно страшной личности, как Окулярник: аскет в ежедневной жизни, он отличался безмерным фанатизмом и какой-то холодной кровожадностью. Он почти постоянно был в каком-то болезненном

состоянии, почти всякий раз, когда случалось мне с ним говорить об участии Польши, у него слезы лились градом; он носил всегда при себе яд и говорил, что никогда не переживет падение восстания²⁶. В то время это было лицо, которого решительно все боялись, он только один имел влияние на кинжальщиков, которые по большей части были им набраны из самого низшего сословия варшавских бродяг. Они называли себя ножевыми братьями, завязались в Варшаве во время демонстрации, имели свою песню, которую пели на музыку марша из Лукреции²⁷. Центральный комитет и после Жонд были постоянно под их надзором. Они-то собственно, так сказать, принудили Центральный комитет выдать манифест 22 января 1863 г.²⁸

Жонд Народовый знал это все и решился, под предлогом соединения всех разбросанных и не имеющих положительной связи властей, назначить в Варшаве коменданта. Этим комендантом был назначен я с сохранением моих обязанностей при военном отделе²⁹. В декрете Жонда было сказано, что власть коменданта распространяется над всеми жителями Варшавы, не исключая даже членов Жонда, взятых поедине, что всякий житель города Варшавы, не исполняющий повелений коменданта, подвергается военному суду. Но вместе с тем комендант отвечает головой за всякие беспорядки, случившиеся в Варшаве. Комендант должен ежедневно приходить на заседания Жонда и служить посредником между всеми учреждениями и Жондом, но не имеет ни голоса, никакого личного влияния на распоряжение Жонда. Это была почти диктатура, но Жонд тогдашний должен был по необходимости прибегнуть к такой мере, чтоб обуздать кинжальщиков, а в особенности Окулярника, который решительно не признавал никакой власти и хотел непременно начать уличную резню в Варшаве.

С этого времени началась для меня ужаснейшая жизнь. Я не знал ни города, ни жителей и поставлен был между Жондом, который состоял из людей по большей части умеренных, и всей организацией Окулярника, принадлежащей к самым крайним революционным понятиям. Я не мог сразу сменить Окулярника и принужден был отыскать какую-нибудь личность, которую, поставив на его место, мог бы после сделать исполнителем своих приказаний. Наконец, между окружающими Окулярника личностями я нашел молодого человека, над которым легче мне было иметь влияние и который имел, однако ж, доверие у лиц, преданных Окулярнику; называли его Павелком³⁰. Имея уже наготове человека, я выжидал только случая, который скоро и представился. Окулярник будто бы по суду трибунала приказал убить какого-то юнкера, имени которого не мог я никогда узнать³¹. Я сейчас приказал навести справки и оказалось, что донос на этого юнкера не имел никакого положительного основания, а что всему причиной было пьянство и драка в каком-то варшавском шинке. Окулярник сам убедился, что не должен иметь безусловного доверия к своим людям. Он сейчас двух самых виновных выслал в какой-то отряд, находившийся вблизи Варшавы (не знаю, в чей), под строжайший надзор; в этом отряде их, как мне было сказано, вскоре после того расстреляли. В это же почти самое время открылось случайным образом, что Окулярник хотел поджечь все публичные здания, в которых были войска и в то же самое время Калиер с своим конным отрядом должен был войти в город. Приказ был отдан Калиеру от имени Жонда, и он, не зная ничего, от

кого выходит приказ, прислал своего адъютанта за подробной инструкцией, причем известил, что он находится со своими людьми под самым городом. Через городскую полицию этот адъютант был приведен к Дембинскому, и так открылось все дело. Сейчас приказано было отделом Калиеру удалиться, а я взял все меры, чтоб не допустить пожара. Однако ж фосфор, растворенный в сернистом углероде, был роздан людям, и они, помимо воспрещения, подожгли деревянные казармы внизу замка и пробовали поджечь станцию железной дороги³². Тогда, обратившись к самому Лудвику, я доказал ему, что он едва не был причиной истребления города и, наконец, после долгих увещаний, он сам отказался от команды над кинжальщиками и был назначен организатором; так называли нечто вроде интендантов³³. С этого времени можно считать, что был положен конец власти кинжальщиков.

Я под предлогом реорганизации и увеличения полиции с помощью Павелка ввел много нового элемента, особенно из так называемой гражданской полиции, которая была под начальством Янка Белого³⁴, а самых опасных выслал в банду Жихлинского (их называли «дети Варшавы»). С того времени начали они называться народной стражей и между ними завелась строжайшая военная дисциплина; число их доходило до 400 человек, разделенных на две роты, каждый из них получал по 50 коп. в сутки. Окулярник уже перестал мешаться в команду стражи, а совсем занялся доставкой военных припасов и выделыванием их в Варшаве. На этом новом поприще оказал он чрезвычайную деятельность и незаметно так втянулся в свою работу, что почти постоянно занимал людей Павелка переносками, перевозками и высылками, [что] при тогдашнем русском гарнизоне в Варшаве далеко не было легким и безопасным делом. Наконец, казалось, что по крайней мере в внутреннем устройстве города водворилось немного порядка и ничего не было слышно о революционном трибунале. Недолго, всего, может быть, недели три, было тихо; вдруг узнал я через гражданскую полицию, что составлен заговор агентами Мерославского, чтобы меня и весь Жонд перерезать, как белых реакционеров и изменников. К моему счастью, затеяли они свой заговор без Окулярника, которого тоже уже начали подозревать. Окулярник, узнав о заговоре и обидевшись, что кто-нибудь другой, а не он, осмелился посягнуть на коменданта и Жонд, на другой же день переловил их всех, только Верницкий и Хмелинский успели уйти за границу³⁵. Начались суд и расправа; оказалось, что заговорщики так мало показали характера и так перетрусили, что не стоило даже обращать на них внимания. Покрыв их смехом и презрением за трусость, прогнал я их из Варшавы с обещанием, что если мне еще раз попадутся в руки, то дело кончится уже не комедией, а трагедией. Сейчас же после окончания дела с мерославщиками, Лудвик привел ко мне какого-то господина, насколько помню, уроженца познанского или сына эмигранта, знающего несколько языков, и, по-видимому, жившего долго в разных странах Европы. Этот господин представлял тип кавалера промышленности^a высокого полета. Он предложил Жонду два проекта, чтобы достать денег, а вместе с тем подорвать русский

^a *Chevalier d'industrie* — мошенник (франц.).

кредит. Первый проект заключался в том, чтобы разослать агентов в Россию, которые записывались бы в купеческие гильдии и после брали займы деньги из Русского банка. Он уверял, что устав банка дурно составлен и что есть средство, покамест осмотрятся, разорить это кредитное учреждение. Второй его проект был, чтобы из Англии привозить фальшивые ассигнации и распустить их в огромнейшем количестве в России³⁶. Он предлагал сам заняться этой доставкой. В то же самое время Окулярник устроил новое похищение денег и билетов из кредитного общества. Я представил все это на заседании Жонда, и ни один проект не был принят. Я получил приказание удалить сейчас же из Польши господина, предлагающего проекты, даже, если бы он не хотел повиноваться, поступить с ним, как с обыкновенным воров. Что же касается до кредитного общества, приказано мне под личной ответственностью принять все возможные меры, чтобы не допустить нового похищения. Причиной такого распоряжения было то, что Жонд не верил в удачу восстания без помощи Франции и не хотел довершить разорение края, который и так уже ужасно страдал. Приказание, а в особенности исполнение сего, привело в негодование всю партию красных. Но я уже стоял слишком сильно, чтобы кто-нибудь, даже и Окулярник, осмелился мне воспротивиться. В это время, когда я действовал к успокоению взволнованных умов, получил от города и народной полиции депутацию, уведомлявшую меня, что Жонд состоит из изменников и что я по своей обязанности должен судить их и немедленно составить новый Жонд. Причиной этого обвинения было то, что будто бы один из членов Жонда, бывший (как, по крайней мере, его подозревали) в сношениях с Велепольским, дал ему знать, с согласия других членов Жонда, о замысле на кредитное общество³⁷. В доказательство были представлены рапорты полицейных, обыкновенно следящих за членами Жонда, и внезапное и чрезвычайное усиление караулов в кредитном обществе. Разделяя сам мнение Жонда относительно его распоряжения, но вместе с тем будучи уверен, что по крайней мере один из членов Жонда не сдержал секрета, притом видя упадок восстания, я отказался от комендантства и просил Отдел послать меня в поле. Это должно было быть в июле 1863 г. Тогда именно приехал в Варшаву Траугут. Его назначили военным начальником губерний Августовской, Гродненской и уездов Лидского и Новогрудского, а меня — начальником его штаба. Траугут остался еще на некоторое время в Варшаве, а я поехал в Августовскую губ.

Прежде чем начну описывать мое пребывание в Августовской губ., я прибавлю несколько общих заметок о моем пребывании в Варшаве. Мне дали прозвище Куба и, кроме моих личных знакомых, я думаю, что почти никто не знал моей настоящей фамилии. Я по большей части никогда не ночевал на одном месте. Янек Белый и Павелек находили мне постоянно новые квартиры. С их помощью я находил тоже квартиры для собрания Жонда и Отдела, эти собрания постоянно переменили место. Обыкновенно целый день я был занят следующим способом: утром приходили ко мне Янек Белый, и Павелек с рапортом о том, что случилось в городе, в цитадели, в замке, в полиции, кто приехал, уехал, одним словом, — подробнейший рапорт о всем, что случилось в городе, даже в следственных комиссиях. Из-

вестия из следственных комиссий особенно были важны, потому что давали возможность приготовить правдивость показаний подсудимых и принять меры, чтобы если в самом деле который-нибудь из них что-нибудь выдал, организация от этого не пострадала. Я должен однако ж, прибавить, что во время моего пребывания в Варшаве не было арестовано ни одно лицо организации, которое знало бы что-нибудь важное. Насколько помню, попадались русской полиции самые незначительные личности. После того шли мы вместе к гражданскому начальнику города Пршибыльскому, или он приходил ко мне, как случалось. Он уже имел рапорты Янка Белого и городских начальников секции. Мы поверяли все показания и отправлялись вместе на заседания Жонда. Там я, кроме рапорта о городе, давал отчет по военному отделу о военных действиях и интендантскому о разных потребностях: денег, оружия, военных припасов и т. п., также сколько денег выдано в моем ведомстве, что куда выслано и в чем нуждаются вне Варшавы и в самом городе. Перед концом заседания Жонд отдавал мне и начальнику города приказания и ассигновал нужные деньги, которые обыкновенно выдавал начальник города. Оттуда я шел на randevu с Лудвиком; это по большей части бывало или в Саксонском саду или в Вокзальском, или же в первой встречной кондитерской или кофейне. Лудвик отдавал мне все рапорты, которые получал из провинций, сообщал о подробностях интендатуры и делал все денежные расчеты. Оттуда шел я к Яновскому, к которому, как секретарю, приходили все рапорты из провинций, мы вместе их рассматривали, и я, взяв с собой те, которые касались военного отдела, отправлялся на заседание этого отдела. Сообщив им все, что касалось их службы, я брал ответы и отдавал их в городскую полицию для отсылки куда следовало. После шел я с начальником города на заседание городских секционных начальников, где более всего занимались денежными средствами. Наконец, вечером, около 5 часов, собирались мы снова с Лудвиком, Павелком и иногда Янком в Саксонском саду. Вот в главных чертах образ ежедневных моих действий.

Я должен еще прибавить, что у нас, насколько мне помнится, было 5 типографий, под начальством одного господина, которого называли Мефистофелем³⁸; эти типографии часто переносились с места на место, для чего употребляли людей Павелка. Были тоже лаборатории, где выделяли так называемый белый порошок, фосфорные смеси и сигнальные ракеты. При городской полиции была особенная агентура, где хранились всевозможные паспорта, виды, печати и т. п. Можно сказать, что требуемые тогда русским правительством документы скорее выдавались в нашей агентуре, чем обыкновенным порядком. В городские книги повписываны были лица под небывалыми прозвищами и им выдавали квитанции о будто бы давно уплаченных податях. Сообщения с остальным краем делались по большей части через женщин, которые часто оказывали более присутствия духа и хладнокровия, чем мужчины. Доставка седел, оружия, одежды и военных припасов делалась почти публично по железной дороге, в дилижансах и даже в военных повозках. Вообще за правило было принято как можно менее укрываться, чтобы тем самым не привлекать на себя внимание.

Сначала этот способ действия мне казался почти невозможным, но скоро я убедился, что этот только способ и мог так долго держаться. Я и начальник города, мы были отлично осведомляемы обо всем, что случилось, так как у нас, можно сказать, было четыре полиции: 1) полиция Янка Белого, 2) Лудвика, 3) Павелка и, наконец, 4) городская Пршибыльского, состоящая из секционных начальников и их агентов. Эти полиции были до известной степени враждебны одна другой, каждая действовала немножко на свою руку, и это давало нам возможность поверять одну другой.

Вообще в управлении города и в особенности в полиции почти ничего не писалось, вследствие этого все было основано на памяти, которая таким ужасным напряжением до того утомлялась, что не думаю, нашелся бы хоть один из тогдашних начальников полиции, который мог бы серьезно сказать, что помнит подробности тогдашних действий. Мне самому постоянно случалось встречать за границей личности, которые со мной действовали и которым должен был почти на слово верить, что они меня знают; так много лиц и фактов переходило тогда перед нашими глазами. Всякий из нас вынес только общий очерк всей нашей действительности, и этот-то именно очерк старался я, как мог, вернее представить. Труднее всего мне определить вообще время случившихся событий; во всяком случае, началось мое действие в Варшаве перед 15 мая, а кончилось в июле по прибытии Траугута³⁹.

В Августовскую губ. приехал я под названием доктора Штырмера; помню, что полиция выдала мне даже докторский патент. Мне был придан гражданский комиссар (это было подражание, по большей части чрезвычайно неудачное, французской революции). Этот комиссар имел псевдоним Чинский⁴⁰, и при нем была целая организация. Все мои сношения с отделом военным варшавским шли через него, вся местная организация и полиция была под его командой, собрание податей, всевозможных сведений, устройство сообщений и т. п. Ему подчинялись все местные комиссары и вся вообще организация. К моей обязанности относились собственно военные действия. Я имел право распоряжаться всеми вооруженными повстанцами, назначать и сменять всех военных начальников в вышесказанных губерниях. Первым моим действием по прибытии в Ломжинский у. была реорганизация находящейся там кавалерии. Была в это время в Ломжинском у. шайка какого-то Гурского, или Горского⁴¹, которая отличалась в особенности тем, что никогда не встречалась с русскими войсками и занималась просто разбоями и грабежами. С помощью кавалерии Кобылинского, которая пришла тогда из Гродненской губ. и в которой было несколько офицеров из русской кавалерии, удалось мне настигнуть Горского. Я велел обезоружить его и отдал под суд, который приговорил его на инфамию и баницию (это по принятым тогда через Жонд правилам было изгнание из пределов Польши). После Горского поймал я другого ему подобного господина — Матушевича, и того постигла такая же участь. Этот последний отличался впоследствии за границей воровством. Покончив с главными, я всех вооруженных всадников, разбросанных по уезду и не приносящих никакой пользы восстанию, а только под разными предлогами грабящих и часто даже вешающих крестьян и жидов, собрал в одно место и

присоединил к кавалерии Кобылинского. В этой кавалерии были все люди совершенно другого рода, но более офицеров, нежели солдат. Из всего этого я устроил два эскадрона кавалерии и отдал команды офицерам из русского войска. Первым эскадроном командовал Квалишевский, а вторым — Иван Стаховский. Эти два эскадрона в чрезвычайно скором времени маневрировали, как старые солдаты. Я их послал в Гродненскую губ., чтобы привести новых лошадей, так как в Царстве Польском уже чувствовался их недостаток. С этими эскадронами мы имели три стычки в окрестностях Красного Бора, между Ломжей, Тыкоцином и Остроленкой⁴², с русской кавалерией, насколько мне помнится, находившейся под командой гр. Толя. Две первые были относительно довольно удачны, в последней недалеко Снядова нас порядочно переколотили. Отступая эшелонами, пришлось нам делать шесть атак. В последней атаке один русский кавалерист одним ударом срубил голову вахмистра первого эскадрона. Устроившись с кавалерией, я занялся пехотой и организовал в лесах между Ломжей и Менженином партию Брандта, которому поручил очистить границу от объездчиков и во что бы ни стало взять Винценту⁴³. Это было тогда мне необходимо, потому что я ожидал привоза оружия в большом количестве на границу между Менженином и Винцентой. В этих пограничных лесах мы мало боялись войска, которое не знало местности и которое никогда не было бы в состоянии воспретить нам ввоз оружия; объездчики были для нас гораздо опаснее. Казаков мы тоже там не боялись по двум причинам: во-первых, потому что они в лесах ни на что не годятся, а, во-вторых, чрезвычайно пьянствовали.

Оттуда отправился я через Пруссию в верхнюю часть Августовской губ., куда меня требовали комиссары как можно скорее. Мы обыкновенно ездили из Ломжинского у. в Сувалки и Августов через Пруссию, потому что это было гораздо удобнее и безопаснее, чем ехать по узкой шейке в окрестностях Райграда. Я должен заметить, что пограничные прусские помещики и купечество, хотя все немецкого происхождения, симпатизировали нам, давали лошадей, принимали раненых и вообще давали помощь по большей части совершенно бескорыстную; мы платили только бедным людям, а богатые ни за что не брали платы. Прибыв на место, я узнал, что Рамотовский-Вавер разбит⁴⁴ и уже ушел за границу с своим неотлучным Климкевичем и Ландером, а что все прочее начальство попряталось по таким норам, что даже организация не могла их отыскать. Держались только в лесах над Неманом Глеб-Кошанский, офицер из гвардейской артиллерии, Острога-Парадовский из русской кавалерии и Струмило, офицер из артиллерии. Я прежде всего собрал остатки разбитой шайки Вавра и присоединил их отчасти к Брандту, отчасти к Глебу и Остроге. Снабдил этих последних оружием и амуницией, а сам занялся истреблением двух банд — одной под начальством какого-то Шпака, а другой какого-то татарина, кажется Барановского, или что-то подобное. Эти две шайки отличались грабежами и убийствами. Долго, т. е. 3 или 4 дня, гонялся я за ними верхом, но не мог их догнать. Тогда я лишил их защиты закона и дал приказание по всей организации стрелять их, как бешеных собак. Вследствие этого они были оставлены большей частью своих людей, которые явились в отряд Глеба или Остроги, а сами ушли, верно, за границу; впрочем, мне не случилось ничего более

об них слышать. Окончив с этими шайками, я начал отыскивать скрывшихся военных начальников; с великими трудностями удалось мне, наконец, отыскать их. Это были Андрушкевич из 4-го линейного полка польского с 1831 г., Дален из польской кавалерии того же года и Рихловский — старик, служивший еще в Италии под Шампионетом⁴⁵. Все они отличались решительностью и храбростью в строю и командуя настоящими солдатами. Но эта война, имея вместо солдат неустроенные скопища, плохо вооруженные и мало дисциплинированные, превосходила их силы. Я выслал их всех за границу, дав им для виду какие-то поручения.

После того занялся я устройством сообщений для перевоза из Пруссии оружия и военных припасов в верхнюю часть Августовской губ. и, устроив их, поехал назад в Ломжинский у. Я там узнал, что Траугут уже не придет принять команду, а что я назначен на его место под псевдонимом Скалы. Во время моего отсутствия Брандт действительно взял Винценту, но вслед за тем и он и все без исключения его люди заболели глазами, и он был принужден скрыть оружие и распустить свою партию. Остались тогда еще вновь сформированные отряды Шенявского и Мицевича. Кавалерию Кобылинского и отряды Гейтмановича и Баранцевича послал я к Врублевскому, с тем чтобы он старался перерезать железную дорогу между Гродном и Варшавой. Я отправил к нему тоже присланные из Варшавы торпиды⁴⁶ для взрывания малых мостиков по железной дороге. Им это не удалось, и они были вытеснены в Подлясье, где вскоре после были разбиты. Кобылинский был убит, а Врублевский тяжело ранен. Вскоре после этого вошли в Ломжинский у. отряды Рынаржевского, Дюбоа, Неметти и другие мелкие скопища из у. Плоцкого, Прзаснышского⁶ и Остроленского, числом более 3000 человек. Они-то взяли обоз, идущий между Ломжей и Остроленкою, и в обозе Ольшанского казначея. Вскоре после этого я получил приказание от военного отдела взять общую над ними команду и извещение, что оружие для меня приходит в значительном количестве. В то же самое время как я отправлялся, чтобы принять над этими отрядами команду, русская гвардия быстрым движением начала на них наступать. Мне, однако ж, удалось пробраться сквозь русские линии и попасть во время боя под Железную⁴⁶ в отряд Рынаржевского, но я уже не имел время сосредоточить все свои силы. Под Железной Рынаржевский был убит, и мы потеряли убитыми и ранеными почти всех офицеров и лучших людей. В остальных отрядах началась деморализация и я должен был их разослать подальше, чтобы они не были окончательно уничтожены; впрочем, я, наверно, не избежал бы этого, но и русские войска также отступили в Остроленку. Устроив немножко разбитые шайки, я отдал всех под команду Ольшанскому, а сам поехал в Пруссию, чтобы на месте убедиться в существовании оружия и припасов. Прибыв туда, я вскоре убедился, что нет почти ничего; тогда я решил сам поехать в Лютих к Мерославскому и Гуттри и достать ассигнованные мне отделом ружья. Мерославский был занят построжкой своих обозов и подвижных прикрытий. Он имел тогда в своих складах более 35 000 хоро-

⁴⁵ Torpila — разновидность мины.

⁶ Пшаснышского.

ших ружей, но ни за что не хотел их дать из арсенала, говоря, что это для его будущего корпуса, с которым он намерен удивить целый свет. После долгих прений и поездки в Париж, чтобы получить от тамошнего комитета помощь, Мерославский решился, наконец, выдать мне, кажется, 3000 ружей. Я уведомил об этом Чинского, который тогда же принял все меры к доставке их на прусскую границу. В это же самое время удалось Чинскому закупить до 5000 штук оружия от местных прусских купцов. Будучи уже уверен, что, наконец, буду иметь ружья, я поехал в обратный путь. По дороге встретился я с Глебом, который известил меня, что они не могли устоять перед новым наплывом русского войска из Литвы и что уже все отряды перешли в Пруссию. Я сообщил это известие в Варшаву и получил приказание остаться на всю зиму в Восточной Пруссии и приготовить к весне все нужное вооружение и припасы по крайней мере на 10 000 человек. Вместе с тем, Жонд [приказал] комиссарам познанскому, королевецкому и Западной Пруссии оказывать мне помощь; отдал тоже под мою команду отряды, находящиеся на квартирах в Западной Пруссии по границе от Бродницы до Торуня, которые были тогда под командой Кальера, Косинского, Навоне и Неметти.

У меня еще было более 1000 человек, расквартированных по границе от Инстербурга и Гумбинена до Бродницы. Эти люди могли бы составить кадры, которые были бы пополнены людьми из края. Начальником моего штаба был назначен Густав Северин, офицер из австрийского войска, умерший от чахотки в эмиграции. Главный мой штаб был в Бишофсбурге в Вармии. В продолжение всей зимы я делал приготовления к весенней кампании. Ружья были доставлены, патроны в значительном количестве приготовлены, седла, мундиры, сабли и револьверы были уже в магазинах, одним словом, все, как выйти в поход. Я ожидал даже присылки малых орудий Витворта, которые были готовы в Англии и должны были прийти морем в Гданск. От Жонды я получил известия из Варшавы, что Ружицкий, Крук и Босак готовы вновь начать кампанию и что Мацкевич еще держится на Жмуди и ожидает Яблоновского (Длуского), который будто бы также готов на жмудской границе. Я ничего не знал об Ружицком, Круке и Босаке, но знал отлично, что уже ни одного повстанца нет на Жмуди, ибо при мне был Ляковский, полковник артиллерии, который один из последних там держался и от которого я имел все известия. Что же касается до Длуского, то я сам, будучи на месте, знал, что он никогда не приезжал на границу, притом оставленные им при первом проезде агенты были под моей командой, и я сам намеревался послать для отвлечения сил маленький отряд в окрестности Тильзита. Я на всякий случай выслал в Ломжинский у. 300 человек из Бишофсбурга, чтобы окончательно узнать расположение там русских войск и обратить внимание на леса; я намерен был пройти между Райгродом и Ломжей, направляясь на Визну прямо в Гродненскую губ. Это было весною 1864 г., когда уже согнало снег. Им приказано было войти тремя отрядами и при первой встрече рассыпаться между крестьянами и подготавливать людей, чтобы по первому известию о моем движении все было готово. Между тем я стал верить через своих офицеров, которые были еще в Дрездене, Люттихе и Париже, действительное состояние восстания и вскоре убедился, что уже нигде нет восстания и что дело совсем кончено.

Тогда я решился окончить все новые попытки к восстанию и приказал всем, кто может, стараться возвратиться в край, а тем, которые слишком бы тогда рисковали, советовал удалиться в другие страны Европы, подальше от границы Царства Польского. Я оставил Северина для высылки людей. Чинский остался для ликвидации оружия и военных припасов, а я с несколькими офицерами уехал в Дрезден.

Там встретил я Крука, который показал мне приказание ехать на жмудскую границу. Я старался его уговорить оставить этот проект, но он говорил мне о каких-то ассигнованных на эту новую попытку миллионов и никак не хотел оставить своего проекта. Видя, что он, никого не зная на месте и при том не говоря ни слова по-немецки, прямо идет на свою личную гибель, я согласился проводить его, но с условием ни во что не мешаться. Доехали мы, кажется, до Инстербурга, там встретились с Чинским и Севериным. Крук показал им свои номинации и приказания. Они отказали ему тоже в содействии. Крук заупрямился и хотел сам что-нибудь начать, но после нескольких попыток, не видя обещанных миллионов и едва не попавшись в руки прусской тайной полиции, которая его наверно бы доставила до русской границы, он решился возвратиться в Дрезден. Я также возвратился с ним и, отдохнув 3 или 4 дня, поехал с Глебом-Кошанским в Париж, куда и прибыл с ним, имея на обоих нас капитала 5 франков.

С самого начала эмиграции пробыл я в страшной беде. Это, впрочем, было не слишком долго. Я встретил знакомых, которые были богаче меня, и они снабдили меня деньгами. Положение большей части эмигрантов было еще несравненно хуже, в особенности тех, которые не знали французского языка. Я почти все время проводил в хлопотах о приискании места или работы для своих товарищей и вместе с тем я был приглашен через комитет франко-польский католический и префектуру выдавать свидетельства и иметь надзор за раздаваемыми пособиями и чтобы деньги не попадали в руки спекулянтов и кутил, а доходили до тех, которые действительно требовали пособия. Вскоре после этого еще в конце 1864 г. предложен был мне проект от одной компании, покровительствуемой французским правительством, устроить из эмигрантов два саперные батальона, чтобы с ними отправиться в Дариен для исследования и надзора за постройкой морского канала, который там хотела эта компания делать⁴⁷. Я занялся этим делом и почти довел до конца, но окончание северо-американской войны и неудачи французов в Мексике заставили французское правительство отказаться от этого проекта. Я говорю об этом потому, что в проекте для нас была политическая цель, мы были бы собраны, вооружены и имели бы артелью значительные деньги. В это же самое время собрались находящиеся в Париже офицеры и составили особенное общество для устройства военной библиотеки, вечерних лекций о военном искусстве и собирания материала насчет русского, прусского и австрийского войска, и насколько можно следить за всеми усовершенствованиями и новостями в военном искусстве. Я оставался в Париже до конца 1865 г. Во время моего пребывания в Париже я имел случай познакомиться с большей частью польской эмиграции, в особенности потому, что без моего представления комитеты мало выдавали деньги. Вследствие этого я постоянно имел неприятности. Трудно угодить всем, раздавая пособие. Вследствие постоянных столкновений я узнал все

темные стороны эмиграции и все это так мне надоело, что я решил, наконец, прекратить с нею все сношения. Я уехал в Рошель с Гейденрейхом-Круком и до осени 1870 г. не имел никаких решительно сношений с эмигрантами. Я дал себе слово не отвечать ни на одно письмо, ни на циркуляры от всех обществ и комитетов, которых было довольно много. Это молчание, однако ж, не прекратило писем и циркуляров, которые я получал постоянно. Причиной этой настойчивости со стороны комитетов было то, что всякий из них хотел иметь в своем составе как можно более личностей, пользующихся между эмигрантами некоторой известностью и в особенности деньгами, которых я более зарабатывал, нежели многие другие. Во все время моего пребывания в окрестностях Рошели я занимался инженерным искусством, сначала в компании Шарант и после с подрядчиками.

После Седанской капитуляции, видя, что во Франции почти совсем нет офицеров, я предложил свои услуги французскому правительству. Главным поводом было то, что я в течение 6 лет ел французский хлеб, жил на их земле и пользовался их гостеприимством. Я считал нужным заплатить долг при первом удобном случае. Несчастное тогдашнее состояние Франции, казалось мне, требовало, чтобы в особенности все военные люди выходили в поле. Меня послали в Вандею, где предложили команду над Вандейской бригадой, состоящей из 9 батальонов пехоты, 4 батарей и эскадрона кавалерии. Это были самые недисциплинированные банды, которые, кроме мундира и вооружения, не имели ничего положенного на солдат. Притом нужно было их вести в Рошельский лагерь, а мне хотелось выйти прямо в поле. Я отказался от этой команды и просил только выбрать волонтеров из этой бригады. Мне позволили. Я выбрал маленький батальон из самых лучших стрелков, взял два горные единорога и пошел с ними на восток Франции, где присоединились к дивизии генерала Кремера. Я исполнял при этой дивизии постоянно аванпостную и арьергардную службу. После, когда генерала Кремера назначили начальником 24-го корпуса, я был при нем помощником начальника штаба, и мне было поручено укрепление линии Рона от Швейцарии до Лиона. С окончанием войны мне дозволено было возвратиться в гражданскую жизнь, так как я предложил свои услуги только на время войны и не хотел французской натурализации, к которой, по закону, имел право даже бесплатно. Я возвратился в Вандею, чтобы сдать батальон, и пробыл там до июля месяца.

Перед отъездом в Вандею я был в Бордо, где тогда еще было военное министерство. Я там встретился с Збышевским, с которым мы поехали на юг Франции смотреть канал Сен-Луи. По дороге остановились мы в гор. Марселе, где встретились с русским консулом кн. Трубецким, с которым и начали переговоры об основании журнала, который бы поддерживал всеобщие славянские интересы и подготавливал Польшу к окончательному слиянию с Россией в общеславянской идее. Мы обратились к русскому консулу собственно потому, что хотели вместе с тем поддерживать политику русского правительства. Мы рассчитывали на помощь некоторых эмигрантов, которые разделяли наши мнения и имели в виду капитал на основание журнала. Эта мысль до сих пор не состоялась. Главной помехой была Парижская Коммуна, которая много повредила торговым интересам и подорвала много капиталистов. Все капиталы на некоторое время спрятались.

Из Ванден я поехал в Париж. Там известна была моя поездка со Збышевским и наше свидание с кн. Трубецким. Все патриоты подняли на нас крики и анафемы, но, как-то увидя, что мы их не боялись, понемногу все притихли, остались только самые закоренелые при своих убеждениях. В августе снова подняли они головы и составили комитет, так названный Галицийский. Этот комитет занимается высылкой эмигрантов в Австрию и имеет надежды, что Австрия с Пруссией восстановят Польшу. В последние времена моего пребывания многие начали поговаривать об том, что Бисмарк, наверно, задумывает восстановить Польшу с королем саксонским, об этом писали даже многие французские журналы. Вследствие этого теперь собственно три партии в эмиграции: австрийская, прусская и русская. К последней принадлежат в особенности б. русские офицеры, и она заметно каждый день усиливается. Коммунисты и интернационал[ист]ы скрылись теперь в Англию. Эта партия очень ослабилась, особенно смертью Домбровского и окончательным приобретением Врублевского, который никогда не был очень быстр, но после ран, нанесенных ему в голову в 1863 г., окончательно одурел. Он, впрочем, имел особенную способность собирать вокруг себя всех недалёковидных людей.

Наконец, видя, что, может быть, самым лучшим средством поддержать свои убеждения — это явиться в Россию, я решился написать письмо к русскому посланнику в Париже, прося о паспорте для возврата на родину. Я вскоре получил этот паспорт по разрешению виленского ген.-губернатора. Устроив немножко свои дела по инженерной части, я явился в Вержболово. Как заключение я должен прибавить, что я отлично понимаю и вижу, насколько мое содействие и участие в восстании 1863 г. было преступно не только перед русским правительством, но и перед польским народом. Я явился с целью подать пример другим эмигрантам и показать юному польскому поколению, к чему ведут увлечения молодежи и как опасно для всего края, если люди, еще незрелые и имеющие фальшивый политический взгляд, имеют претензии предводить народом. Такие попытки стоят слишком много крови и слез, чтобы возобновляться. Перед несчастьем народа я нахожу, что пора отбросить фальшивое самолюбие, в особенности тем, которые были во главе, и признаться, что мы, начальники, были просто слишком молоды. Чтобы предводить другими, нужно более опытности.

Я должен прибавить, что какое бы [то] ни было решение комиссии какое бы [то] ни было высочайшее распоряжение е. и. в. я приму, как справедливое возмездие за мои преступления. Я прежде уже нашел страшнейшего для человека судью в совести своей. Я был одним из тех, которые были причиною, хотя действовали по увлечению, всем несчастьям, которые постигли наш народ.

Перед русским государем императором мы все виновны, в особенности тем, что, так сказать, заставили е. и. в. прибегнуть к мерам, которые были всегда противные его сердцу и понятиям.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 438, оп. 1, д. 1352 Д, лл. 7—28. Подлинник.

¹ Дата первого допроса Я. Козелла-Поклевского в Виленской следственной комиссии (то же дело, лл. 1—2). Черновик вопросов пунктов, ответом на которые является публикуемый документ, датирован январем 1872 г.

² В 1854—1858 гг. учился в Петербурге в школе гвардейских подпоручиков, а затем в Военно-инженерной академии.

³ «Конрад Валленрод» — поэма А. Мицкевича, герой которой, находясь в рядах захватчиков-крестоносцев, служил своему народу.

⁴ Автор в течение года учился в Главной военной школе в Париже.

⁵ «Usque ad finem» («До конца» — латин.) — эмигрантское польское издание, выходившее в Париже в 1859—1860 гг. под редакцией Л. Зенковича.

⁶ В период своей заграничной командировки З. Сераковский находился во Франции в сентябре — ноябре 1860 г. (см. В. А. Дьяков. Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского. — «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов», М., 1960, стр. 96).

⁷ После возвращения из-за границы Я. Козелл-Поклевский жил в Москве, где принимал участие в создании революционной организации (см. W. Koszyc. Wspomnienia z powstania województwa Mińskiego 1863 r. — «Polska w walce», t. II, Kraków, 1875).

⁸ Речь идет о встрече Наполеона III с княгиней Яниной Четвертинской; ее письмо, описывающее эту встречу, распространялось в Польше, Литве и Белоруссии как воззвание.

⁹ Имеется в виду манифестация 8 мая 1861 г., в виленском кафедральном костеле (см. док. 82, 83, 88).

¹⁰ См. показания О. Авейде о роли Л. Звездовского — «Русско-польские революционные связи», т. I. М., 1963, стр. 312.

¹¹ Звездовский выехал в Москву 22 октября 1862 г.

¹² О. Авейде сообщает, что «роль Звездовского приняли на себя Козелл Яков, б. инженерный офицер, и Провинциальный комитет, которого он был членом» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, л. 99).

¹³ По-видимому, от фамилии героя комедии А. Фредро «Пан Гельдхаб» сплетника Пюрко.

¹⁴ В ноябре 1862 г. З. Падлевский отправился в Петербург для переговоров с обществом «Земля и Воля» по вопросу о русско-польском союзе в будущем восстании. Свидетельство Я. Козелла-Поклевского об участии в этой поездке А. А. Потемби — единственное в исторической литературе и известных источниках. О. Авейде указывает: «...После возвращения своего в Варшаву Падлевский представил Центральному комитету, что в Вильне усилия Козелло так же точно, как и варшавские, незначительны и безрезультатны — ограничивающиеся сношениями с отдельными, разбросанными по краю личностями офицеров и что в Вильне нет до сих пор ни комитета военного, ни военного заговора» («Русско-польские революционные связи», т. I, стр. 314).

¹⁵ Документ неизвестен.

¹⁶ Факт приезда Я. Козелла в Петербург (по-видимому, в феврале 1863 г.) подтверждается и воспоминаниями А. Сераковской (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1135, оп. 3, д. 39, л. 9).

¹⁷ Л. Звездовский выехал из Москвы 22 марта 1863 г., получив отпуск на 28 дней для поездки в Петербург (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 471, лл. 528—529). 4 апреля возвратился в Москву, пробыл там два дня и 6 апреля уехал по Смоленской дороге, взяв с собой все вещи. Через несколько дней он уже был во главе повстанческого отряда в Горы-Горках Могилевской губ.

¹⁸ О распространении прапорщиком М. Цюндзевицким «Мужицкой правды» в Борисовском у. Минской губ. в феврале 1863 г. см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 8.

¹⁹ Об агитации ученика виленской гимназии З. Козелла-Поклевского среди учащихся см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 626, л. 58.

²⁰ Последняя неделя католического великого поста приходилась в 1863 г. на 29 марта — 4 апреля (17—23 марта ст. ст.).

²¹ По данным О. Авейде (см. «Показания и записки Оскара Авейде». М., 1961, стр. 119), Я. Козелл-Поклевский прибыл в Варшаву в апреле, а Галензовский в конце апреля (даты по н. ст.).

²² Офицерская школа в Меце. Дембинский-Качковский окончил ее в 1853 г.

²³ Козелл-Поклевский смешивает обстоятельства двух последовательных «переворотов в Жонде» — переворота в день «Zielonuch Swiatek» (троицы — 24 мая н. ст.), при котором были изгнаны из Жонда Гиллер и Рупрехт, и переворота в начале второй декады июня, причиной которого, по выражению Козелла-Поклевского, были «заставные листы и деньги», экспроприированные из казначейства. Последний переворот привел к формированию Жонда Маевского. Если верить Авейде, сообщавшего эти сведения с оговоркой, Козелл-Поклевский активно способствовал приходу к повстанческому руководству Маевского («Показания и записки», стр. 150).

²⁴ Людвик Окулярник — псевдоним Влодзимежа Лемпке.

²⁵ Революционный трибунал был учрежден декретом Жонда Народового от 2 июня 1863 г.

²⁶ Лемпке действительно отравился при аресте в Киеве в апреле 1864 г.

²⁷ «Лукреция Борджиа» — опера Доницетти. Вероятно, речь идет о так называемом «Марше Мерославского» — революционной песне, которую пели на мотив одной из арий Доницетти.

²⁸ Решение о начале восстания в январе 1863 г. было принято Центральным Национальным Комитетом не без нажима со стороны низов варшавской городской организации. Однако политическое влияние Лемпке, особенно как начальника так называемых кинжалчиков, относится к более позднему периоду.

²⁹ По данным Авейде («Показания и записки...», стр. 119, 612), Козелл-Поклевский был назначен комендантом Варшавы в июле (?), но уже несколько дней спустя должность коменданта была уничтожена. Это назначение было действительно связано со стремлением Жонда обуздать слишком, по его мнению, революционные тенденции в городской организации.

³⁰ Очевидно, Павел Ляндовский.

³¹ Вероятно, речь идет об убийстве заподозренного в шпионаже юнкера Чарнецкого.

³² Калье с небольшим конным отрядом собирался в конце июля демонстративными действиями тревожить гарнизон Варшавы. О серьезной атаке города в это время не могло быть и речи.

³³ Лемпке был интендантом городской организации уже с февраля 1863 г.

³⁴ Янек Бялый — псевдоним Яна Карловича.

³⁵ События описаны Поклевским неточно (в его рассказе явно извращена роль, сыгранная Лемпке) и тенденциозно. Они имели место, вероятно, в августе 1863 г.

³⁶ Инцидент, никакими другими источниками не отмеченный.

³⁷ В связи с Велепольским варшавские красные подозревали в это время К. Маевского. Но Велепольский выехал из Варшавы уже 16 июля 1863 г.

³⁸ Мефистофель — псевдоним Юзефа Вагнера (?).

³⁹ По сведениям Авейде («Показания и записки...», стр. 599), Козелл-Поклевский выехал из Варшавы в Августовскую губ. уже после отъезда Авейде в Вильно (8 или 9 августа 1863 г. по н. ст.).

⁴⁰ Игнаций Чинский — псевдоним Бронислава Радзишевского.

⁴¹ Отряд Гурского действовал на пограничье Августовской и Гродненской губерний в июле — сентябре (н. ст.) 1863 г. (см. St. Zieliński. *Biłży i rotuski* 1863—1864. Rapperswil, 1913, str. 265—267, 270, 334).

⁴² Вероятно, речь идет о стычках близ деревень Сани и Бжезнице 3 и 7 сентября (н. ст.) См. St. Zieliński. Указ. соч., стр. 270—271.

⁴³ Бой под Винцентой произошел 18 сентября (н. ст.). См. St. Zieliński. Указ. соч., стр. 271—272.

⁴⁴ Отряды «Вавра»-Рамотовского потерпели поражение под Стшельцовизной 3 сентября (н. ст.). См. St. Zieliński. Указ. соч., стр. 270.

⁴⁵ Речь идет об участии польских легионов в походе на Неаполь в 1798—1799 гг.

⁴⁶ Бой под Железней, в котором был смертельно ранен Рынажевский, произошел 6 ноября 1863 г. (н. ст.) См. St. Zieliński. Указ. соч., стр. 249—250.

⁴⁷ Речь идет об одном из первых проектов строительства канала через Панамский перешеек.

67

[70-е гг. (?)] — Из воспоминаний Е. Кучевского-Поряя о борьбе красного и белого направлений в Литве и Белоруссии и создании Литовского провинциального комитета¹

Rozdział 1

Było to na wiosnę w r. 1862. Przyjechałem do Wilna ze wsi mej Kor-sak w celu odwiedzenia matki i sióstr mieszkających naówczas po śmierci ojca mego w tymże mieście. Rodzeństwo moje składało się z brata i dwóch sióstr; brat mój po powrocie z Kaukazu, gdzie służył w wojsku, zamieszkał w jednej ze mną wsi, wyczekując chwili ukończenia działu majątności naszej, aby zająć się potem gospodarstwem rolnym. Od matki mojej powziąłem wiadomość iż p. Klety Korewa, oficer leśny, odwiedził

ją i wyraził życzenie poznania mnie osobiście w razie przybycia mego do Wilna, zostawując w tym celu adres mieszkania swojego i oświadczając zarazem, iż ważny i niecierpiący zwłoki interes wymaga, żebym nie zwlekał ani chwili widzenia się z nim. Kłótego Korewy nie znałem wcale; słyszałem tylko o nim, lecz żadnych stosunków ani prywatnych, ani urzędowych między nami nie było; bardzo więc zdziwiony byłem dowiadując się o tym gwałtownym interesie, nie mogłem wcale pojąć, jakiegoby był rodzaju i co takiego być może; rozciekawiony tym niezmiernie, udałem się tegoż samego dnia do wskazanego mnie mieszkania. Korewę zastałem w domu. Był to młody człowiek około lat 25, wzrostu średniego, fizjonomii dosyć sympatycznej; czarne oczy i wąs przy ściągłej twarzy dobrze mu odpowiadały. Wpatrując się jednak bliżej w tę twarz, wiele traciło się na pierwszym wrażeniu: czoło niskie i w tył ścięte, oczy okrągłe i zmrużone, wzrok krótki, wyraz malujący wiele dobrych stron moralnych nie dawał wybitnego piętna ani zastanowienia, ani sprytu, ani głębszego poglądu. Widocznie że uczucia serca i wszystkie szlachetne strony duszy gorącej władały Korewą, a zimny rozum i rozważa nie miały z nim nic wspólnego. Rozmowa nasza zesła od razu prawie na przedmiot dla mnie wcale niespodziany.

«Powód dla którego Pana chciałem poznać, jest chęć moja wezwania Pana do wspólnej pracy w tajemnym towarzystwie oficerskim, do którego i ja należę».

«Jakiż cel towarzystwa?» — pytałem go.

«Wywrócenie teraźniejszego rządu — do tego towarzystwa należą wszyscy oficerowie rosyjscy — i Pana prosimy jako dymisjonowanego oficera. Rozgałęzienie towarzystwa jest wielkie po całej Rosji, wszędzie mamy naszych członków i już ogromną siłę».

Takie były zaprosiny — żadnych nie było innych przygotowań przy wejściu do towarzystwa tajnego: ani przysięg, ani zaręczeń piśmiennych, kończyło się jedynie na wezwaniu, bez wskazania programu, bez wskazania możebności dopięcia celu zamierzonego, bez wiadomości pewnych i stałych o rozgałęzieniu towarzystwa, o jego środkach, zasobach — jedynym słowem żadnych danych nie było. Na słowie jednego członka, który także widocznie nic nie wiedział, trzeba było polegać. A w jaki sposób rozpocząć pracę? tego ani Korewa, ani ja nie wiedzieliśmy. Na zapytanie moje w tym względzie odłożył to do przyszłego widzenia się.

Wyszedłem od Korewy jak zdziwiony, tak ogromnie ciekawy tego wszystkiego, co się dzieje w takim tajnym towarzystwie. Nic dotychczas nie wiedziałem, co się koło mnie robiło; życie prywatne tak było zwyczajne, że nie przychodził mi na myśl żaden spisek. Stosunki moje były bardzo ograniczone, prócz paru domów z mego sąsiedztwa nikogo nie znałem, kolegów szkolnych także nie miałem, bom w Rydze do szkół chodził, potem kilka lat przebyłem w wojsku, stosunków więc w kraju żadnych nie miałem. Krewni moi byli jedyni, z którymi się komunikowałem; ale i tych krewnych ledwo na świeżo przed rokiem poznałem.

W parę dni potem byłem u jednego z nich, u Eustachego Czarnockiego, młodego człowieka, który przed rokiem skończył nauki w uniwersytecie i osiadł na wsi. Mówiliśmy o nowych reformach włościańskich. Eustachy mówił rozsądnie, wiele zasad zacnych i mądrych przemawiało przez jego usta. Praca dla kraju, gorącą miłością wyszukująca nowe siły moralne dla niego przez oświatę ludu, przez uwłaszczenie, przez zbliżenie się

wszystkich warstw w jednym ogólnym interesie wolności — oto były zasady, dla których zamierzał pracować w swoim skromnym zakątku.

Czarnocki kochał Polskę; chciał dla niej tylko pracować. Korewa wspólnie z Moskalami obmyślał środki do obalenia rządu. Jeden jawnie z zasadami występował — drugi ścisłą tajemnicą chciał się pokryć. W dalszej rozmowie z Czarnockim wtrąciłem o tajnych spiskach Pestla, Pietraszewskiego i innych, zesłaliśmy nieznacznie do ostatnich czasów. Na moje wielkie zdziwienie wspomniał mi wyraźnie o istnieniu towarzystwa w tymże samym rodzaju, traktując jednak tak lekko i nie przywiązując żadnej wagi do tego.

«A więc nie jest to tak ścisła tajemnica» — myślałem sobie — «i nie jest ani tak ogromnym, ani silnym to towarzystwo». Kłamstwo na wstępie tam, gdzie tylko jedna prawda być powinna! Było to dla mnie rozczarowaniem — zimną wodą na pierwszy płomień! Wróciłem na wieś. W kilka tygodni Korewa przyjechał do mnie, przywiózł odezwę pierwszą Komitetu Ruchu z Warszawy i inne proklamacje powstańcze, z których nie widać było wcale wspólnego działania z Moskalami, ani wiadomości o istnieniu towarzystwa jedynie z oficerów rosyjskich złożonego. Na zadziwienie moje odpowiedział, że towarzystwo to tajne, do którego mnie zaprosił, nie tylko wojskowych, ale i innych cywilnych powoływać i wciągać ma prawo. Podstawą więc dalszych konspiracyjnych robót była odezwa Komitetu Ruchu z Warszawy, która wzywała wszystkie prowincje polskie do ogólnego powstania, obiecując solennie obrachować to powstanie «na dobry skutek»².

Demonstracje kościelne i śpiewy «Boże coś Polskę» obudzały ducha w Wilnie i po wsiach; włościanie jednak nie łączyli się do tych demonstracji, rozumiejąc, że one powstały wskutek niechęci obywateli ziemskich za zniesienie poddaństwa i pańszczyzny. Rząd moskiewski starał się podtrzymać to pojmowanie włościan, zachęcał ich, dawał nawet im rozporządzenia do aresztowania tych, którzy w kościołach śpiewać będą pieśni zakazane. Przy tym broń palną i sieczną polecono oddać do policji, zabroniono zjazdów i zebrań po domach prywatnych.

Kiedym Korewę zapytywał, skąd broń weźmiemy do walki, skąd ludzi, gdyż widocznym już było, że włościanie niechętnie patrzyli na oznaki nieprzychylnie rządowi, a szlachta nie wierzyła w powstanie, uważała je za zgubne i stawiała za zasadę postępowania swego jawne wypowiedzianie potrzeb kraju i dopominanie się u rządu moskiewskiego ustępstw koniecznych — Korewa zapewniał mnie, że broń będziemy mieli w ilości dostatecznej: Moskale ją dadzą sami; ludzi nie trzeba wiele, bo wojsko bić się nie będzie.

Przed wyjazdem zostawił mi swój rewolwer Beckera mówiąc, że dostarczyć mnie może tyle, ile będę potrzebował dla członków wciągniętych do spisku.

Trzeba więc było zacząć jakąś robotę: poznać się bliżej z dalszymi sąsiadami, wejść w stosunki poufne, poznać ich sposób myślenia w celu zrobienia im propozycji przystąpienia do robót naszych.

W sąsiedztwie moim mieszkał p. Antoni Zaleski, obywatel zamożny, znany w kraju jako zdolny malarz. Był to wdowiec wieku przeszło lat 40, człowiek bardzo elegancki, pełen dowcipu i wiadomości. Za młodu podróżował po Europie, mieszkał lat kilka w Rzymie, gdzie się sztuce swojej ulubionej oddawał z całym zamięłowaniem, a po powrocie do kraju wydał

ilustracje do pamiątek Paska³. Gdy żonę swą stracił, został mu syn Michał i mała córeczka; towarzystwo męskie zaczęło go częściej odwiedzać i w domu jego spotkać można było wielu młodych ludzi z rozmaitych stron Litwy. Jerzy Laskarys, poeta, mieszkał stale w jego majątku Kościuszyzkach; malarz Andriolli, Dmochowski, śpiewak Bonoldi byli częstymi jego gośćmi.

Pierwsza więc wycieczka moja była do domu jego. Stosunki nasze łatwo się zawiązały, bo stosunki te sąsiednie były tradycyjne od naszych dziadów. Zastanę tam towarzystwo zajęte projektem wycieczki konnej do wód mineralnych Birsztanów, odległych o 10 mil drogi, a położonych nad brzegiem Niemna. Chętnie przystałem do tego i w parę tygodni potem kilkunastu jeźdźców z p. Antonim Zaleskim na czele wyruszyło w tę wesołą podróż. Towarzystwo składało się oprócz p. Antoniego i syna jego Michasia, chłopca 18-letniego, z Jerzego Laskarysa, Andriollego, Jana Kupścia, guwernera Gregotowicza, dwóch młodych Matusiewiczów, Władysława Dmochowskiego, mego brata Edmunda i mnie. Kilku służących konno z rzeczami zamykało orszak.

Ruszyliśmy tedy ku Birsztanom, zatrzymując się tu i ówdzie u znajomych po drodze; włościanie z ciekawością przyglądali się niezwyklej kawalkadzie, wieści o powstaniu już chodziły⁴. Kiedyśmy wjeżdżali do Birsztan, oficer kozaków uciekł z miasteczka; nazajutrz z rana zjawiła się policja dla obejrzenia nas: po przekonaniu się, żeśmy dla zabawy przyjechali, zostawiono nas w spokoju. W Birsztanach był stary pułkownik Matusiewicz, emigrant z 31 roku. Miał on swoje wzięcie w naszych stronach jako żołnierz polski; przedefilowaliśmy przed nim, a on z radością nas powitał.

Nie będę opisywał naszych noclegów prawdziwie żołnierskich, ani zabaw w sali resursowej, bez tańców, przy odgłosie muzyki dziarskiego mazura; nie tańczono, bo żałoba ogólna już była włożona.

Na drugi czy też trzeci dzień naszego pobytu w Birsztanach przyjechał Korewa; był on wówczas oficerem leśnym w trockim powiecie i niedaleko od Birsztan w Dusiatkach mieszkał. Byliśmy w sali resursowej o godzinie 10-ej w wieczór; przybył Korewa i prosił, ażebyśmy razem z nim szedł do jego mieszkania. Tam zastałem młodego warszawiaka*, który z Wilna przyjechał dając wiedzieć, że strzał był do w. ks. Konstantego i że rewolwery Beckera oficerom sprzedane w Warszawie, były poszukiwane; trzeba było je przedstawić do rządu⁶. Jeden z tych rewolwerów był zostawiony u mnie przez Korewę, a należał do oficera jeneralnego sztabu Ludwika Zwierzdowskiego, mieszkającego w Wilnie. Trzeba było, nie tracąc chwili, rewolwer ten do Wilna odesłać; natychmiast więc musieliśmy z Korewą jechać do mej wsi. Noc była ciemna, ledwo końską głowę można było widzieć. Pożegnałem moich towarzyszy i pojechaliśmy obaj konno napowrót.

W czasie naszych żołnierskich noclegów miałem sposobność mówienia o sprawach krajowych z Antonim Zaleskim. Pokazałem mu odezwę Komitetu Ruchu; po przeczytaniu wykrzyknął, ku wielkiemu memu zdziwieniu: «Jak to rozumnie!». — Co do mnie, ja nie podzielałem tego zdania; wierzyłem w poświęcenie, w gotowość do walki prowadzących tę sprawę, ale wewnętrznie mówiło mi coś, że wytrwanie w założonych zasadach, nieodstępnie od tego, jest chwiejnym i myśląc o powstaniu «na dobry skutek obrachowanym», w programacie wypowiedzianym, nie chciało mi się

* Był to Nestor Du Laurans⁵.

niedowierzać, a jednak wątpliwość ta w początkach ogarnęła mną. Nie śmiałem potem głośno zarzutu tego nawet przed samym sobą robić, bo rozumiałem, a nawet wierzyłem, że ludzie takiego poświęcenia, że te postacie święte i wielkie narodowe idą tylko drogą prawdy i wiary!

Wkrótce nastąpiło rozczarowanie. Ujrzałem tyle fałszu, kłamstwa, rozkiełzanych namiętności — że szkaradny był obraz; nie było tych postaci wielkich i programat był wkrótce zapomniany!

Nazajutrz zaledwo w wieczór stanęliśmy w domu. Korewa przed odjazdem zalecił mi, abym do Wilna przyjechał, gdzie się ze mną miał widzieć.

Udałem się więc za nim do miasta. Było jakieś zebranie spiskowych⁷ pod przewodnictwem Ludwika Zwierzdowskiego. Chciałem być na nim, żeby też rozumieć cośkolwiek z tej sprawy, bo do dziś dnia kazano mi tylko ślepo wierzyć. Prosiłem Korewę aby mnie zaprowadził; lecz kiedy się on o to spytał, wręcz zabroniono ze mną przychodzić i zarzucano nawet, że ze mną nigdy do ładu nie dojdzie, że tylko fałsze rozsiewam, gdzie chodzi o istotę rzeczy i o czystą prawdę!

Nie wiem, kto był na zebraniu, ale przekonany jestem, że nikogo z tych panów osobiście nie znałem. Poruszyło mnie mocno takie odezwanie się i pomyślałem sobie, jacy to mogą być ludzie, co wszystkim kierują? Widocznie dostrzegłem już kilka fałszów wymyślonych jedynie na obalamowanie łatwowiernych; taką fizjonomię przyjmowała w oczach moich ta kłamana sprawa i już nie miała dla mnie pierwotnego uroku ani wiary. Powiedziałem więc Korewie, że niech mnie uważa za straconego w towarzystwie, wróciłem do domu z mocnym postanowieniem odpalenia każdego, kto by z podobnymi propozycjami do mnie przyjeżdżał.

I tak cicho, z dala od spraw konspiracyjnych upłynęło kilka tygodni. Obywatele ziemscy robili zjazdy, traktując o towarzystwach — kredytowym, rolniczym i handlowym, instytucjach wedle nich koniecznych dla kraju.

Ruch był ciągle w zbliżaniu i poznawaniu się wzajemnym. Szkółki dla dzieci włościańskich zakładano prawie w każdej wsi, starano się dać oświatę, wpoić miłość do kraju i pojęcie o obowiązkach dla niego. Powstanie i walka z Moskalami była w zakresie tej propagandy ludowej — ale wspólnie z ludem i całymi siłami. Trzeba było długiego czasu do tego, trzeba było zapomnieć wzajemne dawne urazy poddanych do panów, trzeba było uwłaszczyć i uobywatelić nowy żywioł wchodzący w węzeł sił narodowych. Lud jednak z niedowierzaniem na to patrzył, słuchał, lecz nic robić nie chciał, dzieci do szkółek nie posyłał pomimo widocznych korzyści, które sam pojmował. Demonstracje kościelne były straszdyłem dla niego; policja moskiewska bałamuciła i dzikie pogłoski chodziły po wsiach.

W tej porze zjawilo się pisemko tajne rewolucyjne przez pożogę i krew zmierzające do poduszczenia włościan przeciwko Moskalom, urzędnikom i dawnym panom. Włościanie powoływani byli do wymierzenia sami sobie sprawiedliwości za pomocą rzezi. Pisemko to, redagowane w języku białoruskim pod tytułem «Mużycka Prawdą przez Janka iz pod Wilni» w tysiącnych egzemplarzach rozrzućane było. I w tym piśmie nie widać było zdrowego rozumowania, jakiejś prawdziwej urazy za krzywdy, gębokiego zażalenia, potrzeby restytucji — lecz krwawą zemstę i zbrodnie w imię tej zemsty uświęćane i wygłaszane.

Lud litewski^a, pomimo że ciężki krzyż znosił, lecz wiara czysta religijna, praca rolnicza, która z Bogiem i cnotą wychodzi w pole, zachowała w tym ludzie prostym proste, lecz wielkie skarby moralne i do niego łatwiej przemówić zdołałoby w głębokim jego żalu i pocziwości poczuć przebaczenie Chrystusowe, z podaniem bratniej ręki i zapomnienia, niż krwawa zemsta francuskiej gilotyny. I niejedna ta tak wybitna strona moralna ludu litewskiego zrobiła to, że «Mużycka Prauda» nie wytworzyła nigdzie ani wpływu, ani tego uczucia, które starano się wywołać⁸; ogólna niewiara do panów i co pańskie była jednym z głównych powodów, że włościanie prędko zrozumieli, że krzywdy te nie ręką włościanina «Janka iz pod Wilni», lecz ręką jakiegoś ukrytego pana kreślone były, że to nie było wolą ludu, do czego ów Janko popychał, bo lud nie chciał na teraz więcej, mając wolność i ziemię sobie daną, co po ciężkim krzyżu było to już wielkim i nieocenionym dla niego szczęściem. A jeżeli i oczekiwał nadania sobie gruntów, to innymi drogami — tymi w które wierzył — z rąk cara.

«Mużycka Prauda» w żadnym razie celu swego dopiąć nie mogła i lud ją sercem i położeniem swoim ocenił. To pisemko daleko większe zrobiło wrażenie w przeciwnym kierunku, to jest na samych panach.

Kłęska jednak dla tych, którzy jasno drogę w przyszłość wytknęli w pracach dla kraju przez wzbogacenie go obywatelami kochającymi swą ojczyznę i wywołanymi z nowego żywiołu wezwanego do życia, kłęska dla nich leżała w samym zarodzie ich trudów. Propaganda ta przez gorące i szlachetne serca podjęta wytworzyła się z swych członków w piramidę zbudowaną nie z jednego i tego samego materiału. Różne sprężyny kierowały ich czynnościami, nie wszędzie miłość kraju przeważała, lecz i byt materialny był nieraz tylko motorem, a dalej u góry i polityka kraju nie była na podstawie czci i dumy narodowej oparta.

To koło z rozmaitych odcieni złożone ubezwładniało i paraliżowało samo siebie i musiało runąć, nie wydając ani plodów, ani nie zachowując śladu po sobie. Były tam jednak myśli prawdziwe, bogate w przyszłość i stanowiące najżywotniejsze potrzeby kraju.

Program* postawiony przez szlachtę odbijał w sobie tę różnorodność składu towarzystwa; nie stanowił całości, lecz tylko stawiał oderwane zasady nie łączne między sobą, a pochodzące także z rozmaitych źródeł. Zwano członków tego stronnictwa legalistami albo białymi⁹, dla odróżnienia od czerwonych, czyli należących do organizacji ruchu. Legalność czyli wojna z Moskalami na drodze prawniczej albo łask od nichże odbieranych, była główną zasadą tego stronnictwa. Z tego określenia widać całą nielogiczność przedsięwzięcia. Domagali się jednak ustępstw od rządu, wypowiadając swoje przed nim potrzeby, chociaż żadnych ustępstw nie otrzymywali: prośbę podaną o zwrot Uniwersytetu Wileńskiego car odesłał nierozpieczętowaną. Tow[arzystwo] Kredytowe po długich debatach i zjazdach, nie było przez rząd potwierdzone; Tow[arzystwo] Rolnicze nie miało prawa rozgałęzienia się dalej nad jedną gubernią, a wskutek czego z braku funduszy na założenie folwarków wzorowych i na wydatki Towarzystwa, także upadło. Wychodząc z tej legalności domagania się u rządu, postawione było w programie jako zasada do wygłaszania otwartego i głośnego przed rządem moskiewskim opinii, mających na celu

* Nie mogę go zacytować dosłownie, bo nie mam i szczegółów nie pamiętam.

^a Autor ma na myśli również i Białorusinów.

obronę praw krajowych, jako praw przynależnych prowincji polskiej i nie zapierania się imienia Polaka!

Te dwa punkta programu: podawanie uniżonych legalnych prośb do tronu i wygłaszanie opinii nieuniżonych przed rządem Polaków nie mogłyby wejść do programu stronnictwa, któreby miało swój pewny i samodzielny charakter; widoczne więc były w tym stronnictwie odcienie i frakcje. Nieodżałowaną jest rzeczą iż ludzie pojmujący dobrze potrzeby krajowe dali się wciągnąć w ten mętny wir i chaos!

Lecz byliśmy parci prądem niepowstrzymanym, za prędkie było rozwiązanie, nie było czasu obejrzeć się tym ludziom na nowej widowni po trzydziestoletnim letargu i zaniedbaniu, nie można było ani obrachować się z zasobami, ani ich stosownie użyć; a po zatraceniu ich nie było już przedziału od przepaści, w którą kraj chwilowo pogrążył się. Mówię chwilowo, bo z wiarą i nadzieją spoglądałam na przyszły los całej i nierozdzielnej Polski.

Mówię tu o Litwie — wielkiej skarbnicy polskiej; znamienity jest to kraj, za ciężki jego los. Za wielką rolę gra w przeznaczeniach państwa polskiego, ażeby nie miał interesu tego kraju stawić na pierwszym rzędzie jako części Polski w największym niebezpieczeństwie zostającej. Czy Polska rozumiała zależność swoją od niego, czy umiała uszanować ciężkie kajdany, wiekową i ciągłą walkę toczoną, czy czuła się w obowiązkach pewnych względów do niego, czy rozumiała, iż tracąc go staje się z wielkiego narodu małym trzeciorzędnym państwkiem, nie odpowiadającym ani historycznej przeszłości, ani potrzebom moralnym ducha narodowego, ani nakreślonemu sobie wielkiemu w dziedzinie ludów posłannictwu?

Będziemy widzieć dalej, czy Polska dopełniła swych obowiązków względem Litwy i czy Litwa godnie odpowiedziała na żądane i potrzebne od niej poświęcenie.

Rozdział 2

Po kilkutygodniowym pobycie na wsi, w interesie własnym pojechałem do Wilna. Przypadkiem na obiedzie w hotelu spotkałem się z owym warszawiakiem, którego poznałem w Birsztanach; był to p. Nestor Du Laurans, pełnomocny komisarz Komitetu Ruchu na Litwę.

Z całą otwartością wszedł ze mną w rozmowę, wykazał wymagania Komitetu, cel i pracę, dał mi jaśniejszą wskazówkę w zamierzonych czynnościach na przyszłość i znowu zapewnienie, iż Komitet nie wyjdzie ze swego programu, dopóki kraj cały dostatecznie silny nie będzie opierając się na współdziale całego ludu.

Na ludzie więc się opierał; to było zgodne zupełnie z moimi pojęciami, bo gdzież siła, jeżeli nie w tych milionach? Praca na tym polu była moją jedyną myślą, jedyną dążnością. Wszystkie inne czynności niezaprzeczenie dobre były; wszelkie towarzystwa tworzone przez legalistów, zamierzone dla kraju, lecz one nie oddziaływały bezpośrednio na lud, nie powoływały go ani do myśli, ani do wyobrażeń zgodnych z potrzebami ujarzmionej Polski, pomijały i przesuwały się po wierzchu, nie rozniecając tego żywiołu, który pozostawał martwym i nieożywionym żadnym tchnieniem ducha narodowego.

Według mojej naówczas opinii, oparcie się w pracy na współdziale całego ludu było najtrafniejszym odgadnięciem tej pracy. Znaleźnienie współpracowników było dla mnie prawdziwym dobrodziejstwem.

Na to zapewnienie komisarza pełnomocnego, na jego wskazówki przystałem i takowym zaufałem.

Do przystąpienia jednak były nowe formy — trzeba było przysięgi z jasnym wypowiedzeniem posłuszeństwa bezwzględnego Komitetowi Ruchu. Przysiągłem więc według formy danej mi do przeczytania. Nestor przyjmował tę przysięgę, mając jeszcze jednego świadka: był nim Edmund Weryha.

Po odbytych obrządku w domu Platerowej naprzeciw dworca Nazimowa, gdzie Du Laurans mieszkał, inowiliśmy o bieżących rzeczach. Wówczas dowiedziałem się, że Ludwik Zwierzdowski prosił o zwolnienie z przysięgi, nastraszonego Nazimowem za jakieś pogłoski, przeniósł się do Moskwy i usunął się zupełnie od spraw¹⁰. Całe więc owe pierwotne towarzystwo rozpadło się. Zwróciłem uwagę Du Laurans'a na redakcję «Muzyckiej Prawdy», z którą rozumiałem, że jest w stosunkach; zwróciłem jego uwagę na tak nieogłędnie wygłaszane i do niczego nie prowadzące zasady; radziłem, aby drogą wykazania istotnych krzywd i ich źródła prowadzono dalej propagandę. Du Laurans zdawał się podzielać moje opinie, lecz jak potem się dowiedziałem, wówczas jeszcze nie miał żadnego stosunku z tym pismem.

Na zapytanie moje, na jak długo rozkładamy nasze prace, odpowiedział mi, że do przygotowania wszystkiego kilku lat trzeba. Układałem więc plan rozdzielenia i zorganizowania tych prac, zaprojektowałem aby wezwać do tego ludzi, których mu wskażę, a na których polegać można; na wszystko się zgadzał i poruczył mi wykonanie tego, polecając abym naznaczony czas stawiał się w Wilnie.

Znowu się więc do pracy wziąłem — lecz z mocnym postanowieniem nieustąpienia ani kroku z drogi wytkniętej i zapewnionej programem Komitetu Ruchu, na czele którego zawsze stało «powstanie na dobry skutek obrachowane».

Dziś, po tylu klęskach i krwawych ofiarach, na wygnaniu, na krańcu Europy, w ubogiej izdebce, ugięty pod ciężarem nieszczęść i boleści, kiedy przypomnę te chwile pracy idealnej szczytnością, promień owych czasów zdaje się przyświecać i rozjaśniać stroskane czoło. Piękne to były chwile nadziei, życie silnym tętnem obudzać się poczynano w zbolalym kraju; jakie ciepło w skrzepłym cieple zimne serca ogrzewało nawet, cały świat w nowej postaci szatę błogości przywdziewać poczynął. Czy ludzie w owym świetle uludzeń żyjący mogli patrzeć oczami prawdy? Czy mogli pozostać na drodze smutnej rzeczywistości, nie uniesieni tym prądem w świat marzeń i złudzenia? Nie wiem, czy tacy ludzie byli, nieugięci i nieomamieni, lecz trudna to walka. Ci, którzy takimi zdawali się pozostać, byli to ludzie fałszu lub dla których Ojczyzna wolna i szczęśliwa nigdy nie miała uroku!

...Towarzystwa czy stronnictwa wybitniejsze coraz piętna przyjmować zaczynały, występowały do walki między sobą. Jednym chodziło tylko o środki, nie o zasadę; legaliści parci organizacją ruchu czyli młodzieżą, jak oni nazywali, w niezgodzie co do zasad między sobą, nie mogli nic stanowczego ani silnego postawić. Frakcje, jakie się uwydatniały w składzie, tak różnorodne co do zasad, musiały się rozerwać i usamoistnić. Marszałek Domejko, najuniżeńszy z legalistów przed rządem moskiewskim, był zanadto rażącą figurą na ową epokę; szlachta sama go usunęła podpisami zbiorowymi od marszałkostwa i od stosunków z sobą*.

* Podpisy zbiorowe były zbierane po wsiach na zwyczajnych arkuszach; arkusze te oddziaływały się od jednego obywatela do drugiego albo też do plebanii, dokąd szlachtę przyjeżdżało.

Faktem tym legaliści wchodzili na drogę już nie odpowiadającą zasadzie założonego programu, lecz nie chcieli przyjąć stanowczo innego charakteru, zawsze trzymając się drogi legalnej opozycji wobec rządu, gdzie prawo znaczenia nie ma; nie mogli zrobić najmniejszego kroku ani w ustroju pewnym wewnętrznym, ani we wpływach zewnętrznych. Zachowując się jednak w stanie anormalnym i zakłopotania, nie dostrzegali albo lekceważyli czynności Organizacji Ruchu, która postępowała prosto do bliskiego celu, doniosłości którego legaliści ani zmierzyć, ani ocenić nie potrafili. To nieszczęśliwe zaślepienie było jedną z największych klęsk dla kraju.

Usunięcie Domejki od marszałkostwa także nie doszło do skutku; rząd moskiewski zatrzymał go. Część szlachty nie chciała go nadal uznawać i dla potrzeb i interesów naznaczyła sobie innego urzędnika; był nim Aleksander Oskierka — pośrednik gubernialny ¹¹.

We frakcji gorętszej legalistów ¹², w ludziach, którzy mylny charakter na siebie włożyli, gdyż legalistami nie mogli się nazywać, konspirowano po prostu głośno i przy otwartych drzwiach; ludzono siebie, iż takim sposobem do celu się dojdzie, stojąc i nie ruszając się prawie z miejsca. Komitet dyrygujący czynnościami tej frakcji był wybrany; powołali do tego pośredników nowo nominowanych do spraw włościańskich, zarząd miejski, księży; przeprowadzili pewną organizację między sobą i na pozór zdawało się, że coś tworzą i robią; w istocie zaś postawa zupełnie jawna, którą chcieli przybrać wobec najezdniczego rządu, do czego w zupełności nigdy nie mogli dojść nie narażając na prześladowanie siebie, nie mogła mieć ani tej doniosłości, ani sprężystości, jak sprzysiężenie tajemne, które ostatecznie ją prześcignęło, nie mając ani żywiołów istotnych powstańczych, ani materiałów potrzebnych, ani siły, ani funduszy.

Ci ludzie, posiadając wszelkie środki materialne i moralne, powagę i szacunek ogólny, zmarnowali wszystkie te zasoby nieznaną im siłą składu społeczeństwa, brakiem stanowczości i właściwego charakteru, wreszcie i występnym lekceważeniem.

Po powrocie moim do domu skomunikowałem się z Antonim Zaleskim, proponując mu wejście do Organizacji Ruchu, wykazując mu wiarę w skuteczność naszej pracy, przyjmując zawsze jako gwarancję trzymanie się stanowczo programu pierwszego, warującego wyczerpanie wszystkich zasobów, nim do walki przyjdzie. Antoni Zaleski przystąpił; wróciliśmy do Wilna, gdzie po zawezwaniu członków z innych województw zrobiliśmy sesję, na której przepisać mieliśmy porządek pracy a zarazem stosunek nasz do Komitetu Ruchu w Warszawie ¹³.

Na sesji tej byli z Wilna: Edmund Weryha i Zygmunt Czechowicz.

Z województwa wileńskiego: Antoni Zaleski i ja.

Z województwa grodzieńskiego: Konstanty Kalinowski.

Z województwa mińskiego: M. Czekatowski i Zabłocki ¹⁴.

Z województwa kowieńskiego: (z tego ostatniego województwa przybył potem Swolkień).

Od Komitetu Ruchu: Nestor Du Laurans *. Widzieliśmy od razu, że nasze zasoby tak są małe, że z tak różnymi żywiołami do walczenia mamy, — iż zdawałoby się niepodobieństwem przedsięwziąć jakkolwiek

dążającą do kościoła zapraszano. Podpisy jednak nie były kompletne; wiel się usunęło i ci stanowili partię Domejki.

* Posiedzenia trwały przez dni kilka w domu Daukszy na Dominikańskiej ulicy.

Эдмунд Вериго

pracę. Pojmowanie też potrzeb krajowych było tak rozmaite, że nie mogliśmy się zrozumieć wzajemnie; Kalinowski zaprzeczał wszystkiemu, nie dał nikomu mówić, prosiliśmy go więc, żeby nam pozwolił z początku porozumieć się między sobą, a potem już z nim razem. Zgodził się i wyszedł z posiedzenia. Ale i tu jasnego postawienia rzeczy nie było; jedni rozumieli, iż od razu bez przygotowania powstanie robić mamy, inni znowu, iż pierwszym dziełem obliczyć zasoby i nagromadzić siły. Na pozór zdawałoby się nielogicznym mówić o nagromadzeniu sił, bo jakżeż powstanie wywoływać bez ludzi? Lecz w istocie z różnych wychodziliśmy zapatrywań, jaki ma przybrać rozmiar nagromadzenie zasobów. Jedni po prostu chcieli powstania szlachecko-mieszczańskiego; Kalinowski był tylko z ludem jako chłopoman. Ja zaś rozumiałem, aby się ściśle trzymać programu Komitetu i cały naród powołać. Ja z Kalinowskim zbliżaliśmy się w zasadzie, lecz różniliśmy się w środkach; ja chciałem przez propagandę w duchu narodowym wywołać i użyć siły,— on przyjmował każdy motor socjalny do wywołania zawichrzenia, nie troszcząc się na dziś, jakie skutki z tego będą.

Wszystkie jednak opinie nie były jasno stawione; nikt nie mógł zmierzyć i wyrozumieć tak wielkiego zadania, dziś tylko z dala można przejrzeć przez ten odruch i dostrzec, iż każdy z nas prędzej instynktem się kierował albo opierał zapatrywania swoje więcej na wrażeniach z życia własnego, niż na całości kwestii narodowej. I choć początkowo tego

rozdwoju dostrzec nie można było, jednak w zarodzie swoim każdy z nas nie stanowił już tyle potrzebnej zgody i jedności, nie wychodził z jednej podstawy do pracy, chociaż cel był jeden i ten sam.

Konstanty Kalinowski *, mając za sobą przeszłość stosunków z ludem, szukał w głuchym jęku niewoli owej siły do podniesienia ludu na postawę walczącego rycerza w imię pogwałconych praw człowieka. Widział tę tętno ogólne we włościaninie, jak Polska jest szeroka. Na to działać więc zamierzał i tu punkt wyjścia do działań wskazywał; widać jednak, że ten jęk niedostateczną siłą był do faktu tak wielkiego. Jego «Muzycka Prawda», zmodyfikowana cokolwiek, nie wywołała nic, jak to już mówiłem.

Edmund Weryha **, mieszczanin, rozumiał iż ta warstwa ludu połączona ze szlachtą dostateczną jest siłą, a Antoni Zaleski, szlachcic, wierzył w gorący i potężny udział szlachty. Zygmunt Czechowicz *** znowu, nie wierzył w jakiejkolwiek bądź kierownictwo, albo w prace na programie oparte; zostawiał to ślepemu wypadkowi. «My jesteśmy na małej łódce wśród wielkiej burzy» — mówił on — «rozmaite żywioły nie dadzą się pogodzić».

Ja znowu stanowczo trzymałem się zapowiedzianej przez program pracy, żądałem wykonania jego, nie uważałem za słuszne zrywać z tym, gdyśmy jeszcze ani kroku nie dali; jeżeli ideą programu jest wywalczenie niepodległości wspólnymi siłami, to trzeba aby lud cały podzielił tę ideę i uwierzył we własne siły ****. Przeprowadzenie Organizacji wedle programu dawało mu rękojmię rzeczywistości. Trzeba było wejść na drogę propagandy rozmaitymi możliwymi środkami, wsiąknąć z tą ideą aż w najgłębsze warstwy społeczne i nie rozpoczynać powstania, nim propaganda z zupełnością dokonana nie będzie.

I dlatego wszystkie punkta programu czy pierwszej odezwy Komitetu Ruchu podtrzymywałem ciągle i wówczas, kiedy Du Laurans zrobił wniosek zupełnej i bezwzględnej zależności od Komitetu Ruchu, przystąpiłem zaraz, co się utrzymało absolutną większością ¹⁵. Edmund Weryha, Czekatowski oponowali silnie przeciwko temu. Na tym posiedzeniu na wniosek Du Laurans'a przyjętą była pieczęć Organizacji Litewskiej z nadpisem: «Odwaga. Rozwaga» ¹⁶.

Na drugi dzień posiedzenie było w celu wybrania Komitetu Prowincjonalnego Litewskiego; weszli w skład jego: Zygmunt Czechowicz, Edmund Weryha, Konstanty Kalinowski, Jan Koziołło (z komitetu dawnego Zwierzdowskiego) i naczelnik miasta Wilna, którego jeszcze nie było. My z Antonim Zaleskim powróciliśmy na wieś, lecz wkrótce nominację otrzymaliśmy: ja na pomocnika wojewódzkiego, którego nie było wcale, a Antoni Zaleski na naczelnika okręgu pow[iatu] trockiego.

Lecz o ile wzrastała organizacja tajemna ruchu, o tyle silniejszym stawało się rozdwojenie między tą organizacją a legalistami. Wzajemne paszkwilowanie się było ciągle, nieraz rozumna jaka myśl, byleby z

* Powieszony w Wilnie. Wzrostu średniego, głowy zupełnie okrągłej i ust niezwykle szerokich. Trudność wielka w wysłowieniu się.

** Jedni twierdzą, że umarł w więzieniu, inni że do ciężkich robót skazany. Wysoki, brunet, blady, chodził na Uniwersytet w Petersburgu; fizjonomia człowieka zamysłonego, na niskim czole zmarszczka nad nosem silnie wcięta, włosy w czub zaczesane, mówił po mału, trochę w nos, dodając powagi sobie; lat około 26.

*** Umarł pędzony do katorg. Lat 30, fizjonomii bardzo łagodnej, lecz nie bystrej.

**** Litwin mówi, że u Moskale kulak twardszy jak u niego.

przeciwne obozu, była z pogardą traktowana nieprzyjaznym stronnictwem. Zawziętość, że tak powiem, przyszła do tego stopnia, iż za zaletę uważano, aby wbrew różne zasady przyjmować.

Do składu Kom[itetu] Ruchu Litew[skiego] wszedł oprócz wyżej wymienionych członków p. Bonoldi, jako naczelnik miasta Wilna.

Weryha, który się opierał na żywiole mieszczańskim, musiał iść z nim prosto na drogę bliskiego powstania, bo ten żywioł ani przygotowywać się, ani wyczekiwać nie potrzebował. Czechowicz szedł z przeznaczeniem. Koziello («Skala» potem) dymisjonowany inżynier rosyjski, bawił się w szalonego rewolucjonistę; dla niego broni nie trzeba było, bo «w rękę rewolucjonisty i garnek straszną bronią». Głośno rozprawiał o bataliach (zapewne garnkowych) i o strategicznych punktach. W końcu przyszedł Bonoldi, z Włoch przybyły do kraju, bez znajomości potrzeb jego; stronnictwo i mylnie mógł tylko rządzić.

Ze składu widzimy, iż Weryho miał wolne pole do dominowania ze swoimi zasadami; zgodne one były z duchem Komitetu Ruchu w Warszawie, który widocznie na tę drogę wchodził.

Polityka Komitetu Ruchu i Kom[itetu] Prowincjonalnego Litewskiego wyraźniej ujawniać się zaczynała, zadanie przyjmowało ściślejszy okres; zwolna przychodziło do «powstania bez ludu», lecz w bliskim, bardzo bliskim czasie.

Komitet Ruchu wyraźnie schodził z drogi, jaką sam sobie programem określił i zobowiązał się wobec całego narodu.

Wbrew przeciwnych opinii byli legaliści, na czele których stali: p. Aleksander Oskierka *, Antoni Jeleński ** i Franciszek Dalewski ***. Pierwsi dwaj, ludzie bogaci jako obywatele ziemscy, niezmiernie szanowani przez ogół za swe cnoty i miłość do kraju. Trzeci zaś, wygnaniec z Syberii, gdzie dziewięć lat w katogach za 48 r. przesiedział, powrócił do kraju bez środków i funduszy; człowiek bardzo światły, charakteru twardego i nieugiętego. Zbawienie dla kraju widział w progresywnym rozwoju jego, do czego wszyscy ludzie prawi swe prace poświęcić powinni byli; nie widział na dziś ani siły, ani żywiołu do skutecznego powstania. Według niego ledwo przyszłe pokolenie mogło korzystać z tych prac, które powinniśmy z zaparciem się siebie samych i z całym poświęceniem dokonać.

Lecz lada chwila zapowiadane na Litwie powstanie trzeba było uważać w końcu za szaleństwo. Stosunki moje z Komitetem za pośrednictwem Kozielly przekonywały mnie coraz bardziej, że trzeba jakiegoś radykalnego lekarstwa na to. Niestety chciało, iż jako reprezentant Litwy do Komitetu Warszawskiego był wysłany dr. Dłuski (Jabłonowski) ¹⁷ — człowiek wcale nieodpowiedni potrzebom w tak ważnych chwilach, o ile wówczas był niczym przy tym Komitecie.

Biblioteka Narodowa (Warszawa), rękopis 6521. Автограф

ПЕРЕВОД

Глава I

Было это весной 1862 г. Приехал я из своей дер. Корсак в Вильно навестить мать и сестер, которые проживали тогда после смерти отца в этом городе. Семья наша со-

* Sądzony do katog.

** Umarł w głębi Rosji.

*** Ukarany do ciężkich robót na Syberii na długie lata.

стояла из двух братьев и двух сестер; брат мой, вернувшись с Кавказа, где он служил в армии, жил в той же деревне, что и я, ожидая, когда закончится дело о нашем поместье, чтобы заняться затем сельским хозяйством. От моей матери я узнал, что г. Клетый Корева, лесничий, посетил ее и выразил желание познакомиться со мной лично, когда я прибуду в Вильно. Поэтому он оставил свой адрес и заявил одновременно, что одно важное и не терпящее отлагательства дело требует, чтобы я, не мешкая ни минуты, повидался с ним. Клетого Корева я совсем не знал, слышал только о нем, но никаких отношений, ни частных, ни официальных, между нами не было; поэтому я был очень удивлен, узнав об этом спешном деле, и не мог даже представить себе, о чем тут идет речь. Очень заинтригованный этим, я в тот же день отправился по указанному мне адресу. Корева я застал дома. Был это молодой человек, лет 25, среднего роста, с довольно симпатичным лицом, черные глаза и усы очень шли к его худощавому лицу. Однако ближе присмотревшись к этому лицу, первое впечатление сильно портилось — лоб у него был низкий и покатый, глаза круглые и прищуренные, взгляд близорукий, выражение лица, свидетельствовавшее о многих хороших чертах его характера, не было выразительным, в нем нельзя было заметить ни решительности, ни смекалки, ни глубокого ума. Видно было, что диктуемые сердцем чувства и все благородные стороны пылкой души владели Коровой, а холодный рассудок и осмотрительность были ему чужды. Наша беседа почти сразу же затронула тему, которая была для меня совершенно неожиданной.

— Причина, побудившая меня стремиться познакомиться с Вами, заключается в том, что я хочу пригласить Вас к общей работе в тайном офицерском обществе, к которому я принадлежу.

— Какова цель этого общества? — спросил я его.

— Низвержение теперешнего правительства. К этому обществу принадлежат все русские офицеры, мы просим вступить и Вас, как офицера в отставке. Общество имеет свои крупные разветвления по всей России, везде мы имеем своих членов и являемся уже огромной силой.

Таково было приглашение — не было никакой другой подготовки при вступлении в тайное общество, ни присяги, ни письменных ручательств; все свелось к одному лишь приглашению, не была указана программа, не были указаны пути достижения намеченной цели. Не было хоть сколько-нибудь определенно сказано о разветвлениях общества, о его средствах, ресурсах — словом, не было никаких данных. Надо было полагаться на слово одного члена, который также, по-видимому, ничего не знал. А как приступить к работе? Этого ни Корева, ни я не знали. Ответ на мой вопрос об этом он отложил до следующего свидания.

Я вышел от Корева не только удивленный, но и страшно заинтересованный всем тем, что делается в тайном обществе. До сих пор я понятия не имел о том, что делалось вокруг меня, моя личная жизнь текла по такому обыденному руслу, что мне и в голову не приходила мысль о заговоре. Круг моих близких и знакомых был очень ограничен; кроме нескольких семейств моих соседей, я никого не знал, не имел я и школьных товарищей, ибо учился в Риге, а позже несколько лет пробыл на военной службе. Поэтому связей в крае у меня никаких не было. Мои родственники были единственными людьми, с которыми я общался, да и с ними я познакомился всего лишь год тому назад.

Спустя 2—3 дня я был у одного из них, Эвстахия Чарновского, молодого человека, который за год до этого закончил курс наук в университете и осел в деревне. Речь шла о новых крестьянских реформах. Эвстахий говорил рассудительно, много благородных и мудрых истин исходило из его уст. Работа для родины, с горячей любовью отыскивающая новые нравственные силы для нее путем просвещения народа, надеждения земель, сближения всех слоев в единой, всеобщей борьбе за свободу, — таковы

те принципы, ради претворения в жизнь которых он намеревался трудиться в своем скромном захолустье.

Чарновский любил Польшу, только ради нее хотел он работать. Корева вместе с русскими раздумывал о средствах низложения правительства. Один выступал открыто со своими принципами, другой хотел укрыться за строжайшей тайной. В дальнейшей беседе с Чарновским я упомянул о тайных заговорах, о Пестеле, Петрашевском и др., и мы незаметно подошли к последнему времени. К моему великому удивлению, он дал мне понять, что и у нас существует общество такого же рода, но говорил об этом с какой-то легкостью, не придавая своим словам никакого значения.

Значит, это не такая уж страшная тайна, подумалось мне, а это общество не так уж велико и не так уж сильно. Ложь с самого начала там, где должна была бы быть одна лишь правда! Это было для меня разочарованием — ведром холодной воды, осгудившей мой первоначальный пыл. Я вернулся в деревню. Через несколько недель Корева приехал ко мне, привез первое воззвание варшавского Комитета движения и другие повстанческие прокламации, в которых ничего не было ни о совместных действиях с русскими, ни о существовании общества, состоящего только из русских офицеров. К моему удивлению, он ответил, что то тайное общество, к участию в котором он меня пригласил, имеет право вовлекать и принимать не только военных, но и штатских. Основой же для дальнейшей конспиративной работы было воззвание варшавского Комитета движения, которое призывало все польские провинции к всеобщему восстанию, торжественно обещая рассчитать его так, чтобы оно увенчалось успехом².

Демонстрации в костелах и пение гимна «Боже, который Польшу...» поднимали настроение в Вильно и на селе. Крестьяне, однако, не примыкали к этим демонстрациям, полагая, что они являются проявлением недовольства помещиков упразднением крепостного права и барщины. Русское правительство старалось поддерживать это мнение крестьян, поощряло их, давало даже им распоряжения арестовывать тех, кто будет петь в костелах запрещенные песни. При этом было предписано отдать огнестрельное и холодное оружие полиции, были запрещены съезды и собрания в частных домах.

Когда я спрашивал Корева, откуда мы возьмем оружие для борьбы, откуда возьмем людей, так как уж было видно, что крестьяне косо смотрели на действия, враждебные правительству, а шляхта не верила в восстание, считала его гибельным и в основу своего поведения ставила открытое заявление о нуждах края и требование необходимых уступок у русского правительства, Корева заверил меня, что оружие у нас будет в достаточном количестве — русские дадут его сами, людей много не надо, так как войска не будут драться.

Перед отъездом он оставил мне свой револьвер системы Беккера, сказав при этом, что сможет доставить мне их столько, сколько потребуется для привлеченных к заговору членов.

Надо было приступить к какой-нибудь работе, завязать более тесные знакомства с отдаленными соседями, войти с ними в доверительные отношения, ознакомиться с их убеждениями, с тем чтобы сделать им предложение включиться в нашу работу.

В соседстве со мной жил г. Антоний Залеский, зажиточный помещик, известный в крае как талантливый художник. Это был очень элегантный, остроумный и эрудированный человек, вдовец, лет ему было свыше 40. В молодости он путешествовал по Европе, несколько лет прожил в Риме, где с увлечением занимался своим любимым искусством, а по возвращении в край издал иллюстрации к мемуарам Пасака³. После смерти жены у него остался сын Михал и маленькая дочь. Мужское общество все чаще стало собираться в его доме, где можно было встретиться со многими молодыми людьми, съехавшимися со всех краев Литвы. Ежиг Ляскарис, поэт, постоянно проживал в его им. Костюшишки, художник Андриолли, Дмоховский, певец Бонольд были частыми его гостями.

Первая моя вылазка поэтому была в его имение. Отношения между нами завязались легко, так как соседские отношения были традиционными еще с дедовских времен. Я застал всю компанию за разработкой проекта экскурсионным верхом на конях на Бирштанские минеральные воды, расположенные на берегу Немана на расстоянии 10 миль пути. Я охотно присоединился к ним, и несколькими неделями позже человек 15—20 всадников во главе с г. Антонием Залеским пустились в это веселое путешествие. Компания состояла, кроме г. Антония и его сына Михаса, восемнадцатилетнего мальчика, из Ежия Ляскариса, Андриолли, Яна Купсця, гувернера Греготовича, двух молодых Матусевичей, Владислава Дмоховского, моего брата Эдмунда и меня. Несколько слуг, следовавших в колясках с вещами, замыкали кортеж.

Двинулись мы таким образом на Бирштаны, задерживаясь иногда по дороге у знакомых; крестьяне с любопытством присматривались к необычной кавалькаде, вести о восстании уже кружили по краю⁴. При нашем въезде в Бирштаны казачий офицер удраг из местечка, а на следующее утро появилась полиция, чтобы проверить нас. Убедившись, что мы приехали с увеселительной целью, она оставила нас в покое. В Бирштанах находился старый полковник Матусевич, эмигрант с [18]31 г., он был популярен в наших краях как польский солдат, мы продефилировали перед ним, и он радостно приветствовал нас. Не буду описывать ни наших почти солдатских ночевок, ни игр в клубном зале без танцев при звуках музыки бравого мазура — танцев не было по причине уже повсеместно объявленного траура.

На второй или третий день нашего пребывания в Бирштанах приехал Корева. Был он тогда лесничим в Троцком у. и проживал неподалеку от Бирштан, в Дусятах. Мы находились в клубном зале в 10 час. вечера, когда пришел Корева и попросил меня вместе с ним пойти к нему на квартиру. Там я застал молодого варшавянина*, который приехал из Вильно, чтобы сообщить, что стреляли в в. кн. Константина и что разыскиваются проданные в Варшаве офицерам револьверы системы Беккера. Надо было представить их властям⁶. Один из этих револьверов, оставленный у меня Коровой, принадлежал проживающему в Вильно офицеру Генерального штаба Людвигу Звездовскому. Надо было, не теряя ни минуты, отослать этот револьвер в Вильно, и поэтому мы с Коровой должны были немедленно поехать в мою деревню. Ночь была темная, мы едва различали в темноте конские головы. Я попрошался со своими товарищами, и мы оба верхом поехали назад.

На наших солдатских ночлегах у меня выпадал иногда случай побеседовать о том, что делалось в крае, с Антонием Залеским. Я показал ему воззвание Комитета движения. Прочитав его, он, к моему великому удивлению, крикнул: «Как это умно!» Что касается меня, то я не разделял этого мнения. Я верил в самоотверженность, в готовность вступить в борьбу тех, кто стоял во главе этого дела. Но какое-то внутреннее чувство подсказывало мне, что стойкость в основных принципах, нежелание отступить от них пройдут, и, раздумывая о восстании, рассчитанном на то, что оно «уверенчается успехом», как было сказано в программе, о которой я говорил выше, мне хотелось верить этому, однако сомнение в самом начале овладело мной. Я не смел даже перед самим собой вслух высказать этот упрек, так как понимал, и даже более того — верил в то, что люди, готовые пожертвовать своей жизнью, эти святые и великие своим патриотизмом личности идут только по пути правды и веры!

Вскоре пришло разочарование. Я увидел столько фальши, лжи, разнузданных страстей, что картина была отвратительна, не стало тех великих людей и программа была вскоре забыта!

Вечером следующего дня мы были уже дома, и Корева перед отъездом попросил меня приехать в Вильно, где он хотел увидеться со мной.

Итак, я отправился вслед за ним в город. Должно было состояться какое-то

* Это был Нестор Дюлеран⁵.

собрание участников заговора⁷ под председательством Людвика Звездовского. Я хотел присутствовать на нем, чтобы тоже что-нибудь понять в этом вопросе, так как до этого мне приказывали лишь слепо верить. Попросил Корева, чтобы он привел меня туда, но когда он спросил об этом, ему без обиняков запретили прийти вместе со мной и даже упрекнули его в том, что со мной никогда нельзя достичь согласия, что я лишь распространяю выдумки там, где дело идет о самой сути дела и чистой правде!

Не знаю, кто был на собрании, но я уверен, что никого из этих господ не знал лично, поэтому меня очень задел такой отзыв, и я подумал, что собой представляют те люди, которые стоят во главе всего. Видимо, я уже замечал несколько раз ложь, выдуманную лишь для того, чтобы опутывать легковых. Таким казалось мне все это надуманное дело, и оно уже потеряло в моих глазах свою первоначальную прелесть, мне уже не верилось в него. Поэтому я сказал Корева, что пусть он считает меня потерянным для общества, и вернулся домой с твердым намерением дать отпор каждому, кто приехал бы ко мне с подобными предложениями.

Вот так, тихо, вдали от конспиративных дел, прошло несколько недель; помещики устраивали съезды, обсуждая на них вопрос об обществах — кредитных, сельскохозяйственных и торговых — необходимых, по их мнению, для края учреждений.

Шло постоянное движение в форме взаимного сближения и знакомства. Школы для крестьянских детей создавались почти в каждой деревне, велась просветительная работа, внушалась любовь к родине, прививалось понятие об обязанностях по отношению к ней. Восстание и борьба с русскими входили в сферу этой пропаганды среди народа, — но совместно с народом и общими силами. Для этого требовалось много времени, должны были забыться давнишние взаимные обиды крепостных и помещиков, надо было наделить правами собственности и гражданства новый элемент, входящий в состав национальных сил. Народ, однако, смотрел на это с недоверием, слушал, но ничего не хотел делать, не посылал детей в школы, несмотря на явные выгоды, которые он сам понимал. Демонстрации в костелах были для него пугалом, московская полиция сбивала его с толку, по деревням ходили дикие слухи.

В эту пору появилась подпольная революционная газета, ставившая своей целью призыв к поджогам и кровопролитию, подстрекание крестьян против русских чиновников и бывших панов. Крестьяне призывались к тому, чтобы они сами установили для себя справедливость с помощью резни. Эта газета, выходившая на белорусском языке под названием «Мужицкая правда Янки из-под Вильны» распространялась в тысячах экземпляров. И в этой газете не видно было здравых рассуждений, хоть сколько-нибудь подлинной обиды за причиненные кривды, глубокой скорби, потребности в возрождении, возмещались лишь кровавая месть и преступления, освящаемые и оправдываемые этой местью.

Литовский народ⁸ испытывал тяжкие страдания, но чистое религиозное чувство, земледельческий труд, когда выходишь в поле с богом и добродетелью в сердце, — все это сохранило в этом простом народе простые, но великие сокровища морали и нравственности. До его сердца легче дошли бы слова сочувствия его глубокой скорби, слова, взывающие к его чувству порядочности во имя христианского всепрощения, братской любви и забвения, чем призыв к кровавой мести французской гильотины. И не одной лишь этой благородной моральной чертой литовского народа можно объяснить то, что «Мужицкая правда» никогда не оказывала на него влияния и не вызывала тех чувств, породить которые она пыталась⁹. Общее недоверие к господам и ко всему господскому являлось одной из главных причин того, что крестьяне быстро поняли, что их обиды описывались не рукой крестьянина «Янки из-под Вильны», а рукой какого-то скрытого пана, что не было волей народа то, к чему науськивал этот Янко, ибо народ не нуждался покамест в большем, имея свободу и данную ему

⁸ Автор имеет в виду также и белорусов.

землю. После тяжких страданий было это уже великим и бесценным для него счастьем. А если он и ждал передачи ему земли, то другими путями — теми, в которые он верил: из рук царя.

«Мужицкая правда» ни в коем случае не могла достичь своей цели — и народ своим сердцем и всем своим положением понял это. Эта газета гораздо большее впечатление производила в противоположном направлении, т. е. на самих помещиков.

Однако для тех, кто ясно наметил дорогу в будущее путем труда для обогащения края гражданами, любящими свою родину и призванными из новой среды, пробужденной к жизни, поражение заключалось в самой основе их работы. Эта пропаганда, проводившаяся горячими и благородными сердцами, создала из своих членов пирамиду, построенную не из одного и того же материала. Различные побуждения направляли их деятельность, не всегда брала верх любовь к родине, но и материальный фактор нередко был только стимулом, а в дальнейшем и в верхах политика края не была основана на национальной чести и гордости.

Это общество, состоящее из людей различных оттенков, лишало свободы действий и парализовало самое себя и должно было рухнуть, не принеся плодов, не оставив и следа после себя. Имелись, однако, в нем и справедливые идеи, которые будут жить в будущем и которые заключают в себе самые жизненные потребности края.

Программа *, поставленная перед шляхтой, отражала в себе этот разнородный состав общества и не представляла собой стройного целого — она лишь содержала отдельные, не соединенные друг с другом начала, ведущие к тому же свое происхождение из различных источников. Членов этой партии звали «легалистами» или «белыми»⁹, чтобы отличить их от «красных», — тех, которые принадлежали к организации движения. Легальность, т. е. война с русскими на законной почве или на почве от них же получаемых милостей, была главной основой этой партии. Из этого определения видна вся нелогичность предприятия. Они требовали, однако, уступок от правительства, заявив ему о своих нуждах, хотя никаких уступок и не получали. Просьбу, поданную по вопросу о Виленском университете, царь отослал обратно нераспечатанной. Кредитные общества после долгих дебатов и съездов не были утверждены правительством. Земледельческое общество не имело права учреждать отделения за пределами одной губернии, а вследствие этого, по недостатку средств на основании образцовых хозяйств и на покрытие расходов общества, также пришло в упадок. Исходя из этой легальности, предъявление требований к правительству было поставлено в программе, как основа для открытого и публичного заявления перед русским правительством мнений, имеющих своей целью защищать местные права, как права, принадлежащие польской провинции, и не отрекаться от имени поляка!

Эти два пункта программы — подача раболопных легальных просьб царю и заявления мнений не заискивающих перед правительством поляков не могли бы войти в программу партии, имевшей определенный и самостоятельный характер, — по-видимому, в этой партии были оттенки и фракции. Достойно сожаления то, что люди, хорошо понимающие нужды края, позволили вовлечь себя в этот омут и хаос!

Но нас захватил неудержимый вихрь событий, слишком быстро пришла развязка, эти люди не имели времени оглядеться на новой арене после 30 лет летаргического сна и запустения, невозможно было ни рассчитать имеющиеся ресурсы, ни надлежащим образом использовать их, — а после того, как они были уже израсходованы, ничто не могло удержать край от падения — хотя бы временного — в пропасть. Я говорю «хотя бы временного», ибо с верой и надеждой я смотрю на будущую судьбу единой и нераздельной Польши.

Я говорю здесь о Литве — великой польской сокровищнице. Это великолепный край, слишком тяжка его участь, слишком большую роль играет он в судьбах Польши,

* Не могу приводить ее дословно, так как не имею ее и не помню подробностей.

чтобы я не ставил этот край на первое место, как часть Польши, остающуюся в величайшей опасности. Понимала ли Польша свою зависимость от него, умела ли уважать тяжкие цепи, постоянную борьбу, которая велась веками, чувствовала ли она себя в некотором долгу перед ним, понимала ли, что, лишаясь его, становится из великого народа третьеразрядным статистом, не соответствующим ни историческому прошлому, ни нравственным нуждам национального духа, ни великой, предначертанной в истории человечества миссии?

Дальше мы увидим, выполнила ли Польша свой долг по отношению к Литве, и достойно ли ответила Литва на требование необходимого от нее самопожертвования.

Глава 2

После затянувшегося на несколько недель моего пребывания в деревне я поехал по личным делам в Вильно. Случайно во время обеда в гостинице я встретился с тем варшавянином, с которым познакомился в Бирштанах. Это был г. Нестор Дюлеран, полномочный комиссар Комитета движения на Литве. Он с полной откровенностью повел со мной разговор, изложил требования Комитета, его цели и ту работу, которую предстояло выполнить, дал мне четкие указания относительно тех действий, которые намечено было провести в будущем, и вновь заверил меня, что Комитет не выйдет за пределы своей программы до тех пор, пока вся страна не станет достаточно сильной, опираясь на участие всего народа.

Опирайтесь на народ — это полностью соответствовало моим взглядам, ибо где же сила, если не в этих миллионах? Трудиться на этой ниве — это было моей единственной мечтой, единственным стремлением. Вся остальная деятельность была, бесспорно, хороша — всякие общества, создававшиеся легалистами, были необходимы для края, но они не оказывали непосредственного воздействия на народ, не побуждали его ни к мыслям, ни к представлениям, соответствующим нуждам угнетенной Польши, действовали на поверхности, не воспламеняя те слои народа, которые оставались мертвыми и не затронутыми никакими порывами национального духа. По моему тогдашнему мнению, опора в работе на совместные действия всего народа была наилучшим разрешением вопроса. Найти товарищей по работе — это было для меня настоящим благодеянием.

Я согласился с заверениями и указаниями полномочного комиссара и поверил им.

Для вступления в общество требовались, однако, новые формальности — надо было дать присягу, которая предусматривала безоговорочное подчинение Комитету движения. Я принес присягу по той форме, которую мне дали прочесть. Нестор принял эту присягу в присутствии еще одного свидетеля, которым был Эдмунд Вериго.

После того как обряд принесения присяги был закончен — это было в доме графини Плятер (он был расположен напротив дворца Назимова), где проживал Дюлеран, мы разговорились о текущих делах. Тогда именно я узнал, что Людвик Звездовский просил освободить его от присяги, напуганный Назимовым в связи с какими-то слухами, переехал в Москву и полностью отошел от заговора¹⁰. Все первоначальное общество, таким образом, распалось. Я обратил внимание Дюлерана на редакцию «Мужичьей правды», с которой он, как я думал, поддерживал связь, обратил его внимание на так непродуманно провозглашавшиеся и никуда не ведущие принципы. Я посоветовал, чтобы пропаганда велась путем показа истинных притеснений и их источников. Дюлеран, казалось, разделял мое мнение, но тогда он, как я узнал позже, не имел никакого отношения к этой газете.

На мой вопрос о том, в какой срок мы рассчитываем осуществить наш план, он ответил мне, что для подготовки всего требуется несколько лет. Тогда я составил план распределения и организации всех этих работ, предложил пригласить для этого людей, которых я ему укажу и на которых можно полагаться. Он согласился на все и поручил мне выполнить это, рекомендовав к назначенному времени быть в Вильно.

Опять я взялся, таким образом, за работу, но твердо решил не делать ни шагу

в сторону с того пути, на который я вступил и который обеспечен программой Комитета движения, руководствующегося лозунгом: «Восстание, рассчитанное на то, что оно увенчается успехом».

Сейчас, после стольких поражений и кровавых жертв, в изгнании, на краю Европы, в убогой каморке, подавленный бременем бедствий и недугов, когда я припоминаю те минуты самоотверженной и благородной работы, луч того времени, кажется, начинает светить и проясняет удрученное заботами чело. Чудесные то были минуты надежды; жизнь ключом била в измученном крае, как будто тепло в застывшем теле согревало холодное сердце, весь свет казался преображенным, все было окружено покровом блаженного счастья. Разве могли люди, живущие в этом призрачном свете, смотреть на мир глазами правды? Разве могли остаться люди на путях скорбной действительности, разве мощный поток не уносил их в мир грез и иллюзий? Не знаю, были ли такие люди, негибавшие и непобедимые, но трудная это была борьба. Те, которые, казалось, оставались такими, были двуличные люди или такие, для которых свободная и счастливая родина никогда не была идеалом, к которому они стремились.

...Общества или партии начинали приобретать все более определенные очертания, вступали в борьбу между собой. Для одних дело было в средствах, а не в основополагающих принципах. Легалисты, на которых нажимала организация движения, или молодежь, как они ее называли, не сходились друг с другом в основном и не были в состоянии принять какие-либо решительные или сильно действующие меры. Фракции, формировавшиеся в столь разнородном по своим принципам составе, должны были размежеваться и стать самостоятельными организациями. Предводитель дворянства Домейко, который из всех легалистов больше всего пресмыкался перед русским правительством, был слишком разительной фигурой для той эпохи — само дворянство путем сбора подписей отстранило его от обязанностей предводителя и порвало с ним все отношения*.

Тем самым легалисты вступали на путь, который уже не отвечал основам принятой ими программы. Однако они не хотели решительно встать на другой по своему характеру путь развития; неуклонно придерживаясь принципа легальной оппозиции по отношению к правительству, при котором закон не имеет значения, они не могли сделать ни малейшего шага ни в вопросах, касающихся внутреннего строя, ни в области внешней политики. Пребывая, однако, в состоянии смуты и замешательства, они не замечали или недооценивали активности организации движения, которая прямолинейно стремилась к ближайшей цели, всей значимости которой легалисты не сумели ни понять, ни оценить. Это злосчастное ослепление было одним из величайших бедствий для края.

Не удалось также отстранить Домейко от обязанностей предводителя дворянства, так как русское правительство оставило его; часть шляхты по-прежнему не хотела его признавать, и к защите своих нужд и интересов привлекла другого чиновника — им был Александр Оскерка, губернский посредник¹¹.

В более нетерпеливой фракции легалистов¹², среди тех, которые очутились в ложном положении, так как не могли называть себя легалистами, конспиративная работа шла почти открыто и у всех на виду. Люди обманывали себя, считая, что таким образом — стоя и почти не двигаясь с места — они добьются своей цели. Комитет, руководивший действиями этой фракции, был избран — в него включили назначенных незадолго до этого посредников по крестьянским делам, членов городской управы, ксендзов. Они создали нечто напоминающее организацию — на первый взгляд казалось, что они что-то делают, над чем-то работают, в действительности же та совершенно недвусмыс-

* Подписи собирались по деревням на обычных листах, которые перевозились от одного помещика к другому или же доставлялись в квартиры ксендзов, куда приглашалась приезжавшая в костел шляхта. Подписанные листы, однако, не охватывали всех, многие отстранились — они-то и составляли партию Домейко.

ленная позиция, которую они хотели занять в отношении захватнического правительства и к которой полностью никогда не могли прийти без риска подвергнуть себя преследованиям, не могла иметь ни того влияния, ни той гибкости, какими обладала тайная организация, в конце концов оставившая их далеко позади, хотя у нее не имелось ни хоть сколько-нибудь значительных повстанческих кадров, ни необходимых материалов, ни силы, ни денежных средств. Эти люди, располагая всеми материальными и моральными средствами, пользуясь авторитетом и всеобщим уважением, растеряли все это в результате своего незнания с общественными условиями, недостатка решительности и твердого характера, а, в конце концов, и по своему поистине преступному легкомыслию.

После возвращения домой я связался с Антонием Залеским, предложил ему войти в организацию движения, и сказал, что я верю в успешность нашей работы при условии, если мы будем неуклонно и решительно придерживаться первой программы, которая намечала использование всех средств, прежде чем дело дойдет до борьбы. Антоний З[алеский] согласился, мы вместе с ним вернулись в Вильно, где после вызова представителей других воеводств состоялось совещание, на котором мы должны были установить порядок дня и одновременно определить наше отношение к Комитету движения в Варшаве¹³.

На этом совещании от Вильно присутствовали Эдмунд Вериге и Зыгмунт Чехович. От Виленского воеводства — Антоний Залеский и я.

От Гродненского воеводства — Константин Калиновский.

От Минского воеводства — доктор Чекатовский и Заблоцкий¹⁴.

От Ковенского воеводства — (от этого последнего воеводства позже прибыл Сволькен).

От Комитета движения — Нестор Дюлеран*.

Мы уже с самого начала видели, что наши ресурсы так малы, что мы должны бороться с такими различными элементами, что казалось невозможным приступить к какой бы то ни было работе. Да и понимание нужд края было так различно, что мы не могли понять друг друга. Калиновский возражал против всего, никому не дав говорить, поэтому мы его попросили, чтобы он разрешил нам сначала договориться между собой, а потом уже с ним вместе. Он согласился и ушел с заседания. Но и здесь вопрос не был поставлен четко — одни считали, что мы должны сразу, без подготовки, поднять восстание, другие же — что первым делом следует подсчитать резервы и накопить силы. На первый взгляд казалось бы, что нелогично говорить о накоплении сил, ибо как же начинать восстание без людей, но, в сущности, мы исходили из разных точек зрения относительно того, какой размер должно принять накопление средств. Одни попросту хотели дворянско-мещанского восстания; Калиновский, как хлопоман, был всегда с народом. Я же понимал дело так, что следует строго придерживаться программы Комитета и призвать к восстанию всю нацию. Моя точка зрения принципиально была близка позиции Калиновского, но мы были разного мнения относительно средств: я хотел вызвать и использовать силы путем пропаганды в национальном духе, он же собирался воспользоваться любым социальным стимулом для того, чтобы вызвать волнения, не утруждая себя сейчас заботой о том, к каким это приведет последствиям. Все мнения, однако, высказывались в неопределенной форме, никто не был в состоянии охватить и понять такую большую задачу; только теперь, издав себя, хорошенечко поразмыслив о том, что было, можно заметить, что каждый из нас руководствовался скорее инстинктом или опирался в своих взглядах больше на впечатления собственной жизни, чем на всю совокупность проблем национального вопроса. Хотя вначале и нельзя было заметить этого раздвоения, но, по сути дела, мы не были связаны необходимым согласием и единством во взглядах, в своей работе не исходили из одних и тех же начал, несмотря на то, что цель была одна и та же.

* Заседания продолжались несколько дней в д. Даукши на Доминиканской улице.

Константин Калиновский*, имея за плечами опыт общения с народом, искал в страданиях подневольного рабства ту силу, которая сможет поднять народ на восстание, сделав его рыцарем, сражающимся во имя поправленных человеческих прав. Он ощущал биение этого пульса в крестиях всей Польши. Он намеревался действовать в этом направлении и именно на этот исходный пункт для действий он и указывал; видно, однако, что эти страдания были недостаточной силой для такого великого дела. Его «Мужичья правда», хотя и несколько измененная, не вызвала никаких последствий, как я уже говорил.

Эдмунд Вериго**, горожанин, считал, что этот слой народа, объединенный со шляхтой, является достаточной силой, а Антоний Залеский, шляхтич, верил в то, что шляхта примет горячее и мощное участие в восстании. Зыгмунт же Чехович*** не верил в какое бы то ни было руководство или в работу, основанную на программе, он оставлял это на долю слепого случая. «Мы находимся в маленькой лодке среди огромной бури,— говорил он,— разные элементы не смогут примириться друг с другом». Что же касается меня, то я решительно стоял за ту работу, которая была намечена программой, требовал ее выполнения, считал неправильным порывать с тем, в направлении чего мы еще не сделали ни одного шага; если идея программы — это завоевание независимости общими силами, то нужно, чтобы весь народ проникся этой идеей и поверил в собственные силы****.

Руководство организацией в соответствии с программой являлось залогом того, что она будет осуществлена. Надо было вступить на путь пропаганды различными возможными средствами, пропитать этой идеей глубочайшие общественные слои и не начинать восстания, прежде чем пропаганда не даст должного результата.

Поэтому я все пункты программы или первого воззвания Комитета движения постоянно поддерживал и тогда, когда Дюлеран внес предложение о полном и безоговорочном подчинении Комитету движения, что поддержало абсолютное большинство¹⁵. Эдмунд Вериго, Чекатовский энергично возражали против этого. На этом заседании по предложению Дюлерана была утверждена печать литовской организации с надписью «Мужество. Благоразумие»¹⁶.

На другой день состоялось заседание с целью избрать Литовский провинциальный комитет, в состав которого вошли Зыгмунт Чехович, Эдмунд Вериго, Константин Калиновский, Ян Козелло (из прежнего Комитета Звездовского) и начальник гор. Вильно, которого еще не было. Мы с Антонием Залеским вернулись в деревню, но вскоре получили назначение, я — помощником воеводского, которого вообще не было, а Антоний Залеский — начальником округа Троковского у.

Но по мере роста тайной организации движения все сильнее давали себя чувствовать разногласия между этой организацией и легалистами. Обе партии постоянно пикировались друг с другом, не раз какая-нибудь благоразумная мысль, если только она исходила из вражеского лагеря, с презрением трактовалась другой партией. Ожесточение, как я это называл бы, дошло до такой степени, что считалось правильным, когда назло друг другу принимались различные решения.

В состав Литовского комитета движения вошел, помимо выше упомянутых членов, г. Бонольди, как начальник гор. Вильно.

Вериго, который опирался на городской элемент, должен был идти с ним прямо по пути скорого восстания, ибо этот элемент не требовал ни подготовки, ни выжидания.

* Повешен в Вильне. Среднего роста, голова совершенно круглая, рот необыкновенно широкий. Очень плохой оратор.

**Одни утверждают, что он умер в тюрьме, другие — что приговорен к каторге. Высокий, брюнет, бледный, учился в Петербургском университете; задумчивое лицо, на низком лбу над носом глубокая морщинка, волосы зачесаны вверх, говорил медленно, слегка в нос, для придания себе большего авторитета, около 26 лет.

*** Умер по пути на каторгу, 30 лет; лицо очень мягкое, но не умное.

**** Литвин говорит, что у русского кулак тверже, чем у него.

ния. Чехович был фаталистом. Козелло (позже «Скала»), русский инженер в отставке, забавлялся ролью крайнего революционера, ему не нужно было оружия, ибо «в руках революционера и горшок страшное оружие». Он громко разглагольствовал о сражениях (по всей вероятности, горшечных) и о стратегических пунктах. Бонольди, прибывший из Италии, был человеком, который не знал нужд края и мог судить о нем только пристрастно и ошибочно.

По составу Комитета мы видим, что Веригу имел полную возможность доминировать со своими принципами — они соответствовали духу Комитета движения в Варшаве, который, по-видимому, вступал на тот же путь.

Политика Комитета движения и Литовского провинциального комитета начинала становиться все более ясной, задача связывалась с более точным сроком, понемногу дело шло к «восстанию без народа», однако в скором, очень скором времени.

Комитет движения явно сходил с того пути, который был им самим установлен в программе, и брал на себя обязательства перед лицом всей нации.

Прямо противоположные взгляды придерживались легалисты, во главе которых стояли г. Александр Осекерка*, Антоний Еленский** и Францишек Далевский***. Первые двое, богатые люди, как помещики, были многими очень уважаемы за свои добродетели и любовь к краю. Третий же — сибирский изгнанник, пробывший 9 лет на каторге за [18]48-й год, вернулся в край без средств и капиталов, человек очень благородный, с характером твердым и негибаемым. Избавление для края он видел в его прогрессивном развитии, этой цели должны были посвятить себя все честные люди, на данный же момент он не видел ни силы, ни тех элементов, которые были необходимы для успешного восстания. По его мнению, лишь будущее поколение, пожалуй, сможет воспользоваться той работой, которую мы должны выполнить самоотверженно и со всей самоотверженностью.

Итак, в любой момент готовое начаться в Литве восстание надо было, в конце концов, считать безумием. Мои отношения с Комитетом через Козелло все более убеждали меня, что для этого требуется какое-то радикальное лекарство. К несчастью, в качестве представителя Литвы в Варшавский комитет был послан Длуский (Яблоновский)¹⁷, — человек совершенно не годный для такой цели в такое серьезное время; насколько знаю, он был ничем при этом Комитете.

¹ Воспоминания члена повстанческой организации Виленской губ., Ежия Игнация Кучевского-Порая, написанные в эмиграции и носящие заголовок «Записки Кучевского. 1862 год», дают ценные сведения о деятельности Комитета движения и Литовского провинциального комитета во второй половине 1862 г. Взгляды автора весьма характерны для шляхетских революционеров, представителей правого крыла красных. Дата написания воспоминаний не установлена. Судя по показаниям его матери Юзефы Кучевской, арестованной в 1865 г. в Вильно за хранение копий антиправительственных сочинений и писем от политических ссыльных, автор до 1861 г. служил на железнодорожной станции Жосли Троцкого у. Виленской губ., с конца 1861 г., после переезда матери в Вильно, занимался хозяйством в родовом имении Корсаки Троцкого у. Его брат Эдмунд, отставной подпоручик, был в 1863 г. адъютантом К. Кореви. Другие данные, подтверждающие факт участия Е. Кучевского в деятельности предповстанческой организации, отсутствуют, кроме указания на его знакомство с Д. А. Базановым — агентом Комитета движения по Троцкому у. (см. дело Д. А. Базанова в ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 36, лл. 40, 42). Кроме того, обнаруженное в бумагах матери и сестры Е. Кучевского письмо от Ксаверы Д. (по показанию сестры Кучевского Францишки — «Долецкой») из Кунгура от 17(29) сентября 1864 г. с припиской от Юзефы (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1865 г., д. 46, лл. 232—233), позволяет предполагать, что семья Кучевских была близка с Ксаверой и Юзефой Далевскими, находившимися в Кунгура в момент написания письма.

* Осужден на каторгу.

** Умер в глубине России.

*** Осужден на каторжные работы в Сибири на долгий срок.

² В июле 1862 г. Центральный Национальный комитет в Варшаве (Е. Кучевский всюду называет его «Комитетом движения») сформулировал принципы, ставшие основой программы умеренного крыла партии красных в Польше, Литве и Белоруссии. Программа предусматривала постепенную подготовку восстания, «рассчитанного на успех», обещала всем жителям полную свободу и равенство перед законом, призывала к братству между сословиями, предусматривала в случае победы восстания наделение крестьян землей с уплатой государством компенсации помещикам, однако умалчивала о безземельных крестьянах, о правах крестьян на пользование лесными и пастбищными угодьями и т. д. Половинчатость этой программы, расхождения в вопросе о сроках восстания вызвали острую борьбу внутри повстанческой организации (см. показания О. Авейде, док. 65).

³ Шестое издание мемуаров польского политического деятеля XVII в. Яна Хрызостома Пасека вышло в Вильно в 1854 г. с гравюрами А. Залеского.

⁴ Поездка группы дворян в м. Бириштаны происходила 21 июля 1862 г. (см. «Из записок И. А. Никотины», СПб., 1905, стр. 117, а также ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 55).

⁵ Пребывание Н. Дюлерана в м. Бириштанах в 1862 г. подтверждается показаниями Я. Купця (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 679, л. 11).

⁶ 15(27) июня 1862 г. А. А. Потембин совершил в Варшаве покушение на наместника Царства Польского ген. Лидерса; 21 июня (3 июля) 1862 г. Л. Ярошинский стрелял в в. кн. Константина. На следствии выяснилось, что выстрел в Лидерса был произведен из револьвера системы Беккера, выданных строго определенному числу офицеров, в том числе Л. Звездовскому и В. Врублевскому (о розыске револьверов у В. Врублевского, К. Коревы, инженер-поручика Новицкого и поручика Губарезича см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 54).

⁷ Виленского «Комитета движения».

⁸ Высказывания Е. Кучевского характерны для взглядов шляхетских революционеров, которых пугала и отталкивала последовательная революционно-демократическая позиция К. Калиновского, Л. Звездовского, А. Мацявичюса и их единомышленников по крестьянскому вопросу. Отсюда попытки Е. Кучевского преуменьшить значение «Мужицкой правды», широко распространявшейся по Литве и Белоруссии (см. док. 48—53).

⁹ Речь идет о деятельности белой партии в Литве и Белоруссии, возглавлявшейся Я. Гейштором, Ф. Далевским, А. Оскеркой, В. Стаженским и др.

¹⁰ Л. Звездовский в октябре 1862 г. был переведен из Вильно в Москву в связи с тем, что власти стали подозревать его в нелегальной деятельности. Утверждения Е. Кучевского об «отходе» Л. Звездовского от деятельности в революционной организации необоснованны.

¹¹ А. Оскерка был членом Виленского губернского по крестьянским делам присутствия.

¹² Речь идет о левом крыле партии белых — Я. Гейшторе, Ф. Далевском, А. Оскерке и др.

¹³ О создании Литовского провинциального комитета см. также показания О. Авейде (док. 65).

¹⁴ Деятельность Э. Заблоцкого в повстанческой организации связана с Гродненской губ.; о его принадлежности к минской организации данных не имеется.

¹⁵ О взаимоотношениях Литовского провинциального комитета с Центральным Национальным комитетом в Варшаве см. док. 65.

¹⁶ См. док. 55.

¹⁷ О поездке Б. Длуского в Варшаву в декабре 1862 г. см. «Показания и записки О. Авейде». М., 1961, стр. 489.

68

1915 г.— Из воспоминаний А. Сераковской о подготовке восстания в Литве и Белоруссии¹

Poczuwam się w obowiązku dodać jeszcze kilka szczegółów odnoszących się do 63 r. a pominiętych w moich notatkach z tamtych czasów.

Najpierw co do wojskowości w Wydz[iałe] Rządzącym Litwą.

18 sierpnia n. st. 1862 roku Zygmunt po ślubie w Kiejdanach, jadąc z żoną za granicę², w dzień umówiony zatrzymał się na kilka godzin w Wilnie w mieszkaniu Franciszka, gdzie już oczekiwali zebrani członkowie

Komitetu Cent[ralnego]. W tym to dniu, tak pamiętnym dla mnie, Zygmunt wszedł w skład jego w przewidywaniu powstania jako przyszły wódz sił zbrojnych na Litwie. Wówczas to postanowiono wezwać na szóstego członka Komitetu w roli przedstawiciela zarządu wojskowego Jakóba Gieysztora (pod kierunkiem Zyg[munta], lub w razie śmierci jego zastępcy). Obowiązkiem Jakóba w razie powstania byłoby: zorganizować stosownie do wymagań wojny gub. kowieńską, zaopatrywać prowincję objęte ruchem w broń, w pieniądze, w ludzi, pośredniczyć między Wilnem a Petersb[urgiem], skąd dla Litwy płynęła wszelka pomoc dla powstania, dostarczać map, pewnych wieści o ruchach wojsk nieprzyjacielskich itd. W czasie powstania za zastępcę i pomocnika Jakóbowi mianowano Tytusa Dalewskiego, którego Zygmunt w styczniu 63 r. przedstawił organizacji peters[burskiej], jak: Ohryzce, Opockiemu, Baltazarowi Kalinowskiemu, St. R³., Rymowiczowi, Narzyskiemu i Spasowiczowi.

18 więc sierp[nia] 62 r. Zygmunt zobowiązał się przybyć na wezwanie kraju, w imię jego nagłej potrzeby.

Po wybuchu powstania w Królestwie Polskim według wskazówek Zygmunta starano się zorganizować Litwę na stopę wojenną.

Rząd Nar[odowy] 21 sierpnia 62 r. zebrany w Hotelu Europejskim u Zygmunta mianował go także przyszłym wodzem Litwy, zobowiązując się przytem dołożyć wszelkich możliwych usiłowań dla powstrzymania, lub w najgorszym razie odroczenia przynajmniej na lat kilka powstania.

Członkowie Rząd[owy] Nar[odowego] byli znani Zygmontowi, a Franciszek kolegowal z Gillerem w katordze.

Co do prezydium w Wydziale Rządzącym na Litwie. W połowie lutego 63 r. po wypadkach warszawskich Komitet Centr[alny] wysłał Antoniego Jeleńskiego dla ostatecznego porozumienia się z Rząd[em] Nar[odowym], który po rozwiązaniu Komitetu Ruchu wysłał mandaty przez Jeleńskiego dla byłych członków Komitetu Centr[alnego], pozostawiając ich na poprzednio zajmowanych stanowiskach, z dołączeniem tylko pieczęci wydziałowej dla Franciszka Dalewskiego, przy zarządzie sprawami wewnętrznymi. Nikt więc dowolnie nie formował Wydziału I^{go} — tytułu prezesa nie było, tylko przewodniczący, ten mianowicie, przy kim była pieczęć wydziałowa.

Co do prezydium w Wydziale 2^{im} Wykonawczym (wołą Rząd[owy] Nar[odowego] Warszawy) ⁴. Po rozwiązaniu Partji Ruchu ⁵ zdolniejsi jej członkowie na wniosek Dalewskiego weszli w skład Wydziału Rządzącego jako zastępcy, pomocnicy. Tym sposobem 22 czerw[ca] n. st. po uwięzieniu Aleksandra Oskierki Małachowski, był jego zastępcą, objął po nim naczelnictwo miasta; a po aresztowaniu Fr. Dalewskiego 10 lipca n. st. Konstanty Kalinowski, który przy nim pracował, objął jako zastępcą sprawy wewnętrzne. Gieysztor jako najstarszy i najdawniej piastujący urząd w Wydziale otrzymał mandat prezesa 2^{go} Wydziału Wykonawczego; Tytus Dalewski jako jego zastępcą, pomocnik, zajął miejsce poprzednio zajmowane przez Gieysztora. Józef Kalinowski przybyły do Wilna w drugiej połowie lipca n. st., reprezentował wojskowość w Wydziale 2^{gim}. (2^{gi} Wydział wypłynął z 1^{go}, tak jak 1^{szy} z Komitetu Centr[alnego]. Nikt go nie formował dowolnie).

Tytus w liście pisanym do sióstr do Kungura w grudniu według n. st. mówi: «Zajmuję tę samą posadę, co za waszej bytności, z tą tylko różnicą, że teraz mam daleko więcej kłopotów» ⁶.

Kieniewicz, syn emigranta, urzędnik kolei Warsz[awsko]-Peters[burskiej], nie był sekretarzem przy 2^{gim}. Wydziale, był nim K. F.⁷ Za czasów Wydz[iału] R[z]ądz[ącego] raz był tylko na sesji, przedstawiony przez Napoleona Jeleńskiego, w celu podania wniosku co do dywersji nad Kamą i Wołgą. Kieniewicz nie mógł opuścić Peters[burga] i zamieszkać w Wilnie z powodu swego urzędu i dla sprawy kazańskiej⁸; wyjeżdżał za granicę głównie dla tej sprawy.

Starzeński usuwa się z marszałkowstwa i od udziału w sprawach Litwy nie dla próżności i popisu, ale z konieczności, po zarządzeniach z Warszawy, od chwili gdy Litwa ustąpiła praw swoich co do rządów nad połową gub. grodzieńskiej, bo właśnie w tej połowie Starzeński miał swe posiadłości.

Danowski po rzezi galicyjskiej wysłany przez Związek Bratni⁹, zgłaszał się do Gieysztoru dla pociągnięcia młodzieży z gub. kowieńskiej do wspólnej pracy szerzenia wśród ludu wiedzy, moralności i dobrobytu. Otrzymał odpowiedź: «Urodziłem się szlachcicem, większe mam obowiązki względem szlachty, niż chłopów». Od tej pory nikt ze Zw[iązku] Brat[niego] nie miał żadnych stosunków z Gieysz[torem], ani Zygmunt w czasie swego pobytu w uniwersytecie, ani Dalewscy do powrotu Franciszka z Syberji i spotkania się z Jakóbem u Rudominy, a Zygmunta u Aleksandra Oskier[ki] w 61 r. w. przejeździe za granicę.

Koziello przyjeżdżał do Zygmunta od Partii Ruchu, proponując mu hetmaństwo na Litwie¹⁰. Zygmunt odpowiedział ostro. Wyrzucał partii jej niezgodność działania z wolą większości w kraju; pytał: «Gdzie broń? gdzie pieniądze? gdzie ludzie potrzebni i uznanie kraju?!».

Maurycy Kleczkowski (Mouryc^a, według Cyłowa, niedający się pochwycić) był naczelnikiem policji¹¹.

Pożerscy — 6 synów doktora wojskowego w randze generała. Edward, najstarszy, kolega Dalewskich z gimnazjum, należał do Związku Brat[niego]. W 48 r. sądzony do rot areztanckich w Orenburgu, towarzyszył Zygmuntowi. W 63 r. był komisarzem w Wilnie, miał w swym zawiadywaniu nasz ubogi arsenał, przyjmował przysięgę od idących do powstania, był werbownikiem przy pomocy ludzi mu oddanych. Emigrował do Paryża, w czasie gdy uwięziono Aleksandra Os[kierkę] i Antoniego Jeleńskiego.

Henryk, brat młodszy, stał na czele młodzieży miejskiej, kierował nią i utrzymywał ład i karność wśród niej. Obaj byli przez Oskierkę niezmiernie cenieni dla swej pożyteczności, sumienności i odwagi, gdy trzeba było narazić się dla ocalenia drugich.

Konstanty i Aleksander zesłani w głąb Rosji za udział w powstaniu¹². 8- i 10-letni zostali przy matce w Wilnie.

Cała rodzina odznaczała się gościnnością, szczęściem w rodzinie i pięknnością: rodzice, synowie i córka, śliczna Anette (za Rakowskim, komisarzem powiatowym w Telszewskim). Rakowska pielęgnowała w swym majątku Wiewulskiego, wodza kosynierów, ciężko rannego pod Birzami.

Matka Pożerskich była rozumną i dzielną kobietą. Przywykła do zbytków, wychowana w dostatkach, dla dobra sprawy i dla bezpieczeństwa synów do końca sprawy po odprawieniu służących, sama pomimo podeszłego wieku pełniła wszelką ciężką posługę. Odbyla biedna dobrowolną katorgę.

^a Так в оригинале.

Litwa zorganizowała się sama (pokojowo) w 61 r. nie przez Petersburg. Za czasów Komit[etu] Centr[alnego] w 61 r., będąc na straży, którą pełniliśmy kolejno, słyszałam mimo woli wnioszek Franciszka: «Dlaczego byśmy nie mieli podnieść z grobu, wrócić życie dawnym, a tak nam miłym podziałom ziemi naszej na województwa, okręgi itd.? Dlaczego nie powołać do udziału w pracy wszystkich zdolniejszych synów tej ziemi?» Dyskutowano długo nad tym i nad innymi sprawami, w końcu spisano uchwałę organizacji, a siostry tegoż wieczoru odwiozły ją do archiwum u Szarytek¹³ (przy szpitalu na ul. Sawicz).

Co do organizacji wojskowej. Po wybuchu powstania starano się po województwach zorganizować Litwę na stopę wojenną według wskazówek Zygmunta; w tym celu Jakób Gieysztor przez cały miesiąc marzec bawił w kowieńskiej gub., która w tym czasie była pierwszym i najważniejszym punktem wojennym ruchów.

Niestety Zygmunt za przybyciem swoim w kwietniu zastał tam chaos, nic było to winą obywatelstwa — bawiono je¹⁴. Zygmunt zmuszony był w czasie swego tygodniowego pobytu w Knebach (Teresbor) zorganizować je. Z zapalem, z poświęceniem godnem podziwu, cała gubernia służyła sprawie. Urzędników naznaczonych przez Jakóba Zygmunta nie zmieniał, było już za późno — wytworzyłoby to jeszcze większy chaos, byłoby na raz 3 organizacje: Ruchu, Gieyszтора (z Wydziału) i Zygmunta.

Co do nominacji na ważniejsze stanowiska w kraju, odbywały się one z wyboru, większością głosów, po guberniach, powiatach itd. Żaden z członków w Komitecie, a później w Wydziałach I i 2^{gim} nie miał praw wyjątkowych dowolnie podpisywać i decydować uchwał, dekretów, wyroków, odezów itp. Wszystko się odbywało przez głosowanie najpierw 5^{ciu}, a później 18 z delegowanymi.

Zygmunt ciężko ranny, nękany przez Komisję, z myślą o bliskim wyroku śmierci, nie przestał czuwać nad biegiem naszej sprawy, nad losem swych towarzyszy, więźniów i nad bezpieczeństwem członków Wydziału¹⁵. Ileż cennych wskazówek, ile ostrzeżeń wyszło z celi więziennej Zygmunta! On uczy, jaką sumą i jaką drogą przekupić Murawiewa dla ocalenia od śmierci Aleksandra, Antoniego¹⁶, a po śmierci Zygmunta dołączono za taką samą sumę sprawę Franciszka. Tą samą drogą poszło podanych 15,000 r. i 900 od Zawiszy za Jakóba.

Zygmunt z więzienia ostrzegł o mającej się odbyć rewizji i o zamierzonym aresztowaniu Antoniego i Aleksandra.

Jeśli żyć będę, pisząc dla młodych z naszej rodziny dzieje nasze na tułactwie po Rosji, wrócę do czasów więzienia Zygmunta.

A[polonia] Z[ygmunto]wa S[ierakowska]

Ani Dalewscy, ani Zygmunt nie chcieli wywołać powstania w 48 r. Świadczy nawet taki Czernyszewski, pisząc o Zygmuncie (Sokolowski) w swoim «Prologu». Jeszcze jeden obrazek rysuje się mi w tej chwili w pamięci, kiedy Franciszek zawiadomił nas o przybyciu Tytusa z Moskwy pod cudzym nazwiskiem i o zamiarze jego udania się dnia następnego do oddziałów Zygmunta. Matka stała smutnie wpatrzona w mówiącego — milczała. Siostry Józefa i Ksawera podbiegły z błaganiami, by Tytusa nie wysyłał na śmierć, przecież jeden Konstanty jest już tam. «Nie rozumiecie» — odparł — «na wojnie życie i śmierć zależy od losu, przypadku. Tu — tutaj śmierć niezawodnie czeka na każdego z nas». Tytus pozostał jako

zastępcą Gieysztora. Tytus nie mógł z nami mieszkać. Dnia następnego, żegnając się z Tytusem, Franciszek mówił: «Ciężkie i niezmiernie trudne czeka cię zadanie. Wiem, że o ile to jest w mocy człowieka w naszym położeniu, podolasz mu. Pamiętaj tylko o jednym: strzeż, by nie uwieziono Jakóba, nie da sobie rady w komisji, zapłać się sam i sprawę zapłać; nie odstępuj go, ochraniaj».

Biblioteka Narodowa (Warszawa). Автограф

ПЕРЕВОД

Считаю себя обязанный добавить еще несколько подробностей, относящихся к [18]63 г. и пропущенных в моих воспоминаниях о том времени.

Прежде всего о военных делах в Отделе, управляющем Литвой. 18 августа н. ст. 1862 г. после свадьбы в Кейданах, отправляясь с женой за границу², Зыгмунт в условленный день остановился на несколько часов в Вильно в квартире Францишка, где уже ждали собравшиеся члены Центрального комитета. Тогда-то, в столь памятный для меня день, Зыгмунт вошел в его состав в предвидении восстания, как будущий вождь вооруженных сил на Литве. Тогда-то решили пригласить шестым членом Комитета в роли представителя военного управления Якуба Гейштора (под руководством Зыгмунта, или же, в случае смерти, его заместителя). В случае восстания Якуб был обязан применительно к военным требованиям организовать Ковенскую губ., снабжать оружием, деньгами, людьми провинции, охваченные движением, посредничать между Вильно и Петербургом, оказывавшим всяческую помощь восстанию, доставлять карты, точные сведения о действиях неприятельских войск и т. д. Во время восстания заместителем и помощником Якуба был назначен Титус Далевский, который в январе 63 г. был представлен Зыгмунтом петербургской организации — Огрызке, Балтазару Калиновскому, Ст. Р.³, Рымовичу, Нажимскому и Спасовичу.

Таким образом, 18 августа [18]62 г. Зыгмунт обязался прибыть по вызову края, если это потребуется.

После начала восстания в Королевстве Польском старались, согласно указаниям Зыгмунта, организовать Литву на военную ногу.

21 августа [18]62 г. Национальное правительство, собранное в Европейской гостинице у Зыгмунта, также назначило его будущим вождем Литвы, обязуясь при этом приложить все возможные усилия для предотвращения или, в крайнем случае, отсрочки восстания хотя бы на несколько лет.

Члены Национального правительства были известны Зыгмунту, а Францишек дружил с Гиллером на каторге.

О председательстве в Отделе, управляющем Литвой. В середине февраля [18]63 г., после варшавских событий, Центральный комитет выслал Антония Еленского для окончательных переговоров с Национальным правительством, которое после роспуска Комитета движения отправило с Еленским мандаты для 6. членов Центрального комитета, оставляя их на ранее занимаемых постах, присоединив лишь печать Отдела для Францишка Далевского, поручив ему управление внутренними делами. Следовательно, никто не формировал произвольно 1-го отдела — звания председателя не было, лишь председательствующий — именно тот, у кого была печать Отдела.

О председательстве во 2-м, исполнительном, отделе (по воле Национального правительства в Варшаве)⁴. После роспуска Партии движения⁵ наиболее способные ее члены, по предложению Далевского, вошли в состав Управляющего отдела в качестве заместителей, помощников. Таким образом, 22 июня н. ст., после ареста Александра Оскерки, Малаховский, бывший его заместителем, стал после него начальником города; после ареста 10 июля н. ст. Францишка Далевского Константин Калиновский, работавший при нем, принял в качестве заместителя внутреннее дело. Гейштор, как самый стар-

ший и долее других занимающий пост в Отделе, получил мандат председателя 2-го, исполнительного, отдела; Титус Далевский в качестве его заместителя и помощника занял место, ранее занимаемое Гейштором. Юзеф Калиновский, прибывший в Вильно во второй половине июля н. ст., представлял во 2-м отделе военные дела (2-й отдел возник из 1-го так же, как 1-й из Центрального Комитета. Никто не формировал его произвольно).

В письме, написанном сестрам в Кунгур в декабре н. ст., Титус говорит: «Я занимаю ту же должность, что и в вашу бытность, с той лишь разницей, что теперь у меня гораздо больше хлопот»⁶.

Кеневич, сын эмигранта, служащий Петербургско-Варшавской ж. д., не был секретарем при 2-м отделе, им был К. Ф.⁷ Во времена Управляющего отдела он лишь однажды был на сессии, представленный Наполеоном Еленским, с целью внесения предложения о диверсии над Камой и Волгой. Кеневич не мог оставить Петербурга и поселиться в Вильно в связи со своей должностью и казанским делом⁸; он выезжал за границу главным образом в интересах этого дела.

Стаженский отказывается от должности предводителя дворянства и участия в делах Литвы не из тщеславия или самолюбия, а по необходимости, после распоряжений из Варшавы, с момента, когда Литва уступила свои права на управление половиной Гродненской губ., ибо именно в этой половине были имения Стаженского.

Дановский после галицийской резни был послан Братским союзом⁹ и обращался к Гейштору для привлечения молодежи Ковенской губ. к совместной работе по распространению среди народа знаний, нравственности и достатка. Он получил ответ: «Я родился шляхтичем, и больше обязанностей имею в отношении шляхты, чем крестьян». С тех пор никто из Братского союза не поддерживал никаких отношений с Гейштором — ни Зыгмунт во время своего пребывания в университете, ни Далевские до возвращения Францишка из Сибири и встречи с Якубом у Рудомины, а Зыгмунта — у Александра Оскерки в [18]61 г., при проезде за границу.

Козелло приезжал к Зыгмунту от Партии движения, предлагая ему гетманство на Литве¹⁰. Зыгмунт ответил резко. Упрекал партию за несогласованность действий с волей большинства в крае, спрашивал: «Где оружие? Где деньги? Где нужные люди и признание края?».

Мауриций Ключковский (Maurycy^a, по Цылову, которого невозможно схватить) был начальником полиции¹¹.

Пожерские — 6 сыновей военного доктора в чине генерала. Эдвард, старший, товарищ Далевских по гимназии, принадлежал к Братскому союзу. В [18]48 г. сослан в арестантские роты в Оренбурге, товарищ Зыгмунта. В [18]63 г. был комиссаром в Вильно, заведовал нашим скудным арсеналом, принимал присягу от идущих в повстанческие отряды, был вербовщиком при помощи преданных ему людей. Когда арестовали Александра Оскерку и Антония Еленского, эмигрировал в Париж. Генрик, младший брат, стал во главе городской молодежи, руководил ею и поддерживал порядок и дисциплину. Оба были чрезвычайно ценимы Оскеркой за свою полезность, добросовестность и отвагу, когда надо было рисковать для спасения других.

Константин и Александр сосланы в глубь России за участие в восстании¹². 8- и 10-летний остались при матери в Вильно. Вся семья отличалась гостеприимством, семейным счастьем и красотой: родители, сыновья и дочь, прелестная Анетт (за Раковским, тельшевским поветовым комиссаром). Раковская выхаживала в своем имении Вевульского, предводителя косинеров, тяжело раненного под Биржами.

Мать Пожерских была благоразумной и энергичной женщиной. Привыкшая к роскоши, воспитанная в достатке, для пользы дела и для безопасности сыновей все время

⁶ Так в оригинале.

после увольнения слуг одна, несмотря на пожилой возраст, выполняла всю тяжелую работу. Бедная, она отбыла добровольную каторгу.

Литва организовалась в [18]61 г. (мирно) сама, а не через Петербург. Во времена Центрального комитета в [18]61 г., находясь на страже, которую мы несли по очереди, я невольно слышала предложение Францишка: «Почему мы не должны поднять из гроба, вернуть жизнь давнему и столь нам милому делению земли нашей на воеводства, округа и т. д.? Почему бы не призвать к участию в работе всех способнейших сыновей этой земли?». Долго дискутировали над этим и над другими вопросами; наконец, составили постановление об организации, а сестры в тот же вечер отвезли в архив к шариткам¹³ (при госпитале на ул. Савич).

О военной организации. После начала восстания старались, согласно указаниям Зыгмунта, организовать Литву по воеводствам в военном отношении; с этой целью Якуб Гейштор целый март месяц находился в Ковенской губ., которая в то время была первым и важнейшим военным пунктом движения.

К сожалению, прибывший в апреле Зыгмунт нашел там хаос; в этом не было вины граждан — их развлекали¹⁴. Зыгмунт был вынужден во время своего недельного пребывания в Кнебях (Тересбор) организовать их. С энтузиазмом, с самопожертвованием, достойным удивления, вся губерния служила делу. Зыгмунт не сменял должностных лиц, назначенных Якубом, было уже поздно — это привело бы к еще большему хаосу, были бы сразу 3 организации: движения, Гейштора (от Отдела) и Зыгмунта.

Что касается назначений на наиболее важные посты в крае, то они осуществлялись путем выборов большинством голосов, по губерниям, поветам и т. д. Ни один из членов Комитета, а позднее 1-го и 2-го отделов не имел исключительных прав произвольно подписывать и принимать решения, декреты, приговоры, воззвания и т. д. Все совершалось путем голосования сначала 5, а потом 18 с делегатами.

Зыгмунт, тяжело раненный, терзаемый комиссией, думающий о близком смертном приговоре, не перестал заботиться о ходе нашего дела, о судьбе своих товарищей заключенных и безопасности членов Отдела¹⁵. Сколько ценных указаний, сколько предупреждений вышло из камеры Зыгмунта! Он учит, какой суммой и каким путем подкупить Муравьева для спасения от смерти Александра, Антония¹⁶, а после смерти Зыгмунта в такую же сумму обошлось и дело Францишка. Таким же путем пошли 15 000 и 900 руб., данных Завишей для Якуба.

Из тюрьмы Зыгмунт предупредил о готовящемся обыске и намечаемом аресте Антония и Александра.

Если буду жива, то, описывая историю наших скитаний по России для молодежи нашей семьи, еще вернусь ко временам заключения Зыгмунта.

Аполония Зыгмунтова Сераковская

Ни Далевские, ни Зыгмунт не хотели начинать восстания в [18]48 г. Свидетельствует об этом даже, например, Чернышевский, когда пишет в своем «Прологе» о Зыгмунте (Соколовский). В памяти встает у меня в этот момент еще одна картина, когда Францишек сообщил нам о прибытии Титуса из Москвы под чужим именем и о его намерении отправиться на следующий день в отряды Зыгмунта. Молча стояла мать, грустно глядя на говорящего. Подбежали сестры — Юзефа и Ксавера, умоляя, чтобы не высылал Титуса на смерть, ведь Константин уже там. «Вы не понимаете, — ответил он, — на войне жизнь и смерть зависят от судьбы, случая. Здесь же смерть неизбежно ждет каждого из нас». Титус остался в качестве заместителя Гейштора. Титус не мог жить с нами. На следующий день, прощаясь с Титусом, Францишек говорил: «Тяжкая и неизмеримо трудная ждет тебя задача. Знаю, что ты справишься с ней, насколько это в силах человека в нашем положении. Об одном лишь помни: берегись, чтобы не арестовали Якуба, он не справится с собой в комиссии, запутается сам и запутает дело; не отходи от него, охраняй».

¹ Воспоминания жены одного из руководителей восстания в Литве и Белоруссии З. Сераковского А. Сераковской были написаны в 1915 г. в Варшаве и переданы ею в подлиннике для просмотра участнику восстания известному ученому Б. Дыбовскому. Последний в 1916 г. переслал воспоминания виленскому историку В. Загорскому для комментирования и опубликования, однако, несмотря на ценность этих мемуаров, они не были напечатаны. В настоящее время эти воспоминания хранятся в ЦГИА Лит. ССР (ф. 1135, оп. 8, д. 38) и занимают 109 рукописных листов ин-фолио. Копия части воспоминаний находится в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 218, картон 401/1). Публикуемый документ представляет собой дополнение к этим воспоминаниям, дающее сжатый очерк участия З. Сераковского и семьи Далева в событиях 1861—1863 гг.

Несмотря на отдельные фактические неточности и субъективизм в оценке деятельности З. Сераковского и братьев Далева, как публикуемый документ, так и полный текст воспоминаний являются важным источником для изучения истории восстания 1863 г., в особенности в сопоставлении с док. 64—66.

² Бракосочетание З. Сераковского состоялось 30 июля (11 августа) 1862 г., причем среди присутствовавших А. Сераковская упоминает К. Каличовского, А. Мацквичюса, Я. Станевича и других (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1135, оп. 8, д. 38, л. 68). О союзе в Вильно непосредственно перед выездом З. Сераковского за границу см. там же, л. 62.

Целью поездки З. Сераковского за границу, продолжавшейся до декабря 1862 г., было установление контактов с деятелями польского национально-освободительного движения в эмиграции и представителями европейского революционного движения для консолидации сил будущего восстания (см. там же, лл. 65, 78, 95). А. Сераковская упоминает о направлении им из Парижа в Лондон В. Никоровича (л. 78), что, возможно, связано с поездкой З. Падлевского, А. Гиллера и В. Миловича к А. И. Герцену в сентябре 1862 г.

³ По-видимому, подразумевается Станислав Рехневский.

⁴ В начале лета 1863 г. Отдел, управляющий провинциями Литвы, был по рекомендации Национального правительства преобразован в Исполнительный отдел на Литве.

⁵ Захват руководства восстанием в Литве и Белоруссии белой партией был закреплён декретом от 27 февраля (11 марта) 1863 г. (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 880, л. 30).

⁶ См. письмо Т. Далева от 27 ноября (9 декабря) 1863 г., адресованное его сестрам, сосланным в Кунгур (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1135, оп. 8, д. 38, л. 107).

⁷ Кароль Фалевич.

⁸ Речь идет о так называемом Казанском заговоре — восстании крестьян в приволжских губерниях, подготовлявшемся русскими и польскими революционерами.

⁹ Имеется в виду созданная братьями Ф. и А. Далева в 1845—1846 гг. в Литве и Белоруссии нелегальная организация, программу которой определяли шляхетско-революционные взгляды ее участников — студентов, мелких чиновников, ремесленников. Организация установила контакты с учебными заведениями Москвы, Петербурга, Киева, Одессы, Дерпта (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1135, оп. 8, д. 38, лл. 2, 89). С руководством организации, наиболее радикальные члены которой готовили восстание в Литве весной 1849 г., был связан З. Сераковский (там же, л. 49).

¹⁰ См. там же, л. 98, а также док. 66.

¹¹ Об участии М. Ключевского в деятельности виленской революционной организации, в частности, в переправе офицеров, прибывших из Петербурга, в повстанческие отряды, см. показания В. Миладовского (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 621, лл. 6—10; д. 1101, л. 11).

¹² См. показания Г. Пожерского (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 502, л. 102). О розысках Э. Пожерского, а также ссылке К. и А. Пожерских за причастность к деятельности виленской организации см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 260.

¹³ Один из женских монашеских орденов.

¹⁴ О бездеятельности Я. Гейштора во время его поездки в Ковенскую губ. см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1135, оп. 8, д. 38, л. 100.

¹⁵ См. предсмертные письма З. Сераковского из тюрьмы (там же, лл. 84—86).

¹⁶ Имеются в виду А. Осерко и А. Еленский.

1860 г. январь.—Послание виленского епископа А. Красинского духовенству епархии с призывом содействовать «прощению» крестьянами обид, причиненных им помещиками¹

Адам Станислав Красинский,
божьей милостью и благодатью святого апостольского престола
епископ виленский

Преподобным деканам,
настоятелям и всему духовенству Виленской епархии
Привет и пастырское благословение!

Спаситель послал апостолов проповедовать евангелие. Апостолы посылали учеников своих, назначая их епископами по городам. И поднесь властью св. Петра папа посылает епископов и епископы посылают священников не для того, дабы они славили сами себя и свою мудрость, но дабы проповедовали учение Иисуса Христа, и то не в своем духе, а в духе Иисуса Христа, и дабы слово божье излагали народу не по своему толкованию, а по внушению и разумению церкви. Так каждый священник, руководимый духом святой церкви, исполняет свое послание, возложенное на него церковью при рукоположении.

Но кто проповедует свое учение под именем учения спасителя, кто его по-своему толкует, кто уклоняется от мысли и разума церкви, а себя и свои мудрствования ставит за церковь и закон, более увлекаясь господствующими мнениями и духом времени, чем следуя учению церкви,— тот самопосланник и лжепророк и, хотя бы именовался христианином, отступает от духа и оснований христианской церкви.

С этой точки зрения мы обращаем внимание на самую важнейшую из заповедей господних: любовь к ближнему, которую в наше время не один, к несчастью, понимает по-своему и превратно толкует, раздражая одно сословие противу другого и под предлогом сострадания к крестьянам возбуждая в них враждебные чувства противу помещиков, не думая о том, что неуместной ревностью может причинить зло, которое ему и в ум не приходило. Тщетно говорил бы кто, что делает это в благом намерении: намерение не оправдывает средств, и в наилучшей цели

зловредных средств употреблять никто не вправе. Великое крестьянское дело лишь путем любви, по-божьему, может увенчаться успехом.

Кто бы затем разумел, что возбуждать в одном сословии негодование к другому служит добродетели, тот ложно понимал бы учение Христово, основанное на любви, тот был бы апостолом своего учения, а не учения спасителя, сказавшего: «благословите гонящих вы, благословите, а не кляните, никому же воздавая зло за зло».

Не полагаем, чтобы кто-либо из братьев и лжепророков принимал это нехристианское начало ненависти и разъединения, тем более, чтобы решился проповедовать оное к соблазну народа. Предпочитая, однако, предупреждать и отвращать зло, нежели останавливать и укрощать его впоследствии, рекомендую всему духовенству: в духе христианском и по внушению святой церкви всегда и везде проповедовать любовь и любовь, взаимное прощение обид, никогда же ненависти, либо мщения, избегая малейшего слова, которое могло бы возбуждать одно сословие противу другого. Изливайте, братья, бальзам на раны, а отнюдь не выжигайте их и не растревляйте. Да будет духовенство звеном любви, связывающим помещиков и крестьян.

А если бы кто-нибудь решился в проповеди употреблять выражения, раздражающие один класс противу другого, тот не только со стороны духовного начальства подвергнется строжайшей ответственности, но и преданный суду светских властей не должен надеяться никакой защиты^а с нашей стороны.

Вильна, января дня^б 1860 г.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1858 г., д. 1147, лл. 235—236. Копия

¹ Послание вызвано резким усилением крестьянского антипомещичьего движения накануне реформы 1861 г.

70

1860 г. сентября 22.—Показание К. Вишневого в Виленской следственной комиссии¹ о кружке В. Витковского

22 сентября 1860 г. призванный к допросу дворянин Карл Вишевский показал.

В дополнение к моему показанию² объясняю следующее. С Витковским я познакомился в то время, когда я был учеником в Дворянском училище, а он в 5-ом классе Виленской гимназии. В течение полутора года, быть может, я с ним и встречался, но близких отношений не имел. В мае же настоящего года, когда Витковский был уже в 7-ом классе, то пришел ко мне в гости и, узнав от меня, что хочу торговать сафьяном, но не имею для того денег, сказал, что может достать их у Владислава Клечковского³. Несколько дней спустя, хорошо не помню, Витковский принес мне от Клечковского 25 руб. сер. На другой день после сего я вместе с Витковским пошел в квартиру Клечковского, что-

^а Так в тексте.

^б Число не поставлено.

бы отнести 1 руб. сдачи, ибо просил только взаймы 24 руб. сер., но Клечковского мы не нашли дома. Когда я узнал его квартиру, то спустя, кажется, месяц я опять пошел к Клечковскому уже один, чтобы просить еще денег. Он мне дал 56 руб. сер. и просил аккуратно возвратить⁴, надеясь на хороший барыш от моей торговли, прибавив, что деньги эти не его, а какого-то Пузыны. Все эти деньги я отдал моему отцу, сафьянному мастеру, а он в уплату этого долга дал Клечковскому на 20 руб. сер. кож. Кончили ли они расчеты, я не знаю.

В конце июня с. г. пришел ко мне, когда я жил у домашнего учителя Домбровского, Викентий Витковский и сказал, что он нанял квартиру на Бернардинском пер. в д. Англина под № 8⁵ с целью собирать у себя ремесленников сафьянного цеха, чтобы их учить читать и писать, а притом и петь разные песни; с каким же намерением хотел это делать, я не знаю; хотя же в первом показании написал, что Витковский хотел разводить дух патриотический, но от него я этого не слышал, а сказал только собственное предположение⁶. Витковский объяснил мне^а также, что квартиру эту нанял не на свое, а на мое имя и просил, чтобы я говорил ремесленникам, что это его квартира. Это он делал для того, что не хотел, чтобы родители его, с которыми он всегда жил, знали, что у него есть особая квартира в городе. Мне же поручил говорить всем, кроме ремесленников, что это моя квартира. Когда я приводил к Витковскому двух братьев Наркевичей и Рачковского, то видел там малолетнего ученика гимназии, лет 12, Маевского, другого ученика, только не знаю из какого заведения, а по фамилии, кажется, Барановский. О чем они между собой говорили, я не слышал, а только знаю, что Витковский дал Маевскому при мне какую-то книгу.

Когда я отошел от учителя Янковского, где был гувернером, то перешел на квартиру к домашнему учителю Домбровскому⁷, которого знал, будучи еще у Янковского и где он давал уроки. Домбровский всегда, когда выпьет, хвастал перед мною, что много всего умеет и весьма много читал. Я просил у Домбровского денег на мою торговлю, но он, хотя и обещал, однако денег не дал.

Однажды я был в кофейной у Горецкой, где также были два неизвестных мне человека, они между собой говорили, как я сам слышал, о том, что в Вильне есть эмиссар Лисовский⁸. Это могло быть более месяца назад. Дождавшись, чтоб они вышли из кофейной, я спросил у Горецкой, кто были эти люди, и, как один из них уже вышел, а другой еще оставался, то Горецкая сказала, что фамилия последнего Мяновский. Роста он был небольшого, лысый и мог иметь лет 50 от роду. Не зная, что значит слово «эмиссар», я спрашивал об этом у Домбровского. Он сказал, что эмиссар значит добрый человек, который приходит из-за границы и переодевается в разные платья. Я спрашивал у Домбровского, нельзя ли достать у эмиссара денег, на что Домбровский отвечал, что он эмиссара того не знает. Если бы мне⁶ Мяновский был показан, то я его тотчас узнаю.

Припоминаю себе, что когда я пошел с Витковским вместе к Клечковскому, то Клечковский говорил, что царь приедет в Вильно 26 ав-

^а В тексте меня.

⁶ В тексте меня.

густа, а Витковский на это отвечал: «нет, что о нем говорить, он нам ничего хорошего не сделал». Клечковский вновь сказал, что царь дал амнистию, а Витковский отвечал, что дал на беду.

Янковский, у которого, как выше сказано, я был гувернером, рассказывал, что книгопродавец Асс доставил ему, Янковскому, много запрещенных книг⁹, которые он хотел раздавать для чтения своим знакомым. Этот разговор⁸ между Янковским и его братом я слышал, будучи в другой комнате. Так как Янковский никогда не допускал меня находиться в одной с ним комнате, когда у него бывали гости, то я слышал так же из другой комнаты, как Янковский в разговорах, между прочим, говорил своим гостям, которых я не знаю, что ему легко будет уговорить многих, чтоб они не оставались в Вильне, когда сюда придет государь император, а уезжали бы за границу. Янковский заставлял учеников своих учить стихи Сигизмунда Красинского, которые, как я слышал, были запрещенные, неоднократно говорил ученикам, чтобы они не любили москалей, и даже одному из учеников, именно сыну гр. Адама Чапского, говорил, что убил бы его, если бы он вздумал вступить на службу в русское войско.

Более месяца тому назад я пришел однажды к Витковскому. Он был дома у родителей на Гарбарской ул., и, кроме меня, у него в то время никого не было. Витковский вынул из столика стихи и мне их читал. Стихи эти под заглавием «Toasty»¹⁰, предъявленные мне Комиссией, я признаю за те самые, которые читал мне Витковский. Лица, в них поименованные, должны быть: Витковский, потому что он называется Викентием, другой — Яковицкий, находящийся в дружбе с Витковским и называющийся Адольфом, он ученик гимназии; а как третьего по имени Александр я фамилии не знал, я спросил Витковского, кто это таков. Он мне отвечал, что это Миладовский. Услышавши фамилию эту, я на самих стихах собственноручно написал: Миладовский. Кем стихи эти были сочинены и кем написаны, я не знаю, и Витковский мне о том никогда не говорил. Я неоднократно видел, как Витковский собирал около себя учеников, и они толпами вместе с ним ходили по улицам, о чем же разговаривали, мне неизвестно, ибо [я] никого из них не знал. Витковский, как я уже раз объяснял, спрашивал меня, почитают ли меня сафьянники, на что я отвечал, что, как кажется, почитают, потому что я окончил 5 классов и теперь преподаю уроки, а они каждого чиновника гражданского или военного или занимающегося чем-нибудь другим, а не сафьяном, если с ними ласково обходиться, почитают. Тогда Витковский просил, чтобы я его с ними познакомил, на вопрос же мой: на что? он отвечал: тебе не нужно знать еще. После сего, когда он имел квартиру на Бернардинском пер., я приводил к нему несколько сафьянников на чай. Витковский говорил, что будет им петь песни, а также учить читать и писать; но [так] как сам мало имел времени, то говорил, что назначит для учения этих ремесленников учеников, которые не нуждаются в преподавании частных уроков, и из числа их назвал одного — Ромера. Также я видел, что он учил маленьких мальчиков, детей ремесленников, а на вопрос мой, для чего это делал без платы, он отвечал, что лучше познакомлюсь с ремесленниками. Из числа ходивших к нему были: два брата Наркевича, Героним Рачковский и студент университета Курне-

⁹ В тексте рассказ.

вич, который отлично пел. Ученик Маевский, мальчик лет 14^а, которому Витковский давал читать книги, бывал также у него.

Витковский, будучи однажды в квартире Яковицкого, говорил о своем намерении отправить Орловского для исправления^б гимназии в Ковне или Минске. Орловский, как я слышал, живет в доме Дворянского училища, где он у кого-то гувернером. В квартире Яковицкого, когда у него собралось несколько учеников, в том числе Копылов, о котором я слышал только по фамилии, был разговор о найденных Копыловым в Ботаническом саду стихах^в, писанных карандашом. Стихи эти были, как некоторые толковали, той мысли, чтобы царя принимать с неудовольствием. Копылов, как я там же слышал, дал эти стихи тотчас переписать Витковскому. Также было говорено, что когда ученики шли за город на прогулку через Троцкую ул. на Погулянку, то на этой прогулке Витковский, Яковицкий и еще двое получили, как мне кажется, те именно стихи, которые мне показывала Комиссия. Думаю^г так потому, что стихи эти были написаны по поводу весенней прогулки.

В прошлом году я имел случай познакомиться со студентом Петербургского университета Веригой. Имея желание заняться торговлей сафьяном, я ходил к Вериге, чтобы занять для этой надобности денег, но он мне не дал. Тогда, слышавши от других учеников, что Верига добрый человек, я придумал средство обмануть его, чтобы получить деньги. С этой целью, придя к нему, я рассказывал, как будто бы мой дядя Иосиф Вишневский, который живет на Сафьяницкой ул., находится в Ковне и там старается возбудить народ к восстанию и имеет в своем доме тайное убежище; тогда Верига мне отвечал, что постарается достать денег. То же самое я рассказал Витковскому и студенту Петербургского университета Юндзиллу Эмануилу, потому что Верига мне говорил, что Юндзилл добрый человек. Во второй раз, когда я пришел к Вериге, то представлял из себя патриота и спрашивал, не слышал ли он чего-нибудь. Тогда Верига рассказал мне, что он слышал, будто бы Шевченко работает где-то в Киеве, только худо для нас, ибо хочет, чтобы Волынь и Подолье не принадлежали к Польше. Потом рассказал мне, будто бы Лисовский находится в Вильне и об нем знают ученики и что этот Лисовский хочет сделать какую-то демонстрацию на приезде государя императора, причем он добавил, что сам к этому не принадлежит и что на четыре глаза^г обо всем говорить можно.

Потом я был у Домбровского и спрашивал, не знает ли он Веригу. Домбровский мне отвечал, что он знает его очень хорошо. Потом я спрашивал Юндзилла, не слышал ли он об Лисовском. Юндзилл отвечал, что Лисовский есть, ибо из-за границы дали об этом знать здешней полиции. Мне рассказывал занимавшийся прежде частными уроками Александр Зембковский, что Янковский советовал Домбровскому написать письмо к гр. Михаилу Тышкевичу с выговором, зачем он устраивал охоту для государя, когда [в] запрошлом году был в Вильне, и что если он, Тышкевич, не поправится, то в первый раз будет наказан розгами, во второй также, а в третий раз будет повешен. Однажды, ког-

^а Подчеркнуто и сверху карандашом написано 12.

^б Так в тексте.

^в В тексте думая.

^г Т. е. с глазу на глаз.

да я был на похоронах доктора Абихта¹², то видел там Витковского с Домбровским, а Зембковский мне рассказывал, что Домбровский дал Витковскому воззвание демократического общества¹³, подписанное буд-то бы Абихтом.

Однажды, когда я был у Вериги, тогда у него был и студент Петербургского университета Курневич. Сестра Вериги вошла в комнату и просила у брата 2 злотых¹⁴, а когда он их не имел, то я, выйдя в другую комнату, дал ей эти деньги и слышал, как Вериги говорил Курневичу, что нужно будет пойти по деревням, петь крестьянам патриотические песни и рассказывать им, как москали притесняют поляков; Курневич же отвечал, что он на все согласен¹⁵. К сему добавляю, что возвращенный из Сибири Булгак, с которым я имел случай познакомиться и которого раз встретил на Бакшце¹⁶, говорил мне, что Наполеон ведет переговоры с эмиграцией; Домбровский же говорил мне в присутствии Витковского, что Наполеон приказал Пруссии, Австрии и императору Александру уступить Польшу, и говорил, что он это читал в «Познанской газете»¹⁷. Вот мое чистосердечное сознание и если не донес это начальству, то прошу о прощении, а когда бы еще что припомнил, то сам тотчас же объявлю обо всем Комиссии.

Дворянин Карл Вишневецкий

Допрашивали:

Председатель полковник Галлер

Члены:

полковник Васильев

корпуса жандармов подполковник Адамович

тит. с. Тырков^а

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1860 г., д. 33, ч. 1, лл. 37—41. Подлинник

¹ В связи с заключением предварительного следствия, «что действительно существуют здесь неблагонамеренные связи, преимущественно в классе ремесленников сафьянного цеха, имеющие вид зловредных замыслов», В. И. Назимов передал дело В. Витковского в Виленскую следственную комиссию для «исследования всех обстоятельств дела» (см. там же, лл. 1—2).

² В показаниях на предварительном следствии 10 сентября 1860 г. К. Вишневецкий сообщил, что В. Витковский просил привести к нему несколько ремесленников, занимающихся сафьянным ремеслом, и он слышал, как последний уговаривал ремесленника Я. Наркевича петь среди своих товарищей патриотические песни, т. е. «разводить дух патриотизма» (см. там же, лл. 24—25).

³ О В. Ключковском — участнике революционного движения 1848 и 1863 гг. см. J. Gieysztor. *Pamiętniki z lat 1857—1865, t. 1. Wilno, 1913, str. 386—387*; а также B. Limanowski. *Pamiętniki (1835—1870). Warszawa, 1957, str. 393—394*.

⁴ В других показаниях К. Вишневецкий поясняет, что Ключковский, одалживая ему деньги, советовал выписывать журнал «Kmiotek» и давать читать ремесленникам для развития их понятий (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1860 г., д. 33, ч. 2, лл. 84—87 об. и ф. 419, оп. 2, д. 113, лл. 6—12). «Kmiotek» («Крестьянин») — еженедельник для крестьян. Издавался в 1842—1850 и 1860—1866 гг. в Варшаве.

⁵ Для проведения революционной агитации среди ремесленников и учащейся молодежи В. Витковским была нанята особая квартира в Бернардинском пер., где проходили беседы, встречи, пение патриотических песен, обучение грамоте детей ремесленников. Подобные встречи происходили и в заезжем доме, у ученика Павловича, где велись диспуты по вопросам химии, анатомии, читались сочинения Гоголя, Сырокомли. Сам же

^а Опущены малозначительные добавления Вишневецкого о мотивах его неполных показаний на предварительном следствии.

В. Витковский проживал у родителей на Гарбарской ул. (см. там же, ч. 1, л. 61 об.; ч. 2, лл. 90—91).

⁶ Допрошенные следственной комиссией ремесленники все отрицали какой-либо политический характер кружка, но из их рассказов он вырисовывался совершенно ясно. Я. Наркевич показал, что во время одной из встреч В. Витковский спрашивал: «Если бы здесь были какие-либо замыслы для освобождения отчизны, имел ли бы я желание принадлежать к их товариществу?». В другом месте передавал свой разговор с братом, убежденным, что если деятельность кружка будет раскрыта, то все члены его будут арестованы за антиправительственную деятельность (см. там же, ч. 1, лл. 13—15).

⁷ В 1864 г. домашний учитель И. Домбровский был обвинен в распространении среди жителей Вильно повстанческой газеты «Głos z Litwy» («Голос из Литвы»). Из следственного дела видно, что И. Домбровский поддерживал связь с отставным чиновником А. Барановичем, у которого при обыске были найдены выписки из «Колокола» за 1861 г. (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 845, лл. 1, 8).

⁸ Лисовский, или Лисицкий, по собранным царскими властями сведениям, — это Артур Трох (Гнатковский), эмиссар Мерославского, который в Познанском княжестве распространял антиправительственные брошюры, хотел установить связи с демократической партией, собирал сведения о возможностях нового восстания в Польше. Его прибиты ожидали и в Вильне (ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 87, лл. 5—7; ф. 378, ПО, 1860 г., д. 4, лл. 1—2, 7).

⁹ О книгопродавце И. Ассе см. прим. 2 к док. 72.

¹⁰ При обыске у В. Витковского 9 сентября 1860 г. найдено стихотворение «Toasty» («Тосты») патристического содержания, написанное по поводу маевки 23 апреля 1860 г. Автор неизвестен. Можно полагать, что сочинил это стихотворение кто-нибудь из учеников виленской гимназии, товарищей В. Витковского, с которыми он поддерживал тесные связи. В стихотворении высказывалась мысль о единстве и взаимной помощи в деле освобождения родины: «Пусть соединит нас единоплемя и согласие, да окончим уже время неволи... Честь всем, которые за край готовы жизнь нести... Пусть цепь бесчестия свалится с нас». Строфа, обращенная к Витковскому, между прочим, свидетельствует, что он являлся главным распространителем патриотизма среди учеников: «Любовь к отечеству... плод твоих посевов» (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1860 г., д. 33, ч. 1, л. 43).

¹¹ Имеется в виду стихотворение «Pytanie» («Вопрос»), написанное неизвестным автором по случаю ожидаемого приезда Александра II в Вильно в 1860 г. На основании ученика виленской гимназии А. Копылов объяснил, что стихотворение было найдено им в Ботаническом саду. В нем выражалась ненависть к императору: «...Опять в этом городе увидим своего врага... и так гнусно, как змея истоптанная, лизать будем пыль с угнетающих ног...» (см. там же, лл. 60—61, 96—97; ф. 419, оп. 2, д. 113, лл. 6—12).

¹² Доктор А. Абихт умер 2 августа 1860 г.

¹³ Вероятно, воззвание революционной громады «Лондон» от 23 мая 1858 г., подписанное Г. Абихтом (см. «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей», т. III, М., 1958, стр. 623—626).

¹⁴ Злотый — единица монетной системы в Польше (15 коп.).

¹⁵ В другом показании К. Вишневицкий добавляет: «Однажды, когда [я] пришел на кв. Юндзилла, то нашел [там] Веригу и Ямонта. Юндзилл начал им говорить, что нам нечего так сильно горевать и можем теперь отдохнуть, поскольку сами крестьяне и ремесленники начали трудиться [...]. И им много легче, поскольку правительство не так скоро об этом узнает, как о нас» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1860 г., д. 33, ч. 2, л. 86).

¹⁶ Имеется в виду ул. Бокишо в Вильне.

¹⁷ Видимо, речь идет о газете «Dziennik Poznański», издававшейся в Познани с 1859 г.

71

1860 г. сентября 24. — Протокол допроса В. Витковского
в Виленской следственной комиссии

1860 г. сентября 24 дня Следственная комиссия, призвав в свое присутствие мещанина Викентия Витковского, предложила ему следующие вопросы.

Вопрос 1. В бумагах ваших, взятых при обыске, найдены стихи на польском языке под заглавием «Тосты» дурного содержания. Комиссия, предъявляя вам эти стихи, спрашивает вас, от кого вы их приобрели, кем они сочинены, написаны, с какой целью вы их у себя держали, а также не можете ли назвать по фамилии тех лиц, о которых в них упоминается?

Ответ. Стихи, взятые у меня при обыске и показанные мне комиссией, признаю за те самые, которые я нашел в конце июня или начале июля^а на набережной, против большого строящегося дома. Прочитав их, бросил между бумаг^б в столик, сам же никому решительно их не показывал. Кем сочинены и кем написаны эти стихи, не знаю, а равно не знаю и фамилии тех лиц, о которых в них упоминается.

Вопрос 2. В тех же бумагах, взятых у вас при обыске, найдена рукопись на польском языке под заглавием «Да любим друг друга» («Kochaјmy się»)¹. Комиссия, предъявляя вам эту рукопись, обязывает вас подробно объясниться, вами ли она была писана и с какой целью, а в таком случае изложите вкратце ее содержание, или же, если рукопись эта приобретена вами, то от кого именно?

Ответ. Рукопись, взятая у меня при обыске и показанная мне комиссией, признаю за ту самую, которую я писал с целью пробовать сил своих, имея свободное время. В сочинении этом хотел я объяснить припев к древним польским песням: «Kochaјmy się». Для этого я сказал сперва несколько слов о назначении народов, а полякам я приписал назначение распространить любовь между всеми народами. Но это сочинение не закончил совершенно^в.

Вопрос 3. Комиссия имеет сведения, что вам было известно о пребывании в Вильне какого-то эмиссара. Объясните, кто вам об этом сообщил или вы сами узнали каким-либо образом; не передавали ли этого сведения кому-нибудь, кому именно и не знаете ли, как звали упомянутого эмиссара, где он проживал, долго ли и какие и с кем имел отношения?

Ответ. Однажды в начале июля знакомый мой Карл Вишневский, встретившись со мной на улице, сказал мне, что в Вильне есть эмигрант Лисецкий и что он приехал без паспорта из-за границы; я на это не сказал ему ни слова. Другой раз я зашел в кофейню Горечкой в том же месяце на стакан кофе и слышал, как какие-то две цивильные особы^г разговаривали о эмигранте Лисецком, а именно один спросил: «знаешь ли ты эмигранта?», другой отвечал: «не только знаю его, но и разговаривал с ним». Сам же я никогда его не видел, сношений с ним никаких не имел, и имел ли он таковые с кем-нибудь другим, я не знаю.

Вопрос 4. Имеется сведения, что вы поручали знакомому вам Карлу Вишневскому приводить к вам ремесленников и одного из них на плацу пред костелом св. Петра и Павла спрашивали, имел ли бы он желание принадлежать к вашему товариществу, если бы здесь были какие-либо замыслы для освобождения отчизны. Объясните, действительно ли это

^а В тексте явная описка в конце июля или начале июня.

^б Так в тексте.

^в Т. е. не окончил.

^г Osoby cywilne — гражданские лица (польск.).

так было, кто был упомянутый ремесленник и что отвечал на сделанное ему вами предложение?

Ответ. Когда был праздник в день св. Каетана² в антокольском костеле³, я просил Карла Вишневого, чтобы он пришел туда же с знакомым мне ремесленником Иваном Наркевичем, чтобы было вместе веселее идти⁴, вышедши с костела; мы сошлись и, прохаживаясь перед церковью св. Петра, разговаривали о исторических памятниках Вильна; но предложение, которое написано в вопросе комиссией: имел ли бы он желание принадлежать к нашему товариществу, если бы здесь были какие-либо замыслы для освобождения отчизны, я ему не давал и никакого разговора в подобном смысле с ним не вел.

Вопрос 5. В квартире вашей, где, как вы сами показали, собирались ремесленники, бывали молодые люди, одетые в сюртуки с синими воротниками. Назовите их по имени и фамилии и объясните, какого рода у вас было с ними знакомство и о чем с ними разговаривали?

Ответ. Студенты, о которых упомянуто в вопросе, предложенном мне комиссией, были Эдмунд Вериго, Игнатий Курневич, Эмануил Юндзилл. Приходили они ко мне, как знакомые, когда еще были в гимназии, разговаривали же мы о наших ученических занятиях и более решительно ни о чем.

Вопрос 6. Знакомы ли вы с Владиславом Ключковским и в таком случае бывали ли у него, одни или с кем-либо другим, с кем именно и о чем разговаривали?

Ответ. Владислава Ключковского я знаю, бывал у него один и с Карлом Вишневым; разговор мой с ним был обыкновенный, ибо я приходил к нему затем, чтобы он где-нибудь рекомендовал мне давать частные уроки.

Вопрос 7. Знакомы ли вы также с домашним учителем Домбровским, посещали ли его, кого там еще встречали и о чем между собой беседовали?

Ответ. Домбровского, домашнего учителя, я знаю, посещал его, никогда никого у него не встречал, кроме Карла Вишневого; разговор был обыкновенен, ибо я приходил к нему как к учителю, который давал уроки в гимназии и потому мне знакомому.

Вопрос 8. Комиссии известно, что вы собирали около себя учеников и толпами вместе с ними ходили по улицам. Притом вы говорили, что некоторых учеников, которые не нуждаются в преподавании частных уроков, назначите для учения грамоте ремесленников и из числа таких учеников называли одного — Ромера. Также вы учили маленьких детей ремесленников, и когда вас спрашивали, для чего это делаете бесплатно, то отвечали, что лучше познакомьтесь с ремесленниками. Комиссия требует от вас объяснения: для чего вы собирали около себя учеников и что побуждало вас обливаться с простым сословием ремесленников, которые не могли уже отвечать потребностям вашего образования?

Ответ. С товарищами ходил вместе пройтись. Того же, что в вопросе написано комиссией: что я говорил, что некоторых учеников, которые не нуждаются в преподавании частных уроков, назначу для учения грамоте ремесленников и что назвал одного Ромера, того я никогда никому не говорил. Детей малых для учения даром никогда не собирал и не учил. Учеников я никогда не собирал около себя. Просил же

я, чтобы ко мне пришли ремесленники, для той причины, о которой я объяснил в первом показании насчет восстановления Виленского университета⁵.

Вопросы давали:

Председатель полковник Галлер

Члены:

полковник Васильев

подполковник Адамович

тит. с. Тырков

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1860 г., д. 33, ч. 1, лл. 49—50. Подлинник

¹ При обыске у В. Витковского была найдена незаконченная рукопись «Возлюбим друг друга», начинающаяся эпитафией из Мамля: «И хлынет кровь палачей как полный поток, и упадут со своих поднебесных престолов деспоты, и солнце свободы озолотит вселенную».

В. Витковский в этом стихотворении призывает к единению, к любви между всеми слоями общества, между всеми народами, чтобы добиться свободы и истины. Одним из идеалов, к которому нужно стремиться, является, по его мнению, конституция 3 мая 1791 г., в которой нашли яркое воплощение характерные черты идеологии польских шляхетских революционеров того времени. Присущие этой идеологии положительные моменты (патриотизм, поиски путей возрождения поработенной родины) в значительной степени ослабляются неопределенностью и робостью социальной программы, мистицизмом, идеализацией прошлого Польши, мессианизмом (вера в исключительность польского народа, призванного будто бы выполнить особую освободительную миссию для всего человечества) (см. там же, л. 44).

² 7 августа.

³ Костел Петра и Павла в предместье Антоколь в Вильне.

⁴ На предварительном следствии 10 сентября 1860 г. В. Витковский показал, что просил К. Вишневого привести к нему «кого-нибудь из простых людей» с целью, «чтобы во время приезда государя императора показали уныние своего состояния, ибо, зная всю милосердность нынешнего императора, я думал, что увидя, что сам народ того желает, чтобы восстановить университет, восстановит его. Все это было в июле месяце, но после, раздумавшись, что это ни к чему не поведет, оставил это в забытии...» (см. там же, лл. 28—29).

⁵ После каждого ответа стоит подпись: Викентий Витковский.

72

1860 г. октября 1.—Донесение виленского губернского жандармского штаб-офицера С. О. Адамовича В. А. Долго-рукову о кружке В. Витковского

Вследствие полученных виленским военным ген.-губернатором сведений, что в Вильне, преимущественно между ремесленниками сафьянного цеха, образовывается общество политического^а значения, вредное для спокойствия страны и самого правительства, коего задачей есть возбудить в народе усыпленный дух патриотизма, и что таковую миссию взял на себя сын сафьянного мастера, кончивший в текущем году курс в здешней гимназии, мещанин Викентий Витковский¹ при содействии ремесленничьего сына, тоже воспитывавшегося в гимназии, дворянина Вишневого, эти молодые люди были внезапно обысканы и арестованы, и найдены у Витковского: начало брошюры собственного его со-

^а Далее зачеркнуто демократического.

чинения под заглавием «Да возлюбим друг друга» и на тему «Да упадут троны из своего поднебесного величия и воссияет повсеместная свобода», а также восторженные патриотические стихи под заглавием «Toasty», написанные, как судить должно по имеющейся надписи на них, по случаю весенней загородной прогулки, имевшей место 23 апреля, в коих, между прочим, говорится: «Любовь наша к отчизне — твоих, Бикентий, сильных внушений плод». Витковского зовут Викиентием. Эта фраза и содержание неконченной найденной у него брошюры позволяют заключить, что Витковский есть главный виновник и кормчий какого-то замышлявшегося несбыточного патриотического детского движения, в таинства которого удалось ему впутать нескольких несовершеннолетних учеников гимназии: Яковицкого, Миладовского, Копылова, студентов С.-Петербургского университета Вериги, Юндзилла, Курневича, ремесленников Рачковского^а, двух братьев Наркевичей, из коих одного, как видно из сознания на допросах в политической комиссии самого Наркевича и Вишневого, Витковский соглашал принадлежать к своему обществу для освобождения отчизны, а затем другого Наркевича и Рачковского приглашал учиться [петь] патриотические песни в видах, чтобы для возрождения патриотического духа распевать таковые между ремесленниками.

На упомянутых учеников гимназии и университетских студентов нет еще по делу, начатому производством политической комиссией, достаточных указаний к обвинению их в соучастии с Витковским, но замысел его мог им быть известен, судя по личным их отношениям; из них арестован покамест Яковицкий по влиянию^б, что найденные у Витковского стихи были и в его руках и другие, неблаговидные, на приезд господаря в Вильно, найденные Копыловым в Ботаническом саду, были читаны в его квартире, а затем Копыловым сообщены будто бы для переписки Витковскому, и у кого ныне находятся или истреблены, еще не обнаружено.

Арестованы тоже по приказанию военного ген.-губернатора домашний учитель Янковский, отставной учитель Домбровский и книгопродавец еврей Асс, по обвинениям, взведенным на них показанием Вишневого, что Янковский имел у себя заграничного издания воспрещенные к привозу в империю книги, которые доставлял ему еврей Асс, и что он своим ученикам внушал нелюбовь к русским, а Домбровский будто бы сообщил Витковскому отзыв заграничного демократического общества, о чем он, Вишневский, слышал от какого-то Зубковского, который где ныне находится, еще комиссией неизвестно. У Домбровского при обыске ничего подозрительного не найдено, а равно и в бумагах, забранных у Янковского, ничего неблаговидного не оказалось. Книги же, взятые у сего последнего и у еврея Асса, еще находятся в рассмотрении члена Виленского цензурного комитета Мухина². Домбровский и Янковский, спрошенные по обвинениям, взведенным на них Вишневым, не сознались.

О чем в. с. имею честь почтительнейше донести.

Подполковник Адамович

ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 113, лл. 1—3. Отпуск

^а В тексте здесь и далее ошибочно Рачкевича.

^б Так в тексте.

¹ В другом донесении шефу жандармов С. О. Адамович сообщал, «что этот девятнадцатилетний молодой человек, преисполненный идей республиканских, в коих уличил сам себя в неокончательно им написанной брошюре под заглавием «Да возлюбим друг друга...», и возмечтав в случае, если удастся, устроить движение в пользу восстановления отчизны, начал сближаться с учениками гимназий, бывшими в отпуске студентами университета и ремесленниками...» (см. там же, лл. 6—12).

² Среди этих книг, по сообщению цензурного комитета, оказалось много заграничных, не дозволенных к обращению в России изданий. Ассу было запрещено иметь книжный магазин (см. там же, л. 15; ф. 378, ПО, 1860 г., д. 33, ч. 1, лл. 151—153, 156, 160—162; ч. 2, лл. 126—129).

73

1860 г. декабря 19.— Отношение В. А. Долгорукова В. И. Назимову о кружке В. Витковского

По всеподданнейшему докладу отношения в. вп. за № 340¹ государь император высочайше изволил повелеть: мещанина Викентия Витковского и дворянина Карла Вишневого отдать, согласно вашему мнению, в военную службу, с определением их в линейные батальоны Отдельного Оренбургского корпуса на общих солдатских правах — последнего впредь до утверждения его в дворянском достоинстве и до безукоризненной выслуги им определенного срока; причем повелено, чтобы Витковский и Вишневский для предупреждения вредных последствий, могущих произойти от близких между ними сношений, определены были в разные батальоны и чтобы ни в каком случае не были они увольняемы в отставку и отпуск на родину без особого на то разрешения е. и. в.²

Заключение в. вп. относительно других лиц, поименованных в означенном отношении, также о прекращении возникшего о них дела государь император равным образом высочайше утвердить соизволил³.

Что же касается студентов здешнего университета Верига⁴, Курневича и Юндзилла, то я, с разрешения е. в., ограничился учреждением негласно за ними особого наблюдения для обнаружения, не бывает ли у них каких-либо собраний, имеющих преступную цель.

Сообщая об этом в. вп., имею честь присовокупить, что для распоряжения к определению на службу Витковского и Вишневого я отнесся уже к г. военному министру.

Считаю при этом долгом покорнейше просить, не изволите ли вы, м. г., по рассмотрении цензурой книг, отобранных у учителя Янковского, приказать истребовать от него подробное объяснение насчет покупки запрещенных сочинений у книгопродавцов Исакова и Гетшеля, с указанием, какие именно книги, также когда они куплены у сих книгопродавцов, и почти же меня сообщением показаний, которые будут им даны по этому предмету.

Ген.-адъютант кн. Долгоруков

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1860 г., д. 33, ч. 2, лл. 115—116. Подлинник

¹ В докладе В. И. Назимова от 26 ноября 1860 г. дана подробная характеристика деятельности революционного кружка В. Витковского и причастных к нему лиц (см. там же, лл. 94—109). Документ не публикуется, так как дает мало нового по сравнению с другими включенными в сборник документами.

² В тексте ошибочно Веригина.

² В. Витковский отправлен по назначению в Оренбург 10 января 1861 г. (см. там же, л. 130). К. Вишневецкий, как лишившийся рассудка, оставлен в безнадежном положении в больнице.

³ Старания царских властей раскрыть во всей полноте деятельность и связи созданного в Вильне революционного кружка не увенчались успехом. Было решено, «не придавая настоящему делу гласности и направления в судебном порядке» (это могло послужить лишь к компрометации властей, не располагавших необходимыми данными), ограничиться следующими взысканиями: ремесленников Яна и Фабиана Наркевичей после содержания под арестом более месяца во время следствия освободить, учеников А. Яковичского, А. Копылова освободить и внушить негласным образом, чтобы «от вредных связей уклонились», учителя И. Янковского и книгопродавца И. Асса оштрафовать, учителя И. Домбровского, б. ученика А. Земковского, а также А. Мянковского и Ф. Булгака оставить без взыскания, студентов Петербургского университета Э. Веригу, И. Курневича и Э. Юндзилла к следствию не привлекать, но представить начальству университета выписку из показаний К. Вишневецкого о их действиях для установления их вины (см. там же, лл. 107—109).

74

1861 г. марта 5.—Донесение С. О. Адамовича В. А. Долгорукову о панихиде 2 марта в костеле св. Яна в Вильне в память погибших участников мирной демонстрации в Варшаве

По всем соображениям сделанных мною и местным начальством розысканий должно заключить, что в прошлую среду, т. е. 2 сего марта, в виленском Свято-Иоанновском костеле была духовенством в траурном облачении отслужена панихида за лиц, сделавшихся жертвой варшавской демонстрации, под предлогом обычного в этот день в том костеле ежегодно служащегося поминовения за всех усопших¹.

К этому служению собралось публики вдвое более, чем в этот день в предшествовавшие годы бывало: таковую составляли преимущественно дворяне, а в особенности женщины и некоторые жены служащих чиновников, одеты были большей частью в платья и шляпки темного цвета.

Молящимся и духовенством был сохранен совершенный порядок, не было никакой речи, ни упоминания имен усопших.

О чем имею честь в. с. почтительнейше донести².

Подполковник Адамович

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 2, л. 1. Подлинник³

¹ В отношении к В. А. Долгорукову от 6 марта 1861 г. В. И. Назимов сообщил, что панихида была отслужена по предложению жены виленского уездного предводителя дворянства Я. Тышкевича. В отношении к П. А. Валуеву от 22 апреля 1861 г. Назимов писал о Я. Тышкевиче, что он «несмотря на должность, им занимаемую, требующую от него благоразумных и добросовестных действий к отвращению влиянием своим всяких попыток, которые могли бы нарушить общественный порядок и спокойствие, дозволил себе стать во главе партии агитаторов. После того гр. Тышкевич, продолжая действовать в таком же направлении, заказал на предстоящий праздник воскресения Христова стол на 1500 человек для угощения простолюдинов и ремесленников, жена гр. Тышкевича приняла особое участие в распространении известности о необходимости денежных пожертвований в пользу семейств убитых в Варшаве и собирала делаемые на этот предмет складки» (см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 127, лл. 109—112, а также «Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева», т. I, Вильна, 1906, стр. 38).

² В отношении от 6 марта 1861 г. В. И. Назимов, сообщая об этой панихиде, обратился к шефу жандармов с просьбой ходатайствовать перед Александром II о предоставлении ему права высылать организаторов и активных участников манифестаций на жительство в отдаленные губернии России. 15 марта 1861 г. В. А. Долгоруков известил В. И. Назимова, что решением царя от 8 марта 1861 г. ему предоставлено право высылать из края всех неблагонадежных (см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 127. лл. 1—2; «Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева», т. I, стр. 26, 29).

³ Отпуск: ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, л. 2.

75

1861 г. марта 20.— Донесение виленского губернатора М. Н. Похвиснева В. И. Назимову о волнении крестьян в им. Шеметово (Шементовщизна) Свенцянского у. после обнародования манифеста 19 февраля¹

Свенцянский уездный предводитель дворянства Свионтецкий при-
сланным по эстафете представлением от 18 сего марта № 289 доводит
до сведения моего, что в имении помещика Скирмунта Шементовщизна,
в котором числится более 300 дворов, тотчас по прочтении в ближайшей
церкви высочайшего манифеста о даровании крепостным людям прав
свободных сельских обывателей все дворовые люди отправились в се-
ления, а крестьяне отказались от исполнения барщины.

Все убеждения г. Скирмунта и местного священника, чтобы кре-
стьяне не выходили из должного дворовому управлению повиновения,
нисколько на них не подействовали, а на угрозы, что для приведения
их в повиновение будет выслана военная команда, они отозвались, что
и в им. Лучае стоят солдаты, однако же никого не наказывают. Засим
г. Скирмунт, видя безуспешность мер убеждения, обратился к предво-
дителю дворянства с просьбой принять меры к прекращению этих бес-
порядков со стороны его крестьян.

Предводитель дворянства Свионтецкий, принимая во внимание, что
безнаказанность подобных неустойств и неповиновения со стороны
крестьян в самом начале обнародования высочайшего манифеста может
иметь дурное влияние на крестьян соседних имений, между которыми,
по донесению чиновника, развозившего экземпляры Положений о кре-
стьянах, тоже начинает обнаруживаться дух своеволия и неповинове-
ния, счел нужным просить командира расположенного в гор. Свенцянах
батальона Либавского принца Карла Прусского полка о перемещении
одной роты из м. Свирь в близлежащее им. Шементовщизну для пре-
дупреждения дурных последствий от обнаружившегося между крестья-
нами неповиновения.

Доводя об этом распоряжении до сведения моего, предводитель
Свионтецкий просит о командировании в названное имение военного чи-
новника для вразумления крестьян и прекращения тем зла в самом на-
чале. Вместе с сим получено донесение от исправника, что он отпра-
вляется в им. Шементовщизну для водворения там порядка.

Одобряя, с своей стороны, сделанное предводителем дворянства рас-
поряжение и разделяя мнение его относительно необходимости коман-
дирования в им. Шементовщизну военного чиновника с нужной инструк-

цией, я имею честь представить о сем на благоусмотрение в. вп. с покорнейшей просьбой о распоряжении вашем по сему предмету почтить меня в скорейшем времени².

Гражданский губернатор Похвиснев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 909, лл. 1—2. Подлинник

¹ В Вильно манифест был объявлен 9 марта в кафедральном костеле и Троицком православном монастыре в торжественной обстановке. После объявления манифеста в костеле виленский епископ А. Красинский прочитал «Послание к пастве», в котором призывал крестьян по-прежнему повиноваться властям, платить подати, не прибегать к «беспорядкам» и «произволу» и поддерживать «дружественные отношения с помещиками» (текст послания см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 4 эксп., 1862 г., д. 197, лл. 3—4). В уездах обнаружение «Положений» продолжалось с 12 марта до конца месяца (см. «Крестьянское движение после отмены крепостного права». М.—Л., 1949, стр. 17, а также ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 991, лл. 78—79).

² О волнении крестьян в им. Шеметово см. также док. 77. Волнение распространилось и на соседние имения: Литвяны помещика Вишнезского, Поляны — Микоши, Серенчаны — Контковского, Спягла, Гоздово, Чурлионы — Бочковской, Дуды — Микулича, Полесье — Кублицкого, Цирклишки — Мостовского, Теклимир — Загорского, Макржицы и Августово — Свентецкого, а также охватили имения Жодзишки, Данюшево, Абрамовицзна и др. Эти волнения были прекращены в июне 1861 г. с помощью военной силы (см. док. 80, а также см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861, д. 991, лл. 7, 22, 27—29, 30—32, 36, 47—50, 96—97, 124, 147 и др.; ф. 419, оп. 2, д. 125, л. 3). По подсчетам С. А. Лазутки, крестьянские выступления в марте и в первых числах апреля произошли в 12 имениях Свенцянского у. (С. А. Лазутка. Революционная ситуация в Литве в 1859—1862 гг. М., 1961, стр. 107).

76

1861 г. марта 24.—Донесение М. Н. Похвиснева В. И. Назимову о крестьянских волнениях в Виленском у.

15 сего марта помещик Виленского у. Котвич, получив от станowego пристава 2 экз. Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, хотел 1 экз. передать крестьянам своих имений Турлы, Михалишки, Чехи и Лабудзи, но они такового не приняли и объявили, что не будут отбывать никакой барщины. Хотя же впоследствии по увещанию станowego пристава они и приняли экземпляр Положения, но, несмотря на все убеждения как пристава, так и местного настоятеля исполнять по-прежнему барщинную повинность, решительно от сего отказались.

По получении о том представления предводителя дворянства я немедленно командировал в поименованные имения земского исправника для объяснения крестьянам их обязанностей, вразумления их и внушения им должного дворовой и полицейской властям послушания, но все убеждения исправника несколько не подействовали на упорных крестьян, которые по настоящее время не отбывают никакой повинности и примером своим увлекли и крестьян соседних имений помещиков Минейки и Абрамовича отказаться от исполнения барщины¹.

Находя засим, что оставление подобных беспорядков без строгого разбирательства и подвержения виновных заслуженному взысканию может в настоящее время иметь вредное влияние на введение в действие новых о крестьянах Положений, я полагал бы командировать тотчас

же в имения поименованных помещиков исправника Григорьева совместно с жандармским штаб-офицером для производства строгого разбирательства, подвержения главных виновников беспорядков исправительному наказанию и внушения всем крестьянам должного дворовому управлению повиновения, а дабы это могло быть исполнено сими чиновниками с успехом, переместить в сказанные имения из Вильна одну роту Либаковского пехотного принца Карла Прусского полка для оказания в нужном случае содействия при подвержении главных зачинщиков наказанию и приведении всех вообще крестьян в должное дворовой власти повиновение.

Представляя о сем в. вп. на благоусмотрение, имею честь покорнейше просить, во внимание к важности настоящего дела, почтить меня в скорейшем по возможности времени вашим по сему предмету разрешением или же самим сделать распоряжение о предполагаемом перемещении роты Либаковского полка².

Гражданский губернатор Похвиснев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 909, лл. 8, 11. Подлинник

¹ Виленский земский исправник П. Григорьев рапортом от 24 марта 1861 г. сообщил М. Н. Похвисневу, что волнения крестьян распространились на следующие имения Виленского у.: Ворняны помещика Абрамовича, Дубники — Минейки, Гервяты — Домейки, Шумск — Лясовича, Медники — Сидоровича, Каменный Лог — Гриневецкого, Таборишки — Важинского и др., где крестьяне, по словам Григорьева, «отказались упорно от барщины и явно восстали против помещиков, объявляя им, что все отношения с ними они прекращают» (там же, лл. 10, 12—13, 17, 36 и др.). Крестьянские волнения в марте — апреле 1861 г. имели место также в им. Римдзюны помещика Хомского, Римдзюны — Чеховича, Гудзенишки — Ивашкевича, Язово — Лизолдовой (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 125, л. 24). По подсчетам С. А. Лазутки, движение охватило в тот период в Виленском у. 12 имений (см. С. А. Лазутка. Революционная ситуация в Литве в 1859—1862 гг. М., 1961, стр. 105).

² По распоряжению В. И. Назимова, для подавления крестьянских волнений в им. Михалишки направлена была из Вильно рота Либаковского пехотного полка (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 125, л. 17, а также док. 79).

77

1861 г. марта 26.— Акт чиновника для особых поручений при виленском ген.-губернаторе А. Д. Михнева о волнении крестьян в им. Шеметово и других имениях Свенянского у.¹

1861 г. марта 26 дня состоящий по особым поручениям при виленском военном губернаторе майор Михнев и свенянский исправник Лукьянов, руководствуясь предписаниями е. вп. от 22 марта за № 3403² и 39 относительно приведения крестьян им. Шеметова помещика Скирмунта в должное повиновение, кои по прочтении в церквях всемилостивейшего манифеста о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, отказались вовсе служить своему владельцу барщину, действовали в сем предмете следующим порядком.

1. Г. майор Михнев, прибыв в им. Шеметово 24 марта, нашел на дворе собранную толпу крестьян и исправника, внушавшего им

настоящую силу дарованных им всемилостивейшим манифестом прав с тем, чтобы они до истечения двух лет и впредь до устройства их быта пребывали в совершенной зависимости [от] помещика и служили ему по инвентарю барщину; но все благоразумные его в сем предмете увещания нисколько на них не подействовали.

2. Г. майор Михнев, выйдя на двор к этой толпе, в присутствии исправника и станового пристава вразумлял точными словами, изъясненными в предписании г. виленского военного губернатора, советовал им опомниться и угрожал строжайшей ответственностью за подобное слушание, но вместо покорности толпа с криком и азартом отвечала, «что служить помещику Скирмунту барщины более 1 дня в неделю мужского и 1 женского не будут, ибо вы нам не то читаете, что государь велел. Ксендзы прочли манифест, что мы вольные, и в книгах, которые даны помещице Бочковской, сказано, что они должны служить барщины 40 мужеских и 30 женских дней в год. В книгах помещика Можейки показано служить только по 12 дней с десятины, это нам прочитали, и мы этому верим, а что вы читаете, того не знаем и знать не хотим».

3. Г. майор Михнев, поняв из этих слов, что читавшие им правила до крайности заблудили этих неразумных людей, производил разыскание, по которому открылось, что сын крестьянина Павлюка Алексей читал в им. Бочковской правила, относящиеся до великороссийских губерний, где барщина назначена с душевого надела 40 мужеских и 30 женских дней в год, а он истолковал, что государь велел всем так отбывать барщину.

Крестьянин им. Шеметово Якуб Лубенский, придя в им. Олешки помещика Можейки, взяв у тамошнего крестьянина Ивана Киселя или Левицкого правила, прочитал о барщинской повинности, относящейся до уездов Витебской губ.: Динабургского, Люцинского, Режицкого и Дриссенского, где отправление барщины определяется по разрядам десятинного надела и где для читавшего понравился первый надел — 12 дней³. И так он высчитал, по собственному умствованию, [относительно] надела 9 десятин, что им приходится служить по 1 дню мужескому^а и по 1 женскому, а этим взволновал одновотчинных крестьян, и хотя, как зачинщик, в числе других более выдающихся буйство 15 крестьян по распоряжению исправника прежде, до прибытия майора Михнева, арестован, и по растолковании ему он, как грамотный, совершенно убедился в своей ошибке и заставлен был г. майором Михневым доказывать крестьянам свою ошибку, но уже поздно: никакая сила не в состоянии переуведомить их в настоящих правилах.

Крестьяне им. Бочковской в числе более 600 душ, смежных с им. Скирмунта, приняли в основание прочитанные им крестьянином Алексеем Павлюком правила великороссийских губерний, к мнению которых присоединилась половина крестьян помещика Скирмунта.

4. 25 марта г. майор Михнев собрал всех крестьян и приготовил для виду расквартированную роту, полагая, что они образумятся, а для лучшего убеждения и примера, что значит свободный сельский обыватель, чему подчиняется и что обязан исполнять, призвал до 20 до-

^а В тексте мужеского.

мохозяев государственных крестьян при старшине; собранным крестьянам [он] повторил предписание г. военного губернатора и потом казенные крестьяне и старшина рассказали им, что и они, перейдя с барщины на оброк, в настоящее их положение, тоже несколько месяцев работали, пока не учредился новый порядок; но, к огорчению, результатом всех благоразумных увещаний толпа в виду солдат с особенно буйным криком сказала: «Пойдем, что нам тут слушать!». Хотя же г. майор Михнев эту буйную толпу остановил своим словом без употребления военной силы, но что же вышло: убеждений не приняли и нисколько слушать дворовой власти не хотят.

5. Г. майор Михнев, с одной стороны, не имея разрешения от г. виленского военного губернатора, какие в сем случае должно принять строгие меры, кроме предупреждения, что таковые будут приняты, и не зная, какие угодно будет назначить, а в полученном отзыве г. виленского гражданского губернатора видно, что е. вл. поручить изволил г. майору Михневу войти в разбирательство, кто главным образом виновен в ложном истолковании крестьянам высочайшего манифеста и в ослушании дворовой и помещичьей властям, и затем подвергнуть зачинщиков исправительному полицейскому наказанию со внушением крестьянам должного повиновения дворовому управлению, с объяснением им притом как их обязанностей, так и дарованных им прав, а с другой — имея в виду, что главные зачинщики буйного и своевольного ослушания подвергнуты уже исправительному полицейскому наказанию, кои, содержась под арестом, по растолковании их ошибки совершенно сознают свою вину и готовы исполнять барщину по правилам, но как в настоящее время дело так далеко зашло, что и их толпа не слушает, и не одни крестьяне Скирмунта в числе 1280 душ, но и другие — соседние — имения, как то: Бочковской, более 600 душ, Можейки — 150 и Загорского — 100 душ, точно в том же направлении духа, следственно полицейское исправительное наказание было бы несоответственное, надо более вразумительное, самое решительное и строгое пресечение возникающего беспорядка [с помощью] расквартированной роты, имеющей численность наличную 135 человек, то в настоящем положении дела г. майор Михнев вошел с представлением к г. виленскому военному губернатору 25 марта за № 29, испрашивая у е. вл. разрешения на указание к принятию самых решительных и строгих мер к приведению крестьян им. Шеметова и соседних помещиков — Бочковской, Можейки и Загорского, в должное повиновение, в ожидании коего 26 марта г. майор Михнев с земским исправником и становым приставом 4-го стана отправился в им. Спяглу помещицы Бочковской^а, тут собравшейся в ограде церкви толпе крестьян помещицы Бочковской и Скирмунта велено было представить врученные им правила и крестьянина Алексея Павлюка, по представлении таковых велено было читать Павлюку те статьи, которые он внушил крестьянам, и когда г. майор Михнев начал его и крестьян вразумлять, что эти правила относятся не к ним, а к великороссийским губерниям, то толпа, не веря таковому вразумлению, веря лишь словам Павлюка, начала до той степени шуметь и кричать, что г. майор Михнев с земским исправником и становым

^а В тексте отправясь в им. Спяглу помещицы Бочковской.

приставом, не находя средств обуздать их, решились возвратиться обратно в Шеметово. Посему, о настоящих действиях заключив акт, постановили ожидать от е. вп. г. виленского военного губернатора разрешения⁴.

Майор Михнев
Земский исправник Лукьянов
Становой пристав Богданович

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 909, лл. 23—26 об. Подлинник

¹ См. также док. 75.

² См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 909, лл. 3—4.

³ По местному положению, для определения крестьянских повинностей все имения перечисленных уездов разделялись на девять разрядов в соответствии с «густотой населения в каждом имении». К первому разряду относились слабо населенные имения, крестьяне которых должны были отбывать более легкую барщину — 12 дней с десятины в год.

⁴ Для подавления крестьянских волнений в им. Шеметово и других имениях Свенцянского у. отправился флигель-адъютант А. В. Олсуфьев (см. там же, лл. 27—29, а также сб. «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права. М.—Л., 1949, стр. 19).

78

1861 г. апреля 3.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову об антиправительственном воззвании, полученном из Бобруйска виленским губернским предводителем дворянства А. Домейко

Секретно

Виленский губернский предводитель дворянства представил мне полученное им с почты в запечатанном конверте из Бобруйска на польском языке возмутительное воззвание к литовцам. На самом конверте сделана надпись, по которой предоставлено секретарю предводителя право вскрыть оный в случае отсутствия д. с. с. Домейки.

Не имея возможности подвергнуть разысканию время и способ отправления помянутого письма, а также открыть и составителя оно, так как Минская губ. не состоит в моем заведывании, я поставляю долгом означенный конверт с подлинным воззванием¹ и с переводом сего последнего на русский язык препроводить при сем на благоусмотрение и зависящее распоряжение в. с.

Ген.-адъютант Назимов

Пометы Высочайше разрешено сделать о возможном разыскании источников сего воззвания надлежащее с кем следует сношение. 9 апреля.

Поручено агенту, отправляющемуся в Вильну, употребить старание к отысканию лиц, занимающихся распространением упоминаемой прокламации. 13 апр[еля]².

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 106, л. 1. Подлинник

¹ См. там же, л. 2. Автор стихотворного рукописного воззвания «*Odezwa syna ojczyzny do braci Litwinów*» («Воззвание сына отечества к братьям-литвинам»), скрывшийся за псевдонимом Э. Габриеля, обращается к губернским и уездным предводителям дворянства с призывом побудить соотечественников к борьбе за освобождение родины и предлагает подать Александру II и Наполеону III такой же адрес, какой

был подан дворянством Царства Польского. Далее в воззвании выражалась мысль о необходимости единства всех сословий в предстоящей борьбе. В особой приписке Домейке предлагалось распространить воззвание по губернии.

² Это поручение было дано агенту III отделения Ю. Бернацкому, который в присланном через некоторое время донесении утверждал, что автором воззвания является белорусский писатель В. И. Дунин-Марцинкевич (см. там же, л. 5 и док. 23).

79

1861 г. апреля 5.—Донесение М. Н. Похвиснева В. И. Назимову о подавлении волнений крестьян в имениях Виленского у. с помощью военной силы¹

По распоряжению в. вп. для водворения порядка между крестьянами некоторых имений Виленского у. командирован был совместно с земским исправником виленский жандармский штаб-офицер и перемещена из гор. Вильно в м. Михалишки и окрестные деревни 12-я рота Либавского пехотного принца Карла Прусского полка.

Поименованные чиновники, окончив с успехом означенное поручение, представили о результатах своих действий следующее, как видно из донесений их от 29, 30 и 31 марта за № 59, 64 и 72.

28 марта до прибытия подполковника Адамовича с надворным советником Григорьевым, равно 12-й роты Либавского полка в им. Турлы и Михалишки помещика Котвича и Герваты — Домейки, прибывший туда сутками прежде, состоящий при в. вп. поручик Сумского гусарского полка Тышкевич при содействии местного станowego пристава Манцевича, а также двух жандармов и 7 своих слуг успел без употребления жестоких мер, а более находчивостью и энергической деятельностью своей, привести в повиновение более 1000 душ крестьян поименованных имений; причем как сам поручик Тышкевич, так и пристав Манцевич в им. Турлах два раза подвергались личной опасности: раз при наказании одного крестьянина, которого товарищи его, в числе 150 человек, хотели отбить, но были остановлены единственной смелой находчивостью гр. Тышкевича, а во второй раз, когда бывший в пьяном виде дворовый человек того же имения Викентий Василенок подговаривал крестьян броситься на поименованного офицера с топорами, к чему, впрочем, они не были допущены.

По прибытии в названные имения подполковника Адамовича с ротой солдат и по подвержении аресту Василенка штаб-офицер этот отправился 29 прошлого марта в им. Ворняны ген. Абрамовича, где отказавшиеся от повиновения дворовой власти временнообязанные крестьяне приведены в должное послушание, а некоторые из них, в пример прочим, были подвергнуты исправительному наказанию; главный же подстрекатель^а крестьян к неповиновению — десятский Фаддей Палевич — подвергнут аресту.

30 марта в им. Дубниках помещика Минейки порядок между крестьянами восстановлен, причем 5 крестьян подвергнуты исправительному наказанию, а зачинщик возникших в сем имении беспорядков десятский Доминик Пешко арестован.

^а В тексте главные же подстрекатели.

31 марта восстановлен порядок в им. Медниках помещика Сидоро-
вича, причем крестьяне Устин Дудзин, Матвей Гарбовский и Матвей
Волнович, разогнавшие прочих крестьян с барщины, подвергнуты по-
лицейскому наказанию, равно сделано распоряжение к наказанию од-
ного скрывшегося подстрекателя — Андрея Петкевича — и двух кре-
стьян, не явившихся по требованию подполковника Адамовича;
крестьянам же Яну Убыришу и Викентию Хвесько, убеждавшим кре-
стьян к повиновению дворовой власти, объявлена от имени главного
в крае начальства благодарность.

За сим восстановлен порядок и в других помещичьих имениях, в
которых крестьяне отказались от отбывания повинностей, а именно: в
им. Шумске — Лясковича, Каменном Логе — Гриневецкого и Табориш-
ках — Важинского².

Представляя об этом в. вп. на благоусмотрение, имею честь присо-
вокупить, что десятские Палевич и Пешко впредь до распоряжения
вашего доставлены в гор. Вильно и содержатся в тюремном замке и что
командированная 12-я рота Либаевского полка размещена на квар-
тирах не в виде экзекуции: одно отделение с офицером в 5-м стане,
другое в м. Михалишках, а два остальные с ротным командиром в
м. Ворнянах; по миновании же в сих имениях надобности в военной
команде земский исправник донесет о том губернскому начальству.

О распоряжениях, какие угодно будет учинить по настоящему пред-
ставлению, не оставьте, в. вп., почтить меня предложением³.

Гражданский губернатор Похвиснев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 909, лл. 89—91. Подлинник

¹ О начале волнений см. док. 76.

² См. прим. 1 к док. 76.

³ О расправе с крестьянскими волнениями в Виленском у. с помощью военной
силы в конце марта — первых числах апреля 1861 г. см. также донесение виленского
жандармского штаб-офицера С. О. Адамовича (ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 125,
лл. 8—9а).

80

1861 г. апреля 9. — Донесение М. Н. Похвиснева В. И. На-
зимову со сводными данными о крестьянском движении
в Виленской губ.

В исполнение предложения в. вп. от 4 марта № 3666¹ и в дополнение
к представлению моему от 5 сего апреля № 228² о прекращении про-
исходивших между крестьянами Виленского у. беспорядков имею честь
довести до сведения вашего, что сверх имений, поименованных в помя-
нутом представлении моем № 228, беспорядки между крестьянами
происходили еще:

1. По Виленскому у.³ Между крестьянами им. Ростыняне помещицы
Костровицкой и Цехановишки помещика Белькевича, где крестьяне,
несмотря на убеждения вотчинников и местного станowego пристава, от-
казались от отбывания повинностей; для прекращения сих беспорядков
предписано исправнику лично отправиться в указанные имения для

вразумления крестьян, дознания причин происшедшей между ними ослушности и арестования подстрекателей, если таковые будут обнаружены. Исполнительного донесения по сему предмету еще не получено.

2. По Лидскому у.⁴ В им. Мелегов и Ельно помещиков Адамовичей и Докудово (614 душ) кн. Витгенштейна, где крестьяне, узнав о происходивших в соседних имениях Ошмянского у. Ивье, Гераноны и Липнишки, беспорядках, отказались от отбывания барщины и должного дворовой власти повиновения. Для восстановления порядка в сих имениях предложено предводителю дворянства лично отправиться в места возникших неурядиц для вразумления крестьян, подвержения более упрямых исправительному наказанию и арестования подстрекателей; причем разрешено в случае надобности требовать военную команду от расположенного в м. Гольшанах 2-го батальона Ревельского пехотного полка. Исполнительного по сему предмету представления еще не получено.

3. По Свенцянскому у.⁵ О беспорядках, происходивших в им. Шементовщизне помещика Скирмунта, Литвянах—Вишневского, Полянах—Микоши, Серенчанах—Контковского, Спягле и Гоздове—Бочковской, Дудах—Микулича, Полесье—Кублицкого и многих других соседних имениях, в. вл. известно уже из представлений моих от 20 и 27 марта за № 151⁶ и 172. Для восстановления порядка в названных имениях, по распоряжению вашему, командированы состоящие при вас по особым поручениям майор Михнев и полковник Бо, и, сверх того, для той же цели отправился в Свенцянский у. флигель-адъютант е. и. в. гвардии ротмистр гр. Олсуфьев. Из полученного представления свенцянского уездного предводителя дворянства от 4 апреля № 366 видно, что в им. Шементовщизне порядок водворен принятыми флигель-адъютантом гр. Олсуфьевым решительными мерами и все бывшие между крестьянами подстрекатели арестованы⁷.

По получении подробного о том донесения от земского исправника, равно представлений от майора Михнева и полковника Бо, о действиях их по водворению порядка в остальных поименованных имениях, я не премину довести о том до сведения в. вл.

В им. Цирклишках гр. Мостовского крестьяне, отказавшись от отбывания барщины, 29 марта в числе 150 человек отправились в Свенцяны к предводителю дворянства, где хотя и были увещиваемы отбывать повинности согласно инвентарю, однако же от сего с упорством отказались и, объявив, что более 2 дней с двора барщины отбывать не будут, отправились по домам. На следующий день флигель-адъютант гр. Олсуфьев, прибыв в Свенцяны, отправился с ротой 1-го батальона Либавского пехотного полка в им. Цирклишки, где, когда меры убеждения на крестьян не подействовали, 8 человек из более упорных были подвергнуты исправительному наказанию, а главные подстрекатели—свенцянский мещанин Терентий Филипов и двое крестьян—арестованы, чем крестьяне приведены в должное повиновение и изъявили готовность отбывать барщину по инвентарному положению.

Наконец, в понезуитском⁸ им. Жодзишках, находящемся в потомственном владении помещика Милачевского, крестьяне дер. Расно, в числе до 200 душ, 30 марта отказались от отбывания барщины и стали требовать от помещика объявления им Положений, которые в это

имение не были доставлены. Хотя крестьяне и были убеждаемы вотчинником и местным настоятелем оставаться в повиновении дворовой власти, однако же они решительно от сего отказались и перед стоящим в деревне их крестом исполнили присягу не повиноваться никаким аластям, о чем вотчинником в то же время доведено до сведения местного станового пристава.

Для прекращения сего беспорядка я вместе с сим препровождаю к свенцянскому предводителю дворянства экземпляр Положения для выдачи крестьянам помянутого имения, с тем чтобы если и за сим беспорядки не прекратятся, предводитель лично совместно с одним из командированных вами в Свенцянский у. чиновников принял надлежащие меры к приведению ослушных крестьян в должное дворовой власти повиновение.

По Ошмянскому у.⁹ В следующих имениях: Веркеляне — помещика Гриневского, Габриеловщизне — Пашкевича, Солы — Антроповой и Бонифацово — Бениславского, крестьяне, по превратному толкованию им Положения одним рядовым Ревельского пехотного полка, отказались от отбывания барщины; но мерами вразумления порядок между ними восстановлен, а подстрекатели подвергнуты тюремному заключению.

Беспорядки, происходившие в имениях Кушлянах — Сулистровского, Рачунах — Кочана, Нарбутовщизне — Черницкого, Дзяговцах — Левандовской и Бордзобогатишках — Мисевича, равномерно прекращены одними мерами вразумления.

Что же касается более важных неурядиц в им. Ивье графини Замойской, Лугомовиче и Лаздуны — Милевского и Липнишек — Вольского, равно в некоторых окрестных имениях, крестьяне которых, отказавшись от отбывания барщины, собрались в числе до 2000 человек в м. Ивье и расположились табором на базаре, то, когда все меры вразумления командированных туда члена губернского по крестьянским делам [присутствия] Умястовского и состоящего при в. вл. поручика гр. Тышкевича не имели никакого успеха, толпа ослушных крестьян была окружена истребованными 3 ротами 2-го батальона Ревельского и 1 ротой 3-го батальона Эстляндского пехотных полков, и, когда она решительно отказалась выдать главных подстрекателей — крестьян Иодко, Горбуна и 4 других и затем разойтись по домам, сделано было распоряжение к разогнанию крестьян и арестованию подстрекателей, без употребления, однако же, оружия, что приведено было в исполнение. К крайнему сожалению, при происшедшем при этом случае смятении несколько крестьян получили сильные ушибы, а один 60-летний старик, страдавший с давнего времени грыжей, был сильно сдавлен, опрокинут и, лишившись чувств, отнесен в местный лазарет, где, несмотря на оказанное ему медицинское пособие, вскоре скончался.

По прибытии моем в Ивье, куда я отправился вместе с членом губернского по крестьянским делам присутствия ген.-адъютантом Фроловым, я нашел, что беспорядки между крестьянами уже прекращены. Но в предупреждение возобновления таковых, равно для производства дознания о причинах происходивших неурядиц, я счел нужным командировать туда виленского жандармского штаб-офицера, поручив ему оставаться там до совершенного успокоения взволнованных крестьян.

По Вилейскому у. О происшедших между крестьянами им. Ижа помещика Любанского и Слобода — Олеша беспорядках в. вл. известно уже из представления моего от 4 сего апреля № 218¹⁰; по получении дополнительных по этому делу представлений я не премину довести о том до вашего сведения. Сверх того, происходили еще по им. Понятычи — помещика Володкевича и Порсе — помещицы Прушинской незначительные беспорядки, которые вскоре прекращены одними мерами вразумления.

Что же касается Трокского и Дисненского¹¹ уездов, то, дабы там между временнообязанными крестьянами происходили какие-либо неурядицы, до настоящего времени ни официальных донесений, ниже частных сведений получено не было.

К сему обязываюсь присовокупить, что в проезд мой через помещичьи имения я везде обращался к крестьянам, объясняя им настоящие их права и обязанности и убеждая их ожидать с доверием постепенного устройства их быта. Главнейшей причиной возникших во многих местностях здешнего края беспорядков есть должное понимание дарованных им прав. По своей грубой неразвитости и по совершенному отсутствию доверия к помещикам, а также к местным полицейским властям они не могут совместить в своем понятии мысли о свободе с необходимостью обязательных отношений к землевладельцам. Крепостное состояние тяжелым гнетом легло на здешнее крестьянское сословие, и при первом усилии правительства освободить крестьян от этого гнета они, естественным образом, не могли воздержаться от увлечений. Надо ожидать, что это волнение мало-помалу успокоится, но трудно ожидать, чтобы добрые, правильные отношения могли в скором времени установиться между помещиками и временнообязанными крестьянами, особенно там, где существует ненавистная им «паншизна». В этом убеждении я счел нужным по возвращении моем из поездки по уездам обратиться к г. губернскому предводителю дворянства, равно ко всем гг. уездным предводителям с особыми предложениями, в которых, указывая на необходимость употребления со стороны дворян-помещиков ради собственной их пользы всех мер кротости, снисхождения, облегчений и даже, где возможно, уступок в отношении к водворенным на их землях крестьянам, предворяя притом, что правительство, конечно, не потерпит беспорядков, но что предупреждение споров и недоразумений между крестьянами и землевладельцами лежит на прямой обязанности самих помещиков¹².

Гражданский губернатор Похвиснев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 909, лл. 49—53. Подлинник

Опубл. частично: «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», Минск, 1959, стр. 72—74¹³.

¹ См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 909, л. 19.

² См. док. 79.

³ О крестьянском движении в Виленском у. см. также док. 76, 79 и примечания к ним.

⁴ В конце марта крестьянские волнения имели место в трех имениях Лидского у., а в апреле — мае волнения произошли в имениях помещиков Корляка, Гобаровича, Болчека, Иодки, Яровой-Равской (подавлены военной силой) (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 909, лл. 49, 147, 148, «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», стр. 74).

⁵ См. док. 77.

⁶ См. док. 75.

⁷ О репрессиях, которым были подвергнуты крестьяне Свенцянского у., в том числе и им. Шеметово, см. док. 81.

⁸ Поиезуитские имения — имения, конфискованные у ордена иезуитов в 1775 г. Их роздали частным лицам, которые платили в казну определенный процент с дохода от имения. Впоследствии они перешли в ведение Министерства государственных имуществ. С 1858 г. крестьян поиезуитских имений переводили на оброк, но в большинстве случаев эти крестьяне отбывали смешанные повинности. При осуществлении люстраций их владельцы уменьшали крестьянские наделы, а также увеличивали повинности крестьян. Ввиду крестьянских волнений в этих имениях, 18 декабря 1861 г. на них были распространены Положения 19 февраля.

⁹ О крестьянских волнениях, происходивших в марте — апреле 1861 г. в Ошмянском у., см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861, д. 909, лл. 20, 65—66, 109—112, 113, 124, 131, 137, 152—153 и др., «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», стр. 67—70, 75, 88, а также ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 25, л. 13; д. 126, лл. 1, 8—10; д. 135, лл. 1, 9 и др. По подсчетам С. А. Лазутки, во второй половине марта — в первых числах апреля волнения отмечены более чем в 20 имениях Ошмянского у. (С. А. Лазутка. Революционная ситуация в Литве в 1858—1862 гг. М., 1961, стр. 105).

¹⁰ См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 909, л. 31. Кроме того, в Вилейском у. произошло волнение в им. Маковичи помещицы Хлевинской (см. там же, лл. 79—80, 133).

¹¹ В Дисненском у. волнения начались 8 апреля 1861 г. в им. Игуменово (см. док. 84).

¹² Сводные данные о крестьянском движении по Виленской губ. см. также в записке М. Н. Похвиснева о ходе крестьянского дела в губернии за 1861 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 430, лл. 1—11). Всего в марте — начале апреля 1861 г. волнения крестьян произошли в 61 имении Виленской губ. (см. С. А. Лазутка. Указ. соч., стр. 105).

¹³ В указанном издании опубликована лишь часть документа, подпись под документом прочитана неправильно.

81

1861 г. апреля 16¹.—Список крестьян Свенцянского у., назначенных к ссылке за активное участие в крестьянских волнениях²

ИМЕННОЙ СПИСОК КРЕСТЬЯНАМ И ДРУГОГО ЗВАНИЯ ЛИЦАМ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫМ К ССЫЛКЕ

Название имений	Число душ	Имя и фамилия	Лета от роду	За что именно
Им. Шеметов-щизна помещика Скирмунта	971	Дер. Каракуличи Роман Иванов сын Наливайко	60	Этот крестьянин, бывший десятским дер. Каракуличи, первый подстрекнул крестьян оной к неповиновению дворовой власти в исполнении повинностей, ослушался внушениям и распоряжениям местной полиции и, наконец, при вразумлении г. майором Михневым силы высочай-

Название имений	Число душ	Имя и фамилия	Лета от роду	За что именно
Им. Островляны помещика Скирмунта	282	Дер. Старлыги Мацей Андреев Свирид	50	шего манифеста, в лице прочих крестьян оказывался азартным, неповивающимся и оспаривающим эти правила
		Якуб Иосифов сын Лубенский	45	За первоначальное подстрекательство крестьян к неповиновению в исполнении повинностей и за ослушность вотчинной и полицейской властям
		Викентий Елияша сын Раецкий	43	Крестьянин Лубенский, первый прочитав высочайше утвержденные правила, истолковал оные превратно и, разъезжая по деревням, подстрекал крестьян к неповиновению в исполнении повинностей
Им. Августово помещика Генриха Свионтецкого	219	Дер. Островляны Василий Юрия сын Плешак	40	Крестьянин Раецкий, действуя совместно с вышеупомянутым Лубенским, разъезжал по деревням и собирал денежные складки от крестьян с намерением писать и подавать прошения
		Дер. Близники Михаил Петра сын Володкевич	40	За ослушание вотчинной и полицейской властям, а также г. майору Михневу, в особенности при вразумлении силы высочайшего манифеста им же, г. Михневым, и при чтении правил троекратно оказывал буйство
			40	Крестьянин Володкевич первый подстрекал крестьян к неповиновению в исполнении повинностей, приходя несколько раз в мызу, отыскивал приказчика в намерении повесить, угрожал сжечь господский дом и, встретив приходского священника

Название имений	Число душ	Имя и фамилия	Лета от роду	За что имеют
Им. Чурлионы помещицы Бочковской	275	Дер. Лыцевичи Андрей Михайлов Лу-кша Иосиф Юрия сын Норко	45	Занороцкой православной церкви, угрожал убийством за то, что, будто бы, он не так читал высочайший манифест; сам же Володкевич толковал оный превратно крестьянам
		Дер. Тарасевиче отставной солдат Федор Земянов сын Близинок	50	Эти крестьяне более всех оказали неповиновение дворовой и полицейской властям, в особенности при вразумлении г. майором Михневым силы высочайшего манифеста, т. е., возвышая голос, становились азартными и даже при наказании прочих оказали упрямство и остались при своем упорстве
			67	Этот солдат, жительствова в дер. Тарасевичах, когда в оную были посланы унтер-офицер с отделением солдат для доставления на мызу крестьян той деревни, наименовав себя десятским дер. Тарасевич, выгонял солдат вон, намеревался довершать бой и плевал караульному и унтер-офицеру в глаза
		Павел Лыцягевич и сын его Александр, последний еще не пойман		Из этих крестьян Александр, первый прочитав правила, относящиеся к великороссийским губерниям, вместе с отцом своим Павлом не только одновотчинным крестьянам, но и приходящим из других соседних имений толковали им и внушали, что таковые относятся к

Название имений	Число душ	Имя и фамилия	Лета от роду	За что именно
				западным губерниям, и этим подстрекнули около 3 тысяч душ к неповиновению, и хотя г. майор Михнев толковал и внушал Александру ^а его ошибку и невразумительность, но он остался при своем упрямстве, и, продолжая свой толк крестьянам, собирали от крестьян разные складки продуктами и деньгами. Из них Павел посылается, а об отыскании Александра сделано надлежащее распоряжение.

Примечание. Из числа крестьян вышеупомянутых имений более ослушивающиеся наказаны в пример прочим, и именно: им. Шементовщицны помещика Скирмунта — 22, им. Островляны его же, Скирмунта, — 9, им. Спягла и Гоздово помещицы Бочковской — 7, им. Чурлионы ее же, Бочковской, — 13 и им. Августово помещика Свионтецкого — 7 человек, в имении же Колодно и Олешки помещика Можейки учрежден порядок и спокойствие до приезда г. флигель-адъютанта, г. майором Михневым, подвержением исправительному полицейскому наказанию двух крестьян. Хотя двое^б крестьян им. Шементовщицны помещика Скирмунта, Иван Булан и Михаил Сивицкий, главные виновные, впоследствии скрылись, но к поимке их сделано распоряжение и за сим велено представить их к предводителю дворянства для поступления по закону.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 909, лл. 96—97. Заверенная копия

¹ Дата сопроводительного письма.

² Список составлен свенцянским уездным предводителем дворянства Г. К. Свентецким и земским исправником А. Ф. Лукьяновым после расправы с волнующимися крестьянами Свенцянского у., возглавленной флигель-адъютантом А. В. Олсуфьевым. 16 апреля список представлен виленским губернатором М. Н. Похвисневым В. И. Назимову. В сопроводительном письме Похвиснев писал, что перечисленных в списке крестьян «для совершенного восстановления спокойствия, по мнению их, гг. Свентецкого и Лукьянова, следовало бы выселить из имений». Во время написания письма эти крестьяне содержались в Виленской тюрьме. На письме имеется резолюция Назимова: «18 апреля. Представить г. ми[ни]стру [внутренних] дел, согласно личному объяснению».

^а Далее в тексте следуют слова к крестьянам, заключенные в скобки, как канцелярская описка.

^б В тексте двух.

Александр Зельверович

82

1861 г. мая 10.— Донесение С. О. Адамовича В. А. Долгорукову о пении запрещенного гимна 8 мая в виленском кафедральном костеле¹

В храмовой праздник св. Станислава в виленском римско-католическом соборе во время литургии и момент совершения епископом святых таинств собравшиеся группой между стоявшим у паперти народом нижепоименованные университетские студенты и другие лица запели революционный гимн, написанный некогда Немцевичем², коего пропетый куплет при сем прилагается; как это пение злоумышленниками было начато с ноты известного каждому католику церковного гимна «*Boże, w dobrości nigdy nieprzebranu*» («Боже, в благостях никогда неисчерпаемый»), не содержащего в себе ничего политического, то стоявший у паперти большей частью простой народ начал петь этот последний гимн, но вскоре за поданным знаком с паперти прелатом Бовкевичем умолк, а злоумышленники сами одни продолжали пение до окончания куплета их гимна. В группе этого рода певчих замечены были студенты университетов: Московского — гр. Казимир Тышкевич, Ксаверий Корево, Александр Зельверович; С.-Петербургского — Виктор

Пашковский; бывшие студенты Дерптского — Лимановский, доктор Дыбовский и уроженец Августовской губ. отставной прапорщик Станиславский.

Все эти лица после выхода из костела были в городе арестованы с посадением в политическое заключение; как же из них Корево при самом выходе из костела был полицмейстером приглашен ехать с ним к ген.-губернатору, то из числа публики, вышедшей в это время из храма, 25 дам последовали за ним к ген.-адъютанту Назимову просить об освобождении арестованного, говоря, что и они пели, и пение это было духовное, не политического содержания. Получив вежливый отказ в своем домогательстве, сказанные дамы и вообще народ без нарушения спокойствия в городе разошелся по домам, в числе дам были только принадлежащие к высшему дворянству: г-жа Жабо и ее сестра девица Людвика Валицкая, прочие затем не имеют в обществе никакого значения³.

Эту ничтожную, большинством не одобренную манифестацию, по словам арестованного студента Тышкевича, устроил Лимановский ради [того], чтобы высказать свету, что и [в] Вильно настоящим не довольны и не спокойно.

О чем имею честь в. с. почтительнейше донести.

Подполковник Адамович

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 313, лл. 1—2. Подлинник⁴

¹ События 8 мая 1861 г. в Вильне послужили толчком для распространения пения гимна и демонстраций по всей территории Литвы и Белоруссии. О событиях 8 мая см. также док. 83, 88.

² В действительности автором гимна «*Boże coś Polskę...*» является не Ю. Немцевич, а А. Фелинский (см. прим. 1 к док. 16).

³ Участник манифестации 8(20) мая Б. Дыбовский в воспоминаниях своих указывает, что в шествии женщин, следовавших к дворцу ген.-губернатора, активное участие приняла его сестра Ю. Дыбовская-Еленская, которая, как член делегации женщин, вела переговоры с В. И. Назимовым об освобождении арестованных (см. В. Дыбовский. *Wspomnienia z przeszłości półwiekowej*. Lwów, 1913, str. 57).

⁴ Отпуск: ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, лл. 9—10.

83

1861 г. мая 14.— Донесение С. О. Адамовича В. А. Долгорукову¹ о демонстрации женщин в связи с арестом участников манифестации 8 мая в Вильно²

На другой день [после] явки к здешнему ген.-губернатору 25 дам с просьбой об освобождении арестованных лиц 8 мая за пение в костеле возмутительного гимна опять приходили дамы к ген.-адъютанту Назимову, многие те же, что и в первый раз, и некоторые новые, числом всего до 50, с заявлением новой безуспешной просьбы об освобождении вышеуказанных лиц, и как за этими ходатайками подошло ко дворцу несколько десятков любопытствующих³ развязки дела, то ген.-губернатор на всякий случай потребовал роту из казарм к себе на двор и две

³ В тексте любопытных.

пожарные водометные трубы; поездка этих последних во дворец порождала в народе предположение, что таковой горит, и привлекла туда немалую толпу любопытных, состоявшую преимущественно из бедных евреев и учеников гимназии, и как из числа этих последних ученик Иельский был приарестован состоящим при ген.-губернаторе лейб-гусарского Павлоградского полка корнетом гр. Ильинским за брань, произнесенную будто бы против его, Ильинского, этим учеником, то товарищи его, оскорбясь, сдвинулись в отдельную толпу в предположении идти тоже с жалобой к ген. Назимову на Ильинского и для объявления, что не арестованный ученик, а какой-то в партикулярном платье из среды^а их человек Ильинского ругал, каковое мнение поддерживали бывшие при толпе директор Кандидов и инспектор Кулин, посовещав этому последнему об аресте ученика и сопровождавших таковой обстоятельствах лично немедленно донести попечителю ген. Врангелю. Я убедил учеников разойтись по домам, и они исполнили это, прося, чтобы об обиде, причиненной им несправедливым арестом товарища, я доложил ген. Назимову. Это я им обещал и тотчас же исполнил; прочему затем народу я тоже приказал разойтись, и это было исполнено без малейшего сопротивления жандармом, ездившим между народом для соблюдения порядка и предложения, чтобы разошелся. Вскоре за тем были отпущены рота и пожарные инструменты в свои места и вышли из дворца просительницы дамы и с соблюдением общего спокойствия разошлись по домам; из числа коих помещице Валицкой с дочерьми: замужней госпожой Жабо и девицей Людвигой, а также девице графине Михалине Плятер ген. Назимов приказал выехать из города и не возвращаться без разрешения в оный, так как почитает некоторым образом этих аристократок бывшими в главе изъясненной манифестации дам.

О чем имею честь в. с. почтительнейше доложить.

Подполковник Адамович

ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, лл. 11—12. Отпуск

¹ Копия донесения представлена С. О. Адамовичем начальнику четвертого округа корпуса жандармов А. М. Гильдебрантф.

² См. док. 82.

84

1861 г. мая 15.— Донесение М. Н. Похвиснева В. И. Назимову о новом подъеме крестьянских волнений в Дисненском у. и необходимости усиления находящихся в уезде войск

В дополнение к представлению моему от 4 мая № 345¹ имею честь довести до сведения в. вп., что, как видно из поданной мне 12 сего мая виленским губернским предводителем дворянства записки и донесений дисненского земского исправника от 3 до 10 мая № 14 и 29, беспорядки в пиезунитском им. Игуменово², находящемся в потомственном владении княгини Пузыно, по расквартировании в оном одной роты 4-го ре-

^а Так в тексте.

зервного батальона Муромского пехотного полка и подвержении 5 главных подстрекателей аресту, а 12 более ослушных крестьян — исправительному полицейскому наказанию, ныне прекращены. Что же касается беспорядков в имениях: Козловске княгини Любецкой, Воляни — Шйрина, Михальцах — Гребницкого, Мосарже — гр. Бржостовского и Мазурины — Снитков, то таковые не только не прекращены еще, но даже распространились и по другим соседственным имениям: Поставах — гр. Тызенгауза, Константинове — Окушки, Людвинове — Вериги, Каштеляновщизне — Чернявского, Косаржевщизне — Михайловского и Озерцах — Корсака³.

Губернский предводитель дворянства, поясняя, что вследствие неповиновения крестьян приостанавливаются полевые работы, просит ходатайства моего, дабы командированным в Дисненский у. для прекращения беспорядков между крестьянами полковникам Абрамовичу и Бо было поручено восстановление порядка во всех тех имениях, где таковой нарушен крестьянами, а исправник Флиорковский доносит, что, по мнению его, для скорого восстановления порядка в Дисненском у. необходимо усилить число расположенных в нем войск, так как находящихся там трех рот 4-го резервного батальона Муромского пехотного полка, наличный состав которых не превышает 300 человек, оказывается для сего недостаточным. К сему исправник присовокупил, что виновный в превратном толковании крестьянам Положений рядовой Копанев арестован, проживающий же в м. Глубоком отставной подполковник Антоновский, замеченный в неodobрительном поведении и занимающийся толкованием крестьянам Положений за денежное вознаграждение, подвержен домашнему аресту впредь до особого распоряжения.

Предписав вместе с сим дисненскому исправнику распорядиться производством о поступках подполковника Антоновского и рядового Копанева формального следствия и представляя обо всем изложенном в. вп., имею честь покорнейше просить распоряжения вашего о скорейшем усилении расположенной в Дисненском у. военной команды. О последующем же не оставьте почтить меня предложением.

Гражданский губернатор Похвиснев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 909, лл. 118—119. Подлинник

Опубл.: «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», Минск, 1959, стр. 84—85

¹ См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 909, лл. 68—69.

² Волнение крестьян в им. Изуменово началось 8 апреля 1861 г. Собравшиеся в дворовое управление крестьяне объявили, «что не будут исполнять инвентарных повинностей, кроме одной барщины, которую они согласны отбывать не по назначению, а по своему усмотрению» (см. там же).

³ Подробнее о крестьянских волнениях в Дисненском у. см. там же, лл. 118—119, 121, 133 и др.; ф. 419, оп. 2, д. 125, лл. 25—28, а также сб. «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», стр. 76—83, 85—88, 89—90, 92. По подсчетам С. А. Лазутки, в апреле — мае 1861 г. крестьянские волнения произошли в 14—15 имениях Дисненского у. (см. С. А. Лазутка. Революционная ситуация в Литве в 1859—1862 гг. М., 1961, стр. 107).

1861 г. мая 22.— Записка виленского полицмейстера П. С. Васильева В. И. Назимову об активном участии учеников виленской гимназии в пении запрещенного гимна¹

Вчерашнего числа в половине первого часа пополудни в костеле св. Иоанна при большом стечении народа после окончания богослужения ученики здешней гимназии в числе более 150, стеснившись в густую толпу по левой стороне между стеной и колоннами, будучи окружены множеством разного сословия людей, стали на колени, а за ними и все их окружающие, и громким голосом, с энтузиазмом пропели тот же самый возмутительный гимн, который пет был уже в костелах: кафедральном 8-го² и в Остробрамском 14 и 17 сего мая³. Стоявших на коленях было около 500, но как все вообще были пригнувши[сь] и прикрывались платками, шляпами и бурнусами, а потому замечены поющими только следующие: дворянка Ванда Пацынкова и сестра ее девица Идалия Брунов, проживающие в доме графини Плятер; девица Ивицкая, чиновник уголовной палаты Полуян, брат инструментмахера⁴ Томашевич хромой, сапожник Будревич и два брата ученики гимназии Антоновичи, проживающие в доме Абрамовича; сверх того, ученики гимназии, а именно: 7-го класса — Юлиан Козел, Беньковский, Ивановский, Норейко, Август Козелл, Яковицкий, Горайский, Кукель; 6-го класса — Свенцицкий, Догель, два брата Желиговские, Павлович, Феликс Домбровский, Антон Домбровский, Малецкий, Бродовский, Издебский, Пашковский, Гецевич, Гуза, Узембло, Леошкевич, Соколовский; 5-го класса — Урбанович, Конча, Козловский, Рыдзевский, Шостак, Линкевич, Ежерский, Адамкович, Стацевич, Станевич, Белковский, Франковский, Камеенецкий, Гуза, Ольшевский, Якублевич, два брата Копцы, два брата Боровские, Викшельский, сын доктора, Верещинский, Заштофт, Мисевич, Стребейко, Жемойтель, Барановский; 4-го класса — Зданович, Гуза; 2-го класса — Кукель, Шостак; 5-го класса виленской прогимназии — Лопушинский, Рабей, Ивашевский, Шукевич, Силевич, Цедровский, а также две сестры Франковского, проживающие на Заречьи, и Малоховцузна⁴.

О чем в. вл. почтительнейшее честь имею доложить с присовокуплением: 1) что начинщиками⁶ и руководителями пения были ученики 6-го класса гимназии Феликс и Антон Домбровские и 2) ученики гимназии с каждым днем делаются более смелыми и дерзкими, а также публично оскорбляют полицейских чиновников. Это в особенности доказали они вчерашнего числа при проходе двух полицейских чиновников из костела большими дверьми через гимназиальный двор на улицу, где они собрались до 200, стали кричать, ругать последними словами и угрожать самыми дурными последствиями, потом, когда один из этих чиновников, сев на дрожки, отъезжал от костела, то они, выйдя со двора, провожали его при большом стечении народа также оскорбительными бранными словами. Сверх выше поясненных, пели упомянутый гимн дворянин Адам Кодзь, квартирующий в подоминиканском доме, ученик здешней гимназии Боровский, квартирующий в том же доме, бухгалтер

⁴ Мастер-инструментальщик (с немецк.).

⁶ Т. е. зачинщиками.

Виленской дирекции училищ Владислав Чехович, сестра канцелярского чиновника уездного суда Тышкевичувна и два кадета, которых прозвание неизвестно, но один из них росту выше среднего, лицом худощав и рябоват, лет около 20.

Вчерашнего же числа перед фигурой пресвятой богородицы, у Францисканского костела на дворе находящейся, ученики гимназии в числе 30 и прочие люди, бывшие на вечерне, когда духовенство отправилось в костел, пропели тот же гимн^а.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 43, лл. 5—6. Подлинник

¹ С началом манифестаций в Вильно подобные записки представлялись П. С. Васильевым В. И. Назимову почти ежедневно. В канцелярии ген.-губернатора они концентрировались в деле с полицейскими донесениями «о лицах, участвовавших в пении возмутительного гимна и в других манифестациях по гор. Вильно» (там же).

² См. док. 82.

³ См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 43, лл. 2—4.

⁴ На учительском совете гимназии было принято решение: «Временно исключить учеников гимназии 6-го класса: Бродовского, Фаддея и Оттона Желиховских, Гецевича, Феликса Домбровского, Лявданского и Свенцицкого; 5-го класса: Гузе, Дзяконского, Езержу, Юлиана Боровского, Бялковского, Гойлевича, Густава и Осипа Копеца и Франковского; 3-го класса — Кунцевича; виленской прогимназии 5-го класса: Пиотровича, Цедронского, Силевича; 4-го класса — Ивашевского и 3-го класса — Савашкевича.

Тому же наказанию подвергнуть учеников 6-го класса гимназии Антона Добровского, который был зачинщиком пения вместе с братом своим Феликсом в костеле св. Иоанна 21 мая, с тем, что они будут приняты опять в гимназию и прогимназию, если они до начала будущего учебного года не будут замечены ни училищным начальством, ни полицией в каком-нибудь дурном и предосудительном поступке» (см. там же, д. 44, лл. 5—7). Эта мера применялась властями против учащейся молодежи, принимавшей активное участие в пении гимнов и в уличных манифестациях, и в дальнейшем. Очень напряженное положение сложилось в виленской гимназии осенью 1861 г. На педагогических советах часто ставились вопросы об исключении учеников из гимназии. Несколько учеников было арестовано, многие исключены с запрещением проживать в Вильне, так как царские власти опасались их влияния на учащуюся молодежь (П. Конча, С. Урбанович, В. Жемойтель, Помернацкий и др.). Некоторые из исключенных учеников во время восстания вступили в ряды повстанцев: Бенедикт и Эдвард Лявданские, Б. Жебровский, З. Кимбар и др. (см. там же, лл. 14—15, 95—96 и др.; ф. 421, оп. 1, д. 1412, лл. 10—25; ф. 378, ПО, 1863 г., д. 696, лл. 1—2; д. 1147, л. 7; д. 1148, лл. 2, 3, 6).

86

1861 г. мая 23.—Донесение С. О. Адамовича В. А. Долгорукову¹ о подавлении сопротивления крестьян им. Игуменово и других имений Дисненского у. с помощью военной силы²

Из числа помещичьих имений Дисненского у., названных в донесениях моих в. с. от 10 и 12 сего мая за № 108 и 113³, в коих между временнообязанными крестьянами произошли беспорядки, им. Игуменово, 600 душ, владения княгини Гавриилы Пузыно, без особенных затруднений при содействии квартировавшей вблизи одной роты Муромского полка местным исправником Флиорковским приведено к должному отбыванию инвентарных повинностей, Поставы гр. Арнольда Константиновича Тызентауза, 7000 душ, и Манковичи Каролины Хлевинской.

^а Без подписи.

300 душ, при содействии роты Софийского полка тоже полковником Бо успокоены и обратились к должному отбыванию повинностей. Одновременно с сим [им.] Козловск, 800 душ, владения кн. Игнатия Друцкого-Любецкого и жены его, более упорно сопротивлявшееся по случаю, что в это имение ко дню, в который полковник Абрамович, истощив все средства убеждений, серьезно решился действовать, собралось до 2000 душ из соседних имений, равномерно успокоено и при содействии двух рот Муромского и одной Софийского полков захвачено более упорных, разных имений, 35 человек, кои для содержания временно в тюрьме Абрамовичем отправлены в гор. Дисну, а многие менее виновные, выше-названных имений и из числа собравшихся в Козловске соседних имений, были на месте наказаны умеренно розгами.

В им. Козловске ко дню сказанной экзекуции собрались крестьяне, вероятно, в предположение сопротивления, из всех имений, прежде в уезде взволновавшихся, о которых я уже имел честь донести в. с., а равно со вновь на сих днях объявивших помещикам, что будут только по 3 дня служить издельной повинности, как то имений: Мосаржа — отставного гвардии штабс-ротмистра Абдона Бржостовского, Михальцев — б. предводителя гвардии капитана Устина Гребницкого и Константинова — коллежского секретаря Казимира Окушки.

О усмирении затем прочих имений Дисненского у. хотя еще не получено от полковника Абрамовича официальным путем уведомлений, но имеются частные сведения, что повсеместно там успокоились крестьяне и в настоящее время в прочих местностях губернии обстоит благополучно.

Поводом случившихся беспорядков в Дисненском у. главное послужило превратное толкование крестьянам Положения о их освобождении из крепостной зависимости отставным артиллерии подполковником Антоновским, который, в нетрезвом виде читая им это Положение, уверил, что им следует отбывать издельной повинности только 3 дня в неделю со двора в пользу владельцев имений, за что Антоновский по жительству в м. Глубоком исправником приарестован домашним арестом впредь до распоряжения высшего начальства.

О чем имею честь в. с. почтеннейше донести.

Подполковник Адамович

ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 125, лл. 26—27. Отпуск

¹ Копия донесения представлена С. О. Адамовичем начальнику четвертого округа корпуса жандармов А. М. Гильдебранту.

² См. также док. 84.

³ См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 125, лл. 24—25.

87

1861 г. мая 29.— Предписание В. И. Назимова М. Н. Похвисневу о немедленной высылке из Вильно студентов за участие в освободительном движении

Признав нужным выслать из Вильны студентов императорских С.-Петербургского, Московского и Киевского университетов, поименованных в прилагаемом при сем списке ¹, за предосудительное их поведение и наглые поступки с тем, чтобы и возвращение сюда впредь до

особого распоряжения дозволяемо им не было, я имею честь покорнейше просить в. п. предписать об этом немедленно по принадлежности к зависящему исполнению и о времени выезда их меня уведомить.

К сему присовокупляю, что настоящая мера должна быть принята к руководству и в отношении всех других студентов, которые появились бы в Вильне, по предварительном доведении о приезде таковых до моего сведения полицмейстером особыми записками.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 44, л. 8. Отпуск

Опубл.: «Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева», т. I, Вильна, 1906, стр. 47.

¹ «Список студентам, проживающим в гор. Вильне. С.-Петербургского университета: 1) Владислав Пилецкий, 2) Викентий Бышинский, 3) Густав Волович, 4) Игнатий Зданович [зачеркнуто карандашом], 5) Станислав Томашевич, 6) Аркадий Анисимов, 7) Виктор Иогихес, 8) Юлий Иогихес, 9) Рафаил Монасевич, 10) Даниил Фридберг, 11) Альберт Берман [N 7—11 зачеркнуты карандашом], 12) Виктор Пашковский, 13) Болеслав Гавронский, 14) Алоизий Корбут, 15) Александр Урбанович; Московского университета: 16) Виктор Оберн, 17) Фердинанд Гартунг, 18) Юлиан Корженевский, 19) Казимир Тышкевич [зачеркнуто карандашом; помета под арестом], 20) Витольд Козловский, 21) Степан Мокржецкий, 22) Александр Зельверович [зачеркнуто карандашом; помета арестован], 23) Эдуард Ростейко, 24) Болеслав Сороко, 25) Ксаверий Корево [зачеркнуто карандашом; помета арестован], 26) Адольф Шарский, 27) Адольф Вольдемар, 28) Иосиф Пеполь [зачеркнуто карандашом]; Киевского св. Владимира университета: 29) Константин Ревенский, 30) Петр Табенский; Казанского университета: 31) Юлиан Руткевич» (там же, лл. 9—10); список подписан виленим полицмейстером П. С. Васильевым.

88

1861 г. июня 2. — Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о манифестации 8 мая в Вильне

Секретно

От 9 и 15 минувшего мая № 246^{a 1} и 263 я имел честь сообщить в. с. о пении возмутительного гимна в виленим римско-католическом кафедральном костеле, а также о поручении особой следственной комиссии допросить арестованных по сему предмету лиц: было ли исполненное намерение собственным их побуждением или же они действовали по наущению и подстрекательству каких-либо тайных агентов.

Ныне следственная комиссия мне донесла, что никаких указаний о подстрекателях и тайных агентах не обнаружено по отсутствию чистосердечного сознания в арестованных лицах, хотя к увещанию их со стороны комиссии были употреблены все старания. Однако же из показания студента С.-Петербургского² университета гр. Казимира Тышкевича оказывается, что в Вильне, в кругу небольшого общества студентов, приехавших сюда на каникулярное время, действительно подана мысль о пении означенного гимна Болеславом Лимановским, б. студентом Дерптского университета, прибывшим незадолго пред тем в Вильно из-за границы с братом своим Иосифом*. Общество это, собиравшееся у Лимановских, делилось на две партии, из коих одна, в главе которой стоял зачинщик Болеслав Лимановский, настаивала

* Сюда же, в Вильно, одновременно с означенными Лимановскими прибыл из Динабургского у. и третий брат их — Люциан, помещик. Все они имели одну квартиру в доме для приезжающих и все участвовали в пении гимна 8 мая в кафедральном костеле, за что и были арестованы по указанию полиции.

^a В тексте ошибочно 247

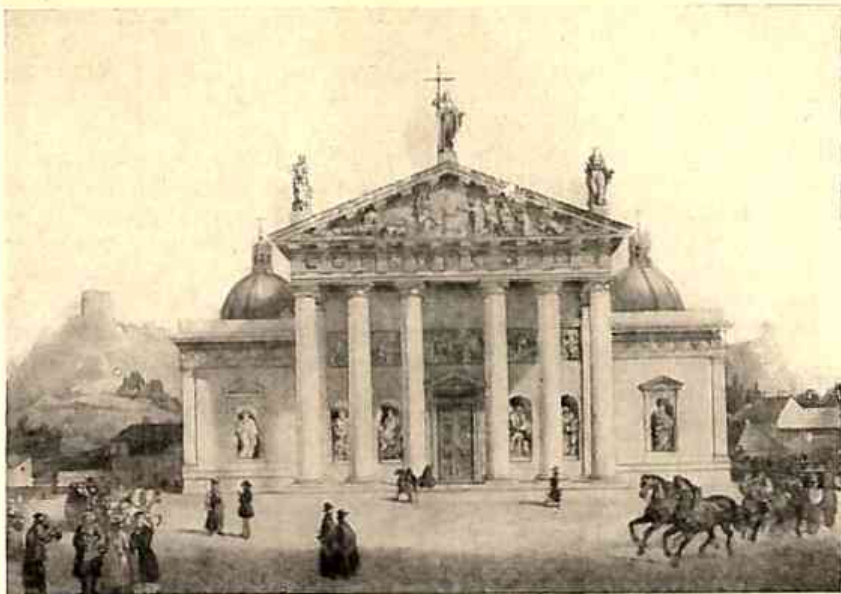
о приведении сей демонстрации в исполнение с целью огласить свои действия за границей и внушить понятие о беспокойствах в Вильне; а другая партия была противного мнения, убеждая не делать никаких демонстраций, всегда вредных и бессмысленных³. К первой партии принадлежали два брата Лимановских, Иосиф и Люциан, а также студенты университетов: С.-Петербургского — Виктор Пашковский, Московского — Александр Зельверович, Ксаверий Корево и Дерптского — Венедикт Дыбовский; в последней же партии поименованы дворяне Франц и Александр Далевские, два брата Куцевича, дворянин Иосиф Кохановский, студенты Бышинский, Маттерно, Шванский, Греготович и гр. Тышкевич, которые, объясняя этот личный состав партии, присовокупил в свое оправдание, что если и пошел он в кафедральный костел в день пения упомянутого гимна, то без участия в этом пении, единственно по требованию товарищей, которые положили собраться в костеле в три четверти десятого часа в понедельник 8 мая, в день св. Станислава, и запеть революционный гимн, если не в то время, когда облачали епископа, то во время совершения святых таинств; причем решено было, чтобы студенты отправились в костел переодетыми в гражданское платье, что действительно и было замечено при арестовании вышедших из костела некоторых студентов.

Об этом сборище поименованных лиц в квартире Лимановских подтвердили, в общих словах, дворянин Иосиф Кохановский, принадлежавший к противной партии, и студент Александр Зельверович, участвовавший в самом пении гимна, в первый раз, в кафедральном костеле. Из них Кохановский показал, что собиравшихся лиц у Лимановских он не знает, будучи знаком только с Болеславом Лимановским, как с товарищем по воспитанию в Дерптском университете, которому накануне означенного предприятия объявил, что петь гимн и принадлежать к демонстрационной партии не будет; Зельверович же отказался, что в квартире Лимановских он бывал раз пять по знакомству и во время посещений встречал там людей неизвестных, вероятно, жителей виленских, а также студентов Бышинского, гр. Тышкевича, Корево, Дыбовского; однажды он, Зельверович, сказал в этом обществе о распространившемся слухе, что в понедельник 8 мая в кафедральном костеле будут что-то петь, и на это отвечали присутствовавшие, что и они о том слышали; в предположенный день он, Зельверович, находился при богослужении вместе с студентом Корево и вторил напеву известного гимна под заглавием «*Boże coś Polskę...*», но слов не произносил, не зная их, кроме двух последних строк, которые пел с прочими присутствовавшими.

Другие арестованные лица касательно подговаривания их к пению гимна Болеславом Лимановским также не сделали сознания и, умолчав вовсе о знакомстве с ним, отвечали:

Студент Виктор Пашковский, что в костел он пришел по случаю храмового праздника и, услышав напев богородичной песни, вторил другим, певшим оную, вполголоса; но когда заметил какое-то несогласие органа с голосом народа, то оставил пение.

Отставной прапорщик Станишевский, что, находясь проездом в Вильне, он никого здесь не знал; во время богослужения в кафедральном костеле был и при поднесении святых тайн, преклонясь к земле, услышал гимн, похожий на богородичную песнь, но сам никакого участия в нем не брал.

Виленский кафедральный собор

Студент Ксаверий Корево, что, придя в кафедральный костел в день св. Станислава, услышал пение знакомого ему гимна «*Boże coś Polskę...*» и пел оный в числе прочего молящегося народа, но ни в каких собраниях не бывал и рассуждений по поводу означенного гимна не слышал.

Б. студент Дерптского университета, ныне изготовляющий диссертацию на степень доктора медицины Венедикт Дыбовский, что в кафедральном костеле 8 мая был и означенный гимн пел, потому что и другие пели; напев этот он, Дыбовский, знает с колыбели, часто его пел в Познанском княжестве, когда навещал своих родных, находясь за границей; однако ж ни там, ни здесь никто его, Дыбовского, к пению сего гимна не подговаривал. У Лимановских в квартире бывал несколько раз по знакомству с старшим из них, Болеславом, как товарищем по Дерптскому университету; но в присутствии его, Дыбовского, у Лимановских никто не разговаривал о пении в костеле и никаких подобных суждений там не было⁴.

Помещик Динабургского у. Люциан Лимановский, что, находясь в Вильне по своим делам, он 8 мая в здешнем римско-католическом кафедральном костеле был и гимн «*Boże coś Polskę...*» пел со всем народом; петь гимн никто его не подговаривал и ни с кем совещания об нем не имел; слова гимна, не заключающие в себе ничего дурного, он, Лимановский, знал с малолетства.

Записавшийся студентом в Льежском университете, за границей, другой брат означенного Лимановского, Иосиф, что, придя в кафедру в день св. Станислава на молитву, во время литургии, когда народ запел гимн, и он, Лимановский, услышав от стоящего впереди человека слова этого гимна, начал петь таковой, потому что в бытность свою

пред сим в Варшаве много раз слышал пение сего гимна безнаказанно в тамошних костелах, а потому полагал, что этот гимн к пению не воспрещен,

и б. студент Дерптского университета, старший брат вышеозначенных Лимановских, Болеслав,— что он пел гимн в костеле как молитву и не подговаривал к пению никого.

Так как у этого же Болеслава Лимановского найдено при обыске печатное воззвание на польском яз. от имени архиепископа Фиалковского о ношении траура в память павших жертв в Варшаве⁵ и железное кольцо, выложенное внутри золотом, с вырезанной надписью на польском языке «Jeszcze Polska nie zginęła»^а, то на предложенные об этих вещах вопросы он отвечал, что сказанное воззвание в одном экземпляре он получил в Варшаве на улице от какого-то неизвестного лица и оное никому в Вильне не давал; кольцо же досталось ему от умершего брата его Александра.

Текст гимна, доставленный в комиссию виленским полицмейстером, заключает стихи:

Боже, который Польшу столь многие века
Озарял блеском могущества и славы
И охранял щитом своего покрова
От несчастий, угрожавших ей гибелью,—

Пред твои алтари возносим моления:
Возврати свободу и отечество,
Освободи от цепей этого тирана
И поспеши подать помощь нашим предприятиям!

Ты, который впоследствии, будучи тронут его падением,
Содействовал могущественно святому делу
И, желая иметь весь свет свидетелем его могущества,
Самыми несчастиями увеличил его славу,

Пред твои алтари... и пр.

Ты, который, наконец, новыми чудесами
Воскресил его и два геройские народа,
Славные дотоле своею взаимною враждою,
Соединил под одним скипетром ангела мира,

Пред твои алтари... и пр.

Возврати новой Польше древнюю славу,
И да будут в ней счастливы,
Да процветают два слившиеся народа,
И да благословляют царствование наших соплеменников

Пред твои алтари... и пр.

Болеслав и Иосиф Лимановские объяснили гимн сей в тех же стихах, как выше изложено, но с следующими изменениями:

Боже, которого справедливая десница
Сокрушает железные скиптры земных владык,
Удали вредные намерения этих врагов
И возбуди надежду в наших польских душах!

^а «Еще Польша не погибла» (польск.).

Возврати прежней Польше древнюю славу,
Удоби поля и запустелые нивы,
Да процветают в ней счастье и согласие навеки,
Прекрати твое наказание, боже разгневанный!

О пресвятой боже! Отдали от Польши
Твоими великими чудесами бедствия, убийства и войны,
Соедини венцом свободы твоих народов
Под одним скиптром ангела мира!

Строфу же, которая содержит в себе моление об освобождении от цепей тирана и которая повторяется за каждым четырьмя стихами,—оба Лимановские выпустили из своих объяснений совершенно. Относительно сего и студент гр. Тышкевич показал, что он слышал этот гимн в Москве при пении его за убитых в Варшаве⁶, но строфы о тиране не припомнит.

Кроме сего, по показанию дворянина Николая Войцеховского (музыканта кафедрального костела), означенный гимн играл на органе во время демонстрации б. ученик виленской гимназии дворянин Адольф Гриневецкий, который к хору кафедральных музыкантов вовсе не принадлежит и неизвестно с какого повода начал эту игру.

В пояснение сего Гриневецкий отвечал, что во время проповеди неизвестные два человека обратились с просьбой к особо сидевшим музыкантам сыграть предложенные ноты на органе во время поднятия даров, когда музыка перестанет играть, и он, Гриневецкий, вызвался исполнить это, не подозревая в нотах ничего дурного и не зная вовсе текста гимна.

Из бумаг Гриневецкого, взятых при обыске, видно однако же, что он образа мыслей не совсем благонамеренного и вел переписку с разными лицами двусмысленную, направленную против местных распоряжений о преследовании политических замыслов.

Из всего вышеизложенного я нахожу, что хотя не открыто указаний о лицах, подстрекающих к неблагонамеренным предприятиям, которые, впрочем, выражаются в настоящее время одной лишь формой подражания бывшим в Варшаве демонстрациям, но имея в виду, что первое пение в кафедральном римско-католическом костеле возмутительного гимна исполнено было с приездом в Вильно братьев Лимановских, не представляется сомнения, что зловерные идеи эти занесены в Вильно упомянутыми Лимановскими из-за границы и развиты, при дурном вообще настроении умов, другими студентами, в большом числе прибывшими сюда из разных университетов на каникулярное время и под предлогами болезни. Посему в лице Лимановских, особенно старшего Болеслава, которого и студент гр. Тышкевич именует зачинщиком, признавая первых подстрекателей к пению возмутительного гимна, который потом повторялся и в других костелах толпами народа, преимущественно воспитанниками гимназии и Дворянского института, я полагал бы для поддержания порядка и спокойствия, которые нарушаются при всяком удобном случае образовавшимися неблагонамеренными партиями, подвергнуть арестованных лиц следующим примерным взысканиям.

Бенедикт Дыбовский

1. Студента Болеслава Лимановского определить на службу в Отдельный Оренбургский корпус рядовым на полгода, а затем юнкером, с лишением прав, предоставленных к производству в офицеры окончившим курс наук в университетах, но без лишения дворянского достоинства ^а.

2. Иосифа и Люциана Лимановских отправить в одну из отдаленных губерний для определения на службу по гражданскому ведомству.

3. Студента Московского университета Ксаверия Корево определить на службу в Отдельный Оренбургский корпус юнкером.

4. Студента того же университета Александра Зельверовича отправить в университет для окончания курса наук, с тем чтобы по выходе из университета он был определен в гражданскую службу в одной из великороссийских губерний.

5. Студента того же университета гр. Казимира Тышкевича отправить также в университет для окончания курса наук с воспрещением ему въезда в западные губернии.

^а *Помета* Лишение прав всякого рода возможно только по судебному решению.

6. Викентия⁷ Дыбовского отправить в Дерпт для окончания порученной ему тамошним университетом диссертации и потом определить на службу по медицинской части вне Западного края.

7. Окончившего курс наук в виленской гимназии дворянина Адольфа Гриневецкого определить в гражданскую службу в дальних губерниях, и 8. Отставного прапорщика Станишевского и студента С.-Петербургского университета Виктора Пашковского, освобожденных уже из-под ареста и отправленных к своим местам, взысканию не подвергать, по неизоблачению их в проступке, за который они были арестованы.

О таковых результатах настоящего дела и мнении моем сообщая в. с. для всеподданнейшего доклада государю императору имею честь покорнейше просить вас, м. г., о последующем высочайшем решении почтить меня уведомлением⁸.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 313, лл. 10—20. Подлинник

Опубл.: «Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева», т. I, Вильна, 1906, стр. 50—56.

¹ Не публикуется. См. там же, лл. 8—9.

² Ошибочно, должно быть Московского.

³ В своих показаниях и воспоминаниях Я. Гейштор указывает, что против организации манифестации 8 мая высказался представитель революционно-демократического течения Л. Звездовский, ставший вскоре руководителем образовавшегося в Вильне Комитета движения; с другой стороны, в еще большей степени проведению манифестации сопротивлялись лидеры белой партии Я. Гейштор, Ф. Далевский и др., которые выступали против активных методов борьбы (см. J. Gieysztor. Pamiętniki, t. I. Wilno, 1913, str. 105—107, а также ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1786, л. 121). О дискуссиях в Вильне накануне 8 мая, отражающих взгляды различных общественных групп, см. также воспоминание одного из инициаторов манифестации, Б. Лимановского: B. Limanowski. Pierwsza manifestacja w Wilnie 1861 r.— В сб. «W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego (1863—1903)», Lwów, 1903, str. 227—233; его же. Pamiętniki (1835—1870), Warszawa, 1957, str. 241—298.

⁴ Б. Дыбовский отмечает в воспоминаниях, что прибывшая в Дерпт делегация петербургских студентов сообщила о намерении организовать в Вильне манифестацию и о предстоящем съезде студентов. Делегатами от дерптских студентов для поездки в Вильну были избраны Б. Дыбовский, С. Ожешко и В. Тейх. В Вильне они встретились с другими студентами-единомышленниками и в предместье Рыбишках под руководством А. Зельверовича обучались петь гимн (см. B. Dąbowski. Wspomnienia z przeszłości polskiej. Lwów, 1903, str. 52—56). По упомянутым выше воспоминаниям Б. Лимановского, мысль об организации в Вильне манифестации возникла первоначально у литовских и белорусских студентов, находившихся в Париже.

⁵ Имеется в виду воззвание варшавского архиепископа Фялковского от 3 марта (н. ст.) 1861 г. о ношении траура в связи с расстрелом царскими войсками в Варшаве мирной демонстрации 15(27) февраля. Текст воззвания см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 361, л. 1.

⁶ 1(13) марта в Петербурге и 5(17) в Москве были организованы студентами панихиды в память убитых 15(27) февраля царскими войсками в Варшаве участников мирной демонстрации. На панихиде в Петербурге, где присутствовало много польских и русских студентов и профессоров, был пропет польский национальный гимн. В Москве после панихиды П. Заичневский в произнесенной речи призывал русских и поляков к совместной борьбе против самодержавия. Речь свою он закончил словами: «Да здравствует социальная Польша!» (см. ЦГАОР СССР, л. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 57, лл. 28, 52—54 и др., а также «Русско-польские революционные связи». М., 1963, т. I, стр. 58—61 и «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи». М., 1960, стр. 211—213; А. И. Герцен. Сочинения, т. XV. М., 1958, стр. 54, 325).

⁷ Ошибка. Имя Дыбовского — Бенедикт.

⁸ В. А. Долгоруков, учитывая, что одновременная высылка большого числа участников манифестации 8 мая может послужить поводом к новым демонстрациям, предложил на рассмотрение Александру II предложение о высылке одного только

Б. Лимановского. Других же участников манифестации III отделение предложило, выдержав два-три месяца в тюрьме, подвергнуть строгому полицейскому надзору. По имеющимся данным, кроме Б. Лимановского, высланного в Архангельскую губ., были высланы: А. Гриневецкий в Пермскую, К. Корево в Вятскую, Люциан и Юзеф Лимановские в Вологодскую губ. Последние в 1863 г. бежали из ссылки для присоединения к повстанцам, но были арестованы в Витебской губ. (см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, л. 35; ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, лл. 48, 50, 67, 71; ф. 1248, оп. 2, л. 76).

89

1861 г. июня 7.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о манифестации в связи с похоронами студента Московского университета К. Баранцевича в Вильне

Секретно

Студент императорского Московского университета Баранцевич, будучи одержим чахоткой и прибыв на родину в болезненном состоянии, умер в Вильне 23 минувшего мая в квартире и на попечении его матери. Некоторые из находившихся здесь студентов, воспользовавшись случаем для погребения Баранцевича с возможной торжественностью, распустили слух, что он умер от строгого ареста в цитадели, которому на самом деле подвергнут вовсе не был. С этой целью означенные студенты при содействии помещика Ковенской губ. Косцялковского собрали из добровольных приношений, как говорят, до 800 руб.; пригласили значительное число духовенства, воспитанников римско-католической духовной семинарии, всех учеников губернской гимназии и немногих по собственному желанию из Дворянского института. Стечение публики, по-видимому, сочувствовавшей мнимому политическому страдальцу, было значительно. По отслужении в костеле заупокойной литургии шествие проследовало через город на кладбище в совершенном порядке, и там после произнесения ксендзом надгробного слова, а одним из студентов — Крушевским — речи о способностях и похвальных качествах усопшего, тело предано было земле с должным спокойствием, которое, однако же, после того было нарушено учеником гимназии Раббеем, бросившим камень в полицейского чиновника из негодования за нахождение его в числе присутствовавших¹.

Принимая во внимание, что зачинщиком богатых похорон Баранцевича, которого мать осталась в крайней бедности, был помещик Косцялковский, принявший на себя сбор пожертвований и распускавший также слух о постигшей Баранцевича смерти по причине тяжелого содержания его под арестом в цитадели, я сделал распоряжение о высылке названного помещика из Вильно в принадлежащее ему имение с воспрещением отлучаться оттуда и с учреждением за действиями его на месте жительства строгого полицейского надзора.

О вышеизложенном имею честь уведомить в. с. для надлежащего вашего, м. г., сведения.

Ген.-адъютант Назимов

Пометы Доложено е. в. 18 июня

Не видно, как поступлено с Раббеем².

Представлена памятная записка для передачи министру просвещения.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 316, лл. 18—19 об. Подлинник³

¹ Об этом см. также ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 43, лл. 8—9.

² Ученик пятого класса гимназии Владимир Раббей был исключен из гимназии и отдан под надзор полиции (там же, д. 44, лл. 5—7).

³ Отпуск: ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 665, л. 8.

90

1861 г. июля 1.—Донесение вр. и. д. виленского губернского жандармского штаб-офицера Н. Я. Скляренко В. А. Долгорукову о распространении учеником виленской гимназии А. Норейкой текста запрещенного гимна среди крестьян в окрестностях Вильно

11 июня в день сошествия святого духа при совершении богослужения в Кальварии, загородном месте в 5 верстах от гор. Вильна с римско-католическим костелом, куда обыкновенно стекается не только городское население, но и поселяне из отдаленных мест, взят был земской полицией крестьянин с тремя экземплярами возмутительного гимна, которые, как он показал, были даны ему насильно каким-то гимназистом, вовсе незнакомым, но которого он, однако же, мог бы узнать.

Учебное начальство подозревало в поступке этом ученика 7-го класса виленской гимназии Адольфа Норейку, замеченного в участии в демонстрациях и вообще человека неодобрительного поведения (за что он даже по приговору совета гимназии лишен права на получение аттестата), и поэтому арестовало его с содержанием в гимназическом карцере.

При произведенном по распоряжению управляющего Виленским учебным округом розыскании, на очной ставке с крестьянином Норейка утверждал, что его вовсе не знает и не только ему, но никому другому экземпляров гимна не давал; крестьянин же, как только был позван в комнату, где находился Норейка и еще три ученика гимназии, тотчас же указал на Норейку, утверждая, что именно он всунул ему насильно найденные у него бумаги, но Норейка отвечал, что не виноват и ничего не знает.

Хотя Норейка и не сделал сознание, но так как улика крестьянина и неодобрительное поведение его дают повод сильно подозревать его, то поэтому Норейка, как вышедший по случаю окончания курса из ведения учебного начальства, отправлен к виленскому коменданту для содержания под арестом согласно распоряжения о сем г. виленского военного губернатора¹.

О чем имею честь почтительнейше донести в. с.

Корпуса жандармов штабс-капитан Скляренко

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экзп., 1861 г., д. 324, лл. 1—2. Подлинник²

¹ В июле 1861 г. А. Норейка был сослан в Архангельскую губ. с определением там в гражданскую службу (см. там же, л. 10; ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, л. 56).

² Отпуск: ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, лл. 32—33.

1861 г. июля 2.—Предписание П. С. Васильева антокольскому полицейскому надзирателю об аресте Х. Негатина, возбуждающего крестьян Троцкого у. к неповиновению помещикам

Весьма нужное

25 числа истекшего июня месяца явился^а в м. Жижмору житель Троцкого у. дер. Страшун русский Харлам Негатин и, собрав многих соседних помещичьих крестьян, толковал им превратно высочайший манифест, убеждая их, что они от шести уже лет освобождены от всяких в пользу владельцев повинностей, предваряя при том и о многих других для них льготах, чем привел их в неповиновение. Из собранных уже сведений дознано, что сказанный Негатин вместе с крестьянином им. Буйвиданц помещика Рымшевича Адамом Кондратовичем отправился в гор. Вильно, а потому, вследствие отзыва троцкого уездного предводителя дворянства от 1 сего июля за № 891, строго предписываю в. б. тотчас по получении сего сделать розыск к отысканию означенных Негатина и Кондратовича, и ежели они будут отысканы, то задержать и доставить ко мне под строжайшим караулом для дальнейшего распоряжения.

Полицмейстер полковник Васильев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 27, д. 152, л. 224 и об. Подлинник

1861 г. июля 2.—Предписание П. С. Васильева антокольскому полицейскому надзирателю о розыске рабочих, бежавших со строительства Петербурско-Варшавской ж. д.¹

Вследствие отзыва конторы по сооружению железной дороги статского советника Адельсона от 24 минувшего июня за № 276, препровождаю при сем в копии список рабочим людям², бежавшим из рабочего пункта Ваки, строго предписываю в. б. сделать розыск к отысканию означенных людей, и буде они в ведомстве вашем окажутся, то немедленно выслать их для занятия работами на пункт Ваку, и о последующем мне донести.

Полицмейстер полковник Васильев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 27, д. 152, лл. 222—223. Подлинник

¹ См. также док. 171 о стачке каменотесов на строительстве железной дороги в м. Дукиштах Ковенской губ.

² К предписанию приложен список:

^а В тексте являсь.

Какой губернии и уезда	Какой деревни или сельда	Имя и прозвание	Отметка
Псковской, Островско-го	Кудаева	Николай Алексеев	Казенные крестьяне
Тверской, Старицкого	Мошина	Данило Прокофьев	
Калужской, Жиздринско[го]	Желтух	Василий Иванов	
» »	»	Александр Максимов	
» »	»	Данило Милаев	
» »	»	Егор Андреев	
Ярославской	гор. Мышкина	Кузьма Иванов Бирюков	Мещанин
Смоленской, Сычевско-го	Мимкла	Иван Александров	Крестьянин княгини Шаховской
Псковской, Порховско-го	Язевк	Ефим Ермолаев	Казенные крестьяне
» »	»	Василий Ермолаев	
Тверской, Новоторжского	Щитникова	Евграф Васильев	
» »	»	Кирило Абрамов	
» »	Сидорова	Василий Яковлев	
» »	Тавруева	Иван Яковлев	
» »	Кузкова	Гаврило Иванов	
» »	Ильина	Емельян Алексеев	
» »	Кишова	Василий Абрамов	
» »	Островка	Евграф Алексеев	
» »	Тавруева	Александр Тагазов	
» »	Ильина	Конов Арсеньев	
» »	»	Василий Ефимов.	

93

1861 г. июля 14.— Донесение С. О. Адамовича В. А. Долгорукову¹ об отказе крестьян Ошмянского у. отбывать сгонные дни и подавлении их сопротивления военной силой

Ошмянского у. временнообязанные крестьяне им. Жимослава помещика Казимира Умястовского и Ивье гр. Августа Замойского² после долгих вразумлений и убеждений со стороны моей и местных предводителя дворянства, земского исправника и мирового посредника согласились отбывать сгонные дни, но вскоре жимославские крестьяне, невзирая, что помещик половину этих дней им уступил и что многие из них относительно исправного отбывания таковой повинности 6 сего июля в м. Солечниках в проезд г. ген.-губернатора в Гродно³ лично получили приказания, вслед за тем вновь отказались от исполнения этой повинности.

Такое неповиновение даже приказанию главного начальника края, мы, принимая за дерзость, внезапно ночью направили в Жимослав роту Нарвского пехотного полка и с восхождением солнца захватили до 70 тамошних хозяев, из коих за исключением немногих престарелых и болененных, остальных в пример другим серьезно наказали розгами. Мера эта принесла желаемый успех. Жимославские крестьяне,

как равно соседних имений: Якуне помещицы Казимиры Дмоховской, Юрадзишек и Ильянова помещика Гедимины Родкевича, изъявили без всяких понудительных мер готовность к отбыванию сгонных дней, а вслед за тем крестьяне им. Лугомович помещика Оскара Милевского после вразумления и умеренного наказания некоторых, не вышедших впоследствии нашего приказания на работу, обратились к должному исполнению сгонной повинности; крестьяне же им. Лоздун, тоже владения Милевского, оказались особенно упорными, они по призыву^а отказались на работы и к нам явиться, а арестованные [с] помощью роты, не обращая внимания на чинимые им вразумления, покушались отбить наказываемых нами 11 человек зачинщиков, а эти последние, наказываемы сильно розгами, долго и упорно медлили с изъявлением покорности. За воследованием однако ж таковой со стороны наказываемых и прочие, после долгих разговоров, согласились возвратиться к повиновению и на другой день по призыву нашему исправно вышли на сгонные работы.

Таким образом, между 1800 дворами взволновавшихся крестьян восстановив порядок, я прибыл сего числа в гор. Лиду, чтобы здесь вместе с земским исправником восстановить в нескольких мелкопоместных имениях нарушенное повиновение в отношении отбывания тоже сгонных повинностей⁴.

О чем сим в. с. имею честь почтительнейше донести.

Подполковник Адамович

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 4 эксп., 1861 г., д. 197, лл. 35—36 об. Подлинник⁵
Опубл.: «Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг.». М., 1964, стр. 36—37.

¹ Копии донесения направлены С. О. Адамовичем начальнику четвертого округа корпуса жандармов А. М. Гильдебранту и виленскому губернатору М. Н. Похвисневу.

² О волнениях крестьян Ивейской вол. и других имений Ошмянского у. того периода см. сб. «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», Минск, 1959, стр. 88—89, 91, а также ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 909, лл. 124, 131; д. 950, л. 28; ф. 419, оп. 2, д. 135, лл. 1—2, 4, 9.

³ О поездке В. И. Назимова по краю в июле 1861 г. и его попытках лично воздействовать на волнующихся крестьян Виленской губ. см. док. 18 и прим. 3 к нему.

⁴ Летом 1861 г. в Лидском у. волновались не только крестьяне мелких имений. Волнением были охвачены имения гр. Потоцкого, составлявшие Городенское и Казаковское общества, крестьяне которых отказались от исполнения сгонов. Подавление этого волнения было также поручено С. О. Адамовичу с помощью направленной туда роты солдат (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 135, лл. 3, 8, 45 и «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)»).

⁵ Отпуск: ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 135, лл. 5—6.

94

1861 г. августа 1.—Донесение С. О. Адамовича В. А. Долгорукову о демонстрациях в окрестностях Вильно в связи с годовщиной Люблинской унии

Кто-то из неблагонамеренных людей несколько дней тому назад распространил по городу печатные объявления, что 31 июля, как в день годовщины воссоединения некогда Литвы с Польшей, следует

^а Так в тексте.

Острая Брама

благодарственным полякам и литвинам, сбросив черные платья, принесть в храмах богу благодарственное молебствие, а затем повеселиться.

Следствием, вероятно, такового приглашения вчерашний день к вокальной литургии, совершенной местным духовенством в Свято-Янском костеле будто бы по случаю престольного там праздника св. Игнатия Лойолы^а, собралась многочисленная, преимущественно женская, публика, не лишенная аристократии и самой злосчастной демократии, разодетая в платья народных ярких цветов. После литургии были пропеты гимны: совершавшим обедню духовенством и народом — обычный благодарственный «Тебя, боже, хвалим», и одним народом — известный, поющийся здесь постоянно с мая месяца, возмутительного содержания. Затем из костела с соблюдением спокойствия народ, разойдясь, опять в вечеру собравшись в Острой Браме и пропев последний из гимнов, направился к загородному трактиру, называемому Бельмонтом¹. К сумеркам собралось туда народу до 7000, и на дворе у трактира под звуки музыки чернь долго танцевала народные польские пляски, в которых по временам принимали участие и дворяне, и в это же время в лесу на горе, примыкающей к трактиру, со страшной разладицей в гармонии пелись одними партиями известный возмутительный гимн, а другими — мазурка, по-литовски и польски, «Еще Польша не погибла, коли мы живы»². Оттоль народ, большей частью в нетрезвом виде,

^а В тексте Июноля.

возвратился в город поздно ночью без шума и нарушения порядка³. Сегодня же опять все дамы облачились в черные платья.

О чем сим имею честь в. с. почтительнейше донести.

Подполковник Адамович

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 304, ч. 2, лл. 12—13. Подлинник⁴

¹ В предместье Вильно Бельмонт.

² Литовский вариант этой известной польской песни с начальными словами «*Niergarbils musi Tęwinia paćół mes giwinsta*» («Не пропадет наша Родина, пока мы будем живы») см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 111а, л. 31.

³ На гулянии в Бельмонте присутствовало много ремесленников, которые составляли значительную часть населения Вильны (всего, по данным Виленского статистического комитета, в Вильне числилось в это время 5542 ремесленника — см. там же, оп. 121, д. 900, лл. 81—82). 4 августа в Вильне состоялось новое гуляние — демонстрация — в предместье Шнипишках. В нем участвовало до 3 тысяч человек, преимущественно «простой народ, в числе коего было много ремесленников» (там же, ПО, 1861 г., д. 43, лл. 125—126).

⁴ Отпуск: ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, лл. 51—52.

95

1861 г. августа 5.— Донесение С. О. Адамовича В. А. Долго-
рукову о распространении студентами Московского универ-
ситета В. и Э. Адольфами и Б. Колышкой запрещенных
воззваний и гимнов в Лидском у.

В недавнюю бытность мою в Лидском у., получив сведение, что находящиеся там по случаю каникулярного времени у матери своей, проживающей в 8 верстах от гор. Лиды, два брата студенты Московского университета Адольфы и их товарищ Колышко^а, возбуждая народ в гор. Лиде и в местечках к пению возмутительных гимнов, проповедуют ненависть к правительству, раздают писанные гимны и литографированные заграничные воззвания; эти сведения мною были лично 15 прошлого июля на станции почтовой Ишолне сообщены г. ген.-адъютанту Назимову с советом по истечении некоторого времени внезапно обыскать сказанных студентов, но не вдруг это предпринимать, в том внимании, что около того времени распространились было в Лиде неосновательные слухи¹ о сделанном уже будто бы распоряжении об арестовании сказанных студентов, следствием каковых вестей эти последние могли на некоторое время припрятать преступного содержания бумаги, каковое мое предположение г. ген.-адъютант Назимов, одобрив, сделал надлежащее распоряжение, вследствие коего вчерашний день для произведения сказанного обыска командированы полковник Случановской и состоящий при мне за адъютанта штабс-капитан Складенко².

О чем сим имею честь в. с. почтительнейше донести³.

Подполковник Адамович

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 337, лл. 1—2. Подлинник⁴

¹ В действительности еще 6 июля 1861 г. В. И. Назимов распорядился «студента Колышко в сопровождении жандарма отправить в Москву к ректору тамошнего университета». Причиной этого распоряжения послужило то, что имя Колышко было на-

^а В тексте Колыско.

звано в числе «главных зачинщиков» пения запрещенного гимна в гор. Лиде 22 и 29 июня 1861 г. (см. там же, д. 328, лл. 1—2). В июле и августе Колюшко разыскивался в Лиде и Вильне (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 421, оп. 1, д. 1419, лл. 1, 5, 10), но не был арестован.

² Обыск в им. Дайново, которое арендовали Адольфы, не дал результатов. Был найден лишь один экземпляр запрещенного гимна (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, лл. 73—74; ЦГАОР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861, г., д. 337, л. 3).

³ Аналогичное донесение представлено С. О. Адамовичем начальнику четвертого округа корпуса жандармов А. М. Гильдебранту.

⁴ Отпуск: ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, л. 57.

96—97

О ДЕМОНСТРАЦИИ В ВИЛЬНЕ 6 АВГУСТА 1861 Г. И СТОЛКНОВЕНИИ ДЕМОНСТРАНТОВ С ВОЙСКАМИ

96

1861 г. августа 8.— Донесение С. О. Адамовича В. А. Долго-
рукову о демонстрации в Вильно

6 числа августа к вечернему акафисту чудотворного образа божией матери Остробрамской* стеклось здешнего народонаселения более 4 тысяч, преимущественно среднего и низшего классов; по окончании служения и пения известного гимна «Отчизна, вольность»¹, толпа двинулась через немецкую ул. к Трокской заставе навстречу будто бы приближавшейся к городу польской духовной процессии, а в сущности с намерением проникнуть на могилу близ этой заставы расстрелянного в 1840 г.² эmissара Конарского. Чтобы увлечь за собой более народа, злонамеренные люди распространили заблаговременно в городе слухи, что пойдут навстречу процессии, таким образом толпа увеличилась до 5 тысяч. У заставы она была встречена полицмейстером, который с офицерами роты Софийского пехотного полка и сотней казаков увещевал народ, что за заставу выходить не дозволено, а в случае неповиновения с их стороны казаки употребят нагайки, а пехота приклады. Несмотря на это, толпа, состоявшая преимущественно из женщин, с криком «ура» бросилась на пехоту, стоявшую поперек улицы и державшую ружья на руку: одни хватали за штыки, чтобы раздвинуть фронт и проложить себе путь, другие, имея в карманах камни, бросали ими, а третьи действовали дубьем из разобранного забора. После этого солдаты, обернув ружья, начали действовать прикладами, а казаки нагайками; масса не выдержала, бросилась на огороды и в город, казаки враспынную понесли за ней, нанося удары бегущим, и поодаль от первой толпы состоявшую публику, преимущественно из дам лучшего уже тона и любопытных евреев, рассеяли, нанеся многим чувствительные плетью удары.

* Острой Брамой называется узкая улица, идущая с одной стороны между католическою церковью, а с другой — домами, в конце коей на арке стоит часовня с чудотворным образом

Несмотря на это, толпа вновь образовалась тысячи в 2—3 и отправилась с пением по Доминиканской ул., в конце которой, при повороте к дому ген.-губернатора, она была встречена рогаткой и штыками из-за нее. Здесь женщины низшего класса, поставя за собой мужчин, несколько раз бросались с криками «ура» на солдат, желая проложить дорогу, но, не успев в этом, толпа возвратилась назад и по Немецкой ул. с пением отправилась к Остробраме, где вновь пела тот же гимн. По окончании коего разошлась около 10 часов вечера по домам.

На месте столкновения пали от ударов прикладами дворянин Виленского у. Венедикт Кржижевич* и виленской мещанин Севостьян Вельц, которые отправлены в больницу и подают надежду на выздоровление. При этом захвачены канцелярист здешней казенной палаты Александр Танаевский, его брат, занимающийся хлебопашеством, Эдмунд и подмастерье варшавский мещанин Эдмунд Сорочинский.

Кроме Кржижевича и Вельца, по сведениям еще официально не поверенным, оказывается по домам более 30 человек жителей, получивших менее [или] более значительные ушибы и легкие раны пиками; со стороны же войска ушиблены неопасно камнями два рядовые и дубиной один казак³.

На другой день, т. е. 7 числа, меньшая против прежних дней толпа народу вновь пела у Острой Браны, а потом начала собираться для пения за Зеленым мостом через Вилию в предместье Снипишки, где на холме стоит часовня с деревянным изображением Иисуса Христа; но отсюда, как и от дому ген.-губернатора, которому толпа желала пропеть гимн, за появлением казаков и первым предложением разойтись, беспрекословно исполнила это требование.

Об этой последней демонстрации следственной политической комиссией имеет быть произведено формальное следствие⁴.

О чем сим почтительнейше в. с. донося, имею честь доложить, что, по полученным сведениям из Царства Польского, там никаких не было затей для шествия процессии в Вильно.

Подполковник Адамович

ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, 1 эксп., 1861 г., д. 304, ч. 8, лл. 9—12. Подлинник⁵

¹ Имеется в виду гимн «Боже, который Польшу...».

² В документе ошибка. В действительности Ш. Конарский расстрелян в 1839 г.

³ Свидетельница демонстрации М. Бакиевич в письме от 28 августа к брату в Енисейскую губ. сообщила, что раненых было около 80 человек (ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, СА, оп. 2, д. 369, л. 171).

⁴ О результатах следствия см. док. 97.

⁵ Отпуск: ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, лл. 63—66.

97

1861 г. сентября 30.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о демонстрации в Вильно

От 9 минувшего августа за № 585¹ сообщив в. с. об обстоятельствах происшествия 6 числа того же месяца в Вильне на предместье Погулянке у Трокской заставы, я имел честь с некоторой подробностью описать

* Замеченный отчаянно действовавшим в главе толпы.

поступки арестованных тогда дворянина Кржижевича, мещанина Вельца и других лиц, второстепенных по ходу события. Первый из них, Кржижевич, по словам вступившего ко мне донесения, предводительствуя громадной толпой, видимо, подстрекал ее и, оборачиваясь, убеждал идти вперед и не оставлять его; сам с мещанином Вельцем, в сопровождении толпы, бросился на взвод пехоты, построенный фронтом к городу и державший ружья на руку, с явным намерением вырвать у нижних чинов ружья и пробиться за заставу. Следившая за действиями своих руководителей толпа начала бросать в войско большими камнями, вынутыми, как полагать можно, из мостовой*, которые принесли в карманах и подолах женщины; другие же бросились на взвод с кольями, взятыми тут же из разобранного ими частокола. Нижние чины с величайшим терпением сопротивлялись ослепленным, стараясь беречь их, но при всем том довольно также сильно ушибли прикладами вышеупомянутых дворянина Кржижевича и мещанина Вельца, которые в то же время были задержаны и отправлены на лечение в военное отделение госпиталя св. Якова.

Обстоятельства эти, в частности и в общем виде, подтвердили при исследовании нижние чины Софийского пехотного полка, находившиеся на месте происшествия по распоряжению начальства для охранения Трокской заставы. Результаты их показаний заключаются в следующем.

а. После приказания полицмейстера не пропускать за заставу толпа начала приближаться к полувзводу и была уже лицом к лицу, как ротный командир, согласно приказанию полицмейстера, скомандовал: «ружье на руку». В это время какой-то человек с бородой, в белой шапке (дворянин Кржижевич), находившийся впереди толпы, схватил за штык рядового Харитонова и начал кричать «ура!», а другой человек (мещанин Вельц) подбежал к рядовому Тараско с словами: «коли меня, стреляй в меня!» и ухватился обеими руками за ружье. Когда упомянутые два рядовые старались освободить свои ружья, то на полувзвод посыпались из толпы камни и колья, от коих нижние чины старались защищаться, размахивая ружьями, а казакам вслед за сим приказано было разогнать толпу нагайками,

и б. Еще прежде, когда полицмейстер, обращаясь к толпе, приказывал народу возвратиться по домам, а Кржижевича предупреждал не ходить вперед, то последний не слушал этого предупреждения и толпа кричала: «Браво! Ура! Польша не сгинула и как была, так и будет!».

Противу таких показаний дворянин Кржижевич и мещанин Вельц не сознались, утверждая, что они находились на месте происшествия первый — из любопытства, а последний — по нетрезвости.

Особенное внимание в показании Кржижевича возбуждают следующие подробности: а) когда некоторые из толпы начали подбегать к полицмейстеру, который с ними что-то говорил, то и он, Кржижевич, также хотел было подойти поближе, но разговор был прекращен и полицмейстер закричал, чтоб народ шел назад; вследствие чего и он, Кржижевич, оборотясь к народу, также повторял слова полицмейстера «назад!». Полицмейстер, не расслушав или не поняв сих слов, велел схватить его, Кржижевича, что и было исполнено.

* На Погулянской ул. мостовой нет; следовательно, камни были принесены с собой.

Мещанин Вельц объяснил, что, будучи хмелен, он пошел с передней толпой к заставе; там стояло войско, народ хотел пробраться за заставу. Полицмейстер говорил: «дети, не шумите! ступайте домой!». Но никто не слушал и все кричали. Тогда полицмейстер приказал некоторых крикунов взять, и как он, Вельц, был впереди и толкался между людьми, то также был задержан солдатами.

Это самое Кржижевич и Вельц показали на очной ставке с нижними чинами; но сии последние единогласно утвердили и уливали в глаза, что Кржижевич и Вельц, находясь впереди толпы, бросались на полувзвод.

В отношении намерения вырвать у рядовых Харитонов и Тараски ружья показали только эти два рядовые; прочие же нижние чины отзывались, что обстоятельства сего не видали и не могли видеть, занимаясь собственной обороной от бросаемых камней и кольев, ибо толпа в несколько тысяч человек так приступала к полувзводу, что каждый солдат заботился о своей защите.

Из числа остальных арестованных лиц на канцелярского служителя Александра Танаевского, брата его дворянина Эдмунда Танаевского и варшавского мещанина Феликса Сорочинского выведено было обвинение в том, что когда народ возвращался с места происшествия в город, а также возвращалась оттуда смененная рота Софийского пехотного полка, то во время ее следования мимо стоявшего в улицах любопытного народа означенные Танаевские и Сорочинский бросились на ближайших к ним нижних чинов с намерением овладеть ружьями; при этом нападении канцелярист Танаевский изломал одну ложку и он же, по объявлению рядовых, кричал: «Если бы у нас были ружья, дали бы мы вам!».

При следовании братья Танаевские объяснились, что они в толпе народа у Трокской заставы не находились, а пришли на Погулянскую гору тогда, когда народ и войско возвращались в город. Проследив несколько времени это движение, поднявшее на дороге большую пыль и не понимая ничего из происходившего, они решились также возвратиться домой и шли с народом стороною, около заборов. Вдруг раздалась в толпе крики, шедшие впереди люди бросились к ветхому забору, разломали его и рассыпались по огороду, а на них, Танаевских, напали солдаты и нанесли побои, называя мятежниками, тогда как они вовсе не знали причин этого беспорядка и солдатам ни словом, ни действием никакого оскорбления не сделали. К сему Александр Танаевский присовокупил, что ружейной ложки он не ломал, а случилось это оттого, что, когда солдаты окружили его и один из них нанес ему в грудь удар прикладом, то ружье от сильного размаха ударилось в землю.

Мещанин Сорочинский отвечал, что пред образом Остробрамской божией матери, где он в день происшествия находился на молитве, кто-то из присутствовавших громко сказал: «Господа! Просим всех на Погулянку, навстречу процессии». По призыву этому народ двинулся к Погулянке, а за толпой пошел и он, Сорочинский, но, не дойдя до заставы, где казаки разгоняли уже народ нагайками, он вернулся назад. В это время неизвестный человек, шедший около его, Сорочинского, сказал к проходившим солдатам: «вам крови хотелось», а потом слышался крик: «ружьё! ружьё!», и вслед за тем он, Сорочинский, был взят солдатами вместе с означенным человеком.

Рядовой Павел Матюков, у которого оказалась изломанная ложа, показал, что во время возвращения от Трокской заставы народ преследовал солдат бранью, а потом бросил в роту камень и полено. Вследствие этого фельдфебель приказал схватить бесчинствовавших, и когда он, Матюков, в числе других погнался за бежавшими людьми, то один из них хотел ударить его, Матюкова, колом, но попал в ружье и переломил ложу; кто же именно сделал это, по случаю темноты заметить было невозможно, а солдаты успели схватить из толпы только трех.

Сообразно с рядовым Матюковым показали 2 унтер-офицера и 11 рядовых, поясняя: а) что предъявленного им Александра Танаевского опознать они не могут, а равно не могут обвинять его в излопании ружейной ложки и в произнесении угроз, ибо весь народ кричал, что перебил бы солдат, если б имел ножи, и б) что задержанных трех лиц они арестовали единственно потому, что их только успели схватить из разбежавшейся толпы, добавив, однако же, что при этом задержании сопротивления со стороны арестованных оказано не было.

Отставной прапорщик Косиловский, арестованный на месте происшествия за пение возмутительного гимна и песни «Еще Польша не пропала», а также за крик: «Вольность! Вольность!», объяснил, что, находясь у Погулянской заставы в саду с товарищем коллежским регистратором Игнатовичем, он пил там баварское пиво и другие напитки. Уходя же из сада, он, Косиловский, был уже совершенно в нетрезвом виде, а посему не может положительно помнить, в каком именно месте и за что был задержан, но у заставы никаких песен он не пел, тем более гимна, которого вовсе не знает. Вообще в беспорядках у Трокской заставы он не участвовал, зачинщиков не знает и никогда изменником против присяги не был*.

Вследствие сего, признав дворянина Кржижевича и мещанина Вельца виновными не в простом, из любопытства, присутствии на месте происшествия, но в явном ослушании полицейской власти, которая требовала от народа разойтись по домам, а также в последовавшем за тем общем нападении на полувзвод с толпою и нахождении впереди оной с намерением вырвать у двух рядовых ружья, я сделал распоряжение о предании их, Кржижевича и Вельца, военному суду при Виленском ордонанс-гаузе, на основании полевых уголовных законов².

Канцеляриста Александра Танаевского, брата его Эдмунда Танаевского и варшавского мещанина Феликса Сорочинского, которые в намеренном участии в сборище у Трокской заставы никакими положительными указаниями не обвиняются и улики в прямом противодействии их военной силе совершенно не открыто, напротив, арестование их последовало, как показывают нижние чины, случайно, не по убеждению в вине, а только потому, что они находились в толпе народа, я предписал освободить их от дальнейшего преследования по настоящему делу и, вменив им в наказание нахождение под арестом за неуместную бытность их в толпе народа на предместье Погулянке, когда все жители Вильно знали цель такого сборища, отправить первых двух в имение

* По личному объяснению оказывается, что прапорщик Косиловский задержан только за произнесение слов: «Вольность, вольность!», которые он кричал не в толпе нападавшего на полувзвод народа, а в противоположной стороне — между людей, не принимавших в беспорядке никакого участия.

их фольв. Каменишки под надзор местной полиции, а последнего, как уроженца Царства Польского, в гор. Варшаву, всех трех в сопровождении жандармов.

Отставного прапорщика Косиловского, сознавшегося, что он во время сказанного происшествия был в нетрезвом состоянии и ничего из своих действий не помнит, я исключил из категории преступников политических, потому единственно, что он арестован не в толпе нападавшего на полувзвод народа, а в противоположной стороне, с людьми, не принимавшими в беспорядке никакого участия. Этого офицера приказано мной передать в ведение виленской городской полиции, где об нем производится дело по похищению денег.

Уведомляя о вышеизложенном в. с. впоследствии отношения моего за № 585, имею честь присовокупить для сведения, что дворянин Кржижевич, 33 лет от роду, холост, отставной канцелярский служитель, уроженец Ковенской губ., постоянных занятий после отставки с 1858 г. не имел, а исполнял частные поручения в разных местах и прибыл в Вильно 17 прошлого мая одновременно с появлением здесь противуправительственных манифестаций, в каковых, однако же, он полицией замечен не был. Мещанин Вельц, 44 лет от роду, бедный ремесленник гуттаперчевых калош, вдов, имеет трех детей и, по засвидетельствованию полиции, ведет жизнь нетрезвую³.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 304, ч. 8, лл. 20—27. Подлинник⁴

¹ См. там же, опубл. в «Сборнике документов музея гр. М. Н. Муравьева», т. I, Вильно, 1906, стр. 102—104.

² Б. Кржижевич по приговору военного суда был выслан на жительство в Архангельскую, а С. Вельц с семьей — в Астраханскую губ. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 47, лл. 49—50; ф. 421, оп. I, д. 1532).

³ Демонстрация 6 августа 1861 г. вызвала новые репрессии царских властей. Объявлениями В. И. Назимова и виленского полицмейстера П. С. Васильева от 7 августа были строго запрещены всякого рода «сборища» на улицах, пение антиправительственного гимна, а также запрещено появляться на улицах после 9 часов вечера (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 2, лл. 40, 45—46). В связи с распространившимися слухами, что в результате столкновений демонстрантов с войсками некоторые участники демонстрации погибли, в «Виленском вестнике» было опубликовано объявление от имени В. И. Назимова о том, что, по сведениям, полученным от виленского губернского предводителя дворянства А. Домейко и городского главы М. Страуза, убитых во время демонстрации не было (там же, л. 145; ф. 421, оп. I, д. 1433, л. 44; ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 304, ч. 8, лл. 32—33).

⁴ Отпуск: ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 47, лл. 32—36.

98

1861 г. августа 20.—Донесение мирового посредника 5-го участка Вилейского у. К. О. Окушко М. Н. Похвисневу о волнении крестьян в им. Лучай и создании ими собственной волостной канцелярии¹.

О неповиновении установленным властям крестьян им. Лучай гр. Мостовского я имел честь представлять в. п. 23 июля за № 52 и 4 августа за № 56 сего 1861 г. с приложением подробного акта, состав-

ленного мною с земским исправником и местным становым приставом о дерзости, буйстве и самоволии оных крестьян. И после чего, по сему поводу прибыв, я, в гор. Вильно, лично доносил е. вп. г. главному начальнику края, и хотя по распоряжению е. вп. прислано в им. Лучай одну роту солдат, однако ж крестьяне не только что не успокоились, но, напротив, вновь еще в больших размерах усиливают и продолжают прежние беспорядки. Из представлений моих и из рапорта виленского земского исправника известно в. п., что главными подстрекателями суть: Михаил Земченко, Казимир Земченко, Мартин Михайлов сын Земченко, Франц Танана и Устин Скурач, которых непременно следует предать уголовному суду как главных зачинщиков и возмутителей спокойствия. Они поддерживают тайные сношения с заключенным в виленской тюрьме Игнатием Земченком, и все меры мирного успокоения, предпринятые мной и земской полицией, остаются тщетными.

Как известно в. п. из представлений моих, что третья часть вол. Лучайской отделилась произвольно от волостного правления и самовольно устраивают при жилище Земченков новую волостную канцелярию; нашли отставного солдата, который исправляет обязанность писаря, производят незаконные сборы денег, и в случае неисполнения их воли сии лучайские сепаратисты угрожают другим, спокойным хозяевам. Трудно представить то безначалие^а, которое вкоренилось от трех лет в Лучайской вол., и главные подстрекатели поддерживают мнение между крестьянами, что они не должны подчиняться никаким властям и что никакая комиссия, ни даже сам начальник губернии, не имел права, будучи в Лучае, их наказывать.

Со дня вступления роты, от 11 августа, крестьяне отказываются и от исполнения издельной повинности: нарочно не дают настоящего приварка солдатам, хотя все они имеют достаточно хлеба, чему лучшим доказательством то, что сами крестьяне перед ротным командиром Овечкиным отзывались, а что он мне лично сообщил, что приведение роты не есть для них угрозой, потому что вместо одного солдата на двор, они говорят, что могут, если пожелают, прокормить и по 50 солдат в каждом дворе.

Е. вп. главный начальник края лично в присутствии и. д. начальника губернии вице-губернатора Набокова и губернского предводителя дворянства г. Домейки объяснил мне, что пришлет штаб-офицера для приведения в исполнение предположения, в акте поясненного, а потому покорнейше честь имею донести в. п., что по сие время таковое предположение не исполнено, а беспорядки от времени до времени в им. Лучае увеличиваются.

Мировой посредник Казимир Окушко

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 909, лл. 165—166. Заверенная копия

Опубл.: «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», Минск, 1959, стр. 93.

¹ Волнение крестьян в им. Лучай началось в июле и продолжалось до второй половины октября 1861 г., когда оно было подавлено с помощью войск (см. ЦГИА, Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 909, лл. 156, 164—166, 176—179 и сб. «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», стр. 92—97).

^а В тексте того безначалия.

*1861 г. августа 25.—Донесение С. О. Адамовича В. А. Долго-
рукову об объявлении Вильно с уездом на военном положе-
нии и об активном участии в манифестациях беднейших
слов городского населения*

Решительные меры, предпринятые начальником края противу манифестации, заявленной в Вильне здешними патриотами 6 сего августа у Трокской заставы¹, хотя произвели вообще успокоительное на умы действие, но как и за тем немногие ничтожные личности из числа здешних пролетариев позволяли себе петь и поныне по костелам во время литургии известный гимн, то начальник края, по предоставленной высочайшей власти, сего дня гор. Вильно с уездом объявив на военном положении², сделал распоряжение о преследовании их вновь установленным для сего судом, что, несомненно, положит конец таковому пению и возвратит население города к нормальному порядку и спокойствию³.

О чем в дополнение депеши моей от 6 числа⁴ и донесения по почте от 8 августа за № 193⁵ в. с. имею честь почтительнейше донести.

Подполковник Адамович

ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 2, л. 19. Подлинник⁶

¹ См. прим. 3 к док. 97.

² См. док. 26 и примечание к нему.

³ В виде дополнительной меры Вильно был разделен в сентябре на четыре части с подчинением их отдельным военным начальникам (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, л. 99), а в феврале 1862 г. была учреждена еще «временная военная полиция» (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 77, лл. 1—2).

⁴ См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, л. 54.

⁵ Этого документа в деле не имеется.

⁶ Отпуск: ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, л. 79.

100

*1861 г. августа 29.—Отношение М. Н. Похвиснева ковенско-
му губернатору С. Ф. Хоминскому о пении запрещенного
гимна в м. Жижморах Трокского у.*

Трокский земский исправник докладной запиской донес, что при прекращении возникшего между крестьянами Жижморской вол. замешательства¹ некоторые из крестьян объявили, что в июне месяце в местном костеле в праздничные дни они слышали несколько раз непонятного для них содержания песнь о Польше, которой они не повторили, а, напротив, выходя из костела, выражали негодование, говоря: «Голосят паны на свою голову и просят возвращения утраченной панщины, которой уже не вымолят»². По сделанному вследствие сего исправником Чернявским дознанию оказалось, что в пении гимна преимущественно участвовали женщины, зачинщиками же пения были управляющие многолюдным им. Жижмору гр. Венедикта Тышкевича:

1) окончивший курс наук в высших учебных заведениях, знающий иностранные языки уроженец Царства Польского Августовской губ. Сейненского у. Генрих Кретович и 2) дворянин Ковенской губ. Игнатий Шарловский, имеющие оба в Виленской губ. свои семейства, и что один из них, именно Шарловский, позволял себе петь помянутый гимн даже на поле во время присмотра за работами.

Признавая засим присутствие дворян Кретовича и Шарловского в Виленской губ. вредным, я вместе с сим предписал трокскому исправнику Кретовича и Шарловского немедленно выслать на места родины под ближайший надзор местной полиции, снабдив их на проезд открытыми листами с тем, чтобы по прибытии на места Кретович и Шарловский явились к гг. начальникам своих губерний. О чем в. п. имею честь уведомить для зависящего со стороны вашей распоряжения.

Гражданский губернатор Похвиснев

ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 14418, лл. 1, 4. Подлинник.

¹ О волнениях крестьян в Жижморской вол. Троцкого у. см. док. 91.

² Об отрицательном отношении крестьян к пению запрещенного гимна в Дисненском у. см. ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 24, л. 6.

101

1861 г. сентября 15.— Донесение М. Н. Похвиснева П. А. Валуеву об ослаблении манифестационного движения в Виленской губ.

Имею честь довести до сведения в. п. о происходившем по вверенной мне губернии с 6 по 15 сего сентября.

1. 7 сентября в Вильне во францисканском костеле при значительном стечении народа, преимущественно из высшего и среднего классов, совершенно было с особенной торжественностью траурное богослужение. Сначала была отпета ксендзами Францисканского ордена панихида, а потом совершена литургия, по окончании которой пропета была ксендзами, со всем причтом, молитва об умерших (Aniół Pański) и вечная память. На спрос полиции о поводах к этому богослужению настоятель помянутого костела Орловский и кс. Сцепура объявили, что за три дня перед тем какая-то среднего класса женщина, будто бы им неизвестная, принесла деньги и заказала отслужить панихиду, а после оной обедню за умерших, но за кого именно, того не объявила.

2. 8 сентября в праздник рождества святой богородицы в виленском костеле св. Михаила совершено было богослужение, на котором находилось народу около 1000 человек. Перед окончанием литургии несколько человек, большей частью женщины, не более 10 человек, пели у большого престола, за перегородкой, где ксендзами отправляется служение, запрещенный гимн, но как эти женщины закрывались шляпками, то и не могли быть узванными, а замечен только зачинщик того пения дворянин Виленского у. Игнатий Клюковский.

3. 10 сентября перед иконой Остробрамской божьей матери во время обыкновенного молебствия находившимся тут народом пропеты

были сначала канон пресвятой богородице на голос запрещенного гимна, а потом молитва об умерших (Aniol Pański) ¹.

4. Того же числа Лидского у. в м. Василишках в костеле пет был запрещенный гимн несколькими молодыми людьми из местных дворян и четырьмя крестьянами м. Василишек. Ближайшее дознание о том, кем и когда научены крестьяне пению означенного гимна, поручено местному земскому исправнику.

Вообще в последнее время замечается ослабление демонстративного духа. Пение запрещенного гимна почти прекратилось, что, не без основания, можно приписать действию временного полицейского суда ². У сего имею честь приложить: а) 3 экз. объявления Виленской городской полиции о воспрещении носить отличительные костюмы и условные знаки ³ и б) ведомость о состоявшихся в Виленском полицейском суде I степени решениях.

Виленский гражданский губернатор Похвиснев

Помета Александра II Из этого не видать, какое сделано взыскание с виновных в запрещенных демонстрациях, и если они повторяются безнаказанно, то оно совершенно вопреки того, что приказано, и не согласно с телеграммами г[ен]-а[дъютанта] Назимова о совершенном порядке.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 2, лл. 50—51. Заверенная копия

¹ Подобные проявления манифестационного движения имели место в Вильне и в дальнейшем. В донесении М. Н. Похвиснева П. А. Валуеву от 23 сентября 1861 г. сообщалось, что «17 сентября молодой человек дворянин Томкович с четырьмя учениками здешней гимназии, фамилии которых не известны, по окончании вечернего пред иконою Остробрамской божией матери молебствия пел на голос запрещенного гимна какую-то молитву, написанную на бумажке, а потом молитву об умерших (Aniol Pański). Заметив, что за действиями его следит полицейский чиновник, он по окончании пения тотчас вмешался в толпу народа; когда же нижние полицейские чины, не упуская его из виду, намеревались было задержать его, то не были допущены к тому проходившим мимо народом. Во избежание подобного столкновения толпы с полицией строго предписано мной местному полицмейстеру внушить подведомственным ему чинам быть в действиях своих осмотрительнее и при стечении народа не дозволять себе употребления силы без особенной крайности, ограничивая действия свои одним наблюдением и затем донесением по начальству. Помянутый дворянин Томкович впоследствии по распоряжению начальства арестован» (ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 24, л. 7; об этом же см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 44, л. 18). Томкович — ученик художника Э. Андриолли — был предан временному полицейскому суду. По распоряжению В. И. Назимова за ним учрежден полицейский надзор (см. там же, лл. 108, 138—139, 188).

² Об учреждении полицейских судов см. док. 22. В Вильно суды начали действовать 25 августа 1861 г. (см. там же, д. 73, ч. 2, л. 24).

³ См. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 2, л. 211. Кроме того, в ноябре 1861 г., было запрещено появляться на улицах с палками и продавать их (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 421, оп. 1, д. 1429).

102

1861 г. сентября 19.— Отношение В. И. Назимова П. А. Валуеву о появлении в Вильне воззвания «Братья»

Секретно

В Вильне появилось литографированное воззвание на польском языке, в котором составители оного, предлагая до известного времени сохранение спокойствия, советуют, однако же, трудиться к сосредото-

чению средств в деле освобождения единодушным образом действий, наделом крестьян угодьями, чтобы утвердить взаимные их отношения с помещиками; слиянием еврейского народа с остальным населением; распространением между крестьянами преданий и идей польских; возбуждением в них любви к польской истории и народным памятникам и пр.

Засвидетельствованную копию с сего воззвания¹ имею честь препроводить при сем к в. п. для надлежащего вашего, м. г., сведения и соображений.

К сему долгом поставлю присовокупить, что, по дошедшим до меня слухам, воззвание это прислано было из Парижа и литографировано в Варшаве.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 22, л. 332 и об. Подлинник²

¹ Там же, лл. 333—336. Воззвание не датировано и не подписано. Оно призывает к отказу от активных форм борьбы (демонстрации и т. п.) и содержит характерную для партии белых проповедь теории «органического труда».

² Аналогичное уведомление направлено В. И. Назимовым В. А. Долгорукову (см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 1, л. 252).

103

1861 г. октября 14. Вильно.— Из письма неизвестного лица к Ю. Лимановскому в Вологду о репрессиях царских властей и настроениях жителей Вильно

У нас рвение к молитве все усиливается. Недавно мы все поклялись не покупать ничего у одного из здешних купцов за его скверный поступок: в день панихиды по Фиалков[скому]¹ все магазины и лавки у католиков были заперты; военный губ[ернатор] призвал к себе купцов и спрашивал: для чего они так поступили? Бранил их страшно и грозил. Между них нашелся один такой, который указал, кто советовал запереть, и этих арестовали. Мы стараемся о том, чтобы он помнил свой поступок. Окна в его магазине уже выбиты, и один камень его сильно ранил; но на этом не кончится.

Не тяготитесь, братья, принужденной службой. Понимаю, как вы вздрагиваете, входя в канцелярию. Но поверьте, это вас не унизит; вы служите им не добровольно, это ваш мученический венец, который все должны уважать. Напрасно ты думаешь, что я перестану писать к тебе; сочувствие во мне утробилось, и ненависть к тем, которые причинили вам скорбь, доходит во мне до такой степени, что только и мечтаю о мщении.

Правда, братцы, что Королевство держит себя хорошо. Приятно видеть, какое там согласие общее, особенно в Варшаве, мановение одного служит правилом для всех. В Литве еще совсем нет единодушия, оттого что нет головы. И — поверите ли? — если бы здесь не женщины все начинали, то ничего бы не было. Мы подаем проекты, делаем, что

хотим, одним словом, управляем. Нам помогают ученики, служащая молодежь, ремесленники. Не стыд ли это? Оттого-то я так часто в письмах укоряла старших, ибо и вправду они до сих пор ничего не сделали. Мы ими похвалиться не можем. Сами они говорят нам, что если Литва чмееет какие-либо заслуги, то вам этим обязана². Если переменится губернатор и будет Хоминский³, то, наверное, к вам будет снисходителен и вы будете только считаться в службе.

Сейчас мне сообщили неприятную новость: из Вилкомирского у. привезли помещика Михаловского, у которого нашли много оружия и пороха⁴. Он говорит, что еще не слышал указа, запрещающего держать оружие. Жаль мне его, а помочь нечем. Бедняк жестоко пострадает, если ему не поверят.

Поговаривают, что уничтожат костел св. Иоанна, но я этому не верю. Правительство само себе повредило бы. Оно, по-видимому, делает нам зло, а в сущности поступает так, что от того нам становится лучше при конце. Вот, если бы не ваше арестование 8 мая, то ничего бы до сих пор не было. Само оно вызвало то, что здесь происходит, — разбудило уснувшую энергию во всех, и теперь трудно остановить. Поэтому и запирая костелы не сделают нам ничего дурного; будем молиться под открытым небом и еще в большем множестве людей. Пусть мучат, если хотят проливать кровь. Истории будет что писать, благословляя господствование русских.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, С.А., оп. 2, д. 369, лл. 25—26. Перевод с польского⁵

¹ Варшавский архиепископ А. Фиалковский, принимавший участие в национально-освободительном движении, умер 5 октября 1861 г. В день похорон А. Фиалковского (10 октября) в Варшаве состоялась массовая манифестация, которая вылилась в политическую демонстрацию.

² Речь идет об участии адресата в манифестации 8 мая 1861 г. в Вильно (см. док. 88).

³ О перемещении б. ковевского губернатора С. Ф. Хоминского губернатором в Вологду см. прим. 1 к док. 172.

⁴ См. док. 168.

⁵ Оригинал неизвестен. В деле содержится только выписка из перлюстрированного письма в русском переводе, которая и публикуется.

104

1861 г. октября 17. — Донесение виленского губернского жандармского штаб-офицера А. М. Лосева В. А. Долгорукову о сопротивлении учеников виленской гимназии начальству при исключении их товарищей из гимназии за участие в манифестациях¹

10 октября в гор. Вильне в католическом костеле св. Иоанна отправлялась панихида о умершем епископе варшавском Фиалковском. По окончании богослужения несколько человек гимназистов, пользуясь этим случаем, пропели возмутительный гимн. Попечитель учебного округа д. с. с. кн. Ширинский-Шихматов, узнав о том, сделал распоряжение об исключении участвовавших в пении учеников из гимназии. Когда сделалось это известным прочим их товарищам, то весь 6-й класс, в числе 50 человек, отправились в дом кн. Ширинского-Шихматова с целью, как выражались, объясниться с ним. Князь их не принял и при-

казал через чиновника, чтобы они немедленно возвратились в класс, которые хотя и исполнили это приказание, но, избрав из среды своей трех депутатов, отправили таковых к директору для объявления, что, если назначенных к исключению 6 человек не оставят в гимназии, в таком случае и все они не хотят далее оставаться.

По докладе о том попечителю он приказал, что, если кто из учеников не явится на уроки, составить таковым список для исключения также из гимназии, а тех трех, которые были депутатами, арестовать. Не явилось на уроки 40 человек, которые тотчас и были исключены.

Об обстоятельстве этом кн. Ширинский-Шихматов довел до сведения начальника края г. ген.-адъютанта Назимова, прося распоряжения о высылке их из гор. Вильна к родителям. После чего некоторые из родителей исключенных гимназистов являлись к князю с самой покорной просьбой дозволить им наказывать в гимназии своих сыновей розгами, с тем чтобы их оставить для продолжения воспитания. Подобные просьбы родителей князем приняты в уважение и, можно надеяться, что этот пример строгости со стороны самих родителей будет иметь влияние на всех учеников. И было бы еще лучше, если бы в уважение настоящего смутного времени в Западном крае учебное местное начальство имело право за подобные проступки наказывать розгами гимназистов, не смотря, какого класса, хотя бы и седьмого².

О чем почтительнейше имею честь довести до сведения в. с.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, лл. 101—102. Отпущк³

¹ Об участии учеников виленской гимназии в манифестационном движении и о репрессиях царских властей против них см. также док. 85, 114.

² Седьмой класс был выпускным.

³ Копия донесения одновременно представлена А. М. Лосевым начальнику четвертого округа корпуса жандармов А. М. Гильдебрандту.

105

1861 г. октября 29, м. Сморгонь Ошмянского у.— Из письма, адресованного студенту З. Сущицкому в Москву с оценкой политического положения в Литве и Белоруссии и призывом к революционному единству с русским народом

Из того, что делается у нас и в России, надо вывести то заключение, что теперь с россиянами, уже освобожденными от рабства, мы должны действовать заодно, разумеется, в отношении к тому, что посредственно или непосредственно нас интересует и из чего могут выйти только благие последствия. Вот пример: тебе известно, что в Вильне во многих домах у многих особ поставлены были солдаты в наказание за манифестации. Когда хозяева, у которых они стояли, начали обходиться с ними по-братски и очень приятельски, то правительство, боясь дурного влияния со стороны публики на войско, отменило постой. И в самом деле, дружелюбным обращением даже и простых солдат можно сделать братьями себе, а с войском и с просвещенными либералами нам теперь более, чем когда-нибудь, надо сближаться для общей и взаимной помощи.

Возвратившиеся из-за границы говорят, что там вообще ожидают действительного и предводительственного движения из Петербурга и Москвы. Нужно только понять им наше дело, как понял его Искандер, а нам нужно понять и вести его так, как поняли наши изгнанники.

Вся эта болтовня ведет только к тому, что мне очень жаль, что польское общество не приняло деятельного участия в таком хорошем деле, каково дело Петербургского и Московского университетов¹. Следовало бы вам как можно деятельнее и энергичнее поддержать дело справедливое и истинно революционное, хотя в зародыше, а не смотреть на него, скрестивши руки с важностью философа, с абсолютной бесчувственностью и беречь себя для дела лучшего, — для такого дела, которое, может быть, и не удастся вести на таком фундаменте, и тогда ничего не сделаем. Я и потому пускаюсь в рассуждения, что у нас, несмотря на то, что дело правое, оно еще в младенчестве, даже в отчаянном положении. При первом движении у нас с оружием в руках, несомненно, наступит резня. В этом я вполне уверяюсь всякий день. Не далее как вчера один казенный крестьянин признался мне со всей откровенностью, что против царя они не пойдут, и прибавил, что многие из крестьян, бывших барскими, при первом зове царя станут резать господ. Царь что-то вроде божества в глазах мужика — несповедимый, правдивый, правосудный и даже святой. Вот и все незаконные поступки с ними слагают на посредников между ними и царем, на чиновников и господ, не от одного это я слышу и не я один.

Эти угрозы против господ часты и постоянны, а господа, со своей стороны, оставшейся властью притесняют мужиков и в своей запальчивости уверяют, что не уступят мужикам и станут защищаться до последней крайности, если бы эти пришли к ним с топором в руках. Невыдуманный и неоспоримый факт. Но многие из господ, не ослепленных предрассудками, ясно видят, что между ними и мужиками у нас бездна, которую закрыть может одна резня. Несчастливая наша Литва с этим невежеством, с этим православием, с этой белорусской речью, со всем тем, что привело все наши сословия в фальшивое положение. В настоящую минуту мы в такой фазе, что какое ни берет огромное влияние пропаганда между чиновным людом, эгоизм между помещиками все тот же... и оттого ни сверху, от господ, нам нельзя ожидать поддержки, ни снизу, от народа, мы не знаем, как ее получить. Такое положение невольно приводит в отчаяние. Хорошо еще, что в городах интересы наши в добром положении, но в деревне отчаяние и отчаяние, и я не знаю, скоро ли у нас запоют:

И пан дичину жарит, и хам варит уху,
Из одной кружки оба пили мед,
И присягнули вместе на обухе
Быть равный и вольный народ².

И кто знает, быть может, не пройдет и полгода, как мы запоем: «С дымом пожаров и с дождем братней крови»³. Ибо, наверное, с весной начнутся смуты и волнение и польется кровь. Кто сомневается в том, что предвечная правда победит? Но теперь ли и у нас на Литве... И не будет ли между притеснителями защитников нашей земли? Так худо теперь, как еще не было в этом году.

Наши бискупы^а и предводители дворянства вызваны в Петербург, но вместо успокоения волнение увеличивается... Правительство, между тем, выдает различные указы, как, например, запрещение петь гимны. Очень грустно, что не воспользовались делом университетов. Для людей с полусредствами, для нас, обыкновенных смертных, это большая потеря. Но, посвятивши жизнь свою для дела, и в настоящую минуту, когда за дело легко расстаться с жизнью, нечего тебе жалеть аттестатов; не нужно только останавливаться и, если удастся, похвально принести в жертву свою жизнь за родину.

Без всякого преувеличения скажу: мне так надоела эта жизнь, что я с нетерпением жду той минуты, когда могу броситься в вихрь событий. Горестна жизнь, и что, если бы не надежда?

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, СА, оп. 2, д. 309, лл. 28—29 об. Перевод с польского⁴

¹ Речь идет об известных студенческих волнениях в Москве и Петербурге, происходивших осенью 1861 г.

² Строки из стихотворения В. Сырокомли «Добрые вести», написанного на белорусском яз. (передача неточная). Сырокомля, стоявший на позициях шляхетской революционности, призывал в нем к единству помещиков и крестьян.

³ Начальные строки известной польской революционной песни, написанной К. Уейским в связи с событиями антифеодального восстания 1846 г. в Галиции. Накануне восстания 1863 г. текст песни широко распространялся в Литве и Белоруссии в списках (см. «Chorał 1846 г.» в ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 102, ч. 5, лл. 84—85).

⁴ Оригинал неизвестен. В деле содержится только выписка из перлюстрированного письма в русском переводе, которая и публикуется. В заголовке к перлюстрации указано, что под письмом имелась подпись: «Гот».

106

1861 г. октября 31.—Отношение В. И. Назимова министру народного просвещения Е. В. Путятину об участии студента Московского университета Т. Умястовского в манифестационном движении и распространении им текста запрещенного гимна среди крестьян Лидского у.

Секретно

Начальник Виленской губ. уведомил меня, что приезжавший в настоящем году на каникулы к родным в Лидский у. студент императорского Московского университета Фома Умястовский во время пребывания его в Виленской губ. постоянно замечал в пении возмутительного гимна; кроме того, на него взведено было обвинение в раздаче списков помянутого гимна крестьянам, и когда по распоряжению начальника губернии потребована была от него, Умястовского, подписка, что не дозволит себе участия в сказанном пении и в других противоправительственных манифестациях, то он от выдачи подписки отказался и потом отправился в Москву.

О вышеизложенном уведомляю в. с. для надлежащего вашего, м. г., сведения, я имею честь присовокупить, что д. с. с. Похвиснев отнесся к московскому обер-полицмейстеру об учреждении за упомянутым студентом строгого полицейского надзора.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 44, л. 131. Отпуск

^а Biskup — епископ (польск.).

1861 г. ноября 5. — Донесение А. М. Лосева А. М. Гильдебранту о пении запрещенного гимна у Остробрамских ворот в Вильно и участии в нем сестер Далеvских

Секретно

В гор. Вильне по обряду католической церкви с 4 ноября в течение недели в Остробрамском костеле отправляется особое богослужение, называемое *оріека*^а, которое начинается в сумерках и оканчивается в 9 часов вечера.

В прежние годы во время этого праздника стечение народа бывало так велико, что от ворот Острой Брамь целая улица загромождалась молящимися. В предупреждение могущих обнаружиться при нынешних обстоятельствах каких-либо манифестаций, которые ночью неудобно прекращать, г. ген.-губернатор ген.-адъютант Назимов заблаговременно пред начатием празднества относился в Виленскую римско-католическую духовную консисторию, не найдет ли она возможным изменить время богослужения, чтобы оно оканчивалось до вечера, но консистория ответила, что она превысила бы свою власть, сделав подобное изменение.

Вчера начались означенные праздники, народу было немного, вероятно, по случаю военного положения города. В конце богослужения некоторые лица запели возмутительный гимн; из числа певших гимн замечены девицы Далеvские, другие же на этот самый тон пели молитву богородицы, это пение никаких особенно вредных последствий не имело¹.

Родные братья девиц Да[л]евских в 1849 г. были судимы за участие в открытом тогда заговоре и сосланы в каторжную работу, но во время коронации во уважение всеподданнейшей их просьбы возвращены на родину и в настоящее время один из братьев проживает в Вильне.

За г. Да[л]евским имеется постоянный надзор, как за человеком подозрительным и способным стать во главе восстания, и хотя до сих пор не было ничего обнаружено явно вредного в его действиях, но последний поступок сестер, как подтверждающий злоумышленность целого семейства, побуждает главного начальника здешнего края относительно их сделать особое распоряжение, по исполнении которого и в чем оное будет заключаться², я буду иметь честь почтительнейше донести в п., докладывая при том, что обо всем этом вместе с сим донесено мною г. шефу жандармов.

Подполковник Лосев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124, лл. 109—110. Отпуск

¹ Виленский полицмейстер П. С. Васильев сообщил В. И. Назимову, что в пении гимна у Острой Брамь участвовали ученики, которых там присутствовало до 150, и другие лица, в большинстве чиновники и их семейства, а также дворяне. Пение гимна повторилось у Острой Брамь и 5 ноября при участии нескольких тысяч жителей города 6 ноября 1861 г. «порядок не был нарушен» только благодаря присутствию на улицах войска (см. там же, лл. 112, 138—139).

² Опека, попечение (польск.).

² Сестры Далевакские были преданы временному полицейскому суду, 5 ноября 1861 г. В. И. Назимов распорядился о высылке Далевакских в гор. Вилэйку под строгий надзор полиции, однако вскоре распоряжение о высылке было отменено (см. там же, л. III, и также ф. 421, оп. 1, д. 1429, лл. 1—3).

108

1861 г. ноября 7.—Предписание А. М. Гильдебранта
А. М. Посеву в связи с распространением воззвания «Что
надо делать войску?»¹

Секретно

От двух гг. жандармских штаб-офицеров вверенного мне округа я получил донесения, что с некоторого времени злонамеренные люди начали распространять литографированные на русском языке воззвания к войскам² и что подобное воззвание оказалось в кармане пальто у одного офицера, бывшего в кондитерской, а другое найдено у ворот тюремного замка унтер-офицером гарнизонного батальона, бывшего³ там в карауле.

О важности настоящих двух случаев долгом считаю сообщить в. вб., для усугубления бдительного надзора за появлением подобных воззваний и недопущения распространять оные между воинскими чинами.

Ген.-майор фон Гильдебрант

ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 141, л. 2. Подлинник

¹ О распространении воззвания в Виленской губ. см. док. 118.

² Текст воззвания см. «Русско-польские революционные связи», т. I. М., 1963, стр. 361—367.

109—113

ОБ ОБЩЕСТВЕ «ПЁНТКОВИЧИ»
И «БИБЛИОТЕКЕ ОШМЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ»¹

109

1861 г. ноября 24².—Отношение В. А. Долгорукова В. И. Назимову об обществе «Пёнтковичи»

В III отделении с. е. и. в. канцелярии получено сведение, что в гор. Вильне составилось общество под названием «Пионтковичов», учредителем которого считают б. вольнослушателя здешнего университета уроженца Виленской губ. Евстафия Чарновского, приобретшего уже, как говорят, известность между студентами своим антиправительственным направлением; что общество это — названное обществом

¹ Так в тексте.

«Пионтовичов» потому, что члены оного собираются по пятницам — имеет целью собрание пожертвований в пользу принимавших участие в нынешних беспорядках в Западном крае.

Вместе с тем сообщено, что б. студент Греготович^а, выехавший отсюда на сих днях в Вильно, будет отправлен помянутым обществом в школу Мерославского в Геную, а оттуда в Париж, и что Греготович намерен испросить себе заграничный паспорт в Вильне.

Считаю долгом сообщить о сем в. вп., имея честь покорнейше просить о приказании не выдавать ему заграничного паспорта³.

Ген.-адъютант кн. Долгоруков

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 145, л. 1. Подлинник

Опубл.: «Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края» («Виленский временник», кн. VI), ч. 1, Вильна, 1913, стр. 95.

¹ Вопрос об обществе «Пёнтковичи», которое действовало накануне восстания в Виленской губ., недостаточно освещен в исторической литературе. Судя по всему, большинство членов общества были близки по своей идеологии к правому крылу партии красных, хотя, возможно, в составе общества находились и отдельные последовательные революционеры. Местными ячейками общества были «библиотеки молодежи», существовавшие в Ошмянах, Свенцянах, Троках, а может быть, и в иных уездных городах губернии. Публикуемый в настоящем сборнике материал о «Библиотеке ошмянской молодежи» дает представление о характере деятельности этих «библиотек».

² В документе дата стерта. Восстановлена по другим документам того же дела. (см. лл. 2, 3, 10).

³ Ф. Греготович по выданному петербургским ген.-губернатором паспорту выехал в конце 1861 г. за границу и вернулся в Вильно в конце февраля 1862 г. В. И. Назимов распорядился установить за ним секретный полицейский надзор (см. там же, л. 10, а также ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 439, л. 25; ЦГИА Лит. ССР, ф. 421, оп. 2, д. 1331, лл. 1—5).

110

1862 г. января 9.—Записка III отделения, составленная по доносу агента Ю. Бернацкого об обществе «Пёнтковичи»

Наш агент Б.* пишет из Ошмян от 27 декабря 1861 г., что, приехав 23-го числа того же месяца из Петербурга в Вильно, он не мог там долго оставаться, потому что ген.-губернатор приказал всех студентов немедленно выслать, и ему позволили пробыть в Вильне только несколько часов, которые он употребил на разведывания. Он узнал, что тайное общество под названием «Пионтовичей» очень сильно и, кроме своих действий на месте, имеет большое влияние в уездах. Между прочим, подобное общество существует уже три месяца в гор. Ошмянах, быв основано там Евстафием Чарновским, агентом общества «Пионтовичей». Сборное место членов общества есть библиотека, состоит оно из членов библиотеки и читателей. Члены выбирают своего президента, под председательством которого они имеют ежемесячные заседания. Главная цель общества состоит в том, чтобы всеми силами стараться внушить простому народу, мещанам и крестьянам, враждеб-

* Студент Бернацкий.

^а Здесь и далее в документе ошибочно Грегутовский.

ные против государя понятия, склонить их на сторону вопроса о возрождении Польши, подготавливая их таким образом к восстанию при первом удобном случае¹. Настоящий президент общества в Ошмянах — Бокшанин, канцелярист городской ратуши; будущее собрание назначено на 10 января, т. е. после совещания молодежи, имеющего быть в Вильне 6 января. Обыкновенно собрания бывают 1-го числа каждого месяца. 30 декабря назначено было собрание в Вильне под председательством Чарновского для обсуждения вопроса насчет подачи государю прошения обывателями о возвращении гор. Вильно университета и введения в присутственных местах польского языка, а также насчет решения предположения бывших студентов отправиться в Краков или Дрезден.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 439, лл. 10—11. Подлинник

¹ О революционной агитации студентов, в частности Эвстахия Чарновского, среди крестьян см. док. 35.

III

1862 г. января 18. — Записка III отделения, составленная по доносу Ю. Бернацкого о «Библиотеке ошмянской молодежи»

Агент наш Б. * доносит из Виленской губ. от 12 января следующее.

Перед Новым годом, вопреки ожиданию, в гор. Ошмянах собралось не много молодежи, а именно: Чарновские, Марковский, Богушевич, Волловичи, оба Колоссовские и Осип Студен * из Варшавской медицинской академии. Совещания происходили у канцеляриста Гаурилкевича. Здесь Евстафий Чарновский объявил, что съезд в Вильно отложен на неопределенное время по той причине, что за всеми собраниями начали очень строго смотреть, и что даже «пионтовичи», хотя в малом числе, не могут свободно собираться без опасения быть открытыми. Но, присовокупил Чарновский, он надеется, что предположенный съезд вскоре состоится, ибо носятся слухи, что военное положение в Вильно будет снято и тогда несравненно легче можно будет совещаться. Затем Чарновский просил присутствующих, чтобы они собрались 10 января в Ошмянах на общую сходку молодежи с целью условиться насчет образования общества, которое бы могло действовать на помещиков, не приставших еще к ним, а в особенности на простой народ, чтобы всеми возможными способами расположить этот последний к помещикам и прекратить существующую между обоими сословиями вражду.

После Нового года агент отправился в Свенцянский у., где пробыл до 7 января. В гор. Свенцянах он узнал, что там существует общество, подобное ошмянскому, но первое действует в обширнейших размерах. Оно существует уже почти два месяца. Мысль об учреждении оногo подал еще весной 1861 г. Юлиан Вышинский, но приведена она им в исполнение лишь в ноябре, когда возвратился из Вильно Цезарий Вышинский, вошедший в сношения с «пионтовичами» и получивший от

* Студент Бернацкий.

* Так в тексте. Вероятно, студент.

них поручение заняться устройством общества. Теперь это общество уже значительно подвинулось вперед и считает своими членами всех молодых и образованнейших помещиков, о чем можно судить по предположению просить о разрешении открыть в Свенцянах библиотеку не только для города, но и для целого уезда. Там существует уже негласно библиотека в 2000 томов. Действия означенного общества отразились уже на простом народе в деревнях, не говоря уже о помещанах. Агент разговаривал со многими крестьянами и убедился, что они переменили свой образ мыслей. Они говорят, что государь не хочет давать им воли такой, какую намерены были дать помещики, что сии последние думали их наделить землей, но государь этого не позволил, что готовы были бы идти добывать себе волю топором, но только не от помещиков, а от правительства и что они весьма недовольны своим настоящим положением¹.

Возвратившись 8-го числа в Ошмяны, агент присутствовал 10-го в собрании молодежи, которое происходило в квартире помещика, секретаря уездного суда Войнюша. Здесь были секретарь уездного суда Равдович, почтмейстер Бокщанин, чиновник палаты государственных имуществ Куль, ксендз из Данюшева Рутковский, кс. Жабо из Гольшан, кс. Панкевич, помещики: Минейко, Юсевич, Осмольский, Устин Колоссовский, Карчевский, Новосельский и др. Евстафий Чарновский начал говорить об устройстве библиотеки, независимо от существующей уже незначительной, предлагал учредить клуб для чтения периодических изданий и предложил новую складчину для увеличения библиотеки запрещенных книг, на что собрано более 50 руб. В собрании этом условились также всеми мерами действовать на простой народ, чтобы расположить его к помещикам, на которых он, с объявления свободы, смотрит враждебно, и решили приступить, насколько это будет возможно, к учреждению школ по деревням, подобно тем, которые уже существуют у помещиков Гана, Рушица и др. Чарновский сказал, что на народ следует действовать столкновением в превратном смысле государевых слов, сказанных им в минувшем году в одной губернии собравшимся крестьянам: «Не ждите от меня другой свободы, кроме той которую я вам даровал, и исполняйте обязанности ваши»². Слова эти объявляются крестьянам посредниками, и они, как заметил Чарновский, произвели сильное действие в народе. Какую же после этого, говорят крестьяне, государь сделал нам милость дарованием свободы, когда нам теперь гораздо хуже будет, чем было прежде.

Весть о закрытии в С.-Петербурге университета³, хотя с целью составления нового устава, произвела весьма дурное впечатление в помещиках.

Помета В. А. Долгорукова Передать о сообщении сих сведений ген.-ад[ъютанту] Назимову. 18 января⁴.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 439, лл. 12—14. Подлинник

¹ В записке III отделения от 25 января 1862 г. составленной по доносу Ю. Бернацкого, сообщается, что вследствие влияния «молодого поколения» крестьяне, «которые были верными государю и правительству, видимо, переменили свой образ мыслей». В ней говорилось также о написании Э. Чарновским статьи «Nowy rok» («Новый год»), которая «ходит теперь по рукам». Список статьи, представленный Бернацким в III отделение, датирован 1 января 1862 г. В основе статьи лежит идея о необходимости сближения крестьян с помещиками на основе просветительной работы среди народа (см. там же, лл. 21—24).

² Имеется в виду заявление, сделанное Александром II осенью 1861 г. представившимся ему волостным старшинам (см. П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России. М., 1954, стр. 173).

³ Петербургский университет был закрыт 20 декабря 1861 г. в связи со студенческими волнениями.

⁴ Соответствующее уведомление было направлено В. И. Назимову 20 января 1862 г. (см. ЦГАОР. СССР, ф. 109-и, 1 экзп., 1861 г., д. 439, лл. 15—19; ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 135, лл. 3—5).

112

1864 г. октября 9.— Докладная записка, составленная в канцелярии ген.-губернатора тит. с. М. М. Яковлевым по делам Виленской следственной комиссии

Виленская следственная комиссия по политическим делам представила на рассмотрение дела о найденных в октябре прошлого года в Ошмянском уездном суде и дворянской опеке бумагах возмутительного содержания и о членах существовавшего в Ошмянах общества под названием «Библиотека ошмянской молодежи».

Из дел этих видно, что в октябре 1863 г. по распоряжению начальства произведены были обыски в ошмянских уездном суде и дворянской опеке, по которым найдено:

1. В уездном суде: а) у столоначальника Казимира Гаурилкевича — революционные стихи и на печке той комнаты, где он занимался, сабля; б) у столоначальника Ивана Саблинского — возмутительный гимн к пресвятой деве,

и 2. В дворянской опеке: в) у письмоводителя тит. с. Фульгента Окушко на столе под сукном печатное воззвание Центрального комитета о восстании Литвы и г) в комнате, занимаемой чиновниками Антоном Иодко и Иосифом Вержбицким, несколько экземпляров печатных воззваний Центрального комитета и других возмутительных сочинений¹.

При производстве следствия поименованные чиновники показали:

а. Казимир Гаурилкевич, — что найденные у него в делах революционные стихи, а также и сабля ему не принадлежат и из них стихи оставлены были в канцелярии, вероятно, предшественником его чиновником Развадовским, который сдал ему не все бумаги. Чиновник же Развадовский против сего отозвался, что означенные стихи не принадлежат ему, хотя почерк их имел сходство с его почерком, а написаны, как он полагает, знакомым ему студентом П[етер]бургской академии художеств Иваном Мисевичем, приезжавшим ежегодно в Ошмяны, но каким образом попали они в уездный суд, ему не известно^а.

б. Чиновник Саблинский сознался, что найденный в делах его революционный гимн написан им.

^а На поле карандашом написано почерк Мисевича, уже сосланного, был сличен с почерком Развадовского, но производившие таковое сличение решительно не нашли никакого сходства, но, напротив того, находящиеся в деле бумаги, писанные Развадовским, служат доказательством, что черновые стихи писаны Развадовским.

в. Чиновники же дворянской опеки Фульгентий Окушко, Антон Иодко и Иосиф Вержбицкий не признались в принадлежности им званий Центрального комитета, и из них Окушко добавил, что ему известно было заранее по газетам о производимых в присутственных местах обысках, и потому если бы возмутительный манифест принадлежал ему, то был бы спрятан в безопасное место. Он полагает, что возмутительные бумаги подброшены были злоумышленниками, которые могли удобно сделать это потому, что канцелярия их никогда не запиралась.

Затем были допрошены чиновники уездного суда: заседатели коллежский ассессор Юлиан Герберский и коллежский секретарь Витольд Рачкевич, секретарь тит. с. Ростислав Равдович, журналист губернский секретарь Петр Хондзинский и канцелярские чиновники Яков Завадский, Иосиф Равданский, Юрий Марковский, Юрий Рачинский, Сикст Сурож и Бронислав Гринцевич, которые отзывались согласно, что о найденных в уездном суде возмутительных бумагах им ничего не известно и они не принимали никакого участия в мятеже.

Сторож уездного суда Яков Бочульский (православн[ого] исповед[ания], 77 л[ет]) показал, что кем именно положена на печку в канцелярии суда сабля ему не известно и он как этой сабли, так и возмутительных бумаг ни у кого из чиновников не видел и не слыхал, чтобы они когда-либо разговаривали о мятеже. К этому Бочульский добавил, что из чиновников уездного суда заседатель Герберский, Гаурилкевич, Марковский, Завадский, Вержбицкий, Иодко и занимающийся в суде по найму дворянин Викентий Бокщанин носили в начале восстания чепарки и ходили с палками, наконецники которых были железные; кроме того, чиновники Гаурилкевич, Развадовский, Болеслав Гринцевич, Марковский и Бокщанин присутствовали однажды осенью 1862 г. в костеле при пении революционного гимна.

Оговоренные сторожем Бочульским чиновники отзывались, что возмутительного гимна они никогда не пели в костеле, а чепарку носил одно время только чиновник Иван Марковский, который содержался за это впоследствии под арестом*. К этим объяснениям дворянин Бокщанин добавил, что чиновники уездного суда читали в присутствии только русские газеты «Голос» и «Современное слово» и обсуждали польские дела. В присутствие суда часто приходил чиновник уездного казначейства Михаил Волчанский, который заводил обыкновенно по этому предмету горячие споры, и он, Бокщанин, замечал, что чиновники высказывали в разговорах надежду на восстановление Польши.

Затем допрошен был судья Ошмянского уездного суда поручик Ксаверий Черницкий, который объяснил, что ему совершенно неизвестно было о хранившихся в суде возмутительных бумагах, ревизии же в суде он не делал, потому что не получал о том приказаний от начальства, и осматривал неоднократно только дела в архиве, но между ними ничего подозрительного не находил.

По изложенным обстоятельствам дела Виленская следственная комиссия полагает:

а. Губернского секретаря Казимира Гаурилкевича за найденные в его шкафе возмутительные стихи, о существовании которых между его

* Иван Марковский выслан из края.

бумагами он должен был знать, как состоявший более года в должности столоначальника, предать суду.

б. Коллежского регистратора Фабиана Развадовского, во внимание к тому, что шкаф, в котором найдены были возмутительные стихи, находился пред вступлением в должность Гаурилкевича в ведении Развадовского и написаны почерком, сходным с его, а также, как видно из дела, что он, без всякой видимой надобности и не получив увольнения, оставил службу одновременно с началом восстания и проживал без всякого дела в уезде, подвергнуть взысканию административным порядком с высылкой в одну из отдаленных губерний России, как чиновника весьма подозрительного.

в. Дворянина Ивана Саблинского, хотя и сознавшегося в принадлежности ему найденного в суде возмутительного гимна, но не открывшего, кто дал ему для переписки этот гимн, который он, вероятно, давал читать другим и чрез то распространял сочувствие их мятежу, предать суду по 4-й категории.

г. Чиновников Иосифа Вержбицкого и Антона Иодко, которые не могли не знать о найденных в комнате, где они занимались, революционных воззваниях, предать суду по 4-й категории.

д. Письмоводителя опеки Фульгента Окушко за найденное у него под сукном стола воззвание Центрального комитета предать суду по 4-й категории.

е. Заседателей Ошмянского уездного суда коллежского секретаря Витольда Рачкевича и коллежского асессора Юлиана Герберского, секретаря Ростислава Равдовича, журналиста Петра Хондзинского, канцелярских чиновников коллежского регистратора Якова Завадского, Иосифа Равданского, Юрия Марковского, Юрия Рачинского, Сикста Сурожа и Бронислава Гринцевича, которые не могли не знать нерасположение чиновников уездного суда к законному правительству и, вероятно, все они читали возмутительные прокламации и газеты, без чего они не могли бы храниться в суде, а также во внимание к тому, что в мятеже наиболее участие принимали чиновники Ошмянского у., — всех поименованных чиновников комиссия полагает выселить в восточные губернии и из них Бронислава Гринцевича, который весной прошлого года уже содержался под арестом в Виленской кр. по подозрению в мятеже, выслать в одну из сибирских губерний.

ж. Занимавшегося по найму в уездном суде дворянина Викентия Бокщанина, 18 лет, за откровенное показание его освободить от ответственности и дозволить жить на прежнем месте жительства, но не иначе как под благонадежным поручительством.

з. Сторож уездного суда Яков Бочульский, хотя и подлежал бы ответственности, как виновный в том, что, находясь весной прошлого года в костеле при пении возмутительного гимна, он не донес о том своевременно начальству и, убирая комнаты уездного суда, не мог не заметить хранившейся на печке сабли, а также должен был по обязанности сторожа запирать комнаты суда по окончании присутствия, но во внимание его старости, 77 лет, комиссия полагает ограничиться отстранением Бочульского от должности сторожа при суде.

Кроме поименованных лиц, комиссия полагает подвергнуть ответственности и бывшего судьей поручика Ксаверия Черницкого, 64 лет, уже уволенного от должности за допущенные в суде беспорядки,

которого во внимание к прежней его хорошей службе выслать из края административным порядком.

Из поименованных лиц чиновники Казимир Гаурилкевич, Иван Саблинский, Иосиф Вержбицкий, Антон Иодко и Фульгентий Окушко содержатся под арестом.

О «Библиотеке ошмянской молодежи» (дело под № 247) ².

При осмотре уездного суда найдены были между делами столонича Казимира Гаурилкевича черновые правила, составленные для ошмянской библиотеки, заключающиеся, впрочем, в обыкновенных библиотечных правилах ³, а в квартире письмоводителя опеки тит. с. Фульгентия Окушко — два штемпеля с польскими подписями; на одном: «Ошмянская библиотека», и на другом — «Библиотека ошмянской молодежи»; между книгами же оказалось 13 нецензурированных сочинений.

Спрошенные по сему — чиновник Гаурилкевич отозвался, что означенные правила ему не принадлежат; письмоводитель же Окушко объяснил, что с апреля 1862 г. он заведует библиотекой под названием «Библиотеки ошмянской молодежи», которая образована была местными жителями в 1856 г. и возобновлена в 1861 г. добровольными сборами под управлением служившего в Ошмянском уездном казначействе чиновника Михаила Волчанского, а по выезде этого последнего в апреле 1862 г. из Ошмян вступил в должность библиотекаря он, Окушко, причем перенес в свою квартиру все книги, предъявил уездному предводителю дворянства Брохоцкому правила библиотеки и в отличие от прежней сделал новую печать с вырезкой «Библиотека ошмянской молодежи». Цель библиотеки состояла единственно в распространении между жителями Ошмян полезных знаний, и ничего тайного и политического в действиях библиотеки не было. Книги выписывались из магазина виленского книгопродавца Оргельбрандта, и запрещенных сочинений не было.

При производстве расследования по этому предмету обнаружено было, что в содержании «Библиотеки ошмянской молодежи» участвовали всего 64 человека из жителей гор. Ошмян и чиновников, поименованных в прилагаемом при сем списке ⁴.

Из числа этих лиц находившиеся налицо 45 человек на допросе о библиотеке показали согласно, что устройство ее имело единственной целью доставление жителям Ошмян полезного чтения исторических и беллетристических сочинений, которые выписывались от виленского книгопродавца Оргельбрандта на сумму, составлявшуюся из ежемесячных и одновременных взносов по 50 и 30 коп. сер., как постоянных членов библиотеки, так и временно пользовавшихся из нее книгами. Ее название «Библиотекой ошмянской молодежи» основывалось на том, что первая мысль об устройстве библиотеки была подана молодыми людьми из жителей гор. Ошмян, которые имели настоящую потребность в этом, как получившие в большей части одно домашнее и весьма ограниченное образование. Впрочем, печать для штемпелевания книг вырезана была без ведома членов библиотеки. Разрешения начальства на учреждение библиотеки не испрашивалось, потому что она имела характер домашней библиотеки. Никакого участия в мятеже и влияния на демонстрацию в Ошмянах библиотека не имела. Революционных сочинений в ней не было; совещание между членами не

происходило, и ни с кем из посторонних лиц по делам библиотеки переписки не было, а также из сумм библиотеки не было сделано никаких пожертвований на какой-либо предмет, притом же с декабря 1862 г. сбор денег на библиотеку прекратился. К этому некоторые из членов добавили, что, кроме прямого своего назначения, библиотека не имела никаких более целей и подозрение на нее пало единственно потому, что устройство ее совпадало с беспорядками в крае.

В отношении управлявших библиотекой — вначале чиновника Ми-хаила Волчанского и затем Фульгентия Окушко, члены библиотеки отзывались, что выбор их в библиотекари сделан был единственно по удобству в их квартирах помещения книг. Начальные же рассуждения об устройстве библиотеки происходили у чиновника уездного суда коллежского секретаря Юлиана Войнюша, а потом у Казимира Гаурилкевича, которым вместе с тем вручены были и деньги на основание библиотеки, впоследствии же деньги передавались Фульгентию Окушке, а находившийся при библиотеке список ее членов сделан был для того, чтобы знать, кто вносит деньги и пользуется правом чтения книг.

В опровержение изложенных объяснений, что в устройстве ошмянской библиотеки не было политической цели, обнаружены были при следствии следующие обстоятельства.

1. Одновременно с устройством библиотеки в Ошмянах в конце 1861 г. была образована подобная же в Свенцянах, и при производстве весной настоящего года расследования действий свенцянской библиотеки явился в комиссию неизвестный человек под псевдонимом «Иксвешука» и показал, что библиотеки в Свенцянах, а равно в Троках и Ошмянах учреждены по распоряжению Центрального комитета и были в действительности уездные революционные комитеты, где в известные дни недели происходили заседания и на оные собирались из местных жителей все принимавшие живое участие в мятеже. При этом главные члены объявляли все сведения о польских делах, излагая свои мнения на основании известий, присылавшихся к ним под оберточной бумагой или в переплете книг от агентов Комитета⁵.

2. Время учреждения ошмянской библиотеки совпадает с сведениями, доставленными в ноябре 1861 г. в III отделение с. е. в. канцелярии, об устройстве в Вильно политического общества под названием «Пионковичей» (вследствие собрания членов его по пятницам), причем учредителем его признавался б. студент С.-Петербургского университета дворянин Евстафий Чарновский, приобревший еще между студентами известность своим антиправительственным направлением [...] ^а.

Дворянин Евстафий Чарновский на допросе по изложенным обстоятельствам показал, что с октября 1858 г. по ноябрь 1861 г. он воспитывался в С.-Петербургском университете и затем, будучи уволен по прошению, прибыл в Вильно. Отсюда заехал в им. Данюшево Свенцянского у. к матери своей и потом взял в аренду казенную ферму Ольховку в Ошмянском у. В первых числах января 1863 г. он ездил в Краков навещать брата своего Юлиана, бывшего в тамошнем университете, и, возвратясь по истечении трех недель в Ольховку, был вскоре

^а Опушен текст, излагающий содержание доносов Ю. Бернацкого об обществе «Пёнтковичи» (см. док. 110, 111).

неизвестно за что арестован в гор. Вильно, но в марте месяце освобожден и возвратился на ферму; после того в июне снова подвергся аресту и по освобождении 18 декабря — в третий раз арестован 11 февраля с. г.* В объяснение участия своего в ошмянской библиотеке Чарновский показал, что, проживая при Ошмянах, он бывал у предводителя дворянства Плавского и у чиновника Гаурилкевича, но никогда не вел с ними политических разговоров, а однажды, будучи у кого-то в гостях, он слышал, что в Ошмянах чувствуется необходимость в библиотеке, и потому сказал со своей стороны в пользу ее учреждения. При этом ему предложено было составить проект, и он написал его согласно с общим желанием, но при вторичном посещении тех лиц разошелся с ними в выборе книг, так как большая часть их требовала выписки романов и т. п., а он настаивал на необходимости приобретения сочинений о сельском хозяйстве, как более полезных. Когда и у кого было это собрание и кто в нем участвовал, он не помнит, денег же со своей стороны на эту библиотеку он не жертвовал, видя, что при незначительных средствах ее учредителей нельзя было рассчитывать на хорошие книги. Что касается его разговора при этом о клубе, то он предлагал только устройство хорошего трактира, так как в Ошмянах был только один трактир, с весьма дорогим и скверным столом. К этому Чарновский добавил, что в мятеже он никакого участия не принимал, революционных обществ не посещал и вообще ни с кем даже не разговаривал о политике, не имея о ней надлежащих понятий.

Сверх изложенных выше обстоятельств, в обвинение Чарновского, занимавшийся по найму при Ошмянском уездном суде дворянин Викентий Бокщанин при производстве настоящего дела показал, что в мае месяце прошлого года, проживая в им. Новоселках гр. Чапского, он встретился с приезжавшим к управляющему имением Завадскому дворянином Евстафием Чарновским, который уговаривал его отправиться в шайку мятежников.

Спрошенный по сему Чарновский отзывался, что не только не подговаривал никого поступить в шайку, но если случалось разговаривать о правительстве, то он всегда высказывал, что за 19 февраля недостойно ему противодействовать.

К сведениям об Евстафии Чарновском приложен отзыв бывшего ошмянского военного начальника ген.-майора Пахомова, что Чарновский, проживая в [ферме] Ольховке, весьма часто разъезжал по уезду и это вынудило, наконец, Пахомова подвергнуть его аресту, как человека подозрительного. К этому Пахомов добавил, что Чарновский заносчив и предприимчив. Что касается упомянутого выше общества «Пёнтковичей», то хотя о нем и произведены были разыскания, но как обвинявшиеся в принадлежности к этому обществу лица не сознались в этом, а расследования, по давности времени от учреждения этого

* Из дела видно, что в феврале 1863 г. Чарновский арестован был по подозрению в участии в мятеже и освобожден по неимению юридических данных к его обвинению. Вторично в июне месяце он арестован был по донесению ошмянского военного начальника, что он подговаривал к мятежу жителей, но по следствию не обнаружено было факт[ов] в его обвинение. В последний раз Чарновский арестован по обстоятельствам настоящего дела.

^a Край документа оборван.

общества, не представляли ничего в его объяснение, то, по распоряжению начальника края, следствия по оному не производилось*.

Относительно же упомянутых народных школ, распространение которых с революционной целью предложено было Евстафием Чарновским на одном из собраний в Ошмянах, было произведено дознание и обнаружено, что в Ошмянском у. в имении помещика Гана (умершего), равно м. Воложине, Вишневе, Ольшанах и дер. Карловщизне, Горецковщизне, Климах и Савичах действительно существовали польские школы для мальчиков и девочек, где вместе с католиками обучались и православные. Между руководствами в этих школах найдено было несколько книг без означения, дозволены ли они цензурой. Образователями этих школ были: в местечках Вишневе и Ольшанах местные кс. Викентий Карабанович и Игнатий Жабо, которые, как видно из дела, уже удалены за это из здешнего края. Из обучавших в этих школах проживают в настоящее время в дер. Климах солдатка Марианна Яблонская и крестьянка Констанция Неверович, которые хотя и прекратили обучение детей по-польски вследствие распоряжения по сему начальства, но во избежание того чтобы они не возобновили впоследствии этого обучения, комиссия полагает удалить их обеих из края на жительство во внутренние губернии империи [...]^a.

При производстве следствия по изложенным обстоятельствам дела привлечены к нему следующие лица:

1. Жена чиновника Ошмянского уездного суда Эмилия Гаурилкевич, у которой при осмотре квартиры Гаурилкевича найден кожаный пояс, наподобие носившегося дамами в здешнем крае в начале революции, а равно и мятежниками. В объяснение этого Эмилия Гаурилкевич пояснила, что пояс куплен был ею у неизвестного еврея.

Эмилия Гаурилкевич содержится под арестом. Виленская следственная комиссия полагает Эмилию Гаурилкевич удалить из края административным порядком,

и 2. Проживающие в Ошмянах дворяне Иосиф Бернацкий, Владислав Пилецкий, Иван Мисевич, Генрих Хмелевский и девицы Елена Рымашевская, Ядвига Яблонская, Жозефина Родзевич, Софья Новосельская и Соболевская, по показанию писца Ошмянского уездного суда Викентия Бокщанина, пели однажды весной прошлого года в Ошмянском костеле революционный гимн.

Поименованные лица остались по делу не спрошены.

Виленская следственная комиссия полагает означенных лиц подвергнуть денежному штрафу за их преступные действия, хотя и в довольно давно прошедшее время, но для необходимого убеждения, что рано или поздно коварные действия влекут наказание.

Тит. с. Яковлев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 1495, лл. 60—67, 78. Подлинник

* Из дела видно, что следствие о существовавших в Ошмянах тайных обществах «Пёнтковичей» и «Библиотеки ошмянской молодежи» ограничено было изложенными в сем деле фактами по распоряжению г. главного начальника края 13 июля с. г.

^a Опущен «Список членов общества, существовавшего в Ошмянах под именем „Библиотеки ошмянской молодежи“». — Имена членов перечислены в док. 113.

¹ При обыске, произведенном 31 октября 1863 г., у Ф. Окушко найдено воззвание Литовского провинциального комитета «*Bracia! Królestwo powstało!*» («Братья! Царство Польское восстало!..»), объявляющее о начале восстания в Польше и призывающее к оружию народы Литвы и Белоруссии.

У А. Иодко и И. Вержбицкого обнаружено 12 экз. «*Mужицкой правды*» № 2, 14 экз. «*Hutorki dwóch susiedou*» («Беседа двух соседей») № 3 и № 4, отдельные номера газет «*Ruch*» («Движение»), «*Głos kapłana polskiego*» («Голос польского священника»), «*Strażnica*» («Дозор»), воззвания Центрального национального комитета «*Bracia Polacy*» («Братья поляки») от 1 сентября 1862 г. и «*Do obywateli wiejskich*» («К помещикам»), а также литографированное воззвание Центрального комитета, призывающее платить подати для освобождения отечества (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1519, лл. 40—114).

² См. «Дело Временного полевого аудитората Виленского военного округа о лицах, участвовавших в учреждении общества под названием „Библиотека ошмянской молодежи“» — ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1519.

³ Правила «Библиотеки ошмянской молодежи» под названием «*Biblioteczne przepisy postanowione założycielami biblioteki Oszmian*» («Библиотечные правила, установленные учредителями ошмянской библиотеки») написаны Э. Чарновским (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1519, лл. 223—224).

⁴ Список не публикуется (см. там же, лл. 40—45).

⁵ Произведенным в 1864 г. следствием о свенцянской библиотеке царскими властями установлено, что ее учредителями были Цезарий и Юлиан Вышинские. Активное участие в деятельности библиотеки принимали учителя свенцянской гимназии Ивицкий, Жилинский, чиновник уездного суда Б. Врублевский, К. Масловский и др. Библиотека помещалась в квартире уездного казначея Н. Шишло. При проверке найдено 147 запрещенных цензурой книг. Подробнее о свенцянской библиотеке см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864, г., д. 1605.

113

1864 г. октября 16. — Определение помощника ген.-губернатора А. Л. Потапова по делам, представленным Виленской следственной комиссией

По рассмотрении представленных Виленской следственной комиссией по политическим делам 14 марта с. г. за № 965, 30 мая № 1381, 28 августа № 1991 и 5 сентября за № 2030 следственных дел о нижепоименованных лицах я определяю:

1. Б. чиновников Ошмянской дворянской опеки тит. с. Фульгентия Окушко, губернских секретарей Иосифа Вержбицкого, Антона Иодко, служивших в Ошмянском уездном суде губернских секретарей Казимира Гаурилкевича, Бронислава Гринцевича, дворянина Ивана Саблинского, отставного коллежского регистратора Фабияна Развадовского за хранение гимнов и сочинений возмутительного содержания и, кроме сего, за то, что были в числе членов «Библиотеки ошмянской молодежи», имевшей противуправительственную цель, а также бывших членами означенной библиотеки и принимавших деятельное участие в образовании и привлечении к оной других лиц: виленского дворянина Евстафия Чарновского, коллежского секретаря Юлиана Войнюша, коллежского регистратора Фому Костелецкого — предать военному суду по полемому уголовному уложению¹, причем вменить в обязанность военно-судной комиссии постановить заключение о прикосновенных к сему делу: ошмянском уездном казначее коллежском асессоре Адольфе Валицком, отставном коллежском асессоре Валериане Ивашкевиче, помещиках Михаиле Пуцята, Константине Янушевиче, Игнатии Одынец, Матвее Таньковском, Альбине Корсаке, помещиках Владиславе Касацкой, Телятовой, Тортылло, коллежских

ассессорах Алоизе Бокшанине, Юлиане Герберском, титулярных советниках Франце Закржевском, Ростиславе Равдовиче, Викентии Эйсмонге, коллежских секретарях Александре Букате, Витольде Рачкевиче, б. смотрителе ошмянской больницы Игнати Плавском, губернских секретарях Викентии Окушко, Сиксте Суроже, Генрихе Цивинском, Адаме Пашковском, Иосифе Равданском, Матвее Соболевском, коллежских регистраторах Карле Янковском, Валериане Бокшанине, Павле Лукьянском, Болеславе Лявданском, Юрии Рогинском, Георгии Кивоц, Якове Завадском, б. ошмянским предводителе дворянства Антоне Брохоцком, отставном ротмистре Витольде Ходзинском, студенте Московского университета Цезаре Черницком, дворянах Петре Завадском, Иосифе Лужбиновиче, Онуфрии Щепановиче, Николае Дмитриевском, Казимире Сидоровиче, Осипе Карчевском, Артуре Керсновском, Устине Колусовском, Евстафии Минейко, Иване Марковском, Владиславе Мержиевском, Мечиславе Неверовиче, Иване Осмольском, Антоне Петровиче, Эдуарде Парфияновиче, Михаиле Волгодском, Игнати Снадском, Муравском, Волкановском и кс. Понасевиче.

2. Жену губернского секретаря Эмилию Гаурилкевич, оказавшуюся виновной в ношении пояса с революционными изображениями, по освобождении от ареста отдать на благонадежное поручительство с учреждением полицейского надзора и взыскать штраф 25 руб. в пользу лиц, пострадавших от мятежа.

3. Бывшего ошмянским уездным судьей отставного поручика Ксаверия Черницкого, уволенного от должности за допущенные в суде беспорядки и оказавшего[ся] виновным по сему делу в неимении должного надзора за своими подчиненными, чрез что допущено было в суде хранение сочинений возмутительного содержания, хотя и следовало бы подвергнуть ответственности по закону, но во внимание его прежней отличной службы и преклонных лет отдать на благонадежное поручительство с учреждением полицейского надзора и не допускать на службу в Северо-Западном крае; имение его, если находится под секвестром, от такового освободить и взыскать усиленный десятипроцентный сбор.

4. Жену отставного поручика Ядвигу Скерлетову, привлеченную к сему делу по обвинению, что она также была членом «Библиотеки ошмянской молодежи», как оказавшуюся невиновной от всякого взыскания освободить,

и 5. Обвиняемых по сему делу в пении возмутительных гимнов дворян Иосифа Бернацкого, Владислава Пилецкого, Ивана Мисевича, Генриха Хмелевского, Елену Рымашевскую, Ядвигу Яблонскую, Жозефину Родзевич, Софию Новосельскую и Соболевскую, хотя также следовало бы подвергнуть взысканию, но имея в виду, что пение гимнов происходило во время бывших в крае общих беспорядков, что означенные лица по возникшим на них обвинениям не спрошены и что некоторые из них по другим делам уже высланы из края, как например, Бернацкий и Мисевич, а дворянка Новосельская за сочувствие мятежу подвергнута тюремному заключению, а потому обвинения, возникшие на них по настоящему делу, оставить без последствий.

Помощник ген.-губернатора свиты е. в. ген.-майор Потапов

¹ Временный полевой аудиториат, рассмотрев приговор военного суда, в заключении от 25 апреля 1865 г. постановил взыскать по 100 руб. с наиболее активных деятелей «Библиотеки ошмянской молодежи» и по 50 руб. с прикосновенных к этому делу лиц, а с помещиков, кроме того, усиленный десятипроцентный сбор. За Окушко, Вержбицким, Гаурилкевичем, Гринцевичем, Саблинским, Развадовским, Войнюшем, Костелецким был учрежден строгий полицейский надзор (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1518, лл. 4—15).

114

1861 г. ноября 30.—Предписание М. Н. Похвиснева П. С. Васильеву о подчинении учеников виленских учебных заведений на время военного положения местной гражданской власти¹

Секретно

Попечитель Виленского учебного округа входил с представлением к г. министру народного просвещения, что было бы весьма полезно на время существующего ныне военного положения подчинить учеников вне гимназии, до известной степени, местной гражданской власти; что гимназии не имеют средств посылать во все костелы города своих чиновников, и на этом основании можно бы было отнестись к местной гражданской власти с просьбой предписать полициям всех совершеннолетних учеников, участвующих в демонстрациях, подвергать взысканиям на основании общих теперь в крае существующих положений, сообщая в то же время начальству гимназии о исключении их, а несовершеннолетних препровождать к начальникам заведений для взыскания по усмотрению педагогического совета, на основании устава и инструкции, им данных. Страх попасть в руки административной власти весьма бы много способствовал к удержанию учеников от демонстрации.

Г. министр народного просвещения в разрешение сего уведомил, что он не встречает с своей стороны препятствия к приведению в исполнение на время существующего в здешнем крае военного положения вышеизложенного предположения г-на д. с. с. кн. Ширинского-Шихматова о подчинении, до известной степени, вне классных занятий учеников гимназий гражданской власти на изложенных выше основаниях, но с тем условием, чтобы со стороны гражданского начальства представляемые были о виновности ученика положительные данные и чтобы только на сем основании учебное начальство исключало учеников из учебного заведения.

Давая о сем знать в. вб., я, согласно предложению г. виленского военного губернатора от 24 ноября за № 1387, предписываю вам означенное распоряжение г. министра народного просвещения принять к исполнению на время существующего военного положения в отношении учеников виленских учебных заведений, замечаемых в участии в демонстрациях.

Гражданский губернатор Похвиснев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 421, оп. 1, д. 1436, лл. 1—2. Подлинник

¹ Об участии учеников в манифестационном движении и мерах царских властей см. также док. 85.

1861 г. декабря 12.—Предписание М. Н. Похвиснева П. С. Васильеву о произведении обыска у люстратора Я. Клечковского, подозреваемого в распространении «Колокола» и «Великоруса»

В[есьма] секретно

Г. главным начальником края получено сведение, что и. д. люстратора по Новоалександровскому у. прибывший ныне в Вильно Иван Клечковский, содержащийся уже прежде под стражей и следствием по делам политическим, хранит у себя возмутительные гимны, стихи, газету «Колокол»¹, сочинение под заглавием «Великорус»² и др.

Давая о сем знать в. вб., я согласно предложений г. ген.-губернатора предписываю вам у Ивана Клечковского произвести внезапный строгий обыск вместе с жандармским офицером (о назначении которого я вместе с сим сделал надлежащее сношение) и ежели по оному окажутся подозрительные или недозволенные бумаги или сочинения, то, отпечатав на законном основании, мне представить; самого же Клечковского подвергнуть аресту и о последующем мне донести³.

Гражданский губернатор Похвиснев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 421, оп. 1, д. 1439, л. 1. Подлинник

¹ Широкое распространение накануне восстания 1863 г. в Литве и Белоруссии получила статья из «Колокола» от 1 мая 1861 г. «Mater Dolorosa», написанная А. И. Герценом по поводу расстрела 27 марта (8 апреля) царскими войсками мирной манифестации в Варшаве, а также письмо Д. Гарибальди Герцену от 13 апреля 1861 г. и ответ Герцена Гарибальди от 19 апреля 1861 г. Копии этой статьи и писем были найдены в Вильно при обыске у наборщика типографии Завадского И. Стацевича, обвинявшегося в участии в восстании 1863 г., и у отставного чиновника А. Барановича (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 845, лл. 4, 7; ф. 494, оп. 1, д. 332, лл. 254—255). Текст статьи и писем см. А. И. Герцен. Сочинения, т. XV. М., 1958, стр. 81—84.

² «Великорус» — печатные прокламации, выпущенные в Петербурге в 1861 г. от имени Комитета «Великоруса» группой революционеров-демократов, близких к Н. Г. Чернышевскому; в 1861 г. вышло три номера. Программные требования «Великоруса»: введение конституции, освобождение крестьян с земель без выкупа, предоставление независимости Польше, право Украины на самоопределение.

³ Полиции не удалось в то время найти Я. Клечковского ни в Вильно, ни в Новоалександровском у. О его ссылке в последующее время и дальнейшей судьбе см. J. Gieysztor. Pamiętniki, t. I, str. 386.

1862 г. февраля 28.—Донесение А. М. Лосева В. А. Долгорукову о политическом положении в Виленской губ. и мерах, необходимых для подавления антиправительственных выступлений

Секретно

В последнее время в гор. Вильне и губернии явные беспорядки и манифестации, выражающие неудовольствие к правительству, почти прекратились: в костелах гимнов больше не поют и только выражают

свое желание к отдельной национальной независимости ношением польских костюмов и то более секретно в домах. Но этот покой нельзя признать за факт, что здешние поляки образумились до такой степени, что при случае не возобновят своих задушевных стремлений. Напротив, по слухам известно, что они с весной ожидают еще чего-то особенного, и теперешнее их покойное состояние можно сравнить с тлеющим огнем, который вспыхнет при первом ветре.

Что поляки перестали петь гимны, то причиной этому было как меры, принимаемые правительством, так равно и еще, может быть, более, что они на деле убедились в бесполезности подобного рода манифестаций, ибо простой земледельческий класс народа нисколько в этом им не сочувствовал и на него при всех усилиях они не имели никакого влияния. Бывали случаи, что когда в деревенских костелах помещики пели известный гимн об отчизне, то крестьяне выходили из костела и промеж себя рассуждали, что «это паны молятся о возвращении панщины, пусть себе молятся, а этого уже не будет».

Во всей Виленской губ. вредно противодействуют распоряжениям правительства дворяне, их официанты, шляхта и отчасти класс ремесленный, составленный из чистых поляков и ополячившихся литвинов. Земледельческий же класс более расположен к интересам правительства, и теперь самое удобное время воспользоваться этим важным обстоятельством, именно: поддержать и развить это направление в крестьянах; тогда всякие попытки поляков будут безуспешны и ничтожны, сосредоточиваясь в одних городах.

Поляки сами это понимают и всеми мерами стараются склонить на свою сторону поселян; всякое правительственное распоряжение они стараются истолковать в превратном виде, объясняя, что оно учреждено собственно ко вреду их; самый манифест 19 февраля о свободе растолковывается поляками как обман; есть слух, что весной все дворяне предполагают начать носить крестьянские костюмы, чтобы более сблизиться с народом и иметь на него влияние для достижения своей цели.

Для устранения этого и правительству, со своей стороны, необходимо принять решительные меры, которые бы парализовали все замыслы поляков; поэтому я осмеливаюсь высказать свои предположения в. с. относительно того, какого рода должны быть эти меры.

1. Прежде всего следует обратить внимание на приличное устройство православных церквей: хотя я лично не мог еще их видеть, но мне достоверно известно, что они в жалком состоянии и могут для поляков служить предлогом убеждать крестьян, что правительство не заботится устроить им как следует храмы, тогда как они, поляки, имеют везде великолепные костелы.

2. Без медленной переписки тотчас же открыть народные училища при волостных правлениях, устранив от участия мировых посредников, которые, как поляки, заключают в себе все зло, и дозволить учиться в них не только детям, но всякого возраста людям, кто пожелает; училища эти должны быть устроены с некоторым пожертвованием от правительства, и такое пожертвование будет тем легче, что, имея на первых порах благодетельное моральное влияние на крестьян, оно устранил громадные расходы, если от иного направления придется массу народа держать в порядке военной силой.

В училищах следует преподавать на языке народном, т. е. литовском, жмудском и белорусском; [в] курс преподавания, кроме первоначальных наук, следует включить чтение местной истории с нецеремонным изложением прежних отношений Литвы и Польши, в особенности проделок иезуитов при введении унии. Учителей легко выбрать на первый раз можно из воспитанников здешней православной семинарии, которые за умеренное жалованье будут в состоянии выполнить эту обязанность, если им составить разумную программу преподавания. Только скорое открытие таких училищ неминуемо принесет существенную пользу,

и 3. По законам о вышедших из крепостной зависимости крестьянах, на основании п. 4 ст. 60 Общего положения и п. 7 ст. 83, на обязанность сельского старосты и волостного старшины возложено в случае совершения преступления делать предварительное дознание, задерживать виновных и охранять следы преступления до прибытия земской полиции или судебного следователя и предупреждать и пресекать преступления и проступки. При применении этого закона в западных губерниях, где необходимо возродить новую силу против враждебной силы поляков, следует разъяснить официально, хотя и секретно, старостам и старшинам, в чем могут заключаться политические проступки — как, например, пение гимнов, ношение национальных костюмов, знаков и т. п., а также — какое деяние составляет уголовное преступление, как то: приобретение оружия, пороха, составление злонамеренных обществ, подговор к бунту и пр., и вменить сельским должностным лицам, чтобы они об известных им совершенных проступках и преступлениях доносили полиции, сохраняя при том вещественные знаки преступления.

Против последней меры, нет сомнения, поляки скажут, что она вопиющая и несправедливая, но защищаться от нападающего врага, и врага тайного, подкапывающегося со всех сторон, самое верное средство обороны есть употребление сколько-нибудь равного оружия.

Эти мысли почтительнейше имею честь представить на благоусмотрение в. с.

Подполковник Лосев

ЦГАОР СССР, ф. 109-и. 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 2, лл. 61—66. Подлинник

117

1862 г. не ранее 1 марта¹. — Уведомление В. И. Назимова председателю Виленской следственной комиссии С. Г. Веселитскому о распространении среди жителей гор. Свенцяна польских патриотических эмблем и портретов Костюшко и Гарибальди

19 минувшего февраля в гор. Свенцянах задержан еврей Мардух Деванг с коробкой мелочных товаров, между которыми найдены булавы, запонки и кольца с польскими орлами и с портретами Костюшки и Гарибальди.

Начальник Виленской губ. сделал распоряжение о доставлении означенного Деванга в Вильно для допроса — от кого он приобрел упомянутые вещи, представил ко мне и самые вещи на дальнейшее распоряжение.

ЦБ АН Лит. ССР, ф. Вх, д. 4, л. 12. Черновик

¹ Датируется по содержанию документа: в тексте февраль назван минувшим месяцем.

118

1862 г. апреля 14. — Донесение А. М. Лосева А. М. Гильдебранту о распространении воззвания «Что надо делать войску?»

Секретно

12-го числа сего апреля ночью около канцелярии Виленского батальона внутренней стражи подняты рядовым того батальона Юрием Лейсон 2 экз. воззвания к войскам возмутительного содержания, литографированные, как значится на листках, в Петербурге¹.

Из представляемой при сем копии в. п. изволите усмотреть гнусный смысл этого воззвания и какое гибельное может иметь влияние на слабые, пошатнувшиеся в преданности к правительству головы, если такие есть между служащими в войске.

По доходящим до меня слухам, между офицерами ходят будто бы по рукам подбрасываемые разные возмутительные сочинения, но до сих пор не было примера, чтобы кто-нибудь из них представил начальству. Это служит доказательством в фальшивом понимании долга и чести и в дурном настроении умов служащих, обязанных преданностью правительству.

В этих грустных обстоятельствах следует обвинить ближайшее начальство, начиная с батальонных и полковых командиров включительно. В настоящее время нельзя этим господам смотреть на младших офицеров свысока, видя в них только машин, исполнителей командных слов, а следует сближаться с ними ласковыми разговорами вне службы. Из двух-трех разговоров с офицером легко заметить, каких он мыслей, и при заслуженной доверенности нетрудно направить молодой ум на прямой путь долга. К сожалению, у нас еще много в армии старой рутины ближайших начальников, на которых подчиненные смотрят, как школьники на розгу.

В Вильно, в таком многолюдном городе, наполненном скопищем поляков, так сильно недоброжелательных русскому правительству и которые теперь, видимо, стараются привлечь на свою сторону военных, необходимо освежать от времени до времени квартирующие здесь войска, чтобы не допустить сближения с польским обществом, и было бы полезно прислать в Вильну хотя один батальон гренадерского корпуса, в котором офицеры преимущественно русские, не могущие ни в каком случае симпатизировать польским видам.

При этом имею честь почтительнейше доложить в. п., что об этом я вместе с сим сего же числа за № 72 донес г. шефу жандармов.

Подполковник Лосев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 141, лл. 7—8. Отпуск

¹ 16 апреля А. М. Лосев вновь доносил о разбрасываемых на улицах Вильно воззваниях «Что надо делать войску?» (см. там же, л. 9; ф. 378, ПО, 1861 г., д. 74, ч. 1. л. 71; док. 108).

119

1862 г. апреля 23 (мая 5).— Воззвание редакции «Единства»
к жителям Вильно о бойкоте театральных представлений

Od redakcji «Jedności»

Bracia Rodacy! Od dnia 26 kwietnia (8 maja) b. r. rząd moskiewski postanowił nas bawić przedstawieniami teatralnemi chcąc zapróbować czy nie zapomniemy ran niezagojonych jego pieczętowanymi. Więc wręcz mu odpowiadamy, że jeszcze krew świeżo przez naszych męczenników przelana nie zastygła, by oddać się z zapomnieniem takowym uciechom. Przeto dla Polaka niema uciech, niema teatrów, nim kosy nie zadzwonią!

D. Wilno, 23 kwietnia (5 maja) 1862 г.

Государственный историко-революционный музей Литовской ССР². Подлинник

ПЕРЕВОД

ОТ РЕДАКЦИИ «ЕДИНСТВА»

Братья-соотечественники! С 26 апреля (8 мая) с. г. русские власти намерены развлекать нас театральными представлениями, желая проверить, не забыли ли мы раны, благодаря их заботам еще незажившие. Мы решительно отвечаем им, что не застыла еще кровь, только что пролитая нашими мучениками, не настало время предаваться развлечениям. Поэтому для поляка нет развлечений, нет театров, пока не зазвонят косы!

Вильно, 23 апреля (5 мая) 1862 г.

¹ О составе редакции «Единства» см. док. 42.

² Из коллекции документов периода революционной ситуации и восстания 1863 г., найденных в 1960 г. в Вильнюсе в одном из домов по ул. Горького.

120

1862 г. мая 9.— Донесение А. М. Лосева В. А. Долгорукову
о влиянии русского революционного движения на освободи-
тельное движение в Литве и Белоруссии

Секретно

Имею честь почтительнейше доложить в. с. о настоящем состоянии умов в Вильно: публичное пение гимнов в костелах не существует, это удовольствие они себе позволяют только в домах секретно на семейных

вечерах; при этом, разумеется, нет конца задушевным разговорам и предположениям об осуществлении Польши, но чувствуют собственное бессилие к достижению цели; из числа предположений их, они рассчитывают на могущие произойти беспорядки внутри России. Все новости из Петербурга хватаются ими на лету, перетолковываются в искаженном виде, и каждая статья в наших журналах, неуместно пропущенная цензурой, особенно что касается до Западного края, приводит поляков к мысли о бессилии правительства и укрепляет их надежды к осуществлению революции и переворота в нашем отечестве, тогда они будут счастливы: отделятся от ненавистой для них России и устроят свои дела, как будет им угодно.

Поляки рассчитывают воскресить свою Польшу на погибели нашего отечества и непременно в тех размерах, как она была до первого раздела. Слишком грустно любящему свою родину слышать и представлять в. с. о подобном настроении польских умов.

Недавно полученный в Вильне 15-й номер журнала «Искры»¹ породил много разговоров в здешнем обществе. В этом номере помещена карикатура на б. обер-полицмейстера Паткуля, уместно ли,—ведь он ген.-адъютант государя императора! А другая статья — перепечатан циркуляр попечителя Виленского учебного округа кн. Ширинского-Шихматова². Можно ли допустить глумиться сатирическому журналу, издававшемуся Курочкиным и Степановым, над распоряжениями правительственных лиц!

В. с. известно, в каких размерах происходили бесчинства между учениками литовских гимназий, одни только энергические меры попечителя кн. Ширинского-Шихматова могли сколько-нибудь укротить взбалмошных гимназистов и недоброжелательных к правительству учителей-поляков, а таковых немало в здешнем крае. Бывали случаи, что если шла речь в совете какой-нибудь гимназии об исключении злобного ученика, то учителя-поляки, ища популярности между мальчишками, чтобы прослыть патриотами, передавали под секретом ученикам поданное мнение учителя-русского об исключении негодяя из гимназии и таковым учителям наносились оскорбления и даже выбивались камнями окна в квартирах.

Подобные происшествия и вынудили попечителя написать означенный циркуляр, а гг. Курочкин и Степанов вздумали насмехаться, не зная местных обстоятельств, в своем карикатурном журнале над лицом, заслуживающим полного уважения. Имя попечителя, поставленное рядом с Аскоченским, рождает невольную мысль у здешних патриотов, учителей и гимназистов, что само правительство не одобряет мер, принимаемых начальством, позволяя журналу дерзкую насмешку.

Подполковник Лосев

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экзп., 1861 г., д. 303, ч. 2, лл. 67—70. Подлинник²

¹ Сатирический журнал «Искра» издавался в Петербурге в 1859—1873 гг. под редакцией поэта В. С. Курочкина и карикатуриста Н. А. Степанова. В начале 60-х годов «Искра» была своего рода филиалом журнала «Современник». Она вела ожесточенную борьбу с крепостнической реакцией и дворянским либерализмом как в политике, так и в литературе.

² Отпуск: ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 157, лл. 1—4.

³ Помета В. А. Долгорукова Представить мне эту статью.

1862 г. июня 15.—*Отношение В. И. Назимова В. А. Долго-рукову об обнаружении в Вильно воззвания «Молодая Россия»*

Секретно

Считаю долгом препроводить при сем в. с. экземпляр нового воззвания под заглавием «Молодая Россия»¹, которое начинает распространяться в Вильно, а как не подлежит сомнению, что всякий здравомыслящий человек поспешил бы оказать правительству содействие к пресечению распространения идей, которыми не может не гнушаться член общества, какой бы партии и народности он ни принадлежал, то не получив еще новых сведений в отношении распространения этой прокламации, надо полагать, что число экземпляров раскидано в небольшом только количестве.

К сему считаю нужным присовокупить, что с некоторого времени многие из жителей города стали получать анонимные письма, опущенные в ящики для писем, с предостережением о злоумышленниках, прибывших будто бы из С.-Петербурга с намерением делать в городе поджоги. К предупреждению несчастных случаев и обнаружению лиц, распространяющих эти тревожные вести, приняты полицией всевозможные предосторожности, но до сих пор все поиски ее остались без последствий. Впрочем, если принять в соображение, что время распространения этих воззваний и писем совпадает со временем, когда студенты университетов приезжают в дома своих родителей и родственников на каникулы, то можно полагать, что в этом деле участие их более чем правдоподобно.

Ген.-адъютант Назимов

Помета Доложено е. в. 24 июня.

ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 68, лл. 81—82. Копия

¹ Воззвание «Молодая Россия» — один из самых ярких образцов прокламационной литературы 60-х годов — было широко распространено: в мае 1862 г. в Москве и Петербурге. Прокламация издана в Москве кружком П. Г. Заичневского и П. Э. Аргиропуло от имени так называемого Центрального революционного комитета. Текст воззвания см. в кн.: «Политические процессы 60-х годов», под ред. Б. П. Козьмина, т. I, М.—Пг., 1923, стр. 258—269.

1862 г. июля 11.—*Предписание В. И. Назимова М. Н. Похвисневу по поводу жалобы крестьян Попортской вол. Трокского у. на принудительное введение уставной грамоты*

Временнообязанные крестьяне Трокского у. Попортской вол. в поданном мне прошении жалуются на мирового посредника 2-го участка помещика Танского, который заставлял просителей подписать обязательную для них грамоту, а когда они на то не согласились, то посредник некоторых из них наказал розгами, а троих — денежным штрафом и продолжительным арестом.

Препровождая при сем означенную просьбу¹ на зависящее распоряжение в. п., имею честь покорнейше просить вас, м. г., о последующем меня уведомить и приказать объявить просителям.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1862 г., д. 971, л. 1. Отпущ

¹ *Просьбы крестьян в деле не имеется. По-видимому, просьба написана Д. А. Базановым, бывшим в то время писарем в Попортском волостном правлении и имевшим большое влияние среди крестьян.*

123

1862 г. июля 18. Вильно.— Письмо воспитанника Виленского кадетского корпуса Е. Р. Пиленко в Петербург к брату — юнкеру Михайловского артиллерийского училища В. Р. Пиленко о своих попытках вести революционную агитацию среди крестьян и влиянии на кадетов журнала «Современник»

Может быть, ты читал мои письма к матери, когда был дома, но и по письмам ты не мог ничего узнать обо мне, кроме того, что я здоров. Да, кажется, что больше нечего и писать к матери, потому что она не знает стремлений молодого поколения и многого не поймет, а если и поймет, то в другую сторону.

Особенное удовольствие я имею говорить с литовскими мужичками и жидами, но, впрочем, я довольно набил руку, как с ними нужно начинать и как продолжать разговор, чтобы войти в доверенность, а потом уже можно переменить некоторые из понятий мужичка. Особенно трудно ему понять, почему дворяне хотят сближения с мужичком. Полиция распространяет здесь самые нелепые понятия. Так, например, она внушает мужикам, что паны бунтуют потому, что от них отобрали крестьян. Насчет начальства, учителей, кадет и библиотеки я буду писать после, а теперь скажу только, что журналы «Современник» и «Время»¹ кадеты выписывают сами, потому что из библиотеки приходится читать их годом позже выпуска в свет. Кто хочет читать их скоро после выпуска, складывает 3 руб. сер. в кассу. Я тебе скажу, кого я почитаю из теперешних литераторов: Достоевского, Антоновича, Чернышевского, а из недавно умерших — Добролюбова. Узнай, пожалуйста, за что «Современник» запрещен; я думаю, за статью Чернышевского в апрельской книжке: «Научились ли?»². Она, действительно, слишком резко нападает на распоряжение правительства относительно университетов и оправдывает демонстрации студентов. Я не понимаю, как ее пропустила цензура, напиши, пожалуйста, насчет «Молодая Россия» (черт знает, как ее назвать, газета или брошюра?). Она, кажется, на первом номере остановилась³. Я кое-что слышал об университетах, о Суворове — вашем губернаторе⁴ (о своем ген. Назимове я буду писать после), о Григорьеве, который покушался на жизнь Александра⁵, о пожарах⁶ и действиях царской фамилии⁷.

Евгений Пиленко

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1862 г., д. 361, лл. 4—5. Копия

¹ «Время» — журнал реакционного направления, издававшийся в 1861—1863 гг. в Петербурге при участии Ф. М. Достоевского. Первое время редакция избегала четкой формулировки своей политической программы, и журнал был доброжелательно встречен в среде революционной демократии.

² Статья «Научились ли?», напечатанная в № 4 «Современника» за 1862 г., написана Н. Г. Чернышевским в защиту политических и гражданских прав студентов. Чернышевский полемизирует в ней с реакционным публицистом А. В. Эвальдом, который утверждал в «С.-Петербургских ведомостях», что «студенты сами не хотят учиться и, вместо того, чтобы учиться... тратят силы и время на занятие политикой». Ряд мест в статье Чернышевского был изъят цензурой. 15 июня 1862 г. выход «Современника» был приостановлен на восемь месяцев вследствие замеченного в нем царскими властями «систематического вредного направления и постоянных усилий к распространению вредных противурелигиозных и противуправительственных теорий».

³ Имеется в виду прокламация «Молодая Россия», которая распространялась также и в Вильно (см. док. 121 и примечание к нему).

⁴ Речь идет о петербургском ген.-губернаторе А. А. Суворове.

⁵ По-видимому, имеется в виду подпоручик л.-гв. Измайловского полка Н. А. Григорьев, который в июне 1862 г. был отдан под суд за «возмутительные слова против правительства и лично против государя императора».

⁶ 16 мая 1862 г. в Петербурге начались большие пожары, послужившие для правительства поводом к наступлению на революционный лагерь.

⁷ В отношении В. А. Долгорукову от 2 августа 1862 г. В. И. Назимов отмечал, что письмо Е. Р. Пиленко «свидетельствует, что как он сам, так равно и брат его в Петербурге проникнуты вредными политическими идеями и несоответственным молодому возрасту стремлением судить о правительственных распоряжениях. Поручив местному корпусному начальству подвергнуть воспитанника Пиленко секретному надзору с тем, чтобы следить за его поведением, и препровождая копию означенного письма, считаю нужным присовокупить для ближайших соображений в. с., что Пиленко 17 лет, вероисповедания православного, происходит из дворян Полтавской губ. Зеньковского у., где за его матерью числится хутор с населением в 12 душ» (ЦГАОР, СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1862 г., д. 361, л. 3). В донесении виленского губернского жандармского штаб-офицера А. М. Лосева от 6 августа 1862 г. сообщалось, что Пиленко «учится в первом специальном классе, по происхождению малороссиянин, 16 лет» (там же, л. 7).

124

1862 г. июля 24.—Предписание В. И. Назимова чиновнику для особых поручений Г. У. Абрамовичу принять меры к подавлению волнения крестьян в им. Малое Можейково Лидского у.

Временнообязанные крестьяне Лидского у. им. Малого Можейкова помещика Брохоцкого с 7 минувшего мая не исполняют седьмого дня в неделю, определенного по уставной грамоте, и предпринимаемые по сему случаю увещания мирового посредника 3-го участка остаются безуспешными¹.

Вследствие сего я покорнейше прошу в. п. отправиться туда из м. Липнишек совместно с мировым посредником 3-го участка для вразумления крестьян и склонения их к исправному отбыванию назначенной по уставной грамоте повинности; в случае же, если принятые вами меры окажутся недействительными, сообщить прилагаемый при сем пакет командиру Софийского пехотного полка, в коем заключается распоряжение мое о немедленном откомандировании одной роты из

вверенного ему полка в м. Малый Можейков^а на военно-эзекуционный постой, впредь до устранения беспорядков в этом имении².

О последующих по сему распоряжениях ваших я буду ожидать вашего, м. г., уведомления.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1862 г., д. 977, л. 1. Отпуск

¹ Летом и осенью 1862 г. происходили также крестьянские волнения в Заблонкой и Щучинской вол. и в им. Свилю Лидского у. (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1862 г., д. 961, лл. 1—2; д. 936, лл. 1—2, а также сб. «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», Минск, 1959, стр. 105—107).

² Волнение крестьян в им. Малое Можейково было подавлено при помощи военной силы в августе 1862 г. (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1862 г., д. 977, л. 6).

125

1862 г. июля 30.—Донесение А. М. Лосева В. А. Долгорукову о политическом положении в Виленской губ. и углублении противоречий между крестьянами, помещиками и правительством

Секретно

В гор. Вильне и губернии, по-видимому, т. е. по наружности, все находится в спокойствии, но на это рассчитывать несколько невозможно: подобная тишина со стороны поляков есть только еще неуверенность в своих силах и осторожное ожидание удобного случая. Хотя явные манифестации, процессии и торжественное пение возмутительных гимнов вышли уже из моды, как имевшие целью заявить только свое недовольство к правительству, и прекратились, но зато ими стали приниматься более серьезные меры, именно, старание сблизиться с народом и вооружить его против всего русского и в особенности правительства. Костюмы до сих пор в употреблении траурные польские национальные; за этой модой поляки страшно наблюдают, так что русской даме опасно выйти на улицу одной в цветном платье. Были примеры, что виленские гимназисты, разумеется, подученные старшими, плевали в лицо и сзади обрывали платье у дам, одетых не в траур. Эти проступки мальчишек остались безнаказанными, потому что они всегда успевали скрывать себя. В глубоком трауре и в национальных костюмах ходят не только по деревням помещики и их семейства, но и в гор. Вильне жены чиновников-поляков все наряжены в траур с различными патриотическими знаками. Подобный маскарад чиновниц, имеющих единственное средство к жизни — русскую службу их мужей и нередко не безгрешные по службе доходы, слишком неутешителен для каждого преданного России, так как этим выражается наглая неблагодарность чиновничества к заботливости о них правительства, которое даже строго не преследует за взятки, а между тем они-то собственно и дают средства высказывать патриотизм, наряжаясь в дорожные польские костюмы.

^а Так в тексте. Правильнее — Малое Можейково.

Траурные костюмы поляки носят, как известно, для выражения тяжести своего, будто бы, положения под владычеством России. Мысль об этом мнимом иге они всеми мерами постоянно стремятся развить и у крестьян. Сначала казалось, что помещики после дарования крестьянам свободы государем императором не будут иметь на него вредного противоправительственного влияния, теперь же на деле результат преобразования сельского населения представляется уже в двояком виде: по наружности кажется, что помещики и крестьяне каждый только защищает свои интересы и общего между ними ничего нет, но в сущности выходит совсем другое. Помещики и мировые посредники, как избранные из среды польского дворянства, начинают успевать в своих вредных замыслах поколебать в народе доверие к русскому правительству.

Предпринятое преобразование и улучшение быта крестьян могло бы тогда только иметь хорошие результаты, если бы помещики были в состоянии отрешиться не только от своих сословных, но еще более от фантастических национальных мечтаний и бескорыстно содействовать этому важному государственному делу. Самые законы поэтому главным основанием имеют добровольные соглашения помещиков и крестьян. Но в Виленской губ. до сих пор между помещиками и крестьянами добровольных соглашений не было и не предвидится. Помещики заботятся об одном — тайными путями возбудить у крестьян мысль, что новые для них законы служат не к улучшению, а к отягощению их быта, и в этом начинают успевать.

Уставных грамот крестьяне добровольно не принимают, потому что считают повинности по ним тяжелее прежних, а помещики рассказывают, что они все обязаны делать по изданному правительством закону и помочь ничего не могут. Эту мысль, наверное, поддерживают и мировые посредники — поляки, невзирая на то, что по закону воспрещено увеличивать крестьянам те повинности, которые были меньше, чем требуются по уставным грамотам, и предоставлено помещикам полное право делать им всякие льготы, даже подарить угодья, но это они откладывают на будущее время, когда успеют совершенно возродить у крестьян ненависть против изданного для них закона и, конечно, правительства.

Местные положения о крестьянах литовских губерний основаны на прежних инвентарях, т. е. повинности крестьян размерены по инвентарям с уменьшением их на одну десятую часть. Прежние инвентари были слишком выгодно составлены для пользы помещиков, так что за крепостного права^а сами помещики часто не требовали от крестьян одной пятой части инвентарных повинностей; очевидно, [что] уменьшение этих повинностей на одну десятую часть, как требуется по уставным грамотам, быта крестьян не облегчает. Кроме того, в Литве по закону оставлены сгонные дни (толоки), обращенные ныне в барщину, отбываемую в летние дни, что не может не мешать крестьянам вовремя заниматься обработкой своих собственных полей.

Здесь крестьяне решительно не развиты, понимать и ценить важность дарованных им личной свободы и права гражданства они не в состоянии, единственное улучшение своего быта они хотят и лишь

^а Т. е. во время крепостного права.

могут видеть в уменьшении повинностей. Теперь еще пока крестьяне верят, что по милости государя императора благосостояние их должно улучшиться, а только этому мешают помещики, но потом, по истечении срока для окончательного введения уставных грамот, если крестьяне откажутся по ним работать, чего должно непременно ожидать, то неминуемо поступят от помещиков жалобы, которые правительство вынуждено будет удовлетворить силой — посылать в имения военные экзекуции и принуждать крестьян к исполнению их обязанностей со всей строгостью, а этого только и ожидают польские паны; тогда им ничего не будет стоить окончательно вооружить крестьян против русского правительства, и затем начавшееся было сочувствие литовского народа к правительству должно будет утратиться навсегда. Натурально, простой народ не полюбит того, кто его будет бить, а эта операция чисто^а падет на долю правительства, ибо помещики очень легко представят, что в этом случае они совершенно невинны и таких мер не просили и не желают.

Между крестьянами уже и в настоящее время обнаруживается более наклонности к полякам, чем к России; теперь устраиваются народные школы, и некоторые волости объявили желание учиться не по-русски, а по-польски, несмотря на то, что они белорусы и русский язык для них понятнее польского. В последствии же времени, когда правительство вынуждено будет принять на себя роль усмирять и наказывать крестьян для пользы панов, то не представится ли такое действие простому уму поселянина ясным доказательством, что от воли помещиков их участь и все зависит.

В Виленской губ. и вообще в Литве крестьянский вопрос, кроме своего собственного значения, включает в себе еще и интерес политический: от благополучного его исхода зависит получить правительству силу, не победимую интригами^б польской партии, и дать здешнему краю такое направление, чтобы он окончательно слился с русской национальностью.

Поэтому я осмеливаюсь думать, что для уничтожения всех польских интриг, спокойствия и счастья здешнего края необходимо изданное Положение для крестьян вновь пересмотреть и составить его в таком виде, чтобы оно действительно уменьшало повинности крестьян настолько, чтобы они в новом Положении осязательно могли видеть свою пользу, хотя бы это было и в ущерб польским панам, которые, кажется, довольно осязательно высказывают правительству свою к нему ненависть, а к народу — расположенность до самоотвержения, обнаружившуюся, впрочем, до сих пор только в ношении помещиками чемарок из крестьянского сукна.

Подполковник Лосев

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 4 эксп., 1862 г., д. 193, лл. 1—8. Подлинник¹

¹ Это же донесение одновременно направлено А. М. Лосевым начальнику четвертого округа корпуса жандармов А. М. Гильдебранту. Отпуск: ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 157, лл. 5—10.

^а Так в тексте.

^б В подлиннике очевидная описка интригала.

1862 г. августа 7.—Рапорт виленского вице-губернатора И. И. Набокова В. И. Назимову об отказе крестьян им. Антодуры Свенцянского у. принять уставную грамоту

Мировой посредник 2-го участка Свенцянского у. совместно с тамошним земским исправником представили и. д. начальника губернии заключенный ими 8 минувшего июля акт об уклонении временнообязанных крестьян им. Антодур помещицы Цамейковой от слушания и принятия уставной грамоты, а также об ослушании тех крестьян в исполнении повинностей и неповиновении их распоряжениям установленных над ними властей, присовокупляя притом, что принятые на месте меры убеждения и, наконец, делаемые внушения при содействии полиции оказались безуспешными. А потому ходатайствовали распоряжения об отряжении в то имение военной команды не менее 100 человек, без которой восстановление там порядка оказывается невозможным.

Вслед за тем явились в гор. Вильно крестьяне им. Антодур, в числе нескольких человек, с жалобой на управительницу того имения [госпо]жу Пальчевскую за уменьшение состоявших в их пользовании земельных наделов, объясняя притом поводы, по которым они не решаются принять уставной грамоты. По надлежащем со стороны управляющего губернией разъяснении о необходимости введения в действие уставной грамоты, бывшие здесь крестьяне объявили, что затем они обратятся прямо к мировому посреднику с просьбой о немедленном приступлении к введению в действие уставной грамоты, обещая притом исполнять аккуратно все следующие по оной с них повинности.

Засим г-н д. с. с. де Роберти предложил мировому посреднику озаботиться скорейшим введением в действие в том имении уставной грамоты с тем, что если при этом будет замечено вновь неповиновение крестьян и если они по-прежнему окажут ослушание, то чтобы он немедленно о том уведомил для принятия других мер к восстановлению порядка.

Ныне мировой посредник Борткевич представил, что для удостоверения, в какой степени жалоба антодурских крестьян справедлива в отношении уменьшения их наделов, поручено было состоящему при нем землемеру поверить их участки, но крестьяне на межевые действия не согласились и от принятия уставной грамоты, несмотря на убеждения тамошнего старосты, решительно отказались. Причем посредник присовокупляет, что подобное безнаказанное ослушание антодурских крестьян, ослабляя власть мировых учреждений, служит дурным примером для смежных селений, в которых также по случаю проявляющегося неповиновения крестьян встречается затруднение в введении в действие уставных грамот.

О настоящем положении сего дела имею честь представить на благоусмотрение в. вл. с присовокуплением, что я с своей стороны, в видах предупреждения больших беспорядков между временнообязанными крестьянами той местности, полагал бы полезным расположить

в им. Антодурах постоем половину роты солдат, так как других средств к восстановлению там порядка за принятыми уже мерами в виду не имеется.

И. д. губернатора вице-губернатор Набоков

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 450, лл. 1—2. Подлинник

127

1862 г. августа не ранее 17 — не позднее 24¹. — Воззвание «Жители Вильны» с призывом почтить память Л. Ярошинского, Л. Рылля и Я. Жоньцы, казненных царскими властями за покушения на вел. кн. Константина и А. Велепольского².

Mieszkańcy Wilna!

Oto w tym czasie cała ludność miasta Warszawy zanosi swoje modły przed tron przedwiecznego Boga za dusze nowych męczenników: Jaroszyńskiego, Rylla i Rzońca, którzy poświęcili swoje życie w nierównej walce z rozbójnikami i najeźdźnikami naszej Polskiej ziemi.

Bracia! Nie należyż i nam w głębokiej pokorze ducha podnieść błagalny głos za nimi do Tego, który niezbadany w wyrokach Swoich prowadzi naród Polski drogą krwi i męczeństwa do tym świetniejszego zmartwychwstania, im nastąpić musi ohydniejsze na tym i przyszłym świecie potępienie naszych grabicieli, wrogów: Aleksandrów, Konstantych, Wielopolskich i innych, z całymi ich familiami, z czeredą ich pochlebców, zdrajców, złodziei i rozbójników!

Zbierzmy się tedy tłumnie po świątyniach naszego Wilna w następujący piątek (t. j. 24 sierpnia), jako te dni poświęcone są żałobnemu nabożeństwu za umarłych.

Módlmy się, o bracia! Módlmy się z całą potęgą ducha naszego; jeżeli będzie kto mógł, niech ofiaruje jałmużnę ubogim braciom naszym, niech i oni biedni pomodlą się za umęczonych dla Ojczyzny.

W miesiącu sierpniu 1862.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 62, л. 8. Подлинник

ПЕРЕВОД

Жители Вильно!

В настоящее время все население города Варшавы несет к престолу бога предвечного свои молитвы за души новых мучеников Ярошинского, Рылля и Жоньцы, пожертвовавших своей жизнью в неравной борьбе с разбойниками и захватчиками нашей польской земли.

Братья! Не следует ли и нам в глубоком смирении духа вознесть голос мольбы за них к тому, кто, непостижимый в своих предопределениях, ведет польскую нацию дорогой крови и мученичества к воскресению, которое станет тем прекраснее, чем позорнее будет на этом и том свете осуждение наших грабителей и врагов — Александров, Константинов, Велепольских и других со всеми их семьями, с оравой их угодников, предателей, воров и разбойников.

Соберемся же массой в святыхнях нашего Вильно в следующую пятницу (т. е. 24 августа), так как эти дни посвящены траурным молебствиям за умерших.

Помолимся же, о братья! Помолимся со всей мощью духа нашего. Если кто сможет, пусть пожертвует милостыню нищим братьям нашим, пусть и они, бедные, помолятся за замученных во имя отчизны.

В августе 1862 г.

Опубл.: «Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края» («Виленьский временник», кн. VI), ч. I, Вильна, 1913, стр. 141

¹ Датируется по содержанию.

² Портной Л. Ярошинский совершил покушение на наместника Царства Польского всл. кн. Константина на другой день после приезда последнего в Варшаву 21 июня (3 июля) 1862 г. Покушения рабочих литографии Л. Рыля и Я. Жоньцы на А. Велепольского, начальника гражданского управления в Царстве, последовали 26 июля (7 августа) и 3 (15) августа 9 (21) августа. Ярошинский и 14 (26) августа Рыль и Жоньца были казнены.

128

1862 г. августа 29.— Донесение А. М. Лосева В. А. Долго-рукову¹ об обнаружении у арестованного в Вильно Ф. Колышко воззвания «Жители Вильны»

Секретно

23 числа сего августа виленским полицмейстером взят на улице уволенный из военной службы с чином коллежского регистратора виленский дворянин Феликс Колышко² за то, что был одет в чепарке с поясом, на котором изображался герб польский и литовский под одной короной. При обыске у него в кармане найдена писаная прокламация с воззванием отслужить панихиду по преступникам, повешенным в Варшаве. По распоряжению виленского гражданского губернатора, Колышко содержится в цитадели и дело о нем производится в комиссии по политическим делам. На допросах Колышко ни в каких вредных замыслах не сознался, а объясняет, что прокламацию эту он нашел на улице; запрещенный же костюм он носил потому, что и многие другие это делают.

Копию с прокламации представляя при этом³, имею честь почтительнейше доложить в. с., что замыслы виленских жителей относительно служения панихид за повешенных в Варшаве не исполнились, вследствие мер, принятых местным начальством.

Подполковник Лосев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 157, л. 13. Отпуск

¹ Копия донесения одновременно представлена А. М. Лосевым начальнику четвертого округа корпуса жандармов А. М. Гильдебранту.

² Феликс Колышко (брат Болеслава) активно участвовал в манифестационном движении, а во время восстания предводительствовал повстанческим отрядом.

³ См. док. 127.

1862 г. сентября 9.— Донесение А. М. Лосева В. А. Долгорукову¹ о массовой манифестации при похоронах поэта Л. Кондратовича (В. Сырокомли) в Вильно

Секретно

Считаю долгом почтительнейше довести до сведения в. с., что 6 сего сентября в Вильне происходили торжественные похороны умершего знаменитого польского поэта Кондратовича, известного в литературном мире под именем Сырокомли. Стечение народа примерно было до 10 тысяч, даже из соседних губерний было много приезжих отдать последний долг народному таланту. Гроб несли молодые люди, одетые в чепарках и конфедератках, и кругом гроба молодые люди составляли цепь, взявшись за руки, одетые в тот же костюм. На кладбище были говорены частными лицами речи², но в смысле их ничего не заключалось против правительства.

Похороны г. Кондратовича окончились без изъявления национальных чувств в больших размерах, как ожидалось; к спокойствию, может быть, послужили и принятые меры предосторожности местными властями, а также и католическое духовенство было предупреждено, что оно будет отвечать, если произойдут какие-либо беспорядки.

Подполковник Лосев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 157, л. 15. Отпуск

¹ Аналогичное донесение было направлено А. М. Лосевым А. М. Гильдебранту.

² Виленский полицмейстер П. С. Васильев в донесении от 6 сентября 1862 г. М. Н. Похвисневу сообщил подробнее о похоронах В. Сырокомли и указал, что с речями выступили В. Коротынский, Т. Снарский, Я. Даукиша (см. ГИМ, ф. 381, д. 13, лл. 106—108, а также J. Gieysztor. Pamiętniki, t. 1, str. 170; речь Я. Даукиши опубликована в журнале «Przegląd Wileński», 1922 г., № 35—36).

1862 г. октября 10.— Донесение М. Н. Похвиснева П. А. Валуеву о распространении в Виленской губ. «Мужицкой правды»¹

Секретно

В последнее время в некоторых местностях вверенной мне губернии начали появляться между крестьянами в виде периодического издания неизвестно кем подбрасываемые печатные и рукописные экземпляры воззвания, писанного на белорусском простонародном наречии польскими литератами, под заглавием «Мужицкая правда». Главная цель этих воззваний состоит в том, чтобы мало-помалу восстановить простой народ против правительства и внушить поселянам мысль, что с личной свободой они приобрели право на землю и что теперь крестьяне не должны платить податей и нести рекрутской повинности.

Доводя о сем до сведения в. в. и препровождая копии 2 экз. «Мужицкой правды», имею честь присовокупить: а) что мною предписано земским исправникам иметь строжайшее наблюдение за появлением означенного воззвания и употребить все возможное старание к обнаружению распространителей оного; мировым же посредникам и сельским должностным лицам при разъездах моих по губернии лично поручено предостерегать крестьян, чтобы они не верили подмежным письмам, составляемым неблагонамеренными людьми с целью смущать их и завлекать в беспорядки, которые должны иметь для них же самих самые гибельные последствия, и что крестьяне всякое найденное или предъявленное им каким-либо сторонним лицом объявление обязаны тотчас представлять по начальству, и б) что крестьяне, сколько видно из получаемых мною донесений и сколько я мог убедиться лично при разъездах по волостям, нисколько не сочувствуют польской и социальной пропаганде, которая, несмотря на все свои усилия, не может рассчитывать в настоящее время на поддержку народных масс, признательных правительству за дарование им гражданских прав и за постоянные заботы его об улучшении материального их быта.

Гражданский губернатор Похвиснев

ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 31, лл. 232, 237. Подлинник

¹ «Мужицкую правду» и о ее распространении см. док. 43—53, 67, 135, 136, 240, 248, 249, 252, 256—259, 317, 318.

131

1862 г. ноября 20.— Донесение М. Н. Похвиснева В. И. Назимову о сопротивлении крестьян им. Руткевичи Виленского у. введению уставной грамоты

От 1 мая за № 2567¹ в. в. препроводили ко мне на зависящее распоряжение просьбу временнообязанных крестьян им. Руткевичи помещика Рыхлевича, в числе 22 домохозяев, жалующихся на неправильное увеличение следующих с них по уставной грамоте повинностей и о наказании их мировым посредником.

Впоследствии в губернское присутствие поступило представление от мирового посредника Брохоцкого об ослушании тех крестьян в исполнении повинностей и о безуспешности мер, принятых им в том случае при содействии земской полиции. Губернское присутствие по докладу настоящего дела поручило члену своему г. Умястовскому разобратить оное на месте, с убеждением при том крестьян в необходимости аккуратного исполнения следующих с них повинностей.

Вследствие сего г. Умястовский представил, что в им. Руткевичах уставная грамота составлена правильно и согласно с Положением, крестьяне же подвергнуты были чрез земскую полицию примерному исправительному наказанию за неисполнение по той грамоте повинностей, явное ослушание местным властям и за подстрекательство к тому соседних крестьян. Затем крестьяне исполняют повинности аккуратно и помещик на неисправность их не жалуется.

Об этом имею честь довести до сведения в. вп. во исполнение предложения за № 2567.

Гражданский губернатор Похвиснев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1862 г., д. 937, л. 2. Подлинник

¹ См. там же, л. 1.

132

1862 г. декабря 7.— Донесение и. о. виленского губернского жандармского штаб-офицера И. А. Шпейера А. М. Гильдебранту о съезде помещиков Виленской и Ковенской губ. в им. Мусники Виленского у.¹

Секретно

Дошло до сведения г. ген.-губернатора, что на 3-ье число сего декабря предположен был большой съезд помещиков Виленской и Ковенской губ. в им. Мусники, принадлежащем помещику Подберезскому, для совещания по разным политическим и общественным вопросам.

Е. вп. приказал мне немедленно отправиться с виленским земским исправником к Подберезскому и потребовать от него объяснение: с какой целью назначено у него собрание и из каких лиц состоит оное, и затем, буде в числе присутствующих окажутся вилкомирский уездный предводитель дворянства Конча, помещик Савицкий и мировые посредники Помарнацкий, Величко и сын хозяина дома Подберезский, то обязать их подпиской немедленно прибыть в Вильно и явиться [к] е. вп.

Прибыв ночью 4-го числа в имение Подберезского, мы застали там действительно большое собрание помещиков, из которых уже большая часть до нашего приезда разъехалась; на сделанный мной вопрос Подберезскому, с какой целью назначено у него собрание, объяснил мне, что 34 помещика, которым у сего приложен список², большей частью суть его родственники и приехали отпраздновать его день ангела, впрочем добавляя: «Кажется, еще правительство не запретило бывать друг у друга и даже разрешило мировые сходы крестьянам, то и мы собрались поговорить между собой кое о чем».

Взятая подписка от сына Подберезского о прибытии в гор. Вильно доставлена мной со списком помещиков, участвующих в сказанном собрании, г. ген.-губернатору. Вилкомирского уездного предводителя дворянства Конча, помещика Савицкого и Помарнацкого у Подберезского в съезде не было, Величко хотя был, но выехал из дер. Мусники до нашего туда прибытия.

О чем в. п., за отсутствием штаб-офицера, почтительнейше донести честь имею и доложить, что об этом мною сего числа за № 239 донесено и г. шефу жандармов.

За отсутствием штаб-офицера,
состоящий за адъютанта капитан Шпейер 1-й

ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 157, лл. 21—22. Отпуск

¹ О съездах помещиков в конце 1862 — начале 1863 г., носивших политический характер, см. прим. 3 к док. 134.

² «Список помещикам, участвовавшим в собрании в им. Мусниках у помещика Подберезского, содержит 32 фамилии (приводим их в том порядке, в каком они даны в списке): статский советник Кроковский, надворный советник Квятковский, помещики Гурчин, Тыминский, Килчевский, Монтевилл, Ясинский 1-й, Ясинский 2-й, Роммер Станислав, Сенькевич, Сенькевич Онуфрий, Мижневский, Кучевский, Александрович 1-й, Александрович 2-й («один из них отставной инженерный штабс-капитан»), Романович 1-й, Романович 2-й, Сеицкий 1-й, Сеицкий 2-й, Цихановский, кн. Витольд Гедройц, помещик Павловский, отставной штабс-капитан Говольд, помещики Жевуский, Яздовский, Желязовский, Анусевич, Городенский, Малевский, Белинский, Завадский, Болеслав Помарнацкий. Помимо того, на съезде присутствовали четыре ксендза, но фамилии их не указаны (ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 157, л. 22).

133

1863 г. января 8.—Донесение А. М. Лосева А. М. Гильдебранту о сопротивлении крестьян Якунского сельского общества Ошмянского у. введению уставной грамоты

Во время моего объезда Виленской губ.¹ я получил предложение гражданского губернатора отправиться Ошмянского у. в Якунское сельское общество, имение помещика Дмоховского, где крестьяне оказали полное послушание мировому посреднику при введении уставной грамоты, куда по распоряжению губернатора командирована была и рота солдат. Е. п. просил меня употребить все меры к разъяснению крестьянам их прав и обязанностей и затем привести их в должное повиновение установленным властям.

Приехав на место в означенное имение до прибытия еще командированной туда роты солдат, я распорядился о собрании в волостное правление всех хозяев-домовладельцев, которые это исполнили [и] тотчас же явились в назначенное место. Тогда я в присутствии мирового посредника, сделав им внушение, разъяснил все дарованные им государем императором права и обязанности, прочел несколько статей из Положения, относящихся до уставной грамоты. Крестьяне, выслушав все, видимо, с полным вниманием и покорностью, изъявили согласие на принятие уставной грамоты, что в то же время было исполнено посредником при мне и в присутствии помещика.

Видя явное повиновение и безусловную покорность крестьян и обещание их на будущее время в точности исполнять все обязанности, я распорядился, чтобы командированная рота солдат по прибытии сделала ночлег в этом имении [и] возвратилась бы обратно на свои квартиры.

О чем почтительнейше имею честь донести в. п. и доложить, что об этом мною донесено и г. шефу жандармов сего числа за № 8^а.

Подполковник Лосев

ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 178, л. 2. Отпуск

¹ О поездке А. М. Лосева по губернии см. док. 134.

^а Судя по надписи на отпуске, донесение В. А. Долгорукову послано за № 7, а А. М. Гильдебранту за № 8.

1863 г. января 8.— Записка А. М. Лосева о политическом положении в Виленской губ. и о мерах борьбы с освободительным движением¹

Положение Виленской губ. в политическом отношении самое грустное. Польская пропаганда, сосредоточившаяся прежде в кругу одного дворянства, с каждым часом распространяется и заражает и остальные все сословия. Польские паны открыто объявили вражду нашему правительству и продолжают ее с дерзким и, к несчастью, успешным усилением. Все агитаторы хорошо поняли, что без массы народа борьба их будет слишком ничтожна и опасна для собственных их голов; поэтому вся забота их направилась к привлечению на свою сторону простого народа, который, впрочем, еще до сих пор, можно так выразиться, находится в колеблющемся состоянии: народ еще преимущественно питает самое глубокое расположение к государю и от него надеется получить все блага для своей жизни, но подстрекаемый и сдвливаемый со всех сторон польскими пропагандистами, ксендзами и всей силой шляхты, он уже отчасти пошатнулся в привязанности к правительству, и если такой порядок дел продолжится, то через короткое время все народонаселение Виленской губ. ополчится и сделается явным врагом России. Поляки издревле не разбирали средств, лишь бы достигнуть цели — это принцип всей их жизни, прошедшей, настоящей и, верно, будущей; этот же иезуитский закон и в настоящее время во всех их действиях составляет краеугольный камень. Теперь нельзя сказать, кто в Виленской губ. главный руководитель враждебной правительству пропаганды и кто ее исполнитель: все поляки донельзя озлоблены и нахально стремятся нанести удар нашему правительству и всему русскому. Каждый из них по мере возможности отчаянно способствует этому.

Мне кажется, что такое направление, доходящее до болезни умопомешательства, — насильно раздражить неразвитую, не понимающую своей пользы массу народа, опаснее самого Центрального комитета, которого проповеди могут и не слушать, а здесь сеется и растет зло на самом деле.

Для противодействия такому вредному влиянию поляков оставалось одно средство: чтобы правительство сблизилось с народом и поддерживало бы в нем то благотворное, начинающее уже падать, сочувствие, которое крестьяне питают к государю императору. Только в одном этом случае все шляхетские затеи обратятся в ничто.

Но, к несчастью, правительственные органы, как все крестьянские учреждения, в этом решительно противодействуют. Законодательством 1861 г. об освобождении крестьян поляки под благовидным иезуитским прикрытием умели воспользоваться со всей свойственной им хитростью для осуществления своих замыслов. Крестьянское дело здесь ведется таким образом, что, если правительство не решится на положительные меры остановить польскую пропаганду, недолго придется ждать того, что крестьяне, уже и теперь по большей части находящиеся в нерешительности, поневоле преклонятся на сторону поляков, и тогда явное восстание и общее желание отделиться от России будет неминуемо.

Польские паны везде проповедуют, что еще прежде они сами хотели дать крестьянам свободу, подать руку хлопам на братскую жизнь, но что правительство им этого не позволяло, что дарованная государем императором крестьянам свобода ничего не стоит и что они и хотели бы помочь им, но не могут потому, что закон в этом случае ограждает их братские желания.

Для поддержания и развития этой мысли помещики избрали посредников, разумеется, людей более способных и потому как поляков более склонных к пропаганде, а сами с христианским смирением будто бы отстранили себя от всякого участия в интересах с крестьянами. Как только крестьянин не сочувствует воле помещика поляка, он тотчас отдается в руки правосудия посредника; тот сечет его, разъясняя, что он вынужден это делать в силу закона, который именно этого требует. Метод чисто иезуитский, но весьма удобный, чтобы сбить с толку простолюдина.

Волостные старшины решительно избраны без участия обществ по влиянию помещиков и посредников исключительно из тех лиц, которые вполне ополячились, католики и фанатики и способны помогать распространению пропаганды; даже в тех волостях, где большинство населения православное, все должности замещены католиками. Я сам встречал старшин, которые никогда не жили в среде крестьян, а были помещичьими официантами, музыкантами и пр.; конечно, такие лица вполне могут оправдать оказанное им доверие посредниками. Таким же образом определены и сельские писаря — все без изъятия отъявленные патриоты польской национальности. Между ними в Дисненском у. в имении помещика Тизенгаузена эту обязанность занимает б. польский эмигрант, который открыл и училище. Сельские-старосты почти все уже на стороне Польши. Конечно, при таком составе крестьянских учреждений трудно и невозможно ожидать пользы для осуществления благих преднамерений нашего правительства, а скорее они принесут один существенный вред. Успех поляков до того значителен, что даже на своих свадьбах крестьяне одеваются в польские костюмы, чепарки, и на одной из таких свадеб Ошмянского у. Вишневецкого общества по наущению тамошнего кс. Карабановича пели известный возмутительный национальный гимн.

Доля поляков теперь самая завидная; что бы они ни делали, хотя вопиющие безнравственные преступления, им все извиняется во имя отыскиваемой ими свободы и любви к родине, им все удается, сходит с рук; поэтому они и действуют везде с наглостью, будучи наперед уверены, что русское правительство из опасения уронить себя во мнении Европы, которую они наводняют доходящими до крайнего уродства вымышленными брошюрами и газетными статьями, не решится поступить с ними круто. Сильное сплочение всех поляков к одному стремлению, к одной цели дает им возможность посредством магнатов, которые тоже все пропагандисты, только осторожные, делать что хотят. Помещики нередко устраивают многочисленные съезды, где происходят совещания и составляются планы действий против правительства².

Чтобы оправдаться пред властями в своих сборищах, они не стыдятся бессовестно лгать, что все это делается для успокоения края и отвращения своей молодежи от демонстраций. Возможно ли верить на слово польским аристократам, что они не участвуют в настоящей

революции, революции пронырства, коварства и всей силы хитрости, которая опаснее всякой борьбы с оружием в руках.

Высшее дворянство есть главный двигатель, а остальной сброд: молодежь, ученики, канцелярские чиновники и все, кто только прильнет к ним, составляют их чернорабочих, которые готовы на всякую пакость, только с благословения ксендзов, в чем, разумеется, останки никогда не бывает.

Дворяне имеют большие связи в Петербурге. По своей ловкости они легко втираются в высший круг тамошнего общества, где, прикрываясь маской верноподданничества с хитростью, только им одним свойственной, интригуют, клеветают и подрывают доверие правительства к местным властям, действующим не по их вкусу, и тем усыпляют всякое внимание на проделки их в провинции.

Земская полиция составляется почти из поляков, на всю губернию только 4 исправника и 2 станowych пристава православные, почему на помощь полиции рассчитывать невозможно, притом полиция от крестьянских дел почти отстранена.

При таких условиях посредникам нет никакого труда управиться с изнуренными нравственно и физически дешевыми крестьянами, тем более при такой помощи, какую они имеют в лице ксендзов, на каждом шагу угрожающих простосердечным поселянам за нечаянно сказанное слово по-русски отлучением от костела и вечным адом.

О гражданских правах, дарованных крестьянам государем императором, никто им и не вспоминает; с крестьянами говорят все уездные власти только по-польски, а по-русски и слушать их не хотят. При всяком обнаружении крестьянами своих прав их стараются выставить бунтовщиками и секут их или же представляют об этом местным властям; тогда посылаются войска, которые и приводят крестьян к слепому повиновению посредникам.

При таком порядке крестьянину ничего не остается, как безусловно покориться воле польских видов; а тут помещик, вместо определенных по Положению 2 руб. сер. за сажень дров, велит отпустить даром, а ксендз при случае посулит ему рай, и, конечно, крестьянин должен из чувства самосохранения пасть пред сильным.

Мысль правительства устроить народные школы для обучения русскому языку и первоначальным необходимым наукам была прекрасна, и осуществление ее непременно принесло бы великую пользу для благотворного единства России. Дело это при живом сердечном усердии попечителя здешнего учебного округа пошло довольно хорошо, все крестьяне изъявили самое искреннее радужное желание учиться по-русски, вполне чувствуя милость к ним государя за дарованную свободу и потому, что местное белорусское наречие несравненно ближе к языку русскому, чем польскому, но поляки, почувствовав, что это удар в самое сердце всем их замыслам, употребили все свои силы к противодействию: ксендзы с кафедр разразились проклятиями на тех, чьи дети будут обучаться русской грамоте, и угрозами отрешить таких от исповеди и причащения. Старшины по внушению посредников распространили слух, что крестьян заставляют учиться по-русски для того, чтобы потом брать в солдаты. Конечно, подобные назидания не могли не действовать вредно и на такое безусловно человеческое дело. В то же время поляки устроили без разрешения начальства множество школ,

выписали из Варшавы десятками тысяч букварей польских и начали учить одному польскому языку, вручив эту обязанность, вероятно, еще помня гений иезуитов в народном образовании, ксендзам. Сверх того, поляки не оставили во все стороны пустить свои жалобы и ябеды на попечителя округа и всеми мерзостями, подбрасыванием подметных писем, помещением статей даже в русских журналах стали оскорблять человека, который виноват только в том, что глубоко предан своему правительству и любит Россию.

Когда местное начальство вздумало воспретить устройство самовольно открытых школ, то здешний епископ Красинский отнесся в официальной бумаге к начальнику губернии, что по каноническому праву духовенство обязано заботиться о просвещении народа и потему открытые подведомственными ему ксендзами школы он благословил и закрывать их никто не имеет права. Таким образом, и дело народного образования поляками парализовано: им овладевают ксендзы — иезуиты, которые, как доказано опытом, могут научить одному бессмысленному рабству и употребить силу массы как орудие для своих безнравственных замыслов.

Такие дерзкие противодействия поляков всем благим распоряжениям правительства, видимо, не могут уже быть укрощены теми снисходительными мерами, какими оно до сих пор руководствовалось. Всякая милость и снисхождение принимаются ими за робость и бессилие власти; после каждого к ним внимания они делаются только кичливее и дерзостнее. Ожидать ослабления пропаганды от времени уже невозможно. Время может только развить и усилить ее, а пропаганда неминуемо произведет важный беспорядок. По моему разумению, теперь еще не все утеряно — необходимо только противопоставить силу силе и зло вырвется с корнем. Средства для этого я полагал бы такие:

1. Устранить католическое духовенство от всякого влияния в деле народного образования, ибо оно ни по каким законам не имеет на это никакого права, кроме обязанности внушать догматы вероисповедания.

2. Употребить все меры к поддержанию и развитию в простом народе тех теплых чувств, которые он питает ныне к государю императору и России, для чего необходимо устранить все ухищрения поляков, старающихся исказить права гражданства, дарованные крестьянам; в случае надобности права эти распространить до равноправности крестьян с землевладельцами скорейшим выкупом их надела или другой какой мерой.

3. Мировых посредников, как главных виновников, изуродовавших все крестьянское дело из одной вражды к России, тотчас же упразднить и заменить их или правительственными чиновниками или же по выбору народа.

4. Крестьянским обществам возратить отнятое у них право самим избирать для себя всех должностных лиц, вместо насильно навязанных им посредниками, и от влияния на выборы панов совершенно устранить.

5. Ксендзов, известных уже своим отчаянным пропагандизмом, заменить другими.

6. Изыскать средство улучшить нравственное состояние земской полиции, заменив ее, сколько возможно, русскими чиновниками; только

в таком случае она будет иметь значение главной опоры правительства в здешней губернии, а при теперешнем положении земская полиция наша не имеет никакого значения и смысла. Не лишнее бы было внушить и русским чиновникам, что стремление снискать популярность, в особенности у поляков, и для этого скрывать раны своего отечества несообразно с благородным бескорыстием службы, и в то же время оградить их от всяких ябеднических происков поляков, предоставив последним одно только право обвинять их по суду,

и 7. И, наконец, отделить Царство Польское от западных губерний, восстановив границу по-прежнему. Этим прекратится беспрепятственное сообщение здешних поляков с варшавскими, и в Царство Польское не иначе разрешать им отпуска, как с заграничными паспортами и с полным правом совершенного туда выезда после продажи ими имущества. При упразднении границы Царства Польского, вероятно, имела в виду цель присоединения Польши к России, по последствиям же выходит, что Польша не только в сущности не присоединилась, а стремится отделить к себе и западные губернии, при таких обстоятельствах лучше предоставить Польшу самой себе, чем давать ей возможность мутить другие племена, вовсе не сочувствующие ее тенденциям.

Подполковник Лосев

ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 32, лл. 111—122. Подлинник

¹ Записка была составлена А. М. Лосевым после обследования, по заданию В. И. Наумова, Виленской губ. в конце 1862 — начале 1863 г.

² Различного рода съезды и совещания либеральной шляхты и помещиков Литвы и Белоруссии являлись выражением их оппозиционной деятельности по отношению к царскому правительству. В конце 1862 г. помещики обсуждали на съездах свое отношение к готовящемуся восстанию в плане подчинения его своим интересам. Такие съезды произошли в октябре 1862 г. в Вильно, 19 ноября 1862 г. у помещика Стравинского в им. Шукишки Троцкого у., 3 декабря 1862 г. состоялся съезд помещиков Виленской и Ковенской губ. у помещика Подберезского в им. Мусники Виленского у. (см. док. 132 и ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 157, лл. 17, 19, 20).

135

1863 г. февраля 2.— Рапорт дисненского земского исправника К. И. Флиорковского М. Н. Похвисневу о распространении «Мужицкой правды» среди крестьян Дисненского и Вилейского у.

В последних числах истекшего января месяца находясь в гор. Дисне для наблюдения и учинения зависящих распоряжений о безотлагательной и бездомочной поставке рекрут, следуемых с вверенного мне уезда, узнав 28 января утром от явившихся ко мне волостных старшин Козловской и Верхнянской вол. временнообязанных крестьян, прибывших для поставки рекрут, что в нескольких деревнях названных волостей появились печатные экземпляры возмутительного воззвания, возбуждающие крестьян к отступлению от православной веры и противу правительства, а вслед за сим, получив предписание в. п. от

26 января за № 197¹ по сему предмету чрез присланного нарочного жандарма, тотчас отправился в указанные места.

По произведенному мной тщательному дознанию оказалось, что с 22-го на 23-ье число января ночью неизвестно кем прибиты были маленькими гвоздями к домам и другим строениям сельских обывателей крестьян, а также на столбах у ворот в нижепоказанных местностях, расположенных на самой границе между Дисненским и Вилейским у., печатные листки воззвания предосудительного содержания в двух частях за № 5 и 6 под заглавием «Мужичья правда», именно: Верхнянской вол. в м. Верхне у крестьянина Ивана Крамича на стене скотского сарая от улицы по большой дороге с им. Козловск в м. Глубокое и по проселочной дороге в дер. Верещейках 2 листка при воротах; Козловской вол. в м. Осиногородке 1 на столбе у ворот при въезде по дороге с Вилейского у. и 2 листка при жилом доме крестьянина Захария Саковича; и в дер. Ласицах 2 листка на воротах при въезде от названного м[естеч]ка возле дома крестьянина Федора Цырука — всего затем найдено 9 листов. Из них 3, найденные в м. Осиногородке, переданы местному священнику Шерубовичу, который, как лично мне объявил, представил таковые по своему начальству; 4, найденные в м. Верхне и дер. Ласицах, представлены верхнянским и козловским волостными старшинами к мировому посреднику Гребницкому, а им лично мне переданы при производимом мною о сем дознании, и два последние забраны тысяцким того округа и отосланы 26 января к местному приставу 2-го стана Рацборскому, который представил ко мне таковые при рапорте от 31 января за № 139.

На другой день, т. е. 23 января утром, крестьяне-домохозяева и их мальчишки поименованных местечек и деревень, заметив прибитые к их домам, на воротах и столбах какие-то листки, оторвали оные из любопытства; некоторые из них, хотя малограмотные, читали, но коль скоро узнали, что в этих воззваниях заключается, и на словах объяснили другим крестьянам, то все они подняли ропот и нареkanie на помещиков, что не кто другой, как они, принимают участие в разбрасывании подобных писем и действуют всемерно к возмущению их противу правительства за то, что они потеряли такую власть, какую имели прежде над ними до освобождения их из крепостного звания; не верят и не полагаются они вовсе на их благодеяние и не увлекутся никакими обманчивыми воззваниями, напротив того, твердо понимают, что освобождение из бывшей тягостной жизни и улучшение настоящего их быта последовало по воле все милостивейшего государя императора, который беспрерывно печется о благосостоянии их, и потому всегда они пребывают с живейшей готовностью исполнять все распоряжения правительства и подавать во всем помощь к искоренению злоумышленников и подавлению беспорядков. Многие крестьяне той окрестности, узнавшие из распространенных слухов о появившихся возмутительных воззваниях, повторяли то же самое и передо мною, с тем, что если бы они были предупреждены о разбрасывании таких писем, постарались бы захватить преступников и отдать в руки правительства, наперед же будут более предосторожными и приложат все старания к задержанию злонамеренных и подозрительных лиц на случай их появления.

Исполняя в точности вышеприведенное предписание в. п. и желая искренно с своей стороны открыть виновных в разбрасывании этих возмутительных листов, я лично и посредством приглашенного известного мне благонадежного, опытного и расторопного еврея, коему предложил за то значительную денежную награду, принимал все возможные меры и следил самым секретнейшим образом даже за пределами моего ведомства на 40 верст по Вилейскому у., но никаким способом сткрыть не мог, а только почерпнул достоверные сведения, что самое значительное количество таких же листов разбросано по дорогам, деревням и корчмам Вилейского у. в разных обществах, а в особенности Ножицкой вол., которые собраны тамошними крестьянами и переданы местным православным священникам.

В м. Осиногородке вверенного мне уезда я узнал от одной крестьянской девки, Антонины Киреиовны, что в ту ночь, когда прибиты были там означенные листки, она долго не спала и сидела возле окошка, в то время погода была ясная и ночь светла от луны, между тем около полуночи заметила, что проехали очень шибко по той улице, где она живет, в повозке на одной лошади большого росту два каких-то неизвестных человека^а, одеты были они: из них один — в бурносе серого сукна, а другой — в черном платье, после чего вскоре повернули назад и направились на другую улицу около корчмы по дороге в дер. Ласицы, а местный дьячок, проживающий насупротив корчмы, который в то время еще не спал, услышав, что кто-то шибко едет, взглянул чрез окошко и увидел, что те же самые два человека проехали около корчмы и останавливались на весьма короткое время возле дома крестьянина Саковича; что они там делали, не заметил, а только на другой день нашли прибитые на стене того дома два печатных листка. По всему тому следует полагать, что те люди были с Вилейского у. и, разбрасывая главные в том уезде возмутительные воззвания, проникнули в здешний уезд и успели едва в нескольких указанных местностях, расположенных по самой границе уезда, на пространстве не более 7 верст, разбросить таковые листки и сами возвратиться в те места, откуда они были.

О чем в. п. с представлением 6 печатных листов² спешу покорнейше донести по эстафете и доложить, что в других местах вверенного мне уезда таких листов досель разбрасываемо не было, и никто об них не знает, равно, что, независимо данных мною строгих предписаний подведомственным становым приставам о принятии самодетельнейших [мер] к задержанию и доставлению ко мне всех бродяг, беспаспортных и подозрительных людей, ныне при проезде моем из гор. Дисны в местечки Верхне и Осиногородок строжайше внушил волостным старшинам, сельским старостам и полицейским служителям, дабы они усилили бдительнейший надзор и в случае появления в их ведомствах подобных людей задерживали и отправляли их ко мне установленным порядком под личную их за противное тому ответственностью, и что медленность в донесении о появившихся возмутительных воззваниях произошла главнее от того, что местные полицейские служители, сотские и десятские, мимо неоднократных моих внушений, чтобы о всех событиях, случающихся в их ведомствах, тотчас доносили по началь-

^а В тексте двух каких-то неизвестных человек.

ству, не донесли о сем, полагаясь на том, что таковые листки переданы священнику Осингородской церкви и волостным старшинам, а пристав Рацыборский, как видно из его объяснения, находился в то время по делам службы в противоположной стороне за 84 версты от тех мест, где они были разбросаны.

Земский исправник Флиорковский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 438, оп. 1, д. 18, лл. 1—5. Подлинник

¹ Документа в деле не имеется.

² К рапорту приложена «Мужицкая правда» № 4, 5, 6 (там же, лл. 6—11).

136

1863 г. февраля не позднее 9¹. — Рапорт председателя Виленской следственной комиссии А. С. Павлова В. И. Назимову о распространении «Мужицкой правды» среди крестьян Свенцянского у.²

Г. начальник Виленской губ. при отзыве своем от 30 января за № 227³ препроводил в сию комиссию за зависящее распоряжение следственное дело о распространении в Свенцянском у. некоторыми лицами возмутительного содержания листов под заглавием «Мужицкая правда»⁴, произведенное свенцянским исправником при офицере корпуса жандармов.

Из вышеизложенного исследования, дополненного в следственной комиссии, открывается следующее:

1. Крестьянин дер. Иодовцев Варфоломей Мартинов Казура, получивший для прочтения от старшины Андрея Буйки 2 листка «Мужицкой правды», объявил о содержании их стрелкам 2-й роты Невского пехотного полка Якову Ренштейну и Никите Астафьеву, которые, отобрав без бытности Буйки в доме у него означенные листки, представили их по начальству к своему ротному командиру.

2. Староста Андрей Иосифов Буйко, 34 лет, чистосердечно сознался, что означенные 2 листка «Мужицкой правды» получил недели две до рождества Христова в мызе Королиново от эконома Матвея Петровского, который приказывал ему передавать эти крестьянские басни для прочтения по деревням, что он, как неграмотный, показывал эти листки крестьянину Цешуце, который по малограмотности ничего не понял, другой же крестьянин, Казура, узнав по прочтении содержание, объявил о том солдатам; что Петровский после этого строжайше приказывал ему не открыв[ать], что листки эти получил от него, причем Буйко добавил, что не доносил об этих листках, потому что не знал их содержания и был занят болезнью и погребением 2 детей, а потом сдачею 4 рекрут.

3. Эконом им. Королиново дворянин Матвей Игнатьев Петровский, 38 лет, на первоначальном допросе решительно ни в чем не сознавшийся, по указанию на него другого эконома, Томашевича, пояснил: что действительно 4 листка «Мужицкой правды» получил от секретаря мирового посредника Тибурация Ходзько в последних числах

ноября в мызе Сулистровского Вишневе, из которых два по прочтении дал старосте Буйке, но передавать другим крестьянам не приказывал, другие 2 листка взяты у него экономом Томашевичем; что по открытии у Буйки этих листков, действительно, просил его не говорить, что получил от него, запирался на первоначальном допросе, потому что боялся показывать на письмоводителя посредника Ходзько, которого по неимению свидетелей не мог обвинить в случае его отказа, что повторил и на очной ставке с Ходзько.

4. Эконом им. Ленцовщины дворянин Феликс Томашев Томашевич, 35 лет, показал, что в последних числах декабря, будучи проездом в фольв. Королиново, получил от эконома Петровского 2 листка «Мужицкой правды» для прочтения, с тем чтобы после отдать их ему назад; причем Петровский ему объявил, что достал их от Ходзько. Возвратившись домой, по просьбе крестьянина Шукеля дать ему что-нибудь почитать дал ему эти 2 листка; после же, узнавши, что солдаты в дер. Иодовцах представили по начальству подобные листки, и подозревая в них что-нибудь преступное, отобрал от Шукеля те листки и тотчас же сжег их, причем Томашевич добавил, что сам этих листков не читал и Петровский давать их крестьянам не приказывал.

5. Письмоводитель мирового посредника дворянин Тибурий Иванов Ходзько, 25 лет, решительно ни в чем не сознался, присовокупив, что Петровского видел не более двух раз и совершенно его не знает, что к чему было давать незнакомому лицу листки, когда он мог бы это сделать просто, имея сношения по званию письмоводителя с старшинами, старостами и мужиками. На очной ставке с Петровским объявил ему, что тот показывает на него потому, чтобы самому избежать ответственности. При обыске, произведенном в квартире Ходзько, ничего по настоящему предмету подозрительного не найдено, только приложена к делу взятая у него копия с адреса московских дворян, будто бы поданного государю императору, насчет составления конституции для России и Польши и о пр., о которой он пояснил, что получил ее не помнит от кого и имел ее без всякой цели.

О всем вышеизложенном следственная комиссия имеет честь почтительнейше представить в. вп. на благоусмотрение, с препровождением подлинного производства⁵.

Председатель: подполковник Павлов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1. д. 1, лл. 7—9. Подлинник

¹ На рапорте имеется отметка: «...февраля 1863 г.» Уточнено по дате приговора военного суда при Виленском ординанс-гаузе (см. там же, л. 61).

² О распространении «Мужицкой правды» в Виленской губ. см. также док. 130, 135.

³ Документа в деле не имеется.

⁴ Из приложенных к делу экземпляров видно, что были распространены № 1 и 2 «Мужицкой правды» (там же, лл. 20—21).

⁵ Военный суд при Виленском ординанс-гаузе приговорил Ф. Томашевича и М. Петровского к ссылке в каторжную работу на заводах, первого на четыре года, а последнего на шесть лет. Т. Ходзько, вина которого не была доказана, было решено подвергнуть аресту на три месяца и потом выслать в Вятскую губ. (там же, л. 61). О расправе царских властей над Томашевичем и Петровским сообщил «Колокол» (л. 162 от 1 мая 1863 г.).

137

1861 г. января 20.— Отношение В. А. Долгорукова В. И. Назимову о массовом приобретении крестьянами Ковенской губ. оружия за границей

Консул наш в Мемеле доносит Министерству иностранных дел, что, по собранным им под рукою сведениям, крестьяне Ковенской губ. с некоторого времени скупают все находящееся в мемельских магазинах оружие и делают, кроме того, значительные заказы оного. Консул Трентовиус доносит при этом, что закупка оружия производится в обширном размере и в Тильзите и что он отправляется туда, дабы собрать на месте по сему предмету подробные сведения, о которых он не преминет сообщить Министерству¹.

О таковом донесении, переданном мне г. т. с. Толстым, считаю долгом уведомить в. вп.

Ген.-адъютант кн. Долгоруков

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1860 г., д. 35, л. 16. Подлинник

¹ В связи с этим сообщением В. И. Назимов потребовал от ковенского губернатора С. Ф. Хоминского, чтобы он предписал исправникам пограничных Россиенского и Тельшевского уездов воспрепятствовать тайному ввозу оружия (там же, л. 30). О фактах привоза оружия и пороха из-за границы см. там же, 1862 г., д. 23, лл. 1—2, 3, 5—7.

138

1861 г. марта 13.— Донесение ковенского губернского жандармского штаб-офицера И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову о панихиде в Ковно по убитым в Варшаве 15(27) февраля и о неблагонадежности уездного предводителя дворянства Л. Жилинского

Вследствие распространившихся слухов, что во всех местах Царства Польского, в некоторых местах за границей и в гор. Вильно были совершены в католических костелах панихиды по убитым в Варшаве 15 минувшего февраля, многие из здешних поляков пожелали отслужить панихиду и в Ковне. Начальник губернии, узнав об этом частным

образом и считая подобную манифестацию неприличной в здешнем крае, старался нравственным влиянием отклонить исполнение этого намерения. Но несмотря на то, 9 числа текущего месяца, когда в католической церкви совершалась похоронная служба по одному умершем чиновнике, внезапно собралось туда весьма много народа, и по окончании похоронной службы по умершем была отслужена панихида по лицам, убитым в Варшаве 15 февраля. Панихиде этой, однако, не было придано никакой официальности и даже в костельной книге она помечена не за лиц, убитых в Варшаве, а за совершенно постороннее лицо. После панихиды проживающая в Ковне вдова помещица Юрьевич и племянница ее, без разрешения местного начальства, собирали в костеле деньги в пользу семейств тех же убитых.

При совершении панихиды присутствовали наиболее чиновники ковенских присутственных мест польского происхождения, имея в главе своей ковенского уездного предводителя дворянства, отставного подполковника корпуса путей сообщения Жилинского, который и был главным руководителем к устройству панихиды. Дворян приезжих собственно для этой цели вовсе не было. За несколько дней перед тем Жилинский и некоторые другие просили тельшевского римско-католического епископа Волончевского, случайно находившегося в Ковне, чтобы он лично отслужил панихиду, но Волончевский, по влиянию губернатора, отказался и, не желая мешаться в это дело, уехал внезапно в свое постоянное местопребывание, в м. Ворни. Ковенский губернский предводитель дворянства и многие высшие чиновники польского происхождения уклонились тоже от присутствования при панихиде под разными предлогами. Некоторые из них гласно не одобряют поступков Жилинского, отзываясь, что он легко может навлечь на здешний край недоверие правительства. Жилинский, при всех своих достоинствах дельного предводителя, действительно в последнее время показал себя самым ревностным польским патриотом. Он самонадеянно является в главе всех патриотических манифестаций и открыто стремится к распространению в здешнем крае польской национальности. Такие поступки его, как предводителя дворянства и лица официально, оказывают весьма вредное влияние на поляков, проживающих в Ковне, и на мелких чиновников и осмеливают их проявлять надежды и желания, противные настоящему порядку вещей. Благомыслящие люди польского происхождения тем более негодуют на Жилинского, что при подобных обстоятельствах положение их делается весьма затруднительным и им остается или присоединиться к общему стремлению или подвергнуться осмеянию и преследованию публичного мнения. Поведение Жилинского обратило на себя внимание и начальника губернии, который делал ему замечания, но безуспешно.

Из числа собранных в костеле денег 500 руб. сер. отправлены Жилинским по почте 10 марта в Варшаву, в редакцию варшавской ежедневной газеты¹, для передачи по назначению.

В прочих местах Ковенской губ. состояние умов спокойно, и панихид за убитых в Варшаве нигде до сих пор совершаемо не было.

Полковник Скворцов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 3, лл. 5—6 об. Подлинник

¹ «Gazeta codzienna».

1861 г. марта 16.—Рапорт ковенского губернатора С. Ф. Хоминского В. И. Назимову об отказе выполнять повинности и сопротивлении властям крестьян им. Одахово Россиенского у.

Россиенский земский исправник донес мне от 9 сего марта, что дело об одаховских крестьянах после первого донесения его приняло более усложненное и затруднительное положение. Крестьяне Левицкий и Ачас, оставаясь доньше на свободе, успели воспользоваться влиянием своим на умы некоторых советчинных крестьян к отклонению от повиновения помещичьей власти. Дерзость их в особенности возросла после бытности предводителя дворянства в им. Одахове и промедлившегося распоряжения о назначении военного поста, по случаю выступления в поход гусарского полка. Левицкий превратными толками убедил уже почти большую половину крестьян в том, что полиция не вправе принять в отношении их никаких принудительных мер и что все увещания приезжавших к ним чиновников есть пустая выдумка и фарса по проискам помещика Хлевинского и что, наконец, предполагаемый военный постой в их деревне есть пустейшая угроза, потому, во-первых, что в уезде нет уже вовсе гусар, а во-вторых, что если бы и были, то таковых полиция не имеет права ставить к ним, а придет разве на экзекуцию переодетых за гусар жидов. Смелость свою одаховские крестьяне осмелились простереть до того, что 5 сего марта, когда скавдвильский пятисотский Велович задержал Левицкого в Скавдвильях для предания тюремному заключению, то случившаяся тут же толпа одаховских крестьян, которых прежде не было видно, отбила Левицкого и увела домой, причинив пятисотскому побои. Левицкий, как по дознанию оказалось, окружил себя партией своих приверженцев, без сопровождения которых сам один никуда из дому не выходит. При таком положении дела, предполагая, что назначение обыкновенного поста в виде меры для приведения в повиновение одаховских крестьян может оказаться недостаточным, земский исправник просит разрешить ему поставить означенный военный постой в виде экзекуции и позволить ему, исправнику, в случае нужды употребить военную силу как для наказания виновных в отбитии Левицкого, так и для прекращения могущих случиться беспорядков.

Рассмотрев означенное донесение исправника, я нахожу, что при арестовании Левицкого не соблюдена указанная мною в предписании исправнику предосторожность и что в донесении этом не указано никаких случаев оказанного крестьянами неповиновения собственно дворовой власти или уклонения их от исполнения инвентарных повинностей после бытности в Одахове земского исправника и уездного предводителя дворянства.

Вследствие сего полагая, что обнародование всемилостивейшего манифеста о даровании крепостным крестьянам прав свободных сельских обывателей должно успокоить одаховских крестьян насчет их будущности, определенной с надлежащей ясностью новыми Положениями¹, и что затем, при настоящих обстоятельствах, без крайней необходимости, вызываемой явным ослушанием, употребление военной силы лишь для

успокоения умов одаховских крестьян представляется излишним; при том же, имея в виду, что прибытие в м. Скавдвилли и Одахово эскадрона лейб-драгунского Псковского ее величества полка и занятие постоем деревень сего последнего имения будет иметь хорошее влияние на умы одаховских крестьян, я предписал российскому земскому исправнику, совместно с находящимся в гор. Россиенах чиновником особых поручений Сонгайлой, предварительно без огласки удостовериться о теперешнем поведении крестьян им. Одахова, и если окажется, что они действительно волнуются и уклоняются от исполнения следующих в пользу владельца повинностей, то принять меры к возвращению неповинующихся к долгу посредством внушений, объяснений и увещаний; когда же, несмотря на меры кроткого вразумления, крестьяне сии будут упорствовать в своем заблуждении и неповиновении, то поставить квартирующих у них нижних чинов на экзекуцию и употребить военную силу как для прекращения беспорядков и арестования Левицкого и Ачаса, так и для наказания виновных в отбитии Левицкого административным образом розгами от 25 до 40 ударов. Причем я поручил чиновнику Сонгайле и исправнику Семененко прибегать к такой мере с крайней осмотрительностью, в таком только разе, если, кроме отбития Левицкого, крестьяне вышли из повиновения дворовой власти и начальству, в противном же случае, ограничившись мерами кроткого вразумления и не входя в окончательное разбирательство предмета об отбитии Левицкого, доставить мне именной список виновных в том крестьян для зависящих с моей стороны распоряжений и приостановиться с арестованием Левицкого и Ачаса до особого приказания. О чем имею честь донести в. вп. в дополнение рапорта моего от 27 истекшего февраля за № 1888².

Ген.-майор Хоминский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 428, лл. 47—48. Подлинник

¹ Манифест об отмене крепостного права был прочитан в Ковно 8 марта 1861 г., а в уездах чтение его продолжалось до 12 марта (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 4 эксп., 1861 г., д. 210, лл. 1—2). В некоторых имениях чтение его было отложено до получения манифеста и местного положения в переводе нт литовский яз. Об объявлении манифеста см. донесения виленского и ковенского губернаторов (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, 1861 г., д. 991, лл. 78—79, 87 и др.). Как показали дальнейшие события, надежды на то, что после обнародования манифеста волнения утихнут, не оправдались.

² В этом рапорте С. Ф. Хоминский сообщает В. И. Назимову о жалобе владельца им. Одахова Хлевинского на то, что крестьяне уклоняются от уплаты податей и ссыпки хлеба в сельский запасной магазин. Кроме того, сообщается, что крестьяне Юрий Левицкий и Изидор Ачас подали царю жалобу на помещика и убеждают крестьян сопротивляться властям (там же, оп. 121, д. 428, лл. 43—46).

27 апреля 1861 г. ковенский губернатор доложил об усмирении крестьян им. Одахова, отмечая, что ввиду недействительности «кротких мер» пришлось прибегнуть к экзекуции и аресту крестьян неповинующихся деревень. После наказания розгами арестованных, а также батраков, участвовавших в отбитии из-под ареста крестьянского вожака Левицкого, волнение было подавлено (см. там же, лл. 137—138).

1861 г. марта 22.—Донесение С. Ф. Хоминского В. И. Назимову о результатах расследования дела об отказе крестьян им. Лабгиры Россиенского у. подчиняться властям

Россиенский земский исправник и чиновник особых при мне поручений Сонгайло донесли мне от 20 сего марта¹, что по донесению местного станового пристава об ослушании лабгирских крестьян, которые числом до 240 хозяев отложились от повиновения помещице Кайсаровой и решительно отказались от исполнения следующей по инвентарю барщины², они, земский исправник и чиновник Сонгайло, прибыв в им. Лабгиры, созвали неповинующихся крестьян-хозяев и, объявив им о высочайшей государя императора воле, при бытности и содействии местного ксендза употребили все возможные убеждения и увещания к уразумлению их, но безуспешно. Крестьяне-хозяева наотрез объявили, что на барщину не пойдут, что они, как получившие свободу, считают себя вправе располагать собою по своей воле, что они с лихвой отработали уже барщину в прошедших годах во время крепостной зависимости, что они слышат и разумеют прочитанные им манифест и Положение, но не верят, потому что все, не исключая ксендзов и епископа, подкуплены помещиками, что знают, какое за сопротивление ожидает их наказание, но что ни из пощады к себе, ни из любви к своим женам и детям не переменят своей решимости и что, наконец, предлагаемые им облегчения так ничтожны, что не стоит, чтобы закабаливать себя хотя бы на два года. Инвентарное положение для им. Лабгир было прочитано собранным хозяевам. Таковое озлобление и упрямство значительной волости, как Лабгирская, требует немедленного и примерного наказания тем более, что все окрестные крестьяне имеют обращенный взор на лабгирских хозяев и приготовлены заявить подобные же притязания. Лабгирские крестьяне покусились даже возмутительно действовать на своих сократенных отдаленнейших фольварков своей помещицы, которые до сего времени были послушными; они насильно прогнали с работ высланных для сплава леса работников фольварков Манкуны и Промедзиево, находящихся от Лабгир в 28 верстах. В заключение исправник Семененко и чиновник Сонгайло присовокупляют, что за истощением без успеха всех способов к образумлению лабгирских крестьян-хозяев для обращения на путь долга и обязанности, от которых они отложились не по простоте или заблуждению, а вследствие нетерпимого законом явного упорства, осталось последнее средство — употребить противу них военную силу.

Донося о сем в. вп. в дополнение рапорта моего от 21 сего марта за № 2679³, обязанностью считаю доложить, что для принятия мер для прекращения обнаружившихся в им. Лабгирах беспорядков и обращения неповинующихся крестьян к долгу отправился в означенное имение г. флигель-адъютант полковник Манзей совместно с ковенским губерньским жандармским штаб-офицером⁴.

Ген.-майор Хоминский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 4—5. Подлинник

¹ См. ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 13990, л. 11.

² Крестьянские волнения, вспыхнувшие в ответ на грабительскую реформу 19 февраля, царские чиновники часто объясняли «непониманием» крестьянами Положений.

В донесении С. Ф. Хоминского В. И. Назимову от 21 марта 1861 г. отмечалось: «После объявления всемилостивейшего манифеста о даровании крепостным людям прав свободных сельских обывателей крестьяне имения... Лабиры Россиенского у., не поняв достаточно предоставленных им новых прав и преимуществ, стали волноваться и уклоняться от исполнения инвентарных повинностей». В том же документе говорится, что крестьяне им. Кепалы и Иордайце помещика Комара в Шавельском у. после объявления манифеста «по случаю неточного понимания ими новых правил, уклоняются от исполнения инвентарных повинностей» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 2—3, 20). Об этих событиях см. также ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 4 экзп., 1861 г., д. 210, лл. 1—3, 6—7.

О начале крестьянских волнений в Ковенской губ. после объявления манифеста см. донесение флигель-адъютанта К. Н. Манзеля Александру II от 20 марта 1861 г. («Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права». М.—Л., 1949, стр. 99). Волнения крестьян из Россиенского и Шавельского у. перешли и в Ковенский у., охватив им. Парово помещика Пржеденского, Элеонорово — Пусловского и др., где для умирения крестьян пришлось применять военную силу (ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 13992, лл. 51—53). О волнениях в Новоалександровском у. см. док. 142.

По данным С. А. Лазутки, крестьянские волнения в ответ на грабительские условия реформы в марте-апреле 1861 г. произошли в 34—35 имениях Ковенской губ. «Главными центрами крестьянских выступлений явились Россиенский и пограничные имения Ковенского у., а также Новоалександровский у.» (С. А. Лазутка. Революционная ситуация в Литве 1859—1862 гг., М., 1961, стр. 111).

³ См. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 2—3.

⁴ В донесении ковенского губернатора от 6 апреля за № 3486 сообщается, что крестьяне им. Лабиры приведены в повиновение, крестьянские вожаки наказаны розгами и вытребованный кавалерийский эскадрон оставлен в имении до совершенного успокоения крестьян. Прекратились волнения и в соседних им. Гаври и Анелино помещиков Шемиотов, Друтовички — Комара и Габичишки — Гедговда, где крестьяне волновались по примеру лабирских крестьян. Так как одним из поводов волнения крестьян им. Лабиры было недовольство управляющим Казакевичем, то властям пришлось распорядиться о его удалении. С помещицы была взята подписка о введении строгой отчетности в отбывании крестьянами повинностей по инвентарю (см. там же, лл. 18—19).

141

1861 г. марта 22.— Уведомление управляющего Ковенской палатой государственных имуществ В. Бегичева С. Ф. Хоминскому о волнении крестьян состоящего в аренде казенного им. Замок Россиенского у.

Согласно предписанию е. п. г-на товарища министра государственных имуществ от 27 сентября 1858 г. за № 12529, состоящее в Россиенском у. им. Замок, в котором по последней ревизии считается 183 мужеского пола душ, отдано в содержание с 12 апреля 1859 г. приторговавшему оное дворянину Федору Рымкевичу, из платежа дохода по 2900 руб. сер. в год, впредь до окончательного решения эксдивизорского дела¹ об этом имении в высших судебных инстанциях или до признания со стороны Министерства государственных имуществ нужным (если имение будет окончательно обращено в казну) перевести крестьян на оброчное положение или определить другой порядок управления.

Вскоре после передачи означенного имения дворянину Рымкевичу крестьяне стали входить на него с жалобами за разные со стороны его притеснения, и взаимно Рымкевич приносил палате жалобы на уклончивость крестьян от аккуратного исполнения возложенных на них по контракту в пользу дворового управления повинностей. Жалоб-

бы Рымкевича подтвердились местным дознанием, напротив, причиной жалоб крестьян было желание их перейти на оброчное положение.

Ныне чиновник особых поручений для наблюдения за порядком в сельских обществах Россиенского у. Адамович 15 сего марта за № 75 донес палате, что крестьяне им. Замок на другой день после объявления всемилостивейшего манифеста об отмене крепостной зависимости помещичьих крестьян, т. е. 13 сего марта, решительно отказались от исполнения барщинных повинностей, и внушения его, Адамовича, об удовлетворении законным требованиям в этом отношении дворового управления, основанным на заключенном с дворянином Рымкевичем контракте, оставлены ими без всякого внимания. Такое же донесение получено палатой и от Скирстымонского сельского управления 13 сего марта за № 85.

Принимая в уважение, что с воспоследованием всемилостивейшего манифеста 19 февраля 1861 г. об изъятии крестьян из крепостной зависимости и об устройстве их быта крестьяне им. Замок наравне с другими поместными имениями могут в настоящее время беспрепятственно быть переведенными из барщинного на оброчное положение, на приведение чего в исполнение не может быть препятствия и со стороны арендного владельца им. Замок, потому что, на основании заключенного с ним контракта, с определением другого порядка управления имением прекращается срок его арендного содержания, палата государственных имуществ представила о том вместе с сим на усмотрение Второго департамента.

Доводя о том до сведения в. п., палата имеет честь просить содействия вашего насчет склонения крестьян им. Замок к должному повиновению дворовому управлению и исполнению следуемой от них арендному владельцу, по заключенному с ним контракту, барщины, впредь до получения разрешения Министерства по настоящему представлению палаты.

Причем палата имеет честь представить на уважение в. п. и подлинное прошение арендатора Рымкевича².

Управляющий палатой В. Бегичев

ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 13992, лл. 3—4. Подлинник

¹ Эксдизиторское дело — дело о разделении имущества несостоятельных должников между кредиторами, которым предоставлялось право владения имением, но не право собственности на него.

² См. там же, лл. 5—6. О прекращении волнения см. там же, лл. 51—53.

142

1861 г. марта 24.— Донесение С. Ф. Хоминского В. И. Назимову об отказе крестьян им. Гуры Новоалександровского у. исполнять инвентарные повинности

Новоалександровский земский исправник представил ко мне заключенный им совместно с новоалександровским уездным предводителем дворянства и чиновником особых при мне поручений Рубажевичем акт.

из коего видно, что вследствие поступившего к земскому исправнику 16 сего марта донесения от дворового управления им. Гур помещика Энгельгардта о том, что временнообязанные крестьяне равно с обнародованием высочайшего манифеста отказались от исполнения инвентарных повинностей, предводитель дворянства, исправник и чиновник Рубажевич, по взаимному совещанию, прибыли 17 марта в им. Гуры, где удостоверились, что в этом имении прежде крепостные, а ныне временнообязанные, крестьяне с обнародованием высочайшего манифеста, и именно с 13 марта, отказались от исполнения назначенных по инвентарю повинностей под предлогом, что, получив свободу, они не обязаны нести таковых повинностей в пользу помещика, но по сделанному им внушению изъявили повиновение сохранить прежний порядок и до введения нового устройства обязались исполнять повинности, определенные для переходного их состояния. Только двое из них, именно Михаил Дубак и Михаил Драбат, с дерзостью домогаясь нового устройства и положения и не вникая во внушения, остались при своем упорстве. Как по дознанию оказалось, что названные Дубак и Драбат по обнародовании высочайшего манифеста неосновательными толками и рассуждениями увлекли и прочих односельцев к ослушанию дворовой власти и, ожидая на дороге с дубинами в руках, останавливали каждого, кто по-прежнему отправлялся во двор на барщину, то они, предводитель, исправник и чиновник, подвергнув Дубака и Драбата аресту, отослали их в Новоалександровскую тюрьму, полагая выдержать их в тюрьме целый месяц и, по наказании при земском суде по 30 ударов розог, водворить на место жительства, о чем и представить на мое согласие и разрешение.

Усматривая из акта, что предлагаемая мера безотложного наказания временнообязанных крестьян Дубака и Драбата за дерзость, ослушание и подстрекательство к тому других признается по ближайшим местным соображениям необходимой для пресечения дурного примера, я изъявил согласие на приведение этой меры в исполнение, предписав новоалександровскому земскому исправнику крестьян Дубака и Драбата по выдержании под стражей чрез месяц и наказании при земском суде водворить на место жительства, со строгим внушением, чтобы они не осмеливались подстрекать своих односельцев и пользовались дарованными правами не иначе как порядком, указанным в манифесте и Положении. О чем имею честь донести в. вп.¹

Ген.-майор Хоминский

ЦГАИ Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 6—7. Подлинник

¹ Волнения крестьян распространились и на соседние имения Новоалександровского у. 29 марта С. Ф. Хоминский доносил, что в им. Мейшты помещика Мейштовича крестьяне, «несмотря на увещания и внушения станового пристава, отказались от исполнения инвентарных повинностей, этакываясь с азартом, что не пойдут более барщины как по 2 дня мужских и столько же женских в неделю и что новое Положение объясняется им ложно. По примеру этих крестьян, в соседних волостях помещиков Беганского, Зандера, Минейки, Бобровского и Сальмановича временнообязанные крестьяне начали волноваться и оказывать неповиновение» (там же, лл. 10—11). Такие же волнения произошли и в им. Полепе помещика И. Косцялковского и им. Раткуны помещика Комаровского (там же, лл. 16—17), а также в имениях графини Плятер и кн. Мирского (ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, 4 экзп., 1861 г., д. 210, лл. 13—14).

1861 г. апреля 3.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову об участии офицеров лейб-уланского Курляндского полка в панихиде по убитым в Варшаве, состоявшейся в гор. Вилкомире 11 марта 1861 г.

От 11 минувшего марта за № 387 в. с., препровождая ко мне полученную вами записку о Вилкомирском у.¹, изволите просить о сообщении по содержанию оной моего заключения.

Вследствие сего имею честь вас, м. г., уведомить, что жители польского происхождения, населяющие вверенные мне губернии, как это ясно уже обозначилось, не отличаются против Вилкомирского у. ни особенной преданностью к правительству, ни доброжелательством, хотя большинство благоразумных прикрывают чувства свои молчанием, покорностью и уединенной жизнью в имениях. Опасаться каких-либо замешательств в крае без сторонней помощи и в особенности без движения в Царстве Польском, на которое обращены все ожидания, по моему мнению, не следует. Женщины, действительно, надели траур, но эта ничтожная, детская, принадлежащая женщине демонстрация не должна обращать на себя никакого внимания. Она может быть только для правительства одним из доказательств того убеждения, которое должно уже составиться о направлении умов и желаниях жителей. Вилкомирский предводитель дворянства Конча, участвуя некогда в мятеже 1831 г., отправляет ныне обязанность свою добросовестно и ни мною лично, ни по доходящим сведениям, не подает повода подозревать его в каких-либо неблагонамеренных замыслах, а тем менее действиях.

Что же касается до квартирующего в гор. Вилкомире и уезде оного лейб-уланского Курляндского е. в. полка, которым командует служивший всегда в гвардии полковник Пенхержевский, то о составе его из одних только офицеров-поляков можно получить без огласки ближайшие сведения в Военном министерстве²; до меня же не доходило во все время настоящей стоянки ничего, что бы могло вызвать меру наблюдения за несвойственными их поступками. Ныне из полученного донесения от начальника Ковенской губ. я усмотрел, что 11 минувшего марта в вилкомирском римско-католическом костеле была совершена панихида по убитым в Варшаве, причем присутствовали офицеры означенного полка католического исповедания и множество помещиков, и что для богослужения этого полковой командир дал хор полковой музыки. Вот единственный случай, обнаруживший сочувствие военных офицеров-поляков к варшавским происшествиям. Но чтобы принять с своей стороны возможные меры к надзору и устранению всех проявлений, которые могли бы быть поводом к развитию идей, вредных общественному порядку и спокойствию, я сделал распоряжение о назначении вилкомирским городничим и исправником отставных офицеров из русских уроженцев, снабдив их лично особыми наставлениями для руководства по наблюдению за жителями города и уезда в политическом отношении³.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 3, лл. 7—9. Подлинник

¹ В анонимной записке говорилось: «Вилкомир. В здешнем повете созревает возмущение. Все женщины надели траур. Маршал [предводитель дворянства] здесь Конча — первый революционер 31-го года. Квартирующий тут уланский полк составлен из самих поляков, явно наклонных к недоброжелателям. Зло сие надлежит предупредить». На ней резолюция В. А. Долгорукова: «Доложено е. в. Сообщить об этом [ген.]-ад[ъютанту] Назимову и просить о последующем отзыве. 10 марта» (там же, л. 1).

² По собранным III отделением сведениям, из 48 офицеров лейб-уланского Курляндского полка, находившегося в гор. Вилкомире, было 22 православных, 1 лютеранин и 25 католиков. Из них уроженцев западных губерний — 16, Царства Польского — 8, Кавказа — 1 (там же, лл. 2—3).

³ Об участии офицеров Курляндского полка в панихиде см. также док. 8.

144

1861 г. мая 20. — Донесение С. Ф. Хоминского В. И. Назимову о волнении крестьян в им. Милейганы, Нартовты, Юцуны и др. Ковенского у. и командировании в эти имения воинских команд

Ковенского у. в помещичьих им. Милейганы Козеллы, Нартовты Корговда, Юцуны Велички, Забелишки Гейштора, Кейданы гр. Марияна Чапского, Короново Статковских и Калноберже гр. Эдуарда Чапского¹ временнообязанные крестьяне отказались от исполнения определенной инвентарем барщинной повинности и отбывают только 3 дня мужские с упряжью и 2 женские пешие в неделю, отзываясь, что по Положению (для великороссийских, новороссийских и белорусских губерний) более будто не следует от них. Несмотря на внушения и вразумления дворовых управлений и местного станового пристава, они остаются при своем упорстве.

Вследствие полученного о сем сейчас донесения местного земского исправника, принимая во внимание, что подобное ошибочное толкование Положения распространилось одновременно в нескольких имениях² и что в самом близком расстоянии (менее одного перехода) от сказанных имений квартируют эскадроны полков 1-й кавалерийской дивизии, я пригласил в означенные имения флигель-адъютанта Манзея и штаб-офицера корпуса жандармов для вразумления крестьян и принятия на месте законных мер к восстановлению порядка и, по предварительному соглашению с г. Манзеем, вошел в сношение с начальником 1-й кавалерийской дивизии, прося его командировать в названные имения надлежащие воинские команды, а именно: в Милейганы, Нартовты и Юцуны полуэскадрон от 3-го эскадрона лейб-уланского Курляндского е. в. полка, в Забелишки и Кейданы — 6-й резервный эскадрон лейб-гусарского Павлоградского е. в. полка, в Ясногурку или Короново — полуэскадрон от 5-го эскадрона того же полка, в Калноберже — полуэскадрон от 5-го эскадрона С.-Петербургского полка, с тем чтобы упомянутые команды заняли деревни сих имений по указанию ковенского земского исправника и находились там до дальнейшего распоряжения флигель-адъютанта Манзея, который отправляется туда вместе с полковником Скворцовым³.

Об этом имею честь донести в. вп.

Ген.-майор Хоминский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 29—30. Подлинник

¹ Волнения крестьян, отказывающихся от исполнения инвентарных повинностей, в мае и июне 1861 г. вновь повторились в им. помещицы Кайсаровой в Россиенском у. (там же, лл. 37—39); здесь они продолжались до сентября (см. там же, лл. 51—52); в им. Ведионах помещика Залеского в Ковенском у. (ГАГК, д. 50, оп. 1, д. 13992, лл. 93—94) продолжались до августа (там же, л. 105), а также вновь начались во многих уездах губернии: в Вилкомирском у. в им. Свядосце помещика Морикони (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 33—34), в Россиенском у. в им. Нешокоць помещика Микуцко, Юкайне помещицы Конарской и Виргайне — Богдановичовой (ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 13994, лл. 1—2; д. 13996, лл. 1—2), в Поневежском у. им. Лепогирь помещика Гомбровича и Курше помещика Блаводзевича, а также в имениях баронов Риденов — Кибурь, Помуше и Давидышки и в им. Герже помещицы Сташевской (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 25—26, 32). В Новоалександровском у. произошли волнения в им. Нелюбишки помещика Махвица (ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 14000, лл. 1—2). В им. Опоце помещицы Гольштейновой сопротивление крестьян исполнению инвентарных повинностей имело место в июле 1861 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 62—63).

Всего, по подсчету С. А. Лазутки, за май-июнь в Ковенской губ. волнения происходили в 26—27 имениях (см. С. А. Лазутка. Революционная ситуация в Литве в 1859—1862 гг. М., 1961, стр. 112).

² По донесению флигель-адъютанта К. Н. Манзеля, «подстрекателем» крестьян в этих имениях был беглый унтер-офицер Ковенского гарнизонного батальона Иосиф Войнишка, «превратно» толковавший крестьянам манифест. По приказу Манзеля он был арестован (см. «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права». М.—Л., 1949, стр. 101).

³ Вскоре (24 мая) С. Ф. Хоминский сообщил В. И. Назимову, что флигель-адъютант Манзей затребовал дополнительно из Ковно не менее 200 человек пехоты в им. Милейганы, крестьяне которого упорно сопротивлялись властям вследствие толкования Положения беглым солдатом. Было дано распоряжение о высылке роты. Волнения крестьян в им. Забедишки и Короново, по прибытии воинских частей прекратились (ЦГИА, Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, л. 31).

Донесением от 5 июня ковенский губернатор сообщил, что временнообязанные крестьяне им. Милейганы, Нартовты, Юцунь, Ясногурка, Калноберже, Явойишки и Тересполь приведены в повиновение «без слишком строгих мер, и только некоторые из них более дерзкие были наказаны розгами». Однако два взвода кавалерии были оставлены в Милейганах и Калноберже до совершенного успокоения крестьян (там же, л. 36).

145

1861 г. мая 29, м. Ворни¹. — Послание тельшевского епископа М. Волончевского к пастве по поводу сопротивления крестьян реформе 19 февраля

Asz, Motiejus Wolonczauskis, isz Diewa ir Sosta
Apasztolu milestes Zemajcziau Wiskupas
Wisus giwentojus wiskupistes sawa swejkinu ir lajminu

Pri apskelbima iszluosawima jusu siuncziau grometa mana pas jums, iszguldidams kajp turet priimti ir iszmaniti sutejkta del sawes loska ir kajp tuotarpu turet apsiejti. Wienokej szindiena girdziu kad anej pariedimo wiresnibes, anej zodziu mana ligsziolej dar ne suprasdami jemet klisti ir downota sau luosuma blogaj iszguldinieti. Tajgi noriu wielej jumis pamokiti, zinodams, jogiej balsa mano umaj paklausiste ir szirdin sawa prijemen, pagal jo elges ir giwenti pradiesti. Zinoket tada, wajkaj mana par mani numileti, jogej dar dwejus metus turet buti po senowes po ponajs, pilditi kajp ligsziol pildet wiernaj wisas pawinastes, pono klausiti,

lenktes ir szienawoti, nes toki ira wala szwiesiausia Ciecoriaus, nes to rejkd del iwedima nauja pariedka, del padarima su ponajs sukalbos ant atejnanczia lajka; o ir patis iszmanot, jogej tat negal stajgu viena diena padirbti.— Ne kalbieket nieku ir ne kelket kalbu anej ant manies, Piemienia jusu, anej ant kunigu, sawa mokitoju, kajp taj girdziu niekuriosi wietosi jums prasimaniusius, buk mums ponaj papirken už piningus, kad mes tejsibes del jusu ne sakitumem. Man rodos jogiej tie patis, kurie tokies kalbas pakiele joms ne wierij ir jus wisi, wajkaj mana, tam ne wierijet. Ar taj galemas dajktas, kad mani ir wisos wiskupistes kunigus, ne gana to, bet wisos ciecocistes, galejen butu ponaj papirkti ant malagistes, nesgi wisoj ciecoristiej wisur tas pats ira suriedimas wireshibes ir wisur tajppat par dwejus metus tebebus senowes pariedkas.

Szejminiszkej ir sumdininkaj, klausiket sawa gaspadoriu ir pardietiniu ir be lajka ne laužiket sudereima sawa su jejs. Grieks ira ju ne klausiti arba del menka dajkta služba pametus kitur iszejti. Zinoket, jogiej kiek-wienas ne pabenges metu arba ne szcziraj tarnawes gaspadoriuj tur ant sumnenes atgal pagrižti jr kriwida jam padarita wisiszkej atnagraditi, kitaip ne wertas ira iszriszimo isz grieku. Iszluosawimas ne iszluosoj nu pawinaszczu ir sudereima dabrawalna ne lauža. Prisistebiekiet bajo-rams, kurie nu senowes gadines ira luosi, ar gal je kajp sau panorejen sunkalbas laužiti arba kantraktu ne iszpilditi. Ne gal, nesgi to anej Wieszpats Diawas anej Bažniczia S. ne dalejdz. Todelgi ir jus wajkaj mana služmelnikaj, kurie tamie dalike esat kalti, pasitajsiket, bijodamis ant sawes užtraukti tejsinga korone P. Diawa už ne wierna tarnawima. Klausiket kan jums pasako S. Powilas Apasztolas: «Tarnaj, kurienorint ira po jungu, tegul paskajto ponus sawa wertajs wisokios garbes». (I Tim. VI, 1). «Isz rejkalu bukit paduoti ne tiktaj del rustibes, bet ir del sumne-nes. Bukite paklusnus wisosi dajktosi ponams pagal kuna, ne tarnaudami del akiu, kajpo tikt žmonems itikdami, bet tikribeje szirdies bijodamis Diawa. Ką tiktaj darote darikit isz szirdies, kajpo Wieszpacziuj o ne žmo-nems. Zinodami, jog gausite nog Wieszpates alga tewajnistes, Wieszpaci-ziuj Kristuj tarnauket» (Kolos. III, 22).

Ant gala wisims kartu sakau, lajkiket zgada, mejli ir wienibe su ponajs sawa po kurejs giwenot ir szienawoket jus. Juk žinot, jogiej je patis sawa dieka prasze Szwiesiausia Ciecoriaus kad jums iszluosuotu, patis weltaj iszsižadeje prowos sawa ant jusu, patis troszka jusu gera ir rupinas apej. wejkalus pri jusu prigulenczius. Deltogi ne gadinket ju szirdes szindiena luosajs paliken sawu nepaklusnumu ir nedoru ap-siejimu. Jejgu amžius stone padonuju iszbuwot, iszbuste ir tus metus su kelejs mienesims. Wienibej su ponajs giwendami, szienawodami jus, dau-giaus apturieste nu ju gera, neko atbulajs del ju rodidamis. Atminket ir ant to, jogiej jus, nors dwejemis metams sukakus, isz po ju waldžios wisis-zkej iszejsti, wienokej susiedijoj ant ju žemes giwendami, kajpo biednesni ukininkaj ne karta rejkalauste ju pamacziaus ir apiekos, ne karta liga arba bieda prispausti isztraukste pri ju ranka, jeszkodami del sawes ra-tunka; o ar ne geraj tuokart bus, jej ponaj giera szirdi ant jusu turie-dami pažwelgs mejlinga akie ir su pagalbu jums pasiskubis. O, be to, atminket jogiej esat katalikajs ir sunumis Jezusa Pona, kursaj wisus iki gala numilejes iszdawe už mus nedorelus ant muku kuna sawa ir par tat mirdamas iszmoke kajp turem wienas kita mileti. Todel szaukiuj ant jusu su S. Powilu Apasztolu: «Apsiwilkit tada kaipo iszrinkti Diawa

szwenti ir numileti, widurejs milaszirdistes, maloniste, nusižeminimu, tikumu ir kantribe: wienas kita kensdami ir kits kitam atlejsdami, jei kas tur ant kita apskundima: kaipo ir Wieszpats atlejde jums, tajpo ir jus. O ant to wisa turekit mejli, kuri ira risziu tobulistes» (Koloz. III, 14). «Nes tan turem prisakima nu Diewa: idant, kuris mil Diewa miletu ir broli sawa» (I. S. Jona Grom. IV, 21)). «Ant gala brolej bukit tobulajs, parsisergekit, wiena dumokite, pakaju turekit: o Diewas pakajaus ir mejles bus su jumis» (II. Kor., XIII).

ГАГК, ф. 208, оп. 1, д. 70, лл. 223—224. Автограф

ПЕРЕВОД

Я, Матвей Волончевский, епископ жемайтйский милостью божьей
и апостольского престола

Все население епархии своей приветствую
и благословляю

При обнародовании освобождения вашего направил я вам послание свое, в коем разъяснял, как следует вам воспринять и понять оказанную вам милость и каково должно быть тем временем поведение ваше. Ныне, однако же, слышу, что вы, не понимая по сей день ни правительственного указа, ни слов моих, впали в заблуждение и дарованную вам волю во зло истолковываете. Хочу поэтому вновь преподать вам наставление, ведая, что внемлете голосу моему и, приняв его к сердцу своему, начнете поступать и жить в согласии с ним. Знайте же, чада мои возлюбленные, что еще два года вы должны, как и прежде, принадлежать господам своим, выполнять, как и прежде верно выполняли, все повинности, слушаться господина, почитать его и подчиняться ему, ибо такова воля августейшего монарха, ибо это требуется ради введения нового порядка, ради заключения с господами договора на будущее время, да и сами вы понимаете, что невозможно это совершить внезапно, в один день. Не болтайте зря, не возводите хулы ни на меня, пастыря вашего, ни на ксендзов, наставников ваших, ибо я слышу, что в некоторых местностях вы измышляете, якобы господа подкупили нас за деньги, дабы мы правды вам не говорили. Мне кажется, что те, которые ведут такие речи, сами им не верят, и что вы, чада мои, этому не верите. Возможное ли это дело, чтобы меня и ксендзов всей епархии, даже и более того — всей империи, господа могли подкупить, чтобы мы лгали вам, ибо во всей империи везде одно и то же устройство власти и везде в течение двух лет будут еще прежние порядки.

Дворовая челядь и наемные люди, повинуйтесь своим хозяевам и начальникам, до истечения срока не нарушайте своих договоров с ними. Грех не повиноваться им или из-за какой-либо мелочи бросать службу и уходить от них. Знайте, что каждый, кто не закончит года или недобросовестно будет служить хозяину, должен по совести вернуться обратно и полностью возместить причиненный ему ущерб, иначе недостойн он получить отпущение грехов. Освобождение не избавляет от повинностей и не прекращает добровольного договора. Посмотрите на дворян, которые свободны еще со стародавних времен; разве они могут самовольно нарушать соглашения или не выполнять контрактов? Не могут, ибо этого не разрешают ни господь бог, ни святая церковь. Поэтому и вы, чада мои, которые служите и провинились в этом, исправьтесь, чтобы не навлечь на себя справедливого гнева господня за недобросовестную службу. Послушайте, что вам велел св. апостол Павел: «Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести» (I Тим. VI, 1). «По надобности подчиняйтесь им не за страх, а за совесть. Во всем повинуйтесь господам вашим по плоти,

не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь бога. И все, что делаете, делайте от души, как для господа, а не для людей, зная, что в воздаяние от господа получите наследие; ибо вы служите господу Христу» (Колос. III, 22).

Наконец, всем говорю: живите в согласии, любви и единении со своими господами, которым вы повиновались, и почитайте их. Ведь вы знаете, что они сами по доброй своей воле просили августейшего монарха, чтобы он освободил вас, сами бескорыстно отrekliсь от своих прав на вас, сами жаждут вам всего хорошего и заботятся о касающихся вас вопросах. Поэтому ныне, став свободными, не огорчайте их своей непокорностью и нечестивыми поступками. Если вы столетия пробыли в крепостном состоянии, то потерпите и этот год с несколькими месяцами. Живя в согласии с господами, почитая их, вы больше получите от них хорошего, нежели проявляя перед ними свою строптивость. Помните, что вы хотя и по прошествии двух лет полностью выйдете из-под их власти, однако, проживая в соседстве на их земле, вы, как неимущие крестьяне, не раз испытаете нужду в их помощи и попечительстве, не раз, вынужденные к этому болезнью или какой-либо бедой, протянете к ним руку с просьбой спасти вас. Разве не лучше тогда будет, если господа не будут на вас в обиде, милостиво отнесутся к вам и поспешат к вам с помощью. И еще помните, что вы католики и чада Иисуса Христа, который в своей любви ко всем людям за нас, нечестивых, предал на муки свое тело и смертью своей научил нас, как мы должны любить друг друга. Поэтому взываю к вам вместе со св. апостолом Павлом: «И так облекитесь, как избранныки божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг к другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вам, так и вы. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства» (Колос. III, 14). «И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий бога любил и брата своего» (I Посл. св. Иоанна, IV, 21). «Впрочем, братья, радуйтесь, усовершенствуйтесь, утешайтесь, будьте единомысленны, мирны, и бог любви и мира будет с вами» (II Кор., XIII).

146

1861 г. июня 2. — Рапорт ковенского земского исправника Н. И. Антипова С. Ф. Хоминскому об отправлении на службу запасных нижних чинов И. Чмелюса и М. Грейчуса, «подстрекавших» к волнениям крестьян им. Парово¹

На предписание от 22 сего мая № 5086² с вопросом, какое сделано мной распоряжение по первоначальному предписанию в. п. от 28 января 1860 г. за № 1021 относительно нижних чинов Чмелюса и Грейчуса, замеченных в подстрекательстве крестьян им. Парово помещиков Пржеленских, в. п. имею честь донести, что по получении приведенного здесь предписания и вскоре за воследованием высочайше утвержденного положения Комитета гг. министров, изъясненного в предписании в. п. ко мне от 24 марта № 3096, я, по личному убеждению в им. Парово о дурном поведении рядового Чмелюса и подстрекательстве крестьян того имения к подаче начальству неосновательных жалоб, на основании 2 и 3 пп. а ст. 6^а приведенного выше распоряжения, передал

^{а—а} Прочитано предположительно.

Чмелюса, при отзыве от 11 июня 1860 г. № 1424, командиру Ковенского батальона внутренней стражи для отправления на службу.

Рядовой же Грейчус, как раскаявшийся в своем преступлении и обещавший исправить свое поведение, оставлен мною на время под наблюдением за его действиями. Ныне же Грейчус после убеждения крестьян им. Велионы к подаче на высочайшее имя ложного прошения, как лицо вредное при настоящем положении дел о крестьянах, тоже отправлен мною к командиру Ковенского батальона внутренней стражи, при отзыве от 31 мая за № 1136 с надписью на билете о поводах отправления его на службу.

Исправник Антипов

ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 13992, лл. 90—91. Подлинник

¹ См. прим. 2 к док. 140.

² В этом предписании С. Ф. Хоминского ковенскому исправнику предлагалось про-
извести разыскиние, не занимаются ли бессрочно отпускные Мартин Грейчус и Иван
Чмелюс: «подстрекательством» крестьян им. Парово, так как известно, что Грейчус,
встретившись в Ковно с временнообязанными крестьянами им. Велиона, убедил их по-
дать царю жалобу на помещика и отыскал гарнизонного писаря, который и написал
им прошение (ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 13992, л. 80—81).

147

1861 г. июня 6.— Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгору-
кову о пении запрещенного гимна в костелах Ковно

Секретно

В подражание тому, что в гор. Вильно 8 мая были петы в римско-
католической кафедральной церкви во время обедни польские патри-
стические стихи (представленные мною к в. с. при донесении от 19 мая
за № 101) о восстановлении Польши и об избавлении поляков от рус-
ского владычества, стихи эти стали петь в католических церквях и в
гор. Ковно. В первый раз они были здесь пропеты 21 мая в малой
больничной церкви во время ранней обедни. Участвовавшие в пении
были большей частью дамы разных сословий, мелкие чиновники и уче-
ники гимназии. В следующее воскресенье, 28 мая, пение стихов повто-
рилось в кафедральном соборе, во время поздней обедни, при многочис-
ленном стечении народа. 1 июня, в день праздника вознесения господня,
пение стихов происходило, кроме кафедрального собора, и в церкви
бернардинского монастыря, принадлежащей ныне гимназии, а в воскре-
сенье 4 июня оно повторилось в одном кафедральном соборе. Пение
патристических стихов начинается в то время, когда священник в поло-
вине обедни возносит дары и когда по обряду католическому прекра-
щается игра на органе и должно водвориться на несколько минут все-
общее молчание. Участвующие в пении собираются для того в середине
церкви толпой от 50 до 100 человек и во все время пения остаются на
коленях.

Местное и гимназическое начальства старались прекратить эти бес-
порядки мерами кротости и убеждения, однако меры эти не только не
достигли своей цели, но еще более увеличили самонадеянность и

дерзость в нарушителях порядка и преимущественно в учениках гимназии. Безнаказанность подобных поступков развила в них последних своеволие до того, что они стали оказывать явное сопротивление полиции. 1 июня они не пустили в Бернардинский костел ковенского частного пристава Иванова, посланного туда для надзора за порядком. По окончании же обедни, при выходе из церкви, ученики, заметив канцелярского чиновника Томашевского, служащего у того же пристава, подхватили его под руки и с криками: «Доносчик, изменник», потащили в одну из пустых комнат монастыря. Там, строго обыскав его, чтобы удостовериться, не имеет ли он заметки о лицах, певших в костеле, заставили потом на коленях принести клятву, что он никого из них не выдаст, угрожая в противном случае убить или повесить его. Для обнаружения виновных в этом буйстве гимназическое начальство производит ныне расследование.

Пение в католических церквях во время обедни патриотических стихов обращает на себя внимание потому особенно, что оказывает весьма вредное влияние на простолюдинов. До сих пор здешний простой народ не выказывал ни малейшего сочувствия к делу Польши и не принимал никакого участия в патриотических манифестациях. С изумлением слушали простолюдины в первый раз пение неизвестных им стихов во время обедни. Но потом, замечая, что духовенство и начальство не препятствуют такому нарушению обряда богослужения, многие из них, и преимущественно городская чернь и дворовая прислуга, сами стали изучать эти стихи и петь их с другими. Если пение этих стихов продолжится некоторое время по церквям, то, без сомнения, они сделаются народной молитвой, к чему стремятся высшие сословия, и могут возмутительным содержанием своим поселить в простом народе нерасположение и недоверие к русскому правительству.

Для обуздания распространяющегося своеволия ковенский губернатор признал ныне необходимым принять более строгие меры против нарушителей порядка¹. Нескольким лицам, имевшим вредное влияние на других, он приказал выехать из Ковно и сделал распоряжение об объявлении во всех присутственных местах чиновникам, что те из них, которые позволяют себе петь в костелах патриотические стихи, будут увольняемы от службы.

О последствии этих распоряжений губернатора, возбуждивших в первое время ропот в высших польских сословиях, я буду иметь честь своевременно донести в. с.

Полковник Скворцов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 3, лл. 11—14. Подлинник

¹ Руководителями и инициаторами первых манифестаций в Ковно были признаны вольнопрактикующий лекарь Хмелевский, служащий в конторе Адельсона Демонтович, канцелярист Ковенского уездного казначейства Урняж, пиaseц ковенского дворянского депутатского собрания Яздовский, депутат этого же собрания Мильвид, служащий в конторе железной дороги Рачинский, приказчик книжного магазина варшавский житель Шюель Лянде и некоторые ученики ковенской гимназии (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 102, ч. 1, лл. 3—4).

1861 г. июня 15.—Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову о манифестациях в Ковно и демонстративном оскорблении учениками гимназии жандармского капитана Крайского

6 июня за № 115¹ я имел честь донести в. с. о пении патриотических стихов в католических церквях в гор. Ковно, о беспорядке, произведенном 1 июня учениками гимназии, не пустившими в Бернардинский костел частного пристава Иванова и причинившими насилие служащему у него канцеляристу Томашевскому, и о мерах, которые были приняты ковенским губернатором и гимназическим начальством к прекращению этих беспорядков.

Меры, принятые ковенским губернатором и заключающиеся в высылке из Ковно шести лиц, возбуждавших беспорядки и имевших вредное влияние на других, и в предварении чиновников, что те из них, которые окажутся участниками в патриотических манифестациях, не будут терпимы на службе, не произвели никакого действия. 11 июня в кафедральном соборе пение стихов повторилось в присутствии самого губернатора, а затем 12 и 13 июня происходило во всех городских костелах.

Главная причина безуспешности мер, принятых губернатором, заключается преимущественно в совершенном бездействии в этом отношении гимназического начальства. Производимое им расследование о буйстве учеников 1 июня не имело никакого результата. По незнанию учеников директор предполагал ограничиться указаниями полиции, но в педагогическом совете учителя польского происхождения нашли недостаточным одно указание полиции для взыскания с учеников и требовали к обвинению их юридических доказательств, которых, конечно, найти невозможно, так как все поляки готовы всегда свидетельствовать в подобных делах против полиции. Поэтому виновные в буйстве 1 июня остались до сих пор ненаказанными. Это поощрило учеников к дальнейшим и откровенным бесчинствам и развило в них своеволие в высшей степени. 7 июня вечером с толпой дам и других разного рода лиц многие из них собрались на городской площади для проводов варшавского еврея Лянде², выгнанного из Ковно за участие в политических манифестациях. Когда полицмейстер майор Васильев приблизился к толпе, чтобы узнать о причине сборища, то ученики стали произносить на него бранные слова. В тот же вечер более 50 учеников, преимущественно 5-го класса, собрались в польском м. Алексоте³, перед квартирой доктора Раубе, и требовали, чтобы он вышел на улицу, намереваясь нанести ему побои за то, что он подверг взысканию одного ученика, своего племянника, за шалости в гимназии. Но [так] как Раубе заперся в своей квартире, то они принуждены были разойтись. На следующий день вечером еще большая толпа, в числе которой было весьма много учеников, собралась на площади для проводов варшавского уроженца Рачинского, удаленного из Ковно за участие в разных беспорядках. По переходе этой толпы через Неман в польское местечко Алексоту Рачинский говорил провожавшим

его речь, в которой обнадеживал их, что расстанется с ними не надолго и что скоро все они будут свободны⁴.

Кроме того, ученики гимназии, таскаясь беспрестанно по городу с разными канцеляристами и другими молодыми людьми, стараются наносить публичные оскорбления лицам, не участвующим в патриотических манифестациях. Если дама польского происхождения появится на улице или в церкви не в трауре, то платье ее почти всегда бывает испорчено кислотой или чернилами. Русские семейства не оставляются тоже без преследования, а на домах их появляются самые оскорбительные пасквили или письменные угрозы на честь и жизнь их. Благомыслящие люди стали не без опасения ходить теперь в церкви и публичные места, тем более что в наносимых им неприятностях не отыскивается никогда виновных и что полиция, подвергающаяся сама публичным оскорблениям, не в состоянии доставить им никакой защиты.

При этой безнаказанности дерзость учеников дошла, наконец, до того, что они нанесли публичное оскорбление жандармскому офицеру, состоящему при мне за адъютанта, капитану Крайскому. 13 июня по случаю храмового праздника в Бернардинском костеле капитан Крайский находился там на богослужении, где и приобщался святых тайн. Во время обедни некоторые ученики, становясь около него, дозволяли себе насмешливо обращаться к нему с отрывистыми словами: «Крестись, перестань молиться, пой с нами» и тому подобными, на которые он ничего не отвечал, чтобы не нарушить благочиния в церкви. По окончании же обедни при выходе капитана Крайского из костела целая толпа учеников и несколько молодых людей, окружив его в коридоре и провожая через двор до самой улицы, с угрозами и бранью кричали, чтобы он, хотя и католик, не смел никогда приходить в костел, потому что носит жандармский мундир и существует подлым хлебом, записывая будто бы их и делая на них доносы и пр. При этом один из толпы кричал: «Не хочешь ли витриолу», а другие тотчас же повторили: «Облить его». Вследствие этого пальто Крайского было облито сзади кислотой, совершенно испортившей сукно. Так как в костеле и на дворе не было ни полиции, ни гимназического начальства, которые бы могли остановить этот беспорядок, то капитан Крайский, дабы не увеличить буйства толпы, шел безостановочно, не вступая в объяснение с преследовавшими его. В числе гимназистов опознаны Крайским как наиболее буйные ученики 5-го класса Роткевич и Ключковский, в особенности первый, как главный распорядитель беспорядка. В числе же лиц, бывших в партикулярном платье, замечен им канцелярист Губинский.

Сообщив о сем ковенскому губернатору, я просил его подвергнуть строгой ответственности виновных в нанесении оскорбления жандармскому офицеру. Губернатор не признал возможным разрешить это дело сам, но, приказав заарестовать опознанных капитаном Крайским двух гимназистов и канцеляриста Губинского, несмотря на незнание их в участии в беспорядке, сделал представление к ген.-губернатору, г. ген.-адъютанту Назимову с заключением, что виновных в этом происшествии следовало бы подвергнуть примерному наказанию для удержания постоянно увеличивающегося своеволия в жителях города и учениках гимназии⁵.

Донося о сем в с., имею честь присовокупить, что пение патриотических стихов по католическим церквям распространяется и в уездах и возбуждает везде заметное сочувствие в польских сословиях.

Полковник Скворцов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 319, лл. 1—4. Подлинник

¹ См. док. 47.

² Шоель Лянде — брат одного из убитых в Варшаве во время манифестации 27 марта (8 апреля) 1861 г.

³ Местечко или селение Алексота, находящееся на левом берегу Немана, в административном отношении входило в состав Августовской губ. Царства Польского, фактически же являлось предместьем гор. Ковно. Сейчас — район гор. Каунаса.

⁴ См. донесение С. Ф. Хоминского (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 102, ч. 1, лл. 7—8).

⁵ Об оскорблении Крайского см. также ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 319, лл. 11—12.

149

1861 г. июня 18. — Донесение С. Ф. Хоминского В. И. Назимову о пении запрещенного гимна в костелах м. Крожи Россиенского у., м. Хвалойне Шавельского у. и гор. Поневеже

Секретно

Россиенский земский исправник донес мне, что 11 сего июня, в первый день праздника сошествия святого духа, в м. Крожах в приходском костеле во время литургии был пропет возмутительный гимн. Гимн этот пела перед вознесением даров около престола компания дам и мужчин, одетых в траур, по-видимому, прибывшая нарочно из им. Болыч помещика Левоневского, без предварения о том публики; причем видно было, что органист не был приготовлен вторить песнопению, отчего вышла дисгармония, обратившая временно внимание народа, составлявшегося по большей части из черни; и потому едва ли это произвело какое-нибудь на публику впечатление.

Из дам, достоверно известных, главными распорядительницами были жена помещика Людвиг Шемiota, помещица Славочинская и сестра сей последней, девица Левоневская; из мужчин преимущественно принадлежали, как говорят, прибывшие на каникулы университетские студенты¹. Вся означенная компания вечером отправилась Шавельского у. в м. Хвалойне, где на другой день приходился храмовой праздник, и там пропели означенный гимн тем же порядком.

В то же время получено мною донесение поневежского городничего о том, что 11-го числа месяца в тамошнем римско-католическом костеле во время святой литургии несколько человек разного звания людей из собравшихся в куче пели тот же гимн.

Об этом имею честь донести в. вп. в дополнение рапорта моего от 14 сего июня № 529.

Ген.-майор Хоминский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 109, лл. 1—2. Подлинник

¹ Очевидно, имеются в виду студенты Петербургского и Московского университетов Телесфор Нешокоць, Антон Клайшевич и Марциян Медекша, которые были известны активным участием в манифестационном движении 1861 г. в западной части Ковенской губ. (см. там же, д. 102, ч. 1, лл. 12—15, 48—51; д. 116, лл. 1—2).

150

1861 г. июня 22.—Донесение С. Ф. Хоминского В. И. Назимову об отказе крестьян Ковенского и Новоалександровского у. от выборов сельских и волостных должностных лиц

Во исполнение постановления губернского по крестьянским делам присутствия от 25 минувшего мая, исправляющие должность мировых посредников немедленно приступили к открытию сельских обществ и волостей. Дело это началось повсеместно с полным успехом и в настоящее время приводится уже к окончанию. Но в некоторых местах возникли непредвиденные затруднения.

Во 2-м мировом участке Ковенского у., в им. Червоный Двор гр. Венедикта Тышкевича, крестьяне, избрав сельских старост, через несколько дней при созвании их на волостной сход отказались от выбора старшины¹. В 6-м участке Новоалександровского у. крестьяне им. Шетекшна, принадлежащего помещику Евгению Косцялковскому, отказались от избрания сельского старосты и вслед за сим крестьяне окрестных сельских обществ, прибегнув даже к насилию, заставили своих новоизбранных старост возвратить мировому посреднику книги с приговорами о выборах, объявив, что они не намерены повиноваться новоизбранным властям. Причины такого отказа они представили различные. Одни говорили, что в течение двухлетнего переходного времени предпочитают остаться по-прежнему под начальством дворовых управлений, а старост и старшин изберут себе по истечении двух лет. Другие стали изъяснять опасения, что мировые посредники приговорами об избрании должностных лиц опять запишут их в крепостное состояние. Все увещания посредников и даже приходских священников оказались тщетными, хотя, впрочем, крестьяне сии не выходят из повиновения дворовым управлениям и исправно отбывают инвентарные повинности.

По совещании с губернским по крестьянским делам присутствием я предписал новоалександровскому земскому исправнику немедленно отправиться в им. Шетекшна и, объяснив крестьянам значение всемирнейшего дарованного им права выбора, наблюдать, чтобы волостной старшина произвел там, согласно высочайше утвержденным Положениям, выборы сельских должностных лиц. При этом я предоставил ему сказать крестьянам, что в случае решительного с их стороны отказа избрать старосту таковой будет назначен мимо их или что их сельское общество будет присоединено к другому обществу, а между тем подвергнуть исправительному полицейскому наказанию или даже тюремному аресту зачинщиков беспорядков. В случае же явного неповиновения и волнения между крестьянами, я предоставил исправнику потребовать эскадрон лейб-уланского Курляндского е. в. полка, рас-

положенный в соседственном имении, и расквартировать оный в тех деревнях, где обнаружится волнение.

В им. Червоный Двор гр. Венедикта Тышкевича предписано ковенскому земскому исправнику отправиться совместно с уездным предводителем дворянства и и. д. мирового посредника, потребовать содействия дворового управления и, объяснив крестьянам значение всемирнолюбивейше дарованного им права выбора, еще раз пригласить к избранию старшины и других волостных должностных лиц под руководством мирового посредника, о последующем же рапортовать мне для дальнейших распоряжений².

О чем честь имею донести в. вп.

Ген.-майор Хоминский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 339, лл. 113—114. Подлинник

¹ Такие же волнения произошли и в им. Вилькия и Пернарово гр. Бенедикта Тышкевича (там же, д. 991, ч. 1, лл. 291—294; ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 13992, лл. 99—100; ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 4 эксп., 1861 г., д. 210 и др.).

² Волнения, связанные с выбором сельских должностных лиц, происходили и в других имениях, особенно в Поневежском и Новоалександровском у. (Биржи гр. Ивана Тышкевича — см. док. 157 и 182, а также ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 14058, лл. 13—14, 17; Полепе помещика Косцялковского — ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 4 эксп., 1862 г., д. 205 и др.). По данным С. А. Лазутки, крестьянские волнения этого периода (до конца 1861 г.) охватывали 37 имений (С. А. Лазутка. Революционная ситуация в Литве в 1859—1862 гг. М., 1961, стр. 122).

151

1861 г. июля 1.—Донесение ковенского вице-губернатора П. И. Корецкого В. И. Назимову о сопротивлении властям крестьян им. Лидзюны и Нелюбишки Новоалександровского у.

От 22 июня за № 272 г. начальник губернии имел честь донести в. вп. о затруднениях, встреченных исправляющими должность мировых посредников по Ковенской губ. при открытии сельских обществ и волостей.

Ныне и. д. мирового посредника 7-го мирового участка по Новоалександровскому у. инженер-штабс-капитан Рутковский уведомил, что, по прибытии его в им. Лидзюны помещика Франца Косцялковского для открытия сельского общества и выбора должностных лиц, по избрании таковых крестьянами он составил приговор и предложил таковой к подписи, с тем чтобы избранный староста принял книгу, но крестьяне не только отказались от подписи, но и книги вовсе не приняли, утверждая с дерзостью, что подписью приговора и принятием книги они себя и потомков своих закрепостят в вечное подданство, что они могут принять лишь печатную книгу и что их обманывают. Желая вразумить крестьян и прекратить их упорство, штабс-капитан Рутковский употреблял все возможные меры и, оставив книгу в имении, дал крестьянам для размышления срока два дня, приказав избранному старосте явиться по истечении сего срока, но староста не прибыл, а крестьяне, будучи подстрекаемы шетекшнянскими крестьянами¹, стали торжествовать и радоваться, что поставили на своем, и в.

настоящее время, не признавая над собой никакой власти, ослушиваются в исполнении повинностей, и хотя четверо из них, более виновных в сопротивлении и дерзости, были подвержены аресту при становой квартире 5-го стана Новоалександровского у., но в несколько часов после арестования собралась толпа около 20 человек лидзюнских крестьян, которые увели с собою четырех арестованных крестьян².

Вслед за сим получено донесение новоалександровского земского исправника, что крестьяне им. Нелюбишек помещика Махвица отказались от исполнения инвентарных повинностей, и хотя помещик Махвиц, вместо определенных инвентарем 4 упряжных и 5 дней пеших, кроме сгонов и других добавочных повинностей, в неделю назначил по 4 упряжных и 4 пеших дней, но они с явным упорством объявили, что более 3 дней упряжных и 3 пеших отбывать не будут и никакие меры и взыскания не устрашат их.

Вследствие сего, имея в виду сделанное г. начальником губернии распоряжение по поводу ослушания крестьян им. Шетекшних, состоящего в близком расстоянии от им. Лидзюны и Нелюбишки, я 27 июня предписал новоалександровскому земскому исправнику, применяясь к означенному распоряжению, немедленно отправиться в названные имения как для содействия исправляющим должность мировых посредников к восстановлению порядка и приведения ослушных к долгу, так и подвержения административному наказанию виновных в уводе задержанных при становой квартире лидзюнских крестьян. При чем поручено исправнику в случае действительной надобности вытребовать для содействия воинские команды от квартирующих вблизи (в Свядосце и Биржи) кавалерийских эскадронов, о назначении которых по требованию исправника сделано распоряжение начальником 1-й кавалерийской дивизии. Независимо сего я в то же время предложил и. д. мирового посредника немедленно согласить требования³ владельца им. Нелюбишки Махвица установлением повинностей, справедливых и безобидных для обеих сторон.

О чем имею честь донести в. вп.

За губернатора вице-губернатор Корецкий

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 46—47. Подлинник

¹ Крестьянами соседнего им. Шетекшна, которые также сопротивлялись дворовым властям (см. ниже, а также док. 150).

² Новоалександровский земский суд 26 июня сообщил В. И. Назимову об освобождении из-под стражи крестьянами им. Лидзюны своих односельчан Петра, Иосифа и Устина Шакалисов и Франца Вечюнаса. Из рапорта явствует, что на крестьян этой части Новоалександровского у. оказал значительное влияние отставной майор Колышко: «...Со времени, как отставной майор Колышко обругал его [пристава 5-го стана Дашкевича] на базаре, крича перед целым народом, что он, пристав, и вся полиция не имеют права арестовать крестьян, [...] на всяком шагу встречает разные неповиновения, и как доходят до него слухи, что крестьяне постепенно оказывают неповиновение гг. посредникам, а во многих местах отказываются [т. е. отзываются], что вскоре решительно никого слушать не будут» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 40—41).

³ Так в тексте.

1861 г. июля 9.—Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову о манифестационном движении в Ковенской губ. и отношении к нему разных слоев населения

Начавшееся в гор. Ковно между польскими уроженцами политическое волнение, о котором я имел честь донести в. с. 15 июня за № 127¹, еще не успокоилось. Пение революционных песен по католическим церквям продолжается и стало быстро распространяться по целой губернии. Составились компании певцов из дворян, которые, разъезжая по уездам, поют эти песни в сельских церквях, чтобы ознакомить с ними простой народ. Кроме песни, представленной мною к в. с. при донесении за № 101, стали теперь петь еще другую, при сем прилагаемую с русским переводом². Большая часть поляков, и в том числе многие чиновники, начали открыто носить конфедератки. Дамы по-прежнему принуждаются к ношению траура, а чиновники преследуются, если носят на шапках установленные кокарды, служащие знаком русского правительства. При всяком случае, где может быть выражена патриотическая манифестация, собираются толпы народа. Так, 28 и 29 июня и 7 июля при провозе через г. Ковно арестованных в гор. Сувалях лиц собиралось на улицах весьма много поляков, которые провожали арестованных восторженными патриотическими восклицаниями, а 3 июля в католической церкви гор. Ковно большая толпа их присутствовала при панихиде, совершенной по известном польском изгнаннике и литераторе Лелевеле, жившем в Бельгии и недавно умершем.

В настоящее время в стремлении главных агитаторов³ патриотического движения заметно желание сблизиться с простым народом и привлечь его на свою сторону. С этой целью придуманы ими загородные сходки, называемые здесь маювками⁴. Важнейшая из этих маювок была 2 июля близ гор. Ковно, на другом берегу Немана, в Царстве Польском. Маювка эта, на которой собралось до 500 человек, была устроена на складочные деньги и имела чисто политический характер. На ней присутствовали многие помещики из Царства Польского и почти все польское население среднего круга из гор. Ковно. Кроме того, были приглашены туда ковенские ремесленники польского происхождения и крестьяне ближайших деревень из Царства Польского. Были приглашены также и ковенские евреи, но они отказались присутствовать там. Что именно происходило на этой маювке, официальных сведений не имеется, потому что никого из полицейских там не было, но из частных сведений известно, что там пелись патриотические песни, были произносимы возмутительные речи и высшие сословия старались внушить ремесленникам и крестьянам, что теперь наступило время всеобщего равенства и что все сословия одинаково должны стремиться к достижению свободы и восстановлению Польши. В заключение был устроен полонез, в котором некоторые помещики и ковенские чиновни-

³ Т. е. агитаторов.

⁴ *Majówka* — пикник, маевка (польск.).

ки шли в парах с крестьянками, а дамы высшего круга — с полупьяными крестьянами и ремесленниками.

Главное участие в политических беспорядках в Ковенской губ. принимают молодые и большей частью бездомные или промотавшиеся дворяне, мелкие чиновники, канцеляристы, часть католического духовенства, студенты разных университетов, ученики гимназий и дамы. Богатые и наиболее значительные помещики, а равно и высшие чиновники польского происхождения лично в публичных манифестациях не участвуют, но многие из них, видимо, сочувствуют и покровительствуют этим манифестациям и принимают участие в денежных складках, а дамы, принадлежащие к этому кругу, носят траур под тем предлогом, чтобы не подвергнуться публичным оскорблениям от черни. Есть, однако, и между дворян лица, которые не разделяют общего увлечения и порицают безрассудные поступки патриотов. В недавнее время в разных местах в гор. Ковно появилось наклеенное на стенах воззвание неизвестного лица к литвинам, убеждающее их образумиться и напоминаящее им, что Литва не составляет Польши. Воззвание это, не произведшее, впрочем, никакой перемены в направлении умов, при сем в копии с русским переводом прилагается³.

Мелкая шляхта, которой считается в губернии до 50 тысяч и которая стремится во всем подражать вышнему дворянству, несмотря на то, что по образу своей жизни и образованию она почти не отличается от крестьян, а равно и городские мещане-католики выказывают также патриотическое стремление, стараясь изучать революционные песни, носить траур и пр. Что же касается до крестьян казенных и временнообязанных, а равно и евреев, то до настоящего времени незаметно никакого на них влияния нынешних политических обстоятельств. Временнообязанные крестьяне, напротив того, выказывают большое недоверие к дворянству, и это обстоятельство отчасти воздерживает патриотическое увлечение помещиков и уменьшает значение политического волнения в губернии.

Местное начальство, не придавая вначале особой важности проявившимся политическим беспорядкам, не решалось принять к прекращению их вдруг строгих мер, стараясь достигнуть того мерами кротости и убеждений. Но такие действия местного начальства, объясненные многими злоумышленниками как бессилие власти воздержать патриотическое увлечение, а другими — как воспрещение высшего правительства мешать народным манифестациям, послужили только к увеличению своеволия и уронили значение власти и полиции в общественном мнении. В настоящее время ковенский губернатор, признавая необходимым в предупреждение вредных последствий принять более действительные меры к прекращению беспорядков, предписал ковенской городской полиции напомнить жителям особыми объявлениями, что государственными законами строго воспрещены всякие собрания на улицах и площадях, а равно и денежные складки на общественных увеселения без разрешения начальства, и предупредить, что если и затем окажутся виновные в том, то они не избегнут законной ответственности. Служащих же чиновников, кроме того, он приказал предупредить, что те из них, которые позволят себе нарушить эти правила или носить конфедератки и другие знаки польского революционного движения, не будут терпимы на службе.

Имею честь донести о сем в. с. и присовокупить, что главные виновные в нанесении 13 июня публичного оскорбления корпуса жандармов капитану Крайскому¹ — канцелярист Губинский и гимназисты Роткевич и Ключковский, арестованные по распоряжению ковенского губернатора, были вслед за тем освобождены из-под ареста по незнанию в своей вине ковенским вице-губернатором Корецким, которому поручено было отобрать от них объяснения. Это освобождение их без производства расследования и прежде разрешения их участи высшим начальством было перетолковано поляками в свою пользу и оказало весьма вредное влияние на всю губернию, убедив многих в безнаказанности подобных поступков. Ныне, однако, по распоряжению ген.-губернатора г. ген.-адъютанта Назимова предписано выслать Губинского, Роткевича и Ключковского из гор. Ковно, с исключением первого из них из службы, а последних двух из гимназии, без производства формального расследования, которое, по всей вероятности, не повело бы ни к какому результату, потому что никто из поляков не захотел бы свидетельствовать против виновных.

Полковник Скворцов

Помета Доложено е. в. 14 июля.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 319, лл. 15—18. Подлинник

¹ См. док. 148.

² Имеется в виду «Modlitwa do Najświętszej Maryi Panny» («Молитва к пресвятой деве Марии») (см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 319, лл. 19—20).

³ Речь идет о воззвании «Ziombkowi moi Litwini...» («Мои соотечественники литвины...»). Оно вышло из тех кругов дворянства Литвы, которые выступали за сотрудничество с царским правительством. Воззвание написано от имени участника восстания 1831 г., который потерял в результате восстания свое имущество. Автор напоминает помещикам Литвы о «галицийской резне» и отмечает, что руководит освободительным движением молодежь, не внушающая доверия.

⁴ См. док. 148.

153

1861 г. июля 14.—Отношение С. Ф. Хоминского военному начальнику Августовской губ. Л. П. Рудановскому об усилении полицейского надзора в Алексоте и других пограничных местах Царства Польского

Последствием возбужденной мною в 1858 г. переписки о необходимости усилить полицейский надзор Царства Польского в дер. Алексота, соединенной с гор. Ковно мостом через р. Неман, г. наместник в Царстве Польском покойный кн. Горчаков в видах обеспечения надлежащего полицейского надзора над народонаселением дер. Алексоты и близлежащих селений в 1860 г. предписал Правительственной комиссии внутренних и духовных дел составить из оных особую гмину, под названием гм. Алексота, с помещением управления гминного войта в деревне того же имени и оставлением при оном двух полицейантов и трех жандармов, а как по существующему в Царстве Польском порядку при каждом управлении гминного войта должен быть полицейский арест, то предписано немедленно учредить таковой и в дер. Алек-

соте, соответственно всем потребностям надлежащего обеспечения арестантов. Засим последовало высочайше утвержденное 6 февраля 1861 г. мнение Государственного совета об изменении порядка сношений присутственных мест империи и Царства Польского относительно поимки и выдачи преступников, скрывающихся в гор. Ковно и смежной с ним дер. Алексоте.

Изъясненное распоряжение удовлетворяло тогдашней надобности, но при настоящих обстоятельствах оно оказывается совершенно недостаточным. В последнее время здесь, в подражание Царству Польскому, сильнее стала проявляться демонстрация различных видов и форм, заключающаяся, между прочим, в траурном платье и других нарядах, а также пении возмутительных гимнов и т. п. Такие проявления составляют отголосок или повторение действий жителей Царства Польского, которые, по соседству с Ковенской губернией, действуют на умы здешних жителей. В особенности губернский город, по своему положению на самой границе с Царством Польским, находится в постоянных сношениях с тамошними жителями, появляющимися сюда временно в значительном числе. Напротив гор. Ковно, в Алексоте и в дер. Фреда, где устроена временная станция железной дороги, живет без должного контроля значительное число людей разных званий и наций, которые по обязанностям службы или по другим делам проводят в Ковно целые дни. Почему необходимо усилить полицейский надзор в Алексоте и в других пограничных местах Царства Польского.

Вследствие сего, представив об этом по начальству, я о вышеизложенном имею честь уведомить в. п. в том предположении, не изволите ли признать необходимым ныне же сделать соответственное распоряжение насчет усиления полицейского надзора в Алексоте посредством особой жандармской или полицейской команды.

О последующем же не благоугодно ли будет в. п. почтить меня уведомлением.

К сему не излишним считаю присовокупить, что в первых числах сего июля в окрестностях Ковно, в Царстве Польском, было общественное увеселение, на которое приглашены были крестьяне, а также люди низшего и среднего класса из Ковно¹.

Ген.-майор Хоминский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 102, ч. 1, лл. 23—24. Заверенная копия

¹ См. док. 152.

154

1861 г. июля 17.—Донесение капитана корпуса жандармов Будоговского военному начальнику Августовской губ. Л. П. Рудановскому о нанесении ему оскорблений жителями Ковно при провозе арестованного Р. Вежхлейского

Секретно

По приказанию в. п. имею честь объяснить следующее:

Сопровождая чиновника Вежхлейского в С.-Петербург, я должен был на пути в гор. Ковно получить от губернатора подорожную. Ту-

да я прибыл в час пополудни 29 июня; губернатор находился в отпуску, вице-губернатор и правитель канцелярии также не были дома. Подорожную едва получил в 4½ часа, но выехать еще не мог. Не предполагая оставаться долгое время в гор. Ковно, арестованный по приезде туда был помещен в почтовой гостинице в особом номере; усталый от дороги, он нуждался в отдыхе.

По прибытии в Ковно, патриоты-жители не давали покоя своими требованиями допустить их к Вержхлейскому, а за отказ мой в этом осыпали площадной бранью и насмешками. Одного городского лекаря, в присутствии своем, [я] допустил к Вержхлейскому, и то единственно потому, что последний рыдал, как ребенок, а я опасался, что при упадке сил от дороги и зноя сильный плач причинит ему болезнь.

По получении подорожной, толпа любопытных стала увеличиваться с теми же требованиями и ругательствами. Полицмейстера не было в городе. Дабы избежать оскорблений, наносимых мне и жандармам, нужен был частный пристав; он явился после долгих розысков и никакой не принес пользы: завися от публики, не мог объявить мне фамилию студента С.-Петербургской медико-хирургической академии, который провозгласил меня подлецом. Пристав отозвался незнанием его, а какой-то молодой человек, стоявший вблизи меня и слышавший мой вопрос, сказал: «Пристав не может знать его». Следовало ожидать, [что] при выезде моем случится что-нибудь посерьезнее. Будучи выведен из терпения обидами, я твердо решился против замеченного обидчика употребить оружие и потому заявил обо всем вице-губернатору; он убеждал быть покойным, ругаясь, что беспорядка не будет. Между тем, придя в гостиницу, [я нашел, что] лестница, ведущая в номер, полна была народом под предводительством нескольких молодых людей, которые домогались видеть Вержхлейского и ругали моих жандармов, не забывая и о толчках. Вскоре явился полицмейстер, а затем и вице-губернатор, которые упрашивали отказаться видеть арестованного, чего не желал и сам Вержхлейский, выслав об этом через жандармов несколько слов, написанных карандашом на лоскутке бумаги, но и это не помогло: немолодая дама, пробиваясь вперед с свойственным полякам фанатизмом, настойчиво требовала передать Вержхлейскому присланный будто от жены его крестик, а из толпы подкрепляли ее требования. Нужно было уступить домогательству, и для передачи крестика, по совету вице-губернатора, допущены [были] два молодых человека. Потом, когда садился Вержхлейский в почтовую телегу, толпа кричала «Wiwat z powrotem!»^a. С трудом повозка его тронулась с места, а мне, сидевшему позади в особой телеге, еще менее было к тому возможности. Ямщик как ни кричал раздаться, толпа оставалась в одном положении, смотря за отъезжавшим Вержхлейским, а потому легко могло случиться, что в тесноте кто-нибудь получил толчок. За это какой-то человек ударил несколько раз по голове ямщика и сбросил ему шапку, меня провожали бранью. Я выехал из Ковно в седьмом часу, перенеся вместе с жандармами ругательства и оскорбления, от которых не избавило нас и местное начальство.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 31, лл. 2—4 и 6. Копия

^a Счастливого возвращения! (польск.).

1861 г. июля 20.—Донесение П. И. Корецкого В. И. Назимову об уничтожении крестьянами Дукштанской вол. Новоалександровского у. документов волостного правления

И. д. мирового посредника Новоалександровского у. 3-го мирового участка Пизани уведомил, что вследствие жалоб помещиков на слушание временнообязанных крестьян Дукштанской вол. он, Пизани, 14 сего июля отправился в упомянутую волость для водворения порядка. Прибыв в им. Антоново помещика Новагонского, он созвал крестьян, которые при внушении и наставлении оказали явное неповиновение, нанеся ругательства ему, Пизани, и владельцу имения Новагонскому. Не имея никаких средств воздержать крестьян, он приказал главных зачинщиков Лабуцкого и Мешкена подвергнуть легкому исправительному наказанию, но и эта мера не принесла желаемого успеха, ибо крестьяне решительно отказались от повиновения дворовой власти, отзываясь, что они слушаются по наставлению волостного старшины Гришкяна. Вслед за сим г. Пизани отправился в Дукшты, куда вместо лиц, нужных для волостного схода, собралось с лишком 200 человек крестьян, которые под предводительством старшины Гришкяна, несмотря на все внушения и увещания, с яростью отказались от повиновения, отзываясь, что в настоящее время сгонных дней отбывать не будут, хотя бы их убили. Видя невозможность мерами кротости обратиться к долгу пьяную толпу народа, г. Пизани принужден был удалиться из волостного управления. За сим волостной писарь едва успел освободиться от угроз крестьян, которые самовольно уничтожили волостное управление и истребили все заведенные в оном дела, книги и бумаги. По прибытии станового пристава 15 июля, посредством полицейских служителей приглашены были должностные лица и выборные, но никто не явился, кроме старшины Гришкяна, который донес, что требуемые лица не явились по случаю отъезда их в г. Новоалександровск с наказанными крестьянами.

Так как по собранным сведениям оказалось, что старшина Гришкян не содействовал к собранию схода, то и. д. мирового посредника Пизани, устранив Гришкяна от должности, предоставил местному становому приставу упомянутого Гришкяна, равно и прочих зачинщиков беспорядка, подвергнуть аресту с отсылкой в тюрьму. В заключение поручик Пизани, предусматривая из описанного случая самые вредные последствия для всей окрестности, просит о командировании военной команды для водворения порядка и усмирения ослушных.

Вследствие сего, сделав распоряжение о командировании в Дукштанскую вол. одного кавалерийского эскадрона, который имеет расположиться в деревнях этой волости по указанию местного земского исправника постоем, а в случае надобности экзекуцией, я предписал новоалександровскому земскому исправнику немедленно отправиться в названную волость и совместно с и. д. мирового посредника при содействии войск принять действительные удобнейшие меры к восстановлению нарушенного порядка и обращению неповинующихся к долгу. Причем предписано исправнику, по совещании с мировым посредником, главных зачинщиков беспорядка, равно б. старшину Гришкяна,

арестовать и отправить в тюрьму до дальнейшего распоряжения, прочих же, принимавших деятельное участие в нарушении порядка, подвергнуть на месте исправительному наказанию розгами.

О чем в. вл. имею честь донести.

И. д. губернатора
вице-губернатор Корецкий

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 53—54. Подлинник.

156

1861 г. июля 29.—Рапорт новоалександровского земского исправника Б. А. Своицкого С. Ф. Хоминскому о стачке каменотесов в Дукштах на строительстве железной дороги

По делу об отказавшихся от работ на сооружающейся железной дороге каменотесах я отправлялся в Дукшты в контору железной дороги вместе с капитаном корпуса жандармов Крайским для приведения в порядок подрядившихся на эту дорогу работников, из коих 49 каменотесов с 4 июля отказались и не исполняют работ. Принятые нами меры внушения оказывались тщетными, и означенные каменотесы решительно от работ уклонились. Среди того многие из числа сих же каменотесов отправились в Вильно с жалобами к г. ген.-губернатору; 24 июля е. вл. в проезде по железной дороге в С.-Петербург лично приказать нам изволил, разобрав претензии рабочих, восстановить порядок и к совместному исполнению того оставил своего чиновника для особых поручений подполковника Михнева. Претензии отказавшихся от работ каменотесов вообще оказались безосновательны, но и затем они, не внимая внушениям и самым строгим предварениям комиссии, осмеленные дерзостями своих сотоварищей Андрея Петрова и Андрея Степанова, ослушались и на работы не пошли. В дальнейшем ходе сего дела комиссия, затрудняясь в принятии решительных мер, имела сношение по телеграфу с е. вл. г. ген.-губернатором; вследствие того получена депеша 28 июля о подвержении главных виновных аресту, о наказании розгами и о заставлении идти на работу. При производстве дознания о претензиях наиболее оказались виновными из каменотесов крестьяне Самсон Михайлов, Андрей Петров и Андрей Степанов, которые при действиях комиссии оказали дерзости и увлекли всех сотоварищей к ослушанию; поэтому, когда 28 июля, вследствие полученной депешы г. ген.-губернатора, были призваны все отказавшиеся от работ каменотесы и вышепоименованные, яко главные виновники, были арестованы, то во время самой сей операции из них Самсон Михайлов осмелился возвать своих сотоварищей на выручку, и в сию минуту из толпы некоторые намеревались исполнить это, но в одно мгновение самоволье было воздержано, намеревавшиеся дать выручку с помощью полицейских служителей были задержаны и сей час примерно наказаны розгами; причем подтвердилось, что отказаться от работ подучали Самсон Михайлов, Егор Павлов, Андрей Петров и Андрей Степанов; все они, крестьяне Тверской губернии, подвержены тюремному заключению, впредь до дальнейшего распоряжения г. виленского во-

енного ген.-губернатора, на рассмотрение и решение которого подполковник Михнев представил подробное производство комиссии. Таким образом, после наказания розгами пяти человек и после подтверждения аресту вышепоименованных четырех крестьян остальные не оказывали более уклонности от работ и сей час на таковую отправились.

О всем происходившем в. п. в дополнение рапорта от 17 июля № 4¹ и в последствие предписаний от 14 и 21 июля же за № 7246² и 7617³ покорнейше долгом считаю донести⁴.

Земский исправник майор Своицкий

ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 13993, лл. 12—13. Подлинник.

¹ В рапорте говорится, что все каменотесы набраны по контракту из крестьян Тверской губ. помещиков Львова и Леватова. Каменотесы жаловались на плохую пищу и снижение заработной платы (там же, лл. 4—5).

² См. там же, л. 3.

³ См. там же, лл. 6—7.

⁴ Стачка каменотесов в Дукистах имела связь и с волнениями рабочих на строительстве железной дороги в Виленской губ. (см. док. 92).

157

1861 г. июля 31.—Рапорт поневежского земского исправника А. А. Глушанина В. И. Назимову об отказе крестьян им. Биржи и других имений Поневежского у. выбирать сельских должностных лиц

За прибытием по новому назначению к настоящей должности в Поневеж и за получением предписания г. начальника Ковенской губ. 15 сего июля за № 334, не теряя ни минуты времени, съезжал^а в им. Бирже помещика гр. Ивана Тышкевича для содействия и. д. мирового посредника 6-го мирового участка Поневежского у. к водворению порядка между временнообязанными крестьянами гр. Тышкевича, уклоняющимися от выборов сельских должностных лиц и волостного старшины.

Застав в Бирже и. д. исправника старшего заседателя Ивановского, я принял от него к исполнению предписание г. начальника Ковенской губ. от 13 сего июля за № 330 также об уклончивости в 5-м мировом участке крестьян соседних с Биржами имений: Монтегалишки, Подгайчи, Битнишки и Люкяны помещиков Гольштейнов¹.

Почему предварительно начато от внушения крестьянам необходимости избрания должностных лиц, но когда меры кроткого убеждения не подействовали, то сходно разрешению г. начальника губернии, в предписании за № 330 изложенному, по краткости времени, к которому назначен сбор в гор. Поневеж С.-Петербургского уланского е. в. короля баварского полка, потребован от сего полка 4-й эскадрон и 25-го числа сего июля расположен воинскою экзекуцией у временнообязанных крестьян имений Монтегалишки, Подгайчи, Битнишки и Люкяны. Затем по требованию г-на и. д. мирового посредника 6-го участка я распорядился 27 сего месяца постановлением от того же полка 1-го

^а Т. е. поехал, отправился.

эскадрона также на экзекуцию в Шлейдеришское сельское общество, принадлежащее к им. Бирже гр. Тышкевича, по тому уважению, что крестьяне сего общества наиболее ослупны и упрямство их вредно действует на другие сельские общества им. Бирже. Успеха от поставленной экзекуции, особенно в Шлейдеришском сельском обществе, совершенно нет никакого, ибо эта мера при зажиточности крестьян гр. Тышкевича принята ими совершенно равнодушно, как бы не была наказанием.

Степень ослупности и сопротивления усилилась до величайшей степени, так что почти все крестьяне им. Бирже гр. Тышкевича взволнованы, потому, собственно, что крепко вкоренилось заблуждение, что гр. Тышкевич хочет их закрепостить, и во всех распоряжениях и побуждениях начальства, чтобы произведены были выборы должностных лиц, хотят видеть происки гр. Тышкевича, с таким притом убеждением, что по тем же проискам будто бы скрыт перед ними настоящий манифест о даровании свободы со всем наделом земли, и поэтому ожидают каких-то повторительных указов и манифеста.

Нет никаких средств и возможности в настоящем заблуждении образумить крестьян, ибо они недоверчивы не только к начальствующим лицам, но даже к духовенству, имевшему в прежнее время перевес, и потому здесь неизбежны меры строгие, меры решительные.

О чем на начальническое благоусмотрение в. вл. честь имею донести и доложить, что обо всем вышеписанном подробно донесено г. начальнику Ковенской губ. и представлено на разрешение, как приказано будет в дальнейшем действовать по сему предмету, а также испрашивается распоряжение к оставлению воинской экзекуции и к усилению оной назначением нового войска, ибо по огромности им. Бирже сие признается крайне необходимым, а ограничиться одним эскадронам никак невозможно².

Земский исправник Глушанин

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 55—56. Подлинник

¹ Под влиянием событий в Биржах крестьянские волнения распространились также и на другие имения Поневежского у.: Бутнюны помещика Ф. Гача, Понемуни — А. Семуцкого, Рымдауги — К. Гарена, Тальгейм — М. Гротус, Лункецы — Ф. Черкасской, Германишки — Фликенштейна и др. (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 4 эксп., 1862 г., д. 205, лл. 13, 19; д. 15, лл. 67—68).

² О дальнейшем развитии волнений в Биржах, которые продолжались семь месяцев и охватили 14 000 крестьян, см. док. 182, а также ГАГК, ф. 50, оп. 1, 1861 г., д. 14058; ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 4 эксп., 1862 г., д. 205; ЦГИА СССР, ф. 1291, 4 делопр., оп. 52; 1861 г., д. 15; ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 123—124.

158

1861 г. июля 31.—Рапорт П. И. Корецкого В. И. Назимову о демонстрации-процессии жителей Ковно через р. Неман в сел. Алексота¹

В последствие представления моего от 24-го числа настоящего июля за № 667 имею честь донести в. вл., что сегодня около 8 час. утра ковенские жители обоих полов и всех сословий начали собираться в Августинский костел (все женщины в светлых платьях), откуда чрез

час двинулась процессия с хоругвями, крестами и святыми иконами в сопровождении духовенства к р. Неману, и в то же время такая же процессия направилась к ней навстречу со стороны Царства Польского из сел. Алексоты; мост был, согласно прежнему распоряжению, разведен, а для преграждения пути к мосту поставлен был взвод конных казаков² в конце улицы, ведущей к реке. Но остановить эту процессию, состоявшую из нескольких тысяч народа и непрерывно умножавшуюся новыми лицами, невозможно было ни этой преградой, ни увещаниями полицмейстера и моими собственными: на все был один ответ: что это молитва, возносимая к богу, и что ее никто и ничто не заставит прекратиться, как сердечное излияние чувства к верховному существу.

Потом толпа молившихся остановилась пред остатком неразведенного моста, на конце которого одно только духовенство с крестами и хоругвями (с разными эмблемами) совершало молебствие, а на противоположном конце разведенного моста то же совершалось польской процессией.

Затем народ бросился с обеих сторон притягивать к мосту разведенные части, здесь же при мосте обыкновенно во время разведения остающиеся; на мост хлынула процессия всей густой толпой, и остановить ее нельзя было иначе, как с кровопролитием; дабы же действовать на мосту (состоящем, кроме того, в заведывании управления путей сообщения), потребовались бы многочисленные жертвы, но по перевозомающему большинству на стороне участников в процессии, конечно, и при этих жертвах процессия все же возымела бы свое направление. Потом обе процессии, соединившись, пошли за Алексоту.

Соображая последствия подобных столкновений в Царстве Польском, где все средства и полномочия высших начальников не могли остановить беспорядка, как видно из упомянутого мною в означенном представлении № 667 отзыва военного начальника Августовской губ., из которой возникло начало и настоящей обоюдной процессии, я при таком двойном затруднении, не имея другого поручения о приостановлении ее, кроме сообщенного мне от имени в. вп. ген.-майором Хоминским распоряжения о разводе моста, истощив безуспешно все увещания, не решился на принесение жертв, чтобы не дать виновным предлога к какому-либо обвинению правительства в препятствовании приносить молитвы богу: не снабженный никаким определительным наставлением на подобные случаи, приуроченные всеобщим в настоящее время распадениям умов, видя в этой процессии весь наружный образ религиозно установленных крестовых ходов, управляемых не произвольно одной светской толпой (как разнесся первоначально слух), но, подобно всем церковным обхождениям², руководимых священнослужителями, я должен был взвесить, что из двух крайностей менее губительно по своим последствиям: принесение ли жертвы убийством и утоплением и все-таки совершение обряда, или совершение без жертв одного только обряда, прикрытого всеми священными атрибутами, и избрал последнее, тем более что, по секретным сведениям, многие исповедью и причащением святых тайн приготовили себя к смерти.

Повергая все это на начальниче в. вп. благоусмотрение, спешу об этом донести прежде получения еще сведений о дальнейших действиях

² Т. е. шествиям.

и направлении процессий. Для будущих же соображений не оставьте, в. вп., почтить меня начальническим наставлением.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 102, ч. 5, лл. 54—56. Заверенная копия

¹ См. также док. 159 и 161.

² О командировании в гор. Ковно сотни казаков см. уведомление В. И. Назимова В. А. Долгорукову от 29 июля 1861 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 102, ч. 1, л. 40).

159

1861 г. августа 2. Ковно.— Из письма неизвестного лица в Петербург подполковнику генерального штаба Я. Савицкому¹ о демонстрации 31 июля 1861 г. в Ковно²

Теперь перехожу к нашим новостям. Тебе, конечно, известно, что положено было праздновать 31 июля в память присоединения Литвы к Польше. В этот день весь город собрался в костеле, женщины в белых платьях, с венками на голове, а мужчины в праздничном костюме. Траур совершенно исчез. Накануне одна часть жителей причастилась святых тайн и приготовилась к смерти, ибо полиция и жандармы разгласили, что в случае, если процессия состоится, стрелять будут; и в самом деле, казакам, уланам и гарнизонному батальону было роздано по несколько боевых снарядов^а. В 9 час. утра со стороны Годлева и Понемоня^б тронулась процессия к мосту. Когда она выступила из костела по узкой улице, ведущей в город, то сотня казаков представилась ей, выстроенных в тесных шеренгах. Несмотря на то, что процессия с крестом, хоругвями и алтарями во главе смело двинулась вперед, дошла до казаков и хотела потихоньку пробраться, но тут заиграли нагайки, не уважая ни женщин, ни мужчин, и были даже употреблены пики. Это произвело минутное смятение, но вдруг один из мужчин закричал: «На колени», запел «Święty Boże»^в и с поднятым крестом открыл толпе дорогу через казаков. За казаками стояла полиция; и через оную удалось пробраться, и, наконец, процессия приблизилась к мосту, но мост был разведен. На обоих берегах Немана народ, стоя на коленях, с горькими слезами начал петь гимн. Между тем Бур[гард] и С[еменов]^г приказали эскадрону уланов проскакать марш-маршем и с обнаженными саблями к мосту, а гарнизонному батальону зайти с другой стороны. Трудно вообразить, какие бы это имело последствия, но и. д. губернатора, после сильного спора, дал контрордр^г. Уланов вместе с казаками и с полицией вернули с площади. Тогда на лодке переправили ксендзов с хоругвями на другой берег (молодежь успела навести мост) и все двинулись к Алексоте^д, а оттуда к часовне Пионтки. Там после обедни Годлевские пригласили всех отобедать, что не безделица, ибо надо было накормить от 15 до 20 тысяч человек. В 4 часа вся толпа возвратилась в город и, отслужив в костеле молебен, самым спо-

^а Т. е. патронов.

^б В тексте Понемея.

^в «Святой боже...» (польск.).

^г Contre-ordre — противоположное приказание (франц.).

^д В тексте Алексотену.

койным образом разошлась по домам. Между тем растерявшееся начальство, собравшись с духом, приказало в 11 час. вечера уланам оседлать лошадей и прибыть в город, но потом со стыдом отменило эти распоряжения. Корецкий так был огорчен нагайками и пиками, что заболел и сдал должность Маресеву⁴. Итак, губернией теперь управляет триумvirат, по распоряжению которого уже наряжено следствие и положено арестовать кого следует, чего, между прочим, не сделали. Бедный Ромуальд⁵ так был взбешен против полицмейстера, что публично хватил его за грудь,—предводители уже поехали к нему с извинением, и, кажется, дело это уладится.

Из этого краткого описания ты увидишь, что у нас делается, я ни слова не прибавляю; несколько девушек лежат со следами от нагаек на спине,—мужчины молчат, но прихрамывают и не могут поднять руки.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, СА, оп. 2, д. 376, лл. 4—5 об. Перевод с польского⁶

¹ О пребывании Яна Савицкого в гор. Ковно на посту начальника штаба 1-й кавалерийской дивизии и переводе его в Курск за участие в чествовании поэта Л. Кондратовича (В. Сырокомли) весной 1861 г. см.: *Struś (J. Stella-Sawicki). Moje wspomnienia (1831—1910)*. Lwów, b. r.

² См. также док. 158, 161.

³ Начальник 1-й кавалерийской дивизии и его помощник.

⁴ Председатель казенной палаты. Очевидно, автор имеет в виду временное состояние, так как Корецкий оставался на должности вице-губернатора до 19 марта 1865 г.

⁵ Имеется в виду инженер-капитан путей сообщения Ромуальд Кулаковский. О привлечении его к ответственности за участие в демонстрации 31 июля и оскорбление полицмейстера Васильева см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1121, лл. 2—8.

⁶ Сохранилась только переведенная копия письма (перелюстрация).

160

1861 г. августа 19.—Донесение С. Ф. Хоминского В. И. Назимову о пении запрещенного гимна и изгнании жандармов из костела в гор. Тельши

Начальник Тельшевской жандармской команды прапорщик Брандт донес ковенскому жандармскому штаб-офицеру, что 15 сего августа, в день успения пресвятой богородицы, писарь вверенной ему команды Игнатий Бучинский, католического вероисповедания, находившийся у вечерни в городском костеле, был прогнан оттуда и бит по ногам булавою одним университетским студентом, переодетым в платье костельного швейцара. Узнав об этом, прапорщик Брандт отправился сам в костел чрез монастырский вход и стал около алтаря. Прихожане пели при нем революционный гимн с аккомпанементом органа. Когда кончилась вечерня, то прапорщик Брандт пошел из костела тем же путем, но вдруг толпа с криком бросилась за ним. Ускорив шаги, он успел выйти благополучно на улицу, но толпа, выбежав за ним, бросала в него камнями и бранила его неприличными словами.

Получив о сем рапорт штаб-офицера корпуса жандармов, находящегося в Ковенской губ., я поручил командированному в распоряжение мое состоящему при Министерстве внутренних дел майору Стесселю немедленно отправиться в гор. Тельши и, по произведении на месте

точнейшего дознания, руководителей и главных виновных в означенном буйстве, равно студента, переодевавшегося в платье швейцара, доставить ко мне в Ковно на почтовых лошадях под военным конвоем, о назначении которого, а также и об оказании зависящего, в случае надобности, содействия предложено мною командиру квартирующего в Тельшах полка.

Об этом имею честь донести в. вл. с присовокуплением, что о результате порученного майору Стесселю дознания и о дальнейшем направлении сего дела я не премину донести в. вл.

Отправляя майора Стесселя, я поручил ему, если по местному дознанию окажется, что в описанном происшествии принимало участие местное городское население, то по сношению с полковым командиром ввести в Тельши дивизион драгунов и расположить военным постом у обывателей командами, не менее 10 человек каждая, при одном унтер-офицере, за исключением домовладельцев-евреев, освобождаемых от этой повинности, с надлежащей, впрочем, законной осмотрительностью и тем благоразумием, которое должно быть внушено настоящим положением дел¹.

Ген.-майор Хоминский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 116, лл. 1—2. Подлинник

¹ По дознанию, произведенному майором Стесселем, оказалось, что должность костельного швейцара в тот день исполнил писарь Тельшевского уездного суда Петрулевич, который и был арестован. Виновные в «убийстве» служащий тельшевской городской ратуши губернский секретарь Бейнар и служащий в уездном суде Шимкевич также подверглись аресту. В происшедшем принимали участие и студенты Московского университета Клайшевич и Медекша, которые вскоре уехали в Москву.

По распоряжению В. И. Назимова, Петрулевича, как раскаявшегося, оставили на месте службы и освободили из-под ареста. Бейнар и Шимкевич были уволены со службы с учреждением над ними полицейского надзора; о студентах было сообщено в университет (см. там же, л. 19, а также док. 164).

161

1861 г. августа 25.—Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову о демонстрации 31 июля в Ковно¹ и манифестационном движении в губернии

10 августа за № 179 я имел честь донести в. с. о назначении следственной комиссии для обнаружения главных виновных в беспорядке, происходившем в Ковне 31 июля. Комиссия эта по распоряжению ген.-губернатора г. ген.-адъютанта Назимова ныне закрыта, и начатое ею дело передано для дальнейшего производства в Виленскую политическую комиссию. Настоящая причина этого распоряжения ген.-губернатора здесь неизвестна.

Начатым расследованием Ковенской комиссией главные виновные в беспорядке 31 июля еще не открыты вследствие всеобщего запирательства, но обнаружено, что в беспорядке этом принимали участие из более влиятельных лиц, кроме трех ксендзов, ковенский уездный предводитель дворянства Жилинский и капитан корпуса путей сообщения

Кулаковский. При произведенных же комиссией внезапных обысках найдены у варшавского уроженца Людовика Бриля, служащего в конторе железной дороги, важные бумаги, объясняющие отчасти причины настоящего волнения умов в здешнем крае, именно: воззвание польских эмигрантов Мерославского и Высоцкого от 10 мая 1861 г. и литографированное послание ко всем полякам от жителей Варшавы, а также революционные гимны на польском и литовском языках. Первые две бумаги при сем в копии прилагаются².

После принятых в последнее время в гор. Ковно, по высочайшему повелению, административных мер для воздержания политических демонстраций (а именно: отобрание от жителей оружия, расположение между ними на квартирование уланского полка, усиление караулов и патрулей, воспрещение ходить по улицам после 9 часов вечера и пр.) уличные беспорядки прекратились, и толпы не осмеливаются уже собираться в городе для процессий и других манифестаций. Но пение революционных гимнов в католических церквях, несмотря на объявленное запрещение, продолжается с упорством, равно как ношение траура и других знаков польского патриотического движения.

В прочих местах губернии политическое волнение и беспорядки до сих пор не уменьшились. Дворяне и чиновники стараются распространить пение революционных гимнов и устраивают процессии и гулянья, чтобы сблизиться с крестьянами и увлечь их в польское патриотическое движение. После общей в губернии манифестации 31 июля Osborne беспорядки, кроме гор. Тельши (о котором донесено 19 августа за № 183), происходили преимущественно в Россиенском у., а именно: 16 августа была устроена несколькими помещиками процессия из м. Скирстимоне в м. Юрбург, на расстоянии 9 верст, и обратно. В процессии этой участвовали два католических священника и до 3 тысяч человек, наиболее крестьян, из которых некоторые пели революционные гимны на литовском яз. 12 августа в католической церкви в м. Колтинянах был пет новый гимн, сочинения дворянина Войшвиллы, а местным ксендзом произнесена к народу речь о соединении Литвы с Польшей. 10 августа в церкви м. Шидлово многие дворяне пели революционный гимн в присутствии католического епископа Волончевского, вопреки, впрочем, желанию сего последнего. Из полученных сведений известно, кроме того, что приготавливаются значительные манифестации в Юрбурге 27 августа и в м. Шидлово 8 сентября во время имеющей быть там ярмарки.

Для водворения порядка в означенных местах и для предупреждения приготавлиющихся манифестаций ковенский губернатор командировал присланных в его распоряжение из Министерства внутренних дел: в м. Юрбург — чиновника Мороза, а в Россиенский и Тельшевский уезды — майора Стесселя, предписав им, по произведении дознания на месте, арестовать главных зачинщиков беспорядков и выслать их в Ковно. Вместе с тем ковенским губернатором сделано распоряжение о командировании в м. Шидлово 2 эскадронов кавалерии для соблюдения порядка во время предстоящей там ярмарки, на которой обыкновенно собирается до 15 тысяч человек. Сверх того, по распоряжению ген.-губернатора г. ген.-адъютанта Назимова, гор. Ковно и Ковенская губ., кроме Новоалександровского у., объявлены на военном положении.

Можно надеяться, что эти меры остановят дальнейшее развитие своеволия и беспорядков в уездах, тем более, что беспорядки эти усилились там в последнее время потому единственно, что местное начальство до сих пор не принимало почти никаких мер к их воздержанию и что все своевольные и дерзкие поступки злоумышленников оставались без наказания.

Полковник Скворцов

Пометы Известны ли прокламации? Извлечение в переводе — доложить.

Рукой Долгорукова Донесение это уже весьма старо. Надобно ожидать от полковника Скворцова новых сведений о положении Ковенской губ. Он, вероятно, не замедлит. 20 сентября.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 304, ч. 1, лл. 18—21. Подлинник

¹ О демонстрации 31 июля 1861 г. в Ковно см. док. 158, 159, а также ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1121, л. 28; 1861 г., д. 102, ч. 5, лл. 33, 36, 57—58; ф. 419, оп. 2, д. 124, лл. 179—180; ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 1; д. 304, ч. 1.

² См. там же, лл. 22—31. Подлинные материалы обыска у служащих на железной дороге Людвика и Гилярия Брилей см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 102, ч. 5, лл. 84—100. Среди этих материалов — рукописная копия подписанного Л. Меро-славским и Ю. Высоцким воззвания «Przegląd naszych stanowisk» («Взгляд на наше положение») от 10 мая 1861 г. В нем говорится, что настало время перейти к активным действиям, содержится призыв к молодежи вступать в военную школу для подготовки кадров будущего народного ополчения, предлагается производить денежные сборы для организации борьбы. Литографированное воззвание жителей Варшавы, обнаруженное у Брилей, носит название «Pismo do wszystkich rodaków na ziemi Polskiej» («Послание ко всем соотечественникам-полякам») и призывает к единству и готовности к борьбе.

162

1861 г. августа 30. Ковно.— Донесение А. М. Гильдебранта В. А. Долгорукову о политическом положении в Ковенской губ. и неблагонадежности мировых посредников

На днях объявлены ген.-губернатором Назимовым Ковенская губ., Вильно, Гродно, Белосток, Бельск и Брест-Литовск в военном положении¹. Мера эта сильно перепугала беспокойных поляков, и они притихли заметно, хотя пение революционного гимна еще продолжается в ковенском костеле, в чем в особенности принимают участие дамы, возмущающие себя вне нового закона; да и народ не понимает настоящего значения военного положения, которого правила и меру наказания заслушание и нарушение порядка следует опубликовать во всеобщее сведение. О чем я сообщил лично ковенскому военному губернатору Хоминскому.

Военное положение при нынешних обстоятельствах есть необходимая и по последствиям своим благая для поляков мера. Она убедит их в твердой воле государя императора не отделять Западного края от России и тем будет способствовать к прекращению распространявшихся более и более революционных манифестаций и, наконец, восстановит, как надеяться можно, без кровопролития, спокойствие и нарушенный порядок в крае; а если бы со всем тем еще обнаружались

неблагонамеренные попытки, то стоит только главных подстрекателей и подстрекательниц, двух или трех ксендзов и столько же знатных дам отправить во внутренние губернии, и тогда ручаться можно, что порядок установится окончательно. В этих видах было бы весьма кстати выслать в Россию предводительствовавших 31 июля революционной процессией в Ковно трех ксендзов и уездного предводителя, а участвовавших в оной трех офицеров корпуса путей сообщения предать суду, и каждый благомыслящий человек, конечно, признает такое распоряжение вполне заслуженным.

Но прекращение публичных манифестаций еще не может служить достаточным ручательством в успокоении края в будущем. По дознаниям, собранным мною в проезде по Ковенской губ., оказывается, что некоторые мировые посредники действуют тайно и, сколько возможно, незаметно к устранению земской полиции от всякого влияния на крестьян, внушая, будто по новому положению только они, посредники, имеют над ними распорядительную власть. Нельзя не подозревать, чтобы такие действия не заключали в себе неблагонамеренного умысла. Они оправдывают предсказание мое, изложенное в докладной записке г. начальнику штаба² от 31 минувшего июля за № 283, что народонаселение при неослабных внушениях ксендзов и дворян может быть доведено до пассивного сопротивления правительству и земская полиция, как первая и ближайшая законная власть, утратит тогда всякое административное значение. Губернатор Хоминский, с которым я объяснялся по этому важному, требующему неослабного наблюдения местного начальства предмету, отвечал мне, что он уже получил на днях из Вильны сообщение в этом роде, но что таковое действие может относиться разве к какому-нибудь одному посреднику; вообще же лица эти стараются сблизиться с крестьянами не в преступных видах, но для приобретения доверия, необходимого при исполнении лежащих на них обязанностей.

Для ослабления влияния помещиков и посредников на крестьян весьма было бы полезно определить волостным ключвойтам³, как непосредственным подчиненным и помощникам станowych приставов, имеющим большое влияние на крестьян, жалованье на счет земских сборов, и тогда можно будет ожидать от них более усердия и преданности правительству. Ныне же получаемое ими пособие зависит единственно от произвола и великодушия помещиков и мировых посредников.

Еще должен я сказать о земской полиции здешнего края, что исправники и становые приставы действуют вообще робко и нерешительно и большей частью умалчивают о неблагонамеренных поступках пользующихся связями дворян, так как по бывшим примерам предместники их лишались мест по влиянию знатных помещиков на местные власти. Об этом дознании, как и о всем вышеизложенном, я не премину доложить г. ген.-губернатору Назимову с возвращением моим в Вильно, куда полагаю отправиться завтрашнего числа.

В письме к г. начальнику штаба от 11 текущего августа я излагал мнение мое о затруднительном положении ковенского губернатора Хоминского, как поляка и литовского дворянина, в отношении к соотчичам его. Дознания мои здесь, в Ковно, подтвердили мнение это. Проникнутый чувством долга, благородный, умный и благонамеренный

Хоминский не может, как человек с сердцем, всегда противостоять влиянию друзей и родственников и потому действует, сам того не замечая, иногда слабо и нерешительно. Обвинять его за это было бы несправедливо: невозможно требовать, дабы человек отрешился от врожденного сочувствия ко всему родному.

Остается еще сказать о Тельшевской и Россиенской жандармских командах, которые я нашел так же бесполезными, как и прочие мелкие команды вверенного мне округа, и тем более, что в Тельшах и Россиенах расположены кавалерийские полки. Ковенский жандармский штаб-офицер, соглашаясь с мнением моим, объяснил однако, что начальники сих команд доставляют ему важные сведения о состоянии умов жителей и о происшествиях на прусской границе. По этим сообщениям я полагал бы не упразднить, по крайней мере при настоящих обстоятельствах, команды эти.

О чем в. с. почтительнейше донести честь имею.

Ген.-майор фон Гильдебрант

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 161—166. Подлинник

¹ См. док. 26.

² Начальнику штаба корпуса жандармов. См. док. 21.

³ Ключвойт — в XIX в. полицейское должностное лицо, подчиненное становому приставу. Назначались обычно из мелкой шляхты. Соответствует сотскому.

163

1861 г. августа 31.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о нападении на почтовый дилижанс, в котором ехал виновник расстрела демонстрации в Варшаве 15(27) февраля 1861 г. ген. В. И. Заболоцкий

Туржанский станционный смотритель 18 минувшего июля донес Ковенской губернской почтовой конторе, что сопровождавший утром почтовый экипаж с пассажирами из Ковно в Динабург смотритель экипажей Иванов, по прибытии на Туржанскую станцию, объявил о случившемся происшествии, именно: проехав гор. Ковно, на второй версте при выезде на гору, по шоссе по обеим сторонам дороги находился какой-то неизвестный народ и с криком бросал камнями в почтовый экипаж, на котором при осмотре на станции оказались на правой стороне три царапины от ударов камнями. Ямщик Шедискис и сторож Ярас, препровождавшие экипаж за город, подтвердили показание смотрителя Иванова с некоторой разницей.

Получив о сем уведомление, начальник Ковенской губ. предписал ковенскому полицмейстеру сделать разыскание о том, по какому случаю было собрание народа при следовании почтового экипажа, кто составлял эту толпу и какая была причина описываемого нападения.

По разысканию оказалось, что 18 июля, в исходе 3 часа пополудни, отправлен был почтовый экипаж из Ковно в Динабург, в сопровождении смотрителя Иванова, с 6 пассажирами*. По выезде из горо-

* В числе пассажиров находился б. дежурный генерал 1-й армии ген.-лейтенант Заболоцкий.

да, на второй версте, ямщик Якуб Шедискис заметил в кустарниках близ шоссе по правой стороне толпу людей около 20 мужчин и женщин, которые при подъезде дилижанса стали кричать: «Разбойники, злодеи!». Когда смотритель приказал скорее ехать, то догонявшие стали бросать камнями в экипаж сзади, отчего остались на нем следы царапин; накануне еще, 17 июля вечером, проплыли по Неману из Царства Польского выше сооружаемого там моста две или три большие прусские лодки с какими-то господами, которые переправясь, как нужно полагать, направили путь через Кармелитскую юрисдикцию и кладбище на Зеленую гору, и там, вероятно, в кустарниках толпа эта дожидалась проезда почтовой кареты.

При дополнительном разыскании ковенского полицмейстера виновных в означенном нападении не обнаружено, ибо ямщик Шедискис, сторож почтовых экипажей Ярас и смотритель Иванов, по случаю ночной темноты, никого опознать не могли. Впрочем, дознано, что когда ген.-лейтенант Заболоцкий поздним вечером 17 июля приехал по железной дороге на Ковенскую станцию в Дольной Фреде (в Царстве Польском), то между собравшимися там людьми проявлялось любопытство видеть упомянутого генерала, как можно предполагать, с целью нанести ему оскорбление; засим неизвестные люди переправились на лодках через р. Неман на Зеленую гору, где ночью в 2½ часа при следовании почтового экипажа толпа, состоявшая из 30 или более человек, произносила бранные слова: «Злодею, галгане»^а и бросала камнями с обеих сторон кареты, на коей оказались, как выше сказано, четыре царапины от ударов камнями. Карета спереди задерживаема не была, и покушения на грабеж не обнаружено; выстрелов также слышно не было; сам смотритель экипажей Иванов на допросе у полицмейстера показал, по слуху, в Динабурге, что описанное нападение сделано с целью оскорбить г. Заболоцкого и крик с бранью относился к нему.

О таковом происшествии я счел долгом уведомить в. с., присовокупляя, что дело об этом предмете отослано начальником губернии в Ковенский уездный суд для зависящих, согласно 11 ст. приложения к 2654 ст. т. II губерни[ских] учреждений, распоряжений к дальнейшему производству оного в формальном порядке¹.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 220, лл. 17—19. Подлинник

¹ См. об этом же событии донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову — там же, л. 7.

164

1861 г. сентября 5.— Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову о политических манифестациях в Ковенской губ.

25 августа за № 193¹ я имел честь донести в. с., что политическое волнение и манифестации продолжают еще в уездах Ковенской губ. и что для водворения там порядка командированы были присланные

^а *Złodzieju, gałganie* — вор, прохвост (польск.).

из Министерства внутренних дел в распоряжение ковенского губернатора чиновник Мороз и майор Стессель.

Чиновник Мороз, произведенным на месте дознанием удостоверяться, что главными виновными в устройстве политической манифестации 16 августа в м. Юрбурге были кс. Станкевич и Ходорович, помещик Ясенский и студент Московского университета Немчевский, арестовал их и препроводил в гор. Ковно, откуда они были отправлены в Виленскую цитадель, на распоряжение г. ген.-губернатора. У прочих же обвинявшихся помещиков, как в участии в политической манифестации, так и в старании склонить к тому крестьян, чиновник Мороз поставил военную экзекуцию.

Майор Стессель, по обнаружении, что переодевавшийся 15 августа в гор. Тельши в платье костельного швейцара и выгнавший булавой из костела писаря жандармской команды был не студент, а канцелярист Тельшевского уездного суда Петрулевич, арестовал его и выслал в Ковно, где он содержится впредь до распоряжения ген.-губернатора. Виновные в нанесении ругательств прапорщику Брандту и бросании в него камнями майором Стесселем не обнаружены по недостатку свидетелей. Прапорщик Брандт обвиняет в том наиболее двух студентов Московского университета — Клайшевича и Медекшу, но как они до приезда еще майора Стесселя были высланы из Тельши, по распоряжению губернатора, за участие в пении возмутительных гимнов, то и не могли быть арестованы майором Стесселем².

Вышеозначенные меры и объявление губернии на военном положении способствовали к уменьшению беспорядков. Политическая процессия, предназначенная на 27 августа в м. Юрбурге, не состоялась, и новых процессий с тех пор нигде устраиваемо не было. Пение возмутительных гимнов по католическим церквам во многих местах прекратилось, но в гор. Ковно оно продолжается с упорством, несмотря на то, что было уже арестовано несколько лиц, замеченных в костеле полицией. Чтобы настоять на своем и иметь повод нарекать на местное начальство и правительство, злоумышленники и преимущественно дамы высшего сословия придумали теперь петь в церквах в присутствии полиции, на голос революционного гимна, обыкновенные церковные молитвы, но когда они уверены, что не могут быть замечены, то начинают петь немедленно революционный гимн. По невятности пения часто бывает решительно невозможно разобрать, что поется, а потому если этот изворот будет допущен, то, без сомнения, пение революционного гимна под этим предлогом возобновится во всем крае. Ношение конфедераток и других отличительных знаков польского революционного движения тоже уменьшилось вследствие строгого наблюдения со стороны полиции, но женщины продолжают носить глубокий траур и большие черные кресты с распятием и четками на груди, сверх верхней одежды. Впрочем, на этот последний предмет не было еще обращено внимание местного начальства и не было объявляемо запрещений.

Уменьшение политических манифестаций и уличных беспорядков под страхом первого впечатления после объявления края на военном положении^a не может еще служить ручательством за восстановление

^a В тексте на военное положение

спокойствия. Судя по взволнованному состоянию умов польских сословий и по выказываемой ими ненависти к правительству и России, можно полагать, что для прочного водворения порядка необходимо было бы принятые ныне строгие меры поддержать во всей силе, не на одной только бумаге, в течение некоторого времени, пока следы манифестаций и дерзкого своеволия не исчезнут совершенно. Всякое послабление в этом случае могло бы иметь вредное последствие, возобновить беспорядки и совершенно уронить власть в общественном мнении.

Продолжение на некоторое время мер строгости в здешнем крае тем более необходимо, что тайные злоумышленники по-прежнему стараются распространением ложных слухов и кривыми толкованиями распоряжений правительства поддержать в польских сословиях надежду на скорое восстановление Польши и что, не имея возможности ныне, при угрозах военной силы, производить открытых беспорядков, они, без сомнения, начнут действовать тайными, но более опасными и верными путями к привлечению простого народа на свою сторону и к развитию в нем ненависти и недоверия к правительству. Распространенное в недавнее время в здешнем крае литографированное в Варшаве воззвание к католическому духовенству ясно выражает их стремление. Один экземпляр этого воззвания при сем прилагается с русским переводом³. В этом отношении обращают на себя также внимание и действия мировых посредников⁴. Пользуясь своим положением, они стараются отдалить всякое влияние полиции и других властей на временнообязанных крестьян и подчинить их полной своей зависимости и своему влиянию. Такие действия мировых посредников не представляли бы опасности, если бы они были преданы правительству и России. Но как и они, будучи все поляками, разделяют патриотические увлечения здешних польских сословий, то исключительное и постоянное влияние их на временнообязанных крестьян может иметь вредные последствия на сих последних, отдалить их от всего русского, сблизить с польским элементом и вселить в них желания и стремления, противные видам и выгодам правительства, которых до сих пор они не обнаруживали.

Имею честь донести о сем в. с. и присовокупить, что слухи о приготавливавшейся в больших размерах политической манифестации 8 сентября в м. Шидлове в Россиенском у. во время предстоящей там ярмарки еще не прекратились. Для предупреждения могущих произойти там беспорядков будут приняты со стороны моей, как временного коменданта ярмарки, надлежащие меры.

О последующем я буду иметь честь немедленно донести в. с.

Полковник Скворцов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 3, лл. 37—41 об. Подлинник

¹ См. док. 161.

² Подробнее о событиях в гор. Тельши см. док. 160 и примечание к нему.

³ Имеется в виду воззвание «*Głos narodu polskiego do szanownego duchowieństwa*» («Голос польского народа к почтенному духовенству»). См. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, лл. 42—44.

⁴ Помета на полях Сообщено управляющему Минист[ерством] внутренних дел.

1861 г. сентября 5.—Донесение С. Ф. Хоминского В. И. Назимову об отказе помещиков облегчить повинности крестьян¹

По объявлении манифеста и законоположений 19 февраля ковенский губернский предводитель дворянства, желая облегчить крестьян в отбывании разнообразных повинностей в имениях, состоящих на барщине, и непосредственно привести сии повинности к размеру, ст. 150 Мес[тного] полож[ения] определенному, а также в отклонение могущих возникнуть в течение переходного двухлетнего времени затруднений по отбыванию сих повинностей крестьян[ами], предложил от 6 минувшего апреля всем уездным предводителям пригласить помещиков на предстоявших чрезвычайных уездных собраниях дворянства к приведению сих повинностей к четырем мужеским и четырем женским дням в неделю с двадцатидесятиного участка по тем имениям, в которых повинность издельная отбывалась в большем размере, и затем не требовать уже никаких добавочных повинностей.

Предложение губернского предводителя было принято только ковенским и новоалександровским собраниями, другие же уезды не приняли оно, потому что, по их мнению, всякая уступка и всякая отмена в инвентарном положении до составления новых актов, точно определяющих поземельные отношения, не принося для крестьян существенной пользы, вызвала бы в них желание и домогательства новых уступок, от чего могли бы возникать беспорядки и волнения. По получении предложения в. вл. от 18 августа за № 7048², я предложил приглашенным в гор. Ковно уездным предводителям дворянства последовать примеру Виленской губ. и принять меры к облегчению добавочных повинностей впредь до составления уставных грамот. Но предводители все единогласно объявили, что при всевозможных снисхождениях, оказываемых от помещиков крестьянам, на всеобщую по губернии отмену добавочных повинностей или на другую уступку согласиться не могут, потому что теперь опыт уже доказал вредное влияние уступок на умы крестьян. В подтверждение своего мнения они привели в пример Виленскую губ., а также Ковенский и Новоалександровский у. Ковенской, в которых только и происходили беспорядки между крестьянами по поводу отбывания повинностей. Губернское по крестьянским делам присутствие, принимая в уважение, что в продолжение самого тяжкого рабочего времени жалоб от крестьян на обременение их повинностями в присутствие вовсе не поступало, что, как видно из донесений мировых посредников и как по частным сведениям известно, помещики повсеместно оказывают крестьянам всевозможное снисхождение, что изменять размеры отбываемых крестьянами повинностей было бы опасно для общего спокойствия и порядка в губернии; наконец, что постепенно совершающийся переход от барщинного хозяйства к оброчному и предстоящее составление уставных грамот само собой отклонит все неудобства прежнего порядка вещей. Присутствие разделяет мнение г. г. предводителей дворянства.

О сем во исполнение предписания от 18 истекшего августа за № 7048 честь имею донести в. вп.

Ген.-майор Хоминский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 950, лл. 5—6. Подлинник.

¹ См. также док. 29 и прим. 4 к нему.

² В нем указывалось, что в Министерстве внутренних дел имеются сведения о крестьянских волнениях в связи с обременением крестьян некоторых имений тяжелыми добровольными повинностями и предлагалось принять меры к облегчению повинностей до утверждения уставных грамот (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 950, л. 3).

166

1861 г. сентября 30.— Отношение В. И. Назимова П. А. Валуеву об обнаружении текста запрещенного гимна на польском и литовском языках у учеников шавельской гимназии Ю. и М. Минятов

Шавельский городничий донес начальнику Ковенской губ., что полицейские служители совместно с нижними чинами лейб-драгунского Псковского ее величества полка и инвалидной команды во время ночного обхода в первом часу пополудни задержали учеников шавельской гимназии несовершеннолетних дворян Юлиана и Михаила Минятов, которые при этом случае бросили имевшиеся у них бумаги. Бумаги эти, заключающие в себе возмутительные гимны на польском и жмудском языках, тотчас были подняты и доставлены в полицию вместе с Минятами.

Ген.-майор Хоминский, представляя мне бумаги означенных двух учеников, присовокупил, что он приказал освободить этих несовершеннолетних учеников (из коих одному 19, а другому 17 лет) из-под ареста по неимению при шавельской полиции приличного помещения.

Находя, что снисхождение, оказанное Минятам, было без предварительного подробного рассмотрения вины их и без обследования той причины, которая действительно вызвала их ночью из квартиры с запасом возмутительных стихов, я предписал военному начальнику гор. Шавли и Шавельского у. полковнику Улану подвергнуть этих учеников вновь аресту и о поступках их, допросив нижних чинов, которыми были задержаны, а равно самих Минятов, от кого они приобрели сказанные стихи и с какой целью ходили с ними в ночное время по городу, донести мне об оказавшемся для дальнейшего распоряжения.

О вышеизложенном имею честь уведомить в. п. в ответ на отношение от 15 сентября за № 898, присовокупляя, что об окончательном по сему решению я не оставляю сообщить вам дополнительно.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 24, лл. 59—60. Подлинник.

1861 г. октября 4.— Донесение С. Ф. Хоминского В. И. Назимову в новом подъеме манифестационного движения в Ковно

Секретно

После представления мною в. вп. донесения от 29 истекшего сентября за № 1203 о состоянии Ковенской губ. приутихшая было манифестация мгновенно начала усиливаться в губернском городе, где она выразилась пренебрежением к полицейской власти, траурными молебствиями и пением возмутительного гимна, а именно:

30 сентября в ковенском Августинском костеле при значительном собрании народа совершалась траурная панихида за упокой умершего в Варшаве архиепископа Фиалковского.

1 октября в ковенских костелах, Августинском и монахинь-венедиктинок^а, во время литургии пропет был возмутительный гимн. Замеченные в пении несколько лиц преданы расправе полицейского суда.

Того же числа вечером некоторые из толпы, вышедшей из костела монахинь-венедиктинок, поносили бранными словами полицейских чиновников, находившихся там по обязанностям службы. Хотя по требованию полицмейстера толпа немедленно разошлась, но ученики 7-го класса ковенской гимназии Артур Лабановский (одетый в чемарке, прикрытой форменным пальто) и Игнатий Шукшто покушались оказать сопротивление и подстрекнуть к тому других. Оба они полицией задержаны и переданы ею в распоряжение директора гимназии.

2 октября, при проезде ковенского полицмейстера по делам службы мимо здания ковенской гимназии, ученики, вышедшие на улицу во время полудневого обыкновенного отдыха, начали провожать его сперва смехом, а потом бранью. Когда полицмейстер по этому поводу остановился у квартиры директора, тогда ученики стали кричать «ура». Зачинщиков или главных виновных по причине отдаленного расстояния майор Васильев не мог заметить.

3 октября, вследствие словесного доклада ковенского полицмейстера о том, что в Августинском костеле имеет быть панихида за упокой Тадеуша Костюшки, имея в виду, что о предполагаемой панихиде гражданское начальство не было предварено заблаговременно, я по предварительному соглашению с военным начальником Ковенской губ. пригласил настоятеля здешнего приходского костела, предложив ему словесно и письменно воспретить служение в костеле этого числа как панихиды, так и торжественного молебствия. Несмотря на то, панихида все-таки совершилась за Тадеуша Кульвеца, который действительно умер три года назад и принят в данном случае за предлог, по сходству первоначальных букв^б.

Во время панихиды был устроен катафалк, над которым выставлены были покрытые цветами польские буквы «Т. К.». На панихиде присутствовали как городские жители, так и дворяне, прибывшие сюда для

^а Т. е. бенедиктинок.

^б Помета на полях Настоятеля отправить с жандармом в Петрозаводск.

участия в уездном собрании по случаю предстоящего в декабре губернского собрания, но ни во время панихиды, ни после оной гимн не был пет.

Наконец, 4 октября в Августинском костеле вновь совершилась панихида, по просьбе частного лица, за упокой родственника. Панихида эта, как распространились слухи, подтверждающиеся значительным числом присутствовавших, отправлялась за упокой мнимо убитых в Вильно¹; гимна, однако же, пето не было.

Так как несмотря на положительное запрещение и правительственные меры вновь начали здесь повторяться и усиливаться манифестации, то по совещанию с военными начальниками губернии и города с уездом, в видах прекращения дальнейших беспорядков, признавая необходимым усилить воинский постой, я сделал распоряжение о расквартировании в Ковно сверх находящихся в оном войск еще двух квартировавших в предместьях рот, на основании высочайшего повеления, последовавшего 4 сентября, экзекуционным постоем у обывателей на счет казны. Мера эта принята в виде явного взыскания за повторение противуправительственных манифестаций и обращение храмов божиих в поприще противуправительственного волнения.

По сделанному мною распоряжению, усиленный постой будет размещен здесь при соблюдении наставления, объявленного в приказе по военному ведомству 20 истекшего сентября, таким образом, чтобы в каждом доме находилось не менее 10 человек при унтер-офицере и чтобы тяжести экзекуционного поста подверглись все жители католического исповедания, за исключением иностранцев.

Независимо сего, войдя в сношение с директором ковенской гимназии о принятии мер к обузданию своеволия учеников, а также об обнаружении виновных для подвержения их примерному взысканию, я поручил военному начальнику гор. Ковно произвести точнейшее дознание по поводу бывших здесь панихид, с тем чтобы при этом случае по истребовании от здешнего настоятеля объяснения приведено было в известность, по какому случаю, несмотря на запрещение, отправлена была 3-го числа панихида.

О чем в. вп. имею честь донести, обязанностью считая присовокупить, что вследствие словесного доклада полицмейстера о нанесении ему обиды гимназистами, военный начальник Ковенской губ. ген.-майор Семенов по приглашению моему производил дознание для обнаружения виновных, но так как г. ген.-майор Семенов по значительности числа учеников, бывших на улице, не мог открыть настоящих виновных, то я объяснялся по сему предмету с директором здешней гимназии, который доложил мне, что в случае неуспеха в отыскании виновных училищное начальство тех из учеников, бывших на улице, кои не одобрялись в поведении, одних удалит вовсе из гимназии, других же, по определению педагогического совета, подвергнет телесному наказанию.

Ген.-майор Хоминский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 127, лл. 1—4. Подлинник

¹ После демонстрации в Вильно 6 августа 1861 г., во время которой произошло столкновение демонстрантов с полицией и войсками, распространялись слухи, что среди пострадавших были и убитые (см. прим. 3 к док. 97).

*1861 г. октября 10. — Донесение И. Н. Скворцова В. А. Дол-
горукову об обнаружении в им. Полепе Вилкомирского у.
оружия и пороха*

Секретно

По распоряжению военного начальника Вилкомирского у. команди-
ра лейб-уланского Курляндского е. в. полка полковника Пенхержев-
ского, был произведен 8-го числа сего месяца, по указанию ротмистра
того же полка Савицкого, при содействии военной команды, обыск в Вил-
комирском у. в им. Полепе помещика Генриха Михайловского. При
обыске этом найдено в подвале 2 деревянных ящика, внутри которых
оказалось в каждом по 2 свинцовых ящика с порохом, примерно по
2 пуда в каждом свинцовом ящике, т. е. до 8 пудов в общей сложности;
и в чулане одного амбара — деревянный ящик, в котором оказалось
33 новых пистонных ружья, 17 стволов и 11 штыков новых же. Все это
под военным конвоем было немедленно отправлено в гор. Вилкомир.

Почтительнейше донося о сем в. с., имею честь присовокупить, что
сего дня, по возвращении моем из им. Вилькии, я получил от г. ген-
губернатора ген.-адъютанта Назимова по телеграфу приказание немед-
ленно отправиться в гор. Вилкомир, где я должен получить дальнейшие
приказания е. в. п. от полковника Пенхержевского. Так как командиров-
ка эта относится, вероятно, до изложенного выше обстоятельства, то,
отправляясь немедленно в гор. Вилкомир, я буду иметь честь донести
о последующем в. с.¹

Полковник Скворцов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 296, лл. 2—3. Подлинник

¹ О предании суду Г. Михайловского см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 419, оп. 2, д. 124,
л. 186.

*1861 г. не позднее октября 10¹. — Записка главноначаль-
ствующего над Почтовым департаментом управляющему
III отделением П. А. Шувалову о задержанных на почте
четырех пакетах с воззваниями, адресованных в западные
губернии*

Кроме представляемого, подано еще три письма одинакового содер-
жания, адресованные предводителям дворянства: 1) житомирскому гу-
бернскому; 2) липовецкому (Киевской губ.); 3) росненскому (Ковец-
ской губ.) — уездным².

Все четыре письма удержаны.

В письмах вложены три статьи:

1. Копия с печатного листка «Великорус» № 1;
2. Извлечение из стихов, помещенных в «Будущности» № 13;
3. Польская прокламация, еще не являвшаяся.

Резолюция Александра II Все задержанные письма такого же содержания, если и еще где окажутся, доставить в III отделение, дабы добраться, кем они писаны.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 7 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 1, л. 322. Подлинник³

¹ Дата препроводительного письма.

² Из препроводительного письма явствует, что, кроме названных в записке уездов, подобный пакет задержан в Шавельском у. (там же, л. 321). Упоминаемых писем с возвращениями в деле не имеется.

³ Подпись отсутствует.

170

1861 г. октября 31.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о развитии манифестационного движения в Поневежском у. и о мерах, принятых против него

О последствиях сделанного мной распоряжения к приведению в известность всех видов политического движения в гор. Поневеже и виновных в некоторых открытых беспорядках, о которых я имел честь сообщить в. с. в отъездах от 15 августа и 1 сентября за № 621¹ и 746², получены в моем Управлении следующие донесения:

1. Относительно пения возмутительного гимна, совершения панихид и других богослужений, выражавших политическую цель.

Пение возмутительного гимна, принявшее характер общего противуправительственного настроения, а также траурные костюмы вошли в употребление в гор. Поневеже в первый раз 14 апреля, во время съезда туда помещиков для рассмотрения списка кандидатов на должности мировых посредников. По поводу этому местным духовенством и прибывшими для сего из ближайших приходов несколькими ксендзами была совершена с особенной торжественностью панихида за убитых в Варшаве с пением возмутительного гимна.

Такое же пение гимна повторилось в сказанном костеле 11 июня, в праздник св. Роха, под руководством законоучителя поневежской гимназии кс. Корево, у которого обучались этому пению до 15 учеников гимназии, а потом оно введено уже было в употребление в каждое воскресенье, сначала на польском языке, а после на литовском.

19 июня опять отслужена была панихида за убитых в Варшаве кс. Монтвидом, Мацкевичем³ и Корево по настоянию уездного судьи Рымкевича, уволенного уже по высочайшему повелению от службы без прощения, а также учителей гимназии Цивинского и Селенса, двух братьев Липских, канцелярских чиновников уездного суда Льва Рымкевича, Монтрымовича, Кояловича, Мицкевича, Жонголовича, Островского, столоначальника Малишевского, помощника секретаря Гоштовта, чиновников городской ратуши Селенса и Довгяллы, помещичьего сына Буковского, жены уездного лесничего Шмидта с сыном и двумя дочерьми, помещиков Гомбровича, Яловецкого, Пашкевича, содержательницы девичьего пансиона Дырмонтовой и дворянина Леоновича*.

* Епископ Волончевский вследствие сношения моего уведомил, что богослужение это отправлено было в Поневежском костеле 19 июня не за убитых в Варшаве, а за упокой знаменитого польского писателя Лелевеля, как объяснилось это произведенным по его распоряжению исследованием

22 июня, в праздник божьего тела, установленный правилами римско-католической церкви, был совершен крестный ход в гор. Поневеже к трем устроенным алтарям (из коих один был траурный); участвовавшие в этой процессии пели возмутительный гимн.

Затем к предполагаемому празднованию дня соединения Литвы с Польшей, 31 июля, заблаговременно разосланы были приглашения к помещикам о доставлении продуктов и о собрании денег; накануне же, в воскресенье, кс. Монтвид после литургии произнес речь к народу о необходимости участвовать в этом празднестве, приглашая прихожан сперва в костел на богослужение, а потом на гулянье за город. Мужчины явились по приглашению этому в венгерках и конфедератках, а женщины — в белых платьях с голубыми лентами. На этом гулянье кс. Мацкевич в речи к присутствовавшим резко выразил, что они должны ненавидеть русское правительство, а кс. Монтвид объяснил, что освобождение крестьян из крепостной зависимости последовало по воле помещиков, а не государя императора, который сам, один, без желания помещиков, ничего сделать не мог, а потому крестьяне непременно должны содействовать владельцам. При этом случае кс. Мацкевич и Корево раздавали книжечки с гимнами. На месте гулянья водружено было помещиком Белозором с помощью крестьянина Иосифа Стрикиса революционное знамя с двумя польскими орлами, привезенное помещицей Копанской.

Пир открыт был угощением крестьян, с которыми после того дамы танцевали*.

Наконец, пение возмутительного гимна возобновлено было в поневежском костеле еще несколько раз после уже объявления правительственных распоряжений, именно 27 августа, 1 и 8 сентября, при значительном стечении народа. При этих пениях задержаны были в первый раз два крестьянина, а в другой — несколько человек, и все они, по распоряжению бывшего начальника губернии, освобождены из-под ареста во внимание к чистосердечному их раскаянию и незнанию о запрещении подобного пения**. В последний же раз, 8 сентября, когда некоторые женщины начали петь возмутительный гимн и простой народ, не желая принимать участия в этом пении***, стал выходить из костела, то военный начальник гор. Поневежа полковник Добровольский, будучи извещен об этом писарем, явился в костел и, заметив обывателя Домбровского, певшего гимн, приказал вывести его из костела и передать в полицию. Обстоятельство это впоследствии вызвало со стороны тельшевского епископа жалобу, основанную на представлении к нему нового настоятеля поневежского костела, каноника Кобылинского, который доносил, что «полковник Добровольский прибыл в костел (будто бы) с вооруженными солдатами; приказал схватить кого-то

* Список лицам, участвовавшим в этой демонстрации и в других беспорядках в качестве руководителей и зачинщиков, прилагается при сем особо*.

** По освобождении из-под ареста упомянутых двух крестьян кс. Корево и Мацкевич отправили их к фотографу для снятия портретов, чтобы сими личностями усилить в народе волнение. Когда же эти самые крестьяне потребованы были в полицию для спроса, то толпа женщин под предводительством тех же ксендзов пришла в квартиру городничего и нанесла ему оскорбление бранью.

*** Лица, участвовавшие в пении возмутительного гимна после уже объявления военного положения, не преданы расправе полицейского суда, как уведомляет управлявший губернией, до собрания о них обвинительных актов.

из молящихся у самого алтаря и вывести чрез костел арестованным для передачи казакам, поставленным при дверях, чем самым наведен был такой ужас на народ, что все в недоумении и испуге толпой бросились к дверям, боясь нового нападения, а вследствие такого столкновения многие едва не лишились жизни». В заключение преосвященный епископ Вологачевский просил запретить военным начальникам предпринимать какие-либо меры в храмах божьих, представляя, что чрез это народ отвращается от костелов и может прийти к самым вредным для правительства понятиям.

По произведенному состоящим при Министерстве внутренних дел майором Стесселем дознанию по означенной жалобе римско-католического духовенства оказалось,

а. что полковник Добровольский прибыл в костел в конце обедни один, без вооруженных солдат; обыватель Домбровский был замечен в пении возмутительного гимна при входе в костел, у дверей ризницы, и выведен под арест не через костел, а через ту же ризницу, с отдачей его под присмотр человеку Добровольского, находившемуся у костела с экипажем. При этом случае, как засвидетельствовали и. д. городничего заседатель Ивановский и начальник местной инвалидной команды майор Игнатович, никакого беспорядка в костеле не происходило, и донесение по сему предмету каноника Кобылинского ничем не подтвердилось.

б. В этот день, т. е. 8 сентября, участвовали в пении гимна преимущественно женщины, и первые начали возмутительный гимн жена канцелярского служителя ратуши Снарская с вдовой Навлицкой, которым сперва помогали канцелярский служитель той же ратуши Довгялло и писец уездного суда Монтримович; но когда, как выше сказано, прибыл в костел полковник Добровольский, то мужчины перестали петь, а женщины продолжали пение до конца гимна.

На другой день, в субботу, после произнесения ксендзами Мацкевичем и вновь назначенным в поневежский костел Киркилло проповедей в духе ободрить народ против распоряжений правительства, число певших возмутительный гимн увеличилось до того, что к ним присоединились уже и простого класса женщины, а в воскресенье возмутительный гимн пел был четыре раза под управлением гувернантки из пансиона Дырмонтовой девицы Микош и служанки Домицели Бутувичевны.

Накануне сего праздника полковник Добровольский, пригласив к себе б. настоятеля Монтвида, обязал его не допускать народ к пению возмутительного гимна, и хотя Монтвид обещал воспретить это пение, но не исполнил, однако же, обещания, а, напротив, пение гимна совершилось по наставлению кс. Мацкевича, который, взойдя на амвон, стал на колени и начал пение упомянутого гимна с народом *.

* Полковник Бо донес мне, между прочим, что при назначении его временным военным начальником в Поневеже он прибыл в квартиру Монтвида и просил его остановить прихожан от противуправительственных манифестаций, объявляя, что такие неблагонамеренные действия поведут к ответственности. Кс. Монтвид отвечал с пренебрежением: «Я по-русски не понимаю», а потом с азартом: «Я имею свое начальство». После слов этих, раскрыв грудь, показал черную ленту с белыми каемками, украшенную одноглавым орлом и другим каким-то революционным знаком. На вопрос полковника Бо, какой это орден, Монтвид отвечал: «Святого духа». Все это происходило при бытности стряпчего Мошинского.

2. О сорвании объявлений, выставленных поневежской полицией, и о замене их другими — пасквильными.

12 августа утром в гор. Поневеже на многих домах оказались наклеенные объявления с предостережением об имеющей быть ревизии^а. Вслед за сим, когда опубликовано было в городе о представлении в полицию оружия, а на видных местах выставлены были особые печатные объявления о воспрещении всяких демонстраций, то ночью на 18 августа почти все полицейские объявления были сорваны, а на места оных выставлены другие, пасквильные, следующего содержания: «Русскому правительству сим обыватели гор. Поневежа извещают, что патриотические гимны, разрешенные церковью, не только еженедельно, но и ежедневно отпеваться будут; пища же для русских солдат, имеющих в виду за пение, уже обывателями приготовлена в неизмерном количестве. Но будет ли удобоварительна???».

Военный начальник гор. Поневежа, которому предписано было принять самые строгие и действительные меры к открытию составителей упомянутого объявления, донес ныне, что, по тщательным его разысканиям, означенных составителей открыть не представилось никакой возможности и что прежде нельзя было предупредить злонамеренных действий этих по небытности ночных обходов, каковые учреждены уже с объявлением города на военном положении.

3. О манифестациях в Поневежском у.

28 августа в упитском филиальном костеле совершена была панихида за упокой Чарторыского, или, как некоторые говорят, за убитых будто бы в Вильне, с пением притом возмутительного гимна. В манифестации этой принимали участие помещики и дворяне Новомейского и других приходов, а богослужением управлял новомейский настоятель кс. Болондзь, с помощью своего викарного*.

Поневежский земский исправник по означенному случаю донес, что из всех жителей уезда отличаются беспокойным духом помещики и дворяне 1-го стана, как ближайшие к гор. Поневежу: все они участвовали и в бызшей поневежской манифестации 31 июля, по привлечению городского духовенства.

Управлявший Ковенской губ., доведя до сведения моего об описанной панихиде в упитском костеле, присовокупил, что хотя поневежские ксендзы вследствие неоднократных настояний гражданского начальства размещены уже в другие приходы, но [так] как для кс. Монтвида предназначен Ремигольский приход в 1-м стане, в котором, по вышеупомянутому донесению, помещики и дворяне отличаются беспокойным духом, то перемещение это не принесет желаемой пользы, а напротив кс. Монтвид гораздо свободнее будет руководить там настроением умов по своему усмотрению, не имея за собой такого наблюдения, как в городе.

* Лица, повторявшие в упитском костеле пение возмутительного гимна, не преданы полицейскому суду по неприведению еще их в известность, а о кс. Болондзе, который допустил повторение пения 17 сентября, сообщено мною для зависящих распоряжений к соответственному взысканию тельшевскому римско-католическому епископу.

^а Т. е. обыске.

В какие именно приходы перемещены кс. Мацкевич и Корево*, сведения от епархиального начальства не получено. Епископ Волончевский, уведомляя меня вообще о безукоризненности поведения означенных ксендзов, присвокупил только то, что настоятель Монтвид и все поневежское духовенство перемещены из Поневежа в виде наказания за принятое ими участие в гулянье за городом 31 июля, по случаю воспоминания союза Литвы с Польшей, тогда как из предыдущего объяснения статского советника Корецкого видно, что кс. Монтвиду, столь вредному по влиянию его на прихожан, дан опять приход вблизи Поневежа, между теми самыми помещиками, которыми он руководил уже во всех противуправительственных манифестациях с апреля месяца и которые до сего времени в целом уезде представляют из себя упорных приверженцев беспорядка⁵.

Последними сведениями, полученными от военного начальника гор. Поневежа, объясняется, что кс. Корево одновременно с кс. Монтвидом перемещен из Поневежа в м. Помпьяны и получил о том предписание от своего духовного начальства еще в августе месяце, но не отправлялся по назначению около трех недель, до 17 сентября, в ожидании возвращения с каникул учеников поневежской гимназии, в которой он состоял законоучителем. Действительной цели такого выжидания не определено разысканием, но 17 сентября в воскресенье он, Корево, по отправлении богослужения в гимназической каплице произнес к ученикам прощальную речь, приглашая их следовать и на будущее время его внушениям, которые он обещался передать преемнику своему; вменял им в обязанность держаться и поступать в союзе и единомыслии; терпеть ныне, пока придут времена лучшие, и окончил тем, что он никогда их, учеников, не оставит.

Аллегорическая речь эта в совокупности с другими поступками Коревы, которыми он весьма положительно заявил себя противником существующего порядка и всех правительственных распоряжений, побудили полковника Добровольского, в устранение дальнейшего вредного влияния его на учеников гимназии, арестовать и отправить в гор. Ковно на дальнейшее распоряжение начальника губернии.

По соображении всех сих обстоятельств, находя, что общему противуправительственному настроению умов в Поневежском у., как и везде, ближайшими деятелями были римско-католические приходские священники, я признал кс. Монтвида, Мацкевича, Корево и Киркилло виновными не только в тайном завлечении своих прихожан во все совершенные доселе манифестации, но и в явном, публичном проповедывании на будущее время беспорядка, который, по их мнению, должен ниспровергнуть правительственные установления и законные власти, чему неопровержимым доказательством на первый раз служит лично высказанное ими неуважение к местному начальству и крайнее невниманье, доведенное до степени пренебрежения, к правительственным распоряжениям.

Вследствие сего и чтобы вырвать из общества вредные и заразные личности без дальнейшей потери времени на производство формального следствия, ныне бесполезного, я полагал бы необходимым немедленно выслать всех четырех поименованных ксендзов в сопровождении

* Кс. Корево арестован уже, по распоряжению военного начальника гор. Поневежа полковника Добровольского, с отправлением в гор. Ковно. О поводах арестования сего ксендза изложено ниже.

жандармов на жительство в отдаленные уезды Архангельской губ. с сообщением о поступках их начальнику означенной губернии для учреждения в местах нового пребывания их строгого секретного полицейского наблюдения. На приведение сего предположения в исполнение я с сим вместе прошу г. управляющего Министерством внутренних дел исходатайствовать высочайшее соизволение⁶.

Что же касается других прикосновенных к беспорядкам, бывшим в гор. Поневеже и уезде оного, то с сим вместе я предложил начальнику Ковенской губ.:

1. Всех участвовавших в манифестациях после объявления правительственных распоряжений предать расправе полицейского суда по предварительному приведении их в известность и по собранию обвинительных фактов.

2. Пансион Дырмонтовой по сношении с училищным начальством закрыть за неблагонамеренные действия ее гувернантки Микош, а самих женщин этих предать расправе полицейского суда немедленно.

3. Служащих чиновников, показанных в препровождаемом при сем списке, уволить от службы с извещением о том подлежащих начальств.

4. Вольнопрактикующего лекаря Сипневского выслать на жительство в гор. Вилейку Виленской губ. под строгий надзор полиции.

5. Помещикам с семействами воспретить отлучки из имений, с обязательством в том подписками и учреждением за их действиями строгого надзора, так как их участие в беспорядках было замечено до издания правил о полицейских судах.

6. Военным начальникам подтвердить, чтобы в отношении преследования манифестаций в костелах они действовали на точном основании данных им инструкций, с надлежащим благоразумием и осмотрительностью⁷.

О вышеизложенном я имею честь уведомить в. с. для сведения.

Ген.-адъютант Назимов

Помета Рассм[отреть], не нужно ли по этому отношению какого-либо распоряжения с нашей стороны.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 304, ч. 5, лл. 9—18. Подлинник

Опубл.: «Сборник документов музея гр. М. Н. Муравьева», т. 1, Вильна, 1905, стр. 186—190.

¹ В уведомлении от 15 августа говорится о командировании в гор. Поневеж полковника Бо для поддержания порядка «при содействии трех эскадронов, которые ставятся на постой к жителям», и сбора подробных сведений о манифестациях (там же, лл. 3—4).

² В уведомлении от 1 сентября сообщается о расклеенных по городу объявлениях (там же, лл. 19—20). Подробнее о них см. ниже.

³ Упомянутого в документе кс. А. Мацкевича, участника религиозно-политических манифестаций, не следует смешивать с выдающимся литовским революционером-демократом А. Мацкевичюсом (Мацкевичем), который также был ксендзом.

⁴ Список не публикуется (см. там же).

⁵ В. И. Назимов, как и другие представители власти, стремился представить манифестационное движение, происходившее в городах преимущественно среди городских низов, как движение, вдохновляемое духовенством и помещиками.

⁶ Названные в уведомлении ксендзы переведены тельшевским епископом М. Волончевским в глухие сельские костелы викарными ксендзами и филиалистами под надзор деканов и настоятелей (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 111а, л. 119; 1863 г., д. 434, лл. 13—16).

⁷ О манифестационном движении в Поневежском у. см. также ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 111а, лл. 3, 6—7, 11, 13—14, 25—30, 34—35, 40—41, 58.

1861 г. ноября 7.—Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову об антиправительственных настроениях жителей Ковенской губ.

После донесения моего от 6 октября за № 259 важных политических беспорядков в губернии не произошло, только в городах Ковно и Поневеже продолжалось и продолжается до сих пор по праздничным дням пение революционного гимна в католических церквях. Поставленная в начале октября в гор. Ковно между жителями, в видах прекращения этого пения, военная экзекуция, была снята через три дня по распоряжению б. губернатора Хоминского. Мера эта, отмененная без всяких уважительных причин, прежде чем была достигнута цель, с которой ее предпринимали, не принесла никакой пользы, а, напротив, подала повод неблагонамеренным людям распространять вредные толки о бесилии правительства к воздержанию народных беспорядков.

В прочих местах губернии пение революционного гимна не возобновлялось, и политические демонстрации ограничивались причинением тайным образом неприятностей и оскорблений начальствующим лицам, чиновникам полиции и тем из поляков, которые не разделяют патриотического увлечения. Так, в городах продолжают появляться наклеенные на стенах объявления с пасквилями и угрозами. В Россиенах недавно был наклеен пасквиль с изображением повешенных на трех виселицах тамошних исправника, городничего и начальника жандармской команды¹. В Ковно подобные угрозы делаются большей частью против жителей, призываемых в свидетели во Временный полицейский суд. Нередко случается также, что разбивают стекла в квартирах начальствующих и других лиц. Этой неприятности подвергся и новый ковенский губернатор контр-адмирал Кригер. 24 октября в 9 часов вечера брошенным камнем в окно его кабинета, где он занимался с правителем канцелярии, разбиты два стекла. Виновный по темноте вечера не был пойман и не открыт. Впрочем, в подобных поступках, совершаемых тайным образом и ночью, большинство польского населения, по-видимому, не принимает участия и даже не оправдывает их. По крайней мере, после разбития стекол в квартире губернатора Кригера польское население гор. Ковно выразило ему соболезнование о случившемся через избранных депутатов, ковенского уездного предводителя дворянства Жилинского и председателя гражданской палаты Хмелевского, с уверением, что жители не причастны к этому поступку неизвестного им лица. Вследствие чего губернатор Кригер объявил депутатам, что на этот раз он ограничивается усилением ночной стражи и патрулей, но если что-либо подобное повторится, то он распространит ответственность на все польское население города.

Вообще в последнее время политические демонстрации в губернии уменьшились вследствие арестования нескольких главных руководителей. Особенно сильное впечатление произвело арестование и отправление в Вильно, по распоряжению ген.-губернатора, трех католических священников и корпуса путей сообщения капитана Кулаковского, участвовавших в процессии 31 июля в гор. Ковно. При арестовании священ-

ников собралась перед домом их толпа народа, оказывавшая непослушание полиции, но с прибытием туда военного начальника ген.-майора Семенова и воинской команды толпа присмирела и разошлась без приключений.

К сожалению, впечатление, производимое административными распоряжениями, много ослабляется учреждением для суждения политических проступков Временного полицейского суда². Суд этот, как я имел честь донести уже в. с., при настоящем своем составе в круге действий не только не приносит пользы, но оказывает положительный вред. Лица, отсылаемые к этому суду полицией, почти никогда не могут быть признаны виновными, несмотря на очевидность своих проступков, потому что против свидетелей, представляемых полицией, они выставляют в пять и десять раз более свидетелей из своих единомышленников, оправдывающих их ложными показаниями под присягой. Если же по некоторым данным полицейский суд и признает кого-либо виновным, то таковой бывает почти всегда оправдан апелляционным судом в Вильне. При таких обстоятельствах неблагонамеренные люди безнаказанно совершают явные беспорядки, и полицейские чиновники не осмеливаются даже указывать виновных, чтобы напрасно не подвергать себя оскорблениям и мести польского населения. Существование полицейского суда особенно не совместно с военным положением губернии. В то время как тягость военного положения падает равномерно на все народонаселение, без разбора правого и виноватого, явные нарушители порядка, как, например, поющие публично в церквях запрещенные гимны, ускользают от ответственности, насмехаясь над полицией и военным начальством, обязанными обвинять их судебным путем.

В состоянии умов высших польских сословий, т. е. дворян, духовенства и чиновников, несмотря на уменьшение явных политических беспорядков, улучшения не заметно. Они по-прежнему проявляют враждебность к правительству и ко всему русскому и продолжают питать надежду, что польское революционное движение скоро восторжествует и что Польша будет восстановлена при помощи западных европейских держав в прежнем своем объеме. К поддержанию в них этой надежды много способствуют нынешнее неустойство Венгрии и беспокойства в Варшаве, объясняемые злоумышленниками в преувеличенном и самом неблагоприятном виде для правительства. Злоумышленники, кроме того, стараются ободрить польские сословия распространением слуха об опасном будто бы положении России от внутренних беспокойств. Беспорядки, произведенные студентами в Петербурге, Москве и Киеве, подали им повод к разным заключениям и предположениям по этому предмету, разумеется, сообразно их видам и целям.

Полковник Скворцов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 361, л. 9—13. Подлинник

¹ О появлении подобного изображения в гор. Вилкомире см. док. 177.

² О временных полицейских судах см. прим. 8 к док. 22.

1861 г. ноября 22.—Донесение ковенского губернатора Г. А. Кригера¹ П. А. Валуеву об обнаружении антиправительственных сочинений у ковенских чиновников В. Овсяного, Т. Корзона и др.

По дошедшим сведениям, что проживающие в Ковно переводчик губернаторской канцелярии губернский секретарь Владислав Овсяны[й], секретарь губернского по крестьянским делам присутствия кандидат Московского университета Фаддей Корзон, письмоводитель канцелярии ковенского уездного предводителя дворянства коллежский секретарь Франц Томкевич и бухгалтер Ковенской казенной палаты коллежский секретарь Иосиф Бернатович принимают участие в предосудительных сношениях по современным беспорядкам и распространяют печатные экземпляры возмутительных гимнов на жмудском языке, произведен был у них внезапный обыск², по коему оказалось:

У чиновника Овсяного, проживающего на одной квартире с чиновником Францем Томашевским, найдено на собственной его кровати пять пачек печатного возмутительного гимна на жмудском языке примерно до 500 экз. (один экземпляр при сем представляется)³, завязанных в белой салфетке и, по-видимому, только что принесенных или приготовленных к отнесу. Так как Овсяны[й] в принадлежности ему этих пачек не сознался и оправдывал себя тем, что не один проживает на квартире и что ему не известно, кем и когда пачки эти были принесены и откуда они взялись, то производившие обыск признали необходимым впредь до разъяснения этого обстоятельства арестовать не только Овсяного, но и находившихся в квартире его во время обыска чиновников Франца и Александра Томашевских, Алексея Рубажевича и ученика 5-го класса ковенской гимназии Цишкевича. Затем прочие бумаги, оказавшиеся в квартире Овсяного и Томашевского и подлежащие рассмотрению, собраны и опечатаны печатями их обоих.

У чиновника Корзона, кроме деловых и ученого содержания бумаг, найдено много других, подлежащих рассмотрению, которые опечатаны. В числе взятых бумаг находится печатный революционный гимн на польском языке на соединение Литвы с Польшей и гравированный памятник на этот же случай, а также копии с официальных бумаг, адресованных в полицейский суд, и список лиц, преданных этому суду, с объяснением, кто против них свидетельствовал. Кроме того, между вещами его найдены серебряная булавка и два кольца с польскими орлами и эмблематическими знаками и две запонки с портретами Гарибальди и Костюшки, которые тоже взяты у него и опечатаны его печатью. По болезни Корзон покамест арестован на квартире.

У чиновника Франца Томкевича, проживающего вместе с братом своим Иваном, ничего подозрительного в бумагах и вещах не найдено.

У чиновника Бернатовича найдены два запрещенные гимна на польском языке и небольшие стихи возмутительного содержания на польском языке.

Вследствие сего по важности упдающего на чиновников Овсяного, Корзона и других обвинения для исследования сего дела учреждена мною под председательством ковенского губернского жандармского

штаб-офицера полковника Скворцова особая следственная комиссия из членов: губернского казенных дел стряпчего Козицкого и советника Ковенского губернского правления Фермера, вместо которого, вследствие телеграфной депеши г. виленского военного губернатора от 22 сего ноября, командирован ныне в состав комиссии один штаб-офицер с аудитором Невского полка, со вменением комиссии в обязанность производить следствие по военным законам.

О сем имею честь донести в. вп. с присовокуплением, что так как чиновники Овсяны[й] и Корзон по случаю обнаружившейся неблагонадежности их не могут быть терпимы на службе, то я полагал бы, не ожидая окончания нарядженного над ними следствия, ныне же уволить их от службы по предоставленной г. виленскому военному губернатору власти, о чем и представлено мной вместе с сим г. ген.-адъютанту Назимову.

При сем обязанностью считаю доложить, что следственное дело по сему предмету по окончании комиссией будет представлено г. ген.-губернатору здешнего края⁴.

Свиты е. в. контр-адмирал Кригер

ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 26, лл. 176—178 об. Подлинник

¹ Контр-адмирал Г. А. Вевель-фон-Кригер сменил С. Ф. Хоминского на посту ковенского губернатора в октябре 1861 г. Хоминский как поляк-католик был переведен в Вологду в связи с усилением освободительного движения в Литве и Белоруссии. Политическую оценку факта перемещения Хоминского дал Герцен в «Колоколе» (А. И. Герцен. Сочинения, т. XV. М., 1958, стр. 183). О положении С. Ф. Хоминского на должности ковенского губернатора см. док. 21.

² 23 ноября 1861 г. И. Н. Скворцов донес В. А. Долгорукову, что, по полученным сведениям, упомянутые лица намерены распространять в народе печатные экземпляры запрещенного гимна на литовском яз., в сочинении которого подозревается Корзон; поэтому за ними было учреждено секретное наблюдение. «20 ноября, — говорится в донесении Скворцова, — в 6 часов вечера, когда уже совсем стемнело, получено было сведение, что Овсяный понес в свою квартиру узел с печатными гимнами из дома, где они были прежде спрятаны. Через четверть часа после того, по предложению ковенского губернатора, я прибыл в квартиру Овсяного с полицмейстером и понятыми и произвел обыск, нашел на кровати его до 500 экз. означенного гимна...» (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 451, лл. 11—12; см. также ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 219, д. 76, л. 55).

³ Имеется в виду брошюра на литовском яз. под названием «Набожные песни» («Giesmes pabažnos»), в состав которой входят три песни религиозно-политического характера: «Песнь о родике» («Giesme už tėvynę»), «Боже святой, помилуй братьев умерших» («Dieve švenciausės, ...susimilk ant brolių numirusių») и «Через Марию, мать божью» («Per Mariją, motina dievą») (там же, лл. 179—181).

⁴ О расследовании дела см. док. 186. Некоторые данные о манифестационном движении в гор. Ковно и участии в нем Т. Корзона содержатся в воспоминаниях последнего: Т. Корзон. Mój pamiętnik przedhistoryczny. Kraków, 1912.

173

1861 г. ноября 25. — Рапорт тельшевского земского исправника Д. А. Миладовского В. И. Назимову о сопротивлении казенных крестьян Шкудского и Иллоцкого обществ ссылке хлеба в сельские запасные магазины и уплате повышенного оброка

Дознано мною, что вверенного мне уезда в двух казенных сельских обществах, а именно в Шкудском и Иллоцком, крестьяне не приступили к составлению приговоров на дальнейшую ссыпку в сельские

запасные магазины хлеба и уклоняются от платежа недоимок, а также возвышенного оброка, помимо настояний местного окружного начальника государственных имуществ, по дознанию которого обнаружено, что сие происходит по подстрекательству: в Шкудском обществе б. писаря Казимира Мицкуса и брата его Иосифа, а в Иллокском — крестьянина Антона Пржнялговского, о чем им, окружным начальником, было рапортовано в Ковенскую палату государственных имуществ 11 и 15 сего ноября за № 64 и 3449.

О чем в. вл. имею честь донести.

Земский исправник Миладовский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 854, л. 1. Подлинник

174

1861 г. ноября 27.— Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову об ослаблении манифестационного движения в Ковенской губ. и распространении текстов запрещенного гимна на литовском и польском яз.

Секретно

После строгих мер, принятых по распоряжению ген.-адъютанта Назимова против главных нарушителей спокойствия в городах Ковно и Поневеже, и при энергических действиях нынешнего губернатора контр-адмирала Кригера открытые политические беспорядки в Ковенской губ. значительно уменьшились и составляют теперь редкие случаи, потеряв свой прежний характер и значение. Особенно сильное впечатление на польские сословия произвело удаление от должности губернского предводителя дворянства Довгирда и ковенского уездного Жилинского за участие в разных манифестациях, а также отсрочка на неопределенное время дворянских выборов, которые должны были начаться 5 декабря. На выборах этих, как слышно, дворяне намерены были составлять разные адреса, предъявлять свои требования и пр. Но отсрочка выборов расстроила их планы и заметно их обескуражила.

После донесения моего от 7 ноября политические беспорядки происходили в следующих местах:

В гор. Новоалександровске, изъятом из военного положения, некоторые злоумышленники, распуская слух, что подобное изъятие в деле патриотическом в общем составляет бесчестие для жителей, пели запрещенный гимн в костеле и успели завлечь нескольких евреев к присутствованию на панихиде, служившейся в католической церкви за умершего варшавского архиепископа Фялковского. Так как главными руководителями этих беспорядков были канцелярские чиновники тамошнего уездного суда, то контр-адмирал Кригер, чтобы прекратить беспорядки эти в самом начале, сделал представление к ген.-губернатору о необходимости удалить нескольких из этих чиновников немедленно из службы административным порядком, потому что обвинить их формально через полицейский суд, по неимению свидетелей, было бы невозможно.

В гор. Тельшах в начале этого месяца собравшиеся из окрестностей несколько помещиц^а пели в костеле запрещенный гимн. Об этом поступке их потребованы от тамошнего городничего дополнительные сведения для предания виновных полицейскому суду.

В Ковно между жителями спокойствие нарушаемо не было и даже прекратилось в костелах пение запрещенных гимнов, упорно продолжавшееся около шести месяцев. Но важные беспорядки происходили между учениками гимназии. Поводом к этим беспорядкам послужило назначение в гимназию нового директора, инспектора и надзирателя, которые усердно принялись за воздержание учеников от вмешательства в политические манифестации. Недовольные строгостью инспектора Борщевского ученики 7-го класса отказались посещать гимназию недели две тому назад, и в классе этом осталось только 2 ученика. Вскоре потом, именно 23 ноября, многие ученики из прочих классов, являсь толпой к директору, требовали, чтобы Борщевский был смнен, отзываясь, что в противном случае они не могут оставаться в заведении. Директор не мог успокоить их, и они, разбив несколько стекол в здании гимназии, разошлись и заставили выйти из классов тех учеников, которые еще там оставались. На следующий день некоторые родители сами привезли детей своих в классы, но прочие гимназисты, собравшись толпой, опять протестовали против инспектора и, угрожая преследованиями и побоями пришедшим в классы ученикам, заставляли и их присоединиться к себе. Тогда директор признал нужным закрыть гимназию и донес о случившемся попечителю Виленского учебного округа с мнением своим, что он признает необходимым закрыть гимназию до 6 января, а с того времени сделать новый прием учеников. От попечителя разрешения на это представление еще не получено. Весьма полезно было бы, чтобы это мнение директора было утверждено начальством, потому что всякое послабление ученикам после произведенных ими беспорядков может увлечь их к дальнейшему своеволию. Возбуждение учеников ковенской гимназии к вышеписанным беспорядкам приписывают кс. Габшевичу, бывшему их законоучителю, который за неблагонадежность и дурное влияние на воспитанников был удален от этой должности несколько месяцев тому назад, а 23 ноября был выслан, по распоряжению ковенского губернатора, из Ковно в м. Ворни к епископу Волончевскому, потому что, оставаясь в Ковно, продолжал волновать гимназистов. К усмирению учеников местное начальство не принимало мер, так как они совершали беспорядки в стенах гимназии и гимназическое начальство не требовало помощи полиции. На улицах же не было допущено никаких скопищ и своеволий учеников.

В кейданской гимназии 22 ноября ученики тоже сделали беспорядок, пропев толпой революционный гимн. Директор той гимназии сделал немедленно распоряжение об исключении из заведения за этот поступок 24 учеников, оказавшихся наиболее виновными¹.

В прочих местах губернии ничего замечательного не произошло. Были слухи, что 17 ноября, в день годовщины польской революции 1830 г., должны совершиться в разных местах политические манифестации, в предупреждение чего и приняты были надлежащие меры со стороны местного начальства, однако день этот во всей губернии прошел спокой-

^а Так в тексте.

но. Между поляками распространились толки, что в этот день в случае политических демонстраций разрешено войскам произвести у жителей грабеж. Этот нелепый слух напугал их до того, что многие во весь день не осмелились выходить из домов своих.

Не имея возможности совершить открытые беспорядки, злоумышленники продолжают, однако, тайным образом возбуждать простой народ против правительства и распространять между ними революционные гимны на литовском языке и разные возмутительные слухи. При совершенно недостаточных средствах земской полиции наблюдение за подобными действиями весьма затруднительно, и обнаружение их случается довольно редко. Тем не менее действия эти, в случае обнаружения, строго преследуются настоящим начальником губернии. В недавнее время было найдено мною при обыске у чиновника губернской канцелярии Овсяного до 500 экз. гимна на литовском языке, о чем донесено в. с. 23 ноября за № 339². Кроме того, поневежским военным начальником захвачен был один казенный крестьянин Томаш с 50 экз. этого гимна, полученного им, по сознанию его, от чиновника палаты государственных имуществ Янковского для раздачи другим крестьянам³. Все виновные в этих поступках немедленно были арестованы и для формального обследования их действий назначена следственная комиссия. Можно ожидать, что подобные меры будут иметь весьма хорошие последствия и воздержат многих злоумышленников от противозаконных поступков, сходявших им прежде безнаказанно.

В Невском пехотном полку, квартирующем в гор. Ковно и окрестностях, командир 3-го батальона майор Кремер нашел тоже у двух юнкеров вверенного ему батальона, польских уроженцев Корсака и Горского, запрещенный гимн в нескольких писанных экземплярах на польском языке. Оба эти юнкера арестованы своим начальством, которое представило об них на разрешение командира 1-го армейского корпуса. Ответа на это представление еще не получено.

Полковник Скворцов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 3, лл. 56—61. Подлинник

¹ Подробнее об упомянутом событии см. донесение ковенского губернатора Г. А. Кригера В. И. Назимову от 25 ноября 1861 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 102, ч. 1, лл. 68—69).

² См. прим. 2 к док. 172.

³ Подробнее см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 451, лл. 18—22.

175

1861 г. декабря 18.—Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову о мерах, принятых в связи с волнением крестьян поиезуитского им. Лауксодзе Поневежского у.

Мировой посредник 4-го участка Поневежского у. Ляндсберг в представлении от 24 минувшего ноября за № 91, донося о последствиях произведенного им исследования по жалобе крестьян поиезуитского им. Лауксодзь, принесенной г. министру внутренних дел на помещиц Верешинских за излишнее вымогательство данин, отбывание излишней барщины, малый надел земли и пр., по каковому исследованию жалобы тех крестьян вовсе не подтвердились, изъяснил, что

при производстве сего исследования дознано, что крестьяне не отбывают следуемых повинностей и поводом волнения их есть твердая уверенность их в существовании какого-то инвентаря, коим определена весьма ограниченная повинность, в чем уверил^а их некто праздношатающийся Борковский, который, собрав с крестьян несколько сот рублей, обещал исходатайствовать им этот инвентарь. Главными же во всем подстрекателями суть два домохозяева: Фаддей Малдарис и Иосиф Сидуга, имеющие сильное влияние над целой волостью и даже над самим старшиной Яном Гедриком, который, руководствуясь их советами, стал недействительным. Притом при производстве исследования толпа крестьян под предводительством сказанных зачинщиков окружила его, посредника, требуя объяснения о производимом исследовании. Потому он, посредник, для прекращения возмущений и неосновательных жалоб лауксодзских крестьян и восстановления должного порядка полагает подвергнуть означенных зачинщиков, а в особенности Малдариса, примерному взысканию, каковому оба они уже были подвергаемы полицией за подстрекательство, а на место старшины назначить кандидата его Некиса. Другим же представлением он, посредник Ляндсберг, прописывая вновь повторившиеся беспорядки в им. Лауксодзях и неправильные действия помощника линковского волостного старшины Григолюнаса, а также неповиновения и дерзкие поступки крестьян имений: Помуше Радена и Гурного Двора Бистрама,—ходатайствует об удалении от должности сказанного Григолюнаса и расквартировании в им. Лауксодзях войска, а также о предоставлении ему, посреднику, при оказываемых послушностях крестьян [права] требовать для содействия полиции военную силу. По соображении изложенных обстоятельств, принимая во внимание: а) что, согласно циркулярному предписанию г. министра внутренних дел от 13 июня 1861 г. № 79, все вообще лица, участвующие в подстрекательстве крестьян к неповиновению и беспорядкам, должны быть предаваемы суду на основании общих узаконений и в таком случае, когда лица эти не могут быть положительно обвинены судом по недостатку явных против них улик, а между тем возвращение на прежние места жительства признано будет опасным, предоставлено начальнику губернии предлагать на обсуждение губернского по крестьянским делам присутствия об удалении таких лиц временно из места жительства, и б) что по силе 122 ст. Общ[его] положения о крестьянах волостные старшины в случае неисправного отправления ими должностей или замеченных с их стороны злоупотреблений могут быть временно отдалены от должностей мировыми посредниками, а окончательно не иначе, как по постановлению уездного мирового съезда, губернское по крестьянским делам присутствие постановлением, 15 сего декабря состоявшимся, положило:

1. Понежевскому земскому исправнику предписать распорядиться об арестовании лауксодзских крестьян-хозяев Фаддея Малдариса и Иосифа Сидуги и об отправлении их для содержания в понежевскую городскую тюрьму, а между тем принять надлежащие меры к отысканию некоего праздношатающегося Борковского, служившего в им. Лауксодзях приказчиком, для подвержения его взысканию за подстрекательство крестьян.

^а В тексте ошибочно разуверил.

2. Понежевскому уездному суду, дав о сем знать, предложить командировать судебного следователя для производства формального следствия, как о подверженных тюремному заключению подстрекателях Малдарисе и Сидауге, так и других, могущих открыться при следствии, по окончании же следствия и рассмотрении оного в законном порядке, если Малдарис и Сидауга не будут положительно обвинены судом, представить сему присутствию окончательный о них приговор для дальнейшего, согласно циркулярному предписанию г. министра внутренних дел от 13 июня 1861 г. за № 74, распоряжения, и

3. О настоящем распоряжении присутствия уведомить мирового посредника Ляндсберга на представления его за № 91 и 102, поручив ему при содействии земского исправника принять все зависящие меры к водворению в им. Лауксодзях должного порядка, согласно указанию, прописанному в циркулярном предписании г. министра внутренних дел от 8 мая за № 29 (распубликованному 24 мая за № 164), и разъяснить крестьянам как о уменьшенной и отмененной в пользу помещиков повинностях (циркуляр 11 ноября за № 822), так и о порядке отправления подводной повинности впредь до 15 марта 1862 г. (циркуляр 12 декабря за № 946). Притом предложить г. Ляндсбергу: а) по предоставленной ему власти (ст. 122 Общ[его] положен[ия]), сделать распоряжение о временном удалении от должности как старшины Гедрика, так и помощника старшины Линковской вол. Григолюнаса, оказавшихся недействительными, а об окончательном увольнении их представить уездному мировому съезду и б) если при всех употребленных им, посредником, при содействии исправника мерах насчет восстановления должного порядка как в им. Лауксодзях, так и Помуше Радена и Гурного Двора Бистрама, меры эти окажутся неуспешными к восстановлению в этих имениях должного порядка, то в таком случае войти об этом с особым представлением. О чем в посылаемом понежевскому земскому исправнику предписании присовокупить для сведения.

О таковом постановлении губернского по крестьянским делам присутствия имею честь донести в. вп. в дополнение представления моего от 4 сего декабря за № 12503².

Свиты е. в. контр-адмирал Кригер

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 359, лл. 12—15. Подлинник

¹ О помещичьих имениях см. прим. 8 к док. 80.

² В нем Г. А. Кригер доносил В. И. Назимову, что по произведенному мировым посредником дознанию жалоба крестьян им. Лауксодзе оказалась необоснованной. Ввиду того что волнения, происходившие в Лауксодзской вол., служили примером для соседних крестьян, наведение «порядка» в ней было поручено губернскому по крестьянским делам присутствию (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 359, лл. 8—91).

176

1861 г. декабря 21.—Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову об отказе крестьян Понежевского, Новоалександровского и Вилкомирского уездов от исполнения повинностей в пользу помещиков и уплаты государственных податей

Мировой посредник 5-го мирового участка Понежевского у. барон Ропп от 10 сего декабря уведомил меня, что вследствие жалоб землевладельцев на неисправное отбывание временнообязанными крестья-

нами издельной повинности, а также по донесению 2-го Подбиржанского волостного правления, что крестьяне Рымдаугского общества отказались от уплаты по раскладке государственных податей и мирских сборов, он, барон Ропп, распорядясь заблаговременно о собрании волостных сходов, отправлялся лично в общества как для объявления распоряжений начальства о степени уменьшения повинностей, так и для вразумления крестьян о прямой их обязанности. Но объяснения и вразумления его не принесли желаемого результата, ибо во 2-й Подбиржанской вол. крестьяне Рымдаугского общества помещика Гарена — батраки отзывались, что они не будут платить ни государственных, ни мирских повинностей, а домохозяева объявили, что они только до 1 января 1862 г. по своему произволу будут отбывать барщину. Крестьяне Германишского общества л.-гв. полковника Фликенштейна и Тыльгеймского общества баронессы Гротуз отзывались: первые — что издельную повинность будут отбывать только до 1 будущего января, а последние — что они также не будут отбывать барщины и что объяснения посредника несправедливы, так как они имеют сведения из им. Бирже, что там подати меньше, чем у них, и потому посредника и его распоряжений вовсе слушать не будут. В Понемунском обществе помещика Сесицкого, когда он, посредник, по соображении инвентарного положения начал делать расчисление, сколько следует повинностей, по коему оказалось, что крестьяне должны отбывать по 18 дней барщины с каждой десятины и платить по 20 руб. в год, они все единогласно отзывались, что посредник без надобности делает расчет, и, с азартностью начав громко кричать, что нечего им делать и нужно возвращаться домой, разошлись из волостного схода без дозволения. В Бутовтском обществе помещика Тарновского крестьяне отзывались, что будут исполнять барщину в том размере, как крестьяне других обществ.

В Бруновишской и 1-й Салантовской вол. крестьяне Лункецкого и Попелицкого обществ помещицы Черкассовой и барона Гарена объявили, что будут исполнять барщину по своему усмотрению, а крестьяне Кемянского общества генеральши Непокойчицкой также отказались от исполнения издельной повинности по инвентарю, оказав явное неуважение посреднику, к которому они отзывались азартно и грубо. При объяснении с крестьянами барон Ропп внушал им, что за самовольный пропуск барщины они будут подвергаемы взысканию в пользу владельца земли согласно оценке рабочего дня, а за оказанное сопротивление не избегнут законной ответственности. Возвратясь домой, он, барон Ропп, получил уведомление, что крестьяне названных обществ, не послушав его убеждений, поступают по своему произволу.

Кроме того, старшина 1-й Подбиржанской вол. и помещик Гольстен донесли ему: первый — что крестьяне этой волости все отказались от издельной повинности с тем, что с 1 января 1862 г. без согласия помещиков перейдут на оброк, который намерены платить по своему исчислению, и что крестьяне Монтыгайлишского, Подайчевского, Битнишского и Бутнюнского обществ отказались от уплаты государственных податей и мирских сборов, и последний — что крестьяне по несколько человек являются на барщину с 11 часов утра, а возвращаются домой в 3 часа пополудня и когда Гольстен хочет разговориться ^а

^а Так в тексте.

с некоторыми хозяевами, то по призыву его являются крестьяне все вместе. Причем посредник Ропп присовокупил, что он вошел в сношение с понежевским земским исправником о принятии мер к восстановлению порядка для самоскорейшего взыскания государственных податей и мирских сборов, а также о подвержении виновных законному взысканию.

В то же время получено мною донесение новоалександровского земского исправника от 17 декабря, из коего видно, что мировой посредник 6-го мирового участка Новоалександровского у., вследствие жалобы дворового управления им. Попель помещика Януша Косцялковского об уклонности временнообязанных крестьян от уплаты денежных сборов за льняное семя и лен, принимал с своей стороны все возможные меры ко внушению и убеждению крестьян к исполнению сей повинности, определенной инвентарем и не отмененной Положением (1-й п. 126-й ст. Мест[ного] пол[ожения], а также 5-й и 12-й ст. ст. Правил о порядке приведения в дейст[вие] Полож[ения]), но когда все убеждения остались unsuccessful, то посредник отнесся к приставу 5-го стана о понуждении крестьян к исполнению сей повинности, присовокупляя, что 6 декабря приказано им было старшине и сельским старостам доставить к нему попельских крестьян, которые более других обвиняются в ослушании, но вместо сих последних явились все крестьяне толпой. При объяснениях и внушениях посредника один из толпы, хозяин Антон Витерт, начал говорить о претензиях к вотчиннику им. Попеле, до расчета с которым они не будут платить денег за семя и лен. Причем Витерт отзывался с дерзостью, что посредник превратно разъясняет им Положение и что за подводы, требуемые помещиком, сей последний должен платить в сутки не по 25, а по 40 коп. Когда Витерту приказано было удалиться, то некоторые из толпы отзывались, что если он выйдет, то и все они выйдут, после чего крестьяне произвольно удалились. Вследствие чего становой пристав, отправясь в им. Попеле, распорядился о предварительном задержании указанных посредником зачинщиков, из коих крестьянин Кржиштоф Аукштакальнис тогда же был арестован в дворовом строении. Посланные же для арестования прочих зачинщиков полицейские служители донесли, что в деревне они были встречены вооруженной кольями толпой крестьян, которые с ожесточением нанесли побои десятскому Прохору Кравцову, а товарищей его прогнали из деревни, угрожая лишением жизни. Вслед за полицейскими служителями явилась в господский двор Попеле толпа крестьян, кои увели с собой арестованного Аукштакальниса. На следующий день становой пристав, собрав всех домохозяев им. Попеле, в котором числится до 1500 ревизских душ и более 200 дворов, старался внушить им повиновение и приказывал удовлетворить следуемый с них платеж, но они остались при своем упорстве, объявляя с криком о своих расчетах с вотчинником. Причем земский исправник присовокупил, что он отправляется на место в им. Попеле для принятия всех возможных мер к восстановлению порядка и что так как это имение смежно с им. Биржи Понежевского у., где крестьяне по настоящее время не подчиняются новому Положению, служа дурным примером для соседних имений, то, судя по упорству попельских крестьян, полагать следует, что без военной силы нельзя будет привести их в послушание.

Вслед за сим мировой посредник 5-го мирового участка Вилкомирского у. от 17 декабря довел до моего сведения, что временнообязанные крестьяне некоторых сельских обществ Овантской вол. отказываются от взноса в пользу помещиков добавочных инвентарных сборов льном и деньгами, и хотя он всеми предоставленными ему мерами желал убедить их о неперемнной необходимости взноса тех сборов, но так как ни убеждения, ни приказание не подействовали на ослушных, то он, посредник, отнесся в земскую полицию о понуждении крестьян решительными мерами к исполнению законного требования.

По особой важности описанных беспорядков, в особенности в Поневежском у., где крестьяне 5-го мирового участка отказались от исполнения не только помещичьих повинностей, но и государственных, признавая необходимым принять решительные меры к прекращению беспорядков, которые в противном случае могут быстро распространиться в других местах, я предложил ковенскому губернскому жандармскому штаб-офицеру полковнику Скворцову немедленно отправиться на место, в Поневежский и Новоалександровский уезды и при содействии земской полиции и местных мировых посредников принять действительнейшие и удобнейшие по усмотрению меры к восстановлению порядка и обращению неповинующих к долгу, требуя в случае надобности содействия от квартирующих в означенных уездах войск, с начальством которых^а сделано мной сношение о назначении по требованию полковника Скворцова надлежащих команд для размещения их постоем, а в случае надобности — экзекуцией.

О чем имею честь донести в. вп. с присовокуплением, что независимо сего предписано мною вилкомирскому земскому исправнику принять действительные меры понуждения крестьян Овантской вол. к исполнению лежащих на них инвентарных повинностей.

К сему обязанностью считаю доложить, что, несмотря на состояние полковника Скворцова председателем учрежденной здесь следственной комиссии, я по необходимости признал нужным командировать его для прекращения означенных беспорядков, которые по своему характеру требуют благоразумных и энергических мер.

Свиты е. в. контр-адмирал Кригер

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 85—88. Подлинник

177

1861 г. декабря 24.—Рапорт вилкомирского земского исправника Лобова В. И. Назимову о появлении в гор. Вилкомире листовки с угрозами по адресу местных должностных лиц

На 23-е число сего декабря месяца в гор. Вилкомире на столбе против квартиры городничего приклеен был рисунок с изображением трех виселиц с петлями и надписями около столбов: «Болонин, Лобов и Ольшевский». Вверху виселиц написано: «Столбы спасения», а внизу

^а В тексте которого.

по-польски: «Житье кончат на петлях Лобов, Болонин и Ольшевский», и на столбе для Лобова написано: «Этот покрепче»¹.

О чем в. вп. почтительнейше имею честь донести и осмеливаюсь покорнейше просить распоряжения о скорейшей высылке из гор. Вилкомира старшего заседателя земского суда Борткевича к месту назначения его, так как частные слухи носят, что все то происходит от питаемой злобы того чиновника за перевод и его партии приверженцев.

Земский исправник Лобов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 102, ч. 1, л. 73. Подлинник

¹ Подполковник Болонин — городничий, Лобов — земский исправник, Ольшевский — заседатель уездного земского суда.

178

1861 г. декабря 29.— Отношение петербургского обер-полицмейстера А. В. Паткуля Г. А. Кригеру о высылке из Петербурга студента университета Б. Станевича за участие в студенческих волнениях¹

Государь император, по рассмотрении в Совете министров как представленных особо назначенными для сего комиссиями дознания о беспорядках, происходивших между студентами С.-Петербургского университета и другими лицами, так и всеподданнейшего доклада министра юстиции по сему делу, — в 4-й день декабря с. г. высочайше повелеть соизволил: из числа студентов здешнего университета, участвовавших в беспорядках, но в действиях коих не обнаружено предумышленного намерения сопротивляться распоряжениям правительства, студентов старшего IV курса, кои более других могли ознакомиться с обязанностями и правами студентов и должны были служить примером прочим, исключить из университета, и тех из них, кои имеют родителей или близких родственников, отдать родителям или родственникам на поруки в их добросовестном поведении, не воспрещая им поступления на службу в разные ведомства, кроме занятия должностей вне города. Тех же, которые не имеют ни родителей, ни родственников, принимающих на себя поручительство в их благонадежности, выслать, по соглашению министра внутренних дел с шефом жандармов, в разные уездные города губерний: Вятской, Вологодской и Олонецкой, с дозволением вступить на службу в присутственные места уездных городов, но не вне оных. Причем всем им отныне впредь окончательно воспретить ношение студенческой формы и возобновить запрещение носить так называемые национальные одежды или другие общие признаки, отличающие их от прочих граждан, с предварением, что полиция имеет право и обязанность каждого нарушающего сии правила немедленно арестовать.

Г. с.-петербургский военный ген.-губернатор, давая мне знать о таковом высочайшем повелении, предложил 6 декабря за № 13807 сделать к исполнению оного надлежащее распоряжение.

Из числа исключенных из университета студентов IV курса студент IV курса Богомир Станевич, по неимению в здешней столице ни родителей, ни близких родственников, которые бы приняли его на свое попечение, отправляется из С.-Петербурга на родину в Россиенский у. Ковенской губ.

Снабдив бывшего студента Богомира Станевича свидетельством от 12 декабря за № 1055 на проезд в Россиенский у. с тем чтобы он по прибытии туда свидетельство это немедленно представил местному ближайшему начальству, я имею честь уведомить о сем в. п. на зависящее распоряжение к исполнению изъясненного высочайшего повеления.

Документы г. Станевича, а именно свидетельства о науках за № 676, о дворянском происхождении за № 117 и метрическая выписка о рождении за № 171, при сем прилагаются, о получении которых меня уведомить.

Ген.-адъютант Паткуль

ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 15448, л. 1. Типографский оттиск^а

¹ Подобные уведомления направлены того же числа о высылке в Ковенскую губ. студентов младших курсов: Ивана Жуковского (там же, д. 15445, л. 1) и Эдуарда Подгемского (д. 15438, л. 1); 8 января 1862 г. — Николая Заблоцкого (д. 15444, л. 1), Николая Казакина (д. 15437, л. 1), Ивана Домашевича (д. 15443, л. 1); 17 января — Ромуальда Урбановича (д. 15449, л. 1); 19 мая — Ивана Абрамовича (д. 15440, л. 10); 13 июня — Андрея Якубовского (д. 15450, л. 1); 1 марта 1862 г. ковенский губернатор уведомил вилкомирского исправника о высылке на родину, в Вилкомирский у. студента Петербургского университета Александра Климчицкого (д. 15446, л. 2) и 13 января того же года — б. студента Московского университета Леонида Ольшевского и дворянина Владислава Гинтовта, участвовавших в студенческих волнениях в Петербурге (д. 15439, л. 3).

179

1862 г. января 12. — Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову о мерах против распространения трезвенного движения в Вилкомирском и Новоалександровском уездах¹

Во исполнение предложения в. вп. от 3 сего января за № 8² имею честь донести, что представление Ковенской казенной палаты о том, что по распространению мировых посредников по Вилкомирскому и Новоалександровскому уездам волостные старшины подвергают крестьян за употребление горячего вина денежным штрафам, работам и телесным наказаниям, я передавал в Ковенское губернское по крестьянским делам присутствие, которое признало с своей стороны благонамеренное стремление временнообязанных крестьян к воздержанию от пьянства весьма похвальным и заслуживающим полного поощрения, но так как казенная палата уведомляет, что при этом случае употребляются не разрешенные законом меры, к числу которых принадлежит и составление сельскими обществами приговоров, определяющих безусловное наказание за умеренное даже употребление вина, то присутствие, находя, что к искоренению непомерного пьянства надлежит стремиться

^а Данные о Б. Станевиче вписаны чернилами; упомянутых приложений в деле нет.

наблюдением и внушениями, подвергая виновных в этом пороке наказанию указанным в законе порядком, по постановлению, 3-го состоявшемуся и 8 января исполненному, положило: уведомить о сем мировых посредников для зависящих распоряжений, с тем чтобы они, поощряя с своей стороны похвальное стремление крестьян к воздержанию, имели наблюдение, дабы оно не сопровождалось мероположениями, не разрешенными законами, а [так] как из представления казенной палаты видно, что по Вилкомирскому и Новоалександровскому уездам крестьяне будто подвергаемы были взысканию за умеренное употребление вина, то мировых посредников этих уездов просить по изложенным в означенном представлении обстоятельствам доставить присутствию надлежащие сведения, о чем мировые съезды и казенную палату уведомить.

Причем имею честь доложить, что независимо сего о воспрещении всяких законом недозволенных мер к наложению наказаний за употребление вина мною предписано городским и земским полициям.

Свиты е. в. контр-адмирал Кригер

Резолюция В. И. Назимова от 16 января 1862 г. Не было надобности передавать это на обсуждение губ[ернского] присутствия, так как предмет этот не входит в круг его действий, а еще менее мировых посредников, а потому попросить отменить распоряжение, возложив обязанность наблюдения за исполнением закона исключительно на город[ские] и земские полиции.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1858 г., д. 946, ч. 2, лл. 485—486. Подлинник

¹ Так называемое трезвенное движение, начавшееся в Ковенской губ. в 1858 г., выражало стихийный протест народных масс против винных откупов. Несмотря на влияние католического духовенства и умеренность требований самого движения, оно занимало важное место в общенародной борьбе против царизма и помещиков. О начале трезвенного движения в Ковенской губ. и распространении его по уездам см. там же, ч. 1, лл. 105—109.

По данным епископа М. Волончевского, к июлю 1861 г. общества трезвости охватывали в Ковенской губ. 688 464 человек (лл. 97—102). Распространение движения сильно повлияло на акцизный сбор. Тревогу властей по этому поводу отражает записка «О причинах упадка винных откупов в Ковенской губ.», составленная в канцелярии виленского ген.-губернатора в августе 1860 г. (там же, ПО, 1860 г., д. 843, лл. 2—9). 1 сентября 1860 г. вопрос об упадке акцизных сборов по Ковенской губ. обсуждался на заседании Совета министров (там же, л. 1).

² В предложении запрашивалось о принятых С. Ф. Хоминским мерах против трезвенного движения (там же, ОО, 1858 г., д. 946, ч. 2, л. 482).

180

1862 г. января 15.—Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову о результатах расследования причин отказа крестьян им. Попеле Новоалександровского у. от исполнения повинностей

Штаб-офицер корпуса жандармов, находящийся в Ковенской губ.; полковник Скворцов от 5 сего января за № 6 уведомил меня, что, прибыв в Новоалександровск, он узнал от тамошнего земского исправника, только что возвратившегося из им. Попеле, что вразумления его к обращению крестьян сего имения в повиновение не имели успеха, что

крестьяне являлись на призыв его, исправника, не иначе как толпами и расходились самовольно, не слушая ни увещаний, ни приказаний его и что без военной силы не представляется возможности восстановить там порядок. Вследствие этого полковник Сковрцов признал нужным отправить в означенное имение, заключающее в себе 1174 ревизских душ мужского пола, военную команду из 50 человек легкого гренадерского резервного № 2 полка, квартирующего в гор. Новоалександровске, и 30 человек Новоалександровской инвалидной команды. Сам же отправился туда вперед.

31 декабря, по приказанию полковника Сковрцова, собрались все домохозяева в числе свыше 200 человек, которые на спрос, почему не платят следующих с них денежных сборов за лен и льняное семя, отзывались, что они не отказываются от уплаты этих сборов, но просят только, чтобы прежде того сделан был с ними расчет за разные причитающиеся им долги от помещика Косцялковского, в чем дворовое управление отказывает им, объясняя, что долги эти будут рассчитаны 23 апреля, и требуя, чтобы следующий с них оброк они внесли ныне полностью. При этом крестьяне представили лист своих претензий.

Претензии эти были следующие.

1. Помещик Косцялковский собрал будто бы с них подати за целый год, а внес таковые в казначейство только за первую половину 1861 г., а за вторую они должны были заплатить подати сами.

2. Он посылал их в прежние года с подводами в Ковно, Ригу и оттуда в Уцяну без должного вознаграждения и что в прошедшем 1861 г. он также посылал их в рабочее время, в мае и июне месяцах, два раза с подводами в Ригу, а некоторых — и третий раз осенью и не сделал еще за эти дороги никакого расчета.

3. Помещик Косцялковский отобрал от них некоторую часть лугов.

4. Он не отдал в сельский запасной магазин всего ссыпанного ими хлеба.

Кроме того, крестьяне жаловались словесно, что назначенная им для уплаты в оброк цена за пундель¹ (26 фунтов) льна 3 руб. сер. — весьма высокая и что лен в Риге в настоящее время стоит дешевле, а также что помещик Косцялковский у многих из них занимал деньги под расписки и этих денег не уплачивает им по нескольку лет и не принимает в расчет за оброк.

Усматривая, что некоторые из претензий крестьян относятся до прошедшего времени, полковник Сковрцов объявил им, что жалоб их на эти претензии никто принимать не может, так как они уничтожены высочайше утвержденным Положением, но что разбирательство претензий их за нынешнее время принадлежит, по закону, мировому посреднику, которым они и будут теперь же разобраны и если окажутся справедливыми, то [будут] немедленно удовлетворены.

Крестьяне очень желали, чтобы помещик Косцялковский сам сделал с ними расчет, и выказали надежду, что он сделает им льготы, но помещик Косцялковский, находившийся ныне в Поневежском у., на вызов г. Сковрцова по болезни своей прибыть в Попеле не мог.

Приглашенный полковником Сковрцовым мировым посредник 6[-го] участка Новоалександровского у. Комаровский, по разобрании претензий крестьян, нашел, что подати с них в декабре месяце 1860 г. были,

действительно, взысканы, как это делалось и прежде, за целый год, но год этот по экономическому расчету считался с 23 апреля 1860 г. по 23 апреля 1861 г., а потому и подати уплачены помещиком за вторую половину 1860 г. и первую половину 1861 г., а затем за вторую половину 1861 г. крестьяне должны были уплатить подати сами; что претензия их за поездки в Ковно и из Риги в Уцяну, а равно и за отобрание некоторой части лугов (которая, впрочем, по инвентарю не числилась за ними), как относящаяся до прежнего времени, не подлежит разбирательству и что хлеб в сельском запасном магазине, при сдаче такового в волостное управление, был по настоянию его, мирового посредника, пополнен дворовым управлением до положенного по числу душ количества и что со времени высочайшего манифеста об освобождении крестьян помещиком Косцялковским никакого расхода из этого хлеба делано не было. Претензию же крестьян относительно посылки их в 1861 г. по два и по три раза в Ригу большей частью в не определенное законом рабочее время и неделаения в том с ними, на основании положения, немедленного расчета мировой посредник признал основательной и потому определил, чтобы за полторы дороги, которые каждый крестьянин, как барщинный, так и оброчный, по заключенному условию обязан исполнить для помещика, было выплачено им за каждые 30 верст пути по 25 коп. харчевых денег, а тем, которые состоят на барщине, засчитано сверх того по 1½ рабочих дня; затем все прочие дни крестьянам, исполнившим по две и по три дороги, как за перегон, посредник определил заплатить за каждый день вдвое против оценки одноконного рабочего дня, утвержденной губернским присутствием. Вместе с тем посредник признал справедливым, чтобы при уплате крестьянами оброка были приняты от них и собственноручные расписки помещика Косцялковского в занятых им у них деньгах. Относительно же определенной за пундель льна цены в 3 руб. сер., хотя по инвентарю цена эта и назначена в 2 руб. 25 коп., посредник не счел возможным сделать изменения, потому что крестьяне по этой цене уплачивали уже за лен в течение нескольких лет и что повинность ими отбывается не по инвентарю, а несколько менее — по особому условию, ими с помещиком заключенному.

Об этом определении своем мировой посредник в присутствии полковника Сковцова объявил всем домохозяевам 2 сего января. После того крестьяне хотя и возражали, что оценка пунделя льна в 3 руб. сер. для них отяготительна, однако по убеждению г. Сковцова без всяких принудительных мер приступили немедленно ко взносу следующих с них сборов за лен и льняное семя и в течение двух дней внесли все деньги.

Затем полковником Сковцовым приступлено было к дознанию об оказанном крестьянами неповиновении мировому посреднику и полиции, о нанесении побоев десятскому Кравцову и об освобождении из-под ареста крестьянина Аукштакальниса. Никто из домохозяев и прочих крестьян в совершении этих поступков не сознался, и [так] как нанесение побоев Кравцову, а равно освобождение Аукштакальниса произошло в ночное время, то никто из виновных полицией, а равно и должностными лицами волостного управления, замечен не был. Освобожденный крестьянин Криштоф Аукштакальнис, одержимый в настоящее время тяжкой болезнью, никакого показания дать по этому

предмету не мог. Из собранных же на месте сведений дознано, что в нанесении побоев десятскому Кравцову и в освобождении из-под ареста Аукштакальниса участвовали преимущественно крестьяне деревень Докурни, Саткуны и Жвалуйце и что главнейшее участие в том принимали крестьяне Петр Юдгудис, Иван Можуйко, Якуб Каршис, Ян Можуйко, Юрий Аукштакальнис, Петр Можуйко и Иван Кокшис. При этом оказалось, что при освобождении Криштофа Аукштакальниса из-под ареста крестьяне не учинили насилия и даже не входили в комнату, где содержался арестованный, а отворили только дверь, в которую и вышел Аукштакальнис, не удерживаемый испуганными жараульщиками.

Принимая во внимание, что освобождение Аукштакальниса и нанесение незначительных побоев десятскому Кравцову совершены крестьянами не столько из дерзости, сколько по непониманию важности этих преступлений, и что к этим поступкам они были побуждены убеждением в справедливости своих требований в произведении с ними расчета и опасением потерять впоследствии должны им помещиком деньги, как это и случилось уже уничтожением прежних претензий при введении нового Положения, а также что формальное обследование вышепрописанных поступков крестьян при недостатке улик не могло бы повести к законному обличению виновных, а только побудило бы к дальнейшим беспорядкам, полковник Скворцов признал необходимым для немедленного водворения повиновения и спокойствия в им. Попеле, а равно и для примера крестьянам соседних имений, между которыми нередко стало проявляться волнение, подвергнуть административным порядком наказанию розгами от 100 до 50 ударов перед собранием домохозяев вышепоименованных 7 крестьян, которые по дознанию оказались главными участниками происшедших беспорядков. Сверх того, подвергнуты наказанию розгами крестьяне Антон Витерт, Михаил Аютис и Станислав Шлякис, оказавшие грубости перед мировым посредником и земским исправником. Крестьяне Криштоф Аукштакальнис и Иван Пляпас, обвиняющиеся тоже в грубости против старшины, по случаю одержимой ныне болезнью наказаны быть не могли. Этими мерами порядок вполне восстановлен в им. Попеле, и крестьяне при сделанном им вразумлении обещали на будущее время оставаться в полном повиновении полиции и волостному управлению.

Причем полковник Скворцов, препровождая представленный крестьянами лист о своих претензиях и отзыв мирового посредника о разрешении этих претензий, присовокупил, что вытребованная им из Новоалександровска военная команда, поставленная было на несколько дней экзекуцию в деревни Докурни, Саткуны и Жвалуйце, возвращена обратно на свои квартиры. О вышеизложенном имею честь донести в. вл. в дополнение к рапорту моему от 21 декабря прошлого года за № 13149² с присовокуплением, что подлинное представление полковника Скворцова по сему предмету с приложениями передано мною на законное постановление в губернское по крестьянским делам присутствие.

Свиты е. в. контр-адмирал Кригер

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 90—94. Подлинник

¹ Пундель — мера льна-волокна.

² См. док. 176.

1862 г. февраля 2.—Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову о сопротивлении крестьян им. Лауксодзе Поневежского у. военной команде, посланной для подавления крестьянских волнений

После донесения моего в. вп. от 18 декабря 1861 г. за № 991 по делу о беспорядках по им. Лауксодзе помещиц Верещанских¹ поневежский земский исправник от 11 января за № 2 донес мне, что подобные беспорядки стали проявляться и в других имениях 4-го мирового участка, а в им. Белые Плоняны барона Рекке крестьяне выказали дерзость и непослушание противу станового пристава и мирового посредника Ляндсберга. Так как распространявшиеся между временно-обязанными крестьянами беспорядки требовали деятельных мер для прекращения их в самом начале, то, по случаю нахождения ковенского губернского жандармского штаб-офицера в Поневежском у. для водворения порядка в некоторых помещичьих имениях, я 16 истекшего января предложил полковнику Сквиорцову принять меры к восстановлению должного порядка как в имениях Лауксодзе и Белые Плоняны, так и в прочих соседних с ними. Ныне получено мною донесение поневежского земского исправника, что один из виновных в беспорядках и подстрекательстве лауксодзских крестьян, Фаддей Малдарис, земской полицией был захвачен и арестован, но во время ночлега в м. Жеймелях он отбит от карауливших его полицейских служителей и уведен толпой лауксодзских крестьян. По объявлении о таком событии штаб-офицеру корпуса жандармов полковнику Сквиорцову сделано было им распоряжение о захватении помянутых подстрекателей Малдариса и Сидауги и виновных в отбитии первого из-под стражи. Для приведения же в порядок и повиновение крестьян им. Лауксодзе 23 истекшего января направлена была туда военная команда из 32 человек, но лауксодзские крестьяне, собравшись числом до 150 человек с кольями и разным оружием в руках не допустили команду в дер. Нацюны, куда она была назначена. Причем и женщины участвовали в нападении на солдат, обливая их кипятком и щелоком. После прибытия полковника Сквиорцова с ним, исправником, на место в дер. Нацюны, они были встречены вооруженными крестьянами, и самый въезд в деревню был забаррикадирован. Почему полковник Сквиорцов, приступив на месте к дальнейшим распоряжениям, потребовал для содействия в этом деле 4-й эскадрон С.-Петербургского уланского короля баварского полка.

Донюса о сем в. вп., честь имею доложить, что о последствиях принятых полковником Сквиорцовым мер и дальнейших распоряжений насчет подвержения виновных в буйстве законному взысканию я не премину своевременно донести в. вп.

К сему обязанностью считаю присовокупить, что о вышеописанном доведено мною до сведения г. министра внутренних дел.

Свиты е. в. контр-адмирал Кригер

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 359, лл. 16—18. Подлинник

¹ См. док. 175.

*1862 г. февраля 2.—Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову о подавлении волнений крестьян Биржанской и Соломейской вол. Поневежского у.*¹

Штаб-офицер корпуса жандармов, находящийся в Ковенской губ., полковник Сковрцов от 24 минувшего января уведомил меня, что, при быв Поневежского у. в им. Бирже гр. Ивана Тышкевича для водворения порядка между временнообязанными крестьянами², нашел следующее.

Из временнообязанных крестьян Биржанского им., число которых простирается до 14 000 душ обоего пола, определено образовать две волости: Биржанскую из 12 сельских обществ и Соломейскую из 4 обществ. Но крестьяне эти, услышав от мирового посредника, что в течение двух лет они обязаны исполнять в пользу помещика прежнюю повинность, и растолковав себе, что с учреждением волостей они могут сделаться вновь крепостными, отказались от выбора должностных лиц и объявили, что они тогда только приступят к образованию волостей, когда будут совершенно свободными и получают облегчение в отбываемых ими ныне повинностях. Впоследствии, по убеждению мирового посредника Верещинского, 2 общества из Биржанской вол., Тубакское и Блюдзское, и по несколько домохозяев других обществ этой волости согласились признать новый порядок. Посредник Верещинский с этим меньшинством крестьян произвел выборы в октябре месяце и установил Биржанское волостное управление в надежде, что и прочие крестьяне мало-помалу будут приведены в повиновение. Однако ожидания его не оправдались. Не согласившиеся на выборы крестьяне не признали волостное управление, решительно отказались от всякого ему повиновения и почти насильно привлекали на свою сторону покорившихся уже крестьян. Особенно дурное влияние имели они на крестьян Соломейской вол., которые вначале соглашались приступить к новому порядку, но потом упорно все отказались от выборов, почему волость эта и не была вовсе образована до прибытия его, полковника Сковрцова.

Пользуясь таковым расположением умов крестьян Биржанского им., разные посторонние злоумышленники старались поддержать между ними волнение и, собирая с них деньги, уверяли их, что скоро будет дана другая воля и что если они подчинятся учрежденному волостному начальству, то потеряют право на новые льготы и сделаются опять крепостными. Подстрекаемые этими злоумышленниками, и преимущественно отставным солдатом Грумшисом, биржанские крестьяне стали подавать прошения разным начальствующим лицам, а в октябре месяце отправили двух из своих односельцев, Науседа и Бальчуна[са], в С.-Петербург для подачи жалобы е. в. Оба эти крестьяне были задержаны в Петербурге за беспаспортство, и один из них, Бальчуна, препровожден в Поневеж по этапу. Другой же, Наусед, оставшийся по болезни в Петербурге, успел там найти за себя поручителя и, прибыв в Биржанское им. с каким-то неизвестным лицом, называвшим себя министром, рассказывал крестьянам, что имел счастье подать прошение государю императору, что е. в. изволил подарить ему свой портрет

и пр. При этом Наусед подстрекал крестьян отнюдь не подчиняться новому порядку, пока не последует по поданной просьбе особый высочайший указ или не приедет следователь из Петербурга.

Нерешительные меры, принимавшиеся в течение семи месяцев для водворения порядка между временнообязанными крестьянами Биржанского им., и продолжительная безнаказанность за неповиновение установленному волостному начальству и полиции еще более увеличили своеволие и дерзость их. Если они продолжали кое-как барщину, то, с другой стороны, отказались от всех платежей и даже до приезда его, полковника Скворцова, не внесли за вторую половину прошедшего года государственных податей и мирских сборов, несмотря на то, что волостное начальство и полиция понуждали их к тому с сентября месяца прошедшего года.

Такое положение временнообязанных крестьян Биржанского имения стало оказывать в последнее время весьма вредное влияние на крестьян соседних имений и послужило поводом к обнаружившимся беспорядкам в 4-м и 5-м мировых участках Поневежского и 6-м участке Новоалександровского уездов.

По соображении выше прописанных обстоятельств, принимая во внимание, что дальнейшее послабление крестьянам в подобных своеволиях может иметь гибельное последствие, он, Скворцов, признал необходимым принять энергические меры к обращению их к своему долгу и начать водворение повиновения с Биржанской вол., как с корня всех беспорядков.

Собрав домохозяев этой волости, он внушал им повиновение волостному начальству и полиции и обязанность исполнять лежащие на них повинности, объясняя при том, что учреждение волостных управлений клонится к их собственному благу и что опасение их сделаться вновь крепостными не имеет основания, потому что свобода, дарованная им государем императором, не может быть никем отменена и что в настоящее время в целой России нет ни одного крепостного.

Заметно было, что многие крестьяне убеждались этими доводами, но под влиянием своих руководителей они отвечали, что, подав прошение е. в., они не могут в ожидании высочайшего разрешения признать нового порядка. Вразумив крестьян, что подача прошения не дает им права не слушать начальство и уклоняться от исполнения своих обязанностей, он, Скворцов, приказал им, чтобы не уплаченные ими до настоящего времени государственные подати и мирские сборы были представлены в течение двух [дней] непременно в волостное управление. Крестьяне обещали исполнить это приказание в точности, но когда для сбора денег были посланы сборщики и старосты, то они приняли их с ругательствами и насмешками и денег не заплатили. Между тем, поняв из слов полковника Скворцова необходимость уплаты податей, они собрали их между собой и тайным образом чрез главных своих руководителей отправили в Поневеж для взноса в казначейство, желая тем показать, что они не подчиняются волостному начальству. Определенных же денег на мирские надобности никто не представил.

Видя столь явное неповиновение биржанских крестьян не только волостному начальству и полиции, но и распоряжениям его, Скворцова, он приказал захватить в Поневеже отправившихся туда с податями

крестьян и доставить их в Бирже арестованными. В то же время, замечая сильное волнение в умах крестьян, беспрестанно собиравшихся по ночам на противузаконные совещания, вытребовал для расположения между ними, кроме квартирующего в м. Бирже 1-го эскадрона С.-Петербургского уланского е. в. короля баварского полка, еще один эскадрон того же полка. Когда же задержанные в Поневеже 23 крестьянина были доставлены в волостное управление, то, собрав войско, он, полковник Скворцов, приказал подвергнуть наиболее виновных из них в присутствии более 700 домохозяев наказанию розгами за неисполнение его приказа и возмущение к тому других крестьян. После наказания 10 человек все присутствовавшие домохозяева, сознав свое заблуждение, стали просить прощения, обещали подчиниться порядку, установленному высочайше утвержденным Положением, и быть в послушании [у] волостного начальства и полиции. Вместе с тем они просили помилования для остальных задержанных в Поневеже, которые, со своей стороны, сознали свою вину и обещали полное повиновение. Видя чистосердечное раскаяние крестьян, он по просьбе их освободил от наказания остальных виновных из числа задержанных в Поневеже.

На следующий день, по приказанию полковника Скворцова, все крестьяне беспрекословно внесли деньги на мирские расходы и на подати, где таковые не были еще уплочены, а затем, собравшись в волостное управление, вновь изъявили свою покорность. По просьбе крестьян, в тот же день представлено было им выбрать новых сборщиков, выборных и некоторых старост вместо тех, которые были назначены посредником, но старшины и старосты, выбранные меньшинством прежде покорившихся крестьян, на законном основании оставлены в своих должностях. Таким образом, незначительным наказанием розгами 10 человек порядок и спокойствие были водворены в Биржанской волости³. Из 704 домохозяев этой волости не явились на призыв его только трое: Станислав Ясюкенас, Мартин Кажелис и Иван Бредис, которые, по отзывам крестьян, находятся ныне в отсутствии. Имея, однако, сведение, что эти люди принадлежат к числу наиболее виновных в происходивших в Биржанской вол. беспорядках и полагая, что они скрылись умышленно, не желая изъявлять покорности, полковник Скворцов дал предписание волостному управлению задержать их по возвращении домой и отправить в Поневежскую тюрьму впредь до распоряжения моего.

Что же касается до крестьян Науседа и Бальчуна[са], задержанных в Петербурге и преданных суду по постановлению Ковенского губернского присутствия, то, находя их, особенно Науседа, главными виновниками в возмущении крестьян Биржанской вол. и в упорном поддержании в них ложными толками духа неповиновения к местному начальству, полковник Скворцов предложил судебному следователю Мальчевскому немедленно приступить к обследованию их вины. Вместе с тем передал ему, Мальчевскому, одного из главных посторонних возмутителей крестьян, захваченного по распоряжению его, Скворцова, в Курляндии, — отставного унтер-офицера Никифора Варфоломеева, который в отданном показании сознался в писании просьбы для биржанских крестьян и указал всех лиц, поддерживавших в них неповиновение и волнение.

По восстановлении порядка в Биржанской вол. полковник Скворцов отправился в Соломейскую вол. Там крестьяне встретили его с полным доверием, сознали свое заблуждение, просили прощения за неповиновение, оказываемое ими в течение семи месяцев местному начальству, и, по убеждению его, немедленно и охотно приступили к выборам должностных лиц и образовали волостное управление, обещающая полное послушание. В тот же день избранный старшина был приведен к присяге в костеле, причем присутствовали по собственному желанию почти все домохозяева.

Крестьяне Соломейской вол. при деланных увещаниях объявили, что, будучи обязаны вносить помещику оброк льном, они не могут внести ему такового в натуре по случаю скудного урожая льна в прошедшем году и что цену, назначенную помещиком гр. Тышкевичем, — по 3 руб. за пундель льна, — они считают для себя обременительною. Принимая во внимание, что, на основании примечания к 200-й ст. Местного положения, крестьяне эти имеют право уплатить за лен по инвентарной оценке, полковник Скворцов передал жалобу их на разрешение мирового посредника, которого просил о последующем уведомить губернское присутствие.

Вытребованный эскадрон улан тотчас по изъявлении покорности биржанскими крестьянами был возвращен на прежние свои квартиры. Так как эскадрон этот при внезапном передвижении своем из Вобольник в Биржи не имел возможности перевезти с собою заготовленный гам фураж, то для продовольствия казенных лошадей на двое суток был, по распоряжению полковника Скворцова, на основании 412-й ст. II т. Св[ода] Зак[онов] собран фураж с виновных домохозяев Биржанского им., причем каждому из них пришлось дать по $2\frac{1}{2}$ гарнца овса и по $5\frac{3}{4}$ фунта сена. Фураж этот принят эскадроном в волостном управлении под квитанцию, и он^а признал нужным обратить его на счет крестьян в наказание за их неповиновение.

Из представленной полковником Скворцовым копии показания отставного унтер-офицера Никифора Варфоломеева видно, что в октябре 1861 г. по рекомендации отставного унтер-офицера Осипа Грумши, происходящего из здешней страны, он написал прибывшим в Ригу крестьянам им. Бирже гр. Тышкевича, Андрею Науседу и Адаму Якубонису, всеподданнейшую просьбу государю императору с жалобой на их владельца гр. Тышкевича за разные обиды и притеснения и за труды свои получил от них 20 руб. сер. С этою просьбой помянутые крестьяне отправились в столицу и получили от него рекомендательное письмо к шурина его, военному служащему циркулянику нового С.-Петербургского арсенала, Карлу Петрову. Впоследствии унтер-офицер Грумша, отправлявшийся с помянутыми крестьянами в Петербург, письменно уведомил его, Варфоломеева, что всеподданнейшее прошение е. в. подано 21 октября, но Наусед и Якубонис тамошней полицией арестованы, из коих первый заболел, а другой отправлен по этапу на родину, и притом требовал, чтобы для выручки Науседа биржанские крестьяне прислали 300 руб. сер. Требуемые на сей предмет деньги высланы были чрез крестьянина Мартина Жежелиса, с которым он, Варфоло-

^а Т. е. Скворцов.

меев, из Риги отправился в столицу и квартировал вместе с Грумшей по Фонтанке вблизи Семеновского полка под № 29. Там посредством шурина его Карла Петрова велись переговоры со служащим при том же арсенале лекарем Фердинандом Фердинандовичем (фамилия неизвестна) насчет взятия Науседа на поручительство, и действительно, по ходатайству его Наусед отдан на поруки, за что Наусед, Грумша и Жежелис удовлетворили сего лекаря деньгами, но сколько именно — не знает. Кроме того, Грумша купил в подарок лекарю офицерскую каску и эполеты. После сего Варфоломеев с Грумшей отправились обратно в Ригу, а крестьянин Наусед, в сопровождении шурина его Карла Петрова, отправился в Шлейдеришки, откуда сказанный Петров возвращался в столицу через гор. Ригу и гостил у него, Варфоломеева. [За] ходатайство по сему делу, как ему, Варфоломееву, так и Грумше, крестьянами им. Бирже обещано было значительное вознаграждение по благополучном исходе дела; но [так] как от сих крестьян не дождался чрез долгое время никакого известия, то Варфоломеев с Грумшей вдвоем отправились из Риги в дер. Шлейдеришки и имели свидание в соседней корчме с биржанскими крестьянами, от коих Грумша требовал 600 руб. сер. за подачу нового прошения, но крестьяне на советы его, Грумши, не согласились.

О чем в. вп. честь имею донести в дополнение рапорта моего от 17 истекшего января за № 109⁴ с присовокуплением, что о вышеописанном донесено мною министру внутренних дел⁵.

Свиты е. в. контр-адмирал Кригер

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 99—108. Подлинник

¹ О волнении крестьян им. Бирже см. также док. 157.

² О командировке И. Н. Скворцова см. также ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 4 эксп., 1862 г., д. 105.

³ Однако из донесения Г. А. Кригера от 9 марта 1862 г. видно, что домохозяева четырех сельских обществ Биржанской вол., собранные полковником Скворцовым, опять выразили намерение не подчиняться начальству и не платить податей через сборщиков, ввиду того, что в волостном правлении был наказан розгами крестьянин Гасюнас (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 123—124). В предписании П. А. Валуева Г. А. Кригеру от 3 апреля 1862 г. указывается, что биржанские крестьяне вновь подали жалобу. «Все это приводит к убеждению, — пишет Валуев, — что продолжительное упорство биржанских крестьян и многочисленные жалобы их имеют, может быть, свои причины, остающиеся доныне неисследованными и неразъясненными...». Поэтому Кригеру поручалось лично разобраться в причинах волнений (там же, л. 128). О водворении порядка в Биржанской вол. Кригер донес Назимову в ноябре 1862 г. (там же, л. 179).

⁴ В нем сообщалось, что порядок в Биржанской вол. не мог быть восстановлен «кроткими мерами и убеждениями» (там же, лл. 95—98).

⁵ Аналогичное по тексту донесение было направлено П. А. Валуеву. Оно опубликовано в сб. «Крестьянское движение в 1861—1869 гг.». М., 1964, стр. 59—65.

1862 г. февраля 14.— Жалоба крестьян дер. Нарбуты Вилкомирского у. В. И. Назимову на незаконное зачисление их в сословие «вольных людей» и захват их хозяйств помещиком Н. Зарембой¹

Ковенской губ. Вилкомирского у. крестьян, вышедших из крепостной зависимости, принадлежащих помещику Зарембе, Карла Осипова Шешоты, Бартломея Яковлева Мицкуна и Юрия Осипова Микалаюна

Прошение

Излагая нашу нижеписанную обиду, жаловались мы ближайшему начальству, но, не получив удовлетворения, обращаемся к в. вп.

Спокон веков предки наши считались крепостными при им. Мариамбора, в настоящее время принадлежащем помещику Наполеону Зарембе, и всегда как крепостные исполняли все обязанности, их званию присвоенные, и мы тоже всегда считались крепостными и на основании высочайше дарованных прав должны получить надел земли.

Не знаем, на каком основании помещик Заремба хочет удалить нас из своего имения: что мы вольные, а только были приписаны к его имению, между тем когда ревизские сказки прежних лет утверждают совершенно противное. Было время, когда личная свобода была для нас самым драгоценным сокровищем, то почему помещик Заремба в то время считал нас крепостными? Почему никогда не делал контрактов, как это ведется с вольными людьми, поселенными на помещичьих землях?

Как в настоящее время оказалось, помещик сам, без нашего ведома, записал нас в число вольных, не объявив нам даже предварительно об этом. Если бы мы знали, что мы вольные, то до сих пор приискали бы, наверно, место и занятие. Но, несмотря на все это, помещик хочет прогнать нас из своего имения, не вознаградив за озимый посев и хозяйственные строения, трудами нашими сооруженные, для того только, чтобы лишить надела земли. Таким образом, приходится нам с семействами, всего 17 душ, остаться без убежища и средств к пропитанию. Легко было попеременно делать нас то крепостными, то вольными, когда мы ничего об этом не знали и не могли протестовать!..

Представляя в. вп. все эти обстоятельства, просим милости сделать справедливое распоряжение, не оставив нас с семействами без куса хлеба и возможности трудиться. Как начальник вверенной попечению в. вп. провинции, не оставьте нас, прибегающих за помощью и защитой, так как помещик Заремба увольтнил нас, написав увольнительные свидетельства без нашего согласия и участия, единственно из желания лишить нас надела землею. Одно только покровительство в. вп. может облегчить нашу участь и не допустить пойти по миру с сумою. Обратите внимание, в. вп., на то обстоятельство, что 3 семейства, состоящие из 17 лиц, лишены убежища. Ежели нельзя уже нам остаться на месте,

то, по крайней мере, помещик Заремба должен заплатить нам за озимый посев и строения, нашими трудами возведенные.

1862 г. февраля 14 дня.

Как неграмотные, тремя крестами расписуемся.

+++ (значит Карл Осипов Шешота)

+++ (значит Юрий Миклоянас)

+++ (значит Бартоломей Мацкунас)²

Местожителство: Вилкомирский у.
Ковенской губ. 2[-го] стана в дер.
Нарбутах.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1862 г., д. 914, лл. 5—6. Подлинник

¹ Такую же жалобу на помещика Н. Зарембу подал 13 февраля 1862 г. В. И. Назимову крестьянин дер. Нарбуты Я. Каминский. Крестьянин жаловался, что помещик зачислил его мещанином гор. Поневежа, не спросив согласия и не вознаградив за имущество (там же, лл. 7—9).

Принудительное обращение бывших крепостных в «вольные люди», которые, по мнению помещиков, не имели права на землю, носило в этот период в Ковенской губ. (как и в некоторых других местностях Литвы и Белоруссии) массовый характер и являлось одним из ярких проявлений наступления помещиков на крестьянские земли. Документы позволяют констатировать этот процесс в имениях графини Шуазель — Мирибель Вилкомирского у. и Платели Тельшевского у. (там же, 1861 г., д. 967), в им. Жибортаны Понежевского у. (там же, д. 959, лл. 2—5), в им. Одахово помещика Хлевинского в Россиенском у. (там же, д. 954, лл. 1—6), в им. Конюхи помещика Кулеши Вилкомирского у. (там же, 1862 г., д. 965, лл. 1—7) и др. В им. Лабгирас помещицы Кайсаровой в Россиенском у. крестьяне двадцати двух дворов были записаны в горожане (там же, 1860 г., д. 1205, л. 183). Крупные волнения «вольных людей» происходили в им. Гинтелишки Тельшовского у., принадлежащем гр. Ледуховскому (там же), в им. Мишуце помещика Парчевского (там же, лл. 77—80, 154—157) и др.

² Г. А. Кризер на основании сведений земского исправника донес В. И. Назимову, что просьба крестьян не подлежит удовлетворению (то же дело, лл. 3—4).

184

1862 г. февраля 22. — Рапорт новоалександровского земского исправника Б. А. Своицкого Г. А. Кригеру о жалобах рабочих на строительстве железной дороги в Дукиштах в связи с невыплатой подрядчиком заработанных ими денег¹

Чернорабочие по железной дороге в числе 150 человек, подрядившиеся на работы в Дукиштанскую контору статского советника Адельсона, находящуюся во вверенном мне уезде, в последнее время, в проезде по железной дороге е. и. выс. вел. кн. Константина Николаевича утруждали е. выс. прошением, жалуюсь на подрядчика за неудовлетворение их заработанными деньгами. Особо сего, еще 70 человек принесли о том же жалобу г. начальнику здешнего края. Вследствие чего е. вл. г. виленский военный, гродненский и ковенский ген.-губернатор изволил командировать полковника Абрамовича для дознания как о справедливости жалоб, так и для приведения в известность суммы, не выплаченной со стороны подрядчика чернорабочим.

Участвуя по приглашению полковника Абрамовича в исполнении означенного поручения, я долгом счел довести о том до сведения в. п. с почтительнейшим присовокуплением, что, кроме чернорабочих,

принесших жалобы, оказалось много других, в том числе и служителей конторы подрядчика, не удовлетворенных заработанными деньгами и жалованьем, и что сумма на удовлетворение всех сих лиц, сколько доселе обнаружено, простирается до 76 000 руб. сер.

Земский исправник майор Своицкий

ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 13993, л. 15. Подлинник

¹ Об экономическом положении и борьбе рабочих в Душетах см. док. 156, а также ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г. д. 592.

185

1862 г. февраля 25.— Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову об отказе крестьян им. Дорбяны и других имений Тельшевского у. принять уставные грамоты

Г. мировой посредник 6-го мирового участка Тельшевского у. от 17 февраля уведомил, что 15 сего февраля, при бытности станового пристава и поверенного гр. Тышкевича, он, посредник, приступал к проверке уставной грамоты им. Дорбяны на полном сходе крестьян в Дорбянском волостном правлении, но крестьяне-хозяева, в числе 244 человек, от сего отказались¹, объявляя, что имеют новый указ, на днях опубликованный, в коем сказано: не только не принимать, но и не слушать даже чтения и толкования уставных грамот, а того, кто будет принуждать их к тому, считать подстрекателями к бунту и, связав их, представлять куда следует. Когда же пристав Гриневич стал толковать статьи объявления, на которые крестьяне ссылались, то они нанесли приставу ругательства, а один из среди^а их, Иван Буткус, отозвался, что они имеют указ и чиновников им не нужно. За эту дерзость старшина арестовал Буткуса, но крестьяне тут же освободили его из-под стражи. Крестьянин из дер. Новосады Антон Зоберн, подойдя к становому приставу, оскорблял его самыми грубыми словами, не признавая его власти над собою. Когда же за подобный поступок он, посредник, приказал арестовать Зоберна, то сказанный Зоберн во вспыльчивости, бросаясь на него с пренебрежением его звания, стал наносить ему разные ругательства с угрозами, что арестует его как бунтовщика. Эта чрезвычайная дерзость вынудила его, посредника, ударить в лицо Зоберна, который в ту же минуту, выскочив на улицу и приведя с собой трех солдат пограничной стражи, приказывал одному из них арестовать его, посредника, но солдат этот, увидав на нем знак посредника, объяснялся, что его люди втащили туда. После того целая толпа окружала волостное правление более чем два часа и грозила ему, посреднику, и приставу разными неприличными словами. По этим обстоятельствам посредник не мог своевременно ввести в действие уставные грамоты им. Дорбяны. Крестьяне соседних имений: Лажуце Новые, Старые Импильты и Лавкожеме, также отказались от явки к нему, посреднику, и предполагают подвергать каждого денежному штрафу по 10 руб. сер., если бы кто явился на призыв для слушания грамоты.

^а Так в тексте.

Доносю о сем в. вп., имею честь доложить, что вместе с сим предписано мною тельшевскому земскому исправнику, по соглашению с мировым посредником, принять меры к восстановлению в им. Дорбянах и соседних с ним имениях должного порядка и оказать мировому посреднику содействие к безотлагательной поверке и введению в действие уставных грамот в тех имениях, внушив крестьянам, что они отнюдь не должны уклоняться от слушания грамоты, ибо заслушавшие власти подвергнутся взысканию по законам; между тем главных зачинщиков бывшего в им. Дорбянах беспорядка арестовать и предать следствию и суду, а менее виновных наказать административным порядком, стараясь все это исполнить с надлежащей предосторожностью и предусмотрительностью².

О настоящем случае донесено мною г. министру внутренних дел.

Свиты е. в. контр-адмирал Кригер

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 191—192. Подлинник

¹ Такие же отказы крестьян причитать устные грамоты происходили и в других уездах Ковенской губ.: в Поневежском у.— в им. Остров Биржанской вол. гр. М. Тышкевича (там же, лл. 175—176, 179), им. Белые Плоняны помещика фон дер Рекке, Помуше помещика Радена и Гурного Двора помещика Быстрома (там же, лл. 109—113; ф. 378, ОО, 1861 г., д. 359, лл. 12—18) и др.; в Новоалександровском у.— в им. Таврогин помещика Пусловского (там же, оп. 121, д. 432, лл. 131—132), имениях Кривно и Абели (ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 52, д. 29, лл. 1—18), им. Понемунь помещика Тура и Ковалишки помещика Комаровского, а также соседних с ними Машканском и Садзюньском обществах (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, л. 432, лл. 133—139; ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 52, д. 23, лл. 22—32); в Шавельском у.— в им. Гитарский Ключ, Медемрод и др. гр. Н. Зубова (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 173—174; ЦГИА СССР, ф. 1291, 4 делопр., 1862 г., д. 29, л. 56) и др.; в Вилкомирском у.— в им. Довмонтышки помещика Гружевского (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1862 г., д. 963, лл. 5—6), Кржченишки помещика Пац-Помарнацкого (там же, д. 957, лл. 3—4).

² См. о том же: ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 914, лл. 24—25. В июне 1862 г. крестьяне м. Дорбяны подали жалобу на имя наследника цесаревича Николая Александровича по поводу сгона их с удобных земель гр. Тышкевичем (там же, лл. 46—47). Борьба между крестьянами и помещиком продолжалась в течение 1863 и 1864 гг. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1864 г., д. 2032, лл. 42—43, 150—154, 228—231; д. 614, лл. 6—7; ф. 1248, оп. 2, д. 914, лл. 48—52 и др.).

186

1862 г. февраля 27.—Донесение И. Н. Скворцова
В. А. Долгорукову о результатах расследования по делу
В. Овсяного и Т. Корзона в Ковно¹

23 ноября 1861 г. за № 339² я имел честь донести в. с. об учреждении в гор. Ковно под моим председательством следственной комиссии по поводу найденных у некоторых лиц возмутительных бумаг и запрещенных гимнов. Затем 17 декабря за № 370³ было донесено мною о положении дел в этой комиссии, с представлением перевода с возмутительной рукописи, найденной у чиновника Корзона: об устройстве поземельной крестьянской собственности⁴. Ныне, по окончании комиссией расследования по всем порученным ей делам, имею честь донести, что по расследованию этому оказалось следующее:

В производстве комиссии состояли дела: 1) о чиновнике канцелярии начальника губернии Овсяном, у которого при обыске найдено было до 500 печатных экз. запрещенного гимна на литовском языке; 2) о секретаре Ковенского губернского по крестьянским делам присутствия Корзона, у которого найдено было много бумаг предосудительного содержания и который вместе с Овсяным подозревался в распространении запрещенного гимна; 3) о чиновнике Ковенской палаты государственных имуществ Янковском, обвинявшемся в даче казенному крестьянину Томашу 50 экз. гимна для раздачи другим крестьянам; 4) о письмоводителе станового пристава Новоалександровского у. Комповском, у которого найдено было в бытность его в м. Креславе в Витебской губ. большое количество литографированных сочинений возмутительного содержания, и 5) о дворянке Чержастовой и однодворце Жуковском, продававших в м. Кейданах польские революционные медалионы⁵.

По первому из этих дел обнаружено, что чиновник Овсяный сохранял у себя и частью у проживающего в Ковно еврея Кагана найденные у него гимны более двух месяцев, но не делал еще из них никакого употребления, и что гимны эти принесены в его квартиру бывшим студентом С.-Петербургского университета Нешокоцем в его отсутствие и переданы, для передачи Овсяному, слуге его Михайловскому. Нешокоць, скрывшийся вскоре после арестования Овсяного, не отыскан⁶. Поэтому, и по несознанию Овсяного, невозможно было обнаружить, откуда найденные гимны приобретены Нешокоцем, где они печатаны и кем переведены на литовский язык. Чиновники Рубажевич, Франц и Александр Томашевские и гимназист Цишкевич, находившиеся в квартире Овсяного при обыске и арестованные вместе с ним по подозрению и известности о нахождении у него запрещенных гимнов, а равно чиновники Бернатович и Томкевич, обвинявшиеся в совместном распространении с Овсяным этих гимнов, обстоятельствами дела в этом не изобличены, и сами в том не сознались. Но из них у Бернатовича найдены были при обыске писанные на польском языке возмутительные стихи и запрещенный гимн, а у Франца Томашевского — список ковенских ремесленников, против которых появлялись в городе объявления с угрозами на жизнь их за свидетельство в полицейском суде против лиц, замеченных в пении запрещенного гимна. Бернатович объяснил, что найденные у него стихи и запрещенный гимн принадлежали недавно умершему родному брату его и что о нахождении их между бумагами покойного ему не было известно. Томашевский же, навлекающий на себя подозрение в преследовании вышеупомянутых ковенских ремесленников, в том не сознался, но и к оправданию своему никакого положительного объяснения о находившемся у него списке этих ремесленников дать не мог.

По делу чиновника Корзона после донесения моего от 17 декабря за № 370 ничего особого не обнаружено. Корзон остался при записке своем о неизвестности, когда и откуда попало к нему в письменный стол найденное у него воззвание к помещикам по предмету устройства поземельной крестьянской собственности, которого будто бы он никогда не видел и не читал. Не менее того собранием всех находящихся в Ковне военных аудиторов, несмотря на записку Корзона, признано, что поправки на означенной брошюре сделаны

его рукой. О прочих найденных у него бумагах он дал уклончивые ответы с видимым намерением не привлекать никого к своему делу и принять всю ответственность на себя. Обвинение же Корзона в распространении с чиновником Овсяным революционных гимнов на литовском языке ничем не подтвердилось и, напротив того, обнаружено, что он с Овсяным был мало знаком и не имел никаких близких отношений.

По делу чиновника Янковского оказалось, что сделанный на него и на крестьянина Томаша донос сельским учителем Лоренцовым был основан на одних только слухах и подозрениях, в чем Лоренцов и уличен. По самому тщательному расследованию не открыто, чтобы Янковский или Томаш распространяли запрещенный гимн, и при обысках у них, а равно у крестьян, проживающих в одной деревне с Томашом, означенных гимнов и ничего подозрительного не найдено. Вследствие этого Янковский и Томаш немедленно были освобождены комиссией из-под ареста.

Письмоводитель Комповский о найденных у него в м. Креславе динабургским земским исправником литографированных и печатных сочинениях возмутительного содержания показал, что он нашел их на улице за два дня до произведенного у него обыска и намерен был представить к начальству, но не успел того исполнить за отсутствием станзового пристава. Динабургский земский исправник не подтвердил этого показания Комповского и объяснил, что, получив сведение о том, что Комповский читал ксендзам и разным лицам польского происхождения возмутительные сочинения, он произвел у него обыск и нашел представленные к делу бумаги, и что Комповский просил его сначала сжечь эти бумаги, а когда он на то не согласился, то отозвался, что они найдены им на улице. В подтверждение своего показания Комповский не мог представить никаких доказательств, но сослался только на показание некоторых польских жителей в Креславе, которым будто бы он говорил, что бумаги найдены им на улице.

По делу о захваченных в м. Кейданах польских революционных медальонах оказалось, что медальоны эти продавались там, кроме вдовы Чержастовой и однодворца Жуковского, еще однодворкой вдовой Анной Яковецкой, что все эти лица, торгующие церковными принадлежностями, получали для продажи как эти принадлежности, так и польские медальоны, от еврея Израеля Мортхелевича и что сей последний сам уговаривал их продавать медальоны и давал им таковые в кредит. Так как еврей Мортхелевич немедленно по арестовании Чержастовой и Жуковского скрылся и не отыскан, то следствием не могло быть обнаружено, откуда он приобрел означенные медальоны и по чьему поручению продавал их. Жена же его, несмотря на сильные улики, ни в чем не созналась, и при обыске в квартире и лавке его ничего подозрительного не найдено.

Все вышеозначенные пять дел представлены к ковенскому губернатору, от которого четыре первые дела поступили уже на разрешение ген.-губернатора г. ген.-адъютанта Назимова. Затем следственная комиссия за окончанием производства всех порученных ей дел закрыла свои заседания.

По делу Комповского последовала уже резолюция от ген.-губернатора. Признавая его достаточно изобличенным в держании у себя бумаг возмутительного содержания и находя бесполезным при настоящем

положении умов польского населения производить по этому предмету дальнейшее расследование спросом в Креславе знакомых и родных Комповского, г. ген.-адъютант Назимов подтверждал: отправить его, как уволенного еще прежде сего от службы и не имеющего чина, на родину в Витебскую губ. по этапу, с тем, чтобы он проживал там при своих родителях под надзором полиции и не смел бы приезжать в Ковенскую, Виленскую и Гродненскую губ.

По прочим делам резолюции еще не последовало.

Полковник Скворцов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 451, лл. 44—49. Подлинник

¹ См. также док. 172.

² См. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 451, лл. 11—14.

³ См. там же, лл. 18—22.

⁴ Перевод рукописи «К помещикам (Об устройстве поземельной крестьянской собственности)» см. там же, лл. 23—38. Рукопись местного происхождения, датирована 20 мая 1861 г. В ней нашли отражение взгляды помещичьей партии. Анализируя последствия реформы 19 февраля, автор призывает помещиков взять крестьянское дело в свои руки и перейти к продаже крестьянам их земель; в противном случае, по мнению автора, возможна «галицийская резня». Автор считает манифест провокацией правительства, с целью натравить крестьян на помещиков. Авторство Корзона следственной комиссией установлено не было, но на основании косвенных данных он остался на подозрении в этом и был предан суду (там же, лл. 50—59). Гейштор указывает, что Корзон не был автором этой рукописи и придерживался более левых убеждений.

⁵ О распространении в м. Кейданах медальонов с патриотическими изображениями см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 102, ч. 1, лл. 80—83.

⁶ Об участии студента Петербургского университета Т. Нешокоца в манифестациях в России и агитации его среди крестьян см. донесение С. Ф. Хоминаского В. И. Назимову от 7 июля 1861 г. (там же, лл. 12—13).

187

1862 г. апреля 7.—Донесение Г. А. Кривера В. И. Назимову об антипомещичьей агитации отставного врача Стасюлевича среди крестьян Россиенского у.

От 29 сентября 1861 г. за № 1203 предместник мой в донесении о состоянии Ковенской губ. имел честь довести до сведения в. вл. о появлении в некоторых местностях Россиенского у. подметных писем, которым, ввиду совершавшихся политических движений, местный земский исправник приписывал характер проделок демократической партии.

Ныне россиенский земский исправник донес мне, что им получено достоверное сведение, что одним из сочинителей означенных писем оказался отставной лекарь коллежский ассessor Стасюлевич, проживающий в Цитовянском приходе и происходящий из местных крепостных крестьян.

По собранным исправником об означенном Стасюлевиче сведениям, по собственноручным его письмам и, наконец, по оглашенному его действию, он вполне изобличается: а) в возбуждении ненависти крестьян к прежним их владельцам; б) в превратном толковании крестьянам высочайше утвержденного Положения 19 февраля 1861 г.; в) в объяснении крестьянам ложных прав насчет правила оценки их земли и, наконец, г) во внушении убеждений крестьянам, что леса имения принад-

лежат их собственности. Дерзость этого человека в последнее время достигла крайних пределов: он открыто является на сходки между крестьянами и однажды, при бытности мирового посредника, решился все-народно объявить, что Местное положение для здешних губерний вовсе отменит^а. Действия свои, ограничивавшиеся доньше пределами небольшой местности, он распространил в настоящее время на обширнейшее пространство.

Вникая в образ действий и намерение Стасюлевича, исправник Семененко признает человека этого при теперешних критических обстоятельствах за агитатора, чрезвычайно вредного и опасного. По просвещению и образованности его нельзя извинить, что он не понял мысли и сущности нового о крестьянах Положения; поселяемый им раздор, делаемые препятствия к добровольным соглашениям крестьян и обдуманно вызываемый беспорядок, должно быть, имеют другие — демагогические — стремления, к достижению которых Стасюлевич имеет облегченный путь по своему положению и по симпатии между чернью.

До получения рапорта исправника Семененко поступило ко мне от мирового посредника Тржасковского представление о вмешательстве Стасюлевича в дела крестьян и превратном толковании им Положений. Вследствие чего 4 сего апреля предписано мною россиенскому земскому исправнику, созвав сход Цитовянской вол. и пригласив на оный Стасюлевича, сделать крестьянам приличное объяснение, а Стасюлевичу в присутствии крестьян внушить и объяснить неуместное вмешательство его в дела крестьян и превратное толкование Положений, с предварением, что за возобновление подобных действий он будет арестован для поступления по законам.

По изложенным в рапорте исправника Семененко обстоятельствам, признавая пребывание лекаря Стасюлевича в настоящем месте жительства его вредным и опасным, я имею честь донести о том в. вл. на благоусмотрение, с присовокуплением, что я полагал бы упомянутого Стасюлевича выслать на жительство на некоторое время в одну из отдаленных губерний.

Свиты е. в. контр-адмирал Кригер

Резолюция В. И. Назимова Потребовать его в губернский город и обязать его подписью не выходить из Ковна, и за ним назначить строгий полицейский надзор. 12 апреля.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 21, лл. 1, 2, 4. Подлинник

188

1862 г. апреля 29.— *Отношение В. И. Назимова В. А. Долго-рукову¹ о распространении воззваний на литовском яз. в Шавельском и Россиенском у.*

Секретно

Начальник Ковенской губ. представил ко мне четыре плаката с изображением разрубленного креста (один с распятием) и кругом оных возмутительного содержания на самогитском языке надписями печатными буквами².

^а Так в тексте.

Все означенные воззвания найдены были наклеенными неизвестно кем в день светлого Христова воскресения 8 сего апреля на стенах римско-католических костелов: одно в м. Шидлове, Россиенского у., а три Шавельского у.— одно после ночного молебствия на 8 число на шавельском, а два на грудзевском приходском и кужевском филиальном костелах.

По смыслу упомянутых возмутительных надписей, у сего в копиях прилагаемых, и по некоторым другим предметам следует предполагать, что составители таковых принадлежат с высшему классу местного дворянства³.

Считая долгом сообщить о сем в. с. в дополнение к отношению от 7 сего апреля за № 301⁴, вместе с одним экземпляром сказанного воззвания имею честь присовокупить, что хотя к обнаружению виновных по означенным делам были приняты своевременно надлежащие меры, но еще до сих пор они остаются без всяких последствий.

ЦБ АН Лит. ССР, ф. Вх, д. 4, л. 19. Отпуск

¹ Одновременно аналогичное уведомление направлено В. И. Назимовым П. А. Валуеву.

² Воззвания с изображениями перерубленного креста появились после кровавой расправы царских властей с демонстрантами на Замковой площади в Варшаве 27 марта (8 апреля) 1861 г. Перерубленный крест символизировал религиозные и национальные преследования, которым подвергались католики в царской России. Текст одного из вариантов воззвания на литовском яз.— «Brolėj Zemajčiai» («Братья литвины!») см.: «Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края» («Виленьский временник», кн. VI), ч. I, Вильно, 1913, стр. 128—129.

³ В доставлении и распространении этих воззваний подозревался Карл Савицкий, уроженец Ковенской губ. (обучался в поневежском уездном училище), работавший в Варшаве каменотесом на строительстве моста и приезжавший в Ковенскую губ. в отпуск. Однако розыски его были безрезультатны (ЦБ АН Лит. ССР, ф. Вх, д. 4, лл. 26—27 и др.).

⁴ В нем сообщалось о полученном от настоятеля шавельского костела донесении, что 4 марта подобные воззвания были наклеены на дверях шавельского костела, а 19 марта — шавянского костела Шавельского у. (там же, л. 80). Кроме того, эти же воззвания появились 8 апреля на дверях куртовянского и покопского костелов, 22 апреля — мешкуцкого (Шавельский у.); 8 апреля в Цитовянах Россиенского у. на стене часовни Бернардинского монастыря, 7 июля на стене одной из часовен Доминиканского монастыря в м. Калвари Тельшевского у.; 15 июля то же воззвание было прибито гвоздями на кресте при дороге в м. Кушаны в двух верстах от гор. Шавли (там же, лл. 1—24, 33, 41; ЦГАОР, ф. 109-и, 1 эксп., 1862, д. 28, лл. 370—771; ЦГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 31, лл. 5—7, 19—20).

189

1862 г. мая 5.— Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову о волнении крестьян им. Плуныяны Тельшевского у. и аресте их вожака крестьянина А. Вайшвилы (Войшвилло)

Секретно

24 прошедшего марта мировой посредник Тельшевского у. Свиртун уведомил местного станowego пристава, что временно обязанный крестьянин им. Плуныяны помещика поручика л.-гв. кирасирского е. в. полка гр. Платона Александровича Зубова Антон Войшвилло, не испол-

няя в течение года повинностей, подстрекает других крестьян к неповиновению властям превратным толкованием Положений, неверно переведенных им на жмудский язык, и что вследствие того крестьяне им. Плунгян стали обнаруживать своеволие, а 23 марта подбросили в волостное управление письмо об избрании ими Войшвиллы волостным старшиной, почему и просил сделать распоряжение об арестовании Войшвиллы и о поступлении с ним по законам.

Для исполнения этого требования посредника были посланы в дом Войшвиллы полицейские десятские с сотским Ваврасом. Но по прибытии туда они нашли до 50 крестьян, с помощью которых Войшвилло арестовал сотского и, угрожая наказанием, отобрал от него данный ему письменный приказ насчет захватения Войшвиллы. После того Войшвилло скрылся, но становой пристав, узнав о месте укрывательства его в дер. Юдейки, прибыл туда с военной командой ночью с 18 на 19 января. Однако Войшвилло, благовременно извещенный о приезде станового пристава своими единомышленниками, содержащими для охранения его разъезды и пикеты, успел бежать и, как впоследствии оказалось, ночевал в доме крестьянина Петraitиса в 3 верстах от дер. Юдейки.

При обыске в доме его найдено до 2 фунтов пороку и разные бумаги, свидетельствующие о принятии им на себя ходатайства по делам крестьян плунгянских и других соседних имений. В числе бумаг этих оказалась также переписка Войшвиллы с писарем Тельшевской жандармской команды Вавиловым по делу плунгянских крестьян и между прочим — вымышленное донесение сего последнего по этому предмету к заведывающему Тельшевской жандармской командой начальнику Россиенской жандармской команды штабс-капитану Жезлову и приказ, данный будто бы Вавилову штабс-капитаном Жезловым на это донесение, для объявления плунгянским крестьянам, чтобы они ожидали резолюции от жандармского начальства, с подложной подписью штабс-капитана Жезлова. В то же время найдены были в жилище Войшвиллы 4 вольные человека из соседнего имения гр. Ледуховского Гинтилишек, которые упорствуют в выходе по требованию помещика из означенного имения и замечены в подстрекательстве своих односельцев к неосновательному процессу с владельцем. Люди эти были арестованы.

Между тем в дер. Юдейках, в доме крестьянина Виткуса, собралась толпа крестьян, вооруженных дубинами. Крестьяне эти вышли навстречу возвращавшемуся приставу, по-видимому, для отбития Войшвиллы, которого они считали арестованным. По распоряжению пристава из них были задержаны 10 человек, у которых при обыске оказались в карманах камни весом до двух фунтов, а у одного отнята толстая железная палка. Все задержанные люди были препровождены военной командой в м. Плунгяны.

На следующий день пристав для внушения крестьянам повиновения потребовал в Плунгяны домохозяев дер. Юдейки, но вместе с ними явилось из разных деревень более 150 человек, которые домогались увольнения арестованных или подвержения всех их аресту и разошлись по домам только после продолжительных объяснений и увещаний.

21 апреля вновь собралось в м. Плунгянах до 1000 человек крестьян, которые настоятельно домогались освобождения арестованных, угрожая, что в противном случае они отобьют их силой от военного конвоя.

Пристава в то время в Плунгянах уже не было, но находившиеся там мировой посредник Свиртун и командир эскадрона Московского драгунского е. в. полка майор Бережецкий, по взаимному совещанию, освободили арестованных, признав это необходимым, чтобы не вызвать буйства со стороны крестьян, которого с одним эскадроном невозможно было бы воздержать.

23 апреля крестьяне, прибывшие в Плунгянское волостное управление на мирской сход, при котором присутствовал кандидат мирового посредника, поймав полицейского сотского, отставного солдата Гольдшмита, жестоко избили его и, притащив в волостное управление, вырезали ему с платьем бывший у него медный полицейский знак. Затем, отведя его в этапный дом и набив ему на обе ноги колодки, приказали сторожам не выпускать его без их ведома. Но по сделанной майором Бережецким тревоге, крестьяне разбежались, заметив собиравшихся солдат.

Тельшевский исправник, донося ковенскому губернатору об этих беспорядках, присовокупляет, что крестьяне всех значительных соседних имений, именно: Горжды — помещика барона Ренне, Мишуце — Парчевского, Кретинген — гр. Зубова, Корцяны — гр. Плятера, Дорбяны — гр. Тышкевича, Саланты — Горского и Гинтилишки — гр. Ледуховского, находились в постоянных сношениях с Войшвиллой и подчинены его влиянию; что Войшвилло провозгласил себя посредником всего пространства от Плунгян до Балтийского моря; что он уверяет крестьян, что государь не любит панов (помещиков) и потому можно вырезать их; что он намерен устроить общее восстание крестьян не только против помещиков, но и против начальства; что плунгянские крестьяне так взволнованы им, что отзывались волостному писарю, уговаривавшему их усмириться и угрожавшему им войском: «Нас больше, чем солдат, мы можем достать оружие у контрабандиров^а и перестрелять всех солдат»; и что без содействия военной силы не представляется возможности водворить порядок в им. Плунгянах, заключающем в себе до 4 тысяч ревизских душ временнообязанных крестьян.

Писарь Тимофей Вавилов, получающий за выслугу лет двойное жалование, находится в Тельшевской жандармской команде только с декабря 1861 г., будучи переведен в оную из упраздненной Сокольской команды. Тельшевская жандармская команда после прикомандирования поручика Брандта к штабу корпуса жандармов и по неприбытию вновь назначенного начальника команды поручика Крижицкого состоит в заведывании начальника Россиенской жандармской команды штабс-капитана Жезлова, а за отдаленностью его пребывания управляется унтер-офицером Семеном Легченкой. В пятимесячное нахождение Вавилова в команде он был замечен в нетрезвом поведении и за то оштрафован штабс-капитаном Жезловым арестом; впрочем, ничем другим в это короткое время он не возбуждал подозрения в своей неблагонадежности. При допросе тельшевским исправником Вавилов в присутствии начальника инвалидной команды сознался, что имел тайную переписку с Войшвиллой и принимал от него бумаги, но отрекся от составления подложных бумаг и подписей за штабс-капитана Жезлова. Затем,

^а Т. е. контрабандистов.

изъявляя раскаяние, обещал вызвать Войшвиллу в гор. Тельши и тем доставить случай захватить его без сопротивления со стороны крестьян. Обещание это он исполнил в точности, и 26 апреля Войшвилло, прибывший по вызову Вавилова в Тельши, был там арестован и отправлен немедленно в шавельскую городскую тюрьму для отклонения покушения крестьян Плунгянского им. к его освобождению.

Ковенский губернатор по получении об этом донесения, сделал распоряжение о командировании в им. Плунгяны из Ковенского у. одного батальона Невского пехотного полка и предложил мне отправляться туда для принятия мер к приведению крестьян в повиновение и к восстановлению там порядка и спокойствия. Ген.-губернатор г. ген.-адъютант Назимов, с своей стороны, командировал в им. Плунгяны состоящего при нем ген.-майора Абрамовича для совместного действия со мною. Вследствие этого я немедленно отправляюсь с ген.-майором Абрамовичем в гор. Тельши, а оттуда — в Плунгяны, и о последующем буду иметь честь донести в. с., присовокупляя, что мною сделано распоряжение о немедленном арестовании писаря Вавилова впредь до раскрытия его поступков формальным следствием¹.

Полковник Скворцов

ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, 4 эксп., 1862 г., д. 205, лл. 39—44. Подлинник

Опубл.: S. Matulaitis. 1863 metai Lietuwoj, 1 d. Minskas, 1933, psl. 226—228.

¹ См. также ЦГИА СССР, ф. 1291, 4 делопр., 1861 г., оп. 52, д. 15.

190

1862 г. мая 26. — Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову о распространении воззвания «Братья русские» в гор. Шавли

15 сего июля в гор. Шавлях на воротах мызы гр. Зубова утром найдено воззвание на русском языке, написанное наподобие печати, возмутительного содержания. Виновного в распространении этого воззвания не обнаружено.

О чем в. вп. имею честь донести с представлением означенного воззвания, копия которого вместе с сим представлена г. министру внутренних дел¹.

Свиты е. в. контр-адмирал Кригер

ЦБ АН Лит. ССР, ф. Вх, д. 4, л. 28. Подлинник

¹ Воззвание «Братья русские» за подписью «Голос русских патриотов» протестовало против варварских действий правительства, поддерживало мнение Искандера (А. И. Герцена) по национальному вопросу и требовало от правительства предоставления свободы Польше, Литве и Украине, чтобы в лице их народов приобрести верных друзей и хороших соседей (там же, л. 36).

В сентябре 1862 г. были найдены в Шавлях экземпляры другого воззвания с такой же подписью — «Голос русских патриотов». Одно из воззваний было положено в пакет, адресованный Александру II и подброшенный местными гимназистами в солдатскую казарму. В воззвании высказывалась просьба даровать конституцию России и предоставить свободу Польше, Литве и Украине. Текст воззвания см. «Русско-польские революционные связи», т. I. М., 1963, стр. 177—178.

1862 г. июня 11.—Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову
о расследовании антиправительственной деятельности сту-
дента Московского университета Войшвилло¹

В исполнение предписания в. вп. от 23 января с. г. за № 77 о студенте Московского университета Войшвилло и о прочем, производство секретного дознания поручено было мною шавельскому и тельшевскому земским исправникам, которые донесли мне: первый,—что Войшвилло в течение первых месяцев настоящего года пребывал и в Вильно и в Ковно, а за возвратом оттуда, не имея постоянных занятий, разъезжал по Россиенскому и Тельшевскому у., в самом углу которых, на границе Шавельского у., находится и имение Печковских. По этому случаю исправник Шабловский не мог произвести у Войшвилло внезапного обыска; и второй:

1. Что о передаче помещиком Пилсудским денег, собранных в гор. Тельшах во время панихиды для пересылки в Варшаву или далее, б. ковенскому уездному предводителю дворянства Жилинскому невозможно было обнаружить фактически, так как деньги эти по книгам приходского костела выведены в расход на постройку башни при костеле.

2. Что в первых порывах объявлявшихся волнений в дворянском сословии разными демонстрациями и пениями дворянство действительно могло стремиться к возбуждению в крестьянах одного духа и к привлечению крестьян на свою сторону, но вскоре убедилось в ошибочности своих предприятий, а тем более в настоящее время убедилось в совершенной преданности крестьян правительству.

3. Что студент Московского университета Войшвилло, действительно, как по местному удостоверению оказывается, бывал довольно часто в Ворнях и состоял в каких-то дружеских отношениях с сельским писарем.

4. Что о сношениях писаря Хвейданского сельского общества с арестованным Буцевичем² никаких фактов он, исправник, собрать не мог по положению м. Хвейдан в Россиенском у., а насчет того, что писарь участвовал в пении запрещенных гимнов, слухи подтверждают действительность сего.

5. Что, как выше объяснено, действия и мировых посредников к преклонению крестьян на свою сторону оказались несбыточными. Мировые посредники: Гросс и не Антоний, а Тит Гадон—возбудили на себя более подозрений в этом отношении, оказывая большое покровительство крестьянам в начале своих управлений, так что помещики сами сомневались в благонамеренности их действий, но в настоящее время в действиях их ничего предосудительного не замечается.

6. Что с увеличением на границе почти в двойном количестве нижних чинов пограничной стражи и по случаю бывших в зимнее время больших снегов контрабандный промысел почти прекратился, но в прежнее время евреи м. Салант, Пикель и Плунгян, промышляющие контрабандой, навлекали на себя сильное подозрение в перевозке запрещенных вещей, ибо транспортировали свои товары с вооруженными

прусскими контрабандирами^а во внутрь края иногда на 100 верст; поэтому он, исправник, не лишним считал бы сделать распоряжение, чтобы военные команды расположенного в уезде полка преследовали контрабандиров, по крайней мере на время, пока существовать будет военное положение,

и 7. Что небольшое количество представленного оружия, и то самого худого качества, может служить несомненным доказательством о сокрытии всеми сословиями лучшего оружия.

Причем исправник присовокупил, что у писаря Ворненского сельского общества Свиллы 12 февраля, а у студента помещика Войшвиллы — 17 мая были делаемы им обыски, но ничего не оказалось. Помещик Войшвилло, не имея постоянного места жительства, в беспрестанных находится разъездах и, как слух носится, ездил в Царство Польское и в Варшаву, а потому обыск не мог быть сделан прежде, и ежели бы Войшвилло даже мог иметь какие-либо газеты или брошюры, то, узнав о произведенном уже обыске у писаря Свиллы и в Шавельском у., у помещиков Печковских, имел время скрыть или уничтожить таковые, и настоящий обыск произведен в м. Плунгянах, во время случайного прибытия его туда, яко кандидата мирового, который в то время ездил в гор. Ковно.

О чем имею честь донести в. вп. в исполнение предписания за № 77.

Свиты е. в. контр-адмирал Кригер

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 129, лл. 3—5. Подлинник

Опубл.: «Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края» («Виленский временник», кн. VI), ч. 1, Вильно, 1913, стр. 80—82.

¹ См. о нем также в док. 161.

² См. док. 12, 13.

192

1862 г. августа 3. — Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову о манифестациях в Ковно в честь Люблинской унии 31 июля и об отношении к этим событиям различных слоев населения

31 июля — день, в который польское население празднует годовщину соединения Литвы с Польшей, в гор. Ковно происходило следующее.

Польское население на этот день сняло носимый им глубокий траур. Все женщины надели белые или цветные платья, а некоторые явились в костеле и на улицах в польских национальных костюмах — кунтушах и конфедератках, и с цветами. Большая часть мужчин надели тоже польские чемарки, но без конфедераток. Ковенский губернатор для предупреждения манифестаций в костеле сделал распоряжение, чтобы в этот день, как непраздничный, обедня была отслужена

^а Т. е. контрабандистами.

ранее обыкновенного и чтобы костел потом был заперт. Кроме того, им было приказано принять меры во всех присутственных местах, чтобы чиновники самопроизвольно не оставляли присутствий. Несмотря на то, в костеле при богослужении и на улицах с 8 часов утра до позднего вечера было много народа, преимущественно дам. На Немане, близ моста и на прилегающей к шоссе горе, где недавно водружен двумя мещанами деревянный крест, будто бы с религиозной целью, пытались собираться толпы, и в последнем месте начинали петь молитвы, но с появлением полиции и казаков толпы немедленно расходились без сопротивления. После полудня многие лица высших сословий из польского населения в нарядных костюмах отправлялись за Неман в Царство Польское, в им. Годлево помещика Годлевского, где, как слышно, было устроено празднество, и в другие загородные места и возвратились уже поздно. Еврейское население и чернь в празднестве этом не принимали никакого участия и смотрели на действия поляков более с насмешками, чем с сочувствием. Лавки польских торговцев были закрыты, но лавки евреев и лютеран не запирались. Впрочем, никаких процессий и беспорядков не было, и ничего важного не произошло.

О том, как праздновался поляками день 31 июля в прочих местах губернии, сведений еще не получено.

За несколько дней до 31 июля между польским населением распространилось воззвание на польском языке из Варшавы. Копия с этого воззвания, с русским переводом, при сем прилагается¹.

В общем состоянии умов жителей Ковенской губ. перемены не произошло. Образ мыслей и дух польских сословий остаются по-прежнему враждебными России. Надежда, что литовский край будет присоединен к Польше, не только не оставляет здешние высшие сословия, но, по-видимому, еще более укрепляется в них по мере милостей, даруемых Царству Польскому.

Наружное спокойствие в последнее время нарушаемо не было ни уличными манифестациями, ни пением запрещенного гимна. Но ношение польской одежды, на которое местное начальство перестало обращать внимание, значительно распространилось. Для поддержания волнения в народе злоумышленники продолжают по временам распространять возмутительные воззвания, приклеивая их к костелам и часовням, и по-прежнему преследуют лиц, не разделяющих общего увлечения, и подвергают их разным оскорблениям. Между прочим, в жену полковника лейб-гусарского Павлоградского е. в. полка Ракшанина был брошен камень, разбивший ей нос до крови, во время проезда ее по гор. Ковно в коляске, как полагают, за то, что она, будучи католичкой, не носит траура. Виновный не был открыт. Племяннице командира лейб-драгунского Московского е. в. полка полковника Фишера в гор. Тельшах было облито платье чернилами в концерте. Виновный тоже открыт не был. Но такого рода поступки, совершаемые тайно и незначительным числом злоумышленников, потеряли прежнее значение и даже не оправдываются теперь общественным мнением польского населения.

Последние варшавские события много занимают высшие польские сословия, однако известия о покушениях на жизнь е. и. выс. в. кн. Константина Николаевича, гр. Лидерса и гр. Велепольского не вызвали

в них чувств особого негодования. Хотя в общих чертах они не одобряют подобных поступков, но некоторые позволяют себе и в этих преступлениях видеть выгодную для себя сторону. Они полагают, что преступления эти могут иметь большое влияние на начальствующих лиц и отнять у них всякую энергию в действиях. По легкомыслию своему прощения, дарованные в последнее время некоторым политическим преступникам, они объясняют, как опасение начальников за жизнь свою и как малодушное желание их угодить общественному мнению.

Полковник Скворцов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 3, лл. 63—66. Подлинник

¹ Имеется в виду воззвание «Bracia» («Братия») в память годовщины Люблинской унии (см. там же, лл. 67—70).

193

1862 г. ноября 9. — Жалоба временнообязанных крестьян Судейской вол. Вилкомирского у. В. И. Назимову на притеснения со стороны помещика П. Козелла и жестокую расправу над ними казаков

От временнообязанных крестьян Ковенской губ. Вилкомирского у. Судейского волостного управления Устина Казака, Устина Ромелиса, Казимира Ромелиса, Сигизмунда Шивиса, Николая Печуры, Адама Кумелиса, Михаила Пакальниса, Николая Сургейлиса, Стефана Нарвейшиса, Габриеля Иотутиса, Антона Сургейлиса и Симона Пакальниса

Прошение

От имени целого общества нашего мы, бедные страдалцы, вместе прибегаем под крылья в. вп., о чем тому ниже сего следует.

Вотчинник им. Декшне помещик Павел Козел, в Вилкомирском у. жительствующий, как бы пренебрегая бытом^а крестьян, всемилостивейше обдарованным, тем паче взлил на нас свою злобу и подверг жесточайшему игу за то единственно, что мы, домохозяева, на земле, к реченному имению принадлежащей, жительство имеем и аккуратно за то дворовому управлению повинности выполняли и выполняем даже и излишние, на несвойственные постановления, с каждого двора плату с домохозяина в год арендного дохода помещику с лишком 60 руб. сер.; не имеющие в полном размере участок, на котором производится лишь только озимого посева не более до 9 пуров^б, сие^в на себя принять не согласились. Распространив поэтому, помещик, свои ходатайства и снесшись с местным мировым посредником 7-го округа^в Вилкомирского, и такового же земским исправником, уезда, подверг нас

^а В тексте быта.

^б В тексте где сне.

^в Т. е. участка.

всех немилосердной участи, а некоторых, т. е. 9 человек и самого судейского волостного управления старшину Казимира Микуленаса, чрез вытребованных^а целый эскадрон донских казаков из м. Вижун, стоящих постоем у сего же посредника гр. Чапского, в таковое же [м.] Судейки, в котором состоит наше волостное управление и римско-католический костел; 2 числа сего месяца по молебствии на выходящих из костела вышезначащихся лиц напали донские казаки и в присутствии мирового посредника гр. Чапского и земского исправника неподалече от костела телесно розгами, от 30 до 160 ударами, наказали, кои от сего поверглись бы, наверно, худым последствиям, если бы не настоятель костела, будущий очевидцем сего наказания, [который] для прекращения оного велел произвести колокольный звук до тех пор, пока наказание не окончилось; однако ж один из подвергшихся наказанию, Адам Урбелис, получивший 160 ударов, весьма опасен жизнью, а, может быть, и в скорости предастся кончине, даже в сем числе и женщина Валеякова единовременно наказана 66 ударами. Словом сказать, крайнее разорение; а донские казаки, пользуясь сим случаем, последние запасы истощают, ибо у некоторых^б домохозяев под предлогом экзекуции поставлены по 4 казака с лошадьми на продовольствие, коего^в выходит с каждого двора 30 гарнцев овса в сутки.

А потому мы имеем честь просить в. вп. вникнуть в наше положение^г и впредь до дальнейшего в нашей обиде со стороны в. вп. распоряжения прекратить выдуманную^д экзекуцию, предписать начальнику эскадрона казаков стоящих постоем в м. Вижунах посредника гр. Чапского, в Вилкомирском у. расположенном, о снятии таковых с жителей общества нашего Судейского, ибо сия экзекуция расстроит наше последнее достояние^е.

За неграмотных вышеписанных лиц по их просьбе расписался А. Оборевич².

9 ноября 1862 г.

м. Судейки

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 121, д. 432, лл. 185—186. Подлинник

¹ Пур — мера, равная 18 гарнцам (59, 055 литра).

² В донесении В. И. Назимову от 31 декабря 1862 г. ковенский губернатор Г. А. Кригер сообщал, что жалоба судейских крестьян, по мнению мирового посредника гр. Чапского и земского исправника Муратова, не соответствует действительности, но крестьяне продолжают волноваться и не принимают уставных грамот (там же, лл. 182—184).

22 февраля 1863 г. мировой посредник Дроздовский доносил ковенскому губернатору: «а) что крестьяне Судейской с 19, а Вижунской вол. — с 24 числа того февраля во всех без изъятия сельских обществах решительно отказались от исполнения следующих в пользу землевладельцев по уставным грамотам повинностей и от повиновения законным властям, поводом чего помещики поставлены в затруднительное и безвыходное положение;

б) что на волостном сходе, созванном для обеспечения содержания семейства рекрутской жены Ятовтисовой, зачинщики беспорядков крестьяне Микуленас, Ромелис и Урвелис, разорвав составленный по сему предмету мирский приговор, разогнали сход;

^а В тексте потребовавших.

^б В тексте по некоторым.

^в В тексте коих.

^г В тексте в наши положения.

^д Т. е. выдуманную, напрасную.

^е В тексте нас последним достоянием.

в) что буйство крестьян Судейской вол. дошло до таких размеров, что они под предлогом наряжаемых по деревням караулов задержали его, Дроздовского, с наглостью и невежеством;

г) что крестьяне Судейской вол. гласно угрожают, что нужно перерезать всех помещиков и тогда получают землю даром» (там же, лл. 198—199).

Об этих волнениях см. также: *S. Matulaitis. 1863 metais Lietuwoj, I, d. Minskas, 1933, psl. 237—238.*

194

1862 г. ноября 28. — Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову о неблагонадежности мировых посредников Россиенского у.

Секретно

Начальник Россиенской жандармской команды от 23 сего ноября донес, что отставной майор Тарашкевич, назначенный и. д. мирового посредника на место гвардии поручика Богдановича, между разговорами сообщил ему следующее:

1. Что все мировые посредники Россиенского у. стараются подействовать своей властью на временнообязанных крестьян, чтобы они были с помещиками согласны к восстановлению Литвы с Польшей, чтобы соблюдались между этими сословиями откровенное братство и для этого крестьяне жертвовали бы и материальными средствами. Как Тарашкевич рассказывает, посредники^а в некоторых волостных управлениях устроили [нечто] в виде кафедры, откуда во время собраний крестьян вкрадчиво и лживо передают и обещают им, кроме благосостояния, даже^б и равенство, если только они будут беспрекословно следовать всем действиям помещиков относительно восстановления Литвы с Польшей.

2. Что в Россиенском у. существуют два сборщика — помещики Хлевинский из Одахова и Цитович из Шавкот, собирающие деньги от всех помещиков и других легковверных сословий для осуществления идеи возрождения Польши.

3. Что собранная сумма не слишком давно была отправлена за границу с известным помещиком Россиенского у. Адольфом Пржецишевским и что он эту сумму не доставил по назначению, о чем здешние польские уроженцы знают и полагают, что Пржецишевский деньги эти по пристрастию к карточной игре проиграл в карты, и

4. Что состоящий член от правительства в Россиенском и Тельшевском мировых съездах, известное лицо¹, по заверению майора Тарашкевича, не может не знать о всех действиях мировых посредников, так как член этот нередко бывает в волостных управлениях, и что он вполне разделяет мнение посредников и ни в чем против них не протестует.

Вследствие сего предписав россиенскому земскому исправнику Семененко по изложенным обстоятельствам производить секретные дознания и учредить самый бдительный надзор за действиями поме-

^а В тексте что посредники.

^б В тексте но даже.

щиков Хлевинского, Цитовича, Пржецишевского и других, я имею честь донести об этом в. вп.

Свиты е. в. контр-адмирал Кригер

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 124, лл. 14—15. Подлинник

Опубл.: «Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края» («Виленский временник», кн. VI), ч. I, Вильно, 1913, стр. 190.

¹ Членом от правительства в Россиенском и Тельшевском мировых съездах был полковник Г. А. Бо.

195

1862 г. декабря 4. — Донесение Г. А. Кригера П. А. Валуеву о получении в гор. Тельшах пакета с «Колоколом» и другими революционными изданиями на имя поручика драгунского полка Н. Н. Тыртова

Ковенский губернский жандармский штаб-офицер предъявил мне доставленный ему начальником Тельшевской жандармской команды пакет, найденный жандармом на улице в гор. Тельшах. Пакет сей, запечатанный пятикопеечной монетой времени императора Павла, заадресован: «Е. вб. Н. Н. Тыртову г. поручику драгонского (драгунского) полка в гор. Тельши». В пакете оказались следующие возмутительные брошюры и сочинения: 1) «Благонамеренный» № 12; 2) «Колокол», 1860 г., № 60; 1862 г., № 142, 143 и 144; 3) «Общее вече» (прибавление к «Колоколу»), 1862 г., № 2 и 3; 4) «Правдолюбый» («Le Véridique»), 1862 г., № 7 и 8; 5) «Весть», 1862 г., № 1; 6) «Под суд!», 1860 г., л. 4 и 7) «О перемене образа правления в России», кн. Петра Долгорукова, 1862 г.

О чем имею честь донести в. вп. с присовокуплением, что означенный конверт и оказавшиеся в нем бумаги, как объявил мне полковник Скворцов, представляются им по начальству к начальнику округа.

Свиты е. в. контр-адмирал Кригер¹

ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 31, л. 317. Подлинник

¹ О том, что русская заграничная печать проникала в Ковенскую губ., свидетельствуют обнаруженные во время обыска 30 октября 1863 г. в Ковенской палате государственных имуществ на чердаке, где были сложены старые дела, следующие издания: «а) «Полярная звезда» 1861 г., изд. Искандера и Огарева; б) «С того берега» Искандера; в) заграничное издание стихотворений Некрасова и г) «Русская потаенная литература XIX в.», изд. Огарева» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 1334, лл. 12—13).

196

1862 г. декабря 12. — Рапорт тельшевского земского исправника Д. А. Миладовского Г. А. Кригеру о сопротивлении крестьян дер. Дыльпше взятию рекрутов¹

Мировой посредник 1-го участка Тельшевского у. Венцлавский отзывом от 10 сего декабря за № 318, полученным мною сего числа, уведомил меня, что 7 числа сего декабря временнообязанные крестьяне

топоры, напали на упомянутых крестьян и жестоко избили Карла Ступелиса, Доминика Куликовского, Мартина Можейку, Адама Контовта, Хризостома Барановского, а также опасно ранили лошадь Доминика Куликовского, так что сия последняя грозит падением, а люди страдают от побоев болезнями, и тем дали повод к бегству предназначенным в рекруты людям.

О арестовании виновных в буйстве и освобождении предположенных было взять в рекруты людей предписано мною пристава 1 [-го] стана, а об освидетельствовании избитых людей и о произведении следствия предложено земскому суду. О чем в. п. честь имею донести.

Земский исправник Миладовский

ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 15212, лл. 1—2. Подлинник

¹ О массовом антирекрутском движении литовских крестьян в этот период см. также док. 197—202. Случаи сопротивления крестьян рекрутскому набору представлены в настоящем сборнике до 10(22) января 1863 г. О дальнейшем антирекрутском движении см. сб. документов этой же серии «Восстание 1863—1864 гг. В Литве и Белоруссии».

197

1862 г. декабря 14. — Из рапорта пристава 2-го стана Шавельского у. Д. И. Гералтовского в Шавельский земский суд о сопротивлении батраков им. Ляцково взятию рекрутов

Фермерный содержатель казенного им. Ляцково помещик Станислав Писанко в присланном донесении 8 сего декабря между прочим прописал, что с 5 на 6 число сего же течения^а в полуночи толпа неизвестных ему нашествеников, вооруженных в дубины, в числе 50 человек совершили нападение на овин, принадлежащий к Ляцковской ферме, где в неизвестной цели разогнали его работников, находившихся в оном, которые, наверно со страха, бежали в Курляндию, чем он, Писанко, лишен несколько работников, конечных^б к хозяйству, но им понесена большая потеря в одежде, снесенной ими, и прочих хозяйственных снарядов, которых на завтра после рассвета не досчитался, и дошло до сведения его, Писанки, что будто бы среди того происшества прибит самый примерный домохозяин Удра.

Засим векшнянский тысяцкий и Векшнянское сельское управление рапортами, присланными 9 сего же течения за № 456 и 499, донесли, а именно:

а) тысяцкий, — что старшина того общества Парговский, имея, вероятно, от высшего начальства распоряжение, приказал единовременно и непременно с 6 на 7 число сего декабря захватить годных на рекрут молодых людей; исполняя таковое приказание старшины, десятские деревень Рывице Круталис и Тульник Сидабрис, собравши в помощь до 50 домохозяев из деревень Тульник, Рывиц и Мажейк, отправились на мызу Ляцковской фермы для взятия на рекрута батрака Ивана

^а Т. е. текущего месяца.

^б Koniecznych — необходимых (польск.).

Гайлюса, который находился на службе у содержателя той фермы дворянина Писанки, и едва прибывшие для поимки успели окружить овин, в коем производилась молотба хлеба, батраки, услышав, что запираются от овина двери, вдруг кликнули всех, чтобы взяться за приготовленное оружие, т. е. железные вилы, топоры, колья и жерди, и броситься слепо на окружающий народ, что ими сейчас и исполнено; отбили двери, и нескольконадесят^а батраков, вооруженных в железные вилы, топоры, колья и жерди, напали на поимщиков, стали гнаться за теми же поимщиками и [если] который не успел спастись уходом, нанесли немилосердные побои, и между прочим получили сильные удары кольями по голове крестьяне Иосиф Удра и Иван Вайчкус, от чего упали на землю в обморок; после, когда сказанная шайка вооруженных батраков разошлась, то прибыло несколько людей, отвели к саням раненых Удру и Вайчкуса и свезли в дер. Рывица в их жилья, но до 10 часов утра Иосиф Удра помер, и тело его без разрешения начальства свезено в м. Ляцково и поставлено по дозволению настоятеля кс. Шемиота в особом складе при костеле, и что сказанный покойный Удра был вероисповедания римско-католического и имел от роду 40 лет. Притом он, тысяцкий, присовокупил, что при отправлении его для местного разузнания о сем происшествии, когда был в Векшнянском сельском управлении просить у старшины члена и понятых, то находившийся в присутствии оного управления дворянин Писанко, как он, тысяцкий, полагает, ради закрытия сего происшествия без всякой решительно с его, тысяцкого, стороны причины публично разругал его самыми низкими выражениями, предупреждая, что за донесение об этом происшествии по начальству, он, Писанко, постарается устранить его, тысяцкого, от должности, и

б) сельское управление,—что посланные сотским крестьянином Францем Люткусом десятские дер. Рывиц Иосиф Крутинис и дер. Тульник Михаил Сидабрис с несколькими крестьянами-домохозяевами с 6 на 7 декабря отправились для взятия и обеспечения личности служащего батраком у содержателя казенной фермы Ляцково, состоящей за м. Ляцковом при границе Курляндской губ., помещика Станислава Писанки подлежащего исполнению рекрутской повинности [при] предстоящем рекрутском наборе государственного крестьянина Ивана Иосифова Гайлюса, как, по мнению крестьян, могущего лично добровольно не явиться для исполнения рекрутской повинности, и среди того, когда поимщики приступали к запертой двери овина, в котором производилась молотба хлеба и находился в числе прочих Гайлюс, тогда все работники вдруг в оном, вооружаясь в топоры, железные вилы, колья и пр., разломали двери овина и уходящим поимщикам нанесли жестокие побои, как то крестьянам-домохозяевам дер. Рывиц: первому — Иосифу Мартинову Удре, который оттого 7 числа сего декабря помер, и последнему — Ивану Вайчкусу, состоящему еще в живых, который, как заверяет лекарь, выздоровеет.

За возвратом моим 11 сего декабря вечером из гор. Шавель, где был по делам службы, найдя в становой квартире вышепомянутые бумаги, я сейчас отправился на место происшествия Векшнянского

^а Калька с польск. *kilkanaście* (от 11 до 19).

прихода в им. Ляцково, состоящее под Курляндской границей в четверть версты, где произвел формальное законным образом дознание, при котором, во-первых, допрошенные мною сотский Франц Люткус, десятский Франц Люткус, десятские Иосиф Крутинис, Иван Вайчкус (избитый), Ян Байтутис и Михаил Сидабрис, да домохозяева казенные крестьяне из дер. Рывице, Тульники и Мажейке Казимир Милешко, Юрий Вилим, Станислав Крижис, Иосиф Бальвач, Изидор Висмин, Ян Бальвач, Иосиф Вайчус, Франц Анужас, Иосиф Вилкас, Франц Сораковский, Антон Кульвинский, Юрий Гальмин, Станислав Савицкий, Франц Пуминас, Иосиф Данилевич, Иосиф Милешко, Франц Милешко, Адам Смильгис, Лаврентий Контвойн, Иосиф Гарелис, Бартломей Молис и Ян Тибик показали, что по приказанию вышеупомянутого сотского Люткуса с середины на четверг, т. е. с 5 на 6 сего декабря (а не с 6 на 7, как донесли тысяцкий [и] сельское управление), соединясь все вместе, вечером около 11 часов отправились на ферму Ляцково в цели взять на рекрута батрака фермерного содержателя помещика Писанки казенного крестьянина Векшнянского сельского общества Ивана Гайлюса и когда подошли к фермерному овину, в коем при свете фонаря молотили хлеб тот Гайлюс с прочими работниками, числом до 10 человек, то потихоньку обступили вокруг тот овин, чтобы Гайлюс не успел бежать, а между тем, не прибегая к арестованию его, намерены были об этом дать знать г. Писанке для оказания в этом деле со стороны его содействия, но до исполнения того молотившие, почувствовав, вдруг с необыкновенными наглостью и шумом целой толпой выскочив из овина, вооруженные в железные вилы, топоры, жерди и колья бросились на них, окруживших, бить, произнося ужасный крик, что всех убьют в смерть и нанося жестокие побои где кому попало в голову или по другим частям тела, от которых не будучи в состоянии оборониться, ибо прибыли не имея ничего в руках, должны были спасать жизнь и со страха все бежать в разные стороны, где кто мог; но эти разбойники, не довольствуясь тем, гнались и, в догонку повторяя побои, прибили к смерти товарища показателя домохозяина из дер. Рывиц казенного крестьянина Иосифа Удру, который от нанесенных ему в голову сильных ударов после того происшествия на другой день утром (в четверг 6 сего декабря) умер, а десятский Вайчкус от нанесенных ему теми же нападателями побоев еще страдает, но как не опасна причиненная^а в голову рана, то при пользовании выздоравливает; что были ли кем предупреждены упомянутые работники о прибытии их, показателей, для взятия на рекрута Гайлюса и наговорены или по собственному произволу сделали противу их же таковое восстание с нанесением смертоносных побоев, ровно почему имели при молотье топоры, жерди и колья—не знают, а полагают, что вследствие обдуманного умысла, что кто именно из числа тех работников причинил удары в голову ныне умершему крестьянину Удре и десятскому Вайчкусу, как в ночное время^б не заметили. Но между ими, нападателями, опознали Ивана Гайлюса, Игнатия Крописа, Иосифа Микужиса и кутника Станислава Микужиса, которые с прочими сотоварищами своими после разогнания их, поимщиков, и прибытия выше-

^а В тексте причинена.

^б Т. е. по случаю ночного времени.

упомянутых двух людей убежали в Курляндию, что, кроме прописанных уже работников, состоят на службе у Писанки еще Ян Явгелис (Югелис), Антон Шарва, Меркелис Домейко, Михаил Юшко, Станислав Рымкус и Ян Савицкий, которые, как им кажется, должно быть, находились соучастниками настоящего события и что их, поимщиков-домохозяев, было не 50 человек, как в донесении Писанки и в рапорте тысяцкого значится, а только всего 26 человек, да что никто из них не только дубины, но и палки в руках не имели, не надеясь подобных последствий. Наконец, сотский Люткус присовокупил, что распоряжение его насчет взятия рекрута последовало по словесному приказанию в Векшнянском сельском управлении старшины Парговского [...] ^а.

О каковом происшествии почтительнейше донося земскому суду, имею честь доложить: 1) что произведенное мною по сему предмету вышеизъясненное дознание вместе с сим за № 7594 передано для надлежащего исследования г. судебному следователю Шукевичу и сообщено уездному врачу надворному советнику Гартману за № 7595, о самоскорейшем прибытии для совместного с ним, г. Шукевичем, согласно 11-й ст. наказа, медицинского освидетельствования мертвого тела покойного крестьянина Иосифа Удры, и 2) о захвачении вышеупомянутых преступников, бежавших батраков и кутников помещика Писанки, тоже вместе с сим предписано мною векшнянскому тысяцкому и всем пятисотским вверенного мне стана с № 7596 по № 7601 и сообщено ^б за № 7602 Курляндской губ. в Гольдингенский гауптманский суд, как подведомственный тому суду уезд, смежный с моим станом, о чем донесено г. земскому исправнику за № 7605.

Подлинный подписал пристав Гералтовский

ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 15213, лл. 3—10. Заверенная копия

198

1862 г. декабря 25.— Рапорт россиенского земского исправника А. Семененко Г. А. Кригеру об отбитии рекрутов крестьянами Лауксцянского общества

Управляющий 4-м станом подведомственного мне уезда донес рапортом от 22 сего декабря за № 5450, что по распоряжению Поюрского волостного правления, основанному на приказании ^а мирового посредника, предложено было взять ночью с 18 на 19 число способных на рекрут людей. Вследствие чего в Лауксцянском сельском обществе были пойманы крестьяне Юрвонас и Романовский, третий же, Фрейтак, оказавшийся вооруженный ружьем, отбилсЯ и бежал, ранив в ногу выстрелом лауксцянского крестьянина Шертвиса, другой выстрел направлен был в полицейского десятского Буткуса, но гранкулька ^г попала в медную

^а Опущены показания свидетелей, которые не содержат новых сведений о событии.

^б В тексте относенось (под влиянием польского яз.).

^в В тексте по приказанию.

^г Grankulka — крупная дробь (польск.).

пуговицу без повреждения. По обыску в жилье бежавшего Фрейтака найдено в сундуке его около трех зарядов пороха. Затем, 19 числа в 5 часов пополудни, толпа вооруженных крестьян до 30 человек, окружив дом лауксцянского старосты, у которого содержались взятые на рекрут Юрвонас и Романовский, вломились в избу и отбили сказанных рекрут, причем производили выстрелы и одним зарядом попали в караульщика Бендыка, у которого пробиты только тулуп и штаны. Из числа нападателей опознаны казенные крестьяне Войнутского общества Осип и Франц Лилейкисы, прочие же участвовавшие в нападении не опознаны, так как они имели лица, выпачканные сажей.

Поспешая донести о сем в. п., имею честь доложить, что о производстве дознания об этом происшествии и о захвачении виновных сделано надлежащее распоряжение.

Вместе с тем поставляю долгом покорнейше просить в. п., не соизволите ли признать нужным сделать сношение с военным ведомством об оказании содействия полицейским властям, по их требованиям, при преследовании скрывающихся от рекрут крестьян, так как на искренность и благонамеренность местных обывателей в облегчении полиции сего дела не всегда можно положиться.

Земский исправник А. Семененко

ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 15214, лл. 1—2. Подлинник

199

1863 г. января 3.—Предписание Г. А. Кримера военному начальнику Россиенского у. о мерах против крестьян, скрывающихся от рекрутского набора

Дошло до сведения моего, что по случаю предстоящего набора старшин обществ, преимущественно временнообязанных крестьян, еще в начале минувшего декабря распорядились ловлею людей на рекрут с крайним произволом, без соблюдения всякого порядка и без очереди.

Такое несправедливое действие старшин и явное посягательство на отягчение членов беднейших семейств, занимающихся службой вне обществ, были причиною, что многие из работников, способных на рекрут, бросили свои жилища и хозяев и, разбежавшись по лесам, стали появляться партиями, которые хотя не совершили еще никаких буйственных поступков, но за дальнейшие последствия ручаться нельзя, потому что срок окончания набора еще отдаленен, а произволу старшин и продолжающейся ловле людей нельзя предвидеть конца.

Предложив мировым посредникам, земским исправникам, городским головам, старшим бургомистрам городских ратуш и окружным начальникам государственных имуществ принять зависящие меры к прекращению неправильных действий старшин подведомственных им обществ при поимке людей для отдачи в рекруты и уведомляю о сем в. вб. впоследствии предложения от 31 декабря за № 12087¹, прошу принять с вашей стороны меры к предупреждению скопища по лесам бежавших от рекрутства людей, обращая в случае поимки на прежние места жи-

тельства тех из них, которые окажутся не подлежащими рекрутству, буде они при побеге и во время оногo не сделали какого-либо преступления.

Свиты е. в. контр-адмирал Кригер

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1249, оп. 1, д. 1, л. 127, Подлинник

¹ В нем Г. А. Кригер предписывает военному начальнику Россиенского у. оказывать содействие полицейским властям при преследовании крестьян, скрывающихся от рекрутства, так как «по случаю предстоящего рекрутского набора неоднократно обнаруживается укрывательство подлежащих рекрутской повинности людей, при поимке коих на рекрут возникают беспорядки, сопряженные с насилием против общественных и полицейских властей, которые при неоказывании местными жителями надлежащего в сем деле содействия, находятся в невозможности исполнения требования правительства в поставке рекрут» (там же, л. 126).

200

1863 г. января 4.— Рапорт старшего заседателя Россиенского земского суда Киборта Г. А. Кригеру о ранении выборного Сымоновича при взятии рекрута в Видуклевском сельском обществе 4 декабря 1862 г.¹

По полученному 21 декабря сведению, что в начале того же декабря месяца в казенной дер. Герждах Видуклевского сельского общества Одаховского прихода при поимке казенными крестьянами на рекрута сокрестьянина Вишневого выборный того ж общества Сымонович получил удар топором и от того состоит больным, земский суд того же числа за № 18390 предписал приставу 4-го стана тотчас сделать на месте первоначальное дознание и, ежели это подтвердится, донести обстоятельно в самоскорейшем времени, с присовокуплением своего объяснения, почему о таковом происшествии не донес суду, а также не встречается ли надобности в командировании врача для освидетельствования и оказания пособия больному, а между тем в случае обнаружения виновных в сем преступлении тотчас обеспечить их личность законным порядком. Вследствие того он, пристав, при рапорте, от 27 минувшего декабря за № 591 зачисленном, а 2 сего января полученном, представил первоначальное дознание, из которого видно, что он же, пристав, по получении приведенного предписания суда забирал в делах 4-го стана справку, по которой решительно никакого донесения о прописанной случайности не оказалось, посему отправился в м. Одахово и проездом через м. Скавдвили расспрашивал больного, скавдвильского пятисотского, которому подведомствен и Одаховский приход, почему не донес о настоящем происшествии ему, приставу. На это получил объяснение, что хотя он, пятисотский, о сей случайности известен был из носившейся молвы, но по причине болезни своей не будучи в состоянии дознать на месте об обстоятельствах происшествия, оставил таковое пред начальством безгласным. Засим спрашиваны были находившиеся же при поимке на рекрута крестьянина Вишневого крестьяне Видуклевского сельского общества, которые единогласно объявили, что 3 минувшего декабря вечером десятский Гриневич от имени сельского управления приказал им всем собраться на следующий день перед

рассветом для содействия при взятии крестьян на рекрут. Вследствие сего они и собрались в жилище выборного Сымоновича, по предложению которого все отправились в дер. Гержоды в жилище хозяина Фомы Вишневого для взятия на рекрута к предстоящему набору сына его Давида. Прибыв в Гержоды перед восходом солнца, выборный Сымонович, поставив их около всех строений селитьбы^а Вишневого и приказав, чтобы в случае ухода которого-либо из сыновей хозяина Вишневого, Казимира или Давида Вишневого, задержать их, сам же пошел в хижину, и после истечения нескольких минут послышался крик Сымоновича, требующий спасения, на каковой, когда прибежали к месту, где оный происходил, то заметили лежавшего в нескольких шагах от сарая, где было сложено сено, окровавленного выборного Сымоновича и между тем увидели в отдаленности уходивших в близь стоящий лес двух человек, как следует полагать, сыновей хозяина Вишневого — Казимира и Давида. Но чтобы именно они были, того с точностью утвердить не могу без нарушения совести, тем более что по случаю объявленного рекрутского набора укрываются по разным местам уклоняющиеся от рекрутства крестьяне. Следовательно, подобного рода люди могли укрываться в сарае Вишневого, при котором нанесены раны Сымоновичу, что подтвердил и раненный топором крестьянин Сымонович с присовокуплением, что и он не заметил, кто его ранил. Наконец, после осмотра ран, нанесенных Сымоновичу, найдена одна рана на груди, а другая на спине, перевязаны пользующим его вольнопрактикующим врачом м. Таурогена Замельсоном. При чем больной Сымонович объявил, что чувствует себя хорошо и имеет надежду, как заверил его упомянутый врач, на скорое окончательное зажитие ран. Доводя о сем до начальнического сведения в. п., земский суд имеет честь донести, что первоначальное о сем происшествии дознание сим судом передано судебному следователю Юновичу для производства формального следствия.

Старший заседатель Киборт

ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 15998, лл. 1—3. Подлинник

¹ В тот же день, по донесению Г. А. Кригера В. И. Назимову, вооруженный отряд крестьян, более 20 человек, напал на корчму Дебли Россиенского у. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1863 г., д. 247, л. 1).

201

1863 г. января 4. — Рапорт старшего заседателя Шавельского земского суда Тубилевича Г. А. Кригеру о сопротивлении крестьян им. Антонова взятию рекрутов

Пристав 2-го стана Шавельского у. рапортом от 31 истекшего декабря за № 8034 донес земскому суду, что десятские Рафаил Теодоров Даукшас, Иван Викентьев Гаргас и Франц Филиппов Рочис с несколько другими десятскими и домохозяевами 22 числа того же декабря, днем, отправились в им. Антоново помещика Александра Довгирда для взятия

^а Т. е. усадьбы.

и доставления в Векшнянское сельское управление укрывающегося от исполнения рекрутской повинности казенного крестьянина Векшнянского сельского общества дер. Погамани Иосифа Казимира Давидовского, коего нашли вооруженного в пистолет, топор, колья и пр., при нем еще находилось трое вооруженных в топоры, колья и дубины крестьян, в числе коих был знакомый поимщикам крестьянин Михаил Люлис. Крестьяне эти, напав на поимщиков и сделав отбой^а, освободили рекрута на волю с нанесением поимщикам побоев и сами с ним, кроме Люлиса, скрылись. Причем пристав присовокупил, что по произведенному им обыску в жилье крестьянина Люлиса, где жил помянутый Давидовский, никакого оружия, пороха, пуль ниже дробы не найдено.

Донося о сем в п., земский суд имеет честь присовокупить, что о скорейшем учинении о сем событии местного дознания судом вместе с сим строжайше подтверждено приставу Гералтовскому, а о захватении крестьянина Давидовского и скрывшихся с ним двух неизвестных крестьян сделано по уезду надлежащее распоряжение и сообщено в соседственные городские и земские полиции¹.

Старший заседатель Тубилевич

ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 15994, лл. 1—2. Подлинник

¹ По донесению Г. А. Кригера В. И. Назимову, в ночь на 2 января 1863 г. был отбит также рекрут временнообязанный крестьянин К. Шидловский в дер. Довбишки Шавельского у. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1863 г., д. 247, л. 13).

202

1863 г. января 25.—Рапорт Окмянского сельского управления помощнику тельшевского окружного начальника государственных имуществ Л. Ф. Коплевскому о побеге крестьян в Курляндию в связи с рекрутским набором в декабре 1862 г.

Государственные крестьяне подведомственного общества Кржиштоф Францов Ужулинис, Иван Кржиштофов Жуковский, Андрей Иванов Бук, Матеуш Жуковский, Франц Жуковский, Иван Жуковский, Антон Черкас, Иван Тринкис, Антон Бернот, Матеуш Ужулинис, Иван Ужулинис и Иван Бутнор, узнав, что в сельском управлении 12 декабря прошлого 1862 г. молодые люди, состоящие на рекрутской повинности, будут вынимать номера жеребья, отлучились из общества и отправились в Курляндскую губ. Митавский у. им. Водоксты к помещику Бредшнейдеру и донесли под его покровительством находятся у него в имении и, как слух носится, что некоторых из укрывающихся снабдил ружьями; при вынудении же номеров жеребья в сельском управлении 12 декабря 1862 г. из числа поименованных крестьян достались номера жеребья, а именно: Кржиштофу Ужулинису № 30, Ивану Жуковскому № 33 и Андрею Буку № 40, коих хотя сельское управление посылало старост с нужным числом крестьян для поимки, но старосты вошли с донесением в сельское управление, что г. Бредшнейдер дозволил

^а Т. е. отбег.

укрывающимся стрелять и бить чем попало, кто появится в его имении для поимки, чрез это невозможно было доньше взять укрывающихся от рекрутства и не подлежащих к рекрутству для водворения в общество.

О чем сельское управление имеет честь почтительнейше в. вб. донести для надлежащего распоряжения.

Старшина Цукур
Писарь Радзивилл

ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 15999, л. 2. Подлинник

203

*Из воспоминаний неизвестного участника восстания о пред-
повстанческой пропаганде А. Мацкявичюса и о встрече
с З. Сераковским и А. Мацкявичюсом в повстанческом
отряде¹*

[Sierakowski]...^а был человеком jeszcze молодым, trzydziestokilkolet-
nim, blondyn z wąsami i brodą, ubrany w błękitną narodówkę^б, także
konfederatkę z daszkiem, miał na twarzy wyraz znużenia; obok niego
siedział ksiądz Mackiewicz, w takiej samej konfederatce i narodówce,
miał przypasaną szablę i za pasem rewolwer; był to mocny brunet z wą-
sami i brodą trochę podstrzyżoną, wyglądał znużony, z piersią wklęsłą,
nieco pochylony, ale w oczach widać była energia i odwaga, zmuszająca
każdego do posłuszeństwa i szacunku; znałem go przedtem, kiedy był w
plebanii Podbrzeskiej^в pp. Szylingów, słyszałem jego mowę do ludu w
[Pociu]nelskim^г kościele, przed powstaniem; było wiele ludu, Mackiewicz
wszedł na ambonę, zaczął mówić cicho powoli, na temat przeciwrządowy
o przygotowaniu się do zbrojnego powstania, po chwili głos mu się wzma-
gał, potężniał, twarz promieniała zapalem, oczy przedtem mdłe teraz
ciskały błyskawice, cały lud słuchał z takim napięciem, że sły-
chać było muchę brzęczącą w kościele, wrażenie było potężne, lud cały był
zaelektryzowany, i niedziw, że ksiądz Mackiewicz przyciągnął do pow-
stania wszystkich okolicznych chłopów i utworzył z nich oddział kosynie-
rów 300 ludzi...^д².

ЦБ АН Лит. ССР, Г37. Подлинник

ПЕРЕВОД

[Сераковский]^а... был еще молодым человеком, тридцати с лишним лет, блондин с
усами и бородою, одет в голубую народувку^б, в такой же конfederатке с козырьком,
лицо выражало усталость. Рядом с ним сидел кс. Мацкевич в такой же конfederатке
и народувке, имел на боку саблю и за поясом револьвер; это был крепкий брюнет с
усами и бородой, немного подстриженной, выглядел усталым, со впалой грудью, не-
сколько скорбленный, но глаза свегились энергией и мужеством, вынуждавшими каж-
дого к послушанию и уважению. Знал я его раньше, когда он был в Подбжеской плеба-
нии^в гг. Шилингов, слышал его речь к народу в [поцю]нельском^г костеле перед вос-
станием. Было много народу. Мацкевич взошел на амвон, начал говорить тихо, мед-

ленно на противоправительственную тему, о подготовке к вооруженному восстанию; постепенно его голос крепчал, усиливался, лицо светилось вдохновением, глаза, вначале тусклые, теперь метали молнии; весь народ слушал с таким напряжением, что было слышно жужжание мухи в костеле; впечатление было огромное, все люди были наэлектризованы, и немудрено, что кс. Мацкевич вовлек в восстание всех окрестных крестьян и составил из них отряд косинеров в 300 человек ^{д 2}.

^а Опущен сохранившийся конец фразы: ...[Sier]akowskim, rozstrzelanym w Wilnie, [naz]wanym wojewodą Komieńskim. ([Сер]аковский, расстрелянный ³ в Вильне, которого называли ковенским воеводой)

^б Национальная верхняя одежда.

^в Плебания — приход.

^г Восстановлено предположительно. М. Поцюнелай с костелом находится недалеко от Подбжези, где накануне восстания был ксендзом А. Мацкевич.

^д Опущено сохранившееся начало фразы: Starszyna ich Zinis ciągle prze... («Старшина их Зинис постоянно...»)

¹ Сохранился лишь один лист воспоминаний (возможно, письма). Края документа оборваны, текст местами поврежден. Публикуется «как» сохранившийся текст, за исключением первой и последней фразы, которые не могут быть восстановлены полностью.

² О деятельности Мацкявичюса в начале восстания см. док. 63. О своей предпоставчанческой деятельности Мацкявичюс говорил в письмах, написанных перед казнью в декабре 1863 г. В одном из них (сохранившемся лишь в переводе) он писал: «Действием моим была любовь истины и моего народа. Затем ненависть к царю... Любовь народа и его счастье дало повод и было причиною более десяти лет труда революционного. Народ литовский трудолюбив, правый [вероятно, польское ргашу, т. е. честный] и религиозный, поэтому заслужил величайшую мою любовь. Я ждал как искупления, не говорю уже революционного выступления, но свободы моего народа» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 219, д. 121, л. 13).

Полностью как цитированное, так и другие письма Мацкявичюса будут опубликованы в сборнике документов «Восстание 1863 — 1864 гг. в Литве и Белоруссии», выходящем в настоящей серии.

³ Мемуарист ошибается. В действительности Серсковский был повешен.

1861 г. марта 3.—Донесение гродненского жандармского штаб-офицера Е. А. Прасолова В. А. Долгорукову о распространении сведений о манифестациях в Варшаве и их влиянии на политическую жизнь губернии

Секретно

Со времени случившихся в Варшаве в прошлом феврале месяце происшествий, опубликованных в варшавской газете, доходят оттуда более подробные и до нелепости преувеличенные частные сведения о столкновениях, бывших там будто бы между местными властями и обывателями. Это дает повод и здесь к разным толкам и предположениям о предстоящих преобразованиях в управлении Царством Польским, для испрошения коих отправилась будто бы из Варшавы к государю императору депутация. Толки эти распространяются здесь наиболее в среднем сословии, между дворянством и католическим духовенством, сочувствующими ожидаемым переменам. И некоторые лица этих сословий и даже из служащих чиновников, особенно же ксендзы и дамы, выражают свое сочувствие отправлением панихид по убитых в Варшаве, пожертвованиями в пользу их семейств, отстранением себя от участия в собраниях и от сообщества с русскими, а последние, дамы, и нарядами вроде траура, называемыми «гарибальдинками», по примеру носимых в Варшаве. Некоторые мужчины, также подражая варшавским, носят конфедератки из белого или фиолетового сукна с черными околышами. У низших сословий ничего этого еще не замечается, но есть слухи от евреев, что мелкая шляхта в разговорах между собой выказывает также надежду на предстоящие перемены и что люди этого сословия, подгулявши, поют патриотические песни, и те, которые имеют ружья, покупают порох, привозимый тайно из-за границы и из Малороссии.

Долгом поставляю почтительнейше доложить о сем в. с.

Полковник Прасолов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861, г., д. 304, ч. 4, лл. 1—2 об. Подлинник

*1861 г. марта 11.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долго-
рукову о панихиде в Бресте, Белостоке и Гродно по убитым
в Варшаве 15 (27) февраля 1861 г.*

Секретно

Имею честь довести до сведения в. с., что на Кобринском форштате Брест-Литовской кр. в приходском римско-католическом костеле по желанию помещиков Брестского у. совершено было 25 минувшего февраля богослужение по случаю погибших в Варшаве 15 (27) февраля. При богослужении этом находились большей частью помещики, военные и гражданские чиновники, мещан было немного, крестьяне же вовсе не участвовали, никаких речей и крестного хода с хоругвями не было и вообще сохранено было совершенное спокойствие и общественный порядок.

Подобные богослужения совершены были в Белостоке и Гродно, но без всякой публичной гласности с той же тишиною и спокойствием¹.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 4, л. 3 и об. Подлинник

¹ О панихиде в Белостоке подробно говорится в рапорте белостокского городничего Щировского гродненскому губернатору И. А. Шпееру от 25 июля 1861 г. В частности, в рапорте указывается, что в белостокском костеле богослужение по убитым в Варшаве состоялось только один раз, 16 марта. Тут же в костеле в пользу семей убитых было собрано 300 руб. Пожертвованные деньги отправлены в Варшаву через железнодорожного служащего Ивана Яроцинского (ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1242, л. 1).

Несколько позже, 7 июня, панихиды по убитым в Варшаве состоялись в бельском костеле. Гродненский губернатор И. А. Шпеер в рапорте от 16 июля 1861 г. сообщал В. И. Назимову, что после окончания богослужения присутствовавшие в костеле женщины, студенты, гимназисты пели польскую патриотическую песню (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 80, ч. 1, лл. 24—25).

По сообщению кобринского земского исправника Развадовского от 25 июля, панихиды по убитым в Варшаве происходили также и в Кобринском у.; денежных сборов в пользу семей убитых не проводилось (ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1242, л. 18).

*1861 г. апреля 21.— Предписание В. И. Назимова грод-
ненскому губернатору И. А. Шпееру об установлении
секретного наблюдения за прибывающими в губернию
студентами*

Секретно

Прибывающие во вверенный мне край студенты университетов и медицинских академий, навлекающие на себя не только подозрение, но явно изобличаемые в намеренных поступках, распространении вредных сочинений в стихах и прозе и возмутительных замыслах, требуют особенного, бдительного наблюдения за ними со стороны местного гражданского начальства¹.

Вследствие сего имею честь покорнейше просить в. п. сделать немедленно зависящие от вас распоряжения, чтобы все прибывающие в Гродно студенты были в то же время лично вам представляемы, и по получении от них сведений, желают ли оставаться в городе или проживать в уездах при родных, не оставить высылать в избираемые ими местожительства и с тем, чтобы как за пребывающими в губернском городе, так и за находящимися в уездах были учреждаемы со стороны городских и земских полиций под личной их ответственностью строгие секретные наблюдения; о тех же, которые будут навлекать на себя подозрение в каких-либо вредных порядку и общественному спокойствию действиях или злонамеренных суждениях, доводить до моего сведения без всякого промедления, а их арестовывать².

Ген.-адъютант Назимов

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1160, л. 2. Подлинник

¹ В феврале 1861 г. В. И. Назимов уведомил В. А. Долгорукова о революционных замыслах поляков — студентов Петербургского и Московского университетов (см. док. 3 и 4).

² В связи с активным участием студенчества в манифестациях, распространении антиправительственной литературы виленский ген.-губернатор в июне 1861 г. потребовал запрещения студентам университетов приезжать в отпуск в Литву и Белоруссию (см. док. 15).

207

1861 г. июня 5.— Рапорт И. А. Шпеера Александру II о волнениях крестьян в губернии и подавлении их военной силой¹

В. и. в. имею честь всеподданнейше донести, что в то время, когда временнообязанные крестьяне некоторых помещичьих имений Белостокского у. были приводимы в повиновение (о чем я имел счастье представить всеподданнейший рапорт от 31 марта²), подобные беспорядки, хотя в меньшей степени, возникли в одно почти время и в других уездах.

В Брестском у. в имениях помещиков Ковальского, Коновницыной, Тельшевского, Старовольских, Велиовейского, Конопинского, Матусевича, Могильницкого, гр. Грабовского, Буховецкого, Букрабы, Янишевского, Попейков, Корокенецкого, Понговского, Езерницкого, Мышковского временнообязанные крестьяне, толкуя превратно смысл высочайшего в. и. в. манифеста, вовсе отказались от исполнения лежащих на них повинностей. [Так] как все увещевания, делаемые им земским исправником обще с предводителем дворянства и священником, не имели успеха, и крестьяне с упорством решительно объявили, что кроме 2 дней издельной работы они не будут нести никаких повинностей в отношении владельцев, на землях которых поселены, то для принятия соответственных мер 28 марта командированы были мною в Брестский у. губернский штаб-офицер корпуса жандармов полковник Прасолов и ассессор Гродненского губернского правления надворный советник Са-

вашинский, которые, прибыв на место, объяснили призванным крестьянам значение всемилостивейшего манифеста и необходимость исполнять инвентарные повинности, но когда все убеждения и неоднократно повторяемые увещевания остались тщетными и крестьяне упорствовали, тогда полковник Прасолов и Савашинский вынуждены были воспользоваться данным им мною уполномочиением и потребовали один батальон квартирующего в Бельском у. Великолуцкого пехотного полка; по прибытии на место войска вновь делаемы были попытки кроткими убеждениями вразумить отказавшихся от повиновения, и только после неоднократно повторяемых увещеваний приступлено было к мерам строгости: при содействии нижних чинов 24 крестьянина, самые упорные, были наказаны розгами в размере от 15 до 50 ударов, а 4 человека посредством полицейских служителей в размере от 15 до 40 ударов; вследствие чего все крестьяне раскаялись и сознали свое заблуждение, а потому две роты Великолуцкого полка 6 апреля отправлены в Бельский у. на место прежнего их квартирования, а другие две роты для успокоения помещиков, не доверявших вполне крестьянам, оставлены были на некоторое время в Бельском у.; после чего в мае месяце вновь оказалось неповиновение в имении помещицы Пусловской, но было прекращено без принятия чрезвычайных мер, и ныне, когда в целом уезде крестьяне отбывают работу аккуратно, остальные две роты отправлены к своему полку.

Причиной неповиновения было, по-видимому, как недоверие их к вотчинным управлениям, так и то, что всемилостивейший манифест был превратно им истолкован некоторыми лицами, в чем оговорены б. писарь в имении помещицы Коновницыной Дмитрий Бальевич и крестьянин дер. Черняк Антон Грипп, которые заарестованы и будут подвергнуты соответственному взысканию.

В Пружанском у. после объявления всемилостивейшего в. и. в. манифеста и обнародования высочайше утвержденного Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, во многих помещичьих деревнях между крестьянами распространились слухи о последовавшем будто бы каком-то новом высочайшем в. и. в. повелении, еще им не обнародованном, и вследствие того они отказались от исполнения инвентарных повинностей, кроме лишь только 2 рабочих дней, и начали толпами стекаться в уездный город, где хотя и было объяснено им уездным предводителем, духовенством и земской полицией о неосновательности таковых слухов, но крестьяне тому не поверили; по получении об этом сведения я 25 марта командировал в Пружанский у. гродненского вице-губернатора д. с. с. Рожнова, с тем чтобы он, объехав уезд, принял все меры сообразно местным обстоятельствам для успокоения крестьян, разуверения их в их заблуждении и убеждения к неуклонному выполнению всех лежащих на них обязанностей в отношении землевладельцев. Д. с. с. Рожнов объяснением крестьянам точного смысла высочайшего манифеста и Положения, а также убеждениями и увещеванием духовенством и местных властей, успел вывести крестьян из заблуждения, так что многие из них, признавая свои ошибки, извинялись и просили прощения, обещая исполнять в точности инвентарные повинности впредь до особого распоряжения, а потому не было надобности прибегать к военному содействию и только 8 крестьян было подвергнуто полицейскому испра-

вительному наказанию: трое из них за то, что, будучи десятскими, не остановили крестьян в их неосновательных толках и не донесли о том по порядку, но еще сами стали в ряду слушников; а пять остальных крестьян — за оказание земскому исправнику и пятисотскому грубости ислушания.

Во все время объяснений с крестьянами и расспросов их нельзя было открыть лиц, распустивших между неграмотными крестьянами нелепые слухи, и они ни на кого не указали, но когда Рожнов в последний день 3 апреля объяснял собранным крестьянам в числе 300 человек Положение, был замечен между ними временноотпускной рядовой в крестьянской одежде и с отпущенными волосами, и [так] как он явился без требования, вероятно, для поддержания крестьян в их требованиях и говоре, то тогда же был передан местному начальнику инвалидной команды для отсылки в Гродненский батальон внутренней стражи.

Равным образом в Слонимском у. между временнообязанными крестьянами распространились слухи о дарованном будто бы им в. и. в. каком-то праве, освобождающем их от обязательных отношений к землевладельцам, вследствие чего в имениях помещиков Корсака, Стравинского, Гриневича, Конопки, Корсаковой, Конопковой и Головни крестьяне отказались от всяких работ, и [так] как, несмотря на убеждения, делаемые им неоднократно и. д. предводителя обще с земским исправником и местным священником, они остались непреклонными и, выказав явное неповиновение и недоверие к местным властям, с шумом разошлись по домам, то, получив об этом сведения с требованием военного содействия, я, имея в виду, что в ближайших к Слониму уездах вовсе нет войска, вынужденным нашелся для предупреждения дальнейшего распространения неповиновения командировать туда 6 апреля по сношению с военным начальством две роты квартирующего в Гродненском у. Староингерманландского пехотного ген.-адъютанта кн. Меншикова полка и вместе с тем поручил губернскому штаб-офицеру корпуса жандармов полковнику Прасолову обще с старшим чиновником особых поручений Савицким отправиться на место для объяснения крестьянам точного смысла высочайше утвержденного Положения и склонения их к неременному повиновению и исполнению всех лежащих на них повинностей.

Прибыв в гор. Слоним и получив сведение, что упорство крестьян продолжается в Дзенциольском стане, полковник Прасолов и чиновник Савицкий отправились туда и, имея в своем распоряжении прибывшие уже две роты, вызвали временнообязанных крестьян из имений помещиков Корсака, Стравинского, Корсаковой, Конопки, Головни и Гриневича, всего из 212 дворов, и в присутствии местных предводителей дворянства, священников, земского исправника и помещиков объясняли как неосновательность распространившихся слухов, так и действительные их отношения к землевладельцам, указанные во всемиростивейшем манифесте и в высочайше утвержденных Положениях; неоднократно повторяемые увещания о том, какой они подвергнутся ответственности за дальнейшее ослушание, отчасти достигли желаемого успеха, так что большая часть крестьян созналась в своем заблуждении и просила прощения, обещая исполнить все лежащие на них повинности; только крестьяне 2 деревень помещика Корсака, заключаю-

щих в себе 48 дворов, остались при своем упорстве и решительно отказались от исполнения инвентарных повинностей, жалуясь на тяжесть этих повинностей и суровое с ними обращение приказчика (которого помещик Корсак тотчас сменил), и [так] как все увещания и убеждения оказались недействительными и крестьяне по-прежнему упорствовали, то полковник Прасолов и чиновник Савицкий поставлены были в необходимость прибегнуть к мерам строгости, и трое самых упорных зачинщиков и подстрекателей были наказаны посредством нижних чинов розгами от 60 до 90 ударов, а 18 человек — от 5 до 50 ударов, и только после подобной меры все крестьяне сознали свое заблуждение, изъявили раскаяние и дали обещание исполнять следующие по инвентарям повинности, что, действительно, ими и исполнено, а потому по восстановлении в Слонимском у. порядка в течение 10 дней прибывшие две роты отправлены в Гродненский у. на место прежнего их квартирования.

В подстрекательстве означенных крестьян обвинены казенный крестьянин Бомбир и брат священника Новогородовицкой церкви Казимир Сцепура, из которых последний предан суду и о наказании первого сделано распоряжение.

Сверх того, после обнародования всемилостивейшего манифеста в разных местностях губернии были частные случаи неповиновения временнообязанных крестьян, именно: в Сокольском у. в имениях помещиков Митарновского, Сержпутовского, Остроменцкого и Сапоцки; в Бельском у., в имении помещика Щуки; в Кобринском у., в имениях помещиков Койшевских, Снежки, Шадурского, Родзевича, Парчевского, Жардецкого и Верещаги, и в Гродненском у. в имениях помещиков Войчинского и Буховецкого; но заблуждение этих крестьян было кратковременное, и оно прекращено одними лишь полицейскими средствами, не прибегая к каким-либо особым мерам.

В настоящее время все временнообязанные крестьяне находятся в должном повиновении, лежащие на них повинности выполняют аккуратно, между ними нет никаких беспорядков и в Гродненской губ. состоит все благополучно.

Гродненский губернатор Шпеер

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 910, лл. 103—112. Заверенная копия

Опубл.: «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», Минск, 1959, стр. 208—212.

¹ О движении крестьян в Гродненской губ. в 1861—1862 гг. см. документы, опубликованные в сб. «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», стр. 187—299. М. Б. Фридман, автор исследования об отмене крепостного права в Белоруссии, считает, что, по неполным данным, с момента объявления реформы до сентября 1861 г. в 77 имениях Гродненской губ. произошли крестьянские волнения. Они в основном возникали в результате конфликта крестьян с помещиками из-за размеров барщины. Крестьяне упорно отказывались выполнять какие-либо повинности в пользу помещиков, кроме двухдневной барщины в неделю. Сильным было движение крестьян в Белостокском у., где в марте 1861 г. волновались тысячи крестьян (см. М. Б. Фридман. Отмена крепостного права в Белоруссии. Минск, 1958, стр. 123). В 1862 г. борьба крестьян в губернии приняла форму решительного сопротивления введению уставных грамот. О массовости этого движения крестьян говорит тот факт, что в Гродненской губ. к концу января 1862 г. ни одна уставная грамота еще не была введена в действие, а к январю 1863 г. из 283 введенных в действие только 26 грамот были подписаны крестьянами (см. «Отмена крепостного права. До-

клады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861—1862 гг., М.—Л., 1950, стр. 106, 286—287).

² В рапорте И. А. Шпеера Александру II от 31 марта 1861 г. говорится о массовых волнениях крестьян Белостокского у. после обнародования манифеста 19 февраля. Почти повсеместно крестьяне отказывались выполнять повинности, не подчинялись местным властям. Упорное сопротивление было прекращено массовыми арестами и наказаниями розгами (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 910, лл. 18—21).

208

1861 г. июля 14.—Донесение Е. А. Прасолова В. А. Долгорукову о манифестационном движении в Гродненской губ.

Секретно

В недавний проезд мой по губернии я удостоверился, что в гор. Слоним, Кобрин, Брест, Бельск, Белосток и Соколка и в некоторых местечках так же как и здесь, в Гродно, поются в костелах патристические гимны¹, подобные прилагаемым при сем на польском языке, «К спасителю и пресвятой богородице», молитвам², которые доставлены мне из-под руки; что главными участниками пения бывают дамы дворянского и женщины среднего сословия, носящие траурное платье, и некоторые из молодых обывателей, воспитанников учебных заведений и служащих гражданских чиновников. Ксендзы по окончании богослужения по большей части выходят из костелов и запирают органы. При процессиях, происходящих в каждый праздник из одного костела в другой, бывает множество народа, повторяющего те же гимны, но ксендзы и их причты поют обыкновенные молитвы. Дерзость и подозрительность некоторых лиц доходит до того, что они заставляют русских и не принимающих участия в пении выходить из костелов и процессий и кропят серной кислотой платья дам, не носящих траура. Такое направление умов, такие «мирные», как их называют, манифестации, к сожалению, не прекращаются, несмотря на предостережение и уговаривание благоразумных людей и местных властей, а делаются чаще и открытее и увлекают более и более народ: граждан, мещан и однодворцев и даже крестьян. Быть может, что личное приказание начальника края в настоящий проезд его по губернии³ будет иметь более влияния, в противном же случае необходимо принять деятельные меры к открытию и задержанию руководителей этих вредных манифестаций. Сколько мог я узнать от людей, имеющих средства по своему положению, связям и отношениям знать о желании, которое хотят выразить этими манифестациями, оно состоит в том, чтобы Литва присоединена была к Польше и воспользовалась теми же правами и конституцией, какие ожидают сей последней. Внушения эти доходят сюда, как многие полагают, от приезжающих из Царства Польского тамошних обывателей, от едущих туда здешних жителей и от иностранцев и польских выходцев, служащих при железной дороге и часто бывающих в Варшаве.

Честь имею почтительнейше доложить о сем в. с. в дополнение к докладной записке моей от 12 прошлого месяца за № 145⁴.

Полковник Прасолов

Резолюция В. А. Долгорукова Перевести приложения и доложить, одинакового ли они содержания с теми, которые мы уже имеем.

Помета Эти гимны те же, какие поются во всех других местах литовских губерний.

ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 4, лл. 4—6. Подлинник

¹ О манифестациях в Белостоке, пении запрещенных гимнов в костелах Гродненской губ. в 1861 г. см. также док. 5, 16.

² На служебной записочке III отделения имеется запись: На листах 8 и 9 гимны по требованию Правительствующего синода отправлены туда в 1863 г.

³ О поездке В. И. Назимова по краю в июле 1861 г. см. док. 18.

⁴ См. ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 4.

209

*1861 г. июля 21.—Рапорт белостокского городничего
Щировского И. А. Шпееру о пении запрещенного гимна
в Белостоке*

20 числа июля месяца в четверг, узнав от кс. Сидоровича, что, как бы в отмщение за задержанных 19 числа¹ для отобрания объяснения из числа собравшихся в ограде костела, для пения соберется ныне более народа, и, имея в виду происшествие того дня, о коем рапортовано в. п. за № 701, я признал необходимым употребить в помощь воинскую команду, которого числа прибыла в Белосток первая сотня Донского казачьего № 28 полка. После 8 часов вечера, когда я вошел в ограду костела, где в то время до 400 человек народа пело громко молитву «К божьей матери», называемую литанией, а чрез четверть часа по входе моем, условясь взглядами и переговорами вполголоса, начали петь еще громче известную патриотическую песнь, стоя на коленях. Причем люди лучшего происхождения отошли далее от меня и даже многие ушли на другую сторону костела, а простой народ остался на месте и продолжал таковое пение около получаса времени, как бы в ожидании сумерек. Когда народ начал неблагопристойное пение, я тотчас ко всем трем выходам ограды назначил солдат и казаков, чтобы не выпустить никого, а потом переписать всех поименно и выпустить по одному, но из них только вольнопрактикующий врач Путята с женой и сестрой, классными дамами из Белостокского института Юрковской и Клюковской и помещицей Олдаковской со служанкой Францишкой, учитель музыки Маевский, надзиратель гимназии Поплавский и белостокский мещанин Швайковский вышли из ограды, а остальные объявили, что они не пойдут поодиночке, а чтобы выпустить их всех вместе, отведя прочь солдат. Когда ж я приказал сначала из простых вывести, то они все схватились под руки и не пускали; не находя возможности без шума и крика исполнить своего намерения, я вынужденным был не выпускать их, пока не согласятся идти поодиночке, но не дождался сего до 12 часов ночи.

Задержанные в ограде сначала посылали ко мне ксендзов Сидоровича и Табенского просить, чтобы их выпустили без затей, в противном случае об их насильственных, по их выражению, мерах вся Европа будет извещена и сообщится в газету «Колокол», но, не встретя и тут

успеха, как будто бы чего ожидали. Я заметил, что толпа народа за казачьей сотней на площади все более и более увеличивается, отправился к толпе и объявил во всеуслышание, чтобы они разошлись по домам, что и было исполнено, но секретарь думы Плюто, оставшись у крыльца квартиры доктора Андриеевского, кричал мне, что я могу распоряжаться только евреями, на что я отвечал, что закон применяется ко всем исповеданиям в отношении благочиния и порядка одинаково, чрез полчаса потом [он], сильно выпивший, с азартом насильно вбежал в ограду, крича, что его дочери здесь и никто не имеет права их задерживать, и потом пошел к толпе, подговаривал их к разному шуму, говоря колкости мне и военным офицерам и что он не мятежник, а я виновен в допущении пения. Когда же я спросил его, отчего он не носит кокарды на фуражке, [то он] отвечал, что я не смею ему этого говорить и он волен при штатском платье не носить кокарды.

Член института Туманов, директор гимназии Ган, инспектор Большой и исправник Загорянский просили гг. вице-губернатора и жандармского штаб-офицера приказать мне освободить всех без записи их имен и фамилий и что они все дают обещание никогда не петь недозволенных правительством песен. Не надеясь на то, чтобы толпа народа, коего имена полиции неизвестны, исполнила свое обещание, я все еще домогался записи их, но все было тщетно, [они] закрывали лица руками, поворачивались к стене, схватывались под руки, говорили насмешки.

По вторичному приказанию д. с. с. Рожнова и полковника Прасолова я был в необходимости уволить их из костельной ограды, не зная их имен, но просящие об освобождении могут их знать, ибо они лиц своих пред ними не скрывали, а при увольнении просили солдат отвести далее и по удалении войск сходили с колокольни и многие выходили из костела, из чего можно заключить, что при собрании на пение в 8 часов костел не был заперт, но только двери притворены; по выходе из костела [все] очень тихо разошлись по домам. В этой толпе были [такие], которых я мог узнать или по голосу, или по росту и фигуре: Косинская с дочерью, Ленчевские — две девицы, воспитанные в Петербурге в Смольном монастыре, две дочери Плюты, дочь учителя Кулеша, вдова Пеньковская, дворянин Царства Польского Остафинский и многие другие, служащие по железной дороге, а также дворянка Хмелевская; из братства — мещане гор. Белостока, Освецинская, жена унтер-офицера Бельской инвалидной команды с двумя дочерьми, и один студент, коего лица по скрытии его в толпе рассмотреть было нельзя. Но ксендзы Сидорович и Табенский должны положительно знать всех, ибо они очень долгое время не оставляли народ, неоднократно подходя ко мне, уговаривая об освобождении задержанных и научая задержанных, чтобы отнюдь не говорили своих имен.

О чем донося в. п., почтительнейше имею честь доложить, что на будущее время буду принимать все решительные меры к прекращению недозволительного пения.

Городничий Шировский

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1241, лл. 94—96. Подлинник

¹ Гродненский жандармский штаб-офицер Прасолов рапортом от 21 июля доносил В. А. Долгорукову, что в день его прибытия в Белосток, 19 июля, вечером собравшиеся у костела жители в количестве от 400 до 500 человек, стоя на коленях, в течение

двух часов пели польские гимны. Из присутствовавших, по распоряжению городничего, было задержано и доставлено в полицию «несколько неизвестных ему людей, из которых четверо были из служащих при железной дороге польских выходцев и здешних уроженцев, двое здешних жителей и двое казенных крестьян, с которых на другой день сняты допросы, причем на улице было много народа» (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 326, л. 7).

210

1861 г. июля 25.—Рапорт Е. А. Прасолова В. И. Назимову
об антиправительственном настроении жителей Белостока

Секретно

Во исполнение предписания ко мне в. вп. от 14 сего июля № 16¹ удостовериться в степени справедливости изложенных в том предписании сведений, я, сверх официальных справок, увидел себя в необходимости основаться на указаниях только весьма немногих достойных доверия и преданных правительству православных лиц, потому что все почти чиновники, а тем более обыватели Белостока, вполне сочувствуют тем преувеличенным и вредным для правительства идеям, которыми преисполнены молодежь и женщины здешние, втайне одабриваемые ксендзами, и хотят выразить свои желания и надежды разного рода мирными, как они называют, манифестациями.

По убеждению тех немногих благонамеренных людей, служащих при железной дороге счетчиком состоящий под надзором полиции Юльян Пионтковский, б. ученик здешней гимназии, отлучавшийся за границу, теперь уже женатый и имеющий детей, есть человек недоброжелательный правительству, который действиями своими, как то: ношением траурного костюма, участием в пении возмутительных гимнов, в восторженном провожении приезжавшего сюда, в Белосток, 28 прошлого мая б. президента Земледельческого общества гр. Андрея Замойского² и сообщением новостей о происходящем в Царстве Польском волнении, вовлекает здешних жителей, и в особенности молодых людей, к поступкам, противным общественному спокойствию. По общим, но недостоверным слухам, Пионтковский был в толпе народа, собиравшегося 19 и 20 чисел сего июля³, уже в бытность мою здесь, в ограду костела и певшего в противность обнародованному полицией запрещению известные возмутительные гимны. Короткое знакомство его с отъявленными здешними патриотками, каковы Косинская, Винская и другие, подтверждает неблагоприятное об нем мнение благонамеренных людей. Сверх сих подручных сведений, полученные мною на запросы мои отзывы от местного городничего и жандармского офицера, подтверждающие вышепрописанные сведения, поставили меня в обязанность отправить Пионтковского с жандармом в гор. Вильно к г. коменданту.

[Так] как собранные мною по настоящее время сведения о поступках помещицы Бельского у. вдовы Виктории Косинской и дочери ее Софии вполне подтвердили дошедшие об них [до] в. вп. сведения, то, объявляя лично Косинской о полученном мною приказании, [я] поручил белостокскому городничему немедленно выслать ее и ее дочь в имение

их Григоровцы и уведомить бельского исправника об учреждении над ними полицейского надзора с воспрещением им выезда из имения.

Магазинщица Мария Белицкая хотя в последнее время не участвовала в пении гимнов и женщина кроткого нрава, но [так] как она пожертвовала в костел на праздник тела Христова белую с красным крестом и терновыми венцами хоругвь, то я приказал городничему выслать в Варшаву ее самую и ее мужа, варшавского жителя Александра Белицкого, который, ведя праздную жизнь и предаваясь пьянству, посещает молодежь и подговаривает к ношению гарибальдийского костюма, видя в том свою пользу.

Магазинщица Лубова, жена служащего по таможенной части в Калишском округе чиновника Лубо, в последнее время не участвовала в пении гимнов и в процессиях, и [так] как она давно с мужем не живет, здешняя уроженка и имения нигде не имеет, то я и представил городничему принять от нее объяснение и прошение к начальнику губернии и оставить ее здесь до разрешения в. вп., учредив за нею полицейский надзор.

Сведения о девице Винской вполне подтвердились¹, но [так] как ее в настоящее время нет в городе, то при выезде моем отсюда я передам городничему приказание в. вп. о высылке ее из Белостока.

Честь имею донести о сем в. вп. и почтительнейше присовокупить, что по собрании мною сколько возможно более положительных сведений о прочих поименованных в предписании вашем лицах я буду иметь честь донести о том в. вп. и что по приезде моем в Белосток здесь уже была молва о предполагаемой высылке из города вышеприсланных дам.

Корпуса жандармов полковник Прасолов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 326, лл. 9—12. Подлинник

¹ В. И. Назимов предписывал Прасолову проверить сведения «о неблагонамеренных действиях» вдовы Косинской; сестры учителя м. Тикоцин Граурта Винской; владельцев магазинов в Белостоке Белицкой и Лубовой; секретаря думы Плюта; секретаря квартирной комиссии Лупинского; писца уездного казначейства Рудзиновича; находившихся на службе при конторе железной дороги Пионтковского, Гюо и Шварца; окончившего белостокскую гимназию Прокоповича (см. там же, лл. 5—6).

² Бывший председатель Земледельческого общества (Towarzystwa Rolniczego) в Варшаве гр. А. Замойский прибыл в Белосток 28 мая в 3 часа пополудни и в 9 часов вечера того же дня уехал обратно в Варшаву. По сообщению гродненского губернатора И. А. Шпеера В. И. Назимову от 1 июня 1861 г., «его сопровождали многие неизвестные лица, и когда гр. Замойский отъезжал по железной дороге, то значительная толпа, собравшись, вероятно, по этому случаю за городом, снимая шапки и поднимая [их] вверх, кричала: «Ура, Замойский, первый дворянин польский!» — и бросала букеты цветов» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 80, ч. 1, л. 18).

³ См. док. 209 и примечание к нему.

⁴ Винская обвинялась в том, что в м. Тикоцине раздавала медали, преимущественно крестьянам-полякам, в память «разрубленного креста», а также продавала перстни в память «павших, по ее выражению, братьев» (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 326, л. 5).

1861 г. июля 26.— Донесение вр. и. д. гродненского жандармского штаб-офицера Витте В. А. Долгорукову о манифестации в Гродно 24 июля

Секретно

Жители гор. Гродно явно начали обнаруживать дух патриотизма. Невзирая на предпринимаемые меры начальством, 24 сего июля вечером в 9 часов многочисленная толпа народа собралась более 1000 человек, в том числе и женщины, все в трауре, за город в расстоянии одной версты по Виленскому тракту, где ожидали высылаемого из города офицера Псковского пехотного ген.-фельдмаршала кн. Кутузова-Смоленского полка поручика Вольского, который по решению корпусного командира следовал в гор. Тамбов в сопровождении жандарма от гродненской команды за принятие участия во время шествия из Белостока в м. Новодницы процессии и пении возмутительных гимнов.

Народ этот за городом приостановил его, Вольского, с громким восклицанием. Кричали, что Польша еще не исчезла, да здравствует Вольский, бросали шапки и кричали «ура!». После этого, снабдив его деньгами, отпустили в дальнейший путь, а потом вся толпа отправилась на кладбище и пела там возмутительный гимн, что и на другой день было повторено на кладбище.

О чем имею честь почтительнейше довести до сведения в. с. с присовокуплением, что с Вольским командирован рядовой Паньков.

Капитан Витте

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 304, ч. 3, лл. 8—8 об. Подлинник

1861 г. июля 30.— Рапорт брестского городничего Запасника И. А. Шпееру о ношении дворянами и помещиками Брестского у. польской национальной одежды

Секретно

Во вверенном мне городе помещики и дворяне как местножительство, так и приезжающие с уезда начали в отношении одежды подражать жителям Царства Польского: одеваются в польские чепарки, носят под оными большие камзолы с рукавами, вроде бывших польских жупанов, и поверху стягиваются широкими поясами из лакированной кожи, а женщины носят особые шляпки, называемые в Царстве Польском гарибальдовками, излагаясь, что это по журналу, разрешенному цензурой. Чиновники же и составляющие единственное население гор. Бреста евреи и мещане-христиане к этому не применяются, и никаких особых по сему случаю проявлений в городе не имеется.

О чем в. п. имею честь почтеннейше донести.

Городничий Запасник

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1173, л. 3. Подлинник

1861 г. начало августа¹.— Анонимная записка В. И. Назимову о молебне в бельском костеле по убитым в Варшаве и в память Люблинской унии

31 июля с. г. в бельском приходском костеле происходило молебствие. Кроме бельских жителей, были почти все окрестные помещики. Молебствие происходило как за павших в Варшаве 13(25) марта и 27 марта (8 апреля), так равно и в память соединения Литвы с Польшей при Ягелло².

Обыкновенный траур на этот день был сброшен: дамы и девицы в разноцветных, но по большей части белых платьях с трехцветной кокардой на груди: голубой, темно-розовый и белый цвета. У девиц, кроме кокарды, еще вдобавок талию обхватывала темно-розового цвета ленточка. Одна только помещица Дашкевич, владелица м. Орле, была в народном костюме с конфедераткой белого цвета на голове.

Из мужчин только некоторые были в мажарских костюмах. Двое же из них: один молодой,— некто помещик Сакович, а другой — Дачевский, были оба в народном костюме с красного цвета конфедератками. Десятилетний же сын помещицы Дашкевич был в полном народном костюме времен Станислава Августа с саблей и при карабине. Во все время молебствия 12 мужчин держало перед алтарем 12 хоругвей. В промежутке молебствия на галерее, где [находится] орган, пели патристические песни с аккомпанементом органа 3 дочери тамошнего аптекаря Спизбарта.

По окончании молебствия, когда ксендз удалился с алтаря, тогда все присутствующие, бросившись перед алтарем на колени, пели «Przed Twe ołtarze zanosim błaganie: Ojczyznę, wolność razc pamięć Panie³»³.

С окончанием последнего куплета этой песни многие повыходили, и остались лишь одни главнейшие виновники этого феста: г-жа Дашкевич, которая руководит дамами всего уезда, из мужчин — Токаревич, Битнер, Сакович и Дачевский. Первые двое суть главнейшие виновники всеобщего волнения умов Бельского у. и еще могут быть на будущее время важной пружиной при всеобщем восстании Литвы. Первый из них бельский житель, а другой — помещик. Кроме этих лиц, было еще десяток особ обоего пола.

Став на колени вокруг мальчика, представлявшего возрождение Польши, начали петь песни в виде литании к матери Спасителя в самых дерзких выражениях против особы государя, правительства и всего русского народа. По окончании литании «До матки боски»⁶ начали третью — еще более дерзкую, полную революционного духа. Ее пели только 5 особ: Токаревич, Битнер, г-жа Дашкевич и еще 2 особы, по фамилии неизвестные. Остальные [не] решились петь в присутствии 2 русских офицеров. В костеле, кроме сих двух, были еще 5 офицеров,

³ «Перед твоим алтарем возносим мольбу: отчизну, свободу благоволити возвратить нам, господи» (польск.).

⁶ «К богородице» (польск.).

но они тотчас вышли по окончании молебствия. По окончании этой последней песни под арию народного гимна «Еще Польша не сгинела» начали расходиться. В это время Битнер на паперти перед костелом произнес к собранию речь, что день сей навсегда должен остаться в памяти истинного патриота и что устройством всего торжества этого должны быть благодарны Токаревичу, Дашкевичевой и ему. Вот что происходило в Бельске 31 июля в промежутке от 10 до 12 часов утра.

Из числа ложных слухов носится один, имеющий важное влияние на умы здешних обывателей: это что будто бы в лесах за Бельском собралась значительная шайка, ожидающая оружия и благоприятных обстоятельств для поднятия бунта⁴.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 997, лл. 2—3. Подлинник

¹ Датирована на основании отношения В. И. Назимова В. А. Долгорукову о манифестации в Бельске от 30 сентября 1861 г. (см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 304, ч. 9, лл. 1—2).

² 31 июля отмечалась годовщина Люблинской унии 1569 г. Имя Ягелло связано с Кривской унией 1385 г.

³ Припев известного гимна «Боже, который Польшу...».

⁴ Все изложенные в записке факты, исследованные по указанию В. И. Назимова, подтвердились. Главными руководителями манифестации были признаны Токаевич, Сакович, Дачевский и Битнер. Трое были судимы гродненским полицейским судом, а Битнер, уроженец Царства Польского, выслан на родину (см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 304, ч. 9, лл. 1—2).

214

1861 г. августа 2.—Донесение Витте Е. А. Прасолову
о манифестации в Гродно 31 июля

В дополнение докладной моей, е. с. г. шефу жандармов записки от 31 июля за № 216¹ имею честь почтительнейше донести в. вб., что на другой день после случившегося насилия со стороны жителей гор. Гродно, в котором принимали наиболее участие среднего класса женщины для освобождения арестованного чиновника Лебеля, утром рано оказались на улицах прибитыми к стене две записки в возмутительном виде, заключающие в себе какое-то тиранство со стороны правительства, которое будто бы сосет польскую кровь, от которого нужно стараться освободиться, а в другой,— на польском языке,— чтобы жены поддерживали энергию своих мужей, не унывали, а старались освободить арестованного, почему предприняты были начальником губернии меры, в случае какого-либо могущего случиться самоуправства приказано было двум ротам от Гродненского гарнизонного батальона быть в готовности, но народ после обедни из костелов разошелся по домам, и намерение это осталось без всякого успеха. Затем 31 истекшего июля почти все жители гор. Гродно католического исповедания праздновали память соединения Литвы с Польшей Сигизмундом I². Торжество это состояло в том, что все жители сбросили с себя на этот день траур и утром во всех костелах отбывалась ранняя обедня с возмутительными гимнами, но пополудни в 6 часов весьма многие жители Гродно

¹Подпись отсутствует.

толпами отправились за город в расстояние 4 верст в лес, называемый Лососной, в Царстве Польском, и по дороге приглашали всех встречающихся, так что стечение народа там было около 3000 человек всякого сословия, где происходили разные игры и танцы с музыкой (под названием краковяк); огонь был разложен во многих местах, молодежь скакала через огонь; для простого народа сделана была складка и потчевали его пивом и вином; этот пир продолжался до 12 часов ночи; когда же начали расходиться, то главнейшие из публики старались доказать простому народу необходимость единства и свободы.

Капитан Витте

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 304, ч. 3, лл. 6—7. Подлинник

¹ В докладной записке В. А. Долгорукову капитан Витте сообщал, что 29 июля утром в гродненском фарном костеле состоялось богослужение, во время которого присутствовавшие пели польские гимны. Когда в костел вошел частный пристав Вротновский, ему стал угрожать канцелярский служитель губернского правления В. С. Лебель. По приказу губернатора, Лебель был арестован. Собравшись у дома губернатора вечером того же дня, толпа людей в количестве 300 человек с криком требовала освобождения Лебеля из-под ареста. Для предотвращения беспорядков была вызвана воинская команда из двух рот Гродненского гарнизонного батальона (там же, д. 336, лл. 1—2).

² В действительности Люблинская уния (1569 г.), годовщина которой отмечалась 31 июля, была заключена при Сигизмунде II Августе (1548—1572 гг.).

215

1861 г. августа 4.—Донесение Прасолова В. А. Долгорукову о манифестациях в Белостоке и Гродно и влиянии варшавских тайных организаций¹

Секретно

В дополнение к докладной записке моей в. с. от 14 прошлого июля за № 180² долгом поставляю почтительнейше донести в. с., что пение в костелах возмутительных гимнов продолжается с возрастающим энтузиазмом почти во всех костелах городов и местечек губернии. Несмотря на циркулярное объявление приходским ксендзам, разосланное Виленской римско-католической духовной консисторией, вследствие отношения к виленскому епископу г. ген.-губернатора здешнего края о противозаконности пения в костелах подобных гимнов, ксендзы считают для себя невозможным принимать решительные меры к воспрещению своим прихожанам петь во время обеден и вечеров таковые гимны, потому что в циркуляре именно об этом им не предписано. Наиболее энтузиазма оказывают жены помещиков и чиновников, склоня к тому мужей своих, и в особенности молодых людей обоюбого пола, а также свою прислугу, а через нее и людей низшего сословия и даже крестьян, но большинство сих последних до сего времени не поддается этим внушениям.

Вследствие сделанного мне г. ген.-губернатором поручения удостовериться в степени справедливости дошедших до е. вл. сведений о некоторых лицах в гор. Белостоке, расспрашивая как их, так и других участвовавших в пении лиц, я получал один и тот же ответ, что хотя

сами они сознавали неблагонамеренность содержания гимнов, но видя, что местные начальства не принимают никаких мер к запрещению пения, полагали, что правительство не считает их вредными. В настоящее время пения эти доводят уже до дерзких демонстраций и буйственных поступков, случившихся в гор. Белостоке и здесь, в Гродно, о которых имел я честь доводить до сведения в. с. рапортами моими от 21 и 27 прошлого июля № 199 и 210³, и, за отсутствием моим, доносил состоящий при мне за адъютанта капитан Витте докладной запиской от 31 того же месяца за № 216⁴, а также изволите усмотреть из прилагаемых при сем в подлиннике записок ко мне его же, Витте, от 26 июля и 2 сего августа за № 11, 15, 16⁵.

Для воздержания неблагонамеренных людей от подобных поступков здесь, в Гродно, начальник губернии вытребовал из Белостока полсотни казаков и испрашивает разрешения у г. начальника края, какие принять действительные меры к воспрещению пения в костелах возмутительных гимнов. Скорое и гласное по этому предмету распоряжение высшего начальства и по моему убеждению необходимо потому, что, по всем признакам, можно опасаться, что манифестации эти клонятся к произведению в губернии больших беспорядков и что они суть следствия усилий тайных двигателей, находящихся в Варшаве, о которых весьма трудно узнать что-либо положительного по сочувствию этому делу большинства здешних дворян и чиновников, даже таких, которые по званию своему и положению обязаны доносить о всем начальству и могли бы воздерживать других, но которые ни того, ни другого не делают.

Полковник Прасолов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 304, ч. 3, лл. 2—5. Подлинник

¹ О манифестациях и пении запрещенного гимна в Гродно и Белостоке в 1861 г. см. там же, д. 303, ч. 1, л. 124; д. 304, ч. 4, лл. 5—10; ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1863 г., д. 80, ч. 1, лл. 70—73; оп. 121, д. 431, лл. 175—177; ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1241, л. 49; д. 1111, л. 44.

² См. док. 208.

³ См. примечание к док. 209 и док. 210.

⁴ См. прим. 1 к док. 214.

⁵ См. док. 211 и 214.

216

1861 г. августа 7.—Донесение И. А. Шнеера В. И. Назимову
о подавлении крестьянских волнений в Волковысском у.

Волковысский земский исправник рапортом от 15 июля за № 675 донес мне, что вышедшие из крепостной зависимости крестьяне именней: Белавич — помещицы Цехановецкой, Коледзич — помещика Фадеева, Парфянович — малолетних Сухацких, Струбицы — помещика Биспинга, Поцевич — помещика Стырпейки, Плища — помещика Комаевского и Самойлович — гр. Красицкого, всего 212 дворов, отказались от отбывания сгонной повинности, а также сопротивлялись власти мирового посредника в избрании должностных лиц. Получив

это сведение 9 июля, земский исправник в тот же день сделал распоряжение о высылке в земский суд для надлежащего внушения поочередно из каждого имения зачинщиков неповиновения, вследствие чего пристав 5-го стана приказал из деревень им. Белавич (78 дворов) явиться в земский суд по 3 временнообязанных крестьян, более упорных и дерзких, вместе с десятскими тех деревень, но это распоряжение не было исполнено, и вместо требуемых 10 крестьян явилась в им. Белавичи толпа около 100 человек, которые, оказав полицейской власти сопротивление, сопряженное с ругательствами, дерзостью и шумом, отозвались, что сгонной повинности отбывать не будут, повиноваться властям не станут и потребованных для явки в суд не выдадут, разве все вместе туда отправятся, присовокупив, что они не верят никакой власти, как только своему писарю из Волпы, за которым, как говорили, пошлют, чтобы им повторил устав. Засим становой пристав обратился к бывшим в толпе 5 десятским и приказал им тотчас отправиться в земский суд, но и те от исполнения сего решительно отказались, отзываясь, [что так] как они требуются не по долгу службы, то и не пойдут. Наконец, толпа среди постоянно продолжающихся шума и дерзостей двинулась и, минуя господский дом, возле которого стояли владелец с семейством и мировой посредник гр. Красицкий, начали произносить громко с дерзостью слова: «Ты обогатился (обращая это к владельцу), посмотрим, кто из нас будет пан». Главной причиной возникшего неповиновения, как оказалось по местному дознанию, был явившийся из м. Волпы Гродненского у. казенный крестьянин, б. тамошний тысяцкий Иван Езерский, который читал и толковал этим крестьянам устав, за что и получил якобы 14 руб. Этот крестьянин пойман и заключен в острог.

Для успокоения крестьян означенных имений земский исправник, признавая необходимым употребить военную силу, просил моего распоряжения о командировании туда одной роты войск с тем, чтобы таковая была оставлена там на некоторое время.

Получив означенное донесение, я тотчас сделал распоряжение о безотлагательном командировании в Волковысский у. одной роты Псковского ген.-фельдмаршала кн. Кутузова-Смоленского полка и вместе с тем поручил корпусу жандармов капитану Витту отправиться туда немедленно и, объяснив взволновавшимся крестьянам точное значение высочайше утвержденного Положения, действительные отношения временнообязанных крестьян к помещикам, убедить их в необходимости и справедливости отбывания инвентарных повинностей, внушить им ответственность, которой они подвергаются заслушание противу власти мирового посредника, и вообще принять при содействии местного духовенства и и. д. мирового посредника все меры сообразно местным обстоятельствам для успокоения ослушивающихся крестьян. К военному же содействию дозволил я капитану Витту обратиться в случае лишь истощения всех кротких убеждений и увещаний, поручив ему при том принять меры к открытию виновных в подстрекательстве крестьян.

Возвратившийся из Волковысского у. капитан Витте рапортом от 23 июля за № 7 донес мне, что, прибыв в им. Белавичи вместе с земским исправником и командированной в Волковысский у. военной командой, собрал в двор в числе 68 человек домохозяев из дер. Белави-

чи и Межево (помещицы Цехановецкой), и по неоднократном разъяснении им высочайше утвержденного Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, и по убеждении о необходимости выполнять возложенные на них обязанности, они сознались в своем заблуждении, в которое они, по их объявлению, вовлечены были тысяцким из м. Волпы, который превратно истолковал им 126 § Местного положения и получил за то от них 6 руб. сер.; засим, изъявив чистосердечное раскаяние, [они] дали обещание исполнять все повинности согласно инвентарю, просили прощения у своего помещика и мирового посредника, соглашаясь притом немедленно приступить к выборам должностных лиц.

После водворения таким образом в им. Белавичи порядка временнообязанные крестьяне соседственных имений, а именно: Коледзич — Фадеева, Струбицы — Биспинга, Плища — Комаевского, Самойловичи, Борки и м. Пески — гр. Красицкого, добровольно явились к мировому посреднику, изъявив готовность исполнять все свои обязанности.

Вслед за сим крестьяне дер. Парфяновичи помещиков Сухацких и Лехиничи — помещика Ходаковского сопротивились мировому посреднику, не желая приступить к выбору должностных лиц и притом дерзко ему отвечали, что «у нас есть свой пан, на что нам другого, нам такого пана не нужно»; означенные крестьяне были вытребованы капитаном Виттом посредством нижних чинов в двор им. Парфяновичи, и по объяснении им их обязанностей и неоднократном внушении о необходимости повиноваться распоряжениям мирового посредника, они, хотя, изъявив раскаяние, обещали приступить к выборам, но, несмотря на то, вновь оказали мировому посреднику сопротивление; тогда уже более упорные крестьяне и подстрекавшие их десятские Антон Новик, Мартин Казан, Андрей Казан и Иван Мацек были подвергнуты полицейскому взысканию в размере от 15 до 45 ударов, и вследствие того все крестьяне вышепоименованных имений обещали исполнять все повинности и повиноваться властям беспрекословно; за сопротивление же полицейской власти, сопряженное с ругательством, дерзостью и шумом, подвергнуты взысканию в размере от 20 до 60 ударов следующие крестьяне: Павел Криско, Адам Мамо, Игнатий Данцевич, Михаил Резанчик, Нарциз Зубок, Игнатий Мулярчик и десятский Игнатий Смок. Сверх того волковысский земский исправник от 25 июля за № 694 доносит, что взволнование крестьян им. Белавичи происходило еще до чтения крестьянином Езерским устава, и потому испрашивает моего разрешения, как следует поступать с означенным крестьянином.

Донося о вышеизложенном в. в.п. с представлением на ваше усмотрение подлинного рапорта исправника¹, имею честь доложить, что командированная в Волковысский у. одна рота Псковского пехотного ген.-фельдмаршала кн. Кутузова-Смоленского полка, как видно из рапорта ко мне волковысского исправника, отправлена на прежние квартиры 23 июля.

Что же относится до казенного крестьянина Езерского, то я полагал бы поступить с ним на основании предложения в. в.п. от 11 мая № 4632², о чем и буду ожидать разрешения.

Гродненский губернатор Шпеер

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1861 г., д. 910, лл. 194—197. Подлинник

¹ Рапорт не обнаружен.

² Распоряжение В. И. Назимова не найдено.

217

1861 г. августа 11.—Предписание В. И. Назимова И. А. Шпелеру о принятии более решительных мер для прекращения польских патриотических гимнов

Секретно

Вследствие представления в. п. от 14 июля за № 151 о том, что пение польского возмутительного гимна проникло в у. Брестский и Сокольский, признавая нужным принять решительные меры к прекращению оного и преследованию виновных строгостию взысканий тотчас по доходящим до вас сведениям, я представляю вам участвующих в сказанном пении служащих лиц гражданского ведомства, как то: писцов, столоначальников, бухгалтеров, секретарей, заседателей и тому подобных низших классов чиновников увольнять от службы с отдачей их под строгий надзор полиции, а в иных случаях, более важных, особенно руководителей пения и зачинщиков, кроме увольнения от службы, подвергать еще аресту на гауптвахтах, на время от 2 недель до одного месяца, людей простого сословия подвергать от одной до 2 недель тюремному заключению. О всех же распоряжениях по сему предмету не оставьте доводить до моего сведения с объяснением вины каждого.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1112, л. 13. Подлинник

218

1861 г. августа 15.—Объявление гродненского полицмейстера В. В. Змеева населению о запрещении пения польских патриотических гимнов и манифестаций и об учреждении на заставах военных караулов

По случаю происходивших в гор. Гродно беспорядков, для предотвращения распространения которых необходимо было прибегнуть к военному содействию¹, г. начальник Гродненской губ., имея в виду, что на основании 157 ст. XIV т. Устава о предупреждении и пресечении преступлений: «Запрещаются сходбища и собрания для совещания и действия общей тишине и спокойствию противных»,—а незнанием сего закона по силе 62 ст. I т. никто отговариваться не может, и согласно предложению г. ген.-губернатора здешнего края приказать изволил объявить во всеобщее сведение жителей следующее.

1. Пение возмутительного гимна как на улицах, так и в храмах божьих, нарушающее уважение к святыне и к законной власти, а равно всякие сходбища на улицах, с какой бы то целью ни было, строжайше воспрещаются.

2. Если жители дозволят себе оказывать ослушание и настоящему распоряжению, то виновные всегда будут разгоняемы военной силой, а затем подвергнутся строжайшей по закону ответственности.

3. Предваряются женщины и матери в отношении к их детям, чтобы они не следовали увлечениям толпы и оставались спокойно в своих семействах для избавления себя и детей от очевидной при действии военной силы опасности.

4. Запрещается под опасением взыскания по закону, чтобы никто после 9 часов вечера и пробития зари не выходил из дома, а кто в отлучке из дома будет иметь крайнюю надобность, обязывается идти не иначе как с фонарем и на оклик патрулей ответствовать, кто он, куда идет и по какому именно делу.

5. На всех заставах и выездах учреждаются военные караулы. Все приезжающие в город и выезжающие из оного должны предъявлять находящемуся при карауле чиновнику свои виды и паспорта, объясняя, куда и по какой надобности следуют. В противном случае, т. е. при неимении сказанных видов, все лица, без различия званий, будут отсылаться за конвоем к полицмейстеру для дальнейших распоряжений.

О чем по приказанию е. п. сим от полиции объявляется.

Гродненский полицмейстер подполковник Змеев

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1241, л. 216. Типографский экз.

¹ Речь идет о манифестации в Гродно 14 августа. По случаю предстоящего праздника успенья в костел, находящийся в м. Ружаный Сток, должны были направиться две процессии: из Гродно и из Царства Польского. Предстоящая церемония, как и все, происходившие в это время, имела политическое значение. Процессия была назначена на 4 часа дня и возглавлять ее должен был гродненский декан кс. Ю. Маевский. Губернатор Н. А. Шпеер приказал вызвать в город дополнительные войска, развести мосты, а кс. Маевскому запретил участвовать в процессии. Однако под давлением собравшихся к костелу огромных масс народа Юзефу Маевскому пришлось встать во главе процессии, но он употребил все свое влияние и уговорил народ разойтись после богослужения, не отправляясь к Ружаному Стоку. По количеству участников это была самая крупная манифестация в Гродненской губ., но благодаря стараниям духовенства политический эффект ее был незначителен. Ю. Маевский был выслан из Гродно. В 1891 г. в «Русской старине» были опубликованы его воспоминания об этой манифестации (т. LXX, май, стр. 489—496). Эта манифестация, как и другие события в Гродно в 1861 г., подробно рассмотрена в статье: I. Kotar. Grodzieńskie manifestacje przed powstaniem styczniowym («Przegląd historyczny», t. LI, z. I, 1960).

219

1861 г. августа 17.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о расследовании обстоятельств панихиды в белостокском костеле по убитым в Варшаве и о высылке из губернии студентов Токажевича и Снежинского

Начальник Гродненской губ., которому я предлагал привести в ясность обстоятельства, сопровождавшие пение возмутительного гимна 7 прошлого июня в белостокском римско-католическом костеле,

уведомил меня ныне, что на панихиде за убитых в Варшаве была в том костеле значительная публика и дамы в трауре; кто именно из студентов сделал поручику Великолукского пехотного полка Мендозе замечание, что он, как носящий русский мундир, не может оставаться в костеле, этого открыть не представилось возможности. В квартире студента Токаржевича, действительно, собирались его товарищи-студенты и прогуливались иногда вечером по городу, но предосудительных поступков в том и другом случае за ними не замечено.

Сообщая об этом в. с. в дополнение моего отзыва от 30 прошлого июня за № 455¹, имею честь присовокупить, что в бытность мою в гор. Бельске в минувшем июле месяце я нашел нужным сделать личное распоряжение о высылке студентов Токаржевича и Снежинского в университет, как людей по образу их действия более неблагонамеренных.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 332, л. 3. Подлинник

¹ См. док. 16.

220

1861 г. августа 18.—Донесение Витте В. А. Долгорукову о процессиях из Царства Польского в м. Ружаный Сток Сокольского у. и об усилении надзора за жителями Гродно

Секретно

В дополнение секретной моей в. с. записки от 18 сего августа за № 239¹ имею честь почтительнейше донести, что 16 числа сего же месяца начальник губернии получил от сокольского земского исправника официальное донесение, в коем подтверждается, что, действительно, следовала из гор. Августова Царства Польского процессия, к которой присоединились и из других на пути лежащих от оного местечек Царства Польского и Сокольского у. процессии в сопровождении ксендзов с хоругвями, и 14 числа вечером сошлись вместе 6 процессий в м. Ружаносток для богомоления; стечение народа было там до 3000 человек.

На другой день в костеле отбывалось богослужение с большим благоговением и после сего также пели и возмутительные гимны; по отслужении же вечерни (нешпор) около 7 часов пополудни народ отправился обратно в путь и при всем этом тишина и спокойствие между народом были сохранены и происшествий никаких не случилось.

В настоящее время для сохранения порядка в городе, по распоряжению начальника здешнего края, усилен надзор за жителями, и как днем, так и ночью ходят патрули, а на тех квартирах жителей, кои наиболее замечены полицией в пении возмутительных гимнов, поставлена экзекуция по 10 человек солдат.

О чем за отсутствием полковника Прасолова имею честь почтительнейше довести до сведения в. с.

Капитан Витте

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 304, ч. 7, лл. 4—5 об. Подлинник

¹ См. там же, лл. 1—3.

1861 г. августа 22.— Предписание В. И. Назимова И. А. Шпери в связи с введением военного положения в Гродно, Белостоке, Бельске и Бресте с уездами

Препровсждая при сем к в. п. напечатанное от меня объявление о военном положении городов Гродно, Белостока, Бельска и Брест-Литовска с уездами¹, имею честь покорнейше просить вас, м. г.,

1. Объявление это сделать известным к общему сведению припечатанием оного в губ[ернских] ведомостях, повсеместной рассылкой особыми оттисками, выставкой в городах на углах, перекрестках улиц и на площадях и особым прочтением при барабанном бое установленным порядком.

2. Об увольнении от должностей чиновников всех ведомств представить ко мне на разрешение, поступая таким же образом об отрешении и предании суду всех без изъятия чинов городской и земской полиции.

3. О всех без изъятия обвиняемых в измене, бунте, явном неповиновении воинским и гражданским начальствам или склонении других к этим преступлениям, хотя бы и не произошло возмущения, в насилии, разбое, грабеже и зажигательстве представлять также ко мне для предания военному суду на основании полевых военно-уголовных законов.

4. Военными начальниками назначаются в городах Гродно, Белостоке, Бельске, и Брест-Литовске с уездами — начальник 3-й пехотной дивизии, ген.-лейтенант Гольтгоер. В городах же — Гродно с уездом ген.-л[ейтенант] Гольтгоер; Белостоке с уездом — командир Псковского пехотного фельдмаршала кн. Кутузова-Смоленского полка полковник Деконский; Бельске с уездом — командир Великолуцкого пехотного полка полковник Нелидов и в Брест-Литовске с уездом — командир 3-го батальона Староингерманландского пехотного ген.-адъютанта кн. Меншикова полка майор Казанли с непосредственной подчиненностью коменданту крепости ген.-лейтенанту Бартоломею. О всех сих назначенных сообщено командиру 1-го армейского корпуса для зависящих распоряжений к приведению в действие обязанностей военных начальников на основании высочайшего повеления, опубликованного в указе правительствующего Сената от 9 сего августа.

О вышеизложенном долгом поставляю уведомить в. п. к точному и немедленному исполнению².

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 163, ч. 1, лл. 8—9. Отпуск

¹ Там же, лл. 11—12. В тот же день было введено военное положение и в других городах Литвы и Белоруссии (см. док. 26).

² Согласно предписанию В. И. Назимова гродненскому губернатору от 16 октября 1862 г., военное положение в Гродненской губ. было снято, кроме гор. Белостока с уездом (там же, л. 43).

1861 г. сентября 2.— Отношение В. И. Назимова В. А. Дол-
горукову о манифестации в Гродно 6 августа

6 августа после окончания службы в гродненском фарном костеле несколько человек пронесли чрез костел 4 древка, приготовленных для хоругвей, а вскоре после того в 11 часов утра бывший в фарном костеле народ отправился на богослужение в бернардинский костел по случаю храмового там праздника. В притворе этого костела надеты были на помянутые древки флаги и выставлены пред алтарем. Изображение этих флагов было следующее: 3 флага — белые с черной каймой из лент, черной кокарды и с изображением в середине черного креста, а один был трехполосный — красный, голубой и белый, на нем изображены божья мать и Спаситель. Вечером того же дня флаги эти ксендзами были освящены. После окончания службы, когда началось поминание императорской фамилии, все присутствовавшие в костеле вышли из оного.

О сведении этом, сообщенном мне начальником Гродненской губ., я имею честь уведомить в. с., присовокупляя, что при совершении литургии вместо костельного братства прислуживают духовенству уже чиновники.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., 303, ч. 4, лл. 22—23. Подлинник

1861 г. сентября 4.— Донесение Е. А. Прасолова В. А. Дол-
горукову о политическом положении в Гродненской губ.

Секретно

После объявления ген.-губернатором здешнего края на военном положении городов Гродненской губ. Гродно, Белостока, Бельска и Бреста с их уездами¹ пение возмутительных гимнов в костеле этих уездов почти прекратилось, чему наиболее способствовали строгие меры, принятые к удалению из службы замечаемых в этом чиновников; из прочих же городов и уездов губернии доходят частные сведения, что там пение гимнов в некоторых костелах еще продолжается. Ношение мужчинами отличительных костюмов почти везде прекратилось, но дамы по-прежнему ходят в трауре и носят кресты с распятиями и, сверх того, начинают отказываться от ношения перчаток и даже кринолинов.

Из сего, а также из доходящих из-под руки сведений заключать можно, что расположение умов католического духовенства, дворянского и среднего сословия, мещан и граждан Гродненской губ. остается прежнее и только страх и сознание своего бессилия воздерживают их от заявления своего сочувствия к замыслам и надеждам патриотов Царства Польского, но втайне они стараются поддерживать это сочув-

ствие, распространяя преувеличенные и ложные известия о тамошних происшествиях. Есть верные указания о намерении патриотов привлечь на свою сторону евреев обещаниями и страхом: 1 числа сего сентября явились к губернатору посланные от еврейского общества гор. Соколки с просьбой дать им войско для охранения их на время наступавшего 2 числа «судного дня», в который они обязаны безотлучно находиться в синагоге, так как из подметных писем и народной молвы они опасаются нападения от католиков. Туда послано было 25 казаков, и нападения никакого не случилось.

Долгом поставляю почтительнейше довести о вышепрописанном до сведения в. с.

Полковник Прасолов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 4, лл. 20—21 об. Подлинник

¹ См. док. 221.

224

1861 г. сентября 9.— Предписание В. И. Назимова И. А. Шперу о проведении расследования по делу о праздновании в Друскениках годовщины Люблинской унии

Секретно

Я получил достоверное сведение, что в Друскениках был празднуем с особым торжеством день соединения Литвы с Польшей 31 минувшего июля¹, на который приезжало много помещиков из Царства Польского. Костел был убран цветами и деревьями, все сняли траур и были в балльных нарядах, женщины имели в головных уборах миртовые ветки, а мужчины пристегнули таковые в петлицы фраков, местный же ксендз говорил довольно дерзкую против правительства проповедь.

В тот же день в зале ресурса² был вечер, на котором пели возмущительные песни с неоднократными восклицаниями: «Да оживет Польша!». Наконец, 13 минувшего августа местный ксендз объявил с амвона, чтобы все собрались для шествия с процессией, которая на следующий день с 8 часов утра отправилась с образами, хоругвями и с пением возмущительного гимна в Царство Польское, где и была встречена другой для взаимного соединения, что и было приведено в исполнение. По случаю же пребывания в Друскениках митрополита Жилинского происходило в каждый праздник таинство миропомазания, на которое стекалось весьма много народа. В это именно время ксендзы старались возмущать его разными способами, а помещики угощали крестьян пивом, закусками, музыкой, учили их петь гимн и с музыкой и пением: «Jeszcze Polska nie zginęła»³— провожали на пароме на ту сторону Немана. Для вышеупомянутой процессии семейством доктора Пилецкого была вышита траурная хоругвь, которую во время

¹ Resursa — собрание, клуб (польск.).

² «Еще Польша не погибла» (польск.)— слова, которыми начинается польский гимн.

шества в Царство Польское первый поднял и понес переодетый в партикулярное платье приехавший из Петербурга в Гродно в отпуск состоящий при военном министерстве и по кавалерии подполковник Кукель молодой еще человек, и б. воспитанник Военной академии. Во всех пениях он был первым лицом, для устройства вечеров, процессий и угощений крестьян ходил сам с дамами по домам и собирал деньги.

[Так] как о прописанных весьма верных подробностях я не получал уведомление от в. п., и заключая из сего, что смотритель друскеникских минеральных вод отставной ротмистр Яцковский уклонился, по-видимому, от доведения об этом до вашего сведения, то я имею честь покорнейше просить вас, м. г., немедленно поручить корпус жандармов полковнику Прасолову произвести вновь по всем изложенным обстоятельствам подробное весьма секретное и положительное на месте дознание, и в особенности об имени и фамилии ксендза, говорившего проповедь, о ее содержании и о действиях находившегося в Друскениках подполковника Кукеля; об оказавшемся же меня уведомить с возможной поспешностью.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1241, лл. 317—319. Подлинник

¹ О праздновании годовщины объединения Польши и Литвы в Друскениках 31 июля — 1 августа сообщалось также в донесении гродненского губернатора И. А. Шпеера В. И. Назимову от 7 августа 1861 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378. ПО, 1861 г., д. 81, л. 16).

225

1861 г. октября 4.— *Донесение и. д. гродненского губернатора Э. Г. Бялоцкого В. И. Назимову о манифестации гродненских жителей при выезде из Гродно б. губернатора И. А. Шпеера*¹

Секретно

К числу весьма прискорбных событий, заявляющих существующий здесь дух своеволия, следует отнести случившиеся 2 сего октября в Гродно два происшествия, о коих, кроме телеграфического извещения, я тотчас не мог донести в. вп. по неимению сведений о подробностях дела.

Хотя и в настоящее время неизвестно мне о всех виновных, не менее того однако долгомставляю донести в. вп. о следующем: с некоторого уже времени по увольнении д. с. с. Шпеера от должности начальника губернии стали распространяться глухие слухи об ожидающей его при отъезде неприятности, но все полагали, что это только толки не вероятные, не заслуживающие уважения. Накануне отъезда разнесся слух, что многие ночью ожидали на улицах проезда, поэтому на другой день, т. е. 2 октября, когда стало всем известным о выезде губернатора, военное начальство распорядилось об учреждении караулов на заставе, предполагая оградить д. с. с. Шпеера от каких бы ни было неприятностей, но между тем вся публика отправилась заранее в лежащую на Виленской дороге за 4 версты от города корчму Урбановку, где и ожидала прибытия губернатора.

Начальник 3-й дивизии ген.-лейтенант Гольтгоер, узнав об этом, отправился лично пешком в корчму Урбановку, где и застал всю публику числом около 150 человек (в том числе и женщин) в саду около корчмы. После разных возгласов, криков, брани и разного рода нареканий², выходящих из толпы, ген. Гольтгоер внушил им все неприличие, противузаконность и бессмысленность задуманного ими проступка и едва при большом усилии успел взять со всех честное слово, что они ничего дурного при проезде губернатора делать не будут, после чего возвращался вместе [с] целой толпой в город, как вдруг показался им навстречу экипаж губернатора.

Тут некоторые хотели вернуть свое честное слово, но другие вступились за сохранение его, двое, однако, из толпы, именно вольнонаемный писец частного пристава Петрашкевич, актер Бурбекль, несмотря на то, что прочие сотоварищи их удерживали, бросились на экипаж, стараясь задержать лошадей, и хотя были отбиты кнутом ямщика, однако начали кричать и на уходящий экипаж бросать песком и камнями. К счастью, в экипаже этом сидел только полицейский служитель, сам же губернатор в сопровождении гродненского земского исправника Магнуса и в его повозке проехал другой, партикулярной³ дорогой на выезде к первой станции, где и доехал благополучно.

Обо всем этом я доношу в. вп. только на основании рассказа ген. Гольтгоера, потому что официального донесения о том ни от кого мною не получено.

Правда, что у толпы замечаемы были некоторые инструменты для произведения кошащей музыки, но тем ли ограничились бы намерения собравшейся в таком числе толпы, предвидеть невозможно, и, судя по ярости и состоянию большей части в пьяном виде, следует предполагать, что затеи эти могли кончиться большим несчастьем.

Несмотря, однако, на данное ген. Гольтгоеру слово быть спокойными и не делать никаких беспорядков, за наступлением сумерек того же дня, неизвестно, та ли самая толпа или уже другая, выбила стекла в квартирах б. здешнего вице-губернатора Рожнова, инспектора классов в гимназии Макса и гродненского исправника Магнуса; виновных в том и другом происшествии никого не замечено.

Почтительнейше донося о всем вышеизложенном на благоусмотрение в. вп., считаю долгом доложить, что виновные в явном нападении на губернаторский экипаж Бурбекль и Петрашкевич, из коих последний прежде всего позволил себе произносить разные ругательства при выезде губернатора, и о которых получено особое донесение гродненского полицмейстера, арестованы мною и содержатся в тюремном замке впредь до дальнейшего приказания в. вп. и что их следовало бы выслать в отдаленные места. Равным образом, по важности происшедших беспорядков, не признано ли будет в. вп. соответственным командировать от себя военного штаб-офицера для открытия всех лиц, участвовавших в толпе, предполагавшей сделать нападение на экипаж б. губернатора, и предать всех их затем действительно по закону ответственности, что едва ли будет достигнуто при отдаче их вновь учрежденному полицейскому суду, а между тем не благоугодно ли будет отрядить,

² Здесь в смысле — окойной.

буде это возможно, хотя полсотни казаков для разъездов по городу, на место выбывших отсюда в Ломжу.

За гражданского губернатора
председатель казенной палаты Бялоцкий

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, оп. 219, д. 78, лл. 3—5. Подлинник

¹ Об этой манифестации см. так же, ПО, 1861 г., д. 160, лл. 39—41; ф. 439, оп. 1, д. 78, лл. 23—26; ГАГК, ф. 50, оп. 1, д. 15435, л. 6.

² Участники манифестации протестовали против злоупотреблений полицейских чиновников при расквартировании нижних воинских чинов, а также требовали увольнения от должности гродненского полицмейстера Змеева (ЦГИА Лит. ССР, ф. 439, оп. 1, д. 78, лл. 8—9).

226

1861 г. ноября 16.—Донесение белостокского жандармского штаб-офицера С. И. Штейна в III отделение об агитации среди казенных крестьян уезда против выкупа находившейся в их пользовании земли

Секретно

Вице-директор 2-го департамента государственных имуществ статский советник Войткунский в бытность свою в гор. Белостоке в половине минувшего сентября месяца объявил в некоторых сельских обществах, что правительство, постоянно заботясь о благосостоянии и быте казенных крестьян, намерено предоставить им право выкупить их усадьбы, о чем в скором времени и последует особенное положение.

Эта правительственная мысль, переданная казенным крестьянам статским советником Войткунским, чрезвычайно обрадовала крестьян и перешла во все общества, так что из многих тотчас же были поданы просьбы о их согласии и предоставлении им права выкупа усадеб, не желая даже пользоваться предоставленными на сей предмет льготами.

Вскоре после того в обществах между крестьянами начали носиться какие-то нелепые толки, распространенные какими-то злоумышленными лицами, которые, по-видимому, старались поселить в крестьянах недоверчивость к правительству; в чем заключались эти толки и кем распространены, я на первых порах узнать не мог, но, следя постепенно за характеристикой и духом крестьян, узнал, что толки эти вышли не от них самих, а переданы им высшим сословием и, по всему вероятно, польскими выходцами, прибывшими для работ при устройстве железной дороги. Они заключаются в следующем: а) будто бы Россия нуждается в деньгах, и потому правительство, зная, что у крестьян осталась звонкая монета, желает продать казенную землю для поддержания кредита и б) что Польша и Литва отойдут от России и образуют одно Польское королевство, и тогда король неминуемо потребует от крестьян обратно выкупленной ими земли или вторичной платы за оную¹.

Донося о сем в. с., честь имею почтительнейше доложить, что, сколько я мог заметить, крестьяне, несмотря на распространившиеся толки, вообще расположены к правительству, а что касается до высшего сосло-

вия (дворян), то умы их, поддерживаемые какими-то злоумышленниками, остаются в каком-то ожидании.

Майор Штейн

ЦГАОР ССР, ф. 109-ц, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 4, лл. 30—31 об. Подлинник

¹ Подобные мысли высказывались в листовке «*Ostrzeżenie*», изданной в Варшаве 15 октября 1861 г. Очевидно, толки были порождены этой листовкой. Копия листовки хранится в ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, л. 82. О принятии мер против распространения среди государственных крестьян Гродненской губ. прокламаций по поводу выкупа состоявшей в их пользовании земли говорится в отношении управляющего Гродненской палатой государственных имуществ губернатору А. М. Дренякину от 15 ноября 1861 г. (ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 4, л. 36 и об.).

227

1861 г. ноября 30.—Донесение С. И. Штейна В. А. Долгорукову об обнаружении у крестьян «Гуторки двух соседей»

Секретно

Распространившиеся в народе толки о восстановлении Польши, самостоятельности ее и ниспровержении власти правительственной не прекращаются, а, напротив, поддерживаемые злоумышленниками, продолжают, которые, стараясь поселить окончательно не только в высшем сословии, но и между крестьянами ненависть к правительству, распускают разные пасквили и, печатая их, подбрасывают по разным местам в различных наименованиях, из числа коих в настоящее время мне удалось достать один экземпляр на польском языке под заглавием «*Nitorka dwóch susiedow*» («Разговор двух соседей») ¹, каковой в. с. при сем представляя ², честь имею почтительнейше доложить, что на крестьян здешнего уезда, сколько я мог заметить, подобные пасквили не произвели особенного впечатления, а, напротив, они, оставаясь послушными, исполняют до сего времени все лежащие на них повинности.

Майор Штейн

ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, 1 эксп., 1861 г., д. 531, л. 1 и об. Подлинник

¹ В документе ошибочно указано: «Гуторка двух соседей» издавалась на белорусском яз., печаталась польским шрифтом (см. док. 38).

Об обнаружении «Гуторки» в Белостокском у. в декабре 1861 г. говорится в акте белостокского земского исправника Загорянского и поручика Кинареева от 19 декабря, донесениях белостокского жандармского штаб-офицера Штейна В. А. Долгорукову от 26 декабря 1861 г., 8 января 1862 г., представлении гродненского губернатора А. М. Дренякина В. И. Назимову от 1 января 1862 г. и др. (ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1140, лл. 12—13, 25—26; ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, 1 эксп., 1861 г., д. 531, лл. 16—18, 23, 27; ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 28, л. 65 об.).

В июне 1862 г. «Гуторка» была обнаружена в дер. Лозово Сокольского у. у крестьянина Голозны (ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, л. 164).

20 июля 1862 г. об обнаружении «Гуторки» на казенной ферме Кумяля Сокольского у. В. А. Долгорукову сообщал жандармский офицер Штейн. В частности, он доносил: «Рядовой Старингерманландского ген.-адъютанта кн. Меншикова пехотного полка 1-й роты Патрикеев отобрал возмутительный листок на польском диалекте под заглавием «Разговор двух соседей» у крестьянского мальчика Барткулевича (иначе — Барткутя), который объявил, что листок этот он достал в им. Кумяля помещика Михайловского у его работника Павла Хоцкого, переписавшего этот листок с печатного. Рядовой Патрикеев, представляя по начальству этот листок, пояснил, что жители Скиндзерского

общества обвиняют в выпуске таких листов помещика Михайловского, так как он весьма часто ездит в Варшаву и оттуда привозит и раздает возмутительные сочинения» (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 531, лл. 30—31).

² См. там же, лл. 2—3.

228

1862 г. января 25.— Отношение В. И. Назимова П. А. Валуеву о продлении военного положения в Гродненской губ.

Секретно

На отношение в. вп. от 12 сего января за № 76¹, в коем изволите просить уведомления, не признаю ли я наступившим время снять военное положение с Гродненской губ., на основании полученных донесений от начальника оной с 1 ноября минувшего года, имею честь вас, м. г., уведомить, что хоть прекратились пения возмутительных гимнов и другие противоправительственные манифестации, но не изменился еще к лучшему враждебный дух жителей и тайных совещаний некоторых людей высшего сословия, а также римско-католического духовенства о будущих действиях. Посему и принимая во внимание, что происходившие во вверенном мне крае беспорядки были постоянным отголоском варшавских событий и что заявления в западных губерниях империи возникали под влиянием и по подстрекательству злоумышленников Царства Польского, я, со своей стороны, полагаю, что военное положение во вверенном мне крае, ограждая со времени объявления оного мирных жителей от бесчинств и насилий людей, возмущавших общественное спокойствие, обуздывая также дух своеволия и непокорности власти в сих последних, чему доказательством служит восстанавливающееся с тех пор видимое спокойствие, может быть снято не прежде как по возвращении совершенного порядка и безусловной покорности правительству жителей Царства и по предварительном снятии с оного военного положения, ибо удобнее действовать при существующих мерах, вызванных однажды необходимостью, нежели, доверившись тишине, ничем еще не обеспеченной, снять военное положение, а потом в случае каких-либо новых волнений прибегать опять к той же крайности, которая тем более обратит на себя внимание и придаст настойчивости жителей повсеместное, особой важности значение.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 2, л. 321. Отпуск

¹ См. там же, л. 320.

229

1862 г. января 26.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о подговоре экономом В. Гуппе крестьян им. Анусин Бельского у. к нападению на расквартированных в имении солдат

По рассмотрении следственного дела, произведенного в военном ведомстве об экономе им. Анусин Владимире Гуппе, оговоренном в наущении крестьян вырезать солдат, в том имении квартирующих, оказалось:

рядовые Великолуцкого пехотного полка Александр Верюжский и Антон Думанский донесли по команде о слышанном ими рассказе от крестьян дер. Великая Слоха Ивана Чиринды и дер. Русский Боратынец Петра Гайкало, будто бы упомянутый эконоом 30 августа в фольв. Анусин подговаривал некоторых крестьян убить топорами и косами 10 солдат и, отняв у них оружие, предать смерти еще 20 и так далее, пока не будет уничтожен целый полк, чтобы таким образом можно было бы освободить Польшу.

Крестьяне Чиринда и Гайкало отозвались, что о вышеизложенном подговоре эконома Гуппе они узнали по рассказу от крестьян Корнилы Кички, Антона Салостяка, Григория Оксентюка и Федора Кондратюка. Эти же последние, кроме Кондратюка, показали, что 30 августа при бытности их на работе в сказанном Анусине, действительно, эконоом Гуппе, обратясь к одному из них, крестьянину Кичке, говорил, что они хорошо бы сделали, если бы косами и топорами убили 10 солдат, потом с отнятым оружием убили бы других 20 и так далее, пока не был бы уничтожен весь полк, а после можно было бы возвратить целую Польшу. При этом крестьянин Кичка добавил, что Гуппе перешел к сему разговору тогда, когда он, Кичка, на вопрос Гуппе, какой в тот день был праздник, ответил, что св. Александра, — какового праздника во время унии не было.

Эконоом Гуппе в таковом подговоре не сознался, объясняясь, что это обвинение взвел на него по злобе крестьянин Корнилий Кичка, которого он поймал в краже хлеба, железа и сена, и что при теперешнем появлении недоброжелательных чувств крестьян к помещикам они негодуют и на него, Гуппе, как человека, имеющего неусыпный надзор за интересами помещика. В доказательство же нерасположенности к нему поименованных крестьян, и преимущественно крестьянина Кички, он, Гуппе, привел то, что за несколько дней до сделанного сказанного оговора они в м. Семятичи в шинке Зельмана Розенталя говорили между собой, что погубят его, Гуппе, о чем сообщил ему, Гуппе, волостной писарь дворянин Петр Белявский, который вместе с мещанином Иосифом Чайковичем и евреями Лейзером Бляхом и Абрамом Резником слышали этот разговор.

Чтобы крестьянин Кичка был пойман эконоом Гуппе на воровстве, этого по исследованию не открыто, дознано же только то, что малолетний сын сего крестьянина на дворовом пастбище накопил на постель 2 вязанки сена, каковое и было отобрано дворовым управлением. Касательно же похвалок сих крестьян погубить Гуппе, свидетели, на которых последний сослался, под присягой показали, что в половине минувшего августа слышали, действительно, как крестьянин Кичка говорил в м. Семятичи в шинке Розенталя, что Гуппе нужно погубить, потому что он из числа тех людей, которые лишние для их брата.

Из приложенных к делу сведений о Гуппе видно, что он сын отставного майора 2-го пехотного полка б. Герцогства Варшавского, проживает в Бельском у. по билету, выданному ему войтом Саранской гм. от 3 (15) сентября 1861 г. сроком на 3 месяца.

Военный начальник гор. Бельска с уездом командир Великолуцкого пехотного полка полковник Нелидов, находя, что по делу нет совершенных доказательств и улик к изобличению Гуппе в злонамеренности к русскому правительству, а между тем можно допустить и то,

что он мог отзываться пред крестьянами об уничтожении войска, он, Нелидов, полагает мнением, не предавая Гуппе военному суду, выслать в гм. Прушин Люблинской губ. Царства Польского, где, как видно по билету, он прежде находился.

Признавая, что по важности сделанного оговора на эконома Гуппе в сообщении крестьянам злонамеренной мысли и равносильном со стороны того Гуппе обвинении самих крестьян в заговоре против него, дело должно быть рассмотрено военным судом и наказание виновным определено по закону, я предложил начальнику Гродненской губ. сделать распоряжение о предании сказанного Гуппе военному суду при Великолуцком пехотном полку арестованием, с тем чтобы суд в производстве об нем дела руководствовался общими правилами военно-уголовного судопроизводства, но приговор постановил по полевым законам на основании высочайшего повеления, объявленного мне в отзые г. министра внутренних дел от 24 минувшего декабря за № 1672¹.

О вышеизложенном имею честь уведомить в. с. в дополнение отношения моего от 19 прошлого сентября за № 814, присовокупляя, что о последствиях решения сего дела я не оставляю сообщать вам, м. г., своевременно.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 349, лл. 4—7. Подлинник

¹ См. там же, лл. 1—3.

230

1862 г. января 26.—Донесение гродненского губернатора А. М. Дренякина В. И. Назимову об отказе крестьян им. Сливна Белостокского у. избрать уполномоченных для проверки уставной грамоты.

Мировой посредник 2-го участка Белостокского у. довел до сведения моего, что он, получив от гр. Старжинского уставную грамоту для им. Сливна помещицы графини Красинской, прибыл в им. Сливна для проверки на месте и объявления оной крестьянам, для чего собраны были крестьяне для выбора, согласно 48-й ст. Правил о порядке приведения в действие Положения,—6 уполномоченных; но несмотря на все убеждения и внушения они от выбора решительно отказались и потребовали, чтобы грамота была прочтена всему обществу. Снисходя к таковому их желанию, начато было чтение грамоты, но при самом начале многие из крестьян начали делать безосновательные возражения и, не обращая никакого внимания на все убеждения и разъяснения, все самовольно разошлись по домам, не выслушав грамоты.

Вследствие чего в бытность мою в гор. Белостоке 12 января вытребованы были мною в городе по выбору самих временнообязанных крестьян того имения до 15 домохозяев вместе с сельским старостой и местным волостным старшиной, где лично разъяснял им о необходимости в точности исполнять правила, указанные в высочайше утвержденном Положении о том, что непременно они должны избрать 6 уполномоченных для проверки уставной грамоты и о той ответственности, какой они подвергаются за ослушание. Таковые мои увещевания имели, по-видимому, некоторое действие.

Но несмотря на это, 20 января, когда мировой посредник вместе с земским исправником вновь прибыл в им. Сливна, где собраны были посредством волостного старшины крестьяне для выбора уполномоченных и для поверки через них уставной грамоты при поверенном графини Красинской гр. Старжинском и при добросовестных посторонних свидетелях из соседственных деревень, то крестьяне снова решительно отказались от выбора уполномоченных, будучи к тому подстрекаемы, как видно из акта, составленного 20 января мировым посредником, земским исправником при гр. Старжинском, крестьянами в числе 5 человек, в особенности Панасом, для обуздания которого приказано было волостному старшине доставить его в гор. Белосток, но тут крестьяне объявили, что они не дадут Панаса или же все вместе с ним пойдут в город. Наконец, по предъявлении им уставной грамоты они вновь отказались выслушать оную и самовольно разошлись.

Для обуздания упорства временнообязанных крестьян, отказавшихся выбрать согласно означенной 48-й ст. из среды себя уполномоченных для проверки уставной грамоты, о необходимости чего я сам лично им разъяснял и для предупреждения столь вредного примера для всего уезда, примера послушания даже меня, я вынужденным нашелся двинуть двс роты (из Хороши и Туроснь-Дольны) Псковского пехотного кн. Кутузова-Смоленского полка в им. Сливна для размещения их там экзекуционным постоем, причем просил мирового посредника по прибытии в то имение войска пригласить с собой земского исправника и употребить все меры кротости к убеждению крестьян безоговорочно исполнить по высочайше утвержденному Положению. Если же за сим крестьяне останутся в прежнем послушании против законоположений, то чтобы за содействием обратился к земскому исправнику, которому дано мною соответственное предписание, а также предложено белостокскому военному начальнику и тамошнему штаб-офицеру корпуса жандармов отправиться в им. Сливна для совместного распоряжения к понуждению крестьян.

Доводя до сведения в. вп. о вышеизложенном, имею честь представить при сем на благоусмотрение копии с данных мною по сказанному предмету предложений полковнику Деконскому, майору Штейну, мировому посреднику и земскому исправнику за № 396, 416, 417, 418 и 419¹.

Свиты е. в. ген.-майор Дренякин

ЦГНА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 146, лл. 1—3. Подлинник

¹ См. там же, лл. 4—11.

231

1862 г. февраля 10.— Докладная записка С. И. Штейна В. А. Долгорукову о революционной деятельности Б. Шварце в Белостоке

Прибывший в 1860 г. в гор. Белосток в качестве французского подданного Бронислав Шварц служит по настоящее время при устройстве С.-Петербург-Варшавской ж. д. чертежником и состоит под

Бронислав Шварце

секретным надзором по предписанию б. начальника 4-го округа корпуса жандармов от 3 мая 1860 г. за № 175.

Следя постоянно как за ним, так и за прочими польскими выходцами, узнал следующее: что Шварц более других принимал участие в бывших в гор. Белостоке в прошлом 1861 г. беспорядках¹, участвовал в пении патриотических песен, ходил с процессиями и, как слухи носят, будто бы раздавал медали с изображением изломанного креста. Со времени же введения военного положения, когда беспорядки прекратились, то Шварц не мог, видимо, действовать на умы молодых людей, а тем самым и принимать открыто участие.

В настоящее же время некоторые, ближе знакомые со Шварцом, рассказывали, что он будто бы по знакомству с варшавскими типографщиками, издававшими разные брошюры, имел таковые у себя, раздавал некоторым лицам читать и переписывать. Это обстоятельство может заслуживать вполне вероятие, потому что 5 сего февраля, когда по железной дороге провозили под конвоем из Варшавы сужденных в солдаты в числе 11 человек, он два раза подходил к ним и раскланивался. Заметя это, военный начальник полковник Деконский сделал ему замечание, но Шварц в оправдание себя объяснился, что в числе их был знакомый ему б. университетский студент.

По расспросам моим относительно объяснения Шварца оказалось, что в числе означенных рекрут не было ни одного студента, а только 10 человек из простого сословия и один типографщик по фамилии Пац, которому именно он кланялся; следовательно, можно полагать, что Шварц, будучи с ним знаком, мог, действительно, иметь брошюрки и раздавать другим.

О чем в. с. почтительнейше донося, честь имею доложить, что я считаю поведение Шварца вообще подозрительным в патриотических отношениях².

Подлинную подписал и с подлинною верно
майор Штейн

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 31, лл. 3, 5. Заверенная копия

¹ Наибольшее оживление в политической жизни Белостока, по выявленным документам, наблюдалось в марте, июле и августе 1861 г. (см. док. 205, 209, 210, 215, 219 и примечания к ним).

² Об участии Б. Шварце в манифестациях, распространении им в Белостоке сведений о событиях в Варшаве и других «политических беспорядках», о намерении выслать Шварце за границу см. отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову от 15 июня 1862 г., рапорты гродненского жандармского штаб-офицера Прасолова В. И. Назимову от 31 июля 1861 г., белостокского жандармского штаб-офицера С. И. Штейна А. М. Дренякину от 4 марта 1862 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 31, лл. 2, 9; 1861 г., д. 80, ч. 1, лл. 143—144). Царским властям не удалось в то время раскрыть полностью конспиративную деятельность Шварце, который в 1861 г. создал в Белостоке революционную организацию. В устроенной им типографии была отпечатана, в частности, «Гуторка старого деда» на белорусском яз. В мае 1862 г. предупрежденный о готовящемся аресте, Б. Шварце успел скрыться и с тех пор под чужими фамилиями вел конспиративную работу в варшавском Центральном Национальном комитете. Б. Шварце, как представитель ЦНК, вел переговоры с представителями Литовского провинциального комитета (док. 65). В декабре 1862 г. Б. Шварце был арестован. См. воспоминания Б. Шварце в сб. «W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego. 1863—1903. Lwów, 1903, а также О. П. Морозова. Материалы к биографии Бронислава Шварце.— В сб. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов», М., 1960.

232

1862 г. марта 7.— Жалоба поверенного помещицы им. Хорош Белостокского у. графини Пшездецкой Ф. Высокинского В. И. Назимову о захвате крестьянами помещичьей земли и леса

Крестьяне им. Хорош в 1850 г. завели с вотчинницей им. Хорош иск о свободе, а решением гражданской гродненской палаты признаны крестьянам мещанские права, но собственность земли, отданной им в оброчное пользование, присуждена вотчиннице им. Хорош. Однако ж как вотчинница, так и крестьяне местечка на вышеприведенное решение подали апелляционную жалобу в правительствующий Сенат в узаконенный срок, следствием чего решение палаты не имеет законной силы и остается без исполнения. Несмотря на это, крестьяне м[естеч]ка со дня решения начали своевольно и незаконно разрывать все поземельные отношения и, завладев не только землей, отданной им издревле в

пользование, но и собственными дворовыми лугами, не только отказываются от всех повинностей, означенных в инвентаре, высочайше утвержденном, но нападают насильно на лес, луга, принадлежащие вотчиннице, разбивают и угрожают служителям ее, не чувствуя над собой никакой законной власти, управляют самовольно, составляют между собой незаконные договоры на землю, собирают складки, разграбили сельский запасной магазин.

От имени вотчинницы, верительницы моей, обиженной в служащих ей существенных правах, приходил я неоднократно с жалобами как к г. гродненскому губернатору от 30 августа 1861 г., так и в местную земскую полицию, но действия сей последней не имели никакого влияния на самовольных крестьян м[естеч]ка.

Итак, в течение 1861 г. подал я следующие жалобы и прошения:

1. Г. приставу 2-го стана марта 21 о задержании 3 лошадей в лесу с похищенным деревом чрез крестьян м[естеч]ка Казимира Кучинского, Андрея Зиновича и Адольфа Мнишко.

2. В Белостокский земский суд апреля 20 д[ня] о самоуправии крестьян Фомы Амброжевича и Мартына Романовского в отобрании у крестьянина Франца Амброжевича участка земли.

3. Г. исправнику Румелю 15 июня о принуждении крестьян м[естеч]ка к платежу следуемого по инвентарю оброка и отбытию семидневной повинности и о насильном завладении сенокосными лугами вотчинницы имения, на которых собиралось до 2000 пудов сена.

4. Приставу 2-го стана июля 1 дня о поимании стражника лесов Саваневского и задержании его 3 дня в колодках и избитии крестьянином] Бусловским.

5. Тому же — о самовольном насильном завладении кобылицы у Кучинского и продаже оной с торгов.

6. Судебному следователю и в земский суд 14 октября — о 3 лесных покражах, [учиненных] в течение одной недели Иосифом и Викентием Осташевскими, соединенных с избитием стражника Саваневского.

7. Белостокскому земскому исправнику 4 января 1862 г. о самовольной уборке 200 возов сена из лугов вотчинницы, отданных крестьянам сверх инвентарного надела за особую плату.

8. В Белостокский земский суд 22 декабря о понуждении к платежу чинша и за неотработанные сгонные дни.

9. В Белостокский земский суд о нападении крестьян на пахающих дворовую землю крестьян дер. Барцево, о нападении на лес вотчинницы и насильном увезении дерева под предлогом, что это их земля и лес.

10. Г. земскому исправнику января 9 д[ня] о покраже дерева Осташевским и разграблении дерева, оставленного Пятилоцким, до производства следствия с поруганием эконома.

Наконец, 7 февраля с. г. подал жалобу лично г. гродненскому губернатору, в которой, выразив все вышеописанное, просил я о заставлении временнообязанных крестьян м. Хорош к исправному отбыванию лежащих на них повинностей, о вознаграждении и возвращении самовольно заграбленных лугов верительнице моей и вообще о пресечении их самовольных действий через скорое обсуждение заведенных дел в Белостокском земском и уездном судах, равно как и иска о земле в правительствующем Сенате. Но как до сих пор не имею ника-

кого удовлетворения, а между тем крестьяне м. Хорош, собираясь в шайки по несколько за 10 человек, постоянно нападают [на] лес вотчинницы, о чем 24 февраля с. г. подал я новую жалобу г. белостокскому земскому исправнику, вследствие которого не назначено до сих пор формального разыскания, то доведен до крайности: прибегаю к в. вп. с покорнейшей просьбой о покровительстве и защите имения вверительницы моей от совершенного разорения. Причем имею честь присоветовать, что прежние гг. начальники губернии неоднократно изволили убеждаться лично как о несправедливости подаваемых крестьянами м[естеч]ка жалоб, так и о упорстве в отбывании повинностей, означенных в инвентаре, и г. начальник губернии 1857 г. июня 18 дня за № 5397 предложил г. белостокскому предводителю дворянства при содействии земской полиции принять зависящие меры к заставлению крестьян к платежу оброка и исполнению других повинностей, в инвентаре означенных.

Теперь же, не признавая никому над собой законной власти, своеволие их дошло до той степени, что, несмотря на объявленное им высочайше утвержденное Положение о крестьянах 19 февраля 1861 г., до сих пор ослушиваются в устройстве сельского общественного управления, в выборе старосты и должностных лиц, не уважая ни земской полиции, ни мирового посредника, ни предписания г. начальника губернии. В. вп., это не обыкновенные проступки одного или нескольких крестьян, но коммунистическая война, объявленная помещице, систематически ведена целым обществом, увеличивающаяся со дня на день, а потому покорнейше прошу в. вп., убедившись о правде всего вышесказанного, велеть принять решительные меры для прекращения зла, которое сообщается и окрестным крестьянам им. Хорош.

Поверенный графини Пшездецкой Феликс Каетанов
сын Высокинский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ОО, 1862 г., д. 920, лл. 1, 3. Подлинник

233

1862 г. марта 7.—*Рапорт гродненского уездного военного начальника А. А. Чертова А. М. Дренякину об обнаружении у солдата К. Емельянюка в Гродно прокламации «Что надо делать войску?»*

Весьма секретно

Вчерашнего числа вечером во время отправления вечернего богослужения в здешнем фарном костеле был в оном вверенного мне полка цирюльник второго комплекта Кирило Емельянюк и, возвратившись оттуда в казармы, нашел в боковом кармане шинели неизвестно ему кем туда вложенную литографованную брошюру под названием «Что надо делать войску?»¹, которую он тотчас же по приходе в казармы старшего фельдшера Сафонова предъявил ему, а последний представил оную ко мне.

О чем донося в. п., честь имею присовокупить, что мной вместе с сим означенная брошюра представлена при рапорте за № 42 г. начальнику 3-й пехотной дивизии.

Полковник Чертов

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, л. 126. Подлинник

¹ Воззвание «Что надо делать войску?» широко распространялось в Гродненской губ. Об обнаружении воззвания в Гродно в марте 1862 г., кроме публикуемого документа, сообщается в рапорте начальника 3-й пехотной дивизии командиру 1-го армейского корпуса от 9 марта и предписании В. И. Назимова гродненскому губернатору И. В. Галлеру от 26 марта (ЦБ АН Лит. ССР, ф. Вх, д. 3, л. 1; ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, л. 133).

В апреле воззвание было обнаружено в разных полках, расположенных в Белостоке и Бельске. Об этом говорится в рапорте бельского уездного военного начальника Нелидова гродненскому губернатору И. В. Галлеру от 12 апреля и донесении И. В. Галлера В. И. Назимову от 16 апреля (ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, л. 137; ЦБ АН Лит. ССР, ф. Вх, д. 3, л. 8).

О распространении воззвания в Сокольском и Слонимском у., в том числе среди солдат батареи 3-й артиллерийской бригады, расположенной в Слониме, имеются сведения в донесении И. В. Галлера В. И. Назимову от 2 июля и рапорте слонимского городского Баженова И. В. Галлеру от 14 июля (ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, лл. 162, 168).

234

1862 г. апреля 29.—Предписание В. И. Назимова гродненскому губернатору И. В. Галлеру о выселении из м. Свислочь Иллаковичевой, Савицкой и Нарбут за антиправительственную агитацию среди учащихся прогимназии

Секретно

Дошло до моего сведения, что проживающие в м. Свислочь две молодые вдовы, Иллаковичева и Савицкая, а равно сестра первой Кристина Нарбут замечены в покушении вовлечь учеников местной прогимназии в разные политические манифестации, для чего, заводя с ними знакомство, внушают им преступные свои мысли и читают им разные возмутительные прокламации. Последствия такого вредного влияния выразились тем, что 25 минувшего марта в воскресенье вечером возобновлено было в местном костеле пение учениками высших классов прогимназии возмутительного гимна под предводительством Иллаковичевой и ее сестры.

Хотя об этом обстоятельстве мной не получено от в. п. никакого донесения, но за всем тем, признавая дальнейшее пребывание указанных женщин в м. Свислочь весьма вредным, я покорнейше прошу вас, м. г., распорядиться о немедленном удалении их оттуда в другие уездные города вверенной вам губернии по ближайшему вашему усмотрению с учреждением над ними строгого полицейского надзора.

Ген.-адъютант Назимов

Резолюция И. В. Галлера 3 мая. Предписать исправнику доставить этих женщин в Волковск, а городничему учредить за ними строгий полицейский надзор и о том уведомить г. ген.-губернатора.

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 34, д. 49, л. 1. Подлинник

1862 г. мая 3.—*Рапорт брестского земского исправника Маслова И. В. Галлеру об обнаружении «Гуторки старого деда»*

Секретно

В. п. имею честь представить при сем найденную приставом 5-го стана на Белостокской почтовой дороге книжку, печатанную польскими литеррами на простом крестьянском наречии под заглавием «Гуторка старого дзеда»¹, докладывая при том, что по строгому местному розыску властителя оной не обнаружено.

Земский исправник Маслов

Резолюция И. В. Галлера 12 мая. Представить г. ген.-губернатору и о том упомянуть в донесении мин[истру] в[нутренних] дел, которое также препроводить в копии г. глав[ному] нач[альнику] края.

Помета Мая 18 дня. Донесено м[инистру] в[нутренних] дел, № 331, ген.-губернатору — № 330.

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, л. 146. Подлинник

¹ «Гуторка старого деда» — брошюра на белорусском яз., шляхетско-революционного направления. Отпечатана Б. Шварце в Белостоке (см. примечания к док. 231).

1862 г. мая 5. Белосток.—*Донесение А. М. Гильдебранта В. А. Долгорукову о демонстрации учащихся белостокской гимназии, распространении воззваний и отказе крестьян Гродненской губ. от введения уставных грамот*

Секретно

В бытность мою на сих днях в Гродно проезжавший в Вильно директор белостокской гимназии Ган жаловался мне на жестокие поступки с гимназистами белостокского военного начальника полковника Деконского, приказавшего казакам без уважительного повода избить нагайками учеников, собравшихся около его квартиры с той только целью, дабы проститься с товарищами, отправляемыми по распоряжению Деконского из Белостока и исключенными из гимназии за отлучку, вопреки запрещения училищного начальства, в костеле, где отправлялось 21 минувшего апреля (3 мая по н. ст.) богослужение в память польской конституции¹. Не удовольствовавшись этим истязанием, полковник Деконский приказал поставить военную экзекуцию в некоторые дома, где квартируют гимназисты. Такое самоуправление и неуместная строгость вынудила его, Гана, отправиться в Вильно для принесения жалобы попечителю учебного округа.

Происшествие это известно в. с. из донесений белостокского жандармского штаб-офицера от 22 и 27 апреля за № 23 и 25² и с приездом моим вчерашнего числа в Белосток я удостоверился, что жалобы

Тана преувеличены и что Деконский, приказавший отправить из Белостока к родителям 6 исключенных из гимназии учеников, приглашал собравшуюся в этот день около его квартиры толпу разойтись, в отклонение демонстрации при отправлении из города гимназистов, но когда толпа не повиновалась, то он приказал 3 пешим казакам разогнать, причем казак ударил одного гимназиста нагайкой по руке, за то, как объясняет, что получил от него пощечину, более же ничего замечательного не случилось, и экзекуции никуда поставлено не было.

Вообще ученики здешней гимназии продолжают при каждом случае обнаруживать непокорный дух и патриотизм, противный видам правительства. В этом направлении подкрепляют их передаваемые тайком из рук в руки революционные воззвания и другие подобные сочинения, доставляемые по железной дороге из Варшавы. Кроме того, дошли до меня сведения, что предводители дворянства получают из Москвы воззвания и приглашения не ослабевать в надеждах на благоприятную перемену, потому что в России скоро будет объявлена конституция.

Крестьянское дело подвигается в Гродненской губ. медленнее, нежели в других литовских. Только в 47 поместьях введены, и то после усиленных стараний со стороны посредников, уставные грамоты. Помещики говорят единогласно, что и этот маловажный успех не обещает прочности, так как крестьяне усвоили себе идею, что в марте будущего года последует от царя новый указ, которым будет предоставлена вся земля в их собственность без всякого кому-либо возмездия. Они не имеют никакого доверия к помещикам, ни к посредникам и убеждены, что лица эти стараются о введении грамот из своих собственных корыстных видов.

О чем в. с. почтительнейше донести честь имею.

Ген.-майор фон Гильдебрант

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 481, лл. 10—11 об. Подлинник

¹ См. прим. 3 к док. 8.

² 22 апреля белостокский жандармский штаб-офицер доносил «об ослушании учеников белостокской гимназии». В донесении от 27 апреля сообщается об исключении шести учащихся из белостокской гимназии и высылке их на родину (см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп. 1861 г., д. 481, лл. 6—9).

237

1862 г. мая 29.—*Рапорт гродненского уездного военного начальника А. А. Чертова И. В. Галлеру о прокламации «К русским войскам в Польше», найденной на дороге между Белостоком и почтовой станцией Букштен*

Командир 1-й стрелковой роты вверенного мне полка штабс-капитан Папкевич рапортом от 25 мая с. г. за № 105 донес, что во время следования вверенной ему роты от гор. Белостока на почтовую станцию Букштен стрелок Федор Дудун поднял на дороге неизвестно кем брошенное литографированное воззвание под заглавием «К русским войскам в Польше», которое тотчас же и представил ему.

О чем донося в. п., честь имею представить при сем литографированное на русском языке воззвание «К русским войскам в Польше», найденное рядовым Дудуном¹.

Полковник Чертов

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, л. 154. Подлинник

¹ По сообщению А. А. Чертова И. В. Галлеру, воззвание «Русским войскам в Польше» в июне 1862 г. было обнаружено солдатом И. Захаровым на Подольной ул. в гор. Гродно (ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, л. 166). Об обнаружении солдатом К. Хицинским воззвания «Русским войскам в Польше» в Бресте 8 июля 1862 г. доносил И. В. Галлеру брестский уездный военный начальник Вимберг (там же, л. 170). Текст воззвания см. «Русско-польские революционные связи», т. I, М., 1963, стр. 387—389.

238

1862 г. июня 12.— Донесение И. В. Галлера В. И. Назимову об обнаружении «Русской правды» на улице в Гродно

Найденный на улице гор. Гродно таможенным досмотрщиком возмутительный листок под заглавием «Русская правда»¹ имею честь представить при сем на благоусмотрение в. вп. [и] докладываю, что копия с этого листка вместе с сим препровождена г. министру ви[утренних] дел².

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, л. 158. Копия

¹ Текст листовки «Русская правда» № 1 опубл.: «Русско-польские революционные связи», т. I, М., 1963, стр. 134—135.

² В тот же день об обнаружении в Гродно «Русской правды» И. В. Галлер сообщил П. А. Валуеву (ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 31, л. 72).

239

1862 г. июля 20.— Донесение гродненского вице-губернатора В. И. Назимову об открытии студентом Петербургского университета А. С. Мейером тайной воскресной школы в дер. Белосточек Белостокского у.

Секретно

Находящийся в гор. Белостоке штаб-офицер корпуса жандармов майор Штейн донес г. начальнику губернии, что в Белостокском у. в казенной дер. Белосточек в доме каретного мастера Войницкого открыта уволенным из С.-Петербургского университета студентом Меером^a без дозволения начальства воскресная школа для обучения крестьянских мальчиков. По слухам, он, Меер, весьма подозрителен в политическом отношении, почему е. п. поручил майору Штейну с белостокским военным начальником полковником Деконским захватить школу и произвести у Меера обыск.

Ныне полковник Деконский донес, что 15 числа в 5 часов он, пригласив майора Штейна и старшего заседателя Белостокского земского

^a Помета карандашом Православного вероисповедания.

суда, отправился вместе с ними в казенную дер. Белосточек в дом ка- ретного мастера Войцицкого, где застали открытую Меером воскрес- ную школу и в оной учащихся 8 человек работников, а потому, заклю- чив об этом акт за общим подписом, допросили домовладельца Вой- ццкого и предложили вопросные пункты студенту Мееру. Видя же из ответов его, что им основана еще ремесленная библиотека, для коей производился им же и белостокским мещанином Лесевичем обществен- ный сбор, допросили посему и Лесевича. По сделанному же ими обыску найдены у студента Меера разного рода бумаги и азбука, у Войцицкого — одна книжка на польском языке без цензуры, печатан- ная в Познани, и у Лесевича — книжка для сбора денег на библиотеку.

Почему военный начальник предписал белостокским земскому ис- правнику и городничему отобрать от студента Меера и мещанина Ле- севича собранные ими деньги и закрыть воскресную школу и ремес- ленную читальню с объявлением по городу и уезду, чтобы подобных школ и общественных сборов допускаемо не было.

О всем вышеизложенном имею честь довести до сведения в. вп. и представить на благоусмотрение ваше акт о воскресной школе в дер. Белосточек, вопросные пункты, данные студенту Мееру, и ответы его на них, отобранные от Войцицкого и Лесевича показания, найден- ные при обыске книги и разные бумаги и представленные военным начальником копии с распоряжений его по настоящему делу¹.

И. д. губернатора вице-губернатор⁶

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 141, лл. 24—25. Подлинник

¹ См. там же, лл. 26—33.

240

1862 г. июля 22. — *Рапорт брестского земского исправника
Маслова И. В. Галлеру о распространении «Мужицкой
правды» в Вержховицкой вол.*¹

Секретно

Старшина Вержховицкой вол. Семен Дмитрук рапортом от 19 сего июля за № 1 донес приставу 4-го стана, что крестьянин дер. Березов- ка Мисей Гелич 10 сего июля, жавши на своем поле рожь, нашел в оной обернутый бумагой и крестообразно обвязанный ниткой возмущи- тельный листок под № 1, напечатанный польскими буквами на простом крестьянском наречии под заглавием «Мужицкая правда», каковой представил ему, приставу, объявив, что листки эти в 5 экз. найдены были на полях деревень Березовка, Ясеновка и Радовичи, из коих 3 экз. разорваны самими крестьянами, один отобран от мальчиков вержховицким кс. Желешкевичем, а пятый представлен в становую квартиру.

Представляя при сем означенный листок вместе с другими, взяты- ми от кс. Желешкевича, одного и того же содержания, имею честь поч- тительнейше донести, что по самотщательнейшему местному разыска- нию виновных в составлении и раскидании таковых листков по полям не обнаружено и что между крестьянами как означенных четырех дере-

⁶ Подпись неразборчива.

вень, так и других соседствующих, листки эти не произвели ни смятенный, ни вредных толков. Буде же впоследствии времени что-либо откроется по сему предмету, я не премину в свое время донести в. п.

Земский исправник Маслов

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, л. 173. Подлинник

¹ Обнаружение «Мужицкой правды» 10 июля 1862 г. в Вержховицкой вол. Брестского у. — первый известный случай ее распространения.

241

1862 г. июля 31. — Донесение И. В. Галлера В. И. Назимову о распространении в Белостоке воззвания Центрального Национального комитета о праздновании годовщины Люблинской унии

Секретно

Белостокский жандармский штаб-офицер майор Штейн представил мне копию с печатного объявления Центрального народного комитета на польском языке о порядке, в каком следует праздновать 31 число июля — день соединения Литвы с Польшей, присовокупив, что объявления эти доставлены были, как по собранным им из-под руки сведениям оказалось, из Варшавы по железной дороге.

Представляя при сем на благоусмотрение в. вп. упомянутую копию с объявления Центрального народного комитета¹, вмещаю себе в обязанность доложить для личных ваших соображений, что управление железной дороги, состоящее исключительно из людей польского происхождения и преимущественно из эмигрантов, действительно составляет непрерывную цепь тайных и верных сообщений, которым не могут противодействовать никакие усилия местного гражданского начальства, ибо люди эти, не подвергаясь никакому контролю, служат усердными агентами делу польских стремлений, и прекращение этого зла может быть обеспечено не иначе, как выбором людей, на преданность и добросовестность коих можно было бы с уверенностью положиться.

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, л. 180. Копия

¹ В деле не имеется. Воззвание, начинающееся словами: «Bracia, dnia 12 sierpnia obchodzimy...» см. W. Przyborski. Historia dwóch lat 1861—1862. t. V. Kraków, 1896, str. 481—482.

242

1862 г. сентября 7. — Донесение И. В. Галлера П. А. Валуеву об обнаружении в 10-й линейной роте, расположенной в с. Скоруп Гродненского у., прокламации «Духовное завещание поручиков Арнгольда и Сливицкого»

Секретно

Белостокский военный начальник полковник Деконский представил мне копию с возмутительного листка под заглавием «Духовное завещание поручиков Арнгольда и Сливицкого, унтер-офицера Ростковского

и рядового Шура»¹ [и] донес, что подлинный листок найден крестьянским мальчиком селения Скоруп Вицентием Городенским подле забора, недалеко от находящейся в том селении кухни 10-й линейной роты, отобран 28 августа поручиком Борковским в ротной канцелярии у писаря рядового Калашникова, передававшего этот листок для прочтения юнкеру Каминскому, и представлен полковником Деконским командующему 3-й пехотной дивизией.

Имею честь довести о сем до сведения в. вп. с представлением на благоусмотрение ваше копии вышеупомянутого листка и доложить, что об этом вместе с сим донесено г. ген.-губернатору.

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, л. 183. Копия

¹ Полное название — «Духовное завещание поручиков Арнольда и Сливицкого, унтер-офицера Ростковского и рядового Шура, погибших мученической смертью 16 июня 1862 г. в кр. Новогоргиевске». Прокламация издана в связи с казнью участников русской военно-революционной организации в Польше И. Н. Арнольда, П. М. Сливицкого и Ф. Ростковского (рядовой Л. Шур был сослан на каторгу). Текст листовки «Духовное завещание» см. «Русско-польские революционные связи», т. I, М., 1963, стр. 423—424. «Завещание» было обнаружено также солдатом 11-й линейной роты Псковского пехотного полка во время следования из Белостока в Кринки (ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, лл. 240, 243—244).

243

1862 г. октября 1. — Отношение П. А. Валуева В. А. Долго-рукову о распространении в Гродненской губ. революционных изданий, привозимых из Варшавы железнодорожными служащими

И. д. начальника Гродненской губ., донося мне, что возмутительные сочинения появляются почти исключительно в пограничных с Царством Польским уездах вверенной ему губернии, присовокупляет, что из этого следует заключить, что таковые сочинения печатаются в Царстве и привозятся оттуда по железной дороге, управление коей состоит преимущественно из эмигрантов польских, не отличающихся благонадежностью, большая часть из коих отдана под строгий секретный полицейский надзор, но надзор этот на самом деле не осуществим. Все они составляют, по отзыву ген.-майора Галлера, действительную непрерывную цепь тайных и верных сообщений, которым не могут противодействовать всевозможные усилия местного гражданского начальства, ибо люди эти, не подвергаясь при поездках своих никакому контролю, служат усердными агентами делу польских стремлений, и прекращение этого зла может быть обеспечено не иначе как выбором людей, на добросовестность и преданность к правительству коих можно бы было с уверенностью положиться. К сему ген.-майор Галлер присовокупил, что и по донесению белостокского жандармского штаб-офицера, представившего к нему 3 брошюры возмутительного содержания (2 номера «Мужицкой правды» и один — воззвания «К полякам» Центрального народного комитета), брошюры эти, хотя в оных написано, что они изданы в Вильно, привозятся из Варшавы, как ему, майору Штейну, положительно известно, и если с достоверностью нельзя сказать, кем доставлены означенные брошюры в Белосток и кто

занимается распространением оных, то не менее того носят слухи, что воззвания эти привезены служащими при железной дороге.

Сообщив о таком донесении ген.-майора Галлера на усмотрение ген.-адъютанта Чевкина, имею честь о том уведомить и в. с.

Министр внутренних дел статс-секретарь Валуев

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 555, лл. 25—26. Подлинник

244

1862 г. октября 7.— *Донесение С. И. Штейна В. А. Долгорукову о панихиде в белостокском костеле в память Т. Костюшко*

В белостокском приходском римско-католическом костеле 3 сего октября совершена была траурная обедня с панихидой (egzekwia) со всеми присвоенными у католиков этому служению церемониями, поставлением катафалка с множеством свеч и хоругвями за упокой, как я секретным образом узнал, б. предводителя польских конфедератов Костюшки¹. При отправлении сего служения костел был наполнен разного сословия людьми, в особенности женщинами, одетыми в глубоком трауре. Чтобы же скрыть, по ком именно совершалась помянутая служба, римско-католическое духовенство между большинством прихожан распространило слух, что таковая отправлялась по умершим родителям белостокских монахинь — сестер милосердия.

О чем в. с. имею честь почтительнейше донести.

Майор Штейн

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 4, л. 53 и об. Подлинник

¹ О панихиде по Т. Костюшко в белостокском костеле 3 октября см. также донесение гродненского губернатора И. В. Галлера В. И. Назимову от 11 октября 1862 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 86, л. 15).

245

1862 г. октября 10.— *Предписание В. И. Назимова И. В. Галлеру о розыске лиц, занимавшихся сбором денег на нужды освободительного движения*

Весьма секретно

В. п. известно существование Центрального комитета польской эмиграции в Париже, действия которого направлены к возбуждению в крае разных манифестаций против правительства и политических беспорядков, и что комитет этот поддерживается средствами, доставляемыми ему проживающими за границей помещиками здешних губерний. Ныне из достоверных источников получены мной сведения, что от помещиков вверенной управлению вашему губернии собирается подписка о пожертвовании 3 процентов из доходов с имений на содержание Центрального комитета.

Вследствие сего я покорнейше прошу в. п. уведомить меня, в какой степени справедливы эти сведения, и если действительно оные под-

твердятся, то поручаю вашему особенному вниманию тайное и осторожное розыскание как о самой подписке, так равно и о лицах, занимающихся собиранием оной.

Ген.-адъютант Назимов

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, л. 277. Подлинник

246

1862 г. октября 13.—Донесение И. В. Галлера П. А. Валугу о распространении газет и воззваний Центрального Национального комитета в Белостоке и Гродно

Секретно

Белостокский жандармский штаб-офицер представил мне появившиеся в Белостоке и, как повторяется в молве, привезенные из Варшавы по железной дороге следующие возмутительные воззвания: 1) «Kosynier»¹, 2) «Ruch»², 3) писанное без заглавия по-русски, как говорят, артиллерийскими офицерами и 4) № 10 выходящего в Варшаве листка под названием «Strażnica»³ от 25 сентября (7 октября).

Кроме сего, я получил другим путем печатный листок воззвания Центрального народного комитета под названием «Okólnik» («Циркуляр») ⁴. Воззвание это, как видно, направлено для оболащивания крестьян, ибо в оном означенный комитет объявляет и удостоверяет: а) прекращение польским правительством на вечные времена барщины Польше, Литве и во всех землях польских безвозвратно; б) гласность суда и воспрещение кого бы то ни было наказывать без приговора оного; в) беспощинную продажу соли и табачков, нюхательного и курительного; г) открытие польских школ как для высших сословий, так и для крестьянских детей, чтобы, окончивая образование, они могли наравне со всеми поступать в гражданскую службу, быть офицерами войск польских или же вступать в духовный сан, смотря по призванию, и с тем, что за образование детей бедных родителей будет платить само польское правительство; д) вступление в военную службу дворян и крестьян с одинаковыми правами и преимуществами повышения чинами, без надобности высылать солдат, как теперь, за тысячу миль в Сибирь и на Кавказ. Срок службы будет определен не более, как 6 годами с ограничением взятия в рекруты одного с тысячи; е) свободу каждого вероисповедания, как равно дозволение всем, которых русское правительство принудило принять православие, и детям их возвратиться в унию без всякого стеснения. Разрушенные костелы и оставленные кладбища польское правительство возьмет под свое попечение и возобновит их самым лучшим образом, там же, где будет нужно, прикажет построить новые. Причем возьмет все костелы, упраздненные москалями или обращенные в церкви православные, и ж) отказ польского правительства получать оброк с казенных земель. Земли же, которыми пользуются крестьяне, отдаст им в вечную собственность...^а.

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, лл. 234—235. Отпуск

^а На последней странице текст, написанный карандашом, стерт и не поддается прочтению.

¹ «Kosynier» («Косинер») — газета Центрального Национального комитета. С 21 августа по 26 сентября 1862 г. вышло пять номеров. Распространялась среди крестьян.

² «Ruch» («Движение») — орган Центрального Национального комитета. С июля 1862 г. по июль 1863 г. вышло 17 номеров.

³ «Strażnica» («Дозор») — газета, которая издавалась с 1 августа 1861 г. по 23 мая 1863 г. Всего вышло 45 номеров. Направление газеты — умеренно оппозиционное.

⁴ «Okólnik» («Циркуляр») — воззвание к крестьянам Центрального Национального комитета от 15 августа 1862 г. Изложена программа красных по аграрному вопросу.

247

1862 г. октября 21. — Донесение И. В. Галлера В. И. Назимову о способах доставки нелегальной литературы из Царства Польского

Весьма секретно

От людей, действующих по особой моей к ним доверенности, я получил положительное удостоверение, что все возмутительные воззвания и разного рода прокламации доставляются из Царства Польского по железной дороге, что бумаги эти складываются на тендерах между угольями и дровами, с тем чтобы в случае угрожающей опасности можно бы было тотчас бросать оные в печи и что для приема таких воззваний назначены особые пункты, в числе коих (хоть и не с полной определительностью) указана последняя к Белостоку станция железной дороги Лапы в Царстве Польском, где устроен вокзал 1-го класса.

Считая себя не вправе останавливать в Белостоке следующие из Варшавы поезда для произведения обыска к открытию виновных в развозке возмутительных прокламаций, которые обыкновенно прежде всего появляются в гор. Белостоке и уезде оного, я поспешаю настоящее извещение по важности оного представить на благоусмотрение в. вп., докладывая, что нельзя ручаться, чтобы и самый Белосток не был назначенным пунктом раздачи злонамеренных воззваний.

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, л. 238. Отпуск

248

1862 г. октября 27. — Рапорт пристава 2-го стана Слонимского у. Л. Ф. Агатица И. В. Галлеру о распространении Константином Калиновским «Мужицкой правды»

Секретно

Временнообязанным крестьянам от некоторого времени подбрасываются злонамеренными людьми экземпляры брошюр для чтения под заглавием «Мужицкая правда». Брошюры эти крестьяне, читая между собой, извлекают разнородную мысль. Желая затем открыть таковые, отправлялся я вчерашнего числа в дер. Шейняки в вверенном мне

стане, по тракту Волковысскому расположенному, где при содействии местного старосты Людвиг Ллевковича открыл 2 экз. помянутой брошюры. Из числа крестьян дер. Шейняки Мартин Микуцин, Антон Агнiewicz и Михаил Лукашевич объяснили, что 7 числа настоящего октября месяца в 5 часов пополудни проезжий, следуя почтовым трактом чрез дер. Шейняки в гор. Волковыск на паре почтовых лошадей, выбрасывал свертки бумаг на дорогу, и помянутые крестьяне, поднимая, обращались к грамотным своим собратьям прочитывать.

Вышесказанный пассажир одетым был в овчинной шубе, покрытой, казалось им, сукном, воротник от оной из длинных черных барашков, фуражку на голове имел гражданского ведомства [со] звездочкой. Сам был росту среднего, брюнет, усов черных, лет около 36. Если бы в этом costume представить вышесказанного пассажира, крестьяне [его] опознают. Кучер же, везший его, был ямщик из Рожанской почтовой станции, белокурый, усов русских.

Последствием такового разъяснения крестьян обращался я на Рожанскую почтовую станцию и по забранной мною лично справке обнаружил, что проезжим пассажиром был, как видно из книги, в 5 часов выехавший некто дворянин Викентий Калиновский по подорожной в. п. от 5 октября за № 16668, ему выданной возвращающимся из гор. Слонима в гор. Волковыск. Насколько я мог удостовериться из-под руки, означенный Калиновский служит в одном из присутственных мест гор. Волковыска. Ямщик же почтовой Рожанской станции Талай, действительно таких примет, как показали вышесказанные крестьяне, возил Калиновского в Подороск.

Усматривая из представляемых мною при сем двух брошюр¹, что оные имеют цель возмутительную и противозаконную, почитаю за обязанность донести в. п. и почтительнейше присовокупить, что за обращением таковых брошюр между крестьянами имею бдительное наблюдение².

Становой пристав, коллежский ассессор Агатин

Партархив ЦК КПБ, ф. 4384, оп. 1, д. 6, лл. 1, 4. Подлинник

¹ В дела не имеются.

² Губернатор, сообщив о рапорте Агатина В. И. Назимову и В. А. Долгорукову, тут же отдал секретный приказ земским исправникам и станowym приставам о розыске Константина Викентия Калиновского, строжайшем наблюдении за проезжавшими по почтовым дорогам губернии, станowому приставу Агатиному объявил выговор «за непреследование по горячим следам». Секретное постоянное наблюдение было установлено за хутором Якушовка, именем отца Константина Калиновского (см. там же).

249

1862 г. октября 29.—Рапорт заседателя Гродненского земского суда И. М. Ляссоты гродненскому земскому исправнику Ф. Д. Магнусу об обнаружении «Мужицкой правды» в дер. Грандзичи

По словесному приказанию в. вб. вследствие дошедшего до вас сведения о том, что в дер. Грандзичи появилась какая-то возмутительная брошюра, я 27 числа сего октября месяца отправлялся в означен-

ную дер. Грандзичи, в которой у тамошнего жителя — домохозяина, мещанина гор. Гродно Антона Яроцкого нашел печатную на одном полулистике на польском языке брошюру под заглавием «№ 2 Mużyskaja Prawda»^а, подписанную на конце в словах по-польски «Jaśko haspadar z pad Wilni»^б.

По сделанному мною розысканию я обнаружил, что батрак жителя той же дер. Грандзичи домохозяина дворянина Иосифа Волка, житель же дер. Грандзичи мещанин Николай Таврель в конце лета с. г., т. е. около 2 месяцев тому назад, возвращаясь с сохой от работы, нашел означенную брошюрку возле статуи св. Иоанна, стоящей при дороге у входа в дер. Грандзичи от гор. Гродно, и батрак этот Николай Таврель, будучи неграмотным, придя в дом своего хозяина, упомянутого Иосифа Волка, воткнул эту брошюрку в стену, а вскоре после того, когда зашел в дом Иосифа Волка, находящийся в Грандзичах, содержащий там в аренде огорода крестьянин из Черниговской губ. Никита и заметил в стене воткнутую означенную брошюрку, он, Никита, взял таковую к себе; несколько же дней тому назад он, Никита, эту брошюрку дал жителю дер. Грандзичи вышепоясненному Антону Яроцкому, у которого таковую брошюрку я ныне отнял и таковую брошюрку имею честь при сем представить во исполнение приказа в. вб., докладывая при том, что после вытребования от упомянутого Никиты паспорта его, оказалось, что он Могилевской губ. гомельский мещанин Никита Панкратов сын священников, который, окончив аренду огорода, собрался уже к выезду в Гомель, но я выезд его, Никиты, приостановил впредь до распоряжения начальства, и потому паспорт его, Никиты, выданный 8 мая 1862 г. за № 569 из Гомельской городской думы, при сем представляю.

Заседатель для особых поручений Ляссота

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, лл. 280—281. Подлинник

250

1862 г. октября 31.—Акт белостокского земского исправника Загорянского об антиправительственном толковании Положения 19 февраля и распространении унтер-офицером С. Ф. Пировым среди крестьян дер. Ковалевцы слухов о волнениях в Царстве Польском

Нижеподписавшийся белостокский земский исправник, получив изпод руки сведения, что на днях Заблудовской вол. в дер. Ковалевцы у одного из временнообязанных крестьян происходило крещение ребенка, при каковом религиозном обряде находившийся 6-й роты Либавского пехотного принца Карла Прусского полка (по имени и прозвищу неизвестный) капральный рассказывал крестьянам и толковал якобы в превратном смысле высочайше дарованные им права, заключающиеся в Положении 19 февраля 1861 г., отзывом 28 сего октября

^а «Мужицкал правда» (белорусск.).

^б «Ясько — крестьянин из-под Вильно» (белорусск.).

месяца за № 1132 отнесся к г. командиру того полка полковнику Суркову о назначении со стороны военной депутата для совместного исследования о происходившем. За сим в Заблудовском волостном управлении, состоящем в дер. Ковалевцы, при бытности за депутата поручика Иващенко и местного приходского священника Козакевича произведено установленным порядком в вышеизложенном предмете дознание, по какому оказалось: 21 числа текущего октября месяца, а именно в воскресенье, у временнообязанного крестьянина дер. Ковалевцы Заблудовской вол. Матвея Иванова Змитрука для совершения религиозного по римско-католическому вероисповедыванию обряда собрани были домохозяева той деревни: волостной старшина Степан Михайлов Казимирчук, десятский Григор Яковлев Романюк, Яков Васильев Григорул, Иосиф Матвеев Иозович, Матвей Михайлов Зилевский, Ничипор Пилипов Андрейчук, Осип Хвицевич со своим отцом Антоном и Федор Трасцюкевич или Янчук. После же крещения младенца, когда старшина Степан Казимирчук частным образом начал объяснять об уставных грамотах и предстоящей необходимости принятия оных, то находившийся на этой беседе временно только пребывавший в дер. Ковалевцы б. капральный 6-й роты Либавского пехотного принца Карла Прусского полка унтер-офицер Семен Федоров Пиров отозвался, что старшина тянет за помещиками, за сим стал рассказывать о происходивших в гор. Варшаве и по Царству Польскому беспорядках, а также о предпринимаемых средствах усмирения волновавшихся с содействием в том военной силы. Дабы же унтер-офицер Пиров наговаривал к послушанию против помещиков и неповиновению власти, никто из спрошенных не объявил и сам Пиров к тому не сознался.

Независимо [от] сего последовало от г. мирового посредника 1-го участка 30 октября месяца за № 391 уведомление, что он, мировой посредник, за № 386 отнесся к г. батальонному командиру Либавского принца Карла Прусского полка о принятии мер, дабы капральный 6-й роты не распространял бы неблагоприятных и злонамеренных слухов между временнообязанными крестьянами вверенного ему участка, а г. командир 2-го батальона майор Байковский при отзыве сего числа за № 326, препровождая засвидетельствованную копию вышеобозначенного требования мирового посредника Карповича, присовокупил, что, по сделанному им расследованию, крестьяне дер. Ковалевцы не подтвердили, что унтер-офицер распространял неблагоприятные слухи. В упомянутом же за № 386 отношении г. мирового посредника 1-го участка Карповича прописано: «Дошло до сведения моего, что капральный 6-й роты, расположенной на квартирах в дер. Ковалевцы, распространяет неблагоприятные слухи между крестьянами, дабы не слушали помещиков, не исполняли требований властей, что они вовсе вольны и никому ничем не обязаны и т. п., чем вовсе ослабляет власть и от того могут произойти вредные последствия». Почему мировой посредник просил батальонного командира капрального 6-й роты, как подстрекателя, не оставить без примерного наказания, дабы это могло служить к прекращению навсегда подобного зла.

В заключение сего земский исправник, внушив волостному старшине Степану Казимирчуку лежащую на нем по точному смыслу 81-й ст. общего Положения 19 февраля 1861 г. ответственность и возложенную на него 83-й ст. обязанность по делам полицейским, приказал ему,

старшине, иметь напредь бдительный и неусыпный надзор в крестьянских обществах вверенной волости, чтобы не происходило по деревням никаких нелепых слухов и неуместных толкований, а в случае чего-либо предосудительного при содействии местных полицейских служителей, виновных в том, как нарушителей благочиния и спокойствия, в согласность 2543-й ст. Свода законов (изд. 1857 г.), т. 2 «Общих учреждений земской полиции», несмотря ни на какое лицо, немедленно доставлять к становому приставу для дальнейшего поступления на основании законоположения, а неоднократно упоминаемому унтер-офицеру Семену Пирову велено обратно отправиться из волостной канцелярии на ротный двор в м. Заблудов и ожидать приказа.

По команде за сим предложил настоящий акт по утверждении общим подписом присутствующих представить на благоусмотрение е. п. г. начальника губернии ген.-майора фон Галлера, засвидетельствованную же копию такового препроводить к г. командиру Либавского пехотного принца Карла Прусского полка полковнику Суркову для соответственного по зависимости распоряжения об унтер-офицере 6-й роты Семене Пирове, о чем известить г. мирового посредника 1-го участка Карповича следствием отношения от 30 сего октября месяца за № 391.

Земский исправник Загорянский,
депутат поручик Ивашенко,
заблудской приходской церкви
священник Козакевич

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 6, д. 242, лл. 2—5. Подлинник

251

1862 г. декабря 13.— Донесение гродненского жандармского штаб-офицера Н. А. Лелякова В. А. Долгорукову о настроениях различных слоев населения Гродненской губ.

Секретно

Объехавши в настоящее время несколько уездов Гродненской губ., по собранным мною достоверным сведениям и по собственному наблюдению, все вообще сословия польского общества чрезвычайно акуржированы^a смелыми и решительными действиями своих собратий в Царстве Польском. О случившихся убийствах в Варшаве и других местах того края говорят с таким хладнокровием, как будто в этом не заключается ничего преступного, а так быть должно. Между поляками весьма заметна тесная связь и единство, они на что-то твердо надеются и чего-то в скором времени ожидают; истины добиться трудно, но по всем их самонадеянным выходкам, веселому и бодрому расположению духа можно наверное догадываться, что готовятся к революции. Мне сообщено за верное о присяге их, что всякое предписание тайного Центрального комитета каждым поляком и полькой должно быть свято исполнено.

Здесь получено из Варшавы сведение, будто бы члены этого комитета в Царстве Польском разъезжают инкогнито по богатым помещикам

^a Т. е. воодушевлены (с франц.).

и фабрикантам, требуя определенного денежного налога, грозя в случае отказа убить и спалить^а имение или фабрику.

Евреи, по природной своей трусости, заметно придерживаются стороны поляков как из опасения потерять торговлю, так в особенности из чувства самосохранения, боясь за свою жизнь; некоторые из них высказались предо мной в этом.

Помещики и преимущественно из них мировые посредники употребляют все усилия склонить и крестьян на свою сторону, что им до сего времени никак не удается, но крестьяне ропщут на настойчивое требование начальствующими лицами, дабы они приняли уставные грамоты, от чего крестьяне положительно отказываются, и если принять строгие меры наказания, то помещики, воспользовавшись этим случаем, несомненно, предоставят крестьянам некоторые льготы, и те, пожалуй, в своем заблуждении готовы будут соединиться с ними заодно.

Офицеры нарекают, что часто страдает их самолюбие и самая честь от оскорблений, наносимых поляками, которые они переносят поневоле, согласно требованиям высшего начальства, через что упали даже духом. Нижние чины не менее ропщут за все испытанное ими во время квартирования в Царстве Польском.

Русские чиновники, кто только имеет что-либо в виду, предполагают перебраться на время в Россию.

О таковом настроении умов и положении общества я долгом считаю довести до сведения в. с.

Майор Леляков

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 4, лл. 55—56. Подлинник

252

1862 г. декабря 19.—*Рапорт бельского земского исправника Ловорко И. В. Галлеру об обнаружении у крестьянина дер. Чартаево Бельского у. «Мужицкой правды»*

Секретно

Вследствие секретного предписания в. п. от 24 ноября, полученного мною 2 сего декабря, насчет появившихся каких-то книжек на 10 листах во вверенном мне уезде в Семятицком приходе, как об этом объявил местному священнику Ляцевичу один прихожанин семятицкой церкви, о чем Ляцевичем было донесено благочинному Барановскому, я отправился для секретного розыскания по вышеизложенному предмету, по коему оказалось, что, действительно, в октябре месяце в четырехверстном расстоянии от м. Семятичи в дер. Чартаево малолетняя девочка, на улице нашедши книжечку в 10 листах, неизвестно кем подброшенную, отдала б. десятскому той же деревни крестьянину Семятицкой вол. Чартаевского общества Лаврентию Вилинскому, который давал читать кузнецу, находящемуся в той деревне, Бохуржевскому, но по малограмотности обоих не прочитали всего печатанного, и, опасаясь, дабы не была эта книжка предосудительная, никому ее более не показывал и не давал читать, а, спрятав ее, хотел представить по начальству.

^а Вместо зачеркнутого сжечь.

Крестьянин же той деревни Фома Парафенюк, узнав по слухам о найденной книжке в дер. Чартаево, объявил местному священнику Ляпевичу, а сей последний, не уведомив об этом местного станowego пристава, донес по своему начальству. По прибытии моем в дер. Чартаево крестьянин Лаврентий Вилинский по востребованию моему тотчас же представил спрятанную у него книжечку на 10 листах, заключающую в себе в одном листе № 1 «Mużyskaja Prawda»^a, а в другом — № 2 тоже «Mużyskaja Prawda»^a, и на 8 листах — «Cztery niedziele postu»^b, которые были сложены неподшитыми, и на спрос мой, почему до настоящего времени он у себя книжечку держал, а не представил по начальству, оправдывался тем, что боялся ответственности, так как по случаю хозяйственных занятий в скорости не мог ее представить становому приставу и хотел уже было ее сжечь или отдать жене, которая просила позволить употребить ее на обложение при печении на блихе пирогов. По тщательному же моему обыску, ничего более у него в доме подозрительного не оказалось. Кто же мог подбросить вышеупомянутую книжку, то по секретному моему розысканию, виновен не открыт. Вследствие чего я сделал строгое внушение крестьянину Вилинскому и находящимся там некоторым крестьянам дер. Чартаево, дабы впредь, в случае появления подозрительных книжек, таковые тотчас бы доставляли местному становому приставу, стараясь всеми средствами задерживать распространителей оных и под арестом доставлять ко мне. Наблюдение же за появлением предосудительных книжек, за задержанием подозрительных лиц в распространении оных и о доставлении ко мне под строгим караулом вместе с сим наистрожайше подтверждено становым приставом вверенного мне уезда под личной их ответственностью. Становому же приставу 4-го стана предписал иметь секретное наблюдение за поведением крестьянина Лаврентия Вилинского впредь до дальнейшего со стороны в. п. распоряжения.

О чем почтительнейше донося в. п., имею честь при сем представить отобранную от Вилинского книжку на 10 листах¹.

Земский исправник Ловорко

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 34, д. 146, лл. 4—5. Подлинник

¹ В деле не имеется.

253

1862 г. декабря 26 (1863 г. января 7). — Письмо наместника в Царстве Польском в. кн. Константина П. А. Валцеву о политическом положении в западных губерниях России

По сведениям, которые в последнее время раскрыли ближе систему революционной организации, оказывается, что пропаганда проникла и в западные губернии России, так что во многих местностях можно найти то же революционное устройство, которое существует в Царстве Польском. Так, между прочим, при исследовании убийства, совершенного недавно в гор. Хелме революционерами, и при установленном обнаружении важнейших политических злоумышленников

^a «Мужицкая правда» (белорусск.).

^b «Четыре недели поста» (польск.). Листовка была составлена осенью 1860 г.

Люблинской губ., получены достоверные указания, что в соседних с нею уездах Волынской губ., а именно на Буге, в Корытице и Опалине и далее в Любомле, имеется множество присяжных с их десятниками, сотниками и т. д. Точно так, как и здесь, если еще не более, партия движения ставит себе там главной задачей действовать преимущественно на крестьян и стараться завлечь их в это движение. Гродненская губ. в особенности представляет в этом отношении вполне подготовленную почву. Из нескольких следствий над политическими преступлениями явствует, что в губернии этой проживали и разъезжали эмиссары, старавшиеся волновать крестьян. К сожалению, губернское начальство не противодействует достаточно этой пропаганде и весьма часто оставляет безнаказанным явное уклонение крестьян от исполнения Положения 19 февраля, вследствие чего крестьяне упорно отказываются от всяких соглашений, не подписывают и не принимают уставных грамот и становятся к помещикам в крайне враждебные отношения.

Сведения, которые до меня доходят, заставляют думать, что положение дел, и в особенности положение крестьянского дела, не может там улучшиться, доколе Гродненская губ. будет оставаться под управлением нынешнего губернатора [ген.]-м[айора] Галлера. В. п., конечно, должны быть ближе известны его личные свойства и служебная деятельность, но я с своей стороны не могу не считать его лицом, при нынешних обстоятельствах положительно вредным в том крае. Если система, которой он держится и которая состоит в допущении безнаказанного неповиновения крестьян закону, будет далее терпима, если местные власти будут продолжать действовать там в том же духе, то можно опасаться, что к весне в этой губернии повторятся бедственные галицийские события, которые могут охватить и смежные губернии.

Все эти сведения подтвердил мне, между прочим, и гродненский предводитель дворянства гр. Старжинский, с которым я, вследствие вашей рекомендации, близко познакомился и которого я так же, как и вы, считаю за человека весьма умного, дельного и благонамеренного.

Константин

Пометы П. А. Валуева Всеподданнейше доложено с нужными пояснениями в С.-Петербург 28 декабря 1862 г.

Ответ 6 января 1863 г.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, оп. 2, д. 270, лл. 1—2. Подлинник

254

1863 г. января 5.—*Рапорт гродненского земского исправника Ф. Д. Магнуса И. В. Галлеру о волнениях крестьян им. Семеновка при введении уставных грамот*

В им. Останковщизна помещика Монтовича уставная грамота вчерашнего числа введена с довлеемым^а успехом, в имени же Семеновка того же помещика — упорство и неповиновение крестьян, [и] таковая в действие не введена, почему я вынужден, по требованию мирового посредника, обратиться к военной экзекуции — на каждый двор по

^а. Так в тексте.

3 человека нижних чинов с назначением продовольствия, экзекутных и прогонных денег.

О чем в. п. в дополнение рапорта моего от 2 текущего января за № 7¹ честь имею донести с присовокуплением, что по прибытии в дер. Семеновка военного поста третья часть домохозяев скрылась и, как слухи носят, отправилась с ложной жалобой к в. п., а потому осмеливаюсь покорнейше просить за явкой их в Гродно, не угодно ли будет сделать начальническое распоряжение о возвращении их при сопровождении казаков на местожительство, где с мировым посредником ожидает возврата сказанных людей.

Земский исправник Магнус 3-й

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1. оп. 6, д. 359, л. 99. Подлинник

¹ В деле не имеется.

255

1863 г. января 13.—Донесение С. И. Штейна И. В. Галлеру об отправке по железной дороге свинцовых пуль в Царство Польское

В[есьма] секретно

Вчерашнего числа под величайшим секретом сообщено мне, что в первых числах сего месяца из здешних мест по железной дороге отправлено в Царство Польское огромное количество остроконечных свинцовых пуль для револьверов, из числа коих имел случай приобрести одну из таковых. Кем именно и откуда последовала таковая отправка,—положительных сведений не имею, но я вполне убежден, что таковая произведена лицами, принадлежащими к революционной партии, находящимися в службе при железной дороге.

О чем донося в. п., имею честь препроводить при сем сказанную пулю.

Майор Штейн

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 3, оп. 1, д. 30, л. 37. Подлинник

256

1863 г. января 19.—Протокол допроса крестьянина дер. Вайниовцы Сокольского у. И. Рабички о распространении студентом Петербургского университета Ю. Горчаком «Му-жицкой правды»

1863 г. января 19 дня в присутствии следователей: ген.-майора Абрамовича, корпуса жандармов капитана Шпейера, сокольского земского исправника Сушинского и депутата со стороны государственных имуществ коллежского секретаря Куявского крестьянин дер. Вайниовцы Иван Рабичка был передопрашиван и показал:

Показание, отобранное от меня 3 сего января в присутствии Сокольского земского суда, я и ныне утверждаю, причем добавляю, что крестьянин из Вайниовец Михаил Зенчук говорил пред Матеушем Во-

роновичем, что возвращенный на местожительство в дер. Скробляки под надзор полиции из студентов С.-Петербургского университета Горчак раздает карточки возмутительного содержания под названием «Мужицкая правда», «Ясько — господарь из-под Вильно», что при наказании меня по распоряжению мирового посредника Терпиловского во дворе Цидзика старшина из Зубрицы Доминик Абражук подавал розги. Наказание это было произведено вечером часу в 9-м или 10-м, а перед тем, когда было приказываемо о наказании меня, то посредник Терпиловский, обратившись тут же к добросовестному Антону Садковскому, сказал: «Почему этого негодяя не отдадите в рекруты»; что доставшиеся мне карточки под упомянутым названием я предъявлял квартировавшему в Индурах майору, фамилии коего не знаю, и просил его совета, как с ними поступить, на это получил ответ, чтобы об оных немедленно заявить земскому исправнику или окружному начальнику.

По возвращении моем того же дня в дом свой я застал в оном окружного начальника, которому тут же представил сказанные карточки, объяснив ему, каким случаем достались мне эти карточки. Такие же 6 карточек крестьянин из Вайниовец Григорий Гурский носил в Минковцы, коего в Вайниовцах в доме Игнатия Маркевича наговаривали к бунту, об этом говорил мне сам Гурский при Степане Денисовиче из дер. Коминов, но кто именно наговаривал, — того не объяснял. Показав все по сущей справедливости, и более ничего дополнить не имею, в том за неумением писать упробил за себя подписаться.

По личной просьбе крестьянина Ивана Рабички, как неграмотного, расписуюсь: мещанин Миколай Кандрусевич

Спрашивал аудитор Малыгин

При допросе присутствовали: ген.-майор Абрамович, корпуса жандармов капитан Шпейер, сокольский земский исправник Сушинский, депутат помощник сокольского окружного начальника Куявский

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 89, лл. 16—17. Подлинник

257

1863 г. января 21.— Протокол допроса крестьянки дер. Вайниовцы Сокольского у. А. Садковской о распространении крестьянином М. Цюхной «Мужицкой правды»

1863 г. января 21 дня в присутствии нижеподписавшихся следователей проживающая в дер. Вайниовцы солдатка Агата Садковская на основании § 75 наказа судебным следователям без присяги спрашивается и показала:

Зовут меня Агатой Францовой, а прозываюсь Садковская, от роду мне 38 лет, веры римско-католической, на исповеди и у святого причастия ежегодно бываю, под следствием и судом не была. На вопросы далее поясняю: на другой день рождества Христова минувшего года я заходила в избу односельца Андрея Бакуновича; в это время жена его. Бакуновича, говорила мне, что крестьянин Матвей Цюхна признавался перед нею и мужем ее, что он, Цюхна, причислился к мятежу вместе

с Подвисоцким и он, Цюхна, состоит в списке первым, а Подвисоцкий — вторым; об этом я в то же время рассказала крестьянину Рабичке, который также заходил тогда в избу Бакуновича, но после уже разговора моего с его женой, и вышел из избы Бакуновичевой вместе со мною, и в это время я сообщила ему о слышанном от Бакуновичевой насчет Цюхны. После этого случая я видела постоянно собиравшихся по ночам в доме Маркевича Иосифа Горчака, писаря Павловича, эконома Подвисоцкого, брата Павловича, фельдшера и крестьянина Мацея Цюхну, но что они там делали, я не видела, а слышала от служившей у Маркевича девки Казимиры Марцелевичевой, что они писали и читали какие-то бумаги против царя.

Кроме того, мне известно, что Казимир Станкевич в одно время, когда у Маркевича были собравшись гости, читал перед ними какие-то противу царя карточки. Показала все это по сущей справедливости, что в случае надобности могу подтвердить под присягой, в том по неумению грамоте упростила за себя расписаться.

За неграмотную солдатку Агату Садковскую по личной ее просьбе расписался дворянин Викентий Зарилович

Спрашивал аудитор Малыгин

При допросе присутствовали: ген.-майор Абрамович, корпуса жандармов капитан Шпейер, сокольский земский исправник Сушинский, окружной начальник Соколов

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 89, лл. 27а — 27б. Подлинник

258

1863 г. января 22.—Протокол допроса крестьянки дер. Номиков Сокольского у. К. И. Марцелевичуны о распространении крестьянином К. Станкевичем «Мужицкой правды»

1863 г. января 22 дня в присутствии нижеподписавшихся следователей крестьянка дер. Номиков Казимира Марцелевичуна на основании § 75 наказа судебным следователям без присяги спрашивана и показала:

Зовут меня Казимирой Ивановна дочь, а прозываюсь Марцелевичуна, от роду мне 17 лет, веры римско-католической, на исповеди и у святого причастия ежегодно бываю, под следствием и судом не была. На вопросы далее объясняю, что я находилась в услужении у крестьянина дер. Вайниовцы Игнатия Маркевича в минувшем 1862 г. от праздника пасхи до рождества Христова. Во время моего служения у Маркевича однажды вечером писарь Павлович с братом своим фельдшером приходили в дом Игнатия Маркевича, где тогда, кроме брата его Антона Маркевича и Казимира Станкевича, никого не было и, пробыв у него не более получаса, отправились в Зубрицу к писарю Павловичу, и с ним пошел Станкевич; в продолжение бытности Павловичей у Маркевича я не слыхала, о чем они разговаривали. После того, так же вечером, упомянутый писарь Павлович приходил к хозяину моему Маркевичу с экономом Подвисоцким; сей последний приходил для покупки у Маркевича сапогов, которые Маркевич купил было для

себя в Соколке, и, [так] как [они] были для него тесны, то хотел переступить оные Подвисоцкому, а для какой надобности приходил Павлович,— не знаю. Разговоров между ними, клонящихся к бунту, я не слышала, и они через полчаса ушли из дому Маркевича, но что они писали, какие бумаги — я не видела; также не заметила, чтобы когда-либо названные 4 лица собирались вместе в доме Маркевича. Из разговоров Казимира Станкевича с Михаилом Зенцюком я слышала, что Станкевич говорил Зенцюку следующие слова: «Эх ты, дурак, чего ты бедуешь, об этом бедовать нечего. В Варшаве есть для нас довольно приготовлено ружей и платья», — о чем я рассказала впоследствии в доме Марцудевича, при бывших у него крестьянах Кирше, Денисовиче и Ганчике. Также видела у Маркевича какие-то карточки, которые проживавший при Маркевиче вышеупомянутый Казимир Станкевич читал весной, когда собирались в доме Маркевича из других хат крестьяне, впоследствии же читал карточки и какие-то книжки молодым крестьянам скрытно от старых крестьян, и я однажды слышала, что Зенцюк спрашивал Станкевича о книжках, и Станкевич отвечал, что одну книжку — «Голос Капланский» — и одну карточку он отдал Юлиану Барташевичу, а оставшиеся, как я думаю, Станкевич прятал на чердаке¹.

Показала все мне по сущей справедливости и, если надобность укажет, могу подтвердить присягой, в том по неумению грамоте упростила за себя расписаться крестьянка Казимира Марцелевичувна, а за нее, неграмотную, по личной ее просьбе расписался одельский мещанин Николай Кандрусевич

Спрашивал аудитор Малыгин

При допросе присутствовали: ген.-майор Абрамович, корпуса жандармов капитан Шпейер, окружной начальник Соколов

ЦГНА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 89, лл. 36—38. Подлинник

¹ О распространении К. Станкевичем «Мужицкой правды» содержатся сведения также в предписании гродненского губернатора И. В. Галлера сокольскому земскому исправнику от 15 января 1863 г. и показаниях крестьян Г. Гурского и В. Чепеля (там же, лл. 22, 23, 44, 86).

259

1863 г. июля 22.— Доклад военно-судного отделения штаба войск Виленского военного округа о студенте Петербургского университета Ю. Горчаке

По военно-судному делу о б. студенте С.-Петербургского университета Иосифе Горчаке, 26 лет, вероисповедания римско-католического, сужденном по полемому уголовному уложению при Калужском пехотном е. в. короля прусского полку за распространение между крестьянами возмутительных воззваний, оказалось: в октябре месяце прошлого года между жителями дер. Вайниовцы Сокольского у. Гродненской губ. были распространяемы брошюры возмутительного содержания под заглавием «Мужицкая правда» и идеи о восстании против правительства.

Главными возмутителями, по доносу крестьянина той деревни Ивана Рабички, между прочим, были: 1) Крестьянин Матвей Цюхна, который за доказанное преступление по полемому суду и конфирмации начальства подвергнут 6 минувшего июня смертной казни¹; 2) Крестьянин Казимир Станкевич, находящийся в безвестном отсутствии, и 3) подсудимый б. студент С.-Петербургского университета Иосиф Горчак.

По сведениям, собранным следственной комиссией, подсудимый Горчак прежде этого случая во время бытности в С.-Петербургском университете участвовал в беспорядках, за что 2 месяца содержался в Кронштадтской кр., оттуда по распоряжению начальства выслан на родину в с. Скорбялки^а Сокольского у. Но на родине, не занимаясь хозяйством, вел жизнь совершенно праздную, разъезжал по деревням, равно принимал крестьян к себе с неблагонамеренной целью и, по молве крестьян, живущих в соседстве с Горчаком, он, вероятно, участвовал в сокрытии упомянутого преступника, казенного крестьянина Станкевича.

По показанию солдатки Агаты Садковской, подсудимый Горчак участвовал по ночам вместе с экономом Подвисоцким, сельским писарем Павловичем и крестьянином Игнатием Маркевичем* в ночных собраниях в квартире последнего, где они читали и писали какие-то бумаги против русского правительства и царя. Это она слыхала от служившей у Маркевича девицы Казимиры Марцелевичевой.

Крестьянин Юрий Абражий также слыхал об упомянутых собраниях от своей жены Антонины, которой о том говорил сам Маркевич.

Антонина Абражия утвердила слова своего мужа, но девица Марцелевичуна отговорила незнанием.

По этому делу израсходовано на прогоны, суточные следователям и кормовые жандармам 305 руб. 25 коп.

Военный суд по неимению доказательств приговорил Горчака, как находившегося прежде под надзором полиции, оставить по настоящему обвинению в сильном подозрении. Военный губернатор гор. Гродно полагает подсудимого Горчака отправить на жительство в одну из отдаленных губерний России с учреждением за ним строго полицейского надзора².

Обер-аудитор^б
Аудитор Бобровский

Резолюция М. Н. Муравьева Иосифа Горчака отправить на жительство в Пермскую губ. 25 июля 1863 г.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 89, лл. 124—126. Подлинник

¹ *Полевой суд приговорил Матвея Цюхну к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение публично на одной из площадей Гродно.*

² *О распространении «Мужицкой правды» в Гродненской губ. свидетельствуют многочисленные архивные материалы. В ноябре 1862 г. крестьянин дер. Тымянки Токар-*

* Прикосновенные к сему делу лица — Подвисоцкий, Павлович, Маркевич и Гурский — подвергнуты взысканию в административном порядке при решении дела над подсудимым Цюхной 24 прошлого мая — ссылкой на жительство во внутренние губернии.

^а *В тексте Скорбяны.*

^б *Подпись неразборчива.*

ской вол. Брестского у. П. Мацюк нашел в огороде крестьянина той же деревни А. Федорука «Мужицкую правду» № 1 и 2. 28 декабря того же года в Бресте около костела военным начальником Вимбергом найден экземпляр «Мужицкой правды» № 4. По доносению белостокского жандармского штаб-офицера Штейна от 12 сентября 1862 г., в течение двух месяцев в обращении у крестьян уезда находилась «Мужицкая правда» № 1 и 2. 6 октября 1862 г. мировой посредник 4-го участка Слонимского у. Воллович сообщал гродненскому губернатору И. В. Галлеру, что у лесного стражника Борткевича была отобрана «Мужицкая правда» № 3, «найденная будто бы пастухом сего стражника на дороге, ведущей из им. Высоцка в Люшнев». В ноябре 1862 г. экземпляр «Мужицкой правды» № 1 был обнаружен священником лонинецкой православной церкви Волковысского у. 18 августа 1862 г. слонимский земский исправник Городовский доносил губернатору И. В. Галлеру, что пристав 4-го стана, проходя через м. Здзенциол, поднял на дороге тряпку, в которой оказалась «Мужицкая правда». Кроме того, о распространении «Мужицкой правды» в Сокольном у., помимо публикуемых документов (256—259), говорится в предписании председателя Гродненской казенной палаты сокольскому земскому исправнику от 22 сентября 1862 г. (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1862 г., д. 230, ч. 2, л. 61; ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, лл. 177, 192, 223—225, 237, 303, 316, 329). Факты, свидетельствующие о большой популярности «Мужицкой правды» среди крестьян и широком распространении ее в губернии, содержатся также в работах: А. Ф. Смирнов. Кастусь Калиновский. М., 1959; его же. Кастусь Калиноўскі ў паўстанні 1863 года. Минск, 1959.

260

1864 г. марта 29.—Показание Э. Заблоцкого в Виленской особой следственной комиссии о создании и деятельности гродненской революционной организации

В 1859 или 1860 гг., хорошо не помню, я был на водах в Друскениках, там познакомился с Валерианом Врублевским, б. инспектором егерского училища в Соколках. Тогда я еще мог заметить, что он человек страстный и с революционным взглядом, так что во избежание частных сношений с ним я оставил Друскеники. После этого зимой Врублевский довольно часто приезжал в Гродно, где [я] опять стал встречаться с ним, и раз, вскоре после варшавских происшествий в 1861 г. он предложил мне приехать к нему в Соколку. Приехавши туда, я застал там следующее общество: питейно-акцизного надзирателя Сонгина, кс. Козловского из Царства Польского и Константина Калиновского, с которым я тогда и познакомился. Разговор шел о варшавских происшествиях. Константин Калиновский и Врублевский сказали мне, что составляется организация Народного польского правительства, которая скоро должна сформироваться по всей Литве, и предложил мне принять в ней участие, а кс. Козловский вызвался даже привести меня к присяге, но [так] как я решительно отказался от этого, то разговор об организации прекратился¹. Весной 1861 г. я вследствие предложения Врублевского поехать с ним в Вильно прибыл туда. Врублевский повел меня к какому-то Эдмунду Вериге². Там я застал Козело (имени его не знаю)³ и двух или трех молодых людей, фамилии которых мне неизвестны. Разговор был в революционном духе, но об организации я там еще ничего не слышал. Пробыв в Вильно несколько дней, мы возвратились в Гродно.

Спустя несколько месяцев Калиновский с Врублевским опять были в Гродно, приглашали меня к себе и наговаривали принять участие в организации, но я отказался. Уже летом 1862 г. приехал из Царства

Польского какой-то агент Народного жонда к Врублевскому, и я встретил их обоих и Константина Калиновского в Гродно на улице; после отъезда агента Калиновский сказал мне, что он собирается в Вильно и, чтобы со временем можно было дать мне видную должность в организации, заявит Дюлерану⁴, что я был помощником Врублевского (именовавшегося каким-то значительным в организации лицом), хотя я должности никакой не исправлял. При этом Калиновский добавил, что он предлагает мне должность в организации потому, чтобы в ней было более людей одного с ним положения, т. е. не принадлежащих к классу помещиков, иначе последние заберут всю власть в свои руки; я принял его предложение. Вскоре после этого приехал из Вильно помещик Гофмейстер (с ним я был знаком прежде)⁵; [он] сказал, что он воеводский Гродненской губ., а мне вручил мандат на звание его помощника, и что в управление мое вверяется 3 уезда: Гродненский, Волковысский и Слонимский⁶, которыми я должен буду заведывать на основании инструкции; последнюю я, действительно, вскоре получил (через кого — не помню) от комиссара Гродненской губ. Константина Калиновского⁷, жившего тогда в Белостоке. Содержание инструкции, сколько я теперь помню, было следующее: 1. Составить организацию во вверенных мне уездах, т. е. назначить уездных начальников, при них 5 референтов, которых могло быть и 3, потому что допускалось одному лицу исправлять две должности, и окренговых⁸; впрочем, назначение последних отдано было в распоряжение поветовых (уездных) начальников, референты были: военный, кассир, опеки и коммуникации; 2. Получать еженедельно рапорты от поветовых и с своим заключением представлять таковые воеводскому комиссару, и 3. Разъяснять сомнения поветовых, если они встретят какие-либо препятствия в управлении своей должности. Кроме того, кажется, Гофмейстер, сказал мне, чтобы я со всем обращался за советом к помещику Станиславу Солтану, которого прочили в воеводские, но он отказался по болезни жены, обещая помогать организации своими советами и связями. Вскоре после этого Гофмейстер уехал в Брест, откуда и управляет остальными уездами своего воеводства. Я обратился к Станиславу Солтану, так как сам не имел никаких связей вне города, и Солтан взял на себя сформировать организацию в у. Гродненском и Волковысском, а Франциск Юндзилл — в Слонимском, так как он был помещик этого уезда. От Солтана я узнал, что им назначены членами организации следующие лица: поветовым Гродненского у. — помещик Станислав Сильвестрович, окружными: 1) помещик, и б. мировой посредник Иван Каминский*, который вместе с тем за отсутствием поветового должен был заступать его место; 2) помещик Петр Покубятя; 3) кс. Чопович и 4) Редых, управляющий им. Свислочь помещика Пусловского; кассиром Гродненского у. — уездный предводитель дворянства Ромер, помещик Люциан Завистовский был референтом коммуникации**. В Волковысском у. поветовым [был] доктор Мечеслав

* Вместе и референт.

** Военным же референтом был Войсятыч, управляющий имением помещицы Дзе-шонской.

⁸ *Okręgowy* — окружной (польск.).

Глиндзич *, референты: опеки и коммуникации — помещик Владислав Тарасевич, женатый на дочери губернского предводителя дворянства Крживицкого, военным — отставной подпоручик или поручик Колупайло, кассы — Фердинанд Колупайло (косой). В Слонимском у. поветовым — доктор Симонович, начальником города — доктор Вильчевский, референтов же и окружных не знаю.

При мне был начальником бюро чиновник казенной палаты Игнатий Гениуш, а при нем занимались перепиской революционных бумаг чиновник той же палаты Адольф Толочко и Ильдефонс Милевич; бумаги писались у них же на квартире, а воеводская печать была иногда у Толочки, а иногда у Гениуша.

Начальником гор. Гродно был назначен доктор Цехановский, помощниками у него были наставник Гродненского благородного пансиона Иосиф Рутковский и чиновник канцелярии начальника Гродненской губ. Владислав Жолковский; последний чаще всего приносил революционные бумаги мне и Гениушу. Переписка шла чрез им. Келбасин помещицы Свержбинской по тракту в Сокольский у., а в Волковысский — чрез им. Новоселки помещика Спиридовича. Сколько мне кажется, что письма членов организации, посылаемые по почте, передавали чиновники Гродненской губернской почтовой конторы Бенецкий и Гриневич. Солтан жил в Гродно сперва в доме, где помещался земский суд, потом в квартире доктора Пилецкого и, наконец, в доме Динесевича, куда я приходил к нему с революционными бумагами и за советом.

Раскладка податей была сделана Солтаном с помощью Гениуша и Милевича, а для прочтения ее были приглашены Солтаном летом 1862 г. ⁸, вскоре по назначении им чиновников организации вышеупомянутых двух уездов, во вновь устроенный тогда трактир Ромера некоторые члены организации. Мне приглашение это передал Иван Каминский. Собирались мы сперва в номер Юндзилла. Я там застал Солтана, Каминского, Богатко и потом пришел кс. Юрий Четвертинский. Юндзилл сдал тогда из прежде бывшей помещичьей кассы воеводскому кассиру Богатке 3000 руб. сер. Солтан предложил мне принести некоторые революционные бумаги и десятый номер газеты «Рух», в котором означены были правила для руководства при раскладке податей. За бумагами я пошел к Милевичу, но [так] как последний хранил их не у себя на квартире, то вследствие предложения моего он отлучился [на] некоторое время, принес их в номер Юндзилла и, как я полагаю, мог видеть лиц, бывших там. Вскоре после этого по приглашению Юндзилла мы пошли завтракать в другой номер той же гостиницы, но на другом коридоре, и застали там уездного предводителя дворянства Ромера, Редыха, Войсяча **. Завтрак был приготовлен Ромером. В собрании этом были прочтены инструкции всем членам организации и десятый номер газеты «Рух».

Солтан писал также патриотические воззвания к обществу, и на обязанности организации лежало распространение как их, так равно

* А после него — доктор Собеслав Понсет и начальник места секретарь мирового посредника Мушинский, который, может быть, занимал и другую какую-нибудь должность.

** Помещиков Гродненского у. Дашкевича, который был окренговым, и Станислава Сильвестровича.

революционных газет и брошюр^а, которые получались из Варшавы по железной дороге. Подати помещики платили сперва, как я слышал, по 10 процентов с годового дохода в Гродненском у., а в Волковысском — по 3 руб. с хаты.

Впоследствии, кажется еще до вооруженного восстания в Литве, были присоединены ко мне другие 2 уезда: Белостокский и Сокольский^б. В первом из них поветовым был помещик Наполеон Олдаковский, а помощником его — Конаржевский (из Царства Польского), во втором — поветовым был б. мировой посредник Гриневецкий, помощником его, а впоследствии, когда он был арестован, и поветовым, был помещик Адольф Эйсмонт. Гриневецкий же принял должность от Валериана Врублевского.

В Белостоке начальником города [был] учитель музыки в благородном институте Бялокос, в Соколках — доктор Лебедзинский, уездным кассиром — б. секретарь губернского правления Сержпутровский. Последний вместе с Гриневецким, будучи в Гродно, заходил даже ко мне на квартиру. Референтов и окружающих этих 2 уездов я совершенно в настоящее время не помню. В Бельске поветовым был, сколько мне известно, Пеньковский, б. мировой посредник и брат помещика Леона Пеньковского, назначенный после Гофмейстера воеводским в Бресте.

Кроме этого, были и женские комитеты: городские и уездные. Были ли высланы для них какие-либо инструкции, хорошо не помню, это могут лучше объяснить поветовые и начальники городов, бывшие по обязанности своей в прямых сношениях с означенными комитетами. Председательницей женского комитета Гродненского у. была, сколько мне известно, жена предводителя дворянства Ромер, а городской — жена кассира Богатко.

Все присылаемые Калиновским из Белостока бумаги получал агент начальника города, начальник же города сортировал их и рассылал их ко мне, в воеводское бюро, и в уезды. Агентом был чиновник губернского правления Константин Савашкевич, агентом же Каминского, когда впоследствии он был поветовым, состоял чиновник земского суда Адам Бояровский.

Пред святой^в 1863 г. [я] ездил раз с Константином Калиновским в Вильно, и тогда по его совету был с визитом у некоторых членов виленской организации, а именно: у Якова Гейштора, бывшего, кажется, председателем революционного комитета, у Дюлерана, уполномоченного комиссара Литвы, и у Франца Далевского, но какую он занимал должность — мне неизвестно. О вышеупомянутом участии их в организации я слышал от Константина Калиновского, который мне говорил также, что какой-то Оскерко — начальник гор. Вильно.

Вследствие какого-то подозрения по распоряжению виленского губернатора Галлера я был тогда задержан и прожил в Вильно под надзором полиции на квартире архитектора Левицкого, который был прежде в Гродно, где я с ним и познакомился. Потом мне позволено было возвратиться в Гродно.

Вскоре после этого вспыхнуло восстание, и отправлением лиц в шайки занимались, по возложенной на них Жондом^г обязанности, начальники городов и поветовые, а до меня это совершенно не касалось,

^а В тексте революционные газеты и брошюры.

^б Т. е. перед пасхой.

^в Rzqd — правительство (польск.). Здесь — повстанческое правительство.

поэтому, хотя был у меня Миладовский с двумя какими-то молодыми людьми в гражданском платье, то это единственный случай, который произошел, как я полагаю, от ошибки виленской организации. Впоследствии, когда сформировались шайки, то вследствие распоряжений военных начальников организация пришла в расстройство, тем более что в уездах Волковысском поветовый Глиндзич скрылся, избегая преследования правительства, а в Слонимском поветовый Симонович был арестован. Сообщение между уездами прервалось, что препятствовало получать какие-либо сведения. Поэтому Калиновский прибыл в Гродно, чтобы устроить организацию, а вместе с тем побудить к деятельности ее членов, и для этого, как равно и для того, чтобы еще более удостовериться в действительности бездействия чиновников организации, предложил мне отправиться вместе с ним в Волковысский и Слонимский у. Мы поехали, сколько припоминаю, так: сперва к помещику Спиридовичу, от него в им. Алексипец помещика Завистовского, далее к помещику Биспину (в) им. Верейки, там ночевали, потом, кажется, в им. Гнезно, к помещику Константину Тарасовичу, далее уже станции не помню. Из вышеозначенных помещиков не застали мы дома только Завистовского, бывшего тогда референтом коммуникации, и Калиновский написал ему и оставил выговор, так как им, Калиновским, сообщено было заблаговременно о нашем приезде по этому тракту.

В то время по дороге далее на Волковыс местами были расположены войска, то и проезжать по этому тракту было опасно, поэтому мы поехали в Слонимский у., где заехали к одному из окружных этого уезда, помещику Яголковскому, в им. Луконцо, куда Калиновский пригласил помещика Иосифа Стравинского и назначил его поветовым Слонимского у. Чрез какие дворы^{*} мы ехали потом, я не помню, знаю только, что были еще у помещика Орды^{*} (имение его не помню), мы от него прибыли к помещику Свержинскому, имение, кажется, Городно, где встретили помещика Керсновского и с ним же поехали в имение последнего, в 3 или 4 верстах от которого был повстанческий лагерь, куда мы с Калиновским пошли в тот же вечер.

Это было в конце апреля или начале мая¹⁰, и недалеко от почтовых ст. Миловид и Чемел Калиновский выдал предводителям шаек, а именно Ляндеру, Юндзиллу и др., какие-то книжки для ведения счетов и поверил прежние расходы, что продолжалось до 3 часов ночи, но, узнав, что приближаются войска, мы ушли оттуда и потом поехали назад в Гродно, по тому же самому тракту, т. е. чрез им. Керсновского, Свержинского, Яголковского, от которого Калиновский предложил мне доехать к б. мировому посреднику Лясковскому, так как вблизи имения его находилось имение отца Калиновского Якушовка, куда мы и ездили. Пробыли там около 3 часов, возвратились опять к Лясковскому. Откуда Калиновский, как он сам говорил мне, поехал в другие шайки, а я возвратился в Гродно, сколько припоминаю, чрез следующие дворы: помещика Антона Глиндзича им. Кватеры, Станислава Радовицкого, Войсятыча (военный референт). К последнему приехал я вместе с вышеупомянутым Радовицким, там пообедали, а оттуда втроем поехали к помещику Ивану Каминскому (окренговый), где пе-

^{*} Его не застали дома, а принимал нас управляющий.

¹⁰ Dwory — помещичьи усадьбы (польск.).

реночевали, и на другой день Радовицкий возвратился, кажется, домой, а мы с Войсятычем и Каминским отправились к Редыху (окренговый) в им. Свислочь, где пообедали, и оттуда уже я один прибыл в Гродно в начале мая 1863 г.

Спустя неделю прибыл в Гродно Константин Калиновский, пригласил меня на квартиру к Ильдефонсу Милевичу (в д. Фукса на Доминиканской ул.) и сообщил мне, что в Вильно произведено много арестов, поэтому его, Калиновского, призывают туда, и он, уезжая, предлагает мне занять его место комиссара, хотя бы только номинально, тем более, что по инструкции Жонда от комиссаров отнята была тогда военная часть и комиссару поручалось наблюдать за деятельностью воеводских и доносить ему, Калиновскому, если в уездах окажется расстройство или бездействие организации. При этом [он] добавил, что как он, так и Жонд были мной недовольны, потому что в уездах у меня организация существует только номинально, а в некоторых местах ее даже нет вовсе, поэтому он имеет поручение передать должность воеводского помещику Станиславу Солтану или тому, кого последний укажет. От Милевича мы пошли к Солтану, и когда я дорогой отказывался от предлагаемой мне должности комиссара, то Калиновский объяснил мне, что в таком случае он отдает меня в руки законного правительства, сказавши: «Нет, брат, теперь не время отнекиваться, когда иностранные державы ведут переговоры так успешно в нашу пользу, а вы, трусы, падая духом, хотите дать России средства убедить их, что у нас только ребячество, как и действительно, и нет настоящего патриотизма. Я вас всех вижу, а потому и прибегаю к таким средствам, чтобы заставить служить Жонду Народовому и тем убедить иностранное правительство, что патриотизм у нас существует». После этой угрозы я спросил Калиновского, каким путем мне будут доставляться сведения из уездов. На это он сказал, чтобы об у. Белостокском и Сокольском я не беспокоился, потому что там он приищет человека, но кого он приискал, — мне неизвестно; уезды же Гродненский, Волковысский и Слонимский подчинены им кс. Чоповичу, который назначен им помощником комиссара, и при этом [Калиновский] объяснил мне, что помощники комиссаров имеют право сноситься с ним, Калиновским, непосредственно.

Прийдя к Солтану, Калиновский при мне предложил ему принять должность воеводского, но Солтан, как и прежде отговариваясь болезнью жены, отказался принять должность, а предложил двух кандидатов: Каминского (Ивана) и доктора Цехановского. Сам же обещал содействовать организации советами. Но на должность воеводского назначен был помещик Сильвестрович (гродненский поветовый), его место занял Иван Каминский (окренговый), кто же принял должность последнего, мне неизвестно; вскоре после этого Калиновский уехал в Вильно и оттуда чрез несколько времени и. д. воеводского Сильвестрович получил бумагу, в которой требовали от него донести, в каком состоянии находится организация и дух народонаселения. По получении этой бумаги Сильвестрович пригласил меня на квартиру Ильдефонса Милевича (это было, кажется, в июне 1863 г.) и мы втроем, т. е. я, Сильвестрович и Милевич, составили ответ следующего содержания: так как в настоящее время вследствие строгости законного правительства такой повсеместный упадок духа, что нельзя рассчитывать на

содействие населения, поэтому если Жонду угодно продолжить борьбу, то пускай Царство Польское дает средства на это, тем более что воеводская организация расстроилась и для продолжения восстания не имеется ни денег, ни людей. Спустя несколько времени Сильвестрович был арестован, место его осталось незанятое, если были какие-либо распоряжения, то их делал Каминский, посоветовавшись с Солтаном, и для формы сообщал мне, но часто распоряжался сам непосредственно. Вместе с Сильвестровичем были арестованы секретарь его по революционной переписке Сигизмунд Врублевский и начальник мяста^а Цехановский, место которого занял Иосиф Рутковский. В сентябре арестовали Каминского и Рутковского. Тогда начальником мяста стал Владислав Жолковский. Кому же передал должность Каминский — мне неизвестно, и полагаю, что об этом должен знать Солтан, который действительно был главным распорядителем восстания Гродненского, Волковысского и Сокольского у., но долгом считаю сказать, что когда были уличные убийства в Варшаве, то Солтан в разговорах со мной всегда выказывал себя противником этого. При составлении адресов государю императору, сколько помню, такого не хотели подписать Солтан и Каминский. Последнего уговаривал подписать предводитель дворянства Ромер и даже, как я слышал, кажется, сам подписал за него. О составлении контрадресов мне ничего неизвестно, я же, напротив, говорил доктору Маркевичу, который высказывал мне свою боязнь за участь Солтана, обремененного большим семейством, если он не подпишет адреса, что не подписывать такого было бы сумасшествие.

Все это показание сделано мною с полным чистосердечием. Если я шел по ложному пути, то откровенностью своей стараюсь заявить, что я отрекся от того направления, которое было несчастьем как для меня, так и для края. Может быть, в показании этом я некоторым лицам, занимавшим одни должности, приписал исполнение других и не вполне ясно определил время вышепоясненных мной происшествий, то смею уверить комиссию, что это произошло не от желания моего скрыть истину, а вследствие того, что я мог забыть подробности. Если сам или кто другой мне их припомнит, то я всегда готов заявить это. При этом смею заверить комиссию, что как отец мой, так и брат никакого участия в моих действиях не принимали и прошу ходатайства у начальника края о защите их¹¹.

Дворянин Эразм Заблоцкий

Показание отбирали: полковник Шелгунов, штабс-капитан Семенов, поручик Юган, поручик Гогель, обер-аудитор Щербо и аудитор Федоров

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 3, оп. 1, д. 40, лл. 1—10. Заверенная копия

¹ Эразм Заблоцкий явно скрывал свое участие в создании революционной организации до восстания. По воспоминаниям Ф. Рожанского, в 1861 г. в Гродно приехал Константин Калиновский «с целью создания тайного общества и усиления политической деятельности». В общество, созданное К. Калиновским, вошли губернский секретарь Эразм Заблоцкий, его брат врач Юлий Заблоцкий, инспектор егерской школы Валерий Врублевский, офицер Ян Ванькович, землемеры Ф. Рожанский, И. Милевич, ксендзы Гинтовт, Зажницкий и Козловский и др. Все они были сторонниками вооруженного вос-

^а *Miasto* — город (польск.).

стания и сочетания борьбы за национальную независимость с уничтожением крепостного права. Члены организации проводили работу среди крестьян. С этой целью посылались «на должности сельских учителей и волостных писарей учащаяся молодежь и другие патриоты». Конспиративная организация охватила Гродненскую, Виленскую, Ковенскую и Минскую губ. (см. «W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego 1863—1903», Lwów, 1903, str. 396—400).

По словам Б. Шварце, «в Гродненской губ. организация складывалась из мелких правительственных чиновников и служащих, преимущественно железнодорожников, и очень небольшого числа помещиков» (из письма Б. Шварце Л. Мерославскому от 24 сентября 1861 г. См. «Przegląd historyczny», 1954, t. XLV, str. 761).

² Эдмунд Вериго — член Литовского провинциального комитета.

³ Ян Козелл — инженер-поручик, член Литовского провинциального комитета.

⁴ Нестор Дюлеран — представитель Центрального Национального комитета в Литовском провинциальном комитете.

⁵ Далее идут воспоминания уже о событиях 1863 г. Э. Заблоцкий путает даты. В своих показаниях от 28 марта 1864 г. он говорил, что А. Гофмейстер первый раз приехал в Гродно в марте 1863 г. и предложил Э. Заблоцкому должность помощника воеводского (см. ЦГИА БССР, Гродно, ф. 3, оп. 1, д. 40, лл. 19—20).

⁶ Во время восстания Гродненская губ. была разделена на две части: северную и южную. Эразм Заблоцкий принял должность воеводского, а не его помощника, в северной части — Гродненском, Волковысском и Слонимском уездах. Позже в ведение Заблоцкого вошли также Белостокский и Сокольский уезды. Воеводским в южных уездах — Бельском, Брестском, Пружанском и Кобринском — был Аполин Гофмейстер.

⁷ Константин Калиновский на посту революционного комиссара Гродненской губ. был с апреля по июнь 1863 г., затем он стал членом Исполнительного отдела на Литве.

⁸ Раскладка податей произошла в 1863 г. (см. док. 261).

⁹ Белостокская организация до восстания подчинялась Центральному Национальному комитету в Варшаве. Переговоры с ЦНК о передаче ее в ведение Литовского комитета происходили накануне восстания.

¹⁰ Имеется в виду поездка в Миловидский лагерь, где были расположены повстанческие отряды Млотка, Миладовского, Влодека, Юндзилла под общим командованием Ляндера (Ленкевича). Константин Калиновский их инспектировал 20 мая 1863 г. 23 мая под Миловидами в Слонимском уезде повстанческие отряды под руководством Ляндера сражались с тремя ротами Староингерманландского полка. Несмотря на содействие казаков и артиллерии, царские войска понесли значительные потери (10 убитых и 40 раненых).

¹¹ Революционная организация в том виде, как ее описывает Э. Заблоцкий, стала создаваться во время восстания. Об этом, кроме публикуемых документов, подробнее см. том настоящего издания «Восстание 1863—1864 гг. В Литве и Белоруссии», а также ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 698, лл. 5—8, 13—14, 35—36; оп. 2, д. 917, лл. 15—127, 394—396; д. 1320—1322; ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 34, д. 170, лл. 133, 169; д. 1665(2), лл. 1—5; д. 2887; ф. 3, оп. 1, д. 36, лл. 1—3, 61—62, 94; д. 40 и 40 и; воспоминания Б. Шварце и Ф. Рожанского («W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego. 1863—1903», Lwów, 1903).

261

1864 г. апреля 10. — Показание С. Сильвестровича в Виленской особой следственной комиссии о создании и деятельности гродненской революционной организации

10 апреля 1864 г. в Особой Виленской следственной комиссии дворянин Станислав Сильвестрович, вызвавшись к откровенному признанию, пояснил.

Быть может, уже слишком поздно я приступаю к искреннему сознанию в моих проступках, вследствие которых так давно страдаю. Находясь в Гродно под арестом в продолжение 8 месяцев, будучи только несколько раз спрашиваем тамошней комиссией, не видя в свое обвинение никаких доказательств, кроме одних лишь подозрений и более ничего, в продолжение столь долгого времени я запирался от всего,

будучи убежден, что со временем для неимения доказательств дело мое должно замяться, и хотя буду сужден за самое подозрение, но, однако, избегу сурового наказания, на которое поставил бы меня закон, и не выкажу никого из моих сообщников.

Привезен здесь,— будучи спрошен сейчас же первого дня, видя доброжелательство и сердце в моих судьях,— я почувствовал, что только искреннее сознание может навести мне прощение и облегчение наказания со стороны правительства.

Если б только я один был обвинен, я бы, наверно, искренне сознался в тот же самый день. Но мысль, что, кроме меня, с этим делом есть связанных столько других лиц, которых я в своем сознании должен был бы непременно показать, как виновных вместе со мной,— мысль эта столь меня тревожила, что я решился медлить свое сознание по крайней мере до тех пор пока они сами себя не обвинят.

Более всего я боялся того, что если кто-нибудь из них, особенно из людей семейных, не чрез упорство, а только по случаю недоверия [к] членам комиссии не будет сознаваться, а на основании моего показания может быть сужден по всей строгости законов, что тогда слезы и упреки оставшегося семейства отравят остальную часть жизни моей несчастной жены и дитяти.

После несколькихдневного колебания я убедился, что мое сознание нисколько им повредить не может, а имея надежду в божии, что и их воодушевит счастливой мыслью искреннего сознания и [они], как менее виновные, не подвергнутся суровому наказанию, я решился со всей искренностью, не щадя себя, не стараясь уменьшить в чем-нибудь свою вину, сказать искреннюю правду, полагаясь совсем на милость правительства— в том уверении, что сам перед этим, будучи увлечен, как все другие, общим безрассудком, я, забывшись о обязанностях, касающихся моего семейства, рисковал даже своей жизнью, то теперь, если судьба решила мне подчиниться строгости законов, я не буду роптать на мое упорство, а лишь только на вину мою, происшедшую вследствие неопытности, легковёрности, а более всего забывчивости в общем увлечении.

Несчастные происшествия в Варшаве в феврале и апреле 1861 г., рассказываемые мне одним из свидетелей, возбудили во мне первое увлечение. Следующие после этого траурные молебны по костелам, а более всего беспрестанное пение гимнов, которые так долго существовали во всех костелах и частных домах, поджигали это увлечение еще более.

Освобождение от барщины моих крестьян в самый день объявления манифеста 19 февраля и препровождение их на самый умеренный оброк как, с одной стороны, возбудило ко мне неудовольствие помещиков, которые боялись неповиновения своих крестьян, так, с другой стороны, располагало ко мне молодежь, с которой я тогда начал более сближаться, имея между ними хороших знакомых еще с молодых лет— Эразма и Болеслава Заблоцких. Бывая при этом у моих соседей в Царстве Польском, где я имел родных, живущих недалеко, слыша постоянно о новых манифестациях, которые чаще всего правительство оставляло безнаказанно, я жил в постоянно увеличивающихся надеждах и думал, что все пойдет очень легко, коль скоро целый край будет подготовлен к восстанию.

Однако этих приготовлений мы не имели до последней минуты. Средств материальных, денег, не было кому и [у] кого собирать, ибо самый богатый класс в крае, помещики, не обманывали себя надеждой и, как более опытные, преждевременно не дали бы никакой помощи.

Кажется, только в городах собирались маленькие складки с чиновников, и думаю так потому, что в Гродно это происходило, и тогда первой моей виной было то, что во время дворянских выборов, кажется, на мировых посредников, я обещался собрать складку на устройство памятника в Варшаве 5 убитых. Насколько помню, я тогда собрал около 80 руб. и передал их, кажется, Эразму Заблоцкому.

Так прошло 2 года. Кажется, во второй половине 1862 г. начали к нам доходить слухи о началах организации в Царстве Польском и первые отзывы Центрального комитета с Варшавы с настойчивым требованием введения и у нас организации. В городе это привести в исполнение было бы легче, но в деревнях почти невозможно. Так, в Гродненском у. постановлено было сделать пробу и назначено: меня окрестным в Друскеники, Езера до Скиделя, а далее — пробоща в Мостах кс. Чоповича. Поручено нам собирать, где возможно, деньги и отыскивать людей, которые бы обязались в назначенное время формировать шайки¹. Откровенно говоря, что тогда на эту цель я не делал малейшего приготовления: в Друскениках и Езерах ни разу не был, а делать какие-нибудь пробы по деревням я считал бесполезным.

Сколько мне известно, кс. Чопович также никакого приготовления не делал, ибо когда я в ноябре месяце ездил в Волковысский у. к сестре моей полковнице Рихтер, Эразм Заблоцкий просил меня заехать в Мосты и узнать, что там делается. Кс. Чопович объявил мне только, что денег нет, а людей без оружия найдется, может быть, 5 человек.

Начался 1863 г. Я был в Гродно в тот день, когда пришло вовсе неожиданное известие о вспыхнувшем восстании в Царстве Польском и о происшествиях в Сураже². Тогда офицер Валериан Врублевский, которого я часто видел у Заблоцкого и о котором в это время узнал, что он назначен воеводским начальником Гродненской губ.³, он объявил, что в скором времени думает сформировать шайку в Сокольском у., чтобы поэтому всех приготовленных людей в Гродненском и Волковысском у. по первому его приказанию выслать там, куда он покажет. По этому случаю [он] приказал мне заехать к кс. Чоповичу, а после — в Волковыске к доктору Глиндзичу, который был назначен на этот уезд с поручением находить людей и средства к восстанию. Один и другой объявили мне, что никаких средств не имеют, а люди, которые есть, наверное не пойдут. Несколько недель спустя прибыл в Гродно первый приказ с Вильно Революционного комитета, приказывающий целой Литве выступить с оружием в руках.

Первым, который показал мне этот приказ, был, кажется, Ильдефонс Милевич. Но этот приказ не мог быть у нас приведен в исполнение, могла лишь выступить одна только городская молодежь, и помню, что когда-то в разговоре о том, что городская молодежь должна выйти для формирования шайки и вопрос был только о сборном пункте, я в увлечении предложил свое мнение. Но предложение это не исполнилось. После молодежи пробовала выйти с помощью железной дороги, почему произошло грустное происшествие 2 марта, которое надолго охладило наши болезненные умы⁴.

Между тем вскоре пришло известие с Вильно, что помещики перешли на сторону восстания и обещаются, с своей стороны, помогать ему всеми силами. В это время Эразм Заблоцкий находился в Вильно и, насколько помню, с второго дня после пасхи, когда я был в Гродно, пришел ко мне Милевич и принес с собой только что присланную из гор. Вильно номинацию для меня, писанную рукой Эразма Заблоцкого, в которой он, как начальник Гродненского воеводства, назначал меня начальником сего же уезда.

Сознаюсь, что, если б тогда я мог дольше и свободнее подумать над этим, может быть, я бы не принял этой номинации, может быть, я бы лучше обдумал опасность, в которую мог ввергнуть себя и свое семейство, но состояние почти болезненное, полное блестящих надежд, вместе с тем стыд отказаться, а, наконец, должен сознаться, это и польщение моему самолюбию, которое, увы, часто мною руководило,— все это решило меня принять.

Была еще другая номинация, присланная безымянно для начальника «мяста» Гродно и [с] правом выбора, по нашему согласию, кому ее вручить. Милевич, Игнатий Геннуш и я заключили, что один только доктор Цехановский, как ознакомленный с целым городом, по поводу обширной своей практики, может исполнять эту должность. Вследствие чего Милевич вручил эту номинацию Цехановскому. Вскоре после этого была прислана ко мне из Вильно, кажется чрез Милевича, инструкция для моих действий в уезде. В инструкции этой было поручение формирования организации с окренговых, референтов, комитета опеки и не помню еще каких лиц. Не имея никаких знакомств в уезде, не бывая нигде, я не мог этого сделать, поэтому ожидал возвращения Заблоцкого с Вильно и представил ему свое затруднение, которому он обещался облегчить, и вскоре поручил мне обратиться по этому случаю к гр. Станиславу Солтану, как имеющему влияние на помещиков в уезде. Г. Солтан назначил мне день приезда в его имение и обещал до этого времени поговорить со всеми лицами, им выбранными, и мне уже передать готовый список их фамилий. После приезда моего к нему я нашел уже несколько лиц из тех, которых он выбрал и которые жили поближе к нему, и получил от него название всех членов организации, им выбранных. Насколько помню, было 5 референтов, а именно кассир — Ромер, опеки — Богатко, сообщения — Люциан Завистовский, военный — Войсятыч и Каминский, окренговыми — тот же самый Каминский, Конрад Дашкевич и Редых, а за Неманом — Петр Покубята и кс. Чопович, которого Солтан по моему предложению принял, ибо в этом округе никого не было.

Все эти члены имели в несколько дней после собораться в гостинице Ромера, там со мной познакомиться, получить согласно инструкции номинацию и начать свои дела. Там же хотели составить раскладки податей со всех помещиков в уезде.

Все мы, кроме Чоповича, собрались в этот день у Ромера, куда пришел со мной и Заблоцкий. Там я вручил им, согласно инструкции, номинацию с печатью начальника уезда. Печать эту перед этим, кажется, передал мне Заблоцкий. Помню, что был там и Франц Юндзилл. После Солтан с помощью Юндзилла, Каминского и некоторых других в моем присутствии списывал фамилии всех помещиков в уезде с прибавлением при них цифры, сколько всякий может заплатить подати,

принимая нормой наказанные из Вильно 10 процентов с чистого дохода и разделяя эти 10 процентов на 3 месяца с 15 мая до 15 августа. После чего, передавая такие списки всякому^а окренговому с поручением, как первой их обязанности, собрания в возможно скором времени денег, мы разошлись.

Деятельность моя состояла в принятии приказов от воеводского начальника и согласно [с] этим — выдаче распоряжений от своего имени окренговым, а также чрез мои руки проходили бумаги от воеводства к начальникам уездов: Сокольского, Волковисского и Слонимского. Как назывались в это время начальники уездов, кроме Волковисского, не знаю. Кроме того, я должен был получать недельные рапорты окренговых о состоянии всякого округа и представлять содержание их воеводскому начальнику, что, однако, происходило очень неаккуратно по поводу дурно устроенного сообщения в уезде, которое никогда не удавалось хорошо устроить, за что я очень часто получал выговоры от воеводского и раз — от комиссара Калиновского, который, объезжая губернию и будучи в Гродно, был в моей квартире для принятия рапорта. Сообщение устраивал Завистовский с помощью моей и Солтана. Кроме того, окренговые были обязаны как можно чаще, хоть один, попеременно бывать в городе и у меня для получения бумаг. Дворов, которые таким образом сообщения должны были передавать бумаги, я не помню, потому что их не знал, кроме двора Завистовского, где некоторое время была станция, и моего имения, чрез которое имело быть сообщение с Августовским у., в случае нужды, к соседу моему Антону Госевскому. Это, кажется, случалось только 2 раза, и то я сам возил. Так как, однако, часто бумаги лежали у меня, по случаю невозможности отправления их дальше, я купил у Богатки пару лошадей, чтобы они на перемену ходили до первой станции.

Не будучи в состоянии сам заниматься перепиской с окренговыми, я уговорил [делать это] двоюродного моего брата Сигизмунда Врублевского, молодого человека, который, будучи на первом курсе в Киевском университете^б, в начале восстания для спокойствия своих родителей вернулся домой в Гродно. Я уговорил его быть у меня секретарем, пользуясь его отличным почерком. Печать была у меня, он только писал постоянно или у меня, или запершись в своей комнате и приносил мне для просмотра, после чего я прикладывал печать или давал ему готовые бланки.

Позднее пришла из Вильно инструкция для комитета женщин, сложенного с нескольких членов; на председательшу Солтан представил г-жу Ромер, но остальных членов мы не могли выбрать. Поэтому я обязал ее только, чтобы с помещиц, живущих в городе, [она] собирала складки и наказывала им иметь в случае нужды готового белья для шаяк, а помещицам, жившим в деревне, я выдал чрез окренговых приказ, вследствие которого они обязывались на выребование какой-нибудь шайки собирать белье и доставлять в назначенное место.

Из числа иных членов организации я знал, что воеводским кассиром есть Обремский, к которому на выребование воеводского начальника

^а Т. е. каждому.

^б В тексте ошибочно Ковенском.

я относил деньги из уездной кассы. Начальником воеводского бюро был Игнатий Гениуш, помощниками для переписки были Милевич, Толочко и, кажется, Демертри. Бумаги воеводские ко мне и к другим начальникам уезда приносил всегда запечатанные Толочко и передавал мне или Врублевскому. Помощником начальника города был Рутковский.

Кроме того, знаю, что начальником Волковисского у. был доктор Глиндзич. А кажется, что в Сокольском у. был начальником какой-то Гриневецкий, которого я раз видел у Заблоцкого.

Печатные объявления, присылаемые иногда с Вильно для рассылки по уездам, я получал у Обремского, разделял на 5 округов и отсылал к ближайшему окружному.

Собранные в округе деньги (подати) окружные привозили и передавали кассиру Ромеру, уведомляя меня об этом рапортом. Если же нужно было эти деньги отсылать в кассу воеводскую, то я сам брал их у кассира, передавал Обремскому и получал от него квитанции, которые, если не ошибаюсь, я складывал у Ромера, ибо у меня их не было, но этого не помню.

Последних чисел июня месяца или первых дней июля, этого не помню, Заблоцкий пригласил меня на квартиру Обремского и там заявил, что Калиновский переезжает в Вильно, что он, Заблоцкий, назначен комиссаром в Гродненскую губ.⁵ и что я с этого времени должен исполнять^а обязанности воеводского. Говорил мне, что Калиновский вместе с ним предлагал эту должность Солтану, что после была получена бумага из Вильно о назначении Солтана воеводским, но что он не хотел принять ее, а только от себя указал на двух кандидатов: Каминского или Цехановского, но что на это Заблоцкий не соглашается, а временно назначает меня.

Я не хотел принять на себя этого ни под каким видом, чувствуя себя, действительно, неспособным к исполнению этой обязанности. Быв уездным, я не имел почти иных занятий, кроме исполнения приказаний воеводского и согласно его повелениям давать разные поручения окружному. Воеводскому же нужно уже было вести дела своим умом. Наконец, после долгих увещаний Заблоцкого и Милевича, который при этом присутствовал, после уверений с их стороны в том, что они во всем будут мне способствовать, напишут куда нужно будет и переговорах со всяким, я и принял от Заблоцкого письменное приказание комиссара заступить место воеводского на 4 уезда: Гродненский, Сокольский, Волковисский и Слонимский—до дальнейшего его распоряжения, а вместе с тем такой же приказ от него к окружному Каминскому исполнять обязанность уездного также к дальнейшему распоряжению. Приказ этот того же дня я отправил Каминскому чрез Врублевского. Чрез несколько дней я сдал ему несколько залежалых бумаг, присланных к исполнению, податную роспись уезда, писанную рукой Солтана у Ромера, и кассу, находящуюся у Ромера.

Черновые для меня писали Гениуш, Милевич и Толочко, начисто переписывал Врублевский. Воеводскую печать я оставил Толочко, где она и прежде находилась, готовые бумаги приносились Врублевским туда же для приложения печати, а после он их относил к уездному Каминскому для дальнейшей рассылки.

^а Далее следует слово (должность), взятое в скобки как описка.

Кассиром остался тот же Обремский. Бумаги, приходящие из Вильно, я находил опечатанными у помощника начальника города Рутковского, забирал их и рассылал, куда нужно было, через Врублевского. Обыкновенно это были печатные объявления, которые Камичский рассылал по уездам, и бумаги к комиссару. Не помню, были ли когда ко мне адресованные, может быть потому, что в Вильно, кажется, не знали, кто есть воеводским начальником, ибо помню, что, может быть за неделю пред моим арестом, Заблоцкий мне говорил, что Калиновский спрашивал его в Вильно, кто воеводский начальник.

Если нужно было в Вильно писать рапорт, я просил об этом начальника бюро Гениуша, который при мне по прочтении рапортов с уездов писал черновые. Такие его черновые я еще показывал иногда Заблоцкому, и если они были худо написаны, мы вместе их переделывали. Однажды с Вильно были присланы вопросы, которых я уже не помню. Было их пять — о моральном состоянии воеводства. Ответ мой, писанный чрез Гениуша, казался нам очень неудовлетворительным, и без ведома Гениуша мы собрались: Заблоцкий, я и Милевич, где вместе в продолжение нескольких дней сочиняли ответ, писанный рукой Заблоцкого, и который после я давал для переписывания Врублевскому.

Бумаги, посылающиеся в Вильно, передавались запечатанные Гениушу, который писал на них адреса и относил на почту. Адрес сначала был, кажется, к какой-то девице Рихтер или что-то похожее. После был прислан с Вильно другой адрес, на имя мужчины, которого не помню. Кому на почте Гениуш отдавал бумаги, я не знаю, или также какие бумаги передавались Цехановскому, который их адресовал и посылал от себя.

В это время, когда я исполнял должность воеводского начальника, в Волковысском у. организации никакой не было, и потому сообщение с этим уездом было вовсе прекращено. Тогда Заблоцкий в квартире Толочки в присутствии моем, Милевича и Гениуша назначил кс. Чоповича помощником комиссара и поручил ему отправиться тотчас же в Волковыс для введения новой организации и сообщения чрез этот уезд между Гродном и Слонимом. Что было там тогда сделано и кто был назначен, не знаю, потому что вскоре был арестован.

В Слонимском у. начальником был тогда какой-то Стравинский, которого я не знаю.

В Сокольском у. начальником был Адольф Эйсымонт, которого я уже знал давно, когда он еще жил недалеко [от] меня в Царстве Польском, и который, кажется, 2 раза приезжал ко мне для передачи рапорта со своего уезда, потому что сообщения с Сокольским у. мы почти никогда не имели и бумаги пропадали в дороге.

В остальных 5 уездах Гродненской губ. воеводским был Гофмейстер⁶, с которым я уже давно познакомился у Заблоцких и который сначала был, кажется, воеводским начальником целой губернии. После был сделан раздел и в другой половине исполнял должность Заблоцкий и после он познакомил меня.

В последних днях июля я был арестован.

Это все мое сознание, которое с целой откровенностью подаю. Может быть, оно еще слишком недостаточно, много фактов, происшествий может быть упущено, но смею уверить, что это произошло не из желания скрыть что-нибудь. Душевные страдания, которым я так давно

подвергнут, увеличивающиеся еще более при мысли, что, может быть, я буду причиной несчастья многих семейств, не позволяют мне в столь короткое время собраться со всеми мыслями. Но уверяю комиссию, что на всякий ее вопрос она получит искренний мой ответ.

Я отдаюсь совершенно на милость правительства. Не смею просить о даровании мне жизни, потому что чувствую себя виновным как, с одной стороны, противу правительства, так и против моего несчастного семейства, которое я своим легковерием подвергнул несчастью.

Что бы со мной ни случилось, я могу только обвинять себя. Пусть мне только позволено будет просить за все эти несчастные жертвы, которые вместе со мной безрассудно увлеклись, в надеждах, которые так пагубно отовсюду на нас действовали.

Пусть кровь моя вознаградит их вины, по крайней мере, я бы оставил после себя хоть эту память моей жене и ребенку. Пусть мне позволено будет просить за моего брата Врублевского, который столь молод, почти ребенок еще, не опытен. Что же удивительного, что я успел его увлечь и ввергнуть в пропасть. Пусть просьба моя будет так принята, как принимается просьба на смертном ложе всякого умирающего.

Если б я сознался прежде, я бы чувствовал более надежды — теперь же она, может быть, слишком поздно, отдаюсь на волю всевышнего бога, он воодушевит моих судей здесь, на земле, согласно своих предназначений.

Дворянин Станислав Сильвестрович

Показание отбирали: полковник Шелгунов, штабс-капитан Семенов, поручик Гогель, поручик Юган, обер-аудитор Щербо, аудитор Федоров

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 3, оп. 1, д. 40, лл. 27—36. Заверенная копия

¹ О создании революционной организации в Гродненской губ. см. прим. 1, 6, 11 к док. 260.

² В ночь на 11(23) января 1863 г. повстанцы под руководством Цихорского (Замечка) напали на заштатный гор. Сураж Белостокского у., выбили оттуда царских солдат и захватили оружие и амуницию.

³ Валерий Врублевский был военным начальником Гродненской губ.

⁴ 2 марта 1863 г. революционная молодежь Гродно под руководством начальника железнодорожной станции Л. Кульчицкого пытались на поезде выехать из города для присоединения к повстанцам. Явившиеся внезапно солдаты сорвали эту попытку. Были произведены массовые аресты (см. ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 364, л. 6).

⁵ См. прим. 7 к док. 260.

⁶ См. прим. 6 к док. 260.

262

1864 г. августа 10.—Протокол допроса губернского секретаря Ц. Казигродского в Виленской особой следственной комиссии о демонстрациях в Слонимском у. накануне восстания и своем пребывании в повстанческом отряде

10 августа 1864 г. дворянин Цезарий Казигродский был спрошен в Особой следственной комиссии и к прежним показаниям добавил: после первых демонстраций в Варшаве и в других больших городах, разу-

меется, это движение должно было сообщиться и сообщалось гор. Слупиму. Но оно сообщалось и выросло вдруг, объявилось сперва трауром да пением по костелам патриотических запрещенных песен, в этом участвовал весь город, тут невозможно указать на лица, около которых могли группироваться другие. Движение было общее и столь сильное, что усилия священников воспретить песням музыкой органов не подействовало, органы должны были замолчать, потому что голоса собравшегося народа были сильнее органов.

Демонстрации этим не ограничились, последовали другие (которые из них были первыми, а которые последними — этого порядка в настоящее время уже не помню). В городе случился пожар, причем сгорело кажется 5 татарских домов, да впоследствии от пожара, случившегося во время ярмарки в м. Зельве, многие мелкие торговцы — евреи и купцы гор. Слонима — понесли потери. Сейчас же после обоих этих случаев возродилась в гор. Слониме мысль сделать в пользу погоревших складку, с той целью чтобы, кроме поддержки потерявших в пожаре, доказать двум этим сословиям [выгоды] общественного гражданского равенства и братства и сблизить их с обществом дворян. Узнав об этом и давно чувствуя, что меня почему-то чуждаются, я сам обратился, кажется, к Симоновичу, доктору, с желанием, что хочу быть в этом деятелем. Меня приняли. Симонович, я и две или три женщины, мы обошли весь город, собрали, кажется, около 260 руб. сер. (сбор производился по составленной нами и доктором Мокржицким шнуровой книжке, всеми тремя подписанной) и, пригласив татарского муллу, погорельцев и их соседей, тоже татар, по общему с ними совету и назначению собранные деньги разделили между погорельцами. В сборе же в пользу жидов не участвовал, и кто тем занимался — не знаю. Слышал только, что будто бы вдова помещица Геновефа Пусловская кому-то из потерпевших в пожаре подарила принадлежащий ей дом.

Составилась публичная уездная библиотека¹ с целью отвлечь жителей, а в особенности молодежь, от карт, а привлечь к наукам и более моральному развитию. Главными условиями, привязанными к библиотеке, были следующие: а) все сочинения должны быть по большей части серьезные, а в особенности исторические; б) книги запрещенные исключались, для того чтобы не последовало уничтожение правительством библиотеки, и в) книги должны быть выдаваемы каждому для чтения, кто пожелает, за платеж в пользу библиотеки 30 коп. ежемесячно. Для составления библиотеки в этой цели нашлось более 40, по большей части из уезда, постоянных членов, которые обещались по 12 руб. сер. ежегодно. Меня назначили библиотекарем с обязанностью выписывать от книгопродавцев книги. Членами постоянными были следующие лица: помещики — предводитель дворянства Евстафий Воллович, Эдмунд Корсак, Людовик Рамульдт, Иван Герубович, Ксаверий Гноинский, Константин Пилецкий, Владислав Воллович, Юрий и Евстафий Протасевичи, Владимир Мивгер, Изидор Лукашевич, Владислав, Витольд и Генрих Полубинские, Яголковский, Евстафий Гарбовский, Флорентин Микульский, Петр Орда, Эдуард Рагоза, Франц Вольбек, Люциан и Антон Чечетты, Аполинарий и Эдуард Керсновские, Адольф Незабытовский, Станислав Липский, Валериан и Игнатий Юндзиллы, Ефим Чудовский, да жители города Иосиф Пекарский, Карл Мацкевич, Антон Мокржицкий, Август Тельшевский, Владислав Симонович;

прочих не помню. Вот лица, из которых, может быть, впоследствии или даже еще до составления библиотеки могли быть избраны члены организации, но если она и существовала до выхода моего в восстание, то или так от меня тайно (сознаю — не могу назначить тому причины), что я ничего решительно об ней не знал, или была совершенно недействительной. Было что-то для меня неразгаданное, я чувствовал, что я от всего отстранен, что от меня скрываются, и это было главнейшей причиной тому, что я не выпросился у Лукашевича, чтобы он не брал меня в восстание, это и в настоящее время ставит меня в невыходимое^а положение, а нахожусь решительно в невозможности указать членов организации и оказать тем мою искренность. Я хорошо помню раз случай. Однажды у предводителя дворянства, кажется осенью 1862 г., после окончания заседания мирового съезда, где было более 30 помещиков, я сидел и приводил в порядок мои заметки для составления журнала по мировому съезду (мне несколько лиц мимоходом проговорили, что заседание кончено, я принужден был уйти). А доктор Симонович раз дал мне это почувствовать откровенно, ссылаюсь на него: «Тебя бояться», — это его слова. Мы с Симоновичем хотя посещали себя^б редко, но были в хороших отношениях, от себя собственно он этого сказать не мог мне (видно)^в, это ему поручено [было] сказать. Он мне в том сознался, и поручено, наверно, впоследствии какого-то совещания; ему это даже с трудом пришлось мне сказать.

Всего того было бы весьма достаточно для каждого, чтобы не только не искать, но даже избегать сборищ организации и не узнавать прочее. И потому не знаю, кто и каким образом назначил членов организации, как равно неизвестны мне и самые члены, если в число их должен был быть кто-нибудь приглашен из города, то по всему мною вышепрописанному подозреваю, что, может быть, доктор Симонович, как лицо еще при том довольно энергическое, прочих же не знаю. Симонович, если принадлежал к организации, как человек честный, должен в том сознаться, показать всех своих сотоварищей и то, что я к организации вовсе не принадлежал, что состав ее и образ действий были для меня тайной и что ни на одном совете членом организации ни разу не был.

Подготовление к восстанию (утверждаю наверно) делалось отставным штабс-ротмистром Чернявским, а утверждаю потому: а) когда я 22 апреля приехал к Лукашевичу, и он мне объявил, что начинает восстание, я спрашивал, какие у него к тому средства; в то время Лукашевич указал мне 2 уже уложенные брички, наполненные оружием, свинцом и порохом, все это за 2 дня до моего приезда доставил ему Чернявский, когда же он, Чернявский, вслед за мной приехал, то объявил Лукашевичу, что на предполагаемом сего дня пути будет нас ожидать около 100 вооруженных человек из окрестностей м. Молчаджи, откуда он едет, но мы вечером нашли только, кажется, 13 человек. Обстоятельство это легко можно поверить местным дознанием и посредством спроса тех, которые возвратились из партии и положили оружие, а именно: сколько могу вспомнить, некто Маркушевский, Охотницкий и Флориан Микульский, дворяне или мещане в окрестно-

^а Т. е. безвыходное.

^б Т. е. друг друга.

^в Так в тексте.

стях того местечка, да дворянин Викентий Бобинский, домашний^а учитель у помещицы Ельской в им. Белокурка; б) Чернявский, не доходя до Миловид, нас оставил и отправился по уезду высылать новых охотников; каждый день являлись к нам 6, 7 или 8 человек, почти все вооруженные. Спустя, может быть, 10 дней прибыл в обоз и Чернявский, привез около 20 пудов свинца и довольно пороху, пробыл не более 3 или 4 часов и уехал, обещая прислать людей более, и, правда, через несколько дней после его отъезда сразу прибыло к нам 61 или 62 человека, хорошо вооруженных; люди эти все были из одной окрестности, т. е. из околицы Плавских и окружностей; по первому на них взгляду видно было действие организующей руки и то, что они не собрались поодиночке и нечаянно; в) тот же Чернявский, прибыв, наконец, в обоз накануне Миловидского сражения², привел к нам и Новогрудскую партию под командой Миладовского. Наконец, г) пока Чернявский разъезжал по уезду, до тех пор являлись к нам новые охотники, с дня же, в котором Чернявский прибыл в обоз и остался в партии, решительно не прибыл ни один. Я в уездах Пружанском, Кобринском и Брестском никогда в жизни моей не был, разве только мог быть в Пружанском у., когда мы были уже в обозе Врублевского в Беловежской пуще. Обвинение, что я до восстания разъезжал по этим уездам — это какое-то недоразумение или ошибка, случившаяся, наверное, по поводу похожих в произношении на мою фамилию, а именно: Козеровских и Козерадских, проживающих в уездах Волковысском и Пружанском, я же называюсь Казигродский.

Что же относится сбора денег для восстания, сколько кто должен был уплатить и кем именно собирались деньги — не знаю по той же причине, по которой неизвестна мне организация. С меня денег никто не требовал, быть может, еще и потому, что я обременен семейством и в долгах, не был в состоянии дать подать и никому ни копейки на эту цель не дал.

Под Миловидами (что объяснил уже в прежнем моем показании) я видел приехавшего помещика Эдуарда Керсновского, который желал свидания с Лукашевичем; полагаю, что он же, Керсновский, занимался доставкой одежды и съестных припасов, а дворянин Гудович и жид из корчмы Смольни могли быть его подрядчиками, и вследствие того он, Керсновский, мог быть одним из членов организации.

Оружие да в небольшом количестве порох и свинец весьма многие приносили с собою, что все вместе с тем количеством, которое привез с собою Лукашевич, а которое доставил Чернявский, составляло значительный запас. Кроме того, небольшое количество оружия доставил какой-то дворянин из Новогрудского или Слуцкого у., и хотя все доставляемое в обоз было принимаемо обыкновенно на передовом пикете, расположенном от обоза в 4 верстах и составленном из одних и тех же бессменных рядовых под командой унтер-офицера Шаумана, и о том в обозе никто не знал, но этот случай и доставка известны мне потому: дворянин, сделавший эту доставку, имел в нашей партии племянника, да, кроме, одного знакомого сына своего соседа, оба они были еще весьма молодые люди, в том же году кончившие новогрудскую гимназию. Фамилия одного Довнар, другого — не помню. Сделавший доставку

^а Перед словом домашний в тексте ошибочно поставлено обозначение пункта б.

хотел непременно повидаться со своим племянником и с сыном соседа и посредством Шаумана выпросил у Лукашевича, чтобы он сделал исключение и позволил прибыть в обоз. Я в то время был на ученье; сказанный дворянин встретился в обозе с Лукашевичем, вблизи нас делавших ученье, у него было в руках 2 пистолета, он, подходя к Лукашевичу, сказал: «Я доставил несколько штук оружия, а эти пистолеты, один — моему племяннику, а другой — его товарищу»; тут он назвал обоих, помню только Довнара. Фамилия его мне неизвестна, но в лицо узнал бы. Довнар перешел от нас в новгородскую партию, она рассеялась, но этот молодой человек, наверное, где-либо арестован и должен указать дворянина, сделавшего доставку.

Из числа 311 человек, составлявших партию, не все были вооружены огнестрельным оружием, 93-м не умевшим стрелять даны были косы, которые делались в обозе двумя плотниками, работавшими постоянно чрез весь май месяц, железо на косы было доставлено тоже помещиком Эдуардом Керсновским. Организация для поддержки восстания ничего не сделала, в доказательство того довольно упомянуть еще раз на то, что после Миловидского сражения, т. е. когда Чернявский от обоза уже ни разу не отлучался, ни один к нам новый охотник не прибыл.

Что же относится до того, с кем из членов организации начальник партии мог иметь дело во время движения партии (или стоянок) из-под Миловид до Царства Польского, то объясняю следующее: в начале июля месяца, когда партия из южной части уезда перешла на северную сторону Брест-Бобруйского шоссе, раз во время отдыха (это было днем) пикет дал знать Юндзиллу, что кто-то желает с ним повидаться. Юндзилл пошел на пикет, и хотя это было в лесу, но [так] как недалеко от места, в котором отдыхали, я опять увидел помещика Эдуарда Керсновского.

Через несколько дней после того партия стояла в лесах, прилегающих к восточной границе уезда, недалеко [от] границы уезда Новгородского, в расстоянии может быть 12 верст, от им. Альбертин и Гавеновичи; была ночь; по известию из пикета, что кто-то желает с ним повидаться, Юндзилл встал и ушел, но, возвратясь, не сказывал никому, с кем имел свидание.

2 августа, когда Юндзилл был сменен новым начальником — Коллупайлой Иваном, то с ним, последним, приехал какой-то член, видно, из высшей организации, что из высшей — полагаю потому, что он приказал стать партии под ружье, делал смотр, разругал перед фронтом Юндзилла за то, что избегал сражений, и тут же объявил нам, что с настоящей минуты начальником есть Коллупайло. После того Юндзилл сдавал ему отчетность из сумм, объяснялся в своих действиях. Чиновник этот приказал^а, наконец, Чернявскому наблюдать за действиями нового начальника и рапортовать об них, кажется, через каждые 10 дней, а мне смотреть, чтобы провизия распределялась рядовым ежедневно и регулярно, и уехал.

Господин этот одет был ксендзом; я заметил, что он, явясь в обоз, подал Чернявскому руку. Спрашивал Чернявского про его фамилию, он мне сказал, но я забыл, если вспомню — не умолчу, наверно.

В тексте приказав.

На другой или третий день после прихода нашего в обоз Врублевского явилось некое лицо, которого [я] мог бы узнать; он ходил по обозу и расспрашивал, кто в чем нуждается; я просил сапогов, и через 2 дня сапоги были мне присланы. Фамилии [я] его не спрашивал и не знаю.

Накануне разделения нашего с Врублевским пришел в обоз помещик Волковысского у. Лодаховский; его 2 брата — Горгониум и Оттон — знакомы мне были давно, они иногда приезжали в Слоним, имени же третьего, того именно, который приехал в обоз, не знаю, известно мне только, что он — родной брат первых.

И, наконец, по приходе нашем в Царство Польское, когда уже мы были задержаны и обезоружены, в эту же деревню приехал кто-то Повятовский. Говорили, что он какой-то чиновник Бельского у., действующий по обеим сторонам границы; он, действительно, давал какие-то распоряжения, но я был так сконфужен арестом, что не обращал на его действия внимания, помню только его фамилию, он Повятовский, приметы его: лет около 24, рост более чем средний, волосы темнорусые.

Подлинное подписал Цезарий Казигродский

Допрашивали: председатель комиссии полковник Лосев, члены: майор Шпейер, капитан Семенов, поручики: Юган и Гогель и аудитор Федоров.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1865 г., д. 384, лл. 112—120. Заверенная копия

¹ Об учреждении и деятельности слонимской библиотеки см. показания И. И. Печарского, Э. К. Рогозы и Л. А. Чечота (там же, лл. 160—161, 175, 178—179).

² См. прим. 10 к док. 260.

263

1864 г. августа 13. Варшава.—Показание Оскара Авейда об организации революционного управления в Гродненской губ. накануне и во время восстания

Гродненская губ. и до восстания, и со времени его разделялась в административном отношении на 2 воеводства — Гродненское и Белостокское, которое составляли уезды Белостокский, Брестский, Бельский, Кобринский и Пружанский¹.

До восстания Белостокское воеводство состояло в ведении непосредственном Центрального народного комитета². Гродненское же состояло в ведении Провинциального литовского комитета в Вильно. Провинциальный комитет чрез уполномоченного своего доктора виленского Длуского (он прежде служил как военный на Кавказе, впоследствии командовал повстанческим отрядом в Ковенской губ. под псевдонимом Яблоновского), требовал от Цент[рального] нар[одного] комитета отдачи организации Белостокской под управление Провинциального комитета, но согласие не состоялось³, белостокская организация была весьма малоразвита и была более названием, нежели сущностью: начальника воеводства не было вовсе, даже из начальников уезда был только один начальник, если не ошибаюсь, Конаржев-

ский, помещик Белостокского у. В прочих уездах были отдельные заговорные сотки — десятки, разбросанные по уездам и часто ничем между собою не связанные. Из прочих членов белостокской организации помню еще фамилию Писанко — кажется, чиновника в управлении железных дорог на ст. Лапы. Конаржевского я никогда не видел, потому что Белостокское воеводство было в заведывании Шварца Бронислава, члена Комитета, который, насколько мне известно, сам первый образовывал организацию этого воеводства.

Собственно Гродненское воеводство, как находящееся в зависимости Провинциального комитета, не было в Варшаве совершенно знакомым ни Цен[тральному] комитету, ни лицам, от имени его действующим. Мне только, как довольно долго состоявшему в народной организации, известно, что там наиболее действующим лицом был Константин Калиновский, кандидат права С.-Петербургского университета, б. член Провинциального виленского комитета до восстания, с восстания — комиссар Нар[одного] правитель[ства] Гродненского воеводства, с конца июля месяца 1863 г. — член Исполнительного литовского отделения в Вильно, заведывающий администрацией восстания в Литве. Кроме него, помню фамилию Заблоцкого, кажется, доктора, как члена организации более деятельного, но какую он должность именно занимал в революционной администрации, — не знаю⁴.

Со времени восстания Белостокское воеводство перешло в заведывание Исполнительного отделения Литвы в Вильно, и с тех пор всякие непосредственные сношения Нар[одного] правитель[ства] с этим воеводством прервались совершенно. Была мне известна только фамилия начальника гор. Белостока, но и эту после годового истечения я забыл. Фамилия какого-то Стасякевича была мне известна, потому что человек такой фамилии, насколько помню, какое-то лицо из духовного звания, сформировал в Подляском воеводстве отряд повстанческий и перевел потом оный в Белостокское воеводство. По поводу споров, возникших между офицерами этого отряда насчет командования им, Стасякевич представлял эти споры на решение Военного департамента Революционного правительства. Командовал ли он сам упомянутым отрядом, — наверное не знаю и скорее предполагаю, что команда была отдана неизвестному мне по фамилии русскому офицеру. Что же касается Гродненского воеводства — оно более не было в Варшаве знакомое, я только случайно знал фамилию упомянутого выше Калиновского, как гродненского комиссара. Военным начальником воеводства был назначен там какой-то Духинский⁵, б. офицер еще дореволюционного (1831 г.) польского войска, эмигрант; после же удаления его, быть может, в июле месяце прошлого года, был назначен молодой офицер лесной службы Врублевский (номинация была ему выдана Исполнительным виленским отделением). Он, насколько помню из объяснений, полученных от Калиновского в Вильно, принадлежал еще к заговорной дореволюционной организации литовской и занимал какую-то гражданскую в революции должность до назначения его в начальники военные. Насколько я слышал, он потом перешел из Гродненской в Люблинскую губ. и служил под командой Крука. Во время же моего пребывания в Вильно отчасти по короткости времени, отчасти по причине всеобщего тогдашнего испуга и повседневных арестов, отчасти [оттого], что я был занят формированием центральной власти

в провинции, которой уже тогда не было, и не мог вникать в дела воеводства, ничего о состоянии организации и фамилии более деятельных в этих воеводствах лиц не узнал. Если же и были мне в самом деле известны какие фамилии, так после долгого времени я забыл их. Предполагаю однако же, что следственная Виленская комиссия, заседающая в подоминиканском здании⁶, имеет полные и верные сведения даже об организации Гродненского и Белостокского воеводств, в особенности после арестования Калиновского в Вильно и его сотрудников и сообщников в провинциях. Из начальников воеводств в Литве я хорошо помню только фамилию доктора Дзичковского в Ковно, как при мне призванного Калиновским быть начальником Ковенского воеводства.

Знаю только еще, что до восстания заговорная организация Гродненского и Белостокского воеводств была сильнее и более развита, чем в других странах Литвы. Из варшавских членов организации развед один Пржибыльский^{*7} был бы в состоянии, как секретарь Литвы, дать более подробные объяснения.

Оскар Авейде

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 34, д. 2571, лл. 5—6. Подлинник

¹ О революционной организации Гродненской губ. см. прим. 1, 6, 9, к док. 260.

² А. Ф. Смирнов считает, что революционная организация Белостокского воеводства была создана Б. Шварце в течение 1861 г.—весны 1862 г. (см. А. П. Смирнов. Кастусь Калиноўскі ў паўстанні 1863 года. Мінск, 1959, стр. 39, а также воспоминания Б. Шварце в сб. «W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego. 1863—1903», Lwów, 1903).

³ Переговоры с ЦНК о передаче белостокской организации в ведение Литовского провинциального комитета до Длуцкого вел Э. Вериго, который с этой целью ездил в Варшаву в ноябре 1862 г.

⁴ Наиболее деятельную роль в организации играл Эразм Заблоцкий, а не его брат, врач Юлий, как показывает Оскар Авейде.

⁵ С момента создания революционной организации в Гродненской губ. военным начальником был В. Врублевский. Духинский был назначен военным начальником Гродненского воеводства после изменения состава Литовского провинциального комитета в марте 1863 г., летом 1863 г.— снова В. Врублевский.

⁶ Имеется в виду Виленская особая следственная комиссия.

⁷ Имеется в виду Вацлав Пшибыльский — представитель Литвы и Белоруссии в ЦНК, позже — член варшавской революционной организации.

264

1865 г. мая 5.— Заключение Временного полевого аудиториа-та Виленского военного округа о высылке в Сибирь крестьян Хорошанской вол. Белостокского у. Ф. Неродзика, И. Сокола, Д. Богдановича и В. Томашевского за отказ платить помещику оброк и исполнять распоряжения властей

Временный полевой аудиторiat, рассмотрев представленные гродненским губернатором 2 военно-судные дела о крестьянах Гродненской губ. Белостокского у. Хорошанской вол. старостах сельских

* Вацлав Пшибыльский бежал за границу.

обществ: Паньковского — Франце Лаврентьеве Неродзике, 38 лет, Избитского — Иване Войтехове Соколе, 62 лет, Марковщицнянского — Доминике Войтехове Богдановиче, 35 лет, сотском дер. Крущева Антоне Бенедиктове Козловском, 80 лет, и дер. Рогово — Викентии Войтехове Томашевском, 46 лет, и крестьянине Нововольской вол. дер. Нововоля Якиме Степанове Медведе, 38 лет (из них последний православного вероисповедания, а прочие — римско-католического). сужденных по полемому уголовному уложению за неисполнение распоряжений начальства и отказ в платеже оброка в пользу помещика, — находит, что в начале 1863 г. крестьяне Хорощанской вол. Паньковского, Избитского и Морковщицнянского сельских обществ, к коим принадлежали все поименованные подсудимые, за исключением Якима Медведя, отказались вносить в казначейство оброк, следуемый в пользу помещика за владемые ими земли, и упорствовали в этом, несмотря на увещания мирового посредника, в присутствии которого один из подсудимых — крестьянин Томашевский — говорил, что оброк платить не следует. На собиравшихся же по этому поводу мирских сходах особенное влияние к поддержанию в крестьянах неповиновения начальству оказывали наиболее, как доносило местное начальство, подсудимые сотский Козловский и старшины Неродзик, Сокол и Богданович, из коих 3 последние, быв призваны гродненским губернатором, после увещания заплатить оброк в пример прочим, не только не исполнили этого, но вместе с 30 крестьянами своих обществ отправились к мировому посреднику и объявили ему, что платить оброк не намерены. Вследствие этого подсудимые Неродзик, Сокол, Богданович, сотский Козловский и крестьянин Томашевский были арестованы и на допросах, сознаваясь в неплатеже оброка, показали, что никого к этому не допускали и сами были руководимы общим желанием крестьян одних с ними обществ.

Последний подсудимый крестьянин — Яким Медведь — был предан суду также за неповиновение начальству и отказ от платежа оброка в 1863 г., но за это преступление он, по приговору волостного суда, был уже наказан розгами, а на допросах при следствии и в суде он, Медведь, сознаваясь в неплатеже оброка, объяснил, что не внес его по неимению денег. По сим обстоятельствам Временный полевой аудиториат, признавая подсудимых крестьян Неродзика, Сокола, Богдановича, Козловского, Томашевского и Медведя виновными в упорном неповиновении распоряжению начальства и отказе от платежа оброка за владемые ими помещичьи земли, причем по делу не доказано, чтобы эти подсудимые подстрекали других крестьян неповиновению начальству, находит, что за сказанное преступление, предусмотренное законом в 306 ст. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, подсудимые подлежат тюремному заключению от 4 до 8 месяцев, но так как из подсудимых Неродзик, Богданович, Сокол и Томашевский, исполнявшие в своих обществах мирские должности и упорно отказывавшиеся от исполнения распоряжений начальства, оказываются положительно вредными для пребывания в крае, то во внимание к этому Полевой аудиториат полагает их, Неродзика, Сокола, Богдановича и Томашевского, выслать с семействами на водворение на казенных землях ведомства государственных имуществ в Томскую губ., с тем чтобы имущество, какое у них есть, было продано с публичного торга для

пополнения издержек казны по их переселению; крестьянина же Козловского, 80 лет, во внимание к престарелости его, на точном основании указанной 306-й ст. Уложения, не подвергать высылке из края, выдержать в тюрьме 8 месяцев и оставить на прежнем месте жительства на ответственном поручительстве общества, к которому он принадлежит, а крестьянина Медведя, как уже наказанного по приговору волостного суда розгами, не подвергать новому наказанию, освободив из-под ареста, оставить также на поручительство общества, к которому он принадлежит. Заключение это Временный полевой аудиториат представляет на благоусмотрение г. командующего войсками Виленского военного округа.

Резолюция командующего войсками Виленского округа Согласен с тем, чтобы Антона Козловского во внимание к старости его выдержать в тюрьме лишь 4 месяца. 11 мая 1865 г.

Ген.-адъютант фон Кауфман

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 34, д. 2437, лл. 38—40. Заверенная копия

1861 г. марта 1.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долго-
рукову о сочувствии населения Минской и Волынской губ.
манифестациям в Варшаве

Весьма секретно

Милостивый государь кн. Василий Андреевич!

Совершившиеся в Варшаве народные манифестации, видимое к ним сочувствие и в жителях западных губерний польского происхождения поставляют меня в обязанность сообщить в. с. с полной откровенностью некоторые дошедшие до меня сведения из верных источников и из рассказов весьма ко мне близких военных офицеров об ожесточенном, тревожном направлении умов в Минской и Волынской губ. В первой из них дворянство, как я уже имел случай доводить до вашего сведения в собственных моих предположениях, заводит ныне повсеместно в деревнях народные школы, стараясь таким образом привлекать к себе крестьян и распространять, сколь возможно, в православном населении исключительное изучение языка польского¹. Преследование этих мер училищным начальством слабо, как говорят, поддерживается начальством губернии, именно потому, что меры эти покровительствует будто бы влиянием своим супруга гражданского губернатора, принадлежащая к римско-католическому исповеданию.

В Волынской же губернии раздаются в народе возмутительные воззвания Чарторьского и Мерославского; в них призывают жителей к пожертвованиям известной части доходов из имений для дела освобождения отчизны, и складки эти отправляются посредством отъезжающих лиц и другими путями заграничным злоумышленникам. Брожение умов так велико, что там порицают людей, носящих военный мундир русский, считая это в настоящее время позором для польского уроженца.

В. с., без сомнения, изволите со мною согласиться, что делать по сему какие-либо явные указания губернским начальникам было бы неудобно во многих отношениях, но принять другие по усмотрению правительства меры, которые не компрометировали бы местной власти и не допустили бы разгадывать действительно к тому причин, было бы не только не лишним, но, по мнению моему, даже необходимым.

С отличным почтением и совершенной преданностью имею честь быть, м. г., в с. ...

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 3, лл. 1, 8. Отпуск

¹ Упоминаемое отношение В. И. Назимова не обнаружено, но об учреждении помещиками польских школ в имениях имеется донесение минского жандармского штаб-офицера Б. К. Рейхарта В. А. Долгорукову от 23 октября 1859 г. В нем указано: «...некоторые помещики Минской губ. обучают крестьянских мальчиков польской грамоте и, может быть, с той целью, чтобы при предстоящих переменах настоящее влияние на крестьян заменить нравственным... Польская грамота передается частью католическими монахами и ксендзами белого духовенства, которых можно встретить почти в каждом поместье» (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1859 г., д. 223, лл. 5—6 об.).

266

1861 г. апреля 5.—Циркуляр минского губернатора Э. Ф. Келлера земским исправникам о представлении еженедельных сведений о волнениях в Минской и соседних с ней губерниях

От 27 истекшего марта предписано было земским исправникам¹ доносить мне неупустительно и немедленно о всех кажущихся даже самыми незначительными беспорядках, которые могут возникнуть ныне между помещичьими крестьянами по случаю реформы их быта.

Получив сведения, что в некоторых местах подобные беспорядки уже возникали², хотя и не имели важных последствий, я считаю нужным подтвердить о строгом исполнении вышеприведенного моего предписания, приговора, что донесения о состоянии умов крестьян должны быть во всяком случае доставляемы мне еженедельно.

Если бы затем открыто было, что где-либо предпринимается отправить панихиду за убитых в Варшаве, или произвести в пользу семейств их денежный сбор, или же, наконец, готовятся политические демонстрации, то вы обязываетесь немедленно и прежде всего разузнавать о главных распорядителях сих воспрещенных правительством действий и предлагать им прекратить оные. При безуспешности в сем случае, распорядители панихид и отправлявшие их ксендзы, а равно главные виновники демонстраций должны быть тотчас арестованы и под строгим караулом доставлены ко мне в Минск с подробным донесением о действиях этих лиц. Что же касается тех, которые будут производить помянутые денежные сборы, то вы должны ограничиться внушением им, что сборы сии ныне воспрещены и что, если они не прекратят оных, то будут подлежать ответственности как преступники политические.

О всех прекращенных вами таковых беспорядках, а равно и оных лицах, которые, несмотря на внушения, [сделанные] вами, будут продолжать денежные сборы, вы должны доносить мне подробно и немедленно. Само собою разумеется, что если бы открыты были предприятия более важные, предприятия, прямо клонящиеся к нарушению спокойствия в крае, то виновные в оных немедленно должны быть арестуемы и препровождаемы ко мне в гор. Минск.

Не излишним нахожу предупредить вас, что если бы за сим я, помимо вас, узнал о каких-либо допущенных во вверенном вам уезде и городе предприятиях, противных видам правительства, то вы признаны будете мною не только неспособным к полицейской службе, но и вообще чиновником неблагонадежным³.

ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405, лл. 29—30. Отпуск

¹ Предписание не обнаружено.

² 20 марта 1861 г. жаровский священник М. Пиглевский доносил архиепископу минскому и бобруйскому Михаилу о выступлении крестьян с. Жары Иолчанской вол. Речицкого у. против непосильной барщины и жестоких наказаний администрацией имения (ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1421, л. 2 и об.). Пинский земский исправник 4 апреля 1861 г. доносил минскому вице-губернатору об отказе крестьян дер. Судче Кухоцковальской вол. исполнять барщину и наказании их становым приставом (там же, лл. 9—10).

³ В ответ на указанное предписание губернатором были получены рапорт борисопского городничего от 10 апреля 1861 г. о намерении помещика Г. Свида организовать в мае 1861 г., во время съезда помещиков в Борисове, денежный сбор в пользу семей убитых и раненых в Варшаве (там же, д. 1405, л. 32) и донесение случкого земского исправника от 15 апреля 1861 г. о запрещении им готовившейся в несвижском костеле панихиды по убитым в Варшаве (там же, лл. 37—38).

267

1861 г. апреля 6.—Письмо минского жандармского штаб-офицера Б. К. Рейхарта начальнику штаба корпуса жандармов А. Е. Тимашеву о политическом положении в губернии

Конфиденциально

Милостивый государь Александр Егорович!

Простите, в. п., если я выхожу из формы и решаю обратиться к вам неофициально. Для формального донесения мне недостает положительных фактов, а позвольте мне сказать только то, что мне кажется и что слышу от развязных язычков, особенно прекрасного пола, часто хотя сплетни, часто же дает нам возможность извлечь и дельное.

Что умы наших поляков взволнованы, это не ново, нерасположение их к правительству возрастает, в кругу своих, не стесняясь, высказывают свои идеи, иные хотят какие-то права, иные бредят восстановлением старой Польши с уничтожением всего русского, одним словом, все в каком-то брожении и как будто чего-то ожидается; между тем состоят в деятельных сношениях с своими одноплеменниками [из] Царства Польского. Образ мыслей выражается при возможных случаях: так, например, недавно проезжал через Минск сын известного польского писателя Владислав Мицкевич (французский подданный)¹, нашлись энтузиасты, которые в честь этого ничтожного господина устроили по подписке в публичном зале обед с музыкой, тостами и спичами; нашлись, впрочем, и такие, которые, чтоб отделаться, дали деньги, но на обед не явились; между участниками этого обеда не было людей, могущих вполне оценить талант поэта, а, вернее, оценивали в умершем его идеи и недруга России. Вояжер этот отсюда отправился в Новогрудок—это родина отца его; тамошний уездный предводитель дворянства ходатайствовал о сооружении памятника поэту Мицкевичу, но г. министр внутренних дел нашел неудобным входить о том с представлением².

Когда здесь получено было известие о первом происшествии в Варшаве, кто-то на маскарадной афишке, прибитой к фонарному столбу, написал карандашом: «Bracia przestańcie weselić się a noście żałobę po zgonie», т. е. «Братья, перестаньте веселиться, а носите траур по кончине».

Во многих беспорядках молодежь нередко играла роль; так, в Варшаве 1830 г. бунт начали школьники, тут в Минске 1855 г. злонамерение (к счастью, заблаговременно открытое) имело начало частью между воспитанниками бывшего здесь землемерческого класса; да и в настоящее время заметно некоторое движение между учениками минской гимназии; доказательством служит, в числе прочего, следующее: когда приготавлилась панихида, о которой я имел честь донести в. п. 10 марта за № 19³, то гимназист явился к губернскому предводителю дворянства с приглашением, и что же? Муж этот, волей или неволей, последовал за юношей.

Хотя при всем стремлении здешних поляков к переменам, в настоящее время, когда крестьяне благодарят правительство, серьезного ожидать и нельзя, но за всем тем мне кажется, что меры предупредительные были бы не излишни и усиленное наблюдение за настроением умов впору; педагогическому же начальству не мешало бы принять благоразумные меры к удержанию юношества в поведях. С особенным уважением и всею преданностью имею честь именоваться в. п. всепокорнейший слуга

Рейхарт

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 5, лл. 2—3 об. Подлинник

¹ В марте — апреле 1861 г. Владислав Мицкевич посетил Минск, Новогрудок, Вильно (см. W. Miśkiewicz, *Pamiętniki*, т. II. Kraków, 1927, str. 50—73).

² Новогрудский уездный предводитель дворянства В. Брохоцкий 16 ноября 1860 г. сообщил минскому губернскому предводителю дворянства А. Д. Лаппо о желании жителей гор. Новогрудка увековечить память Адама Мицкевича, для чего просили разрешения правительства открыть публичную подписку для сбора пожертвований на сооружение памятника поэту. На представление по этому вопросу минского губернатора министр внутренних дел 8 февраля 1861 г. ответил отказом (ГАМО, ф. 320, оп. 1, д. 374).

³ ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 5, л. 1.

268

1861 г. апреля 16. — Рапорт Б. К. Рейхарта А. Е. Тимашеву
о панихиде в Мозыре по убитым в Варшаве

Секретно

Панихида по убитым в Варшаве во время бывших там беспорядков повторялась в нескольких местах Минской губ., с особенным же сочувствием в гор. Мозыре; 31 марта в тамошнем приходском костеле настоятелем кс. Римшею с приглашенными из Кимбаровского монастыря монахами совершено было служение за упокой тех убитых. Во время служения в костеле находилось несколько соседних помещиков, чиновников католического исповедания, женщин, одетых в траур, и много прочего народа¹. Костел убран был в траур, в чем преимущественно участвовали дамы, а катафалк обставлен цветами, доставленными усердными молебщицами; на гробе положено было пять мученических венцов, из моху и разной зелени сплетенных, которые по окончании служения разобраны присутствовавшими по частям. Богослужение это устроено было, по собранным под рукою сведениям,

по распоряжению мозырского уездного предводителя дворянства Замойского, вследствие полученного им письма от варшавского епископа Фиалковского, который, между прочим, просит всех дам не употреблять в нарядах своих ничего цветного и не участвовать ни в каких увеселениях.

Достойна замечания речь, произнесенная при этом кс. Кульвановским, б. законоучителем мозырской гимназии, а после смещения с этой должности оставленным по распоряжению духовного начальства в Кимбаровском монастыре. Ксендз этот, взяв тему из плача Иеремии пророка над разорением Иерусалима, первоначально изложил повод настоящего служения, заметил, что убитые пострадали за самое благородное и самое совестное дело, что здешний край от времен Владислава и Ядвиги Ягеллов тесно связан с Польшей² и что ее скорбь и угнетения должны найти сочувствие в жителях этой страны. За сим, напомнив давнее величие и могущество Польши, бывшей страшной для неверных, обратился с наставлением к матерям, в каких правилах следует воспитывать сыновей, чтобы они сделались потомками, достойными своих предков; потом произнес подобное же воззвание к юношеству и, наконец, окончил речь благодарением за дело усердия и приглашением надеть траур на неопределенное время. Проповедник этот тамошней публикой фанатически уважаем³.

Сведения эти, полученные начальником Минской губ. от мозырских уездного стряпчего и городничего⁴, долгом считаю почтеннейше представить на усмотрение в. п.

Подполковник Рейхарт

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 356, лл. 1—2. Подлинник

¹ В пении гимна принимали участие канцелярские служащие уездных учреждений, врачи, учителя и ученики мозырской гимназии, ремесленники, торговцы, лакеи, прислуга и прочие лица, находившиеся в услужении (см. док. 19).

² Имеется в виду объединение Польши и Литвы на основе Кревской унии 1385 г.

³ За произнесенную проповедь кс. Г. Кульвановский по распоряжению министра внутренних дел в мае 1861 г. был выслан на жительство в гор. Петрозаводск Олонецкой губ., где и умер 14 ноября 1865 г. (ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1444, лл. 12—13, 45).

⁴ Рапорты мозырских городничего и уездного стряпчего минскому губернатору от 2 и 3 апреля 1861 г., а также донесение губернатора министру внутренних дел от 11 апреля 1861 г. о панихиде в гор. Мозыре 31 марта по убитым в Варшаве см. там же, лл. 6—8, 12—13.

269

1861 г. мая 4.—Рапорт флигель-адъютанта А. А. Кавелина Александру II о волнениях крестьян в имениях Мозырского у. и о причинах крестьянских волнений в Минской губ.

Начальник Минской губ. отношением от 12 апреля за № 2750 сообщил мне, что крестьяне Мозырского у. в им. Бриневе и Дорошевичи помещиков Кеневичей вышли из повиновения своим помещикам и отказались совершенно от работ, в пользу их установленных инвентарями, и что так как все принятые уездным предводителем и земским исправником, а также и приходскими священниками меры к убеждению неповинующихся и к обращению их к порядку остались без малейшего успеха, то, по соглашению г. начальника губернии с ген.-майором Гербелем, еще до моего приезда в гор. Минск он признал необходимым

отрядить на место беспорядков военную команду из расположенного в Минской губ. Калужского пехотного е. в. короля прусского полка в числе одной роты.

Вследствие сего отправился я сам на место беспорядков, куда и прибыл 17 апреля за несколько часов до прибытия роты.

На пути моем из Минска до меня дошли слухи, что неповиновение крестьян быстро распространяется и в соседние имения. Боясь не справиться с одной ротой и согласно 382-й ст. XIV тома Свода законов, коею воспрещается посылать малые команды для усмирения крестьян, а также для выигрыша времени я с пути же просил письмом начальника губернии, дабы в мое распоряжение выслана была еще одна рота из кр. Бобруйска.

Проезжая чрез им. Скригалово, Павлиново и Слинки, я убедился, что зло действительно распространилось и что в этих имениях крестьяне по наущению крестьян им. Бринева отказались исполнять свои обязанности в указанных инвентарях размерах.

На другое же утро по прибытии моем в им. Бринево собраны были по моему приказанию все крестьяне сего имения, а также и из Дорошевич, и я в присутствии роты сперва один, а потом с помощью уездного предводителя дворянства, земского исправника и командированного начальником губернии старшего чиновника особых поручений объявлял им о правах, всемилостивейшим манифестом и Положениями 19 февраля дарованных, и вразумлял о повинностях, какими они обязаны в пользу помещиков, стараясь в то же время, сколь возможно, вникнуть в причины возникших между крестьянами беспорядков, кои состояли в том, что крестьяне со времени объявления им всемилостивейшего манифеста, считая себя свободными от прежних повинностей владельца, перестали отбывать барщину в размерах, указанных инвентарями, и отобрали от помещиков всех крестьян, занимавших хозяйственные должности¹. Первыми отклонившимися от своих обязанностей были крестьяне с. Ляскович, принадлежащего к им. Бринево, которые рассудили сообща стоять непоколебимо за то, чтобы не исполнять требуемых повинностей и делать барщины лишь по одному дню мужскому и по одному женскому в неделю, и то в такое время, какое выгоднее для них, а дабы такое постановление было обязательно и дабы друг друга не выдавали, [они,] собравшись в одну избу, поклялись на то перед святой иконой. За крестьянами с. Лясковичи и по их внушению, последовали и крестьяне не только остальных деревень, при имении числящихся, но и соседних 4 имений — Дорошевичи, Павлиново, Слинки и Скригалово.

Я хотел удостовериться также, не было ли каких-либо возбудительных причин к неповиновению крестьян со стороны помещиков, но по всем справкам от соседних помещиков, уездного предводителя дворянства, а в гор. Минске и от губернского предводителя и г. начальника губернии оказалось, что Героним Кеневич, помещик им. Бринева, в одной из деревень коего начались беспорядки, своим хорошим обращением с крестьянами служит примером для всех, в чем я и сам убедился во время моего пребывания в имении.

Ответом на все мои убеждения, просьбы и приказания крестьянам опомниться и возвратиться к исполнению обязанностей своих, были лишь следующие слова: «Мы не поддадимся под помещика, хоть горло

всем перережь, нам не сходно за эту землю работать более одного дня в неделю».

С прискорбием видя, что кроткие меры к увещанию крестьян не имели никакого успеха, я приказал арестовать двоих из них и немедленно наказать их розгами. Тогда крестьяне взволновались, пытались прорваться чрез ряды военной команды к месту наказания. Я решился только в крайней необходимости употребить силу оружия и потому приказал нижним чинам бить их лишь прикладами. Крестьяне, воздержанные таким образом, большей частью бежали в лес, спустя же 2 часа, сами явясь, объявили раскаяние свое и готовность повиноваться помещикам и отбывать повинности по действующим инвентарям, сознавая, что они были в заблуждении. За сим собраны все крестьяне им. Бринева, Дорошевич и Павлинова, и из числа их несколько человек, замеченных мною более других в наглости и упрямстве, наказаны для примера.

Убедясь, наконец, в истинном раскаянии крестьян и желании возвратиться к своему дому, я вновь объявил им, чем они обязаны в отношении к помещикам, сделал приличное внушение о повиновении властям и невнимании к посторонним толкам неблагонамеренных лиц и призвал их к благодарственному молебствию.

Окончив таким образом в этих 3 имениях, я просил предводителя дворянства и земского исправника отправиться в Слинки и стараться уговорить крестьян к повиновению, что и было ими исполнено с успехом; поручил чиновнику особых поручений остаться еще неделю в Бриневе на случай могущих встретиться недоразумений и приказал расположить в им. Бринево, Дорошевичи и Павлиново 10-ю роту Калужского пехотного е. в. короля прусского полка, для того чтобы не слишком обременять крестьян, так чтобы на каждые 3 двора приходилось по одному солдату, а в случае надобности рота могла быть собрана в 5 часов времени. Рота эта, по распоряжению г. начальника губернии, должна остаться в Мозырском у. впредь до приказа².

Сам же я отправился в им. Скригалово, куда накануне послал прибывшую из Бобруйска 14-ю роту 4-го резервного батальона Полтавского пехотного полка. Здесь [я] собрал крестьян как скригаловских, так и соседних имений, долго толковал им каждый параграф высочайшего манифеста и по получении от крестьян обещания быть в повиновении у помещиков и работать, как указано инвентарями, легко наказал главных слушников, более для примера, и в этот же день отправился в гор. Минск, отдав роте приказание после недельного отдыха возвратиться в кр. Бобруйск³.

Затем, благодаря всевышнего за то, что не допустил меня к более строгим мерам и в особенности проливать кровь моих соотечественников, я, согласно повелению в. в. всем командированным по крестьянскому делу, имею счастье присовокупить мнение мое о главных поводах и причинах, возбудивших неповиновение крестьян. Они суть следующие.

1. Толки и слухи, распространяемые проходившими людьми разного звания и в особенности плывущими на судах по р. Припяти, на берегу коей расположена дер. Лясковичи, в которой и начались беспорядки, как, например, «что нигде более одного дня в неделю не работают». Крики с судов: «Эй, хлопцы, держитесь, теперь наша пора».

2. Крестьяне сами показывают, что 3 года с нетерпением ожидали свободы и знают наверное, что в. в. рады дать им и волю и землю, но что помещики никак не хотят этого и потому не так толкуют и даже, как говорят некоторые из крестьян, вырывают будто бы листы из Положения, дабы не все читать им. Это, по-моему, совершенно ложные слухи, распространяемые неблагонамеренными людьми, которые, к сожалению, везде и всегда есть, были и будут, и в особенности вследствие совершенной безграмотности крестьян, которые, не умея читать сами, весьма легко верят тем, кои говорят им, что их обманывают и читают не то, что в. в. прислано.

3. Несовершенное понимание некоторых правил, в Положении о крестьянах изложенных, и превратное их толкование не только крестьянами, но даже и помещиками и совершенное убеждение крестьян, что никто не имеет более права их наказывать, и

4. Недостаточное образование большей части сельских священников, которые, сами не хорошо понимая, что читают^а, превратно толкуют крестьянам как манифест, так и Положение^а 4.

Флигель-адъютант штабс-капитан Кавелин

ЦГИА СССР, ф. 1180, 1861 г., д. 105, лл. 17—23. Подлинник

Опубл.: «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права». М.—Л., 1949, стр. 114—117.

¹ Пинский земский исправник Флигель в рапорте Э. Ф. Келлеру от 1 апреля следующим образом описывает реакцию крестьян на объявление манифеста 19 февраля: «...и хотя до сих пор порядок нигде нарушаем не был, но по слухам мне известно, что между крестьянами возрождается ропот и недоверие с той стати, что народ этот в здешней стороне до того необразован, что не в состоянии понять, в чем заключается личная свобода; они полагали, что, будучи освобождены от крепостной зависимости помещиков, освобождаются от всяких в пользу их повинностей и что состоящие в пользовании крестьян угодья перейдут в их собственность безвозмездно» (см. сб. «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», Минск, 1959, стр. 302).

² О волнении крестьян им. Бриневе и Дорошевичи Мозырского у. и мерах, принятых для их подавления, доносил также минский жандармский штаб-офицер Б. К. Рейхарт в III отделение 14 апреля 1861 г. (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 4 эксп., д. 213, лл. 13—14).

Неизвестный автор в письме к Конопацкому в Киев о крестьянских волнениях в Мозырском у. писал: «... в целом уезде крестьяне ничего не хотят делать, рубят лес и т. д., особенно в им. Иеронима Кеневича, который, как говорят, чрезвычайно сурово с ними обращался; пришло к нему несколько тысяч человек, объявили, что возьмут себе землю и лес, а ему оставят господский двор. Дворянство съехалося в Мозыре и поставило: сложиться для подкупа всех чиновников, а между тем послать в Минск за войском. Сегодня войско туда явится, и ты вскоре услышишь о страшных сценах, ибо мужики решились противиться» (там же, СА, оп. 3, д. 2100, л. 1).

³ О том, как «легко наказывали» крестьян войска, посланные из Бобруйской кр., сообщил один из участников карательного отряда, Мейер, в письме к своему приятелю Ф. М. Нельговскому в Петербург 15 июня 1861 г.: «...Мне назначили роль укротителя и послали на усмирение крестьян в имение г. Булгака на границу Минской и Могилевской губ. ... Нас же сделали совершенными палачами: мы переходим с места на место, порем, куем, ссылаем, а кто не виноват, тем только потасовка — за волосы да за бороды.» (там же, лл. 10—12 об.).

⁴ Волнения крестьян происходили повсеместно в течение всего 1861 г. Особенно крупными и продолжительными были крестьянские волнения в Мозырском, Новогрудском и Речицком у. В Мозырском у., кроме указанных имений, крестьянские волнения происходили в им. Базарское, Копаткевичи (там же, 4 эксп., д. 213, лл. 17—20; ЦГИА

^{а-а} Подчеркнуто карандашом. На полях — помета Александра II Если таковые были, то следовало их указать епархиальному начальству.

СССР, ф. 1291, оп. 52, д. 41, л. 9). В Новогрудском у. крестьянские волнения имели место в дер. Радунь, Кожево, Замирье, Тулонка и других наднеманских имениях кн. Витгенштейна (ГАМО, ф. 694, оп. 3, д. 3505, лл. 184—189, 204—208, 211), в Речицком у. — в им. Антопольском, Комаровском, Солтановском, Хобенском и др. (ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 22, 1861 г., д. 1353, лл. 1—2). Выступления крестьян были также в им. Целяково Изуменского у. (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 4 экзп., д. 213, лл. 11—12) и имениях Папернянской вол. Минского у. (ГАМО, ф. 242, оп. 1, д. 13418, лл. 7—8).

О крестьянских выступлениях против помещиков сообщила Е. Третьякова в письме из Слуцка И. Болдыреву в Тамбовскую губ. 25 июня 1861 г.: «...Мужики требуют, чтобы им позволено было работать только два дня в неделю, помещики не соглашаются, и поэтому произошло много бунтов. В Бобруйском у. крестьяне до того разъярились, что подожгли ночью дом своего помещика, а в Речицком — изрубили в куски управляющего...» (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, СА, оп. 3, д. 2100, л. 4).

Крестьяне отказывались отбывать повинности в пользу помещиков. Так, Ф. Боровская в письме из Минска К. Боровскому в Москву 4 мая 1861 г. писала: «...Так много хлопот с мужиками, что легко с ума сойти... Хотя они обязаны нести по-прежнему два года повинности, но не верят помещикам, слушают только своих бунтовщиков, которых очень много, и теперь, когда с поздней весной надо спешить [с] посевом, не хотят отправлять никакой барщины, так что помещики вынуждены просить о присылке солдат. Но это не может продолжаться долго; невыгодно содержать солдат, а как теперь некому засеять полей, так после некому будет ни с них убирать, ни косить сена...» (там же, л. 2).

270

1861 г. июля 15. — Из письма минского губернского прокурора Е. Зенкевича чиновнику особых поручений при министре внутренних дел И. В. Вернадскому о пении польских патристических гимнов и ношении траура жителями губернии

De publicis et politicis rebus^a Минской губ. нечего написать для твоего указателя. Они так печальны, как и лица, блуждающие в трауре по улицам Минска. Возмутительное пение, ношение траура распространены не только по Минску, но и по целой Минской губ. Поют помещики, студенты, ученики, лакеи и, к сожалению, чиновники¹. Пение чиновников более всего опасно и предосудительно, и когда гр. Келлер отправлялся в конце июня в Петербург, я его спрашивал, как он думает, нужно ли мне донести управляющему Министерством юстиции о певчих Министерства юстиции, то граф сказал, что доложит о том Замятнину; но вчера светлый граф возвратился и сказал, что он у Замятнина не был, следовательно меня, как прокурора, поставил в затруднение. Узнайте, пожалуйста, как мне теперь поступить.

При нынешнем слабом действии властей, при явном пособии самой полиции и духовенства к пению (жены и дочери пинского исправника и городничего ходят в трауре и поют), поневоле вспомнишь администратора Дм[итрия] Гавр[иловича] Бибикова. Мы еще не созрели, чтобы с нами обращались ласково, для нас, т. е. поляков, нужна и воля и сила, нужна еще строгость. Государь дал большие льготы; эти льготы не поняты. Поляки вообще считают, что государь боится их, а не они его.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, СА, оп. 2, д. 367, л. 4 и об. Перевод с польского²

^a Об общественных и политических делах (латин.).

¹ О пении гимнов в Минске говорится также в письме из Минска от 15 июля 1861 г. с подписью «Генрих» к студенту К. Корженевскому в Москву: «Не поверишь, как переменялся наш Минск: из тихого и милого городка он превратился в хаос; храмы, до сих пор мирные, наполнились духом неукротимости: постоянно слышатся пения буйной молодежи» (там же, л. 5). В пении гимнов и ношении траура принимали участие находившиеся на каникулах студенты Московского и Петербургского университетов, учителя и ученики минской, пинской и мозырской гимназий, письмоводители, секретари, писаря и другие канцелярские служащие губернских и уездных учреждений, ремесленники, торговцы, лакеи, прислуга и др. (ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405).

² Оригинал неизвестен. В деле содержится только выдержка из письма в русском переводе, которая и публикуется.

271

1861 г. июля 16.—Донесение Б. К. Рейхарта В. А. Долгорукову о распространении в губернии прокламации Л. Мерославского о подготовке к восстанию и об отношении к ней населения

Секретно

Кроме представленного мною при донесении от 6 июля № 100¹ воззвания², здесь появилась и литографированная прокламация Мерославского, весьма обширная, на нескольких листах. В прокламации этой Мерославский главное требует, чтобы привлечь на свою сторону крестьян, стараться учредить кадры, приучать к военному делу и если нет достаточно учителей, то всматриваться в эволюции врагов да упражняться в стрельбе. Потом [он] излагает план общего восстания, обещает привести легионы, к которым должны будут поляки присоединиться; а для приведения всего этого в исполнение требует собрать как можно более денег и высылать в Париж; оружие, по мнению Мерославского, можно будет доставлять в виде контрабанды и складывать в лесах в места более скрытые.

При этой прокламации приложен снимок с подлинного письма Гарибальди в виде доказательства, что Мерославский с ним в сношениях, в котором Гарибальди говорит, что хотя и удаляется на о-в Капрера, но постоянно будет его занимать мысль освобождения народа польского.

Хотя смысл этой прокламации — просто воздушные замки, тем более что и, как видно по газетам, ни Франция, ни Англия в польские дела вмешиваться не намерены, однако за всем тем красно написанное это послание Мерославского сильно подействовало на здешних поляков; головы их так вскружились, что даже безбоязненно шевелятся. Необходимо и скоро принять меры противу этого лихорадочного состояния.

Женщины вообще не только что сами с головы до ног ходят в черном, одевают и служанок своих в траур; этот печальный вид наводит уныние на город; купцы жалуются, что нет никакого торга; русские некоторым образом опасаются, для защиты в квартирах своих держат заряженное оружие; а поляки распускают [слухи], что искоренят все русское, как и выразили то недавно 4 человека, встретившие на улице

начальника здешней телеграфной станции штабс-капитана Тизенгаузе-на: «Этого москаля прежде всех надобно повесить: не успеешь тут плюнуть, как через него уже знают в Петербурге».

Обязанностью считаю обо всем этом почтительнейше довести до сведения в. с.

Полковник Рейхарт

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 436, лл. 5—8 об. Подлинник

¹ Там же, лл. 1—3.

² Речь идет о «Воззвании к литвинкам от польской молодежи», имеющем эпиграф: «Не исчезло еще отечество, пока сочувствуют ему девы, грудь которых источает яд для отравления врага» (см. док. 38).

272

1861 г. июля 23.—Донесение Э. Ф. Келлера П. А. Валуеву
о политическом движении в Минской губ.

В бытность мою в С.-Петербурге я доносил в. вп. о происходившем в гор. Минске пении в римско-католических костелах возмутительных гимнов.

По возвращении из С.-Петербурга я нашел, что в гор. Минске пение это распространилось еще более, что оно уже происходит и в некоторых уездных городах и местечках. Я получил также сведения, что между жителями гор. Минска распространяются прокламации и раздаются революционные знаки, каковы: а) медальон, на одной стороне которого изображена мать божия ченстоховская, а на другой — разломанный крест с распятием и внизу — польский орел с крестом в одной лапе и с масличной веткой в другой, и б) рисунок с изображением варшавского архиепископа Фиалковского, упавшего с монстранцией^а.

В ожидании от правительства общих мер против политических демонстраций я в видах к прекращению пения гимнов отнесся к минскому римско-католическому епископу Войткевичу, прося его обязать настоятелей костелов, под страхом удаления от должностей, воспрепятствовать пению тех гимнов, с тем чтобы об нарушителях сего воспрепятствования они доводили до сведения его преосвященства, а он, со своей стороны, сообщал о том мне; я просил также преосвященного о немедленном смещении настоятелей тех костелов, в которых беспримысливо допускалось уже пение гимнов, как людей неблагонадежных¹. Я распорядился также, чтобы городничие и земские исправники доставляли мне списки о тех лицах, которые будут участвовать в пении².

Сверх сего, признав вредным пребывание в гор. Минске губернского почтмейстера статского советника Урбасевича и товарища председателя палаты гражданского суда надворного советника Козаковского, потому что семейство первого, и особенно сын его, студент Московского университета, обнаруживает особенное стремление к распространению в гор. Минске пения гимнов³, а последний, участвуя в пении сам, примером своим увлекает к тому же и подчиненных ему молодых чинов-

^а Monstrancja — дароносица (польск.).

ников, я вошел с представлением к гг. директору Почтового департамента и управляющему Министерством юстиции о переводе сих чиновников в великороссийские губернии⁴. Что же касается прокламаций и революционных знаков, то я пока употребляю меры к открытию тех лиц, которые занимаются распространением оных, с тем чтобы по собрании верных о том сведений сделать у сих лиц обыск и затем поступить с ними по законам.

Об этом долгом считаю довести до сведения в. вп. с представлением копий отзывов моих: к преосвященному Войткевичу за № 138, к директору Почтового департамента за № 157 и к управляющему Министерством юстиции за № 158, а также список с прокламаций к капланам^а и помещикам литовским и белорусским на польском языке.

Вслед за сим представлена будет мною литографированная брошюра на польском языке о Powstaniu polskiem^б.

ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405, лл. 2 об. — 4. Отпуск

¹ В указанном отношении губернатор сообщил Войткевичу, что пение гимнов постоянно происходило в минских кафедральном и бернардинском костелах, в костеле на римско-католическом кладбище, а также в койдановском костеле 25 июня, ивенецком, дожицком, смиловичском, дукорском, блоньском, несвижском, слуцком и гаенском — 29 июня, холявицненском 2 и 9 июля, новогрудском 22 июня, клецком 2 июля (там же, лл. 44—45). В своем ответе Войткевич заверил губернатора, что всеми силами старается внушить верующим «покорность и уважение [к] престолу» (там же, лл. 62—63). 11 и 22 августа и 17 ноября 1861 г. Войткевич сообщал губернатору, что, несмотря на запрещение, пение польских патриотических гимнов происходило в минских и пинском костелах (там же, лл. 73, 77—78, 138).

² В предписании городничим и земским исправникам от 23 июля 1861 г. губернатор сообщил, что он о запрещении пения гимнов поставил в известность католического епископа и предложил им следить за выполнением этого запрещения и доносить о случаях его нарушения (там же, лл. 45—46).

³ См. док. 273.

⁴ В отношении директору почтового департамента 23 июля 1861 г. губернатор просил перевести Л. Урбасевича во внутренние губернии, выражая опасение, что он может использовать почтовую контору для распространения запрещенных газет, прокламаций и революционных знаков (ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405, л. 1). Директор Почтового департамента 19 августа сообщил о переводе Урбасевича в Орел и просил в случае обнаружения политически неблагонадежных чиновников сообщать ему об этом для принятия мер к перемещению их в другие места (там же, л. 79). В ответ на отношение губернатора от 23 июля 1861 г. о переводе Козаковского управляющий Министерством юстиции предложил уволить его от занимаемой должности и причислить к Министерству юстиции для нового назначения (там же, лл. 2, 67).

273

1861 г. июля 25.—Отношение Э. Ф. Келлера попечителю Московского учебного округа Н. В. Исакову о высылке из Минска студента Московского университета А. Урбасевича за участие в политических демонстрациях

Секретно

Проживающий в гор. Минске у родителей студент Московского университета Урбасевич принимает особенно деятельное участие в

^а Каплан — священник, иерей (польск.).

^б О восстании польском (польск.).

распространившейся в гор. Минске, по примеру других городов Западного края, политической демонстрации, выражающейся в пении в римско-католических костелах гимна об отечестве и свободе, в котором ко вреду высочайшего интереса ясно выражается недовольство существующим правлением и желание перемены оного. Не ограничиваясь личным участием в демонстрации, студент Урбасевич старается склонить к участию в ней и других; для сего он снабжает гимном не имеющих его. Сверх того, он занимается раздачей революционных знаков, каковы: а) медальон, на одной стороне которого изображена мать божия ченстоховская, а на другой — разломанный крест и в низу его — польский одноглавый орел с крестом в одной лапе и масличной веткой в другой, и б) рисунок, изображающий варшавского архиепископа Фиалковского, упавшего с монстранцией.

Находя посему пребывание студента Урбасевича в гор. Минске вредным, я нужным счел отправить его в распоряжение в. п. в сопровождении двух жандармов и об этом донес г. управляющему Министерством внутренних дел¹.

О доставлении Урбасевича покорнейше прошу уведомить меня и приказать выдать в том жандармам квитанции².

Гражданский губернатор гр. Келлер

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 335, л. 1 и об. Копия

¹ Минский жандармский штаб-офицер Б. К. Рейхарт доносил начальнику штаба корпуса жандармов П. А. Шувалову, что по требованию губернатора он командировал двух жандармов для сопровождения в Москву сына минского губернского почтмейстера Урбасевича. При этом Рейхарт сообщал: «Молодой человек этот провел здесь каникулярное время весьма деятельно, принимал самое живое участие в политических демонстрациях, раздавал по костелам разные стишки и брешюрки возмутительного содержания...» (там же).

² Об аресте А. Урбасевича в 1863 г. и ссылке его в Сибирь см. ЦГИА Лит. СССР, ф. 1248, оп. 1, д. 24.

274

1861 г. июля 28. — Донесение Э. Ф. Келлера П. А. Валуеву об усилении политического движения в Минской губ. и мерах, необходимых для его прекращения

Я неоднократно уже доносил в. вп. о политическом движении во вверенной мне губернии и о тех мерах, которые принимаются мною к подавлению его.

Но при этих слабых мерах, ограничивающихся главным образом увольнением от службы участвующих в нем чиновников, движение это не только не уменьшается, но все более и более возрастает, а проникнутые революционным духом день ото дня становятся смелее, дерзостнее.

Ныне пение известного возмутительного гимна не ограничивается городами, а происходит и в местечках; участвуют в нем не одни дворяне и чиновники, но и люди низших сословий, и особенно находящиеся

в услужении у дворян и чиновников. Стараются уже распространить гимн и между крестьянами католического вероисповедания насильственной раздачей оного в костелах.

Отправленные мною при донесении от 23 числа сего месяца за № 159 воззвания¹ и прилагаемые при сем сочинения возмутительного содержания находят значительное число восторженных читателей. Сочинения сии ярыми революционерами развозятся и раздаются по деревням. Таким способом они распространяются даже и в тех дворянских семействах, которые и не сочувствуют настоящему вредному направлению умов, ибо опасение преследований поставляет их в необходимость принимать предлагаемые экземпляры сочинений.

Дерзость революционеров доходит до того, что они позволяют себе выбивать окна в домах лиц, приверженных к правительству, не восторгающихся их поступками. Несколько дней назад тому начали появляться по ночам в отдаленных частях гор. Минска банды, которые останавливают проходящих и спрашивают их, русские они или поляки? При этих случаях русские подвергаются побоям; так побиты 2 солдата Минского гарнизонного батальона. В м. Гайне, где в костеле происходило пение гимна, одна девица-дворянка получила щелчки в нос за то, что улыбнулась, когда запет был гимн.

Я имею сведения, которые можно считать за достоверные (они сообщены мне заслуживающими доверия помещиками), что революционеры не остановятся на распространении гимна и сочинений возмутительного содержания, напротив того, они намерены в скором времени привести в исполнение задуманный проект: обезоружить батальон, напасть на тюремный замок и выпустить из него арестантов, ограбить казначейство и другие места, в которых хранятся значительные денежные суммы, и, наконец, вырезать русских.

По убеждению их, план восстания столь хорошо составлен, что не может не удался.

При таком положении вещей для охранения порядка и общественного спокойствия в гор. Минске, центре действий революционеров, я распорядился об усилении военных караулов при тюрьме, на гауптвахте и при казначействе; гарнизонный батальон, который по неисправности казарменных зданий расположен был доселе на квартирах, сосредоточен в казармах. Сверх сего, я отнесся к командирам Калужского пехотного е. в. короля прусского полка и Донского казачьего № 33, расположенного в гор. Слуцке, чтобы первый из них ввел на квартиры в гор. Минске один батальон вверенного ему полка, а второй отрядил с ним две сотни казаков, которых я предполагаю употреблять для усиленных ночных разъездов по городу.

Из посланных прежде и представляемых при сем сочинений в. вл. усмотреть изволите, что обнаруживающееся ныне политическое движение не должно ограничиться одними демонстрациями, что предположенной революционерами цели намерены достигать вооруженной рукой. Это указывает на необходимость самой строгой осторожности и принятия серьезных мер против замышляемого вооруженного восстания.

Посему я признаю необходимым немедленное, всеобщее обезоружение жителей, по примеру 1848 г., ибо со времени воследования в 1856 г. высочайшего повеления об отмене в западных губерниях приня-

тых в 1848 г. ограничительных мер по содержанию частными лицами оружия и продаже пороха не только дворяне, но и лица низших сословий постоянно приобретали огнестрельное оружие, которого посему находится здесь очень большое число. Носятся, сверх того, слухи, что оружие это доставляется из-за границы значительными партиями именно на случай мятежа.

Кроме того, необходимо, чтобы почтовым конторам разрешено было вскрывать корреспонденцию тех подозрительных лиц, о которых доставлены будут сведения начальниками губернии, и письма политического содержания представлять к губернаторам, причем конторам тем должно быть вменено в неперемennую обязанность выдавать посылки по вскрытии их в присутствии получателей и обращать при том внимание не только на самые посылки, но и на бумаги, в которые они обернуты, ибо, как носят слухи, посылки, особенно из Варшавы, присылаются обернутыми в запрещенные газеты, как «Колокол», и брошюры возмутительного содержания. Таковая мера, не совсем благовидная, но вынуждаемая необходимостью, может способствовать к открытию замыслов мятежников и открытию главных действующих. Само собой разумеется, что мера эта может принести отдаленную пользу, когда почтмейстеры будут не из поляков.

Почтительнейше донося об этом на благоусмотрение в. вп., долгом считаю доложить, что неполучение по настоящее время ожидаемого от правительства особого положения о суде над лицами, дозволяющими себе проступки, носящие политический характер, крайне стесняет меня в принятии мер к прекращению демонстраций.

Г. управляющего Минской палатой государственных имуществ коллежского советника Готовцева, который вручит в. вп. настоящее мое донесение, я просил принять на себя эту комиссию как для выигрыша времени, так и на случай объяснения некоторых подробностей дела, которые угодно будет знать в. вп.².

ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405, лл. 59—61. Отпуск

¹ См. док. 272.

² О положении в Минске в это время говорится также в письме А. А. Марциновскому в Москву от его сестры Мальвины из Минска 29 июля 1861 г. Она сообщала: «...Молодежь высказывается явно, по костелам беспрестанно раздаются пения, траур общий; одним словом, что молодежь забрала себе в голову и что поет, не знаю, только едва ли это кончится хорошо. Теперь и в Минске несколько служащих отставлено от мест, а студента Урбасевича... увезли с жандармами... 31 этого месяца имеет быть торжественное молебствие по случаю последнего соединения Польши с Литвой в XVI в.; мужчины и женщины к этому молебствию готовят себе народные польские костюмы и в них появятся публично» (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, СА, оп. 2, д. 367, л. 6).

Об усилении политических демонстраций в губернии доносил Долгорукову и минский жандармский штаб-офицер Б. К. Рейхарт 29 июля 1861 г. Он сообщал, что в пении гимнов принимают участие и лица низших сословий — лакеи, мещане и т. п., которым раздают «революционные медальоны и возмутительные книжки». Рейхарт сообщал, что нужны немедленные решительные меры, пока волнение не сделалось общим и к нему не присоединились крестьяне-католики и шляхта (там же, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 5, лл. 6—9).

1861 г. августа 26.—Объявление Э. Ф. Келлера об обязательной сдаче жителями Минской губ. огнестрельного и холодного оружия

Г. управляющий Министерством внутренних дел от 5 сего августа сообщил мне, что государь император высочайше повелеть соизволил немедленно приступить к обезоружению населения в числе других и Минской губ.¹

Объявляя о таковой высочайшей воле жителям вверенной моему управлению Минской губ., сим извещаю, что:

1. Все оружие не только огнестрельное, но и холодное, под каким бы наименованием оно ни было, должно быть представлено в городах к полицмейстерам или городничим в течение одной недели со дня опубликования сего объявления, а в уездах — к станovým приставам до 25 числа наступающего сентября месяца.

2. Мере сей подчиняются помещики, служащие в гражданском ведомстве чиновники включительно до лиц, начальствующих губерnsкими частями, крестьяне казенные и временнообязанные, а равно и все без изъятия других состояний лица, но она не распространяется на чиновников городских и земских полиций.

3. Если за сим кто не представит имеющегося у него оружия в назначенный срок, тот признаваем будет преднамеренным укрывателем и будет подвергнут суду по всей строгости законов.

К этому нужным нахожу присовокупить, что а) со стороны начальства приняты все меры, чтобы отобранное оружие сохранено было в целости и могло быть в свое время возвращено владельцам, и б) что обезоружение предпринято только как мера предосторожности для самих жителей, из числа коих некоторые могли бы быть увлечены при настоящих обстоятельствах злонамеренными подстрекателями к таким действиям, которые бы вынудили правительство к принятию строгих мер к водворению порядка.

Гражданский губернатор гр. Келлер

ГАМО, ф. 694, оп. 3, д. 767, л. 3. Типографский оттиск

¹ В предложении управляющего Министерством внутренних дел для борьбы с революционным движением, кроме обезоружения населения, предлагалось принять также и все прочие меры, указанные в решении Особого комитета по делам Западного края от 3 августа 1861 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 2, лл. 36—39). Доклад Особого комитета Александру II от 3 августа 1861 г. см. док. 22.

1861 г. сентября 2.—Донесение Э. Ф. Келлера П. А. Валуеву об ослаблении политического движения в Минской губ.

Секретно

Во исполнение предписания от 10 истекшего августа за № 599¹ имею честь донести в. вп., что политическое движение, по крайней мере видимое проявление его, во вверенной мне губернии уменьшается.

В настоящее время пение известного возмутительного гимна совершается реже и находит гораздо менее участников; в этом отношении подлежат исключению только у. Слуцкий и Новогрудский. На этом основании предложено мною подполковнику Дмитриеву отправиться в первый из сих уездов для собрания верных и подробных сведений о направлении умов тамошнего населения, обнаружения руководителей или главных деятелей и для проверки слухов об одном артиллерийском офицере, который, будто, в разговоре об увеличении сил военных в Минской губ. выразился, что на артиллерию правительство рассчитывает напрасно, ибо пушки в их (поляков) руках², а так же о содержателе гостиницы в Слуцке Попеско, который, по дошедшим до меня сведениям, получает из Варшавы возмутительного содержания брошюры, воззвания и т. п. и распространяет оные. Что же касается Новогрудка, то туда в непродолжительном времени отправится следственная комиссия, от которой я надеюсь получить положительные данные, имеются ли там какие-либо политические замыслы. О случаях оскорбления лиц, сочувствующих правительству и не одобряющих манифестаций, подобно тому, как это было прежде, сведений ко мне не доходило. Но некоторые лица, в самом, впрочем, незначительном числе, употребляют еще шапки-конфедератки, носят запонки и булавки с польскими орлами. За несколько дней до 26 числа августа распространен был в Минске слух, что в день коронации³ заведена будет ссора с полицией с целью вынудить начальство к принудительным мерам, а поутру в этот день поднято полицией на улицах несколько записок, предвещающих, чтобы не выходили на улицы, и, кроме того, некоторые женщины лично убеждены были к тому неизвестными людьми. Все это побудило меня в означенный день увеличить ружья. Впрочем, слух не оправдался, порядок нарушен не был. Смысл подброшенных записок, из которых одна при сем представляется, как объясняют, заключается в том, что, будто, по распоряжению начальства переодетые полицейские служители нападут во время иллюминации 26 августа на выставленный транспарант с вензелевым изображением государя императора, а военная команда под этим предлогом употребит насильственные меры против жителей.

К этому нужным нахожу присовокупить, что распоряжение об обезоружении сделано, полицейский суд и следственная комиссия открыты.

ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405, лл. 83—84. Отпуск

¹ Указанного документа в ГАМО не обнаружено. По-видимому, имеется в виду предписание П. А. Валуева от 5 августа 1861 г. начальникам западных губерний о мерах для ослабления политического движения в крае (см. об этом в док. 22 и 24).

² В политических демонстрациях в губернии принимало участие много отставных офицеров, а также офицеров, прибывших в отпуск из военных учебных заведений и из других губерний России. О ком же конкретно идет речь в данном документе, установить не удалось.

³ Имеется в виду празднование шестой годовщины со дня коронации Александра II, состоявшейся 26 августа 1856 г.

1861 г. сентября 5.— Отношение Э. Ф. Келлера В. И. Назимову о политическом движении в Минской губ.

Секретно

Политическое движение возбуждено в Минской губ. первоначально слухами о варшавских событиях, а затем революционный дух поддерживается распространившимися сочинениями возмутительного содержания, каковы:

1) о powstaniu Polskiem^a, где разъясняется, какой путь предстоит избрать для восстановления Царства Польского, т. е. путь постоянного вооруженного восстания;

2) 2 воззвания, одно — к помещикам литовским и белорусским, а другое — к римско-католическому духовенству; в первом из сих воззваний приглашаются к борьбе с русским правительством на жизнь и смерть, а во втором — убеждается духовенство распространять эти идеи в населении;

3) facsimile^b с письма Гарибальди к Мерославскому, в котором первый заверяет, что, отправляясь временно на о-в Капреру, он не оставляет дела поляков;

4) wnioski z porozumień zaszłych między Generałami Mierosławskim a Garibaldim uzupełnionych 26 stycznia 1861 г.^в, где, между прочим, помещикам рекомендуется привязать к себе крестьян, чтобы при будущем восстании поднялось все народонаселение, и

5) писанное будто бы из Парижа княгиней Яниной Четвертинской письмо; в письме этом говорится, что княгиня Четвертинская в разговоре с императором французов обратила внимание его на варшавские происшествия, но получила совершенно темный ответ, почему обратилась за разъяснением к находившемуся здесь министру Персиньи, который отвечал, что одного не хочет он скрывать от нее — что Франции необходимо в течение двух-трех лет быть в добрых отношениях с Россией; что же будет после, окажется потом.

Это движение в Минской губ. проявилось, прежде всего, в служении панихид за убитых во время варшавских событий и ношении траура; потом оно выражалось, главным образом, в пении по костелам известного возмутительного гимна, а также ношении шапок-конфедераток, булавок и запонок с польскими орлами. Пение гимна находило здесь столько восторженного сочувствия, что не хотевшие принимать участия в этой демонстрации подвергались со стороны революционеров оскорблениям и таковых случаев был не один.

В гор. Новогрудке 15 числа прошедшего июля совершена была процессия из костела на кладбище с пением гимна¹.

Служение панихид продолжалось очень недолго и прекратилось почти тотчас после того как один из ксендзов, участвовавших в служении панихиды в гор. Мозыре и произнесший при этом случае речь

^a О восстании польском (польск.).

^b Факсимиле.

^в Выводы из соглашений, состоявшихся между генералами Мерославским и Гарибальди, дополненных 26 января 1861 г. (польск.).

возмутительного содержания, [был] отправлен по распоряжению министерства на жительство в Петрозаводск².

Ношение траура еще продолжается.

Пение гимнов хотя и производится еще местами, но уже гораздо реже и находит менее, чем прежде, участников; в самом же Минске не слышно его более недели, шапки-конфедератки почти совершенно скрылись; случаев оскорбления лиц, не одобряющих демонстраций, уже давно не было. Это действие я отношу к принятым ныне по указанию правительства мерам, каковы: увеличение сил военных в губернии, обезоружение населения и учреждение полицейского суда и следственной комиссии, из которых в последнюю сообщено для расследования 4 случая, а суждению первого предано более 10 человек.

Сообщая об этом в. вп., имею честь покорнейше просить и вас, со своей стороны, уведомить меня о ходе настоящего политического движения во вверенном вам крае³.

Гражданский губернатор гр. Келлер

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 2, лл. 160—161. Подлинник

¹ О демонстрации в Новогрудке 15 июля 1861 г. имеется рапорт новогрудского горного губернатора от 16 августа 1861 г. (ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405, л. 85 и об.).

² См. док. 268 и прим. 3 к нему.

³ Об ослаблении политического движения в губернии Э. Ф. Келлер сообщил В. И. Назимов также 27 сентября 1861 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 2, лл. 240—242) и министру внутренних дел 20 сентября и 16 октября 1861 г. (ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405, лл. 88—90, 116—117). Об этом же доносил А. М. Гильдебрант начальнику III отделения (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 5, лл. 24—28).

278

1861 г. сентября 7. — Письмо минского губернского предводителя дворянства А. Д. Лаппо П. А. Валуеву о причинах недовольства польского населения Минской губ.

Конфиденциально

Призванный в. вп. для объяснения причин настоящего неудовольствия жителей Минской губ., я считаю долгом ответить высокому доверию в. вп. откровенным высказанием полной правды.

Здесь край, соединив свою судьбу с судьбами Польши в 1386 г.¹, пробыл с нею в тесном союзе с лишком четыре столетия. Либеральные учреждения Польши столь сильно запечатлелись в литовцах, что предание о добровольной и всеобщей унии 1569 г.² переходит непомрачимо из поколения в поколение. В силу сего предания дворянство Минской губ. первым прошением, всеподданнейше поданным в 1797 г., просило восстановить польское судопроизводство, дозволить судиться по польским законам и употреблять язык родной, польский. Просьба эта была удостоена высочайшего внимания, и с того времени жители здешней провинции наслаждались этой высочайшей милостью до 1831 г.

С 1831 г. уничтожен в нашем крае Литовский статут³, вековое употребление которого в отношениях семейных и расправах судебных было наиболее удобным; заменен же [он] Сводом законов с оставлением одного только, и то устарелого, конфискационного права, тогда как таковое уже исключено из всех законодательств просвещенных государств Европы; запрещено употреблять при судопроизводстве польский язык, доступный образованному народонаселению, которое этим лишено возможности изучать, понимать и применять законы; уничтожено множество монастырей и костелов, а за сим присоединены к государственным имуществам все духовные имущества; мало того, нарушено основное каноническое право католической веры, ибо запрещено священникам принимать к исповеди незнакомых им лиц, тогда как наша церковь не позволяет отталкивать кающихся грешников. Вслед за уничтожением унии и присоединением ее последователей к православию реформированное духовенство приняло на себя обязанности политических агентов; вследствие того высшая духовная власть была снисходительна для всех тех священников, которые хотя и пренебрегали обязанностями сана, но отличались рвением в исполнении поручений политическо-полицейских, и такие священники не лишались мест, хотя бы их проступки были гласными и явными; подобная их терпимость вызывала в прихожанах недоверие к их призванию и была примером величайшего соблазна. Неудивительно после того, что религиозные чувства в народонаселении были искажены в самом основании и что нравственность народа, опирающаяся на религию, много от этого пострадала, тем более, что присоединилось к тому подстрекательство к присвоению чужой собственности.

Сказанное не преувеличено и, что не иное есть состояние духовенства, смело могу сослаться на свидетельство всякого знающего край честного русского.

Уничтожен университет⁴. Общий план преподавания предметов в гимназиях и училищах изменен, и науки преподаются не на польском, доступном большинству, языке, а на русском. Ограничено преподавание древних языков в средних учебных заведениях, которые и в настоящее время считаются основанием воспитания в просвещенных государствах Европы, вместо них учат всему понемногу, главным же предметом, дающим право на повышения и награды, есть русский язык. Обратив внимание и на то, что гимназии считаются только подготовительными школами к поступлению в высшие учебные заведения, которые по своей отдаленности и вследствие возвышенной платы за учение для юношества недоступны, следует ли удивляться, почему молодежь поверхностно развита, не имея твердых начал, легко увлекается социальными мечтами, не имеющими теориями и распространяет в крае вредные начала анархии⁵.

К этим распоряжениям, вызвавшим ропот и неудовольствие в народонаселении края, немало способствовали недостаток гласных и открытых судов, неопределенность гражданских законов, препятствующих развитию в крае кредита и промышленности; настоящий медленный ход судебной расправы как по делам уголовным, так и гражданским, отдаленность от местных жителей верховной судебной инстанции, способствующая тому, что по всем вообще делам происходит совершенный застой, отсутствие всякого контроля местных жителей над

административным управлением; недопущение добровольных договоров при освобождении крестьян, как единственного средства к избежанию произвола, неминуемого при поверочных комиссиях, и как вернейшего средства к прекращению беспрестанно повторяющихся в настоящее время споров и несогласий между владельцами и крестьянами; введение новой акцизной системы⁶, по которой стеснены права собственности вотчинников, имеющих свои права, обеспеченные привилегиями на продажу напитков, и запрещение рубки лесов и их продажи в имения частных владельцев, которые не освободились от банковых долгов.

Вышеупомянутая недостаточность гражданских законов и злоупотребления административных властей, хотя слишком чувствительны как нам, так и жителям всей России, для нас, однако ж, они чувствительнее, потому что в нашем крае административные чиновники произвольно и безответственно придают всему характер политический и вслед за сим издаются для нас исключительные установления и учреждаются особые комиссии.

Все то, о чем я слегка имею честь упомянуть, содействовало развитию неудовольствия в крае, жители которого разве не могли не понять, почему при переводе на оброк государственных крестьян назначены были малые чинши, с большей для казны потерей; разве беспрестанные влияния духовенства на внушение в крестьянах недоверия и недоброжелательства к помещикам, равно как и недавние отзывы г. ген.-губернатора Назимова к крестьянам, не могли возбудить опасения подобных происшествий, какие, к ужасу всей просвещенной Европы, имели место в Галиции в 1846 г.⁷

Все сии неудовольствия до настоящего времени тлелись в сердцах; теперь же, когда прогрессивные стремления все милостивейшего нашего монарха, направленные к искоренению зла, сделались всем известны, то нельзя удивляться, почему накопившиеся годами неудовольствия вышли наружу и почему массы общества, идущие за внушениями чувств, как то женщины, простой народ и юношество, не могут помириться с настоящим, сожалеют прошедшего и уповают на будущее. В этих движениях и проявлениях нет, однако, никакой ясно сознанной цели, никакой организации и единства в стремлениях. Они суть выражение долго скрываемых чувств, а не действие подозреваемого политического общества.

Вызванный в. вп. к откровенному объяснению, я был откровенен и убежден, что это мое конфиденциальное письмо будет в. вп. благосклонно и снисходительно принято, так как оно заключает в себе чистую истину.

Помета рукой Александра II Подобное письмо другого ответа не заслуживало⁸.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 5, лл. 16—23 об. Копия

¹ Имеется в виду объединение Польши и Литвы на основании Кревской унии 1385 г.

² Речь идет о Люблинской унии.

³ Литовский статут — сборник феодального законодательства Великого княжества Литовского XVI в. По указам Сената от 1 января и 2 марта 1831 г. в западных губерниях действие Литовского статута было прекращено и введено общероссийское законодательство («Полное собрание законов», собр. 2, т. VI, № 4233, 4369).

⁴ Имеется в виду закрытие Виленского университета в 1832 г.

⁵ О необходимости внесения изменений в существовавшую систему народного образования А. Д. Лаппо представил 19 мая 1862 г. записку министру народного просвещения, в которой наряду с предложениями об открытии Виленского университета, открытии при гимназиях реальных училищ или разделении гимназического курса на отделения филологическое и реальное, основании в каждой губернии агрономических училищ, выдвигал и предложения, преследовавшие цели колонизации местного литовского и белорусского населения: ведение преподавания на польском яз. и предоставление помещикам (большинство которых в крае было польского происхождения) права учреждать школы в имениях для обучения крестьянских детей (см. «Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края», ч. 1, Вильно, 1913, стр. 70—74).

⁶ Указом Александра II от 4 июля 1861 г. было утверждено Положение о питейном сборе, которым были ликвидированы питейные откупа и введена единообразная для всей России акцизная система взимания с 1863 г. питейного сбора («Полный свод законов», собр. 2, т. XXVI, № 37197).

⁷ Имеется в виду антифеодальное крестьянское восстание в Западной Галиции в феврале — марте 1846 г., вся вина за спровоцирование которого в шляхетских кругах возлагалась на австрийское правительство.

⁸ Имеется в виду ответ П. А. Валуева на письмо А. Лаппо, в котором отмечается, что «...при искусственно возбуждаемом и поддерживаемом ныне в крае волнении части населения, местное дворянство в случае уклонения от открытого неодобрения этого волнения и открытого оному противодействия должно быть признано ему более или менее сочувствующим и потворствующим и, следовательно, не может и не подлежать действию тех особых мер, которые правительство обязано принимать для восстановления общественного спокойствия и для охранения нарушаемого подобным волнением общественного порядка». На письме Валуева рукой Александра II помета Очень хорошо (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп. 1861 г., д. 303, ч. 5, л. 15 и об.).

279

[1861 г.]¹ сентября 26. Новогрудок.— Из письма без подписи студенту Ф. Климовичу в Москву об отношении различных слоев населения к пению польских патриотических гимнов

Беднейший класс очень музыкально поет про убийство, но аристократия чрез головы убегает из костела, и все воззвания нисколько не помогают. Подлые иуды, они не избегнут божеского наказания².

Кс. Лашкевича потребовали в Минск, но молеbstвие в день св. Михаила будет совершено торжественно, чтобы доказать, что и без ксендза мы можем молиться.

Дороговизна здесь страшная потому, что стоят казаки и батальон лехоты.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, СА, оп. 2, д. 367, л. 10. Перевод с польского³

¹ Год проставлен по содержанию письма.

² В пении гимнов принимала участие учащаяся молодежь, врачи, учителя, мелкие канцелярские служащие — секретари, письмоводители, писари, — отставные офицеры, ремесленники, торговцы, мелкопоместное дворянство, однодворцы, управляющие имениями, служащие имений, лакеи, кучера, конюхи и пр. Крупные чиновники и землевладельцы, за редким исключением, участия в политических демонстрациях не принимали.

³ Оригинал неизвестен. В деле содержится только выдержка из письма в русском переводе, которая и публикуется.

1861 г. октября 26. — Донесение Б. К. Рейхарта В. А. Долгорукову о возобновлении в минских костелах пения польского патриотического гимна

Секретно

В последнее время в Минске несколько было приутихло частью от того, что здесь были казаки и частью от того, что введение полицейских судов и политических комиссий на первых порах сделали на неспокойных некоторое впечатление. Последние варшавские обстоятельства здесь отозвались; а [так] как при том и казаки отсюда выведены, да и, осмотревшись, нашли полицейский суд и комиссию не так страшными, минские поляки снова зашевелились. 20 числа сего месяца отслужена была с дозволения начальства в здешнем кафедральном костеле панихида по умершем митрополите Фиалковском; по окончании панихиды масса запела революционный гимн с усиленным усердием; на другой день после вечерни в костеле бенедиктинок погасили свечи и все запели гимн, а бывшим тут полицейским чиновникам в темноте нанесли побои. На первом плане этих явлений оказывались опять-таки гимназисты, да и чернь уже обработана.

Почтительнейше донося о том в. с., честь имею присовокупить, что гражданский губернатор вновь потребовал сюда казаков из числа квартирующих в гор. Слуцке и находящихся в его распоряжении¹.

Полковник Рейхарт

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 412, лл. 7—8 об. Подлинник

¹ О возобновлении в Минске политических демонстраций минский губернатор сообщил 24 октября П. А. Валуеву. 25 октября последний телеграфировал губернатору: «Какие демонстрации? Отчего внезапное усиление? Не нужно ли вам военное положение?» В ответ губернатор сообщал: «Демонстрации заключаются в усилении пения, в тушении свечей в костелах и нанесении обид полиции впотьмах и оскорблении частных лиц. Это произошло от известий о последних беспорядках в Варшаве и Петербурге. В военном положении надобности не нахожу...» (ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405, л. 28). 31 октября 1861 г. П. А. Валуев писал в своем дневнике: «Получено сумасбродное донесение от минского губернатора гр. Келлера» («Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел», т. I. М., 1961, стр. 125). Тогда же он телеграфировал губернатору доносить ежедневно по телеграфу о положении в губернии (ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405, л. 130).

1861 г. ноября 8. — Отношение Э. Ф. Келлера В. И. Назимову о новом усилении политических демонстраций в Минской губ.

Секретно

В последствие отношения моего от 18 октября за № 387¹, имею честь уведомить в. п., что демонстрация в последних числах октября усилилась была² вследствие недавних беспорядков в Варшаве и

² Так в тексте.

С.-Петербурге². Газетные известия о беспорядках в первом из сих городов, особенно правительственные по случаю их распоряжения, перетолкованы в пользу дела поляков и рассказывались с добавлениями, вроде следующего, что гр. Ламберт впал в немилость за свои строгие меры. В событиях же петербургских видят революционное движение и в самой России. К тому же немало способствовал и сбор в Минске из других уездов лиц, преданных полицейскому суду; сочувствие это выразилось встречей их 25 октября за городом, где перед статуей св. Викентия пропет был гимн. Как уже участвовавшие в пении неослабно преследуются, то в последнее время производилось пение гимна впотьмах, чтобы воспрепятствовать полицейским чиновникам замечать поющих, и потому сделано распоряжение, чтобы до выхода из костела всего народа не были тушены свечи; впрочем, с 28 октября пение гимна прекратилось. В гор. Пинске и Слуцке политическое движение умов обнаруживается буйством учеников гимназий против начальствующих над ними лиц, не сочувствующих настоящему настроению умов. В первом из этих городов у директора гимназии Шульгина и учителя Солнцева неоднократно выбиты были окна камнями, в чем подозреваются ученики на том основании, что вечером в тот день, когда были выбиты окна у Солнцева, евреи видели около квартиры его толпу гимназистов в шинелях, со скрытыми под ними палками, а на следующий день в некоторых местах найдены записки, предвещающие городничего, чтобы он не мешался в дела учеников. В Слуцке выбиты окна у учителя гимназии Юрковского; виновные в этом воспитанники гимназии, подвергнутые взысканию, сами сознались, что сделали это в надежде, что будет закрыто заведение; кроме того, нанесено было оскорбление жене офицера расположенного здесь, же, в Слуцке, казачьего № 33 полка, за что виновные ученики гимназии наказаны и исключены из заведения. Затем получены из Пинска официальные сведения, что во время бывшего там ночью 27 октября пожара пинскому городничему и частному приставу собравшимися учениками гимназии с палками в руках нанесены оскорбления ругательством и похвалками на самую жизнь с громким криком убить их до смерти, как доносителей пения гимнов, а 24-го найден на дворе францисканского костела поставленный с 23 числа ночью крест, окрашенный черной краской с белыми обводками и с революционными знаками. О снятии сего креста, как поставленного в противность узаконенных правил, и об открытии виновных для подвержения взысканию по правилам Положения о полицейских судах сделано распоряжение, а для раскрытия виновных учеников пинской гимназии в нанесении оскорблений полицейским чиновникам в Пинске во время пожара и в других поступках открыта в Пинске особая следственная комиссия³.

Получены мною также сведения, что составленное в Вильно прошение к государю императору, которое имеет быть для подписи передано в Минскую губ., заключается из следующих пунктов: а) об улучшении администрации; б) о преподавании польского языка в учебных заведениях здешнего края; в) о терпимости католического исповедания и г) об учреждении в гор. Вильно университета⁴. Переделан на крестьянское наречие для распространения между низшим классом гимн о

Ojczyźnie wolności^a. Копию такового гимна имею честь при сем препроводить⁵.

Гражданский губернатор гр. Келлер

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1861 г., д. 73, ч. 2, лл. 295—297. Подлинник

¹ В указанном отношении Э. Ф. Келлер сообщал, что политическое движение в губернии, по-видимому, уменьшается, пение гимнов происходит изредка, руководители пения в Пинске преданы полицейскому суду; сбор денег на «дело поляков» еще продолжается и при всех принятых мерах открыть его не удалось (там же, л. 273 и об.).

² Имеются в виду репрессии и массовые аресты в Варшаве и волнения студентов Петербургского университета осенью 1861 г., в результате которых университет был закрыт.

³ О причинах возобновления в губернии пения польских патриотических гимнов и встрече, устроенной жителями Минска прибывшим из Новогрудка лицам, преданным полицейскому суду за участие в политических демонстрациях, волнениях учеников пинской и слупской гимназий, минский губернатор доносил министру внутренних дел 28 и 29 октября 1861 г. (ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405, лл. 124—127). Донесение аналогичного содержания было представлено также минским жандармским штаб-офицером начальнику III отделения 2 ноября 1861 г. (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 448, лл. 1—3).

⁴ О содержании прошения дворянства Виленской губ. Александру II донес минскому губернатору пинский земский исправник 28 октября 1861 г. (ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405, лл. 135—136).

⁵ Имеется в виду перевод гимна: «Боже, который Польшу...», на белорусский язык (см. там же, л. 298).

282

1861 г. ноября 19.—Донесение Э. Ф. Келлера П. А. Валуеву о волнении учеников минской гимназии по случаю годовщины польского восстания 1830 г. и о настроениях крестьян

Секретно

В дополнение к депешам, 16 и 17 ноября отправленным¹, и во исполнение предписания от 10 августа за № 599² имею честь донести, что как скоро по осведомлению моему о предположении учеников высших классов здешней гимназии римско-католического исповедания праздновать 17 сего ноября в память годовщины Варшавского мятежа в 1830 г., я тотчас принял меры к отстранению могущих произойти от того непредвиденных беспорядков.

Поразузна[в], что 17 ноября утром будет большое собрание народа в кафедральном костеле на богослужении и по окончании оного и после потушения свеч пропоется гимн, я, дабы не произошло столкновение в самом храме, распорядился иметь секретное и незаметное наблюдение при входе и выходе из костела.

Собравшийся туда еще до 6 часов народ, отслушав литургию, и как скоро были погашены свечи, пропел два раза возмутительный гимн и молитву за убитых; по выходе из костела весь народ толпился на большой площади, но не разошелся, а ученики высших классов гимназии отправились толпами по углам улиц гимназического здания и пал-

^a «Отчизна, свобода» (польск.). Помета карандашом Гимн этот уже есть у Вас и есть не что иное, как перевод «Боже цось Польска».

ками страшали младших гимназистов не идти в классы, по звонку же собралось их мало, а в 10 часов хотя уже было значительное число, но никакие увещания их начальства не могли усмирить, для чего директор гимназии вынужден был для прекращения беспорядков отпустить всех. Причем нанесением личных оскорблений почти вытеснен из класса старший учитель Васильев, а законоучителю, римско-католическому канонику Новицкому, принявшемуся было замечать не прибывших на уроки, нанесены были также оскорбления, вырван из рук его список и разорван в куски, почему и он заставлен был выйти, равно прочие наставники не допущены в классы и двери были заперты на замок. Многие из родителей и родных проводили мальчиков в гимназию, опасаясь неприятных для них последствий от буйства и своеволия учеников. Было также предположение учеников гимназии произвести в этот день вечером беспорядки в городе разбитием в домах окошек, вывескою белого иллюминированного многоглавого орла, но по принятым мерам, открытием заблаговременно усиленных пешего и конного обходов спокойствие не было нарушено; кроме того, отряжено было на этот раз по несколько нижних чинов на квартиры чиновников, предупрежденных о намерении учеников довершить свой поступок. На следующий день в прежнем порядке собрались ученики гимназии в классы и при спросе начальством о виновных в совершении беспорядков открыты не пожелали, слагаясь словами, что все виновны; начальство же, по ограниченности прав своих вынудить мальчиков открыть всю истину и не имев возможности произвести страха, предположило войти с представлением о закрытии V, VI и VII классов, почему в числе виновных должны будут потерпеть и безвинные³. Проявляются следы к открытию одного из частных лиц, принявшего также особенное участие в совершении бывшей демонстрации, и, коль скоро буду иметь положительные сведения, не замедлю сделать надлежащее распоряжение о преследовании его и соучастников⁴.

Причем получены мною сведения: 1) что в гор. Речице в римско-католическом костеле 1 ноября после богослужения пропет был запрещенный гимн прибывшими из Могилевской губ. Гомельского у. тремя дамами; для раскрытия виновных и предания суждению полицейского суда потребованы мною надлежащие сведения, и 2) что крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, спешат вступлением в браки в том предубеждении, что с наступлением нового года воспрещено будет на несколько лет бракосочетание и последуют рекрутские наборы, в которые будут брать только холостых, а по толкам других — потому еще, что с нового года возьмут крестьян в казаки, так как паны (помещики) постоянно поют гимны и не утихают, а они уже их усмирят и земля останется при них, крестьянах.

ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405, л. 153—156. Отпуск

¹ В телеграмме от 16 ноября 1861 г. минский губернатор доносил министру внутренних дел: «Беспорядков не было. На завтра готовят ученики гимназии демонстрации в память революции 1831 г. Меры предосторожности приняты» (там же, л. 144). В телеграмме от 17 ноября 1861 г. он сообщил: «В 6 часов утра было большое собрание учеников на богослужении в костеле, пропет дважды революционный гимн, после собрались на площади толпами и разошлись. Многие ученики [с] палками в руках на улице при гимназии отгоняют младших учеников, уроков нет, вечером ожидаются беспорядки, меры приняты» (там же, л. 146).

² См. прим 1 к док. 276.

³ Об этих же событиях см. док. 37.

⁴ О богослужении в минском кафедральном костеле имеются также донесение минского полицмейстера минскому губернатору от 17 ноября 1861 г. и сообщения римско-католического епископа и директора минской гимназии губернатору от того же числа (ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405, лл. 147—148, 164).

О беспорядках в слущкой гимназии и «брожении умов» учителей и учеников доносил слущкий городничий Волчанинов 8 октября 1861 г. (там же, 1431, лл. 1—2).

283

1861 г. декабря 7. — Рапорт мозырского городничего Федорова Э. Ф. Келлеру о распространении в городе стихов с обращением к мозырским гимназистам

Секретно

Ночью с 2 на 3 число этого месяца неизвестно кем приклеены возмутительные стихи¹, один экземпляр — на воротах здешней гимназии, а другой, того же содержания, — на воротах римско-католического костела; оба экземпляра с рассветом дня 3 числа сняты, первый — директором гимназии Вронским, а другой — той же гимназии надзирателем Филатовым. Один из этих экземпляров при этом имею честь представить в. с., докладывая, что другой оставлен директором у себя. Все меры приняты мною для открытия виновных в нарушении спокойствия, но до этого времени безуспешно.

Городничий Федоров

Резолюция минского военного губернатора Кушелева Предложить губернатору предписать городничим требовать от войск по усмотрению двух рядовых при унтер-офицере для обхода вечером и на рассвете всех публичных зданий, церквей, присутственных мест, монументов, столбов. А от нас [издать] циркулярный приказ войскам по требованию местной власти командировать таковых ежедневно в распоряжение городничего и полицмейстера².

ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1430, л. 1. Подлинник

¹ «Hańba wam, hańba Polskiej ziemi dzieci...» («Позор вам, позор, польской земли дети...») (там же, л. 2). В стихотворении содержится призыв к молодежи подняться на борьбу за независимость Польши.

² 16 декабря 1861 г. минским военным губернатором Кушелевым было направлено отношение минскому губернатору и циркулярные распоряжения начальникам воинских частей и бобрыйскому коменданту о выделении по требованиям городничих и минского полицмейстера нижних чинов для ночных обходов (там же, лл. 3—5).

284

1862 г. февраля 17. — Донесение Б. К. Рейхарта В. А. Долгорукову об антиправительственной деятельности семьи белорусского поэта В. И. Дунина-Марцинкевича

Секретно

Три месяца прошло тихо в Минской губ.: ни пение гимна, ни демонстрации не повторялись, но из этого отнюдь нельзя заключить, чтобы умы начали успокаиваться. Доказательством тому служат следующие случаи, о которых позвольте мне иметь честь в. с. представить.

Кружок поэта В. Дунина-Марцинкевича.

Слева направо в первом ряду: Константин Роговский, Ромуальд Роговский, Викентий Дунин-Марцинкевич, Камилла Марцинкевич, Флорин Чепелинский, Малиновский, Витольд Парафянович, Гавриил Есьман, Антон Деревинский (фамилия члена кружка последнего справа в первом ряду неизвестна); во втором ряду: Битов, Шарковский, Титус Свидерский, Станевич, Гавриил Война, Николай Парафянович, Гедранович, Аврелий Барский, Михайловский

1. Решенные в Варшаве лица за политические преступления проходят через Минск в отдельные Сибирский и Оренбургский корпуса партиями от 5 до 10 человек; одна из этих партий в числе 10 человек прибыла в Минск 9 февраля на дневку и содержалась под строгим караулом на батальонном дворе внутренней стражи; между ними было 8 студентов и 2 комми-приказчика, и в том числе 5 евреев. В батальон приезжали из города некоторые лица, чтобы увидеть арестантов, но строгий батальонный командир устранил всякую к тому возможность. Одна из главных минских патриоток девица Марцинкевич (о которой упомянуто в донесениях моих от 23 и 29 июня 1861 г. за № 87 и 93¹ и которая первая ввела тут пение гимна) явилась к командиру батальона и убедительно просила допустить ее к арестантам; не скрывая свои чувства, сказала, что она готова собою пожертвовать лишь бы взглянуть на них, но все это ей не помогло, а выпросила только позволение угостить молодых людей, и на тот конец была ей отведена совершенно отдельно от дома, где помещались арестанты, кухня, куда девица Марцинкевич привезла кухарку и провизию, варила и пекла с удивительным усердием, но под караулом, принесли и пирожное с сахарной надписью «честь вам», однако строгий полковник это уничтожил; наконец, напоила своих гостей и чаем, и когда порожние стаканы с оставшимися в них кусочками лимона принесли обратно от арестантов, то фантазерка собрала это как драгоценность бережно в бумажку, целовала и спрятала на память. После того, при проходе другой партии, девица Марцинкевич опять приезжала к батальонному командиру и просила передать вино, сигары и пр. Через несколько дней проходила опять партия из 5 человек и была встречена толпой до 100 человек, но во избежание всяких столкновений на другой же день рано отправлена далее².

Вредна эта девица Марцинкевич здесь и не мешало бы ее удалить, а между тем высшее местное начальство дозволило ей заниматься обучением детей нежного возраста, и можно себе вообразить, что она им проповедует. От роду ей около 26 лет, характера дерзкого и решительного, а идеи наследовала от отца. Этот мелкопоместный помещик Минского у. пишет и распространяет патриотические сочинения, недавно ездил в Варшаву, а возвратившись, отправился, с дозволения временного военного губернатора Минской губ., в губ. Ковенскую, Виленскую и Витебскую: цель этой поездки, как полагать надобно, — распространить революционные идеи, особенно в губ. Витебской. Между изданными им сочинениями одно на местном наречии под заглавием «Селянка»³ весьма сходно в слоге с представляемыми при сем в копии появившимися тут литографированными стихами⁴ и, наверное, принадлежащими ему же⁵, дерзко противу правительства и возмущающие крестьян написаны собственно для простого народа их языком, которым Марцинкевич хорошо владеет⁵.

2. По случаю тому, что публика наложила на себя траур, вял был прошедший сезон для Минского театра, и бедные актеры почти лишились хлеба; наконец, они исходатайствовали себе позволение местного

¹ В тексте проявившихся тут литографированных стихов и наверное принадлежащих ему же.

начальства представить 11 февраля пьесу «Domy Polskie»^а, историческая драма XVII века; пьеса эта хотя по себе и не представляет ничего особенного в патриотическом отношении, но собственно костюмы и старый польский быт уже в прошлом году при многократных повторениях этой драмы приводили публику в удивительный восторг, так и на этот раз еще за несколько дней до представления билеты были все разобраны и театр битком набит; а между тем поутру в день представления были приклеены на улицах по углам бумажки с надписью: «Podly, kto myśli teraz o przyjemnościach w ten czas, gdy płakać trzeba,—precz z teatrem!!!»^б. Вследствие чего 13 февраля, когда эта драма вновь давалась, театр уже почти был пуст.

3. 15(27) февраля минуло год тому происшествию в Варшаве, при котором было убито 5 человек; ожидали здесь в этот день некоторые беспорядки, однако обошлось лишь значительным сходом народа в бернардинский костел, где отправлены были две траурные службы с музыкой, как слышно, по заказу учеников гимназии, сложивших для того деньги, и вдовы Кудзинович (о которой уже донесено мною 19 июля 1861 г. за № 118). И тут девица Марцинкевич не упустила явиться в сопровождении 20 мальчиков своей паствы; та же вдова Кудзинович и на другой день заказала отслужить панихиду с музыкой, но уже народу было не так много^б.

Полковник Рейхарт

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 332, лл. 10—15 об. Подлинник

¹ В донесении от 23 июня 1861 г. Рейхарт сообщал В. А. Долгорукову, что Камилла Марцинкевич, как главная руководительница пения гимнов, по распоряжению минского губернатора Э. Ф. Келлера помещена в городскую больницу для усмирения (там же, лл. 1—5); в донесении от 29 июня 1861 г. говорилось, что после помещения Камиллы Марцинкевич в больницу к ней собралась толпа человек в 100 из женщин и студентов, пение же гимнов не прекратилось (там же, лл. 6—9).

² Минский военный губернатор Кушелев 15 февраля 1862 г. послал телеграмму министру внутренних дел, в которой просил для устранения встреч и проводов жителями Минска политических ссыльных, направляемых из Варшавы в Сибирь, изменить маршрут их следования (там же, 1862 г., д. 107, л. 2).

³ Двухактная комедия В. Дунина-Марцинкевича, написанная в 1846 г., о рабском увлечении представителей господствующего класса иностранщиной.

⁴ Приложена «Гуторка старого деда» см. ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 322, лл. 16—22.

⁵ Об антиправительственной деятельности В. И. Дунина-Марцинкевича см. также док. 23, 38.

⁶ О встречах жителями Минска политических ссыльных из Варшавы и панихиде в минском бернардинском костеле по убитым в Варшаве 15 февраля 1861 г. доносила также командир минского батальона внутренней стражи Ритчер командиру отдельного корпуса внутренней стражи фон Лауницю. В своем донесении Ритчер, помимо сведений, указанных в донесении Рейхарта Долгорукову, сообщает, что: «...в недавнем времени открыты листовки, розданные по губернии, преимущественно мещанам и крестьянам, под заглавием «Гуторка», писанные на простонародном наречии, с целью возмутить народ против законных властей...» (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., д. 107, лл. 6—7 об.).

^а «Дома польские» (польск.).

^б «Подлый, кто мыслит сейчас о развлечениях, в то время, когда надо плакать — долой театр!» (польск.).

1862 г. марта 14. — Донесение Б. К. Рейхарта В. А. Долгорукову об обнаружении в им. Видагоще Минского у. польских книг, изданных в Париже, и портретов Т. Костюшки, Ю. Бема, Л. Мерославского, Дж. Гарибальди и др.

Секретно

Временнообязанные крестьяне Минского у. им. Видагоще помещицы Кудзинович Федор Журавский и церковный староста Дмитрий Дубина явились 6 сего марта к и. д. гражданского губернатора и представили 12 экз. печатных книг и литографированных тетрадей на польском яз., изданных большей частью в Париже, самого возмутительного содержания: в них изложены правила об общем восстании Польши, описаны деяния разных патриотов и эмигрантов, находятся стихи Мицкевича и т. п., да сверх того, 12 литографированных портретов: Костюшки, Бема, Мерославского, Гарибальди и др.¹

Люди эти при том объявили, что крестьянские девки, возвращаясь с барщины и проходя господский сад, заметили в дупле старой липы что-то белое; подойдя, нашли там салфетку и в ней вышеозначенные бумаги и портреты.

Временный военный губернатор Минской губ. передал обстоятельство это на обследование в комиссию, высочайше учрежденную по политическим делам, которая под председательством моим отправляется в им. Видагоще.

Почтительнейше донося о том в. с., имею честь присовокупить, что это та самая Кудзинович, о которой упомянуто в донесении моем от 17 февраля с. г. за № 21².

По окончании же следствия я не замедлю представить подробности результата³.

Полковник Рейхарт

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 322, лл. 33—34 об. Подлинник

¹ О содержании книг и литографических тетрадей, найденных в им. Видагоще, см. там же, лл. 36—38.

² См. док. 284.

³ Комиссия не открыла лиц, виновных в сокрытии указанных книг, брошюр и портретов, и по распоряжению минского временного военного губернатора дело было прекращено (ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1466, лл. 12—13).

1862 г. апреля 29. — Постановление мирового посредника 5-го участка Слуцкого у. Мержеевского о наказании крестьян им. Шостаков за отказ подписать акт о введении уставных грамот

Вчерашнего числа при проверке и введении в действие уставной грамоты им. Шостаков помещика Константина Ксаверьевича Войниловича требовано было мною на основании ст. 49-й Правил о поряд[ке]

прив[едения] в действ[ие] Полож[ения] о крест[ьянах] подписание акта 6 уполномоченными временнообязанными крестьянами, избранными для сего Шостаковским сельским обществом, а именно: Сымоном Казимировым Черкасом, Прокопом Ивановым Гнецько, Николаем Даниловым Борисом, Иваном Степановым Черкасом, Сымоном Геронимовым Черкасом и Иваном Кристофоровым Сапешкой. Но уполномоченные от подписи акта отказались, а то в присутствии 3 добросовестных посторонних свидетелей: Бенедыка Яковлева Лущицкого, Степана Мойсеева Конончика и Якуба Иванова Крайника, помещиков Константины и Иосифа Войниловичей, помещиков Гурского и Шабловского, волостного старшины и целого мирского Шостаковского общества. Главными подстрекателями к неисполнению определенного Положением подписание поверочного акта были помощник старосты Викентий Антонов Черкас, Симон Казимиров Черкас и Коеган Степанов Новик. Они гласно в присутствии моем и упомянутых выше лиц объявили, что громада не хочет никаких подписей и их уполномоченные акта не подпишут, невзирая на объяснения необходимости повиновения закону. Это было исполнено уполномоченными публично перед целым обществом, а потому, собрав все обстоятельства дела, весьма вредные для прочих селений, где еще не поверены уставные грамоты, и могущие стать дурным примером для всех временнообязанных крестьян, решают: 1) главных зачинщиков явного неповиновения закону: Викентия Антонова Черкаса и Сымона Казиминова Черкаса по силе 154-й ст. Общего полож[ения], как изблеченных в возбуждении крестьян к неисполнению возложенных на них сим Положением обязанностей, передать суду и наказанию на основании Свода законов 1857 г., т. XV, кн. 1, ст. 295 и последующих¹, и 2) Коегана Степанова Новика за ответы дерзкие и совет, данный мне, чтобы всю громаду послать в острог и не отдавать под суд поодиночке, по силе ст. ст. 29 и 32 Положения о губ[ернских] и уездн[ых] по крест[ьянским] дел[ам] учрежд[ениях], наказать розгами в волостном правлении 20 ударами и взыскать штраф 5 руб. сер. в пользу суммы Шостаковского сельского общества; об исполнении сего решения просить находящегося лично в им. Шостаках станового пристава со вручением ему копии решения; предписать тимковицкому старшине исполнить сие же решение, а о происшествии уведомить тотчас г. начальника губернии².

Мировой посредник Мержеевский

ГАМО, ф. 171, оп. 1, д. 2567, лл. 2—3. Заверенная копия.

Опубл.: Сб. «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)». Минск, 1959, стр. 355—356.

¹ Решением Минской палаты уголовного суда от 9 сентября 1863 г. упомянутые крестьяне были приговорены к тюремному заключению на три месяца каждый (там же, лл. 88—90).

² В 1862 г. в губернии с новой силой вспыхнуло крестьянское движение. Оно приняло форму выступлений против уставных грамот и продолжалось на протяжении всего года. Нередко волнения охватывали одновременно несколько волостей и подавлялись с помощью военной силы. Так, минский жандармский штаб-офицер 24 июля 1862 г. доносил В. А. Долгорукову, что: «Временнообязанные крестьяне Игуменского у., Новосельской и смежной с нею волостей оказали сопротивление в принятии уставных грамот и до того были взволнованы, что меры вразумления на них не подействовали. Поэтому для водворения должного порядка и повиновения между крестьянами сих волостей по сношению вице-губернатора с временным военным губернатором Минской губ.

командирована была в распоряжение игуменского земского исправника 1 сего июля полсотни казаков из состава двух сотен Донского казачьего № 33 полка, расположенных в гор. Минске...» (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, оп. 202, д. 208, лл. 6—7). Выступления крестьян против подписания уставных грамот, кроме указанных имений, имели место также в им. Житино и Подоресье Бобруйского у. (ГАМО, ф. 694, оп. 3, д. 3444, л. 223), Тадулино Минского у. (ГАМО, ф. 242, оп. 1, д. 1574, лл. 25—27), Лахва, Берчи и Юзефин Мозырского у. (ГАМО, ф. 694, оп. 3, д. 785, лл. 34, 46—47 и д. 3696, лл. 118—119), Стволовичи, Ведьмы и Дембины Новогрудского у. (там же, д. 4140, лл. 215—216; ф. 242, оп. 3, д. 11, л. 58), Судча Пинского у. (ГАМО, ф. 242, оп. 1, д. 1574, лл. 58—61), топорских и наднеманских имениях кн. Витгенштейна (ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 8891, лл. 11—14).

Имели место также отказы крестьян от исполнения повинностей в пользу помещиков в им. Заславье и имениях Папернянской вол. Минского у. (ГАМО, ф. 149, оп. 2, д. 2650, лл. 12—13; ф. 242, оп. 1, д. 13418, лл. 19—20), им. Любоницкое Пинского у. (ГАМО, ф. 534, оп. 2, д. 878, лл. 392—397) и др.

287

1862 г. июня 5. — Объявление минского полицмейстера Чеховского о запрещении жителям города встречать отправляемых из Царства Польского политических ссыльных

Г. временный военный губернатор Минской губ. предписанием от 3 июня с. г. за № 379¹, дал мне знать для объявления по городу, что по распоряжению е. п. следуют через гор. Минск на почтовых лошадях отправляемые из Царства Польского в отдаленные войска лица, отправленные в военную службу за политические преступления.

Некоторые жители гор. Минска собираются ночью толпами за городом для встречи означенных рекрут и дозволяют себе замедлять движение поездов с ними, стараясь выразить участие свое к ним и вместе с тем выказать строптивость свою против распоряжений правительства.

Толпы эти большей частью состоят из молодежи, женщин и детей.

Е. п., поставленный в необходимость предотвратить подобные беспорядки, изволил предложить мне объявить от имени е. п. жителям гор. Минска, что е. п. просит их прекратить сборища для встречи провозимых лиц из политических арестантов и считает долгом внимания к жителям города предупредить их, что между конвоем, обязанным сопровождать арестантов, и толпой, останавливающей свободное движение поезда по большой дороге, могут произойти столкновения, могущие повлечь за собой такого рода несчастья для иных личностей, которых ни предвидеть, ни предупредить невозможно.

Е. п. поручает в особенности отцам семейств и благоразумнейшим лицам населения города убедить молодых людей, что, обнаруживая в своей горячности неповиновение властям, они забывают право и силу власти обратить их к повиновению и что беспорядки и своеволие нигде и никакой решительно правительственной властью терпимы быть не могут.

Минский полицмейстер Чеховский.

ГАМО, ф. 296, оп. 1, д. 15, л. 175. Типографский оттиск

¹ Там же, л. 127.

1862 г. июня 5. — Донесение Б. К. Рейхарта В. А. Долгорукову о встречах жителями Минска политических ссыльных, отправляемых из Варшавы в Сибирь

Секретно

До сих пор продолжают проходить чрез Минск по этапу малыми партиями лица, решенные в Варшаве за политические преступления (донесено мною 17 февраля 1862 г. № 21¹), и [так] как при проходе их чрез город всегда выходит навстречу большая толпа людей, то по распоряжению начальства арестанты эти от последней почтовой станции до города и до следующей станции возятся на почтовых лошадях с конвоем и несколько верст под прикрытием казаков. 2 июня привезены были в Минск трое из упомянутых преступников на двух тройках и, неомотря на позднее время, около 10 часов вечера, за заставу вышло много народа, приблизительно до 200 человек; женщины бросали на дорогу цветы, а одному из казаков палкой сшиблена была с головы фуражка; в ту же ночь около 12 часов арестанты эти отправлены далее таким же порядком, но под прикрытием 50 казаков при офицере; подъезжая к предместью Комаровке в 1½ верстах от города, офицер был предупрежден дежурным унтер-офицером квартирующей там роты Калужского пехотного е. в. короля прусского полка, что за местечком в лесу скрывается множество народа с палками. Офицер остановил команду и дал знать о том в город начальству; однако, не дождавшись ответа, тронулся, и, действительно, за местечком из лесу выбежало до 500 человек, крикнули «ура» и приблизились к повозкам, но сильный конвой проехал без препятствия. Между тем собранные упомянутым дежурным унтер-офицером 50 человек пехоты догнали команду, и когда повозки усакали, а толпа увидела сзади себя солдат, то разбежались по лесу; не менее того унтер-офицер этот успел задержать 79 человек, в числе коих оказалось учеников минской гимназии 43 человека, женщин-дворянок 16 и разных лиц 20.

Временный военный губернатор Минской губ. потребовал к себе задержанных и сделал им строгий выговор, а учеников гимназии приказал по решению конференции² подвергнуть наказанию: младших классов — розгами, а взрослых — некоторых арестом, а некоторых исключением из гимназии³.

Долгом считаю почтительнейше донести о том в. с.

Полковник Рейхарт

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1862 г., д. 107, лл. 9—12. Подлинник

¹ См. док. 284.

² Имеется в виду решение совета гимназии.

³ Обстоятельства встречи учениками минской гимназии отправляемых из Варшавы в Сибирь политических ссыльных отражены также в отношении попечителя Виленского учебного округа минскому военному губернатору от 12 июня 1862 г. (ГАМО, ф. 296, оп. 1, д. 15, лл. 177—179). Встречи жителями политических ссыльных из Варшавы имели место и в Новогрудке, о чем доносил минскому военному губернатору командир Гродненского батальона внутренней стражи 6 июня 1862 г. (там же, лл. 251—254).

1862 г. июня 22.—Донесение Б. К. Рейхарта А. Л. Потапову об обнаружении в с. Ольшанах Мозырского у. «Гуторки старого деда»

Секретно

Пристав 3-го стана Мозырского у., получив сведение, что в с. Ольшанах появились возмутительного воззвания печатные книжечки, тотчас отправился на место, и по удостоверении оказалось, что тамошними крестьянами Григорием Лемегой и Парфеном Ченикало 24 минувшего мая найдены на коммерческой дороге два напечатанные в Париже 27 февраля с. г. экземпляра под заглавием: «Hutorka staroho Dzieda»^а и «Dobryia wieści»^б и что по неграмотности крестьян, одним из них, Лемегой, представлен экземпляр православному приходскому священнику, а другой крестьянином Ченикало представлен в волостное управление; но кем были оставлены на дороге,—по розыскам не открыто.

Один экземпляр этих книжек начальник губернии представил министру внутренних дел², а другой—временному военному губернатору.

Почтительнейше донося о том в. п., при сем имеют честь представить в копии стихи «Dobryia wieści»³, самое же сочинение «Hutorka» уже представлено было мною в копии при донесении моем от 17 февраля с. г. за № 21⁴.

Полковник Рейхарт

ЦГАОР СССР ф. 109-ц, 1 эксп., 1861 г., д. 322, лл. 72—73 об. Подлинник

¹ «Добрые вести» — стихотворение В. Сырокомли на белорусском яз., призывавшее крестьян объединиться со шляхтой для борьбы за «свободу». В период подготовки восстания 1863 г. напечатано в виде приложения к «Гуторке старого деда». Указанные в «Гуторке» выходные данные (Париж) не соответствуют действительности. На самом деле брошюра печаталась в Белостоке.

² Донесение минского губернатора министру внутренних дел от 15 июня 1862 г. аналогичного содержания (см. ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 30, лл. 30—30 об.).

³ ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, 1 эксп., 1861 г., д. 322, лл. 74—75 об.

⁴ См. док. 284.

1862 г. июля 11.—Акт новогрудского земского исправника Струмилло о прекращении волнения крестьян им. Полонечка кн. Радзивилла, отказавшихся отработать сгонные дни

1862 г. июля 11 дня новогрудский земский исправник, съехав в им. Полонечку кн. Радзивилла 9 числа сего июля, сделав самовернейшее дознание о причинах волнения крестьян и оказанного явного неповиновения и слушания в исполнении уставной грамоты, открыл, что тако-

^а «Гуторка старого деда» (белорусск.).

^б «Добрые вести» (белорусск.).

вое произошло от недоумения и по простоте крестьян, кои, истолковав себе, что сгонные дни совершенно уничтожены, сочли неправильным возвышение рабочих дней летом чрез несколько недель, что произошло от причисления сгонных дней к пригонным после понижения оных до 8 дней и разделения рабочих дней на зимние и летние помесячно. Засим объяснены мною крестьянам их недоумения и обязанности и внушено должное повиновение и уважение властям, а виновные в возмущении подвержены полицейским исправительным мерам, кроме двух крестьян, Иосифа Мишеля и Антона Медушевского, кои, согласно отзыву г. мирового посредника, подлежат преданию суду. Волнение крестьян по деревням им. Полонечки, заключающим до тысячи душ, при содействии казаков и сельского заседателя Августиновича совершенно прекращено, повиновение и должный порядок в аккуратном исполнении их обязанностей восстановлены, а [так] как кн. Радзивилл ходатайствует, чтобы прописанных крестьян, не предавая суду, подвергнуть на месте наказанию, потому, разделяя вполне мнение кн. Радзивилла, [я] постановил донести о всем прописанном на благоуважение е. п. г. начальника губернии с представлением подлинного производства по сему предмету и ходатайства кн. Радзивилла. Казаков же между тем, чтобы водворенный порядок не был нарушен, оставить на 2 недели по деревням им. Полонечки и о всем положенном уведомить г. мирового посредника и представить г. временному военному начальнику Новогрудского у¹.

Земский исправник Струмилло

ГАМО, ф. 1536, оп. 1, д. 1, лл. 168—169. Заверенная копия

¹ Донесение новогрудского земского исправника новогрудскому временному военному начальнику от 11 июля 1862 г. о прекращении им волнения крестьян в им. Полонечка см. там же, л. 167.

291

1862 г. августа 2.— Донесение Э. Ф. Келлера П. А. Валуеву¹
о праздновании в минском бернардинском костеле годовщины Люблинской унии

Секретно

Минский полицмейстер рапортом от 1 августа довел до сведения, что пристав 2-й части города Бартошевич, быв 31 минувшего июля дежурным по городу, заметил значительное число народа разного сословия, большей частью в польских национальных костюмах, около 11 часов утра идущих в бернардинский костел, почему, пригласив с собой квартального надзирателя, отправился в означенный костел и, когда после совершения у большого алтаря обедни с пением так называемой «*msza śpiewana*»^a с музыкой, ксендз-провинциал^b Шукевич с прочими духовными, сойдя на ступеньки алтаря, стали на колени, народ пропел революционный гимн «*Boże coś Polskę...*». В числе певших озна-

^a Месса с пением (польск.).

^b *Prowincjał* — настоятель монастыря (польск.).

ченными полицейскими чиновниками замечены фортепьянист Белявский, б. унтер-офицер оренбургских линейных батальонов Годревский и отставной чиновник Горбатовский.

На основании распоряжения г. временного военного губернатора Минской губ., я предложил полицейскому суду о подтверждении означенных лиц ответственности по правилам временного положения о полицейских судах и, об этом доведя до сведения в. вп. во исполнение полученного мною ныне предписания от 30 июля за № 1895², имею честь доложить: а) что о взыскании с духовных лиц г. ген.-адъютантом Кушслевым сообщено минскому римско-католическому епископу Войткевичу; б) что из числа участвовавших в пении б. унтер-офицер Годревский состоит по высочайшему повелению под секретным надзором полиции с 1857 г. по возвращении из Оренбурга, куда выслан был за прикосновенность к делу об открытом в 1849 г. в гор. Вильно злоумышленном обществе³ и с) что празднование 31 июля происходило в воспоминание совершившегося в этот день соединения Литвы с Польшей; праздник этот выразился тем особенно, что женский пол, носящий траур, облекся в этот день в светлый цвет, а некоторые из них украсили себя древним польским костюмом под названием кунтуша с конфедераткой на голове. Увеличилось в тот день число также мужчин, одевающихся в особое национальное платье — чемарки с конфедераткой и в длинных сапогах. Предполагалось праздновать 31 июля и в других уездах Минской губ., и за получением сведений не замедлю донести в. вп.

ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405, лл. 171—172. Отпуск

¹ В тот же день аналогичное донесение было направлено наместнику Царства Польского.

² В указанном предписании министр внутренних дел, сообщая об отмене еженедельных донесений о положении в губернии, просил, однако, немедленно доносить ему «о каждом отдельном случае проявления какой-либо манифестации или политического беспорядка» (ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405, л. 170).

³ В 1849 г. царские власти произвели аресты среди членов Союза литовской молодежи.

292

1862 г. августа 31.— Донесение и. д. минского губернатора А. Л. Кажевникова В. И. Назимову о панихиде в минском кафедральном костеле по Л. Ярошинском, казенном в Варшаве за покушение на в. кн. Константина

Секретно

В минском римско-католическом кафедральном костеле 28 сего августа совершена местным кафедральным ксендзом, при немалом стечении народа, панихида за упокой умершей 2 года тому назад и похороненной в Игуменском у. вдовы Сосновской — дочери Добровольского, но, как по негласному розыску оказалось, панихида эта отправлена за повешенного в Варшаве преступника Ярошинского, и при совершении таковой некоторыми из патриотов были раздаваемы свечи, одни с надписью в конце золотыми буквами, а другие с привешенными записками: «Świętej pamięci Jaroszyńskiego»^a.

^a «Святой памяти Ярошинского» (польск.).

О чем доводя до сведения в. вп., имею честь доложить, что к открытию главных руководителей сего приняты мною деятельные меры и что об отправлении панихиды в других местах губернии донесений ко мне не поступало¹.

И. д. гражданского губернатора Кажевников

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 86, л. 1. Подлинник

¹ Донесение аналогичного содержания было направлено Б. К. Рейхартом Долгорукову 3 сентября 1862 г. (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экзп., 1862 г., д. 423, л. 5 и об.). За совершение панихиды по Ярошинском П. А. Валуев в предписании на имя В. И. Назимова № 2454 от 15 сентября 1862 г. предложил выслать настоятеля минского кафедрального костела на жительство в Вятку (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 86, л. 9).

293

1862 г. октября 11.— Донесение минского вице-губернатора А. В. Лучинского В. И. Назимову о крестьянских волнениях в Минской губ., подавленных с помощью военной силы

Во исполнение предложения в. вп. от 21 сентября за № 6126¹, имею честь представить при сем ведомость о числе случаев крестьянских волнений в Минской губ., усмирённых посредством военных экзекуций².

При этом долгом считаю доложить в. вп., что крестьяне показанных в ведомости имений обращены к повиновению одними лишь полицейскими мерзми, а воинские команды были расположены в тех имениях только в роде постоя, для острастки оказавших неповиновение. По деревням им. Бринево и Дорошевич расположены были две роты, одна Калужского и другая Полтавского пехотных полков в течение апреля и мая месяцев прошедшего года; в имениях же Судче и Березине размещено было по полсотни казаков в июне и июле месяцах с. г.

За гражданского губернатора вице-губернатор Лучинский

ЦГИА Лит. ССР, д. 378, ОО, 1862 г., д. 1019, л. 2. Подлинник

¹ В указанном предложении В. И. Назимов просил представить сведения о числе случаев крестьянских волнений, усмирённых посредством военных экзекуций со времени обнародования манифеста 19 февраля (там же, л. 1).

² В приложенной к донесению ведомости указаны им. Бринево и Дорошевичи Мозырского у. помещиков Кеневичей, с. Судче Пинского у. помещика Чарнецкого и им. Березино Игуменского у. гр. Потоцкого (там же, л. 3).

294

1862 г. ноября 16.— Донесение А. Л. Кажевникова В. И. Назимову о мерах, принятых против подачи дворянами Александру II адреса о присоединении Минской губ. к Царству Польскому

Конфиденциально

В дополнение к телеграфической депеше от 14 сего ноября² имею честь донести в. вп., что накануне дня открытия дворянских выборов, получив сведения, что многие из помещиков предположили подать

² Помета карандашом. Этой депеши при деле нет.

адрес для представления на высочайшее воззрение о присоединении Минской губ. в административном управлении к наместничеству Царства Польского, я в то же время признал нужным вновь письменно предупредить г. губернского предводителя дворянства, что подобного рода заявления признаются правительством преступными и противозаконными, и независимо от сего в речи моей при открытии выборов после совершения присяги изъяснил дворянству о всех последовавших уже и готовящихся важнейших реформах, дабы тем отклонить и самый повод к каким-либо со стороны их указаниям и домогательствам, о которых я выразил собранию, что отнюдь мною приняты не будут.

Распоряжения эти подействовали вполне удовлетворительно, и я не теряю надежды, что выборы окончатся спокойно и без замешательства.

Представляя в копии сказанную мною речь дворянству¹, долгом считаю присовокупить, что, не ограничиваясь принятыми мерами, я постоянно и бдительно стараюсь следить за ходом дворянских совещаний, направляя, по возможности, к мирному исходу дела².

И. д. гражданского губернатора Кажевников

ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 113, л. 29. Подлинник

¹ Там же, лл. 30—31.

² 17 ноября 1862 г. на съезде дворян Минской губ., большинство которых составляли лица польского происхождения, был составлен протокол, в котором говорилось, что они собрались для предстоящих выборов и с намерением представить адрес Александру II о присоединении Минской губ. к Царству Польскому, но, заслушав отзыв губернатора о том, что Александр II представление подобного адреса считает преступным и противозаконным, решили никакого адреса не подавать. Протокол подписали 255 человек (там же, лл. 37—38).

Б. К. Рейхарт по поводу адреса минского дворянства Александру II сообщал В. А. Долгорукову 24 ноября 1862 г., что «многие из 255 помещиков, подписавших протокол о том, чтобы адреса не подавать, не разделяли искренно выраженной в нем мысли, но увлекаясь более тщеславием, а также опасаясь дерзких преследований нескольких задорных своих собратий, не имели довольно твердости высказать собственное свое убеждение. Не мало виноваты в беспорядках и дворянские предводители, большая часть из них люди, не соответствующие своему назначению; [они] не пользуются должным уважением и стараются потворствовать страстям, чтобы удержать за собой почетное звание» (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экзп., 1862 г., д. 33, ч. 16, лл. 21—22 об.).

К донесению приложена копия с представленного минским губернатором виленскому ген.-губернатору списка лиц, которые были «главными требователями составления адреса» и дальнейшее пребывание которых в губернии губернатор считал вредным. В списке этом значится помещик Мозырского у. Н. Еленский, помещик Речицкого у. Э. Оскерко и его сын В. Оскерко; отставной поручик заседатель Минской палаты гражданского суда В. Дмоховский; мировой посредник 3-го участка Мозырского у. Вишневецкий. В списке указаны также и другие лица, замеченные «своей раздражительностью и предосудительным направлением к возбуждению беспорядков и дерзких замыслов», а именно В. Дунин-Марцинкевич с дочерью Камиллой, минский губернский уездных дел стряпчий И. Новаковский, отставной коллежский секретарь Ю. Горбатовский, минский книгопродавец А. Валицкий, чиновник Минской палаты гражданского суда О. Бартошевич, минский мещанин сапожник С. Боровик, вольнопрактикующие врачи М. Янковский, П. Чекатовский, М. Козловский, фортепьянный мастер И. Белявский, помещица Минского у. А. Головина с двумя дочерьми (там же, лл. 23—26 об.).

По итогам дворянских выборов в Минской губ. Александр II предоставил виленскому ген.-губернатору право уволить от должности лиц, пребывание которых на службе он признает нежелательным, и согласовать вопрос с министром внутренних дел о высылке в другие губернии лиц, изъявлявших особое желание в составлении адреса, а также всех других лиц, пребывание которых в крае ген.-губернатор признает вредным. Определение времени созыва минского губернского дворянского собрания для новых выборов Александр II ставил за собой (ЦГИА Лит. ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 11, лл. 67—68).

1863 г. мая 20.— Показание повстанца В. Гейштора в Минской следственной комиссии о подготовке к восстанию и действиях отряда А. Трусова

1863 г. мая 20 дня в присутствии комиссии были даны следующие вопросы.

Вопрос 1. Как ваше имя, отчество и фамилия, сколько вам от роду лет, какой вы веры, бываете ли на исповеди и у святого причастия, какого вы звания, где имеете постоянное жительство, чем занимаетесь, не были ли под судом и следствием. Не имеете ли движимого или недвижимого имущества, где и в чем таковое заключается?

Ответ. Витольд Антонович Гейштор, 25 лет, римско-католического исповедания, в исповеди и у святого причастия бываю, из дворян Минской губ., состою на службе в канцелярии минского губернского прокурора, постоянное жительство в гор. Минске, под судом не был. Движимого и недвижимого имущества никакого не имею.

Вопрос 2. С 29 на 30 число апреля вы в числе прочих инсургентов взяты с оружием в руках солдатами Великолуцкого пехотного полка при дер. Синело; комиссия, приступая к допросам, требует от вас чистосердечного сознания и предупреждает вас, что откровенное признание по ст. 170 кн. 2 Свода законов уголовных облегчит меру заслуженного вами наказания, поэтому объясните:

1. Когда поступили вы в общество заговора?
2. Из кого и где общество это состояло и под чьим руководством?
3. Какая была главная цель общества?
4. Образ и порядок формирования шак?
5. Кто были назначены предводителями шак?
6. Откуда получалось оружие, каким путем доставлялось и где были склады оружия?

7. Где и кем заготавливалась одежда, как то: чепарки, большие сапоги, ранцы и пр., где заготавливались сухари и кто этим распоряжался?

8. Откуда получался порох, и где заготавливались пули?

Ответ. По 1-му п. имею честь пояснить, что с самого начала начавшихся демонстраций в гор. Минске¹ я познакомился со студентом Московского университета Антонием Трусовым, где по возможности времени, остающегося от службы и семейных забот, я посещал его. Разговоры большей частью были о надобности разбуждения всеобщего духа в народе и считали, что петый гимн к этому много служит. Читали, кроме того, истории о делах Польши со времени ее разбора² до настоящего времени.

2-й п.— что об обществе, из кого оно состояло, я вовсе не знаю, хотя и слышал в последствии времени, что целым этим рухом³ заведывает Центральный комитет, состоящий, будто бы, в гор. Вильно, а что впоследствии, когда начали организации, и это пред самой пасхой⁴, я, возвратясь из отпуска, узнал, что приехал Трусов в город. Так как его в городе долго не было, [я] пошел к нему и он предложил мне быть

¹ Rozbiór — раздел (польск.).

² Ruch, рух — движение (польск., белорусск.).

в его десятке, а потому полагаю, что организация устраивалась таким же образом, как в Царстве Польском, но нам внушено было иметь в самой глубокой тайне, что принадлежу к организации и к кому именно, а если бы кто другой желал меня тоже потянуть в организацию, велено было отвечать: «Я об этом не говорю».

На 3-й п.—какая цель общества, то известно,—чтобы тоже сделать и здесь восстание.

На 4-й п. пояснено во 2-м п.

На 5-й — кто были предводителями шаяк,—я до времени выступления из города не знал, и [так] как сказал Трусков, что нужно в пятницу выступить, я считал его своим десятником и впоследствии убедился, что он был начальником гражданским^а.

На 6-й п., что оружие и амуницию, мне сказал Трусков, что будут даны на пункте, так как я не мог у себя дома ничего приготовить, потому что не желал, чтобы знали о том моя жена и мать. Где же Трусков доставал оружие и каким путем перевез его на пункт,—мне неизвестно.

На 7-й п.—одежду и сапоги я сам сделал и не требовал у своего десятника Трускова. Ранец сшил дома из шкуриной подушки ночью, так чтобы семейство не видело. Сухарей я не имел, а покупал вендлины^б и хлеба на 2 дня, так как на это время нам велено иметь.

На 8-й п., что где заготавливались пули и откуда покупался порох, мне неизвестно, так как, как мною объяснено, мне было обещано дать все это на пункте.

Вопрос 3. Во 2-м п. вы сказали, что о времени выхода из Минска вам сказал Трусков. Поясните подробно, где, при ком и когда именно он передал вам об этом, куда именно вышли из города и где присоединились к шайке?

Ответ. На этот вопрос имею честь пояснить, что он, встретившись со мною на улице, разумеется, без свидетелей, сказал о времени и о месте, куда надобно нам сойтись. Первоначально надобно было мне прийти в лес за три корчмы, куда я и отправился и по осторожности и боязни, так как шел сам, один, услышал условленный из свистелки свист. Подошел поближе, заметил, что это должно быть свои, я приблизился, но из нескольких лиц, как полагаю — ремесленников, не нашел знакомого. На спрос, куда нам следует теперь отправиться, сказали, что в лес, называемый Шафарнею; я знал об этом месте, как пункте, где мы должны получить оружие и амуницию, предложил сейчас отправиться туда, но сказали, что еще надобно подождать, не присоединится [ли] кто-либо больше, и, подождав, как кажется, до 3 или 4 часов, отправились на пункт, где нашли уже и Трускова и много людей, вооруженных, там и мне пришлось надеть^в.

Вопрос 4. Назовите тех лиц, которых вы нашли при Трускове в шайке. Поясните, чем они были вооружены и какое именно оружие дано было вам?

^а *Cywilny*, гражданский — гражданский, не военный (польск., белорусск.).

^б *Wędliny* — колбасы, копчености (польск.).

^в *Т. е. там и мне было выделено оружие и амуниция.*

Ответ. Прибыв в то время поздно вечером к шайке, я немного нашел знакомых, именно: знакомых издавна и теперешних моих товарищей Жуковского, Кржижановского, Вержбицкого³ и юнкера Хмуровича, прочих впоследствии узнал только по имени, так как этого же самого вечера, во избежание сведения фамилий^а, находящихся в шайке товарищей и могущих случиться побегов или иных каких-либо причин, объявлено было называться по имени в случаях надобности.

Вооружены были по искусству в стрельбе, кто искуснее стрелял — тот получил дубельтовку^б и пистолет, а некоторым [давали] и револьверы. Мне же досталось ружье одноствольное, которое и теперь имеется в комиссии, в ясеновой оправе, и какой-то пистолет старый скалковый, который служил более для формы, как для надобности.

Вопрос 5. Где вы познакомились с Трусовым?

Ответ. Со времени появления Трусова в гор. Минске, как известно, в простонародном платье, он меня заинтриговал, и я старался всячески с ним познакомиться, тем более что об нем говорили как о человеке, принявшем на себя не только наружную форму крестьянина, но что его цель и пропаганда стремится к достижению равенства в классах народа; наконец, не упомяну, что я к демонстрациям почти не принадлежал, т. е. с тех пор началось наше знакомство.

Вопрос 6. Не уговаривал ли вас присоединиться к мятежу еще кто-либо, кроме Трусова?

Ответ. Со мною это не случилось, может быть, потому, что кто меня ближе знал, тот никогда не мог полагать, чтобы я оставил свое семейство: жену, мать и детей, а кто меньше меня знал, тот не осмелился, может быть, потому, что я к демонстрациям почти не принадлежал, т. е. с начала пения гимнов несколько раз и то тайком, чтобы никто не видел; а как было запрещено, то и вовсе не принадлежал, платья возмутительного не носил и, как полагаю, что эти поводы отклонили от меня лиц, которые бы желали меня потянуть к организации.

Вопрос 7. Поясните подробно о том, что происходило по присоединении вашем к шайке, где и по каким именно местностям проходили, кто и где именно присоединялся к шайке и в каких стычках с войсками вы участвовали?

Ответ. Присоединившись к шайке, этой же самой ночи мы отправились лесом и, пройдя около мили в лесу, приостановились и покушали, после сего отправились лесом, я сам не знаю куда, а только слышал, что на пункт, где должны найти военного начальника, но кто таков имел быть, мне ничего неизвестно, довольно того, что дорога, по которой мы шли, для меня была вовсе незнакома и все ходили проселочными дорогами, редко когда выходили на большую дорогу и то скорее ее покидали, один раз говорили, что мы в Игуменском у., другой раз что в Борисовском, и в таких постоянных пе[реходах] днем и ночью ходили почти неделю, всяким разом обещая нас привести на какой-то пункт, где будет начальник, но эти походы нас скоро изнурили, начались роптания и негодования, что неизвестно, когда мы придем к пункту. Между тем как в шайке находилось большей частью из нижнего класса людей, то начали появляться и воровства, так что если достанется из надела что-

^а Т. е. во избежание того, что будут узнаны фамилии.

^б *Dubeltówka*, дубальтоўка — двустволка (польск., белорусск.).

либо к пище, то и вытащат из ранца; с этого повода начались громкие жалобы и нарекания на беспорядки, но Трусов как был молодец на язык, так на деле был очень слаб, и уже начались побеги, разумеется секретные, и кто знал позицию, тот и бежал, и так [как] прибывающие по дороге к партии и вышедшие с места начали ослабевать, тем более что по обещанию начальника Трусова найти на известном ему пункте военного начальника, нигде его не нашли, а всякого дня происходили более беспорядки по причине изнурения походами днем и ночью, недостатка в пище; наконец, мы узнали, что и войско следовало за нами, то с этого повода мы отбывали походы столь обременительные, так как по несколько раз возвращались в одно и то же место, то помогались, чтобы непременно нас завел в какое-либо место безопасное, где мы могли бы отдохнуть, и он это обещал, и, действительно, на другой день сказал нам, что привел в такое безопасное место, что мы можем упражняться в стрельбе, так как это место болотистое, и, отобрав человек с 15, отправил с проводником на то место для находки удобного места; сам же с остальными отлучился для набрания провианта и, действительно, чрез несколько часов пришел к нам, и мы расположились на несколько дней. Вдруг на завтрашнее число пикета наша объявила, что вблизи находящейся деревне есть войско. Тут начались споры, отступить ли или дать стычку; я и многие, зная, сколь слабы наши силы, желали отступить, но, видно, начальник Трусов и прочая партия, считая эту позицию за удобную, положили дать стычку⁴ и объявили: кто не повинуется, тому в лоб стрелять. Мы повиновались, но, будучи уставлены в рассыпной строй за кустами, коль скоро заметили, что ухода нашего не заметят, уступили с позиции в лес; скоро за сим услышали сигнал войска, то еще дальше отступили; после слышал я пальбу и крик, то мы начали бежать дальше в лес и вбились в огромное болото; перестрелки мы не слышали и все успокоились; наконец, нас было беглых 9 или 10 человек,—начали перебираться болотом и потеряли позицию. Ходили, прислушиваясь, не ищут ли нас, и, наконец, увидели огонь—это уже было ночью. Приблизившись, нашли еще несколько лиц, которые объявили, что Трусов с партией куда-то бежал и что они тоже отстали, сами не зная, что делать, то некоторые хотели искать партию и некоторые идти в гор. Минск и сдать оружие; в числе сих последних был и я, но так [как] позиции леса никто из нас не знал, то мы блуждали почти целый день, но, наконец, у какого-то крестьянина узнали, что есть близко двор, то мы положили идти туда попросить кушать и взять лошадей; на пути встретили еще троих, которые говорили, что после стычки они рассыпались и блуждали; мы, прибыв к помещику, просили кушать и дать нам лошадей; это им было хотя неохотно, но сделано, видя нас вооруженными, и мы следовали в гор. Минск для сдачи оружия, но наткнулись на войска и там положили свое оружие.

Вопрос 8. Если вы следовали в гор. Минск с намерением положить оружие, то зачем же стреляли в солдат, которых встретили не доезжая Королишевич?

Ответ. Нас выехало от помещика Ельского на трех подводах, ехавшие впереди были пропущены солдатами и поехали под гору, на второй же приостановились на мосту и ехали тихо, а на последней повозке, где сидел я, Жуковский и Хруцкий, тоже ехали тихо, и, когда солдаты

крикнули: «Держите, это мятежники», мы, будучи посередине самих солдат остановились и кричали: «Сдаемся», и бросили ружья; на первой же повозке, как проминувшую солдат, сидевшие в оной бросились бежать, солдаты за ними, и те или другие сделали первый выстрел, мне неизвестно, так как нас уже колотили прикладами и обрывали ранцы и вытаскивали деньги; на второй и третьей повозке ехавшие ни я, ни прочие не стреляли, так как наши ружья и после связания нас были заряжены, что может посвидетельствовать начальник команды и юнкера, так как они сами после того выстреливали заряженные ружья.

Вопрос 9. Из показаний ваших видно, что вы были с Трусковым — одним из главных деятелей восстания — давно знакомы, поэтому нельзя допустить, чтобы [вы] ничего не знали о том, из кого состояло революционное общество в Минске, под чьим руководством, где это общество собиралось, цель его, образ и порядок формирования шаяк, имена и фамилии предводителей шаяк, способ изготовления оружия, пороха и пр. Поэтому объясните, не скрывая ничего, и скажите также, как получались распоряжения революционного комитета, прокламации, брошюры и пр.

Ответ. Из этого, что я давно знаком с Трусковым, угодно называть меня главным зачинщиком мятежа, но я нисколько не достиг этого достоинства, так как что Трусков мне не предлагал быть его помощником, а ни я бы мог^а, так как в бедном моем семейном быту я очень много имел забот для прокормления довольно значительного на мое скудное жалование семейства. Да, кроме того, я не столь часто и близко был с ним в дружбе, чтобы столь важные дела, которые комиссии известны, он мог мне доверить, зная вполне, что я из[-за] семейных обстоятельств никогда не буду в состоянии ему быть помощником, и что он меня потянул в организацию как одиночное лицо, не может служить доказательством, что я был главным его сотрудником в революционных действиях. Я его прямо считал десятником своим, а знал, что должно быть есть и сотники, но кто он был действительно, то убедился, когда пришел на пункт и он стал называться начальником, то в то время, полагая, что начальники, должно быть, назначаются из сотников, теперь могу заключить, что он был сотником; что же касается до того, кто управлял революционным обществом в Минске, где оно было, какие его действия и кто был тем обществом назначен в начальники, мне вовсе неизвестно, то же о средствах изготовления оружия и снарядов, тоже ничего не знаю, и прямо как мною уже объяснено, что я, считая его своим десятником, объявил, что оружия и амуниции для себя иметь не могу, он сказал, что это будет мне, как придет время, дано; более же я ничего не знаю и знать не мог, так как главной целью организации было, чтобы ни единицы не знали с собой, ни знали своих высших начальников, кроме десятника, а потому все это было так скрытно, что, может быть, лица одного десятника, находясь с собой, не знали, кто их десятник, тем более столь важные тайны, как высшие революционные управления, не могли быть известны единичным лицам.

Некоторые из газет, как, например «Рух»^б, мне два или три номера попались от Трусова, но каким путем приходили к нему, — мне неизвестно.

^а Так в тексте.

Вопрос 10. Назовите тех лиц, которых вы видели чаще других у Трусосова?

Ответ. Прошлого года, когда я познакомился с Трусосовым, летом видал большей частью студентов университета, мне незнакомых, с которыми другой раз встречался лишь на улице, но одно или два свидания не становятся знакомства, и хотя и некоторые и были знакомы, теперь упомянуть не могу, а как имел честь уже пояснить, что я не так часто его посещал, в этом же году я только раз был у него и никого в то время не было, а то имел свидание или в гандле^а или на улице, а очень редко и то на минутку [он] приходил ко мне.

Вопрос 11. Не были ли вы с шайкой в дер. Новоселках, где при нападении на крестьян трое из них были убиты, а 8 ранено?

Ответ. Шайка, в которой я находился, никогда на крестьян не нападала и их не била, а о дер. Новоселках я не слыхал.

Вопрос 12. Каким образом шайка получала продовольствие и кто таковое доставлял?

Ответ. Чаще всего продовольствие получали из дворов^б, а иногда посылали из шайки несколько человек для закупки продовольствия, но чтобы кто сам из помещиков или крестьян доставлял провизию, того не случалось.

Вопрос 13. Объясните откровенно, с какой целью вы присоединились к мятежникам?

Ответ. Как я был организован и было дано честное слово Трусосову, то я посвятил себя для общих действий и общей пользы для добра нашего будущего отечества, но никаких видов своего корыстолюбия или злого намерения не имел.

Для разъяснения мысли общей пользы, какая была бы принесена нами отечеству, поясняю, что я считал эту пользу отечества в том, чтобы освободиться из-под власти России.

Вопрос 14. Стало быть, вы это желание хотели достигнуть вооруженной рукой?

Ответ. Когда слышал, что иным путем этого мы достигнуть не могли, то произошел мятеж, к которому я прикосновенен и видел, что остался один путь достигнуть это вооруженной рукой^б.

ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 121, лл. 59—69. Подлинник

¹ Пение запрещенного гимна началось в Минске в июне 1861 г. (см. прим. 1 к док. 272).

² 1863 г.

³ Жуковский и Кржижановский были захвачены и преданы суду вместе с В. Гейштором, Вержбицкий умер от раны, полученной в бою под Петровичами.

⁴ Речь идет о стычке отряда А. Трусосова с царскими войсками под дер. Петровичами 28 апреля 1863 г.

⁵ «Ruch» («Движение») — орган ЦНК. Издавался с июля 1862 г. по июль 1863 г.; Всего вышло 17 номеров.

⁶ Каждый ответ заканчивается подписью: Витольд Гейштор.

^а *Handel*, гандаль — торговля (польск., белорусск.). В данном случае, по-видимому, — в магазине.

^б *Dwór* — усадьба (польск.).

1864 г. не позднее февраля 24¹. — Показание члена повстанческой организации Минского у. Г. Лапицкого в Минской следственной комиссии о деятельности минской революционной организации²

В 1853 г., возвратившись из С.-Петербурга, где был вольным слушателем в тамошнем университете, я за наследственный от отца капитал купил им. Птичь в Минском у., женился на дочери помещика Минского у. Гилярия Якубовского Иозефе и начал заниматься сельским хозяйством.

Это было единственным моим занятием. Вводимые реформы и предчувствуемое всяким цивилизованным человеком столь потребное разрешение крестьянского вопроса вызвали в обществе нашем нравственную деятельность в цели направления хозяйственных интересов на путь правильного развития с прекращением обязательного труда. Вопрос этот вызвал множество потребностей, обсуждения их породили столкновение идей, сосредоточение их в общую деятельность, и они выразились в занятии общественными потребностями, просьбою об увольнении крестьян и составлением проектов обществ торговли; наконец, возбудилась мысль ходатайствовать у правительства об учреждении земледельческого общества, а затем возбудилось желание испросить у государя императора расширения прав нашей народности и языка.

Ограничиваясь этими пожеланиями, общество наше и не помышляло в то время о возможности отторгнуть этот край от Всероссийской державы, а мечтало только о достижении той равноправности в общем государственном устройстве края, какою пользовались немецкие жители остзейских провинций и жители Финляндии.

Таково было настроение нашего общества, когда наступили события 1861 г. в Варшаве. Нетерпеливость достижения желаемых благ повлекла общественное мнение на ошибочный путь, что демонстрациями правительство будет заставлено приспешить осуществление наших желаний.

В то время образовалось в Царстве Польском революционное общество, названное комитетом движения (руху), помещичий класс в здешнем крае не мог сочувствовать, по естественному своему положению, красным и ультрадемократическим направлениям этого общества, оно возбудило в здешнем крае весьма мало сочувствия, и общество наше, не отступая от своих идей, заявило оные в желании присоединения наших провинций на пути административном к управлению Царства Польского, признавая это Царство неотъемлемой принадлежностью императорской короны.

Поступок этот, признанный правительством противозаконным и преступным, повел закрытие наших дворянских выборов³, а имея последствием взыскания, поставил общество наше в бессознательное положение, чего вперед держаться.

Как вдруг вспыхнула революция в Царстве Польском. Начатая красными, не разделенная помещиками, сначала она не имела у нас никакого влияния; но как скоро помещичья партия присоединилась в Царстве Польском к восстанию, влеченное силою обстоятельств общество наше вступило на ту же дорогу, и тут начало проведения организации

в западных губерниях. Целью этой организации было формирование партизанских отрядов для начатия восстания. Комиссаром на Минское воеводство был назначен помещик Болеслав Свенторжецкий, а начальником воеводства — помещик Корнелий Пеликша^а. Военным начальником Минского у. был назначен помещик Павел Дыбовский и начал делать приготовления в марте месяце. Открыто заявив, что не могу принять участия в восстании, потому что не вижу средств оставить жену и пятеро детей без опеки, я не был принуждаем и остался дома. В апреле месяце вспыхнуло восстание.

В то время было сделано распоряжение о формировании гражданской организации в губернии. В начале мая Пеликша, призвав меня, сказал, что нехорошо, что я не занимаю никакого места в организации, и предложил мне отправиться к помещику Адаму Ваньковичу^б. Когда я пришел к нему, он мне объявил, что он назначен гражданским начальником Минского у. и предлагает мне обязанность референта. Я согласился. Обязанность референта состояла в расширении нравственного влияния, поддержании сообщений, сношениях с партией в пределах уезда и собирание средств для их содержания.

Но так как все повстанцы нашего уезда перешли в Игуменский у., то мне не было занятия, все же действие состояло в передаче другим референтам писем для отсылки по принадлежности. Собираение денег шло трудно, потому что средства были истощены, а при том весь сбор был собран Дыбовским через его агентов перед выступлением его в мятеж. Я успел собрать около 600 руб., которые и вручил Пеликше по его требованию. Когда мировые посредники были арестованы, вместе с ними был арестован и Ванькович и передал должность помещику Болеславу Оскерке^в, который был тоже референтом. Опять мало мы имели деятельности, потому что отрядов мятежных в уезде не было. После окончательного расстройств шайки Дыбовского, Оскерко уведомил Пеликшу, что не может занимать должности начальника уезда, потому что дела заставляют его ехать в Вильно. Пеликша приказал принять эту должность мне, новых распоряжений [он] мне не давал, а раз предложил по присланному из Вильно проекту учреждение в уезде полиции, но это при упадке духа и за неимением людей оказалось неисполненным, и этот проект остался без исполнения.

Сколько мне известно, Пеликша чрез комиссаров рассылал паспорта для мятежников, не желающих положить оружие. Главным комиссаром при нем был, после того как Свенторжецкий пошел в восстание, некто доктор Михаил Оскерко, которого я несколько раз встречал у Пеликши.

В половине октября месяца прошлого года зашел я к Пеликше, и он мне объявил, что он должен ехать в С.-Петербург, а оттуда за границу, откуда скоро возвратится, узнав, как идут дела и что надобно будет делать, и что о передаче своей должности он сделает распоряжение, и вскоре уехал.

^а Помета А. М. Лосева Помещик Пеликша за границей.

^б Помета А. М. Лосева Помещик Адам Ванькович арестован мною.

^в Помета А. М. Лосева Помещик Болеслав Оскерко содержался в тюрьме, перемещен мною в Бернардины⁴.

Через несколько дней Оскерко, встретив меня, говорит, что он имеет поручение передать мне должность начальника воеводства, а Торчинскому — должность начальника города и спрашивает меня, кому передать должность начальника уезда. Так как один из референтов жил в городе, а именно Иосиф Поржецкий, то [я] указал на него, что он должен принять. Оскерко просил меня через час зайти к Торчинскому вместе с Поржецким. Мы пришли и нашли там Оскерку и Ямонта, которого я несколько раз встречал у Пеликши. Тут Оскерко предложил нам принять означенные должности. Удивительным может показаться заблуждение принимать такие обязанности в то время, когда горький опыт показал на деле всю неосновательность наших стремлений. Но все мы находились под влиянием пресловутого вмешательства западных держав, слабость которого не обнаружилась так окончательно, как ныне. Мы с Торчинским говорили Оскерке, что номинальные должности не составляют организации и будут нам бременем. Но тот отвечал, что невозможно развязывать организации, что она со временем будет нужна, наконец, должно же помогать заключенным и ссылаемым.

Мы согласились и разошлись, я поехал в деревню; через несколько дней, прибыв, я узнал от Ямонта, что Оскерко передал ему должность комиссара и уехал в Вильно. Мы сошлись вместе с Торчинским и решили, что хотя нечего нам делать, но должно не развязывать организации, а привести ее в порядок. Я написал ко всем уездным начальникам об этом, предложив им прислать сведения о наличных деньгах и состоянии организации в уездах, передал Ямонту для отсылки при случае, где следует. Все это время я проживал в деревне, приезжая раз или два в неделю по собственным делам и для того, чтобы знать, что делается. Торчинский и Ямонт, постоянно живя в городе, занялись учреждением организации в городе и, сколько мне известно, разделили ее на 4 отдела: 1-й отдел — казначейства, в которое поступили оставленные Оскеркой 700 руб. и деньги городской суммы; 2-й отдел — опеки над заключенными и ссылаемыми, которым выдавалось, по мере возможности, вспомоществование, равно как и оставшимся обедневшим семействам; 3-й отдел — паспортов, где приготавливались паспорта скрывающимся инсургентам; 4-й отдел — полиции, пользы от которого, кроме сплетен мальчишек, не было и который скоро был распущен.

1-м отделом заведывал Иван Мощинский, 2-м — помощник Михаил Добровольский, 3-м — некто Качинский, которого лично я не знал, 4-м же — студент Цезарий Мицкевич.

Состояние организации в уездах, по переданным мне Оскерко сведениям, было следующее.

Начальниками уездов были: в Минском — Иосиф Поржецкий, в Борисовском — Иван Свида, в Игуменском — доктор Новицкий, в Бобруйском — помещик Люций Черниговский, в Слуцком — помещик Юрий Могильницкий. Делами же трех южных уездов заведывал Болеслав Свида в качестве помощника комиссара. Названия уездных комиссаров мне неизвестны, потому что сношения с ними принадлежали главному комиссару.

В ответ на мое требование немного поступило сведений из уездов. Борисовский начальник Иван Свида при личном свидании со мной сказал, что он не видит возможности чем заниматься, что организация не существует. Игуменский начальник Новицкий был в то время арестован.

Слуцкий начальник Могильницкий прислал 1000 руб. раз, а потом 2000 руб. от Свида, но ничего не писал, но, видясь с Ямонтом, говорил, что он не видит занятий, и наконец, если того нужно, он не распустит организации и будет ожидать событий.

От Болеслава Свида был такой ответ, что при трудности сообщений и обширности Полесья трудно что-нибудь предпринять. Не могу входить в подробности и числа сих сообщений, потому что переписку вел Ямонт и отсылал и получал письма по случаю, в частности же его сношений с Вильно я не входил.

Из Вильно я получил запрос, почему наша провинция не представила контрадреса⁵ до сих пор. Но я, признавая подачу одного совершенно не в пору, как ненужное раздражение правительства, никаких мер к составлению одного не предпринимал.

Вот в каком положении была организация, когда несчастья, в которые ввергло наш край восстание, привели всех в уныние. Все помышляли о средствах, как выйти из этого положения. Сознывая вполне всю нашу ошибку и вполне проигранное дело, нам ничего не осталось, как прекратить наше хотя номинальное существование. Я предложил прервать все сношения, бумаги сжег, а печати все вывез в деревню и зарыл в землю.

Но все это не могло снять с нас первоначального характера, и всякий из нас приготовлен был предстать перед судом. Положение наше труднее было, чем увлеченных в мятеж, потому что им предоставлено было право положить оружие, нам же ничего не оставалось.

Я был арестован. Считая заpiresательство недостойным честного человека, я на честным и благородным образом предложенный мне г. полковником Лосевым вопрос ответил, что, сознавая всю тяжесть моей вины, в которую втянула наше общество ложно понятая идея и посторонние подстрекательства и которым действительность не готовила такой горький ответ, вверяю участь свою и моих малых детей милосердию в. вл. и прошу пощады, и объявил притом, что, зная теперешнее настроение общества, влиянием моим приведу всех моих товарищей увлечения к раскаянию и тем, может быть, удастся положить начало тем добрым отношениям нашего сословия к правительству, которые лежат, с одной стороны, на полном сознании вины и безусловной покорности, а, с другой, — на милосердии, достойном победителя — е. вл. М. Н. Муравьева.

Подписал помещик Гектор Лапицкий

ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 437, лл. 22—27. Заверенная копия

¹ Дата сопроводительного документа.

² Показания Г. Лапицкого говорят о деятельности и членах минской революционной организации в марте — ноябре 1863 г.

О времени же создания в Минске революционной организации и ее деятельности до марта 1863 г. рассказывается одним из участников восстания, В. Кощицом (настоящая фамилия Володзько). В. Кощиц в «Воспоминаниях о восстании в Минском воеводстве в 1863 г.» говорит, что возникновение революционной организации в Минске следует отнести ко времени образования Литовского провинциального комитета (во второй половине 1862 г.). Основателем ее был член Литовского провинциального комитета Ян Козелло. В состав организации входили молодые врачи, юристы и несколько земских деятелей. Во главе стоял комитет, который, по словам В. Кощица, долгое время был в стороне от центра движения и не имел достаточных сил для осуществления какого-нибудь полезного дела. Такое положение продолжалось до декабря 1862 г., когда минский комитет поддался уговорам сторонников белых и решил учредить «организацию по непосредственной работе». Решено было присоединиться к программе варшав-

ского умеренного крыла. В это время в Минск прибыли три эmissара киевской организации. Они имели поручение собрать деньги для организации восстания и привезли с собой план восстания в Киеве и в Минске, которое должно было начаться весной 1863 г., силы повстанцев должны были соединиться между Мозырем и Радомышлем. Однако члены Минского комитета об этом даже не желали слушать, утверждая, что восстание в настоящее время немыслимо. Тогда эmissары киевской организации начали действовать по своему усмотрению. Один из них, студент Киевского университета Феликс Клюковский, уроженец Минской губ., пошел «в народ» на Случчину и Пиньчину. Переодетый в крестьянскую одежду, он заходил в корчмы, дома, вел среди крестьян революционную пропаганду. По инициативе другого оставшегося в Минске эmissара (фамилия его Кошчице не названа) в начале января 1863 г. была создана новая десятичная организация и сформировано две сотни. Эта организация красных состояла из молодежи, не владевшей никаким имуществом. Они с трудом добывали вооружение; обмундирование изготовлялось в складчину. Между тем умеренная организация бездействовала. В это время дошло до Минска известие о начале восстания в Варшаве, что способствовало оживлению деятельности как красных, так и умеренного крыла минской организации (W. Koszczyński. Wspomnienia z powstania województwa Mińskiego w roku 1863. — «Polska w walce», t. II, Kraków, 1875, str. 196—202). О деятельности минской революционной организации см. также док. 295, 297.

³ См. док. 294.

⁴ Бернардинский монастырь в Минске, превращенный царскими властями в тюрьму.

⁵ После того как, начиная с июля 1863 г., дворянство Литвы и Белоруссии стало подавать Александру II верноподданнические адреса, которые знаменовали собой отход дворянства от восстания, Исполнительный отдел в Вильне сделал попытку организовать подписание контрадресов.

297

1864 г. июня 16.—Заключение Временного полевого аудиториата при штабе Виленского военного округа по военно-судному делу К. Станкевича, В. Климовича, К. Свежинского, братьев Козловских и других, обвиняемых в принадлежности к минской революционной организации

Временный полевой аудиториат, рассмотрев представленное временным военным губернатором Минской губ. и командующим войсками, в оной находящимися, военно-судное дело об отставном тит. с. Константине Михайлове Свежинском, 37 лет, и бывших чиновниках: делопроизводителе Минской палаты государственных имуществ коллежском секретаре Карле Ильине Станкевиче, 30 лет, помощнике столоначальника Минской палаты гражданского суда губернского секретаре Иване Викентьеве Козловском, 29 лет, брате его, вольнопрактикующем враче дворянине Михаиле Викентьеве Козловском, 27 лет, и б. волостном писаре им. Полонечки Новогрудского у. Минской губ. крестьянине Викентие Осипове Климовиче, 33 лет, (все пятеро римско-католического вероисповедания), сужденных по Полевому уголовному уложению за принадлежность к революционной партии, находит, что из подсудимых чиновник Станкевич арестован 15 февраля 1863 г. вследствие возникшего тогда на него обвинения в том, что он был избран революционной партией Минской губ. в директоры по преступному сбору денег в пользу революционного комитета и, хотя в подтверждение такого выбора Станкевича никаких доказательств произведенным исследованием не обнаружено, но при обыске в квартире его найдены разные подозрительные предметы и переписка, уличающие его, несмотря на записательство, как одного из деятельнейших членов революционной партии,

именно: а) реестр распроданным при посредстве Станкевича книгам для первоначального народного образования, изданным в видах распространения в массе литературным образом польской пропаганды. От реестра этого подсудимый Станкевич отказался, объясняя, что он не принадлежит ему и как попал в бумаги его,— не знает, но это опровергается там же найденным письмом одного из прочих подсудимых, Свежинского, который просил Станкевича выслать к нему несколько экземпляров книг, значащихся в реестре; б) 5 лотерейных билетов, из коих 4, по объяснению Станкевича, принадлежали к лотерее, разыгрываемой в последнее время на исправление каплицы в дер. Доброй Воде Борисовского у., но такое объяснение оказалось ложным, так как следствием обнаружено, что каплица эта исправлена еще за 2 года пред тем; в) 2 фотографические портрета, изображающие Станкевича сидящим на кресле с короною на спинке оного и под нею видны соединенные гербы Царства Польского и Княжества Литовского; причем Станкевич с явною уклончивостью показал, что украшения эти он заметил только по предъявлении ему портретов в присутствии следственной комиссии; г) письмо родного брата Станкевича, служившего в чине подпоручика в Азовском пехотном полку и впоследствии бежавшего Ромуальда Станкевича от 30 мая 1862 г. к своей матери, по содержанию своему враждебное правительству и противное долгу русского офицера, и, наконец, д) письмо к подсудимому Станкевичу б. волостного писаря в Новогрудском у. подсудимого Климовича от 13 ноября того же 1862 г., в котором Климович, происходящий из крестьян, обращаясь к Станкевичу в фамильярных выражениях и называя его и других, не поименованных в письме лиц своими братьями, отдает Станкевичу отчет в каком-то возложенном на него поручении по делу, как выразился Климович, «нашей Паулинки», а далее упоминает о предстоявших дворянских выборах и предполагавшихся на оных рассуждениях относительно устройства помещичьих имений и быта крестьян; на предложенные по письму этому вопросы подсудимый Станкевич, объясняя, что виделся с Климовичем один только раз, ответил, противореча содержанию письма, что никакого поручения Климовичу не делал, а он сам просил его, Станкевича, по делу какой-то родственницы своей, но как Станкевич многого в письме не понял, то ожидал дальнейших объяснений от Климовича, в родственных же отношениях с ним не состоит, и фамильярное обращение между ними допущено потому, что хотя Климович происходит из крестьянского сословия, но редкий может сравниться с ним по образованию и примерно благородному поведению. Такое объяснение подсудимым Станкевичем отношений его к Климовичу положительно опровергается найденной у последнего при обыске черновой копией с изложенного выше письма, заключающего в себе более пространное изложение мыслей, явно возмутительных и противоправительственных. В этом черновом письме Климович, также говоря о сделанном ему Станкевичем поручении, но не придавая оному как прежде названия «нашей Паулинки», отдавал отчет в наблюдениях своих за настроением умов в Новогрудском у., объясняя, что шляхта почти вся без исключения питает любовь к отечеству, в известную минуту в состоянии посвятить на избавление его все, даже собственную жизнь, средний класс тоже стоит порядочно, но при недостаточности умственного развития не может без соединения с образованнейшим классом иметь влия-

ние на собраний своих земледельцев, что же кроется в сердцах последних он, Климович, несмотря на то, что сам происходит из крестьян, не может сказать с определительностью. В этом месте письма Климович пишет: «Понимая, сколько выгод нам от положительного разгадания крестьян и как часть этой главной задачи лежит на мне, как на одном из представителей крестьян, я тружусь и далее буду работать усиленно, чтобы чрез кумовство и братство, под разными предложениями, проникнуть в глубину и собранные верные сведения буду вам сообщать». Затем Климович, уверяя, что в сердцах крестьян нет ни особенной симпатии к правительству, ни ненависти к дворянам и говоря о средствах уничтожить в них остаток неудовольствий, пишет: «Один выкуп целых крестьянских участков, по-моему, в состоянии прекратить все щекотливые соотношения крестьян с дворовыми управлениями, и если бы устранить эти поводы недоразумений, то скоро исчезло бы нынешнее предубеждение крестьян к помещикам, а первый луч воспитания между первыми рассеял бы и следы этой тени, которых место заменило бы взаимное соглашение и соседственные отношения. Мне кажется, что на весну, т. е. по истечении двух назначенных лет, надежды, которые в действительности были ничем другим, как только подущением слуг врагов наших, крестьяне, воображающие переход к новому порядку в блистательных видах, как только встретят обман, разочаруются и последует большое негодование, а кто знает, при благоприятствующих обстоятельствах, если бы более или менее были готовы, нельзя ли было бы этим неудовольствием крестьян воспользоваться? Только в таком случае нужно очень всматриваться и вслушиваться в сердца крестьян, ибо, кроме нынешнего необразования, и эти дьявольские мысли врагов [относительно] повторения галицийской драмы¹, с каковою мыслию высказываются от времени до времени понемногу публичные журналы,—очень опасны, ибо нравственная сторона наших крестьян хотя имеет много прекрасных начал, однако вследствие векового необразования, морального унижения и пагубных последствий пьянства, они не так идеальны, как их описывают наши добродушные поэты». Несмотря, однако же, на таковую явную улику, выраженную в собственноручном письме подсудимым Климовичем и положительно указывающую на действительные отношения его к Станкевичу, он, Климович, со своей стороны также отказался при допросах от содействия видам революционной партии и, стараясь придать письму своему иное значение, объяснил, что никакого поручения от Станкевича не имел и найденное у него черновое письмо написал вследствие проявившегося минутного желания изложить свой взгляд на тогдашнее положение дел и этим предостеречь несколько на случай, если бы у кого-либо из встреченных им в бытность в Минске лиц или их знакомых проявилось сочувствие каким-либо мечтам, чтобы они, не рассчитывая на успех, смотрели бы на вещи в действительном их свете; но впоследствии раздумав, он, Климович, вместо этого письма написал другое; роли же агента на себя не принимал и никто таковую на него не возлагал.

Из прочих за тем подсудимых у отставного тит. с. Константина Свежинского, служившего до октября 1862 г. помощником борисовского окружного начальника Министерства государственных имуществ и арестованного вследствие подозрительных сношений его с подсудимым Станкевичем, найдено при обыске: 1) ноты возмутительного гимна,

конфедератка и черный лакированный пояс с мятежнической пряжкой; 2) несколько экземпляров азбуки на польском языке и других книг, значащихся в реестре, найденном у подсудимого Станкевича; 3) тетрадь, в которой записаны денежные пожертвования, собираемые Свежинским, по словам его, на исправление каплицы в дер. Доброй Воде, которая, как выше уже изложено, исправлена была за 2 года пред тем, и 4) несколько писем, из коих в одном, от 25 февраля 1861 г., подсудимый Станкевич, извещая Свежинского, во время нахождения его еще на службе, о предполагаемых переменах по Министерству государственных имуществ и о сокращении числа чиновников, далее писал: «Все же прочие, а в том числе и ты, останутся на своих местах. Это утешает меня, что такая группа подает большое ручательство [пользы] трудов к благу народа, как более способные восчувствовать долг относительно народа, затянутый чрез предков и наследников, а удовлетворение его теперь более, нежели когда-либо, удобно». Еще 2 письма Станкевича к Свежинскому, написанные в феврале 1862 г., с уведомлением о проходе двух партий политических преступников, письмо самого Свежинского к кс. Грековичу², в котором он советовал не раздражать местного православного священника, но с предосторожностью угождать ему, ибо таким путем, по выражению Свежинского, «удобнее что-нибудь успеют сделать», и, наконец, 4 письма его же, Свежинского, к родственникам, написанные накануне арестования его, но не отправленные, в которых он, уведомляя их о полученном вызове следственной по политическим делам комиссией, выражает сомнение выйти оттуда. На предложенные по переписке этой вопросы подсудимый Свежинский сделал ответы уклончивые и, искажая действительный смысл найденных у него писем, объяснил, что Станкевич, уведомив его об оставшихся на прежних местах чиновниках, говорил далее в письме своем о возможности при посредстве их скорее выплатить долг предков крестьянам, трудясь на пользу их; что о проходе политических преступников Станкевич извещал, вероятно, потому, что знал всегдашнюю готовность его, Свежинского, помочь ближнему в несчастии, что он и исполнил бы, если бы находился в то время в городе, что в письме к кс. Грековичу он советовал не раздражать православного священника собственно для прекращения постоянных жалоб его начальству и что в письмах к родственникам своим выразил боязнь не возвратиться из следственной комиссии потому, что боялся быть оклеветанным. Кроме того, из рассмотренного в Полевом аудиториате военно-судного дела о помещике Борисовского у. Валицком видно, что подсудимый Свежинский в первых числах февраля 1863 г. приезжал к многим помещикам 2-го стана Борисовского у., с которыми до того времени, по отдаленности места жительства своего (около 100 верст), не имел никаких сношений, и останавливался у них на самое короткое время, какое можно употребить только на передачу или бумаги, или какого-либо наставления; между тем все лица, к которым заезжал Свежинский, впоследствии приняли участие в мятеже, а 1 и 5 февраля он был у помещика Валицкого и в оба раза имел с ним секретный разговор. При этом крестьянин Валицкого Торгонский на допросах объяснил, что в бытность Свежинского 1 февраля он, Торгонский, находясь с четырьмя другими крестьянами на работе в имении, по окончании работ пошел спросить у помещика своего о новых работах, но, против обыкновения, нашел дверь в комна-

ту запертой, а подойдя к двери услышал, что помещик Валицкий с подсудимым Свежинским вели какой-то двусмысленный разговор, причем Валицкий на вопрос Свежинского говорил: «Пиши трех». Из этого разговора он, Торгонский, а равно и работавшие с ним 4 крестьянина, которым он тогда же передал слышанное, вывели заключение, что Валицкий записывал крестьян в мятеж, что сделалось для них тем более несомненным, что вскоре на кухню к ним пришел лакей помещика Бакун Тарасевич и сказал, что весною господа пойдут в мятеж и обещают всем, кто присоединится к ним, 100 руб. денег, часть земли и шляхетство; впоследствии же сам помещик Валицкий говорил старосте Бахановичу, что на весну все пойдут воевать. Спрошенные по ссылке крестьянина Торгонского четыре работавшие вместе с ним крестьянина, лакей тринадцатилетний мальчик Бакун Тарасевич и староста Баханович вполне подтвердили показание Торгонского; но помещик Валицкий, отвергая справедливость показаний упомянутых крестьян, отозвался, что с подсудимым Свежинским он не имел никаких секретных и преступных сношений и между крестьянами своими возмутительных слухов не распространял; сам же подсудимый Свежинский объяснил при допросах во время следствия и суда, что в первых числах февраля 1863 г., проезжая в Минск по делам своим, он, действительно, заезжал к некоторым знакомым своим помещикам Борисовского у., но без всякой преступной цели, а собственно для отдыха и сохранения издержек на корм лошадей; таким образом был и у помещика Валицкого, с которым, как припоминает, разговаривал о родственниках его; другого же разговора и быть не могло, так [как] с Валицким виделся он, Свежинский, всего два раза и то проездом.

Подсудимый губернский секретарь Иван Козловский и брат его, вольнопрактиковавший в гор. Минске врач Михаил Козловский, подверглись обвинению в принадлежности к революционной партии по показанию родственника их Белявского, высланного в начале 1863 г. из гор. Минска по неблагонадежности в политическом отношении³, который по доставлении в гор. Вильно, объявив при допросах о производившемся в Минске сборе денег под разными благотворительными предложениями, обвинил в этом родственника своего доктора Михаила Козловского, объясняя, что передал ему в разное время всего 18 руб. сер. на вспомоществование пересыльным арестантам и впоследствии узнал, что деньги эти собирались не для арестантов, а в пользу революционного комитета; что, по словам самого Михаила Козловского, он был избран вице-директором по денежному сбору и что пред высылкой Белявского пришедшие к нему оба брата Козловские (Михаил и Иван) читали революционный манифест, объявлявший равенство всех сословий и обещавший крестьянам землю без выкупа и другие льготы. Но подсудимые Козловские ни в чем показанном на них Белявским не сознались, при обыске у них ничего подозрительного не найдено и никаких других улик в подтверждение изложенных против них обвинений исследованием не обнаружено, исключая того, что в найденном у подсудимого Станкевича письме к нему подсудимого волостного писаря из крестьян Климовича последний в конце письма, прося передать братский поклон восьми прикосновенным к настоящему делу лицам, назвал в числе их и фамилию Козловского, без означения, однако же, имени его; при допросах же оба брата Козловские отказались от всякого знакомства с Климовичем,

а сам он объяснил, что, бывши в Минске, только случайно видел Козловского, встретив его на улице в числе других; знаком же с ним не был.

Кроме поименованных подсудимых, к настоящему делу прикосновенные еще следующие лица:

а) Чиновники Минской казенной палаты губернский секретарь Петр Стемпковский, коллежский регистратор Мартын Комоцкий и пристав 1-й части гор. Минска Лыщинский. Из них губернский секретарь Стемпковский родственник подсудимого Станкевича, прикосновенный еще к делу минской революционной организации, в марте 1863 г., когда Станкевич содержался уже под арестом, получил с почты по подложной доверенности присланное из гор. Климович Могилевской губ. на имя Станкевича подозрительное письмо; а коллежский регистратор Комоцкий и частный пристав Лыщинский засвидетельствовали в верности подложную подпись за Станкевича, сделанную на доверенности.

б) Б. предводитель дворянства в Новогрудском у. Владислав Брохоцкий и мировой посредник в том же уезде Лев Мержиевский. Оба они привлечены к настоящему делу вследствие того, что в найденном у подсудимого Станкевича письме подсудимого волостного писаря Климовича, последний, отдавая отчет в возложенных на него поручениях, упомянул о Брохоцком и Мержиевском, говоря, что от них Станкевич во время мировых съездов может лично получить подробные сведения по какому-то делу, касающемуся крестьян. Но ни Брохоцкий и Мержиевский, ни сам Станкевич в знакомстве между собой не сознались; о писаре Климовиче первые двое объяснили, что знают его только по службе и никаких личных отношений с ним не имели; при обыске же у них ничего подозрительного не найдено, исключая фотографические портреты, на коих Брохоцкий и Мержиевский изображены сидящими на стуле с революционными украшениями, и затем в переписке, отобранной от прочих деятелей минской революционной партии, никаких указаний на Брохоцкого и Мержиевского не оказалось.

в) Жена отставного капитана Эмилия Говардовская. В переписке, найденной у подсудимого Станкевича, оказалось письмо ее без означения времени, когда оно послано, следующего содержания: «Мы сильно сочувствуем положению будущего г. советника; но мы предчувствуем, что вы не останетесь долго при этих занятиях, может быть, в скором времени представятся другие занятия, гораздо почетнейшие, и тогда перо заменится чем-либо другим. Дай бог, чтобы это последовало как можно скорее...». По предъявлении этого письма Говардовская, признавая почерк на нем схожим со своим почерком, объяснила, однако ж, что не помнит, писала ли когда это письмо к Станкевичу, с которым очень давно знакома; подсудимый же Станкевич отозвался, что письмо написано Говардовской еще в то время, когда он по окончании воспитания поступил на службу; что же касается до упоминаемой в письме переписки служебной деятельности, то он, получив специальное образование в Горыгорецком земледельческом институте, действительно, намеревался приискать для себя службу по части хозяйственной, как более соответствующую его познаниям.

г) Помещица Новогрудского у. Паулина Бохвиц, мать бывшего в том же уезде мирового посредника. У подсудимого Климовича найдено письмо ее от 20 октября 1861 г., при котором она, пересылая двое четок,

просила передать их знакомым дамам, желающим присоединиться к братству учащихся, как знак, по которому члены этого братства могли бы узнать друг друга. По письму этому у помещицы Бохвиц произведен был обыск, причем ничего подозрительного не найдено, и хотя она обязана подпискою не выезжать из своего имения, но по настоящему делу осталась неспрошенной; подсудимый же Климович объяснил, что познакомился с помещицей Бохвиц за несколько лет пред сим, приезжая к ней в имение настраивать фортепьяно, и затем показал, что главные обязанности братства учащихся, о котором упоминает Бохвиц в своем письме, состояли в обучении бедных детей первым началам веры и грамотности; но как давно существует это братство, не знает и не может указать никого из членов и главных деятелей оногo; присланные же от Бохвиц двое четок он никому не передавал.

и д) Бывший учителем в новогрудской гимназии Эдуард Павлович, жившие в Минске доктора Любичанковский и Семирадский, Чекатовский и служивший в Минском губернском правлении Добровольский. Из них первый, Павлович, привлечен к настоящему делу вследствие найденного у подсудимого Станкевича письма его подозрительного содержания; второй, Любичанковский, обвинялся в том, что в квартире его производились выборы на должности директора и вице-директора по преступному сбору денег в пользу революционного комитета; остальные же прикосновенны к делу только потому, что подсудимый Климович в письме своем к Станкевичу просил передать им «братский», как он выразился, поклон, но учитель Павлович и доктора Любичанковский и Семирадский высланы уже из здешнего края по неблагонадежности их в политическом отношении, а доктор Чекатовский и чиновник Добровольский подвергнуты по другим делам наказанию, как участники бывшей в Минске революционной организации.

По соображении изложенных обстоятельств Временный полевой аудиторiat признает из подсудимых тит. с. Константина Свежинского и коллежского секретаря Карла Станкевича виновными в том, что, принадлежа к революционной партии в Минской губ., они оказывали участие в приготовлениях к восстанию: первый, Свежинский,—сбором пожертвований под благотворительным предлогом в пользу революционного комитета и подстрекательством к мятежу помещиков Борисовского у., а второй, Станкевич,—как содействием к упомянутому выше преступному сбору денег, так [и] собиранием сведений о настроении умов и стремлением к распространению в народе литературным образом польской пропаганды, третьего же подсудимого, б. волостного писаря Викентия Климовича, происходящего из крестьян,—в принятии на себя обязанности агента революционной партии для разведывания между крестьянами и другими сословиями образа их мыслей и приискании средств к восстановлению первых против правительства. В преступлениях этих упомянутые подсудимые хотя сами не сознались, но положительно изобличаются: Свежинский и Станкевич найденными у них при обыске письменными доказательствами, указывающими на образ их действий, а первый, кроме того, подозрительным посещением помещиков, принявших впоследствии участие в мятеже; подсудимый же Климович в исполнении обязанностей агента изобличается найденным у него собственноручным черновым письмом, написанным к подсудимому Станкевичу, в котором он отдавал отчет в возложенном на него

Станкевичем поручении. Остальные затем подсудимые: коллежский регистратор Иван Козловский и брат его врач Михаил Козловский обвинены в преступном сборе денег и распространении революционного манифеста одним только родственником их, Белявским^а; но показание его, при несознании подсудимых и неимении других против них улик, не составляет совершенного доказательства.

Основываясь на сих соображениях, Временный полевой аудиторiat полагает:

1. Подсудимых: тит. с. Константина Свежинского, коллежского секретаря Карла Станкевича и б. волостного писаря крестьянина Викентия Климовича, как участников мятежа, не успевших, впрочем, оказать действиями своими видимых вредных последствий для общественного спокойствия, на основании II категории и 5-го п. высочайше утвержденных 11 мая 1863 г. Правил о порядке наложения взысканий на мятежников и их соучастников и 22-й ст. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (по первой степени) лишить всех прав состояния, а первых двух — имеемых ими чинов и дворянского достоинства, и сослать на поселение в более отдаленные места Сибири; имущество же, какое у них окажется или впоследствии могло бы перейти к ним по наследству, конфисковать в казну, согласно 176-й ст. 1-й кн. Военного уголовного устава.

2. Подсудимых: коллежского регистратора Ивана Козловского и брата его врача Михаила Козловского по обвинению в принадлежности к революционной партии, как достаточно не изобличенных в этом, на основании 349-й ст. 2-й кн. Военного уголовного устава оставить в подозрении и затем по неблагонадежности их в политическом отношении, согласно 9-му п. упомянутых выше Правил, выслать обоих из здешнего края на постоянное жительство под строгим надзором полиции: Ивана Козловского — в Пермскую губ., а Михаила Козловского — в Олонецкую губ.; имущество же их оставить под секвестром.

3. Из прикосновенных к настоящему делу лиц чиновников Минской казенной палаты губернского секретаря Петра Стемпковского и коллежского регистратора Мартына Комоцкого, оказывающихся виновными в получении посредством подложной доверенности с почты письма, присланного на имя политического преступника Станкевича, предать военному суду по полемому уголовному уложению, по распоряжению командующего войсками в Минской губ., вменив суду в обязанность сделать заключение о частном приставе гор. Минска Лыщинском, засвидетельствовавшем означенную подложную доверенность.

4. Бывших в Новогрудском у.: предводителем дворянства Владислава Брохоцкого и мировым посредником Льва Мержиевского, у которых при обыске найдены фотографические их портреты с революционными на них знаками, подвергнуть денежному штрафу по усмотрению г. главного начальника края.

5. Помещицу Новогрудского у. Паулину Бохвиц и жену отставного капитана Говардовскую вследствие обнаруженных по делу подозрительных сношений их с подсудимыми отдать на благонадежное поручительство согласно установленным на сей предмет правилам и учредить за поведением их строгий полицейский надзор.

^а В тексте родственникам их Бельским.

и 6. О б. учителя новогрудской гимназии Павловиче, докторе Любичанковском, Семирадском, Чекатовском и чиновнике Добровольском никакого заключения не делать, так как первые трое уже высланы из здешнего края, а остальные подвергнуты наказанию по другим делам, особо о них производившимся.

Заключение это Временный полевой аудиториат представляет на благоусмотрение е. вл. г. командующего войсками Виленского военного округа.

Подписали: ген.-лейтенант Фомин, полковник барон Тизенгаузен, полковник Леонтович, и. д. полевого обер-аудитора П. Неелов. 16 июня 1864 г.⁴

Резолюция М. Н. Муравьева Согласен с заключением Временного полевого аудиториата как в отношении подсудимых, так и в отношении прикосновенных к настоящему делу лиц, но исключая помещиков Новогрудского у. Владислава Брохоцкого, бывшего уездным предводителем дворянства, Льва Мержневского, бывшего мировым посредником, и Паулины Бохвиц, о поступках которых, вследствие возникшего на одного из них, Брохоцкого, нового обвинения в принадлежности к революционной организации и обнаруживающегося деятельного участия в мятеже со стороны многих других помещиков означенного уезда, сообщить имеющиеся в настоящем деле сведения на предварительное рассмотрение и, в случае надобности, исследование в Следственную по политическим делам комиссию, учрежденную в гор. Вильно под председательством полковника Лосева⁵.

Командующий войсками округа ген.-от-инфантерии Муравьев

ГАМО, ф. 296, оп. 1, д. 40, лл. 15—32. Заверенная копия

¹ Имеется в виду антифеодальное крестьянское восстание в Западной Галиции в феврале — апреле 1846 г.

² Настоятель гаинского костела Борисовского у. кс. Грекович за содействие пению в 1861 г. польских патриотических гимнов и «вредное влияние на своих единоверцев» по конфирмации виленского ген.-губернатора от 1 июня 1863 г., выслан на жительство в Пермскую губ. (ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1564).

³ Фортельянный мастер, виленский дворянин Н. Белявский 25 января 1863 г. был выслан из Минска в гор. Вильно за агитацию учеников минской гимназии принять участие в восстании. В июле 1863 г. он был возвращен обратно в Минск для очной ставки по военно-судному делу К. Станкевича, а 1 сентября 1863 г. освобожден из-под ареста под надзор полиции (там же, д. 1607).

⁴ Дело рассматривалось Временным полевым аудиториатом 3 июня 1864 г. См. подлинный журнал Аудиториата — ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 593, лл. 693—697.

⁵ По конфирмации помощника виленского ген.-губернатора от 11 января 1865 г. Лев Мержиевский был освобожден из-под ареста под надзор полиции, а обвинение на Паулину Бохвиц оставлено без последствий. Владислав Брохоцкий был предан военному суду и по конфирмации виленского ген.-губернатора от 13 декабря 1864 г. выслан на постоянное жительство в Пермскую губ. (ГАМО, ф. 296, оп. 1, д. 40, лл. 48—51).

298

1861 г. марта 28.—Телеграмма витебского губернатора П. Н. Клушина П. А. Валугу о состоявшейся в Витебске панихиде по убитым в Варшаве и составлении дворянами губернии адреса с выражением сочувствия варшавянам

Секретно

Вчера в костеле кс. Волчецкий служил панихиду по убиенным. Член крестьянского комитета Богданович уехал по губернии для подписания адреса во изъявление сочувствия варшавским событиям. Главные деятели: помещицы, слепец-богомолец, начальник телеграфной станции Обромпальский, дворяне Богданович, Колесов, Верига^а.

Резолюция В. А. Долгорукова Г. министру внутренних дел мною передано лично высочайшее повеление, цифрованную депешю дать знать г. витебскому губернатору, что он может по совещании с ген.-майором Веймарном¹ арестовать предосудительных лиц и выслать их в С.-Петербург. 28 марта.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 6, л. 1. Копия

¹ Свитский генерал, направленный Александром II в Витебскую губ. в связи с обнародованием крестьянской реформы.

299

1861 г. апреля 3, им. Зальмуйжа Люцинского у.—Донесение светского генерала А. П. Веймарна Александру II о подавлении волнений крестьян в имениях помещиков Шадурского и Паулина Люцинского у.

По двум телеграфическим депешам моим в. и. в. уже извещены об исходе происшествий в имениях гг. Шадурского и Паулина. Не зная, как скоро я буду иметь счастье лично видеть в. в., я считаю обязанностью своей ныне же всеподданнейше донести в. и. в. подробности здешних приключений.

[Спустя] 12 часов после отправления депеши в Динабург 3-я рота

^а В тексте Веригон.

Эстляндского полка была на месте. 31 марта я снова собрал всех крестьян Шадурского, равно и некоторое число домохозяев соседних имений, и в присутствии войска потребовал выдачу зачинщика. Крестьяне с нахальством отказывали, тогда я сам кинулся на первого попавшего мне под руку крестьянина и, схватив его, приказал приготовить розги. Крестьяне с озлоблением кинулись на меня, но подоспевшие солдаты прикладами и штыками отбросили их. Схваченный мною крестьянин, равно и прочие, объявили, что они не выдадут зачинщика, если даже их всех пересекут, но на деле вышло иначе. На восемьдесят пятом ударе розог, полученных только одним крестьянином, они все пали на колена и просили пощады, назвав зачинщика польского перекрестя Врублевского. Послав немедленно схватить его на станции железной дороги Корсовке, я приказал содержать всех крестьян под арестом до следующего дня. К ночи Врублевский был мне представлен, а на другой день, 1 апреля, все крестьяне единогласно показали, что он волновал их, брав за то еще и денег. Вместе с Врублевским отправил я под конвоем в Люцинский острог и другого объяснителя Положения, на которого падает подозрение. За сим крестьяне со слезами и полной покорностью в присутствии священника просили прощения у помещика, обещая во всем беспрекословно повиноваться.

Получая весьма дурные известия из имения помещика Паулина, я тотчас послал туда роту, а сам поехал вперед. У церкви имения, где был назначен крестьянам сборный пункт, собралось до 1000 человек. В предосторожность я заранее приказал людям зарядить ружья, а исправнику приказал разделить крестьян по имениям, с тем чтобы между ними были значительные расстояния, что, впрочем, крестьянами исполнено не было. Прибыв на место, я вместе с священником, который переводил мои слова, вошел в огромную толпу и начал ей объяснять их права и обязанности, но вскоре заметил, что обстоятельства принимают грозный вид. Толпа кричала, что хочет исполнить волю государя, а не то, что я им читал, что по воле государя им должно служить всего только 2 недели, а потом земля и леса делаются их собственностью; я всеми силами старался убедить их, что те, которые им это сказали, желали их гибели, а что я послан к ним в. в. для объявления им правды и действительной воли государя. Ничего не помогало, волнение усиливалось, слышны были голоса: «сорвите ему эполеты» и т. п. Тогда я, не теряя присутствия духа, прошел через толпу к роте и приказал тем из крестьян, которые повинуются, отделяться от прочих; до 200 человек это сделали и отошли за фронт. Солдат, пришедших в негодование, я с трудом удерживал на месте.

Сделав все нужные распоряжения, я приказал двум полувзводам роты с двумя офицерами внезапно кинуться на толпу, разделившуюся на 2 части, и окружить ее; эстляндцы исполнили это молодцами. Часть крестьян осадила в галерею амбара, а другая часть — во хлев харчевни. Солдатам я строго внушил не дать ни одного выстрела без моего приказа, дозволив им, в крайнем случае, действовать штыком. 3-й полувзвод я оставил в резерве, а 4-й полувзвод окружил харчевню. Крестьяне схватили камни и что попало, но угроза моя, что тот, кто кинет камень на солдата или ударит его, будет немедленно расстрелян, образумила их; я сам должен был 2 раза вынимать саблю. Солдаты силою и с совершенным бесстрашием вытаскивали по

несколько крестьян из толпы и наказывали их, судя по летам и телосложению, беспощадно. Когда 15 человек уже были подвержены ударам, крестьяне пали на колена и просили пощады, но я объявил им; что уже поздно, что я слишком долго терпел их неповиновение и что правосудие должно быть удовлетворено. Наказав еще 20 человек, я собрал их снова, представил им сильными словами их преступление и, видя их раскаяние, пошел с ними вместе в церковь, где по прочтении молитв священник заставил их перед алтарем дать обет, что всегда будут покорны воле царской.

Чтобы возложить на всех крестьян существенное наказание, я приказал, чтобы они каждому солдату, помещенному у них на жительство, давали ежедневно 7½ коп. сер. харчевых, по 1 фунту говядины, похлебку, кашу и по чарке водки. Солдат же, для большей осторожности, разместил по 6 человек вместе. Из числа главных зачинщиков 5 человек уже пойманы.

По полученным мною известиям, волнение распространилось по всему Люцинскому и Режицкому у., и я убедительно всеподданнейше прошу в. и. в. высочайше повелеть скорее занять оба уезда или двумя батальонами или казаками, которых здешние крестьяне очень страшатся^{*}; о прочих мерах, необходимых, по мнению моему, для успокоения края, я лично донесу в. и. в., когда обстоятельства позволят мне отлучиться в С.-Петербург.

Губернатору, который желал сам проехать сюда, я посоветовал остаться в Витебске, где присутствие его необходимо в случае беспорядков в ближайших от Витебска уездах, для производства же следствия просил выслать жандармского штаб-офицера.

Благодарю всевышнего, что мне удалось исполнить высочайше возложенное на меня в. и. в. поручение без выстрела, и надеюсь, что распространяющийся слух о строгих мерах, принятых в двух имениях, успокоит умы и в прочих имениях.

Получив известие о неповиновении крестьян в трех имениях Режицкого у., я немедленно отправляюсь туда¹.

Свиты в. и. в. ген-майор Веймарн

Резолюция Александра II Он действовал молодцом.

ЦГИА СССР, ф. 1180, 1861 г., д. 104, лл. 21—23. Автограф

Опубл.: «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права», М.—Л., 1949, стр. 26—27.

¹ О волнениях крестьян и мерах их подавления в Люцинском и Режицком у. см. также донесения А. П. Веймарна Александру II от 8, 24 и 30 марта и 14 апреля 1861 г. (см. «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права», стр. 21—29); рапорт Режицкого земского исправника витебскому губернатору от 3 мая 1862 г. об отказе крестьян им. Старого Рыкова исполнять барщину (ЦГИА БССР, Могилев, ф. 1416, оп. 2, д. 12431, лл. 5—6); рапорт люцинского земского исправника витебскому губернатору от 6 мая 1862 г. об отказе крестьян им. Рускулова исполнять барщину (там же, оп. 1, д. 12431, л. 2) от 22 и 26 июня 1862 г. о волнениях крестьян в им. Марцинполь (там же, оп. 2, д. 12091, лл. 1—3); отношение витебского губернатора в Витебское губернское по крестьянским делам присутствие от 7 июля 1861 г. об отказе крестьян Люцинского у. выполнять барщину и подавлении их сопротивления военной силой (там же, ф. 1635, оп. 1, д. 22, лл. 1—3). О волнениях крестьян в имениях помещиков Паулина и Шадурского см. также док. 38.

^{*} На полях помета Александра II. Об этом будет сделано распоряжение.

1861 г. апреля 11. — Рапорт дриссенского земского исправника К. Л. Гласко П. Н. Клушину о подавлении волнений крестьян в им. Бальбиново, Бигосово, Савейки, Юльяново и Георгиеново

После донесения моего в. п. от 5 апреля за № 222¹ я отправился вместе с г. дриссенским предводителем дворянства в им. Бальбиново, Бигосово гг. Нитославских, Савейки — помещика Савича, Юльяново — помещика Реера и Георгиеново — помещика Анкерфельда, где крестьяне вследствие превратного толкования дворянином Кунцевичем высочайше утвержденных Положений нарушили обязанности их к помещикам и выказали неповиновение.

По прибытии на место были собраны старосты и домохозяева первых четырех имений и призван дворянин Кунцевич. Предводитель дворянства не замедлил объяснить первым тот порядок, указанный в Положении в отправлении барщины, которому они в течение двух лет должны безусловно подчиняться, и уличить последнего в превратном толковании оного.

Крестьяне, сознавая себя во всем виновными, с чистосердечным раскаянием обратились к долгу повиновения, и те из них, которые более других обличены были в легковерии, как нарушившие спокойствие, подвергнуты полицейскому исправлению. Не так легко было восстановить порядок в имении помещика Анкерфельда, где крестьяне в продолжение 15 лет ни одного разу не были телесно наказаны. Как выяснилось впоследствии, из опасения быть наказанными за сделанную ошибку и послушание, вместо одного старосты и домохозяев, которым приказано было явиться к г. предводителю дворянства, явилось их на господский двор до 50 человек, в числе коих находились пригонщики и батраки. По требованию предводителя дворянства и моему, староста и крестьяне-домохозяева сделали послушание. Это обстоятельство заставило меня, не теряя времени, прибегнуть к более решительным мерам.

Имея в распоряжении своем до 12 полицейских служителей Росицкого округа, я отдал приказание взять старосту силой, но при исполнении этого приказания встречено было со стороны старосты и крестьян сильное сопротивление, которое, однако же, при личном моем присутствии и расторопности полицейских служителей вскоре [было] уничтожено, а староста и крестьяне за высказанную дерзость подвергнуты строгому наказанию и, доведенные до положительного самосознания в противозаконных действиях, роптали на дворянина Кунцевича, внушившего им фальшивое понятие о настоящем Положении в отношении к помещику, твердо решившись не поддаваться более ложным уверениям злонамеренных людей, подчиняться существующему ныне порядку управления и быть всегда в полном повиновении законным властям.

Дворянин же Кунцевич, оказавшийся виновным в превратном толковании из корыстных видов § 7 Правил о приведении в действие Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, сопровождавшемся вышеозначенными беспорядками и не предъявивший

указанного вида ^а, посажен в острог, а дознание о поступках его с ним вместе передано на дальнейшее распоряжение дриссенскому судебному следователю.

Водворив таким образом порядок, тишину и спокойствие, имею честь донести о том в. п. в дополнение рапорта от 5 апреля за № 222 ².

Земский исправник Гласко

ЦГИА БССР, Могилев, ф. 1416, оп. 1, д. 12059, лл. 4—5. Подлинник

Опубл.: «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», Минск, 1959, стр. 115—116.

¹ В рапорте от 5 апреля 1861 г. К. Л. Гласко донес П. Н. Клушину об отказе крестьян им. Бальбиново, Бигосово, Савейки, Юльяново и Георгиеново отбывать барщину (там же, лл. 1—2).

² О подавлении волнений и наказаний розгами крестьян им. Бальбиново, Бигосово, Савейки, Юльяново и Георгиеново см. также рапорт К. Л. Гласко П. Н. Клушину от 16 июня 1861 г. (сб. «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», стр. 130—131). Волнения крестьян и меры их подавления в Дриссенском у. отражены также в рапортах К. Л. Гласко и. д. витебского губернатора А. С. Оголину от 17 и 25 мая 1861 г., 11 и 23 мая и 21 июля 1862 г. об отказах исполнять барщину в им. Кушлики, Новый Двор, Доманово, Шатрово, Пустынь и Княжицы; выписке из журнала витебского губернского правления от 1 июля 1861 г. о сдаче в рекруты активных участников крестьянских волнений в им. Шатрово; рапорте члена от правительства на мировых съездах инфляндских уездов Домановича от 20 декабря 1861 г. об отказе от исполнения издельной повинности, рубке леса и потравах помещичьих полевых крестьянами им. Шатрово и др. (там же, стр. 118—119, 123—124, 138, 162—163, 167, 181—182).

301

1861 г. мая 1. Динабург.—Телеграмма А. П. Веймарна Александру II о расправе с волнующимися крестьянами в имении гр. К. Платера в Динабургском у.

В имении гр. Платера значительное число крестьян отказались работать и выбирать старост. [Я] приказал взять указанного зачинщика и наказать. Все крестьяне, мгновенно вооружившиеся дубинами, с яростью кинулись на меня и роту. Я и офицеры саблями, люди сперва прикладами, потом штыками отбросили бунтовщиков после продолжительной схватки: выстрела не было дано, наказал строго 20 человек, 12 крестьян ранено не опасно, все покорились. Во многих других имениях Динабургского и Режицкого у. волнение усиливается, для успокоения края необходимо 300 казаков. Сам буду вечером завтрашнего дня у в. в. ¹

Ген.-майор Веймарн

Резолюция Александра II О посылке казаков решу по прибытии его сюда.

ЦГИА СССР, ф. 1180, 1861 г., д. 104, лл. 30—30 об. Подлинник

Опубл.: «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права». М.—Л., 1949, стр. 31.

¹ О волнениях крестьян в имении гр. Платера см. также рапорт А. П. Веймарна Александру II от 8 июня 1861 г., телеграммы А. П. Веймарна Александру II от 29 апреля и 8 мая о подавлении волнений крестьян Динабургского у. с помощью войск (сб. «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права», стр. 30—33). См. также док. 38.

^а Т. е. паспорта.

*1861 г. июня 22.—Рапорт лепельского земского исправника
Н. Г. Оболенского П. Н. Клушину о волнениях крестьян
в им. Жары Лепельского у. и их подавлении*

Проезжая 16 сего июня из 1-го в 3-й стан, я получил частное известие, что крестьяне помещика Грегоровича вышли из повиновения.

Прибыв в это имение 17 июня, я нашел там пристава 2-го стана, который доложил мне, что крестьян взволновал неизвестный человек, неправильно истолковавший им Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, что крестьяне, отбывавшие барщину с души, решительно отказались служить иначе как по 3 дня в неделю со двора, т. е. по 2 дня мужских и одному женскому, и что крестьяне не только не слушают внушений, но даже отвечают на них смехом, и все они собрались с палками, что вовсе не в обычае белорусских крестьян.

С тем вместе я получил частные, но достоверные известия, что крестьяне соседних имений помещиков Богушевича и Селляво, составлявших прежде одну вотчину около 800 ревизских душ, приходят в брожение и только ожидают развязки дела в имении Грегоровича, что подтвердил прибывший вслед за мною в имение Грегоровича г. предводитель дворянства. Кроме того, к имению Селляво прилегают имения помещиков Спасовской и Щитта около 500 душ.

В обоих этих имениях были беспокойства: в первом — в настоящем году, уже после объявления высочайшего манифеста 19 февраля, а во втором — в прошлом году, и имения эти, так же, как имения Селляво и Богушевича, непременно предъявили бы требования крестьян Грегоровича, и тогда последовало бы упорное беспокойство огромной массы крестьян, которое тем было бы опаснее, что нет под рукой достаточной военной силы для усмирения.

Ввиду такой развязки дела и принимая во внимание упорство крестьян Грегоровича, я вынуждался принять меры, которые бы окончательно уничтожили упорство этих крестьян и послужили бы уроком не только им и соседним крестьянам, но и целому уезду.

Закон, которым я должен был руководствоваться, — это 388-я ст. XIV т. Св[ода] законов¹, — обязывал меня просить через губернское начальство военной команды, но такое распоряжение было бы неудобно, потому что требовало для исполнения много времени, в продолжение которого легко могло последовать волнение во всех вышеозначенных имениях и проникнуть в другие места.

Поэтому я, обдумав дело, решил вызвать до 20 человек бессрочно отпущенных нижних чинов, проживающих в уезде, и, подкрепив их полицейскими служителями, поставил во дворе г. Грегоровича, куда приказал явиться упорствующим крестьянам.

В виду солдат я начал с крестьянами речь упреком им в том, что они не послушали моих объяснений, которые я вынуждался делать им месяц тому назад, а слушают другого человека, пьяницу, который их же ведет в беду. Только 4—3 человека сознали свои заблуждения, остальные же упорно молчали. Дальнейшие убеждения сначала г. предводителя дворянства, а потом мои, — привели большинство

крестьян в сознание своего долга, но часть их все-таки оставалась в упорстве.

Тогда я приказал у главных из упорствующих и зачинщиков неповиновения поставить 9 человек солдат на квартирах для присмотра за ними и оставить в имении тысяцкого. Это вполне произвело на крестьян ожидаемое влияние, и все они раскаялись и просили прощения; за них просил и помещик, но я, по совещании с г. предводителем дворянства, оставил солдат, что находил совершенно необходимым для примера крестьянам других имений. Через 3 дня солдаты отпущены вследствие исправления крестьян.

Распоряжения в имении Грегоровича окончены переменой г. предводителем дворянства старосты, не донесшего начальству о появлении возмутителя, и наказанием четырех главных виновных в неповиновении.

Затем мне предстояло отыскать возмутителя. О нем были различные слухи: по первому, их возмутитель отправился в Лепель, по второму — в 1-й стан, где находится другое имение г. Грегоровича, и по третьему — в окрестности м. Ушачи.

Поэтому я тотчас командировал пристава 2-го стана в Лепель с словесным поручением непременно заседателю о том, чтобы в окрестностях Лепеля не было оставлено ни одного места без розысканий и для передачи г. городничему моего отношения с приметам возмутителя, поручив приставу распорядиться о повсеместном розыскании его во 2-м стане.

Тогда же я послал с верховым нарочным предписание о розыскании возмутителя приставу 1-го стана и приказ ульскому тысяцкому, в участке которого находится другое имение Грегоровича, Усвен, а сам отправился в 3-й стан и сделал там надлежащие распоряжения к отысканию возмутителя.

Через 3 дня, т. е. 20 июня, он найденный в 1-м стане, был уже представлен в земский суд, где при допросе показал, что он именовался мещанином Гриневским, но в сущности он беглый солдат Виленского гарнизонного батальона внутренней стражи Петр Иванов Глушкевич и действительно толковал крестьянам Грегоровича Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости.

Сначала Глушкевич объявил, что он был до такой степени пьян, что не помнит, как он толковал это Положение, впоследствии же сказал, что он говорил, будто бы, крестьянам, что в Виленской губ. отбывают крестьяне барщину по 2 дня с мужской и женской души в неделю; но бывший в земском суде прежний староста имения Грегоровича (под арестом) уличал его в том, что он толковал служить барщину с хаты (с двора) по 2 дня мужских и одному женскому. Глушкевич не противоречил этому, но опять сказал, что он был пьян и хорошенько не помнит, что толковал. Новый староста, бывший в суде с донесением о водворении полного спокойствия и повиновения в им. Жары и не слышавший толкований Глушкевича, объявил, что бывшие при толковании крестьяне также показывают, что Глушкевич говорил служить барщину со двора по 2 дня мужских и одному женскому.

Имею честь о вышеизложенном донести в. п. и испрашивать разрешения: как приказано будет поступать с Глушкевичем, находящимся теперь в Лепельской тюрьме, который, как дезертир, всячески должен быть судим военным судом.

Принимая же во внимание, что сбор бессрочных солдат для усмирения неповинующихся крестьян не разрешается буквально законом, хотя вышеприведенной статьей и предписано действовать всеми мерами к восстановлению между неповинующимися крестьянами должного порядка и приведения их в законное послушание, приемлю смелость испрашивать разрешения в. п. на употребление и на будущее время в случаях крайней необходимости бессрочных солдат, потому что такая мера оказалась полезной на опыте, избавила бы казну от напрасных расходов по передвижению команд и, главное, при ней нет возможности развиваться возмущениям от потери времени, необходимого для присылки военных команд².

Земский исправник Оболенский

ЦГИА БССР, Могилев, ф. 1416, оп. 1, д. 12089, лл. 1—6. Подлинник

Опубл.: «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», Минск, 1959, стр. 133—135

¹ Статьей предписывается не употреблять военной силы для подавления выступлений крестьян «без самой крайности». Но если после испытания всех «миролюбивых средств» крестьяне не успокоятся, то привлекать их к работе «строгостью военной дисциплины».

² Кроме им. Жары, волнения крестьян охватили и другие имения и сельские общества Лепельского у. См. рапорты Н. Г. Оболенского от 9 июня 1861 г. о выступлении крестьян дер. Будилово, от 6 февраля 1862 г. о сопротивлении крестьян им. Кубличи полиции при взимании податей; рапорт члена от правительства на мировых съездах Витебской губ. К. Квятковского от 21 ноября 1861 г. об отказе от исполнения барщины и наказании розгами крестьян им. Тяпино; решение Витебской палаты уголовного суда от 12 июля 1862 г. по делу о порубке казенного леса крестьянами Гутовского сельского общества; рапорт К. Квятковского от 19 сентября 1862 г. об отказе крестьян в помещичьих имениях подписывать уставные грамоты. Об отказе крестьян им. Смоляницы и Таранковского сельского общества от уставных грамот доносили в Витебское губернское по крестьянским делам присутствии мировой посредник 2-го участка Лепельского у. 8 августа и Лепельский мировой съезд 8 октября 1862 г. (сб. «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», стр. 126—128, 141—146, 152—154, 166—168, 171—178).

303

1861 г. июня 24.— Донесение пристава 3-го стана Витебского у. Азаркевича витебскому земскому исправнику Гильдебранду об отказе крестьян им. Марцинково от исполнения барщины и подавлении их сопротивления¹

Сего июня месяца 18 числа, прибыв в становую квартиру, г. и. д. витебского уездного предводителя дворянства майор Хмелевский объявил, что крестьяне им. Марцинково, принадлежащего его отцу Владиславу Хмелевскому, в нарушение правил, изданных в 19 день февраля месяца для крестьян, вышедших из крепостной зависимости, отказались от должного повиновения и наряда господских работ, оскорбляют отца его разными дерзостями, просил съехать в им. Марцинково для содействия мировому посреднику о внушении крестьянам должного повиновения и дабы не смели более оскорблять владельца, и что им для сего приглашен мировой посредник Богомолец.

Вследствие чего я отправился в им. Марцинково, нашел там мирового посредника Богомольца и совместно с ним делал внушение соборным крестьянам, дабы они не были дерзкими против владельца Хмелевского, и посредник объявил Положение относительно обязанностей их владельцу, но крестьяне, вместо изъявленной покорности и испрошения у Хмелевского извинения в лице посредника, моем и майора Хмелевского, оказали явное непослушание, даже дозволили посреднику наговорить дерзостей, и уже в то время г. посредник Богомолец потребовал, дабы я оказавших более непослушание и дерзостей крестьян в пример другим наказал розгами. По такому распоряжению мирового посредника и по настоятельному требованию и. д. предводителя дворянства майора Хмелевского, мною наказано несколько крестьян, после чего крестьяне изъявили полное повиновение, покорились и извинились перед владельцем Хмелевским в своем поступке, а затем и я посчитал уже необходимым донести в. вб., тем более что наказание сие сделано по распоряжению мирового посредника.

По занесенной теми же крестьянами жалобе г. начальнику губернии о наказании их я о вышеизложенном имел честь докладывать е. п. и в. вб., а также докладывать е. п., что мною о сем было словесно донесено и вам, а не письменно, о чем по предписанию в. вб. от 23 июня за № 358 имею честь донести ².

Пристав 3-го стана Азаркевич

ЦГИА БССР, Могилев, ф. 1416, отд. 1, оп. 1, д. 12087, лл. 4—5. Подлинник.

Опубл.: «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», Минск, 1959, стр. 137

¹ Об отказе крестьян им. Марцинково исполнять работы в помещичьем имении см. также справку Витебского губернского правления от 22 июня 1861 г. (сб. «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», стр. 135—136).

О волнениях крестьян в им. Непряжи см. рапорт сельского старосты В. Сидорского от 22 мая 1861 г.; в им. Тулово — донесение мирового посредника 2-го участка Витебского у. Зарановского от 4 мая 1862 г.; в Рудьковском сельском обществе — донесение мирового посредника 1-го участка Витебского у. Цехановецкого от 6 мая 1862 г.; в с. Пестунице — рапорт Гильдебранда (там же, стр. 120—121, 135—136, 158—161, 163—164, 184—185).

² Упомянутым предписанием требовалось представить Гильдебранду подробное объяснение о наказании крестьян в имении помещика Хмелевского.

304

1861 г. сентября 4. — Донесение и. д. витебского губернатора А. С. Оголина П. А. Валуеву об участии проживавших в Витебской губ. студентов в пении запрещенного гимна в глубоком костеле Виленской губ.

Секретно

Г. виленский военный губернатор, усмотрев из доставляемых донесений, что 16 июля в м. Глубоком в тамошнем костеле между прочими пели возмутительный гимн прибывшие из Вилейского, Борисовского и Лепельского у. студенты университетов Микульский, Мисуна, Длуж-

невский, Деревинский, Окушко, Шуневич, Зайончковский, Куровский и Витковский, предложил виленскому гражданскому губернатору войти со мною в сношение об отправлении с жандармами тех из поименованных выше студентов, которые проживают в Витебской губ., к ректорам университетов. Почему д. с. с. Похвиснев просит моего об этом распоряжения.

Не считая себя вправе без разрешения в. вл. исполнить требование г. виленского гражданского губернатора, я имею честь испрашивать на это разрешение. Причем позволяю себе присовокупить, что я, с своей стороны, нахожу, что мера эта придаст особую важность студентам в их собственных глазах, а равно раздражит напрасно их близких.

Так как в отношении виленского гражданского губернатора не объяснено, кто именно из поименованных студентов проживает в Лепельском у. и к каким университетам они принадлежат, то я вместе с сим предписал лепельскому земскому исправнику секретно дознать об этом и немедленно уведомить меня. Быть может, означенные студенты уже и отправились в университеты.

И. о. гражданского губернатора Оголин

ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 22, лл. 166—167. Подлинник

305

1861 г. сентября 29.—Донесение режицкого протоиерея В. К. Стромковского архиепископу полоцкому и витебскому Василию об антиправительственном настроении католиков уезда и распространении среди населения текста запрещенного гимна

Секретно

Режицкий у., издавна населенный противными православному правительству иноверными народами, в настоящее время, по случаю бывших варшавских и виленских патриотических смут¹, доведен польскими интригами до того, что католики сказанного уезда почти все, и старые и малые, тайно воодушевлены яростью и крайним недоброжелательством к престолу, Российскому отечеству и православной вере. Для общего единения в чем как латинское духовенство, так наипаче дворяне-помещики означенной местности, тайно и единодушно с присягою святого евхаристия^а, принимают к себе разных из Царства Польского и гор. Вильно лиц, которые с фанатизмом польским секретно наущают и убеждают католиков быть до последней капли крови усердными и готовыми к освобождению и защите Польши и возвращению ее прежних прав. От такого злоторного действия наш Режицкий у., в котором римско-католики, составляя самую главную часть и большинство народонаселения, совершенно готовы и воодушевлены, по мере возможности, тайно сочувствием к польскому народу и его

^а Eucharystia — причастие (польск.).

неспокойным намерениям, породившим значительный в политическом отношении вред в самой столице русской — гор. С.-Петербурге.

Для доказательства сказанного сего нижайше осмеливаюсь представить вашему высокопреосвященству копию возмутительного гимна польского, которым воодушевлены не токмо дух дворян и их умы с латышским народом, но даже все коренные гг. чиновники всех режичских присутственных мест, в которых как предводитель дворянства, так и служащие чиновники уездного суда и земского, равно и окружного управления государственных имуществ, также казначейства и, наконец, г. стряпчий, все без исключения римско-католики, которые, если не явно, то тайно, совершенно и без того в здешней режичской местности неискренние блюстители и исполнители долга и обязанности российских постановлений и узаконений. Между тем губернское гражданское начальство, по-видимому, весьма недостаточно на сей последний предмет обращает свое внимание, от начал которого, особенно в настоящее время, много может зависеть порядок надлежащий, благосостояние, тишина и мир верноподданных престола, царя и отечества.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 6, л. 18—19. Заверенная копия

¹ Очевидно, имеются в виду манифестации в Варшаве (февраль — апрель 1861 г.) и в Вильно (март — август 1861 г.).

306

*1861 г. октября 9. — Отношение А. С. Оголина Э. Ф. Келлеру
о патриотических манифестациях в Витебской губ.*

Секретно

С марта месяца с. г. начало проявляться в Витебской губ. сочувствие к польскому движению.

Выразилось оно первоначально панихидой по убитым в Варшаве, совершенной в витебском костеле 27 марта, где в то же время производился сбор денег неизвестно для какой надобности. После принятых мер служение панихид не возобновлялось.

Потом в разных местах губернии в костелах начали петь известный политический гимн об освобождении Польши от русского владычества. Первый случай этого был 29 июня в Динабурге, потом пение повторилось в Лепельском и Дриссенском у. и, наконец, с 1 сентября прекратилось; только недавно в Лепеле несколько человек, пользующихся большей частью дурной репутацией, пропели в костеле гимн, но выходка эта не произвела ожидаемого сочувствия.

Главными участниками демонстрации были преимущественно дамы, эконоы, управляющие имениями, мелкая шляхта, приезжавшие студенты университетов, а в некоторых случаях руководили только изгнанные из службы чиновники и офицеры и женщины не совсем одобрительного поведения. Ношение траура продолжается.

Сколько можно судить, по-видимому, это заявление сочувствий не произвело особенного впечатления на массу народа, совершенно чуждую польским интересам, и даже можно положительно сказать, не понимающую целей главных руководителей.

По случаю часто повторявшихся в Витебске пожаров от поджога пронесся слух, что и это явление имеет связь с польским движением, но за всеми принятыми мерами к раскрытию истины ничего подобного не подтвердилось.

Обо всем этом имею честь уведомить в. с. на отношение от 27 сентября за № 287¹.

И. д. гражданского губернатора Оголин

ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405, лл. 119—120. Подлинник

¹ В своем отношении Э. Ф. Келлер сообщил витебскому губернатору П. Н. Клушину об исполнении предписания министра внутренних дел о разоружении местного населения, учреждении в Минске особой следственной комиссии для разбора наиболее важных политических дел, а также об учреждении при Минском уездном суде полицейского суда (там же, лл. 88—89).

307

1861 г. ноября 4. — Донесение и. о. витебского жандармского штаб-офицера М. М. Червонюка В. А. Долгорукову о пении запрещенного гимна в костеле св. Антония в Витебске

Секретно

В праздник всех святых 1 числа сего месяца в здешнем костеле св. Антония по окончании вечернего богослужения в исходе шестого часа, когда начали выходить из костела, толпа поляков мужского и женского полов начала петь возмутительный гимн, противный духу правительства.

В это время все свечи были потушены, на органе играли, и кто-то распорядился затворить дверь костела, отчего произошла страшная давка, ибо многие, не желая быть при этом, хотели выйти. По темноте в костеле нельзя было никого заметить из лиц, участвовавших в пении.

По произведенному из-под руки разузнанию говорят, что главным зачинщиком этого пения был служащий по выборам от дворянства в витебской гражданской палате заседателем дворянин Антон Корсак, который, как я сам видел, случившись тут вблизи костела, вышел из оного, будучи переодетым, имел на голове большую теплую шапку с кистью, стараясь быть неузнанным, закутываясь в шубу. Он пользуется сочувствием польского общества за то, что был в 1855 г. переведен из витебской гражданской палаты в ярославскую вследствие обнаружения неблагонамеренного образа мыслей его; но в 1856 г. из оной был уволен в отпуск на 4 месяца и вышел в отставку; в том же году получено предписание г. управляющего III отделением с. е. и. в. канцелярии от 7 марта № 354, чтобы за Корсаком со стороны корпуса жандармов учредить секретное наблюдение.

Здешние помещики, поляки, желая его поддержать, вновь избрали в здешнюю гражданскую палату заседателем; говорят даже, что он ездил в Полоцк и там возбудил поляков к пению подобных гимнов. Корсак ведет картежную игру, человек весьма пронырливый, характера дерзкого, иногда явно позволяет себе одеваться в национальный

польский костюм, имеет большое влияние на молодых людей, которые у него собираются, и своими поступками при теперешнем брожении польских умов вредный в обществе.

О вышеизложенном долгом считаю почтительнейше довести до сведения в. с., имею честь донести, что при расспросе мною старшего ксендза здешних костелов Девальдена, почему было допущено пение недозволительных гимнов, он мне сказал, что по окончании богослужения он и прочие ксендзы будто бы вышли из костела прежде прихода прихожан, но что он приказал прислужникам на случай, если бы затеяли какое пение, то сейчас потушить свечи и играть на органе с барабанами, дабы сим воспрепятствовать пению, поэтому нельзя не допустить, что ксендзы не были известны об этом, и что им до выхода прихожан не следовало оставлять костела, и тогда они могли бы предупредить от этого пения или по крайней мере заметили кого-нибудь из лиц, участвовавших в оном.

Корпуса жандармов капитан Червонюк

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 6, лл. 22—23. Подлинник

308

1861 г. ноября 15.—Донесение М. М. Червонюка В. А. Долгорукову об обнаружении при обыске у учеников землемеро-таксаторских классов при витебской гимназии запрещенных сочинений на польском яз.

Секретно

Дошло до сведения г. и. д. витебского гражданского губернатора, что у некоторых из учеников-поляков землемеро-таксаторских классов, учрежденных при витебской губернской гимназии, ходит по рукам возмутительная переписка, которую будто бы они, списывая, сообщают друг другу и посторонним лицам.

Вследствие чего е. п., пригласив меня к себе 4 числа сего месяца, поручил при бытности губернского землемера Воропая и надзирателя гимназии Помеленко сделать осмотр в квартирах учеников, на которых находилось в том подозрение, а именно: Станислава Семашко, Ричарда Зеленко, Эдуарда Чижевского и Антона Островского.

Прибыв первоначально в квартиру, занимаемую вместе Семашко и Зеленко, где при тщательном моем осмотре в числе разных бумаг, бывших в шкатулке, принадлежащей ученику Зеленко, найдены писанные на польском языке несколько сочинений, которые по заглавию содержанием своим оказались непозволительными, собрав их вместе, прошнуровав, припечатав и составив об этом акт за подписью моей и назначенных для этого лиц и самих учеников, бывших при обыске, я тот же час лично все это вручил г. начальнику губернии; у последних двух учеников ничего такого подозрительного не оказалось.

Е. п. приказал сочинения эти перевести с польского на русский язык, копию которых при сем в. с. на благоусмотрение почтительнейше представляя¹, имею честь донести, что помянутые ученики при расспросе

не сознались, кто писал эти сочинения или от кого они их имеют, и что местному ближайшему начальству поручено за ними, а также — не появится ли еще у кого из учеников подобной переписки, иметь строгое секретное наблюдение².

Корпуса жандармов капитан Червонюк

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 497, лл. 1—2. Подлинник

¹ К донесению приложены воззвания «Польской молодежи» к помещикам «Литвы и Руси», к женищинам и ксендзам, патриотическое «Письмо к дочери своего приятеля, писанное из-за границы Ленартовичем», «Мазурка» В. Сырокомли на закрытие Земледельческого общества в Варшаве, прокламация относительно соглашения Дж. Гарибальди и Л. Мерославского (там же, лл. 5—24).

² Об обнаружении патриотических сочинений на польском яз. у учеников землемеро-таксаторских классов сообщил также В. А. Долгорукову витебский жандармский штаб-офицер И. К. Турцевич в рапорте от 14 марта 1862 г. (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 497, лл. 34—35).

309

1861 г. ноября 19. — Донесение А. С. Оголина П. А. Валуеву об обнаружении у чиновника Комповского запрещенных сочинений

Секретно

В дополнение к донесению от 16 сего ноября за № 112¹ имею честь представить в. вп. воззвание к простому народу с молитвой на белорусском языке² с русским переводом, найденной у чиновника Комповского; остальные же сочинения по переводе будут немедленно представлены.

Причем имею честь доложить, что я вместе с сим секретно предписал земским исправникам следить за появлением подобных сочинений и, если они где окажутся, немедленно отбирать и представлять мне.

И. о. гражданского губернатора Оголин

ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 27, л. 12. Подлинник

¹ В донесении А. С. Оголина от 16 ноября 1861 г. также сообщается об обнаружении у чиновника Комповского запрещенных сочинений (см. там же, лл. 8—9).

² В деле не обнаружено.

310

1861 г. декабря 1. — Отношение А. П. Веймарна В. А. Долгорукову об обнаружении у старшего каноника летучего гренадерского парка С. Кожиги книги запрещенных стихов и сочинений на латышском яз.

Секретно

Начальник гренадерской артиллерийской дивизии донес г. корпусному командиру, что подпоручиком летучего гренадерского парка Закровским представлена командиру этого парка полковнику Фирсову

книжка, состоящая из 10 печатных страниц, на коих на латышском языке стихи и сочинения, запрещенные правительством¹. Книжка эта отобрана от старшего канонира означенного парка Семена Кожиги, получившего ее от крестьянина Воляня, проживающего Витебской губ. в дер. Плывчах, им. Кумбуль, принадлежащего гр. Платору. Командир парковой бригады полковник Лашкевич представил эту книжку витебскому гражданскому губернатору и 4 прошлого ноября за № 91 получил уведомление, что по сему предмету сделано надлежащее распоряжение.

По поручению г. корпусного командира, имею честь сообщить об этом в. п.

Начальник штаба, свиты е. в. ген.-майор Веймарн

ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, 1 эксп., 1861 г., д. 517, лл. 1—1 об. Подлинник

¹ В деле не обнаружена.

311

1862 г. марта 29.—Донесение витебского жандармского штаб-офицера И. К. Турцевича В. А. Долгорукову о вывешенном в Витебске флаге с надписью на польском яз.

Секретно

Вчерашнего числа в 7 часов утра усмотрен был и снят полицейским чиновником флаг, вывешенный в Витебске посредине города, на каменном мосту. Флаг этот сделан из белого коленкора и на нем надпись чернилами на польском языке: «Do broni, bracia, już czas nadchodzi»^a. Надпись имеет сходство с обыкновенною печатью.

Флаг этот хранится у г. начальника губернии.

Местная полиция до настоящего времени не имела возможности открыть, кто именно сделал и вывесил означенный флаг, одно лишь подозрение в этом падает скорее на учеников витебской гимназии, нежели на кого-либо другого.

Вероятность этого предположения может быть основана и на том, что некоторые из учеников здешней гимназии замечены были прежде сего в пении запрещенного гимна, в надевании во время праздничных дней национальных польских костюмов, и, наконец, в недавнее время они вывесили в здании гимназии польского орла, нарисованного на бумаге.

Г. начальник губернии, получив сведение о последнем происшествии, хотя и не от директора гимназии, сообщил словесно об этом мне 18 марта. В тот самый день я пригласил к себе директора гимназии с. с. Красноумова, чтобы иметь возможность узнать от него подробности этого происшествия и передать ему, что ученики гимназии по своим шалостям требуют более строгого и бдительного за ними призора.

^a «К оружию, братья, время уже наступает» (польск.).

Г. Красноумов объявил мне, что ученики гимназии вовсе не вывешивали орла, но что, из жалости и желая сделать неприятность одному из учителей, они нарисовали на листе бумаги ворону и повесили в коридоре, но что вообще поведением учеников в настоящее время вполне доволен.

Хотя г. директор гимназии в разговоре со мною, сколько я мог заметить, не вполне был откровенен и старался объяснять большей частью все в общих выражениях; но при всем этом, допуская даже вероятность искренности убеждения г. Красноумова, что ученики гимназии в настоящее время ведут себя лучше, нежели прежде, я позволяю себе смелость при представлении в с. настоящего донесения моего о случившемся в гор. Витебске почтительнейше изложить мнение мое, согласно с мнением г. начальника губернии и других лиц, что г. директор Красноумов и подведомственные ему начальники гимназии должны выказывать более деятельности и бдительного надзора за поведением и нравственностью учеников гимназии.

Майор Турцевич

ЦГАОР СССР, ф. 109-ц, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 6, лл. 41—42. Подлинник

312

1862 г. марта не позднее 15¹. — Донесение лепельского земского исправника Родкевича А. С. Оголину об антиправительственной агитации настоятеля кубличского костела кс. Стацкевича и помещиков Гущей и Малиновского среди крестьян

Секретно

Меня известил священник Пряников, что в окрестностях м. Кубличи, расположенного на границе Виленской и Минской губ., помещики Франц и Венедикт Гущи, Малиновский и кс. Стацкевич распространяют между крестьянами внушение, что весною ссадят ныне царствующего государя и что тогда они получат полную волю.

Настоятель кубличского костела кс. Стацкевич, происходя из местных помещиков, имеет в Кубличском приходе имение, населенное временнообязанными крестьянами, из среды которых, при его поддержке, выбран волостным старшиной Матвей Шах, который, будучи неграмотным, находится под полным влиянием кс. Стацкевича и писаря Корсака; он сам говорил мне, что по всем делам ходит на совет к Стацкевичу. Поступки старшины Шаха сами собою обнаруживают вредное влияние на него ксендза и писаря, которые не без злонамеренной цели подстрекнули к нападению на пристава во время огромного стечения народа, для произведения большого впечатления на простолюдинов: что теперь полиция ничего не значит, а все в руках волостного старшины, чрез которого, в случае каких замыслов, ксендз легко может действовать своим влиянием духовным и светским, а полиция не могла бы ничему воспрепятствовать.

Кс. Стацкевич говорил всегда проповеди по-польски, с недавнего времени вопреки правилам костельным начал говорить простонародным языком для привлечения крестьян в костел.

4 сего февраля я был слушателем проповеди в костеле кс. Стацкевича, который говорил весьма энергично, почти азартно, на польском языке в духе чисто возмутительном: предостерегал народ быть осторожным от врагов, которые находятся между ними, увещевал с терпением следовать по стезе мученичества, не смущаться и не страшиться смерти на эшафоте, а, напротив того, должно завидовать участи таких людей, ибо они этими жертвами для религии получают спасение и вечное сочувствие народа, что нужно стараться не тушить, а поддерживать пламенеющий в сердцах их огонь, без коего впотьмах не могут никогда достигнуть цели... Эти слова он пояснил следующим примером: если человек с зажженной свечой войдет в комнату, в которой одна дверь и нет окон, и потушит огонь, то, оставшись впотьмах, не будет иметь возможности найти дверь к выходу, тогда как с зажженной свечой ему нетрудно выйти из этой комнаты. Я крайне удивился, что он, зная о моем присутствии в костеле, говорил так ясно и открыто, не назвав только предмета и лиц, которых, однако, не трудно было угадать не только образованным, но даже и мужикам! Вероятно, он поступил таким образом для того, чтобы показать собою пример смелости к достижению цели...

Относительно злонамеренных внушений против государя императора старшина Шах, находясь под влиянием Стацкевича, не сознался, а брата своего, Алексея Шаха, скрыл от меня, и я воздержался от дальнейших поисков, пока Шах не будет лишен власти над крестьянами, которые, страшась его, не скажут правды.

В 1831 г. бунт против правительства начался в Витебской губ. с м. Кубличи², да и в настоящее время, после случившегося, равно приняв во внимание, что в тамошнем приходе много крестьян-католиков, состоящих под двойным влиянием Стацкевича — как ксендза и как помещика, следует обратить на этот пункт особое внимание. Живущий вблизи Кублич дворянин Витольд Снарский, человек простой и честный, при разговоре со священником Пряниковым высказался, что там, в польском населении, все подготовлено к мятежу и что достаточно ничтожного случая для восстания; это очень правдоподобно и по моим замечаниям. Душою всего — кс. Стацкевич.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 6, лл. 33—34 об. Заверенная копия

¹ О перемещении кс. Стацкевича из м. Кубличи в другой уезд Витебской губ. сообщил В. А. Долгорукову И. К. Турцевич 15 марта 1862 г. (там же, лл. 35—36).

² Имеется в виду восстание 1830—1831 гг. Повстанческое движение в Лепельском у. в 1831 г. было кратковременным.

1862 г. апреля 13.— Донесение И. К. Турцевича В. А. Долго-
рукову о распространении в Люцинском у. «Гуторки двух
соседей»

Секретно

В Люцинском у., а также и в гор. Люцине с некоторых пор появи-
лось в рукописи на белорусском наречии сочинение в стихах возмути-
тельного содержания под заглавием «Гуторка двух соседей»¹ и распро-
странилось между тамошними жителями до того, что некоторые знают
его наизусть.

Имея случай частным образом получить копию с этого сочинения,
почтительнейше представляю таковое в. с.²

Вместе с этим считаю долгом донести в. с., что несмотря на распро-
странение в народе представляемого сочинения, местная земская по-
лиция оказалась до такой степени малодетальной, что г. начальник
губернии и по настоящее время не имеет донесения от люцинского зем-
ского исправника Ловейко о появлении этого сочинения.

Г. начальником губернии сделано уже распоряжение о воспрепят-
ствии через местное гражданское начальство дальнейшего распростра-
нения этого сочинения в народе, исправник же Ловейко за выказанное
бездействие в исполнении лежащих на нем служебных обязанностей в
непродолжительном времени будет удален от должности.

Витебским и полоцким архиепископом сделано также секретное рас-
поряжение через благочинных, чтобы приходские священники во всей
епархии бдительно, но негласным образом следили за появлением в
народе возмутительных сочинений и об оказавшемся тотчас бы доно-
сили духовному своему начальству.

Обо всем, что будет получено его высокопреосвященством, заслу-
живающем особенного внимания, я буду иметь честь своевременно
почтительнейше доносить в. с.

Майор Турцевич

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 531, л. 24 об. Подлинник

¹ О распространении «Гуторки двух соседей» в Люцинском у. и ее широкой попу-
лярности у населения («простолудины изучают наизусть эти разрушительные для об-
щества стихи») доносил обер-прокурору синода А. П. Ахматову архиепископ полоцкий
и витебский Василий 7 апреля 1862 г. (там же, д. 303, ч. 6, л. 104 об.).

² См. там же, д. 531, лл. 25—26 об.

1862 г. апреля 29.— Отношение архиепископа полоцкого и
витебского Василия обер-прокурору Синода А. П. Ахматову
о политическом положении в Витебской губ.

Рапортом от 11 дня апреля за № 73 чашницкий благочинный про-
тоиерей Лаппо донес мне: 1) что помещики в высшей степени ожесто-
чены против правительства и оглашают, что Россия падет, имеют мя-
тежные воззвания и переписки; 2) что по помещичьим дворам Лепель-

ского у. разъезжают какие-то бернардины с подозрительными целями; 3) что евреи развозили по тем дворам печатные воззвания, как в том убедился дворжичский священник Александр Гнедовский во вверенном ему приходе. Он, прибыв по делам к помещику Каetanу Горновскому, нашел там евреев и заметил рассматриваемые печатные какие-то бумаги, но чуть только приблизился, таковые тотчас [были] спрятаны, и евреи, переменившись в лице, стали спрашивать у помещика, не нужны ли сургуч или почтовая бумага; 4) что помещики с тайной целью съезжаются по временам в какое-то место вблизи гор. Лепеля, но это место не открыто; 5) что помещики, и даже посредники, секретно стараются поселить мысль в крестьянах, вооружающую против правительства, что освобождение их из крепостного состояния не приведет к окончанию; 6) что в доме арендатора им. Несина Михаила Франковского у сына его Владислава Франковского, разъезжающего в мятежническом костюме по Минской и Виленской губ., есть возмутительные воззвания и переписки.

Поступил также ко мне 26 дня сего апреля рапорт обольского благочинного (Полоцкого у.) священника Можанского от 18 апреля за № 113/3 с донесением о распространенных в народе клонящихся к волнению простолюдинов слухах, якобы августейший наш государь император требует желающих с семействами в Севастополь для возобновления крепости на следующих условиях: ежели кто согласится идти туда, цена трехлетнего рабочего срока — 800 руб. Изъявившие желание на это будут свободны с семействами от всех повинностей, и временно обязательных и государственных, а по истечении трех лет возвратятся полными дворянами. Контора для желающих в гор. Витебске. При подписке в задаток дается согласившемуся 300 руб. сер.

Тем же самым рапортом благочинный, священник Можанский, донес мне, что у помещика Викентия Реутта, по неимению постоянного местожительства вояжирующего не только по разным уездам, но и по губерниям, есть революционные воззвания и стихи профессора Михайлова¹, которыми он наделяет встречного и поперечного, и что у родного брата помещика Фомы Реутта, Ивана Реутта, имеются подобные же и еще иные воззвания, привезенные им, как можно полагать, из-за границы, куда он ездил для отыскания сына Фомы Реутта, бежавшего из университета за границу с целью поступления в легион польский, составленный под водительством революционера-поляка Мерославского².

Но все такие письменные орудия расстройства народного блага с удивительной тщательностью скрываются римско-католиками пред духовенством и гражданскими чиновниками, верными престолу.

Возношу непрестанно теплые молитвы к подателю всех благ об утверждении в нашем крае драгоценного для православной церкви Христовой и родного отечества России мира, преданности престолу и отечеству и спокойствия.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 6, лл. 116—119. Заверенная копия

¹ Имеется в виду М. Л. Михайлов, Его стихи начала 60-х годов, содержащие прямые революционные призывы, нашли широкий отклик среди передовой молодежи. В 1861 г. за распространение написанной совместно с Н. В. Шелгуновым прокламации «К молодому поколению» Михайлов был присужден к шести годам каторги и к вечному поселению в Сибири.

² См. прим. 4 к док. 4.

1862 г. мая 1.— Отношение архиепископа полоцкого и витебского Василия обер-прокурору Синода А. П. Ахматову о распространении среди населения Дриссенского и Люцинского у. Витебской губ. запрещенных стихов, газет и других сочинений

Весьма секретно и конфиденциально

При отзыве от 7 дня апреля с. г. за № 76¹ я имел честь препроводить к в. вп. копию составленных злоумышленниками возмутительных на белорусском наречии стихов под названием «Гуторка»², распространенных в народе по Люцинскому у. Эти же стихи пущены в ход зложелателями России и по Дриссенскому у., как усматриваю я из поступившего ко мне по секрету конфиденциального рапорта дриссенско-освейского благочинного священника Иосифа Горбачевского от 22 дня апреля за № 99, в коем сей благочинный изъясняет, что в действительности существования этих стихов он убедился из разговора с деканом освейским Овсяным и его викарием Пукиным.

В том же рапорте благочинный Горбачевский прописывает еще и такие сведения:

1. От вышепоименованных ксендзов слышал он и о существовании в Дриссенском у. возмутительных газет — «Колокола», «Великоруса» и польской газеты, издаваемой в Париже польскими выходцами³, содержание каковых газет, как он мог заметить, очень, по-видимому, знакомо оным ксендзам.

2. Православным прихожанам его благочиния известны многие возмутительные толки. Из толков, которые стараются распространить там поляки и вообще латиняне, особенно опасны следующие: а) будто бы свобода, дарованная крестьянам, дарована им не государем императором, а помещиками; б) будто бы настоящими Положениями крестьяне более угнетены, нежели были в прежнее время; в) якобы русское правительство тиранствует, и этому тиранству содействует православная вера; г) что эта страна была польской, здесь будет Польша, и все будут католиками и равными — как дворяне, так и крестьяне.

Распространение этих толков, не письменно и очень тайно, принадлежит, по мнению священника Горбачевского, которое и я разделять согласен, волостным писарям, кои все римско-католики, старшинам, где таковые римско-католического вероисповедания, фельдшерам, лакеям, горничным, имеющим ближайшую возможность слышать разговоры римско-католиков, выше их стоящих или по образованию или по состоянию и по званию, пропитанных мятежным духом.

Говорит также сей благочинный в своем рапорте, что все известные ему знатнейшие поляки-латиняне того округа, за исключением лишь немногих, единодушно враждуют против России. Особенно ревностны в этом злокозненном деле помещик Лопацинский, посредники — Корсак и Гржималовский и др., и ксендзы: декан Овсяный, его викарный Пукин и сарианский кс. Алеклович, привезенный Лопацинским из Вильно и, как слышно, и в костелах и при проездах своих пригла-

шающий к себе на исповедь (тут-то латинское духовенство вливает яд в души своих духовных чад!) и к исполнению духовных треб (все удобные случаи) всех без разбора, хотя бы то искони православных.

Оканчивает свой рапорт благочинный Горбачевский словами: «Прописанные толки особенно стали более и более распространяться здесь с августа месяца прошлого года, когда поляки, и вообще латиняне, облеклись в траур и начали петь в костелах возмутительные гимны. Эти толки смущают и тех здешних простолюдинов православных, которые нисколько даже не сочувствуют латинско-польскому волнению, а тем более они гибельно действуют на лиц, переданных по разбору из латинства в православие».

Из отношения моего к в. вп. от 21 дня марта с. г. за № 54 известно уже вам, м. г., что я зорко слежу за направлением умов в особенности моей паствы, а не менее и людей инославных исповеданий, перемешанных с нею по местожительству; бодро, неусыпно и непрестанно стою на страже православия и пламенной любви пасомых к престолу и отечеству, призывая к бодрствованию, мужеству и благоразумному действию и весь священнослужительский подведомый мне чин и моим собственным примером, и должными внушениями и вразумлениями; но при всем том не престаю молиться и молиться о скорейшем ниспослании всеблагим миродержцем — богом вождельного прекращения всех нынешних посетивших наш край богопротивных смут.

ЦИАОР СССР, д. 109-и, 1 экзп., 1861 г., д. 303, ч. 6, лл. 100—103 об. Заверенная копия

¹ В своем отзыве от 7 апреля 1862 г. архиепископ Василий сообщил А. П. Ахматову о распространении и широкой популярности среди населения Люцинского у. и всей Витебской губ. «Гуторки двух соседей» (там же, л. 104 об.).

² Имеется в виду «Гуторка двух соседей» (там же).

³ Очевидно, имеется в виду газета «Przegląd Rzeczy Polskich» (см. док. 4).

316

1862 г. июня 2.— Донесение А. С. Оголина П. А. Валуеву об обнаружении у дворянина В. Франковского прокламации «К молодому поколению» и других запрещенных сочинений

Секретно

В дополнение донесения моего от 16 минувшего июня за № 103¹ имею честь доложить, что по произведенному дознанию лепельским земским исправником слухи о неблагонадежности Владислава Франковского подтвердились. Он в национальном польском костюме, действительно, разъезжает по губерниям Минской и Виленской и имеет сношение с людьми, неблагомыслящими в правительственном отношении. По поводу сего сделан был у Франковского во время отсутствия его обыск, причем найдено возмутительное воззвание «К молодому поколению» и стихи на польском языке о вооружении к восстанию. Эти стихи, как заключает исправник, писаны дворянином Каменко, в удостоверение чего прислал 3 письма, им писанные.

Представляя при сем означенные бумаги с актом обыска², имею честь испрашивать разрешение, следует ли предать дворянина Фран-

ковского за это суду и какому именно, т. е. по общим ли законам или по правилам, изданным для временных полицейских судов³, присовокупляя, что в распространении этих сочинений Франковский только подозревается, но положительных улик нет.

Приложения, по миновании в них надобности, имею честь покорнейше просить возвратить мне.

И. о. гражданского губернатора Оголин

ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 27, лл. 222—223. Подлинник

¹ В секретном донесении от 16 июня 1862 г. А. С. Оголин сообщал П. А. Валуеву сведения о политической благонадежности чиновников, политических манифестациях в Витебской губ., о распространении в Динабургском и Лепельском у. «Гуторки старого деда» (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 6, лл. 97—98 об.).

² Упомянутые приложения в деле не обнаружены.

³ Имеется в виду Временное положение о полицейских судах, утвержденное 5 августа 1861 г. Полицейские суды создавались при уездных судах для борьбы с политическим движением (манифестациями, пением патриотических гимнов и т. п.).

317

1863 г. января 21.— Донесение И. К. Турцевича А. Л. Потопову о распространении «Мужицкой правды» среди крестьян Витебской губ.

Секретно

19 сего января я получил из гор. Дриссы при частном письме 3 номера печатного воззвания под заглавием «Mužyskaja Prawda»¹, каковые долгом считаю представить в. п.

Номера представляемого воззвания получены первоначально в Дисненском у. Виленской губ., где, как уведомили меня, они раздаются злонамеренными лицами местным крестьянам.

Сколько мне известно, подобные воззвания до настоящего времени между крестьянами Витебской губ. распространяемы не были.

Майор Турцевич

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 2, л. 85. Подлинник

¹ В донесении И. К. Турцевича В. А. Долгорукову от 2 февраля 1863 г. сообщалось о широком распространении «Мужицкой правды» в Динабургском у. «преимущественно по деревням, с целью возбудить в простом народе восстание против всех властей» (там же, л. 90 об.). О распространении «в огромном числе» «Мужицкой правды» № 4, 5, 6 по всей Витебской губ. сообщил В. А. Долгорукову отношением от 15 февраля 1863 г. обер-прокурор синода А. П. Ахматов (там же, лл. 92 об., 97 об.).

1863 г. февраля 4.— Донесение флигель-адъютанта О. Ф. Келлера В. А. Долгорукову о распространении «Мужицкой правды» среди крестьян Динабургского у.

Секретно

Вчерашнего числа получены сведения, что в Динабургском у. появились у помещиков и чиновников в значительном, как кажется, количестве экземпляры воззвания «Мужицкая правда», каковые экземпляры раздаются крестьянам.

Начальник Витебской губ. нашел нужным предложить губернскому жандармскому штаб-офицеру отправиться в Динабург для наблюдения за действием земской полиции по сделанным начальником губернии по сему предмету распоряжениям и для узнания, по возможности, на месте, какое впечатление произведет на крестьян помянутое воззвание.

О вышеизложенном начальник губернии донес г. министру внутренних дел и вместе [с тем] просил, если возможно, о командировании в Витебскую губ. одной сотни казаков.

О последующем буду иметь честь довести до сведения в. с.

Флигель-адъютант подполковник гр. Келлер

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 2, л. 91 об. Подлинник

319

1861 г. марта 31.—Донесение могилевского жандармского штаб-офицера Соколова В. А. Долгорукову о состоявшейся в могилевском кафедральном костеле панихиде по убитым в Варшаве

Вчерашнего числа в здешнем кафедральном католическом костеле в 7 часов утра была отправляема при стечении народа панихида по убиенным пяти человекам в гор. Варшаве во время последних беспорядков. Не придавая этому особой важности, тем более что мысль об отправлении этой панихиды произошла от некоторых польских дам, во всяком случае долгом считаю довести о сем до сведения в. с.¹

Подполковник Соколов 7-й

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 7, л. 1. Подлинник

¹ О панихиде в Могилеве см. также телеграмму могилевского губернатора А. П. Беклемишева В. А. Долгорукову от 31 марта 1861 г. (там же, л. 2).

320

1861 г. июня 14.—Донесение могилевского губернатора А. П. Беклемишева П. А. Валуеву о волнениях крестьян в губернии и мерах по их подавлению

Считаю обязанностью донести в. вп. несколько подробнее о состоянии спокойствия в помещичьих имениях Могилевской губ., так как особые по делам донесения в этом роде тогда только посылаются в министерство, когда случаи неповиновения или беспокойствия требуют более серьезных мер, и затем министерство лишено возможности иметь верное понятие о состоянии губернии в этом отношении.

В Могилевском у. в имениях помещиков Гортынского и Цехановича крестьяне отказались служить установленную Положением издельную повинность, и толпы их приходили в гор. Могилев с жалобой, что их принуждают к отбытию излишней, по их мнению, повинности. По личному мною разъяснению крестьянам высочайше утвержденного Положения и их обязанностей они успокоились без особых мер взыскания и стали отбывать по требованию экономий барщину, хотя и не всегда

удовлетворительно, как по частным сведениям мне известно. В им. Се-
ноженского крестьяне отказались также служить барщину¹, хотя
приходившей в Могилев толпе и было разъяснено Положение, права
их и обязанности, и они пришли было в повиновение, но вслед за тем
спокойствие в имении опять рушилось, и для восстановления его контр-
адмирал Зарин должен был прибегнуть к наказанию более виновных
в неповиновении. Кроме того, приходили крестьяне с жалобами из
имений помещицы Саргер и помещика Зилинского, но по этим делам
еще нет окончательного уведомления от уездного предводителя дво-
рянства, к которому препровождены для разбора снятые с крестьян
показания. Вообще в Могилевском у. случаи неповиновения крестьян,
отказ их служить третий день повинности повторились еще в несколь-
ких имениях, но они не вызвали распоряжений губернского начальст-
ва и, как лично исправник доложил мне, порядок полицией восста-
новлен.

В Быховском у. из имения помещика Вартмана являлись крестьяне
в Могилев с жалобой, что от них требуют 3 дня барщины. Так как в
Могилеве находился владелец, жаловавшийся, в свою очередь, на не-
повиновение крестьян, и местный предводитель, то жалоба разобрана
здесь же; крестьяне оказались вполне виноваты, поэтому наказаны и
под конвоем возвращены для водворения на место жительства. Это
имело некоторое полезное влияние на соседние имения, где также на-
чало обнаруживаться неповиновение. В им. Бубиковой, из которого
толпа крестьян приходила в Могилев, и в им. Баньковского, Свенцкого,
Фливерк и Федоровича нарушившееся спокойствие восстановлено рас-
поряжением полиции.

В Рогачевском у. обнаружилось более серьезные волнения: непо-
виновение крестьян им. Солтана вызвало первую поездку свиты е. в.
контр-адмирала Зарина, о чем я имел честь доносить в. вп. 15 апреля
1861 г.² Во второй раз он должен был отправиться в им. Иолшина
и Булгака (донесения 4 мая № 2302 и 16 мая № 2583)³. Здесь при
действии военной команды были подвергнуты строгому наказанию за-
чинщики. При вторичной поездке контр-адмирал Зарин заезжал в
им. Шульца, гр. Меллиной, Малафеева и др., в которых обнаружилось
в разной степени неповиновения, и распоряжениями его в той части
губернии спокойствие и порядок везде восстановлены.

В Гомельском у. со времени объявления Положения о крестьянах,
вышедших из крепостной зависимости, в разных имениях Гомельско-
го у. начало обнаруживаться неповиновение крестьян помещичьей
власти. В некоторых имениях крестьяне, служившие до издания Поло-
жения 3 дня издельной повинности, самовольно стали отбывать только
2 или 1 день, а в других отказывались вовсе от исполнения повинно-
стей к помещику. Вследствие полученных о том жалоб гг. уездный
предводитель и исправник съезжали в им. Пищевича, гр. Меллиной,
Устиновича и Барковского. После должного внушения и толкования
крестьянам их обязанностей одни из них обещали быть покорными и
исполнять по-прежнему свои обязанности, другие же, в особенности
в им. Прудовке Пищевича, постоянно отсылались, что они будут слу-
жить по одному дню, так что для восстановления спокойствия исправ-
ник вынужден был наказать трех более виновных из им. Прудовки
и одного из им. Устиновича. Крестьяне дер. Веселовки помещика Уман-

ца также перестали отбывать барщину. Они не послушали убеждений пристава и целой толпой проводили его за деревню, а когда смотритель сельского магазина отказал в выдаче по их требованию хлеба, то насильно отобрали у него ключ и книги магазина. Вследствие представления предводителя и исправника исправлявший мою должность г. вице-губернатор сделал распоряжение о передвижении в Веселовку на квартиры одной роты солдат квартирующего в Гомельском у. батальона Могилевского пехотного полка; крестьянам разъяснены их обязанности, 5 человек наказано, и когда все приведены в совершенную покорность и повиновение, то рота отправилась на прежние квартиры. В деревнях Ключковского Антоновке и Запрудовке крестьяне несмотря на внушение пристава единогласно отказались служить третий день повинности, но предводитель и исправник, съехав туда, внушениями и разъяснением Положения согласили крестьян отбывать и третий день барщины.

Вслед за тем в некоторых деревнях снова обнаружилось неповиновение; в Уваровичах графини Меллиной крестьяне отказались служить третий день, а некоторые и вовсе отбывать повинность; в им. Поповке перестали обрабатывать землю; в дер. Футоранке почти совершенно отказались отбывать барщину и нанесли грубости помещице. Виновные взяты и доставлены в земский суд, в дер. Пенчине — то же, в дер. Бацуни, в им. Прибытках также перестали служить, но послушали увещания исправника и успокоились; более виновные были наказаны. Более всего обнаружилось неповиновение в дер. Рудни Михальской экономии, где крестьяне и сотский нанесли грубости становому приставу.

По ходатайству предводителя и исправника в Уваровичи отправлена была, по распоряжению исправлявшего мою должность г. вице-губернатора, для квартирования рота находившегося в Гомельском у. батальона Могилевского пехотного полка, и вслед за тем прибыл в Уваровичи контр-адмирал Зарин, бывший в Рогачевском у.; 8 человек, более виновные, наказаны, и повиновение в Уваровичах восстановлено. В дер. Михальки съезжал исправник и при бытности 60 человек нижних чинов, командированных г. контр-адмиралом Зариным, объяснил как михальковским, так и из других деревень собранным крестьянам их обязанности, и когда виновные были наказаны, то все общество с раскаянием изъявило готовность отслуживать повинность согласно Положению с полным усердием. В прочих местах распоряжениями частью контр-адмирала Зарина, частью исправника спокойствие восстановлено, и исправник, донося о Михальковском им. от 15 мая, присовокупил, что во всех деревнях Гомельского у. водворен порядок и должное повиновение.

В Мстиславском у. в последнее время жалобы помещиков на неповиновение крестьян стали также чаще повторяться: помещица Чернушевичева жаловалась на неотбывание крестьянами издельной повинности. Крестьяне, в свою очередь, объявили исправнику, что они служат по 2 дня потому, что им не дают хлеба, и, действительно, по дознанию оказалось, что они нуждались в продовольствии. Впрочем, крестьянин, внушавший мысль не служить более двух дней, человек зажиточный; кроме того, он распустил слухи и уверил своих односельян, будто полицией не приказано служить более двух дней. Этот крестья-

нин и еще двое менее виновных легко наказаны, и порядок восстановлен.

В им. Песляковщине помещика Кулака, в им. Саприновичах помещицы Стаховской и в им. Славине помещика Ланевского в таком же роде обнаружались беспорядки, но они исправником прекращены и порядок восстановлен без всяких строгих мер, одними внушениями и разъяснением обязанностей. В им. Монастырщине помещиков Голыньских крестьяне объявили владельцам, что в Смоленской губ. уже не служат барщины, и хотя помещики уверяли их, что по закону следует служить по 3 мужских и по 2 женских, но крестьяне не поверили. Когда же исправник, собрав крестьян, разъяснил им законы, то они поняли их и объявили, что в точности будут исполнять. При этом г. Голыньский назначил им из числа трех дней отбывать один без лошадей, обещал дать нуждающимся хлеба, отпустить леса на огорожу и пригласил крестьян избрать от себя доверенных домохозяев для общего и скорейшего составления с ними уставных грамот. Такое же неповиновение обнаружилось в им. Полевичевой Буде помещицы Голыньской и тем же способом восстановлен порядок. Госпожа Голыньская также была снисходительна для крестьян и, сверх того, несколькими ссудила деньги на покупку лошадей. В им. Капустине помещика Сеноженского крестьяне, служившие до объявления манифеста по 2 дня мужских и по 2 женских, объявили исправнику, что, так как всем сделано облегчение в барщине, то и им следует облегчить таковую, поэтому требовали освобождения от работ женщин; спокойствие здесь исправником восстановлено без наказаний. Вслед за тем поступили жалобы на крестьян от помещиков Москевича, Запольского, Москевичевой, Длугоконского и, наоборот, — крестьяне жаловались на владельцев Сокола и Беляцких; но порядок и спокойствие как в этих, так и еще в некоторых менее значительных случаях, встречающихся во множестве во Мстиславском у., мерами полиции своевременно восстанавливаются, как доложил мне лично тамошний исправник.

В Копысском у. дух неповиновения помещичьим распоряжениям в отношении издельной повинности распространился также весьма заметно, особенно с наступлением весенних полевых работ. Вначале исправник успевал кончать дела примирением крестьян с владельцами, но вскоре обнаружилось более значительное неповиновение в им. Бржостовского, где крестьяне воспротивились распоряжению станового пристава, хотевшего наказать более виновных; поэтому исправник, по местным обстоятельствам имения, счел нужным отправить туда часть местной инвалидной команды. Двое крестьян, оказавшихся виновными в волнении деревни, были наказаны при всем сходе крестьян, прочие же прощены, ибо со слезами просили помилования, и команда возвращена. В имении помещика Стаховского управляющий имением жаловался на крестьян, но, по дознанию исправника, они не оказались виновными в неповиновении, а в им. Бринка, Смольской и Сипайло, где также обнаружилось было неповиновение, водворены исправником спокойствие и порядок. Сверх того, исправник донес, что он отправляется в им. Борзово, Ватац и Ковшаровой, в которых возникло волнение крестьян. О последствиях этой поездки еще донесения нет, хотя частные имеются сведения, что спокойствие восстанавливается.

В Оршанском у. неповиновение крестьян в им. Ягоновой, Лышинского и Рогозы потребовало высылки в места неповиновения одной роты Могилевского батальона, о чем донесено в. вп. от 2 июня № 2976⁴. Спокойствие восстановлено г. контр-адмиралом Зариным, который заезжал и в другие некоторые имения Оршанского у., где обнаружилось было беспокойствие.

В Климовичском у. более значительные недоразумения проявились в им. Цехановецкого Чернявке. По строгому разбору исправника оказалось, что главная причина их заключалась в неясности расчетов экономии с крестьянами за высеваемую последними свекловицу на сахарный завод. Подробным разбором дела и должными вразумлениями исправник привел крестьян в совершенную покорность и повиновение; причем по их же просьбе умеренно наказаны 5 человек, наиболее виновных в происшедшем беспорядке. Возникавшие в других имениях Климовичского у. беспорядки или недоразумения⁵ были менее значительными, и, как частно известно, они своевременно прекращаются деятельностью полицейских чиновников и в особенности исправника.

В Чериковском у., по официально полученным сведениям, был только случай в имении мелкопоместной владелицы, более похожий на ссору ее с крестьянами, который и прекращен миролюбиво.

Из Чаусского у. приходили крестьяне из двух имений с жалобами, которые по дознанию не заслуживали особенного внимания. Самый же спокойный до настоящего времени уезд — Сенненский, о котором до губернского начальства не доходило официальных сведений, чтобы где-либо в нем обнаружилось неповиновение, и в последнее только время имеется частное известие, что недоразумения в одном имении потребовали туда исправника.

Исчисляя случаи бывшего неповиновения или беспорядка в помещичьих имениях, считаю обязанностью присовокупить, что: 1) число таких случаев в действительности было гораздо значительнее, так как многие из них, по маловажности, по скорому восстановлению порядка не доходят даже до губернского начальства; 2) хотя, таким образом, беспокойствия или недоразумения обнаруживаются почти повседневно, но распоряжениями контр-адмирала Зарина и благодаря особенной деятельности и усердию г. гомельского уездного предводителя дворянства, исправников гомельского, мстиславского, климовичского и копысского волнения или недоразумения эти по большей части прекращаются вначале, не вызывая строгих мер, и общее затем спокойствие по губернии можно признать удовлетворительным. Вообще бывшие в губернии недоразумения имели характер недоверия и неповиновения помещичьей власти, легкого своеволия и замешательства, но к таким случаям нельзя причислить неповиновения, бывшие в имениях гг. Иолшина и Булгака Рогачевского у., где волнение перешло в буйство и где местные власти не имели возможности прекратить беспорядки, и только энергические распоряжения контр-адмирала Зарина, при содействии военной команды, восстановили спокойствие. 3) Главная причина бывших доселе недоразумений или беспорядков — это третий день издельной повинности, так как в Могилевской губ. и до издания высочайшего манифеста отбывалась и ныне в большей части имений отбывается только двухдневная барщина. Весьма естественно

поэтому, что в тех имениях, где осталась трехдневная барщина, собь-
влением манифеста пробудилось желание не служить третьего дня,
подобно другим соседним имениям.

О том, что трехдневная издельная повинность не отвечает местным
обстоятельствам губернии и не служит действительным облегчением
в повинностях крестьян против инвентарного положения, я имел честь
говорить в заключении своем по 2-му отд. VI главы Трудов б. Могилев-
ского крестьянского комитета (донесение г. министру внутренних
дел от 18 мая 1859 г. № 3362) и ныне считаю обязанностью испраши-
вать наставления в. вп., не окажется ли возможным применять цир-
кулярное предписание в. вп. от 27 мая № 1691⁶ и к имениям, состоя-
щим на издельной повинности, когда будет признано, что трехдневная
барщина возбуждает справедливое неудовольствие крестьян, будучи
действительным для них отягощением. Эта мера тем более справедли-
ва, что даже б. Могилевский крестьянский комитет в §§ 117 и 118 сво-
его проекта о преобразовании быта крестьян постановил, чтобы в тех
селениях, где отведены участки от 6 до 9 дес., крестьяне отбывали
повинность по 2 дня в неделю в течение 10 месяцев и по 3 дня только
в течение двух летних месяцев; в тех же селениях, где участки от
4³/₄ до 6 дес.— по 2 дня в неделю во весь год⁷.

Гражданский губернатор Беклемишев

ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 52, 1861 г., д. 42, лл. 10—22. Подлинник

Опубл.: «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—
1862 гг.)». Минск, 1959, стр. 405—410.

¹ Об отказе крестьян им. Вейно Могилевского у. помещика Сеноженского испол-
нять двухдневную барщину и о посылке туда воинской команды из 100 человек для
«восстановления порядка» см. также донесение могилевского жандармского штаб-офи-
цера Соколова В. А. Долгорукову от 6 мая 1861 г. (сб. «Крестьянское движение в
Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», стр. 401).

² Донесение в деле отсутствует. О волнениях крестьян им. Недойки Рогачевско-
го у. помещика Пересвет-Солтана имеется также донесение Соколова В. А. Долгору-
кову от 15 апреля 1861 г., в котором сообщалось, что крестьяне отказались исполнять
барщину по два дня в неделю и оказали сопротивление властям. Для подавления их
волнений были вызваны войска (там же, стр. 397—398).

³ В деле отсутствуют. Речь идет о волнениях крестьян Бобруйского и Рогачевско-
го у. В рапорте и. д. рогачевского земского исправника Буйвана от 1 мая 1861 г. и до-
несении А. П. Беклемишева от 16 мая того же года сообщалось об отказе крестьян
исполнять барщину. Соколов доносил В. А. Долгорукову 20 мая 1861 г. о том, что для
подавления волнений крестьян этих уездов контр-адмиралом А. А. Зариным были приня-
ты «строгие меры», часть крестьян была наказана розгами (там же, стр. 398—404).

⁴ То же дело, л. 9. О волнениях крестьян в им. Горезлы, Микулино и Чурилово
Оршанского у. см. также донесение А. П. Беклемишева П. А. Валуеву от 16 мая
1861 г., в котором сообщается об отказе крестьян исполнять барщину и сопротивлении
властям. Соколов доносил В. А. Долгорукову 29 мая того же года о подавлении волне-
ний крестьян указанных имений с помощью военной силы (сб. «Крестьянское дви-
жение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», стр. 402, 404).

⁵ Об отказе крестьян им. Трестино Климовичского у. исполнять издельную повин-
ность см. донесение А. П. Беклемишева П. А. Валуеву от 26 июня 1861 г. (там же,
стр. 411).

⁶ Не обнаружено.

⁷ О волнениях крестьян в губернии весной 1861 г. см. также донесение свитского
контр-адмирала А. А. Зарина Александру II от 19 мая 1861 г. В нем отмечается «не-
покорность и своеволие» крестьян. Во многих имениях они отказывались от исполне-
ния всякой обязательной повинности. Для подавления сопротивления крестьян прибе-
гали к содействию войск.

Из записки А. П. Беклемишева Александру II «О ходе крестьянского дела в Могилевской губ. за 1861 г.» видно, что крестьяне повсеместно отказывались от исполнения барищины. Особенно сильные волнения отмечались в Рогачевском, Гомельском и Оршанском у. (сб. «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», стр. 120—121, 413—415).

321

1861 г. сентября 21. — Отношение А. П. Беклемишева
Э. Ф. Келлеру о политических манифестациях в Минской губ.

Секретно

Сочувствие к политическому движению в Царстве Польском первоначально проявилось во вверенной мне губернии в марте месяце отпращиванием в могилевском кафедральном костеле панихиды по убитым в Варшаве¹.

По представлении об этом министерству, главный руководитель демонстрации вице-офицер² Могилевской римско-католической духовной консистории кс. Келкевич был вызываем в Петербург, и затем демонстрации не проявлялись в губернии до истекшего августа месяца.

В этом же месяце 6, 7 и 8 числа Копысского у. в смолянском костеле был пет известный в Западном крае политический гимн о восстановлении Польши. Пение этого гимна повторилось: в гор. Могилеве 3-го и в м. Бельничках 8 сентября. Впрочем гимны эти не были так удачны, как, может быть, ожидали зачинщики их, главное по возбужденному здесь противодействию католического духовенства, которое открыто в костелах порицало пение и ни разу не приняло в нем участия; в Орше пение не окончено за появлением полицейских чиновников.

В настоящее время сочувствие к политическому движению в других западных губерниях проявляется здесь лишь в ношении траура.

Так как вся масса народонаселения губернии православного исповедания не сочувствует таким демонстрациям, то я считал возможным ограничиваться на это время лишь строгим наблюдением за действиями главных виновников демонстраций и моральным влиянием к тому, чтобы манифестации не имели успеха. В настоящее же время, по предписанию г. управляющего Министерством внутренних дел, 12 сентября открыт в гор. Могилеве полицейский суд³, но случаев призыва к сему суду до сего числа не было.

О чем долгом считаю уведомить в. с. впоследствии отзыва вашего от 5 сентября № 242⁴, покорнейше прося не оставить уведомлять меня о ходе политического движения во вверенной вам губернии⁵.

Гражданский губернатор Беклемишев

ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405, лл. 94, 96. Подлинник

¹ См. док. 319.

² Вице-офицер — духовное лицо, один из членов состоявших при архиепископе и епископах римско-католических консисторий.

³ По положению Комитета министров, утвержденному 5 августа 1861 г., в западных губерниях по усмотрению губернаторов создавались полицейские суды для борьбы с политическим движением (манифестации, публичное пение гимнов, денежные сборы и т. п.), которые состояли из трех членов: уездного судьи, одного из заседателей уездного суда и члена-комиссара по назначению правительства.

⁴ В отношении Э. Ф. Келлера А. П. Беклемишеву от 5 сентября сообщалось о политическом положении в Минской губ.: распространении революционных сочинений, служении панихид по убитым в Варшаве, ношении траура, пении польских патриотических гимнов и т. п. (ГАМО, д. 295, оп. 1, д. 1405, лл. 86—87).

⁵ Как видно из донесения начальника четвертого округа корпуса жандармов А. М. Гильдебранта В. А. Долгорукову от 25 июля 1862 г., в политических манифестациях принимали участие, кроме помещиков, духовенства, студентов и гимназистов, и мелкие чиновники (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 303, ч. 1, лл. 424—429).

322

1861 г. сентября 22.—Письмо могилевского католического епископа Становского А. П. Беклемишеву о положении католической церкви в губернии и отношении католического духовенства к политическим манифестациям

Секретно

Ваше превосходительство, милостивый государь!

В отзыве от 1 текущего сентября за № 2156¹ в. п., сообщая мне разные подробности относительно происшедшего в истекшем августе месяце в смолянском римско-католическом костеле пении польского гимна, изволили выразить убеждение ваше, что как все нынешние демонстрации проявляются в формах гимнов, процессий, панихид и т. п., т. е. все они в том или другом виде прикрываются обрядами религии, то прежде всего и ближе всего должны быть известны местному духовенству, которое имеет возможность прекращать их в самом начале, и что в случае их повторения духовные лица могут быть призваны первые к ответственности.

Прочитав со вниманием настоящее отношение в. п., я усматриваю из обстоятельств, в нем изложенных, что в описываемом вами пении гимна в смолянском костеле духовенство не только никакого участия не принимало, но местные декан и администратор костела в проповедях, по этому случаю произнесенных, порицали пение и впоследствии получили за то личные оскорбления. Следовательно, обстоятельства, в означенном костеле случившиеся, как вы сами изволите признавать, не могут давать повод к обвинению духовенства. Относительно же прочих вами исчисляемых демонстраций, т. е. панихид и процессий, я должен отозваться: о первых,—что по правилам церкви духовные лица обязаны отправлять заупокойное служение, не требуя, чтобы им было объявляемо, кто именно те лица, за которых оно совершается; а о вторых, т. е. о процессиях,—как в здешней губернии ни в прежнее, ни в настоящее время никаких процессий, кроме установленных церковью, никогда не было, то я нахожусь в затруднении объяснить, к чему именно направлены следующие в отношении вашем выражения: «Если бы священник отказывался сопровождать процессию или не дал бы нужных для того церковных принадлежностей, то толпа сама почувствовала бы странность своего положения» и пр., и потому выражения эти, как не относящиеся к здешнему духовенству, я должен оставить без ответа.

Но если, как я имел честь объяснить, во всех так называемых демонстрациях или манифестациях духовные лица ни участия, ни со-

действия с своей стороны не оказывали; если при том они не имеют никаких согласных с своими обязанностями средств для прекращения или предупреждения этих явлений; и, наконец, если при повторившемся в последнее время по некоторым костелам пении гимнов духовенство, как видно из объявления, вами сделанного, также в нем не участвовало, то нет никакого справедливого основания предполагать, чтобы в приведенных случаях или явлениях духовные лица должны были первые быть призваны к ответственности, в. п. указываемой. Ежели же всевышний допустил, что они подвергнутся безвинным наказаниям, то, конечно, смиренно подчинятся святой его воле.

В вышеозначенном отношении, в. п., изволите упоминать о проповедях и других средствах морального влияния на прихожан. На это я считаю долгом отозваться, что проповеди, как из отношения вашего видно, оказались уже на деле безуспешными. Что же касается морального влияния, то, не говоря о том, что в настоящую минуту, когда во всей Европе идеи политические получают перевес над религиозными, влияние духовенства всех исповеданий уменьшилось, я должен сказать, что в здешнем крае римско-католическое духовенство вследствие разных принятых правительством мер давно уже отказалось от влияния, которым оно в прежнее время могло пользоваться. 30 лет тому назад, когда в большей части городов и во многих местечках здешнего края духовенство содержало средние и низшие учебные заведения, в которых, а также весьма часто и в высших учебных заведениях, преподавателями наук были духовные лица, прихожане почти с младенческого возраста привыкали к моральному своим пастырей влиянию, которому, между прочим, содействовало как значительное число лиц, духовным саном облеченных, так и средства, в их распоряжении находившиеся. События же того времени свидетельствуют, что влияния своего духовенство не употребляло во зло. Но в настоящее время, когда всякое, даже элементарное, воспитание юношества для католического духовенства по недоверию к нему правительства недоступно, а прихожане наши с самого детства воспитываются в правительственных учебных заведениях, когда число наших духовных противу прежнего до такой степени уменьшилось, что они не в состоянии исполнять своевременно прямые свои обязанности, а по обширности приходов лишены возможности сообщения с своими прихожанами; когда материальные способы, которыми они располагают, не всегда обеспечивают первейшие их нужды; когда вся заботливость их поглощается изысканием средств к поддержанию разрушающихся храмов божиих и строений для собственного помещения; моральное влияние, которого при нынешних обстоятельствах в. п. изволите требовать от католического духовенства, едва ли могло бы быть восстановлено. Да и может ли духовенство наше помышлять о влиянии, находясь под постоянным недоверчивым наблюдением не только светских властей, но и православных духовных, по засвидетельствованию коих, каждое священнодействие, всякая проповедь или речь и почти каждое слово, произнесенное лицами нашего духовенства, могут подвергаться порицанию потому только, что эти действия и речи будто бы вредны для православия.

Я не стану исчислять всех случаев, в коих здешние католические духовные лишались своих мест и подвергались другим взысканиям

единственно по обвинению во вредности для православия; но я считаю долгом сказать, что эти неопределенные обвинения и тягостные последствия их поставили католическое духовенство Белоруссии в положение, столь зависимое и затруднительное, что только отказываясь от всякого влияния на общество, оно могло найти сколько-нибудь спокойствия для исполнения своих обязанностей в отношении бога и в отношении христиан, пастве их вверенных.

С другой стороны, не менее затруднений в делах веры встречаются и прихожане-католики здешнего края. Многие из них, по случаю уменьшения числа католических церквей, живя в местах, отдаленных от костелов, не имеют возможности посещать храмы божии и исполнять религиозные свои обязанности. Хотя же во многих местностях и преимущественно в помещичьих усадьбах устраивались с давних времен домашние каплицы, дававшие возможность пользоваться богослужением не только местным владельцам, но также окрестным прихожанам и всем тем, которые по болезни или по другим причинам не в состоянии посещать отдаленные костелы, но в последнее время против этих каплиц направлены особая недоверчивость и недоброжелательство православного духовенства. Сделав однажды предположение, что каплицы эти вредны для православия, потому что в них, кроме католиков, будто бы слушают богослужение и православные дворовые люди, оно постоянно восстает против каплиц и не только ставит непреодолимые препятствия при всяком желании устройства новых каплиц, но нередко требует закрытия существующих. Подобные требования православного духовенства поддерживаются и гражданскими властями, чему доказательством служит сделанное в прошедшем августе месяце могилевским губернским правлением по требованию православного духовенства распоряжение о запечатании существующей с давних времен в Быховском у. евстажинской каплицы. Такие действия не требуют объяснений, самые факты свидетельствуют об их несправедливости. Католические духовные, отправляя в домашних каплицах богослужение в тишине, без обычного благолепия, не помышляли и не помышляют о прозелитизме^а, и нет ни одного примера, который бы доказывал противное. Несмотря на то, православное духовенство каждому нашему служению не только в костелах, но и в домашних каплицах, придает значение опасности или вредности для православия, тогда как мы, с нашей стороны, не имея к нему недоверия, никогда не признавали и не признаем, чтобы православное богослужение, совершаемое торжественно во всех церквях здешнего края, было для нашей церкви опасным или вредным.

Пределы настоящей бумаги не позволяют мне исчислить все щекотливые столкновения, которые возникают от предоставленного духовенству господствующей веры права надзора или вмешательства во все дела нашей церкви, но я не могу не упомянуть, что вследствие всех этих столкновений и ограничений католики здешнего края в нынешнее время далеко не пользуются той свободой вероисповедания, которая установлена законом и которой пользовались в первой четверти нынешнего столетия; т. е. в то время, когда мною оставлен этот

^а Прозелитизм — стремление обратить в свою веру, зачербовать новых приверженцев.

край. Я убедился в этом, сделав в настоящем году, после сорокалетнего постоянного пребывания моего в С.-Петербурге, обзор многих костелов и приходов здешней губернии, и считаю долгом совести не умолчать об этом пред правительством, тем более что положение религиозных дел может иметь некоторую связь с обстоятельствами, составляющими предмет настоящей переписки. В этом отношении я нахожу нужным присовокупить, что до сих пор большинство здешних католиков устранилось от всякого рода так называемых манифестаций и демонстраций, против существующего правительственного порядка направленных, но имея постоянно в виду стесненное положение своей религии и духовенства, видя лучшие храмы свои в распоряжении православных духовных или в развалинах, они не могут не чувствовать глубокой скорби, которая, невольно отвлекая мысли их к прошедшему, может при нынешних обстоятельствах давать повод к тем случайным явлениям, о которых вы изволите упоминать в вашем отношении.

В настоящем моем ответе кроме обстоятельств, возбудивших эту переписку, я изложил некоторые замечания мои о положении римско-католической церкви в здешнем крае в том убеждении, что в. п. не оставите принять их в благосклонное внимание и довести до сведения высшего начальства².

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном почтении, с которым имею честь быть в. п. покорнейшим слугою

Иосиф Максимилиан Становский,
епископ-суфраган^a могилевский

ЦГИА СССР, ф. 826, оп. 1, 1861 г., д. 621, лл. 34—38 об. Подлинник

¹ В упомянутом отзыве А. П. Беклемишев доводил до сведения епископа об исполнении 6—8 августа в смолянском костеле Копыцкого у. запрещенного гимна и предлагал указать католическому духовенству на необходимость прекращения политических манифестаций в костелах (см. там же, лл. 4—33).

² О реакционной роли высшего католического духовенства, которое само не принимало участия в манифестациях и призывало к этому народ и низшее духовенство, свидетельствуют и другие документы. Так, отношением от 20 ноября 1859 г. могилевский архиепископ Жилинский уведомил виленского ген.-губернатора В. И. Назимова о том, что он предписал епископу Волончевскому строго внушать подведомственному духовенству «уговаривать помещичьих крестьян к безусловному повиновению своим господам» (ЦГИА Лит. СССР, ф. 378, ПО, 1859 г., д. 36, л. 42). В послании от 18 января 1861 г. Жилинский обратился к духовенству с призывом внушить народу «покорность властям, повиновение законам, верность государю императору» (там же, д. 38, л. 42). Низшее духовенство в ряде мест принимало участие в манифестациях отправлением панихид и т. п.

323

1861 г. октября 10.—Донесение Соколова В. А. Долгорукову о политических манифестациях в Могилеве

Между воспитанниками могилевской гимназии брожение умов заметно стихает, пение гимнов во время перемен в классах вследствие благоразумных без строгости мер директора гимназии более недели

^a *Sufragan* (польск.) — епископ номинальной епархии, назначенный в помощь епископу существующей епархии.

[назад] прекратилось. В костелах же пение гимнов народом продолжается; против участвующих в пении лиц при призыве их в полицейский суд с трудом находят свидетелей, а в опровержение их показаний охотно принимают на себя свидетельство многие лица в пользу обвиняемых, чрез что полицейский суд не достигает своей цели.

Все польские дамы, с весьма малым исключением, носят траурный костюм.

О чем долгом считаю довести до сведения в. с. ¹

Полковник Соколов 7-й

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 7, л. 7. Подлинник

¹ О продолжении политических манифестаций Соколов сообщил В. А. Долгорукову донесением от 18 октября 1861 г. (там же, л. 8 и об.).

324

1861 г. октября 19. Вильно.— Донесение А. М. Гильдебранта
П. А. Шувалову о революционных настроениях студентов
Горыгорецкого земледельческого института

Секретно

На основании высочайшего повеления, объявленного в отзыве б. г-на управляющего III отделением от 22 июня 1849 г. за № 1366, могилевский жандармский штаб-офицер ездит ежегодно в м. Горы-Горки для наблюдения за образом мыслей преподавателей и воспитанников Горыгорецкого земледельческого института ¹.

Возвратясь оттуда 7 числа сего месяца, полковник Соколов 7-й доносит мне, что между студентами, особенно поляками, обнаруживается заметно в последнее время дурное направление духа: оно развито несколькими лицами из них же, успевшими приобрести влияние на товарищей; действия их известны директору, он следит за ними, но воспитанники эти так осторожно поступают, что при всем желании удалить их, как вредных, нельзя найти к тому достаточного повода. В последнее время студент Ульяновский разъезжал в виде эmissара по местечкам и принимал участие в пении известных гимнов и революционных польских песен, подстрекая к этому и других. Воспользовавшись этим случаем, директор института по постановлению совета исключил Ульяновского за самовольные отлучки, вследствие чего более 50 студентов явились к нему с объявлением, что если Ульяновский будет исключен, то они оставят институт, на что д. с. с. Траутфеттер отвечал, что не удерживает их, предоставляя каждому полную свободу; однако ж никто из них не оставил института.

К сему полковник Соколов присовокупляет, что при настоящем настроении духа директор остерегается принимать сильные меры против студентов, развивающих вредное направление, чтобы не вызвать институт на какие-либо демонстрации, но старается изыскать случаи к удалению их под другими предлогами.

О чем в. с. имею честь донести.

Ген.-майор Гильдебрант

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 369, лл. 3—4. Подлинник

¹ Горыгорецкий земледельческий институт был учрежден 7 июня 1848 г. для подготовки специалистов по сельскому хозяйству. Количество учащихся в нем к 1863 г. возросло за счет разночинной молодежи и составляло 476 человек. Социальный состав изменился в сторону большей демократизации: из 217 учащихся 116 (52%) составляли разночинцы и крестьяне. По национальному составу до 30% учащихся составляли поляки.

Под влиянием революционной ситуации в России и национально-освободительной борьбы в Польше формировались взгляды и настроения студентов. Революционные идеи Чернышевского, Герцена, Добролюбова и других русских революционных демократов проникали в среду студентов, устанавливалась связь студентов института с политической борьбой в Польше. В знак солидарности с политическим движением в Польше студенты принимали участие в политических манифестациях.

325

1861 г. октября 31.—Справка III отделения об адресе на имя Александра II, подписанном дворянами Рогачевского у.

Могилевский гражданский губернатор получил сведение, что предводитель дворянства Рогачевского у. подполковник Богуш везет в Могилев политический адрес преступного содержания.

По удостоверении в справедливости сего сведения, сделан был у сего помещика обыск и при этом у него найден акт, составленный 10 сего месяца прибывшими в уездное собрание для дворянских выборов дворянами Рогачевского у.¹

Актом этим, подписанным предводителем Богушем и 50 тамошними дворянами, постановлено на основании 112-й ст. IX т. Свода законов * повергнуть чрез губернского предводителя дворянства на высочайшее е. и. в. усмотрение всеподданнейшую просьбу:

1) о возвращении дворянам Рогачевского у. прав и преимуществ, которыми они издревле пользовались при королях польских и сохранение которых торжественно обещано трактатами императрицы Екатерины II; 2) о возобновлении употребления польского языка в Могилевской губ. как в училищах, так и в делопроизводстве; 3) о возвращении публичного и гласного судопроизводства; 4) о присоединении Рогачевского у. вместе со всей губернией к литовским губерниям, с которыми Могилевская губ. была искони соединена; 5) о присоединении учебных заведений сей губернии к Виленскому учебному округу²; 6) об открытии на прежнем основании Виленского университета³ и 7) о предоставлении полной свободы всем христианским вероисповеданиям, дозволив им строить храмы, где и как пожелают; при смешанных же браках предоставить родителям крестить и воспитывать детей в той вере, в какой пожелают.

Представляя, что желания дворянства Рогачевского у. основаны единственно на прежних правах и преимуществах Белорусского края, и ссылаясь на то, что права эти подтверждены трактатом 1773 г., коим Екатерина II за себя и своих преемников торжественно обещала

* В статье сей сказано: «Дворянство в собрании может делать совещание о своих нуждах и пользах, представлять об оных чрез губернского предводителя начальнику губернии и Министерству внутренних дел; а в случаях важных приносить и всеподданнейше прошения императорскому величеству».

сохранить в новоприобретенных провинциях польский язык, не изменять прав и постановлений народных для общего блага Белоруссии, предоставить всем католикам и униатам согласно законам веротерпимости свободу вероисповедания, обеспечить на вечные времена охранение всех привилегий, обрядов, церквей, личного состояния и звания каждого гражданина; ссылаясь также на объявление императора Александра I на Венском конгрессе, что он все области, присоединенные от Польши, соединит в одно и введет в них народное представительное правление; представляя, наконец, что дарование царствующим государем императором прав крестьянам возродило и в дворянстве надежду на получение прав, которыми оно некогда пользовалось, дворянство Рогачевского у., повергая свои просьбы престолу, выражает полное упование, что е. и. в. не отвергнет оных и возвратит ему прежние права и преимущества; для дарования же свободы личной и гражданской всем сословиям в государстве соизволит допустить собрание выборных депутатов.

Предводитель Богуш, задержанный, по распоряжению начальника губернии, близ Могилева, куда он ехал для представления губернскому предводителю дворянства как сего акта, так и других постановлений, состоявшихся на уездном собрании, доставлен арестованным в III отделение с. е. и. в. канцелярии⁴.

На допросе, сделанном ему здесь, он дал следующие показания: Воспитывался он во 2-м кадетском корпусе, в 1832 г. произведен в прапорщики артиллерии, в которой состоял на службе до 1850 г., уволен по болезни в отставку с мундиром и пенсионом одной трети жалования; отроду имеет 49 лет; женат, имеет четверо детей, которые воспитываются в Могилеве.

В исправление должности предводителя вступил он недавно за смертью предводителя Случаковского, быв кандидатом на сию должность и, по нахождению в оной несколько лишь месяцев не зная, как отставной военный офицер, всех постановлений относительно действий уездных собраний, он предложил самим дворянам заняться составлением записок по тем предметам, о которых желают просить правительство при предстоящих губернских выборах.

Составленные ими постановления он прочитал; в числе прочих и вышеизложенное, с которым хотя и не был согласен, но не считая себя вправе спорить с дворянами и прекословить им и для избежания неприятных столкновений решился, по своей неопытности, принять и подписать оное, имея при этом в виду, что по представлении сего акта губернскому предводителю кн. Любомирскому, гораздо более опытному его, все несообразное с постановлениями о выборах будет исключено из оного; для представления сего акта губернскому представителю он и отправился в Могилев.

Кем составлен акт и кто предложил оный собранию, он не знает, так как акт этот оказался в числе прочих бумаг, положенных на столе в то время, когда он с дворянами находился в других комнатах.

Желание представить этот акт выражалось вообще всеми, но особенного настояния в том ни в ком из дворян не заметил и руководитель в этом деле ему неизвестен; до того же времени, как он увидел сей акт между другими бумагами на столе собрания, он о нем не слыхал.

Ему неизвестно также, где составлен акт и кем переписан, но полагает, что переписчик может быть известен письмоводителю канцелярии предводителя, в которой переписывались некоторые акты.

В бумагах Богуша оказались также: 1) список членов благотворительного общества призрения бедных девочек, с подпиской в пользу сего общества и 2) бумаги, относящиеся к учреждаемому в Могилевской губ. земледельческому обществу.

На вопрос о сем он объяснил, что помещица Цехановецкая, желая учредить магазин рукоделия для помещения в оном круглых сирот, прислала к нему книгу для приглашения дворян к пожертвованию в пользу сего заведения, и некоторые из дворян записали в эту книгу жертвуемые ими деньги; проект же земледельческого общества, учрежденного при участии Горыгорецкого института, прислан к нему для предложения земледельцам Рогачевского у. присоединиться к этому обществу могилевским уездным предводителем дворянства, избранным в число директоров общества.

Подполковник Богуш, сколько можно заметить, человек весьма скромный и совершенно чуждый настоящих действий поляков и вообще дел политических; с другой стороны, имея весьма ограниченное состояние, не имея родственных связей, не отличаясь светским образованием и не разделяя, по-видимому, современного образа мыслей и стремлений поляков, он, как и сам сознается, не имеет влияния на тамошних дворян; притом же воспитанный в кадетском корпусе, прослужив долгое время в военной службе, о которой вспоминает с особенной признательностью, выражая сожаление, что вынужден был по нездоровью и семейному положению оставить ее, он более русский, чем поляк, доказательством чему служит частью и то, что он носит постоянно мундир, с которым уволен из военной службы; по всему этому нельзя не убедиться, что он в составлении вышеизложенного акта участия не принимал и согласился принять и подписать оный только из опасения подвергнуться неприятностям со стороны дворян, а еще более, чтобы не возбудить их против его семейства, если бы он отказался исполнить требование дворянства.

Принимая все это в соображение, я полагал бы возможным ограничиться увольнением его от должности предводителя дворянства, сообщив о сем для надлежащих распоряжений управляющему Министерством внутренних дел, и ныне же отправить его, Богуша, в принадлежащее ему имение под присмотром офицера корпуса жандармов, с тем чтобы он находился в означенном имении на жительстве безвыездно.

Для обнаружения же, кем составлен помянутый акт, предоставить статс-секретарю Валуеву, по предварительном всеподданнейшем докладе е. в., сделать распоряжение к производству о нем надлежащего следствия, причем передать на усмотрение е. п. вышеказанные бумаги относительно обществ, благотворительного и земледельческого, которые, как выше сказано, предполагается учредить в Могилевской губ.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 394, лл. 23—28 об. Подлинник

¹ О проведении обыска у рогачевского уездного предводителя дворянства Богуша и обнаружении адреса на имя Александра II, подписанного дворянами этого уезда, см. рапорт Соколова В. А. Долгорукову от 24 декабря 1861 г. (там же, лл. 10—11), а так-

же отношение могилевского вице-губернатора М. А. Буцковского минскому губернатору Э. Ф. Келлеру от 2 ноября 1861 г. (ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 1405, лл. 140—141).

² Виленский учебный округ был образован в 1802 г. в составе губерний: Виленской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Волынской и Подольской. С 1824 г. Витебская и Могилевская губ. находились в ведении Петербургского учебного округа, а с учреждением в 1829 г. Белорусского учебного округа были присоединены к последнему. После подавления восстания 1830—1831 гг. Виленский учебный округ был ликвидирован, а его учебные заведения перешли в ведение Белорусского учебного округа.

Восстановлен округ был в 1850 г., причем Витебская и Могилевская губ. были вновь переданы в ведение Петербургского учебного округа. В 1864 г. эти губернии были включены в Виленский учебный округ.

³ Виленский университет был образован на базе Виленской академии и по уставу 18 мая 1803 г. играл роль не только научного и высшего учебного заведения, но и административного учреждения, что выражалось в контроле за преподаванием и назначением преподавателей. В связи с участием большинства студентов и преподавателей университета в восстании 1830—1831 гг. Виленский университет 1 мая 1832 г. был закрыт.

⁴ Об аресте Богуша и отправлении его в Петербург см. также телеграмму Соколова В. А. Долгорукову от 24 октября 1861 г. (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 394, л. 5).

326

1862 г. января 24.—Доклад III отделения Александру II о помещике Рогачевского у. Оскерко и отставном рядовом Васюке в связи с обнаружением в им. Оскерко запасов оружия

Начальник Могилевской губ., донося на основании полученных им сведений (шифрованными депешами от 21 сего января) ¹ министру внутренних дел, что у рогачевского помещика Оскерки находится запас ружей около 300 штук и что выделкой их занимается состоящий под надзором полиции отставной рядовой Васюк, спрашивал разрешения о производстве у означенных лиц обыска.

Получив об этом уведомление, я сообщил статс-секретарю Валуеву следующие имеющиеся в III отделении собственной в. и. в. канцелярии сведения о упомянутых лицах.

1. В сентябре месяце прошедшего года задержано было в почтамте письмо (из Киева в Рогачев на имя Оскерки) по той причине, что в письме этом оказалось возмутительное воззвание ².

Спрошенный вследствие сего об Оскерке могилевский жандармский штаб-офицер донес, что Оскерко, помещик Рогачевского у., больной и совершенно почти слеп; проживает в 20 верстах от гор. Рогачева в своем имении, в котором около 500 душ; что по болезненному своему положению он никуда не выезжает и в демонстрациях сам не участвует, но жена и дочери его были замечены 10 октября в пении гимна в тамошнем костеле.

2. Уроженец Виленской губ. Васюк за знание о предполагавшемся в гор. Вильно бунте и согласие участвовать в оном, по высочайше утвержденной конфирмации 20 июля 1860 г., наказан розгами тремястами ударами и отдан был в военную службу; в 1856 г., по всеподданнейшему докладу военным министром просьбы его сестры и засвидетельствования ген.-адъютанта гр. Перовского об отличном поведении и

образе мыслей Васюка, высочайше повелено уволить Васюка из военной службы с возвращением на родину, но с учреждением за ним секретного надзора впредь до совершенного удостоверения в его благонадежности.

По ведомости о лицах, состоящих под надзором полиции в Могилевской губ. за 1861 г., отставной рядовой Васюк, по ремеслу слесарь, аттестуется поведения хорошего.

Всеподданнейше донося о сем в. и. в., обязываюсь представить, что министр внутренних дел в ответе на помянутые депеши сообщил начальнику Могилевской губ., чтобы обыск у Оскерки и Васюка, если обстоятельства того потребуют, был произведен³.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 392, лл. 15—16 об. Копия

¹ В зашифрованной депеше от 21 января 1862 г. А. П. Беклемишев сообщил П. А. Валуеву об обнаружении у помещика Рогачевского у. Оскерко запаса ружей в количестве 300 штук, изготовленных запасным рядовым Васюком (там же, л. 11).

² Имеется в виду воззвание «К братьям полякам, русинам и литовцам» (см. док. 38).

³ Рапортом от 24 января 1862 г. и. д. могилевского жандармского штаб-офицера капитан Вечеслов донес В. А. Долгорукову о произведении обыска у помещика Оскерки, в результате которого было обнаружено 50 ружей (ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1, эксп. 1861 г., д. 392, л. 17 и об.). См. док. 38.

327

1862 г. августа 27.—Телеграмма А. П. Беклемишева
П. А. Валуеву о готовящейся в Могилеве тайной панихиде
по казненным в Варшаве

Завтра во всех костелах предполагаются панихиды по повешенным в Варшаве¹. Приехало много студентов. Я полагаю предварить, если напрасно², то нужно будет принять строгие меры, выслать главных виновных. Тайная панихида была уже в субботу, в ней участвовала Жуковская³, возвратившаяся из-за границы.

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1862 г., д. 423, л. 3. Заверенная копия

¹ Имеются в виду участники покушений на в. кн. Константина и Александра Велепольского (июль—август 1862 г.) ремесленник Людвик Ярошинский и рабочие—печатники Людвик Рыль и Ян Жоньца. По приговору военного суда они были повешены в Варшаве 9(21) и 14(26) августа 1862 г.

² Жуковская—жена могилевского уездного предводителя дворянства, принимавшая деятельное участие в манифестациях.

328

1862 г. октября 19. Вильно.—Донесение А. М. Гильдебранта
А. Л. Потапову о сочувственном отношении к польскому национальному движению студентов Горыгорецкого земледельческого института и усилении надзора за ними

Могилевский жандармский штаб-офицер в бытность свою в настоящем году в Горы-Горках собрал о тамошнем институте и представил мне от 8 октября за № 271 следующие сведения.

² Так в тексте.

Директор Горыгорецкого земледельческого института д. с. с. Траутфеттер пользуется полным уважением как всех служащих при институте, так и студентов; последние в своих нуждах обращались прямо к нему и всегда получали от него помощь и советы. В последнее время отношения эти несколько изменились, и он стал менее снисходителен, но благоразумные студенты сознают, что это произошло через предосудительные поступки некоторых из их среды, заставивших его обратиться к мерам строгости.

Студенты разделяются на 3 партии: русскую, немецкую и польскую; первые две довольно дружны между собой, но польская партия, в которой до 60 человек, в настоящее время совершенно отделилась: постоянно собирается в своем только кружке, имеет сношения с поляками-помещиками, и даже некоторые из них ведут переписку с краковскими студентами; при сборищах своих поют известные польские гимны и, видимо, восстановлены против русского правительства.

Присмотр институтского начальства за поведением студентов вне института недостаточен, и хотя Горы-Горки из местечка преобразованы ныне в уездный город, где находится городничий и городская полиция, но полицейские средства уездного города так слабы, что вмешательство городничего не всегда может остановить шалости молодежи, и потому иное он оставляет как будто незамеченным; впрочем, шалости студентов русских и немцев ограничиваются весьма обыкновенными, но действия поляков требуют в настоящее время более надзора, в особенности нужно бы обращать внимание на живущих в гор. Горы-Горках так называемых футурусов; это большей частью поляки, приезжающие туда для поступления в институт, которые между тем живут праздно без всяких занятий; у них более и бывают сборища студентов-поляков, на которых они имеют сильное влияние, не быв, как частные лица, подчинены надзору институтского начальства; и как городничий — католик, то можно допустить даже некоторое послабление в этом случае с его стороны.

О чем в. п. имею честь донести.

Ген.-майор Гильдебрант

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 экз., 1861 г., д. 369, лл. 12—13. Подлинник

329

1862 г. декабря 22.—Донесение А. П. Беклемишева
П. А. Валуеву о волнениях крестьян им. Соржицы Сеннен-
ского у. при введении уставной грамоты

Из донесений моих в. вп. известно, что в Соржицком имении помещика Глушановского Сенненского у. в последнее время обнаружилось неповиновение крестьян. Хотя командирование военной команды водворило, казалось, там спокойствие, но вскоре по выходе ее оказалось, что покорность крестьян была только временной, вызвана моральным влиянием военной команды, и беспорядок затем возобновился: крестьяне стали вновь уклоняться от исполнения повинностей и проти-

виться введению уставных грамот. Вследствие поданной по этому делу помещиком Глушановским записки в губернское присутствие, оно нашло необходимым командировать особого чиновника для более серьезных распоряжений к окончательному водворению порядка в имении. Я пригласил поэтому съехать в им. Соржицы г. вице-губернатора с капитаном корпуса жандармов Вечесловым. Ныне д. с. с. Буцковский уведомил меня, что меры кротости не имеют влияния на соржичских крестьян, что они решительно отказываются от принятия уставных грамот, отказались выслать по требованию г. Буцковского поверенных от общества для разъяснения им правил Положения из одного опасения, что им будут говорить про грамоты, отняли у старост штемпеля, чтобы на случай они не приложили их к грамотам, становой приставу, пытавшемуся собрать крестьян, наделали дерзости, забили в кандалы одного из крестьян, изъявившего желание принять грамоту, и объявили, что они [ждут] от царя милости через посланного в Петербург просителя (Филиппа Матвеева), который еще не возвратился,—предписание в. вп. 12 декабря № 10703,—и что у них есть своя грамота, как оказалось — копия проповеди архимандрита Александро-Невской лавры¹.

Д. с. с. Буцковский просил поэтому моего распоряжения о высылке в Соржицы двух рот гарнизонного батальона. Принимая во внимание, что беспорядки в Соржицком им., по значительности его, имеют влияние на соседние имения, что в имении этом не раз и в прежние годы была военная команда и что поэтому без нее нельзя надеяться на водворение прочного порядка, я просил по телеграфу г. начальника Витебской губ. сделать распоряжение о командировании в Соржицы двух рот Витебского гарнизонного батальона (Витебск от Соржицы 40 верст, а Могилев — до 175), командиру же Могилевского батальона внутренней стражи предложил командировать туда одну роту, которая по прибытии сменит витебских и, во всяком случае, должна будет остаться на некоторое время на квартирах в Соржицах.

О последнем буду иметь честь донести в. вп.²

Гражданский губернатор Беклемишев

ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 52, 1862 г., д. 72, лл. 20—21. Подлинник

Опубл.: «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», Минск, 1959, стр. 428—429.

¹ Возможно, имеется в виду «Слово к временнообязанным крестьянам», опубликованное впервые в «Киевских епархиальных ведомостях». Оно со ссылкой на соответствующие заповеди доказывало крестьянам необходимость покориться помещику. Играя на религиозных чувствах крестьян, «Слово» призывало крестьян не сопротивляться введению уставных грамот.

² О волнениях крестьян им. Соржицы при введении уставной грамоты и мерах их подавления см. также донесения А. П. Беклемишева П. А. Валуеву от 20 октября 1862 г. и 24 января 1863 г. и рапорт и. д. могилевского жандармского штаб-офицера капитана Вечеслова В. А. Долгорукову от 1 ноября 1862 г. (сб. «Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)», стр. 426—431).

О волнениях крестьян при введении уставных грамот и подавлении их сопротивления в Гомельском, Могилевском и Сенненском у. см. там же, стр. 413—437.

1863 г. января 10.—Донесение Соколова В. А. Долгорукову
о денежных сборах среди польского населения Могилева

Секретно

В гор. Могилеве во время рождественских праздников несколько замаскированных мужчин и женщин приезжали в дома польских семейств и настоятельно требовали с каждого семейства по 3 руб. сер., имея при себе на этот предмет кружку с надписью по-польски: «Для известной цели». Есть слух, хотя не совершенно верный, что этот сбор устроен был женой могилевского уездного предводителя дворянства госпожой Жуковской, и как велик был сбор,—неизвестно.

Долгом считаю довести о сем до сведения в. с.

Полковник Соколов 7-й

ЦГАОР СССР, ф. 109-и, 1 эксп., 1861 г., д. 303, ч. 7, л. 11. Подлинник

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

1859

№ документа

- «Сентябрь.— Из статьи Н. А. Добролюбова «Народное дело — распространение обществ трезвости» 1

1860

- Январь.— Послание виленского епископа А. Красинского духовенству епархии с призывом содействовать «прощению» крестьянами обид, причиненных им помещиками 69
- «Сентябрь 22.— Показание К. Вишневецкого в Виленской следственной комиссии о кружке В. Витковского 70
- «Сентября 24.— Протокол допроса В. Витковского в Виленской следственной комиссии 71
- «Октября 1.— Донесение виленского губернского жандармского штаб-офицера С. О. Адамовича шефу жандармов В. А. Долгорукову о кружке В. Витковского 72
- «Октября 18.— Письмо «Русского» редактору газеты «Виленский курьер» А. Киркору, разоблачающее сущность политики царского правительства в Польше, Литве и Белоруссии 2
- «Декабря 19.— Отношение В. А. Долгорукова виленскому ген.-губернатору В. И. Назимову о кружке В. Витковского 73

1861

- «Января 20.— Отношение В. А. Долгорукова В. И. Назимову о массовом приобретении крестьянами Ковенской губ. оружия за границей 137
- «Февраля 25.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову по поводу доноса К. Косцинского (Э. Антушевича) о революционных замыслах поляков — студентов Петербургского и Московского университетов 3
- «Февраля 25.— Показание К. Косцинского (Э. Антушевича) 4
- «Марта 1.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о сочувствии населения Минской и Волынской губ. манифестациям в Варшаве 265
- «Марта 3.— Донесение гродненского жандармского штаб-офицера Е. А. Прасолова В. А. Долгорукову о распространении сведений о манифестациях в Варшаве и их влиянии на политическую жизнь губернии 204
- «Марта 5.— Донесение С. О. Адамовича В. А. Долгорукову о панихиде 2 марта в костеле св. Яна в Вильне в память погибших участников мирной демонстрации в Варшаве 74

- Марта 11.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о панихидах в Бресте, Белостоке и Гродно по убитым в Варшаве 15(27) февраля 1861 г. 205
- Марта 13.— Донесение ковенского губернского жандармского штаб-офицера И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову о панихиде в Ковно по убитым в Варшаве 15(27) февраля и о неблагонадежности предводителя дворянства Л. Жилинского 138
- Марта 16.— Рапорт ковенского губернатора С. Ф. Хоминского В. И. Назимову об отказе выполнять повинности и сопротивлении властям крестьян им. Одахово Россиенского у. 139
- Марта 20.— Донесение виленского губернатора М. Н. Похвиснева В. И. Назимову о волнении крестьян в им. Шеметово (Шементовщина) Свенцянского у. после обнародования манифеста 19 февраля 75
- Марта 22.— Донесение С. Ф. Хоминского о результатах расследования дела об отказе крестьян им. Лабгиры Россиенского у. подчиняться властям 140
- Марта 22.— Уведомление управляющего Ковенской палаты государственных имуществ В. Беличева С. Ф. Хоминскому о волнении крестьян состоящего в аренде казенного им. Замок Россиенского у. 141
- Марта 23.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о панихидах и денежных сборах в Гродненской и Ковенской губ. в связи с расстрелом демонстрации в Варшаве 5
- Марта 24.— Донесение С. Ф. Хоминского В. И. Назимову об отказе крестьян им. Гуры Новоалександровского у. исполнять инвентарные повинности 142
- Марта 24.— Донесение М. Н. Похвиснева В. И. Назимову о крестьянских волнениях в Виленском у. 76
- Марта 26.— Акт чиновника для особых поручений при виленском ген.-губернаторе А. Д. Михнева о волнении крестьян в им. Шеметово и других имениях Свенцянского у. 77
- Марта 28.— Телеграмма витебского губернатора П. Н. Клушина управляющему Министерством внутренних дел П. А. Валуеву о состоявшейся в Витебске панихиде по убитым в Варшаве и составлении дворянами губернии адреса с выражением сочувствия варшавянам 298
- Марта 30.— Уведомление, присланное в III отделение о мерах, принятых Министерством внутренних дел против проявлений солидарности с борющимися польским народом в России, Литве, Белоруссии и на Украине 6
- Марта 31.— Донесение могилевского жандармского штаб-офицера Соколова В. А. Долгорукову о состоявшейся в могилевском кафедральном костеле панихиде по убитым в Варшаве 319
- Апреля 3.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову об участии офицеров лейб-уланского Курляндского полка в панихиде по убитым в Варшаве, состоявшейся в гор. Вилкомире 11 марта 1861 г. 143
- Апреля 3.— Донесение свитского генерала А. П. Веймарна Александру II о подавлении волнений крестьян в имениях помещиков Шадурского и Паулина Люцинского у. 299
- Апреля 3.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову об антиправительственном воззвании, полученном из Бобруйска виленским губернским предводителем дворянства А. Домейко 78
- Апреля 5.— Донесение М. Н. Похвиснева В. И. Назимову о подавлении волнений крестьян в имениях Виленского у. с помощью военной силы 79

Апреля 5.— Циркуляр минского губернатора Э. Ф. Келлера земским исправникам о представлении еженедельных сведений о волнениях в Минской и соседних с ней губерниях	266
Апреля 6.— Письмо минского жандармского штаб-офицера Б. К. Рейхарта начальнику штаба корпуса жандармов А. Е. Тимашеву о политическом положении губернии	267
Апреля 9.— Донесение М. Н. Похвиснева В. И. Назимову со сводными данными о крестьянском движении в Виленской губ.	80
Апреля 11.— Рапорт дриссенского земского исправника К. Л. Гласко П. Н. Клушину о подавлении волнений крестьян в им. Бальбиново, Бигосово, Савейки, Юльяново и Георгиеново	300
Апреля 16.— Список крестьян Свенцянского у., намеченных к ссылке за активное участие в крестьянских волнениях	81
Апреля 16.— Рапорт Б. К. Рейхарта А. Е. Тимашеву о панихиде в Мозыре по убитым в Варшаве	263
Апреля 18.— Конфиденциальное письмо начальника IV округа корпуса жандармов А. М. Гильдебранта и. о. начальника штаба корпуса жандармов А. Л. Потапову о событиях в Вильно	7
Апреля 21.— Предписание В. И. Назимова гродненскому губернатору И. А. Шперу об установлении секретного наблюдения за прибывающими в губернию студентами	206.
Апреля 22.— Донесение А. М. Гильдебранта В. А. Долгорукову о панихиде в гор. Вилкомире, аресте поэта В. Сырокомли и мерах властей против участников манифестаций	8
Мая 1.— Телеграмма А. П. Веймарна Александру II о расправе с волнующимися крестьянами в имении гр. Платора в Динабургском у.	301
Мая 4.— Рапорт флигель-адъютанта А. А. Кавелина Александру II о волнениях крестьян в имениях Мозырского у. и о причинах крестьянских волнений в Минской губ.	269
Мая 10.— Донесение С. О. Адамовича В. А. Долгорукову о пении запрещенного гимна 8 мая в виленском кафедральном костеле	82
Мая 14.— Донесение С. О. Адамовича В. А. Долгорукову о демонстрации женщин в связи с арестом участников манифестации 8 мая в Вильно	83
Мая 15.— Донесение М. Н. Похвиснева В. И. Назимову о новом подъеме крестьянских волнений в Дисненском у. и необходимости усиления находящихся в уезде войск	81
Мая 20.— Донесение С. Ф. Хоминского В. И. Назимову о волнении крестьян в им. Милейганы, Нартовты, Юцуны и др. Ковенского у. и командировании в эти имения воинских команд	144
Мая 20 (июня 1).— Отношение русского консула в Мемеле А. Г. Трентовиуса русскому комиссару по пограничным делам с Пруссией Коху	9
Мая 22.— Записка виленского полицмейстера П. С. Васильева В. И. Назимову об активном участии учеников виленской гимназии в пении запрещенного гимна	85
Мая 23.— Донесение С. О. Адамовича В. А. Долгорукову о подавлении сопротивления крестьян им. Игуменово и других имений Дисненского у. с помощью военной силы	86
Мая 29.— Предписание В. И. Назимова М. Н. Похвисневу о немедленной высылке из Вильно студентов за участие в освободительном движении	82

Мая 29.— Письмо тельшевского епископа М. Волончевского к пастве по поводу сопротивления крестьян реформе 19 февраля	145
Мая 31.— Донесение сержанта прусской полиции Альбрехта русскому консулу в Мемеле А. Г. Трентовиусу	10
Июня 2.— Рапорт ковенского земского исправника Н. И. Антипова С. Ф. Хоминскому об отправлении на службу запасных нижних чинов И. Чмелюса и М. Грейчуса, «подстрекавших» к волнениям крестьян им. Парово	146
Июня 2.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о манифестации 8 мая в Вильне	88
Июня 5.— Рапорт И. А. Шпеера Александру II о волнениях крестьян в губернии и подавлении их военной силой	207
Июня 6.— Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову о пении запрещенного гимна в костелах Ковно	147
Июня 7.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о манифестации в связи с похоронами студента Московского университета Баранцевича в Вильне	89
Июня 9.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о необходимости запретить студентам университетов приезжать в отпуск в Литву и Белоруссию	15
Июня 14.— Донесение могилевского губернатора А. П. Беклемишева П. А. Валуеву о волнениях крестьян в губернии и мерах по их подавлению	320
Июня 15.— Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову о манифестациях в Ковно и демонстративном оскорблении учениками гимназии жандармского капитана Крайского	148
Июня 18.— Донесение С. Ф. Хоминского В. И. Назимову о пении запрещенного гимна в костелах м. Крожи Росненского у., м. Хвалойне Шавельского у. и гор. Поневеже	149
Июня 22.— Донесение С. Ф. Хоминского В. И. Назимову об отказе крестьян Ковенского и Новоалександровского у. от выборов сельских и волостных должностных лиц	150
Июня 22.— Рапорт лепельского земского исправника Н. Г. Оболенского П. Н. Клушину о волнениях крестьян в им. Жары Лепельского у. и их подавлении	302
Июня 24.— Донесение пристава 3-го стана Витебского у. Азаркевича витебскому земскому исправнику Гильдебранду об отказе крестьян им. Марцинково от исполнения барщины и подавлении их сопротивления	303
Июня 30.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову со сводными данными по Виленской, Ковенской и Гродненской губ. о пении запрещенного гимна	16
Июля 1.— Донесение ковенского вице-губернатора П. И. Корецкого В. И. Назимову о сопротивлении властям крестьян им. Лидзюны и Нелюбишки Новоалександровского у.	151
Июля 1.— Донесение в. и. д. виленского губернского жандармского штаб-офицера Н. Я. Складенко В. А. Долгорукову о распространении учеником виленской гимназии А. Норейкой текста запрещенного гимна среди крестьян в окрестностях Вильно	90
Июля 2.— Предписание П. С. Васильева антокольскому полицейскому надзирателю об аресте Х. Негатина, возбуждающего крестьян Троцкого у. к неповиновению помещикам	91

- Июля 2.— Предписание П. С. Васильева антокольскому полицейскому надзирателю о розыске рабских, бежавших со строительства Петербургско-Варшавской ж. д. 92
- Июля 8.— Отношение П. А. Валуева В. И. Назимову о необходимости пересмотра инвентарных повинностей с целью предупреждения крестьянских волнений в Литве и Белоруссии 17
- Июля 9.— Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову о манифестационном движении в Ковенской губ. и отношении к нему разных слоев населения 152
- Не ранее июля 13.— Письмо неизвестного корреспондента в «Отель Лямбер» с информацией о поездке В. И. Назимова по Виленской и Гродненской губ. для проверки результатов проведения крестьянской реформы 18
- Июля 14.— Донесение С. О. Адамовича В. А. Долгорукову об отказе крестьян Ошмянского у. отбывать сгонные дни и подавлении их сопротивления военной силой 93
- Июля 14.— Отношение С. Ф. Хоминского военному начальнику Августовской губ. Л. П. Рудановскому об усилении полицейского надзора в Алексоте и других пограничных местах Царства Польского 153
- Июля 14.— Донесение Е. А. Прасолова В. А. Долгорукову о манифестационном движении в Гродненской губ. 208
- Июля не позднее 14.— Из доклада о политическом положении в западных губерниях, составленного Министерством внутренних дел для обсуждения в Особом комитете 19
- Июля 15.— Из письма минского губернского прокурора Е. Зенкевича чиновнику особых поручений при министре внутренних дел И. В. Вернадскому о пении польских патриотических гимнов и ношении траура жителями губернии 270
- Июля 16.— Донесение Б. К. Рейхарта В. А. Долгорукову о распространении в губернии прокламации Л. Мерославского о подготовке к восстанию и об отношении к ней населения 271
- Июля 17.— Донесение капитана корпуса жандармов Будоговского Л. П. Рудановскому о нанесении ему оскорблений жителями Ковно при провозе арестованного Р. Вежхлейского 154
- Июля 20.— Донесение П. И. Корецкого В. И. Назимову об уничтожении крестьянами Дукштанской вол. Новоалександровского у. документов волостного правления 155
- Июля 21.— Рапорт белостокского городничего Щиrowsкого И. А. Шпееру о пении запрещенного гимна в Белостоке 209
- Июля 23.— Донесение Э. Ф. Келлера П. А. Валуеву о политическом движении в Минской губ. 272
- Июля 25.— Отношение Э. Ф. Келлера попечителю Московского учебного округа Н. В. Исакову о высылке из Минска студента Московского университета А. Урбасевича за участие в политических демонстрациях 273
- Июля 25.— Рапорт Е. А. Прасолова В. И. Назимову об антиправительственном настроении жителей Белостока 210
- Июля 26.— Донесение вр. и. д. гродненского жандармского штаб-офицера Витте В. А. Долгорукову о манифестации в Гродно 24 июля 211
- Июля 28.— Донесение Э. Ф. Келлера П. А. Валуеву об усилении политического движения в Минской губ. и мерах, необходимых для его прекращения 274

Июля 29.— Рапорт новоалександровского земского исправника Б. А. Своицкого С. Ф. Хоминскому о стачке каменотесов в Душтах на строительстве железной дороги	156
Июля 30 (11 августа). Вильно.— Письмо Л. Звездовского к А. Гуттри с информацией о политическом положении в России и о деятельности революционной организации	26
Июля 30.— Рапорт брестского городничего Запасника И. А. Шпееру о ношении дворянами и помещиками уезда польской национальной одежды	212
Июля 31.— Донесение А. М. Гильдебранта управляющему III отделением П. А. Шувалову о политическом положении в Литве и Белоруссии и о мерах борьбы с манифестациями	21
Июля 31.— Рапорт поневежского земского исправника А. А. Глушанина В. И. Назимову об отказе крестьян им. Биржи и других имений Поневежского у. выбирать сельских должностных лиц	157
Июля 31.— Рапорт П. И. Корецкого В. И. Назимову о демонстрации-процессии жителей Ковно через р. Неман в сел. Алексота	158
Начало августа.— Анонимная записка В. И. Назимову о молебне в бельском костеле по убитым в Варшаве и в память Люблинской унии	213
Августа 1.— Донесение С. О. Адамовича В. А. Долгорукову о демонстрациях в окрестностях Вильно в связи с годовщиной Люблинской унии	94
Августа 2.— Из письма неизвестного лица в Петербург подполковнику генерального штаба Я. Савицкому о демонстрации 31 июля 1861 г. в Ковно	159
Августа 2.— Донесение Витте В. А. Долгорукову о манифестации в Гродно 31 июля	214
Августа 3.— Доклад Особого комитета Александру II о мерах борьбы с освободительным движением в Западном крае	22
Августа 4.— Донесение Е. А. Прасолова В. А. Долгорукову о манифестациях в Белостоке и Гродно и влиянии варшавских тайных организаций	215
Августа 5.— Донесение С. О. Адамовича В. А. Долгорукову о распространении студентами Московского университета В. и Э. Адольфами и Б. Колышкой запрещенных воззваний и гимнов в Лидском у.	95
Августа 7.— Донесение И. А. Шпеера В. И. Назимову о подавлении крестьянских волнений в Волковысском у.	216
Августа 8.— Донесение С. О. Адамовича В. А. Долгорукову о демонстрации в Вильно	96
Августа 10.— Донесение тайного агента студента Ю. Бернацкого в III отделение об антиправительственной деятельности Ю. Чарновского, М. Оргельбранта, В. Дунина-Марцинкевича и З. Минейко	23
Августа 11.— Предписание В. И. Назимова виленскому, ковенскому и гродненскому губернаторам о принятии чрезвычайных мер для борьбы с освободительным движением	24
Августа 11.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о пении запрещенных гимнов в костелах Виленской, Гродненской и Ковенской губ. во второй половине июня — июле 1861 г.	25
Августа 11.— Предписание В. И. Назимова И. А. Шпееру о принятии более решительных мер для прекращения пения польских и патриотических гимнов	217
Августа 15.— Объявление гродненского полицмейстера В. В. Змеева населению о запрещении пения польских патриотических гимнов и манифестаций и об учреждении на заставах еоенных караулов	218

Августа 17.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о расследовании обстоятельств панихиды в белостокском костеле по убитым в Варшаве и о высылке студентов Токаржевича и Снежинского	219
Августа 18.— Донесение Витте В. А. Долгорукову о процессиях из Царства Польского в м. Ружаносток Сокольского у. и об усилении надзора за жителями Гродно	220
Августа 19.— Донесение С. Ф. Хоминского В. И. Назимову о пении запрещенного гимна и изгнании жандармов из костела в гор. Тельши	160
Августа 20.— Донесение мирового посредника 5-го участка Вилейского у. К. О. Окушко М. Н. Похвисневу о волнении крестьян в им. Лучай и создании ими собственной волостной канцелярии	98
Августа 21.— Донос сержанта прусской полиции Альбрехта русскому консулу в Мемеле А. Г. Трентовиусу	11
Августа 22.— Объявление В. И. Назимова о введении военного положения в Вильно и других районах Литвы и Белоруссии	26
Августа 22.— Предписание В. И. Назимова И. А. Шпееру о введении военного положения в Гродно, Белостоке, Бельске и Бресте с уездами	221
Августа 25.— Донесение С. О. Адамовича В. А. Долгорукову об объявлении Вильно с уездом на военном положении и об активном участии в манифестациях беднейших слоев городского населения	99
Августа 25.— Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову о демонстрации 31 июля в Ковно и манифестационном движении в губернии	161
Августа 26.— Объявление Э. Ф. Келлера об обязательной сдаче жителями Минской губ. огнестрельного и холодного оружия	275
Августа 29.— Отношение М. Н. Похвиснева С. Ф. Хоминскому о пении запрещенного гимна в м. Жижморах Троцкого у.	100
Августа 30.— Донесение А. М. Гильдебранта В. А. Долгорукову о политическом положении в Ковенской губ. и неблагонадежности мировых посредников	162
Августа 31.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о нападении на почтовый дилижанс, в котором ехал виновник расстрела демонстрации в Варшаве 15(27) февраля 1861 г. ген. В. И. Заболоцкий	163
Сентября 2.— Донесение Э. Ф. Келлера П. А. Валуеву об ослаблении политического движения в Минской губ.	276
Сентября 2.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о манифестации в Гродно 6 августа	222
Сентября 4.— Донесение Е. А. Прасолова В. А. Долгорукову о политическом положении в Гродненской губ.	223
Сентября 4.— Донесение и. д. витебского губернатора А. С. Оголина П. А. Валуеву об участии проживавших в Витебской губ. студентов в пении запрещенного гимна в глубоком костеле Виленской губ.	304
Сентября 5.— Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову о политических манифестациях в Ковенской губ.	164
Сентября 5.— Донесение С. Ф. Хоминского В. И. Назимову об отказе помещиков облегчить повинности крестьян	165
Сентября 5.— Донесение Э. Ф. Келлера В. И. Назимову о политическом движении в Минской губ.	277
Сентября 7.— Письмо минского губернского предводителя дворянства А. Д. Лаппо П. А. Валуеву о причинах недовольства польского населения Минской губ.	278

Сентября 9.— Предписание В. И. Назимова И. А. Шпееру о проведении расследования по делу о праздновании в Друскениках годовщины Люблинской унии	224
Сентября 15.— Донесение М. Н. Похвиснева П. А. Валугу об ослаблении манифестационного движения в Виленской губ.	101
Сентября 19.— Отношение В. И. Назимова П. А. Валугу о появлении в Вильне воззвания «Братья»	102
Сентября 21.— Отношение А. П. Беклемишева Э. Ф. Келлеру о политических манифестациях в Минской губ.	321
Сентября 22.— Письмо могилевского католического епископа Станевского А. П. Беклемишеву о положении католической церкви в губернии и отношении католического духовенства к политическим манифестациям	322
Сентября 26.— Из письма без подписи студенту Ф. О. Климовичу в Москву об отношении различных слоев населения к пению польских патриотических гимнов	279
Сентября 29.— Донесение режичского протоиерея В. К. Стромковского архиепископу полоцкому и витебскому Василию об антиправительственном настроении католиков уезда и распространении среди населения текста запрещенного гимна	305
Сентября 30.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о студентах, находившихся на каникулах в Литве и Белоруссии и принимавших участие в демонстрациях	27
Сентября 30.— Отношение В. И. Назимова П. А. Валугу об обнаружении текста запрещенного гимна на польском и литовском яз. у учеников шавельской гимназии Ю. и М. Минятов	166
Сентября 30.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о демонстрации в Вильно	97
Октября 4.— Донесение С. Ф. Хоминского В. И. Назимову о новом подъеме манифестационного движения в Ковно	167
Октября 4.— Донесение и. д. гродненского губернатора Э. Г. Белоцкого В. И. Назимову о манифестации гродненских жителей при выезде из Гродно б. губернатора И. А. Шпеера	225
Октября 6.— Отношение В. И. Назимова католическим епископам А. Красинскому и М. Волончевскому о пении религиозно-патриотических гимнов	28
Октября 9.— Отношение А. С. Оголина Э. Ф. Келлеру о патриотических манифестациях в Витебской губ.	306
Октября 10.— Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову об обнаружении в им. Полепе Вилкомирского у. оружия и пороха	168
Октября 10.— Донесение Соколова В. А. Долгорукову о политических манифестациях в Могилеве	323
Октября 10.— Отношение П. А. Валугу В. И. Назимову об уменьшении или отмене некоторых крестьянских повинностей по Виленской, Ковенской и Гродненской губ.	29
Не позднее октября 10.— Записка главноначальствующего над почтовым департаментом П. А. Шувалову о задержанных на почте четырех пакетах с воззваниями, адресованными в западные губернии	169
Октября 14.— Из письма неизвестного лица к Ю. Лимановскому в Вологду о репрессиях царских властей и настроениях жителей Вильно	103

- Октября 17.— Донесение виленского губернского жандармского штаб-офицера А. М. Лосева В. А. Долгорукову о сопротивлении учеников виленской гимназии за участие в манифестациях 104
- Октября 17.— Предписание А. М. Гильдебранта А. М. Лосеву об усилении жандармского надзора в связи с полученными сведениями о нелегальной доставке оружия в Россию 30
- Октября 19.— Донесение А. М. Гильдебранта П. А. Шувалову о революционных настроениях студентов Горыгорецкого земледельческого института 324
- Октября 20.— Отношение П. А. Валуева В. И. Назимову об исключенных из Петербургского университета студентах — участниках студенческих волнений 31
- Октября 26.— Донесение Б. К. Рейхарта В. А. Долгорукову о возобновлении в минских костелах пения польского патриотического гимна 280
- Октября 29.— Из письма, адресованного студенту З. Сушицкому в Москву, с оценкой политического положения в Литве и Белоруссии и с призывом к революционному единству с русским народом 105
- Октября 31.— Отношение В. И. Назимова министру народного просвещения Е. В. Путятину об участии студента Московского университета Ф. Умятовского в манифестационном движении и распространении им текста запрещенного гимна среди крестьян Лидского у. 106
- Октября 31.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о развитии манифестационного движения в Поневежском у. и о мерах, принятых против него 170
- Октября 31.— Справка III отделения об адресе на имя Александра II, подписанном дворянами Рогачевского у. 325
- Ноября 4.— Донесение и. о. витебского жандармского штаб-офицера М. М. Червоного В. А. Долгорукову о пении запрещенного гимна в костеле св. Антония в Витебске 307
- Ноября 5.— Донесение А. М. Лосева А. М. Гильдебранту о пении запрещенного гимна у Остробрамских ворот в Вильно и участии в нем сестер Далевских 107
- Ноября 7.— Предписание А. М. Гильдебранта А. М. Лосеву в связи с распространением воззвания «Что надо делать войску?» 108
- Ноября 7.— Показания студента Киевского университета Б. Буцевича в Виленской следственной комиссии 12
- Ноября 7.— Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову об антиправительственных настроениях жителей Ковенской губ. 171
- Ноября 8.— Донесение Э. Ф. Келлера В. И. Назимову о новом усилении политических демонстраций в Минской губ. 281
- Ноября 11.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о воззвании А. И. Герцена к русским офицерам, полученном по почте полковником Белявским 32
- Ноября 11.— Циркуляр В. И. Назимова виленскому, ковенскому и гродненскому губернаторам не принимать на должности волостных писарей студентов и гимназистов, исключенных из учебных заведений за участие в революционном движении 33
- Ноября 14.— Предписание А. М. Гильдебранта А. М. Лосеву об усилении наблюдения в связи с полученными сведениями о готовящейся революционными эмигрантами доставке оружия в Россию 34

Ноября 14.— Записка, составленная в III отделении на основании доносов и устных сообщений Ю. Бернацкого о революционной деятельности студента Петербургского университета Эвстахия Чарновского	35
Ноября 15.— Донесение М. М. Червонюка В. А. Долгорукову об обнаружении при обыске у учеников землемерно-таксаторских классов при витебской гимназии запрещенных сочинений на польском яз.	308
Ноября 16.— Донесение белостокского жандармского штаб-офицера С. И. Штейна в III отделение об агитации среди казенных крестьян уезда против выкупа находившейся в их пользовании земли	226
Ноября 19.— Донесение Э. Ф. Келлера П. А. Валуеву о волнении учеников минской гимназии по случаю годовщины восстания 1831 г. и о настроениях крестьян	282
Ноября 19.— Донесение А. С. Оголина П. А. Валуеву об обнаружении у чиновника Комповского запрещенных сочинений	309
Ноября 22.— Донесение ковенского губернатора Г. А. Кригера П. А. Валуеву об обнаружении антиправительственных сочинений у ковенских чиновников В. Овсяного, Т. Корзона и др.	172
Ноября 24.— Отношение В. А. Долгорукова В. И. Назимову об организации общества «Пентковичи»	109
Ноября 25.— Рапорт тельшевского земского исправника Д. А. Миладовского В. И. Назимову о сопротивлении казенных крестьян Шкудского и Иллоцкого общества ссыпке хлеба в сельские магазины и уплате повышенного оброка	173
Ноября 25.— Отношение П. А. Валуева В. И. Назимову о необходимости ускорить составление уставных грамот в Виленской, Ковенской и Гродненской губ.	36
Ноября 27.— Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову об ослаблении манифестационного движения в Ковенской губ. и распространении текстов запрещенного гимна на литовском и польском яз.	174
Ноября 30.— Донесение С. И. Штейна В. А. Долгорукову об обнаружении у крестьян «Гуторки двух соседей»	227
Ноября 30.— Предписание М. Н. Похвиснева П. С. Васильеву о подчинении учеников виленских учебных заведений на время военного положения местной гражданской власти	114
Декабря 1.— Донесение А. М. Гильдебранта В. А. Долгорукову о мерах, принятых В. И. Назимовым по отношению к участникам манифестации, и о продолжающихся выступлениях гимназистов	37
Декабря 1.— Отношение А. П. Веймарна В. А. Долгорукову об обнаружении у старшего канонира летучего гренадерского парка С. Кожиги книги запрещенных стихов и сочинений на латышском яз.	310
Декабря 7.— Рапорт мозырского городничего Федорова Э. Ф. Келлеру о распространении в городе стихов с обращением к мозырским гимназистам	283
Декабря 12.— Предписание М. Н. Похвиснева П. С. Васильеву о произведении обыска у люстратора И. Клечковского, подозреваемого в распространении «Колокола» и «Великоруса»	115
Декабря 18.— Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову о мерах, принятых в связи с волнением крестьян понезуитского им. Лауксодзе Поневежского у.	175
Декабря 21.— Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову об отказе крестьян Поневежского, Новоалександровского и Вилкомирского у. от исполнения повинностей в пользу помещиков и уплаты государственных податей	176

- Декабря 24.— Рапорт вилкомирского земского исправника Лобова В. И. Назимову о появлении в гор. Вилкомире листовки с угрозами по адресу местных должностных лиц 177
- Декабря 29.— Отношение петербургского обер-полицмейстера А. В. Паткуля Г. А. Кригеру о высылке из Петербурга студента университета Б. Станевича за участие в студенческих волнениях 178

1862

- Начало года.— Из отчета III отделения за 1861 г. Александру II 38
- Января 9.— Записка III отделения, составленная по доносу агента Ю. Бернацкого об обществе «Пентковичи» 110
- Января 12.— Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову о мерах против распространения трезвенного движения в Вилкомирском и Новоалександровском у. 179
- Января 15.— Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову о результатах расследования причин отказа крестьян им. Попеле Новоалександровского у. от исполнения повинностей 180
- Января 18.— Записка III отделения, составленная по доносу Ю. Бернацкого о «Библиотеке ошмянской молодежи» 111
- Января 24.— Доклад III отделения Александру II о помещике Рогачевского у. Оскерко и отставном рядовом Васюке в связи с обнаружением в им. Оскерко запасов оружия 326
- Января 25.— Отношение В. И. Назимова П. А. Валуеву о продлении военного положения в Гродненской губ. 228
- Января 26.— Отношение В. И. Назимова В. И. Долгорукову о печатании в Мемеле воззваний 13
- Января 26.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о подговоре экономом В. Гуппе крестьян им. Анусин Бельского у. к нападению на расквартированных в имении солдат 229
- Января 26.— Донесение гродненского губернатора А. М. Дренякина В. И. Назимову об отказе крестьян им. Сливна Белостокского у. избрать уполномоченных для проверки уставной грамоты 230
- Февраля 2.— Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову о сопротивлении крестьян им. Лауксодзе Поневежского у. военной команде, посланной для подавления крестьянских волнений 181
- Февраля 2.— Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову о подавлении выступлений крестьян Биржанской и Соломейской вол. Поневежского у. 182
- Февраля 10.— Докладная записка С. И. Штейна В. А. Долгорукову о революционной деятельности Б. Шварце в Белостоке 231
- Февраля 14.— Жалоба крестьян дер. Нарбуты Вилкомирского у. В. И. Назимову на незаконное зачисление их в сословие «вольных людей» и захват их помещиком Н. Зарембой 183
- Февраля 14.— Донесение А. М. Гильдебранта В. А. Долгорукову о положении в Литве, Белоруссии и на Украине и о мерах, принятых властями против освободительного движения 39
- Февраля 17.— Донесение Б. К. Рейхарта В. А. Долгорукову об антиправительственной деятельности семьи белорусского поэта В. И. Дунина-Марцинкевича 284

Февраля 22.—	Рапорт новоалександровского земского исправника Б. А. Своицкого Г. А. Кригеру о жалобах рабочих на строительстве железной дороги в Дукштах в связи с невыплатой подрядчиком заработанных ими денег	184
Февраля 25.—	Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову об отказе крестьян им. Дорбяны и других имений Тельшевского у. принять уставные грамоты	185
Февраля 27.—	Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову о результатах расследования по делу В. Овсяного и Т. Корзона в Ковно	186
Февраля 28.—	Записка, составленная в III отделении для В. А. Долгорукова по делу вольнослушателя Петербургского университета В. Журавского, арестованного в Вильно	40
Февраля 28.—	Донесение А. М. Лосева В. А. Долгорукову о политическом положении в Виленской губ. и мерах, необходимых для подавления антиправительственных выступлений	116
Не ранее 1 марта.—	Уведомление В. И. Назимова председателю Виленской следственной комиссии С. Г. Веселитскому о распространении среди жителей гор. Свенция польских патриотических эмблем и портретов Костюшки и Гарибальди	117
Марта 7.—	Жалоба поверенного помещицы им. Хорош Белостокского у. графини Пшездецкой Ф. Высокинского В. И. Назимову о захвате крестьянами помещичьей земли и леса	232
Марта 7.—	Рапорт гродненского уездного военного начальника А. А. Чертова А. М. Дренякину об обнаружении у солдата К. Емельянюка в Гродно прокламации «Что надо делать войску?»	233
Марта 14.—	Донесение Б. К. Рейхарта В. А. Долгорукову об обнаружении в им. Видагоще Минского у. польских книг, изданных в Париже, и портретов Т. Костюшки, Ю. Бема, Л. Мерославского, Дж. Гарибальди и др.	285
Марта 25.—	Циркуляр П. А. Валуева губернаторам о разрешении им самостоятельно использовать воинские команды для подавления крестьянских волнений	41
Марта 29.—	Донесение витебского жандармского штаб-офицера И. К. Турцевича В. А. Долгорукову о вывешенном в Витебске флаге с надписью на польском яз.	311
Март.—	Донесение лепельского земского исправника Родкевича А. С. Оголину об антиправительственной агитации настоятеля кубличского костела кс. Стацкевича и помещиков Гушей и Малиновского среди крестьян	312
Апреля 7.—	Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову об антипомещичьей агитации отставного врача Стасюлевича среди крестьян Россиенского у.	187
Апреля 13.—	Донесение И. К. Турцевича В. А. Долгорукову о распространении в Люцинском у. «Гуторки двух соседей»	313
Апреля 14.—	Донесение А. М. Лосева В. А. Гильдебранту о распространении воззвания «Что надо делать войску?»	118
Апреля 22.—	«Jedność» № 1	42
Апреля 23 (мая 5).—	Воззвание от редакции газеты «Jedność» к жителям Вильно о бойкоте театральных представлений	119
Апреля 24.—	Предписание А. М. Гильдебранта А. М. Лосеву о наблюдении за настроениями в войсках в связи с распространением революционных изданий	44
Апреля 25.—	Донесение А. М. Гильдебранта В. А. Долгорукову об агитации в войсках и среди крестьянства	45

Апреля 29.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову о распространении воззваний на литовском яз. в Шавельском и Россиенском у.	188
Апреля 29.— Предписание В. И. Назимова гродненскому губернатору И. В. Галлеру о выселении из м. Свислочь Иллаковичевой, Савицкой и Нарбут за антиправительственную агитацию среди учащихся прогимназии	234
Апреля 29.— Постановление мирового посредника 5-го участка Слуцкого у. Мержеевского о наказании крестьян им. Шостаков за отказ подписать акт о введении уставных грамот	286
Апреля 29.— Отношение архиепископа полоцкого и витебского Василия обер-прокурору Синода А. П. Ахматову о политическом положении в Витебской губ.	314
Мая 1.— Отношение архиепископа Василия А. П. Ахматову о распространении среди населения Дриссенского и Люцинского у. Витебской губ. запрещенных стихов, газет и других сочинений	315
Мая 3.— Рапорт брестского земского исправника Маслова И. В. Галлеру об обнаружении «Гуторки старого деда»	235
Мая 5.— Донесение А. М. Гильдебранта В. А. Долгорукову о демонстрации учащихся белостокской гимназии, распространении воззваний и отказе крестьян Гродненской губ. от введения уставных грамот	236
Мая 5.— Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову о волнении крестьян им. Плунгяны Тельшевского у. и аресте их вожака крестьянина А. Вайшвилы (Войшвилло)	189
Мая 6.— «Jedność» № 3	43
Мая 9.— Донесение А. М. Лосева В. А. Долгорукову о влиянии русского революционного движения на освободительное движение в Литве и Белоруссии	120
Мая 21.— Рапорт Виленской следственной комиссии В. И. Назимову	14
Мая 26.— Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову о распространении воззвания «Братья русские» в гор. Шавли	190
Мая 29.— Рапорт А. А. Чертова И. В. Геллеру о прокламации «К русским войскам в Польше», найденной на дороге между Белостоком и почтовой станцией Букштен	237
Июня 2.— Донесение А. С. Оголина П. А. Валуеву об обнаружении у дворянина В. Франковского прокламации «К молодому поколению» и других запрещенных сочинений	316
Июня 5.— Объявление минского полицмейстера Чеховского о запрещении жителям города встречать отправляемых из Царства Польского политических ссыльных	287
Июня 5.— Донесение Б. К. Рейхарта В. А. Долгорукову о встречах жителями Минска политических ссыльных, отправляемых из Варшавы в Сибирь	288
Июня 10.— Донос Ю. Бернацкого («В. Иванова») П. С. Васильеву о деятельности революционных кружков и групп в Вильне	46
Июня 11.— Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову о расследовании антиправительственной деятельности студента Московского университета Войшвилло	191
Июня 12.— Донесение И. В. Галлера В. И. Назимову об обнаружении «Русской правды» на улице в Гродно	238
Июня 15.— Отношение В. И. Назимова В. А. Долгорукову об обнаружении в Вильне воззвания «Молодая Россия»	121
Июня 22.— Донесение Б. К. Рейхарта А. Л. Потапову об обнаружении в с. Ольшанах Мозырского у. «Гуторки старого деда»	289
Июнь.— Записка Ю. Бернацкого «О тайном обществе с политической целью, организованном Францем Далевским в Вильне»	47

Июня 11.— Акт новогрудского земского исправника Струмилло о прекращении волнения крестьян им. Полонечка кн. Радзивилла, отказавшихся отработать сгонные дни	290
Не позднее 10 июля.— «Мужицкая правда» № 1	48
Июля 11.— Предписание В. И. Назимова М. Н. Похвисневу по поводу жалобы крестьян Попортской вол. Троцкого у. на принудительное введение уставной грамоты	122
Июля 18.— Письмо воспитанника Виленского кадетского корпуса Е. Р. Пиленко в Петербург к брату — юнкеру Михайловского артиллерийского училища В. Р. Пиленко о своих попытках вести революционную агитацию среди крестьян и влиянии на кадетов журнала «Современник»	123
Июля 20.— Донесение гродненского вице-губернатора В. И. Назимову об открытии студентом Петербургского университета А. С. Мейером тайной воскресной школы в дер. Белосточек Белостокского у.	239
Июля 22.— Рапорт брестского земского исправника Маслова И. В. Галлеру о распространении «Мужицкой правды» в Вержовицкой вол.	240
Июля 24.— Предписание В. И. Назимова чиновнику для особых поручений Г. У. Абрамовичу принять меры к подавлению волнения крестьян им. Малое Можейко Лидского у.	124
Июля 30.— Донесение А. М. Лосева В. А. Долгорукову о политическом положении в Виленской губ. и углублении противоречий между крестьянами, помещиками и правительством	125
Июля 31 — Донесение И. В. Галлера В. И. Назимову о распространении воззвания Центрального Национального комитета о праздновании годовщины Люблинской унии	241
Августа 2.— Донесение Э. Ф. Келлера П. А. Валуеву о праздновании в минском бернардинском костеле годовщины Люблинской унии	291
Августа 3.— Донесение И. Н. Скворцова В. А. Долгорукову о манифестациях в Ковно в честь Люблинской унии 31 июля и об отношении к этим событиям различных слоев населения	192
Августа 7.— Рапорт виленского вице-губернатора И. Н. Набокова В. И. Назимову об отказе крестьян им. Антодуры Свенцянского у. принять уставную грамоту	126
Августа не ранее 14 — не позднее 24.— Воззвание «Жители Вильно» с призывом почтить память Л. Ярошинского, Л. Рылля и Я. Жоньцы, казненных царскими властями за покушения на в. кн. Константина и А. Велепольского	127
Августа 27.— Телеграмма А. П. Беклемишева П. А. Валуеву о готовящейся в Могилеве тайной панихиде по казненным в Варшаве	327
Августа 29.— Донесение А. М. Лосева В. А. Долгорукову об обнаружении у арестованного в Вильне Ф. Колышко воззвания «Жители Вильно»	128
Августа 31.— Донесение и. д. минского губернатора А. Л. Кажевникова В. И. Назимову о панихиде в минском кафедральном костеле по Л. Ярошинскому, казненному в Варшаве за покушение на в. кн. Константина	292
Конец августа.— «Мужицкая правда» № 2	49
Сентября 7.— Донесение И. В. Галлера П. А. Валуеву об обнаружении в 10-й линейной роте, расположенной в с. Скоруп Гродненского у., прокламации «Духовное завещание поручиков Арнольда и Сливницкого»	242

Сентября 9.— Донесение А. М. Лосева В. А. Долгорукову о массовой манифестации при похоронах поэта Л. Кондратовича (В. Сырокомли) в Вильне	129
Сентября 21.— Отношение В. А. Долгорукова главному управляющему путями сообщения К. В. Чевкину о провозе из Польши в Россию нелегальной литературы служащими железной дороги	53
Октября 1.— Отношение П. А. Валуева В. А. Долгорукову о распространении в Гродненской губ. революционных изданий, привозимых из Варшавы железнодорожными служащими	243
Не позднее 6 октября.— «Мужицкая правда» № 3	50
Октября 7.— Донесение С. И. Штейна В. А. Долгорукову о панихиде в белостокском костеле в память Т. Костюшко	244
Октября 10.— Донесение М. Н. Похвиснева П. А. Валуеву о распространении в Виленской губ. «Мужицкой правды»	130
Октября 10.— Предписание В. И. Назимова И. В. Галлеру о розыске лиц, занимавшихся сбором денег на нужды освободительного движения	245
Октября 11.— Донесение минского вице-губернатора А. В. Лучинского В. И. Назимову о крестьянских волнениях в Минской губ., подавленных с помощью военной силы	293
Октября 13.— Донесение И. В. Галлера П. А. Валуеву о распространении газет и воззваний Центрального национального комитета в Белостоке и Гродно	246
Октября 19.— Донесение А. М. Гильдебранта А. Л. Потапову о сочувственном отношении к польскому национальному движению студентов Горыгорецкого земледельческого института и усилении надзора за ними	328
Октября 21.— Донесение И. В. Галлера В. И. Назимову о способах доставки нелегальной литературы из Царства Польского	247
Октября 27.— Рапорт пристава 2-го стана Слонимского у. Л. Ф. Агатина И. В. Галлеру о распространении Константином Калиновским «Мужицкой правды»	248
Около 28 октября.— Инструкция Литовского провинциального комитета начальникам поветов.	54
Октября 28.— Инструкция Литовского провинциального комитета начальникам округов	
Октября 29.— Рапорт заседателя Гродненского земского суда И. М. Ляссоты гродненскому земскому исправнику Ф. Д. Магнусу об обнаружении «Мужицкой правды» в дер. Грандзичи	249
Октября 31.— Акт белостокского земского исправника Загорянского об антиправительственном толковании Положения 19 февраля и распространении унтер-офицером С. Ф. Пировым среди крестьян дер. Ковалевцы слухов о волнениях в Царстве Польском	250
Октября 31.— Отношение рижского ген.-губернатора В. И. Ливена В. И. Назимову об обнаружении транспорта пороха на Рижско-Динабургской ж. д.	56
Ноября 9.— Жалоба временнообязанных крестьян Судейкской вол. Вилкомирского у. В. И. Назимову на притеснения со стороны помещика П. Козелла и жестокую расправу над ними казаков	193
Ноября 13.— Отношение А. Е. Тимашева В. И. Назимову о слухах относительно предстоящего восстания, распространении воззваний в Вильно и Гродно и нелегальной доставке оружия из-за границы в Россию и Польшу	57
Ноября 16.— Донесение А. Л. Кажевникова В. И. Назимову о мерах, принятых против подачи дворянами Александру II адреса о присоединении Минской губ. к Царству Польскому	294

Ноября 26.— Донесение М. Н. Похвиснева В. И. Назимову о сопротивлении крестьян им. Руткевичи Виленского у. введению уставной грамоты	131
Ноября 28.— Донесение Г. А. Кригера В. И. Назимову о неблагонадежности мировых посредников Россиенского у.	194
Декабря 4.— Донесение Г. А. Кригера П. А. Валуеву о получении в гор. Тельшах пакета с «Колоколом» и другими революционными изданиями на имя поручика драгунского полка Н. Н. Тыртова	195
Декабря 7.— Донесение н. о. виленского губернского жандармского штаб-офицера И. А. Шпеера А. М. Гильдебранту о съезде помещиков Виленской и Ковенской губ. в им. Мусники Виленского у.	132
Декабря 9.— Записка, составленная для III отделения в Министерстве внутренних дел о способах распространения нелегальной литературы, доставляемой из Царства Польского	58
Декабря 12.— Рапорт тельшевского земского исправника Д. А. Миладовского Г. А. Кригеру о сопротивлении крестьян дер. Дыльпше взятию рекрутов	196
Декабря 13.— Донесение гродненского жандармского штаб-офицера Н. А. Лелякова В. А. Долгорукову о настроениях различных слоев населения Гродненской губ.	251
Декабря 14.— Из рапорта пристава 2-го стана Шавельского у. Д. И. Гералтовского в Шавельский земский суд о сопротивлении батраков им. Ляцково взятию рекрутов	197
Декабря 19.— Рапорт бельского земского исправника Ловорко И. В. Галлеру об обнаружении у крестьянина дер. Чартаево Бельского у. «Мужицкой правды»	252
Декабря 20 (1863 г. января 1).— «Chorągiew swobody» («Знамя свободы») № 1	59
Декабря 22.— Донесение А. П. Беклемишева П. А. Валуеву о волнениях крестьян им. Соржицы Сенненского у. при введении уставной грамоты	329
Декабря 24.— Записка А. М. Гильдебранта В. А. Долгорукову о течениях в освободительном движении в Литве и Белоруссии и мерах, необходимых для предотвращения восстания	60
Декабря 25.— Рапорт россиенского земского исправника А. Семеновко Г. А. Кригеру об отбитии рекрутов крестьянами Лауксцянского общества	198
Декабря 26 (1863 г. января 7).— Письмо наместника в Царстве Польском в. кн. Константина П. А. Валуеву о политическом положении в западных губерниях России	253
Не позднее 28 декабря.— «Мужицкая правда» № 4	51
Декабрь.— «Мужицкая правда» № 5	52

1863

Января 3.— Предписание Г. А. Кригера военному начальнику Россиенского у. о мерах против крестьян, скрывающихся от рекрутского набора	199
Января 4.— Рапорт старшего заседателя Россиенского земского суда Киборта Г. А. Кригеру о ранении выборного Сымоновича при взятии рекрута в Видуклевском сельском обществе 4 декабря 1862 г.	200
Января 4.— Рапорт старшего заседателя Шавельского земского суда Тубилевича Г. А. Кригеру о сопротивлении крестьян им. Антоново взятию рекрутов	201
Января 5.— Рапорт гродненского земского исправника Ф. Д. Магнуса И. В. Галлеру о волнениях крестьян им. Семеновка при введении уставных грамот	254

Января 8.—Донесение А. М. Лосева А. М. Гильдебранту о сопротивлении крестьян Якунского сельского общества Ошмянского у. введению уставной грамоты	133
Января 10.—Донесение Соколова В. А. Долгорукову о денежных сборах среди польского населения Могилева	330
Января 13.—Донесение С. И. Штейна И. В. Галлеру об отправке по железной дороге свинцовых пуль в Царство Польское	255
Января 16.—Донесение Н. А. Лелякова В. А. Долгорукову о результатах расследования обстоятельства поездки представителя Центрального Национального комитета Г. Абихта в Гродненскую губ.	61
Января 17.—Донесение Н. А. Лелякова В. А. Долгорукову о результатах следствия о действиях студента В. Климашевского	62
Января 19.—Протокол допроса крестьянина дер. Вайниовцы Сокольского у. И. Рабички о распространении студентом Петербургского университета Ю. Горчаком «Мужицкой правды»	256
Января 21.—Протокол допроса крестьянки дер. Вайниовцы Сокольского у. А. Садковской о распространении крестьянином М. Цюхной «Мужицкой правды»	257
Января 21.—Донесение И. К. Турцевича А. Л. Потапову о распространении «Мужицкой правды» среди крестьян Витебской губ.	317
Января 22.—Протокол допроса крестьянки дер. Номиков Сокольского у. К. И. Марцелевичуны о распространении крестьянином К. Станкевичем «Мужицкой правды»	258
Января 25.—Рапорт Окмянского сельского управления помощнику тельшевского окружного начальника государственных имуществ Л. Ф. Коплевскому о побегах крестьян в Курляндию в связи с рекрутским набором в декабре 1862 г.	202
Январь.—«Мужицкая правда» № 6	53
Январь.—Записка А. М. Лосева о политическом положении в Виленской губ. и о мерах борьбы с освободительным движением	134
Февраля 2.—Рапорт дисненского земского исправника К. И. Флиорковского М. Н. Похвисневу о распространении «Мужицкой правды» среди крестьян Дисненского и Виленского у.	135
Февраля 4.—Донесение флигель-адъютанта О. Ф. Келлера В. А. Долгорукову о распространении «Мужицкой правды» среди крестьян Динабургского у.	318
Февраля не позднее 9.—Рапорт председателя Виленской следственной комиссии А. С. Павлова В. И. Назимову о распространении «Мужицкой правды» среди крестьян Свенцянского у.	136
Мая 20.—Показание повстанца В. Гейштора в Минской следственной комиссии о подготовке к восстанию и действиях отряда А. Трусова	295
Июля 22.—Доклад военно-судного отделения штаба войск Виленского военного округа о студенте Петербургского университета Ю. Горчаке	259

1864

Не позднее февраля 24.—Показание члена повстанческой организации Минского у. Г. Лапицкого в Минской следственной комиссии о деятельности минской повстанческой организации	296
Марта 29.—Показание Э. Заблоцкого в Виленской особой следственной комиссии о создании и деятельности гродненской революционной организации	260

Апреля 10.— Показание С. Сильвестровича о создании и деятельности гродненской революционной организации	261
Апреля 24.— Рапорт Ковенской следственной комиссии начальнику штаба 1-й пехотной дивизии полковнику Нарбуту с изложением следственных материалов по делу А. Мацкявичюса	63
Июня 16.— Заключение Временного полевого аудиториата при штабе Виленского военного округа по военно-судному делу К. Станкевича, В. Климовича, К. Свежинского, братьев Козловских и других, обвиняемых в принадлежности к минской революционной организации	297
Августа 10.— Протокол допроса губернского секретаря Ц. Казигродского в Виленской особой следственной комиссии о демонстрациях в Слонимском у. накануне восстания и своем пребывании в повстанческом отряде	262
Августа 13.— Показание Оскара Авейде об организации революционного управления в Гродненской губ. накануне и во время восстания	263
Сентября 11.— Показание Я. Гейштора в Виленской особой следственной комиссии о деятельности повстанческой организации Литвы и Белоруссии и борьбе в ней революционного и умеренного направлений	64
Октября 9.— Докладная записка, составленная в канцелярии ген.-губернатора тит. с. М. М. Яковлевым по делам Виленской следственной комиссии	112
Октября 16.— Определение помощника ген.-губернатора А. Л. Потапова по делам, представленным Виленской следственной комиссией	113

1865

Января 5 (17).— Показание О. Авейде члену Виленской особой следственной комиссии Н. В. Югану о деятельности и структуре революционной организации Литвы и Белоруссии	65
Мая 5.— Заключение Временного полевого аудиториата Виленского военного округа о высылке в Сибирь крестьян Хорошанской вол. Белостокского у. Ф. Л. Неродзика, И. В. Сокола, Д. В. Богдановича и В. В. Томашевского за отказ платить помещику оброк и исполнять распоряжения властей	264

1872

Не ранее января 4.— Показание Я. Козелла-Поклевского в Виленской следственной комиссии о подготовке восстания в Литве и Белоруссии	66
--	----

70-е годы

Из воспоминаний Е. Кучевского-Поряя о борьбе красного и белого направлений в Литве и Белоруссии и создании Литовского провинциального комитета	67
--	----

1915 г.

Из воспоминаний А. Сераковской о подготовке восстания в Литве и Белоруссии	68
--	----

Без даты

Из воспоминаний неизвестного участника восстания о предповстанческой пропаганде А. Мацкявичюса и о встрече с З. Сераковским и А. Мацкявичюсом в повстанческом отряде	203
--	-----

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абхт Адольф (1783—1860) — известный виленский врач, в 1827—1842 — профессор Виленского университета и медико-хирургической академии 151, 223, 224
- Абхт Генрик (1835—1863) — уроженец Вильно, революционер, эмигрировал в 1857. В 1858—1859 сотрудник «Колокола», тогда же становится активным деятелем польской революционной громады «Лондон». В 1862 — агент ЦНК, арестован 8(20). XI 1862 в м. Гарволин, казнен 19(31). V 1863 в Варшаве 151—154, 223, 224
- Абражий Юрий — крестьянин дер. Вайниовцы Сокольского у. 489
- Абражия Антонина — жена Ю. Абражия 489
- Абражук Доминик — старшина дер. Зубрицы Сокольского у. 486
- Абрамов Кирилл — крестьянин Тверской губ. 263
- Абрамов Василий — крестьянин Тверской губ. 263
- Абрамович Геркулан Устинович — полковник (впоследствии ген.-майор), чиновник особых поручений при виленском ген.-губернаторе 249, 252, 305, 403, 413, 485—488
- Абрамович Иван — студент Петербургского университета, выслан в Ковенскую губ. за участие в студенческих волнениях 391
- Абрамович — помещик им. Ворняны Виленского у. 232, 233
- Абрамович — домовладелец в Вильно 250
- Августинovich — сельский заседатель им. Полонечка Новогрудского у. 549
- Авейде Оскар (1837—1897) — юрист, окончил Петербургский университет. Присылал к умеренному крылу «красных». Член ЦНК (с осени 1862) и Национального правительства; прибыл в Вильно под именем Людвика Шмидта и в конце августа 1863 арестован. Дал обширные показания о повстанческой организации, по заданию царских властей написал в тюрьме «Записки» о восстании (перезданы в настоящей документальной серии — М., 1961) 46, 163, 164, 170—172, 187, 188, 509, 511
- Агатин Людвик Фомич — коллежский асессор, пристав 2 стана Слонимского у. 477, 478
- Агиевич Антон — крестьянин дер. Шейняки Слонимского у. 478
- Агурский Самуил Хаимович — советский историк 133
- Адамович Михаил Яковлевич — штабс-ротмистр, чиновник особых поручений при Ковенской палате государственных имуществ 331
- Адамович Станислав Осипович — подполковник, в 1860—1861 виленский губернский жандармский штаб-офицер 223, 227—230, 237, 238, 247, 248, 251, 263—267, 274
- Адамкович — ученик 5 класса Виленской гимназии, участник манифестации 250
- Адамовичи — помещики имений Мелеги и Ельно Лидского у. 239
- Адельсон — статский советник, заведующий Дукштанской конторой строительства железной дороги (Новоалександровский у.) 340, 403
- Адолф Владимир — студент Московского университета, участник манифестаций в Лидском у. 61, 266, 267
- Адолф Эдвард — студент Московского университета, брат Владимира А., участник манифестаций в Лидском у. 61, 266, 267
- Адолф — ученик, брат Владислава и Эдварда А. 61
- Азаркевич — пристав 3 стана Витебского у. 579, 580
- Акалайтис (Акелевич) Миколас (1829—1887) — литовский писатель и публицист, из крестьянской семьи. В связи с неудачной попыткой в 1861 напечатать свои нелегальные произведения бежал

* Указатель подготовлен Г. В. Киселевым и составителями разделов. Курсивом выделены фамилии историков, на работы которых дается ссылка. Все даты приводятся по старому стилю.

- за границу. В 1862 в Париже принадлежал к организации «Польская молодежь». В 1863 — помощник повстанческого комиссара Августовского воеводства. После восстания — в эмиграции, XII, XXIX, XLIV, LX, 21, 26—30, 86, 95, 96
- Алеклович — сарианский ксендз из Вильно 591
- Александр I (1777—1825) — русский император с 1801 608
- Александр II (1818—1881) — русский император с 1855 5—7, 13, 16—18, 51, 64, 65, 79, 80, 108, 112, 172, 224, 236, 269, 276, 304, 310, 311, 372, 413, 434, 438, 518, 521, 529, 534, 535, 538, 551, 552, 563, 572, 574, 576, 600, 601, 607, 609, 610
- Александритис — см. Гросс
- Александров Иван — крестьянин Смоленской губ. 263
- Александрович — помещик, отставной инженерный штабс-капитан, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Александрович — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Алексеев Евграф — крестьянин Тверской губ. 263
- Алексеев Емельян — крестьянин Тверской губ. 263
- Алексеев Николай — крестьянин Псковской губ. 263
- Альбрехт — сержант прусской полиции в гор. Мемеле 21, 22, 24, 25, 27, 28
- Амброжевич Фома — крестьянин м. Хорош Белостокского у. 466
- Амброжевич Франц — крестьянин м. Хорош Белостокского у. 466
- Англин — домовладелец в Вильно 220
- Андреев Егор — крестьянин Калужской губ. 263
- Андрейчук Ничипор Пилипович — крестьянин дер. Ковалевцы Белостокского у. 480
- Андржеевский — доктор в Белостоке 440
- Анриолли Эльвио Михал (1836—1893) — художник, уроженец Вильно. В 1863 находился в отряде Л. Нарбутта, действовал в ковенской повстанческой организации. Будучи арестованным, в 1864 бежал из ковенской тюрьмы, в 1866 арестован на границе с Бессарабией и сослан в Вятку. Был первым учителем рисования А. М. Васнецова. С 1871 жил в Варшаве. Широко известен своими иллюстрациями к произведениям польской литературы 122, 191, 201, 202, 276
- Анисимов Аркадий — студент Петербургского университета, уроженец Виленской губ. — 253
- Андрушкевич Ян Александр (1809—1868) — офицер армии Королевства Польского, после 1831 эмигрант, в 1863 повстанческий военный начальник Августовского воеводства 182
- Антипов Николай Иванович — земский исправник Ковенского у. 338, 339
- Антонович Леония — жительница Борисовского у., участница манифестации в м. Глубоком Дисненского у. 61
- Антонович Максим Алексеевич (1835—1918) — публицист и философ революционно-демократического направления, критик, сотрудник «Современника» 304
- Антоновичи — братья, ученики Виленской гимназии, участники манифестаций 250
- Антоновский — отставной подполковник артиллерии, житель м. Глубокого Дисненского у. В 1861 арестован за «неправильное толкование» крестьянам «местных положений» 249, 252
- Антропова — помещица им. Соля Ошмянского у. 240
- Антушевич Эдвард (псевд. Константин Косцинский) — студент Московского университета, уроженец Новогрудского у. Участник Московского и Петербургского студенческих «Огулов». В феврале 1861 донес о деятельности польских студенческих организаций виленского ген.-губернатору 8, 9, 12, 31
- Анужас Франц — крестьянин Векшнянской вол. Шавельского у. 424
- Анусевич — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Аргиропуло Перикл Эммануилович (1839—1862) — студент Московского университета, революционер, соратник П. Г. Зайчневского по руководству революционным кружком в Москве 303
- Аригольдт (Арнольд) Иван Николаевич (1841—1862) — поручик русской армии, участник революционной организации русских офицеров в Польше. Расстрелян в Модлине 16(28).VI 1862 473, 474
- Арсеньев Конон — крестьянин Тверской губ. 263
- Аскоченский Виктор Ипатьевич (1813—1879) — реакционный журналист и писатель, редактор-издатель «Домашней беседы для народного чтения» 302
- Асс Азриель — виленский книгопродавец 221, 228—230
- Астафьев Никита — солдат 2 роты Невского пехотного полка 323
- Аукштакальнис Криступас (Кржиштоф) — крестьянин им. Попеле Новоалександровского у. 354, 388, 395
- Аукштакальнис Юргис (Юрий) — крестьянин им. Попеле Новоалександровского у. 395
- Ахматов Алексей Петрович — ген.-лейтенант, обер-прокурор синода 589, 591—593
- Ачас Изидорюс — крестьянин им. Одахово Россненского у. 327, 328
- Аютис Миколас — крестьянин им. Попеле Новоалександровского у. 395

- Б.—помещик Слонимского у. 38, 40
- Багинский — секретарь Бельского земского суда 153
- Баженов — слонимский городничий 468
- Байковский Игнатий Иванович — майор, командир 2 батальона Либавского пехотного полка 480
- Базанов Дмитрий Афанасьевич (ок. 1838 — ?) — дворянин Подольской губ. С 1854 по 1859 состоял на военной службе. В 1860 — эконо́м в имении Е. и Э. Кучевских. С 1861 — писарь Попорцкого волостного правления Трокского у. Деятельный член Виленской революционной организации. Сослан на каторгу 209, 304, 424
- Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) 173
- Бакунович Андрей — крестьянин дер. Вайниовцы Сокельского у. 487
- Бакшевич М. — жительница Вильно 268
- Балевич — ксендз Вилкомирского костела 62
- Бальвач Иосиф — крестьянин Вакшнянской вол. Шавельского у. 424
- Бальвач Ян — крестьянин Векшнянской вол. Шавельского у. 424
- Бальевич Дмитрий — писарь в имении помещицы Коновницыной Брестского у., в 1861 арестован за антиправительственное толкование манифеста 19 февраля 435
- Бальчунас — крестьянин им. Биржи Поневежского у. 397—399, 401
- Баньковский — помещик Быховского у. 596
- Баранович А. — чиновник в Вильно. У него обнаружены издания Герцена 224, 297
- Баранович Генрих — студент Московского университета, участник манифестаций в Ошмянском у. 33
- Барановский Петр — протоиерей, дрогичинский благочинный Бельского у. 482
- Барановский Христома — крестьянин дер. Кепураны Тельшевского у. 422
- Барановский — в 1863 командир повстанческого отряда в Августовском воеводстве 181
- Барановский — ученик Виленской гимназии, участник кружка В. Витковского и манифестаций в Вильно 220, 250
- Баранцевич Антоний (1837—1918) — подпоручик Либавского пехотного полка, из дворян Виленской губ. В апреле 1863 перешел на сторону повстанцев, служил в повстанческом соединении Духинского, позднее командовал отдельным отрядом. С 1864 в эмиграции 182
- Баранцевич Константин (? — 1861) — студент Московского университета, уроженец Виленской губ. 31, 32, 260
- Барковский — помещик Гомельского у. 596
- Барский Аврелий — участник кружка В. Дунина-Марцинкевича в Минске 541
- Барташевич Юльян — крестьянин дер. Номики Сокольского у. 488
- Барткулевич (Барткутя) — крестьянский мальчик из казенной фермы Кумяля Сокольского у. 459
- Бартоломей Федор Федорович — ген.-лейтенант, комендант Брестской крепости 453
- Бартошевич Альберт Францевич — тит. с., частный полицейский пристав в Минске 549
- Бартошевич Осип — канцелярский чиновник Минской палаты гражданского суда, накануне восстания участвовал в манифестациях, подозревался в распространении «возмутительных воззваний и пасквилей» 552
- Баханович — староста в им. помещика Валицкого Борисовского у. 567
- Беганский — помещик Новоалександровского у. 332
- Бегичев Владимир Афанасьевич — статский советник, управляющий Ковенской палатой государственных имуществ 330, 331
- Бейнар — губернский секретарь, служащий Тельшевской городской ратуши, участник манифестаций 359
- Беклемишев Александр Петрович — д. с. с., могилевский губернатор 595, 600—602, 605, 611—613
- Белинский — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Белицкая Мария — «магазинщица» в Белостоке, участница манифестаций 442
- Белицкий Александр — варшавянин, муж М. Белицкой, в 1861 участвовал в манифестациях в Белостоке 442
- Белковский (Бялковский) — ученик 5 класса Виленской гимназии. В 1861 исключен из гимназии за участие в манифестациях 250, 251
- Белозор — см. Бялосор
- Белькевич — помещик им. Цехановишки Виленского у. 238
- Белявский Иван Юрьевич — виленский дворянин, фортепьянный мастер в Минске, участник манифестаций. В январе 1863 был выслан из Минска в Вильно за антиправительственную агитацию среди учеников Минской гимназии 550, 552, 567, 570, 671
- Белявский Иосиф Васильевич — полковник, командир 4 резервного батальона Муромского пехотного полка 68
- Белявский Петр — дворянин, волостной писарь Бельского у. 461
- Беляцкий — помещик Мстиславского у. 598
- Бем Юзеф Захарьяш (1794—1850) — генерал, участник войны 1812, восстания 1830—1831, эмигрант. Командовал армией во время венгерской революции 1848—1849 544
- Бендик — крестьянин Лауксянской вол. Росиенского у. 426, 492

- Бенецкий — чиновник Гродненской губернской почтовой конторы 293
- Бениславский Бронислав (? — 1864) — помещик им. Бонифацовой Ошмянского у. В 1863 — повстанческий гражданский начальник Ошмянского у., в октябре 1863 арестован, умер в тюрьме 240
- Беньковский — ученик 7 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Бенюшевич Соломон — отставной губернский секретарь, участник манифестаций в Вилкомире 62
- Бережецкий Семен Евдокимович — майор, командир эскадрона Московского драгунского полка 412
- Бержанский Франц — батрак дер. Дыльпше Плотельской вол. Тельшевского у. 421
- Беркман Михал (1823—1913) — учитель Виленской и Кейданской (с 1858) гимназий, муж Ю. Далевской. В 40-х годах член «Союза литовской молодежи». В 1863 — деятель ковенской повстанческой организации. В начале 1864 сослан вместе с женой 156
- Беркман Юзеф — студент Петербургского университета, уроженец Виленской губ. Входил в редакцию нелегального журнала «Едність» 106
- Бермонт Альберт — студент Петербургского университета 253
- Бернацкий — см. Бернацкий
- Бернадаки — домовладелец в Петербурге 11
- Бернатович Иосиф — коллежский секретарь, бухгалтер Ковенской казенной палаты 380, 406
- Бернацкий (Бернацкий) Юзеф (псевд. Владимир Иванов) — студент Петербургского университета, агент III отделения. Выслан в 1862 в Архангельск, где пробыл до 1870 4—6, 32, 33, 70, 106, 118—124, 237, 284—286, 291, 293, 295
- Бернот Антанас — крестьянин Окмянского общества Шавельского у. 429
- Бибилов Дмитрий Гаврилович (1792—1870) — генерал царской армии, с 1838 — киевский генерал-губернатор, в 1848—1852 — член государственного совета, с 1852 по 1855 — министр внутренних дел 522
- Билгорайский Францишек (1794—1874) — помещик, мировой посредник в Бельском у.; автор воспоминаний («Pamiętnik o sprawie chlopskiej w 1863 r.», Wroclaw, 1956) VIII, XXV, XL, LVI
- Бирюков Кузьма — крестьянин Ярославской губ. 263
- Бисмарк фон Отто Эдуард Леопольд (1815—1898) — немецкий государственный деятель, с 1862 — прусский, а в 1871—1890 германский канцлер 186
- Биспинг — помещик им. Струбицы Волковыского у. 447, 449
- Биспинг — помещик им. Верейки Слонимского у. 494
- Бистрам — помещик им. Гурный Двор Поневежского у. 385, 386, 405
- Битис (Бите) Адомаас (ок. 1836—?) — государственный крестьянин дер. Мажоляй Шавельского у., столяр. В 1863 — командир повстанческого отряда в Ковенской губ. После восстания эмигрировал во Францию, где вскоре умер 155
- Битнер — помещик Бельского у., активный участник манифестаций 1861 444, 445
- Битовт — участник кружка В. Дунина-Марцинкевича в Минске 541
- Блаудзевич — помещик им. Курше Поневежского у. 335
- Блажеевский Антон — чиновник Гродненского приказа общественного призрения 139
- Близнюк Федор Земянович — крестьянин дер. Тарасевичи Свенцянского у. 244
- Блях Лейзер — житель м. Семятичи Бельского у. 461
- Бо Генрих Андреевич — полковник, чиновник особых поручений при виленском ген.-губернаторе, член от правительства в Тельшевском и Россиенском уездных мировых съездах 239, 249, 374, 377, 420
- Бобинский Викентий — дворянин, домашний учитель в им. Белокурка Слонимского у., в 1863 — повстанец 507
- Бобровский Иосиф Иосифович — коллежский секретарь, аудитор войск Виленского военного округа 489
- Бобровский Стефан (1840—1863) — студент Петербургского университета, один из руководителей партии «красных», революционный демократ. Накануне восстания действовал на Украине. С января 1863 член ЦНК и Национального правительства, начальник Варшавы. Убит 31.III (12.IV) 1863 на дуэли, спровоцированной «белыми» XI, XXVIII, XLIII LIX, 168
- Бобровский — помещик Новоалександровского у. 332
- Бовкевич Юзеф — ксендз, прелат, доктор богословия, с 1863 (после высылки А. Красинского) — управляющий Виленской епархией, ставленник царских властей 100, 104, 106
- Богатко — в 1863 кассир повстанческой организации Гродненского воеводства 492, 493, 500, 501
- Богданович А. Ф. — пристав 4 стана Свенцянского у. 236
- Богданович Доминик Войтехович — староста Марковщизнянского сельского общества Белостокского у., в 1865 сослан в Сибирь за отказ платить помещику оброк и исполнять распоряжения властей 511, 512
- Богданович Зенон — гвардии прапорщик (поручик?), мировой посредник 6 участка Россиенского у. 419
- Богданович Ян (1827(?) — ?) — люблинский помещик. Был в 1862 помощником

- члена ЦНК, примыкал к правому крылу «красных». В декабре 1862 арестован и сослан 166
- Богданович — член Витебского крестьянского комитета, участник манифестаций 572
- Богдановичева — помещица им. Виргаине Россиенского у. 335
- Богомолец — мировой посредник Витебского у. 579, 580
- Богущ — предводитель дворянства Рогачевского у., в октябре 1861 арестован за подписание адреса о присоединении Могилевской губернии к литовским губерниям 607—610
- Богущевич Францишек Казимирович (1840—1900) — студент Петербургского университета (1861), участник восстания 1863, впоследствии — видный белорусский писатель-демократ 285
- Богущевич — помещик Лепельского у. 577
- Бокшанин Алоизий — коллежский ассессор, почтмейстер в Ошмянах. Связан с обществом «Пёнтковичей» 285, 286, 295
- Бокшанин Валериан — коллежский регистратор. Связан с обществом «Пёнтковичей» 295
- Бокшанин Викентий — дворянин, писец Ошмянского уездного суда, участник манифестаций 288, 289, 292, 293
- Бокшанин — канцелярист Ошмянской городской ратуши, президент общества «Пёнтковичей» в Ошмянах, участник манифестаций 33, 285
- Болдырев И. — житель Тамбовской губ. 522
- Болондз Иоанн — ксендз, настоятель Новомейского костела Поневежского у., участник манифестаций 1861 375
- Болонин Михаил Матвеевич — отставной подполковник, городничий Вилкомира 389, 390
- Болчек — помещик Лидского у. 241
- Большой — инспектор Белостокской гимназии 440
- Бомбир — казенный крестьянин Слонимского у., в 1861 агитировал крестьян к отказу исполнять инвентарные повинности 437
- Бонольди Джузеппе Ахилло Эльвио (1821—1871) — учитель пения, литератор, фотограф. Итальянец, с 1842 жил в Вильно. Член Литовского провинциального комитета, в феврале 1863 как иностранный подданный выслан из России, тогда же назначен представителем комитета за границей. Участник Парижской Коммуны, умер от ран 166, 191, 199, 201, 208
- Борис Николай Данилович — временнообязанный крестьянин им. Шостаков Слуцкого у. 322
- Борковский — поручик 10 линейной роты Псковского пехотного полка 474
- Борковский — инициатор крестьянских волнений в им. Лауксодзе Поневежского у. 385
- Боровик Степан — минский мещанин, сапожник, активный участник манифестаций 552
- Боровская Ф. — жительница Минска 522
- Боровский Каспер (1802—1885) — профессор духовной академии в Вильно, потом в Петербурге. Епископ луцко-житомирский. В 1862 участвовал в съезде епископов в Риме. В 1869 сослан царскими властями в Пермь 101, 105, 106
- Боровский К. — житель Москвы 522
- Боровский Юлиан — ученик 5 класса Виленской гимназии. В 1861 исключен из гимназии за участие в манифестациях 250, 251
- Боровский — ученик 5 класса Виленской гимназии, брат Юлиана Б., участник манифестаций 250
- Борткевич Иероним Осипович — старший заседатель Вилкомирского земского суда 390
- Борткевич — мировой посредник 2 участка Свенцянского у. 309
- Борткевич — лесной стражник Слонимского у. 490
- Борщевский Карл Лаврентьевич — инспектор Ковенской гимназии 383
- Босак см. Гауке Ю.
- Бохвиц Паулина — помещица Новогрудского у. В 1863 привлекалась к следствию по делу Минской революционной организации, освобождена от ответственности за отсутствием улик 569—571
- Бохуржевский — кузнец дер. Чартаево Бельского у. 482
- Бочковская — помещица имений Спягла, Гоздово и Чурлионы Свенцянского у. 232—235, 239, 244, 245
- Бочульский Яков — сторож Ошмянского уездного суда 288, 289
- Бражевич — агент революционной организации 122
- Брандт Александр Александрович — поручик Тельшевской жандармской команды 358, 365, 412
- Брандт Антон Бронислав Казимирович — младший окружной врач Виленской палаты государственных имуществ 61
- Брандт Петр Владислав (1836—1912) — поручик Либавского пехотного полка, уроженец Виленской губ. В апреле 1863 перешел на сторону повстанцев, командовал отрядами в Гродненском и Августовском воеводствах. После восстания в эмиграции 181, 182
- Браницкий Ксаверий (ок. 1814—1879), граф — польский магнат, эмигрант. Финансировал ряд патриотических предприятий. В 1863 член польского комитета в Париже 169
- Бредис Ионас — крестьянин им. Биржи Поневежского у. 399

- Бредшнейдер — помещик им. Водоксты Митавского у. Курляндской губ. 429
- Бредыцкий — ксендз, настоятель Глубокского костела Дисненского у. 61
- Бржостовский Абдон, граф — отставной гвардии штаб-ротмистр, помещик им. Мосарже Дисненского у. 249, 252
- Бржостовский — помещик Копысского у. 598
- Бриль Гилярий — уроженец Варшавы, в 1861 служил в Ковно в конторе железной дороги 80, 360, 361
- Бриль Людвик — брат Гилярия Б., в 1861 служил в Ковно в конторе железной дороги 360, 361
- Бринк — помещик Копысского у. 598
- Бродовский — ученик 6 класса Виленской гимназии. В 1861 исключен из гимназии за участие в манифестациях 250, 251
- Брохоцкий Антон Рохович — губернский секретарь, ошмянский уездный предводитель дворянства 290, 295
- Брохоцкий Владислав Рохович — новогрудский уездный предводитель дворянства. Был арестован по подозрению в принадлежности к Минской революционной организации. По конфирмации Муравьева от 13 декабря 1864 выслан на жительство в Пермскую губ. 517, 568, 570, 571
- Брохоцкий — мировой посредник Виленского у. 313
- Брохоцкий — помещик им. Малое Можейково Лидского у. 305
- Брунова Идалия — участница манифестаций 1861 в Вильно 250
- Бубикова — помещица Быховского у. 596
- Будкевич Людвиг Иванович — крестьянин дер. Триречье Сокольского у. 292
- Будкевич — помещик Росненского у. 63
- Будоговский — капитан корпуса жандармов (Августовская губ.) 350
- Будревич — сапожник, участник манифестаций 1861 в Вильно 250
- Будрык Викентий — крестьянин дер. Дыльпше Тельшевского у. 421
- Буйван — и. д. рогачевского уездного земского исправника 600
- Буйко Андрей — староста дер. Кодовцы Свенцянского у. 323
- Буйницкая Александра — дворянка из им. Окунево Дисненского у., православная, участница манифестаций 1861 61
- Буйницкая Прасковья — дворянка из им. Окунево Дисненского у., православная, участница манифестаций 1861 61
- Буйницкий Рафаил — сын помещика Дисненского у., участник манифестаций 1861 61
- Бук Андрей — крестьянин Окмянского общества Шавельского у. 429
- Букат Александр — коллежский секретарь, подозревался в прикосновенности к обществу «Пётковичей» 295
- Буковский — сын помещика Поневежского у. В 1861 — активный участник манифестационного движения 372
- Букраба — помещик Брестского у. 434
- Булан Иван — крестьянин им. Шементовщина Свенцянского у. 245
- Буллат (?) — ксендз, участник манифестационного движения в Виленской губ. 55
- Булгак Томаш — участник заговора Конарского. Возвращен из Сибири по амнистии 50-х годов. В 1863 снова сослан. Умер в Варшаве в 80-х годах 223, 230
- Булгак — помещик Рогачевского у. 596, 599
- Бурбекль — гродненский актер, в 1861 принимал участие в манифестациях 457
- Бурбонов — унтер-офицер гарнизонного батальона в Белостоке 82
- Бургард Николай Иванович — ген.-лейтенант, начальник 1 кавалерийской дивизии 357
- Бусловский — крестьянин м. Хорош Белостокского у. 466
- Буташевич-Петрашевский Михаил Васильевич (1821—1866) — русский социалист-утопист, в 1849 арестован и приговорен к пожизненной каторге 190, 201
- Буткус Ионас (Иван) — крестьянин им. Дорбяны Тельшевского у. 404
- Буткус — полицейский десятский Лауксцянской вол. Росненского у. 425
- Бутлер — помещица, участница манифестационного движения в Вилкомире 62
- Бутнор Иван — крестьянин Окмянского общества Шавельского у. 429
- Бутовичевна Домицеля — служанка, участница манифестаций в Поневеже 374
- Бутримович — чиновник Росненского уездного суда, участник манифестационного движения 63
- Буховецкий Станислав — студент Петербургского университета, эмигрировал в 1860, член «Общества польской молодежи», ученик польской военной школы в Генуе, в 1863 — командир повстанческого отряда в Виленской губ. 171, 174
- Буховецкий — помещик Гродненского у. 434, 437
- Будевич Адам — помещик Росненского у. 23
- Будевич Адольф — помещик Росненского у. 23, 25, 29
- Будевич Бронислав (ошибочно Владислав) — (1836—1917) — студент Киевского университета, уроженец Росненского у. В 1861 участвовал в попытке напечатать нелегальные произведения М. Акелайтиса в Мемеле, арестован и выслан в Ярославль 23, 25, 27—29, 48, 90, 96, 414
- Бушковский Михаил Андреевич — д. с. с., могилевский вице-губернатор 610, 613
- Бучинский Игнатий — писарь Тельшевской жандармской команды 358
- Бышевский Михаил (Антоний?) (1823—ок. 1880) — викарный ксендз костела св.

Яна в Вильно. В 1861 за участие в манифестации заключен в Динабургскую крепость, в 1862 выслан в Вятскую губ., но вскоре возвращен и назначен ксендзом в Троцкий у. В 1863 — повстанческий комиссар Троцкого у. После восстания — в эмиграции 56, 74, 78—90, 117

Бышинский Викентий — студент Петербургского университета, уроженец Вилейской губ. В 1863 повстанец в отряде Ф. Вислоуха 253—255

Бялковский — см. Белковский

Бялзор (Белозор) Винцентий (1816—1863) — помещик им. Поезёры Поневежского у., активный участник манифестационного движения в Поневежском у. В 1863 руководил повстанческим отрядом. Расстрелян в Ковно 29.V 1863 373

Бялокос Адольф (ок. 1828—1863) — учитель музыки в Белостоке. В 1863 повстанческий начальник Белостока, был арестован и на пути в ссылку покончил жизнь самоубийством 493

Бялоцкий Эдуард Григорьевич — статский советник, председатель Гродненской казенной палаты 456, 458

Вавер — см. Рамотовский К.

Вавилон Тимофей — писарь Тельшевской жандармской команды 411—413

Ваврас — сотский им. Плунгяны Тельшевского у. 411

Вагнер Юзеф (1815—1882) (псевд. Мефистофель (?), Хмелевский, Ойдец) — типографист, театральный переводчик, журналист. В мае—ноябре 1863 заведовал подпольными типографиями, в июле входил в состав Национального правительства, в ноябре эмигрировал 179, 188

Важинский — помещик им. Таборишки Вилейского у. 233, 238

Вайчкус Ионас (Иван) — десятский им. Ляцково Шавельского у. 423, 424

Вайчус Юозас (Иосиф) — крестьянин Векшинской вол. Шавельского у. 424

Вайшвила (Войшвилло) Антанас — крестьянин им. Плунгяны Тельшевского у. В 1861 агитировал крестьян к восстанию против помещиков. Арестован и сослан 410—413

Валанюс (Волончевский) Мотеус (1801—1875) — жемайтский (тельшевский) католический епископ с 1850, литовский дидактический писатель. Выступал против крестьянского антипомещичьего движения, в 1863 — против повстанцев. В 1865 состоял под следствием, однако репрессиям не подвергался XV, XXXI, XLVI, LXII, 65, 326, 335, 337, 360, 372, 374, 376, 377, 383, 392, 605

Валейкова — крестьянка им. Декшне Вилкомирского у. 418

Валицкая Людвика — дочь помещицы Ва-

лицкой, в 1861 участвовала в манифестациях в Вильно 247, 248

Валицкая — помещица, участница манифестаций 1861 в Вильно 248

Валицкий Адольф — коллежский ассессор, ошмянский уездный казначей, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 294

Валицкий Александр (ок. 1825 — ок. 1890) — книгопродавец в Минске, активный участник манифестаций, в январе 1863 выслан в Тамбов. Автор ряда работ по языкознанию и искусствоведению 48, 552

Валицкий — помещик Борисовского у. 566, 567

Валуев Петр Александрович (1814—1890) — государственный деятель, с апреля 1861 по 1868 министр внутренних дел XX, XXXVI, LI, LXVII, 20, 29, 36, 37, 53, 54, 66—68, 71, 73, 97, 230, 274, 276, 312, 320, 368, 380, 401, 410, 420, 460, 471, 473, 475, 476, 483, 484, 524, 526, 529, 530, 532, 535, 536, 538, 549, 551, 572, 580, 592, 595, 600, 609—613

Ванькович Адам (1827—1895) — помещик, окончил Николаевскую инженерную академию, участвовал в разработке крестьянской реформы. В 1863 — повстанческий гражданский начальник Минского у. В 1864 сослан на поселение в Сибирь 560

Ванькович Ян — офицер, один из первых членов гродненской революционной организации, созданной К. Калиновским 496

Варавский Фердинанд (1835 — ?) — поручик, член петербургского офицерского кружка, один из ближайших сотрудников Я. Домбровского. В 1862 был привлечен к следствию, в 1866 сослан на каторгу 120, 124

Вартман — помещик Быховского у. 596

Варфоломеев Никифор — отставной унтер-офицер, один из инициаторов крестьянских волнений в им. Биржи Поневежского у. 399, 400, 401

Василевская Пелагея — дворянка, участница манифестаций в Дисненском у. 61

Василевская Филомена — дворянка, участница манифестаций в Дисненском у. 61

Василевская Юлия — дворянка, участница манифестаций в Дисненском у. 61

Василенок Викентий — дворовый в им. Турлы Вилейского у. 237

Василий (Лужинский) — архиепископ полоцкий и витебский 581, 589, 591, 592

Васильев Евграф — крестьянин Тверской губ. 263

Васильев Михаил Сергеевич — майор, полицмейстер Ковно 109, 113, 341

Васильев Петр Сергеевич — полковник, полицмейстер Вильно в 1858—1863 118, 223, 227, 250, 251, 253, 262, 272, 282, 294, 296, 312, 358

Васильчиков Илларион Илларионович (1805—1862), князь — ген.-адъютант, киевский ген.-губернатор 13, 43, 77, 78, 80

Васюк — отставной рядовой, уроженец Виленской губ., слесарь. В 1850 был наказан розгами и отдан на военную службу «за знание о предполагавшемся в гор. Вильно бунте и согласие участвовать в оном». В 1856 уволен со службы с возвращением на родину под надзор полиции. В 1861 подозревался в изготовлении оружия в им. помещика Осерко Рогачевского у. 610, 611

Ватаци — помещик Копыского у. 598

Вегнер Леон — польский общественный деятель в Познани 46

Вежхлейский (Вержхлейский) Роман (1825—1887) — ассессор трибунала в Суwalkах. В июне 1861 выслан за участие в манифестациях, но вскоре возвращен. Впоследствии адвокат 351

Веймарн Александр Петрович — свитский ген.-майор, в 1861 руководил подавлением крестьянских волнений в Витебской губ. 83, 84, 572, 574, 576, 585, 586

Велёпольский Александр (1803—1877), маркиз — реакционный политик, враг освободительного движения в Польше. В 1861 — директор Правительственной комиссии вероисповеданий и просвещения и Правительственной комиссии юстиции, с мая 1862 — начальник гражданского управления в Королевстве Польском 178, 188, 310, 311, 416, 611

Велиовейский — помещик Брестского у. 434

Величка — помещик им. Юцуны Ковенского у. 334

Величко Игнатий — отставной ротмистр, мировой посредник 1-го участка Вилкомирского у., участник предповстанческого движения в Ковенской губ. В 1863 сослан в Сибирь 314

Велович — пятисотский м. Скавдвиле Россиенского у. 327

Вельц Севастьян — виленский ремесленник, калошный мастер. Выслан с семьей в Астраханскую губ. за участие в манифестации 6.VIII 1861 268—272

Венцлавович — мировой судья 6 участка Борисовского у., противник освободительного движения 109, 113

Венцлавский Антон Станиславович — мировой посредник 1-го участка Тельшевского у. 420

Верещага — помещик Кобринского у. 437

Верещинские — помещицы им. Лауксодзе Поневежского у. 384, 396

Верещинский Казимир Михайлович — инженер-поручик, мировой посредник 5-го участка Поневежского у. 397

Верещинский Юлиан (?—1863) — сын помещика, один из создателей и агент Го-

родского комитета и ЦНК в Варшаве, примыкал к левому крылу «красных», комиссар Калишского воеводства, погиб в восстании 167

Верещинский — ученик 5 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250

Вержицкий Иосиф — губернский секретарь, чиновник Ошмянской дворянской опеки. В 1864 г. предан суду по делу «Пентковичей» 287—290, 294, 296

Вержицкий (?—1863) — сапожник в Минске, участник предповстанческой организации. В 1863 — десятник в отряде А. Трусова, умер от раны 555, 558

Вержбонич — помещик. Его дочери участвовали в манифестации в Виленском у. 69

Вержхлейский — см. Вежхлейский

Верига-Даревский (Вериги) Артемий Игнатьевич (1816—1884) — белорусский писатель, активный участник предповстанческого движения и восстания 1863 в Витебской губ. Арестован в мае 1863, сослан в Сибирь, где и умер 572

Вериги Эдмунд (ок. 1840—1902) — студент Петербургского университета, член Литовского провинциального комитета, активно участвовал в подготовке восстания. Арестован в феврале 1863, сослан на каторгу, откуда вернулся в 1874 8, 10, 123, 124, 164, 166, 167, 170, 171, 195—199, 205, 207—209, 222—224, 206, 228, 229, 490, 497, 511

Вериги — помещик им. Людвигово Дисненского у. 249

Вернадский Иван Васильевич — чиновник особых поручений при министре внутренних дел 522

Верницкий Ян — почтовый чиновник. Осенью 1862 — помощник члена ЦНК, в марте 1863 член Национального правительства, затем в оппозиции Национальному правительству. После восстания арестован, но вскоре освобожден 177

Верюжский Александр — рядовой Вилкомижского пехотного полка 461

Веселитский Сергей Гаврилович — ген.-лейтенант, командир 6 пехотной дивизии, председатель Виленской следственной комиссии 120, 156, 163, 299

Вечеслов Николай Михайлович — капитан, адъютант могилевского жандармского штаб-офицера 611, 613

Вечунас Пранас (Франц) — крестьянин им. Лидзюны Новоалександровского у. 346

Вивульский Павел (?—1864) — в 1863 командир косинеров в повстанческом соединении Сераковского, тяжело ранен в сражении под Биржами, умер в госпитале 212, 215

Виксельский — ученик 5 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250

- Вилим Юргис (Юрий) — крестьянин Векшнянской вол. Шавельского у. 424
- Вилинский Лаврентий — десятский дер. Чертаево Бельского у., обвинялся в распространении «Мужичьей правды» 482, 483
- Вилкас Юозас (Иосиф) — крестьянин Векшнянской вол. Шавельского у. 424
- Вилькошевский Владислав (?) — агент Литовского провинциального комитета. Погиб (?) во время восстания 166
- Вильчевский Валериан (? — после 1913) — доктор. В 1863 повстанческий начальник (по другим данным — помощник начальника) Слонима. Сослан на каторгу 492
- Вимберг — брестский уездный военный начальник 133, 471, 490
- Винская — сестра учителя м. Тикоцин Граурта, в 1861 участвовала в манифестациях в Белостоке 441, 442
- Винча Артур — сын помещика, участник манифестаций в Дисненском у. 61
- Винча Болеслав — сын помещика, участник манифестаций в Дисненском у. 61
- Вирмин Владислав (псевдоним?) — агент повстанческой организации Королевства Польского в Ковенской губ. 156
- Вислюх Феликс — из дворян Речицкого у., учился в Киевском университете. Перед восстанием находился в польской военной школе в Генуе. В 1863 — командир повстанческого отряда, действовавшего в Виленском, Троцком и Ковенском уездах. Сторонник программы «красных». После восстания эмигрировал 161, 171
- Висмин Изидор — крестьянин Векшнянской вол. Шавельского у. 424
- Висьмонт Викентий — канцелярский чиновник Россиенского уездного казначейства, участник манифестаций 63
- Висьмонт Иван — канцелярский чиновник Россиенской дворянской опеки, участник манифестаций 63
- Витгенштейн Петр Людвигович, князь — крупный земельный магнат в Белоруссии 239, 522, 545
- Витерт Антон — крестьянин им. Попеле Новоалександровского у. 388, 395
- Виткович (Витковский) — студент, участник манифестаций в м. Глубоком Дисненского у. 61, 581
- Витковский Викентий (ок. 1841—?) — сын сафьянного мастера, воспитанник Виленской гимназии. Руководитель кружка учащейся и ремесленной молодежи в Вильно. В сентябре 1860 арестован, после следствия отдан в солдаты в Отдельный Оренбургский корпус XIII, XIV, LXI, 8, 9, 31, 32, 219—224, 227—230
- Виткус — крестьянин дер. Юдейки Тельшевского у. 411
- Витте — капитан, в 1861 н. о. гродненского жандармского штаб-офицера 443, 445—449, 459
- Вишневский Давид — крестьянин дер. Гержоды Россиенского у. 427, 428
- Вишневский Иосиф — житель Вильно, дядя Карла В. 222
- Вишневский Казимир — крестьянин дер. Гержоды Россиенского у. 427, 428
- Вишневский Карл (ок. 1841—?) — сын сафьянного мастера, воспитанник Виленского дворянского института, участник революционного кружка Витковского в Вильно 31, 219, 223—230
- Вишневский Фаддей Феликсович — помещик, мировой посредник 3 участка Мозырского у., кандидат естественных наук Петербургского университета. В 1863 — повстанческий гражданский начальник Мозырского и Речицкого уездов. В октябре 1863 выслан в Пермскую губ. 552
- Вишневский Фома — крестьянин дер. Гержоды Россиенского у. 428
- Вишняков — помещик им. Литваны Свенцянского у. 232, 239
- Влодек — помещик, в 1863 — повстанческий военный начальник Пружанского у., предводитель отряда. Эмигрировал 497
- Война Гавриил — участник кружка В. Дунина-Марцинкевича в Минске 541
- Войнилович Иосиф — помещик Слуцкого у. 545
- Войнилович Константин Ксавьеревич — помещик им. Шостаков Слуцкого у. 544
- Войнишка (Войнишко) Иосиф-беглый унтер-офицер Ковенского гарнизонного батальона. В 1861 арестован за «превратное толкование» крестьянам манифеста 19 февраля 85, 335
- Войнюш Юлиан — коллежский секретарь, секретарь Ошмянского уездного суда. Активный деятель общества «Пёнтковичей». В 1864 предан военному суду 286, 291, 294, 296
- Войсятыч Юзеф — управляющий им. Красник Гродненского у. В 1863 военный референт Гродненской повстанческой организации. Сослан в Сибирь 491, 492, 494, 495, 500
- Войткевич Александр — минский римско-католический епископ 524, 525
- Войткевич — чиновник Бельского уездного суда. В 1862 арестован за связь с Г. Абихтом 153
- Войткусский Игнатий Игнатьевич — статский советник, вице-директор 2 департамента Министерства государственных имуществ 458
- Войцеховский Николай — органист виленского кафедрального костела 257
- Войцицкий Адам — каретный мастер в дер. Белосточек Белостокского у., в его доме в 1862 была открыта тайная воскресная школа для крестьянских детей 472
- Войчинский — помещик Гродненского у. 437

- Войшвилло Антон — см. Вайшвила Антанас
- Войшвилло Зенон — помещик Тельшевского у., студент Московского университета, кандидат в мировые посредники, участник предповстанческого движения в Ковенской губернии. В феврале 1863 арестован. Сослан в Сибирь 360, 414, 415
- Волбек Франц — помещик, член Слонимской нелегальной библиотеки 505
- Волгодский Михаил — дворянин, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 295
- Волк Иосиф — дворянин, житель дер. Грандзичи Гродненской губ. 479
- Волкановский — дворянин, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 295
- Воллович Владислав — помещик, член Слонимской нелегальной библиотеки 505
- Воллович Густав — студент Петербургского университета. В 1863 участник повстанческой организации Ошмянского у., погиб в бою 253, 285
- Воллович Евстафий — слонимский уездный предводитель дворянства 505
- Воллович Михаил — помещик Ошмянского у., брат Густава В., член «Библиотеки ошмянской молодежи», участник восстания 1863. Эмигрировал 285
- Воллович — мировой посредник Слонимского у. 133, 490
- Волнович Матвей — крестьянин им. Медники Виленского у. 238
- Володзько Валерий (1831—1904) (псевд.: Кошиц Вацлав) — участник восстания 1863 в Минской губ., в эмиграции (Львов) — писатель и общественный деятель, оставил «Wspomnienia z powstania województwa Mińskiego w r. 1863» («Polska w walce», t. II. Kraków, 1875) 187
- Володкевич Михаил Петрович — крестьянин дер. Близники Свенцянского у. 243, 244
- Володкевич — бухгалтер Россиенского уездного казначейства, участник манифестаций 63
- Володкевич — помещик им. Понятычи Виленского у. 241
- Волончевский — см. Валанчюс
- Волчанинов — службый городничий 540
- Волчанский. (Волчаский) Михаил — чиновник Ошмянского уездного казначейства, руководитель «Библиотеки ошмянской молодежи» 33, 288, 290, 291
- Вольдемар Адольф — студент Московского университета 253
- Вольский — поручик Псковского пехотного полка 443
- Вольский — помещик им. Липнишки Ошмянского у. 240
- Вольт — крестьянин дер. Плывчи Витебской губ. 586
- Воронович Матеуш — житель Сокольского у. 486
- Воропай — витебский губернский землемер 584
- Врангель Егор Петрович, барон — ген.-лейтенант, попечитель Виленского учебного округа 15, 248
- Вроблевский Осип Мартинович — коллежский асессор, старший заседатель Бельского уездного суда 153
- Вронский — директор Мозырской гимназии 540
- Вротновский (ошибочно Вростовский) Антоний (1823—1900) — помещик и юрист, адвокат в Варшаве, член Главной дирекции Кредитного общества в Королевстве Польском, автор многих статей по финансовым и экономическим вопросам 159, 164
- Вротновский Вацлав Осипович — коллежский асессор, полицейский пристав 1-й части Гродно 446
- Врублевский Б. — чиновник Свенцянского уездного суда 294
- Врублевский Валерий Антоний (1836—1908) польский революционер-демократ. Окончил Лесной институт в Петербурге. Перед восстанием, занимая должность начальника егерского училища в Соколке, играл видную роль в деятельности гродненской революционной организации, помогал К. Калиновскому в издании «Мужицкой правды». В 1863 — один из руководителей восстания в Гродненском, а затем Подляском и Люблинском воеводствах. Позднее — генерал Парижской Коммуны, член Генерального Совета I Интернационала X, XI, XXVII, XXVIII, XLI, XLIII, LVII, LIX, 133, 154, 174, 182, 186, 210, 490, 491, 493, 496, 499, 504, 509—511
- Врублевский Зыгмунт (1845—1888) — студент Киевского университета. В 1863 секретарь при повстанческом начальнике Гродненского воеводства С. Сильвестровиче. Арестован и сослан в Сибирь. В дальнейшем известный физик, профессор Краковского университета 496, 501—504
- Врублевский — дворянин. В 1861 «неправильно объяснял» крестьянам местные положения в Люцинском у. 83, 573
- Высокинский Феликс Каетанович — поверенный помещицы им. Хорош Белостокского у. гр. Пржездецкой 465, 467
- Высоцкий Юзеф (1809—1873) — генерал, член Демократического общества, один из руководителей польской военной школы в Италии (1861—1862), участник восстания 1863 11, 80, 360, 361
- Вышинский Цезарий — врач, организатор библиотеки в Свенянах 285, 294
- Вышинский Юлиан — чиновник, брат Цезария В., организатор библиотеки в Свенянах 285, 294

- Габриэля Э.—псевдоним автора письма А. Домейке 18, 55, 236
- Габшевич (Гобшевич) Анджей—ксендз, законоучитель Ковенской гимназии. В начале 1862 выслан в Петрозаводск за участие в манифестациях 74, 90, 383
- Гавронский Болеслав—студент Петербургского университета, уроженец Виленской губ. 253
- Гавронский—помещик Мариампольского у. 28
- Гадон Любомир (1831—1908)—помещик Тельшевского у. Окончил Дерптский университет, был депутатом Ковенской уголовной палаты. В 1863—повстанческий гражданский начальник Ковенского воеводства. Позднее—секретарь польского дипломатического агентства в Лондоне, секретарь кн. В. Чарторыского, директор Польской библиотеки в Париже. Автор трехтомного труда «*Emigracja polska*» (Kraków, 1901—1902) 161
- Гадон Тит—штабс-ротмистр, мировой посредник 3 участка Тельшевского у. 414
- Гажич Витольд (?—1864)—сын помещика Брест-Литовского у., студент Петербургского университета, один из руководителей повстанческой организации в Лидском у. Арестован в 1863, умер в Москве по дороге в ссылку 163
- Гайкало Петр—крестьянин дер. Русский Боратынец Бельского у. 461
- Гайлюс Ионас (Иван)—батрак им. Ляцково Шавельского у. 423, 424
- Галензовский Юзеф (1834—1916)—капитан генерального штаба, преподаватель военной академии в Петербурге. В 1863—референт Национального правительства по военным вопросам, затем начальник Военного отдела. В апреле 1864 эмигрировал 170, 175, 187
- Галлер, фон, Иван Владимирович—полковник, правитель канцелярии виленского ген.-губернатора; с марта 1862 ген.-майор, гродненский губернатор 100, 104, 106, 109, 112, 133, 223, 227, 468—477, 481, 482, 484, 485, 490, 493
- Гальмин Юрий—крестьянин Векшнянской вол. Шавельского у. 424
- Ган Федор—помещик им. Бутнюны Поневежского у. 355
- Ган—директор Белостокской гимназии 440, 469, 470
- Ган—помещик Ошмянского у. 286, 293
- Ган—чиновник Ошмянской городской ра-туши 33
- Ганчик—крестьянин дер. Номиков Сокольского у. 488
- Гарбовский Евстафий—помещик, член Слонимской нелегальной библиотеки 505
- Гарбовский Матвей—крестьянин им. Медники Виленского у. 238
- Гаргас Ионас (Иван)—десятский Векшнянского общества Шавельского у. 428
- Гарелис Иосиф—крестьянин Векшнянской вол. Шавельского у. 424
- Гарен Криштоф, барон—помещик им. Рымдауги Поневежского у. 355, 387
- Гарибальди Джузеппе (1807—1882) 11, 56, 82, 98, 101, 103, 105, 297, 299, 380, 523, 531, 544, 585
- Гартман Федор Дмитриевич—надворный советник, уездный врач Шавельского у. 425
- Гартунг Фердинанд—студент Московского университета 253
- Гасюнас—крестьянин им. Биржи Поневежского у. 401
- Гауке Юзеф (1834—1871)—офицер русской армии до 1862. С октября 1863 командующий повстанческими отрядами Сandomирского и Краковского воеводств (псевд. «Босак»), генерал. После восстания—деятель демократической эмиграции. Во время франко-прусской войны погиб, командуя бригадой во французской армии 183
- Гаурилкевич Казимир—губернский секретарь, столоначальник Ошмянского уездного суда. Активный деятель «Библиотеки ошмянской молодежи». В 1864 предан суду 285, 287—292, 294, 296
- Гаурилкевич Эмилия—жена Казимира Г. 293, 295
- Гедговд Мамерт—мелкопоместный шляхтич из окрестностей Ляуде Поневежского у., в 1863—командир повстанческого отряда, после восстания скрывался под чужим именем 155
- Гедговд—помещик им. Габшишки Россиенского у. 330
- Гедранович—участник кружка В. Дунина-Марцинкевича в Минске 541
- Гедрик Ян—старшина Лауксодской вол. Поневежского у. 385
- Гедройц Витольд (1826—1879, князь—в 40-х годах учился в Петербургском университете и принадлежал к студенческому кружку З. Сераковского. Впоследствии примыкал к «белой» партии. В 1863—повстанческий комиссар Виленского у. Сослан на каторгу 315
- Гедройц Николай (ок. 1825—1894), князь—помещик Виленской губ. В 1848 окончил Петербургский университет. Был мировым посредником. Принадлежал к организации «Белых». В 1863—повстанческий гражданский начальник Виленского воеводства. Сослан на каторгу 161—164
- Гейденрейх Михаил Ян (1831—1886)—офицер русской армии, член польского офицерского кружка в Петербурге, с лета 1863 присоединился к повстанцам (псевд. «Крук»), был военным начальником Люблинского и Подляского воеводств, командовал в чине генерала крупными повстанческими соединениями, в 1864 эмигрировал 183—185, 510
- Гейтманович—см. Эйтманович Ю.-М.

- Гейштор Витольд Антонович — дворянин Минской губ., чиновник канцелярии минского губернского прокурора, в 1863 повстанец отряда А. Трусова 558
- Гейштор Стефан (ок. 1801—1870) — помещик им. Забелишки Ковенского у., дядя Якуба Г. В 1863 сослан 334
- Гейштор Якуб Вильгельм Каспер (1827—1897) — ковенский помещик, публицист, один из руководителей партии «белых» в Литве и Белоруссии, в 1863 — председатель «Отдела, управляющего провинциями Литвы». 31.VII 1863 арестован, сослан на каторгу. Автор воспоминаний «Pamiętniki z lat 1857—1865» (2 t. Wilno, 1913) 18, 79, 120, 124, 146, 156, 159, 161, 163—165, 168—170, 210, 211, 213—217, 223, 258, 297, 312, 408, 493, 553
- Гелич Мисей — крестьянин дер. Березовка Брестского у. 472
- Гембицкий Люциан (ок. 1805—?) — ксендз, уроженец Бердичевского у. Киевской губ. Участник восстания 1831, эмигрировал, окончил Тулузский университет, в 1859 вернулся и стал иеромонахом тринитарского монастыря в Вильно. В июле 1863 арестован по подозрению в революционной агитации на территории Литвы и Украины и сослан в Пермскую губ. 7
- Гениуш Игнатий Игнатьевич (ок. 1818—?) — служащий Гродненской казенной палаты. В 1863 начальник бюро по переписке циркуляров и распоряжений при повстанческом начальнике Гродненского воеводства Э. Заблоком. Сослан на каторгу 492, 500, 502, 503
- «Генрих» — подпись под письмом из Минска в Москву, студенту К. Корженевскому 523
- Геншель Константин (1841—1903) — студент Московского университета, участник манифестаций в Лиде. В 1863 — повстанческий гражданский начальник Лидского у. Позднее — в эмиграции 61
- Гералтовский Даниил Иванович — пристав 2 стана Шавельского у. 422, 425, 429
- Гербель Даниил Карлович — свитский ген.-майор 518, 519
- Герберский Юлиан — коллежский ассессор, заседатель Ошмянского уездного суда, подозревался в принадлежности к обществу «Пентковичей» 288, 289, 295
- Герубович Иван — помещик, член Слонимской нелегальной библиотеки 505
- Гершен Александр Иванович (1812—1870) (псевд. Искандер) — VII, XII, XXIV, XXVIII, XXIX, XXXIX, XLIII, LV, LIX, 6—8, 45, 68, 79, 95, 151, 172, 259, 280, 297, 381, 413, 420, 607
- Гетшель — рижский книгопродавец 229
- Гецевич — ученик 6 класса Виленской гимназии. В 1861 исключен из гимназии за участие в манифестациях 250, 251
- Гижицкий — помещик им. Кустовец Винницкого у. Подольской губ. 85
- Гиллер Агатон (1831—1887) — журналист, историк. Примыкал к умеренному крылу «красных». С июня 1862 — в ЦНК, в сентябре вел в Лондоне переговоры с Герценом. В марте—мае 1863 — член Национального правительства, редактировал подпольные издания «Стражница», «Рух», «Вядомосці с поля битвы». Позднее — в эмиграции. Автор труда: «Historia powstania narodu polskiego w 1861—1864 r.» (4t. Paryż, 1867—1871) 87, 175, 187, 211, 214, 217
- Гильдебрант Александр Михайлович — ген.-майор, с апреля 1861 — начальник IV округа корпуса жандармов 14, 18—20, 47, 51, 67, 69, 70, 73, 78, 79, 87, 88, 94, 114, 117, 146, 151, 248, 252, 264, 267, 279, 282, 283, 300, 308, 311, 312, 314, 315, 361, 363, 469, 470, 532, 579, 580, 602, 606, 611, 612
- Гинтовт Владислав — дворянин Вилкомирского у., в 1861 выслан в Ковенскую губ. за участие в студенческих волнениях в Петербурге 391
- Гинтовт — студент, участник манифестаций в Вилкомирском у. 35
- Гинтовт — ксендз, один из первых членов Гродненской революционной организации 496
- Гио — железнодорожный служащий в Белостоке, участник манифестаций 442
- Гичене (Гичене) Марциана, крестьянка Росненского у., участвовала в переправке через границу запрещенной литературы 25, 29
- Гладыш В. — член комитета польских эмигрантов в Шеффилде 86
- Глезер — помещик Гродненской губ. 80
- Гласко Ксаверий Леонардович — дриссенский уездный земский исправник 575, 576
- Глеба, Глеб — см. Кошанский Ю.
- Глебович — см. Я. Козелл-Поклевский
- Глиндзич Антон — помещик им. Кватерн Гродненской губ. 494
- Глиндзич Мечислав — доктор, в 1863 — повстанческий гражданский начальник Выковского у. 492, 494, 499, 502
- Глушанин Альфонс Антонович — коллежский ассессор, земский исправник Поневежского у. 354, 355
- Глушановский — помещик им. Соржицы Сенненского у. 612, 613
- Глушкевич Петр Иванович — беглый солдат Виленского гарнизонного батальона внутренней стражи, в 1861 арестован за возбуждение к волнениям крестьян Лепельского у. Именовал себя мещанином Гриневским 578
- Гнатковский — см. Лисовский
- Гнедовский Александр Иванович — священник Дворжицкой церкви Лепельского у. 590

- Гнецько Прокоп Иванович — крестьянин им. Шостаков Слуцкого у. 545
- Гноинский Ксаверий — помещик, член нелегальной Слонимской библиотеки 505
- Гобарович — помещик Лидского у. 241
- Гобшевич — см. Габшевич
- Говардовская Эмилия Францевна — жительница Минского у., жена отставного капитана. В 1864 привлекалась к следствию по делу Минской революционной организации (за переписку подозрительного характера), освобождена под надзор полиции 568, 570
- Говольд — отставной штабс-капитан, участник съезда помещиков Виленской и ковенской губернии 315
- Гогель Николай Валерьянович (1838—1870) — артиллерийский поручик, член виленской Особой следственной комиссии по политическим делам (до 1867), автор официозного сочинения «Иосифат Огрызко и петербургский революционный ржонд в деле последнего польского мятежа» (Вильно, 1866, 2 изд. 1867) 496, 504, 509
- Гогель Николай Васильевич (1809—1852) 223
- Годлевский — помещик им. Годлева Мариампольского у. 357, 416
- Годревский — б. унтер-офицер оренбургских линейных батальонов (сослан в Оренбург в 1849 по делу «Союза литовской молодежи», в 1857 возвращен). В 1862 принимал участие в манифестациях в Минске 550
- Гойлович — ученик 5 класса Виленской гимназии. В 1861 исключен из гимназии за участие в манифестациях 90
- Головин Иван Гаврилович (1816—1890) — публицист, эмигрант 24
- Головина (Головина) Анеля — помещица Минского у., участница манифестаций. В 1864 за связи с лицами, участвовавшими в минской революционной организации, выслана на жительство в Пермскую губ. 330
- Головина — крестьянин дер. Лозов Сокольского у. 459
- Головина — помещица Слонимского у. 436
- Гольдшмит — отставной солдат, полицейский сотский в Плунгянской вол. Тельшевского у. 412
- Гольтгоер Александр Федорович — ген.-лейтенант, начальник 3-й пехотной дивизии, гродненский военный начальник 453, 457
- Гольштейн — помещик Подбержанской вол. Поневежского у. 354, 387
- Гольштейнова — помещица им. Опоце Новоалександровского у. 335
- Голынская — помещица им. Полевичева Буда Мстиславского у. 598
- Голынский — помещик им. Монастырщина Мстиславского у. 598
- Гомбрович Онуфрий — помещик им. Лепогирь Поневежского у., активный участник манифестационного движения. В феврале 1863 арестован, сослан в Тамбовскую губ. 335, 372
- Горайский — ученик 7 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Горбатовский Юлиан Иванович — отставной коллежский секретарь, активный участник манифестаций в Минске, в 1862 предан полицейскому суду 550, 552
- Горбачевский Иосиф — священник, дриссенско-освейский благочинный 591, 592
- Горбун (Горбач) Осип — крестьянин, один из руководителей крестьянских волнений в м. Ивье Ошмянского у. 240
- Горецкая — содержательница кофейной в Вильно 220, 225
- Горецкий Тадеуш (1825—1868) — художник, окончил Петербургскую академию художеств, с 1857 жил в Париже 95
- Горновский Каetan — помещик Лепельского у. 590
- Городенский Вицентий — крестьянский мальчик с. Скоруп Белостокского у. 474
- Городенский — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Городецкая — дворянка, жительница им. Мнюта Дисненского у., участница манифестаций 61
- Городовский — слонимский земский исправник 490
- Горский — юнкер 3 батальона Невского пехотного полка. В 1861 арестован в Ковно за хранение запрещенного гимна 384
- Горский — помещик им. Саланты Тельшевского у. 412
- Гортинский — помещик Могилевского у. 595
- Горх — владелец типографии в Мемеле 21, 22, 26—28, 48
- Горчак Иосиф — студент Петербургского университета, активный деятель студенческого «Огула», за участие в студенческих волнениях был выслан из Петербурга в Сокольский у. под надзор полиции. В 1862—1863 принимал активное участие в агитационной работе среди крестьян Сокольского у. В 1863 осужден полевым судом, сослан в Пермскую губ. XVI, XXIII, XL VIII, LXIV, 485—489
- Горчаков Михаил Дмитриевич (1793—1861), князь — царский генерал. С января 1856 — наместник в Царстве Польском и командующий I армией 349
- Госевский Антоний — помещик, в 1863 повстанческий начальник Августовского у. 501
- Готовцев Дмитрий Валерианович — коллежский советник, управляющий Минской палатой государственных имуществ 528

- Гофмейстер Аполин (1825—1890) — помещик Брестского у., учился в Берлинском университете. В 1848 сослан в Сибирь по делу эмиссара Рера, возвратился по амнистии 1857. В 1863 — повстанческий гражданский начальник Брестского воеводства. Арестован и сослан на каторгу 491, 493, 497, 503
- Гоштовт — помощник секретаря Поневежского уездного суда, активный участник манифестационного движения 1861 372
- Грабовский, граф — помещик Брестского у. 434
- Граевский Константин — помещик Россиенского у. 23
- Граевский Людвиг (Антон?) — помещик им. Попелова Россиенского у., участвовал в попытке напечатать произведения М. Акалайтиса за границей 23, 25, 28, 29
- Граевич Юлиан — студент Петербургского университета входил в редакцию нелегального журнала «Едність» 106
- Грамер Август — прусский подданный, участник манифестаций в Виленском у. 33
- Гратри Александр 22
- Гребницкий Адам — владелец имений в Виленской и Витебской губерниях, мировой посредник Дисненского у. 321
- Гребницкий Юстиан — гвардии капитан, предводитель дворянства Лепельского у., отец Адама Г. 249, 252
- Грегорович — помещик им. Жары Лепельского у. 577, 578
- Греготович (ошибочно: Грегутровский) Томаш — уроженец Виленской губ., студент Петербургского университета, принимал участие в издании нелегального журнала «Едність». В 1863 — помощник повстанческого военного начальника Трокского у. 106, 191, 202, 254, 284
- Грейер — книготорговец в гор. Тильзите 24
- Грейчус Мартин — бессечно отпущенной рядовой. В 1861 отправлен на службу за возбуждение к волнениям крестьян Ковенского у. 338, 339
- Грекович Михал — ксендз, настоятель Гайновского костела Борисовского у. За содействие в 1861 пению запрещенных гимнов по конфирмации виленского ген.-губернатора от 1 июня 1863 выслан на жительство в Пермскую губ. 566, 571
- Грижмаловский Валериан Иосифович — губернский секретарь, мировой посредник 2 участка Дриссенского у. 591
- Григолюнас — помощник линковского волостного старшины Поневежского у. 385, 386
- Григорчук Яков Васильевич — крестьянин дер. Ковалевцы Белостокского у. 480
- Григорьев Николай Алексеевич (1837—?) — подпоручик л.-гв. Измайловского полка. Был, по-видимому, членом «Земли и во-
ли». В июне 1862 отдан под суд за «по-
рицание существующего порядка». Со-
слан в Сибирь на поселение 304, 305
- Григорьев Павел Николаевич — надворный советник, земский исправник Виленско-
го у. 233, 237
- Гриневецкий Адольф — б. ученик Вилен-
ской гимназии, активный участник мани-
фестаций 257, 259, 260
- Гриневецкий Иван — мировой посредник,
в 1863 — повстанческий гражданский на-
чальник Сокольского у. Арестован в
июне 1863, сослан на каторгу 493, 502
- Гриневецкий — помещик им. Каменный
Лог Виленского у. 233, 238
- Гриневицкий — в 1861 принимал участие
в издании «Гуторки старого деда» 86
- Гриневич Даниил Михайлович — пристав
3 стана Тельшевского у. 404
- Гриневич — помещик Слонимского у. 436
- Гриневич — десятский Видуклейской вол.
Россиенского у. 427
- Гриневич — чиновник Гродненской почто-
вой конторы, в 1863 — агент по переда-
че повстанческой корреспонденции 492
- Гриневский — помещик им. Веркеяны
Ошмянского у. 240
- Гриневский — см. Глушкевич
- Гринцевич Бронислав — канцелярский чи-
новник Ошмянского уездного суда.
В 1864 предан военному суду по делу
«Пёнтковичей» 288, 289, 294, 296
- Гринцевич Витольд — разорившийся по-
мещик, участник манифестации в Рос-
сиенах 63
- Грипп Антон — крестьянин дер. Черняк
Брестского у., в 1861 арестован за анти-
правительственное толкование манифе-
ста 19 февраля 435
- Гришкан — волостной старшина Дукштан-
ской вол. Новоалександровского у. 352
- Громадский — ксендз м. Горохова Влади-
мирского у. Вольнской губ., участник
манифестаций 1861 20, 49
- Гросс Северин (1821—?) — ротмистр, ми-
ровой посредник 4 участка Тельшевско-
го у. В 1863 был повстанческим военным
начальником Тельшевского у., руково-
дил отрядом (псевд. «Александритис»).
Эмигрировал за границу 414
- Гротус (Гротгус), вероятно, Карл, ба-
рон — помещик Поневежского у. 149
- Гротус (Гротуз) Матильда, баронесса —
помещица им. Тальгейм Поневежского у.
355, 387
- Гружевский — помещик им. Довмонтышки
Вилкомирского у. 405
- Грумша Осип — отставной солдат, воз-
буждал к волнениям крестьян им. Бир-
жи Поневежского у. 397, 400, 401
- Губаревич — поручик 210
- Губинский — канцелярист, участник мани-
фестаций в Ковно 342, 349
- Гудзинский — ксендз в гор. Вильно, сто-

- ронник сотрудничества с царизмом 100, 104
- Гудович — дворянин, в 1861 занимался доставкой продовольствия и одежды в повстанческие отряды Слонимского у. 507
- Гуза — ученик 6 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Гуза — ученик 4 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Гуза (Гузе) — ученик 5 класса Виленской гимназии, в 1861 исключен из гимназии за участие в манифестациях 250, 251
- Гундиус Вацлав (1828—?) — ксендз, настоятель костела св. Яна в Вильно, активный участник манифестаций. В 1862 выслан в Вятскую губ., вскоре возвращен и назначен ксендзом в Михалишки Виленского у. В 1864 сослан в Сибирь 55, 74, 78, 88, 90, 100, 104, 106, 117
- Гуппе Владимир — эконо́м им. Анусин Бельского у., обвинялся в подговоре крестьян к нападению на царских солдат в 1862 460—462
- Гурский Григорий — крестьянин дер. Вайниовцы Сокольского у., накануне восстания принимал участие в агитационной работе среди крестьян. В 1863 приговорен к ссылке в отдаленные губернии России 486, 488, 489
- Гурский — помещик Слуцкого у. 545
- Гурский — в 1863 командир конного повстанческого отряда в Августовском воеводстве 180, 188
- Гурчин — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губ. 315
- Гусаровский — владелец книжного магазина в Житомире 115
- Гуттри (Гутри) Александр (1813—1891) — познанский помещик, участник восстаний 1830—1831, 1846, и 1848, представитель либеральных помещичьих кругов. Противник немедленного восстания. В 1863 возглавил Великопольский революционный комитет, а также входил в состав ряда польских повстанческих органов за границей. Издавал «Pamiętniki» (2t. Poznań, 1870) 45, 46, 169, 170, 182
- Гуша Венедикт — помещик Лепельского у. 587
- Гуша Франц — помещик Лепельского у. 587
- Давидовский Иосиф — крестьянин Векшнянской вол. Шавельского у. 429
- Далевская Аполлония — см. Сераковская А.
- Далевская Ксавера — член виленской повстанческой организации, сослана вместе с матерью и сестрами 209, 213, 216, 282, 283
- Далевская Юзефа — член виленской повстанческой организации, сослана вместе с матерью и сестрами 209, 213, 216, 282, 283
- Далевская Юлия (? — 1874) — жена М. Беркмана. Член ковенской повстанческой организации, сослана вместе с мужем 156
- Далевский Александр (1827—1862) — один из организаторов «Союза литовской молодежи» в 1846. Арестован в 1849 и приговорен к каторжным работам в Сибири. В 1858 вернулся в Вильно 123, 217, 254
- Далевский Константин (1837—1871) — общественный деятель, в 1863 присоединился к З. Сераковскому со своим отрядом, после подавления восстания участвовал в переправке повстанцев за границу; расстрелян в Париже версальцами в 1871 156, 213, 216
- Далевский Титус (1841—1863) — студент Московского университета. В 1863 секретарь-экспедитор при Я. Гейшторе, с лета — ближайший сотрудник К. Калиновского. Арестован 8.XII 1863, казнен 30.XII 1863 162, 211, 213—217
- Далевский Францишек (1825—1904) — организатор «Союза литовской молодежи» в 1846; один из руководителей «белой» партии в Литве и Белоруссии, в 1863 член Отдела, управляющего провинциями Литвы, 9.VI 1863 арестован, приговорен к 20 годам каторги 120—124, 146, 159, 160, 163, 164, 199, 209—217, 254, 259, 493
- Дален К. — в 1863 командир конного повстанческого отряда в Августовском воеводстве 182
- Данилевич Иосиф — крестьянин Векшнянской вол. Шавельского у. 218
- Дановский Флориан (1822—1903) — член Братского союза литовской молодежи, в 1848 сослан в Сибирь, в 1863 агент повстанческих властей в Ковенской губ., арестован и сослан 212
- Данчевич Игнатий — крестьянин дер. Парфяновичи Волковысского у., в 1861 обвинялся в сопротивлении полицейским властям 449
- Даукша — домовладелец в Вильно 196, 207
- Даукшас Рафаил — десятский Векшнянского общества Шавельского у. 428
- Даукшис (Даукша) Эдвардас — Иокубас (1836—1890) — студент Московского, Дерптского и Кенигсбергского университетов, литовский поэт (писал также по-польски), деятель литовского национально-освободительного движения, участник восстания 1863, после 1863 сослан 156, 312
- Дачевский — участник манифестаций в Бельске, в 1861 предан Гродненскому полицейскому суду 444, 445
- Дашкевич Конрад — помещик Гродненского у., в 1863 окружной повстанческий начальник в Гродненском у. 492, 500

- Дашкевич Франц Юрьевич — пристав 5 стана Новоалександровского у. 346
- Дашкевич — помещица им. Орле Бельского у., участница манифестаций в Бельске 444, 445
- Девальден Иосиф — старший ксендз витебских костелов, законоучитель Витебской гимназии 89, 584
- Деванг Мардух — разносчик мелочных товаров в Виленской губ. 299, 300
- Девинен — в 1863 командир повстанческого отряда в Августовском воеводстве (псевд. «Шпак») 181
- Деконский Петр Кузьмич — полковник, командир Псковского пехотного полка, гродненский, а потом белостокский военный начальник 453, 463, 464, 469—471, 473, 474
- Дембинский Эугениуш (ок. 1820—1887) (псевд. Качковский, Кот) — капитан французской армии. В 1863 член Исполнительной комиссии, с февраля помощник главного директора военной комиссии, фактический руководитель военного отдела, в ноябре выехал в качестве военного агента Национального правительства за границу 175, 177, 187
- Деметри — в 1863 переписчик революционной корреспонденции в Гродненской повстанческой организации 502
- Демонтович Юзеф Блажей (1823—1876) — служащий в Ковно и Вильно; в 1860—1861 вел работу по созданию ковенской повстанческой организации, в 1862 агент ЦНК в Западной Пруссии и княжестве Познанском. В 1863 в качестве комиссара Национального правительства участвовал в экспедиции Лапинского в Литву, с августа 1864 — агент Национального правительства в скандинавских странах 165, 169, 340
- Денисович Степан — крестьянин дер. Коминов Сокольского у. 486, 488
- Деревинская — жительница Вилейского у. участница манифестаций в м. Глубоком Дисненского у. 61
- Деревинский Антон — участник кружка В. Дунина-Марцинкевича в Минске 541
- Деревинский — студент, участник манифестаций в м. Глубоком Дисненского у. 61, 581
- Деспот-Зенович Устина — помещица, участница манифестаций в м. Глубоком Дисненского у. 61
- Дзековская — помещица им. Красник Гродненского у. 491
- Дзичковский Людвиг — доктор в Ковно, с осени 1863 — повстанческий гражданский начальник Ковенского воеводства, арестован, дал подробные показания 511
- Дзяковский — ученик 5 класса Виленской гимназии, в 1861 исключен из гимназии за участие в манифестациях 251
- Длугоконский — помещик Мстиславского у. 598
- Длужневский — студент, участник манифестаций в м. Глубоком Дисненского у. 61, 581
- Длуский Болеслав Роман (1826—1905) (псевд. Яблоновский) — будучи гимназистом сослан в 1843 в солдаты на Кавказ за участие в патриотическом движении, дослужился до чина подпоручика, затем учился в Петербургской академии художеств и на медицинском факультете Московского университета. В 1862 член Литовского провинциального комитета. В 1863 повстанческий военный начальник Ковенского воеводства, возглавил повстанческий отряд, прославившийся активными и успешными действиями. С июля 1863 — в эмиграции, в 1873 поселился в Галиции 156, 161, 166—168, 183, 199, 209, 210, 509, 511
- Дмитриев — подполковник 530
- Дмитриевский Николай — дворянин, подзрел в принадлежности к обществу «Пётковичей» 295
- Дмитрук Семен — старшина Верховицкой вол. Брестского у. 472
- Дмоховская Казимира — помещица им. Якуне Ошмянского у. 264
- Дмоховский Владислав — отставной поручик, заседатель Минской палаты гражданского суда, активный участник манифестаций 552
- Дмоховский, по-видимому, Владислав (1841—?) — художник, жил в Вильно, с 1871 в Варшаве 191, 201, 202
- Дмоховский — помещик Ошмянского у. 315
- Добровольский Антон Антонович — полковник, командир С.-Петербургского уланского полка, военный начальник гор. Поневежа с уездом 373, 374, 376
- Добровольский Михаил — чиновник канцелярии минского гражданского губернатора, в 1863 помощник повстанческого начальника Минска и заведующий отделом опеки над репрессированными участниками восстания. В 1864 сослан на каторгу 561, 569, 571
- Добровольский — житель Минской губ. 550
- Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) XXIV, 1, 4, 304, 607
- Довгирд Александр — помещик им. Антоново Шавельского у. 382, 428
- Довгирд Юзеф (? — 1899) — помещик им. Полепе Ковенского у., ковенский уездный (1853—1859) и губернский (1857—1862) предводитель дворянства 28, 74, 109, 112
- Довгялло — чиновник Поневежской городской ратуши, участник манифестационного движения 1861 372, 374
- Довнар — в 1863 доставлял оружие по-

- встанческим отрядам в Слонимском у. 507, 508
- Догель — ученик 6 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Долгоруков Василий Андреевич (1804—1868), князь — ген.-адъютант, в 1856—1866 шеф жандармов и начальник III отделения IX, XX, XXVI, XXXVI, XL, LI, LVI, LXVII, 8, 12, 13, 18—20, 27, 29, 30, 32, 33, 45, 46, 48—51, 55, 60, 64, 65, 68, 70, 73, 78, 88, 94, 96, 114, 120, 146, 151, 153, 227, 229, 230, 236, 246, 247, 251, 253, 259—261, 263, 264, 266—268, 274, 277, 278, 283, 284, 286, 297, 301—303, 305, 306, 311, 312, 315, 325, 333, 334, 339, 341, 347, 357, 359, 361, 363, 364, 371, 372, 378, 381, 382, 405, 409, 410, 415, 432—434, 438—440, 443, 445, 446, 451, 452, 454, 459, 460, 463, 465, 469, 474, 475, 478, 481, 514, 515, 523, 528, 536, 540, 543—545, 547, 551, 552, 572, 583—586, 588, 589, 593—595, 600, 602, 605, 606, 609—611, 613, 614
- Долгоруков Петр Владимирович (1816—1868), князь — историк и публицист, в 1859 эмигрировал, в 1860—1864 издавал журналы и газеты в Лейпциге, Париже, Брюсселе, Лондоне 24, 95, 420
- Доленго — см. З. Сераковский.
- Доманович Павел Алексеевич — тит. с., член от правительства в мировых съездах Инфлянтских уездов 576
- Домашевич Иван — студент Петербургского университета. В 1862 выслан в Ковенскую губ. за участие в студенческих волнениях 391
- Домброва — помещик, участник манифестаций в Дисненском у. 33
- Домбровский Антон — ученик 6 класса Виленской гимназии, в 1861 исключен из гимназии за участие в манифестациях 250, 251
- Домбровский Иван (ок. 1807 — ?) — в конце 50-х годов домашний учитель латинского яз. в Вильно, ранее — преподаватель Белостокской и Виленской гимназий 220, 222—224, 226, 228, 230
- Домбровский Феликс — ученик 6 класса Виленской гимназии, брат Антона Д. В 1861 исключен из гимназии за участие в манифестациях 250, 251
- Домбровский Ярослав (1836—1871) — офицер Генерального штаба, один из руководителей петербургского военно-революционной организации. С весны 1862 член Городского комитета, а затем ЦНК, начальник Варшавы, глава революционно-демократического крыла «красных». 2(14).VIII 1862 арестован, в 1864 бежал за границу. В 1871 генерал Парижской Коммуны XI, XXVIII, XLIII, LIX, 120, 124, 173, 186
- Домбровский — житель Поневежа, участник манифестационного движения 1861 373, 374
- Домейко Александр (Фаддеевич) (1804—1878) — виленский помещик, д. с. с., камергер, с 1855 — предводитель дворянства Виленской губ. Ярый крепостник, противник освободительного движения. В 1863 деятельно сотрудничал с Муравьевым, организовал подписание верноподданнического адреса от имени виленского дворянства. Приговорен революционерами к смертной казни, однако покушение на него 29.VII 1863 было неудачным 15, 18, 55, 80, 158, 195, 196, 206, 236, 272, 273
- Домейко Меркелис — работник им. Ляцково Шавельского у. 425
- Домейко — помещик им. Гervяты Виленского у. 233, 237
- Домневич В. — член Комитета польских эмигрантов в Шеффилде 86
- Доницетти Газтано (1798—1848) — итальянский композитор 188
- Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) 304, 305
- Драбат Михаил — крестьянин им. Гуры Новоалександровского у. 332
- Дренякин Александр Максимович (1813—1879) — ген.-майор свиты, весной 1861 жестоко подавлял восстание крестьян Пензенской губ., с сентября 1861 до марта 1862 гродненский губернатор 459, 462, 463, 465, 467
- Држевинский — см. Джевинский
- Дроздовский Юлиан Устинович — тит. с., кандидат мирового посредника 7 участка Вилкомирского у. 418, 419
- Друцкая-Любецкая, княгиня — жена кн. Игнатия Д.-Л., помещица им. Козловск Дисненского у. 249, 252
- Друцкий-Любецкий Игнатий, князь — помещик им. Козловск Дисненского у. 252
- Друэн де Люи Эдуард (1805—1881) — министр иностранных дел Франции в 1848—1849, 1852—1855 и 1862—1866 170
- Дубак Михаил — крестьянин им. Гуры Новоалександровского у. 332
- Дубина Дмитрий — церковный староста в им. Видогощ Минского у. 544
- Дудзин Устин — крестьянин им. Медники Виленского у. 238
- Дудун Федор — солдат Старонингерманландского пехотного полка 470, 471
- Дужа Ионис (Ионас) — крестьянин Росиенского у. 21, 22, 23
- Думанский Антон — солдат Великолукского пехотного полка 461
- Дунин-Марцинкевич Викентий Иванович (1807—1884) — известный белорусский писатель, один из родоначальников белорусской литературы нового времени. Был близок по мировоззрению к шляхетским демократам. В октябре 1864 арестован по подозрению в написании агитационных антиправительственных сочинений на белорусском яз. До конца жизни находился под надзором полиции 54—56, 80, 86, 237, 540, 541, 543, 552

- Духинский Онуфрий — участник восстания 1830—1831, эмигрант, в 1863 под чужим именем и с французским паспортом прибыл в Вильно, был назначен военным начальником Гродненского воеводства, в августе после ряда неудач подал в отставку и выехал за границу 510, 511
- Дьяков Владимир Анатольевич — советский историк 187
- Дыбовская-Еленская Юзефа — сестра Дыбовского Б., участница манифестации 8 мая 1861 в Вильно 247
- Дыбовский Бенедикт (1833—1930) — ученый, профессор Главной школы в Варшаве. В начале 60-х годов — студент Дерптского университета, участник молодежных патриотических организаций и манифестаций. В 1863 агент Национального правительства. В 1864 арестован и сослан, вел в Сибири значительную научную работу. Оставил воспоминания (Львов, 1913) 65, 217, 247, 254, 255, 258, 259
- Дыбовский Павел Леопольдович (1826—1885) — помещик Минского у., отставной подпоручик, в 1863 повстанческий военный начальник Минского у., предводитель повстанческого отряда. Эмигрировал, в 1868 вернулся в Россию, в 1869 выслан на жительство в Архангельскую губ. 560
- Дырмونتowa Паулина — содержательница девичьего пансиона в Поневеже, участница манифестационного движения 1861 372, 374, 377
- Дюбоа (Дюбуа) — в 1863 командир повстанческого отряда в Августовском воеводстве 182
- Дюлеран Нестор (? — 1868) — железнодорожный чиновник, комиссар ЦНК и Национального правительства в Литве и Белоруссии, затем помощник комиссара на землях, захваченных Пруссией 160—162, 165—170, 173, 175, 194—196, 198, 205, 207, 208, 210, 491, 493, 497
- Езержа (Ежерский) — ученик 5 класса Виленской гимназии. В 1861 исключен из гимназии за участие в манифестациях 250, 251
- Езерницкий — помещик Брестского у. 434
- Езерский Иван — казенный крестьянин, тысяцкий м. Волна Гродненского у., в 1861 заключен в тюрьму за антипомещичью агитацию среди крестьян 448, 449
- Екатерина II (1729—1796) — русская императрица с 1762 607
- Еленский Антоний (1818—1874) — помещик Минской и Ковенской губерний, видный деятель партии «белых» в Литве и Белоруссии. В 1863 — член Отдела, управляющего провинциями Литвы, арестован I.VI 1863, сослан на каторгу 159, 161, 162, 164, 168—170, 199, 209, 211—217
- Еленский Наполеон (1810—1883) — помещик Мозырского у., был в ссылке за причастность к делу Ш. Конарского, в 1863 сослан в Вятку в связи с делом о минских дворянских выборах 164, 212, 215, 552
- Еловицкий Александр (1804—1877) — участник восстания 1830—1831. В эмиграции занимался издательской деятельностью 22
- Ельская — помещица им. Белокурка Слонимского у. 507
- Ельский — помещик Минской губ. 556
- Емельянюк Кирилл — цирюльник Староингерманландского пехотного полка 467
- Енич — уездный предводитель дворянства в Киевской губ., активный участник манифестаций 91
- Ермолаев Василий — крестьянин Псковской губ. 263
- Ермолаев Ефим — крестьянин Псковской губ. 263
- Есьман Гавриил — участник кружка В. Дунина-Марцинкевича в Минске 541
- Ефимов Василий — крестьянин Тверской губ. 263
- Жаба Альфонс — студент Петербургского университета, участник манифестации в Дисненском у. 33
- Жаба Игнатий — студент Петербургского университета, брат Альфонса Ж., участник манифестации в Дисненском у. 33
- Жаба — помещик, участник манифестации в Дисненском у. 33
- Жабо Игнатий — ксендз м. Гольшаны Ошмянского у., участник манифестаций. Выслан 55, 56, 286, 293
- Жабо — дочь помещицы Валицкой, участница манифестаций 1861 в Вильно 247, 248
- Жардецкий — помещик Кобринского у. 437
- Жвердовский — дворянин, участник манифестаций в Ошмянах 33
- Жвирждовский — см. Звездовский
- Жебровский Б. — ученик Виленской гимназии 251
- Жебровский — канцелярский служащий Лидского городского магистрата, участник манифестаций 61
- Жебровский — дворянин, его дочери участвовали в манифестациях в Виленском у. 60
- Жевуский — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Жезлов Сергей Афанасьевич — штабс-капитан, начальник Россиенской жандармской команды 411, 412
- Желешкевич — ксендз Вержховицкого прихода Брестского у. 472
- Желиговский Оттон — ученик 6 класса

- Виленской гимназии. В 1861 исключен из гимназии за участие в манифестациях 250, 251
- Желиговский Фаддей — ученик 6 класса Виленской гимназии, брат Оттона Ж. В 1861 исключен из гимназии за участие в манифестациях 250, 251
- Желязовский — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Жемойтель — ученик 5 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250, 251
- Жизневский Конрад — студент Петербургского университета входил в редакцию нелегального журнала «Едність» 106
- Жилинский Вацлав (1803—1863) — с 1856 могилевский католический архиепископ, митрополит всех католических церквей в империи 455
- Жилинский Людвиг (1822—1892) — помещик Троцкого и Ковенского уездов, отставной инженер-полковник, с 1859 — ковенский уездный предводитель дворянства. Арестовывался за участие в манифестациях 31.VII 1861 в Ковно. В 1863 — повстанческий гражданский начальник Ковенского у. 74, 90, 109, 112, 282, 325, 326, 359, 378, 414
- Жилинский — ксендз, настоятель в гор. Радошковичах Вилейского у. 60
- Жилинский — учитель Свенцянской гимназии 294
- Жихлинский Людвик (1837—?) — эмигрант, участник гражданской войны в США. В 1863 вернулся на родину, с июля командовал повстанческим отрядом «Дети Варшавы», был военным начальником Мазовецкого воеводства, в декабре арестован, сослан на каторгу 177
- Жолковский Владислав Людвинович (ок. 1837—?) — служащий канцелярии гродненского губернатора. В 1863 помощник повстанческого начальника (затем начальник) Гродно. Арестован и приговорен к каторжным работам на 10 лет 492, 496
- Жонголевич — канцелярский чиновник Поневежского уездного суда, участник манифестационного движения 1861 372
- Жонда Ян (1843—1862) — рабочий варшавской литографии. 3(15).VIII 1862 совершил покушение на Велепольского, 14(26).VIII 1862 был казнен по приговору военного суда 310, 311, 611
- Жуковская — жена могилевского уездного предводителя дворянства, участница манифестаций 611, 614
- Жуковский Доминик Леонович — дворянин, чиновник Минской палаты уголовного суда, в 1863 — повстанец отряда А. Трусова 555—557
- Жуковский Иван — крестьянин Окмянского общества Шавельского у. 429
- Жуковский Иван — студент Петербургского университета. В 1861 выслан в Ковенскую губ. за участие в студенческих волнениях 391
- Жуковский Иван Кишишович — крестьянин Окмянского общества Шавельского у. 429
- Жуковский Матеуш — крестьянин Окмянского общества Шавельского у. 429
- Жуковский Франц — крестьянин Окмянского общества Шавельского у. 429
- Жуковский — однодворец, житель м. Кейдан Ковенского у. 406, 407
- Журавский Викентий Бонавентура (1837—?) — студент Петербургского университета, участник освободительного движения. В ноябре 1861 арестован в Вильно, в мае 1862 выслан в Смоленскую губ., затем на Север и в Сибирь. Сотрудничал в периодических изданиях, автор брошюры «Богатства Севера» (Н.-Новгород, 1875) 90, 94—96
- Журавский Мартин — брат Викентия Ж. 95
- Журавский Федор — крестьянин им. Видогощ Минского у. 544
- Заблоцкий Болеслав Юлий — доктор, брат Эразма З., участник Гродненской революционной организации, сослан в Оренбургскую губ. 496, 498, 510, 511
- Заблоцкий Николай — студент Петербургского университета. В 1862 выслан в Ковенскую губ. за участие в студенческих волнениях 391
- Заблоцкий Эразм (ок. 1831—?) — служащий Гродненской строительной и дорожной комиссии. С 1861 деятель революционной организации в Гродненской губ. В 1863 — повстанческий гражданский начальник (с июня комиссар) Гродненского воеводства. Приговорен к ссылке на каторгу XV, XXXII, XLVII, LXIII, 164, 196, 207, 210, 490, 496—498, 499, 500, 502, 503, 511
- Заболоцкий Василий Иванович (1802—1878) — ген.-лейтенант царской армии, виновник расстрела демонстрации в Варшаве 15(27).II 1861 48, 363, 364
- Завадзкий (Завадский) Адам (1814—1875) — издатель и книготорговец в Вильно 297
- Завадзкий Генрих — помещик, участник манифестаций в Ошмянах 33
- Завадский Петр — дворянин. Связан с обществом «Пёнтковичей» 295
- Завадский Яков — коллежский регистратор, канцелярский чиновник Ошмянского уездного суда, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 288, 289, 295
- Завадский — киевский городской голова 5, 7
- Завадский — управляющий им. Новоселки Ошмянского у. 123
- Завадский — помещик, участник съезда

- помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Завистовский Люциан — помещик, в 1863 — референт коммуникаций в повстанческой организации Гродненского у. 491, 494, 500, 501
- Завиша — по-видимому, один из помещиков Ковенской губ., состоял в родстве с Я. Гейштором 213, 216
- Загорский Владислав (1858—1927) — общественный деятель, один из основателей виленского Общества друзей наук 217
- Загорский — помещик им. Теклиомир Свенянского у. 232, 235
- Загорянский — белостокский земский исправник 440—459, 479, 481
- Зажичкий Ян — ксендз, участник Гродненской революционной организации накануне восстания 496
- Зайончковский Петр Андреевич — советский историк 286
- Зайончковский — студент, участник манифестации в м. Глубоком Дисненского у. 61, 581
- Зайцевский Петр Григорьевич (1842—1896) — революционный демократ, один из организаторов студенческого движения в Москве в начале 60-х годов, автор прокламации «Молодая Россия» 13, 259, 303
- Закревский — подпоручик летучего гренадерского парка 585
- Закржевский Франц — тит. с., подозревался в принадлежности к обществу «Пентковичей» 295
- Залеский Антоний (1824—1885) — помещик Трокского у., художник. В 1862 — член Литовского провинциального комитета, в начале 1863 арестован и сослан в Вятку 190, 191, 196, 198, 201, 202, 207, 208, 210
- Залеский Бронислав (1819—1880) — помещик Слуцкого у. В 40-х годах за участие в революционном движении сослан в Оренбургские батальоны, где подружился с Т. Шевченко и З. Сераковским. В качестве члена крестьянского комитета Минской губ. и эксперта Редакционных комиссий в Петербурге принимал участие в разработке крестьянской реформы. В период восстания был в эмиграции и выполнял поручения повстанческой организации Литвы и Белоруссии по закупке оружия. Секретарь польского Историко-литературного общества в Париже 169
- Залеский Зенон — помещик им. Велиона Ковенского у. 335
- Залеский Михал — сын Антония З. 191, 201, 202
- Замельсон — вольнопрактикующий врач м. Тауроген Россиенского у. 428
- Замойская, графиня — жена гр. Августа З., помещица им. Ивье Ошмянского у. 38, 40, 83, 240
- Замойский Август, гр. — 263
- Замойский Анджей (1800—1874), граф — крупный землевладелец, председатель «Земледельческого общества» в Варшаве 441, 442
- Замойский Владислав (1803—1868), граф — генерал, брат Анджея З., один из лидеров аристократической польской эмиграции, ближайший сотрудник А. Чарторьского 39
- Замойский — мозырский уездный предводитель дворянства. В 1861 отстранен от должности за устройство панихиды по убитым в Варшаве 20, 50, 518
- Замытин Дмитрий Николаевич (1805—1881) — с 1858 товарищ министра юстиции, в 1862—1867 министр юстиции 522
- Зандер — помещик Новоалександровского у. 332
- Запасник — брестский городничий 443
- Запольский — помещик Мстиславского у. 598
- Зарановский — мировой посредник 2 участка Витебского у. 580
- Заремба Наполеон — помещик им. Мариамбор Вилкомирского у. 402
- Зарилевич Викентий — дворянин Сокольского у. 487
- Зарин Аполлинарий Александрович (1805—1872) — контр-адмирал свиты, в 1861 подавлял крестьянские волнения в Могилевской губ. 596, 597, 599, 600
- Захаров Иван — солдат Старонингерманландского пехотного полка 471
- Захватович — помещик, участник манифестации в Лидском у. 61
- Заштовт — ученик 5 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Збышевский — эмигрант 185, 186
- Звездовский (Жвирждовский) Людвик (1829—1864) (повст. псевд. «Топор») — капитан генерального штаба, уроженец гор. Вильно, революционный демократ. Вместе с З. Сераковским и Я. Домбровским входил в состав руководства петербургской революционной организации. В 1861—1862 один из создателей и руководителей литовско-белорусского «Комитета движения». В 1863 — военный начальник Могилевского воеводства, в феврале 1864 — Сандомирского воеводства. Взят в плен и казнен 11(23).II 1864 X, XI, XXVII, XXVIII, XLII, XLIII, LVIII, LIX, 45, 46, 120, 124, 170, 172, 173, 174, 187, 191, 192, 195, 198, 202, 203, 205, 208, 210, 259
- Зданович Игнаций (1839—1863) — сын ученого-литературоведа, преподавателя Виленского дворянского института. В 1862 окончил Петербургский университет. С августа 1863 повстанческий начальник гор. Вильно, ближайший сотрудник К. Калиновского. Арестован 29.IX 1863, казнен 21.XII 1863 253

- Зданович — ученик 4 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Зеленко Ричард — ученик землемерно-таксаторских классов при Витебской гимназии, в 1861 у него обнаружены запрещенные сочинения 584
- Зелинский Станислав — польский историк 188
- Зембковский (Зубковский) Александр — ученик Виленской гимназии 222, 223, 228, 230
- Зельверович Александр (1841 — ?) — студент Московского университета, участник манифестаций 8.V 1861 в Вильно 65, 245, 253—255, 258
- Земченко Игнатий — крестьянин им. Лучай Вилейского у. 273
- Земченко Казимир — крестьянин им. Лучай Вилейского у. 273
- Земченко Мартин Михайлович — крестьянин им. Лучай Вилейского у. 273
- Земченко Михаил — крестьянин им. Лучай Вилейского у. 273
- Зенбуш — подполковник, новгородский городничий 48
- Зенкевич Евстрат — минский губернский прокурор 522
- Зенкович Леон (1808—1870) — публицист и литературный критик. Эмигрант, активный деятель Демократического общества, издатель журналов «Пшонка» и «Ускве ад финем» 172, 187
- Зенкович Феликс (1843—1910) — студент Петербургского университета, активный деятель петербургского студенческого «Огула». С августа 1862 — за границей. В качестве секретаря И. Демонтовича принял участие в экспедиции повстанцев к берегам Литвы. В конце июля — начале августа 1863 — секретарь виленского повстанческого «Отдела». Арестован 7.VIII 1863, сослан на каторгу. В Сибири участвовал в подготовке восстания ссыльных 8, 10, 11, 168, 169
- Зенчук (Зенчук) Михаил — крестьянин дер. Вайниовцы Сокольского у. 486, 488
- Зибберг-Плятер Станислав (1823—1896), граф — помещик Динабургского у., с 1858 — уездный предводитель дворянства. Сторонник программы А. Велепольского 164
- Зилевский Матвей Михайлович — крестьянин дер. Ковалевцы Белостокского у. 480
- Зилинский — помещик Могилевской губ. 396
- Зимкене — см. Шимкене
- Зинис Мартинас — старшина дер. Девиндоны, помогал А. Мацкявичюсу при формировании его отряда 431
- Зинович Андрей — крестьянин м. Хорош Белостокского у. 466
- Змеев Василий Васильевич — подполковник, затем полковник, с 1859 гродненский полицейстер 450, 451, 458
- Змитрук Матвей Иванович — крестьянин дер. Ковалевцы Белостокского у. 480
- Зоберн Ацтон — крестьянин им. Дорбяны Тельшевского у. 404
- Зубков — подполковник, председатель Ковенской следственной комиссии 155
- Зубковский — см. Зембковский
- Зубов Н., граф — помещик имений Гитарский Ключ, Медемрод Шавельского у. 405
- Зубов Платон Александрович, граф — помещик им. Плунгяны Тельшевского у. 410, 412, 413
- Зубок Нарциз — крестьянин дер. Парфяновичи Волковыского у., в 1861 обвинялся в сопротивлении полицейским властям 449
- Ибянский — вольнопрактикующий врач, участник манифестаций в России 63
- Иванов Василий — крестьянин Калужской губ. 263
- Иванов Гавриил — крестьянин Тверской губ. 263
- Иванов Константин Самуилович — коллежский регистратор, полицейский пристав 2 части Ковно 340, 341
- Иванов — казенный крестьянин. В 1861 арестован за «неправильное объяснение» крестьянам «местных положений» в Люцинском у. 83
- Иванов — смотритель экипажей на Туржанской почтовой станции Ковенского у. 363, 364
- Ивановский Бонаventura Казимирович — коллежский ассессор, старший неременный заседатель Поневежского земского суда, и. д. исправника 354, 374
- Ивановский — ученик 7 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Ивашевский — ученик 5 класса Виленской прогимназии, участник манифестаций 250
- Ивашевский — ученик 4 класса Виленской прогимназии, в 1861 исключен из прогимназии за участие в манифестациях 251
- Ивашкевич Валериан — отставной коллежский ассессор, подозревался в принадлежности к обществу «Пентковичей» 294
- Ивашкевич — помещик им. Гудзенишки Виленского у. 233
- Ивашенко — поручик Либавского пехотного полка 480, 481
- Ивицкая — участница манифестаций 1861 в Вильно 250
- Ивицкий Игнатий Антонович — учитель Свенцянской гимназии 294
- Игнатович Станислав Андреевич — майор, начальник Поневежской инвалидной команды 374
- Игнатович — коллежский регистратор, житель Вильно 271
- Игнатъев Павел Николаевич (1797—1879),

- граф — генерал, в 1854—1861 петербургский военный ген.-губернатор 65
- Иельский — ученик Виленской гимназии, участник манифестаций 248
- Издебский — ученик 6 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Иллаковичева — жительница м. Свислочь Волковысского у., в 1862 вела антиправительственную агитацию среди учащихся Свислочьской прогимназии 468
- Иллинский (ошибочно: Ильинский) Александр Иванович, граф — корнет лейб-гусарского Павлоградского полка, состоял при виленском ген.-губернаторе, 248
- Иогихес Виктор — студент Петербургского университета 253
- Иогихес Юлий — студент Петербургского университета 253
- Иодко Антон — губернский секретарь, чиновник Ошмянской дворянской опеки. В 1864 предан военному суду по делу «Пентковичей» 287—290, 294
- Иодко Симон — крестьянин, один из руководителей крестьянских волнений в им. Ивье Ошмянского у. 240
- Иодко — помещик Лидского у. 241
- Иозович Иосиф Матвеевич — крестьянин дер. Ковалевцы Белостокского у. 480
- Иокутис Иона — см. Катутис Ионас
- Иошлин — помещик Рогачевского у. 596, 599
- Иотутис Габриель — крестьянин им. Декшне Вилкомирского у. 417
- Исаков Николай Васильевич (1821—1891) — ген.-майор свиты, в 1859—1863 попечитель Московского учебного округа 525
- Исаков — книгопродавец 229
- Искандер — см. Герцен
- Кавелин Александр Александрович — штабс-капитан, флигель-адъютант 518, 521
- Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885) — профессор Петербургского университета, публицист, историк русского права 46
- Кавур Камило Бензо (1810—1861), граф — итальянский государственный деятель, проводивший политику объединения Италии 98, 103
- Каган — житель м. Кейданы Ковенского у. 406
- Кажеников Андрей Львович — д. с. с., в 1861 — управляющий Гродненской палатой государственных имуществ, в 1862—1864 — минский гражданский губернатор 550—552
- Казак Устин — крестьянин им. Декшне Вилкомирского у. 417
- Казакевич — управляющий им. Лабыры Россиенского у. 330
- Казакин Николай — студент Петербургского университета. В начале 1862 выслан в Ковенскую губ. за участие в студенческих волнениях 391
- Казан Андрей — десятский им. Парфяновичи Волковысского у. 449
- Казан Мартин — десятский им. Парфяновичи Волковысского у. 449
- Казали Василий Михайлович — майор, затем подполковник, командир 3 батальона Старингерманландского пехотного полка, накануне восстания брестский военный начальник, с августа 1863 — волковысский военный начальник 453
- Казигродский Цезарий — губернский секретарь в гор. Слониме, участник манифестаций. В 1863 — офицер в повстанческих отрядах Гродненской губ. Весной 1864 арестован в Пруссии и выдан русским властям, дал подробные показания 504, 507, 509
- Казимирчук Степан Михайлович — волостной старшина Заблудовской вол. Белостокского у. 480
- Казира Варфоломей — крестьянин дер. Иодовцы Свенцянского у. 323
- Кайсарова — жена действительного тайного советника, помещица им. Лабыры Россиенского у. 85, 329, 335, 403
- Кайсевич Иероним (1812—1873) — участник восстания 1830—1831. В эмиграции изучал теологию, принял духовный сан и занимался проповеднической и миссионерской деятельностью 22
- Калашников — рядовой линейной роты Псковского пехотного полка 474
- Калин — домовладелец в Петербурге 11
- Калиер — см. Калье Э.
- Калиновский Анджей (Андрей Юрьевич) — статский советник, начальник училища для приходящих девиц в Вильно (ранее директор Виленского дворянского института), отец Юзефа К. 15
- Калиновский Балтазар (Балтазар Фомич) (1827—1884) — экономист, в 1861—1862 адъюнкт-профессор Петербургского университета. Член кружка З. Сераковского. В мае 1862 выехал за границу и встречался в Лондоне с Герценом, за что был уволен из университета и выслан в Енотаевск Астраханской губ. 211, 214
- Калиновский Игнатий — ученик Новогрудской гимназии, участник манифестаций в Лиде 61
- Калиновский Константин — Викентий Семенович (1838—1864) — выдающийся белорусский революционный демократ, деятель белорусского, литовского и польского революционного движения. Окончил Петербургский университет. В 1861 создал революционную организацию в Гродно, развернул пропаганду среди крестьян, в 1862—1863 издавал газету «Мужичья правда», возглавлял Литовский провинциальный комитет.

- С весны 1863 — революционный комиссар в Гродно, затем глава виленского центра по руководству восстанием в Литве и Белоруссии, полномочный комиссар Национального правительства. Арестован 29.I 1864, казнен 10.III 1864 IX, X, XII, XXVI, XXVII, XXIX, XLI, XLII, XLIV, LVII, LVIII, LX, 133, 135, 136, 146, 154, 156, 161, 162, 164, 166, 168, 170, 196—198, 207, 208, 210, 211, 214, 217, 477, 478, 490, 491, 493, 494—497, 502, 503, 510, 511
- Калиновский Юзеф (1835—1907) — инженер-капитан (с 1863 в отставке, преподавал в землемерно-таксаторских классах при Виленской гимназии). С лета 1863 — руководитель военной секции виленского центра по руководству восстанием в Литве и Белоруссии. Арестован 13.III 1864, осужден на каторгу. Впоследствии — монах-кармелит 162, 169, 170, 211, 215
- Калье (Калиер) Эдмунд (1833—1893) — литератор, этнограф, историк. С июня 1863 начальник повстанческих вооруженных сил Мазовецкого воеводства, в августе вышел в отставку вследствие разногласий с Национальным правительством, с февраля 1864 командир отрядов, формировавшихся в Восточной Пруссии 176, 177, 183, 188
- Каменецкий — ксендз, участник манифестаций в Пинске 89
- Каменецкий Викентий — ученик 5 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Каменко — дворянин Лепельского у., в 1862 подозревался в написании антиправительственных стихов 592
- Каменский Генрик (1812—1865) — публицист, философ, демократический деятель. Участник восстания 1830—1831, в 1860—1861 издавал в Женеве журнал «Правда» 24
- Каминский Иван — помещик, мировой посредник, в 1863 оружейный начальник и референт в повстанческой организации Гродненского у. 491, 492—496, 500, 502, 503
- Каминский Яков — крестьянин дер. Нарбуты Вилкомирского у. 403
- Каминский — юнкер 10 линейной роты Псковского пехотного полка 474
- Кандидов Александр Андреевич — коллежский советник, директор Виленской гимназии 248
- Кандрусевич Николай — мещанин Сокольского у. 486, 488
- Кантак Казимеж (1824—1886) — познанский землевладелец, депутат прусского ландтага 46
- Карабанович Викентий — ксендз, настоятель Вишневского костела Ошмянского у., в 1863 выслан в Пензенскую губ. за организацию тайной школы при костеле 293, 317
- Каржис Иокубас (Якуб) — крестьянин Новоалександровского у. 395
- Карлович Ян (? — 1881) (псевд. Янек Бялый) — чиновник варшавского магистрата. В период восстания примыкал к правому крылу «красных», с марта 1863 — начальник революционной полиции гор. Варшавы. После восстания поселился в Галиции 177—180, 188
- Карнович Евгений Петрович (1823—1885) — литератор и историк, сотрудничал в «Современнике», в 1862—1863 издавал в Петербурге журнал «Мировой посредник» («Вестник мировых учреждений») умеренно либерального направления 95, 96
- Карпинский Александр Лаврентьевич — надворный советник, начальник Отделения канцелярии виленского ген.-губернатора 109, 112
- Карпович — мировой посредник 1 участка Белостокского у. 480, 481
- Карпъ Фелициан Стефан Антоний (Фелициан Евстафьевич) (1821—1880) — помещик, отставной ротмистр, противник освободительного движения. С 1858 — предводитель дворянства Поневежского у., с февраля 1862 — и. д. ковенского губернского предводителя. В августе 1863 г., после подачи ковенским дворянством верноподданнического адреса, утвержден в должности губернского предводителя 109, 112, 113
- Карчевский Осяп — помещик, подозревался в принадлежности к обществу «Пентковичей» 295
- Карчевский — студент, участник манифестаций в Ошмянском у. 61
- Касацкая Владислава — помещица, подозревалась в принадлежности к обществу «Пентковичей» 294
- Катулис (ошибочно Иокутис) Ионас — крестьянин дер. Варсяды Россиенского у., участвовал в перевозке из-за границы запрещенной литературы 21—23, 25, 29
- Кауфман Константин Петрович (1818—1882) — ген.-майор свиты, с 1861 директор канцелярии Военного министерства, в 1865—1867 ген.-губернатор Северо-Западного края и командующий войсками Виленского военного округа 172, 513
- Качаровский — участник манифестации 31.VII 1861 в Ковно 90
- Качинский Михаил — в 1863 заведующий отделом паспортов революционной организации Мянска, позднее начальник Мянска. В 1864 сослан на каторгу 561
- Квапишевский — отставной штаб-ротмистр. В 1863 командовал конным повстанческим отрядом в Гродненском, Августовском и других воеводствах. Эмигрировал 181
- Квятковский К. — член от правительства в мировых съездах Витебской губ. 579

- Квятковский — владелец типографии в Житомире 115
- Квятковский — надворный советник, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губ. 315
- Кежелис Мартин — крестьянин им. Биржи Поневежского у. 399—401
- Келкевич Петр — прелат, вице-официал Могилевской католической духовной консистории, один из руководителей манифестаций в Могилеве 601
- Келлер, фон, Оскар Федорович, граф — подполковник, флигель-адъютант 594
- Келлер, фон, Эдуард Федорович (1817—1903), граф — т. с., камергер, в 1858—1862 минский губернатор, с 1862 исполнял должность главного директора правительственной комиссии внутренних дел Царства Польского 90, 515, 521, 522, 524—526, 529, 531, 532, 536, 538, 540, 543, 549, 582, 583, 601, 602, 610
- Кеневич Иероним (1834—1864) — инженер, сын помещика Минской губ., эмигрировавшего после 1831 во Францию. Организатор так называемого «Казанского заговора». Расстрелян в Казани 6.VI 1864 169, 170, 212
- Кеневич Иероним — помещик Мозырского у., двоюродный брат Иеронима Кеневича 519, 521
- Кеневич Стефан — польский историк 152
- Кеневич — помещица, участница манифестаций в Минской губ. 116
- Кеневичи — помещики имений Бринево и Дорошевичи Мозырского у. 518, 551
- Кербедз — помещик Ковенской губ. 155
- Керсновский Аполлинарий — помещик, член Слонимской нелегальной библиотеки 494 (?), 505
- Керсновский Артур — дворянин, подозревался в принадлежности к обществу «Пётковичей» 295
- Керсновский Эдвард — помещик Слонимского у., в 1863 доставлял оружие, продовольствие и одежду в повстанческие отряды 505, 507, 508
- Керсновский — чиновник Ошмянского уездного казначейства, участник манифестаций 33
- Кживицкий (Крживицкий) Юлиан (Ксавьеревич) — помещик им. Воля Гродненского у., д. с. с., с сентября 1863 гродненский губернский предводитель дворянства, ставленник царских властей 492
- Киборт Дионисий Казимирович — старший заседатель Россиенского земского суда 427, 428
- Кивозь Георгий — коллежский регистратор, подозревался в принадлежности к обществу «Пётковичей» 295
- Килчевский — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Кимбар З. — ученик Виленского дворянского института. В 1863 повстанец 251
- Кимонт — помещик Россиенского у. 23
- Кинареев — поручик 459
- Кириовна Антонина — крестьянка м. Осингородок Дисненского у. 322
- Кирилло Рафаил — ксендз Поневежского костела, участник манифестационного движения 1861 374, 376
- Киркор Адам Гонорий (Адам Карлович) (1818—1886) — литератор и ученый, известный своими трудами в области краеведения Литвы и Белоруссии, редактор-издатель газеты «Виленский вестник», сторонник сотрудничества с царизмом 5, 7, 8, 95
- Кирша — крестьянин дер. Номиков Сокольского у. 488
- Кисель Иван — крестьянин им. Олешки Свенцянского у. 234
- Кичка Корнилий — крестьянин им. Анушин Бельского у. 461
- Клейшевич Антон — студент Московского университета, активный участник манифестационного движения 1861 в Ковенской губ. 344, 359, 365
- Клечковский Владислав — брат Мауриция К., участник революционного движения 1848 и 1863. После 1848 сослан в Сибирь. В 1863 выслан в Архангельскую губ. 220, 221, 223, 226
- Клечковский Мауриций Станислав (1829—1897) — доктор. В 1850 сослан рядовым в Оренбургские линейные батальоны. В 1861 окончил Харьковский университет. В период восстания — активный участник виленской революционной организации, затем находился в отряде Сераковского. В 1864—1883 — в эмиграции во Франции 212, 215, 217
- Клечковский Ян — и. д. люстратора по Новоалександровскому у., брат Мауриция К. Участник восстания 1863. Сослан в Сибирь, умер в Иркутске 297
- Клечковский — помещик Гомельского у. 597
- Климашевский Виктор — студент Варшавской медико-хирургической академии. В 1862 арестован по делу Г. Абихта 153, 154
- Климкевич — адъютант командира повстанческого отряда Рамотовского К. 181
- Климович Викентий Осипович — крестьянин, волостной писарь в им. Полонечка Новогрудского у. В 1863 был арестован за принадлежность к минской революционной организации. В 1864 сослан на поселение в Сибирь 563—565, 567—570
- Климович Фелицан Осипович — студент Московского университета, брат Викентия К. В 1863 военнопрактикующий врач в Новогрудке. В 1864 за связь с повстанцами и сочувствие восстанию сослан на жительство в Тобольскую губ. 535

Климчицкий Александр — студент Петербургского университета. В марте 1862 выслан в Ковенскую губ. за участие в студенческих волнениях 391

Клиот Венедикт — помещик Дисненского у. 33

Клушин Павел Иванович — д. с. с., витебский губернатор 572, 575—577, 583

Клюковская — классная дама Белостокского института, в 1861 принимала участие в манифестациях 439

Клюковский Игнатий — дворянин Виленского у., участник манифестаций в Вильно 275

Клюковский Феликс (? — 1863) — уроженец Минской губ., студент Киевского университета, эмиссар Троицкого общества. В 1863 участник восстания на Минщине, погиб в бою 563

Клюковский — ученик Ковенской гимназии, участник манифестаций 342, 349

Кобылинский Иосиф — каноник, настоятель Поневежского костела 373, 374

Кобылинский Казимеж (ок. 1817—1863) — офицер русской армии, мелкий помещик Белостокского у. В 1863 командир конного повстанческого отряда в Гродненском и Августовском воеводствах, погиб в бою 180—182

Ковалевский Евграф Петрович (1790—1867) — в 1858—1862 министр народного просвещения 32

Ковальский — помещик Брестского у. 434

Ковшарова — помещица Копысского у. 598

Кодзь Адам — дворянин, участник манифестаций 1861 в Вильно 250

Кожига Семен — старший канонир летучего гренадерского парка 585, 586

Козакевич — священник Заблудовской приходской церкви Белостокского у. 480, 481

Козаковский — надворный советник, товарищ председателя Минской палаты гражданского суда. За участие в пении гимнов в 1861 переведен во внутренние губернии России 524, 525

Козелл Август — ученик 7 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250

Козелл (Козел) Павел — помещик им. Декшине Вилкомирского у. 417

Козелл Юлиан — ученик 7 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250

Козелл (Козелла) — помещик им. Милейганы Ковенского у. 36, 334

Козелл-Поклевский Винцентий (1839—1863) — брат Яна К.-П., военный инженер, в 1863 — повстанческий военный начальник Вилейского у., командир одного из повстанческих отрядов. Погиб в бою 16.V 1863 X, XXVII, XLII, LVIII, 46, 172

Козелл-Поклевский Зенон — (ок. 1846—

1878) — ученик Виленской гимназии, брат Яна К.-П. За революционную агитацию среди учащихся в феврале 1863 сослан на 3 года рядовым в Оренбургский отдельный корпус 174, 187

Козелл-Поклевский Ян (1838—1896) (псевд. «Глебович», «Скала», «Якуб») — инженерный офицер, член Литовского провинциального комитета, с апреля 1863 — референт военного отдела Национального правительства, в июле комендант Варшавы, осенью — военный начальник Августовского и Гродненского воеводств. Эмигрировал, в 1872 добровольно вернулся и был сослан X, XV, XXVII, XXXII, XLII, XLVII, LVIII, LXIII, 166, 170, 172—175, 182, 186—188, 198, 199, 208, 209, 215, 490, 497, 562

Козерадские — жители Волковысского и Пружанского уездов 507

Козеровские — жители Волковысского и Пружанского уездов 507

Козицкий Иосиф Николаевич — надворный советник, ковенский губернский стряпчий казенных дел 381

Козловский Антон Бенедиктович — сотский дер. Крушево Белостокского у., предан военному суду за отказ в 1863 платить помещику оброк и исполнять распоряжения властей 512—513

Козловский Витольд — студент Московского университета 253

Козловский Иван Викентьевич — губернский секретарь, помощник столоначальника Минской палаты гражданского суда. В 1864 за прикосновенность к минской революционной организации выслан на жительство в Олонецкую губ. 563, 567, 568, 570

Козловский Игнатий — ксендз, администратор Велико-Берестовицкого прихода Гродненского у., активный деятель Гродненской революционной организации, созданной накануне восстания К. Калиновским. В 1864 арестован и освобожден за отсутствием улик 490, 496

Козловский Михаил Викентьевич — вольнопрактикующий врач в Минске, брат Ивана К. В 1864 за прикосновенность к минской революционной организации выслан на жительство в Пермскую губ. 552, 563, 567, 568, 570

Козловский — студент Варшавской главной школы. Арестован в 1862 вместе с Г. Абихтом 151

Козловский — ученик 5 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250

Козьмин Борис Павлович — советский историк 303

Коиншевские — помещики Кобринского у. 437

Кокшиш Ионас (Иван) — крестьянин им. Попеле Новоалександровского у. 395

Колесов — дворянин, участник манифестаций в Витебске 572

Колупайло Иван — командир повстанческого отряда в Гродненской губ. 508
 Колон де М. А. 22
 Колупайло Фердинанд — в 1863 референт кассы в повстанческой организации Волковысского у. 492
 Колупайло — отставной офицер царской армии, в 1863 военный референт в повстанческой организации Волковысского у. 492
 Колусовский (Колосовский) Устин — арендатор имения в Ошмянском у., подзревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 285, 286, 295
 Колусовский Юзеф (Осип) — студент Варшавской медицинской академии, участник собраний общества «Пёнтковичей» в Ошмянах. В 1863 активный деятель виленской городской повстанческой организации. Эмигрировал 285
 Колюшко Болеслав (1837—1863) — уроженец Лидского у., студент Московского университета. Убежденный демократ. В 1861 принимал активное участие в манифестациях в Лидском у. и студенческих волнениях в Москве. Эмигрировав за границу, учился в польской военной школе в Генуе. В 1863 — командир повстанческого отряда в Ковенской губ. Казнен в Вильно 28.V 1863 61, 155, 266, 267
 Колюшко Феликс — отставной коллежский регистратор, брат Болеслава К. Участник восстания 1863, эмигрировал, умер в Париже 311
 Колюшко — отставной майор, помещик Новоалександровского у. 346
 Комаевский — помещик им. Плища Волковысского у. 447, 449
 Комар Владислав — помещик имений Кепалы и Иордайце Шавельского у. 330
 Комар Юлиан — польский историк 451
 Комаровский Леонид — помещик им. Ковалишки Новоалександровского у. 405
 Комаровский — помещик им. Раткуны Новоалександровского у. 332, 393
 Комоцкий Мартын — чиновник Минской казенной палаты, в 1863 привлекался к следствию по делу Минской революционной организации 568, 570
 Комповский — письмоводитель станowego пристава Новоалександровского у. В 1862 выслан на родину, в Витебскую губ., за хранение нелегальной литературы 406—408, 585
 Конажевский (Конаржевский) — помещик, в 1863 — повстанческий начальник (по другим данным, помощник начальника) Белостокского у. 168, 493, 509, 510
 Конарская — помещица им. Юкайне Вилкомирского у. 335
 Конарский Шимон (1808—1839) — офицер, участник восстания 1830—1831, в эмиграции член организации «Молодая

Польша», один из основателей конспиративного «Содружества польского народа» (1835), революционный эмиссар, создававший в 1835—1838 тайные организации в Белоруссии, Литве, на Украине. Арестован и расстрелян в Вильно 17, 19, 267, 268
 Кондратович Людвик (1822—1862) (псевд. Владислав Сырокомля) — польский поэт-демократ, жил и работал в Белоруссии и Литве, писал также и по-белорусски, близок по мировоззрению к «красным», принимал участие в предповстанческом движении 16, 19, 20, 223, 281, 312, 358, 548, 585
 Кондратюк Федор — крестьянин им. Анушин Бельского у. 461
 Коновницяна — помещица Брестского у. 434, 435
 Кононич Степан Моисеевич — временно-обязанный крестьянин дер. Усова Слуцкого у. 545
 Конопацкий — житель Киева 521
 Конопянский — помещик Брестского у. 434
 Конопка — помещик Слоимского у. 436
 Конопкова — помещица Слоимского у. 436
 Коноплянский Францишек (1814—1864) — отставной поручик, помещик Дисненского у., с 1859 — заседатель от дворянства в Виленской палате гражданского суда. В 1863 — повстанческий гражданский начальник Виленского воеводства. Умер по дороге на каторгу 163
 Константин Николаевич (1827—1892), великий князь, в 1862—1863 — наместник и главнокомандующий войск в Царстве Польском 191, 202, 210, 310, 311, 403, 416, 483, 484, 611
 Контвойн Лаврентий — крестьянин Векшнянской вол. Шавельского у. 424
 Контковский — помещик им. Серенчаны Свенцянского у. 232, 239
 Контвот Адам — крестьянин дер. Кепураны Тельшевского у. 422
 Контвот — помещик, участник манифестаций в Вилкомире 62
 Кондратович Адам — крестьянин Буйвиданы Трокского у. 262
 Конча П. — ученик 5 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250, 251
 Конья (Конча) Медард (1808—1899) — помещик Вилкомирского у., участник восстания 1831 и организации Конарско-го. С 1858 — уездный предводитель дворянства. Видный деятель партии «белых», противник восстания. В 1863 подвергался аресту 314, 333, 334
 Копанев — рядовой. В 1861 арестован за «превратное толкование» «Местных положений» крестьянам Дисненского у. 249
 Копанская — помещица Поневежского у. 373

Копец Густав — ученик 5 класса Виленской гимназии, в 1861 исключен из гимназии за участие в манифестациях 250, 251

Копец Юзеф — ученик 5 класса Виленской гимназии, брат Густава К. В 1861 исключен из гимназии за участие в манифестациях 250, 251

Копылов Александр — ученик 7 класса Виленской гимназии 222, 224, 228, 230

Корбут Алоизий — студент Петербургского университета 253

Корговд — помещик им. Нартовты Ковенского у. 334

Корева Клетый (?—1863) — сын помещика Ковенского у., офицер корпуса лесничих. В 1863 — командир одного из первых повстанческих отрядов в Литве, повстанческий военный начальник Трокского у. Расстрелян в Ковно 21.III 1863 122, 156, 188—192, 200, 203, 209, 210

Корево Ксаверий — студент Московского университета, участник манифестации 8 V 1861 в Вильно, арестован и сослан в Вятскую губ 65

Корейво (Корейва) Альфонс — ксендз, законоучитель Поневежской гимназии. За участие в манифестациях в 1861 арестован, а в 1862 переведен филиальным ксендзом в Нурканы Поневежского у. под надзор полиции. В 1863—1866 разыскивался властями. 372, 373, 376

Корженевский Каetan Доминикович — студент в Москве 523

Корженевский Юлиан — студент Московского университета 35, 253

Коржениовский — помещик Ковенской губ. 155

Корецкий Петр Иванович — статский советник, с июня 1858 по март 1865 вице-губернатор Ковенской губ. 345, 349, 352, 353, 355, 358, 376

Корзон Тадеуш (1839—1918) — польский историк. В 1859 окончил Московский университет, был преподавателем Ковенской гимназии, с 1861 секретарем Ковенского губернского по крестьянским делам присутствия. Активный участник предповстанческого движения в Ковно. В 1862—1867 находился в ссылке. С 1897 руководил Библиотекой Замойских в Варшаве. Написал капитальные труды по истории Польши XVII—XVIII вв., а также воспоминания («Mój pamiętnik przedhistoryczny», Kraków, 1912), 122, 124, 380, 381, 405—408

Коркузевичувна Констанция — дворянка, участница манифестаций в Дисненском у. 61

Коркузевичувна Марцелия — дворянка, участница манифестаций в Дисненском у. 61

Корляк — помещик Лидского у. 241

Корокенецкий — помещик Брестского у. 434

Коротыньский (Коротынский) Винцентий (1831—1891) — польский литератор (писал также по-белорусски), воспитанник и друг Сырокомли, сотрудник «Виленского вестника». Впоследствии жил и работал в Варшаве 312

Корсак Альбин — помещик, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 294

Корсак Антон — заседатель Витебской гражданской палаты. В 1855 переведен в Ярославль в связи с «неблагоприятным образом мыслей», в 1856 вышел в отставку. Активный участник манифестаций в Витебске 116

Корсак Эдмунд — помещик Слонимского у. 436, 437, 505

Корсак Ян — юнкер (унтер-офицер?) 3 батальона Невского пехотного полка. В 1861 арестован в Ковно за хранение запрещенного гимна 384

Корсак — помещик им. Озерцы Дисненского у. 249

Корсак — волостной писарь Кубличской вол. Лепельского у., в 1862 подозревался в антиправительственной агитации среди крестьян 587

Корсак — мировой посредник Дриссенского у. 591

Корсакова — помещица Слонимского у. 436

Косиловский — отставной прапорщик. Арестован за участие в манифестации 6.VIII 1861 в Вильно 103, 271, 272

Косинская Виктория — помещица им. Григоровцы Бельского у. В 1861 выслана в имение и отдана под надзор полиции за участие в манифестациях в Белостоке 440—442

Косинская Софья — дочь Виктории К., участница манифестаций в Белостоке 440, 441

Косинский — в 1863 командир повстанческого отряда 183

Коско Болеслав — сын помещика, участник манифестаций в Вилкомирском у. 34

Коско Владислав — студент, участник манифестаций в Вилкомирском у. 34

Коско Онуфрий — сын помещика, участник манифестаций в Вилкомирском у. 34

Коссаковский Ярослав (1842—1889), граф — сын помещика Ковенской губ., в 1858—1860 студент Московского университета, затем учился в военной школе в Париже. В 1863 — адъютант 3. Сераковского, приговорен к 8 годам каторги 10, 11

Коссаковский — помещик Ковенской губ. 155

Коссовский Владислав (1836—?) — поручик, член кружка Сераковского и польского Петербургского комитета, в 1864 арестован, дал подробные показания; сослан на поселение 45, 46

- Костелецкий Фома — коллежский регистратор. В 1864 предан военному суду по делу «Пётковичей» 294, 296
- Костерицкий Николай Васильевич — прокурорский земский исправник Подольской губ. 87
- Костровицкая — помещица им. Ростыняне Виленского у. 238,
- Костюшко Тадеуш (1746—1817) 127, 369, 380, 399, 475, 544
- Косцинский — см. Антушевич
- Косцялковский Евгений — помещик им. Шетекшна Новоалександровского у. 344
- Косцялковский Игнатий — помещик им. Полпе Новоалександровского у. 157, 165, 197, 332, 345
- Косцялковский Франц — помещик им. Лидзюны Новоалександровского у. 345
- Косцялковский Юзеф (1833—1894) — врач в м. Кейданы Ковенского у. (окончил Киевский университет). Весной 1863 — повстанческий комиссар Ковенского воеводства. Сослан в Сибирь 156, 161
- Косцялковский Януш — помещик им. Попеле Новоалександровского у. 95, 260, 388, 393, 394
- Котвич — помещик Виленского у. 232, 237
- Котюжинский — уездный предводитель дворянства в Киевской губ., в 1862 выслан за участие в манифестациях 91
- Кох Александр Иванович — ген.-майор, русский комиссар по пограничным делам с Пруссией в России 21
- Кохановский Иосиф — дворянин, проживающий в Вильно 254
- Кочан — помещик им. Рачуны Ошмянского у. 240
- Кошанский Юзеф — офицер русской армии. В 1863 командир повстанческого отряда в Виленском и Августовском воеводствах (псевд. «Глеба»). После восстания в эмиграции 181, 183, 184
- Кошци Вацлав — см. Володзько В.
- Коялович — чиновник Поневежского уездного суда 372
- Кравцов Прохор — десятский им. Попеле Поневежского у. 193, 388, 394, 395
- Кравчук — отставной солдат, житель Луцкого у. Волынской губ. 82
- Крайский Антон Деметьевич — жандармский капитан, адъютант штаб-офицера корпуса жандармов по Ковенской губ. 47, 48, 50, 75, 341, 343, 349, 353
- Крамич Иван — крестьянин м. Верхне Диневского у. 321
- Красинская, графиня — помещица им. Сливна Белостокского у. 462, 463
- Красинский Адам Станислав (1810—1891) — с 1858 виленский католический епископ. В июне 1863 выслан в Вятку, где пробыл до 1883. Известен также трудами в области польской филологии 15, 61, 65, 78, 100, 104, 106, 117, 218, 232
- Красинский Зыгмунт (1812—1859), граф — поэт 97, 102, 106, 110, 221
- Красицкий, граф — помещик им. Самойловичи и др. Волковысского у. мировой посредник 447, 448, 449
- Красноумов Степан Иванович — статский советник, директор Витебской гимназии 586, 587
- Кремер, фон, Эмиль Сигфридович — майор, командир 3 батальона Невского пехотного полка 384
- Кремер — французский генерал, командир дивизий и корпуса во время франко-прусской войны 185
- Кретович Генрих — уроженец Сейненского у. Августовской губ., управляющий им. Жижморя Троцкого у., участник манифестаций 274
- Крживицкий — см. Кживицкий
- Кржижановский Доминик Доминикович — дворянин, б. чиновник Минской казенной палаты, в 1863 повстанец отряда А. Трусова 555, 558
- Кржижевич Бенедикт — дворянин, отставной канцелярский служитель. Выслан в Архангельскую губ. за участие в манифестации в Вильно 6.VIII 1861 75, 268—272
- Кржицкая — дочь помещика, участница манифестаций в Виленском у. 60
- Кригер Григорий Александрович — контр-адмирал, с октября 1861 по июнь 1863 ковенский губернатор 378, 381, 382, 384, 386, 389—392, 395—397, 401, 403—405, 408, 409, 412, 414, 415, 418, 419, 420, 425—429
- Крижис Станислав — крестьянин Векшнянского вол. Шавельского у. 424
- Крижицкий — поручик, начальник жандармской команды в Тельши 412
- Криско Павел — крестьянин дер. Парфяновичи Волковысского у., в 1861 обвинялся в сопротивлении полицейским властям 449
- Кроковский — статский советник, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Кропис Игнатий — работник им. Ляцково Шавельского у. 424
- Крук — см. Гейденрейх
- Круталис — крестьянин дер. Рывице Шавельского у. 422, 423
- Крутинис Юозас (Иосиф) — десятский дер. Рывице Шавельского у. 424
- Крушевский — студент 260
- Крыловский Александр (1843—?) — студент. Осужден военным судом в Житомире за участие в освободительном движении, бежал. Участник восстания 1863, позднее в эмиграции 91
- Кубляцкий — помещик им. Полесье Свенцянского у. 232, 239
- Кудзинович — помещица им. Видогощ Минского у., участница манифестаций 116, 543, 544
- Кудевич Ян (Иван Иванович) (1821—?) — помещик им. Суришки Ковенского у.,

- мировой посредник. В 1863 подвергался аресту 28
- Кукель — подполковник, «состоящий при Военном министерстве и по кавалерии» в Петербурге, в 1861 участвовал в манифестациях в м. Друскениках 456
- Кукель — ученик 7 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Кукель — ученик 2 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Кулак — помещик им. Песляковщина Мстиславского у. 598
- Кулаковский Ромуальд Доминикович — инженер-капитан, начальник одной из дистанций XII (Ковенского) округа путей сообщения, активный участник манифестаций 31.VII 1861 в Ковно 74, 90, 358, 360, 378
- Кулеш — учитель в Белостоке 440
- Кулеша — помещик им. Конюхи Вилкомирского у. 403
- Куликовский Доминик — крестьянин дер. Кепураны Тельшевского у. 422
- Кулин Василий Петрович — коллежский ассessor, инспектор Виленской гимназии 248
- Куль — чиновник Виленской палаты государственных имуществ, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 286
- Кульвановский Генрик (? — 1865) — ксендз, законоучитель Мозырской гимназии. За участие в манифестациях был выслан в 1861 на жительство в Петропавловск, где и умер 20, 49, 518
- Кульвеш Тадеуш — житель Ковно 369
- Кульвинский Антон — крестьянин Векшинской вол. Шавельского у. 424
- Кульчицкий Леон (ок. 1823—1863) — начальник Гродненской железнодорожной станции, активный участник манифестаций. В марте 1863 под его руководством революционная молодежь пыталась на поезде выехать из Гродно для присоединения к повстанцам. В дальнейшем был офицером в повстанческих отрядах Августовского воеводства. Умер от раны, полученной в бою 504
- Кумелис Адомас — крестьянин им. Декшне Вилкомирского у. 417
- Кунцевич — дворянин, в 1861 арестован за «превратное толкование» «Местных положений» в Дриссенском у. 575
- Кунцевич — ученик 3 класса Виленской гимназии, в 1861 исключен из гимназии за участие в манифестациях 251
- Купец Ян Евгений (ок. 1844—?) — сын помещика Вилкомирского у., студент Московского университета. В 1863 — адъютант одного из руководителей повстанческого движения в Ковенской губ. И. Лясковского. Дал на следствии подробные показания и был сослан рядовым в отдельный Оренбургский корпус 191, 202, 210
- Купфер — см. Эридорф-Купфер
- Курневич Игнаций — студент Петербургского университета, активный деятель студенческого «Огула» 8, 10, 223, 226, 228, 229
- Куровский — студент, участник манифестаций в м. Глубоком Дисненского у. 61, 581
- Курочкин Василий Степанович (1831—1875) — поэт и переводчик, революционный демократ, редактор-издатель журнала «Искра» (1859—1873) 302
- Кунцевичи — дворяне, жители Вильно 254
- Кушинский (Куцынский) Андрей Александрович — ген.-лейтенант, до апреля 1861 и затем с 1863 начальник IV округа корпуса жандармов 18, 93
- Кучевская Францишка — сестра Ежия и Эдмунда К. 209
- Кучевская Юзефа — мать Ежия и Эдмунда К. 209
- Кучевский Ежия Игнаций — отставной артиллерийский прапорщик, помещик Трокского у., член повстанческой организации, в 1863 — командир повстанческого отряда, эмигрировал 34, 188, 209, 210
- Кучевский Эдмунд — помещик Трокского у., в 1863 — адъютант К. Корева, сослан в Сибирь 191, 202, 209, 315
- Кучинский Казимир — крестьянин м. Хорощ Белостокского у. 466
- Кушелев Сергей Егорович (1821—1890) — свитский ген.-майор, в 1861—1862 временный военный губернатор Минской губ. 89, 90, 540, 543
- Кушелевский Юзеф (ок. 1843—?) — сын помещика Поневежского у., парафиальный начальник в повстанческой организации Поневежского у., сыграл провокационную роль в аресте Т. Далева. Дал подробные показания о деятельности ковенской организации, был сослан в Пермскую губ. 163
- Кушлейко Томаш — отставной майор, помещик им. Барткунишки Ковенского у. В 1863 — командир повстанческого отряда в Ковенской губ. Эмигрировал 155
- Куявский Михаил Антонович — коллежский секретарь, помощник сокольского окружного начальника государственных имуществ 486
- Кишжановский А. — секретарь комитета польских эмигрантов в Шеффилде 86
- Лабановский Артур — ученик Ковенской гимназии, участник манифестационного движения 1861 369
- Лабенский — советник Августовского губернского правления 28
- Лабущий — крестьянин им. Антоново Новоалександровского у. 352
- Лазутка Станислав Антонович — совет-

ский историк VII, VIII, IX, XXIV, XXV, XXVI, XXXIX, XL, XLI, LV, LVI, LVII, 88
Лакуцевич Гилярий Лев Игнатьевич — коллежский секретарь, пристав 1 стана Дисненского у. 61
Ландер, Ляндер — см. Ленкевич
Ланде — см. Лянде
Ландсберг — студент, арестован за участие в освободительном движении 120
Ланевский — помещик им. Славина Мстиславского у. 598
Ланской Сергей Степанович (1787—1862), граф — с 1855 по апрель 1861 министр внутренних дел 45
Ланинский Теофил (1827—1886) — эмигрант. В 1863 руководил морской экспедицией, пытавшейся доставить оружие в Литву (корабль был задержан в Швеции). Опубликовал воспоминания «Powstańcy na morzu w wyprawie na Litwę» (Lwów, 1878) 169
Ланицкий Гектор — помещик, с мая по октябрь 1863 референт в повстанческой организации Минского у., с октября минский воевода. После ареста дал подробные показания. По конфирмации Муравьева от 19. VI 1864 сослан на жительство в Томскую губ. 559, 562
Лаппо (Лаппа) Александр Доминикович (1802—1869) — помещик Бобруйского у., коллежский асессор, в 1859—1863 минский губернский предводитель дворянства. В 1863 выслан в Пермскую губ. 517, 532, 535
Лаппо Иоанн — протоиерей, Чашницкий благочинный Лепельского у. 589
Лауниц Василий Федорович фон дер (1802—1864) — ген.-лейтенант, командир Отдельного корпуса внутренней стражи 543
Лашкевич Алексей Яковлевич — полковник, командир летучей гренадерской парковой бригады 586
Лашкевич Фелициан — викарный ксендз из Новогрудка. В 1863 предводительствовал повстанческим отрядом в Новогрудском у. и Гродненской губ. 535
Лебедзинский — доктор, в 1863 — повстанческий гражданский начальник Соколки 493
Лебель Виктор Лев Северинович — канцелярский служитель Гродненского губернского правления, в 1861 арестован за участие в манифестациях 445, 446
Лебковские — братья, студенты Московского университета, активные участники студенческого «Огула» 10
Левандовская — помещица им. Дзяговцы Ошмянского у. 240
Левандовский — помещик Ковенской губ. 62.
Леватов — помещик Тверской губ. 354
Левась Ионас — житель Россиенского у., контрабандист 23

Левицкий Иван Иванович — тит. с., архитектор для производства работ при Виленской губернской строительной и дорожной комиссии 493
Левицкий Юрий — крестьянин им. Одахово Россиенского у. 327.
Левицкий — крестьянин им. Олешки Свенцянского у. 234
Левкович Людвиг — староста дер. Шейняки Слонимского у. 478
Левоневская — участница манифестаций в Россиенском у. 35, 343
Левоневский — помещик им. Больчи Россиенского у. 35, 343
Легченко Семен — унтер-офицер Тельшевской жандармской команды 412
Ледуховский — граф, помещик им. Гинтелишки Тельшевского у. 403, 411, 412
Лейсон Юрий — рядовой Виленского батальона внутренней стражи 301
Лелевель Иоахим (1786—1861) — историк, демократический деятель 347, 372
Леляков Николай Александрович — майор, состоял для особых поручений при начальнике IV округа корпуса жандармов, с февраля 1862 — гродненский губернский жандармский штаб-офицер 151—154, 481, 482
Лемега Григорий — крестьянин с. Ольшаны Мозырского у. 548
Лемпке Владзимеж (ок. 1838—1864) (псевд. «Людвик Окулярник») — сын генерала царской армии, механик варшавской фабрики металлоизделий, активный участник варшавской революционной организации, занимавшийся агитацией среди рабочих. В 1863 помощник начальника, затем организатор (интендант) Варшавы, энергично выступал против «белых» правительств. С осени 1863 в Киеве, где отравился в момент ареста 175—180, 187, 188
Ленин Владимир Ильич — V, VI, IX, XIV, XXII, XXIII, XXVI, XXXI, XXXVII, XXXVIII, XLI, XLVI, LIII, LIV, LVIII, LXII
Ленкевич Александр — отставной подполковник. В 1863 под псевдонимом «Ляндер» в чине полковника руководил рядом повстанческих отрядов в Гродненском и Августовском воеводствах 181, 494, 497
Ленчевские — воспитанники Петербургского Смольного института, в 1861 принимали участие в пении запрещенных гимнов в Белостоке 440
Леонovich — дворянин, житель Поневежа, активный участник манифестаций 372
Леонтович Василий Андреевич — полковник артиллерии, член Временного полевого аудиториата при штабе Виленского военного округа 571
Лешюкевич — ученик 6 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250

- Лесевич Андрей — белостокский мящанин. в 1862 принимал участие в организации воскресной школы в дер. Белосточек Белостокского у. 472
- Ливен Вильгельм Карлович (1800—1880), барон — ген.-адъютант, в 1861—1864 рижский ген.-губернатор 138, 139
- Лидерс Александр Николаевич (1790—1874), граф — генерал. В ноябре 1861 — июне 1862 исполнял должность наместника Царства Польского и командующего I армией 106, 210, 416
- Лизолдова — помещица им. Язово Виленского у. 233
- Лилейкис Пранас (Франц) — крестьянин Войнутского общества Россиенского у. 426
- Лилейкис Юозас (Осип) — крестьянин Войнутского общества Россиенского у. 426
- Лимановский Александр (1825—1853), брат Болеслава Л. 256
- Лимановский Болеслав (1835—1935) — польский политический деятель и историк. В 1861 — студент Дерптского университета, был сослан в Архангельскую губ. за участие в манифестации 8.V 1861 в Вильно. Впоследствии — один из создателей ППС. Оставил много крупных трудов по истории польского общественного и революционного движения XIX в. 223, 247, 253—260
- Лимановский Люциан (1836—1914) — студент, брат Болеслава Л. В 1861 выслан в Вологодскую губ. за участие в манифестации в Вильно 253—255, 257—260
- Лимановский Юзеф (1837—1905) — брат Болеслава Л. В 1861 выслан в Вологодскую губ. за участие в манифестации в Вильно 253—260
- Линкевич — ученик 5 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Липский Нарциз (? — 1863) — учитель Поневежской гимназии, активный участник манифестаций. В 1863 — член повстанческой организации Поневежского у., организовал повстанческий отряд, погиб в бою под Биржами 372
- Липский Станислав — помещик, участник Слонимской нелегальной библиотеки 505
- Лисовский (Лисицкий, Артур Троц, Гнатковский) — эмиссар Л. Мерославского (?) 220, 222, 224, 225
- Лобов — ротмистр, земский исправник Вилкомирского у. 389, 390
- Ловейко — земский исправник Люцинского у. 589
- Ловорко — земский исправник Бельского у. 153, 482, 483
- Лодаховский Оттон — помещик Волковысского у. 509
- Лодаховский Горгоннум — помещик Волковысского у. 509
- Лодаховский — помещик Волковысского у., брат Горгоннума и Оттона Л., был связан с повстанцами 509
- Лопацинский — помещик Дриссенского у. 591
- Лопушинский — ученик 5 класса Виленской прогимназии, участник манифестаций 250
- Лоренцов — сельский учитель Ковенской губ. 407
- Лосев Александр Михайлович (1819—1885) — подполковник (впоследствии полковник и генерал), витебский (1856—1861) и виленский (1861—1884) жандармский штаб-офицер, председатель Виленской особой следственной комиссии IX, XXVI, XL, LVI, 67, 69, 114, 163, 278, 279, 281—283, 297, 299—302, 305, 306, 311, 312, 315, 316, 320, 560, 562, 571
- Лубенский Якуб Иосифович — крестьянин дер. Старлыги Свенцянского у. 234, 243
- Лубо — таможенный чиновник Калишского округа 442
- Лубова — «магазинщица», жена чиновника Лубо, в 1861 принимала участие в манифестациях в Белостоке 442
- Лужбинович Иосиф — дворянин, подозревался в принадлежности к обществу «Пётковичей» 295
- Лукашевич Изидор (? — 1863) — молодой помещик, в 1863 командир Слонимского повстанческого отряда, убит 505, 507 508.
- Лукашевич Михаил — крестьянин дер. Шейняки Слонимского у. 478
- Лукошюнас (Лукашюнас) Казимерас — государственный крестьянин дер. Рагува Новоалександровского у., в 1863 — командир повстанческого отряда в Ковенской губ., после восстания эмигрировал, арестован в Риге в конце 60-х годов и приговорен к бессрочным каторжным работам 155
- Лукша Андрей Михайлович — крестьянин дер. Лицевичи Свенцянского у. 244
- Лукьянов Артемий Федорович — коллежский ассessor, земский исправник Свенцянского у. 233, 236, 246
- Лукьянский Павел — коллежский регистратор, чиновник в Ошмянах 285
- Лупинский — коллежский регистратор, письмоводитель Белостокской квартирной комиссии, активный участник предповстанческого движения 442
- Лучинский Александр Васильевич — коллежский, затем статский советник, в 1858—1867 минский вице-губернатор 551, 568
- Лушицкий Бенедикт (Венедикт) Яковлевич — житель Тимковичской вол. Слуцкого у. 545
- Лыцягевич Александр — крестьянин дер. Тарасевичи Свенцянского у. 244, 245
- Лыцягевич Павел — крестьянин дер. Тарасевичи Свенцянского у. 244, 245

- Лыщинский — пристав 1 части Минска. В 1863 привлекался к следствию по подозрению в прикосновенности к Минской революционной организации 570
- Лыщинский — помещик Оршанского у. 599
- Львов — помещик Тверской губ. 354
- Любанский — помещик им. Ижа Виленского у. 241
- Любецкая — см. Друцкая-Любецкая
- Любичанковский — доктор в Минске, выслан из края по «неблагонадежности» 569, 571
- Любомирский Стефан (1819—?), князь — могилевский губернский предводитель дворянства 608
- Людкевич Элизеуш (ок. 1825—1863) — сын помещика Поневежского у., окончил Академию художеств, перед восстанием фотограф в Поневеже. В 1863 — командир повстанческого отряда в Ковенской губ., демократ. Убит в бою 155
- Людкевич — помещик Росненского у. 63
- Людвик XIV (1638—1715) — король Франции с 1643 108, 112
- Людвик XV (1710—1774) — король Франции с 1715 108, 112
- Людвик XVI (1754—1793) — король Франции в 1774—1792 108, 112
- Люлис Михаил — крестьянин Векшнянского общества Шавельского у. 429
- Люткус Франц — десятский Векшнянской вол. Шавельского у. 424
- Люткус Франц — сотский Векшнянской вол. Шавельского у. 423, 424, 425
- Лявданский Бенедикт — ученик 6 класса Виленской гимназии. В 1861 исключен из гимназии за участие в манифестациях 251
- Лявданский Болеслав — коллежский регистратор, подозревался в принадлежности к обществу «Пентковичей» 295
- Лявданский Эдвард — ученик Виленской гимназии, брат Бенедикта Л. 251
- Лянгович Мариан (1827—1887) — генерал, сторонник партии «белых». В начале восстания командовал крупным повстанческим отрядом в Сандомирском воеводстве. 27.II (11.III) провозгласил себя диктатором, вскоре разбит, находился в заключении в Австрии, позднее в эмиграции 174
- Лянде (Ланде) Шоэль — варшавянин, приказчик книжного магазина, в июле 1861 выслан из Ковно за участие в манифестациях 24, 340, 341, 343
- Лянде — брат Шоэля Л., герой демонстрации 27.III (8.IV) 1861 в Варшаве, убит 24
- Ляндовский Павел (1843—1894) (в док. Павелэк) — сторонник «красных». В 1863 — окружной начальник, начальник повстанческой жандармерии и интендант в революционной организации Варшавы 176—180
- Ляндсберг Кароль (1800—1888) — помещик, мировой посредник 4 участка Поневежского у. В 1863 подвергался аресту 384—386, 396
- Ляскарс Ежый (1828—1888) — польский писатель и поэт, участвовал в восстании в отрядах Ф. Вислоуха и З. Сераковского, в эмиграции занимался публицистикой 191, 201, 202
- Ляскович — помещик им. Шумск Виленского у. 233, 238
- Лясковский Игнатий (1832—?) — штабс-капитан, прикомандированный к Артиллерийской академии, из дворян Минской губ., член Петербургской офицерской организации. В 1863 — один из руководителей восстания в Ковенской губ. После восстания эмигрировал X, XXVII, XLII, LVIII, 183
- Лясковский Станислав — офицер Артиллерийской академии, член кружка З. Сераковского в Петербурге, в 1863 военный начальник Минского воеводства, эмигрировал X, XXVII, XLII, LVIII
- Лясковский — помещик Волковыского у., мировой посредник 494
- Ляссота Иван Мартинович — тит. с., заседатель для особых поручений Гродненского земского суда (затем уездного полицейского управления) 478, 479
- Ляцевич — священник Семятицкой церкви Бельского у. 482, 483
- Маврос — подполковник, адъютант рижского ген. губернатора 139
- Магнус Фердинанд Данилович — надворный советник, гродненский земский исправник 457, 478, 484, 485
- Маевский Кароль (1833—1897), член Дирекции «белых» в Королевстве Польском. В июне — сентябре 1863 — член Национального правительства, арестован в марте 1864 г., дал подробные показания 187, 188
- Маевский Константин Иванович — коллежский ассессор, секретарь виленского генерал-губернатора 15
- Маевский Юзеф — ксендз, гродненский декан. В 1861 выслан в Тобольск за участие в манифестациях, в 1862 возвращен и назначен викарным ксендом в Гожский приход Гродненского у. под надзор полиции 75, 451
- Маевский — учитель музыки в Белостоке, участник манифестаций 439
- Маевский — ученик Виленской гимназии, участник кружка В. Витковского 220, 222
- Мажуйко Петр — крестьянин им. Попеле Новоалександровского у. 395
- Мажуйко Ян — крестьянин им. Попеле Новоалександровского у. 395
- Макс — инспектор Гродненской гимназии 457

- Макшеев — чиновник по особым поручениям Министерства внутренних дел 60
- Малафеев — помещик Рогачевского у. 596
- Малаховский Владислав (ок. 1830—в конце 1890-х годов) — инженер путей сообщения, демократ, один из руководителей партии «красных» в Литве и Белоруссии, с июня 1863 — повстанческий начальник Вильно, ближайший сотрудник К. Калиновского, в августе 1863 выехал в Петербург, затем эмигрировал 162, 168, 169, 211, 214
- малдарис Тадаас (Фаддей) — крестьянин им. Лауксодзе Понежевского у. 385, 386, 396
- Малевский — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Малецкий — ученик 6 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Малешевский — студент Варшавской главной школы. Арестован в 1862 вместе с Г. Абихтом 151—154
- Малиновский — участник кружка В. Дунина-Марцинкевича в Минске 541
- Малиновский — помещик Лепельского у. 587
- Малишевский — столоначальник Поневежского уездного суда, участник манифестаций 372
- Малоховцувна — участница манифестаций 1861 в Вильно 250
- Малыгин Иван Михайлович — коллежский ассессор, аудитор управления коменданта Вильно 486—488
- Мальчевский Франц Людвигович — кандидат юридических наук, судебный следователь Поневежского у. 399
- Мамо Адам — крестьянин дер. Парфяновичи Волковысского у., в 1861 обвинялся в сопротивлении полицейским властям 449
- Манзей Константин Николаевич — полковник, флигель-адъютант, в 1861 командирован в Ковенскую губ. для содействия властям при проведении крестьянской реформы VIII, XXV, XXXIX, LVI, 85, 329, 330, 334, 335
- Манцевич Алоизий Матвеевич — коллежский секретарь, полицейский пристав 4 стана Виленского у. 237
- Маресев Василий Матвеевич — д. с. с., председатель Ковенской казенной палаты 358
- Маркевич Игнатий — крестьянин дер. Вайниовцы Сокольского у., принимал участие в агитационной работе среди крестьян. В 1863 осужден к ссылке в отдаленные губернии 486—489
- Маркевич — доктор в Гродно 496
- Марковский Иван — канцелярский чиновник Ошмянского уездного суда, член «библиотеки ошмянской молодежи», в марте 1863 отдан в солдаты за хранение запрещенных сочинений 33, 285, 288, 295
- Марковский Юрий — канцелярский чиновник Ошмянского уездного суда, брат Ивана М., член «Библиотеки ошмянской молодежи» 33, 285, 286, 288, 289
- Маркушевский — в 1863 находился в повстанческих отрядах в Слонимском у. 505
- Марцелевичувна Казимира Ивановна — крестьянка дер. Номиков Сокольского у. 487—489
- Марцинкевич — см. Дунин-Марцинкевич В. И.
- Марцинкевич Камилла Викентьевна (? — после 1880) — дочь В. Дунина-Марцинкевича, активная участница предповстанческого движения в Минске. В феврале 1863 арестована, в августе сослана в Соликамск 116, 541—543, 552
- Марциновская Мальвина — жительница Минска 528
- Марциновский Александр Антонович — житель Москвы 528
- Маслов — брестский земский исправник 469, 472, 473
- Масловский — чиновник Свенцянского уездного суда 294
- Матвеев Филипп — ходок в Петербург от крестьян им. Соржица Сенненского у. 613
- Маттерно — студент, участник манифестаций в Дисненском у. 33, 254
- Матулайтис Станислав (1866—1956) — советский историк 413, 419
- Матусевич — помещик Брестского у. 434
- Матусевич — полковник, участник восстания 1831, житель Трокского у. (?) 191, 202
- Матусевичи — сыновья (?) полковника М. 191, 202
- Матушевич — в 1863 командир повстанческого отряда в Калишском воеводстве 180
- Матиюков Павел — рядовой Софийского пехотного полка 271
- Махвиц — помещик им. Нелюбишки Новоалександровского у. 335, 346
- Мацек Иван — десятский им. Парфяновичи Волковысского у., обвинялся в отказе принять участие в выборе сельских должностных лиц в 1861 449
- Мацкевич Антоний — см. Мацкявичюс Антанас
- Мацкевич Антоний, сын Винцентия — ксендз Поневежского костела. В 1862 за участие в манифестациях переведен в Сувеинишки, Новоалександровского у. под надзор полиции. В 1863 находился в повстанческом отряде, в 1864 арестован, сослан в Тобольск 372, 373, 376, 377
- Мацкевич Венедикт — мешанин, участник манифестаций в Вилкомире 62
- Мацкевич Карл — житель Слонима, член нелегальной библиотеки 505

Мацкевич — студент, участник манифестаций в Лиде 61
 Мацкун Бартоломей — крестьянин дер. Нарбуты Вилкомирского у. 402, 403
 Мацкявичюс (Мацкевич) Антанас, сын Таласа (1828—1863) — выдающийся литовский революционер-демократ. Накануне восстания — ксендз-филиалист в м. Подбжезе Поневежского у., вел широкую революционную агитацию среди литовского крестьянства. В марте 1863 сформировал и возглавил один из крупных повстанческих отрядов в Ковенской губ. Осенью назначен организатором повстанческих вооруженных сил Ковенского воеводства. Взят в плен 5.XII. 1863, казнен 16.XII.1863 в Ковно X, XII, XXVII, XXIX, XLI, XLIV, LVIII, LX, 154—156, 161, 183, 210, 217, 377, 430, 431
 Мачынский — ксендз, настоятель костела в Россиенах 63
 Мацюк П. — крестьянин дер. Тымянки Брестского у. 490
 Медведь Яким Степанович — крестьянин дер. Нововоля Белостокского у., обвинялся в отказе платить помещику оброк и исполнять распоряжение властей 512, 513
 Медекша Адам (1820—1876) — помещик им. Ромайни Ковенского у. В 1839 был выслан по делу Ш. Конарского. Перед восстанием — мировой посредник, сторонник программы «белых». В 1863 — участник повстанческой организации, сослан 28
 Медекша Марциан — студент Московского университета, активный участник манифестационного движения 1861 в Ковенской губ. 344, 359, 365
 Медушевский Антон — крестьянин им. Полонечка Новогрудского у. 549
 Мейер (Меер) Андрей Сергеевич (ок. 1840—?) — студент Петербургского университета. В июне 1862, после увольнения из университета, открыл тайную воскресную школу в дер. Белосточек Белостокского у. 471, 472
 Мейер Бруно — владелец книжного магазина в Кенигсберге 24
 Мейер — участник карательного отряда по усмирению крестьянских волнений в Минской губ. 521
 Мейштович (Мейштовт) — помещик им. Мейшты Новоалександровского у. 85, 332
 Меллина, графиня — помещица Гомельского у. 596, 597
 Мендоза — поручик Великолуцкого пехотного полка 452
 Мержиевский Владислав — дворянин, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 295
 Мержиевский Лев — помещик, мировой посредник Новогрудского у. В 1863 был

арестован по подозрению в прикосновенности к Минской революционной организации. Освобожден под надзор полиции 544, 545, 568, 570, 571
 Мерославский Людвик (1814—1878) — генерал, публицист, политический деятель, участник восстаний 1830—1831 и 1848—1849, руководитель шляхетско-националистического крыла польской эмиграции. В феврале 1863 провозглашен диктатором, но после разгрома возглавляемого им отряда вновь эмигрировал. Написал «Pamiętnik 1861—1863» (1924) 10—12, 46, 48, 54, 56, 80, 81, 86, 87, 172, 174, 177, 182, 183, 188, 284, 360, 361, 497, 514, 523, 544, 585, 590
 Меттерних Клеменс (1773—1859) — австрийский политический деятель, инициатор создания в 1815 реакционного «Священного союза» 5, 6
 Мефистофель — см. Вагнер Ю.
 Мешкен — крестьянин им. Антоново Новоалександровского у. 352
 Мивгер Владимир — помещик, член Слонимской нелегальной библиотеки 505
 Мижевский — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
 Микалаюнас Юргис (Юрий) — крестьянин дер. Нарбуты Вилкомирского у. 402, 403
 Микош — гувернантка Поневежского девицкого пансиона, участница манифестационного движения 374, 377
 Микоша — помещик им. Поляны Свенянского у. 239
 Микужис Иосиф — работник им. Ляцково Шавельского у. 424
 Микужис Станислав — безземельный крестьянин им. Ляцково Шавельского у. 424
 Микуленас Казимир — старшина Судейской вол. Вилкомирского у. 418
 Микулич — помещик им. Дуды Свенянского у. 232
 Микульский Адольф — студент, участник манифестации в м. Глубоком Дисненского у. 61, 581
 Микульский Флорентин — помещик, член Слонимской нелегальной библиотеки 505, 506
 Микуцин Мартин — крестьянин дер. Шейняки Слонимского у. 478
 Микуцкий — помещик им. Нешокоц Вилкомирского у. 335
 Миладовский Александр — ученик Виленской гимназии, участник кружка В. Витковского, затем студент Горыгорецкого земледельческого института 221, 228
 Миладовский Витольд (ок. 1837—?) — из дворян Новогрудского у., учился в Киевском университете, прапорщик, состоявший при Николаевской инженерной академии, член Петербургской офицерской организации. В 1863 — коман-

- дир повстанческого отряда в Белоруссии, арестован в ноябре 1863, дал обширные показания, сослан в Восточную Сибирь 217, 494, 497, 507
- Миладовский Донат Антонович — надворный советник, земский исправник Тельшевского у. 381, 382, 420, 422
- Милаев Данила — крестьянин Калужской губ. 263
- Милачевский — помещик им. Жодзишки Свенцянского у. 239
- Милёвич (Милович) Влодзимеж (1838—1884) — участник «Тройницкого общества» в Киеве, в 1861—1862 был связным между конспирацией в стране и эмиграцией, весной 1862 вошел в варшавский «академический комитет», летом 1863 находился в Варшаве, затем выехал в Галицию 217
- Милевич Ильефонс (ок. 1835—?) — землемер, участник Гродненской революционной организации, созданной К. Калиновским накануне восстания. В 1863 секретарь при повстанческом гражданском начальнике Гродненского воеводства, а затем в Вильно — при Калиновском. Сослан на каторгу 169, 492, 495, 496, 500, 502, 503
- Милевский Оскар — помещик имений Лугомовичи и Лаздуны Ошмянского у. 240, 264
- Милешко Иосиф — крестьянин Векшнянской вол. Шавельского у. 424
- Милешко Казимир — крестьянин Векшнянской вол. Шавельского у. 424
- Милешко Франц — крестьянин Векшнянской вол. Шавельского у. 424
- Мильвид Адам — дворянин Ковенской губ. 95
- Мильвид Юлиан Фаддеевич — депутат Ковенского дворянского депутатского собрания, активный участник манифестаций 340
- Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912) — военный министр с 1861 по 1881 54, 60, 64, 68
- Минейка — помещик Новоалександровского у. 332
- Минейка — помещик им. Дубинки Виленского у. 232
- Минейко Евстафий — дворянин, участник манифестаций в Ошмянах, связан с обществом «Пёнтковичей» 286, 295
- Минейко Зыгмунт (1840 — после 1913) — кондуктор Петербургского военно-инженерного училища, участник предповстанческого движения. В 1861 бежал за границу, учился в польской военной школе в Кунео. В 1863 — повстанческий военный начальник Ошмянского у., командир отряда, в июне взят в плен, приговорен к 12 годам каторги, бежал. В эмиграции военный инженер 54—56
- Минейко — дворяне, участники манифестаций в Ошмянском у. 33, 61
- Минят Михаил — ученик Шавельской гимназии, в 1861 арестован за хранение запрещенного гимна 368
- Минят Юлиан — ученик Шавельской гимназии, в 1861 арестован за хранение запрещенного гимна 368
- Мирский Людвиг — помещик Дисненского у., участник манифестаций 33
- Мирский, князь — помещик Новоалександровского у. 332
- Мисевич Иван — студент Петербургской академии художеств, участник манифестаций в Ошмянах, арестован и выслан 33, 120, 287, 293, 295
- Мисевич — помещик им. Бордзобогатишки Ошмянского у. 240
- Мисевич — ученик 5 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Мисуна — студент, участник манифестаций в м. Глубоком Дисненского у. 61, 581
- Миторновский (Митаровский) — помещик им. Трирече Сокольского у., в 1861 вел антиправительственную агитацию среди крестьян 437
- Михаил (Голубович) — архиепископ минский и бобруйский в 1848—1868 516
- Михайлов Михаил Ларионович (1829—1865) — русский писатель, публицист, революционный деятель. В 1861 за распространение написанной совместно с Шелгуновым прокламации «К молодому поколению» был сослан на каторгу, где и умер 590
- Михайлов Самсон — крестьянин Тверской губ., каменотес на строительстве железной дороги в Дукштах Новоалександровского у. 353
- Михайловский (Михаловский) Владислав — арендатор казенной фермы Кумяля Сокольского у., в 1862 подозревался в распространении «Гуторки двух соседей» 459
- Михайловский Генрих — помещик им. Полепе Вилкомирского у., в 1861 арестован и предан суду за хранение запасов оружия 90, 278, 371
- Михайловский — дворянин, в 1861 «неправильно толковал» «Положения» крестьянам Ковенской губ. 85
- Михайловский — житель Ковно, слуга 406
- Михайловский — участник кружка В. Дунина-Марцинкевича в Минске 541
- Михайловский — помещик им. Косаржевщина Дисненского у. 249
- Михаэлис Евгений Петрович (1841—1913) — студент Петербургского университета, брат жены Н. В. Шелгунова, участник революционных кружков 60-х годов 70
- Михнев Андрей Дмитриевич — майор, затем подполковник, чиновник для особых поручений при виленском ген.-губернаторе 233—236, 239, 242—245
- Мицевич — в 1863 командир повстанче-

- ского отряда в Августовской губ. 182
- Мицкевич Адам (1798—1855) 5, 7, 78, 187, 517, 544
- Мицкевич Владислав (1838—1926) — сын Адама М., биограф поэта, публицист, автор воспоминаний 516, 517
- Мицкевич Цезарий — студент, с ноября 1863 заведующий отделом полиции в революционной организации Минска. В 1864 сослан на поселение в Тобольскую губ. 561
- Мицкевич — канцелярский чиновник Поневежского уездного суда, активный участник манифестаций 372
- Мицкус Казимерас — писарь Шкудского общества Тельшевского у. 381
- Мицкус Юозас (Иосиф) — крестьянин Шкудского общества Тельшевского у. 382
- Мишель Иосиф — крестьянин им. Половечка Новогрудского у. 549
- Млотек — см. Г. Стравинский
- Мнишко Адольф — крестьянин м. Хорош Белостокского у. 466
- Могилянский Юрий (? — после 1913) — помещик, в 1863 повстанческий гражданский начальник Слуцкого у. В 1864 сослан в Иркутск 561, 562
- Могилянский — помещик Брестского у. 434
- Можанский Иоанн — священник, обольский благочинный Полоцкого у. 590
- Можейка Мартин — крестьянин дер. Кепураны Тельшевского у. 422
- Можейка — помещик имений Колодно и Олешки Свенянского у. 234, 235, 245
- Мойсевич — губернский секретарь, в 1861 предан суду за «презрательное толкование» «Положений» крестьянам Белостокского у. 84
- Мокржецкий Степан — студент Московского университета, 253
- Мокржицкий Антон — доктор в Слониме, член нелегальной библиотеки 505
- Молис Бартоломей — крестьянин Бекшнянской вол. Шавельского у. 424
- Монасевич Рафаил — студент Петербургского университета 253
- Монтвид Людвик — ксендз Поневежского костела, активный участник манифестаций, в 1863 выслан в Тамбовскую губ. 372—375
- Монтвилл (Монтвилла) Антон — помещик Россиенского у., в 1861 арестован за участие в попытке напечатать нелегальные сочинения М. Акелайтиса в Мемеле 25—27, 29
- Монтвиллы — студенты, участники манифестаций в Вилкомирском у. 35
- Монтвилл — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губ. 315
- Монтович — помещик им. Остенковщина Гродненского у. 484
- Монтрымович — канцелярский чиновник Поневежского уездного суда, активный участник манифестаций 1861 372, 374
- Морикони Люциян (1818—1893), граф — помещик имений Сявдосць и Соля Вилкомирского у. С лета 1863 — член повстанческого «Исполнительного отдела на Литве», подвергался аресту 335
- Мороз — чиновник по особым поручениям Министерства внутренних дел 60, 360, 365
- Морозова Ольга Павловна — советский историк 465
- Мортхелевич Израель — житель м. Кейданы, Ковенского у. 407
- Москевич — помещик Мстиславского у. 598
- Москевича — помещица Мстиславского у. 598
- Мостовский, граф — помещик Свенянского и Вилейского уездов 232, 239, 272
- Мотылев — прапорщик, начальник Бельской жандармской команды 48
- Мошинский — стряпчий Поневежского уездного суда 374
- Мошинский Иван — в 1863 заведовал канцелярией революционной организации Минска, сослан на жительство в Томскую губ. 562
- Муйжел — б. студент, помещик Троцкого у. 122
- Мулярчик Игнатий — крестьянин дер. Парфяновичи Волковысского у., в 1861 обвинялся в сопротивлении полицейским властям 449
- Мункевич — помещик им. Радовка Кобринского у. 232
- Муравский — дворянин, подозревался в принадлежности к обществу «Пётковичей» 124, 295
- Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866), граф — виленский ген.-губернатор, с мая 1863 по 1865, руководил подавлением восстания в Литве и Белоруссии (прозван «Вешателем»). Записки М. — «Русская старина» 1882—1883 XVIII, XXIV, L, LXVI, LXIX, 9, 13, 22, 46, 54, 65, 68, 69, 87, 213, 216, 230, 231, 253, 259, 272, 377, 489, 562, 571
- Муратов — земский исправник Вилкомирского у. 418
- Муханов Павел Александрович (1798—1871) — попечитель Варшавского учебного округа, главный директор Комиссии внутренних и духовных дел в Королевстве Польском, рьяный русификатор 6—8
- Мухин Александр Михайлович — статский советник, цензор Виленского цензурного комитета 228
- Мушинский — секретарь мирового посредника, в 1863 повстанческий начальник Волковыска 492
- Мышковский — помещик Брестского у. 434
- Мяновский Александр Николаевич — кол-

- лежский ассессор, управляющий Виленской окружной пробирной палатой 220, 230
- Набоков Иван Иванович — виленский вице-губернатор 273, 309, 310
- Навликая — вдова, участница манифестационного движения в Поневеже в 1861 374
- Навоне — в 1863 командир повстанческого отряда 183
- Нажимский Станислав — член петербургской польской революционной организации 211, 214
- Назимов Владимир Иванович (1802—1874) — ген.-адъютант, с 1855 по май 1863 виленский ген.-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа XV, XX, XXXI, XXXVI, XLVI, LI, LXVII, 8, 9, 12—14, 16—19, 29, 30, 32, 33, 35—41, 43, 45, 47, 51, 54—56, 60, 63—69, 71, 73, 74, 76, 80, 88, 90, 91, 93, 96, 116, 117, 120, 138, 139, 146, 148, 151, 152, 195, 205, 223, 229—232, 236—238, 245, 247, 248, 250—253, 259, 260, 264, 266, 268, 272, 276, 277, 279, 281—284, 286, 287, 299, 303—305, 309, 313, 320, 323, 325, 327—331, 333—335, 342—346, 349, 352, 354, 355, 357—359, 361, 362, 364, 367—369, 371, 372, 377, 381, 382, 384, 386, 389, 391, 392, 396, 401—404, 407—410, 413, 414, 417—419, 428, 429, 433, 434, 439, 441, 442, 444, 445, 447, 450—456, 459, 460, 462, 465, 468, 471, 473, 475—478, 514, 515, 531, 532, 534, 536, 550, 551, 605
- Найденков Михаил Емельянович — советский историк VIII, XXV, XL, LVI
- Наливайко Роман Иванович — десятский дер. Каракуличи Свенянского у. 242
- Наполеон III (1808—1873) — французский император в 1852—1870 80, 172, 187, 223, 236
- Нарбут Александр Николаевич — полковник, начальник штаба I пехотной дивизии 154
- Нарбут Кристина — в 1862 обвинялась в антиправительственной агитации среди учащихся Свислочской прогимназии 468
- Нарбут Людвик (1831—1863) — в 1850 сослан на Кавказ за участие в тайном кружке, затем офицер русской армии, в 1863 повстанческий военный начальник Лидского у., командир одного из первых повстанческих отрядов в Литве и Белоруссии, погиб в бою 161, 168, 171
- Наркевич Фабиан — дворянин, работник сафьянного мастера в Вильно, участник кружка В. Витковского 220, 222, 226, 228, 230
- Наркевич Ян — брат Фабиана Н., работник сафьянного мастера, участник кружка В. Витковского 220, 222, 223, 228, 230
- Нарышкин Михаил Кириллович — полковник, флигель-адъютант 84
- Науседа Андрей — крестьянин им. Биржи Поневежского у. 397, 400, 401
- Неверович Констанция — крестьянка, жительница дер. Климь Ошмянского у., обучала детей 293
- Неверович (Невярович) Мечислав — дворянин, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 61, 295
- Негатин Харлам — крестьянин дер. Страшун Трокского у. 262
- Неелов Павел Филиппович — коллежский ассессор, и. д. полевого аудитора Виленского военного округа 571
- Незабытовский Адольф — помещик, член Слонимской нелегальной библиотеки 505
- Некис — кандидат в старшины Лауксодской вол. Поневежского у. 385
- Неклюдов Николай Андрианович (1840—1896) — студент Петербургского университета, активный участник студенческого движения, впоследствии обер-прокурор сената, товарищ министра внутренних дел 70
- Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) 420
- Нелидов Иван Николаевич — полковник, командир Великолуцкого пехотного полка, бельский уездный военный начальник 453, 461, 462
- Нельговский Ф. М. — житель Петербурга 521
- Немекша Антоний (ок. 1824—1878) — ксендз, доктор богословия, в 1851—1860 профессор Петербургской духовной академии. С 1861 ставленник царских властей, занимает ответственные церковные посты в Вильно (прелат, декан, настоятель костела св. Яна) 100, 104, 106
- Немети — в 1863 командир повстанческого отряда в Августовской губ. 182, 183
- Немцевич Юлиан Урсын (1757—1841) — писатель и политический деятель, сторонник реформ, участник восстания 1794 246, 247
- Немцевский — студент Московского университета, участник манифестационного движения 1861 в Ковенской губ. 365
- Непокойчицкая — генеральша, помещица Поневежского у. 387
- Неродзик Франц Лаврентьевич — староста Паньковского сельского общества Белостокского у., в 1865 сослан в Сибирь за отказ платить помещику оброк и исполнять распоряжения властей 511, 512
- Нешокоць Телесфор (ок. 1841—1864) — студент Петербургского университета, активный участник манифестаций в Россиенском у. В 1863 находился в повстанческих отрядах М. Лянгевича, П. Сузина, затем командовал отдельным отрядом в Мариампольском у. Расстрелян 3.III 1864 в Динабурге под

- именем Антония Будрыса 62, 344, 406, 408
- Николай Александрович (1843—1865) — наследник престола, старший сын Александра II 405
- Никорович Владислав — член революционного общества «Польская молодежь» в Париже 217
- Никотин Иван Акимович — чиновник по особым поручениям при виленском ген.-губернаторе, с июля 1864 — управляющий особой канцелярией ген.-губернатора, автор воспоминаний (СПб., 1905) 210
- Нитославские — дочери помещика, участницы манифестаций в Дисненском у. 33
- Новагоцкий — помещик им. Антоново Новоалександровского у. 352
- Новаковский Иван — коллежский секретарь, минский губернский уголовных дел стряпчий, активный участник манифестаций 552
- Новик Антон — десятский им. Парфяновичи Волковысского у., обвинялся в отказе принять участие в выборе сельских должностных лиц в 1861 449
- Новик Константин (Костан) Степанович — крестьянин им. Шостаков Слуцкого у. 545
- Новинский Владислав — студент Петербургского университета, участник студенческого «Огула» 9, 10
- Новицкий Франц Яковлевич — католический каноник, законоучитель Минской гимназии 539
- Новицкий Францишек (ок. 1811—1903) — доктор в Игумене, в 1863 повстанческий гражданский начальник Игуменского у. В 1864 сослан на каторгу 561
- Новицкий — инженер-поручик 210
- Новицкий — см. Окулевич И.
- Новосельская Софья — участница манифестаций в Ошмянах 293, 295
- Новосельский — помещик, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 286
- Норвейшиус Стяпонас — крестьянин им. Декшне Вилкомирского у. 417
- Норейко Адольф — ученик 7 класса Виленской гимназии, участник манифестаций, выслан в Архангельскую губ. 250, 261
- Обакевич (1841—?) — поручик 3 стрелкового батальона. В октябре 1861 переведен в Углицкий пехотный полк, с установлением «строжайшего надзора», за участие в манифестациях в Вилкомирском у. 35
- Оберн Виктор — студент Московского университета 253
- Обрембский Любомир Павлович (ок. 1821—?) — чиновник Гродненской палаты государственных имуществ. В 1863 — доведовский кассир в гродненской повстанческой организации. Сослан на каторгу 501—503
- Оболенский Николай Герасимович — земский исправник Лепельского у. 577, 579
- Оборович А. — составитель жалобы крестьян Судейской вол. Вилкомирского у. 418
- Овечкин Николай Павлович — штабс-капитан, командир 2 роты Нарвского пехотного полка 273
- Овсяный Владислав Фаддеевич — губернский секретарь, переводчик канцелярии ковенского губернатора. В 1861 арестован за распространение запрещенной литературы 380, 381, 384, 405—407
- Овсяный — ксендз, освейский декан Дриссенского у. 591
- Огарев Николай Платонович (1813—1877) 172, 420
- Оголин Александр Степанович (1821—?) — витебский губернатор 89, 90, 576, 580—583, 585, 587, 592, 593
- Огрызко Юзефат (1827—1890) — юрист, вице-директор департамента в Министерстве финансов, журналист и издатель. В 1863 агент Национального правительства в Петербурге, в 1864 арестован и сослан в Сибирь. Умер в Иркутске 120, 211, 214
- Одаховская — помещица, участница манифестаций в Ошмянах 33
- Одынец Игнатий — помещик, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 294
- Одинцова — помещица, участница манифестаций в Трокском у. 34
- Ожешко (Оржешко) Станислав (ок. 1827—?) — сын помещика Луцкого у. Вольанский губ., окончил Дерптский университет. В 1863 начальник повстанческой полиции Вильно, в августе арестован, дал обширные показания, сослан 163, 259
- Оксентюк Григорий — крестьянин им. Ануся Бельского у. 461
- Окулевич Иван (Петр Новицкий) — в 1862 арестован в Новогрудке, так как был принят за М. Акелайтиса 30
- Окулич Осип — агент Ковенской революционной организации 122
- Окулярик Людвик — см. Лемпке В.
- Окушко Викентий Фелицианович — губернский секретарь, бухгалтер Ошмянской городской ратуши, был связан с обществом «Пёнтковичей» 295
- Окушко Владислав — студент, участник манифестаций в м. Глубоком в Дисненском у. 61, 581
- Окушко Казимир — коллежский секретарь, помещик им. Константиново Дисненского у. 249, 252
- Окушко Казимир Осипович — тит. с., мировой посредник 5 участка Вилейского у. 272, 273

- Окушко Фульгентий Фелицианович — тит. с., письмоводитель Ошмянской дворянской опеки, библиотекарь нелегальной «Библиотеки ошмянской молодежи». В 1864 предан военному суду 287—291, 294, 296
- Олдаковская — помещица, в 1861 принимала участие в манифестациях в Белостоке 439
- Олдаковский Наполеон — помещик, в 1863 повстанческий начальник Белостокского у. 493
- Олеша — помещик им. Слобода Виленского у. 241
- Олсуфьев Адам Васильевич, граф — гвардии ротмистр, флигель-адъютант, в 1861 направлен в Виленскую губ. для помощи местным властям в осуществлении крестьянской реформы 83, 236, 239, 245
- Ольшанский — в 1863 казначей повстанческого отряда в Августовской губ. 182
- Ольшевский Андрей — брат аптекаря в Ошмянах, участник манифестаций 33
- Ольшевский Бенедикт — мелкопоместный дворянин Вилкомирского у. В 1863—1864 под псевдонимом «Перун» предводительствовал повстанческим отрядом, действовавшим в Вилкомирском и Поневежском уездах 155
- Ольшевский Леонид (ок. 1871—?) — студент Московского университета. В 1861 выслан в Ковенскую губ. за участие в студенческих волнениях в Петербурге, в 1862 арестован в Петербурге как составитель ряда антиправительственных прокламаций 391
- Ольшевский Петр Петрович — штабс-ротмистр, заседатель Вилкомирского уездного суда 389, 390
- Ольшевский — ученик 5 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Опоцкий Виталис (ок. 1836—1877) — чиновник министерства государственных имуществ, член польской петербургской революционной организации, был агентом по поддержанию связи с «Землей и Волей». Эмигрировал 211
- Оргельбрант Маурыций (1826—1904) — владелец книжного магазина в Вильно, издатель словаря польского яз. 54, 56, 290
- Орда Петр — помещик Волковысского у. 494, 505
- Орлинский — вымышленная фамилия, которой Малешевский назвал Г. Абихта 153, 154
- Орловский — гувернер в Вильно, участник кружка В. Витковского 222, 275
- Орсини Феличе (1819—1858) — итальянский революционер. В 1858 совершил неудачное покушение на Наполеона III и был казнен 98, 103
- Освеинская — жена унтер-офицера Бельской инвалидной команды, в 1861 принимала участие в манифестациях в Белостоке 440
- Оскерка Александр (1830—1911) — помещик. В качестве делегата от Минской губ. участвовал в разработке проекта крестьянской реформы. Накануне восстания — один из руководителей «белой партии» в Литве и Белоруссии, в 1863 член «Отдела, управляющего провинциями Литвы». Арестован 31.V 1863, сослан на каторгу 118—120, 122—124, 157, 159—165, 168, 170, 196, 199, 206, 209—217, 493
- Оскерка Болеслав (1822—1896) — помещик, с 1860 минский уездный предводитель дворянства. В 1863 референт в повстанческой организации Минского у., позднее гражданский начальник Минского у. Арестован в 1864, сослан на каторгу 560
- Оскерка Витольд — помещик Речицкого у., выслан из края как один из инициаторов адреса о присоединении Минской губ. к Королевству Польскому 552
- Оскерка Михаил (1836—1864) — врач, окончил Московский университет. В 1863 повстанческий комиссар Минской губ., сторонник программы «красных». Арестован 26.X 1863 и казнен 28.IV, 1864 в Могилеве 161, 560, 561
- Оскерка Эмилий — помещик Речицкого у., выслан из края как один из инициаторов адреса о присоединении Минской губ. к Королевству Польскому 552
- Оскерка — помещик Рогачевского у. В 1862 в его имении обнаружены запасы оружия 81, 89, 610, 611
- Осмольский Иван — помещик, подозревался в принадлежности к обществу «Пентковичей» 286, 295
- Остафинский — дворянин Королевства Польского, в 1861 принимал участие в манифестациях в Белостоке 440
- Осташевский Викентий — крестьянин им. Хорсц Белостокского у. 466
- Осташевский Иосиф — крестьянин им. Хорсц Белостокского у. 466
- Островский Антон — ученик землемерно-таксаторских классов при Витебской гимназии 584
- Островский — канцелярский чиновник Поневежского уездного суда, активный участник манифестационного движения 1861 372
- Остроменский — помещик Сокольского у. 437
- Охотницкий — в 1863 находился в повстанческих отрядах Слонимского у. 506
- Павел I (1754—1801) — русский император с 1796 420
- Павелэк — см. Ляндовский П.
- Павлов Александр Спиридонович — майор (затем подполковник), чиновник для

- особых поручений при виленском ген.-губернаторе. Накануне и в начале восстания — председатель Виленской следственной комиссии, позднее заведовал Особым отделением канцелярии М. Н. Муравьева 30, 323, 324
- Павлов Егор — крестьянин Тверской губ., каменотес на строительстве железной дороги в Дукштах Новоалександровского у. 353
- Павлович Александр Иосифович — писарь Зубрицкого сельского правления Сокольского у., принимал участие в агитационной работе среди крестьян, в 1863 выслан в отдаленные губернии 487—489
- Павлович Карл Феликсович — тит. с., помощник вилейского окружного начальника Министерства государственных имуществ, участник манифестаций 61
- Павлович Эдуард — учитель Новогрудской гимназии, выслан из края по «неблагонадежности» 569, 571
- Павлович — ученик Виленской гимназии, связан с кружком Витковского в Вильне 223
- Павлович — ученик 6 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Павловский — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Павлюк Алексей — крестьянин им. Спягла Свенянского у. 234, 235
- Падлевский Зыгмунт (1835—1863) — офицер русской армии, участник петербургского польского революционного кружка, революционный демократ. Один из лидеров левого крыла «красных», участник переговоров с Герценом и Огаревым и с организацией «Земля и Воля». Член ЦНК, начальник Варшавы. В 1863 командовал повстанческим отрядом в Плоцком воеводстве, взят в плен и расстрелян 3 (15) V 1863 XI, XXVIII, XLIII, LIX, 173, 174, 187, 217
- Пакальнис Миколас (Михаил) — крестьянин им. Декшне Вилкомирского у. 417
- Пакальнис Симонас — крестьянин им. Декшне Вилкомирского у. 417
- Палевич Фаддей — десятский им. Воняны Виленского у. 237, 238
- Пальчевская — управляющая им. Антодуры Свенянского у. 309
- Панас — крестьянин им. Сливна Белостокского у. 463
- Панкевич — ксендз, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 286
- Панкратов Никита — гомельский мешанин, арендатор огородов в дер. Грандзичи Гродненского у. 479
- Пантелеев Лонгин Федорович (1840—1919) — русский общественный деятель, с 1862 член общества «Земля и Воля», в 1864 арестован и сослан. Автор «Воспоминаний» (неск. изд.). 71
- Папкевич — штабс-капитан, командир 1-й стрелковой роты Староингерманландского пехотного полка 470
- Парафенюк Фома — крестьянин дер. Чартаево Бельского у. 483
- Парафянович Витольд — студент Киевского университета. В 1863 повстанческий комиссар Могилевского воеводства. В январе 1864 арестован, выдал место, где скрывался К. Калиновский, дал подробные показания 541
- Парафянович Николай «участник кружка В. Дунина-Марцинкевича в Минске» 541
- Парговский — старшина Векшнянской вол. Шавельского у. 422, 425
- Парфянович Эдуард — дворянин, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 295
- Парчевский — помещик им. Мишуце Тельшевского у. 403, 412
- Парчевский — помещик Векшнянской вол. Шавельского у. 422, 425
- Паткуль Александр Владимирович (1817—1877) — ген.-адъютант, петербургский обер-полицмейстер 302, 390, 391
- Патрикеев — солдат Староингерманландского пехотного полка 459
- Паулин Николай Николаевич — помещик Люцинского у. 84, 88, 572—574
- Пауль — жена чиновника в Белостоке 93
- Пахомов Петр Алексеевич — полковник (затем ген.-майор), командир 1-й артиллерийской бригады, ошмянский военный начальник 292
- Пац — типографщик из Королевства Польского, в 1862 сослан в солдаты 465
- Пац-Помарнацкий Бронислав — помещик им. Кржчанишки Вилкомирского у., мировой посредник 405
- Пацынкова Ванда — дворянка, участница манифестаций 1861 в Вильно 250
- Пашкевич — помещик Поневежского у., активный участник манифестационного движения 1861 378
- Пашкевич — помещик им. Габриеловиц-на Ошмянского у. 240
- Пашковский Адам — губернский секретарь, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 295
- Пашковский Виктор — студент Петербургского университета, участник манифестации 8.V 1861 в Вильно 247, 253—255, 259
- Пашковский — ученик 6 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Пекарский Иосиф Иванович — аптекарь в Слониме, в 1865 привлёкся к следствию по делу Слонимской библиотеки 505, 509
- Пеликша Корнелий (1823—1872) — помещик Минского у. В 1863 — повстанче-

- ский начальник Минского воеводства, осенью бежал за границу 161, 560, 561
- Пеннионжка Иван — фамилия на черновице подложного паспорта, обнаруженного у Сохачевского 153
- Пенхержевский — полковник, командир л.-гв. Уланского полка 333, 371
- Пеньковская — в 1861 принимала участие в пении запрещенных гимнов в Белостоке 440
- Пеньковский Леон — помещик, брат Людовика П. 493
- Пеньковский Людвик (?—1905) — помещик Бельского у., окончил Дерптский университет. В 1863 повстанческий начальник Бельского у., затем Брестского воеводства. Сослан в Сибирь 493
- Пеполь Иосиф — студент Московского университета, в 1863 участник Виленской повстанческой организации 253
- Первов, по-видимому, Николай — студент Петербургского университета, участник студенческого движения 70
- Пересвет-Солтан — см. Солтан
- Перовский Василий Алексеевич (1795—1857), граф — ген.-адъютант, оренбургский военный губернатор и командир Оренбургского Отдельного корпуса (1833—1842; 1851—1857) 610
- Персины Жан-Жильбер-Виктор (1808—1872) — французский государственный деятель. В 1860—1863 министр внутренних дел Франции 531
- Пестель Павел Иванович (1793—1826) — декабрист 79, 190, 201
- Петкевич Андрей — инициатор крестьянских волнений в им. Медники Виленского у. 238
- Петрайтис — крестьянин Тельшевского у. 411
- Петрашевский — см. Бутаевич-Петрашевский М. В.
- Петрашкевич — вольнонаемный писец частного пристава в Гродно, в 1861 принимал участие в манифестациях 457
- Петров Андрей — крестьянин Тверской губ., каменотес на строительстве железной дороги в Дукштах Новоалександровского у. 353
- Петров Карл — цирюльник Петербургского арсенала 400, 401
- Петрович Антон — дворянин, связан с обществом «Пентковичей» 295
- Петровский Матвей — эконо́м им. Карлиново Свенянского у. Сослан на каторгу за распространение «Мужицкой правды» 323, 324
- Петровский Юзеф (1836—1863) (псевд. «Юзефович») — чиновник Плоцкого губернского правления, учился в польской военной школе в Италии, деятель левого крыла «красных», к началу восстания — комиссар Августовского воеводства, в сентябре 1863 член Национального правитель-
ства и начальник Варшавы, казнен в октябре 1863 174
- Петрулевич — писарь Тельшевского уездного суда, участник манифестаций 359, 365
- Петрусевич Александр Никодимович — тит. с., секретарь Лидского уездного суда, участник манифестаций 61
- Печковские — помещики Ковенской губ. 414, 415
- Печковский — студент, участник манифестаций в Ошмянском у. 61
- Печура Николай — крестьянин им. Декшине Вилкомирского у. 417
- Пешко Доминик — десятский им. Дубники Виленского у. 237, 238
- Пиглевский — священник с. Жары Речицкого у. 516
- Пизани Иосиф Петрович — помещик, отставной поручик, мировой посредник 3 участка Новоалександровского у. 352
- Пиленко Вильгельм — юнкер Михайловского артиллерийского училища, уроженец Зеньковского у. Полтавской губ. 304, 305
- Пиленко Евгений — воспитанник Виленского кадетского корпуса, брат Вильгельма П. 304, 305
- Пилецкая — жена помещика Пилецкого, участница манифестаций в Лиде 61
- Пилецкий Владислав (ок. 1838—?) — студент Петербургского университета, с конца 1861 домашний учитель в семье Л. Нарбута. В 1863 находился в отряде Нарбута, ранен, сослан в Томскую губ. 253, 293, 295
- Пилецкий Константин — помещик, член Слонимской нелегальной библиотеки 505
- Пилецкий Оттон — помещик Слонимского у. 38, 39
- Пилецкий — помещик Лидского у. 61
- Пилецкий — доктор в Гродно 455 (?), 492
- Пилсудский Казимеж (ок. 1820—1884) — помещик Ковенской губ., в 1856—1858 предводитель дворянства Тельшевского у., принимал участие в предповстанческом движении. В начале 1863 арестован, сослан 414
- Пилсудский — помещик, подвергался критике в нелегальной печати за равнодушие к освободительному движению 109, 110, 113
- Пинковский — помещик Подольской губ. 81
- Пионтковский Юльян — счетчик при Белостокской конторе железной дороги, в 1861 принимал участие в манифестациях 441, 442
- Пиотрович — ученик 5 класса Виленской прогимназии. В 1861 исключен из прогимназии за участие в манифестациях 251
- Пиров Семен Федорович — капральный 6 роты Либавского пехотного полка, в

- 1861 обвинялся в распространении среди крестьян слухов о волнениях в Королевстве Польском 479, 480, 481
- Писанко Станислав (?—1863)—арендатор казенного им. Ляцково Шавельского у. В 1863—командир повстанческого отряда в Шавельском у. В июне 1863 попал в плен и был убит карателями 422—425
- Писанко — железнодорожный чиновник, член белостокской повстанческой организации 168, 510
- Пищевич — помещик Гомельского у. 596
- Плавский Игнатий — смотритель ошмянской больницы, связан с обществом «Пёнтковичей» 295
- Плавский — предводитель дворянства Ошмянского у. 292
- Платер — см. Плятер
- Плешак Василий Юрьевич — крестьянин дер. Островляны Свенянского у. 243
- Плюто — секретарь Белостокской городской думы, в 1861 принимал участие в манифестациях 440, 442
- Пляпас Ионас (Иван) — крестьянин им. Попеле Новоалександровского у. 395
- Плятер Казимир, граф — помещик Динабургского у. 84, 576, 586 (?)
- Плятер Михалина — графиня, участница манифестаций 1861 в Вильно 248, 250
- Плятер, граф — помещик им. Корцяны Тельшевского у. 412
- Плятер — владелица дома в Вильно 195, 205
- Плятер, графиня — помещица Новоалександровского у. 332
- Плятер-Зибберг — см. Зибберг-Плятер
- Повятовский — в 1863 член повстанческой организации Белского у. 509
- Подбереский (Подберезский) Ксаверий — помещик им. Мусники Виленского у., участник предповстанческого движения 314, 320
- Подвысоцкий (ошибочно: Подвисоцкий) Миколай — эконо́м им. Зубрицы Сокольского у., принимал участие в агитационной работе среди крестьян, в 1863 выслан в отдаленные губернии 487—489
- Подгемский Эдвард — студент Петербургского университета, в 1861 выслан в Ковенскую губ. за участие в студенческих волнениях 391
- Пожерский Александр — брат Эдварда II., в 1863 член виленской повстанческой организации 212, 215, 217
- Пожерский Генрик (ок. 1837—?) — брат Эдварда П., накануне восстания служащий частного общества Пинской ж. д. В 1863 — повстанческий циркуловый начальник в Вильно, сослан на каторгу 212, 215, 217
- Пожерский Константин — брат Эдварда, в 1863 член виленской повстанческой организации 212, 215, 217
- Пожерский Эдвард (1829—1908) — дворянин Виленской губ., в конце 40-х годов за принадлежность к тайному обществу молодежи отдан в солдаты. В 1863 — член виленской повстанческой организации. Эмигрировал 212, 215, 217
- Покубато Петр (?—1874) — помещик, в 1863 — повстанческий окружной начальник в Гродненском у. Сослан в Сибирь 491, 500
- Полубинский Витольд — помещик, член Слонимской нелегальной библиотеки 505
- Полубинский Владислав — помещик, член Слонимской нелегальной библиотеки 505
- Полубинский Генрик — помещик, член Слонимской библиотеки 505
- Полуян — чиновник Виленской уголовной палаты, участник манифестаций 1861 в Вильно 250
- Помарнацкий Бронислав Юлианович — отставной инженер-капитан, мировой посредник 2 участка Вилкомирского у. 314, 315
- Помеленко — надзиратель Витебской гимназии 584
- Помернацкий — ученик Виленской гимназии 251
- Понасевич — ксендз, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 295
- Понговский — помещик Брестского у. 434
- Понсет де Сандон Собеслав — доктор, в 1863 повстанческий гражданский начальник Волковысского у. 492
- Попейки — помещики Брестского у. 434
- Попеско Станислав — уроженец Варшавы, содержатель гостиницы в Слуцке. В декабре 1863 арестован за хранение запасов дров, а также национальной одежды и революционных знаков, в 1864 выслан на жительство в Королевство Польское 530
- Поплавский Салезий Станиславович — коллежский секретарь, надзиратель Белостокской гимназии, в 1861 принимал участие в пении запрещенных гимнов 439
- Поплавский — студент Петербургского университета, участник студенческого «Огула» 10
- Поплавский — инженер, член Виленской революционной организации 124
- Поплонский — студент Петербургского университета, участник студенческого «Огула» 10
- Порадовский Александр — в 1863 командир повстанческого отряда в Виленской и Августовской губерниях (псевд. Острога) 181
- Поржецкий Иосиф — с мая 1863 референт в повстанческой организации Минского у., с октября 1863 гражданский начальник Минского у. В 1864 сослан на поселение в «менее отдаленные места Сибири» 561

- Потапов Александр Львович (1818—1886) — ген.-адъютант. В начале 60-х годов обер-полицмейстер Москвы, начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением. С 1864 помощник виленского ген.-губернатора, с 1868 ген.-губернатор 14, 294, 295, 548, 593, 611
- Потебня Андрей Афанасьевич (1833—1863) — революционный демократ, член общества «Земля и Воля», один из организаторов и руководителей Комитета русских офицеров в Польше, летом 1862 перешел на нелегальное положение. В 1863 присоединился к повстанцам, погиб в бою 21.II (5.III) 1863 173, 187
- Потоцкий, граф — помещик им. Березина Игуменского у. 551
- Потоцкий, граф — помещик Лидского у. 264
- Потриковский Анзельм — дворянин, участник манифестаций в Лиде 61
- Похвиснев Михаил Николаевич (1811—1882) — д. с. с., виленский гражданский губернатор 14, 231—233, 237, 238, 242, 245, 248, 249, 252, 264, 272, 274—276, 281, 296, 297, 303, 312—314, 320, 581
- Прасолов — полковник, гродненский губернский жандармский штаб-офицер 48, 432, 434—438, 440—442, 445—447, 452, 454—456
- Пржеленский — помещик им. Парово Ковенского у. 330, 338
- Пржецишевский — см. Пшецишевский
- Пржиалговский Антон — крестьянин Илловского общества Тельшевского у. 382
- Пржибыльский — см. Пшибыльский
- Прижигинт — чиновник люстрационного отделения Виленской палаты государственных имуществ, участник манифестаций в м. Глубоком Дисненского у. 61
- Прокопович Владимир (Владислав ?) — студент Петербургского университета, участник студенческого «Огула» 10
- Прокопович — воспитанник Белостокской гимназии, в 1861 участвовал в манифестациях 442
- Прокофьев Данила — крестьянин Тверской губ. 263
- Протасевич Евстафий — помещик, член Слонимской нелегальной библиотеки 505
- Протасевич Юрий — помещик, член Слонимской нелегальной библиотеки 505
- Протасов-Бахметев, граф — помещик Ямпольского у. Подольской губ. 85
- Прушинская — помещица им. Порсе Виленского у. 241
- Пряников Александр Степанович — священник Гузино-Величской церкви Лепельского у. 587, 588
- Пугачевич Александр — фамилия на черновике подложного паспорта, обнаруженного у Сохачевского 153, 154
- Пузына — студент, участник манифестаций в Вилкомирском у. 35
- Пузына — житель Вильно (?) 220
- Пузыно Гавриила, княгиня — помещица им. Игуменово Дисненского у. 248, 251
- Пукин — викарный ксендз в м. Освея Дриссенского у. 591
- Пуминас Пранас (Франц) — крестьянин Векшнянской вол. Шавельского у. 424
- Пусловская Геновефа — помещица Слонимского у. 435, 505
- Пусловский Станислав (ок. 1833—1905) — помещик имений Елеонорова и Замок Ковенского у., отставной штаб-ротмистр, мировой посредник. В 1863 повстанческий комиссар Ковенского воеводства, впоследствии ковенский уездный предводитель дворянства 330
- Пусловский — помещик им. Таурогини Новоалександровского у. 405
- Пусловский — помещик им. Свислочь Гродненского у. 293, 491
- Пуссие Ольга — жительница Вильно, сестра Б. Буцевича 25
- Путята — вольнопрактикующий врач, в 1861 принимал участие в манифестациях в Белостоке 439
- Путятин Евфимий Васильевич (1803—1883), граф — адмирал, в 1861 министр народного просвещения 281
- Пуцята Михаил — помещик, связан с обществом «Пёнтковичей» 294
- Пшездецкая, графиня — помещица им. Хорош Белостокского у. 465, 467
- Пшецишевский (Пржецишевский) Адольф (1803—1869) — помещик Росиенского у., в 1864—1866 — росиенский уездный предводитель дворянства 419, 420
- Пшиборовский Валерий (1845—1913) — польский историк 473
- Пшибыльский (Пржибыльский) Вацлав (1828—1872) — виленский учитель, журналист, сотрудник газеты «Курьер виленский», сторонник «белых». Перед восстанием выслан в Вологду. В марте—декабре 1863 секретарь по делам Литвы при Национальном правительстве, в июне — августе и октябре начальник Варшавы, в июне—сентябре директор повстанческого Отдела печати, с декабря 1863 до мая 1864 комиссар Национального правительства за пределами Королевства Польского, остался в эмиграции 15, 169, 170, 175, 179, 511
- Пятилоцкий — житель м. Хорош Белостокского у. 466
- Раббей Владимир — ученик 5 класса Виленской гимназии. В 1861 исключен из гимназии за участие в манифестациях 250, 260, 261
- Рабицка Иван — крестьянин дер. Вайниовцы Сокольского у. 133, 485—487, 489
- Рабевич Викентий — ученик римско-като-

- лической семинарии, участник манифестаций в Виленском у. 33
- Равдович Ростислав Францевич — тит. с., секретарь Ошмянского уездного суда, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 286, 288, 289, 295
- Равеле Арманд 22
- Раден Адольф, барон — помещик Поневежского у. 335, 385, 386, 405
- Раден Карл, барон — помещик Поневежского у. 335, 385, 405
- Радзивил — писарь Ошмянского общества Шавельского у. 430
- Радзивиллы — князья, крупные земельные магнаты Литвы и Белоруссии LXIX, 548, 549
- Радзишевский Бронислав — в 1863 повстанческий комиссар Августовского воеводства (псевд. Игнатий Чинский). Эмигрировал 180, 183, 184, 188
- Радовицкий Станислав — помещик Гродненской губ. 494, 495
- Раецкий Викентий Ельяшевич — крестьянин дер. Старлыги Свенцянского у. 243
- Развадовский Фабиан — коллежский регистратор, чиновник Ошмянского уездного суда. В 1864 предан военному суду по делу «Пёнтковичей» 287, 294, 296
- Развадовский — кобринский земский исправник 433
- Раковская Анетта — жена повстанческого комиссара Тельшевского у. Р. 212, 215
- Раковский — повстанческий комиссар Тельшевского у. 212, 215
- Ракшанин Осип Семенович — полковник, командир резервного дивизиона Павлоградского гусарского полка, циркуловый начальник Ковно 416
- Рамотовский Константин (1812—1888) — командир повстанческого отряда в Августовском воеводстве (псевд. Вавер). После восстания — в эмиграции. Участник восстания 1830—1831 181, 188
- Рамульдт Людвик — помещик, член Слонимской нелегальной библиотеки 505
- Ратч Василий Федорович (1816—1870) — генерал царской армии, с 1864 помощник начальника артиллерии Виленского военного округа, автор тенденциозной книги «Сведения о польском мятеже 1863 в Северо-Западной России» (т. I—II, Вильно, 1867, 1868)
- Раубе — доктор в сел. Алексоте (пригород Ковно) 341
- Рациборский (Рацыборский) Станислав Карлович — коллежский секретарь, пристав 2 стана Дисненского у. 321, 323
- Рачинский Юрий — коллежский регистратор, канцелярский чиновник Ошмянского уездного суда 288, 289
- Рачинский — служащий на ж. д., уроженец Варшавы, в июне 1861 выслан из Ковно за участие в манифестациях 340, 341
- Рачкевич Витольд — коллежский секретарь, заседатель Ошмянского уездного суда 288, 289, 295
- Рачковский Героним — ремесленник сафьянного цеха в Вильно, участник кружка В. Витковского 220, 222, 228
- Ревенский Константин — студент Киевского университета 253
- Редых — управляющий им. Свислочь Гродненского у., в 1863 повстанческий окружной начальник в Гродненском у. 491, 492, 495, 500
- Реер — помещик им. Юльяново Дриссенского у. 575
- Резанчик Михаил — крестьянин дер. Парфяновичи Волковысского у., в 1861 обвинялся в сопротивлении полицейским властям 449
- Резник Абрам — житель м. Семятичи Бельского у. 461
- Рейхарт Борис Карлович — полковник, жандармский штаб-офицер Минской губ. 48, 515—518, 521, 523, 524, 526, 528
- Рекке, барон — помещик им. Белые Плоняны Поневежского у. 396, 405
- Ренне, барон — помещик им. Горгжды Тельшевского у. 412
- Ренштейн Яков — солдат 2 роты Невского пехотного полка 323
- Реутт Викентий — помещик Полоцкого у., в 1862 подозревался в распространении революционных стихов М. Л. Михайлова 590
- Реутт Иван — брат Фомы Р., в 1862 подозревался в привозе из-за границы запрещенных сочинений 590
- Реутт Фома — помещик Полоцкого у. 590
- Рехневский Станислав (1834—?) — профессор Академии генерального штаба, член кружка Сераковского 211, 214, 217
- Римша (Рымша) — ксендз, настоятель Мозырского приходского костела, участник манифестаций 20, 517
- Ритчер Адольф Карлович — подполковник, командир Минского батальона внутренней стражи 543
- Рихловский — в 1863 командир повстанческого отряда в Августовской губ. 182
- Рихтер — жена полковника, сестра С. Сильвестровича, жительница Волковысского у. 499
- Де-Роберти Александр Адольфович — д. с. с., председатель Виленской казенной палаты 309
- Рогинский Роман (1834—1915) — слушатель польской военной школы в Италии, в начале 1863 комиссар Подляского воеводства, командир повстанческого отряда, совершил глубокий рейд в Белоруссию, в марте арестован, дал подробные показания, сослан. Издал воспоминания «Z pamiętnika Romana» (Kraków, 1898) 174
- Рогинский Юрий — обвинялся в принад-

- лежности к «Библиотеке ошмянской молодежи» 295
- Роговский Константин — участник кружка В. Дунина-Марцинкевича в Минске 541
- Роговский Ромуальд — участник кружка В. Дунина-Марцинкевича в Минске 541
- Рогоза — помещик Оршанского у. 599
- Родзевич Жозефина — участница манифестаций в Ошмянах 293, 295
- Родзевич — помещик Кобринского у. 437
- Родкевич Гедимин — помещик имений Юрадишки и Ильяново в Ошмянском у. 264
- Родкевич — земский исправник Лепельского у. 587
- Рожанский Феликс — белорусский поэт, революционер. Накануне восстания — землемер в им. Великая Берестовица, член Гродненской революционной организации, помогал К. Калиновскому в издании и распространении «Мужицкой правды». В 1863 повстанец одного из отрядов в Гродненской губ., автор повстанческих песен на белорусском языке. Позднее жил в эмиграции. Автор воспоминаний, опубликованных в сб. «W czterdziestą rocznicę...» (Lwów, 1903) 87, 133, 496, 497
- Рожнов Яков Петрович — д. с. с., в 1861 гродненский вице-губернатор 435, 436, 440, 457
- Розвадовский Константий (Константин Иванович) (1814—1885) — ген.-майор, председатель Постоянной следственной комиссии в Варшаве 152, 153
- Розен — дворянин, участник манифестаций в Вилкомире 62
- Розенталь Гельман — владелец шинка в м. Семятичи Бельского у. 461
- Романовичи — помещики, участники съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Романовский Мартын — крестьянин м. Хорощ Белостокского у. 466
- Романовский — крестьянин Лауксянской вол. Россиенского у. 425, 426
- Романюк Федосей — казенный крестьянин дер. Трилисток Кобринского у., в 1861 обвинялся в антиправительственном толковании манифеста 19 февраля 480
- Ромелис Казимерас — крестьянин им. Декшне Вилкомирского у. 417, 418
- Ромелис Юстинас — крестьянин им. Декшне Вилкомирского у. 417
- Ромер — предводитель дворянства Гродненского у. В 1863 — кассир повстанческой организации Гродненского у. 491, 493, 496, 500, 502
- Ромер — ученик Виленской гимназии, участник кружка В. Витковского 221, 226
- Роммер Станислав — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Роммер — подвергался критике в нелегальной печати за равнодушие к освободительному движению 109, 113
- Ропп Людвик Федорович, барон — помещик, мировой посредник 5 участка Поневежского у. 386, 388
- Ростковский Францишек (?—1862) — унтер-офицер 4 стрелкового батальона в Варшаве, участник революционной организации русских офицеров в Польше. Расстрелян в Модлине 16 (28) VI 1862 473, 474
- Роткевич — ученик Ковенской гимназии, участник манифестации 342, 349
- Рочис Франц — десятский Векшнянского общества Шавельского у. 428
- Рубажевич Алексей Осипович — губернский секретарь, старший помощник правителя канцелярии ковенского губернатора 380
- Рубажевич Донат Осипович — коллежский ассessor, старший чиновник особых поручений при ковенском губернаторе 331, 332, 406
- Рудановский Леонид Платонович (1814—1877) — ген.-лейтенант, накануне восстания военный начальник Августовской губ. 349, 350
- Рудзевские — студенты Московского университета, участники студенческого «Огула» 10
- Рудзинович — писец Белостокского уездного казначейства, участник манифестаций 442
- Рудзкий — автор цитируемого Н. А. Добролюбовым письма в газете «Указатель политико-экономический» № 8, 22 февраля 1859 1, 2
- Рудомино Винцентий (ок. 1832—?) — помещик Трокского у., окончил Киевский университет. Накануне восстания — мировой посредник, член организации «белых». Выслан в Пермскую губ. 212, 215
- Ружицкий Эдмунд (1827—1893) — офицер русской армии, член Провинциального комитета русских земель, в 1863 командующий повстанческими отрядами на Волыни, затем военный организатор во Львове, с ноября агент Национального правительства в Константинополе 183
- Руйкович — часовой мастер, уроженец Россиенского у., после восстания 1831 поселился в Мемеле, где был агентом революционной организации 21—25, 28, 29
- Румель — белостокский земский исправник 466
- Рупрехт Кароль (1821—1875) — варшавский журналист. Перед восстанием член Дирекции «белых», в марте—мае 1863 член Национального правительства 175, 187
- «Русский» — псевдоним автора письма А. Киркору 5—7
- Рустейко Эдвард — студент Московского университета 253

- Руткевич Юлиан — студент Казанского университета 253
- Рутковский Иосиф (ок. 1830 — ?) — надзиратель Гродненского благородного пансиона. В 1863 помощник повстанческого начальника, затем начальник Гродно. Сослан на жительство в Пермскую губ. 492, 496, 502, 503
- Рутковский Казимеж (1825—1896) — отставной инженер-штабс-капитан, мировой посредник 7 участка Новоалександровского у. В 1863 подвергался аресту 345
- Рутковский — ксендз из Даниушева Свенцянского у., подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 55, 56, 286
- Рушиц — помещик Ошмянского (?) у. 286
- Рылдзевский — ученик 4 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Рылль Людвик (1843—1862) — рабочий варшавской литографии, совершил покушение на Велепольского и был казнен по приговору военного суда 14(26) VIII 1862 310, 311, 611
- Рымашевская Елена — участница манифестаций в Ошмянах 293, 295
- Рымкевич Лев — канцелярский чиновник Поневежского уездного суда, активный участник манифестационного движения 1861 372
- Рымкевич Федор — дворянин, арендатор им. Замок Росиенского у. 330, 331
- Рымкус Станиславас — работник им. Ляцково Шавельского у. 425
- Рымович Феликс (1826—1908) — врач, выпускник Военно-хирургической академии, член кружка З. Сераковского в Петербурге 211, 214
- Рымша — см. Римша
- Рымшевич — помещик Троцкого у. 262
- Рынаржевский (?) — 1863) — командир повстанческого отряда в Августовской губ. 182, 188
- Рыхлевич — помещик им. Руткевичи Виленского у. 313
- Саблинский Иван — столоначальник Ошмянского уездного суда. В 1864 предан военному суду по делу «Пёнтковичей» 287, 288, 290, 294, 296
- Саваневский — лесной стражник им. Хорош Белостокского у. 466
- Савашинский Иван Станиславович — надворный советник, ассессор Гродненского губернского правления 434, 435
- Савашкевич Константин Иванович — старший секретарь Гродненского губернского правления, в 1863 агент по передаче повстанческой корреспонденции в Гродно 493
- Савашкевич — ученик 3 класса Виленской прогимназии, в 1861 исключен за участие в манифестациях 251
- «Савельич» — швейцар Петербургского университета 120
- Савицкая — в 1862 обвинялась в антиправительственной агитации среди учащихся Свислочской прогимназии 468
- Савицкий Карл — уроженец Ковенской губ., каменотес в Варшаве. В 1862 подозревался в распространении в Ковенской губ. антиправительственных воззваний на литовском языке 410
- Савицкий Пармен Степанович — ротмистр лейб-уланского Курляндского полка 371
- Савицкий Станислав — крестьянин Векшнянской вол. Шавельского у. 424
- Савицкий Ян (Иван Федорович) (1831—1911) (псевд. «Стелла», «Струсь») — подполковник, с 1861 полковник генерального штаба, уроженец Ковенской губ. Друг Н. Г. Чернышевского и З. Сераковского. В 1858—1861 начальник штаба 1 кавалерийской дивизии, стоявшей в Ковенской губ. В апреле 1863 вышел в отставку и принял участие в восстании в качестве начальника штаба повстанческих сил на Украине. Впоследствии — в эмиграции. Автор воспоминаний: *Struś. Ludzie i wypadki z 1861—1865 r.*, (cz. 1—2. Lwów, 1894) 357, 358
- Савицкий — старший чиновник особых поручений при гродненском губернаторе 436, 437
- Савицкий — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 314
- Савич — помещик им. Савейки Дриссенского у. 575
- Садковская Агата Францевна — крестьянка дер. Вайниовцы Сокольского у. 486, 487, 489
- Садковский Антон — житель Сокольского у. 486
- Сакоч Захарий — крестьянин м. Осингородок Дисненского у. 321, 322
- Сакоч — помещик, в 1861 предан полицейскому суду за участие в манифестациях в Бельске 444, 445
- Салостяк Антон — крестьянин им. Анусии Бельского у. 461
- Сальманович — помещик Новоалександровского у. 332
- Сапешко Иван Кристофорович — временнообязанный крестьянин им. Шестаков Случского у. 545
- Санинский — канцелярский чиновник Росиенского уездного суда, участник манифестаций 63
- Саргер — помещик Могилевского у. 596
- Сароцка — помещик Сокольского у. 437
- Сафонов — военный фельдшер в Гродно 467
- Свобода Фаддей — помещик, участник манифестаций в Ошмянах 33
- Свежинский Константин Михайлович — до октября 1862 помощник борисовского

- окружного начальника государственных имуществ. В 1863 был арестован за принадлежность к Минской революционной организации. В 1864 сослан на поселение в Сибирь 563—567, 569, 570
- Свенторжецкий Болеслав (1831—80-е годы) — крупный помещик Игуменского у., окончил Петербургский университет. В 1863 повстанческий комиссар Минского воеводства, находился при отряде С. Ляковского. Эмигрировал 161, 560
- Свенторжецкий — студент, участник манифестаций в м. Глубоком Дисненского у. 61
- Свенцицкий — ученик 6 класса Виленской гимназии. В 1861 исключен из гимназии за участие в манифестациях 250, 251
- Свенцкий — помещик Быковского у. 596
- Свержинская — помещица им. Келбаси Гродненской губ. 492
- Свержинский — помещик Слонимского у. 494
- Свида (Свидо) Болеслав (1822—1897) — помещик, до 1854 преподавал в Слуцкой гимназии. В 1863 повстанческий гражданский начальник Речицкого, Пинского и Мозырского уездов. В 1864 сослан на каторгу 561, 562
- Свида Генрих — помещик Борисовского у., участник манифестаций 516
- Свида Ян (1835—после 1913) — доктор (окончил Московский университет). В 1863 повстанческий гражданский начальник Борисовского у. В 1864 сослан на каторгу 561, 562
- Свидерский Титус — участник кружка В. Дунина-Марцинкевича в Минске 541
- Свила — писарь Ворнянского сельского общества Тельшевского у. 415
- Свионтецкий Генрих Константинович — помещик имений Макржицы и Августово Свенянского у., коллежский секретарь, свенянский уездный предводитель дворянства 231, 232, 243 245
- Свирид Мацей Андреевич — крестьянин дер. Старлыги Свенянского у. 243
- Свиртун Ярослав Панкраций Онуфрий (1823—1879) — помещик, губернский секретарь, мировой посредник 5 участка Тельшевского у. В 1864 выслан в Вологодскую губ. 410, 412
- Своицкий Болеслав Антонович — отставной майор, новалександровский земский исправник 353, 354, 403, 404
- Сволькен Болеслав (ок. 1836—?) — помещик Вилкомирского у., член повстанческой организации. В 1863 находился в отрядах Сераковского и Ляковского, был адъютантом Сераковского. Взят в плен в мае 1863, сослан на каторгу 156, 196, 207
- Северин Густав — в 1863 командир повстанческого отряда в Августовской губ. 183, 184
- Селенс Бронислав — учитель Поневежской гимназии, участник манифестационного движения. В 1863—1864 участвовал в восстании. Сослан на каторгу 372
- Селляво — помещик Лепельского у. 577
- Селянс — участница манифестаций в Виленском у. 33
- Семашко — ученик землемеро-таксаторских классов при Витебской гимназии 584
- Семененко Александр Николаевич — коллежский ассessor, земский исправник Росненского у. 328, 329, 409, 419, 425, 426
- Семенов Иван Иванович — штабс-капитан, начальник Виленской жандармской команды, член виленской Особой следственной комиссии 496, 504, 509
- Семенов Степан Васильевич — ген.-майор, помощник начальника 1 кавалерийской дивизии, в 1861 военный начальник Ковенской губ. 357, 370, 379
- Семирадский Богуслав (? — 1864) — доктор, в октябре 1863 повстанческий гражданский начальник Минска. Выслан в Нижегородскую губ. 569, 571
- Семуцкий Абельяр — помещик им. Понемунь Поневежского у. 355
- Сенкевич Кароль (1793—1860) — поэт, историк, секретарь А. Чарторьского 22
- Сеноженский — помещик Могилевского у. 598, 600
- Сенькевич Онуфрий — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Сенькевич — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Сераковская (урожд. Далевская) Аполлония (1840? — после 1915) — сестра Т. и Ф. Далевских, жена З. Сераковского, в 1863 отправлена в ссылку, после ссылки жила в Варшаве 156, 210, 213, 216, 217, 282, 289
- Сераковский Зыгмунт (1827—1863) — капитан генерального штаба, революционный демократ, деятель польского, русского и литовского революционного движения, друг Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена и Т. Г. Шевченко. Вместе с Я. Домбровским — руководитель польской революционной офицерской организации в Петербурге. В 1863 военный начальник Ковенского воеводства (псевд. «Доленга»). Был тяжело ранен, взят в плен, казнен в Вильно 15.VI 1863 X, XI, XXVII, XXVIII, XLII, XLIII, LVIII, LIX, 46, 120, 123, 124, 155, 156, 161, 162, 170, 172, 174, 187, 210—217, 430, 431
- Сержпутовский — секретарь Гродненского губернского правления, в 1863 кассир в повстанческой организации Сокольского у. 493
- Сержпутовский — помещик Сокольского у. 437

- Сесицкий Бронислав — ученик 3 класса Виленской гимназии, участник манифестаций в Виленском у. 33
- Сесичский — помещик им. Понемунь Поневежского у. 387
- Сецикие — помещики, участники съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Сивичий Михаил — крестьянин им. Шеметовщина Свенцянского у. 245
- Сигизмунд I Старый (1467—1548) — польский король и великий князь литовский с 1506 445
- Сигизмунд II Август (1520—1572) — польский король с 1548 и великий князь литовский с 1529 446
- Сидабрис Миколас (Михаил) — крестьянин дер. Тульники Шавельского у. 422—424
- Сидуага Иосиф — крестьянин им. Лауксодзе Поневежского у. 385, 386, 396
- Сидорович Казимир — дворянин, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 295
- Сидорович — помещик им. Медника Виленского у. 233, 238
- Сидорович — ксендз в Белостоке 439, 440
- Сидорский Викентий — староста им. Непряжи Витебского у. 580
- Силевич — ученик 5 класса Виленской прогимназии, в 1861 исключен за участие в манифестациях 250, 251
- Сильвестрович Станислав (ок. 1833—1910) — помещик им. Гожа близ Гродно, окончил Дерптский университет. В 1863 повстанческий гражданский начальник Гродненского у., затем (с июня) Гродненского воеводства. Арестован 30.VII 1863, сослан на каторгу 491, 492, 495—497, 504
- Симонович Владислав (ок. 1831—1880) — вольнопрактикующий врач в Слониме (окончил Киевский университет). В 1863 повстанческий гражданский начальник Слонимского у. Сослан сначала в Пермскую губ., потом (после пересмотра дела) на каторгу в Сибирь 492, 494, 505, 506
- Сипайло — помещик Копысского у. 598
- Сипневский (?) — 1863) — вольнопрактикующий врач в Поневеже, активный участник манифестационного движения 1861. В 1863 находился в отряде З. Сераковского, погиб в бою под Биржами в апреле 1863 377
- Скворцов Иван Николаевич — полковник, ковенский жандармский штаб-офицер VIII, XXV, XL, LVI. 16, 29, 47, 48, 92, 109, 113, 325, 326, 334, 340, 341, 343, 347, 349, 359, 361, 364, 366, 371, 378, 379, 381, 382, 384, 385, 389, 392—396, 398—401, 405, 408, 410, 413, 415, 417
- Скерлетова Ядвига — жена отставного поручика, жительница гор. Ошмяны 295
- Скиргайло Райнольд — студент, редактор нелегального журнала «Едність» 106, 120
- Скирмунт — помещик им. Шеметово (Шеметовщина) Свенцянского у. 231, 233—235, 239, 242, 243, 245
- Скляренко Николай Яковлевич — капитан, адъютант виленского жандармского штаб-офицера 261, 266
- Скурач Устин — один из руководителей крестьянских волнений в им. Лучай Виленского у. 273
- Славочинская — помещица, участница манифестаций в Россиенском у. 35, 343
- Сливичий Петр Михайлович (ок. 1840—1862) — подпоручик 4 стрелкового батальона, участник революционной организации русских офицеров в Польше. Расстрелян в Модлине 16(28).VI 1862 473, 474
- Словацкий Юлиуш (1809—1849) — поэт 78
- Случановский Павел Акимович — полковник, чиновник для особых поручений при виленском ген.-губернаторе 266
- Случановский — предводитель дворянства Рогачевского у. 608
- Смильгис Адомас — крестьянин Векшнянской вол. Шавельского у. 424
- Смирнов Анатолий Филиппович — советский историк 133, 490, 511
- Смок Игнатий — десятский дер. Парфяновичи Волковысского у., в 1861 обвинялся в сопротивлении полицейским властям 449
- Смольская — помещица Комысского у. 598
- Снадский Игнатий — дворянин, связан с обществом «Пёнтковичей» 295
- Снарская — помещица, участница манифестаций в Виленском у. 33
- Снарская — жена канцелярского служителя Поневежской ратуши, участница манифестаций 374
- Снарский Витольд — дворянин Лепельского у. 588
- Снарский Томаш — ученый-экономист, сотрудник Виленской археологической комиссии и редакции «Виленского вестника» 312
- Снежинский — студент, в 1861 принимал участие в манифестациях в Белостоке 451, 452
- Снежка — помещик Кобринского у. 437
- Снитки — помещики им. Мазурино Дисненского у. 249
- Снытко Трифон Галактионович — советский историк 9, 68
- Соболевская — участница манифестаций в Ошмянах 293, 295
- Соболевский Матвей — губернский секретарь, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 295
- Соболевский — ген.-майор, председатель Виленской особой следственной комиссии 163

- Сокол Иван Войтехович — староста Избитского сельского общества Белостокского у., в 1865 сослан в Сибирь за отказ платить помещику оброк и исполнять распоряжения властей 511, 512
- Сокол — помещик Мстиславского у. 598
- Соколов Александр Дмитриевич — полковник, могиловский жандармский штаб-офицер 595, 600, 605, 606, 609, 610, 613
- Соколовский — помещик Люцинского у. 83
- Соколовский — ученик 6 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Солднер — учитель Пинской гимназии 537
- Соловьев Яков Александрович (1820—1876) — деятель крестьянской реформы, с 1857 руководил Земским отделом Министерства внутренних дел. В 1862 командирован в Северо-Западный край для выяснения причин медленного составления уставных грамот. Автор «Записок ... по крестьянскому делу» («Русская старина», 1880—1884) 109, 113
- Солтан Станислав (1822—1896) — помещик Гродненской губ., сторонник программы «белых». 1863 — член гродненской повстанческой организации, арестован в 1864 и сослан в Сибирь 161, 164, 491, 492, 495, 496, 500—502
- Солтан (Пересвет-Солтан) — помещик им. Недотки Рогачевского у. 596, 600
- Сонгайло Казимир Марцельевич — коллежский ассессор, младший чиновник особых поручений при ковенском губернаторе 328, 329
- Сонгин Станислав (? — 1863) — революционер-демократ. Накануне восстания служил питейно-акцизным надзирателем в Гродненской губ., был соратником К. Калиновского по Гродненской революционной организации. В январе-феврале 1863 один из руководителей восстания в Гродненской губ., погиб в бою 490
- Сораковский Франц — крестьянин Векшнянской вол. Шавельского у. 424
- Сороко Болеслав — студент Московского университета 253
- Сорочинский Феликс (ошибочно Эдмунд) — варшавский мещанин, подмастерье. Арестован за участие в манифестации 6.VIII 1861 в Вильно 268, 270, 271
- Сосновская — жительница Игуменского у. 550
- Сохачевский Александр — в 1862 арестован в Варшаве, связан с Г. Абихтом 153, 154
- Спасович Владзимеж (Владимир Данилович) (1829—1906) — адвокат, профессор Петербургского университета, общественный деятель, сторонник польско-русского сближения на либерально-консервативной основе 56, 211, 214
- Спасовская — помещица Лепельского у. 577
- Спиридович — помещик Волковысского у. 492, 494
- Спицбарт — аптекарь в Бельске 444
- Стаженский (Старжинский) Виктор Вацлав (Виктор Матвеевич) (1826—1882), граф — предводитель дворянства Гродненской губ., один из руководителей партий «белых» в Белоруссии и Литве. Весной 1863 арестован, подвергнут заключению в Бобруйской крепости и выслан 148, 164, 210, 212, 215, 462, 463, 484
- Станевич Богумир (Бозмир) — студент Петербургского университета, уроженец Ковенской губ., участник кружка З. Сераковского, в конце 1861 исключен из университета и выслан на родину за участие в студенческих волнениях 70, 390, 391
- Станевич Ян Онуфрий (Иван Фердинандович) (1833—1903) — штабс-капитан генерального штаба, друг З. Сераковского и Т. Шевченко, член революционной организации польских офицеров в Петербурге, сотрудничал в «Современнике». С января 1863 — в отставке 156, 217
- Станевич — ученик 5 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Станевич — участник кружка В. Дунина-Марцинкевича в Минске 541
- Станевский Иосиф Максимилиан — могилевский католический епископ-суффраган 602, 605
- Станислав Август Понятовский (1732—1798) — польский король в 1764—1795 444
- Станишевский — отставной прапорщик, уроженец Августовской губ., участник манифестаций в Вильно и Друскениках 247, 255, 259
- Станкевич Антон — викарный ксендз Скירתымунского прихода Россиенского у., один из организаторов манифестации 16.VIII 1861 в м. Юрбурге 365
- Станкевич Казимир — казенный крестьянин дер. Вайниовцы Сокольского у., накануне восстания принимал активное участие в агитационной работе среди крестьян, распространял «Мужичью правду» 485, 487—489
- Станкевич Карл Ильич — делопроизводитель Минской палаты государственных имуществ. В 1863 был арестован за принадлежность к Минской революционной организации. В 1864 сослан на поселение в Сибирь 563—571
- Станкевич Ромуальд Гаспер (ок. 1837—1864) — подпоручик резервного батальона Азовского пехотного полка, брат Карла С. Участник подготовки восстания в Поволжье. Казнен в Казани 6.VI 1864 564

- Старжинский — см. Стаженский
- Старовольские — помещики Брестского у. 434
- Стасюкевич (Стасякевич) — воспитанник Яновской духовной семинарии в Подлясье. В 1863 находился в отряде Рогинского, затем получил назначение из Варшавы на должность военного начальника Брестского воеводства и сформировал отряд, действовавший в Подлясье и Гродненской губ. Эмигрировал. Привлекался повстанческими властями к суду за дезертирство 510
- Стасюлевич — врач в Цитоявском приходе Росненского у., в 1862 подвергнут полицейскому надзору за антипомещичью агитацию среди крестьян 408, 409
- Статковский Аполлинарий (1815—1878) — помещик Ковенского у., деятель партии «белых». В 1863 сослан в Олонецкую губ. 334
- Стаховская — помещица им. Саприновичи Мстиславского у. 598
- Стаховский Иван — командир эскадрона в повстанческом отряде Я. Козелла-Поклевского 181
- Стаховский — помещик Копысского у. 598
- Стацевич Иосифат — наборщик типографии А. Завадского в Вильно 297
- Стацевич — ученик 5 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Стацкевич — помещик, ксендз, настоятель Кубличского костела, в 1862 переведен в другой уезд за антиправительственную агитацию среди крестьян 587, 588
- Сташевская — помещица им. Груже, Поневежского у. 335
- Сташковский — помещик Ковенского у. 28
- Стемпковский Петр — губернский секретарь, чиновник Минской казенной палаты. В 1863 привлекался к следствию по делу Минской революционной организации 568, 570
- Степанов Андрей — крестьянин Тверской губ., каменотес на строительстве железной дороги в Дукштах Новоалександровского у. 353
- Степанов Николай Александрович (1807—1877) — видный прогрессивный русский каррикатурист. В 1859—1864 совместно с В. С. Курочкиным издавал в Петербурге журнал революционно-демократического направления «Искра» 352
- Стессель — майор, состоявший при Министерстве внутренних дел 60, 358—360, 365, 374
- Стома — студент, участник манифестаций в Вилкомирском у. 34
- Стравинские — дворяне, жители Ковно (?) 12
- Стравинский Густав — в 1863 под псевдонимом «Млотек» был повстанческим военным начальником Волковысского у., руководил отрядом. Эмигрировал 497
- Стравинский Иосиф — помещик, в 1863 повстанческий гражданский начальник Слонимского у. 436 (?), 494, 503
- Стравинский — помещик им. Шукишки Трокского у. 320
- Страуз Мартын Христианович — виленский городской голова 272
- Стребейко — ученик 5 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Стрикис Иозас (Иосиф) — крестьянин, участник манифестаций в Поневеже 373
- Строганов Александр Григорьевич (1795—1891), граф — ген.-адъютант, новороссийский и бессарабский ген.-губернатор 13
- Стромковский Василий Константинович — протонерей собора в Режице, режичский благотворитель 581
- Струмилло — офицер царской армии. В 1863 командир повстанческого отряда 181
- Струмилло — новогрудский земский исправник 548, 549
- Ступелис Каролис — крестьянин Плотельской вол. Тельшевского у. 222
- Стуский — унтер-офицер Киевского кадетского корпуса 92
- Стырпейка — помещик им. Поцевичи Волковысского у. 447
- Суворов Александр Аркадьевич (1804—1882), князь — ген.-адъютант, петербургский ген.-губернатор 304, 305
- Сулистровский Иосиф — помещик им. Кушляны Ошмянского у. 240, 324
- Сургейлис Антанас — крестьянин им. Декшне Вилкомирского у. 417
- Сургейлис Микалоюс — крестьянин им. Декшне Вилкомирского у. 417
- Сурков Иван Александрович — полковник, командир Либавского пехотного полка 480, 481
- Сурож Сикст — губернский секретарь, канцелярский чиновник Ошмянского уездного суда 288, 289, 295
- Сушакские — помещики им. Парфяновичи Волковысского у. 447, 449
- Сухожанет Николай Онуфриевич (1794—1871) — ген.-адъютант, в 1856—1861 военный министр, в мае — августе и октябре 1861 исполнял обязанности наместника в Царстве Польском 32
- Сушинский — сокольский земский исправник 485, 487
- Сушицкий З. — студент в Москве 279
- Сцепура Казимир — брат священника Новогородовицкой церкви Слонимского у., в 1861 предан суду за агитацию крестьян к отказу исполнять инвентарные повинности 437
- Сцепура — ксендз в Вильно 275
- Сымонович — крестьянин Видуклевского общества Росненского у. 427, 428
- Сырокомля — см. Кондратович
- Сыртот — ученик Ковенской гимназии, участник манифестаций в Росненах 63

- Табенский Петр — студент Киевского университета 253
- Табенский — ксендз в Белостоке 439, 440
- Таврель Николай — батрак из дер. Грандзици Гродненского у. 479
- Танаевский Александр — канцелярист Виленской казенной палаты. Арестован за участие в манифестации 6.VIII 1861 268, 270
- Танаевский Эдмунд — дворянин, «занимающийся хлебопашеством», брат Александра Т. Арестован за участие в манифестации 6.VIII 1861 в Вильно 268, 270
- Танана Франц — один из руководителей крестьянских волнений в им. Лучай Виленского у. 273
- Таньковский Матвей — помещик, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 294
- Танский (Танский) Игнаций (ок. 1818—1883) — помещик, тит. с., мировой посредник 2 участка Троцкого у. В 1863 член повстанческой организации Троцкого у. Арестован весной 1863 и выслан в Пензенскую губ. 303
- Тарасевич Бакун — крестьянин Борисовского у. 567
- Тарасевич Владислав — помещик, в 1863 референт опеки и коммуникации в повстанческой организации Волковысского у. 492
- Тараско — рядовой Софийского пехотного полка 269, 270
- Тарасов Александр — крестьянин Тверской губ. 263
- Тарасович Константин — помещик им. Гнезно Волковысского у. 494
- Тарашкевич — отставной майор, и. д. мирового посредника 6 участка Росненского у. 419
- Тариновский — помещик Бутовтского общества Поневежского у. 387
- Тейх В. — студент Дерптского университета 259
- Тельшевский Август — житель Слонима, член Слонимской нелегальной библиотеки 505
- Тельшевский — помещик Брестского у. 434
- Телятова — помещица, подозревалась в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 294
- Терпиловский Владислав — мировой посредник 2 участка Сокольского у., в 1863 кассир уездной повстанческой организации 486
- Терпиловский — помещик Гродненской губ. 80
- Тжасковский (Тржасковский) Владислав (1814—1885) — помещик, тит. с., мировой посредник 1 участка Росненского у. В 1863 подвергался аресту 409
- Тибик Ян — крестьянин Векшняйской вол. Шавельского у. 424
- Тизенгаузен Павел Егорович, барон — полковник, член Временного полевого аудиториата при штабе Виленского военного округа 571
- Тизенгаузен Федор Карлович — штабс-капитан, начальник телеграфной станции в Минске 524
- Тимашев Александр Егорович (1818—1893) — ген.-майор, ген.-адъютант, в 1856—1861 управляющий III отделением и начальник штаба корпуса жандармов 139, 516, 517
- Токажевич (Токаржевич; Токаревич) Юзеф (1840—1919) — студент Московского университета, активный деятель студенческого «Огула», в 1861 участвовал в манифестациях в Бельском у. В дальнейшем видный деятель польской демократической эмиграции, публицист, редактор революционно-демократических газет «Гмина» и «Змова» 34, 444, 445, 451, 452
- Токарев Сергей Васильевич — советский историк V, XXII, XXXVII, LI
- Толочко Адольф (ок. 1833—?) — чиновник Гродненской казенной палаты, в 1863 занимал должность переписчика при повстанческом гражданском начальнике Гродненского воеводства. Сослан на каторгу 492, 502, 503
- Толочко Люциан — помещик Вилкомирского у., член ковенской группы Комитета движения, в 1863 командир повстанческого отряда, после восстания эмигрировал 155, 156
- Толочко Эдвард (ок. 1837—?) — помещик Вилкомирского у., брат Люциана Т., член ковенской группы Комитета движения. В феврале 1863 командир повстанческого отряда, арестован, сослан на каторгу 155, 156
- Толстой Иван Матвеевич (1806—1867) — т. с., сенатор, товарищ министра иностранных дел 325
- Толь — граф, командир отряда царских войск 181
- Томаш — казенный крестьянин Поневежского у., в 1862 подозревался в распространении запрещенного гимна на литовском языке 384, 407
- Томашевич Станислав — студент Петербургского университета, в 1863 участвовал в восстании 253
- Томашевич Феликс — эконо. им. Ленцовщина Свенцянского у. В 1863 сослан на каторгу за распространение «Мужицкой правды» 323, 324
- Томашевич — брат ремесленника, участник манифестации 1861 в Вильно 87
- Томашевский Александр Иванович — канцелярский чиновник 2 полицейской части Ковно 340, 380, 406
- Томашевский Викентий Войтехович — сотский дер. Рогово Белостокского у., в 1865 сослан в Сибирь за отказ платить

- помещику оброк и исполнять распоряжения властей 511, 512
- Томашевский Франц Иванович — коллежский секретарь, младший помощник правителя канцелярии ковенского губернатора 341, 380, 406
- Томкевич Франц Иванович — коллежский секретарь, писмоводитель ковенского уездного предводителя дворянства 380, 406
- Томкович — дворянин, ученик скульптора. В 1861 арестован и предан полицейскому суду за участие в манифестациях в Вильно 276
- Топор — см. Звездовский
- Торгонский — крестьянин Борисовского у. 566, 567
- Тортылло — помещица, подозревалась в принадлежности к обществу «Пентковичей» 294
- Торчинский Артур Петрович — помещик, отставной коллежский регистратор, в 1863 повстанческий гражданский начальник Минска. В 1864 сослан на жительство в Енисейскую губ. 561
- Трасцюкевич Федор — крестьянин дер. Ковалевицы Белостокского у. 480
- Траугутт Ромуальд (1826—1864) — руководящий деятель восстания. До 1860 офицер русской армии. Перед восстанием жил в своем имении в Гродненской губ. В апреле—июле 1863 командир повстанческого отряда в Кобринском у., с октября глава Национального правительства. Арестован 30.III (11.IV) 1864, казнен 24.VII (5.VIII) 1864 в Варшаве 178, 180
- Траутфеттер Рудольф Эрнестович — директор Горыгорецкого земледельческого института 612
- Трентовиус Александр Генрикович — коллежский советник, русский консул в Мемеле 21, 22, 25, 325
- Третьякова Е. — жительница Слуцка 522
- Тржасковский — см. Тжасковский
- Тринкис Ионас (Иван) — крестьянин Окмянского общества Шавельского у. 429
- Трок Артур — см. Лисовский
- Трубецкой, князь — русский консул в Марселе 185, 186
- Трусов Антон Данилович (1835 — ок. 1886) — белорусский революционер-демократ. Накануне восстания — студент Московского университета, активный деятель минской революционной организации. В 1863 — командир повстанческого отряда в Минской губ. В дальнейшем секретарь редакции журнала «Народное дело», один из организаторов Русской секции I Интернационала XVI, XXXIII, XLVIII, LXIV, 553, 555—558
- Тубилевич Антон Казимирович — коллежский секретарь, старший заседатель Шавельского земского суда 428, 429
- Туманов — член совета Белостокского института благородных девиц 440
- Тур — помещик им. Понемунь Новоалександровского у. 405
- Турцевич Иосиф Кириллович — майор, витебский жандармский штаб-офицер 585—589, 593
- Тучков Павел Алексеевич (1803—1864) — ген.-адъютант, московский ген.-губернатор 13
- Тызенгауз (Тизенгаузен) Райнольд Станислав Адам Рудольф (ошибочно Арнольд) (1830—1880), граф — крупнейший магнат в Литве и Белоруссии, владелец имений в Виленской и Ковенской губерниях 249, 251, 317
- Тыминский — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Тырков Василий Алексеевич — тит. с., затем коллежский асессор, чиновник особых поручений при виленском ген.-губернаторе 223, 227
- Тыртов Александр Николаевич — поручик драгунского Московского полка 420
- Тышкевич Бенедикт (1801—1866), граф — магнат, владелец крупных имений в Ковенской и Виленской губерниях, в 1846—1849 ковенский губернский предводитель дворянства 344, 345, 374
- Тышкевич Казимеж, граф — студент Московского университета, участник манифестаций 8.V 1861 в Вильно 65, 246, 247, 253—255, 257, 258
- Тышкевич Михаил (1828—1897), граф — магнат, владелец им. Остров Поневежского у. 222, 223, 405
- Тышкевич Юзеф (1830—1891), граф — магнат, брат Яна Т., владелец крупных имений в Ковенской и Виленской губерниях, поручик Сумского гусарского полка, адъютант виленского ген.-губернатора 83, 237, 240, 404, 412
- Тышкевич Ян (1831—1892), граф — магнат, владелец крупных имений в Виленской и Ковенской губерниях. В 1859—1861 виленский уездный предводитель дворянства. В январе 1862 арестован за участие в манифестациях, выехал за границу 9, 15, 17, 18, 230, 345, 354, 355, 397, 400
- Тышкевичевна — сестра канцелярского чиновника Виленского уездного суда, участница манифестаций 1861 в Вильно 251
- Убыриш Ян — крестьянин им. Медники Виленского у. 238
- Удра Иосиф — крестьянин им. Ляцково Шавельского у. 422—425
- Уейский Корнель (1823—1897) — поэт 281
- Ужулинис Ионас (Иван) — крестьянин Векшнянского общества Шавельского у. 429

- Ужулинис Криштупас — крестьянин Окмянского общества Шавельского у. 429
- Ужулинис Матеуш — крестьянин Окмянского общества Шавельского у. 429
- Узембло — ученик 6 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Ульяновский — студент Горьгорецкого земледельческого института, в 1861 исключен за участие в манифестациях 606
- Уманец — помещик Гомельского у. 596
- Умястовский Казимир — помещик им. Жимослове Ошмянского у. 263
- Умястовский Фома — студент Московского университета 281
- Умястовский Эмилий Антонович — камер-юнкер, коллежский асессор, член Виленского губернского по крестьянским делам присутствия 240, 313
- Унцер — книготорговец в Тильзите 24
- Урбанович Александр — студент Петербургского университета 10, 253
- Урбанович Ромуальд — студент Петербургского университета, в начале 1862 выслан в Ковенскую губ. за участие в студенческих волнениях 10, 391
- Урбанович — ученик 5 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Урбасевич Антон — студент Московского университета, сын Людвиг У., участник манифестаций в Минске. В 1863 арестован и сослан на жительство в Сибирь 525, 526, 528
- Урбасевич Людвиг — статский советник, минский губернский почтмейстер. За участие в пении запрещенных гимнов в августе 1861 переведен на службу в Орел 524—526
- Урбелас Адомаас — крестьянин им. Декшне Вилкомирского у. 418
- Урняж — канцелярист, активный участник манифестационного движения 1861 в Ковенской губ. 62, 340
- Устинович — помещик Гомельского у. 596
- Утин Николай Исаакович (1841—1883) — русский революционер-демократ, в 1862 член руководящего центра «Земли и Воли», с 1863 эмигрант. Впоследствии один из основателей Русской секции I Интернационала 70
- Ушаков — секретарь Ковенской следственной комиссии 155
- Фадеев — помещик им. Коледзичи Волковысского у. 447, 449
- Фалевич Кароль Феликс (1830—1911) — отставной офицер, помещик Виленской губ., деятель организации «белых», с лета 1863 секретарь Исполнительного отдела на Литве. Арестован в сентябре 1863, однако избежал ссылки 212, 215, 217
- Федоров Савелий Васильевич — коллежский асессор, аудитор управления коменданта Вильно, входил в состав виленской Особой следственной комиссии 496, 504, 509
- Федоров — мозырский городничий 540
- Федорович — помещик Быховского у. 596
- Федорук А. — крестьянин дер. Тымянки Брестского у. 490
- Фелинский Алоизий (1771—1820) — поэт, драматург, переводчик, в 1794 секретарь Костюшки 35, 247
- Фермер Федор Александрович — коллежский советник, советник Ковенского губернского правления 381
- Фиалковский — см. Фиалковский
- Фигорский — член комитета польских эмигрантов в Шеффилде 86
- Филатов — надзиратель Мозырской гимназии 540
- Филипов Терентий — свенцянский мещанин, в 1861 арестован за возбуждение к волнениям крестьян им. Цирклишки Свенцянского у. 239
- Фирсов — полковник, командир летучего гренадерского парка 585
- Фишер Федор Карпович — полковник, командир лейб-драгунского Московского полка 416
- Фиалковский (Фиалковский) Антоний Мельхнор (1778—1861) — варшавский архиепископ с 1856 20, 42, 77, 80, 86, 91, 256, 259, 277, 278, 518, 524, 536
- Фливерк — помещик (помещица?) Быховского у. 596
- Флигель — пинский земский исправник 521
- Фликенштейн — л.-гв. полковник, помещик им. Германишки Поневежского у. 355, 387
- Флиорковский Каetan Иванович — тит. с., земский исправник Дисненского у. 249, 251, 320, 323
- Флиорковский — уездный предводитель дворянства в Киевской губ., в 1861 выслан за участие в манифестациях 91
- Фомин Дмитрий Иванович — ген.-лейтенант, председатель Временного полевого аудиториата при штабе Виленского военного округа 571
- Франковские — сестры, участницы манифестаций в Вильно 250
- Франковский Владислав — сын Михаила Ф., в 1862 подозревался в разездах с антиправительственными целями по Минской и Виленской губерниям 590, 592, 593
- Франковский Михаил — арендатор им. Нессина Лепельского у. 590
- Франковский Ян — студент, вместе с братьями Леоном и Станиславом активно участвовал в подготовке восстания, член Варшавской городской организации, сторонник «красных». Арестован в мае 1862, сослан на каторгу 165
- Франковский — ученик 5 класса Виленской гимназии, в 1861 исключен за участие в манифестациях 250, 251

- Францишка — служанка помещицы Олдаковской, в 1861 принимала участие в манифестациях в Белостоке 439
- Фредро Александр (1793—1876) — польский драматург 187
- Фрейтак — крестьянин Лауксцянской вол. Росненского у. 425, 426
- Фрибес — помещик Белостокского у. 84
- Фридберг Даниил — студент Петербургского университета 253
- Фридман Мира Бенициановна — советский историк VIII, IX, XXV, XXVI, XL, XLI, LVI, LVII, 88, 437
- Фролов Илья Степанович — ген.-адъютант, ген.-лейтенант, член Виленского губернского по крестьянским делам присутствия 240
- Харитонов — рядовой Софийского пехотного полка 269, 270
- Хвесьно Викентий — крестьянин им. Медники Виленского у. 238
- Хвицевич Антон — крестьянин дер. Ковалевцы Белостокского у. 480
- Хвицевич Осип Антонович — крестьянин дер. Ковалевцы Белостокского у. 480
- Хишинский Кузьма — солдат 471
- Хлевинская Каролина — помещица им. Маньковичи Дисненского у. 242, 251
- Хлевинский — помещик им. Одахово Росненского у. 327, 328, 403, 419, 420
- Хмелевская — мешанка, в 1861 принимала участие в пении запрещенных гимнов в Белостоке 440
- Хмелевский Александр (1814—1882) — участвовал в восстании 1831, с 1855 председатель Ковенской палаты гражданского суда. Участник предповстанческого движения, сторонник «белых». В 1863 повстанческий гражданский начальник Ковенского воеводства. Арестован в июле 1863, сослан в Сибирь 378
- Хмелевский Генрих — дворянин, участник манифестаций в Ошмянах 33, 293, 295
- Хмелевский Конрад (1838—1899) — сын Александра Х., врач в Ковно (окончил Московский университет), член ковенской повстанческой организации, арестован в феврале 1863 и сослан в Сибирь 164, 165, 340
- Хмелевский — майор, и. д. витебского чедного предводителя дворянства 579, 580
- Хмеленский (Хмелинский) Игнаций (1837 или 1839 — ?) — студент Киевского университета, один из руководителей партии «красных» в Королевстве Польском, до июня 1862 член ЦНК. В 1863 энергично выступал против «белых» правительства, в сентябре 1863 глава Национального правительства. Эмигрировал 177
- Хмурович — юнкер, повстанец из отряда А. Трусова 555
- Ходаковский — помещик им. Лехиничи Волковысского у. 449
- Ходзинский Витольд — отставной ротмистр, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 295
- Ходзько Тибурций — письмоводитель мирового посредника Свенцянского у. В 1863 выслан в Вятскую губ. по подозрению в распространении «Мужицкой правды» 323, 324
- Ходорович Петр — ксендз в м. Юрбурге, один из организаторов манифестации 16.VII 1861 365
- Хоецкий Павел — работник им. Кумяла Сокольского у., в 1862 обвинялся в распространении «Гуторки двух соседей» 459
- Хоминский Станислав (Станислав Фаддеевич) (1804—1886) — помещик Трокского у., ген.-майор, ковенский губернатор с 1 ноября 1857 до 14 октября 1861, затем губернатор в Вологде XV, XXXI, XLVI, 37, 48, 274, 278, 325, 327—332, 335, 338, 339, 343—345, 349, 353, 356, 358, 359, 361, 362, 367—370, 378, 381, 392, 408
- Хомский — помещик им. Римдзюны Виленского у. 233
- Хондзинский Петр — канцелярский чиновник Ошмянского уездного суда 288, 289
- Хорошевский Владислав (? — 1900) — студент Петербургского университета, активный деятель студенческого «Огула», сторонник русско-польского революционного союза 70
- Храповицкий Габриель — помещик Ковенской губ. 155
- Хруцкий Леон Иосиф — письмоводитель Минской губернской чертежной, в 1863 повстанец отряда А. Трусова 550
- Худзинский Теофиль — студент Московского университета, участник студенческого «Огула» 10
- Цалкис Лейба — житель м. Жагоры, в 1862 подозревался в перевозке большого транспорта пороха 139
- Цамейкова — помещица им. Антодуры Свенцянского у. 309
- Цедровский (Цедронский) — ученик 5 класса Виленской прогимназии. В 1861 исключен из прогимназии за участие в манифестациях 250, 251
- Цехановецкая — помещица им. Белавичи Волковысского у. 477, 449
- Цехановецкая — помещица Рогачевского у. 609
- Цехановецкий Оттон Станиславович — мировой посредник I участка Витебского у. 580
- Цехановецкий — помещик им. Чернявка Климовичского у. 599
- Цехановик — помещик Могилевского у. 595
- Цехановский Целестин (1835—1906) — уроженец Могилевской губ., по оконча-

- нии в 1857 Московского университета был доктором в Гродно. В 1863 повстанческий начальник Гродно. Арестован 30.VII 1863 и сослан на каторгу 492, 495, 496, 500, 502, 503
- Цешуца — крестьянин дер. Иодовцы Свенцянского у. 323
- Цивинский Генрих — губернский секретарь, связан с обществом «Пётковичей» 295
- Цивинский Станислав Доминикович — учитель Поневежской гимназии, активный участник манифестационного движения 1861 372
- Циданк — крестьянин Сокольского у. 486
- Цитович Зыгмунт (1828—1863) — помещик им. Шавкоты Росненского у. В 1863 военный начальник Росненского у., командир повстанческого отряда. Погиб в бою 5.IV 1863 156, 419, 420
- Цихановский — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Цихорский Владислав (1822—1876) (псевд. «Замечек») — чиновник комиссии финансов в Королевстве Польском (до 1861). Вел революционную агитацию в Плоцком и Августовском воеводствах, в 1863 сформировал и возглавил повстанческий отряд, в феврале командовал силами Плоцкого воеводства, в конце года назначен организатором в Западной Пруссии. был арестован, бежал, остался в эмиграции 504
- Цишкевич — ученик 5 класса Ковенской гимназии 380, 406
- Цукур — старшина Омьянского общества Шавельского у. 430
- Цылов Николай Иванович (1799—1879) — ген.-майор, член Виленской следственной комиссии 212, 215
- Цырук Федор — крестьянин дер. Ласицы Дисненского у. 321
- Цюндзевицкий Михал (ок. 1840—1863) — артиллерийский прапорщик, сын помещика Борисовского у. В феврале 1863 арестован за революционную агитацию среди крестьян и распространение «Мужицкой правды» в Борисовском у. Казнен в Минске 22.V 1863 174, 187
- Цюхна Матвей (ок. 1819—1863) — временнообязанный крестьянин дер. Вайниовцы Сокольского у., накануне восстания вел агитационную работу среди крестьян, распространял «Мужицкую правду», в январе 1863 арестован, 6.VI 1863 расстрелян в Соколке по приговору полевого суда 485—487, 489
- Чайкович Иосиф — житель м. Семятичи Бельского у. 461
- Чайковский Викентий Бенедиктович — коллежский ассессор, землемер Ковенской палаты государственных имуществ 12
- Чапская, графиня 10, 70
- Чапский Адам, граф — крупный помещик Ошмянского у. 221, 292
- Чапский Марьян (1816—1875), граф — крупный литовский помещик, владелец им. Кейданы Ковенского у., принимал участие в выработке дворянством Литвы проектов крестьянской реформы. В 1864 выслан 334
- Чапский Эдвард (1819—1888), граф — крупный литовский помещик, владелец им. Калнаберже в Ковенском у. и Вижунь в Вилкомирском у., в 1861 избран мировым посредником по Вилкомирскому у. В 1864 сослан в Сибирь 158, 334, 418
- Чарнецкий Артур — помещик им. Судаче Пинского у. 551
- Чарнецкий — юнкер, убит повстанцами по подозрению в шпионаже 188
- Чарновский Евстафий (1839—?) — студент Петербургского университета до 1861, активный деятель студенческого «Огула» и предположительного движения в Виленской губ. Один из руководителей общества «Пётковичей» 56, 70, 71, 122, 189, 190, 200, 201, 283—286, 291—294
- Чарновский Юлиан (1840—1870) — брат Евстафия Ч., вольнослушатель Московского и студент Петербургского университетов до 1861. В 1863 повстанческий комиссар Ошмянского у. Сослан 54—56, 291
- Чарторыйский Адам Ежый (1770—1861), князь — государственный деятель. При Александре I занимал ряд крупнейших постов в России и Царстве Польском. Был противником польского национального восстания, однако в январе — августе 1831 возглавил Национальное правительство. В эмиграции стал главой консервативно-аристократической партии, добивавшейся восстановления Польши дипломатическим путем с помощью западных держав 22, 40, 80, 82, 86, 87, 374, 514
- Чарторыйский Владислав (1828—1894), князь — глава польской аристократической эмиграции после смерти своего отца Адама Ежия Ч. В мае 1863 назначен главным дипломатическим представителем Национального правительства при правительствах европейских держав, в июле — председателем Комиссии национального долга в Париже («Pamiętnik 1860—1864» Ч. издан в Варшаве в 1960) 170
- Чевкин Константин Владимирович (1802—1875) — гел.-адъютант, генерал от инфантерии, с 1853 по 1862 главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями 50, 271
- Чекотовский (Чекатовский) Петр (1832—1882) — накануне восстания домашний врач минского губернского предводителя дворянства Д. Лаппы. В 1863 по-

- встанческий начальник Минска. Арестован в октябре 1863, сослан в Сибирь 196, 198, 207, 208, 552, 569, 571
- Ченикало Парфен — крестьянин с. Ольшаны Мозырского у. 548
- Чепелинский Флориан — участник кружка В. Дунина-Марцинкевича в Минске 541
- Чепель Варфоломей — временнообязанный крестьянин Зубрицкой вол. Сокольского у. 488
- Чепович (Чопович) Андрей — ксендз-настоятель Московского прихода Гродненского у. В 1863 окружной повстанческий начальник в Гродненском у., затем помощник комиссара Гродненского воеводства. Осенью 1863, находясь в отряде Вавра в Августовской губ., был взят в плен. Выслан в Оренбургскую губ. 491, 495, 499, 500, 503
- Червинский Павел (1841—1864) — уроженец Могилевской губ., студент Технологического института, был связан с организацией «Земля и Воля». В 1863 участвовал в деятельности мариенгаузенской революционной группы, затем находился в отряде Л. Кульчицкого, взят в плен, бежал из Динабургской крепости, под псевдонимом «Сава» возглавил повстанческий отряд, действовавший в Вилкомирском и Новоалександровском уездах. Казнен 7.III 1864 161
- Червонюк Михаил Мартынович — капитан, адъютант витебского жандармского штаб-офицера 583—585
- Чержастова — дворянка, в 1861 арестована за продажу медальонов с запрещенными изображениями в м. Кейданах Ковенского у. 406, 407
- Черкас Антон — крестьянин Окмянского общества Шавельского у. 429
- Черкас Викентий Антонович — помощник старосты им. Шостаков Слуцкого у. 545
- Черкас Иван Степанович — временнообязанный крестьянин им. Шостаков Слуцкого у. 545
- Черкас Симон Геронимович — временнообязанный крестьянин им. Шостаков Слуцкого у. 545
- Черкасова Фридерика — помещица им. Лункецы Поневежского у. 355, 387
- Чернацкая — участница манифестаций в Лидском у. 61
- Черневский Болеслав (1826—1882) — помещик, коллежский регистратор, кандидат мирового посредника 2 участка Поневежского у. Активный участник организации «белых». Арестован в начале 1863, сослан в Сибирь 158
- Черневский Лукьян — ученик 4 класса Виленской гимназии, участник манифестаций в Виленском у. 33
- Черниговский Люций — помещик, в 1863 повстанческий гражданский начальник Бобруйского у. 561
- Черницкий Ксаверий — отставной поручик, ошмянский уездный судья 288, 289, 295
- Черницкий Цезарий — студент Московского университета, участник манифестаций 295
- Черницкий — помещик им. Нарбутовщина Ошмянского у. 240
- Черновский — учитель Виленской прогимназии, принимал участие в издании и распространении нелегального журнала «Единство» 108
- Чернушевичева — помещица Мстиславского у. 597
- Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) VII, IX, X, XXIV, XXVI, XXVII, XXXIX, XLI, XLII, LV, LVII, LVIII, 297, 304, 305, 607
- Чернявский Лев — отставной ротмистр, заседатель Слонимского уездного суда, в 1863 офицер в повстанческих отрядах Слонимского у. 506—508
- Чернявский — помещик им. Каштеляновщина Дисненского у. 249
- Чернявский — трокский земский исправник 274
- Черский — провизор Брестской аптеки, в 1862 арестован за связь с Г. Абихтом 154
- Чертов Александр Аркадьевич — полковник, командир Старонингерманландского пехотного полка, гродненский уездный военный начальник 467, 468, 470, 471
- Четвертинская Янина, княгиня — ее письмо относительно встречи с Наполеоном III содействовало распространению иллюзий о готовности французского правительства поддержать польское освободительное движение 187, 531
- Четвертинский Юрий — ксендз, участник гродненской повстанческой организации 492
- Чехович Владислав — бухгалтер Виленской дирекции училищ 250
- Чехович Игнатий — помещик, участник манифестаций в Свенцяном у. 34
- Чехович Зыгмунт (1831—1907) — помещик Свенцянского и Виленского уездов, окончил Петербургский университет. В 1862—1863 член Литовского провинциального комитета, затем экспедитор в Отделе, управляющем провинциями Литвы. Арестован 31.VII 1863, сослан на каторгу 34, 161, 164, 166, 196, 198—199, 207—209.
- Чехович — помещик им. Римдзюны Виленского у. 233.
- Чеховский — минский полицмейстер 546
- Чечот Антон Антонович — помещик Слонимского у., отставной инженер-подполковник, в 1865 привлекался к следствию по делу Слонимской библиотеки 505

Чечот Люциан Антонович — помещик Слонимского у., отставной полковник артиллерии, в 1865 привлекался к следствию по делу Слонимской библиотеки 505, 509

Чижевский Эдуард — ученик землемеро-таксаторских классов при Витебской гимназии 589

Чижик Мельхиор (1835—?) — штабс-капитан, из дворян Минска. В 1863 командир повстанческого отряда в Виленской губ., взят в плен в августе и сослан на каторгу X, XXVII, XLII, LVIII

Чинский Игнаций — см. Радзишевский Б.

Чиринда Иван — крестьянин дер. Великая Слоха Бельского у. 461

Чмелюс Ионас (Иван) — бессрочно отпущенной рядовой. В 1861 отправлен на службу за возбуждение к волнениям крестьян Ковенского у. 338, 339.

Чопович — см. Чепович

Чубинский Павел Платонович (1839—1884) — студент Петербургского университета, участник студенческого движения, впоследствии этнограф 70

Чудовский Ефим — помещик, член Слонимской нелегальной библиотеки 505

Шабловский — шавельский земский исправник 414

Шабловский — помещик Слуцкого у. 545

Шадульский — помещик Кобринского у. 437

Шадульский — помещик Люцинского у. 83, 88, 572—574

Шакалис Юозас (Иосиф) — крестьянин им. Лидзюны Новоалександровского у. 346

Шакалис Пятрас — крестьянин им. Лидзюны Новоалександровского у. 346

Шакалис Юстинас — крестьянин им. Лидзюны Новоалександровского у. 346

Шалькевич Игнатий — дворянин, участник манифестаций в России 63

Шампионе (Шампионет) Жан-Этьен (1762—1800) — генерал французской республики, в 1798—1799 командовал французскими войсками в Италии 182

Шарковский — участник кружка В. Дунина-Марцинкевича в Минске 541

Шарловский Игнатий — дворянин Ковенской губ., управляющий им. Жижморя Троцкого у., участник манифестаций 275

Шарский Адольф — студент Московского университета 253

Шауман Иосиф — унтер-офицер в Слонимском повстанческом отряде 507, 508

Шах Алексей, брат Матвея Ш. 588

Шах Матвей — волостной старшина Кублицкой вол. Лепельского у., в 1862 подвергался в антиправительственной агитации среди крестьян 578, 588

Шаховская, княгиня — помещица Слонимской губ. 263

Швайковский — белостокский мещанин,

принимал участие в пении запрещенных гимнов 439

Шванский — студент 254

Шварце (Шварц) Бронислав Антоний (1834—1904) — инженер. Революционный демократ, один из лидеров левого крыла «красных». В 1861—1862 руководитель революционной организации в Белостокском воеводстве, с июля 1862 член ЦНК. Арестован в декабре 1862. В течение 30 лет был на каторге и в ссылке. Автор воспоминаний «Семь лет в Шлиссельбурге». (Lwów, 1893; М., 1930) XI, XXVIII, XLIII, LIX, 86, 87, 154, 165—167, 170, 442, 463—465, 469, 497, 510, 511

Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1961) 222

Шедисис Иокубас — ящик ковенской почтовой станции 363, 364

Шелгунов Павел Никанорович — полковник (впоследствии ген.-майор), председатель виленской Особой следственной комиссии, с 1864 по 1868 минский губернатор 163, 496, 504

Шемнот Людвиг — помещик Россиенского у. 35, 330

Шемнот — жена помещика Людвиг Ш., участница манифестаций 35, 343

Шемнот — ксендз-настоятель Ляцковского прихода Шавельского у. 423

Шеншелева — владелица корчмы в Ошмянском у. 61

Шенявский — командир повстанческого отряда в Августовской губ. 182

Шепелевич Стефан — студент Петербургского университета, в начале 60-х годов выехал за границу 10

Шертвис — крестьянин Лауксцянской вол. Россиенского у. 425

Шерубович — священник м. Осингородок Дисненского у. 321

Шешот Карл — крестьянин дер. Нарбуты Вилкомирского у. 402, 403

Шивис Сигизмунд — крестьянин им. Декшне Вилкомирского у. 417

Шидловский К. — крестьянин Шавельского у. 429

Шиллинг Александр (?—1963) — врач, член комитета движения в Ковенской губ., в 1863 погиб в повстанческом отряде 155, 156

Шиллинг Станислав (ок. 1819—?) — помещик им. Подбжезе (Пабярге) Поневежского у., в 1864 сослан в Томскую губ. в связи с тем, что в его имени начал формироваться отряд А. Мицкявичуса 154—156, 430

Шимкевич — канцелярский чиновник Тельшевского уездного суда, в 1861 уволен со службы за участие в манифестациях 359

Шимкене (Зимкене) Магдалина (Марианна) — крестьянка Ковенской губ., участ-

- вовала в переправке из-за границы нелегальных изданий 25, 28
- Шимкус Алоизас — десятский Плотельской вол. Тельшевского у. 421
- Шимкус Казимерас — крестьянин Плотельской вол. Тельшевского у. 421
- Ширин — помещик им. Волянь Дисненского у. 249
- Ширинский-Шихматов Александр Прохорович (?—1884) — князь, в 1857—1864 помощник попечителя и попечитель Виленского учебного округа 76, 77, 278, 279, 296, 302
- Шишло Н. — чиновник Свенцянского уездного казначейства 294
- Шлягер Казимир Станиславович — тит. с., учитель истории и географии Виленской гимназии, участник манифестаций 15
- Шлякис Станиславас — крестьянин им. Попеле Новоалександровского у. 397
- Шмидт Андрей Андреевич — капитан, половецкий уездный лесничий. Его жена, сын и дочери активно участвовали в манифестациях 372
- Шмидт — см. О. Авейде
- Шостак — ученик 5 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Шостак — ученик 2 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Шпак — см. Девинен
- Шпеер Иван Абрамович (1823—1893) — д. с. с., в 1860—1861 гродненский губернатор XV, XXXI, XLVI, LXII, 433, 434, 437, 439, 442, 443, 447, 449—451, 453, 455, 456
- Шпейер Вильгельм Филиппович — штабс-капитан, затем капитан, адъютант виленского губернского жандармского штаб-офицера 314, 485—488, 509
- Штейн Сильвестр Иванович — майор, белостокский жандармский штаб-офицер, с января 1864 начальник белостокской уездной жандармской команды 133, 458, 459, 463, 465, 471, 473—475, 485, 490
- Штендлер — студент Петербургского университета, участник студенческого «Огула» 70
- Шуазель, графиня — помещица им. Мирабеля Вилкомирского у. 403
- Шувалов Петр Андреевич (1827—1889), граф — ген.-майор, ген.-адъютант, в 1861—1864 начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением 18, 30, 47, 51, 79, 148, 150, 172, 371, 526, 606
- Шукевич Александр — дворянин, участник манифестаций в Лидском у. 61
- Шукевич Франц Казимирович — тит. с., судебный следователь шавельского уездного суда 425
- Шукевич — настоятель Минского бернардинского монастыря 549
- Шукевич — ученик 5 класса Виленской прогимназии, участник манифестаций 250
- Шукель — крестьянин им. Ленцовщина Свенцянского у. 324
- Шульгин — директор Пинской гимназии 537
- Шульц — ксендз в Вильно, в 1861 за участие в манифестациях заключен в Динабургскую крепость, в 1862 отправлен в Оренбургскую губ., но вскоре возвращен 74, 78, 79, 88, 90, 117
- Шульц — купец в Мемеле, участвовал в переправке нелегальных изданий из-за границы в Ковенскую губ. 21
- Шульц — помещик Рогачевского у. 596
- Шуневич Флорентин — студент, участник манифестаций в м. Глубоком Дисненского у. 61, 581
- Щепанович Онуфрий — дворянин, подготавливался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 295
- Щербakov Иван Илларионович — капитан, начальник Ковенской жандармской команды 28
- Щербо Фома Филиппович — коллежский советник, с декабря 1863 обер-аудитор 27 пехотной дивизии, был также обер-аудитором Особой следственной комиссии в Вильно 496, 504
- Щировский — белостокский городничий 433, 439
- Шитт — помещик Лепельского у. 577
- Шука — помещик Бельского у. 437
- Шур Лев — солдат, участник военно-революционной организации в русских войсках в Польше. В 1862 сослан на каторгу 474
- Эвальд Аркадий Васильевич (1836—1898) — публицист 305
- Эйсмонт Адольф — помещик, в 1863 помощник повстанческого гражданского начальника, затем начальник Сокольского у. Сослан на каторгу 493, 503
- Эйсмонт Викентий — тит. с., подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 295
- Эйтманович (ошибочно Гейтманович) Юлиан Марк (1834—1863) — капитан Либавского пехотного полка, из дворян Ковенской губ., участник Крымской войны. В апреле 1863 перешел на сторону повстанцев, командовал отрядом, в декабре, не желая сдаваться карателям, покончил с собой 182
- Эльжановский Северин (1821—1874) — активный деятель польской эмиграции, основатель эмигрантского комитета (1862). В 1863 — повстанческий комиссар Западной Галиции 46
- Энгельгард — помещик им. Гуры Новоалександровского у. 332
- Эрцдорф-Купфер, фон, Федор Юлианович — коллежский советник, чиновник по особым поручениям при виленском ген.-губернаторе 153, 154

- Юган Николай Васильевич (ок. 1833—1895) — поручик 1 артиллерийской бригады, в 1863—1864 член виленской Особой следственной комиссии по политическим делам, с 1866 — альтернат командующего Виленским военным округом и чиновник по особым поручениям при ген.-губернаторе 164, 496, 504
- Юргудис Пятрас — крестьянин им. Попеле Новоалександровского у. 395
- Юдыцкий Юзеф — студент Петербургского университета, участник студенческого «Огула» 10
- Юзефович — см. Ю. Петровский
- Юндзилл Вадериан — помещик, член слонимской нелегальной библиотеки 505
- Юндзилл Игнатий — помещик, член слонимской нелегальной библиотеки 505
- Юндзилл Петр Эмануэль (1839—?) — сын профессора Виленского университета, студент Петербургского университета, затем юнкер Инженерной академии и офицер (в 1863 вышел в отставку). Член военно-революционного кружка Сераковского и польского комитета в Петербурге, был связан с русскими революционными деятелями. В 1863 организовал закупку и транспортировку оружия и боеприпасов в Литву и Белоруссию. Был арестован, в ноябре 1864 бежал за границу 8, 222, 224, 226, 228—230
- Юндзилл Францишек — отставной ротмистр, в 1863 повстанческий военный начальник Слонимского у. 491, 492, 494, 497, 500, 508
- Юрвонас — крестьянин Лауксцянской вол. Росненского у. 425, 426
- Юнович — судебный следователь росненского уездного суда 428
- Юргенс Эдвард (1832—1863) — чиновник комиссии внутренних дел в Варшаве, один из лидеров партии «белых» в Королевстве Польском, член Дирекции «белых» (1862). В феврале 1863 арестован и в июле умер в варшавской цитадели 46, 165, 170
- Юрковская — классная дама Белостокского института благородных девиц, в 1861 принимала участие в пении запрещенных гимнов 439
- Юрковский — учитель русской словесности Слуцкой гимназии 537
- Юров — пятисоцкий им. Паулина Режицкого у., в 1861 предан суду за возбуждение крестьян к волнениям 84
- Юрьевич — помещица Ковенской губ. 326
- Юсевич — помещик, был связан с обществом «Пётковичей» 61, 286
- Яблоновский Людвик — деятель польской эмиграции, участник съезда представителей польских земель в Познани в 1860 46
- Яблонская Марианна — солдатка, жительница дер. Климь Ошмянского у., обучала детей 293
- Яблонская Ядвига — участница манифестаций в Ошмянах 293, 295
- Явгелис Ян — работник им. Ляцкого, Шавельского у. 425
- Ягелло (Владислав II) (1348—1434) — великий князь литовский с 1377, король Польши с 1386, родоначальник династии Ягеллонов 444, 445, 518
- Яголковский — помещик Слонимского у. 494, 505
- Янонова — помещица Оршанского у. 599
- Ядвига (1371—1399) — королева Польши с 1384, жена Владислава Ягелло с 1386 518
- Язовский — писец Ковенского дворянского депутатского собрания, один из руководителей первых манифестаций в Ковно 340
- Язовский — помещик, участник съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
- Яковецкая Анна — однодворка, жительница м. Кейдан Ковенского у. 407
- Яковичский Адольф (ок. 1844—?) — ученик 7 класса Виленской гимназии, член кружка В. Витковского, участник манифестаций 221, 222, 228, 230, 250
- Яковлев Василий — крестьянин Тверской губ. 263
- Яковлев Иван — крестьянин Тверской губ. 263
- Яковлев Михаил Михайлович — тит. с., состоящий при Министерстве внутренних дел, прикомандированный к Политическому отделению канцелярии виленского ген.-губернатора, с декабря 1864 — коллежский ассессор, управляющий Политическим отделением 287, 293
- Якубович — ученик 5 класса Виленской гимназии, участник манифестаций 250
- Якубовская Юзефа — помещица Минского у., жена Г. Лапицкого 559
- Якубовский Андрей — студент Петербургского университета, в 1862 выслан в Ковенскую губ. за участие в студенческих волнениях 391
- Якубовский Сатурнин (?—1917) — вольнопрактикующий доктор в Поневежском у. (окончил Московский университет), участник предповстанческого движения, в 1863 командир одного из батальонов отряда З. Сераковского 155, 156
- Якубонис Адома (Адам) — крестьянин им. Биржи Поневежского у. 400
- Яковецкий — помещик Поневежского у., участник манифестаций 372
- Ямонт Иосиф — студент Петербургского университета, в 1863 сотрудник К. Калиновского в Вильно, с сентября комиссар Минского воеводства. В 1864 сослан на поселение в Сибирь 324, 561, 562

Янек Бялый — см. Карлович Я.
 Янишевский — помещик Брестского у. 434
 Янкевич Константин — ученик Виленской гимназии, участник манифестаций в Виленском у. 33
 Янковский Иосиф Яковлевич — коллежский регистратор, столоничальник Ковенской палаты государственных имуществ 384, 406, 407
 Янковский Владислав Андреевич (ок. 1827—?) — домашний учитель в Вильно 220—222, 228, 230
 Янковский Карл — коллежский регистратор, подозревался в принадлежности к обществу «Пёнтковичей» 295
 Янковский Михаил Устинович — вольнопрактикующий врач, выслан из Минской губ. за участие в манифестациях 552
 Янковский Станислав — канцелярский служитель, участник манифестаций в Лиде 61
 Яновицкий — студент Петербургского университета, участник студенческого «Огула» 70
 Яновский Юзеф Каetan (1832—1914) — член варшавской революционной организации, секретарь нескольких составов Национального правительства в 1863—1864 175, 179
 Янушевич Константин — помещик, был связан с обществом «Пёнтковичей» 294
 Ярас — сторож Туржанской почтовой станции Ковенского у. 363, 364
 Ярковская Валерия — дочь помещика, участница манифестаций в м. Глубоком Дисненского у. 61

Ярковская Мария — дочь помещика, участница манифестаций в м. Глубоком Дисненского у. 61
 Ярковский — студент, участник манифестаций в м. Глубоком Дисненского у. 61
 Яровая-Равская — помещица Лидского у. 241
 Яроцинский Иван — железнодорожный служащий, участник манифестаций в Белостоке 433
 Яроцкий Антон — гродненский мещанин, житель дер. Грандзичи Гродненского у. 479
 Ярошинский Людвик (1840—1862) — варшавский портной, совершивший 21.VI (3.VII) 1862 неудачное покушение на вел. кн. Константина. Казнен по приговору военного суда 9(21).VIII 1862 210, 310, 311, 550, 551, 611
 Ясенский — помещик Россиенского у., в 1861 арестован за участие в устройстве манифестации в м. Юрбурге 365
 Ясинские — помещики, участники съезда помещиков Виленской и Ковенской губерний 315
 Ясинский — помещик им. Невяжники Ковенской губ. 155
 Яська — газпалдар з-пад Вильни — псевдоним авторов «Мужицкой правды» 126, 127, 129—131, 133, 192, 203
 Ясюкенас Станиславас — крестьянин им. Биржи Поневежского у. 399
 Ятовтисова — жена рекрута, жительница Судейской вол. Вилкомирского у. 418
 Яцковский — отставной ротмистр, смотритель Друскенинских минеральных вод 456

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Абели (Обеляй), им., Новоалександровский у. 405
- Абрамовщина, им., Войстомская вол.; Свенянский у. 232
- Августов, уездн. гор., Августовская губ. 181, 452
- Августово, им., Занарочская вол., Свенянский у. 232, 243, 245
- Августовская губ. XVI, XVIII, XIX, XXXII, XXXIV, XXXV, XLVII, L, LI, LXIII, LXV, 178, 181, 182, 188, 247, 349, 350, 356
- Августовский у. 501
- Австрия 5, 6, 10, 11, 81, 95, 160, 186, 223
- Александров, ст. Варшавско-Быдгошской ж. д., Нешавский у., Варшавская губ. 170
- Алексипец, им., Слонимский у. 494
- Алесьота, им. и с., Мариампольский у. (предместье гор. Ковно) 341, 343, 349, 350, 355, 356, 357
- Альбертин, им., Слонимский у. 508
- Англия V, XII, XVII, XVIII, XXXVII, XLIII, LIII, LIX, 79, 183, 186, 523
- Анелино (Анелины), им., Россиенский у. 330
- Антоновка, дер., Гомельский у. 597
- Антоново, им., Векшнянская вол., Шавельский у. 428
- Антоново, им., Дукштанская вол., Новоалександровский у. 352
- Антопольское, им., Ровенско-Слободская вол., Речицкий у. 522
- Анусин, им., Бельский у. 460, 461
- Архангельск, губ. гор. 74, 75, 90, 120, 121, 272
- Архангельская губ. 260, 261, 377
- Астраханская губ. 272
- Базарское, им., Мозырский у. 521
- Балашовский у., Саратовская губ., I
- Балтийское море 412
- Бальбиново, им., Дриосенский у. 575, 576
- Барщево, дер., Белостокский у. 466
- Бацуни, дер., Гомельский у. 597
- Белавичи, дер. Волковысский у. 447—449
- Беловежская пуша 174, 507
- Белокурка, им., Слонимский у. 507
- Белосток, уездн. гор., Гродненская губ. 37, 39, 41, 48, 64, 76—78, 82, 87, 93, 152, 361, 433, 438—442, 446, 447, 453, 454, 458, 462—465, 468—470, 473, 474, 476, 477, 491, 493
- Белостокская обл. 165
- Белостокский тракт 152
- Белостокский у., Гродненская губ. 77, 84, 168, 434, 437, 438, 459, 471, 493, 495, 497, 509, 510
- Белостокское воеводство 509—511
- Белосточек, дер., Белостокский у. 471, 472
- Белые Плоняны, им., Поневежский у. 396, 405
- Бельниччи, м., Могилевский у. 601
- Бельгия 347
- Бельск, уездн. гор., Гродненская губ. 34, 41, 64, 152, 153, 361, 438, 445, 452—454, 461, 468, 493
- Бельский у., Гродненская губ. 34, 435, 437, 441, 444, 497, 509
- Березино, им., Погостская вол., Игуменский у. 551
- Березовка, дер., Брестский у. 472
- Берлин, гор. 24
- Берчи, им., Березовская вол., Мозырский у. 546
- Бжезница, дер., Ломжинский у. 188
- Бигосово, им., Дриссенский у. 575, 576
- Биржанская вол., Поневежский у. 397—401
- Биржи (Биржай), м. и им., Поневежский у. 155, 156, 212, 215, 345, 346, 354, 355, 387, 397—401
- Биршоны (Бирштонские минеральные воды, Бирштонас), курортное м., Троцкий у. 191, 194, 202, 205, 210
- Битнишки, им., Подбиржанская вол., Поневежский у. 354
- Битнишское сельское общество, Подбиржанская вол., Поневежский у. 387
- Бишофсбург, гор., Восточная Пруссия 183
- Близники, дер., Занарочская вол., Свенянский у. 243
- Бобруйск, уездн. гор. и кр., Минская губ. 55, 80, 236, 519, 529

* Указатель подготовлен В. П. Масилюне и составителями разделов. Современные национальные названия приводятся в скобках.

Бобруйский у., Минская губ. 522, 546, 561, 600
 Больчи, им., Крожская вол., Росненский у. 35, 343
 Бонифацов (Бонифацовой), им., Сольская вол., Ошмянский у. 240
 Бордзобогатишки (Бардзобогатишки), им., Сольская вол., Ошмянский у. 240
 Бордо, гор. 185
 Борисов, уездн. гор., Минская губ. 174, 516
 Борисовский у., Минская губ. 61, 113, 555, 561, 566, 567, 569, 571, 580
 Брест-Бобруйское шоссе 37, 39, 508
 Брест-Литовск (Брест), уездн. гор. и кр., Гродненская губ. 7, 37, 39, 41, 57, 64, 133, 152—154, 174, 361, 433, 438, 453, 454, 471, 490, 491, 493
 Брестский у., Гродненская губ. 37, 62, 84, 433, 434, 443, 450, 497, 507, 509
 Бринево, им., Лясковичская вол., Мозырский у., 518—521, 551
 Бродница, гор., Восточная Пруссия 183
 Бруновишская вол., Поневежский у. 387
 Буг (Западный), р. 484
 Будилово, дер., Лепельский у. 579
 Буйвиданцы, им., Трокский у. 262
 Букштен, почтовая ст., Гродненская губ. 470
 Бутнюнское сельское общество, Гульбинская вол., Поневежский у. 387
 Бутнюны, им., Гульбинская вол., Поневежский у. 355
 Бутовское сельское общество, Поневежский у. 387
 Быховский в., Могилевская губ. 596, 604
 Вабальнинкас, см. Вобольники
 Вайниовцы, дер., Сокольский у. 485—487, 489
 Вака, фольв., Трокский у. 262
 Вандея, ист. область Франции 185, 186
 Вармия, ист. область Восточной Пруссии 183
 Варняй, см. Ворни
 Варшава, губ. гор. XIII, XVII, XXIX, XXXIV, XLIV, XLIX, LX, LXV, LXX, 7, 20, 22, 24, 34, 35, 42, 49, 50, 55, 71, 80, 86, 87, 89, 93, 102, 106, 116, 120, 124, 131, 133, 139, 144, 146—148, 151—154, 156, 159—162, 164—180, 182, 183, 187, 188, 190, 191, 196, 199, 202, 207, 209—212, 214, 216, 223, 230, 257, 259, 272, 277, 278, 297, 310, 311, 319, 325, 326, 332, 343, 360, 361, 363, 366, 369, 372, 379, 410, 414—416, 432, 433, 442, 444, 447, 451, 452, 459, 460, 464, 465, 470, 473, 474, 476, 480, 481, 488, 493, 496, 497—499, 504, 509—511, 514—518, 528, 530, 536, 538, 542, 543, 547, 550, 559, 563, 572, 582, 585, 595, 601, 602, 611
 Василичи, м., Лидский у. 276
 Ведьмы, им., Даревская вол., Новогрудский у. 546

Вейно, им., Могилевский у. 600
 Векшнянское сельское общество, Шавельский у. 424, 429
 Великая Слоха, дер., Бельский у. 461
 Велюна, им., Велюнская вол., Ковенский у. 339, 355
 Велишки, фольв., Мариампольский у. 28
 Вена, гор. 22
 Венгрия 93, 114, 379
 Верейки, им., Волковысский у. 494
 Верейки (Верети), дер., Верхняя вол., Дисненский у. 321
 Вержболовский таможенный округ 139, 186
 Вержовицкая вол., Брестский у. 472, 473
 Вержеляне, им., Сольская вол., Ошмянский у. 240
 Верхне, м., Дисненский у. 321, 322
 Верхняя вол., Дисненский у. 320
 Веселовка, дер., Гомельский у. 596
 Видагоще, им., Белоручская вол., Минский у. 544
 Видуклевское сельское общество, Росненский у. 427
 Вижунская вол., Вилкомирский у. IX, XXVI, XLI, LVII, 418
 Вижунь (Вижунос), м., Вилкомирский у. 418
 Визна, м., Ломжинский у. 183
 Вилейка, уездн. гор., Виленская губ. 283
 Вилейский у., Виленская губ. 61, 241, 242, 272, 320—322, 580
 Виленская губ. VII, VIII, IX, XX, XXIV—XXVI, XXXVI, XXXIX, XL, XLI, LI, LV—LVII, LXVII, 1—4, 14, 18, 28, 30, 33, 36, 37, 41, 44, 51, 52, 54, 57, 60, 65—67, 70—74, 79, 85, 88, 95, 122, 166, 209, 218, 238, 242, 264, 275, 281, 283—285, 298, 300, 306—308, 312, 314—316, 320, 323, 354, 367, 408, 497, 538, 542, 578, 580, 587, 590, 592, 610
 Виленский у. 2, 3, 14, 33, 60, 64, 83, 232, 233, 237, 238, 241, 268, 275
 Виленское воеводство 207
 Виля (Нерис), р. 268
 Вилкомир (Укмерге), уездн. гор., Ковенская губ. 16, 19, 332—334, 371, 379, 389, 390
 Вилкомирский у., Ковенская губ. 2, 34, 62, 156, 278, 332, 335, 371, 386, 389, 390, 392, 402
 Вилькия (Вильки), им., Вилькинская вол., Ковенский у. 28, 345, 371
 Вильно (Вильнюс), губ. гор. X, XIII, XV, XVI, XVIII, XXVII, XXIX, XXX—XXXIV, XXXVI, XLI, XLIV, XLV, XLVII, XLVIII, L, LX, LXI, LXIII—LXX, 3, 5—22, 24—32, 37, 39, 41, 44—48, 54—57, 61, 63—65, 69, 71, 73, 74, 76, 78, 81, 86—88, 90, 94, 95, 97, 100—102, 104—106, 110, 117, 118, 120—124, 126, 127, 129, 130, 131, 133, 138—140, 144, 146, 148, 156—171, 173—175, 187—189, 191, 192, 194, 196—203, 205, 207—212, 214,

215, 217, 219—225, 227, 228, 230, 232, 233, 236—238, 247, 251—253, 255—257, 259—262, 264, 267, 268, 271—279, 282—285, 291, 292, 297, 300—306, 309—314, 320, 325, 339, 353, 361, 362, 370, 375, 378, 379, 414, 415, 431, 441, 468, 474, 479, 486, 490, 491, 493, 495, 499—503, 509—511, 517, 537, 550, 553, 560—563, 567, 571, 581, 582, 591, 610

— Антоколь, предместье 227

— Бакшта (Бокшто) ул. 223, 224

— Бельмонт, район города 265

— Бернардникий (Пилес) пер. 221, 223

— Большая (Горького) ул. 301

— Ботанический сад (сад между Замковой горой, Пушкинским и Яунимо сада-ми) 222

— Гарбарская (Даугуветиса) ул. 221, 224

— Доминиканская (Гарялис) ул. 207, 267

— Заречье (Ужупис), район города 250

— Кальвария, предместье 261

— Немецкая (Музеяус) ул. 267

— Острая Брама (Аушпрос Вартай) ул. 76, 267

— Погулянка (Басанавичюса) ул. 222, 268, 270, 271

— Рыбишки, предместье 259

— Сафьяницкая (Тимо) ул. 222

— Сипишки (Шнипшес), предместье 266

— Трокская застава 269—271, 274

— Трокская (Траку) ул. 222

Виницкий у., Подольская губ. 85

Винцента, дер., Ломжинский у. 181, 182, 188

Виргайне, им., Вилкомирский у. 335

Висла, р. 6—8

Витебск, губ. гор. 88, 89, 116, 572, 574, 583, 586, 587, 590, 613

Витебская губ. XX, XXIV, XXXVI, LI, LXVII, 15, 44, 49, 67, 88, 89, 139, 150, 161, 260, 480, 542, 581, 582, 586, 588, 589, 592—594, 610, 613

Витебский у. 579, 580

Вишнево, м., Ошмянский у. 293

Вишнево, мыза, Вишневская вол., Свенц-янский у. 324

Владимирская губ. I

Вобольники (Вабальнинкас), м., Чипян-ская вол., Поневежский у. 400

Воверы (Воверяй), дер., Швекшнянская вол., Россиенский у. 28

Водоксты, им., Митавский у., Курлянд-ская губ. 429

Войнутское сельское общество, Россиен-ский у. 426

Волга, р. I, 212, 215

Волковыск, уездн. гор., Гродненская губ. 57, 468, 478, 494, 497, 503, 507

Волковысский у., Гродненская губ. 447—449, 490—496, 499, 501—503, 509

Вологда, губ. гор. XV, XXXI, XLVII, 277, 278, 381

Вологодская губ. 96, 260, 390

Воложин, м., Воложинская вол., Ошмян-ский у. 293

Волпа, м., Гродненский у. 448, 449

Волынская губ., Волянь 6, 7, 41, 44, 49, 77, 80, 150, 222, 484, 514, 610

Волянь, им., Верхняянская вол., Диснен-ский у. 24, 249

Ворненское сельское общество, Шавель-ский у. 415

Ворни (Варняй), м., Ворненская вол., Тельшевский у. 252, 326, 335, 383, 414

Ворняны, им., Ворнянская вол., Виленский у. 233, 237, 238

Вороново, почтовая ст. 38, 39

Вроцлав, гор. VIII, XXV, XL, LVI, 152

Высоко-Литовск, м., Брестский у. 37, 39, 41

Высоцк, им., Слонимский у. 490

Вятка, губ. гор., 90, 91, 117, 551

Вятская губ. 43, 79, 260, 324, 390

Габриеловицзна (Габрияловицзна), им., Граужинская вол., Ошмянский у. 240

Габшишки, им., Эржвилковская вол., Рос-сиенский у. 330

Гавеновичи, им., Слонимский у. 508

Гавры, им., Ботокская вол., Россиенский у. 330

Гайна, м., Гайно-Слободская вол., Бори-совский у. 527

Галиция 24, 108, 111, 113, 174, 534, 535, 571

Гвалтис, им., Ковенская губ. 23

Гвальды, им. Россиенский у. 25

Гданьск, см. Данциг

Генуя, гор. 82, 284

Георгниеново, им., Дриссенский у. 575, 576

Гераноны, им., Ошмянский у. 239

Герваты, им., Ворнянская вол., Виленский у. 233, 237

Гержоды, дер., Видуклевская вол., Рос-сиенский у. 427, 428

Германишки, им., Поневежский у. 355, 387

Германия V, XXII, XXXVII, LIII, 117

Гинейтышки, см. Тальгейм

Гинтелишки, им., Гинтелишская вол., Тель-шевский у. 403, 411, 412

Гитарский ключ, им., Шавельский у. 405

Глубокое, м., Глубокская вол., Дисненский у. 35, 249, 252, 580

Гнезно, им., Волковысский у. 494

Годлево, с., Мариампольский у. 357, 416

Гоздов (Гоздава), им., Занарочская вол., Свенцянский у. 232, 239, 245

Гольшаны, м., Гольшанская вол., Ошмян-ский у. 56, 239, 286

Гомель, уездн. гор., Могилевская губ. 479

Гомельский у., Могилевская губ. 539, 596, 597, 601, 613

Горезлы, им., Оршанский у. 600

Горецковицзна, дер., Гольшанская вол., Ошмянский у. 293

Горжодовская таможня, Тельшевский у. 27

- Горжды (Гаргждай), им., Горждовская вол., Тельшевский у. 26, 412
 Горки, с. и им., Кобринский у. 174
 Городенка, фольв., Лидский у. 38, 40
 Городло, м., Люблинская губ. 81, 87
 Городно, им., Слонимский у. 87, 490
 Горохов, м., Владимирский у., Волинская губ. 20
 Горы-Горки (Горки), уездн. гор., Могилевская губ. 187, 606, 611, 612
 Грандзичи, дер., Гродненский у. 478, 479
 Григоровцы, им., Бельский у. 442
 Гродненская губ. VII, IX, XVI, XVII, XX, XXIV, XXVI, XXXIII, XXXVI, XXXIX, XL, XLI, XLVII—XLIX, LI, LV, LVI, LVII, LXIV, LXV, LXVIII, I, 3, 12, 28, 30, 33, 34, 36, 37, 41, 44, 48, 51, 52, 54, 57, 60, 62, 64—67, 70—73, 80, 84—86, 88, 91, 122, 133, 151, 152, 154, 161, 164—166, 168, 169, 174, 178, 180, 183, 188, 210, 212, 215, 408, 437—439, 450, 453, 454, 459, 460, 468—470, 474, 481, 484, 490—492, 497, 499, 503, 504, 509, 510, 511, 610
 Гродненский у. 436, 437, 491—493, 495—497, 499, 502
 Гродненское воеводство 133, 207, 509—511
 Гродно, губ. гор. XIII, XVI, XVII, XXI, XXIX, XXXI—XXXIV, XLIV, XLVII—XLIX, LX, LXIII—LXV, LXIX, 9, 28, 37, 39, 41, 57, 64, 65, 87, 93, 106, 109, 112, 118, 133, 139, 153, 161, 165, 173, 174, 182, 263, 361, 433, 438, 443, 445—447, 450—454, 456, 467—469, 471, 474, 476, 479, 483, 485, 489—497, 499—501, 503, 504, 513
 Груже, им., Скробатышская вол., Поневежский у. 335
 Гудзенишки (Гуденишки), им., Ворнянская вол., Виленский у. 233
 Гумбинен, гор., Восточная Пруссия 183
 Гурный Двор, им., Линковская вол., Поневежский у. 385, 386, 409
 Гуры, им., Понемунская вол., Новоалександровский у. 331, 332
 Давидышки, им., Линковская вол., Поневежский у. 335
 Дайново, им., Лидский у. 267
 Данциг (Гданьск), гор. 69, 183
 Данюшево, им., Дуботовская вол., Свенцянский у. 54, 232, 286, 291
 Даугавпилс, см. Динабург
 Декшне, им., Вилкомирский у. 417
 Дембины, им., Даревская вол., Новогрудский у. 546
 Дерпт (Тарту), гор., Лифляндская губ. 217, 259
 Дзяговцы, им., Сольская вол., Ошмянский у. 240
 Динабург (Даугавпилс), уездн. гор. и кр., Витебская губ. 57, 363, 364, 572, 576, 582, 594
 Динабургский у., Витебская губ. 84, 234, 253, 255, 576, 593, 594
 Дисна, уездн. гор., Виленская губ. 252, 320, 322
 Дисненский у., Виленская губ. 33, 57, 61, 83, 241, 242, 248, 249, 251, 252, 317, 320, 321, 593
 Добрая Вода, дер., Борисовский у., 564, 566
 Довбишки, дер., Шавельский у. 429
 Довмонтишки, им. Войткушская вол., Вилкомирский у. 405
 Докури, дер., Новоалександровский у. 395
 Докутово, им., Лидский у. 239
 Дольный Фред (Фреда), с. Мариампольский у. 350, 364
 Доманово, им., Дриссенский у. 576
 Дорбяны, им., Дорбянская вол., Тельшевский у. 404, 405, 412
 Дорошевичи, им., Лясковичская вол., Мозырский у. 518—521, 551
 Дрезден, гор. 71, 183, 184, 285
 Дрисса, уездн. гор., Витебская губ. 593
 Дриссенский у., Витебская губ. 234, 576, 582, 591
 Друскеники (Друскининкай), м., Гродненский у. 41, 455, 456, 490, 499
 Друтовишки, им., Таурогенская вол., Россиенский у. 330
 Друя, м., Дисненский у. 33
 Дуббельн, с., Рижский у., Лифляндская губ. 47
 Дубники, им., Ворнянская вол., Виленский у. 233, 237
 Дубно, дер., Гродненский у. 90
 Дуды, им., Давгелишская вол., Свенцянский у. 232, 239
 Дукштанская вол., Новоалександровский у. 352
 Дукшты (Дукштас), им., м. и железнодорожная ст., Новоалександровский у. 262, 353, 354, 403, 404
 Дусяты, м., Троцкий у. 191, 202
 Дыльпше, дер., Бернатовская вол., Тельшевский у. 420, 421
 Европа 5—7, 16, 41, 42, 49, 74, 86, 177, 184, 190, 195, 201, 206, 317, 439, 533, 603
 Езеры, м., Гродненский у. 499
 Елеонорово, им., Елеоноровская вол., Ковенский у. 330
 Ельно, им., Щучинская вол., Лидский у. 239
 Енисейская губ. 268
 Жареная, см. Жираны
 Жарновка, дер., Гродненская губ. 153
 Жары, с., Иолчанская вол., Речицкий у. 516
 Жары, им., Лепельский у. 577, 579
 Жасляй, см. Жосили
 Жвалуйце, дер., Попельская вол., Новоалександровский у. 395
 Жежмарай, см. Жижморы
 Жеймели (Жеймяляй), м., Поневежский у. 396

Железня, дер., Праснышский у., Плоцкая губ. 182, 188
 Желтухи, дер., Жиздринский у., Калужская губ. 263
 Женева, гор. 24
 Жибортаны, им., Поневежский у. 403
 Жижморская вол., Трокский у. 275
 Жижморы (Жежмарай), м., Трокский у. 262, 274
 Жимославь, им., Ошмянский у. 263
 Жираны (Жареная), м., Тельшевский у. 62
 Житино, им., Житинская вол., Игуменский у. 546
 Житомир, губ. гор., Волынская губ. 28, 77, 89—91, 115
 Жодзишки, им., Дуботовская вол., Свенцянский у. 232, 239
 Жосили (Жосли, Жасляй), ст. Петербурго-Варшавской ж. д., Трокский у. 209
 Забелишки, им., Кейданская вол., Ковенский у. 334, 335
 Заблудов, м., Белостокий у. 84, 481
 Замирье, дер., Мирская вол., Новогрудский у. 522
 Замок, им., Россиенский у. 330, 331
 Запрудовка, дер., Гомельский у. 597
 Зарасай, см. Новоалександровск
 Заславье, им. Заславская вол., Минский у. 546
 Здзеницол, м., Слонимский у. 490
 Зельва, м., Волковысский у. 505
 Злотополь, м., Киевская губ. 89, 91
 Зубрица, дер., Сокольский у. 486, 487
 Ивейская вол., Ошмянский у. 264
 Ивье, им., Ошмянский у. VII, XXIV, XXXIX, LV, 38, 40, 83, 88, 239, 240, 263
 Игуменово, им., Игуменовская вол., Дисненский у. 242, 248, 249, 251
 Игуменский у., Минская губ. 550, 555, 560, 561
 Иерусалим, гор. 518
 Ижа, им., Виленский у. 241
 Избитское сельское общество, Белостокский у. 512
 Ильино, дер., Новоторжский у., Тверская губ. 263
 Ильяново, дер., Ошмянский у. 264
 Импильты Старые, им., Дорбянская вол., Тельшевский у. 404
 Индуры, м., Гродненский у. 486
 Инстенбург, гор., Восточная Пруссия 183, 184
 Иодовцы, дер., Свенцянский у. 323, 324
 Иордайце, им., Шавельский у. 330
 Италия 41, 93, 98, 103, 114, 182, 199, 209
 Кавказ 188, 200, 334, 476, 509
 Казанская губ. 1
 Калнаберже, им., Ковенский у. 334, 335
 Калужская губ. 1
 Кальвария, м., Ольсядская вол., Тельшевский у. 62, 410
 Кама, р. 212, 215

Каменец-Подольск, губ. гор., Подольская губ. 28, 143, 145
 Каменишки, им., Трокский у. 272
 Каменный Лог, им., Шумская вол., Виленский у. 233, 238
 Капрера, о-в 523, 531
 Капустино, им., Мстиславский у. 598
 Каракуличи, дер., Свенцянский у. 242
 Карловщина, дер., Гольшанская вол., Ошмянский у. 293
 Каролиново, им., Кемелишская вол., Свенцянский у. 323, 324
 Каунас, см. Ковно
 Каштеляновщина (Каштеляновщина), им., Глубокская вол., Дисненский у. 249
 Кватеры, им., Волковысский у. 494
 Кейданы (Кедайняй), м. и им., Кейданская вол., Ковенский у. 12, 93, 156, 210, 214, 334, 406—408
 Келбасин, им., Гродненский у. 492
 Кемянское сельское общество, Поневежский у. 387
 Кенигсберг, гор. 24
 Кепалы, им., Шавельский у. 330
 Кепураны (Кепуреная), дер., Плотельская вол., Тельшевский у. 421
 Кибуры, им., Кибурская вол., Поневежский у. 335
 Киев, губ. гор. 6, 7, 11, 13, 28, 41, 44, 77, 79, 150, 188, 217, 222, 379, 521, 563, 610
 Киевская губ. 6, 7, 44, 77, 82, 92, 116, 150, 371, 610
 Кишово, дер., Новоторжский у., Тверская губ. 263
 Клайпеда, см. Мемель
 Климовичи, уездн. гор., Могилевская губ. 568
 Климовичский у., Могилевская губ. 599
 Климы, дер., Вишневская вол., Ошмянский у. 293
 Кнеби (Тересбор), фольв., Вилкомирский у. 213, 216
 Княжицы, им., Дриссенский у. 576
 Кобрин, уездн. гор., Гродненская губ. 438
 Кобринский у., Гродненская губ. 37, 84, 433, 437, 497, 507, 509
 Ковалевцы, дер., Заблудовская вол., Белостокский у. 479, 480
 Ковалишки, им., Новоалександровский у. 405
 Ковенская губ. VI—X, XVI, XX, XXIII—XXVII, XXXIV, XXXVI, XXXVIII—XLI, XLVII, LI, LIV—LVIII, LXIII, LXV, LXVII, 1—4, 12, 18, 21—23, 25, 28—30, 33, 34, 36, 37, 44, 47, 51, 52, 54, 57, 60, 62, 64—67, 70—73, 81, 85, 88, 95, 113, 116, 122, 139, 148, 154, 158, 160, 161, 166, 211, 212, 214—217, 260, 272, 275, 314, 320, 325, 326, 330, 332, 335, 344, 345, 347, 348, 350, 354, 355, 358, 360—364, 368—371, 375, 377, 378, 382, 391, 392, 397, 403, 405, 408—410, 416, 420, 497, 509, 542
 Ковенский у. 37, 85, 330, 334, 335, 344, 367, 413

Ковенское воеводство 207, 511
 Ковно (Каунас), губ. гор. XIII, XV, XVII, XXIX, XXXI, XXXII, XLIV, XLVI, XLVIII, LX, LXII, LXX, 1, 2, 12, 16, 22, 24, 26, 28, 41, 47—50, 57, 74—76, 78, 80, 89, 91, 109, 118, 122, 157, 158, 161, 164, 165, 222, 325, 326, 328, 335, 339—341, 343, 347—351, 355, 357—363, 365, 367, 369, 370, 378, 380—384, 393, 394, 405, 406, 409, 414—416, 511
 — Зеленая гора (Жалякальнис), район города 364
 Кожево, дер., Жуховичская вол., Новогрудский у. 522
 Козловск, им., Луцкая вол., Дисненский у. 249, 252
 Козловская вол., Дисненский у. 320
 Коледзичи, им., Волковысский у. 447, 449
 Колодно, им., Шеметовская вол., Свенянский у. 245
 Колтыняны, м., Колтынянская вол., Россиенский у. 360
 Комаровское, им., Брагинская вол., Речицкий у. 522
 Коминов, дер., Сокольский у. 486
 Константиново, им., Верхняянская вол., Дисненский у. 249
 Конюхи, им., Овантская вол., Вилкомирский у. 403
 Копаткевичи, м., Копаткевичская вол., Мозырский у. 521
 Копысский у., Могилевская губ. 598, 601, 605
 Королишевичи, с., Пережирская вол., Игуменский у. 556
 Короново, см. Ясногурка
 Корсак, дер., Виленская губ. 199
 Корсаки, им., Жосельская вол., Трокский у. 188, 209
 Корсовка, ст. ж. д., Люцинский у. 573
 Корцяны, им., Корцянская вол., Тельшевский у. 412
 Корица, Волынская губ. 484
 Косаржевщина, им., Дисненский у. 249
 Костромская губ. 1
 Костюшишки, им., Трокский у. 204
 Кражай, см. Крожи
 Краков, гор. 24, 187, 285, 291, 473, 517
 Красный Бор, дер., Августовский у. 181
 Кривно, им., Абельская вол., Новоалександровский у. 405
 Креслава, м., Витебская губ. 406—408
 Кретинген, им., Тельшевский у. 412
 Кржиценишки (Кржиценишки), им., Войткушская вол., Вилкомирский у. 405
 Крожи (Кражай), м., Россиенский у. 35, 343
 Кринки, м., Гродненский у. 474
 Кронштадт, кр. 489
 Крушево, дер., Белостокский у. 512
 Кубличи, м., Лепельский у. 579, 587, 588
 Кудаво, дер., Островский у., Псковская губ. 263
 Кумбуль, им., Витебская губ. 586

Кумяла, казенная ферма, Сокольский у. 459
 Кунгур, уездн. гор., Пермская губ. 209, 211, 215, 217
 Курляндская губ. 139, 148, 399, 422, 423, 425, 429
 Курск, губ. гор. 358
 Куршаны (Куршеная), м., Куршанская вол., Шавельский у. 410
 Курше, им., Ремигольская вол., Поневежский у. 335
 Кусково, дер., Новоторжский у., Тверская губ., 263
 Кустовец, им., Винницкий у., Подольская губ. 85
 Кушлики, им., Дриссенский у. 576
 Кушляны, им., Сольская вол., Ошмянский у. 240
 Лабгирская вол., Россиенский у. 329
 Лабгирь, им., Россиенский у. VIII, XXV, XXXIX, LVI, 329, 330, 403
 Лабудзи (Лабуде), им., Ворнянская вол., Виленский у. 232
 Лавково, м., Ворненская вол., Тельшевский у. 62
 Лавкожеме, им., Дорбянская вол., Тельшевский у. 404
 Лажуце Новые, им., Тельшевский у. 404
 Лаздуны, им., Лугомовичская вол., Ошмянский у. 240, 264
 Лапы, ст. Петербургско-Варшавской ж. д., Ломжинский у. 168, 477, 510
 Ласицы, дер., Верхняянская вол., Вилейский у. 321, 322
 Латвия 133
 Лауксодзе, им., Поневежский у. 384—386, 396
 Лауксодзская вол., Поневежский у. 386
 Лаукияное сельское общество, Россиенский у., 425
 Лахва, им., Лаховская вол., Мозырский у. 546
 Лемба (Лембы), им., Россиенский у. 21—23
 Лемберг, см. Львов
 Ленцовщина (Ленцевщина), им., Комаянская вол., Свенянский у. 324
 Лепель, уездн. гор., Витебская губ. 578, 582, 590
 Лепельский у., Витебская губ. 579, 581, 582, 588, 590, 593
 Лепогирь, им., Поневежский у. 335
 Лехиничи, дер., Волковысский у. 449
 Лида, уездн. гор., Виленская губ. 37, 39, 41, 61, 266, 267
 Лидзюны, им., Новоалександровский у. 345, 346
 Лидский у., Виленская губ. 60, 108, 111, 171, 178, 239, 251, 264, 266, 281
 Линковская вол., Поневежский у. 386
 Лион, гор. 185
 Липнишки, им., Липнишская вол., Ошмянский у. 239, 240, 305

Литвяны, им., Кемелишская вол., Свенцян-
ский у. 232, 239
Лозово, дер., Сокольский у. 459
Ломжа, уездн. гор., Августовская губ.
181—183, 458
Ломжинский у., Августовская губ. 180—
183
Лондон, гор. 24, 116, 151, 172, 217
Лососна, лес в Гродненском у. 446
Лудза, см. Люцин
Лугомович, им., Ошмянский у. 240, 264
Лукники, м., Шавельский у. 2
Луконцо, им., Слонимский у. 494
Лункецкое сельское общество, Поневеж-
ский у. 387
Лункецы (Лункече), им., Подбиржанская
вол., Поневежский у. 355
Луцкий у., Волынская губ. 82
Лучай, им., Лучайская вол., Вилейский у.
231, 272, 273
Лучайская вол., Вилейский у. 273
Львов, гор. 22, 46, 86, 133, 247, 259, 358,
497, 511
Льеж (Люттих), гор., Бельгия 139, 169,
182, 183
Лышевичи, дер., Свенцянский у. 244
Люблинская губ. 484, 510
Любомль, м., Владимирский у., Волын-
ская губ. 484
Любонницкое, им., Теребежевская вол.,
Пинский у. 546
Людзиново, им., Дисненский у. 249
Люкяны, им., Подбиржанская вол., Поне-
вежский у. 354
Люттих, см. Льеж
Люцин (Лудза), уездн. гор., Витебская
губ. 589
Люцинский у., Витебская губ. 83, 234, 572,
574, 589, 591, 592
Люшнево, с., Слонимский у. 490
Лясковичи, с., Лясковичская вол., Мозыр-
ский у. 519, 520
Ляцково, им., Векшнянская вол., Шавель-
ский у. 422—424

Мажейки (Мажейкяй), дер., Векшнянская
вол., Шавельский у. 422, 424
Мазурино, им., Дисненский у. 249
Майшегала, см. Мейшагола
Макржицы, им., Свенцянский у. 232
Малое Мажейково, им., Лидский у. 305
Манковичи, им., Виленский у. 242, 251
Манкуны, фольв., Росненский у. 329
Мариамбор, им., Вилкомирский у. 402
Марковщизнянское сельское общество,
Белостокский у. 512
Марсель, гор. 185
Марцинково, им., Витебский у. 579, 580
Марцинполь, им., Люцинский у. 574
Машканское сельское общество, Новоалек-
сандровский у. 405
Медемрод, им., Шавельский у. 405
Медники, им., Шумская вол., Виленский
у. 233, 238

Межево, дер., Волковысский у. 449
Мейшагола (Майшегала), м., Виленский
у. 33
Мейшты, им., Видзская вол., Новоалек-
сандровский у. 332
Мелегов (Милегово), им., Докудовская
вол., Лидский у. 239
Мемель (Клайпеда), гор., Восточная Прус-
сия 21—29, 90, 96, 325
Менженено, дер., Ломжинский у. 181
Микулино, им., Оршанский у. 600
Милегайны (Милейганы), им., Ковенский
у. 36, 334, 335
Миловиды, дер. и почтовая ст., Слоним-
ский у. 494, 497, 507, 508
Мимкла, дер., Сычевский у., Смоленская
губ. 263
Минковцы, дер., Сокольский у. 486
Минск, губ. гор. VIII, XV, XVI, XVIII,
XXV, XXX, XXXII, XXXIII, XXXV,
XXXIX, XLVII, LV, LXIV, LXVI, LXVII,
LXIX, LXX, 28, 48, 52, 76, 80, 88, 89,
94, 116, 118, 133, 143, 145, 147, 165, 222,
241, 264, 413, 490, 511, 515—517, 519—
530, 532, 535—538, 542, 543, 545—547,
553—558, 562, 563, 565, 568, 569, 571, 576,
579, 580, 583, 600
— Комаровка, предместье 547
Минская губ. VII, IX, XIII, XVII, XX,
XXIV, XXVI, XXIX, XXXVI, XXXIX, XL,
XLV, XLIX, LI, LV, LVI, LXI, LXVII,
LXIX, 36, 44, 49, 52, 55, 65, 67, 76, 77, 80,
82, 89, 93, 115, 122, 143, 145, 146, 150,
166, 169, 174, 210, 236, 497, 514, 515,
517—519, 521, 522, 524, 526, 529—
532, 536, 537, 540, 542, 544—547, 550—552,
563, 569, 570, 587, 590, 592, 601, 602, 610
Минский у. 522, 542, 546, 552, 559, 560, 561
Минское воеводство 207, 560, 562, 563
Мирабель, им., Купишская вол., Вилко-
мирский у. 403
Михалишки, м., Ворнянская вол., Вилен-
ский у. 232, 233, 237, 238
Михальки, дер., Гомельский у. 597
Михальковское, им. и дер., Гомельский у.
597
Михальцы, им., Верхняянская вол., Диснен-
ский у. 249
Мишуце (Мишуци), им., Тельшевский у.,
403, 412
Мнюта, им., Плисская вол., Дисненский у.
61
Могилев, губ. гор. XXI, LXIX, 574, 576,
579, 580, 595, 596, 601, 607, 608, 611, 613,
614
Могилевская губ. XX, XXIV, XXXVI, LI,
LXVII, 44, 77, 78, 81, 150, 161, 479, 521,
595, 599, 601, 607, 609—611
Могилевский у. 521, 595, 596, 613
Модлин, см. Новогеоргиевск
Мозырский у., Минская губ. 518, 520, 546,
548, 552
Мозырь, уездн. гор., Минская губ. 517,
518, 531

Молчаджи, м., Слонимский у. 506
 Монастырщина, им., Мстиславский у. 598
 Монтегайлишки (Монтегайлишки), им.,
 Подбиржанская вол., Поневежский у.
 354
 Монтыгайлишское сельское общество, По-
 невежский у. 387
 Мосаржа, им., Дисненский у. 249
 Москва, губ. гор. XXI, XXXII, XLVII,
 LXIII, LXVI, 5, 6, 7, 9—11, 13, 54, 56,
 70, 71, 86, 94, 95, 107, 109, 111, 128, 148,
 173, 174, 187, 205, 213; 216, 217,
 257, 259, 266, 279, 280, 281, 303, 359,
 379, 490, 522, 523, 526, 528, 535
 Московская губ. 1
 Мосты, м., Гродненский у. 499
 Мошино, дер., Старицкий у., Тверская
 губ. 263
 Мстиславский у., Могилевская губ.
 597, 598
 Мусники, дер., Виленский у. 314, 315, 320
 Мышкин, гор., Ярославская губ. 263
 Нарбутовщина, им., Сольская вол.,
 Ошмянский у. 240
 Нарбуты (Нарбутай), дер., Трашкунская
 вол., Вилкомирский у. 402, 403
 Нартовты, им., Жейменская вол., Ковен-
 ский у. 334, 335
 Национы (Национай), дер., Поневежский у.
 396
 Неаполь, гор. 188
 Неважники (Неважники), им., Поневеж-
 ский у. 155
 Недойки, им., Рогачевский у. 600
 Нелюбишки, им., Южинская вол., Ново-
 александровский у. 335, 345, 346
 Неман, р. 28, 47, 158, 181, 341, 343, 347,
 349, 355, 356, 364, 416, 455
 Немиров, м., Подольская губ. 77, 78, 91
 Непряжи, им., Витебский у. 580
 Нерис, см. Вилия
 Несино, им., Лепельский у. 590
 Нешокоць (Нешокоце), им., Шимкайцкая
 вол., Россиенский у. 335
 Нижегородская губ. 1
 Новгородская губ. 4
 Новоалександровск (Зарасай), уезд. гор.,
 Ковенская губ. 88, 91, 352, 382, 392, 393,
 395
 Новоалександровский у., Ковенская губ.
 2, 37, 64, 85, 92, 297, 330, 332, 344—346,
 352, 361, 367, 386, 388, 389, 391—393,
 398, 406
 Нововоля, дер., Белостокский у. 512
 Новогеоргиевск (Модлин), кр., Плоцкий у.
 и губ. 474
 Новогрудок, уезд. гор., Минская губ. 30,
 57, 93, 516, 517, 530—532, 535, 538, 547
 Новогрудский у., Минская губ. VII, XXIV,
 XXXIX, LV, LXIX, 9, 83, 178, 507, 508,
 521, 522, 530, 546, 549, 563, 564, 568, 570,
 571
 Новодницы, м., Белостокский у. 443

Новоместская таможня, Ковенская губ. 28
 Новосады, дер., Тельшевский у. 404
 Новоселки, им., Ошмянский у. 292
 Новоселки, дер., Минская губ. 558
 Новосельская вол., Игуменский у. 545
 Новые Жагоры, корчма, Ковенская губ.
 139
 Новый Двор, им., Дриссенский у. 576
 Ножицкая вол., Виленский у. 322
 Номиков, дер., Сокольский у. 487
 Обеляй, см. Абели
 Овантская вол., Вилкомирский у. 389
 Одахово, м. и им., Скавдвильская вол.,
 Россиенский у. 154, 403, 419, 427
 Одесса, гор. 217
 Озерцы, им., Глубокская вол., Дисненский
 у. 249
 Ойсыны, дер., Россиенский у. 28
 Окунево, им., Глубокская вол., Дисненский
 у. 61
 Олешки, им., Свирская вол., Свенцянский
 у. 245
 Олонекская губ. 43, 390, 570
 Ольховка, ферма, Гольшанская вол.,
 Ошмянский у. 56, 291, 292
 Ольшаны, м., Ошмянский у. 293
 Ольшаны, с., Хорская вол., Мозырский у.
 548
 Опалин, Волынская губ. 484
 Опоце (Опоца), им., Понедельская вол.,
 Новоалександровский у. 335
 Орел, губ. гор. 525
 Оренбург, губ. гор. 117, 212, 215, 230, 550
 Оренбургская губ. 90
 Орловская губ. 1
 Орля, м., Бельский у. 444
 Орша, уезд. гор., Могилевская губ. 601
 Оршанский у., Могилевская губ. 599—601
 Осинородок, м., Козловская вол., Вилен-
 ская губ. 321, 322
 Останковщина, им., Гродненский у. 484
 Остзейский край 115, 148
 Остров, им., Биржанская вол., Поневеж-
 ский у. 405
 Островка, дер., Новоторжский у., Твер-
 ская губ. 263
 Островляны, им., Шеметовская вол., Свен-
 цянский у. 243, 245
 Остроленка, уезд. гор., Плоцкая губ. 181,
 182
 Остроленский у., Плоцкая губ. 182
 Ошмянский у., Виленская губ. 33, 55, 61,
 171, 240, 242, 263, 264, 289, 293, 315,
 317
 Ошмяны, уезд. гор., Виленская губ. 3, 54,
 91, 122, 284—287, 290—294
 Павлиново, им., Лясковичская вол., Мо-
 зырский у. 519, 520
 Панамский перешеек 188
 Паневежис, см. Поневеж
 Паньковское сельское общество, Бельский
 у. 512

- Папернянская вол., Минский у. 522, 546
 Папина, им., Ковенская губ. 23
 Парагауде, см. Погое
 Париж, гор. XVII, XXXIV, XLIX, LXV, 21—26, 30, 39, 40, 54, 56, 81, 82, 87, 95, 96, 116, 148, 172, 173, 183, 184, 186, 187, 212, 215, 217, 259, 277, 284, 523, 531, 544, 548, 591
 Парово, им., Велионская вол., Ковенский у. 330, 338, 339
 Парфяновичи, им., Волковысский у. 447, 449
 Пенчин, дер., Гомельский у. 597
 Пермская губ. 260, 489, 570, 571
 Пернарово, им., Эйрагольская вол., Ковенский у. 345
 Пески, м., Волковысский у. 449
 Песляковщина, им., Мстиславский у. 598
 Пестуница, с., Витебский у. 580
 Петербург, С.-Петербург, гор. X, XVII, XXVII, XXXIII, XLII, XLVIII, XLIX, LVIII, LXIV, LXV, LXIX, LXX, 8—10, 32, 47, 51, 53, 56, 70, 71, 78, 79, 81, 94—96, 102, 106, 108—110, 112, 113, 118, 120, 124, 128, 148, 150, 172—175, 187, 198, 211—217, 259, 280, 282, 284, 297, 300, 302—305, 318, 350, 353, 357, 379, 390, 391, 397—400, 440, 456, 484, 521, 522, 524, 536, 537, 559, 560, 572, 574, 582, 601, 605, 610, 613
 — Васильевский остров 11
 — Малая Нева 11
 — Малый проспект 11
 Петербургская губ. 1
 Петербургско-Варшавская ж. д. 212, 215, 262
 Петровичи, дер., Смиловичская вол., Игуменский у. 558
 Петрозаводск, губ. гор. Олонецкая губ. 90, 369, 518, 532
 Пикели (Пикеляй), м., Жидыковская вол., Тельшевский у. 414
 Пинск, уездн. гор., Минская губ. 76, 89, 93, 537, 538
 Платели (Платели), им., Гинтелишская вол., Тельшевский у. 403
 Плища, им., Волковысский у. 447, 449
 Плотельская вол., Тельшевский у. 421
 Плоцкий у. 182
 Плунгяны (Плунгес), м. и им., Плунгянская вол., Тельшевский у. 410—415
 Плывчи, дер., Витебская губ. 586
 Повенец, гор., Олонецкая губ. 56
 Погамани, дер., Векшнянская вол., Шавельский у. 429
 Погое (Парагауде), им., Новоалександровский у. 25
 Подайчевское сельское общество, Поневежский у. 387
 Подбиржанская вол., Поневежский у. 387
 Подбржезе, им., Овантская вол., Вилкомирский у. 154, 156, 430, 431
 Подгайчи, им., Подбиржанская вол., Поневежский у. 354
 Подляское воеводство 510
 Подольская губ., Подолия 4, 6, 7, 24, 41, 44, 77, 78, 81, 87, 116, 146, 150, 222, 610
 Подоресье, им., Горьковская вол., Бобруйский у. 546
 Подороск, дер., Волковысский у. 478
 Познань, гор. 21, 46, 54, 224, 472
 Полевичева Буда, им., Мстиславский у. 598
 Полепе (Полепи), им., Вилкомирский у. 28, 332, 345, 371
 Полесье, им., Кукутишская вол., Свенцянский у. 232, 239
 Полесье 562
 Полонечка, им. Жуховичская вол., Новоградский у. 548, 549
 Полоцк, уездн. гор., Витебская губ. 583
 Полоцкий у., Витебская губ. 590
 Полтавская губ. 305
 Поляны, им., Вишневская вол., Свенцянский у. 232, 239
 Помпаны, им., Поневежский у. 376
 Помуше, им., Поневежский у. 335, 385, 386, 405
 Поневеж (Паневежис), уездн. гор., Ковенская губ. 74, 76, 343, 354, 372—378, 382, 397—399, 403
 Поневежский у., Ковенская губ. 1, 35, 85, 92, 113, 149, 158, 345, 354, 355, 372, 375—377, 386, 389, 393, 396, 398
 Понемунь, с., Мариампольский у. 357
 Понемунь, им., Поневежский у. 355
 Понемунь, им., Чадоская вол., Новоалександровский у. 405
 Понемунское сельское общество, Поневежский у. 387
 Понятыча, им., Вилейский у. 241
 Попеле (Попель), им., Попельская вол., Новоалександровский у. 388, 392, 393, 395
 Попелова, им., Константиновская вол., Россиенский у. 28
 Поповка, им., Гомельский у. 597
 Попортская вол., Трокский у. 303
 Порс, им., Вилейский у. 240
 Повставы, им., Повставская вол., Дисненский у. 249, 251
 Поцевичи, им., Волковысский у. 447
 Поцонеляй, м., Вилкомирский у. 431
 Поюра (Поюры), им., Россиенский у. 23
 Праснышский у., Плоцкая губ. 182
 Прибытки, им., Гомельский у. 597
 Припять, р. 520
 Промедзиново (Промедзово), фольв., Манкунская вол., Россиенский у. 329
 Прудовка, им., Гомельский у. 596
 Пружанский у., Гродненская губ. 84, 435, 497, 507, 509
 Пруссия 21, 26, 28, 81, 95, 117, 181—183, 186, 223
 Прушин, им., Люблинская губ. 462
 Птичь, им., Старосельская вол., Минский у. 559
 Пустынь, им., Дриссенский у. 576

Радовичи, дер., Брестский у. 472
 Радунь, дер., Мирская вол., Новогрудский у. 522
 Райгород, м., Августовский у. 181, 183
 Рапперсвиль, м., Швейцария 188
 Расейня, см. Россиены
 Расно, дер., Свенцянский у. 239
 Раткуны, им., Кветковская вол., Новоалександровский у. 332
 Рачуны, им., Сольская вол., Ошмянский у. 240
 Ревель (Таллин), губ. гор., Эстляндская губ. 69
 Режица, уездн. гор., Витебская губ. 139
 Режицкий у., Витебская губ. 83, 84, 234, 574, 576, 581
 Речица, уездн. гор., Минская губ. 539
 Речицкий у., Минская губ. 521, 522, 552
 Рига, губ. гор., Лифляндская губ. 67, 69, 115, 148, 189, 393, 394, 400, 401
 Рижско-Динабургская ж. д. 138
 Рим, гор. 101, 105, 106, 133, 190, 201
 Рогачев, гор., Могилевская губ. 610
 Рогачевский у., Могилевская губ. 78, 89, 596, 597, 599—601, 607—611
 Рогово, дер., Белостокский у. 512
 Рона, р., Франция 185
 Россиенский у., Ковенская губ. VII, XXIV, XXXIX, LV, 22, 27—29, 35, 85, 156, 325, 328, 330, 331, 335, 360, 363, 391, 408, 409, 414, 419, 426, 427
 Россиены (Расейня), уездн. гор., Ковенская губ. 62, 63, 378, 408
 Ростыняне, им., Мейшагольская вол., Виленский у. 238
 Рошель (Ля Рошель), гор., Франция 185
 Рудня, дер., Гомельский у. 597
 Ружаносток, м., Сокольский у. 451, 452
 Рускулов, им., Люцинский у. 574
 Русский Боратынец, дер., Бельский у. 461
 Руткевичи, им., Виленский у. 313
 Рывице, дер., Векшнянская вол., Шавельский у. 422—424
 Рымдауги, им., Подбиржанская вол., Поневежский у. 355
 Рымдаугское сельское общество, Поневежский у. 387
 Рымдзюны (Римдзюны), Ворнянская вол., Виленский у. 233
 Савейки, им., Дриссенский у. 575, 576
 Савичи, дер., Вишневецкая вол., Ошмянский у. 293
 Садзюнское сельское общество, Новоалександровский у. 405
 Салантовская вол., Поневежский у. 387
 Саланты, им., Салантовская вол., Тельшевский у. 412, 414
 Самарская губ. 1
 Самойловичи, им., Волковысский у. 447, 449
 Сани, дер., Ломжинский у. 188
 С.-Петербург, см. Петербург
 Саприновичи, им., Мстиславский у. 598

Саткуны, дер., Попельская вол., Новоалександровский у. 395
 Свенцянский у., Виленская губ. 34, 55, 83, 161, 171, 174, 233, 236, 239, 242, 285
 Свенцяны, уездн. гор., Виленская губ. 76, 91, 168, 231, 239, 284—286, 291, 299, 323
 Свирь, м. Свенцянский у. 231
 Свислочь, им., Гродненский у. 468, 491, 495
 Свядосци, им. Овантская вол., Видкомиский у. 335, 346
 Севастополь, гор. 128, 590
 Семеновка, дер., Гродненский у. 484, 485
 Семятичи, м., Бельский у. 461, 482
 Сенненский у., Могилевская губ. 599, 612, 613
 Сеножанское, им., Гомельский у. 596
 Серенчаны, им., Комайская вол., Свенцянский у. 232, 239
 Сибирь 118, 121, 130, 150, 199, 209, 212, 215, 223, 526, 543, 547, 570, 590
 Сидорово, дер., Новоторжский у., Тверская губ. 263
 Синело, дер., Пережирская вол., Игуменский у. 553
 Скавдвилли, м., Скавдвильская вол., Россиенский у. 327, 328, 427
 Скидель, м., Гродненский у. 41, 499
 Скиндзерское сельское общество, Сокольский у. 459
 Скирстымонь, м., Юрбургская вол., Россиенский у. 360
 Скорбяки, с., Сокольский у. 486, 489
 Скоруп, с., Гродненский у. 473, 474
 Скрыгалово, им., Слободско-Скрыгаловская вол., Мозырский у. 519
 Сливна, им., Белостокский у. 462, 463
 Слинки, им., Петриковская вол., Мозырский у. 519, 520
 Слобода, им., Вилейский у. 241
 Слоним, уездн. гор., Гродненская губ., 37—41, 62, 436, 438, 468, 478, 503, 505, 509
 Слонимский у., Гродненская губ. 37, 62, 84, 133, 436, 437, 468, 477, 490—492, 494, 495, 497, 501—504
 Слуцк, уездн. гор., Минская губ. 76, 77, 507, 522, 527, 530, 536, 537
 Слуцкий у., Минская губ. 530, 544, 561
 Смоленская губ. 4
 Смоляны, им., Лепельский у. 579
 Сморгонь, м., Ошмянский у. 279
 Соколка (Сокулка), уездн. гор., Гродненская губ. 438, 455, 488, 490, 493
 Сокольский у., Гродненская губ. 62, 133, 437, 450, 452, 468, 485—487, 490, 492, 493, 495—497, 499, 501—503
 Солечники, м., Ошмянский у. 263
 Соломейская вол., Поневежский у. 397, 400
 Солтановское, им., Ровено-Слободская вол., Речицкий у. 522
 Соля, им., Сольская вол., Ошмянский у. 240
 Соржцы, дер. и им., Сенненский у. 612, 613

Спягла (Спягло), им., Вишневская вол.,
Свенцянский у. 232, 235, 239, 245
Старлыги, дер., Свенцянский у. 243
Старое Рыково, им., Режицкий у. 574
Стволовичи, им., Стволовичская вол., Но-
вогрудский у. 546
Стокгольм, гор. 169
Струбица, им., Волковысский у. 447, 449
Стрышунь, дер., Трокский у. 262
Стшельцовизна, дер., Сейнский у. 188
Суваики, губ. гор., Августовская губ. 20,
181, 347
Судейки, м., Вилкомирский у. 418
Судейская вол., Вилкомирский у. IX,
XXIV, XLI, LVII, 417, 418
Судаче, дер., Куховольская вол., Пин-
ский у. 516, 546, 551
Сураж, гор., Белостокский у. 499, 504
Сурвиллишки, м., Сурвиллишская вол., Ко-
венский у. 28
США, V, XXIII, XXXVII, LIV
Таборишки, им., Ильинская вол., Вилен-
ский у. 233, 238
Таврогины, им., Таврогинская вол., Ново-
александровский у. 405
Тавруево, дер., Новоторжский у., Твер-
ская губ. 263
Тадулино, им., Остромицко-Городецкая
вол., Минский у. 546
Таллин, см. Ревель
Тальгейм (Гинейтышки), им., Подбержан-
ская вол., Поневежский у. 355
Тамбов, губ. гор. 91, 443
Тамбовская губ. 43, 522
Тарасевичи, дер., Вишневская вол., Свен-
цянский у. 244
Тарту, см. Дерпт
Тауроен (Таурге), м., Россиенский у.
428
Тверская губ. 1, 353, 354
Текломир, им., Вишневская вол., Свен-
цянский у. 232
Тельшевский у., Ковенская губ., VI, XXIII,
XXXVIII, LIV, 62, 212, 360, 404, 410, 414,
420
Тельши (Тельшай), уездн. гор., Ковенская
губ. 88, 91, 325, 358—360, 362, 365, 366,
383, 413, 414, 416, 420
Тересбор, см. Кнеби
Тересполь, им., Ковенский у. 335
Тикоци, м., Белостокский у. 181, 442
Тильзит, гор., Восточная Пруссия, 24, 183,
325
Тимановка, им., Ямпольский у., Подоль-
ская губ. 85
Тобольск, гор. 75, 158
Томская губ. 512
Торунь, гор. 183
Тракай, см. Троки
Трестино, им., Климовичский у. 600
Троки (Тракай, уездн. гор., Виленская
губ. 23, 284, 291
Трокский у., Виленская губ. 34, 122, 124,
202, 208, 209, 241, 262

Тулово, им., Витебский у. 580
Тулонка, дер., Новогрудский у. 522
Тульники, дер., Векшнянская вол., Ша-
вельский у., 422, 424
Тульская губ. 1
Туржанская, ст., Ковенский у. 363
Турлы, им., Ворнянская вол., Виленский у.
232, 237
Туроснь-Дольный, Белостокский у. 463
Тылгемское сельское общество, Поне-
вежский у. 387
Тымянки, дер., Токарская вол., Брест-
ский у. 490
Уваровичи, дер., Гомельский у. 597
Укмерге, см. Вилкомир
Усвеи, им., Лепельский у. 578
Утена, см. Уцяны
Уфа, уездн. гор., Оренбургская губ. 156,
163
Уцяны (Утена), м., Вилкомирский у. 393,
394
Ушачи, м., Лепельский у. 578
Финляндия 94, 95, 559
Франкфурт, гор. 117
Франция V, XII, XXII, XXVIII, XXXVII,
XLIII, LIII, LIX, 108, 112, 170, 178, 185,
523, 531
Фреда, см. Дольный Фред
Фридрихсштатт, гор., Курляндская губ.
57, 138, 139
Футоранка, дер., Гомельский у. 597
Харьковская губ. 1
Хвейданы, м. и им., Россиенский у. 21—
25, 414
Хволейне, м., Благовещенская вол., Ша-
вельский у. 35, 343
Хелм, гор., Люблинская губ. 483
Хобенское, им., Автутевичская вол., Ре-
чицкий у. 522
Хорош, им., Белостокский у. 463, 465—
467
Хорошанская вол., Белостокский у. 511
Царское село, гор., Петербургская губ. 53
Целяково, им., Погорельская вол., Игумен-
ский у. 522
Цехановишки, им., Решанская вол., Вилен-
ский у. 238
Цирклишки, им., Михайловская вол., Свен-
цянский у. 232, 239
Цитованская вол., Россиенский у. 409
Цитованы, м., Шидловская вол., Россиен-
ский у. 410
Чартаево, дер., Семятицкая вол., Бель-
ский у. 482, 483
Чартаевское сельское общество, Бель-
ский у. 482
Чаусский (Чаусовский) у., Могилевская
губ. 599
Чемел, почтовая ст., Гродненская губ. 494

Червоный Двор, им., Ковенский у. 344, 345
Чериковский у., Могилевская губ. 599
Черниговская губ. 479
Чернявка, им., Климовичский у. 599
Черняк, дер., Бельский у. 435
Чехи, им., Быстрицкая вол., Виленский у. 232
Чурилово, им., Оршанский у. 600
Чурляоны, им., Вишневская вол., Свенцянский у. 232, 244, 245
Шавельский у., Ковенская губ. 85, 330, 368, 371, 409, 410, 41Е, 422, 428
Шавкоты, им., Шидловская вол., Россиенский у. 419
Шавли (Шяуляй), уездн. гор., Ковенская губ. 368, 410, 413, 423
Шалтупе, им., Августовский у. 28
Шатрово, им., Дриссенский у. 576
Швейцария 185
Шейняки, дер., Слонимский у. 477, 478
Шеметово (Шеметовщина), м. и им., Шеметовская вол., Свенцянский у. 231—236, 239, 242, 245
Шетекшна, им., Понемунская вол., Ново-александровский у. 344, 346
Шеффилд, гор., Англия 79, 86
Шидлово, м., Шидловская вол., Россиенский у. 360, 366, 410
Шкудское сельское общество, Тельшевский у. 381, 382
Шлейдеришки, дер., Биржанская вол., Поневежский у. 401
Шлейдеришское сельское общество, Поневежский у. 355
Шостаки, им., Тимковичская вол., Слуцкий у. 544, 545

Шостаковское сельское общество, Слуцкий у. 545
Шумск, им., Шумская вол., Виленский у. 233, 238
Шукишки, им., Жижморская вол., Трокский у. 320
Шяуляй, см. Шавли
Шитниково, дер., Новоторжский у., Тверская губ. 263

Эйдкунен, м., Восточная Пруссия 24

Юдейки, дер., Тельшевский у. 411
Юдраны, им., Константиновская вол., Россиенский у. 26, 27
Юзефин, им., Березовская вол., Мозырский у. 546
Юкайне (Юкойни), им., Россиенский у. 335
Юльяново, им., Дриссенский у. 575, 576
Юрадзишки, им., Ошмянский у. 264
Юрбург (Юрбаркас), м., Россиенский у. 360, 365
Юцуны, им., Жейменская вол., Ковенский у. 334, 335
Явойшишк, им., Ковенский у. 33Е
Язовки, дер., Порховский у., Псковская губ. 263
Язово, им., Виленский у. 233
Якуне, им., Ошмянский у. 264
Якунское сельское общество, Ошмянский у. 315
Якушовка, им., Гродненский у. 478, 494
Ярославль, губ. гор. 29, 74, 90, 96
Ярославская губ. 1, 43
Ясеновка, дер., Брестский у. 472
Ясногурка (Короново), им., Ясвойская вол., Ковенский у. 28, 334, 335

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Журнал «Единство» № 1	99
Александр Оскерко	119
Францишек Далевский	121
«Мужицкая правда»	125
Газета «Знамя свободы» № 1	141
Якуб Гейштор	159
Нестор Дюлеран	167
Эдмунд Вериго	198
Александр Зельверович	248
Виленский кафедральный собор	254
Бенедикт Дыбовский	258
Острая Брама	265
Номера «Колокола», распространявшиеся в западных губерниях	421
Бронислав Шварце	464
Кружок поэта В. Дунина-Марцинкевича	540

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	V
Список использованных фондов	LXIX
Список сокращений	LXXI
Общий раздел	1
Виленская губерния	218
Ковенская губерния	325
Гродненская губерния	432
Минская губерния	514
Витебская губерния	572
Могилевская губерния	595
Хронологический перечень документов	615
Указатель имен	633
Указатель географических наименований	693
Список иллюстраций	705

TURINYS

Pratarmė	V
Panaudotų fondų sąrašas	LXIX
Santrumpų sąrašas	LXXI
Bendrasis skyrius	1
Vilniaus gubernija	218
Kauno gubernija	325
Gardino gubernija	432
Minsko gubernija	514
Vitebsko gubernija	572
Mogilevo gubernija	595
Chronologinis dokumentų sąrašas	615
Pavardžių rodyklė	633
Geografinių vardų rodyklė	693
Ilustracijų sąrašas	705

З М Е С Т

Прадмова	V
Спіс выкарыстаных фондаў	LXIX
Спіс скарачэнняў	LXXI
Агульны раздзел	1
Віленская губерня	218
Ковенская губерня	325
Гродзенская губерня	432
Мінская губерня	514
Віцебская губерня	572
Магілёўская губерня	595
Храналогічны пералік дакументаў	615
Пакальнік імен	633
Геаграфічны паказальнік	693
Спіс ілюстрацый	705

T R E S C

Przedmowa	V
Wykaz wykorzystanych zespołów archiwalnych	LXIX
Wykaz skrótów	LXXI
Rozdział ogólny	1
Gubernia wileńska	218
Gubernia kowieńska	325
Gubernia grodzieńska	432
Gubernia mińska	514
Gubernia witebska	572
Gubernia mohylewska	595
Chronologiczny wykaz dokumentów	615
Indeks imion	633
Indeks geograficzny	693
Spis ilustracji	705

**Революционный подъем 1861—1862 гг.
в Литве и Белоруссии**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Ведущий редактор *И. И. Костюшко*
Редактор издательства *Л. М. Алексеева*
Технические редакторы *Т. В. Полякова, И. Н. Дорохина*
Корректор *В. К. Гарди*

Сдано в набор 9/III 1964 г.
Подписано к печати 4/VII 1964 г. Формат 70 × 90^{1/16}.
Печ. л. 49,75. Усл. печ. л. 58,21.
Уч.-изд. л. 64,6. Тираж 1500 экз. Темплан 1964 г. № 40.
Изд. № 2383. Тип. зак. № 5100.

Цена 1 р. 85 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства «Наука»,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10